Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим

БИОГРАФИЯ

CORPUS

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иерусалим — один из древнейших городов Земли, центр мироздания, столица двух народов и святыня трех авраамических религий, каждая из которых считает город площадкой, на которой разыграется мистерия Судного дня. История Иерусалима — это мировая история в миниатюре, тысячелетний эпос, среди авторов которого царь Давид и пророк Исайя, Иуда Маккавей и Иисус Христос, император Юстиниан и султан Сулейман, грешники и святые, строители и разрушители… Автор книги Саймон Себаг Монтефиоре, потомок знаменитого еврейского филантропа (улица Монтефиоре есть, вероятно, в каждом городе Израиля), превращает этот величественный эпос в захватывающий рассказ, вплетая в ткань популярного исторического исследования нить собственной семейной легенды.

- Саймон Себаг Монтефиоре
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Благодарности
  - ○ Об именах и названиях и об их транслитерации
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая. Иудаизм
    - ■ 1. Мир Давида
    - ■ 2. Возвышение Давида
    - ■ 3. Царство и храм
    - ■ 4. Цари иудейские
    - ■ 5. Блудница вавилонская
    - ■ 6. Персы
    - ■ 7. Македоняне
    - ■ 8. Маккавеи
    - ■ 9. Пришествие римлян
    - ■ 10. Иродиады
    - ■ 11. Иисус Христос
    - ■ 12. Последние из дома Ирода
    - ■ 13. Иудейские войны: гибель иерусалима
  - ○ Часть вторая. Язычество
    - ■ 14. Элия Капитолина
  - ○ Часть третья. Христианство
    - ■ 15. Апогей византии
    - ■ 16. Закат византийцев: персидское вторжение
  - ○ Часть четвертая. Ислам

- 17. Арабское завоевание
- 18. Омейяды: восстановленный храм
- 19. Аббасиды: отдаленные властители
- 20. Фатимиды: терпимость и безумие

○ Часть пятая. Крестоносцы
- 21. Бойня
- 22. Рассвет Заморья
- 23. Золотой век Заморья
- 24. Безвыходное положение
- 25. Прокаженный король
- 26. Саладин
- 27. Третий крестовый поход: Саладин и Ричард
- 28. Династия Саладина

○ Часть шестая. Мамлюки
- 29. Невольник султана
- 30. Закат мамлюков

○ Часть седьмая. Османы
- 31. Великолепие Сулеймана
- 32. Мистики и мессии
- 33. Иерусалимские кланы

○ Часть восьмая. Империя
- 34. Наполеон в святой земле
- 35. Новые романтики: Шатобриан и Дизраэли
- 36. Албанцы
- 37. Евангельские проповедники
- 38. Новый город
- 39. Новая религия
- 40. Арабский город, имперский город
- 41. Русские

○ Часть девятая. Сионизм
- 42. Кайзер
- 43. Иерусалимский лютнист
- 44. Мировая война
- 45. Великое арабское восстание и декларация бальфура
- 46. Рождественский подарок
- 47. Победители и трофеи
- 48. Британский мандат
- 49. Арабское восстание
- 50. Грязная война
- 51. Еврейская независимость, арабская катастрофа
- 52. Разделенные
- 53. Шесть дней

- Эпилог
- Приложения
  - Генеалогия
- Библиография
  - Избранная библиография на русском языке
  - Избранная библиография на иностранных языках
  - Статьи в периодических научных изданиях
  - Монографии и статьи в сборниках
- Вкладка

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253

- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297

- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314

Саймон Себаг Монтефиоре
Иерусалим. Биография

© Simon Sebag Montefiore, 2011
© И. Павлова, перевод на русский язык, 2012, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
© Издательство CORPUS

* * *

Моей дорогой дочери Лили Батшебе

Иерусалим — это история мира; и даже больше: это история неба и земли.

Бенджамин Дизраэли. Танкред

Многое пережил Иерусалим. Город был разрушен, отстроен, разрушен и вновь отстроен. Иерусалим — это старая нимфоманка, которая с широким зевком стряхивает с себя одного любовника за другим, предварительно выжав их до конца. Это паучиха, разрывающая в клочья тех, кто ею овладевает, прежде чем они успевают оторваться от нее.

Амос Оз. Повесть о любви и тьме

Эрец-Исраэль посредине мира. / А Иерусалим в самом центре Эрец-Исраэль. / Храм посредине Иерусалима, / Святая Святых в центре Храма, / Ковчег Завета

посредине Святая Святых, /А под Ковчегом — Краеугольный камень, / На котором основан мир.

Мидраш Танхума. Кедошим 10

Святилище мира — Сирия; святилище Сирии — Палестина; святилище Палестины — Иерусалим; святилище Иерусалима — Скала; святилище Скалы — место богопочитания; святилище места богопочитания — Купол Скалы.

Таур ибн Язид. Фадаиль

Иерусалим — самый прославленный город. Но есть у Иерусалима и недостатки. И потому о нем говорят: «Иерусалим — это золотой кубок, полный скорпионов».

Мукаддаси. Описание Сирии, включая Палестину

Предисловие

История Иерусалима — это в определенном смысле история всего мира, но одновременно это и хроника провинциального городка, затерянного среди холмов Иудеи и не раз на протяжении веков терпевшего лишения и невзгоды. Иерусалим издавна считался центром мироздания, и сегодня это определение кажется едва ли не более уместным, чем когда-либо прежде. Поле битвы трех авраамических религий, желанный трофей для набирающих силу христианских, иудейских и исламских фундаменталистов; арена столкновения цивилизаций, линия фронта, проведенная между атеизмом и верой, точка магнетического притяжения тысяч людей; излюбленный объект для конспирологических спекуляций и интернет-мифотворчества, залитая светом софитов авансцена, на которую 24 часа в сутки нацелены камеры всех новостных агентств мира, — все это Иерусалим. Религиозные и политические противоречия пересекаются и подпитывают друг друга, а медиа помогают удерживать Иерусалим в фокусе столь пристального внимания, которым он не пользовался никогда на протяжении своей истории.

Иерусалим — Святой город, но при этом он всегда был и остается гнездом суеверий, религиозного шарлатанства и фанатизма; вожделенной целью империй — пусть он и не имеет никакого стратегического значения; космополитическим приютом множества общин, каждая из которых считает, что Иерусалим принадлежит лишь ей одной. Этот город носил и носит множество разных имен, но каждая религиозная традиция настолько фанатична в своем самоутверждении, что не приемлет никакую иную. Этот город настолько утончен и изощрен, что священные иудейские тексты иногда именуют его в женском роде, уподобляя Иерусалим то чувственной красавице, то бесстыдной блуднице, а иногда — уязвленной принцессе, покинутой своими возлюбленными.

Иерусалим — город Единого Бога, столица двух народов, святыня трех религий. И это единственный город, существующий одновременно в двух измерениях — на земле и в Небесах, и даже несравненная красота земного города меркнет рядом со славой и величием Града Небесного. Эта двойственная природа означает, что Иерусалим в принципе может существовать где угодно: разнообразные «Новые Иерусалимы» не раз возникали в самых разных уголках света, и каждый из них демонстрирует собственное представление о Небесном Граде. Пророки и

патриархи, Авраам, царь Давид, Христос и Мухаммед ступали, как говорят, по этим камням. Здесь зародились авраамические религии, и здесь же в Судный день мир земной придет к своему концу.

Иерусалим, священный город для народов Книги, и есть город Книги: Библия во многих смыслах представляет собой семейную хронику Иерусалима, а ее читатели — от иудеев и первых христиан до мусульманских завоевателей, крестоносцев и современных американских евангелических проповедников — не раз пытались перекроить историю города, чтобы исполнились библейские пророчества. Когда Библию перевели на греческий язык, на латынь, а затем и на другие языки, она стала всемирной Книгой, а Иерусалим стал принадлежать всем. Каждый могущественный правитель стал царем Давидом, каждый великий народ мнил себя новым народом Израиля, а каждая величественная цивилизация воображала себя новым Иерусалимом — городом, который не подвластен никому (хотя каждый из нас воображает его своим личным достоянием). В этом заключена трагедия Иерусалима и одновременно магия его притяжения: каждый, кто мечтал об Иерусалиме, каждый его гость во все времена готовится увидеть город подлинно древний, самобытный и неповторимый, и испытывает горькое разочарование, увидев Иерусалим реальный — изменчивый, знавший времена расцвета и упадка, многократно разрушенный и отстроенный заново. Но коль скоро речь идет об Иерусалиме, всеобщем достоянии, то каждый считает свое видение и восприятие единственно верным; а коль скоро реальность не отвечает нашим ожиданиям, то реальность следует изменить: наделить реальный Иерусалим чертами, существующими исключительно в нашем воображении. И многие пытались сделать это — увы, очень часто огнем и мечом.

Ибн Хальдун, арабский историк XIV века, свидетель и участник некоторых событий, описанных в этой книге, говорил о важности истории для всех без исключения: «Обычные люди стремятся познать ее, цари и правители соперничают за то, чтобы войти в нее». Это особенно верно в случае Иерусалима. Невозможно написать биографию этого города без осознания того, что Иерусалим — место силы мировой истории, ее краеугольный камень, самая ее суть. В наш век, когда правит бал интернет-мифология, а в арсенал фундаменталиста наряду с кривой саблей входит суперсовременная компьютерная мышь, установление исторических фактов — дело еще более важное, чем во времена Ибн Хальдуна.

Писать историю Иерусалима — значит погрузиться в

исследования сущности святости. Слова «Святой город» слышны всякий раз, когда произносящий их хочет подчеркнуть свое благоговейное отношение к святыне, однако у этих слов есть и более глубокий смысл: они подразумевают, что Иерусалим есть главное место на Земле для общения между Богом и человеком.

И нам предстоит ответить на вопрос: почему из всех поселений мира подобная роль досталась именно Иерусалиму? Ведь этот городок, стоящий среди негостеприимных скалистых обрывов, удален от главных торговых путей Средиземноморья и страдает от нехватки воды, летом его безжалостно палит солнце, а зимой он стынет под порывами ледяного ветра. Однако выбор Иерусалима в качестве города-Храма был и результатом сознательных личных решений, и естественным эволюционным процессом: чем дольше этот город почитался святым, тем более упрочивалась его святость. Ведь святость — это не только вопрос духовности и веры, она должна быть общепризнанна, легитимна и опираться на ту или иную традицию. Радикальный пророк, несущий в мир новую благую весть, должен истолковать значение минувших столетий и оправдать собственное откровение на понятном каждому языке и в контексте сакральной географии — мест, где прозвучали более древние пророчества, мест, которые давным-давно почитаются святыми. Ничто не заостряет святость места больше, чем оселок новой религии.

Многих атеистов, посещающих Иерусалим, его пресловутая святость отталкивает, они видят в ней лишь прилипчивое суеверие, одно из проявлений ханжеской набожности, которой болен этот город. Но думать так — значит отрицать насущную и глубокую потребность людей в религии, без которой невозможно понять Иерусалим. Религия призвана объяснить мимолетные радости и бесконечные страхи, которые смущают и сбивают с толку людей. Нам необходимо ощущать присутствие некой Силы, превосходящей нашу собственную. Мы уважаем смерть и уже давно стремимся постигнуть ее смысл. И как место встречи Бога и человека Иерусалим мыслится именно той точкой, где эти вопросы должны разрешиться, когда наступит Конец света, последняя битва между Христом и Антихристом; когда Кааба будет перенесена сюда из Мекки; когда мертвые воскреснут с приходом Мессии, который установит Царство Небесное — новый, Горний Иерусалим.

Все три авраамические религии верят в то, что наш мир конечен. Лишь детали разнятся в концепциях различных конфессий и общин. Атеисты могут считать апокалипсис древней возвышенной выдумкой, но следует признать: апокалиптические идеи сегодня более чем актуальны. В век иудейского,

христианского и мусульманского фундаментализма вера в апокалипсис становится просто одним из инструментов мировой политики.

Смерть — наш постоянный спутник: многие столетия паломники приходили в Иерусалим, чтобы умереть здесь и быть похороненными у Храмовой горы или на Масличной горе, чтобы первыми восстать из могил, когда ангел протрубит конец мира. Приходят они сюда за тем же и ныне. Иерусалим окружен кладбищами и стоит на кладбищах; здесь поклоняются мощам древних святых: иссохшая, почерневшая рука Марии Магдалины до сих пор выставлена в греческой части церкви Гроба Господня. Многие святилища, даже многие частные дома стоят среди могил. Но мрачность этого города мертвых демонстрирует не только изрядную долю некрофилии, но и своего рода некромантию: ведь мертвые здесь — почти живые, пусть они еще только дожидаются воскресения. Вечная борьба за Иерусалим — все эти массовые убийства, хаос, войны, террор, осады и катастрофы — превратила этот город в поле битвы, или, по словам Олдоса Хаксли, в «скотобойню религий». Флобер уподоблял город «склепу», Мелвилл — черепу, осажденному «армией мертвецов», а Эдвард Саид вспоминал, что его отец ненавидел Иерусалим, потому что тот «напоминал ему о смерти».

В истории этого святилища Небес и земли не всегда удается усмотреть последовательную волю Провидения. Великие религии внезапно для окружающих рождались из искр, высеченных харизматическим пророком — Моисеем, Иисусом или Мухаммедом. Гигантская империя строилась в одночасье, а неприступный город бывал стерт с лица земли волей и удачливостью одного энергичного полевого командира. Решения личностей, начиная с царя Давида, и сделали Иерусалим Иерусалимом.

Вероятность того, что крошечная цитадель Давида, столица маленького царства, превратится в путеводную звезду для всего мира, была, безусловно, невелика. И по иронии истории именно разрушение Иерусалима Навуходоносором заложило почву для создания Святого города, потому что эта катастрофа побудила евреев начать записывать свою историю и воспевать лучезарную красоту Сиона. Подобные катаклизмы в древности обычно приводили к полному исчезновению побежденного народа, но поразительная жизнестойкость евреев, их неизменная преданность своему Богу, а главное — то, что они записали в Библии свою версию истории, — все это заложило основу славы Иерусалима. Библия заменила евреям и государство, и Храм и стала, по слову Генриха Гейне, «переносным отечеством» иудеев,

их «переносным Иерусалимом». Ни у какого другого города не было собственной Книги, и никакая книга не предопределила в такой степени судьбу какого-либо города.

Идея святости Иерусалима произросла из идеи об исключительности евреев как избранного народа. Иерусалим стал избранным городом, Палестина — Землей Обетованной, и эта концепция исключительности была затем унаследована христианами и мусульманами. Святость Иерусалима и Палестины скоро стала общепризнанной и отразилась в идее возвращения евреев в Израиль, поддержанной сионистским энтузиазмом Запада — одержимость этой идеей нарастала в Европе со времен Реформации и вплоть до 1970-х годов. После этого трагический поворот истории палестинцев, для которых Иерусалим занял место их Потерянного рая, изменил восприятие Израиля в мире. И западная фиксация на том, что этот город принадлежит всем одновременно, оборачивается для него и благословением, и проклятием. Сегодня эта одержимость выражается в небывало пристальном внимании к Иерусалиму и палестино-израильскому конфликту: он вызывает гораздо большее эмоциональное напряжение, чем любой другой конфликт на земле.

Но не все так просто, как кажется. История часто видится как поступательное движение, в котором периоды прогресса сменяются временами жестокой реакции. А я хотел бы показать, что Иерусалим — это город преемственности и сосуществования, гибридная столица, в которой среди разномастной архитектуры живут перемешавшиеся между собой народы, которые трудно распределить по жестким категориям, что бы ни говорили тут древние религиозные предания и националистические нарративы более поздних времен. Потому я и пытаюсь, когда это возможно, прослеживать историю Иерусалима через историю династий, родов, семейств и кланов: от Дома Давида до Маккавеев и Иродиадов; от Омейядов к династиям крестоносцев и дому Саладина, к семействам Хусейни, Халиди, Спаффордов, Ротшильдов и Монтефиоре.

Такой подход позволяет органически отобразить течение обычной жизни, которая не любит резкого деления на периоды, скучает без ярких деталей и редко бывает беспристрастна. Но Иерусалим — это вовсе не противостояние двух разных культур; это множество культур, наложившихся одна на другую и сплетенных воедино: тут и православные арабы, и арабы-мусульмане, и евреи-сефарды, и ашкеназы, и харедим (религиозные евреи), принадлежащие, в свою очередь, к великому множеству разных «дворов». Тут и светские евреи, и армяне-монофизиты, и православные греки, русские, грузины и сербы, а

также копты, эфиопы, протестанты, католики… Один и тот же человек тут вполне может иметь несколько самоидентификаций и хранить верность сразу нескольким традициям — словно человеческий аналог перемежающимся слоям иерусалимских камней и праха в мостовых и стенах города.

Вот что существенно для нашей истории: важность города в окружающем мире то умалялась, то усиливалась, но всегда была изменчива, текуча, находилась в процессе трансформации, подобно растению, что меняет свою форму, размер, даже цвет — но при этом всегда остается укорененным на одном и том же месте. Сейчас мы, похоже, находимся в «апогее важности», сегодня Иерусалим — это медийный Святой город, сакральный центр трех мировых религий, подмостки круглосуточного новостного шоу. Но проходили целые столетия, когда Иерусалим, казалось, утрачивал всякое религиозное и политическое значение. И во многих случаях вовсе не божественное откровение, а прозаическая политическая необходимость вновь вызывала к жизни очередной приступ религиозного исступления.

Однако всякий раз, когда Иерусалим, казалось, предавали забвению и он становился «городом из старинной книжки», никому не важным и не интересным, — находились люди в отдаленных землях, будь то Мекка, Москва или Массачусетс, которые проецировали свою искреннюю веру на Иерусалим. Любой город — это окно, которое позволяет хотя бы бегло заглянуть в чужой менталитет и образ мышления, но Иерусалим — это не окно, а двустороннее зеркало: он выставляет напоказ собственную жизнь, отражая в то же время в себе все проблемы внешнего мира. И в любую эпоху — идет ли речь о временах всеобщего богопочитания или о строительстве империй, о днях евангельского Откровения или эпохе светского национализма — Иерусалим становился символом этой эпохи и ее вожделенным трофеем. И, как это бывает в кривых зеркалах, отражения часто получались искаженными, а иногда и уродливыми.

Иерусалим способен разочаровать и разозлить и завоевателя, и простого гостя. Контраст между реальным городом и Небесным Иерусалимом настолько разителен, что психиатры города принимают в год сотни пациентов, страдающих «иерусалимским синдромом» — временным умопомешательством, возникающим из-за несбывшихся ожиданий и разбитых вдребезги иллюзий.

Правда, у «иерусалимского синдрома» есть и неожиданный политический аспект, который часто проявляется в процессе мирных переговоров: Иерусалим отрицает здравый смысл, логику практической политики и разумных стратегий, предпочитая язык страстей и эмоций, с которыми разум неспособен совладать.

Тактическая победа лишь раззадоривает победителя. Здесь правит закон непредвиденных последствий.

Никакое другое место не пробуждает такого страстного желания владеть им полностью. Но в этом ревностном рвении заключена большая ирония истории, поскольку большинство иерусалимских святынь (и преданий, связанных с ними) заимствованы либо просто украдены адептами одной религии у приверженцев другой, которой эти святыни принадлежали прежде. Многое в прошлом города — очень часто лишь продукт воображения. Буквально каждый камень некогда был частью давно позабытого храма иной веры. Большинство завоеваний (но не все они) сопровождались инстинктивным стремлением стереть с лица земли следы других религий, одновременно узурпировав их обычаи, предания и святыни. Конечно, бывало так, что учинялись страшные разрушения, но гораздо чаще завоеватели не разрушали то, что было создано до них, а переосмысливали трофейное наследие и добавляли к нему что-то свое. Такие важные места, как Храмовая гора, Цитадель, Город Давида, гора Сион и храм Гроба Господня не демонстрируют разные слои истории в их отдельности, а более напоминают неоднократно переписанный палимпсест или вышивку, в которой шелковые нити настолько плотно переплетены, что расплести их сегодня невозможно.

Соперничество за обладание столь заразительной святостью приводило к тому, что некоторые места становились священными для всех трех религий, сначала последовательно, а потом и одновременно. Цари отдавали приказы, и рабы покорно умирали, выполняя эти приказы, но ныне и те, и другие почти забыты. Гора Сион была величайшей святыней и для евреев, и для христиан, и для мусульман, однако сегодня там редко встретишь мусульманских или еврейских паломников — она вновь преимущественно христианская.

В Иерусалиме истина часто менее важна, чем миф. «Если речь об Иерусалиме, то умоляю, не расспрашивайте меня о фактах, — говорит известный палестинский историк Назми аль-Джубех. — Уберите вымысел — и от истории Иерусалима вообще ничего не останется». История здесь обладает такой мощью именно потому, что она постоянно искажается. Археология сама по себе представляет здесь одну из сил истории, и археологи не раз выступали как солдаты, перед которыми была поставлена боевая задача: раскопать именно такое прошлое, которое необходимо политикам именно в данный текущий момент. Археологию, дисциплину, претендующую на объективность и научность, можно, оказывается, использовать для «объективного»

обоснования религиозно-этнических предрассудков и оправдания имперских амбиций. Израильтяне, палестинцы и империалисты-евангелисты XIX века — все они самым противоположным образом истолковывали одни и те же находки, пытаясь представить свои интерпретации как несомненные факты. Посему история Иерусалима просто вынуждена была стать сплетением правды и вымысла. Но исторические факты все же существуют на самом деле, и цель этой книги — честно рассказать о них, какими бы неприятными они ни были для той или другой стороны.

Я задался целью написать общую историю Иерусалима для широкого круга читателей — атеистов и верующих, христиан, мусульман, иудеев, — избегая всякой политической повестки, — даже при том, насколько она сегодня раскалена.

В изложении событий я придерживаюсь хронологического принципа, рассказывая историю через жизнь людей — мужчин и женщин, воинов и пророков, поэтов и царей, крестьян и музыкантов, — а также кланов и семейств, которые создали Иерусалим. На мой взгляд, это лучший способ показать город как можно более живо и продемонстрировать, что самые, казалось бы, неожиданные извивы его истории суть следствия скрытых, но важных причин.

Смысл хронологической последовательности в том, что она помогает избежать соблазна оценить прошлое сквозь призму пристрастности настоящего. Я также старался избегать телеологического подхода — то есть представления об истории как предопределенном процессе, в котором каждое событие будто бы было неизбежным. А поскольку каждое изменение есть следствие какой-то причины, то хронология — лучший способ осмыслить эту эволюцию, ответить на вопрос «почему именно Иерусалим?» и показать, почему люди действовали именно так, а не иначе. К тому же мне думается, что это и самый увлекательный способ изложения истории. Да и кто я такой, в конце концов, чтобы портить — как сказали бы в Голливуде — «величайшую из когда-либо рассказанных историй»? Четыре эпохи — Давид, Иисус, крестоносцы и арабо-израильский конфликт — вроде бы должны быть достаточно хорошо знакомы читателям и зрителям, благодаря Библии, кинофильмам, романам и выпускам новостей, но и они зачастую остаются недопонятыми. Что касается остального, я искренне надеюсь, что расскажу много полузабытых, а то и вовсе не известных читателю вещей.

Эта книга — история Иерусалима как центра мировой истории. Но она не претендует на то, чтобы быть энциклопедией всех сторон жизни города, равно как и путеводителем по каждой

нише, капители или портику в каждом здании. Я также не задавался целью написать подробную историю православных, католиков или армян, исламских правовых школ ханафитов или шафиитов, историю хасидов или караимов либо рассказать о ком-то из них с какой-нибудь специальной точки зрения.

Жизнью мусульманского города от мамлюков до Мандата историки часто пренебрегают. Иерусалимские кланы подробно изучены палестинскими учеными, но популярные западные историки о них пишут редко. Хотя судьбы этих семейств были и остаются чрезвычайно важными, переводов некоторых ключевых источников на английский до сих пор не существует. Но я частично перевел их сам и лично беседовал с представителями всех этих кланов, чтобы услышать их голоса и их истории. Однако все это лишь часть мозаики.

Эта книга также — не история иудаизма, христианства или ислама, не исследование природы Бога в Иерусалиме: подобные темы блистательно раскрыты другими авторами, например, Карен Армстронг в ее недавно вышедшей замечательной книге «Иерусалим. Один город, три религии». Эта книга также — не детальная история израильско-палестинского конфликта: ни одна другая тема сегодня не изучается столь дотошно.

Но я поставил перед собой поистине пугающую цель — рассказать обо всем об этом. Надеюсь, что я сделал это в правильной пропорции. Моя задача — следовать фактам, а не разгадывать тайны разных верований. И я совершенно точно не претендую на то, чтобы судить о том, насколько «достоверны» божественные чудеса или священные тексты трех великих религий. Каждому, кто изучает Библию или Иерусалим, приходилось замечать, что существует как бы несколько уровней истины. Догматы чужих религий и чужих эпох кажутся нам странными, в то время как привычные обычаи нашей современности воспринимаются по большей части как в высшей степени разумные и обоснованные. Даже XXI век, который многие считают веком победы Разума и здравого смысла, имеет свои бытовые суеверия и квазирелигиозные догмы, которые, скорее всего, будут казаться совершенно абсурдными нашим правнукам. Однако влияние религий и чудес на историю Иерусалима, безусловно, совершенно реально, и невозможно понять Иерусалим, не испытывая хотя бы в какой-то степени уважения к религии.

В истории Иерусалима есть века, о которых известно крайне мало, а все, что известно, крайне противоречиво. Споры ученых и археологов всегда полны колкостей, ядовитых выпадов, а порой столь ожесточенны, что в результате приводят иногда к весьма

враждебным личным отношениям. А уж что касается событий последних пятидесяти лет…

Если говорить о раннем периоде в истории Иерусалима, то историки, археологи и писатели в равной степени стеснены почти полным отсутствием источников и одинаково вольно обращаются с немногими имеющимися в их распоряжении — лишь бы обосновать собственную теорию, которую они затем отстаивают как абсолютно достоверную. Я во всех случаях изучал оригинальные источники и ознакомился с множеством теорий, прежде чем сделать выводы. Если бы я хотел наверняка оградить себя от любой критики, то самыми частыми словами в этой книге были бы «возможно», «вероятно», «скорее всего», «по-видимому» и «может быть». Я не использовал их при каждом удобном случае, но прошу читателя поверить, что за каждой моей фразой, за каждым суждением стоит колоссальный объем изученной литературы. Все разделы этой книги были прочитаны и выверены специалистами. И я счастлив, что в работе над ней мне помогали многие из самых известных профессоров нашего времени.

Самые непримиримые из всех противоречий древней истории связаны с фигурой царя Давида, потому что они имеют политический подтекст, который сегодня чрезвычайно актуален и вызывает большое напряжение. Даже на академическом уровне полемика о Давиде отличается драматизмом и ведется с бóльшей резкостью, чем споры по любым иным темам и предметам, за исключением разве что вопросов о природе Христа или Мухаммеда. Источником сведений о Давиде является Библия. Его историческое существование нам долгое время приходилось принимать на веру. В XIX веке интерес империалистических христианских империй к Святой земле вдохновил археологические поиски города Давида.

С образованием в 1948 году государства Израиль христианская направленность этих поисков изменилась, поскольку они получили чрезвычайную религиозно-политическую значимость из-за роли Давида как основателя еврейского Иерусалима. Поскольку, повторюсь, источников X в. до н. э. крайне мало, некоторые израильские историки-ревизионисты сильно преуменьшили размер и значение Города Давида. Иные из них даже задавались вопросом, а существовал ли вообще Давид как историческая фигура, — к праведному гневу иудейских традиционалистов и ликованию палестинских политиков, поскольку эти сомнения явно подрывали притязания евреев на город. Однако обнаружение в 1993 году стелы Тель-Дана доказало, что царь Давид действительно существовал. Библия хоть и не замышлялась в первую очередь как историческая

хроника, но, тем не менее, является историческим источником, которым пользовался в своем повествовании и автор этих строк. Площадь Города Давида и надежность Библии в качестве исторического источника обсуждаются в основном тексте книги, а о нынешнем конфликте из-за Города Давида мы поговорим в эпилоге.

Обращаясь к гораздо более поздним временам, работая над историей Иерусалима XIX столетия, постоянно вспоминаешь книгу Эдварда Саида «Ориентализм». Эдвард Саид, палестинец-христианин, родившийся в Иерусалиме и ставший профессором литературы в Колумбийском университете Нью-Йорка и оригинальным политическим голосом в мире палестинского национализма, считает, что «утонченная и упорная евроцентристская предубежденность против арабо-исламских народов и их культуры», особенно у таких путешественников XIX века как Шатобриан, Мелвилл и Марк Твен, «принижает арабскую культуру и оправдывает империализм».

Однако труд самого Саида подвигнул некоторых его последователей попытаться исключить западных «гостей» из истории Ближнего Востока. Абсурдность таких попыток очевидна. Да, эти гости мало что видели и плохо разбирались в реалиях арабского и еврейского Иерусалима, и, как я уже писал выше, мне пришлось потрудиться, чтобы, насколько возможно, воссоздать современную им реальную жизнь местного населения. Но цель моей книги — не полемика с Саидом: просто любой историк Иерусалима должен увидеть и признать доминирующее влияние романтическо-империалистической культуры Запада на город, поскольку именно это влияние объясняет, почему Ближний Восток приобрел такое значение для великих держав.

Точно так же я подробно остановился на развитии британского просионизма, светского и евангелического — от Пальмерстона и Шафтсбери до Ллойд Джорджа, Бальфура, Черчилля и их друга Вейцмана, — по той простой причине, что именно эти просионисты оказали самое большое влияние на судьбу Иерусалима и Палестины в XIX–XX веках.

Я заканчиваю основную часть моей книги 1967 годом, ведь именно Шестидневная война создала ситуацию, которая существует и по сей день, и мне показалось правильным на этом остановиться. В эпилоге я даю беглый очерк политических событий последующих десятилетий и заканчиваю книгу картиной типичного иерусалимского утра у трех святынь города.

Но ситуация постоянно меняется. И если бы я решил довести историческое повествование до сегодняшнего дня, то у книги не могло бы получиться логичного и ясного финала — либо его

пришлось бы переписывать едва ли не ежечасно. Я же хотел всего лишь показать, почему Иерусалим продолжает оставаться и главной целью, и основным препятствием на мирных переговорах.

Эта книга, в сущности, — обобщение, построенное на обширном чтении оригинальных источников (как древних, так и современных), на консультациях автора со специалистами, личных встречах с профессорами, археологами, членами иерусалимских семей и государственными деятелями, а также на бесчисленных поездках в Иерусалим, посещениях его святынь и мест археологических раскопок. В процессе работы мне посчастливилось найти несколько новых или редко используемых источников. Моя работа принесла мне три особенно счастливых переживания: во-первых, я проводил много времени в Иерусалиме; во-вторых, я прочитал захватывающие сочинения таких литераторов, как Усама ибн Мункыз, Ибн Хальдун, Эвлия Челеби, Вазиф Джавгарийе, Вильгельм Тирский, Иосиф Флавий и Томас Эдвард Лоуренс; а в-третьих, мне довелось познать дружбу, щедрость и сердечность — особенно ценные во времена суровых политических кризисов — буквально всех помогавших мне людей: палестинцев, израильтян, армян, мусульман, иудеев и христиан. Многие из них стали моими друзьями.

У меня и сейчас чувство, что я готовился к написанию этой книги всю свою жизнь. Я интересовался Иерусалимом с детства. Благодаря родственным связям, которых я тоже касаюсь в книге, «Иерусалим» — это девиз моей семьи. Но независимо от этих личных связей, я хотел воссоздать прежде всего прошлое Иерусалима — как разворачивались события и во что верили люди. И если вернуться к тому, с чего мы начали, то повторю еще раз: всегда существовали два Иерусалима: один — земной и тленный, второй — горний и вечный. И обоими правили скорее вера и эмоции, нежели разум и факты. И в результате Иерусалим как был, так и остается центром мира.

Не каждому, наверное, придется по душе мой подход — в конце концов, может ли быть иначе, если речь идет об Иерусалиме. Но, работая над книгой, я всегда помнил ответ британского премьер-министра Ллойд Джорджа на жалобы губернатора Иерусалима Рональда Сторрза, которого беспощадно критиковали и евреи, и арабы: «Что ж, в ту же минуту, когда какая-либо из сторон вдруг перестанет выражать недовольство, вы будете уволены».

Благодарности

В работе над этим масштабным проектом мне помогали многие ученые, и каждый — блистательный специалист в своей области. Я глубоко признателен всем им за помощь и советы либо прочтение и редактирование моего варианта текста.

Я благодарю за прочтение и внесение поправок в раздел, посвященный библейскому периоду и библейской археологии, прежде всего: профессора Ронни Рейха; профессора Дана Бахата, бывшего главного археолога Иерусалима, который, помимо этого, организовал для меня подробные экскурсии; д-ра Рафаэля Гринберга, также сопровождавшего меня при осмотрах достопримечательностей города; и Розмари Эшель. Я выражаю свою признательность за помощь и консультирование Ирвингу Финкелю, куратору отдела западно-азиатских древностей в Британском музее, а также д-ру Элеоноре Робсон, рецензенту кафедры науки Древнего Ближнего Востока на факультете истории и философии науки в Кембриджском университете, за внесение поправок в главы, посвященные Ассирии, Вавилону, Персии; д-ру Николь Шрайбер — за ее консультацию по вопросу датировки ворот Мегиддо на основании гончарных артефактов; д-ру Гидеону Авни, руководителю отдела раскопок израильского Института древностей; д-ру Эли Шукрону — за ознакомление с ходом раскопок в Городе Давида; д-ру Шимону Гибсону и д-ру Рене Сивану, сотруднику Музея истории Израиля (Цитадели Давида). Особую благодарность я выражаю д-ру Юсуфу аль-Натшеху, руководителю отдела исламской археологии Харам аш-Шариф (Храмовой горы), за его помощь на протяжении всей моей работы над книгой, предоставленный доступ к закрытым святыням Храма и экскурсии с Кадиром аль-Шихаби. Я также безмерно благодарен профессору Мартину Гудману из Оксфордского университета и д-ру Адриану Голдсуорси за прочтение и редактирование моего текста, касающегося иродиадо-римско-византийского периода.

Я весьма обязан за советы, руководство и скрупулезную выверку разделов по раннему исламскому периоду, арабам, тюркам и мамлюкам Хью Кеннеди, профессору арабистики в Школе восточных и африканских исследований (SOAS), равно как и д-ру Назми аль-Джуба, д-ру Юсуфу аль-Натше и Кадиру аль-Шихаби. Я также признателен Тауфику Деаделю за консультацию по истории кладбища Мамилла.

Я благодарю Джонатана Райли-Смита, профессора духовной истории из Кембриджского университета, и профессора Дэвида

Абулафию, специалиста по истории Средиземноморья, также из Кембриджа, за прочтение и редактирование текста, касающегося крестоносцев.

Иудейская история со времен Фатимидов до Османов: свою искреннюю благодарность я выражаю профессору Абулафии, предоставившему мне рукописные материалы своей книги «Великое море: история средиземноморских народов», профессору Минне Розен из Хайфского университета и сэру Мартину Гилберту, любезно позволившему мне ознакомиться с его рукописью «В доме Исмаиловом».

Османский период и палестинские иерусалимские кланы: я благодарен профессору Аделю Манне за прочтение и внесение поправок в главы книги, посвященные XVI–XVIII векам.

XIX век, империализм и ранний сионизм: свою признательность я выражаю Иешуа Бен-Ареху, сэру Мартину Гилберту, профессору Тюдору Парфитту, Кэролайн Финкель, д-ру Абигайль Грин, любезно предоставившей мне свою рукопись «Мозес Монтефиоре — еврейский освободитель, имперский герой», и Баширу Баракату — за его частное исследование истории иерусалимских семейств. Кирстен Эллис любезно предоставила мне неизданные главы своего романа «Утренняя звезда». Много ценных советов и материалов предоставила мне также д-р Клэр Мурадян. Профессор Минна Розен поделилась своими исследованиями о Дизраэли. Сведениями о России я обязан профессору Саймону Диксону и Галине Бабковой из Москвы; об армянах — Джорджу Хинтляну и д-ру Игорю Дорфману-Лазареву.

Сионистский период, XX век и эпилог: выражаю огромную благодарность д-ру Надиму Шехади, эксперту по Ближнему Востоку британского Королевского института международных отношений, и профессору Колину Шиндлеру (из SOAS) за прочтение и редактирование этих разделов. Я благодарен также за поправки Дэвиду и Джеки Ландау из *The Economist* и *Haaretz*. Выражаю также признательность д-ру Жаку Готье, д-ру Альберту Агазаряну, Джамалю аль-Нусейбе — за идеи и контакты, Худе Имам — за ее экскурсию по Стене, Якову Лупо — за его исследование ультраортодоксии.

Я весьма обязан д-ру Джону Кейси из кембриджского колледжа Гонвилль-энд-Киз, который тщательно и скрупулезно выверил весь текст, как и Джордж Хинтлян — специалист по османскому периоду, секретарь Армянского патриархата в 1975–1995 годах. Особую благодарность я выражаю Марал Амин Кутине за ее перевод на английский язык арабских источников.

Свою благодарность за советы и сведения из семейной

истории я выражаю следующим представителям иерусалимских семейств, у которых я брал интервью или консультировался: Мухаммеду аль-Алами, Насредину аль-Нашашиби, Джамалю аль-Нусейбе, Заки аль-Нусейбе, Ваджиху аль-Нусейбе, Саиду аль-Нусейбе, Махмуду аль-Джаралле, Худе Имам из Иерусалимского института, Хайфе аль-Халиди, Кадиру аль-Шихаби, Саиду аль-Хусейни, Ибрагиму аль-Хусейни, Омару аль-Даджани, Адиду аль-Джуди, Марал Амин Кутине, д-ру Раджаю М. аль-Даджани, Рану аль-Даджани, Адибу аль-Ансари, Наджи Казазу, Ясиру Шуки Тоха — владельцу моего любимого ресторана «Абу Шукри», — профессору Рашиду Халиди из Колумбийского университета.

Я благодарю Шмуэля Рабиновича, раввина Западной стены и Святых мест; отца Атанасия Макору, католического священника; отца Самуила Агояна, армянского смотрителя церкви Гроба Господня; коптского священника отца Эфраима Элорашамили; сирийского епископа Северия, сирийского священника отца Малке Мората.

Я выражаю свою благодарность Шимону Пересу, президенту Израиля, и лорду Вейденфельду, поделившимся со мной своими воспоминаниями и идеями; а также иорданской принцессе Фирьял — за воспоминания об иорданском Иерусалиме; принцу и принцессе Иордании Талал бин Мухаммед.

А познакомил меня с Иерусалимом Ицхак Якоби: переживший Освенцим, участник Войны за независимость 1948 года, литератор и ученый, помощник Бен-Гуриона, он долгое время был главой Компании по развитию Восточного Иерусалима при мэре Тедди Коллеке.

Большую помощь оказали мне дипломатические представители как государства Израиль, так и палестинских властей, нашедшие время для встреч и бесед, в ходе которых они делились со мной и своими замечательными идеями, и интересными сведениями. Я благодарю Рона Просора, израильского посла в Лондоне, Рани Гидора, Шарона Ханоя и Ронит Бен Дор из посольства Израиля, а также профессора Мануэля Хасасяна — палестинского посла в Лондоне.

Уильям Далримпл и Чарльз Гласс были необыкновенно любезны, делясь со мной на протяжении всей работы над книгой своими идеями, материалами и рекомендательными списками литературы. Большую помощь оказал мне Иерусалимский Фонд; мои благодарности — Рут Чесин, Нурит Гордон, Алану Фриману и Ури Дроми, директору Мишкенот Шааним. Неоценимую помощь в установлении контактов оказали мне Джон Леви из образовательного фонда «Друзья Израиля» и телевизионный продюсер Рэй Брюс.

Я глубоко признателен Питеру Себагу Монтефиоре и его дочери Луизе Эспиналл за предоставленные в мое распоряжение бумаги Джеффри Себага Монтефиоре, а также Кейт Себаг Монтефиоре — за исследование жизни и деятельности Уильяма Себага Монтефиоре.

Свою помощь советами и моральную поддержку мне оказывали: Амос и Нили Оз, Пол Вестер, председатель правления отеля «Американская колония», Рашель Лев из Архива американской колонии, Паоло Фец, генеральный директор, и Диана Ахо, «Американская колония», Музер Фахми из книжного магазина «Американская колония», Филипп Уиндзор-Обри, Дэвид Хэар, Дэвид Кроянкер, Ханна Кедар, Фред Айсман, Ли Карпентер Брокау, Дана Харман, Дороти и Дэвид Харман, Кэролайн Финкель, Лоренца Смит, профессор Бенджамин Кедар, профессор Реувен Амитай, Яов Фархи, Диала Хлат, Зияд Клот, Юзеф Хлат, Раня Джубран, Ребекка Абрам, сэр Рокко и леди Форте, профессор Селим Тамари, Одд Карстен Твейт, Кеннет Роуз, Доррит Мусайефф и ее отец Шломо Мусайефф, сэр Рональд и леди Коэн, Давид Халили, Ричард Форман, Райан Принц, Том Холланд, Тарик Абу Заяд, профессор Исраэль Финкельштейн, профессор Авигдор Шинан, профессор Яир Закович, Джонатан Форман, Муса Клебникофф, Арлен Ласкона, Кери Астон, преп. Робин Гриффит-Джонс, настоятель церкви Темпл (Лондон), Хани Абу Диаб, Мириам Овитс, Джоана Шлиман, Сара Хельм, профессор Саймон Голдхилл, д-р Дороти Кинг, д-р Филипп Мэнсел, Сэм Кили, Джон Миклетвейт, редактор журнала «Экономист», Гидеон Личфилд, раввин Марк Вайнер, Морис Биттон, куратор синагоги Бевис Маркс, раввин Авраам Леви, профессор Гарри Зейтлин, профессор Ф. М. аль-Элойсчари, Мелани Фолл, раввин Давид Голдберг, Мелани Гибсон, Аннабель Вайденфельд, Адам, Гилл, Дэвид и Рэчел Монтефиоре, д-р Габриель Барки, Марек Тамм, Этан Броннер из «Нью-Йорк Таймс», Генри Хемминг, Уильям Загхарт. Я искренне благодарен всем. Я также благодарю Тома Моргана за помощь в исследованиях.

Свою искреннюю признательность я выражаю своему агенту Джорджине Кейпел, моим агентам по защите авторских прав за рубежом Аби Гилберту и Ромили Маст, моим британским издателям Алану Сэмсону, Иону Тревину и Сьюзан Лэмб, моему замечательному редактору Беа Хемминг в *Weidenfeld*, а также блистательному литературному редактору Питеру Джеймсу; моим издателям: Сони Мехте в *Knopf*, в Бразилии — Луису Шварцу и Ане Пауле Хисаяме в *Companhia das Letras*, во Франции — Мирей Паолони в *Calmann Levy*, в Германии — Петеру Зиллему в *Fischer*, в Израиле — Зиву Левису в *Kinneret*, в Голландии —

Хенку тер Боргу в *Nieuw Amsterdam*, в Норвегии — Иде Бернстен и Герду Джонсену в *Cappelens*, в Польше — Иоланте Воложанской в *Magnum*, в Португалии — Александре Лоуро в *Aletheia Editores*, в Испании — Кармен Эстебан в *Critica*, в Эстонии — Кристе Каэр из *Varrak* и в Швеции — Перу Фаустино и Стефану Хилдингу в *Norstedts*.

Прекрасными редакторами всех моих книг были и остаются мои родители — д-р Стивен и Эйприл Себаг Монтефиоре. И я несказанно благодарен жене Санте — моей терпеливой, вдохновляющей и любящей музе. Санта и наши дети Лили и Саша, так же как и я, испытали на себе все последствия «иерусалимского синдрома». И возможно, они теперь знают о Скале, Стене и Гробе Господнем больше, чем многие священники, раввины или муллы.

Об именах и названиях и об их транслитерации

В этой книге множество имен собственных, в связи с чем неминуемо встает вопрос о транслитерации. Поскольку книга рассчитана на массового читателя, я принял решение использовать самые доступные и знакомые широкой публике звучания имен и названий. А потому сразу приношу извинения пуристам, которых такое решение, возможно, обидит.

При описании иудейского периода я отдавал предпочтение греческим (а не латинским и не еврейским) именам царей из династии Хасмонеев. Тем не менее, некоторые второстепенные персонажи появляются на страницах этой книги под своими еврейскими именами. Так, шурина Ирода я называю его иудейским именем Ионафан (а не греческим именем Аристобул), чтобы избежать путаницы со многими другими историческими тезками. Рассказывая о наиболее известных персонажах, я использую традиционные, знакомые большинству читателей версии имен: Ирод, Помпей, Марк Антоний, Тамерлан, Саладин. Того же принципа я придерживаюсь и в случае с персидскими именами, отдавая предпочтение их привычным звучаниям (например, Кир). Маккавеи правили в Иудее как династия Хасмонеев, но для большей ясности я называл их на протяжении всего повествования Маккавеями.

С арабским периодом все сложнее, и я даже не пытался последовательно придерживаться каких-либо твердых правил в именовании. В большинстве случаев я употребляю традиционные для европейского уха формы (например, Дамаск, а не Димаск). Арабский артикль «аль» я привожу при первом упоминании имени или топонима, а в дальнейшем опускаю его; также я употребляю артикль в составных именах и названиях. Я не использую диакритические знаки. Большинство аббасидских и фатимидских халифов, а также султаны династии Айюбидов получали при воцарении особое почетное прозвище, так называемый лакаб — например, аль-Мансур. Для облегчения восприятия текста я во всех случаях опускаю определенный артикль. В хорошо известных именах я заменяю «бин» на «ибн». В таких именах, как Абу Суфьян, я — опять же, для облегчения чтения — не употребляю арабский генитив (иначе следовало бы писать, к примеру, Муавия ибн Абу Суфьян). И в большинстве случаев я называю Айюбидов домом Саладина.

В европейской исторической традиции отсутствует

последовательность в употреблении арабских имен. Так, например, халифов династии Аббасидов обычно называют их царственными именами, за исключением Гаруна аль-Рашида, поскольку он известен по арабским сказкам «Тысячи и одной ночи». Все историки называют известного султана XII века Саладином, а его брата именуют аль-Адилем. Оба они носили почетные имена (*лакабы*) — Салах ад-Дин и Саиф ад-Дин. И оба позднее приняли царственные имена: аль-Насир («победитель») и аль-Адиль («справедливый»).

Специалисты по мамлюкскому периоду обычно называют султана Бейбарса I по имени (а не по лакабу аль-Захир), хотя других мамлюкских правителей чаще именуют их царственными именами. Исключением является лишь Мухаммед I аль-Насир, которого называют и так, и этак. Этой противоречивой традиции следую и я.

При описании османского периода я отдаю предпочтение турецким, а не арабским версиям имен менее известных персонажей. Во многих случаях я просто использую наиболее употребительную версию имени: Джемаль-паша вместо иногда встречающегося Кемаль (турецкое «с» читается именно как «дж»).

Ханаан, Иудея, Израиль, Палестина, Билад аль-Шам, Великая Сирия, Келесирия, Святая земля — это лишь некоторые названия, которые использовались для описания нескольких стран и территорий с нечеткими границами. Некоторые исследователи утверждают, что у Иерусалима было за всю его историю 70 названий. Святыни в черте самого города также именовались и именуются по-разному. Иудейский Храм называют также Обителью Бога и Святым домом. Купол, Куббат ас-Сахра, храм Господень, Темплум Домини — все эти названия соотносятся с Куполом Скалы. Мечеть аль-Акса также именовалась Храмом Соломоновым. Хар а-Баит — иудейское, а Харам аш-Шариф — арабское название для Храмовой горы, которую я также называю Священной площадкой (Эспланадой). Святилищем звалась Святая Святых, а позднее и вся Храмовая гора, которую мусульмане называют Харам (Святое место). Для мусульман двумя Святилищами являются Иерусалим и Хеврон с Пещерой Патриархов. С храмом Гроба Господня также соотносятся названия: Анастасис, Гроб Господень, Дейр ас-Султан. Скала по-арабски — Сахра; Краеугольный камень, или Камень Основания, на иврите — Эвен ха-Штия, а Святая Святых — Кодеш ха-Кодешим. Стена, ха-Котель а-Маарави, Западная стена, Стена Плача и аль-Бурак — названия священных мест молитвы иудеев. Цитаделью и Башней Давида называют Иродову крепость рядом с Яффскими воротами. Гробница Пресвятой Богородицы находится

в долине Иосафатовой, она же — Кедронская долина. Гробница Давида, Наби Дауд, Сенакль, Сионская горница — так называют святыню на горе Сион. Все ворота в Иерусалиме имеют так много названий и эти названия так часто менялись, что перечислять их все было бы бессмысленно. Каждая улица в городе имеет по меньшей мере три названия: главная улица Старого города по-арабски называется Эль-Вад, на иврите — ха-Гай, по-английски — *Valley* («Долина»).

Восточную Римскую империю традиционно называют Византией, а ее столицу — Константинополем. После 1453 года я именую город Стамбулом. Приверженцев западного христианства называю латинянами и католиками. Взаимозаменяемы также названия Иран и Персия.

О титулах: во времена Римской республики словом «принцепс» называли сенаторов, значившихся первыми в списке; в период империи, начиная с Августа, «принцепс Сената» означал носителя монархической власти — императора. Византийские императоры стали со временем именоваться базилевсами (греческий титул монарха с наследственной властью). В эпоху раннего ислама преемники Мухаммеда звались повелителями правоверных и халифами. Султан, падишах и халиф — титулы османских правителей. В Германии император назывался кайзером; российские самодержцы, начиная с Петра Великого, короновались императорами, но назывались по традиции царями.

Пролог

В восьмой день иудейского месяца ава, то есть в конце июля 70 года от Рождества Христова, полководец Тит, сын римского императора Веспасиана, уже четыре месяца осаждавший Иерусалим, приказал своим воинам готовиться к решающему штурму Храма. Штурм был назначен на следующее утро на заре — в годовщину того самого дня 500 лет назад, когда старый Храм Соломонов, стоявший на этом же месте, был сожжен вавилонянами. Под командованием Тита находилось четыре легиона — в общей сложности 60 тысяч римских солдат и их союзников из воинства окрестных князьков, жаждавших нанести последний удар сломленному, но все еще не желавшему сдаться городу. За его стенами в нечеловеческих условиях боролись за жизнь около полумиллиона умирающих от голода евреев: частью — религиозные фанатики-зелоты, частью — отпетые головорезы, но большинство — мирные горожане со своими семьями, у которых не было никакой возможности бежать и спастись из города, ставшего для них смертельной западней. Среди них было много людей диаспоры — евреев, которые постоянно проживали за пределами Иудеи, в самых разных регионах Средиземноморья и Ближнего Востока, и которые пришли в Иерусалим отпраздновать Пасху. Этой последней, отчаянной в своей безнадежности битве суждено было решить не только судьбу города и его жителей, но также будущее иудаизма, будущее едва пустившего ростки христианства, а если заглянуть на шесть столетий вперед — то и предопределить возникновение ислама.

Римляне подвели к стенам насыпи для осадных орудий, но все их приступы были отбиты. На рассвете в день решительного штурма Тит заявил своим офицерам, что «пощада чужих святынь»[1] до сих пор стоила слишком много римских жизней, и приказал поджечь ворота Храма. Серебро, которым были обиты ворота, расплавилось, и пламя перекинулось на деревянные наличники и окна, а затем, бушуя с удвоенной силой, охватило и балки галерей, окружавших двор Храма. Тогда Тит повелел затушить огонь. Римлянам, заявил он, «не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах». Затем он приказал командирам дать отдых войску и удалился на ночлег в свою ставку в полуразрушенной крепости Антония, смотревшей прямо на величественный храмовый комплекс.

Происходившее подле стен иерусалимских было столь ужасным, будто на земле воцарился ад. Тысячи трупов разлагались на солнце. Смрад стоял невыносимый. Стаи собак и

шакалов терзали мертвую человеческую плоть. В ходе осады Тит приказал распинать всех пленных и перебежчиков, и каждый день римляне вешали на кресты по 500 евреев. Масличная гора и утесистые высоты окрест города были сплошь усеяны этими крестами.

«Солдаты Тита в своем ожесточении и ненависти пригвождали пленных для насмешки в самых различных местах и разнообразных позах. Число распятых настолько возросло, что не хватало места для крестов и недоставало крестов для тел»: ради строительства осадных валов римляне вырубили все деревья, так что кресты не из чего было сделать. Многие жители Иерусалима так отчаянно хотели вырваться из города, что сами перебегали к неприятелю. Перед тем как покинуть город, они проглатывали свои деньги, чтобы затем, избавившись от надзора римлян, извлечь их. Из-за долгой голодовки перебежчики являлись к римлянам «распухшие и словно одержимые водянкой». Но, набросившись на еду, они «лопались», и в вылезших наружу внутренностях один сирийский солдат обнаружил проглоченные монеты.

По лагерю быстро разнесся слух, что перебежчики набиты золотом. Солдаты стали вспарывать животы всем подряд и потрошить внутренности еще живых пленников в жажде наживы. Узнав об этом, Тит пришел в негодование и попытался воспретить это анатомическое мародерство. Но тщетно: союзники Тита, кровожадные сирийцы, которые ненавидели евреев и были ненавидимы последними со всем ожесточением, присущим соседям, продолжали свои зверские игры. Бесчинства, которые творили в Иерусалиме и римляне, и повстанцы, вполне сравнимы с худшими из злодеяний XX века.

Восстание евреев началось, когда глупость и алчность римских прокураторов восстановили против римлян даже иудейскую знать, прежде лояльную Риму. Ради общего дела аристократы примкнули к повстанцам, среди которых были как глубоко верующие иудеи, так и отчаянные головорезы. Воспользовавшись падением императора Нерона и неясностью в вопросе о том, кто следующим взойдет на престол империи, повстанцы вознамерились изгнать римлян и восстановить независимое иудейское государство, твердыней которого должен был снова стать Храм. Однако еврейское восстание, едва начавшись, захлебнулось в кровавых междоусобицах различных группировок.

Гибель Нерона создала вакуум власти, в котором стремительно сменили друг друга три императора. К тому моменту, когда власть оказалась в руках Веспасиана, который

поручил своему сыну Титу покорить мятежный Иерусалим, Святой город уже успели поделить между собой три предводителя мятежников, обратившие оружие друг против друга. Эти иудейские полевые командиры сначала развязали побоища во дворах Храма, заливая их кровью, а затем начали грабить город. Солдатня рыскала в богатых кварталах. Жадность их «сделалась ненасытной: дома богатых обыскивали; убийства мужчин и осквернение женщин служили им утехой». Опьяненные безнаказанностью, запахом крови и, вероятно, вином из разгромленных погребов, они «бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, надевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты подводя себе глаза». Явившиеся из провинции головорезы, прятавшие под пестрым платьем кинжалы, не раздумывая, убивали каждого, становившегося на их пути. В бесчинствах они не забывали потворствовать и своей «противоестественной похоти». Иерусалим, осквернённый их злодеяниями, превратился в «дом непотребства», в камеру пыток.

И все же город оставался святыней. Так или иначе, в Храме продолжались жертвоприношения. В апреле, на Пасху, как раз перед тем, как римляне осадили город, в Иерусалим, как обычно, прибыло множество паломников. В городе и в обычное время проживали десятки тысяч. Теперь же, когда римляне лишили паломников возможности покинуть Иерусалим, в нем теснились сотни тысяч человек. И лишь после того, как Тит приказал окружить город осадным валом, главари мятежников прекратили междоусобицы и решились объединить двадцать одну тысячу своих воинов, чтобы сообща дать отпор римлянам.

Город, который Тит рассматривал с горы Скопус, получившей свое название от греческого *skopos* — «наблюдатель», являл собой, по словам Плиния Старшего, «самый прославленный город среди городов Востока». Богатая, процветающая столица, возникшая вокруг одного из самых величественных храмов Древнего мира, уникального, грандиозного в своем масштабе произведения архитектурного искусства. Иерусалим существовал уже много сотен лет, но никогда прежде этот город, раскинувшийся на двух холмах среди бесплодных, унылых скал Иудеи и окруженный тройной стеной с множеством массивных башен, не был таким многолюдным и не казался таким грозным, как в I веке новой эры. И вплоть до XX столетия он не сможет вернуть себе былой мощи.

Величие Иерусалима того времени — дело рук царя Ирода Великого, блестящего правителя, но при этом жестокого психопата, который возвел в городе дворцы и крепости столь

монументальные и столь роскошные, что иудейский историк Иосиф Флавий вынужден был признать: у него нет «возможности по достоинству описать» их.

Храм затмевал своим великолепием все прочие строения в городе. «Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он сверкал на утреннем солнце огненным блеском, ослепляя глаза, словно солнечные лучи». Чужестранцам вроде Тита и его легионеров, видевшим Храм впервые, «он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел». Благочестивые иудеи знали, что в глубине дворов этого «города в городе», раскинувшегося на вершине Храмовой горы, скрыто совсем небольшое помещение, наполненное высшей степенью святости — Святая Святых, обитель Самого Господа.

Храм был святилищем, но он также представлял собой почти неприступную крепость, внутренний оплот в центре обнесенного стенами города. Евреи, воодушевленные тем, что железная хватка империи в «год четырех императоров» явно ослабла, и решившие, что они в безопасности среди своих скал и обрывов, под защитой городских стен и укреплений самого Храма, в котором любой чужак заблудился бы, словно в лабиринте, решили оказать сопротивление Титу. Возможно, это было слишком самонадеянно, но, в конце концов, они оказывали открытое неповиновение Риму уже почти пять лет. Однако у Тита были полномочия, амбиции, ресурсы и талант полководца — то есть все необходимое для выполнения стоявшей перед ним задачи. Он решил принудить Иерусалим к сдаче систематической бомбардировкой и демонстрацией собственных превосходящих сил. Каменные ядра для баллист, найденные в туннелях у Западной стены Храма, были, по всей видимости, выпущены по приказу Тита и наглядно свидетельствуют об интенсивности, с которой римляне обстреливали город. Евреи сражались за каждую пядь своей земли с почти самоубийственной самоотверженностью. И все же Тит, в распоряжении которого был полный арсенал осадных приспособлений, метательных орудий и вся изобретательность гениальных римских военных инженеров, на 15-й день осады смог преодолеть внешнюю стену. Он повел тысячу своих легионеров в лабиринт иерусалимских уличных рынков и приступил к штурму второй стены. Однако иудеи предприняли вылазку и отбили приступ. Римлянам придется штурмовать ее еще раз.

Затем Тит попытался запугать горожан демонстрацией силы: все его войско прошло под стенами в полном парадном обмундировании — в панцирях, шлемах, со щитами, штандартами и сверкающими орлами — знаками легионов; «кони

под всадниками также были во всем убранстве». Тысячи жителей Иерусалима собрались на стенах, чтобы увидеть римскую армию, «вся древняя стена и северная сторона Храма были переполнены зрителями». Иудеи вполне оценили «пышность оружия и отличный порядок среди солдат», однако не испугались и решили продолжать сопротивление. А может быть, они просто слишком боялись собственных командиров, отдавших решительный приказ: не сдаваться.

В конце концов Тит решил полностью блокировать Иерусалим кольцевым осадным валом. На исходе июня римляне взяли штурмом огромную крепость Антония, господствовавшую над Храмовой горой, и разрушили ее до основания, сохранив только одну, центральную башню, на которой Тит устроил свой командный пункт.

К середине лета, когда ноздреватые склоны окрестных холмов покрылись лесом крестов с лопавшимися на жаре трупами распятых, жители Иерусалима уже изнемогали от предчувствия неминуемой гибели, а город продолжал корчиться в тисках непримиримого фанатизма, изощренного садизма и все более жуткого голода. Повсюду в поисках еды бродили вооруженные банды: «Мятежники вторгались в частные дома и обыскивали их… Жены вырывали пищу у своих мужей, дети — у своих родителей, но самыми бесчеловечными были матери, съедавшие пищу у своих бессловесных детей: любимые детища у них на руках умирали от голода, а они, не смущаясь, отнимали у них последнюю каплю молока». Запертый дом служил мятежникам признаком того, что обитатели прячут провизию: они «вторгались внутрь и вырывали куски почти из глоток». Даже если грабители были сыты, они пытали и убивали жителей просто по привычке, чтобы, так сказать, не утратить навыка.

Город раздирала настоящая охота на ведьм, ибо каждый в каждом подозревал изменника и заговорщика. Ни один город, свидетельствует очевидец этих событий Иосиф Флавий, «не переносил чего-либо подобного и ни одно поколение, с тех пор как существует мир, не сотворило большего зла».

Люди «блуждали, как призраки, на площадях города и падали на землю там, где их настигала голодная смерть». Жители умирали от потери сил, пытаясь похоронить своих близких. Хоронили без разбору, иные еще дышали. Голод «похищал у народа целые дома и семейства», лишал людей всяких эмоций: «с высохшими глазами и широко раскрытыми ртами смотрели медленно угасавшие на тех, кто уже обрел покой. Вязкая тишина, как страшная могильная ночь, нависла над городом». И все же те, кто умирал, делали это, устремив «потухшие глаза к Храму».

Улицы были завалены грудами трупов. Вскоре, несмотря на еврейский обычай, никто уже не хоронил мертвецов, и величественный некогда город превратился в гигантскую свалку мертвых тел. Возможно, Иисус Христос говорил именно об этом, предрекая грядущий апокалипсис: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов». Иногда повстанцы попросту сбрасывали трупы со стен. Римляне складывали их в гигантские разлагающиеся кучи. И все же горожане продолжали сопротивление.

Сам Тит — лишенный сантиментов римский воин, лично убивший в первой же стычке 12 мятежников, — ужасался, содрогался и призывал богов в свидетели, «что он невиновен во всем этом». «Любовь и отрада рода человеческого», Тит был известен своим великодушием. «Друзья, я потерял день», — говорил он, вспомнив во время застолья, что «за целый день никому не сделал хорошего». Сильный и крепкий, с раздвоенным подбородком, мягкой линией рта и пухлым лицом, Тит уже проявил себя талантливым полководцем и завоевал популярность в народе. Судьба новой, еще не утвердившейся династии во многом зависела от того, удастся ли Титу одержать победу над иудейскими мятежниками.

В окружении Тита было множество перебежчиков-евреев, в том числе трое жителей Иерусалима — историк, царь и сестра царя, ныне ставшая любовницей римского полководца. Историк по имени Иосиф Флавий был прежде одним из командиров еврейских мятежников, затем перешел на сторону римлян, стал советником Тита и оставил нам единственное описание Иудейской войны глазами очевидца. Царя звали Ирод Агриппа II — это был в высшей степени романизированный еврей, воспитанный при дворе императора Клавдия; он был попечителем иерусалимского Храма, построенного его знаменитым прадедом, Иродом Великим. Ирод Агриппа много времени проводил в своем иерусалимском дворце, хотя владел также обширными землями на севере современного Израиля, в Сирии и Ливане.

Агриппу почти всегда сопровождала его родная сестра Береника. Она трижды побывала замужем (в том числе дважды становилась царицей), а недавно вступила в любовную связь с Титом. Впоследствии ее недруги в Риме окрестили ее «еврейской Клеопатрой». Беренике было около сорока лет, однако она находилась «в расцвете своей красоты», отмечает Иосиф. В начале иудейского восстания Береника и ее брат, жившие вместе (и находившиеся в кровосмесительной связи, как утверждали их враги), пытались увещевать мятежников, взывая к их благоразумию. Теперь же эти три еврея беспомощно наблюдали за «смертельной агонией славного города», причем Береника

делала это непосредственно из постели его разрушителя.

Пленники и перебежчики приносили из города вести, приводившие в ужас Иосифа, чьи родители все еще оставались в стенах осажденного Иерусалима. Даже у воинов на стенах закончились запасы пищи, и они также начали преследовать, обыскивать и расчленять совсем немощных и мертвых в поисках золота или еды, блуждая повсюду «с широко разинутыми ртами, как бешеные собаки». Они ели навоз домашних животных, кожу, которую срывали со своих щитов, варили кожаные пояса, башмаки, набивали рты сухим сеном. Некая богатая женщина по имени Мария, потеряв все свои деньги и лишившись съестных припасов, настолько обезумела от голода и злобы, что умертвила собственного сына, «изжарила его и съела одну половину, другую половину прикрыла» и оставила про запас. Запах жареного мяса распространился по городу, мятежники почуяли его и вторглись в дом. Но даже эти отъявленные головорезы ужаснулись при виде наполовину съеденного детского тела и удалились «в страхе и трепете».

Шпиономания и безумие завладели Священным городом — так он именовался на иудейских монетах. Сумасшедшие шарлатаны и призывавшие к непрестанной молитве проповедники бродили по улицам, суля освобождение и спасение. Иерусалим был, по словам Иосифа, подобен дикому зверю, обезумевшему от голода и готовому пожрать собственную плоть.

В восьмую ночь месяца ава Тит удалился в свою палатку, приказав легионерам затушить огонь, вспыхивавший повсюду, куда достигало расплавленное серебро обшивки ворот. Но защитники города напали на римских пожарных. Римляне, поначалу отступившие под их натиском, затем все же оттеснили евреев во внутренний двор Храма. Один из легионеров, «точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее через золотое окно, которое вело в окружавшие храм помещения с северной стороны». Иудеи, завидев, как пламя пожирает Святая святых, «подняли вопль, достойный столь рокового момента, и ринулись на помощь Храму, не щадя сил» и своих жизней. Но было слишком поздно. Повстанцы вновь забаррикадировались во внутреннем дворе и оттуда взирали на огонь в молчаливом ужасе.

Тит находился всего в нескольких метрах от пожара, в руинах крепости Антония. Когда ему доложили о происходящем, он сразу вскочил с ложа и «бросился к Храму, чтобы прекратить пожар». Его сопровождали Иосиф и, возможно, Агриппа с Береникой. А следом спешили тысячи римских солдат — все «переполошенные происшедшим». Пламя неистовствовало. Иосиф утверждает, будто

Тит снова приказал тушить пожар, но у этого историка-коллаборациониста были все основания оправдывать своего покровителя. Как бы там ни было, к небу возносились вопли, пожар бушевал, а римские солдаты помнили, что по законам войны город, столь долго и упорно сопротивлявшийся, должен быть отдан им на разграбление.

Они делали вид, что не слышат приказов Тита, и кричали своим товарищам, стоявшим в передних рядах, чтобы те бросали еще больше огня в Храм. Солдаты были настолько увлечены происходящим, что многих из них затоптали свои же или они задохнулись среди дымящихся развалин, жаждая мщения и золота (которого римляне в результате награбили столько, что после падения Иерусалима оно вдвое упало в цене в восточных провинциях империи). Тит, не в силах остановить пожар и, наверное, уже предвкушая окончательную победу, прошел по горящему Храму и вошел в Святая Святых. Даже первосвященнику дозволялось вступать сюда только раз в год, и ни один чужестранец не осквернял святости этого места с того момента, как в 63 году до н. э. сюда вошел Помпей, покоритель Иерусалима.

Теперь и Тит «вступил в Святая Святых и обозрел его внутренность. Он нашел все гораздо более возвышенным, — пишет Иосиф, — чем та слава, которой это место пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим восхвалениям и высоким отзывам туземцев». Тогда Тит приказал своим центурионам наказывать солдат, продолжавших поджигать Храм, но их «гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к цезарю». И когда адское пламя взметнулось уже в Святая Святых, сопровождавшие Тита настояли, чтобы он удалился в безопасное место. «И никто уже не препятствовал стоящим снаружи солдатам поджигать».

Побоище продолжалось и в огне. Ошеломленные, изголодавшиеся, потерянные и отчаявшиеся жители Иерусалима бродили по горящим галереям. Тысячи людей — и мирных жителей, и вооруженных повстанцев — собрались на ступенях жертвенника, готовые дать последний безнадежный бой или просто умереть. Хмельные от ярости и близкой победы легионеры перерезали всех, и учиненная бойня напоминала массовое жертвоприношение: вокруг алтаря грудой лежали тела мертвых, и кровь текла рекой по его ступеням. Десять тысяч евреев погибли в пылающем Храме.

Трескавшиеся камни и горевшие деревянные балки производили звук, напоминавший протяжные раскаты грома. Иосиф описывает гибель Храма:

«Треск пылавшего повсюду огня сливался со стонами падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопя о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара собрали остаток своих сил и громко взвыли. Наконец, эхо, приносившееся с Переи и окрест лежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем, но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитых больше убийц».

Храмовая гора — одна из двух гор иерусалимских, та, на которой царь Давид в свое время поместил Ковчег Завета, а его сын Соломон построил Первый Храм, — была со всех сторон охвачена огнем; под мертвыми телами не было видно земли. Солдаты ступали прямо «по грудам мертвецов». Священники еще пытались сопротивляться, а некоторые бросились в огонь и сгорели вместе с Храмом. Римляне, видя, что внутренний храм уже разрушен, рыскали в поисках золота и драгоценной утвари и, вне себя от возбуждения, спешили вынести добычу, пока огонь окончательно не поглотил здание.

Когда внутренний двор выгорел и начал заниматься рассвет нового дня, уцелевшие повстанцы все же прорвались через римские укрепления в лабиринт внешних дворов, некоторым даже удалось укрыться в городе. Римляне в ответ пустили конницу, «убивая иудеев на пути несметными массами», а затем подожгли сокровищницу Храма, где хранилось бесчисленное множество серебряных монет — храмовый налог, который обязаны были платить все евреи, проживавшие на огромном пространстве от Александрии до Вавилона. Сокровищница находилась в женском дворе Храма, где собрались шесть тысяч женщин и детей: их привел сюда некий лжепророк, велевший им ждать в Храме «знамений вашего спасения». Легионеры подожгли галерею, окружавшую двор, и все эти несчастные сгорели заживо.

Римляне водрузили своих орлов на Храмовой горе и в присутствии Тита совершили благодарственные жертвоприношения своим богам, приветствуя своего военачальника почетным титулом *imperator* — «властитель».

Несколько священников все еще скрывались подле Святая Святых. Двое из них бросились в огонь и сгорели заживо, а один вымолил себе помилование, выдав римлянам храмовые сокровища — два золотых светильника и «много другой утвари, употреблявшейся при богослужении… облачения и пояса священников, массу пурпура и шарлаха… много корицы, кассии и других благовонных веществ, из которых каждый день составлялась смесь для воскурения Богу». Когда же, изнуренные голодом, сдались и остальные священники, Тит приказал их казнить со словами: «Жрецам подобает погибнуть вместе со своим храмом!»

Иерусалим был (и до сих пор остается) городом подземных туннелей. И уцелевшие повстанцы растворились в подземельях, сохраняя при этом контроль над Сионской крепостью (Нижним Городом) и Верхним городом на западном холме. Титу потребовался еще месяц, чтобы окончательно покорить Иерусалим. Когда же город наконец пал, римляне со своими сирийскими и греческими союзниками «устремились с обнаженными мечами по улицам, убивая беспощадно всех попадавшихся им на пути и сжигая дома вместе с бежавшими туда людьми». С наступлением вечера кровавое побоище прекратилось, «огонь же продолжал свирепствовать и ночью».

Тит провел переговоры с двумя предводителями повстанцев на мосту, перекинутом через долину, разделявшую Верхний город и Храмовую гору. Римский полководец обещал мятежникам жизнь, но те снова отказались сдаться. Тогда Тит приказал жечь и грабить Нижний город, в котором едва ли не каждый дом и так был наполнен мертвыми телами. Когда мятежники отступили во дворец и Цитадель Ирода, Тит построил осадный вал у стен Верхнего города, чтобы под его прикрытием сделать подкопы под стены. В седьмой день месяца элула, то есть в середине августа, римляне пошли на штурм. В конце концов евреи, сражавшиеся в подземных туннелях города под началом одного из своих вождей, Иоанна из Гисхалы, сложили оружие (самого вождя римляне пощадили, хотя и обрекли на вечное заточение). Другой вождь иудеев, по имени Шимон Бар-Гиора, вышел в белой тунике из подземного убежища под Храмом и был тут же закован в цепи; Тит «приказал сохранить его для триумфа, который имел в виду праздновать в Риме».

Разграбив город, римляне начали методично разрушать его. Иерусалим исчез с лица земли, и время сохранило для нас леденящие свидетельства гибели города и горожан. Римляне не щадили ни старых, ни немощных: скелет женской кисти, найденный на пороге сгоревшего дома, свидетельствует о панике

и ужасе, царивших в погибающем городе; пепел домов в Еврейском квартале дает представление об огненном аде, бушевавшем здесь. Две сотни бронзовых монет были обнаружены в лавке на улице под монументальной лестницей, ведущей к Храму: видимо, кто-то пытался в последние минуты перед гибелью спрятать свои сбережения.

Вскоре и сами римляне устали убивать. Уцелевших жителей Иерусалима согнали в женский двор Храма, и там римляне каждому определили его участь: тех, кто был схвачен с оружием в руках, убили на месте, крепких телом отправили в египетские рудники, молодых и красивых продали в рабство, иных отобрали на растерзание львам в цирковых зрелищах или предназначили для триумфального шествия в Риме.

Иосиф Флавий обнаружил среди несчастных пленников собственного брата и полсотни друзей, которых Тит по его просьбе освободил. Родители Иосифа, вероятно, погибли. Еще троих своих друзей Иосиф узнал среди распятых, но еще живых. Пораженный в самое сердце, он сказал об этом Титу, и тот приказал снять казненных с крестов и привести к ним врача. Но из троих выжил только один.

Тит решил, как когда-то Навуходоносор, сровнять город с землей, однако ответственность за гибель Иерусалима Иосиф возлагает прежде всего на мятежников: «Междоусобная война уничтожила город, а римляне уничтожили междоусобицу». Разрушение Храма, самого внушительного и монументального сооружения Ирода Великого, было, вероятно, непростой инженерной задачей. Огромные тесаные камни Царского портика рухнули вниз на недавно вымощенную площадь; эта гигантская каменная груда была найдена спустя две тысячи лет на том же месте под многовековой толщей культурного слоя. Каменные обломки заполнили долину — ныне почти незаметную — между Храмовой горой и Западным холмом. *Сполии*, архитектурные детали и фрагменты Иродова Храма и разрушенного города I века, можно и сегодня увидеть в самых разных городских кварталах: эти камни снова и снова использовались всеми завоевателями и строителями Иерусалима — от римлян и арабов до крестоносцев и турок-османов — на протяжении более чем десяти столетий после Тита.

Никто не знает точно, сколько людей погибло при падении Иерусалима; древние авторы довольно беззаботно обращаются с цифрами. Тацит считает, что в осажденном городе было заперто 600 тысяч человек, а Иосиф Флавий утверждает, что их было больше миллиона. Но каково бы ни было точное число жителей и защитников Иерусалима, оно огромно, и все эти люди либо

умерли от голода, либо были убиты или проданы в рабство.

Из Иерусалима Тит отправился в гости к Беренике и Агриппе в их столицу — Кесарию Филиппову (этот город находился на горном плато, которое сейчас называется Голанскими высотами). Там он «устраивал всякого рода зрелища, где множество пленников нашли свою смерть, частью в борьбе с дикими животными, большей же частью в поединках друг с другом, к которым их принуждали» победители. Затем покорителя Иерусалима чествовали на празднествах в цирке Кесарии Приморской, которые стоили жизни еще 2,5 тысячи пленных, убитых в ходе цирковых зрелищ. Еще больше евреев были преданы мученической смерти на потеху победителям в Бейруте. И наконец, Тит отправился в Рим, чтобы справить там триумф.

Тем временем его легионеры разрушили практически весь Иерусалим. Тит приказал оставить только часть обводной стены, чтобы разместить там гарнизон Десятого легиона, и три башни Цитадели Ирода, которые должны были «служить свидетельством для потомства, как величественен и сильно укреплен был город, павший перед мужеством римлян». «Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города», — заключает Иосиф Флавий.

За пять столетий до этих событий вавилонский царь Навуходоносор полностью разрушил Иерусалим. Множество пленных было угнано в Месопотамию, и все же через 70 лет после этого евреи вернулись в город, а Храм был отстроен заново. Однако после погрома, учиненного римлянами, Храм так никогда и не будет восстановлен, а евреям, если не считать нескольких кратких периодов, не суждено было снова стать хозяевами Иерусалима еще без малого две тысячи лет. И все же в пепел этой ужасной катастрофы легли семена, из которых пророс современный иудаизм: именно этот погром превратил Иерусалим в святыню для христианства, а позже — для ислама.

Согласно одной из возникших гораздо позже раввинистических легенд, в самом начале осады иерусалимский раввин Иоханан бен Заккай приказал своим ученикам вынести себя из обреченного города в гробу — метафора рождения нового иудаизма, больше не опирающегося на культ жертвоприношений в Храме.

Иудеи, выжившие в Иудее и Галилее, а также большие еврейские общины, рассеянные в землях Римской и Персидской империй, оплакивали потерю Иерусалима и благословляли разрушенный город. Библия и устное предание заняли в иудаизме место Храма, но, согласно одному из преданий, Божественное присутствие (*Шхина*) на три с половиной года почило на

Масличной горе, ожидая, не будет ли восстановлен Храм, прежде чем отлететь на небеса.

Разрушение Иерусалима имело решающие последствия и для христиан. Маленькая христианская община Иерусалима, возглавляемая Симоном, сводным братом Иисуса, покинула город еще до того, как римляне осадили его. Хотя в римском мире к тому времени было уже немало крещеных язычников, члены иерусалимской общины считали себя соблюдающими Закон иудеями и молились в Храме. Теперь же, когда Храм был разрушен, христиане во всех концах империи решили, что избранный народ лишился благоволения Божьего: последователи Христа провозгласили самих себя «избранным народом», единственными правомочными наследниками ветхозаветного иудаизма. Христиане рисовали в своем воображении новый, Небесный Иерусалим, а не разрушенный еврейский город. Самые ранние из Евангелий, написанные, вероятно, вскоре после падения Иерусалима, содержат пророчества Иисуса о гибели города («когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его») и о разрушении Храма («…из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено»). Разрушенное святилище и гибель иудеев стали для христиан еще одним доказательством истинности нового Откровения.

В 620-х годах, когда пророк Мухаммед начал проповедь своей религии, он позаимствовал для нового культа некоторые иудейские традиции: например, обычай обращаться лицом к Иерусалиму во время молитвы и почитание иудейских пророков. Он также считал, что разрушение Храма стало доказательством того, что Бог лишил своей милости евреев, перенеся ее на сынов ислама.

Есть большая ирония истории в том, что решение Тита разрушить еврейский город сделало Иерусалим воплощением святости для двух других «народов Книги». Однако образ Святого Города не возник сам собой; этот образ ковался сознательными усилиями нескольких великих людей. Около 1000 года до н. э., за тысячу с лишним лет до Тита, первый из этих людей захватил Иерусалим.

Это был царь Давид.

Часть первая. Иудаизм

…И назовут тебя городом Господа, Сионом Святаго Израилева… Восстань, восстань, облекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город Святый!

Исайя, 60:14, 52:1

Я… родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего, Великого Бога… Святой город, метрополия не только Иудеи, но многих других земель, ибо когда-то еврейские переселенцы обосновались как в сопредельных странах — в Египте, Финикии и Сирии, — так и в далеких — в Памфилии, Киликии и в Азии вплоть до Вифинии и самых отдаленных заливов Понта; и точно так же в Европе — в Фессалии, Беотии, Македонии, Этолии, Аттике, Аргосе, Коринфе — в большинстве лучших земель Пелопоннеса…

Не говорю о землях за Евфратом.

Иудейский царь Агриппа I.

Цитируется у Филона Александрийского

Тот, кто не видел Иерусалима в его красе, никогда в жизни не видел желанного города. Тот, кто не видел Храма Ирода, никогда в жизни не видел красивого здания.

Вавилонский Талмуд

Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани

моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.

Псалом 137

Иерусалим — самый знаменитый из всех городов Востока.

Плиний Старший.
Естественная история, 5:15

1. Мир Давида

Первый царь и хананеи

Когда Давид завоевал крепость Сион, Иерусалим уже был древним поселением. Но едва ли его можно было назвать городом: это было всего лишь небольшое укрепление на вершине горы, в краю, носившем в разные времена разные имена — Ханаан, Земля Иудина, Иудея, Израиль, Палестина…

Земля Обетованная евреев, Святая земля христиан — это совсем небольшая территория, зажатая между юго-восточным углом средиземноморского побережья и рекой Иордан и имеющая площадь всего 150 × 240 км[2]. Покрытая пышной растительностью прибрежная равнина представляла собой удобный коридор, по которому торговцы и завоеватели перемещались из Египта в великие империи Передней Азии и обратно. Но городок Иерусалим стоял вдалеке от торного пути, в 50 км от ближайшей точки морского побережья, в уединении суровых скал и каменистых отрогов Иудейских гор, открытый морозным, иногда даже снежным зимам и изнуряющему, знойному летнему солнцу. Впрочем, обрывы суровых холмов обеспечивали хорошую защиту от врага, а внизу в долине бил источник, воды в котором жителям вполне хватало.

Романтический образ города Давида гораздо ярче реальной картины, которую мы можем сложить из немногих достоверных исторических свидетельств. Черепки, жутковатые скальные гробницы, остатки древних стен, надписи на камнях из кладки давно разрушенных царских дворцов и отдельные строки Священного Писания, словно мимолетные всполохи, время от времени озаряют туман доисторического прошлого, и одно такое свидетельство от другого отделяют сотни лет. Очередная находка, словно блуждающий огонек, вдруг озаряет дрожащим светом какую-нибудь случайную деталь исчезнувшей цивилизации, а затем снова наступают годы и столетия мрака, о которых нам совсем ничего неизвестно, и мы можем только фантазировать по поводу того, что же тогда происходило, пока новая случайная вспышка вдруг не высветит новый случайный эпизод. Лишь русла рек и ручьев, горы и долины сохранились с тех пор, но и они изменили свои направления и очертания под действием воды и ветра, геологических процессов и упорного человеческого труда. Но одно нам сегодня более или менее ясно: ко времени царя Давида три фактора — репутация святыни, хорошая

защищенность и особенности природного окружения — превратили древний Иерусалим в твердыню, считавшуюся неприступной.

Люди уже жили в этом краю по меньшей мере за пять тысячелетий до новой эры. В самом начале бронзового века, около 3200 года до н. э., когда в месопотамском Уруке уже проживало 40 тыс. человек, а сосед Иерусалима, хорошо укрепленный ханаанский Иерихон считался весьма старинным городом, древние люди, погребавшие своих мертвых в гробницах, вырубленных в склонах иерусалимских холмов, начали строить на одном из них — как раз на том, у подножия которого струился источник, — небольшие квадратные в плане жилища, вероятно, обнесенные стеной. Это поселение было потом заброшено на многие годы, и едва ли Иерусалим вообще был обитаем в эпоху, когда фараоны египетского Древнего царства возводили свои пирамиды и вырубали из глыбы песчаника Великого Сфинкса. Зато в XX веке до н. э., когда на Крите расцветала минойская цивилизация, царь Хаммурапи составлял в Вавилоне свод законов, а бритты отправляли свой культ в Стоунхендже, городок под названием Урсалим был уже хорошо известен. Это название содержится в так называемых «текстах проклятий»[3], обнаруженных при раскопках в Египте, недалеко от Луксора, и, возможно, означает «основанный Салимом» (или Шалемом) — так звали ханаанское божество вечерней звезды.

Поселение на территории Иерусалима развивалось вокруг источника Гихон: жившие здесь хананеи прорубили в скале отверстие, через которое вода из источника поступала в колодец, находившийся в черте крепостных стен. Хорошо укрепленный подземный ход обеспечивал безопасный доступ к воде. Раскопки последнего времени свидетельствуют, что источник был защищен башней в семь метров толщиной и стеной из каменных блоков весом в три тонны каждый. Возможно, башня одновременно служила и святилищем, в котором почитался обожествленный источник. Известно, что в других частях Ханаана цари-жрецы возводили такие же башнеобразные храмы-твердыни. Выше по склону холма археологи обнаружили остатки городской стены — самой древней в Иерусалиме. По-видимому, хананеи так и оставались самыми умелыми строителями в древнейшей истории Иерусалима, пока через две тысячи лет не пробил час Ирода Великого.

Со временем Иерусалим оказался под властью египетских фараонов, захвативших Ханаан в 1485 году до н. э. Египетские гарнизоны стояли в Яффо и Газе. В 1350 году один из правителей Иерусалима в панике умолял своего владыку Эхнатона,

египетского фараона Нового царства, прислать ему «хотя бы пятьдесят лучников», чтобы он мог защитить свои крошечные владения от агрессивных князей-соседей и разбойничьих банд кочевников-хабиру[4], терроризировавших округу. Царек по имени Абди-Хеба называет свой город «столицей земли Иерусалимской, имя которой Бейт-Шульмани» (то есть «дом Благоденствия»).

Абди-Хеба был совершенно ничтожной политической фигуркой в мире, в котором соперничали египтяне (к югу от Ханаана), хетты (к северу от него, на землях современной Турции) и ахейские греки. Первая часть имени царя — западно-семитская. Семиты — это группа народов Ближнего Востока, говоривших на различных, но родственных языках. Родословную семитов возводили к Симу, сыну Ноя. Абди-Хеба мог быть уроженцем любой области на северо-востоке Средиземноморья. Его послание Эхнатону, найденное в архиве фараона[5], выражает панический страх и преисполнено подобострастия. Тем не менее, это первые дошедшие до нас подлинные слова жителя Иерусалима:

«Семь и семь раз припадаю к стопам царя, господина моего. И вот что сотворили Милкиилу и Шувардату против страны господина моего: они взяли воинов от Гезера и пришли… нарушив закон царя. И вот, земли царя оказались в руках хабиру. И вот, город земли Иерусалимской по имени Бет-Ниниб, город царя, господина моего, стал владением людей Киилу. Да послушает царь раба своего Абди-Хебу и да пришлет лучников…»

Нам неизвестно, как отреагировал фараон на это послание. Но чем бы ни закончилась трагическая история осажденного врагами царя, всего столетием позже жители Иерусалима возвели на холме Офель, выше источника Гихон, крутые ступенчатые террасы, сохранившиеся до наших дней, — основание цитадели, или храма Салима. Эти мощные стены, башни и террасы были частью хананейской цитадели, которая известна нам под названием Сион и которую со временем предстояло завоевать Давиду.

Где-то в XIII веке до н. э. Иерусалим перешел под власть иевусеев, еще одной из ханаанских народностей, но в этот период мир древнего Средиземноморья уже захлестывали волны новых захватчиков — загадочных «народов моря», явившихся, вероятно, с эгейских островов. В буре набегов и миграций тонули целые империи. Пало хеттское царство, в результате неких загадочных событий рухнули Микены, непрерывным потрясениям подвергался Египет — тут-то на исторической сцене и появился народ, называвший себя евреями.

Авраам в Иерусалиме: израильтяне

Над восточным Средиземноморьем сгустились «темные века», продлившиеся три столетия, и за это время евреи, они же сыны Израиля, — загадочный народ, поклонявшийся Единому Богу, — сумели найти себе место для расселения в тесном Ханаане и впоследствии основали здесь свое царство. История евреев озарена преданиями о сотворении мира, их собственном происхождении и их отношениях с Богом. Эти предания постепенно записывались в священных текстах, которые со временем сложились в Пятикнижие Моисеево — первую часть Танаха, Священного Писания иудеев. Библия стала книгой книг, но это было не какое-то цельное произведение, а пестрое собрание мистических текстов, созданных неизвестными авторами, которые писали и редактировали их в разное время и с разными устремлениями.

Эти священные тексты, творение стольких эпох и стольких умов, иногда описывают исторические факты, достоверность которых подтверждена другими источниками, но также содержат явно неправдоподобные мифы, возвышенную эпическую поэзию, не говоря уже о множестве загадочных, не до конца объяснимых деталей — возможно, это какой-то шифр, а может быть, эти фрагменты просто неправильно поняты, переданы и переведены. Большая часть библейских текстов написана не ради точного изложения событий, а ради передачи высшей истины: описания взаимоотношений народа и его Бога. Для человека верующего Библия является плодом Божественного Откровения. Для историка это противоречивый, ненадежный, содержащий повторы и неясности[6], но при всем том бесценный источник, — зачастую единственное имеющееся в нашем распоряжении описание тех или иных событий. И, наконец, это первая и самая важная биография Иерусалима.

Согласно Книге Бытие, первой книге Библии, родоначальником еврейского народа был Аврам — кочевник родом из месопотамского города Ур, переселившийся в ханаанский город Хеврон, в землю, завещанную ему Господом. Бог дал Авраму новое имя Авраам, что значит «отец множества народов», и во время своих странствий по Ханаану еврейский праотец получил также благословение Мелхиседека, царя Салима и «священника Бога Всевышнего». Это первое упоминание Иерусалима в Библии позволяет предположить, что город уже в ту пору был святилищем хананеев и в нем правили цари-священники. Позднее Бог пожелал испытать веру Авраама, повелев тому принести сына, Исаака, в жертву на горе в «земле

Мориа»; гора Мориа впоследствии стала называться Храмовой горой.

Хитроумный Иаков, внук Авраама, обманом выманил у своего престарелого слепого отца Исаака благословение первородства в ущерб своему брату Исаву. Но в борьбе с неким таинственным странником искупил свой проступок и получил новое имя, Израиль — «соперник Бога», «боровшийся с Богом». Этот момент знаменует собой рождение еврейского народа, последующие отношения которого с Богом были драматичны и мучительны. Двенадцать сыновей Израиля стали прародителями двенадцати колен — двенадцати еврейских племен, со временем переселившихся в Египет.

В преданиях о праотцах так много противоречий и неувязок, что эти истории не поддаются точной исторической датировке, однако через 430 лет, в книге Исход, израильтяне предстают перед нами уже как угнетенные рабы египтян, занятые на строительстве городов фараона. А затем чудесным образом, с Божьей помощью, уходят из Египта (евреи до сих пор отмечают свое избавление от рабства праздником Пасхи), ведомые пророком по имени Моисей. Во время странствий по Синайскому полуострову Бог вручает Моисею Скрижали Завета с десятью заповедями, пообещав евреям Ханаан, Землю обетованную, при условии, что они будут жить, почитая и соблюдая эти заповеди. Но когда Моисей попытался узнать имя Бога, то получил таинственный ответ, исключающий даже возможность дальнейших расспросов: «Аз есмь Сущий». По-древнееврейски это выражение передается буквами YHWH — Яхве, или, в более позднем искаженном варианте, Иегова[7].

Многим семитам случалось поселиться в Египте; одним из тех фараонов, которые заставляли евреев строить египетские города, был, по-видимому, Рамсес II Великий. Имя Моисей — египетского происхождения, и это позволяет предположить, что еврейский пророк, по меньшей мере, родился в Египте. И нет никаких оснований сомневаться в том, что первый харизматический вождь любой монотеистической религии, будь то Моисей или кто-либо иной, верил в то, что сподобился Божественного Откровения — потому что именно так начинаются все подобные религии. Так что предания семитского народа о спасении от угнетения представляются вполне правдоподобными, пусть даже они плохо поддаются точной датировке.

Моисей успел бросить взгляд на Землю обетованную с горы Нево, но умер прежде, чем смог вступить в Ханаан. Сынов Израиля повел туда его преемник Иисус Навин. Библия рисует еврейское завоевание Ханаана одновременно и как цепь кровавых

побоищ, и как мирный процесс постепенного расселения и освоения новых земель. Археологических свидетельств завоевания Ханаана не найдено, однако пастухи-кочевники исстари основывали на иудейских нагорьях множество неукрепленных поселений[8]. Вполне вероятно, что в числе этих поселенцев была и небольшая группа израильтян, вышедших из Египта. Их объединяла вера в общего Бога, Яхве, которому они поклонялись с помощью переносной святыни — скинии, где хранился священный деревянный ларец, Ковчег Завета. Собственную идентичность они определяли рассказами о своих праотцах и патриархах. Многие из этих преданий — от легенды о сотворении Адама до жизнеописания Авраама — впоследствии станут частью священной истории не только иудеев, но также христиан и мусульман, а местом действия этих рассказов или их смысловым центром будет Иерусалим.

Никогда раньше сыны Израиля не подходили так близко к этому городу.

2. Возвышение Давида

Юный Давид

Иисус Навин встал лагерем к северу от Иерусалима, в Силоме, и воздвиг там жертвенник Яхве. В Иерусалиме тогда жили иевусеи, которыми правил Адониседек, — судя по имени, царь-священник. Адониседек оказал Иисусу сопротивление, но был разгромлен. «Но иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и потому иевусеи живут с сынами Иуды в Иерусалиме даже до сего дня». Около 1200 года до н. э. египетский царь Мернептах, сын Рамсеса Великого и, возможно, тот самый фараон, который был вынужден освободить евреев и отпустить их с Моисеем, пытался справиться с набегами «народов моря», уже некоторое время испытывавших на прочность древние империи Ближнего Востока. Фараон предпринял поход в Ханаан, чтобы подавить начавшееся там брожение и восстановить имперский порядок. По возвращении домой он увековечил свой триумф на стенах храма в Фивах: высеченная на камне надпись сообщает, что царь победил народы моря, отвоевал Аскалон (Ашкелон) и истребил народ, имя которого впервые появляется в историческом источнике: «Израиль пуст, нет его семени».

Израиль в ту пору еще не был монархией. Книга Судей рассказывает о конфедерации племен, которой управляли харизматические вожди («судьи») и которая теперь столкнулись с новым врагом — филистимлянами, одним из «народов моря», пришедшим, возможно, с Эгейских островов. Филистимляне захватили побережье Ханаана и построили там пять богатых городов; они занимались ткачеством, обжигали красно-черную керамику и поклонялись многочисленным богам. Израильтяне, пастухи из небольших горных селений, не могли достойно противостоять этим опытным воинам, которые были закованы в панцири, носили поножи и шлемы, сражались весьма совершенным оружием и были даже способны остановить в ближнем бою атаку громоздких египетских колесниц.

Согласно одной из версий Книги Судей (правда, эта версия считается не слишком достоверной), израильтяне в какой-то момент захватили и сожгли Иерусалим, но если так оно и было, им не удалось удержать крепость.

В битве при Авен-Езере, произошедшей около 1050 года до н. э., филистимляне сокрушили евреев, разрушили их жертвенник в Силоме, захватили Ковчег Завета, священный символ Яхве, и

явно намеревались продолжать наступление в иудейские холмы, где находился Иерусалим. Под угрозой истребления и желая быть «как другие народы», израильтяне решили взять себе царя, но хотели, чтобы его назначил непосредственно Бог. Они обратились к своему престарелому судье, пророку Самуилу. Пророк в те времена был не столько предсказателем будущего, сколько толкователем Божественной воли в настоящем. Израильтянам был нужен сильный военный вождь, и Самуил остановил свой выбор на молодом воине Сауле, помазав его на царство. Управляя страной из своей крепости Гаваон, стоявшей на вершине холма всего в нескольких милях к северо-западу от Иерусалима, новый вождь Израиля поначалу оправдывал надежды народа, последовательно разгромив моавитян, эдомитян и филистимлян. Но талантливый полководец Саул оказался, однако, плохим царем: «А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа».

Столкнувшись с явной психической нестабильностью Саула, Самуил втайне начал подыскивать ему преемника. В одном из восьми сыновей некоего Иессея из Вифлеема пророк различил черты гениальности. Давид, самый младший из братьев, «был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом». И сказал Господь Саулу: «Встань, помажь его, ибо это он». Давид был также «искусен в игре на гуслях», был «человеком храбрым и воинственным и разумным в речах». Он один из самых замечательных персонажей Ветхого Завета, хотя и довольно противоречивый. Человек, превративший Иерусалим в Святой город, был поэтом и завоевателем, убийцей и прелюбодеем, а набожность и ум государственного мужа сочетались в нем с пороками авантюриста.

Самуил привел Давида ко двору Саула, и царь назначил его одним из своих оруженосцев. А когда царем овладевало безумие, Давид проявлял первый из своих даров: он брал гусли и играл на них, «и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него». Талант музыканта — важная составляющая харизмы Давида: многие из приписываемых Давиду псалмов, очевидно, действительно были сочинены им.

Филистимляне вторглись в Иудею, и Саул с войском вышел им навстречу. В стане филистимлян был могучий великан по имени Голиаф, закованный в медные чешуйчатые латы, столь не похожие на легкие и ненадежные доспехи израильтян. Саул хотел избежать генерального сражения и, вероятно, испытал облегчение, пусть и смешанное с изрядной долей скепсиса, когда Давид потребовал, чтобы ему дали сразиться с великаном. Юноша отказался от одежды и доспехов царя, он лишь «выбрал себе пять

гладких камней из ручья» и взял пращу. Выступив навстречу Голиафу, Давид метнул камень[9] и «поразил филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю». Подбежав к поверженному противнику, Давид вытащил у того из ножен меч и отсек ему голову. «Филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали», а израильтяне преследовали их до самого города Аккарон.

Эта история, вероятно, совершенно легендарна и должна лишь показать, что уже в юности Давид проявил себя как бесстрашный и ловкий воин[10]. Саул возвысил Давида за храбрость, и женщины, выходившие встречать победителей, пели: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч». Сын Саула Ионафан подружился с Давидом, а дочь Саула Мелхола полюбила его. Саул разрешил им пожениться, но с муками зависти совладать не мог и дважды пытался убить своего зятя копьем. Царская дочь спасла жизнь мужа: она помогла Давиду бежать, спустив его из окна дворца, и он нашел убежище у священников в Навафе. Саул продолжал преследовать бывшего любимца, но Давиду вновь удалось скрыться, а тем временем к нему стали стекаться «все притесненные… и огорченные душой», и скоро под началом Давида собрался отряд в 600 человек. Дважды Давид прокрадывался в шатер к спящему царю, но каждый раз щадил его, и в конце концов Саул с плачем признал: «Ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом».

Наконец Давид со своим отрядом поступил на службу к филистимскому царю Анхусу из Гефа, который пожаловал ему город Секелаг. Филистимляне вновь вторглись в Иудею и разгромили войско Саула на горе Гильбоа. Сын царя Ионафан был убит, а Саул покончил с собой, «пав на меч».

3. Царство и храм

Давид: царский город

Некий молодой человек явился в лагерь Давида из стана Саула и рассказал, что он убил царя, «помазанника Божьего»: «Я подошел к нему и убил его, ибо знал, что он не будет жив после своего падения». Давид приказал убить вестника, а Саула и Ионафана оплакал бессмертными стихами: «Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные!.. Дочери Израильские, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы… Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов они были… Как пали сильные, погибло оружие бранное!»

В этот мрачный час к Давиду пришли «мужи Иудины» (то есть представители колена Иуды) и помазали его на царство, и Давид стал править южной частью страны, Иудеей, сделав своей столицей Хеврон. А уцелевший сын Саула, Иевосфей, наследовал отцу и стал царем северных племен, то есть Израиля. После семилетней усобицы Иевосфей был убит, и северные племена также признали Давида своим царем. Так Давид стал во главе объединенного царства, хотя трещину, которая пролегла между Севером (Израилем) и Югом (Иудеей), удалось загладить только благодаря его личной харизме.

Иерусалим в те годы назывался Иевус — по имени обитавших в нем иевусеев. Давид со своим войском осадил, а потом взял штурмом городскую цитадель — крепость Сион, не устрашившись грозных укреплений, которые были не так давно обнаружены археологами вокруг источника Гихон[11]. Сион считался неприступным, и как именно Давиду удалось захватить цитадель, остается загадкой. Библия рассказывает, что иевусеи выставили на стены слепых и увечных, наглядно демонстрируя осаждавшим, что их ждет в бою. Однако царь Давид каким-то образом все же проник в город, возможно, по одному из подземных водопроводных туннелей (целая сеть таких туннелей была раскрыта археологами на холме Офель). Как бы там ни было, «Давид взял крепость Сион: это — Город Давидов».

Возможно, взятие крепости было результатом дворцового переворота. Давид не стал учинять в городе резню, пощадил иевусеев и принял их в свою разноплеменную свиту и в свое войско. Он переименовал крепость Сион в Город Давидов,

укрепил стены и перенес в Иерусалим Ковчег Завета, давно возвращенный от филистимлян. Святость реликвии была столь неумолима, что человек, пытавшийся поддержать колесницу с ковчегом, накренившуюся на крутой дороге, был убит на месте. Ковчег пришлось оставить на три месяца в доме одного достойного доверия жителя Гефа, и лишь затем Давид и «весь дом Израилев» перенесли «Ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками» в Город Давидов, принося в жертву тельца и овна через каждые шесть шагов пути. Одетый в священнический льняной ефод, «Давид скакал изо всей силы пред Господом». Господь же обещал Давиду, что его дом и его царство будут непоколебимы навеки. Вековая борьба была закончена, и Давид провозгласил, что Священный город навсегда стал домом Яхве.

Мелхола, жена Давида, укоряла мужа за то, что он, полуобнаженный, пляшущий перед Господом, выглядел «пред глазами рабов своих, как какой-нибудь пустой человек». Если более ранние книги Библии представляют собой компиляцию древних текстов и ретроспективных историй, написанных гораздо позже, то противоречивый, «негероический» портрет Давида в первых двух Книгах Царств кажется столь ярким и выпуклым, что он, возможно, основан на воспоминаниях одного из придворных царя.

Давид выбрал Иерусалим своей столицей потому, что город не принадлежал ни северным племенам, ни его родной Иудее. Он перенес сюда золотые щиты поверженных им врагов и построил дворец из кедрового дерева, полученного от своих финикийских союзников из Тира. Согласно преданию, царство Давида простиралось от Ливана до границ Египта, а на востоке в него входили обширные территории современных Иордании и Сирии; даже в Дамаске стоял царский гарнизон. Тем не менее, единственным источником наших знаний о Давиде остается Библия: в 1200–850 годах до н. э. Египет и великие империи Передней Азии переживали период упадка и оставили крайне мало царских надписей, кроме того, на Ближнем Востоке, по-видимому, возник серьезный вакуум власти. Однако исторический Давид, безусловно, существовал: надпись, обнаруженная в 1993 году в Тель-Дане (Северный Израиль) и относящаяся в IX веку до н. э., именует династию царей Иудеи «домом Давида», следовательно, именно Давид был ее основателем.

Иерусалим Давида был крошечным городком. В то время Вавилон занимал площадь в тысячу гектаров; и даже город Хацор в Галилее, к северу от Иерусалима, имел площадь около 80 га. Площадь же Иерусалима едва ли превышала шесть гектаров —

ровно столько, сколько и нужно было для примерно 1200 человек, живших вокруг крепости. Однако недавние раскопки укреплений над источником Гихон доказывают, что Город Давидов был гораздо более внушительным, чем считалось прежде, пусть он и не походил на имперскую столицу[12]. Размеры царства Давида, завоеванного с помощью критских, филистимских и хеттских наемников, также представляются в целом правдоподобными (хотя и слегка преувеличенными авторами библейских текстов). Это царство, в сущности, было просто племенным союзом, который скрепляли авторитет и личная харизма царя. Много столетий спустя Маккавеи еще раз продемонстрируют, с какой скоростью энергичный полевой командир может завоевать Иудею в условиях вакуума царской власти.

Однажды вечером Давид отдыхал на крыше своего дворца. И «увидел с кровли купающуюся женщину, а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина. И сказали ему: это Вирсавия…». Вирсавия была женой иноплеменного командира наемников — Урии Хеттеянина. Давид позвал ее к себе, «и она пришла к нему, и он спал с нею», и Вирсавия забеременела. Тогда царь приказал своему военачальнику Иоаву вернуть Урию из военного похода в земли современной Иордании. Когда Урия прибыл ко двору, Давид сказал ему: «Иди домой и омой ноги свои», желая, чтобы Урия переспал с женой и, таким образом, ее беременность получила бы законное объяснение. Но Урия отказался идти домой в разгар военных действий, и тогда Давид приказал ему доставить письмо Иоаву, а «в письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение… чтоб он был поражен и умер». И Урия был убит.

Вирсавия стала любимой женой Давида, и тогда пророк Нафан рассказал ему историю о некоем богаче, у которого было «много мелкого и крупного скота», но он все равно отобрал единственную овцу у бедняка. Давид был возмущен такой несправедливостью: «Достоин смерти человек, сделавший это». «Ты — тот человек», — сказал Нафан Давиду. Только тогда царь осознал, что совершил чудовищное преступление. Его ребенок от Вирсавии, зачатый в грехе, заболел и умер. Но второй сын Давида и Вирсавии, нареченный Соломоном, выжил.

Двор Давида был далек от идеала, и такие подробности придворной жизни выглядят вполне правдоподобными. Как и многие другие империи, выстроенные волею одного сильного человека, объединенное царство Давида на закате его жизни начало давать трещины: его сыновья повели междоусобную борьбу за власть. Старший сын Давида Амнон мог рассчитывать

на престол, но любимым сыном царя был избалованный и честолюбивый Авессалом, единокровный брат Амнона, гордившийся своими прекрасными длинными волосами и красотой без единого изъяна: «Во всем Израиле не было мужчины столь красивого, как Авессалом».

Авессалом: возвышение и гибель царевича

Амнон обманом заманил Фамарь, родную сестру Авессалома, к себе домой и изнасиловал ее. Авессалом убил брата, но, видя скорбь Давида и страшась его гнева, бежал из столицы и возвратился в Иерусалим только через три года. Давид и его любимый сын помирились: Авессалом «пришел к царю и пал лицем своим на землю пред царем, и поцеловал царь Авессалома». И все равно царевич не мог укротить свое тщеславие. Он разъезжал по городу в колеснице, перед которой бежали 50 скороходов, и настраивал горожан против отца, так что «сердце израильтян уклонилось на сторону Авессалома». В конце концов он поднял мятеж и сделал своей штаб-квартирой Хеврон.

Слава мятежного царевича упрочивалась: «Народ стекался и умножался около Авессалома». Но к престарелому царю вернулась былая сила духа: он взял Ковчег Завета, символ благоволения Божия, и вместе с ним покинул столицу. И пока Авессалом утверждался в Иерусалиме, Давид собирал войско. Однако он предупредил своего военачальника Иоава: «Сберегите мне отрока Авессалома». Когда войско Давида разгромило мятежников в лесу Ефремовом, Авессалом бежал с поля битвы верхом на муле. Но его прекрасные длинные волосы стали причиной его гибели: «Когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то [Авессалом] запутался волосами своими в ветвях дуба и повис между небом и землею, а мул, бывший под ним, убежал». Когда Иоав и его люди нашли повисшего на ветвях царевича, они убили Авессалома и бросили тело в глубокую яму, забросав камнями, хотя царевич еще при жизни воздвиг себе надгробный монумент — мраморный столб[13]. «Благополучен ли отрок Авессалом?» — спросил Иоава царь. А услышав о смерти царевича, начал горько стенать: «Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!»

Когда по стране распространились голод и моровая язва, Давид, стоя на горе Мориа, увидел Ангела Смерти, простирающего руку на Иерусалим, чтобы уничтожить его жителей. И в тот момент Давид испытал раскаяние и сказал: «Вот,

я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего». Тогда Господь устами пророка Гада повелел царю поставить жертвенник на горе Мориа. Правители иевусейского Иерусалима описываются в библейских текстах как цари-священники, следовательно, уже в те времена в городе было какое-то святилище. У одного из коренных жителей Иерусалима по имени Орна Иевусеянин было гумно на горе Мориа (то есть, к тому времени город уже поднялся с холма Офель на примыкавшую к нему гору). «И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы». Более того, Давид решил построить на этом месте не просто алтарь, а целый храм, и даже успел заказать кедровые бревна у Авиваала, царя финикийского Тира. Это был звездный час Давида: он уже предвкушал, как соединит Бога и Его народ, примирит Израиль и Иудею, утвердит Иерусалим как священную столицу Господа. Но этому не суждено было случиться, поскольку Господь сказал Давиду: «Не строй дома имени Моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь».

Теперь Давид был просто немощным стариком, и его придворные и сыновья интриговали за право наследования. Еще один сын Давидов, Адония, задумал узурпировать власть, а для отвлечения внимания отца ему в услужение взяли красивую и проворную девицу по имени Ависага. Но заговорщики недооценили Вирсавию.

Соломон: храм

Вирсавия потребовала у Давида трон для своего сына Соломона. Давид призвал священника Цадока и пророка Нафана, и те препроводили Соломона на царском муле к священному источнику Гихон. Там Соломон был помазан на царство. «И затрубили трубою, и весь народ восклицал: да живет царь Соломон!» Адония, услышав, как радуется народ, и «боясь Соломона, встал и пошел и ухватился за роги жертвенника». Соломон обещал сохранить ему жизнь.

Прожив жизнь выдающегося государственного мужа, объединив израильтян и сделав Иерусалим городом Бога, Давид умер, завещав Соломону воздвигнуть храм на горе Мориа, «и погребен был в Городе Давидовом»[14]. Авторы Книги Царств, писавшие ее через четыреста лет после смерти Давида в назидание своим современникам, превратили далекого от

совершенства человека в идеал царя. Сын же его был совсем другим. Соломону предстояло завершить священную миссию, порученную ему отцом, но в начале своего правления — это было около 970 года до н. э. — он пролил много крови.

Вирсавия попросила Соломона, чтобы он отдал в жены своему старшему единокровному брату Адонии последнюю наложницу Давида. «А зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адонии? Проси ему *также* и царства», — саркастически ответил Соломон и приказал убить Адонию, а заодно и старых боевых товарищей своего отца. Эта история — последняя из числа тех, что записаны, возможно, придворным историком Давида, но она также — первая и единственная, в которой Соломон описывается как живой человек. Затем он превращается в легендарного, неправдоподобно совершенного правителя, наделенного непостижимой для простого смертного мудростью и исключительными достоинствами. Все, чем обладал Соломон, было больше и лучше того, чем владели другие цари. Его мудрость породила три тысячи притчей и 1005 песней; его гарем насчитывал 700 жен и 300 наложниц, а в его войске было 12 тысяч всадников и 1400 колесниц. Эти драгоценные шедевры военной техники были размещены в городах-крепостях Мегиддо, Газер и Хацор, а флот царя стоял на якоре в Ецион-Гавере «возле Елафа, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской».

Соломон торговал с Египтом и Киликией, покупая и продавая пряности и золото, колесницы и коней. Со своим финикийским союзником, царем Хирамом из Тира, он организовывал совместные торговые экспедиции в Офир (возможно, западное побережье Индии). Он принимал у себя в гостях царицу Савскую — правительницу легендарного Сабейского царства в южной Аравии, которая пожаловала в Иерусалим «с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями». Золото стекалось к Соломону из Офира, медь — из его собственных копей. Богатство Соломона преобразило Иерусалим: «Сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, сделал равноценными с сикоморами».

Самым красноречивым свидетельством международного престижа Соломона стала его женитьба на дочери фараона. Фараоны почти никогда не выдавали своих дочерей замуж за иноземцев, тем более не могла идти речь о каком-то еврейском парвеню, чьи предки еще недавно пасли коз в горах Ханаана. Однако Египет, прежде столь горделивый, раздирала в эти годы очередная внутренняя смута. Фараон Сиамон смог захватить древний хананейский город Газер неподалеку от Иерусалима, но,

вероятно, осознавая, что слишком удалился от дома, предложил Соломону в жены свою дочь, а покоренный город отдал в качестве приданого. Немыслимая честь для любого здешнего царька в любое иное время!

Однако высшим свершением Соломона стал Храм Иерусалимский, задуманный еще его отцом Давидом. «Дом Господень» был возведен рядом с царским дворцом Соломона на священном участке. Храмово-дворцовый комплекс подробно описан в Библии: в него входили величественные дворцы и покои, отделанные золотом и кедром, включая «дом из дерева ливанского», «притвор из столбов длиною в пятьдесят локтей» и «притвор с престолом», с которого царь вершил свой справедливый суд.

Этот храм, впрочем, не был произведением одних только израильтян. Финикийцы, жившие в независимых городах-государствах вдоль ливанского побережья, были в то время самыми искусными ремесленниками и самыми умелыми мореходами Средиземноморья. Они славились своей драгоценной краской — тирским пурпуром (греческое название страны *Phoinike*, возможно, и означает «земля пурпура»), они изобрели алфавит. Тирский царь Хирам не только поставлял Соломону кипарисы и кедры для постройки, но и предоставил мастеров, украсивших храм серебряным и золотым декором. Все в этом Храме было из «чистого золота».

Первый Иерусалимский Храм не был рядовым святилищем: это был настоящий дом Бога, внушительный комплекс, состоявший из трех частей, длиной в 60 локтей, шириной в 20, обнесенный стеной. Входом в него служили ворота с двумя медными столбами, «каждый в восемнадцать локтей вышиной», называвшимися Иахин и Воаз, украшенными лилиями и плодами граната. Эти ворота вели в большой, с колоннами, внутренний двор, открытый небу и обрамленный с трех сторон двухэтажными палатами — «боковыми комнатами», в которых, по всей видимости, размещались царские архивы или сокровищница. Из передней части Храма открывался портик в святилище: десять золотых светильников стояли там вдоль стен. Золотой стол для «хлебов предложения» был установлен перед золотым жертвенником, там же были водоем, подставы на колесах с чашами-«умывальницами» и литой из меди пруд, известный как «море». Из этой средней части Храма вели ступени во внутреннюю часть Храма — Святая Святых[15], — небольшую комнату, которую охраняли два крылатых херувима высотой в десять локтей каждый, сделанные из масличного дерева и обложенные золотом.

И все же своему дворцу Соломон уделил еще больше внимания. Дом Бога он закончил за семь лет, а собственный дом строил тринадцать. К тому же дворец Соломона был размером больше, чем Храм. В «Доме Господнем» должна была царить тишина, поэтому «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в Храме при строении его». Мастера-финикийцы обтесывали камни, рубили кипарисовые и кедровые стволы, заготовляли украшения из золота, серебра и меди в Тире, а оттуда плотами вдоль побережья доставляли в Иерусалим. Царь Соломон укрепил и саму гору Мориа, удлинив старые подпорные стены: с тех пор название Сион, которое раньше относилось к древней цитадели Города Давида, распространилось также на гору.

Когда строительство было закончено, Соломон собрал «все общество Израилево», чтобы люди увидели, как старейшины и начальники всех колен народа переносят ларец из белой акации — Ковчег Завета — из скинии, находившейся в Городе Давида, в новый Храм на горе Мориа. Соломон принес жертву у алтаря, и наконец «внесли священники Ковчег Завета Господня на место его… в Святая Святых, под крылья херувимов», сверкавших золотом. В Святая Святых ничего не было, кроме херувимов и Ковчега Завета, а в Ковчеге — деревянном ящике размером 120 на 75 см — ничего не было, кроме двух каменных скрижалей с законами Моисея. Это место считалось священным в такой степени, что не было предназначено для общественной молитвы: в этой пустоте пребывала аскетическая, не имеющая зримого образа божественная сущность Яхве — уникальная особенность религии евреев.

Когда священники вышли из Святая Святых, Соломон освятил Храм на глазах у народа и обратился к Богу со словами: «Я построил Храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе вовеки». И ответил Господь Соломону: «Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду». Так было положено начало празднику, собиравшему в Иерусалиме множество паломников: «И приносил Соломон три раза в год всесожжения и мирные жертвы на жертвеннике». Именно в этот момент священная идея иудео-христианско-исламского мира обрела свое материальное пристанище — дом Божий. Иудеи и другие «люди Писания» (то есть последователи религий, почитающих Библию) верят, что Бог никогда не оставлял Своим присутствием Храмовую гору. Иерусалиму было предначертано стать главным местом общения Бога и человека.

Соломон: закат

Библия довольно подробно описывает Храм Соломонов, и мы хорошо представляем себе многие его детали. Но иных, внебиблейских источников, подтверждающих достоверность этих сведений, мы не знаем. Не найдено и никаких материальных остатков Храма.

Это не так удивительно, как может показаться. Вести раскопки на Храмовой горе невозможно как по политическим, так и по религиозным соображениям. Но даже если такие раскопки рано или поздно будут разрешены, вряд ли мы найдем какие-либо следы Храма, ведь его разрушали по меньшей мере дважды, сравнивали с землей по меньшей мере один раз, а в промежутках между разрушениями бесконечно ремонтировали, расширяли и перестраивали. И все же первый Храм скорее всего был и размером, и убранством примерно таким, каким его описывает Библия, пусть даже она несколько преувеличивает его великолепие.

Храм Соломона был типичным для своего времени. Финикийские храмы, по образцу которых он отчасти был построен, представляли собой процветающие предприятия, которыми управляли сотни чиновников. У таких храмов имелся обширный штат храмовых блудниц, чьи заработки пополняли храмовую сокровищницу, и даже цирюльники — к услугам тех, кто желал посвятить свои волосы богу. Планы сирийских храмов, раскопанных во многих местах региона, а также их утварь, в том числе чаши для омовений, очень напоминают описанное в Библии святилище Соломона.

Сообщениям об изобилии в нем золота и слоновой кости вполне можно доверять. Столетие спустя цари Израиля правили северной частью страны из своих роскошных дворцов в Самарии, и в руинах этих дворцов археологи обнаружили фрагменты убранства из слоновой кости. Согласно Библии, на отделку Храма Соломон употребил 500 золотых щитов, но и другие источники подтверждают, что недостатка в золоте в эту эпоху не было: его привозили из таинственного Офира, кроме того, оно поступало из золотых копей в Нубии. В описании похода египетского фараона Шешонка, разорившего Иерусалим через некоторое время после смерти Соломона, упоминается огромное количество золота и других ценностей, захваченных египтянами в Храме и в царском дворце. Знаменитые же копи царя Соломона долгое время считались мифом, однако затем в Иордании и в долине Тимна, на самом юге Израиля, были обнаружены медные рудники, которые разрабатывались как раз во времена правления царя. Численность войска Соломона также выглядит вполне правдоподобной: мы знаем, что и через сто лет после Соломона царь Иудеи мог

выставить на поле боя две тысячи колесниц[16].

Величие Соломона, возможно, несколько преувеличено в Библии, но закат его правления описан очень реалистически: мудрый царь стал непопулярным тираном, обременившим народ «тяжким игом» непомерных податей ради воплощения в жизнь своих монументальных проектов и добивавшимся послушания бичами. К разочарованию верных единобожию библейских авторов, писавших о царе два столетия спустя после его кончины, Соломон в старости «уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева» и стал служить местным языческим богам, да к тому же, помимо дочери фараона, любил «многих чужестранных женщин».

От Эдома на юге до Дамаска на севере во владениях Соломона вспыхивали восстания, а его собственный военачальник Иеровоам задумал поднять мятеж среди северных племен. Соломон решил убить Иеровоама, но тот успел бежать в Египет, где его взял под свое покровительство Шешонк — фараон-ливиец, задумавший возродить былую мощь египетской империи. Царство Иудейское вступало в полосу потрясений.

4. Цари иудейские
930–626 гг. до н. э

Ровоам против Иеровоама: раскол

Соломон умер в 930 году до н. э., процарствовав 40 лет. Его сыну и наследнику Ровоаму пришлось совершить официальный визит на север, чтобы его признали царем десять северных колен, представители которых собрались в Сихеме. Северяне готовы были подчиниться молодому царю, но требовали отмены непосильных податей. Их старейшины призвали вернувшегося из Египта военачальника Иеровоама, чтобы он передал Ровоаму их просьбу: облегчить бремя, наложенное на них его отцом. Но Ровоам дерзко ответил: «Я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». Тогда десять северных колен провозгласили своим царем Иеровоама: «Отложился Израиль от дома Давидова».

Ровоам остался царем одной лишь Иудеи — небольшой области вокруг Иерусалима и к югу от него. Но он был внуком Давида и в его владениях находился Храм, дом Яхве. Более опытный Иеровоам, сделавший своей столицей Сихем, сознавал опасность: «Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, Ровоаму, царю Иудейскому». Поэтому Иеровоам построил в Вефиле и Дане два собственных небольших святилища — типичные хананейские жертвенники. Северяне стали приносить жертву здесь, а не в Иерусалиме. Так политический раскол усугубился расколом религиозным. Правление Иеровоама было долгим и успешным, но затмить блеск Иерусалима ему так и не удалось.

Два еврейских царства то воевали друг с другом, то становились близкими союзниками. Почти четыре века, начиная с 900 года до н. э., династия Давида правила Иудеей, в то время как более богатый Израиль (северная часть страны) превратился в региональную военную державу: ее престол по большей части занимали военачальники, захватывавшие его в результате кровавых переворотов. Один из таких узурпаторов истребил до единого человека всех мужчин свергнутой династии, «не оставив мочащегося к стене»[17]. Авторы 3-й и 4-й Книги Царств и 1-й и 2-й Книг Паралипоменон, которые описывали эти события по прошествии двух веков, не слишком заботятся об

индивидуальности портретов и точности хронологии и оценивают израильских правителей с точки зрения их преданности Единому Богу. К счастью, туману «темных веков» пришел конец: египетские и месопотамские надписи этого периода дополняют и нередко подтверждают свидетельства Библии.

Через девять лет после смерти Соломона мировая политика вернулась в Иерусалим. Фараон Шешонк, чьи интриги сыграли свою роль в расколе единого Иудейского царства, выступил в поход на Сирию, но внезапно повернул и подошел со своим войском к Иерусалиму. Богатства иерусалимского Храма, безусловно, стоили того. Царю Ровоаму пришлось откупиться от фараона храмовыми сокровищами — золотом Соломона. От Иерусалима египтяне двинулись на север и разорили Мегиддо, где Шешонк воздвиг монументальную стелу в ознаменование своей победы: ее фрагмент сохранился до наших дней. По возвращении домой фараон увековечил успешный поход в надписях на южной стене храма Амона в Карнаке. А иероглифический текст из Бубаста, тогдашней столицы фараонов, рассказывает, что наследник Шешонка Осоркон пожаловал своим храмам 383 тонны золота, возможно, награбленного в Иерусалиме. Вторжение Шешонка в Иудею — первое событие библейской истории, подтвержденное археологами.

По прошествии 50 лет борьбы два еврейских царства заключили меж собой мир. Но израильский царь Ахав взял в жены финикийскую царевну-язычницу, которую Библия описывает как развращенное, тираническое и жестокое чудовище. К тому же она поклонялась Ваалу и другим финикийским богам. Ее звали Иезавель, и ее роду суждено было властвовать и над Израилем, и над Иерусалимом и принести городу и стране много крови и разрушений.

Иезавель и ее дочь, царица иерусалимская

У Иезавели и Ахава была дочь по имени Гофолия, которую они выдали замуж за иудейского царя Иорама. Город, в который прибыла Гофолия, процветал: в особом квартале торговали сирийские купцы, еврейский флот бороздил воды Красного моря, а хананейские идолы были выброшены из Храма. Но дочь Иезавели не принесла Иерусалиму ни счастья, ни удачи.

Маленькие еврейские царства могли процветать лишь в такие времена, когда великие империи Ближнего Востока переживали упадок. Но сейчас, в 854 году до н. э., Ассирия, столицей которой теперь была Ниневия (на территории современного Ирака), вновь

набрала силу. Когда ассирийский царь Салманасар III начал завоевание разрозненных царств Ближнего Востока, Иудея, Израиль и Сирия заключили союз для отпора агрессору. В битве при Каркаре царь Ахав, под началом которого было две тысячи колесниц и 10 000 пехотинцев, при поддержке иудеев и сирийских царей разгромил ассирийцев. Однако впоследствии коалиция распалась. Иудеи и израильтяне сообща предприняли поход против Сирии, но в это время восстали подвластные евреям народы[18]. Царь Ахав был убит во время боя стрелой, выпущенной наугад одним из сирийцев, и «псы лизали… кровь его». Военачальник по имени Ииуй (Иегу) поднял восстание в Израиле и истребил весь род Ахава: по его приказу были заколоты все 70 сыновей царя, а головы их сложены грудой у ворот Самарии. Ииуй убил не только нового израильского царя Иорама, сына Ахава, но и царя иудейского Охозию. Что до Иезавели, то мятежники выбросили ее из окна дворца и раздавили колесницами[19].

Тело Иезавели сожрали псы, и ничего не осталось от нее, кроме черепа, ног и кистей рук. Но в 841 году до н. э. дочь Иезавели, царица Гофолия, узнав о смерти сына, захватила власть в Иерусалиме, истребив «все царское племя» потомков Давида, каких смогла найти (то есть своих же собственных родственников). Из всех царевичей дома Давидова спасся один только младенец Иоас, которого спрятали в Храме. Четвертая книга Царств наряду с некоторыми археологическими находками проливает луч света на жизнь в Иерусалиме в те времена.

Иоас был «скрываем в доме Господнем шесть лет, между тем как Гофолия царствовала над землею». Дочь Иезавели — наполовину финикиянка, наполовину еврейка — превратила свою небольшую столицу в центр международной торговли и поклонения культу Ваала. Во время раскопок в Иерусалиме была найдена изящная фигурка голубя, сидящего на гранатовой ветви; высотой менее дюйма, он сделан из слоновой кости. По всей видимости, он служил украшением какого-нибудь предмета мебели в богатом иерусалимском доме. А возле выбитого в скале бассейна ниже Города Давидова были обнаружены глиняные финикийские печати — так называемые буллы, на которых изображены корабли финикийцев и их священные символы (например, крылатый солнечный диск над троном). Здесь же нашли около 10 тысяч рыбьих костей: вероятно, рыбу в Иерусалим привозили из разных регионов Средиземноморья именно мореплаватели-финикийцы.

Но Гофолию в Иерусалиме вскоре возненавидели так же, как ненавидели ее мать Иезавель. Ведь ее жрецы-идолопоклонники

утвердили в Храме статую Ваала и других языческих богов. Через шесть лет после ее воцарения первосвященник Иодай собрал на тайное совещание всех знатных жителей города и «сделал с ними договор, и взял с них клятву в доме Господнем, и показал им царского сына», которому те немедля присягнули на верность. Тогда священник роздал сотникам копья и щиты царя Давида, хранившиеся в Храме, а затем при всем народе помазал семилетнего Иоаса на царство под звуки труб и восклицания: «Да живет царь!»

Царица Гофолия услышала «голос бегущего народа» и бросилась из дворца в стоявший по соседству Храм, заполоненный людьми. «Заговор, заговор!» — кричала она, но сотники схватили ее, увели со священной горы и «умертвили мечом в царском доме». Над служителями Ваала был учинен самосуд, а их идолов сокрушили.

Царь Иоас правил в Иерусалиме 40 лет; около 801 года до н. э. он потерпел поражение в битве с сирийским царем, пошедшим войной на Иерусалим, и принужден был уплатить ему в дань «все золото, найденное в сокровищницах Дома Господня», чтобы тот отступил от города. Иоаса убили заговорщики, а через 30 лет один из царей Израиля захватил Иерусалим и снова разграбил Храм. Постоянно умножавшееся богатство Храма не раз делало его желанной добычей врагов.

И даже в периоды наибольшего могущества и процветания Иерусалим не смог бы тягаться с Ассирией, которая вновь набирала силу под рукой нового царя: эта хищническая империя опять вышла на тропу войны. Цари Израиля и Арама (древней Сирии) попытались создать коалицию для совместной борьбы с ассирийцами. И когда царь Иудеи Ахаз отказался вступить в эту коалицию, союзники осадили Иерусалим. Они не могли проникнуть в город, укрепления которого недавно вновь были перестроены и усилены, но все же царь Ахаз был вынужден обратиться за помощью к ассирийскому царю Тиглатпаласару III и отправить ему в дар сокровища Храма. В 732 году ассирийцы захватили Сирию и опустошили Израиль. А тем временем царь Ахаз в Иерусалиме никак не мог решить, как быть дальше: подчиниться ассирийцам или сражаться с ними.

Исайя: Иерусалим — красавица и блудница

Советником царя был Исайя, выходец из знатной священнической семьи. Он рекомендовал Ахазу выждать: Яхве защитит Иерусалим. Исайя предсказал царю рождение сына,

которого следует назвать Эммануил (это имя в переводе означает «с нами Бог»): «Ибо младенец родился нам, Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира».

У Книги Исайи было по меньшей мере два автора, причем один из них писал на двести лет позже другого (этого более позднего автора называют Второисайей). Первый Исайя был не только пророком, но и поэтом-визионером, который накануне вторжения алчных ассирийцев первым сумел разглядеть мистический Иерусалим, который грядет после разрушения Храма: «…видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь Храм… вся земля полна славы Его!.. и дом наполнился курениями».

Исайя любил «Святую гору» — «гору дочери Сиона», «гору Сион, холм Иерусалимский», а сам город он уподобляет красавице-«чародейке» — иногда праведнице, иногда блуднице. «Народ грешный, народ, обремененный беззакониями», не сможет удержать Иерусалим в своем владении: «оставившие Господа истребятся». Но когда прежний, прогневавший Бога Иерусалим будет опустошен, Господь сотворит новый Иерусалим «над всяким местом горы Сион»: «жилище мирное» для тех, кто хранит в сердце своем любовь и вершит добрые дела. Устами Исайи Господь призывает: «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову». Исайя предвидит необыкновенное явление: «Гора Дома Господня будет поставлена во главу гор… и потекут к ней все народы». Законы, нравственные ценности и история этого глухого и повергнутого города на вершине горы утвердятся вновь: «И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям… ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить народы». Исайя предсказывает Судный день — «день посещения», когда явится в мир истинный царь — Мессия. И тогда все народы «перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». Мертвые воскреснут, и «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком».

В этом пламенном поэтическом пророчестве впервые звучат апокалиптические ноты, которые будут сопровождать всю историю Иерусалима вплоть до наших дней. Исайя способствовал окончательному оформлению не только учения иудаизма, но и христианства. Иисус Христос читал Исайю, и многие его идеи — от пророчества о разрушении Храма и речей об Иерусалиме как универсальном духовном центре до учения о Царстве Правды —

перекликаются с Книгой Исайи. А самого Иисуса отождествляют с Эммануилом из пророчества Исайи.

Но царь Ахаз не послушал Исайю. Он отправился в Дамаск на поклон к царю Тиглатпаласару и вернулся оттуда с ассирийским жертвенником, который надлежало поставить в Храме. Когда грозный завоеватель умер в 727 году, Израиль восстал, однако новый ассирийский царь Саргон II после трехлетней осады взял штурмом столицу северян Самарию, а затем покорил все Израильское царство и угнал в Ассирию 27 000 пленных. С тех пор судьба десяти колен израилевых, населявших Северное царство, неизвестна[20]. Современные израильтяне ведут свое происхождение от двух южных колен — Иуды и Вениамина, — уцелевших в Иудейском царстве.

Сына Ахаза, которого Исайя называл Эммануилом, на самом деле звали Езекия. Он не был Мессией, но, тем не менее, обладал самым ценным из всех качеств политика — везением. И следы его Иерусалима сохранились по сей день.

Синаххериб: царь обитаемого мира

Езекия двадцать лет выжидал подходящего случая, чтобы взбунтоваться против Ассирии: сначала он сокрушил идолов и сломал бронзового змия, стоявшего в Храме, «восстановил служение в Доме Господнем» и призвал народы «по всей земле Израильской и Иудее» «совершать Пасху во второй месяц». Первый праздник еврейской Пасхи, отмечавшийся на западной горе[21], длился семь дней. Иерусалим наводнили беженцы из павшего Северного царства. И по всей вероятности кто-то из них принес с собой древние свитки, на которых были записаны хроники ранней истории евреев и их предания. Иерусалимские ученые мужи начали объединять летописные традиции Иудеи с традициями северных племен; в конечном итоге эти тексты, составленные в то самое время, когда греки записывали эпическую поэму Гомера «Илиада», оформились в библейские книги.

В 705 году Саргон II погиб в битве, и все жители Иерусалима — в том числе Исайя — воспылали надеждой, что смерть ассирийского царя означает начало конца его империи. Египет обещал евреям поддержку; восставший народ Вавилона отправил к Езекии своих посланников. И царь Иудеи почувствовал: долгожданный час пробил. Он присоединился к новой коалиции против Ассирии и приготовился к войне. Увы, к несчастью для иудеев, новый царь Ассирии по имени Синаххериб был человеком

энергичным и весьма уверенным в себе.

Синаххериб назван в царских надписях «царем обитаемого мира, царем Ассирии». В то время это были почти синонимы. Под властью Ассирии находились земли от Персидского залива до Кипра. Историческое ядро империи (современный северный Ирак) с севера было защищено горами, а на западе — Евфратом, но с юга и востока подбрюшье страны было открыто любому врагу. Ассирия напоминала акулу, которая может жить, только постоянно заглатывая все новые и новые куски. Кроме того, для ассирийцев война была религиозным долгом. Каждый новый царь клятвенно обещал при восшествии на престол расширить «землю бога Ашшура». Ассирийский царь был в едином лице и верховным жрецом, и полководцем, самолично водившим в походы 200-тысячную армию. И подобно современным диктаторам, ассирийские цари железной рукой держали в узде своих подданных, прибегая в случае необходимости не только к террору, но и к массовой депортации и к переселениям завоеванных народов с одного края обширной империи на другой.

Тело Саргона, отца Синаххериба так и не нашли на поле битвы, и многие узрели в том грозный знак божественного гнева: бог Ашшур, вероятно, отвернулся от своего народа, и ассирийская империя была на грани распада.

Однако Синаххериб подавил смуту, взял штурмом мятежный Вавилон и разрушил древний город до основания. Как только порядок был восстановлен, он занялся укреплением своей личной власти, а также мощи империи, начав масштабную перестройку Ниневии — города Иштар, богини войны, плодородия и плотской любви. Синаххериб сделал Ниневию своей новой столицей, для снабжения города и его пышных садов водой были прорыты каналы, а для себя царь возвел грандиозный дворец. Ассирийские властители умело пропагандировали свои достижения. Барельефы, украшавшие стены их дворцов, прославляли победы Ассирии и должны были устрашить ее врагов: ужасные изображения пленников с заживо содранной кожей, посаженных на кол или обезглавленных и сегодня повергают в трепет. Жителей завоеванных ими городов ассирийцы проводили в составе триумфальной процессии по Ниневии, надев на них отвратительные ошейники, к которым были подвешены отрубленные головы их царей. Впрочем, другие завоеватели того времени были столь же жестокими: у египтян, к примеру, в обычае было коллекционировать отрезанные головы и половые органы своих врагов. К тому же Синаххериб все чаще предпочитал битве переговоры.

Свидетельства дипломатических и военных успехов ассирийских царей были во множестве обнаружены в руинах их дворцов. В Ираке раскопаны несколько ассирийских городов — памятников могущества Ассирии времен ее наивысшего расцвета. Богатство этих городов прирастало не только военной добычей, но и трудом земледельцев, а их историю сохранили для грядущих поколений писцы, оставившие ценные документы в царских архивах. В библиотеках ассирийских царей найдены целые собрания глиняных табличек с клинописными текстами гаданий, призванными облегчить царю принятие решений, с заклинаниями, гимнами и описаниями ритуалов, которые должны были обеспечить помощь богов, а также с литературными текстами, среди которых — классическое «Сказание о Гильгамеше». Ассирийцы, почитавшие множество богов, верившие в колдовские формулы, в помощь магических статуэток, в духов и предсказания будущего, в то же время весьма преуспели в медицине. Многочисленные таблички с текстами, посвященными искусству врачевания, содержат примерно такие формулы: «Если человек страдает от таких-то и таких-то симптомов… то причина этого в том-то и том-то… И тогда надлежит принять такое-то лекарство…»

Евреи-северяне, уведенные в плен из Израильского царства и оказавшиеся в рабстве вдали от дома, в блиставшей роскошью столице Ассирии, среди ступенчатых пирамид-зиккуратов (одно из таких сооружений позднее станет основой для легенды о Вавилонской башне), называли Ниневию «городом кровей». «Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство, — говорит пророк Наум. — Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы». И вот теперь эти колесницы на колесах о восьми спицах, эти несметные полчища во главе с самим Синаххерибом двигались на Иерусалим, спеша налететь на выбранный ими в жертву народ «как орлы», словами Книги Второзакония.

Туннель Езекии

Езекия знал, какие ужасы пережил разоренный ассирийцами Вавилон; он спешно сооружал укрепления вокруг новых иерусалимских кварталов. Фрагменты его «Широкой стены», толщиной почти в восемь метров, сохранились до наших дней; наиболее впечатляющий из них находится в Еврейском квартале. Готовясь к обороне, Езекия приказал двум группам строителей прорубить в скале туннель длиной почти 600 метров, который

соединил бы источник Гихон за чертой города с Силоамской купелью (этот водоем, находящийся к югу от Храмовой горы, ниже Города Давида, теперь оказался под защитой новой стены Езекии). Когда две группы рабочих, пробивавшихся навстречу друг другу с противоположных концов скалы, наконец счастливо встретились в ее недрах, они высекли в туннеле надпись:

«…И это было так: туннель, когда […] кирка, друг навстречу другу. И когда три локтя оставалось про [бить, и возопи] л глас каждого, и воз [зв] ал к другому, ибо сделалась пробоина в толще камня справа и […]. И в день [пробития] туннеля ударили каменоломы друг навстречу другу, кирка навстречу [к] ирке, и пошли воды из источника к водоему в двухста [х и] тысяче локтей. И с [т] о локтей возвышалось над головами каменолом [ов][22]»[23].

К северу от Храмовой горы, в долине, Езекия соорудил плотину, благодаря которой образовался пруд Вифезда (Овчая купель) — дополнительный источник воды для жителей Иерусалима. И, по всей видимости, он раздавал оливковое масло, вино и зерно своим воинам, которые готовились к обороне города. В разных местах Иудеи археологи находят ручки кувшинов с надписью *lmlk* («для царя») и эмблемой Езекии — четырехкрылым скарабеем.

«Налетел ассириец — как волк на овец», — напишет через много столетий Байрон. Синаххериб и его огромная армия уже совсем близко подошли к Иерусалиму. Великий царь ехал, как и большинство других ассирийских царей, на громадной колеснице, запряженной тремя лошадьми, под особым навесом. Оголовья его коней ярко сверкали на солнце, а их спины были покрыты красивыми попонами. Сам царь был облачен в длинное расшитое одеяние; плоский шлем, украшенный золотыми розетками, символизировавшими солнце, заканчивался островерхим шишаком; длинная густая борода была заплетена в косички, а на руках царя звенели браслеты. Он всегда имел при себе лук и меч в ножнах, украшенных изображениями львов.

Он считал себя скорее львом, нежели библейским стервятником или байроническим волком. Ассирийские цари накидывали на себя львиные шкуры в дни празднования своих побед в храме Иштар, украшали дворцы статуями сфинксов с львиными головами и любили охоту на львов, считая ее развлечением, достойным великих царей.

Синаххериб обошел Иерусалим, чтобы сначала осадить еще один город Езекии — находившийся к югу от Иерусалима и хорошо укрепленный Лахиш (Лахис). Барельефы, украшающие дворец царя в Ниневии, дают представление о том, как выглядели

ассирийские воины (и их противники-евреи). Колесничие, копьеносцы, лучники и пращники многоязычной имперской армии носили туники и кольчуги, а их головы были защищены островерхими шлемами, иногда украшенными перьями. Ассирийцы соорудили валы вокруг города и повели подкопы под стены, а тем временем их тараны пытались пробить городские ворота. Лучники и пращники непрерывно обстреливали Лахиш, пока воины Синаххериба карабкались на стены по осадным лестницам. Археологи обнаружили в Лахише массовое захоронение полутора тысяч человек — мужчин, женщин и детей; некоторые из них были посажены на кол, с иных была содрана кожа — совсем как на сценах с ассирийских барельефов. Тысячи уцелевших жителей Лахиша спасались бегством от страшной смерти. Жители Иерусалима знали, чего можно ждать от ассирийцев.

Синаххериб быстро разгромил египетское войско, подошедшее на помощь Езекии, опустошил Иудею и затем подступил к Иерусалиму, встав лагерем к северу от города — на том самом месте, которое спустя пять столетий выберет для своей ставки Тит.

Езекия приказал отравить все источники в окрестностях Иерусалима. Его воины, занявшие позиции на крепостных стенах, носили спускающиеся до плеч головные платки, перехваченные лентой, короткие туники, поножи и сандалии. С началом осады в городе, скорее всего, началась паника. Синаххериб послал своих военачальников на переговоры: убедить осажденных, что сопротивление бесполезно. Пророк Михей предрекал разрушение Иерусалима. Но престарелый Исайя советовал терпеливо ждать: Яхве защитит город.

Езекия молился в Храме. Синаххериб похвалялся, что запер иудейского царя в Иерусалиме, «подобно птице в клетке». Но прав оказался Исайя: Господь вмешался.

Манассия: детское жертвоприношение в долине Геенны

«…Пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые». Внезапно ассирийцы сняли осаду и ушли: подлинной причиной, вероятно, было очередное восстание где-то на востоке империи. «И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский». Ибо Яхве «изрек о нем: … покачает вслед тебя головою дочь Иерусалима». Такова библейская версия событий, однако в анналах Синаххериба сказано, что Езекия откупился от

ассирийцев, выплатив им огромную по тем временам дань, в том числе 30 талантов золота и 800 серебра. Синаххериб оставил от независимой Иудеи клочок земли, практически только ближние окрестности Иерусалима, и утверждал, что переселил в другие части империи 200 150 иудеев.

Вскоре Езекия умер, его сын Манассия стал верным вассалом сирийских царей. Он жестоко расправился со своими политическими противниками в Иерусалиме, взял в жены арабскую принцессу, отменил реформы отца, вновь поставил в Храме статуи Ваала и Ашеры (Астарты) и устроил «домы блудилищные… при Храме Господнем». Хуже того: он совершал воскурения на «Тофете, что в долине сыновей Еннома»[24], южнее города, и приносил в жертву детей, побуждая и других делать то же. «И даже сына своего провел через огонь…» Когда детей приводили на сожжение, жрецы били в барабаны, чтобы отчаянных криков жертв не слышали их родители.

Из-за Манассии Енном не только превратился в место смерти; искаженное название долины — Геенна — стало символом Судного дня и преисподней и для иудеев, и для христиан, и, позднее, для мусульман. И если Храмовая гора была собственным раем Иерусалима, то долина Енном стала его адом, «геенной огненной».

В 626 году халдейский военачальник Набопаласар захватил власть в Вавилоне и начал последовательное разрушение Ассирийской империи; его деяния описаны в Вавилонских хрониках. В 609 году, по смерти Манассии, на престол Иудеи взошел его восьмилетний внук Иосия, которому, казалось, суждено было возвестить золотой век царства Мессии.

5. Блудница вавилонская
586–539 гг. до н. э

Иосия: революционер-спаситель

Это было настоящее чудо: Ассирийская империя рухнула под ударами вавилонян, Иудея обрела независимость, и царь Иосия даже сумел присоединить к ней большую часть бывшего Израильского царства на севере, а также распространить свою власть на юг и на восток — до побережья Красного и Средиземного морей. А затем, в 18-й год его правления, первосвященник Хелкия нашел в Храме некий забытый свиток.

По-видимому, это был один из тех свитков, что оказались в Иерусалиме после падения Северного царства и были спрятаны в Храме в годы гонений Манассии. Иосия осознал важность найденного документа — это была одна из книг Закона, которую большинство исследователей отождествляют ныне с ранней версией Книги Второзакония. Собрав народ в Храме, царь «встал на возвышенное место» и «заключил пред лицем Господним завет: последовать Господу и соблюдать заповеди Его».

Царь повелел своим мудрецам пересказать заново историю народа Израиля, связав в единую последовательность рассказы о древних патриархах, деяния Давида и Соломона и славное прошлое Иерусалима, которое должно было бросить отблеск на настоящее. Это был еще один шаг к созданию единой Библии. И в самом деле, хотя Закон считался древним и его установление приписывалось Моисею, сквозь библейское описание Храма Соломона явно просвечивает гораздо более поздний Иерусалим Иосии, «нового Давида». С этого времени священная гора Мориа стала именоваться на иврите *ha-Makom* — просто «Место».

Иосия вынес из Храма статуи чужих богов, сжег их в Кедронской долине и «разрушил дома блудилищные, которые были при Храме Господнем». Он сокрушил Тофет в долине Еннома, разрушил все языческие капища, убил всех жрецов-идолопоклонников, а их кости сжег на их же жертвенниках[25]. Пуританская «революция» Иосии совершалась с неуклонной жестокостью. Покончив с сокрушением идолов, царь отпраздновал в Иерусалиме Пасху. «Подобного ему не было царя прежде».

Но Иосия вел опасную игру. Египетский фараон Нехо решил протянуть руку помощи своим бывшим врагам ассирийцам, не

желая допустить полного уничтожения Ассирии вавилонянами, и двинул войска в Палестину на соединение с ассирийской армией. Иосия, только что избавившийся от ассирийского владычества и не желавший стать теперь вассалом Египта, выступил навстречу фараону. В битве при Мегиддо в 609 году до н. э. евреи потерпели поражение, а сам Иосия погиб, однако его оптимистическое, реформаторское царствование оказало большее влияние на историю Иерусалима, чем любое другое царствование от царя Давида до времен Иисуса Христа. Тем не менее мечта о независимости была разбита вдребезги под Мегиддо, и само название этого города, превратившееся со временем в Армагеддон, стало синонимом катастрофы.

Фараон двинулся на Иерусалим, низложил Иохаза (сына Иосии) и посадил на престол Иудеи его брата Иоакима. Однако Египет не смог помешать возвышению новой ближневосточной империи: в 605 году до н. э. сын вавилонского царя Навуходоносор разбил египтян при Кархемише. Ассирия перестала существовать, а Иудея сделалась вассальным царством Вавилона. Однако в 597 году царь Иоаким решил, что противостояние Вавилона и Египта — самый подходящий момент для освобождения Иудеи. Царь призвал народ поститься, чтобы заслужить защиту у Господа. Его советник, пророк Иеремия, в своей первой горестной проповеди предупреждал, что Господь разрушит Иерусалим, если тот выступит против Вавилона. Но Иоаким публично сжег свиток Иеремии[26] и призвал в союзники Египет; увы, не союзника обрел в нем Иерусалим, а врага.

Навуходоносор

«В 7-м году [598 год до н. э.] в месяце кислиму, — записано на глиняных табличках Вавилонской хроники, — царь Аккада созвал свое войско, направился в страну Хатти и осадил город Иуды [Иерусалим] и на 2-й день месяца аддару [начало 597 года] захватил город и взял в плен царя». Навуходоносор разграбил Храм и увел в Вавилон царя Иехонию и еще 10 тысяч знатных иудеев, ремесленников и просто сильных молодых людей, положив начало «великому вавилонскому пленению». Там Иехония 37 лет томился в тюрьме, после чего наследник Навуходоносора освободил его, определил ему почетное место при своем дворе и назначил пенсию.

Навуходоносор был сыном узурпатора и энергичным строителем империи. Он объявил себя наместником Мардука — бога-покровителя Вавилона — и воплощением благочестия и

добродетели (хотя и позаимствовал у ассирийских царей их репрессивный стиль правления). «Сильные обычно обирают слабых, — говорит Вавилонская хроника, — однако Навуходоносор не искал покоя ни ночью, ни днем, но внимая советам и по зрелом размышлении неутомимо вершил правосудие». Впрочем, уведенные в Вавилон евреи вряд ли считали его воплощением справедливости.

Пленные иудеи оказались в городе, по сравнению с которым их Сион выглядел сущей деревней. В Иерусалиме той эпохи проживало всего несколько тысяч человек, а население Вавилона, возможно, составляло четверть миллиона. Эта мировая столица была столь величественна и так любила наслаждения, что туда украдкой спускалась с небес сама богиня любви Иштар: ходили слухи, что богиню не раз видели в укромных переулках и на постоялых дворах в объятиях ее избранников.

Навуходоносор обустроил Вавилон в соответствии со своим вкусом: грандиозные монументы, облицованные небесно-голубым глазурованным кирпичом (любимый цвет царя), отражались в водах могучего Евфрата и бесчисленных каналов. Увенчанные четырьмя башнями гигантские ворота Иштар — парадный въезд в город — также были выложены ярко-синей глазурью, на фоне которой эффектно выделялись желтые и охристые изразцовые барельефы, изображавшие быков и грифонов. Ворота выводили на главную улицу города — триумфальную Дорогу процессий.

О своем дворце сам Навуходоносор так рассказывает в одной из царских надписей: «В Вавилоне, который я ставлю выше всего, который я люблю, [я заложил] дворец — удивление людей, здесь живущих». Вход в жилище царского величества охраняли изваяния могучих львов, а его летний дворец украшали «висячие» (то есть расположенные на нескольких ярусах) сады, впоследствии причисленные к чудесам света. В честь верховного бога вавилонян Мардука Навуходоносор воздвиг гигантский зиккурат — огромную семиярусную ступенчатую пирамиду, на плоской вершине которой стоял Храм Краеугольного камня Неба и Земли, — ту самую Вавилонскую башню, строительство которой, по преданию, завершилось смешением языков. Согласно предположениям некоторых ученых, в этой легенде отразилось многоязычие тогдашней космополитической столицы Ближнего Востока.

В Иерусалиме Навуходоносор посадил на престол Седекию, дядю уведенного в плен Езекии. В 594 году Седекия посетил Вавилон, чтобы засвидетельствовать вассальную верность Навуходоносору. Но на обратном пути он поднял восстание, пренебрегши пророчествами Иеремии, предрекавшего

разрушение Иерусалима вавилонянами. Навуходоносор выступил в поход на юг. Седекия обратился за помощью к египетскому фараону, но малочисленный отряд египтян был тут же разбит. Иеремия, свидетель паники и паранойи, охвативших Иерусалим, пытался скрыться из города, но был схвачен у городских ворот. Царь, который никак не мог решить, испросить ли у пророка нового совета или казнить его за измену, заточил пока Иеремию в «дом темничный» под царским дворцом. За 18 месяцев осады Навуходоносор опустошил Иудею[27], и ему оставалось сокрушить только ее столицу — Иерусалим.

В 587 году вавилонский царь окружил Иерусалим осадным валом. «Голод, — писал Иеремия, — в городе усилился». Пророк оплакивал детей, «издыхающих от голода на углах всех улиц». Находим мы у него и намеки на случаи каннибализма: «Дщерь народа моего стала жестока… Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтобы они были для них пищею во время гибели дщери моего народа». Даже знатные и богатые жители Иерусалима вскоре впали в отчаяние, пишет автор «Плача Иеремии», оттого что «воспитанные на багрянице» теперь были вынуждены искать пищу в навозе. Подавленные горожане «бродили как слепые по улицам». Археологи нашли сточную трубу, которая относится к периоду вавилонской осады. Основными сельскохозяйственными культурами у евреев того времени были чечевица, пшеница и ячмень, но анализ содержимого трубы показал, что осажденные ели дикие растения и травы и многие были заражены солитерами и другими паразитами.

В девятый день иудейского месяца ав, в августе 586 года, после восемнадцатимесячной осады воины Навуходоносора наконец ворвались в город, который уже пожирали языки пламени, такого же безжалостного, как захватчики. Пожары занялись, вероятно, от факелов и горящих стрел, которыми вавилоняне забрасывали город (наконечники этих стрел были обнаружены археологами при раскопках в Еврейском квартале в слое сажи, пепла и головешек). Но тот же огонь, не пощадивший домов, прокалил буллы — оттиски печатей городских чиновников на глине, да так прочно, что эти оттиски сохранились до наших дней. Иерусалим пережил все ужасы ада — обычная участь любого взятого штурмом города того времени. «Умерщвляемые мечом» оказались счастливее «умерщвляемых голодом». «Кожа наша почернела от жгучего голода. Жен бесчестят на Сионе, девиц — в городах иудейских. Князья повешены руками их», — горестно восклицал пророк. Тем временем с юга к городу подошли идумеи, готовые при любом удобном случае мстить

евреям за то, что те в свое время лишили их благодатных земель Ханаана. Радуясь краху Иерусалима, они грабили и оскверняли все на своем пути: «Радуйся и веселись, дочь Едома… И до тебя дойдет чаша; напьешься допьяна и обнажишься». В Библии можно найти также намеки на то, что идумеи подстрекали вавилонян, подталкивая их ко все большим бесчинствам. Согласно 136 псалму, сыны Едомовы (эдомитяне, идумеи) говорили: «Разрушайте, разрушайте до основания его… Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Вавилоняне полностью разрушили Иерусалим, но Иеремия, остававшийся «во дворе темничном», уцелел.

Навуходоносор: мерзость запустения

Седекия пытался тайно выйти из города и бежать в Иерихон, но вавилоняне схватили его у Средних ворот (стоявших, возможно, рядом с Силоамской купелью), привели к Навуходоносору, «и заколол царь Вавилонский сыновей Седекии… перед глазами его… а Седекии выколол глаза и заковал его в оковы, чтобы отвести его в Вавилон». Вавилоняне нашли и Иеремию: они освободили его и также отвели к своему царю. Тот после беседы с пророком приказал начальнику своей стражи Навузардану: «Возьми его и имей его во внимании, и не делай ему ничего худого, но поступай с ним так, как он скажет тебе». Навузардан переселил 20 тыс. иудеев в Вавилон, однако бедняков, по свидетельству Иеремии, оставил «в Иудейской земле и дал им тогда же виноградники и поля» (Иеремия также «остался жить среди народа»).

Через месяц Навуходоносор приказал своему военачальнику стереть город с лица земли. И Навузардан «сжег Дом Господень и дом царя, и все домы в Иерусалиме… и стены вокруг Иерусалима разрушило войско халдейское».

Храм был разрушен, его золотая и серебряная утварь разграблена, а Ковчег Завета навсегда исчез. «Предали огню святилище Твое», — сокрушался автор 73 псалма. Все священники Храма были убиты по повелению Навуходоносора. Стены первого Храма и дворца, вероятно, рухнули в лежавшую внизу долину: «Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! Камни святилища раскиданы по всем перекресткам»[28].

Улицы опустели: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный». Богатые обеднели: «Евшие сладкое истаивают на улицах». Лисицы бегали по голой горе Сион. Все иудеи скорбели по городу, истекавшему кровью: «Иерусалим сделался мерзостью

среди них»: «…горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его».

Разрушение Храма воспринималось, должно быть, как гибель всего народа. «Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели, священники его вздыхают… И отошло от дщери Сиона все ее великолепие… Упал венец с головы нашей». Казалось, наступил конец света, или, словами Книги пророка Даниила, «поставление мерзости запустения». Иудеям грозило исчезновение — как и любому народу, от которого отвернулись его боги. Но евреи каким-то образом обратили и эту разрушительную катастрофу в созидательный опыт, который, с одной стороны, еще более увеличил святость Иерусалима, а с другой — сформировал наглядный прообраз будущего Страшного суда. Для всех трех «религий Книги» Иерусалим отныне стал площадкой, на которой разыграется трагедия Последних дней и воздвигнется царство Мессии — то есть произойдет тот самый апокалипсис (греч. «откровение»), о котором впоследствии проповедовал Иисус. Для христиан напряженное ожидание конца времен стало одним из краеугольных камней веры, однако пророк Мухаммед усмотрел в разрушении Храма и города Навуходоносором лишь свидетельство того, что евреи лишились божественного благоволения, а это, в свою очередь, открывало путь его собственному кораническому откровению.

В Вавилонском плену часть иудеев сохранила свою приверженность единому Богу и Сиону. В те же самые годы, когда поэмы Гомера утверждались в архаической Греции в качестве общенационального эпоса, евреи начали идентифицировать себя через библейские тексты и память о своем покинутом городе: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы». И даже вавилоняне, согласно 136 псалму, ценили по достоинству иудейские песни: «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: „пропойте нам из песней Сионских“. Как нам петь песнь Господню на земле чужой?»

Да, Вавилония была чужой землей, но именно там начала формироваться и кристаллизоваться единая Библия. И если юные выходцы из Иерусалима, такие как пророк Даниил, обучались при царском дворе, а более прагматичные пленники отвергали Сион и становились настоящими вавилонянами, то верные единому Богу евреи стали формулировать новые законы, призванные подчеркнуть их отличия и особость. Они чтили субботу, обрезали своих мальчиков, придерживались строгих канонов в пище и

нарекали детей еврейскими именами, ведь падение Иерусалима показало, что происходит, когда не уважают законов Божьих. Вдали от родины жители Иудеи становились просто евреями[29].

Изгнанники навечно заклеймили Вавилон как «мать блудниц и мерзостей земных», однако империя в то время процветала, а их заклятый враг Навуходоносор процарствовал 40 лет. Впрочем, по свидетельству Даниила, в конце жизни царь вавилонский сошел с ума, «отлучен он был от людей, ел траву, как вол, волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него — как у птицы». Поистине, судьба, достойная преступлений царя (и прекрасный источник вдохновения для кисти Уильяма Блейка). И словно этого было недостаточно для удовлетворения их жажды мщения, еврейские пленники могли еще раз подивиться иронии истории: сын Навуходоносора Эвильмеродах (Амель-Мардук) настолько разочаровал своего отца, что тот бросил его в темницу, где принц познакомился и подружился с Иехонией, царем иудейским.

Валтасаров пир

Став царем Вавилона, Эвильмеродах освободил своего царственного товарища-еврея из темницы. Но в 556 году до н. э. он был свергнут; новый царь Набонид повел себя эксцентрично: он отказался почитать Мардука, бога-покровителя Вавилона, и стал насаждать культ лунного бога Сина, а затем удалился из Вавилона в оазис Тема (ныне Тейма), расположенный далеко от имперской столицы — в Аравийской пустыне. Со временем Набонида поразила таинственная болезнь, и, скорее всего, это именно он (а не Навуходоносор, как сообщает Даниил) обезумел и «ел траву, как вол».

В отсутствие царя страной правил его сын (или брат), царевич Валтасар (Бел-шар-уцур). Библия рассказывает, как он устроил для своих вельмож большое пиршество, где настольными чашами служили золотые и серебряные сосуды, вывезенные Навуходоносором из иерусалимского Храма. Во время пира Валтасар увидел, как таинственная рука чертит на стене загадочные письмена: «Мене, мене, текел, упарсин». Растолковать их смог только иудейский мудрец Даниил — надпись означает: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено» и предупреждает, что дни империи сочтены, а самому царевичу предрекает скорую гибель (в ту же ночь Валтасар был убит).

В 539 году до н. э. Вавилоном овладели персы. Иудейская история полна примеров чудесных избавлений. Это было одним из наиболее драматических. Через 47 лет пребывания «при реках

Вавилона» решением одного человека — не менее эффектным, чем решение Давида, — Сион был восстановлен.

6. Персы
539–336 гг. до н. э

Кир Великий

Астиагу, царю государства Мидия в западном Иране, привиделся странный сон: дочь его испустила такое огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царские маги, халдейские жрецы, истолковали это сновидение как предупреждение о возможной узурпации трона Астиага его будущим внуком. И царь предусмотрительно выдал дочь замуж за слабого, не представлявшего никакой угрозы восточного соседа — царя Камбиса, владыки области Аншан. Их сыну Курушу судьба определила войти в историю под именем Кира Великого. Астиагу же после рождения внука был новый сон: будто из чрева его дочери проросла виноградная лоза, да такая большая, что затенила его полностью. Астиаг приказал своему министру Гарпагу убить маленького Куруша, но тот не решился сделать это сам, а поручил пастуху. Пастух же пожалел мальчика и отдал Гарпагу тело своего только что умершего сына, а царского внука взял на воспитание. Так будущий Кир Великий остался жив. Прознавший про то царь Астиаг жестоко отомстил ослушавшемуся вельможе: он приказал умертвить сына Гарпага и на пиру накормил отца мясом убитого. Этого угощения Гарпаг не забыл Астиагу.

После смерти своего отца (ок. 559 года до н. э.) Кир вернулся и захватил его царство. Затейливые сны Астиага, дошедшие до нас в пересказе греческого историка Геродота, склонного верить, что персы руководствовались в своих решениях и действиях предзнаменованиями, сбылись: Кир при поддержке Гарпага одержал победу над дедом и объединил Мидию и Персию. А затем принялся расширять свои владения. Не покушаясь поначалу на лежащий южнее Вавилон Валтасара, он повел войско против другого могущественного владыки — сказочно богатого Крёза, царя государства Лидия на западе Малой Азии. Посадив свое войско на верблюдов и совершив несколько стремительных переходов, Кир внезапно появился под стенами столицы Крёза. Лидийские кони начинали нести, едва почуяв запах боевых персидских верблюдов, лидийская пехота тоже не смогла устоять под натиском неприятеля. Покорив Лидию, Кир обратил свои взоры на Вавилон.

Сверкавшая лазурью голубых изразцов столица Набонида сдалась без боя — вавилоняне не любили своего последнего царя и сами распахнули врата города перед Киром. Тот повел себя мудро и великодушно: оказал знаки почтения опальному богу Мардуку и провозгласил себя защитником прав народа. Падение Вавилона вызвало ликование у пленных иудеев: «Торжествуйте, небеса, ибо Господь соделал это… шумите от радости горы, лес и все деревья в нем, ибо искупил Господь Иакова и прославится в Израиле». Ставший вавилонским царем Кир унаследовал всю империю поверженного противника, включая Иерусалим. «Когда я мирно вошел в Вавилон и… занял царское жилище… все цари, сидящие во дворцах всех стран света… принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги», — горделиво заявлял он.

У Кира было свое, новаторское для того времени представление о власти. Если ассирийцы и вавилоняне расширяли свои державы и подавляли мятежи путем грабежей и депортаций, то Кир обещал своим новым подданным религиозную терпимость в обмен на признание за царем верховной власти и права «объединить народы в единую империю»[30].

Вскоре после завоевания Вавилона Кир разослал по всем своим владениям указ, который, должно быть, сильно изумил евреев: «Все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, — да будет Бог его с ним, — и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева».

То есть Кир не только отпустил пленных иудеев и гарантировал им уважение их прав и законов — первый правитель за все времена, совершивший такое, — но и вернул им Иерусалим и сам предложил отстроить заново их Храм. Наместником Иудеи Кир назначил Зоровавеля (Шешбацара), «князя Иудина», возможно, сына последнего иудейского царя. Более того, он возвратил ему все храмовые сосуды, вывезенные в Вавилон Навуходоносором. Неудивительно, что некий пророк в Иудее приветствовал в Кире Мессию, о котором Господь говорил: «…пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: „Ты будешь построен!“ и Храму: „Ты будешь вновь основан“».

Согласно Библии, Зоровавель привел с собой в Иерусалим — теперь главный город персидской провинции Йехуд — 42 360 евреев[31]. Глазам изгнанников предстала печальная картина. Не блеском и роскошью, как Вавилон, но запустением и разорением встретил их иудейский город. «Восстань, восстань, облекись в

силу твою, Сион! — призывал Исайя. — Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святый!.. Отряси с себя прах… сними цепи с шеи своей, пленная дочь Сиона!» А на иудейских землях за это время расселились иные, подчас враждебные племена, которые вовсе не желали возвращения изгнанников.

Всего через девять лет после возвращения иудеев из плена Кир, все еще находившийся на вершине могущества, был убит в сражении с кочевниками в Средней Азии. Согласно преданию, их предводительница, мстя Киру за смерть сына, окунула его голову в бурдюк с кровью, предлагая ему таким образом утолить жажду завоеваний. Камбиз, сын и наследник Кира, разыскал тело отца и похоронил в золотом саркофаге в Пасаргадах — древней персидской столице. Гробница великого царя сохранилась и поныне. «Он затмил всех прочих монархов, царствовавших до него и после», — так оценивал деятельность Кира греческий историк Ксенофонт. Со смертью «отца персов» Иерусалим лишился своего защитника.

Дарий и Зоровавель: новый храм

Судьба огромной — на тот момент самой большой в истории — империи Кира оказалась тесно переплетена с судьбой Иерусалима. Трон великого отца унаследовал его сын — Камбис II. В 525 году до н. э. войско Камбиса двинулось через Газу и Синай на Египет, а тем временем в Персии захватил престол самозванец, объявивший себя братом царя. Камбис спешно направился домой, но по пути погиб при весьма загадочных обстоятельствах близ Газы. Между тем в Персии семеро знатных вельмож составили заговор против узурпатора. Убив его, они стали решать, кому из них царствовать. Уступать никто не хотел, и тогда претенденты решили положиться на волю богов: чей конь заржет первым, когда они на рассвете выедут за городские ворота, тот и будет царем. Первым заржал конь Дария, юного отпрыска одного из влиятельных персидских кланов и личного оруженосца Камбиса. Геродот утверждает, что победу Дария обеспечил его хитроумный конюх Эбар: он якобы «сунул руку в половые части кобылицы и затем спрятал руку в одежды. Когда с восходом солнца кони готовы были устремиться вперед, Эбар поднес руку к ноздрям Дариева жеребца, а тот, почуяв кобылицу, зафыркал и заржал». Так Геродот насмешливо объясняет победу восточного деспота ловкостью рук и малоприличной уловкой.

При поддержке остальных шести заговорщиков Дарий

подчинил себе всю Персидскую империю. При этом ему пришлось подавлять восстания едва ли не в каждой ее провинции. В результате этой смуты, говорит Библия, «остановились работы при доме Божием, который в Иерусалиме, и остановка продолжалась до второго года царствования Дария». Около 520 года до н. э. из Вавилонии в Иерусалим с еще одной группой изгнанников возвратились князь Зоровавель, внук последнего иудейского царя Иехонии, и священник Иешуа (Иисус), сын последнего первосвященника разрушенного Храма. Дарий разрешил им спасти Иерусалим.

По прибытии в город Зоровавель установил жертвенник на Храмовой горе и начал нанимать каменотесов и плотников для строительства Храма; о покупке кедрового дерева для нового сооружения он по традиции договорился с финикийцами. Воодушевленные началом строительства и возлагавшие большие ожидания на смуту, которая начиналась в империи персов, евреи просто не могли не поддаться мессианским мечтам о новом царстве.

«В тот день, говорит Господь Саваоф, Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев, раб Мой… и буду держать тебя как печать», — записал пророк Аггей, намекая на перстень-печатку Давида, потерянный дедом Зоровавеля. Иудейские князья прибыли из Вавилона с золотом и серебром старого Храма, и разве не мог Зоровавель (это имя в переводе означает «семя вавилонское») казаться иудеям «побегом», который «обретет величие и власть на своем престоле»?

Жители окрестностей города и лежавшей к северу Самарии теперь также захотели поучаствовать в богоугодном деле и предложили Зоровавелю помощь, однако возвратившиеся из Вавилона изгнанники исповедовали уже иной, новый извод иудаизма. Они смотрели на местных жителей с презрением, чуть ли не как на язычников, дикарей; прозвище ам-хаарец — «местные» (буквально «люди земли»), которым вернувшиеся изгнанники называли жителей Иудеи, довольно скоро приобрело новое значение: «неучи», «невежды, не знающие Писания». Тем временем опасавшийся возрождения былой славы Иерусалима (а возможно, и подкупленный «местными») персидский наместник снова приостановил строительство.

За первые три года царствования Дарий обуздал всех своих противников и показал себя одним из самых выдающихся правителей Древнего мира, создав мировую империю, впервые охватившую земли сразу трех континентов[32] — от Фракии и Египта до Гиндукуша — и объединившую десятки стран и народов. Новый Великий царь являл собой редкий для того

времени тип правителя, сочетавшего таланты полководца-завоевателя и управленца-администратора. О том, как выглядел этот царь, мы можем судить по наскальной Бехистунской надписи, созданной по его приказу и увековечившей его победы. Дарий воплощал собой классический арийский тип: высокий лоб, прямой нос, рост почти 180 см. На барельефе он запечатлен в боевой золотой короне, усеянной овальными драгоценными камнями, его волосы завиты и собраны в пучок, усы подкручены, а четыре ряда завитков в окладистой квадратной бороде перемежаются прямыми прядями. Облачение царя приличествует триумфатору: длинная мантия ниспадает до самых пят.

Этому-то властному и внушавшему многим страх и трепет властителю Зоровавель напомнил об указе Кира. Дарий повелел просмотреть все царские свитки в вавилонском книгохранилище и, найдя указ, распорядился не останавливать строительство нового дома Божьего на месте разрушенного Храма: «Пусть иудейский областеначальник и иудейские старейшины строят сей дом Божий на месте его… Я, Дарий, дал это повеление; да будет оно в точности исполняемо!» В 518 году Дарий предпринял поход на запад, чтобы восстановить порядок в восставшем Египте. Скорее всего, путь его лежал через Иудею: возможно, царю пришлось не по душе чрезмерное рвение иудеев в восстановлении Иерусалима. И возможно, он казнил Зоровавеля, заподозрив того в измене; с этого момента строитель Второго Храма и последний правитель города из рода Давида бесследно исчезает из истории.

В шестой год царствования Дария, в марте 515 года, Второй Храм был «с великой радостью» освящен в присутствии всего народа. В жертву при освящении было принесено «сто волов, двести овнов, четыреста агнцев и двенадцать козлов в жертву за грех всего Израиля, по числу колен Израилевых». А после освящения Храма иудеи, впервые со времен Вавилонского пленения, справили Пасху. Но когда старики, помнившие Храм Соломона, увидели скромное здание нового Дома Господня, они не смогли сдержать слез. Святой Иерусалим был на самом деле крошечным и заброшенным городком.

Спустя 50 лет виночерпием при дворе царя Артаксеркса I, внука Дария, стал еврей по имени Неемия. Однажды к нему пришли несколько единоверцев и попросили о помощи, рассказав следующее: «…Оставшиеся, которые остались от плена, [находятся] там, в стране [своей], в великом бедствии и уничижении, и стена Иерусалима разрушена». Услышав это, Неемия сильно опечалился, «сел и заплакал». Наполняя кубок царю, он не смог скрыть своего подавленного настроения. Артаксеркс спросил его: «Отчего лицо у тебя печально?» Да живет

царь вовеки! — ответил еврей-придворный. — Как не быть печальным лицу моему, когда город, дом гробов отцов моих, в запустении?.. «И, набравшись смелости, Неемия попросил Артаксеркса: „Если царю благоугодно… пошли меня в Иудею, в город, [где] гробы отцов моих, чтобы я обустроил его“».

Неемия: закат Персии

Артаксеркс назначил Неемию наместником Иудеи, снабдил его деньгами и отрядил воинов для сопровождения в пути. Самарянами в то время правил их собственный наследный князь Санаваллат. Он с недоверием отнесся к подозрительному гостю из далеких Суз и к планам возвратившихся из Персии изгнанников. Неемия, опасаясь покушения на свою жизнь, осмотрел разрушенные стены Иерусалима и сожженные ворота под покровом ночи. В Книге Неемии, единственной политической автобиографии в Библии, ее автор вспоминает, с каким презрением смеялся Санаваллат, узнав о его планах отстроить стены города, пока Неемия не представился ему как новый наместник Иудеи. Затем Неемия выделил каждому вельможе и священнику участок стены, за ремонт которого те должны были отвечать. А когда раздосадованный Санаваллат задумал напасть на Иерусалим, Неемия выставил стражу. Стена была восстановлена «в пятьдесят два дня».

Теперь Иерусалим, по свидетельству Неемии, «был пространен и велик», но «народу в нем было немного». И Неемия предложил иудеям, жившим за пределами города, бросить жребий, чтобы каждый десятый шел жить в Иерусалим. «И благословил народ всех, кто добровольно согласился жить в Иерусалиме». Так прошло 12 лет, и Неемия отправился в Персию доложить царю обо всем, что он сделал, а когда вернулся в Иерусалим, то узнал, что приближенные Санаваллата обустроили себе роскошные жилые покои непосредственно в Храме, а некоторые иудеи стали выбирать себе жен «из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок». Неемия распорядился, «чтобы очистили комнаты» в Храме, «и велел опять внести туда сосуды дома Божия»; он осудил смешанные браки с неевреями и стал проповедовать новый, пуританский иудаизм.

По мере того как персидские цари постепенно утрачивали контроль над провинциями, евреи упорно выстраивали собственное государство — маленькую Иудею. Это полузависимое государство раскинулось окрест Храма, богатело за счет все более многочисленных паломников, жило по законам Торы, и

управляла им династия первосвященников — предположительно, потомков Цадока, священника царя Давида. Но храмовые сокровища снова соблазнили алчных, и один из первосвященников был убит прямо в Храме собственным братом по имени Иешуа. Наместник персидского царя в Сирии счел это святотатственное убийство, «гнусное и страшное преступление», подходящим поводом для того, чтобы двинуться карательным походом на Иерусалим и разграбить Храм.

Пока персидские вельможи все глубже увязали в смертоносных интригах, в далекой маленькой Македонии царь Филипп II создал и обучил огромную армию, завоевал с ее помощью греческие полисы и готовился к войне с персами — отомстить за былые вторжения Дария и его сына Ксеркса. После убийства Филиппа трон Македонии занял его 20-летний сын Александр. Могли ли подумать жители Иерусалима, что когда-нибудь увидят у стен своего города греков?

7. Македоняне
336–166 гг. до н. э

Александр Великий

Всего за три года, что прошли после гибели его отца и его собственного воцарения в 336 году до н. э., Александр Македонский дважды сумел одержать победу над персидским царем Дарием III, вынудив того отступить далеко на восток. Но преследовать персидского царя Александр в то время не стал, а вместо этого двинулся на Египет, потребовав по дороге, чтобы жители Иерусалима выслали ему провиант и предоставили подкрепление для македонского войска. Первосвященник поначалу отказался, но дальнейшие события заставили его изменить решение: славный финикийский Тир предпочел сдаче сопротивление, и Александр, взяв считавшийся неприступным город, приказал распять всех уцелевших жителей.

Затем Александр подошел к Иерусалиму, и иудейский историк Иосиф Флавий впоследствии так описал сцену торжественной встречи завоевателя у городских ворот: «Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе». Священники проводили Александра в Храм, где он «принес жертву Предвечному». Эта история, скорее всего, выдумана — такой ее хотели бы видеть. Более вероятно, что иерусалимский первосвященник вместе с вождями самарян выплатил Александру «отступные», причем произошло это не в Иерусалиме, а на побережье, в городе Рош-ха-Аин. В ответ македонский царь, не желая уступать в благородстве Киру, признал за иудеями право жить по их древним обычаям и прежним законам[33]. Затем Александр вторгся в Египет, завоевал его, основал на побережье Средиземного моря город Александрию, после чего двинулся на восток и никогда больше не возвращался в Иудею.

Уничтожив Персидское царство и покорив Азию вплоть до границ Индии, Александр приступил к воплощению в жизнь грандиозного политического замысла: создать персидско-македонскую элиту, которая могла бы управлять его мировой империей. Пусть македонский царь и не преуспел в этом, но он сумел изменить мир в такой степени, в какой это не удавалось ни одному другому завоевателю в истории. Александр заложил

основы эллинизма — цивилизации особого типа, которая сложилась в результате насаждения греческой культуры (языка, искусства, религии, спортивных и административных традиций) на обширной территории от пустынь Ливии до предгорий Афганистана и сплавления ее с местными, восточными культурными обычаями. Греческая культура стала в ту эпоху такой же универсальной, какой станет британская в XIX веке или американская в XX столетии. Со времен Александра даже монотеисты-иудеи, для которых эта культура, построенная на языческой религии и философии, была совершенно чуждой, не могли уже смотреть на мир иначе как сквозь призму эллинизма.

13 июня 323 года до н. э., через восемь лет после завоевания мира, 33-летний Александр лежал в агонии в Вавилоне, умирая то ли от лихорадки, то ли от яда. Боевые товарищи царя, собравшиеся вокруг его смертного одра, спросили, кому он оставляет царство? Александр ответил: «Сильнейшему».

Птолемей: грабеж в субботу

Спор о том, кто же «сильнейший» из соратников Александра, вылился в двадцатилетнюю войну между ними. Иерусалим превратился в переходящий приз в борьбе македонских военачальников, что «умножали зло на земле». За все время противоборства Иерусалим шесть раз переходил из рук в руки. Пятнадцать лет он принадлежал Антигону Одноглазому. После его гибели в сражении (301 год до н. э.) у стен Иерусалима появился Птолемей, полный решимости завладеть городом.

Птолемей был сводным братом Александра. Ветеран македонских войн, он прошел с царем путь от Греции до Центральной Азии и командовал флотом во время экспедиции по реке Инд. После смерти Александра и первоначального раздела его империи Птолемей получил в управление Египет. Познав о том, что тело Александра везут из Вавилона в Грецию, Птолемей стремительным броском пересек Палестину и захватил тело, чтобы похоронить великого завоевателя в египетской Александрии и тем самым символически утвердить ее в качестве столицы империи Александра, а себя — в качестве его преемника.

Птолемей был не просто полководцем. Его изображения на монетах, где особенно бросаются в глаза волевой подбородок и прямой нос, отражают выдающиеся качества этого мужа: волю и энергию в сочетании с изощренной мудростью и здравомыслием.

Птолемей заявил жителям Иерусалима, что хочет войти в город в субботний день, чтобы принести жертву иудейскому Богу.

Уловка сработала: евреи ничего не заподозрили, и Птолемей «без труда овладел городом», не встретив «со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия». Неукоснительное соблюдение субботы обернулось утратой свободы. Правда, когда солнце субботы закатилось, евреи все же взялись за оружие и попытались отбить город. И тогда воины Птолемея начали неистовствовать. Было все так, как предрекал пророк Захария: «…и взят будет город, и разграблены будут дома, и обесчещены будут жены, и половина города пойдет в плен». Птолемей поставил македонский гарнизон в крепости Барис, которую Неемия построил чуть севернее Храма, и переселил тысячи плененных евреев в Египет. Так была основана знаменитая еврейская община Александрии.

В Египте Птолемей и его наследники почитались как фараоны; в греческой Александрии и в Восточном Средиземноморье они вели себя как греческие цари. Птолемей I, вошедший в историю под прозвищем Сотер, «Спаситель», признал египетских богов Исиду и Осириса и усвоил египетские традиции управления государством, и его династия позиционировалась одновременно как род египетских богов-фараонов и семейство богоподобных греческих царей. Владениями Птолемеев со временем стали Кипр, Киренаика (современная северная Ливия), часть Малой Азии и греческие острова. Птолемей I понимал, что легитимность и величие правителя определяются не только могуществом и богатством, но и культурой его державы. Он превратил Александрию в первейший из греческих городов, роскошный и утонченный, основал в своей столице музей и библиотеку, куда собрал греческих ученых и философов, построил Фаросский маяк, признанный одним из семи чудес света. Империя Птолемеев просуществовала три столетия, и последней правительницей этой династии была царица Клеопатра.

Птолемей Сотер, доживший до 84 лет, успел написать и историю Александра. Его сын и наследник Птолемей II Филадельф с большим уважением относился к евреям. Он освободил 120 тысяч еврейских пленников и послал в Иерусалим золото для украшения Храма. Филадельф знал, как сильно воздействуют на людей пышные и зрелищные церемонии, и использовал это знание в своих целях. В 273 году он устроил для небольшого числа особо важных гостей шествие в честь Диониса, бога вина и изобилия. В шествии принимали участие подданные Птолемея из всех уголков его государства, а также богато украшенные слоны, но более всего гостей поразили огромный мех для вина, сшитый из леопардовых шкур и вмещавший девять

тысяч литров, и фаллос длиной 55 метров и толщиной около трех.

Птолемей II был страстным собирателем книг. По его просьбе иудейский первосвященник Елеазар прислал в Александрию экземпляр Танаха[34], состоявшего в то время примерно из двадцати книг, и царь повелел перевести священное писание евреев на греческий язык. Согласно преданию, Птолемей пригласил на пир александрийских иудеев, чью ученость он высоко ценил, и обсудил с ними вопросы перевода. «Все, что вам может понадобиться, — пообещал царь, — будет приготовлено, как подобает, и вместе с вами и для меня тоже». Говорят, что за семьдесят дней семьдесят ученых иудейских мужей закончили работу, и все переводы оказались идентичными. Септуагинта («перевод семидесяти толковников») изменила историю Иерусалима и впоследствии сделала возможным распространение христианства. Благодаря Александру Великому греческий к тому времени стал языком международного общения. Теперь Библию мог прочесть практически любой грамотный человек.

Иосиф, сын Товии

Иерусалим оставался частью империи Птолемея, однако сохранял некоторую степень независимости и даже чеканил собственную монету с надписью «Йехуд» (Иудея). Это было не просто политическое образование, но город Бога, которым управляли первосвященники, выходцы из семейства Тобиадов, «сынов Товии», возводивших свое родословие к древнему священнику Цадоку. Тобиады сосредоточили в своих руках большую власть и большое богатство, которое могли копить и сохранять при условии ежегодной выплаты податей Птолемеям. Однако в 240-х годах до н. э. первосвященник Хония II решил утаить у себя двадцать талантов серебра, которые он должен был выплатить Птолемею III Эвергету. Один молодой еврей с хорошим положением в городе решил, что наступил подходящий момент для того, чтобы низложить первосвященника и самому занять его место, став хозяином не только Иерусалима, но и всей страны.

Этим авантюристом был собственный племянник первосвященника по имени Иосиф бен Товия[35]. Он отправился в Александрию, где царь проводил откупные торги: аукцион выигрывал тот, кто предлагал наибольшую сумму ежегодных выплат в обмен на власть и право взимать налоги на определенной территории. Сирийские вельможи насмехались над юным Иосифом, но он переиграл их с невероятным нахальством.

Иосиф прежде всего позаботился о том, чтобы получить аудиенцию у царя, и смог очаровать Птолемея. А когда начались торги, самоуверенный Иосиф перебил все предложения своих соперников, претендовавших, как и он, на откупа в Келесирии, Финикии, Иудее и Самарии. Птолемей III спросил Иосифа, каких поручителей, в соответствии с правилами, тот может представить, на что Иосиф ответил: «О царь! Никого иного, как тебя самого и твою царицу!» Юный наглец мог быть казнен за свою дерзость, но Птолемей рассмеялся и отдал Иосифу откуп без поручительства.

Иосиф бен Товия вернулся в Иерусалим с двумя тысячами египетских пехотинцев. Когда жители Аскалона отказались платить налоги, он казнил двадцать самых влиятельных горожан. И Аскалон заплатил.

Подобно своему тезке из Книги Бытие, Иосиф сыграл в Египте ва-банк — и выиграл. В Александрии, где он стал близким другом царя, Иосиф однажды воспылал страстью к одной актрисе. А когда он попытался соблазнить ее, его брат подсунул ему свою собственную дочь. Той ночью Иосиф был слишком пьян, чтобы заметить подмену, но когда он протрезвел, то влюбился в племянницу и взял ее в жены, укрепив таким образом семейные узы. Их сын Гиркан вырос хитроумным и ловким, под стать отцу. Иосиф бен Товия жил на широкую ногу, правил железной рукой и устанавливал неподъемные налоги, но тем не менее, по мнению Иосифа Флавия, заслуживал восхищения, поскольку был «человек прекрасный и великодушный, который успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни».

Поддержка Иосифа была очень важна для египетских царей, поскольку они вели непрерывные войны с Селевкидами — еще одной македонской династией, соперничавшей с египтянами за контроль над Ближним Востоком. Около 241 года до н. э. Птолемей III после очередной победы над врагом выразил Иосифу публичную признательность за помощь, посетив Иерусалим и совершив жертвоприношение в Храме. Однако когда этот могущественный царь умер, египтянам бросил вызов юный и бесконечно честолюбивый предводитель династии Селевкидов.

Антиох Великий: битва слонов

Это был македонский владыка Азии Антиох III. В 223 году до н. э. этот 18-летний юноша унаследовал величественный титул и распадающееся государство[36], но он обладал всеми талантами и качествами, чтобы отдалить закат своей державы. Антиох считал

себя наследником Александра и, как все македонские цари, отождествлял себя с Аполлоном, Гераклом, Ахиллесом, но прежде всего — с Зевсом. В череде стремительных походов он вновь отвоевал земли на востоке вплоть до Индии, которые раньше входили в империю Александра, но затем были утеряны, и заслужил прозвище Великий. Он несколько раз вторгался в Палестину, но Птолемеи отражали эти атаки, и стареющий Иосиф бен Товия оставался у власти в Иерусалиме. Его сын Гиркан предал отца и попытался захватить город, но Иосифу незадолго до смерти удалось одержать победу над сыном, и тот отступил за Иордан, решив создать собственное княжество на территории современной Иордании.

В 201 году до н. э. уже перешагнувший сорокалетний рубеж Антиох Великий вернулся из триумфального похода на Восток. В течение его войн с Птолемеями, пишет Иосиф Флавий, «на долю евреев выпало страдать одинаково как в случаях его победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн».

Антиох и его войско являли собой впечатляющее зрелище. Он, вероятно, был увенчан царской диадемой; одеяние его состояло из шнурованных пурпурных сапог, расшитых золотом, широкополой шляпы и темно-голубой хламиды, затканной золотыми звездами и скрепленной под горлом пурпурной застежкой-фибулой. Иудеи доставили обильные припасы его многоязыкому войску, в которое входили македонские фалангисты, вооруженные длинными копьями-сариссами, критские горцы, киликийская и курдская легкая пехота, фракийские пращники, лучники из Мизии, копейщики из Лидии и иранские катафракты — закованные в латы всадники на огромных конях. Но самым престижным родом войск были боевые слоны, которых жители Иерусалима, возможно, увидели тогда впервые[37].

Антиох обещал иудеям отремонтировать Храм и стены города, а также подтвердил их право «управляться по собственным своим законам». Он даже воспретил иноземцам входить на территорию Храма или «ввозить в город мясо лошадиное, или свинину, или диких или домашних ослов, кошек, лисиц, зайцев и вообще всех запретных для иудеев животных». Первосвященник Симон (Шимон) явно сделал правильный выбор: никогда прежде не видел Иерусалим столь снисходительного завоевателя. В течение долгих лет эти события вспоминались как золотой век, когда правил идеальный первосвященник, подобный «утренней звезде среди облаков».

Симон Праведный: утренняя звезда

Когда Симон[38] выходил из Святая Святых в День искупления, это было весьма величественное зрелище. Облаченный в великолепную одежду, первосвященник «при восхождении к святому жертвеннику освещал блеском окружность святилища». Он был образцом первосвященника, лучшим из тех, что правили Иудеей как помазанные князья, сочетая функции монарха, верховного жреца и духовного вождя: он носил золоченые одеяния, сверкающий нагрудник и похожий на корону тюрбан, на котором сиял *нецер*, золотой цветок, символ жизни и спасения, священное украшение короны иудейских царей. Иисус, сын Сирахов, — автор библейской Книги Премудрости и первый из библейских писателей, отразивших священную драму пока еще процветавшего города, — сравнивал Симона с «возвышающимся до облаков кипарисом».

В Иерусалиме утвердилась теократия. Само это слово было изобретено Иосифом Флавием для описания государственного устройства крошечного вассального царства, «начальство и власть» в котором были вручены Богу. Жесткие правила регулировали все стороны жизни, поскольку никаких границ, отделяющих политику от религии, не существовало. В Иерусалиме не было ни статуй, ни высеченных в камне изображений. Идеей соблюдения шаббата (субботы) иудеи были буквально одержимы. Все преступления против религии карались смертью. Способов казни было четыре — побиение камнями, сжигание на костре, обезглавливание и удушение. Уличенных в прелюбодеянии побивали камнями, и в наказании участвовали все члены общины (правда, осужденных сначала сбрасывали с утеса, так что к моменту, как их забрасывали камнями, они обычно были уже без сознания). Сына, ударившего отца, как правило, казнили посредством удушения. А мужчину, вступившего в преступную связь одновременно с женщиной и ее дочерью, сжигали заживо.

Храм был центром еврейской жизни: там собирались на свои заседания первосвященник и его совет — Синедрион. Каждое утро трубы призывали к первой молитве — как много лет спустя к ней будет призывать мусульманский муэдзин. Четыре раза на дню громкие звуки семи серебряных труб призывали верующих пасть ниц в Храме. Ключевыми ритуалами иудейского культа были два ежедневных — утром и вечером — жертвоприношения на храмовом алтаре, когда закалывались агнец, телец или голубь без единого физического изъяна. Это всегда сопровождалось воскурением фимиама на особом алтаре — «жертвеннике

благовонных курений». Город вдыхал запах, исходивший от храмового алтаря и курильниц: к витавшему в воздухе аромату корицы и кассии всегда примешивался неприятный запах сжигаемой плоти. Неудивительно, что из благовоний люди старались приносить побольше мирта, нарда и бальзамина.

Паломники отовсюду стекались в Иерусалим на праздники. У Овечьих (ныне Львиных) ворот, к северу от Храма, в больших загонах держали скотину, предназначенную для жертвоприношений. На Пасху закланию подвергались до 200 тысяч ягнят. Но самым ярким событием в иерусалимском календаре был семидневный праздник Кущей: мужчины и женщины в белых одеяниях танцевали во дворах Храма, пели песни с зажженными факелами в руках, а потом отправлялись пировать. На время праздника все жители покидали свои дома и поселялись в шалашах — «кущах», построенных из веток деревьев и пальмовых листьев на крышах домов или во дворах Храма[39].

Но даже в дни правления целомудренного Симона в городе было много светских, прагматичных иудеев, которые, наверное, с виду были похожи на богатых греков, что жили в новых дворцах, построенных на западном склоне горы — в Верхнем городе. То, что фанатичные консервативные иудеи полагали языческой мерзостью, эти космополиты рассматривали как достижения цивилизации. Именно в те времена в Иерусалиме наметилась новая черта: чем более священным он становился, тем сильнее разделялись горожане. Два образа жизни существовали в непосредственном соседстве, и это было чревато взаимной ненавистью и семейной враждой. К тому же теперь городу и существованию евреев как таковому угрожал самый ужасный монстр со времен Навуходоносора.

Антиох Епифан: помешанный бог

Благодетель Иерусалима Антиох Великий не удовлетворился достигнутым: ему требовалась вся Малая Азия с Грецией в придачу. Однако самоуверенный царь Азии недооценил растущую мощь Римской республики, только что разгромившей непобедимого карфагенянина Ганнибала и установившей свое господство в Западном Средиземноморье. Рим не позволил Антиоху захватить Грецию, вынудив великого царя не только отдать римлянам свой флот и боевых слонов, но и послать собственного сына в Италию в качестве заложника. Антиох двинулся на восток, рассчитывая пополнить казну, но был убит во время разграбления одного из персидских храмов.

К тому времени все иудеи, жившие на территории от Вавилона до Александрии, уже платили Храму ежегодную десятину. Иерусалим стал таким богатым, что его сокровища не только обострили конфликты между вождями различных городских группировок, но и привлекли алчные взоры вечно нуждавшихся в деньгах македонских царей. Новый царь Азии, носивший, как и его отец, имя Антиох, взял штурмом Антиохию, столицу царства, и захватил трон, истребив всех членов своей семьи, которые могли бы претендовать на престол. Воспитанный в Риме и Афинах, Антиох IV унаследовал необузданный нрав и выдающиеся способности отца, но своей склонностью к сумасбродствам, страстью пугать людей и любовью к пышности походил на таких экстравагантных безумцев, как более поздние Калигула или Нерон.

Как сын великого царя, павшего жертвой покушения, он должен был слишком многое доказать и самому себе, и окружающим. Столь же красивый, сколь и психически неуравновешенный, Антиох любил пышные церемонии и богатые пиры. При этом, откровенно пренебрегая придворным этикетом, он надменно злоупотреблял своими правами абсолютного монарха, поражая подданных эксцентричными выходками. В Антиохии молодой царь напивался допьяна на главной площади, публично совершал омовения и на глазах у народа приказывал массажистам натирать свое тело дорогими маслами, запанибрата общаясь с прислужниками и носильщиками паланкинов. А когда какой-то человек укорил его за расточительное использование мирры, Антиох повелел разбить горшок с миррой о голову зануды и принялся истерически хохотать над людьми, которые бросились собирать драгоценное масло. Антиоху нравилось переодеваться в чужое платье и разгуливать по улицам в розовом венце и золотой маске, но стоило какому-нибудь зеваке, разинув рот, уставиться на переодетого царя, как тот начинал швыряться в зеваку камнями. По ночам, переодевшись и загримировавшись, он слонялся по притонам Антиохии. Иногда он выказывал дружелюбие по отношению к чужеземцам, но его доброжелательность походила на добродушие сытой пантеры: совершенно неожиданно и без всякого повода он сменял милость на гнев, в котором также не знал удержу.

Монархи эллинистической эпохи обычно возводили свое родословие к Гераклу или другим героям или богам, но Антиох и тут перещеголял всех. Он велел называть себя Епифан, то есть «явленный со славой». Правда, современники за глаза называли Антиоха иначе: Эпиман, «помешанный». Впрочем, в его безумии была своя логика: он стремился консолидировать свою империю

вокруг единого царя и единой религии. Антиох надеялся, что местные боги, которым поклонялись его подданные, растворятся в греческом пантеоне и его собственном культе. Но это было немыслимо для евреев, которых с греческой культурой связывали одновременно любовь и ненависть.

Иудеи воздавали должное греческой цивилизации, но отказывались признать ее превосходство. По свидетельству Иосифа Флавия, они считали греков никчемными людьми, распутными и легкомысленными. И все же многие жители Иерусалима уже вели модный, греческий образ жизни и носили одновременно греческие и еврейские имена, желая показать, что они могут быть такими же, как греки. Консервативные евреи, однако, придерживались иных взглядов: для них греки были идолопоклонниками, а обнаженные тела греческих атлетов вызывали лишь отвращение.

С воцарением Антиоха IV первым инстинктивным побуждением иудейских вельмож была попытка добиться для себя властных привилегий и возвыситься над соперниками. Смута началась с семейной распри за богатство и влияние. Когда первосвященник Ония III отправился к царю в Антиохию, чтобы предложить ему сумму ежегодных выплат, его брат Ясон предложил на 80 талантов больше и пообещал превратить Иерусалим в греческий полис. Ясон вернулся в Иудею в сане первосвященника, переименовал город в Антиохию-Иерусалим в честь царя, поставил под сомнение священный статус Торы и построил гимнасий — вероятно, на одном из холмов к западу от Храма. Реформы Ясона нашли поддержку в народе. Еврейские юноши во что бы то ни стало хотели появляться в модном месте — гимнасии, где и тренировались совершенно нагими, надев на себя лишь греческие шляпы. При этом они стремились скрыть следы обрезания — знака Завета, заключенного с Богом, — и даже каким-то образом вновь «делали себя необрезанными» (один из бесчисленных триумфов моды над соображениями гигиены и комфорта). Однако Ясон сам попал в ту же ловушку, которую уготовил ранее своему брату. Он послал своего приближенного по имени Менелай отвезти Антиоху дань. Но жестокий Менелай выкрал ценности из сокровищницы Храма и пообещал царю платить большую подать, чем платил Ясон. Так он перекупил сан первосвященника, хоть и не происходил из священнического рода и не был потомком Цадока. Менелай захватил Иерусалим. Когда же жители города послали к царю своих делегатов с протестом, Антиох казнил послов и даже организовал убийство бывшего первосвященника Онии.

Антиох был более всего озабочен тем, как изыскать средства

для восстановления своей империи, и ему почти удалось достичь невозможного: объединить империи Птолемеев и Селевкидов. В 170 году до н. э. он завоевал Египет, однако и на сей раз жители Иерусалима омрачили его триумф, подняв восстание, которое возглавил изгнанник Ясон. «Помешанный» повел войско обратно через Синай и взял штурмом Иерусалим, учинив в городе зверскую резню и продав в рабство 10 тысяч евреев[40]. В сопровождении своего сообщника Менелая он вошел в Святая Святых и завладел бесценными реликвиями: «взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его, и трапезу [стол] предложения». Хуже того, Антиох повелел иудеям приносить ему жертвы как воплощению Бога, «со славой явленному», испытывая таким образом верность тех иудеев, которых, по-видимому, привлекала греческая культура. А затем, наполнив сундуки храмовым золотом, он вновь обрушился на египтян, безжалостно сокрушив все очаги сопротивления.

Антиох любил разыгрывать из себя римлянина: облачившись в тогу, он устраивал шутейные «выборы» в Антиохии. Одновременно он тайно строил флот и обучал боевых слонов, что было запрещено договором с римлянами. Однако Рим, твердо решивший завоевать господство в Восточном Средиземноморье, не намерен был терпеть новую империю Антиоха. Когда римский посол Попиллий Ленас встретился с царем в Александрии, римлянин тростью очертил круг на песке вокруг Антиоха и заявил, что царь не выйдет из круга, пока не пообещает уйти из Египта. Антиох, «тяжело вздыхая и с горечью в сердце», склонился перед мощью Рима.

Тем временем евреи отказывались приносить жертвы перед статуей обожествленного Антиоха. И чтобы Иерусалим не поднял восстание в третий раз, Помешанный решил искоренить саму иудейскую религию.

Антиох Епифан: новая «Мерзость запустения»

В 167 году до н. э. Антиох обманным путем овладел Иерусалимом «в святой день субботы», перебил тысячи его жителей, разрушил стены и построил для своей резиденции новую крепость Акра[41]. Управление городом Антиох передал греческому губернатору и «предателю законов и отечества» Менелаю.

Затем Антиох под страхом смерти запретил иудеям совершать любые жертвоприношения или богослужения в Храме, соблюдать субботу и Закон, а также совершать обрезание. И «стал

закалывать на жертвенниках свиней, осквернил Храм жиром этих животных и тем надругался над установлениями иудеев и их древним благочестием». Шестого декабря Храм был переосвящен в честь верховного бога империи — Зевса Олимпийского. Опять воцарилась «мерзость запустения». На алтаре вне Святая Святых было совершено жертвоприношение богу Антиоху (скорее всего, в его же присутствии). «Храм наполнился любодейством и бесчинием от язычников, которые, обращаясь с блудницами, смешивались с женщинами в самых священных притворах». Менелай не препятствовал этому, и люди, надев на голову венки из плюща, приходили в Храм совершать языческие жертвоприношения, а после этого даже многие священники отправлялись в гимнасий посмотреть на состязания нагих атлетов.

Тех же, кто сохранял верность Субботе, сжигали заживо или предавали жестокой казни, позаимствованной у греков, — через распятие. Один старец предпочел смерть, когда его заставляли поесть свинины; женщин, обрезавших своих сыновей, сбрасывали вместе с младенцами со стен Иерусалима. Когда у кого-то находили Тору, ее «разрывали и сожигали огнем», а хозяина предавали смерти. И все же Тора, как и Храм, была для многих дороже жизни. Казни верных Закону иудеев породили новый культ мучеников и обострили мессианские настроения и ожидания Апокалипсиса[42]. Все больше иудеев верили, что «многие из спящих в прахе земли пробудятся… для жизни вечной» в Иерусалиме, зло будет повержено, а Добро восторжествует с пришествием Мессии — Сына Человеческого, облеченного во славу и величие.

Помешанный тем временем вернулся к себе в Антиохию, где отметил свои позорные победы пышным празднеством. Скифские конники в золотых доспехах, индийские слоны, гладиаторы и парфянские всадники на конях в золотой сбруе торжественной процессией прошли по городу. За ними шествовали юноши-атлеты в позолоченных венках. А за атлетами брели около тысячи откормленных жертвенных быков, катились повозки со статуями богов и героев и шли женщины, окроплявшие «благовониями из золотых кувшинов» толпу зрителей. В цирках сражались гладиаторы, из фонтанов текло красное вино, а царь принимал на пиру во дворце тысячу гостей. Помешанный сам был распорядителем на празднестве. Он верхом проносился вдоль процессии, одних погоняя, других сдерживая. Во время пира он самолично рассаживал гостей, присаживался то к одним, то к другим и перекидывался шутками с комедиантами. В конце пиршества царские музыканты внесли фигуру, задрапированную

тканями. Как только они опустили ее наземь, фигура, едва послышались звуки музыки, внезапно сбросила покров, и глазам онемевших гостей предстал сам царь: «Он вскочил нагишом и, заигрывая со скоморохами, отплясывал смешные и непристойные танцы».

А на юге, вдалеке от этой неистовой вакханалии, военачальники Антиоха исполняли его приказы, продолжая гонения на иудеев, соблюдавших Закон Моисея. В селении Модиин близ Иерусалима старому священнику по имени Маттафия, отцу пятерых сыновей, повелели принести жертву царю Антиоху, чтобы он доказал тем самым, что он больше не еврей. Но Маттафия ответил отказом: «Если и все народы в области царства царя послушают его и отступят каждый от богослужения отцов своих… то я и сыновья мои, и братья мои, будем поступать по завету отцов наших». А когда вперед выступил другой еврей, готовый принести идольскую жертву, Маттафия «возревновал, и затрепетала внутренность его». Выхватив меч, он убил сначала вероотступника, затем греческого военачальника и сокрушил языческий алтарь. При этом он воскликнул: «Всякий, кто ревнует по законе и стоит в завете, да идет вслед за мною!» После этого Маттафия и пятеро его сыновей бежали в горы, где к ним присоединились многие благочестивые иудеи, «верные закону» — *хасидим*. Они были настолько набожны, что (на свою беду) неукоснительно соблюдали шаббат даже во время боевых действий, и греки, естественно, старались атаковать евреев именно по субботам.

Маттафия вскоре умер, но его третий сын Иуда стал «начальником войска» повстанцев в горах окрест Иерусалима и нанес сирийской армии три поражения подряд. Антиох поначалу не воспринял иудейское восстание всерьез: он пошел войной на Персию, поручив усмирение мятежников своему советнику Лисию. Но Иуда разгромил и Лисия.

Лишь тогда Антиох, воевавший далеко в Персии, осознал, что победы Иуды угрожают его империи, и отказался от политики террора. Иудеи, писал он в послании настроенным прогречески членам Синедриона, могут «есть мясо своих животных и соблюдать законы отцов своих». Но было уже слишком поздно. Вскоре у Антиоха Епифана случился удар, и Помешанный замертво упал с колесницы. Иуда к тому времени стяжал себе героическое прозвище, которое впоследствии дало название целой династии: Маккавей («молот»).

8. Маккавеи
164–66 гг. до н. э

Иуда Молот

Зимой 164 года до н. э. Иуда Маккавей[43] завоевал всю Иудею и подчинил себе Иерусалим, за исключением по-прежнему занятой греками крепости Акра. Когда Иуда и его воины увидели Храм Иерусалимский опустошенным и заброшенным, «он и все люди его начали плакать». Иуда очистил Храм, возжег благовония, заново освятил Святая Святых и принес жертву всесожжения. Масла для храмового светильника в разоренном городе нашли только на один день, но чудесным образом огонь в Храме горел целых восемь дней, пока не удалось пополнить запасы масла. Освобождение и очищение Храма евреи до сих пор отмечают восьмидневным праздником, который называется Ханука — «обновление».

Иуда Маккавей двинулся походом за Иордан, а своего брата Симона отправил освобождать евреев в Галилее. Но в отсутствие Иуды еврейское войско потерпело поражение. Маккавей стремительно вернулся назад, захватил Хеврон и Эдом и сокрушил языческий жертвенник в Ашдоде, а затем осадил цитадель Акра в Иерусалиме. Однако селевкидский наместник разгромил Маккавеев при Бет-Захарии, к югу от Вифлеема, после чего взял в осаду Иерусалим. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы в этот момент не восстала Антиохия. Вынужденный отступить от Иерусалима, наместник даровал иудеям право жить «по собственным законам» и молиться в Храме. Через четыре столетия после Навуходоносора евреи наконец вновь обрели независимость.

Однако они не ощущали себя в полной безопасности. Селевкиды, поглощенные гражданскими войнами, ослабленные, но все еще грозные, не скрывали намерений со временем сокрушить иудеев и вернуть себе Палестину. Эта жестокая, трудная, нескончаемая война затянулась на 20 лет. Нет надобности описывать ее в деталях, подробно освещая деяния всех этих Селевкидов, имена которых столь похожи. Но стоит упомянуть, что случались моменты, когда Маккавеи были близки к полному уничтожению. И все же этому одаренному, обладавшему неиссякаемой энергией и верой семейству всегда удавалось перегруппировать свои силы и нанести ответный удар.

Крепость Акра, смотревшая на Храм, продолжала причинять жителям разделенного Иерусалима немало беспокойства. И хотя трубы Храма снова трубили, а священники снова совершали жертвоприношения, языческий гарнизон Акры и изменники-евреи иногда «внезапно вырывались из крепости», говорит Иосиф, и убивали тех, кто шел в Храм. Жители Иерусалима казнили Менелая, «корень греха», и избрали нового первосвященника[44]. Однако Селевкиды снова вмешались. Их военачальнику Никанору удалось в очередной раз захватить весь Иерусалим целиком. Указав на жертвенник, грек пригрозил священникам и старейшинам народа: «Если не предан будет ныне Иуда и войско его в мои руки, то, когда возвращусь благополучно, сожгу дом сей».

Иуда, сражаясь за свою жизнь, обратился за помощью к Риму — врагу всех греческих царств. И Рим поспешил подтвердить независимость иудеев. В 161 году Маккавей повел войско на бой с армией Селевкидов, разбил Никанора, повелел отрубить ему голову и руку и доставить их в Иерусалим. Рука и язык, некогда угрожавшие Храму, были изрублены и брошены на потребу птицам, а мертвая голова водружена на копье над крепостью. С тех пор жители Иерусалима в память о победе Иуды и своем избавлении несколько столетий праздновали День Никанора. Но и самому Иуде оставалось жить недолго. Селевкиды смогли разгромить его войско; в жестоком сражении Иуда Маккавей был убит и погребен в Модиине; Иерусалим пал вновь. Казалось, все потеряно. Но дело Иуды Молота продолжили его братья.

Симон Великий: триумф Маккавеев

По прошествии двух лет, проведенных в бегах, брат Иуды Ионафан вышел из пустыни, снова разбил Селевкидов и сделал своей резиденцией Махмас, город к северу от Иерусалима, который все еще удерживали греки. Однако Ионафан, обладавший незаурядным дипломатическим талантом, воспользовался соперничеством царей Египта и Сирии и смог завладеть Святым городом. Он восстановил городские стены и вновь освятил Храм. В 153 году до н. э. селевкидский царь Александр вынужден был даровать Ионафану титул «друга царя» и поставить его первосвященником. Маккавей был помазан елеем, украшен царским цветком и облачен в священнические одежды во время самого почитаемого из иудейских праздников — праздника Кущей. И все же Ионафан был всего лишь сыном провинциального священника, а не потомком Цадока. И по

крайней мере одна из иудейских религиозных группировок считала его «нечестивцем».

Поначалу Ионафана поддерживал египетский царь Птолемей VI Филометор, который даже совершил поход вдоль побережья до Иоппии, ближайшего к Иерусалиму порта (ныне Яффо), где они встретились с Ионафаном и приветствовали друг друга с подобающим царю и первосвященнику почетом и величием. В Птолемаиде (ныне Акко) Филометор осуществил мечту любого греческого царя со времен Александра Великого: «возложил на свою голову два венца — Азии и Египта». Но в апогее его триумфа лошадь царя, испугавшись рева сирийских слонов, сбросила своего всадника, и Птолемей погиб[45].

Пока Селевкиды боролись за власть, все больше увязая в междоусобицах, Ионафан ловко лавировал между претендентами, принимая сторону то одного, то другого из них. Один из Селевкидов, осажденный в своем дворце в Антиохии, обратился к Ионафану за поддержкой, обещав за это полную независимость Иудеи. Ионафан привел из Иерусалима в Антиохию, пройдя через территорию современного Израиля, Ливана и части Сирии, три тысячи бойцов. Еврейские воины, осыпавшие горящий город дождем стрел, а потом, дом за домом, отвоевавшие его, спасли царя и вернули его на престол. Возвращаясь в Иудею, Ионафан захватил Ашкелон, Газу и Вефсур (Бет-Цур) и осадил крепость Акра в Иерусалиме. Но его новый греческий союзник Трифон хитростью заманил Ионафана в Птолемаиду. Как только Ионафан прибыл туда со своими людьми, жители города по приказу правителя заперли ворота; Ионафан оказался в плену, а все его товарищи были перебиты. Трифон же собрал войско и повел его на Иерусалим.

Но еще не все семейство Маккавеев было истреблено: оставался последний брат — Симон. Он заново укрепил Иерусалим и сплотил армию. И на этот раз евреям была послана помощь свыше: неожиданно «выпало много снегу, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону возможности добраться до Иерусалима». Грек отступил, но все же отомстил, казнив брата Симона — плененного Ионафана, которого вез с собой в оковах. Весной 141 года Симон наконец взял штурмом иерусалимскую Акру и полностью разрушил ее, срыв даже до основания всю гору, на которой она стояла. Затем он отпраздновал победу в Иерусалиме «со славословиями, пальмовыми ветвями, с гуслями, кимвалами и цитрами, с псалмами и песнями». Так усилиями Симона были успешно «изгнаны из страны язычники», и потому «иудеи и священники согласились, чтобы Симон был у них начальником и

первосвященником», и облачили его в царскую порфиру (пурпурную мантию), застегнутую на золотую фибулу (пряжку), как и подобает царю, пусть и не царственного происхождения. «И народ израильский в переписке и договорах начал писать: „первого года при Симоне, великом первосвященнике, вожде и правителе иудеев“».

Иоанн Гиркан: строитель империи

Симон Великий находился на пике популярности, когда в 134 году до н. э. его пригласил на пир его зять. Это был заговор: в разгар трапезы последний из славного поколения Маккавеев был убит, а его жену и двоих сыновей бросили в темницу. Убийцы охотились и за третьим сыном Симона — Иоанном (евр. Иоханан), но тот успел укрыться в Иерусалиме.

Катастрофа грозила Иоанну со всех сторон. Когда он осадил заговорщиков в их убежище, его мать и братья были умерщвлены врагами прямо у него на глазах. Третий сын Маттафии, Иоанн, не рассчитывал, что ему доведется царствовать, но обладал всеми фамильными талантами, позволявшими и ему стать идеальным еврейским правителем с мессианской харизмой, «удостоившись от Господа Бога, — как писал Иосиф Флавий, — трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания».

Селевкид Антиох VII Сидет воспользовался иудейской междоусобицей, чтобы вновь захватить Иудею и осадить Иерусалим. Когда в городе начался голод, царь выказал готовность к переговорам, послав в город по случаю праздника Кущей «драгоценные жертвенные дары, а именно быков с вызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовонных курений». Иоанн отправил к нему своих посланцев с просьбой о мире, согласившись передать Антиоху все завоеванные Маккавеями земли за пределами Иудеи, выплатить 500 талантов серебром и снести городские укрепления. На этих условиях Антиох снял осаду.

Впоследствии Иоанн был вынужден принять участие в походе своего нового «союзника» против парфян, набиравших силу в Иране и Месопотамии. Поход закончился для греков катастрофически, но для евреев благополучно. Возможно, Иоанн вел тайные переговоры с парфянским царем, среди подданных которого было много евреев. Антиох погиб, но Иоанн каким-то образом избежал злой участи и вернулся назад с обретенной вновь независимостью[46].

Великие державы были заняты своими внутренними интригами, и Иоанну ничто не помешало приступить к военной экспансии поистине давидовых масштабов (кстати, великий древний царь, по иронии истории, «помог» Иоанну со средствами на ведения военных действий: Иоанн разграбил его богатую гробницу, находившуюся, вероятно, в древнем Городе Давидовом). Иоанн захватил Мадабу за Иорданом, на юге насильно обратил в иудаизм эдомитян (которые стали теперь называться идумеями), а на севере разрушил Самарию, а затем завоевал всю Галилею. В Иерусалиме Иоанн выстроил вокруг разросшегося города так называемую Первую Стену[47]. Его царство было региональной державой, но Храм — сердцем мировой еврейской жизни, хотя растущие иудейские общины в разных городах Средиземноморья возносили свои ежедневные молитвы в местных синагогах. Вероятно, именно в этот момент вновь обретенной уверенности в себе 24 книги Писания и стали каноническим текстом еврейского Танаха — Ветхого Завета.

После смерти Иоанна его сын Аристобул провозгласил себя царем Иудеи — первым еврейским царем с 586 года до н. э. Аристобул подчинил Итурею (современные Северный Израиль и Южный Ливан). Однако Маккавеи к этому времени до такой степени «огречились», что стали похожи на собственных врагов. Они носили как еврейские, так и греческие имена и управляли своим народом с жестокостью ничуть не меньшей, чем греческие тираны. Аристобул бросил в темницу собственную мать и приказал телохранителям умертвить своего младшего и более популярного в народе брата; однако чувство вины за это преступление настолько мучило Аристобула, что он помрачился рассудком. И все же, когда Аристобул умирал, «харкая кровью», он больше страшился не смерти, но того, что другой его брат — надменный Александр Яннай — окажется тем чудищем, которое разрушит дом Маккавеев.

Александр Фракиец: свирепый молодой лев

Едва укрепившись в Иерусалиме, царь Александр (Яннай — греческий вариант его еврейского имени Йонатан) женился на вдове своего брата и стал готовиться к завоеваниям — к созданию Иудейской империи. Александр был порочен и бессердечен, и уже скоро евреи возненавидели его за изощренный садизм. Однако Александр мог теперь вести войну против соседей совершенно беспрепятственно — греческие царства рушились, а римляне еще не пришли.

Александру удавалось избегать гибели в своих частых поражениях благодаря поистине дьявольскому везению[48] и неистовой жестокости: иудеи прозвали царя Фракийцем — синоним слова «дикарь» — за варварские бесчинства, которые чинил он при поддержке банды своих греческих наемников.

Александр завоевал Газу (на границе с Египтом) и Рафию (на Голанских высотах), однако потом попал в засаду, которую арабы-набатейцы устроили ему в Моаве, за Иорданом, и был вынужден бежать в Иерусалим. Но когда он был провозглашен первосвященником в праздник Кущей, народ забросал его гнилыми фруктами. Подстрекаемые фарисеями (членами одного из религиозных направлений в иудаизме), жители города заявляли, что коль скоро мать Александра была брошена в темницу, он не заслуживает звания первосвященника. В ответ Александр спустил с цепи своих греческих наемников, и те перебили прямо на улицах города шесть тысяч человек. Селевкиды воспользовались этой смутой, чтобы снова напасть на Иудею. Александр бежал в горы.

Там царь вынашивал план мести, и когда ему снова удалось вступить в Иерусалим, он истребил там 50 тысяч человек. Он праздновал победу, пируя со своими наложницами и наблюдая, как 800 человек распинают на склонах окрестных холмов, в то время как царские подручные перерезают у них на глазах глотки их женам и детям. «Свирепый молодой лев», как прозвали Александра его враги, умер от алкоголизма, оставив своей жене Саломее Александре Иудейскую империю, включавшую часть современного Израиля, Палестины, Иордании, Сирии и Ливана. Он посоветовал жене скрывать его смерть от солдат до тех пор, пока она не утвердится в Иерусалиме, а затем управлять народом, опираясь на фарисеев.

Новая царица была первой женщиной, правившей в Иерусалиме со времен дочери Иезавели. Но гений династии уже иссяк. Саломея (это греческий вариант еврейского имени Шалом Цион — «мир Сиону»), умная и прозорливая 60-летняя вдова двух царей, правила своей маленькой империей с помощью фарисеев, но ей постоянно приходилось держать под присмотром двоих сыновей. Старший, первосвященник Иоанн Гиркан II, был довольно вялым человеком, зато младший, Аристобул, «был как раз обратного нрава, человеком предприимчивым и смышленым».

К северу от Иудеи Рим уверенно расширял свое влияние в Средиземноморье, сначала поглотив Грецию, а затем Малую Азию, где римлянам оказал яростное сопротивление Митридат — греческий царь Понта. В 66 году до н. э. римский полководец Помпей разгромил Митридата и двинулся на юг. Рим пришел в

Иерусалим.

9. Пришествие римлян
66–40 гг. до н. э

Помпей в святая святых

После смерти царицы Саломеи ее сыновья погрузились в междоусобицу. Аристобул II разгромил Гиркана II в битве под Иерихоном, но вскоре братья заключили перемирие, обняли друг друга в Храме на глазах у народа, и Аристобул стал царем. Было решено, что Гиркан сложит полномочия и будет «жить вне дел», но его коварный советник Антипатр полностью подчинил Гиркана своему влиянию. За этим властным идумеянином[49] и осталось будущее. Его сыну предстояло стать царем Иродом. Это одаренное, но порочное семейство будет владеть Иерусалимом почти столетие, именно оно придаст Храмовой горе (и Западной стене в том числе) ее современные очертания.

Антипатр помог Гиркану бежать в Петру, «город цвета красных роз, старый, как само время», — столицу арабов-набатейцев. Арабский царь Арета (араб. Харит) был сказочно богат благодаря прибыльной торговле индийскими специями и доводился родственником арабской жене Антипатра. Он помог беглецам одержать верх над Аристобулом, вынудив последнего укрыться после проигранной битвы в Иерусалиме. Арета двинулся за ним в погоню и осадил Аристобула на укрепленной Храмовой горе. Впрочем, весь этот «шум и ярость» не значили ровным счетом ничего, потому что севернее, в Дамаске, уже развернул свою ставку Гней Помпей — самый могущественный человек в Риме. Помпей, не занимавший в Римской республике никакого официального поста, командовал собственной частной армией, во главе которой побеждал в битвах гражданской войны в Италии, Сицилии и Северной Африке, дважды был удостоен триумфа и скопил несметные богатства. Он был весьма осмотрительным стратегом с лицом херувима, пухлым и розовощеким: «ничто не могло сравниться нежностью со щеками Помпея». Но внешний облик был обманчив: по словам историка Саллюстия, Помпей был «красив лицом, бесстыден сердцем» и прозвище Юный палач (*adulescentulus carnifex*) заслужил уже в молодые годы, во время гражданских войн, из-за жестокости, граничившей с садизмом, и алчности, не знавшей пределов. Ко времени описываемых событий Помпей уже утвердился в Риме, но положение самого могущественного человека в Республике

требовало постоянного подтверждения. Его называли Помпей Великий, но это прозвище по крайней мере отчасти было ироническим. Мальчиком он преклонялся перед Александром Великим, чья эпическая империя, а также оставшиеся за ее пределами не завоеванные земли и сокровища Востока, с той поры неудержимо влекли к себе мысли каждого римского честолюбца-олигарха.

В 64 году до н. э. Помпей положил конец царству Селевкидов, захватил Сирию и предложил себя как посредника в иудейской междоусобице. К нему прибыли посольства не только от враждовавших братьев, но и от фарисеев, умолявших Помпея избавить их от Маккавеев. Помпей повелел обоим братьям ожидать его решения, однако Аристобул, недооценивший железную мощь Рима, имел неосторожность нарушить договоренности.

Разгневанный Помпей устремился к Иерусалиму. Он захватил и заключил под стражу Аристобула, но сторонники Маккавеев заняли укрепленную Храмовую гору, разрушив мост, соединявший ее с Верхним городом. Помпей, ставший лагерем к северу от Овчей купели (Вифезды), в течение трех месяцев осаждал Храмовую гору, осыпая святилище градом камней из катапульт. И вновь враги воспользовались иудейским благочестием: была суббота, и к тому же время поста, когда римляне пошли на штурм Храма с севера и захватили его, перерезав глотки священникам, охранявшим жертвенник. Не желая сдаваться, многие евреи «кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели». Всего тогда погибло 12 тысяч защитников города. Помпей разрушил все укрепления, упразднил иудейскую монархию, присоединил к своим владениям большую часть царства Маккавеев и назначил первосвященником Гиркана, оставив ему в управление — под неусыпным контролем министра Антипатра — только Иудею.

Помпей не смог устоять перед искушением войти в Святая Святых. Римляне были заинтригованы восточными обрядами, хотя гордились пантеоном собственных богов и несколько свысока относились к примитивным суевериям иудейского монотеизма. Греки рассказывали издевательские истории, будто иудеи тайно поклоняются золотой голове осла или даже приносят в жертву людей, чтобы затем пожрать их плоть. Помпей со своей свитой вступил в Святая Святых, совершив тем самым немыслимое святотатство, ведь даже первосвященник мог входить туда только единожды в год. Этот римлянин, по всей видимости, был вторым язычником (после Антиоха IV), вошедшим в

запретное святилище. Он увидел там лишь золотой стол и священный семисвечник, не обнаружил никакого изваяния Бога, но ощутил глубокое благоговение. Помпей ничего не тронул в Святая Святых.

Затем полководец поспешил обратно в Рим — отпраздновать триумф после азиатских побед. Гиркана тем временем терзали мятежники, сторонники Аристобула и его сыновей, однако истинный правитель, министр Антипатр, предусмотрительно заручился поддержкой Рима, который был отныне источником любой власти. Но даже самый искушенный политик не смог бы предугадать неожиданные повороты римской политики. Помпей был вынужден поделиться властью, заключив триумвират — тройственный союз — с двумя другими политическими лидерами, Крассом и Цезарем. Цезарь вскоре покрыл себя славой покорителя Галлии. А Красс, еще один римский олигарх, решив завоевать себе воинские лавры на Востоке и сравняться славой со своими товарищами по триумвирату, в 55 году до н. э. выступил в Сирию.

Цезарь и Клеопатра

Красс, носивший в Риме прозвище *Dives* («Богач»), имел репутацию жадного и жестокого человека. Он расширил составленные римским диктатором Суллой проскрипции (списки лиц, объявленных вне закона и подлежащих смерти), движимый единственной целью — прибрать к рукам конфискованное имущество жертв. А подавление восстания Спартака он отпраздновал, распяв шесть тысяч рабов вдоль Аппиевой дороги. Теперь он замыслил победу над молодым Парфянским царством, раскинувшимся на землях современного Ирака и Ирана, там, где когда-то располагались персидская империя, а затем сменившее ее государство Селевкидов.

Средства для военной кампании Красс раздобыл, ограбив иерусалимский Храм и похитив оттуда две тысячи талантов, которые не взял Помпей, и «шест из червонного золота» из Святая Святых. Но парфяне разгромили Красса и его войско. Отрубленную голову римского полководца парфяне принесли своему царю. Согласно легенде, Ород II смотрел в театре греческую пьесу, когда по сцене покатилась голова Красса. Ород приказал залить расплавленное золото в рот мертвой головы, сказав при этом: «Ты был ненасытен в жажде золота. Теперь, наконец, ты насытишься».

Отныне за власть в Риме соперничали лишь двое

могущественных полководцев — Цезарь и Помпей. В 49 году до н. э. Цезарь, выступив из Галлии, перешел реку Рубикон и вторгся в Италию, а спустя 18 месяцев нанес сокрушительное поражение Помпею, вынудив того бежать в Египет. Получив должность диктатора[50], Цезарь ринулся в погоню за побежденным соперником, но прибыл в Египет через два дня после того, как египтяне убили Помпея. Цезарь пришел в ужас и в то же время испытал облегчение, когда ему принесли в качестве приветственного дара забальзамированную голову низвергнутого соперника.

Минуло уже 30 лет с тех пор, как Цезарь воевал на Востоке. Теперь он пришел в Египет, который раздирала жестокая борьба за власть Птолемея XIII и его сестры-жены Клеопатры VII. Последняя и принесла Риму самый ценный приз на Востоке — Египет. Однако Цезарь не мог предвидеть, как ловко эта юная царица, низложенная с трона и, казалось бы, находившаяся в отчаянном положении, подчинит его волю собственным целям.

Клеопатра потребовала тайной аудиенции с владыкой Рима. Эта искусная постановщица сексуально-политической пантомимы прибыла во дворец Цезаря завернутой в мешок для постельного белья (а не в ковер): возможно, учитывая восприимчивость и чувствительность римлянина к подобным театральным постановкам. Гаю Юлию Цезарю, потрепанному войнами, седовласому и уже плешивому полководцу, было 52 года. Он прекрасно знал, что остатки седых волос окружают весьма заметную лысину. Но поразительное, если не беспредельное властолюбие этого человека, искушенного в войнах, литературе и политике, никогда не могло устоять перед неуемной энергией, свойственной молодости. У Цезаря был обширный донжуанский список: в свое время он заводил романы и с женой Красса, и с женой Помпея. Клеопатре был 21 год, по словам Иосифа Флавия, «красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием», производил сильное впечатление, даже если она и унаследовала от предков, как позволяют предположить ее статуи и монеты с ее изображением, фамильный орлиный нос и заостренный подбородок. Она желала снова стать царицей и вести жизнь, подобающую несравненной древности ее рода. Оба, и Цезарь, и Клеопатра, были искушенными политическими авантюристами, и ставками в их игре оказались риск, опасность и любовь к приключениям. Клеопатра вскоре родила Цезарю сына Цезариона, и, что было куда важнее для царицы, Цезарь теперь был на ее

стороне.

Однако вскоре Цезаря осадили в его александрийском дворце египтяне, восставшие против Клеопатры и ее римского покровителя. И в этот момент старый союзник Помпея, Антипатр, увидел шанс оказать услугу Цезарю и добиться его расположения. С трехтысячным войском он вторгся в Египет, призвав местных евреев поддержать его, и атаковал врагов Цезаря. Римлянин одержал верх над египтянами и отдал египетский престол очаровавшей его Клеопатре. Прежде чем вернуться в Рим, благодарный Цезарь восстановил Иоанна Гиркана в чине первосвященника и этнарха — правителя области — и позволил ему отстроить разрушенные стены Иерусалима, однако всю реальную власть (под римским контролем) вновь отдал Антипатру, назначив его прокуратором римской провинции Иудея. Старший сын Антипатра, Фазаель, получил в управление Иерусалим, а младший, Ирод, — Галилею.

Ирод, которому тогда было всего 15 лет, сразу же показал свою доблесть, выследив и уничтожив группу фанатичных религиозных иудеев. Иерусалимский Синедрион пришел в ярость из-за несанкционированной расправы, учиненной Иродом, и вызвал его на суд. Но римляне отлично понимали, что именно такие союзники, как Антипатр и его сыновья, требуются им для управления этим беспокойным народом. Римский наместник Сирии приказал оправдать и освободить Ирода, после чего наделил его еще большими полномочиями.

Ирод был незаурядным человеком. Словно рожденный для того, чтобы стать героем, он был достаточно изощрен, порочен и изыскан, чтобы суметь очаровать и впечатлить самых выдающихся римлян той эпохи. Сексуально ненасытный, Ирод был, как выразился Иосиф Флавий, «рабом своих страстей», но при этом отнюдь не являлся грубым невеждой. Ирод разбирался в архитектуре, чрезвычайно хорошо знал греческую, латинскую и еврейскую культуру и в свободное от политики и порочных удовольствий время охотно принимал участие в диспутах на исторические и философские темы. Однако жажда власти всегда была у него на первом месте и отравляла все его отношения с другими людьми. Внук обращенного в иудаизм идумеянина и сын арабки (почему его брата и назвали Фазаель — араб. Фейсал), Ирод был подлинным космополитом и умел разыгрывать из себя и римлянина, и грека, и иудея. Но иудеи никогда не могли забыть его нечистое, смешанное происхождение. Ему, воспитанному в богатом, но разъедаемом подозрительностью безжалостном семействе, суждено было видеть гибель близких и рано осознать хрупкость власти и преимущества террора. Он рос, используя

убийство как политический инструмент; параноик, «человек высокой степени бесчувственности», равно как и страстной чувственности, он интриговал, чтобы выжить и властвовать любой ценой.

После гибели Цезаря в 44 году до н. э. один из его убийц по имени Гай Кассий Лонгин, ранее служивший наместником Сирии, вернулся на Ближний Восток, чтобы (вопреки решению Сената) вновь занять свою прежнюю должность. Антипатр, отец Ирода, попытался снова вести двойную игру, но крутые повороты интриг в конечном итоге погубили его: Антипатра отравил один из соперников, которому удалось завладеть Иерусалимом и удерживать город, пока Ирод не убил его самого. Вскоре после того Кассий и Брут, еще один соучастник убийства Цезаря, потерпели поражение в битве при Филиппах в Македонии. Победителями этой битвы стали двоюродный внук и приемный сын Цезаря — 22-летний Октавиан и головорез Марк Антоний. Они поделили между собой римское государство, и Антоний получил Восток. И когда он выдвинулся в Сирию, на встречу с могущественным римлянином поспешили два молодых правителя с совершенно противоположными интересами. Один хотел восстановить Иудейское царство, другая — поглотить его, присоединив к своей наследственной империи.

Антоний и Клеопатра

Клеопатра пожаловала к Антонию как царица, во всем блеске своего величия — истинная наследница Птолемеев, самой уважаемой династии той эпохи — и одновременно как Афродита-Исида, явившаяся на свидание к своему Дионису, который мог вновь даровать ей земли ее предков.

Встреча Антония и Клеопатры стала судьбоносной для обоих. Антоний был на 14 лет старше Клеопатры, но в самом расцвете сил: он невероятно много пил, имел толстую шею и бочкообразную грудь, но при этом впалые щеки. Особенно он гордился своими мускулистыми ногами. Его ослепила красота Клеопатры, он горел желанием обвенчать греческую культуру и рафинированную роскошь Востока и считал себя преемником Александра, потомком Геракла и, конечно же, бога Диониса. Но при этом ему было нужно египетское золото и продовольствие, ведь он также собирался воевать с парфянами. Иными словами, Антоний и Клеопатра нуждались друг в друге, а такая зависимость часто сводит людей. Антоний и Клеопатра отпраздновали свой союз и манифестировали общие интересы,

убив сестру царицы (своего брата Клеопатра к тому моменту уже умертвила).

Ирод также поспешил к Антонию. Отец Ирода Антипатр был соратником Антония, когда тот еще служил начальником кавалерии в Египте, и оказал ему значимые услуги. Антоний не забыл этого. Он отдал Ироду и его брату реальную власть в Иудее, сохранив, правда, номинальное главенство за Гирканом как первосвященником. Ирод отметил свое возвышение помолвкой. Его невестой стала Мариамна из рода Маккавеев, которая в результате внутрисемейных браков приходилась внучкой обоим царям. Тело ее, по словам Иосифа Флавия, было столь же прекрасно, как и лицо. Однако этот союз обернулся катастрофой.

Антоний последовал за беременной Клеопатрой (скоро она родит ему близнецов) в ее столицу Александрию. Тем временем, не дав Ироду толком утвердиться в новом статусе, в Сирию вторглись парфяне. Антигон, князь из рода Маккавеев, приходившийся Иоанну Гиркану племянником, предложил парфянам тысячу талантов и гарем из пятисот дев в обмен на Иерусалим.

Пакор: парфянский выстрел

Иудейский город вновь восстал против римских марионеток — Ирода и его брата Фазаеля. Осажденные в царском дворце напротив Храма, братья сумели подавить мятеж. Но совсем иное дело парфяне. Иерусалим был наводнен паломниками — иудеи отмечали Пятидесятницу, — когда сторонники Маккавеев отворили городские врата перед парфянским князем Пакором[51] и его ставленником Антигоном[52]. Иерусалим праздновал возвращение Маккавеев.

Парфяне изображали из себя честного посредника в споре между Иродом и Антигоном. На деле же они заманили брата Ирода, Фазаеля, в ловушку и захватили его. Ирод был отстранен от власти, а парфяне разграбили город и возвели на престол Антигона, провозгласив его царем Иудеи и первосвященником. Антигон тут же изувечил своего дядю: он отрубил Гиркану уши, чтобы тот «никогда больше не мог принять сан первосвященника, ибо только беспорочные (и в физическом отношении) могут занять эту должность». Что же касается Фазаеля, брата Ирода, то он был либо убит, либо сам разбил себе голову о камень.

Так Ирод потерял и Иерусалим, и брата. Он сделал ставку на римлян, но не они, а парфяне оказались владыками Ближнего

Востока. Человек впечатлительный, он был явно неуравновешенной личностью, страдая резкими перепадами настроения от возбуждения до депрессии. Однако его воля к власти, честолюбие, острый ум, жажда жизни и инстинкт самосохранения были еще сильнее. Ирод чуть было не повредился рассудком, но сумел взять себя в руки. К ночи он собрал своих приверженцев, чтобы пуститься в бегство. Но он ни на секунду не оставлял мысли когда-нибудь вернуться за властью.

Ирод: бегство к Клеопатре

В сопровождении большой свиты — 500 наложниц, мать, сестра и (самое ценное, его невеста) княжна Мариамна из рода Маккавеев, — Ирод стремительно ушел из Иерусалима в пустынные Иудейские горы. Царь Антигон, взбешенный тем, что Ирод прихватил с собой своих наложниц (явно тех самых, которых он предлагал парфянам в качестве платы за воцарение в Иерусалиме), послал конницу в погоню. Уже в горах Ирод снова потерял присутствие духа и хотел даже покончить с собой, но стража отняла у него обнаженный меч. Вскоре всадники Антигона настигли караван Ирода. Перед лицом опасности мужество вернулось к царю, и он разгромил преследователей, после чего оставил свою свиту в неприступной горной крепости Масада, а сам направился в Египет.

Антоний уже отбыл в Рим, но Клеопатра, надеявшаяся уговорить Ирода стать ее военачальником, оказала ему блестящий прием в Александрии. Однако упрямый Ирод отправился в Рим в сопровождении юного брата своей невесты, Ионафана, — маккавейского князя, которого он мыслил посадить на иудейский престол. Но Антоний, теперь планировавший войну с целью изгнания парфян из Сирии, понимал, что царствование — не детская забава и требует именно тех качеств, которыми обладал сам Ирод.

Антоний и его соправитель Октавиан привели Ирода в Сенат, где его провозгласили «царем-союзником и другом римского народа» — *rex socius et amicus populi Romani*. Новоявленный царь вышел из Сената в сопровождении двух самых могущественных людей в мире — Октавиана и Антония. Это ли не звездный час для полуеврея-полуараба из эдомских гор? Отношения Ирода с этими двумя владыками заложили фундамент его 40-летнего правления, которое будет исполнено террора и великолепия. Впрочем, до реального царствования было пока далеко: земли Востока все еще находились под контролем парфян, Антигон

властвовал в Иерусалиме. Для евреев Ирод был римской марионеткой, жалким полукровкой-идумеянином. Предстояло отвоевать каждую пядь своего царства, а затем — Иерусалим.

10. Иродиады
40 г. до н. э. — 10 г. н. э

Падение Антигона: последний из Маккавеев

Ирод отправился в Птолемаиду, собрал там армию и приступил к завоеванию своего будущего царства. Когда его противники укрылись в неприступных пещерах Галилеи, он спустил своих воинов со скал в ящиках, висевших на канатах, и те, вооруженные крюками, выуживали врагов из отверстий пещер, вынуждая их бросаться в зиявшую пропасть. Но для взятия Иерусалима Ироду требовалась помощь Антония.

Римляне в этот момент успешно наступали на парфян. В 38 году до н. э. Антоний лично возглавил осаду парфянской крепости Самосата на западном берегу Евфрата. Туда-то и двинулся Ирод: предложить помощь и попросить о помощи для себя. Парфяне подготовили Антонию засаду, но Ирод пошел в контратаку и спас римский обоз. Грубовато-добродушный Антоний встретил Ирода как старого товарища, стиснув его в объятиях на глазах у всего войска, приветствовавшего молодого правителя Иудеи. Благодарный Антоний выделил 30 тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников для осады Иерусалима именем Ирода. Римляне расположились лагерем чуть севернее Храма, а Ирод между тем сыграл свадьбу с 17-летней Мариамной. После сорокадневной осады римляне пошли на штурм внешней стены, еще через две недели они ворвались в Храм и пустились разорять Иерусалим, как «шайка безумцев», нещадно истребляя мирных жителей на узких улочках. Ироду пришлось даже заплатить союзникам, чтобы остановить кровавую бойню. Плененного Антигона он отослал к Антонию, который, не раздумывая, обезглавил последнего царя из рода Маккавеев. Затем могущественный римлянин двинулся со 100-тысячным войском на Парфию. Впрочем, военный талант Антония был сильно преувеличен — его экспедиция едва не кончилась катастрофой, и он потерял треть армии. Уцелевшие воины спаслись только благодаря тому, что Клеопатра своевременно доставила в войска Антония провиант. Репутация Антония в Риме была подорвана навсегда.

Царь Ирод отпраздновал взятие Иерусалима казнью 45 из 71 члена Синедриона. Срыв крепость Барис, находившуюся к северу от Храма, он воздвиг на ее месте колоссальную прямоугольную в

плане цитадель с четырьмя башнями, которую назвал крепость Антония — в честь своего римского покровителя. До наших дней от мощной крепости, некогда доминировавшей над городом, сохранились лишь фрагменты скального основания, но мы можем составить о ней представление благодаря другим, лучше сохранившимся крепостям Ирода: каждая из этих горных цитаделей была построена таким образом, чтобы сочетать абсолютную неприступность с чрезвычайной роскошью[53]. И все же Ирод никогда не чувствовал себя в безопасности, тем более что теперь ему предстояло защищать свое царство еще и от интриг двух цариц: его собственной жены Мариамны… и Клеопатры.

Ирод и Клеопатра

Ирода, возможно, боялись многие, но он и сам опасался Маккавеев, тем более что с самой опасной представительницей этого рода он делил ложе. Царь, которому уже исполнилось 36 лет, был без ума влюблен в свою Мариамну — воспитанную, сдержанную и величавую. Но ее мать, Александра, подлинное воплощение стереотипа адской тещи, сразу же начала при участии Клеопатры плести интриги за спиной Ирода, чтобы уничтожить его. Женщины из рода Маккавеев очень гордились своим происхождением, и надменная Александра не могла смириться с тем, что ее дочь вышла замуж за плебея-полукровку. Но Александра не поняла, что даже по зверским стандартам I века Ирод был таким чудовищным психопатом, что ей с ним было не сладить.

Поскольку изувеченный старый Гиркан уже не мог отправлять обязанности первосвященника в Храме, Александра хотела, чтобы этого сана (на который Ирод, этот выскочка-идумеянин, этот полуараб, разумеется, рассчитывать не мог) был удостоен ее сын, подросток Ионафан, младший брат Мариамны. Ионафан не только имел все права на царский престол, но и отличался необыкновенной, влекущей к себе красотой, а в ту эпоху верили, что внешняя красота свидетельствует о расположении богов. Куда бы он ни шел, его всюду окружала толпа. У Ирода были все основания остерегаться этого мальчика, и он решил проблему, назначив первосвященником никому не известного еврея из Вавилонии. Александра тайно призвала на помощь Клеопатру. Антоний к тому времени присоединил к владениям египетской царицы Ливан, Крит и Северную Африку, а также передал ей одно из самых ценных владений Ирода — рощи бальзамовых деревьев

и финиковых пальм под Иерихоном[54]. Ирод взял их у нее в аренду, но было очевидно, что она жаждет обладать Иудеей, которой некогда владели ее предки.

Используя красавчика Ионафана как наживку, Мариамна и ее мать послали портрет мальчика Антонию, который, как и большинство мужчин той эпохи, в равной степени ценил и женскую, и мужскую красоту. Клеопатра, в свою очередь, обещала поддержать притязания Ионафана на власть. И потому, когда Антоний пригласил подростка к себе, Ирод серьезно встревожился и отказался отпускать его. Он установил за тещей строжайший надзор в Иерусалиме, но Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном в Египет, обещав укрыть их. Александра подготовила два гроба, в которых ее с сыном должны были тайно вынести из дворца.

В конце концов Ирод, который ничего не мог поделать с популярностью Маккавеев, не в силах противостоять мольбам жены, в праздник Кущей поставил Ионафана первосвященником. Когда юноша «в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народа охватил экстаз». Люди стали «громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия». Видя все это, Ирод решился привести свой замысел в исполнение и сделал это в присущем только ему стиле. Он пригласил Ионафана в свой роскошный дворец в Иерихоне; он был подозрительно ласков; ночь выдалась влажной и жаркой, и первосвященнику предложили искупаться. В бассейне подельники Ирода схватили юношу и удерживали его под водой, пока он не захлебнулся. Тело Ионафана обнаружили только утром, Мариамна и ее мать обезумели от горя и негодования; Иерусалим погрузился в глубокую печаль. На похоронах Ионафана разрыдался и сам Ирод.

Александра сообщила об убийстве Клеопатре, чье сочувствие было продиктовано исключительно политическими интересами: египетская царица сама убила по меньшей мере двух, а возможно, даже трех своих братьев. Клеопатра потребовала, чтобы Антоний вызвал Ирода в Сирию и чтобы тот оправдался в гибели юноши. Ирод понимал, что если ей удастся настоять на своем, то домой он не вернется. Ирод готовился к опасной встрече, а перед отъездом выказал свои чувства к Мариамне в характерной для него зловещей манере: отдал жену под надзор своему дяде Иосифу, наместнику на время его отсутствия, тайно наказав в случае, если Антоний убьет его, Ирода, немедля умертвить ее.

Иосиф постоянно рассказывал Мариамне, как любит ее Ирод и как предан ей, а однажды в своем рвении показать ей расположение царя даже проговорился, что Ирод любит ее настолько сильно, что скорее убьет, чем допустит, чтобы их разлучила смерть. Мариамна была в ужасе. Между тем по Иерусалиму поползли слухи, будто Ирод уже мертв. В отсутствие мужа Мариамна вовсю помыкала его сестрой Саломеей — одной из самых порочных и злобных интриганок в этом змеином гнезде.

Между тем прибывший в Лаодикию Ирод — мастер в обхождении с римскими вельможами — сумел вернуть расположение Антония, и тот простил его. Два боевых товарища пировали сутками напролет. По возвращении Ирода Саломея рассказала брату, что дядя Иосиф якобы спал с Мариамной, а теща замышляла в его отсутствие мятеж. Ирод и Мариамна все же помирились. Жена убедила его в своем целомудрии, и он, раскаявшись в том, что готов был поверить навету, стал уверять ее в пылкой любви. «Оба расплакались и заключили друг друга в объятия». Но тут Мариамна обмолвилась, что она знает о его замысле убить ее. Иродом вновь завладела подозрительность: дядя не проговорился бы о столь тайном поручении, не будь у него с Мариамной близких отношений. Снедаемый ревностью, он поместил жену под домашний арест, а Иосифа казнил.

В 34 году до н. э. Антоний восстановил престиж Рима, поколебленный его предыдущим неудачным походом, успешно вторгнувшись в принадлежавшую парфянам Армению. Клеопатра сопровождала его до Евфрата, а на обратном пути нанесла визит Ироду. Эти два коварных монстра не расставались несколько дней, флиртуя и одновременно прикидывая, как бы им покончить друг с другом. Ирод утверждал, будто Клеопатра пыталась соблазнить его: похоже, это был ее обычный способ общения с любым мужчиной, который мог принести ей выгоду. Но, сознавая, что это смертельная западня, Ирод устоял и решил убить эту красивую, но смертельно ядовитую нильскую змею. Однако его советники решительно выступили против этого.

Египетская царица вернулась домой в Александрию. Там Антоний устроил для нее пышную церемонию, во время которой провозгласил Клеопатру «царицей царей». Сын Клеопатры от Цезаря, Цезарион, которому исполнилось 13 лет, был объявлен ее соправителем в Египте, а трое ее детей от Антония стали царями Армении, Финикии и Киренаики. В Риме все эти восточные церемонии были восприняты как неримские, недостойные зрелого мужа и попросту недальновидные. Антоний пытался оправдаться, написав свое единственное (из известных нам) литературное сочинение «О его пьянстве», в котором обращался к

Октавиану: «Почему ты переменился? Не потому ли, что я люблю царицу? И разве имеет значение, где и в кого ты вонзаешь свое копье?» Но это имело значение. В Клеопатре видели *fatale monstrum* («чудовище, ниспосланное судьбой», говоря словами Горация). Октавиан лишь выиграл от того, что его партнерство с Антонием прекратилось. В 32 году до н. э. Сенат отозвал у Антония империй (*imperium*) — полномочия верховной власти, а затем Октавиан объявил войну Клеопатре. Враги встретились в Греции: Антоний и Клеопатра объединили римское войско и египетско-финикийский флот против Октавиана. То была война за власть над миром.

Август и Ирод

Ироду необходимо было угадать будущего победителя. Он предложил Антонию свою помощь в Греции, но вместо этого получил приказ напасть на арабов-набатейцев в землях современной Иордании. К тому времени, когда Ирод возвратился, Октавиан и Антоний уже сошлись в битве при мысе Акций. Антоний-полководец уступал военным талантом командующему Октавиана Марку Агриппе. Морское сражение стало для него полной катастрофой, и Антоний с Клеопатрой бежали в Египет. Не уничтожит ли Октавиан и сторонника Антония — иудейского царя?

Ирод вновь готовился к смерти. Он поручил все дела своему брату Ферору и — просто на всякий случай — удавил престарелого Гиркана. Свою мать и сестру он отправил в Масаду, а Мариамну и Александру — в Александрион, еще одну горную крепость. И опять повелел умертвить Мариамну в случае его гибели. После чего отправился на самую важную встречу в своей жизни.

Октавиан принял его на Родосе. Ирод вел себя во время встречи благоразумно и достойно. Он смиренно положил свою царскую диадему у ног Октавиана. Затем, не отрекаясь от Антония, призвал Октавиана задуматься не над тем, чьим другом он был, а над тем, каким он был другом. Октавиан в ответ «вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним столь же дружным, как прежде с Антонием». Ирод с триумфом возвратился в Иерусалим, а затем отправился с Октавианом в Египет; они прибыли в Александрию практически сразу после того, как Антоний и Клеопатра покончили с собой: он — с помощью клинка, она — дав себя укусить ядовитой змее.

Так Октавиан стал первым римским императором, приняв

(вторым человеком после Цезаря) титул август («священный»). В свои 33 года этот педантичный администратор, вежливый, бесстрастный и требовательный, стал самым верным покровителем Ирода. Император и его помощник, а точнее сказать, почти равноправный партнер, прямой и открытый Марк Агриппа, стали столь близки с Иродом, что тот, по свидетельству Иосифа Флавия, «мог считать себя любимцем Августа после Агриппы и любимцем Агриппы после Августа».

Август расширил царство Ирода, прибавив к нему части современных Израиля, Иордании, Сирии и Ливана. Как и Август, Ирод был расчетливым и компетентным правителем: когда случился голод, он распродал собственное золото и на вырученные деньги закупил египетское зерно, чем спас население Иудеи от голодной смерти. Он царил в окружении своего наполовину греческого — наполовину еврейского двора, где ему угождали красивые евнухи и наложницы. В его свите было много вельмож, перешедших к нему от Клеопатры: его секретарь Николай Дамасский[55] был в свое время воспитателем ее детей, а 400 телохранителей-галатов прежде были личной гвардией египетской царицы: Август подарил их Ироду, и они присоединились к его германцам и фракийцам. Эти белокурые варвары готовы были запытать насмерть любого, на кого укажет их повелитель, самый космополитичный царь того времени: ведь Ирод был финикийцем по происхождению, эллином по воспитанию, идумеянином по месту рождения, иудеем по вере, иерусалимлянином по месту жительства и римлянином по гражданству.

Иерусалимская резиденция Ирода и Мариамны располагалась в крепости Антония. Здесь Ирод был настоящим иудейским царем, каждые семь лет декламировавшим Книгу Второзакония в Храме и назначавшим первосвященника, чье облачение он хранил в Антонии. Но за пределами Иерусалима Ирод представал величественным греческим монархом, чьи новые языческие города, особенно Кесария на побережье Средиземного моря и Севастия на месте разрушенной Самарии, представляли собой великолепные ансамбли храмов, ипподромов и дворцов. Даже в Иерусалиме он выстроил театр и ипподром в греческом стиле, где проводил Акцийские игры в честь победы Октавиана при Акции. Когда это языческое действо подвигло группу иудеев к заговору, заговорщики были казнены. Но его любимая жена не радовалась успеху мужа. Двор Ирода был отравлен борьбой между княжнами из дома Маккавеев и Иродиан.

Мариамна: Ирод в любви и ненависти

В отсутствие Ирода Мариамна снова попыталась очаровать своего стража, чтобы выпытать у него планы мужа относительно нее в случае его гибели. Вернувшийся Ирод нашел ее совершенно неотразимой, но политически крайне опасной: она открыто обвинила мужа в убийстве своего брата. Иногда она намеренно оскорбительным образом давала понять всему двору, что отказывает ему в близости. Но потом подпускала его к себе, и отчуждение между супругами сменялось страстным примирением. Мариамна родила Ироду двух сыновей, но не рассталась с замыслом извести мужа. Она откровенно насмехалась над его сестрой Саломеей и ее заурядностью. Ирод страдал, «обуреваемый и ненавистью и любовью к ней», и его одержимость становилась день ото дня сильнее, ведь замешана она была на еще одной страсти, всецело владевшей им, — жажде власти.

Саломея приписывала влияние Мариамны над ним магии. Она представила брату доказательства, что маккавейка подмешивала ему любовное зелье. Евнухов Мариамны пытали, пока они не подтвердили ее вину. Стражник, присматривавший за Мариамной в отсутствие Ирода, был казнен. Саму ее по приказу Ирода заключили под стражу в крепости Антония, а затем предали суду. Саломея предвкушала отмщение, настаивая, что Мариамна должна умереть.

Мариамну осудили на смерть, а ее мать Александра публично отреклась от дочери в надежде спасти себя. Но толпа освистала ее. Мариамна же, «этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия», по мнению Иосифа Флавия, «лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно показывая ей все ее жалкое ничтожество». Сама она, по всей видимости, была удавлена, но, как истинная представительница Маккавеев, до конца держалась «совершенно бесстрашно и не изменившись в лице, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства». Ирод страшно горевал по жене, уверовав, что любовь его к Мариамне была божественным отмщением, ниспосланным ему на погибель. Он запустил государственные дела, искал Мариамну по всему дворцу, приказывал слугам звать ее, будто она была живой и могла явиться на зов, и пытался забыться в пирах и попойках. Но все его пирушки заканчивались стенаниями по Мариамне. Он тяжело заболел, покрылся гнойными язвами, и в этот момент Александра решилась на последнюю попытку захватить власть. Ирод распорядился тотчас же казнить ее, а затем умертвил еще четырех своих самых близких друзей, которых подозревал в том, что они были слишком близки с его очаровательной тещей. Он

так и не оправился до конца после утраты Мариамны — проклятия, обернувшегося позднее уничтожением следующего поколения его рода. Согласно Талмуду, Ирод пытался сохранить ее тело в меду, и это похоже на правду: извращенная сладость этой затеи была бы вполне во вкусе Ирода.

Вскоре после казни Мариамны Ирод начал работать над своим шедевром: новым, преображенным Иерусалимом. Дворец Маккавеев напротив Храма уже казался недостаточно величественным для него. А в крепости Антония, казалось, блуждал призрак Мариамны. В 23 году до н. э. Ирод расширил западные укрепления строительством новой Цитадели и дворцового комплекса — своего рода Иерусалима в стенах Иерусалима. Цитадель была окружена стеной высотой около 14 м; при наречении трех ее башен Ирод дал волю сентиментальным чувствам. Самая высокая башня (высота почти 40 м, толщина у основания примерно 15 × 15 м) получила имя Гиппик (так звали друга юности Ирода, впоследствии павшего в бою). Две другие башни были наречены Фазаель (в честь покойного брата Ирода) и Мариамна[56]. И если Антония доминировала над Храмом, то Цитадель владычествовала над всем городом.

Южнее цитадели Ирод выстроил свой дворец — величественное здание, в котором, помимо прочих, были два роскошных покоя, названные в честь его римских покровителей, Августа и Агриппы: с мраморными стенами, балками из кедрового дерева, изысканными мозаиками, золотым и серебряным декором. Вокруг дворца были устроены дворы, колоннады и портики, оживленные зелеными лужайками, пышными рощами, прохладными прудами и каналами с каскадами, эффектно сверкавшими на солнце, а в портиках гнездились голуби (у Ирода, вероятно, была налажена голубиная почта, связывавшая его с провинциями). В это великолепие Ирод вложил свое несметное состояние, достойное Крёза: после римского императора царь Иудеи был самым богатым человеком в Средиземноморье[57]. Дворцовая суета, звуки храмовых труб и гул лежавшего чуть поодаль города, вероятно, умиротворяли воркование птиц и журчание фонтанов.

Однако двор Ирода отнюдь не стал умиротворенным. Его братья были завзятыми интриганами, сестра Саломея оставалась редкостным чудовищем, а наложницы в его гареме все без исключения были столь же честолюбивы, сколь психически неуравновешенны, — как и он сам. Неуемный сексуальный аппетит Ирода только усложнял его политику; он был, как писал Иосиф Флавий, «человеком страстей». Мариамна стала его второй

женой, до нее Ирод уже был женат на Дорис. А после смерти Мариамны он женился еще по крайней мере восемь раз, выбирая себе в жены красавиц исключительно для удовлетворения похоти, ни разу больше не прельстившись именитым родословием. Помимо 500 наложниц в гареме, он, в соответствии с греческими вкусами, держал в доме пажей и евнухов. Его разросшееся семейство, его избалованные и в то же время обиженные пренебрежением сыновья, за каждым из которых стояла его охочая до власти мать, стали поистине дьявольским выводком. И даже такому виртуозному кукловоду, как Ирод, приходилось прилагать усилия, чтобы умерять все это кипение ненависти, зависти и подозрительности. И все же двор не мог отвлечь его от воплощения в жизнь самого заветного проекта. Сознавая, что престиж Иерусалима определяет его собственный престиж, Ирод задумал сравняться с царем Соломоном.

Ирод: храм

Ирод полностью разрушил Второй Храм и воздвиг на его месте одно из чудес света. Иудеи очень боялись, что, разрушив старый Храм, он не доведет до конца строительство нового. Поэтому Ирод созвал городское собрание, чтобы переубедить горожан, и в мельчайших деталях рассказал о своих планах. Тысяча храмовых служителей была обучена строительному искусству. В Ливане вырубались кедровые леса, и бревна сплавляли на юг вдоль побережья. В каменоломнях окрест Иерусалима размечались и вытесывались массивные каменные блоки из ослепительного желтого и почти белого известняка. Для транспортировки их на стройплощадку подготовили тысячу телег, но некоторые блоки были поистине гигантского размера. Один такой блок можно увидеть в туннелях близ Храмовой горы: в 14 м длиной, 3,5 м высотой и около 600 тонн весом[58]. Ни звон тесла, ни стук молота не нарушали священную тишину при строительстве Соломонова Храма, и Ирод также позаботился о том, чтобы все элементы конструкции его Храма были подготовлены вне Иерусалима, а затем тихо установлены на место. Святая Святых была готова через два года, но весь комплекс не дождался окончательного завершения еще и через 80 лет.

Ирод срыл вершину Храмовой горы, чтобы получить ровную площадку, на которой и предстояло воздвигнуться его Храму. При этом, скорее всего, были уничтожены все следы храмов Соломона и Зоровавеля. Не имея возможности расширить площадку на

восток, где она круто обрывалась в Кедронскую долину, Ирод продолжил ее на юг, соорудив там субструкции из 88 мощных опор и 12 арок, которые теперь зовутся Соломоновыми конюшнями. В результате площадка Храмовой горы расширилась до гектара с лишним — вдвое больше, чем Римский форум (*Forum Romanum*) в столице империи. И по сей день в южной подпорной стене Храмовой горы, примерно в 30 м от юго-западного угла, виден стык, разделяющий кладку Ирода (слева) и кладку Маккавеев (справа, из блоков меньшей величины).

Анфилада дворов Храма, последовательно уменьшавшихся в размере, вела в святилище. Войти в обширный первый двор — Двор язычников, или Мирской двор, — имел право любой, в том числе и иноверец, а вот Двор женщин окружала стена, на которой были помещены таблички со следующим предупреждением:

> Чужестранец!
> Не входи за решетку и в пределы ограды, окружающей Храм
> Тот, кто будет схвачен,
> Сам будет повинен в своей смерти

Пятьдесят ступеней вели к воротам, открывавшимся во Двор Израиля, куда могли входить лишь евреи-мужчины. Отсюда можно было пройти во Двор священников, на котором стоял собственно Храм, заключавший в себе в том числе и Святая Святых, что находилась над той самой скалой, где, по преданию, Авраам едва не принес в жертву своего сына Исаака и где впоследствии Давид поставил свой жертвенник. Перед ступенями, ведущими в Храм, стоял Жертвенник Всесожжения, обращенный, таким образом, в сторону Двора женщин и Масличной горы.

Построенная Иродом крепость Антония защищала Храм с северной стороны. Из крепости в Храм вел потайной ход. С южной стороны к Храму можно было подняться по монументальной лестнице, которая приводила к Двойным воротам, а далее паломник шел через крытые переходы, украшенные изображениями голубей и цветов. С запада через долину к Храму был перекинут монументальный мост, служивший также акведуком, по которому вода наполняла огромные подземные цистерны. Ворота в почти отвесной восточной стене назывались Шушан (Сузскими), так как на их бронзовых створках была изображена старая персидская столица Сузы — знак признательности персидскому царю, освободившему народ Израиля от вавилонян. Этими воротами мог пользоваться только первосвященник, чтобы подняться на Масличную гору для обряда

освящения месяца или принести редчайшую и самую святую жертву — не имеющую порока рыжую телицу[59].

Со всех сторон храмовый комплекс окружали портики величественных сооружений, самым прекрасным из которых была Царская стоя — обширная базилика, доминировавшая над всей горой. В Иерусалиме времен Ирода было около 70 тысяч жителей, но в праздники в город стекались сотни тысяч паломников. Как и любой популярной паломнической святыне, Храму было необходимо место для общих собраний, где могли бы встречаться друзья и где совершались бы те или иные ритуалы. Таким местом и служила Царская стоя. Прибывавшие в город паломники могли купить все необходимое на оживленной торговой улице, проходившей под величественными арками вдоль западных стен. Прежде чем войти в Храм, паломники совершали ритуальное омовение в многочисленных *миквах* — бассейнах, устроенных подле южных входов. Затем они поднимались по одному из монументальных пролетов ступеней в Царскую стою, откуда перед ними открывалась панорама священного города, которой они могли любоваться в ожидании начала молитвы.

В юго-восточном углу стена и утес над Кедронской долиной образовывали отвесный обрыв, гору Искушения (одно из мест, где, согласно Евангелиям, дьявол искушал Иисуса). В юго-западном углу священники, обратившись лицом к богатому Верхнему городу, возвещали о наступлении и окончании праздников и дня субботы, трубя в трубы, звуки которых, вероятно, эхо разносило далеко окрест по пустынным ущельям. Археологами был найден камень с надписью «К трубному месту для… [провозглашения]», вероятно, сброшенный со своего места легионерами Тита в 70 году.

Проект храма, созданный при ближайшем участии самого царя его безымянными архитекторами (был найден лишь один *оссуарий* — погребальная урна — с надписью «Симон, строитель Храма»), демонстрирует прекрасное понимание пространства и законов зрелищности. Ослеплявший своим великолепием и внушавший благоговейный трепет, Храм Ирода, «покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами… блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным, как солнечные лучи». Странникам, прибывавшим в Иерусалим на поклонение со стороны Масличной горы, он «издали казался покрытым снегом». Именно этот Храм знал Иисус Христос, именно этот Храм разрушил Тит. Площадка, на которой стоял Храм Ирода, сохранилась до наших дней и сегодня, помимо еврейского, имеет еще и арабское, мусульманское название — Харам аш-Шариф, «благородное святилище». Ее по-прежнему поддерживают с трех

сторон каменные блоки подпорных стен Ирода, и сегодня мерцающие своим желтоватым блеском, особенно в Западной стене, почитаемой иудеями всего мира.

Когда святилище и площадь перед ним были закончены (а по преданию, работы не прерывались ни на секунду, так как за все время строительства днем не выпало ни капли дождя), Ирод, который не имел права вступать в Святая Святых, поскольку не был священником, отметил завершение строительства, принеся в жертву 300 волов. Это был апогей его царствования, но безраздельному величию царя уже готовились бросить вызов его собственные дети: преступления прошлого вернулись бумерангом, разящим наследников будущего.

Дети Ирода: семейная трагедия

У Ирода было не меньше двенадцати сыновей от десяти жен. И ему, казалось, были безразличны все они, за исключением Александра и Аристобула — двух сыновей от Мариамны Первой. Наполовину Маккавеи, наполовину — потомки Ирода, они должны были стать его наследниками. Ирод отправил их в Рим, где Август лично приглядывал за их образованием и воспитанием. По прошествии пяти лет Ирод вернул обоих царевичей домой — им пора было жениться. Александр справил свадьбу с дочерью царя Каппадокии, а Аристобулу в жены была отдана племянница Ирода[60].

В 15 году до н. э. в Иерусалим с инспекцией прибыл Марк Агриппа в сопровождении своей жены-нимфоманки Юлии, дочери Августа. Агриппа, соратник Августа и победитель в битве при Акциуме, к тому моменту уже давно сдружился с Иродом, и теперь царь с гордостью показывал римлянину свой Иерусалим. Агриппу поселили в цитадели, во дворце, названном в его честь, и он задавал там пиры в честь Ирода. Август и так уже выделял средства на ежедневные жертвоприношения Яхве в Храме, но Агриппа принес в жертву еще сотню волов. Он вел себя с таким тактом, что даже самые придирчивые иудеи выказывали ему почтение, выстилая пальмовыми ветвями его путь, а сторонники Ирода называли в честь него своих детей. Затем Ирод с Агриппой отправились в путешествие по Греции — каждый в сопровождении собственной флотилии. Когда представители одной из еврейских общин в Греции пожаловались Агриппе на притеснения со стороны греков, Агриппа публично подтвердил права иудеев. Ирод поблагодарил его за это, и они обнялись как равные. Но когда Ирод вернулся домой, ему бросили вызов его

собственные сыновья.

Царевичи Александр и Аристобул полностью унаследовали взгляды на жизнь и надменность обоих родителей, лишь слегка замаскировав их лоском римского воспитания. Вскоре они обвинили отца в трагической гибели своей матери и, подобно ей в свое время, стали выказывать подчеркнутое презрение полукровкам из дома Ирода. Александр, женатый на дочери настоящего царя, вел себя особенно заносчиво; оба юноши высмеивали иродиадку-жену Аристобула, а это приводило в ярость ее мать — их опасную тетку Саломею. Царевичи бахвалились, что когда они сами станут царями, то заставят Иродовых жен трудиться наравне с рабами, а других сыновей Ирода сделают своими слугами.

Саломея передала это все Ироду. Тот не только пришел в бешенство из-за неблагодарности испорченных мальчишек, но и сильно встревожился, поскольку усмотрел здесь опасность возможного предательства. Он долгое время не обращал ни малейшего внимания на Антипатра, своего старшего сына от первой жены Дорис. Но теперь, в 13 году до н. э., Ирод приблизил его к себе и попросил Агриппу взять Антипатра в Рим, дав сыну с собой запечатанное письмо, адресованное лично императору: это было волеизъявление Ирода, согласно которому он лишал права наследования двух заносчивых юнцов и завещал престол Антипатру. Однако его новый наследник, которому тогда было около 25 лет, был озлоблен многолетним отцовским пренебрежением и снедаем завистью к братьям. Он тайно сговорился со своей матерью извести и уничтожить лишенных наследства братьев. Антипатр и Дорис обвинили Александра и Аристобула в измене.

Ирод попросил Августа, пребывавшего тогда в городе Аквилея на берегу Адриатики, рассудить трех царевичей. Август примирил отца с сыновьями; Ирод отплыл домой и по прибытии в Иерусалим созвал народ во двор Храма и объявил о разделе царства между тремя своими сыновьями после его смерти. Дорис, Антипатр и Саломея попытались использовать это примирение в своих собственных интересах, и самонадеянность их юных врагов была им только на руку. Александр пустил слух, будто бы Ирод красит волосы, чтобы выглядеть моложе, а он сам намеренно промахивается на охоте, чтобы не унижать отца. Он также приблизил к себе трех евнухов царя, и те выдали ему тайны Ирода. Царь арестовал слуг Александра и пытал их до тех пор, пока один не признался в том, что его хозяин замышлял покушение на отца во время охоты. Царь Каппадокии, как раз в это время навещавший в Иерусалиме дочь, смог снова помирить

отца и сыновей. Ирод выразил свою признательность в типично иродиадском стиле — подарил свату наложницу по имени Паннихия («Вся ночь»).

Перемирие длилось недолго: кто-то из истязаемых слуг сообщил о письме Александра к коменданту крепости Александрион, содержавшем следующие строки: «Если мы, с Божьей помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам». Из-за этого письма, будто бы доказывавшего, что комендант Александриона намеревался принять его сыновей и выдать им хранившуюся в крепости царскую казну, Ирод совершенно уверился в злодейских планах своих чад. Во сне ему привиделось, будто Александр замахивается на него мечом, и этот ночной кошмар был столь ярким и отчетливым, что царь заключил под стражу обоих сыновей, сознавшихся в том, что они планировали бежать из Иерусалима. Ирод вновь обратился за советом к Августу, однако тот уже слегка устал от непрерывных эксцессов в жизни его старого друга — хотя и сам не понаслышке знал, что такое своенравные дети и распри из-за престолонаследия. Август решил, что если юноши и в самом деле затеяли заговор, у Ирода есть полное право наказать их.

Ирод созвал суд в Бейруте, находившемся за пределами его юрисдикции и потому, вероятно, считавшемся самым подходящим местом для разбирательства. Оба юноши были приговорены к смерти, как того и желал Ирод, и это совсем неудивительно, поскольку перед началом суда царь щедро одарил город. Советники Ирода предлагали царю помиловать сыновей, но когда один из них обмолвился, что юноши пытались взбунтовать армию, Ирод тут же казнил 300 офицеров. Царевичей привезли обратно в Иудею и там задушили. Круг замкнулся: после трагедии их матери Мариамны вновь исполнилось проклятие Маккавеев. Августу все это совсем не понравилось. Зная, что евреи не едят свинины, он заметил: «Я бы предпочел быть свиньей Ирода, чем его сыном». Но это было лишь начало падения Ирода Великого.

Царь, гниющий заживо

Царь, разменявший уже шестой десяток, был болен и физически, и психически. Антипатр оставался его официальным наследником, но, кроме него, были и другие сыновья, имевшие право на царство. И Саломея, сестра Ирода, начала плести интригу против Антипатра. Она отыскала некоего слугу, который поклялся, будто тот намеревался отравить Ирода каким-то

таинственным ядом. Антипатр, бывший в тот момент в Риме у Августа, поспешил домой, но не успел переговорить с отцом, так как был схвачен в Иерусалиме прямо на пороге дворца. Тем временем злосчастному слуге в ходе следствия дали выпить тот самый подозрительный напиток, и он тут же упал мертвым. Во время пыток других слуг выяснилось и новое обстоятельство: еврейка-рабыня императрицы Ливии, супруги Августа, которая сама была тонким знатоком ядов, подделала письма, чтобы очернить Саломею.

Ирод послал эти свидетельства Августу и написал третье завещание, оставив царство еще одному из своих сыновей — Ироду Антипе, — которого история сведет позже с Иоанном Крестителем и Иисусом Христом. Болезнь Ирода подорвала его способность к адекватному восприятию происходящего и ослабила узду, в которой он удерживал иудейскую оппозицию. На главных воротах Храма он поместил позолоченного бронзового орла — символ Рима. Но иудейский закон воспрещал установление статуй и вообще изображения живых существ, так что некие ученики религиозной школы «отправились к Храму, сорвали на глазах у множества бывшего в Храме народа золотого орла и разрубили его на куски». Солдаты из крепости Антония вломились в Храм и арестовали юношей. Приведенные к Ироду, который лежал на одре болезни, юноши не признали вины, но, напротив, исповедовали верность Торе. Ирод приказал сжечь бунтовщиков заживо.

Между тем мучительная болезнь Ирода прогрессировала и становилась все более ужасной. Он чувствовал зуд по всему телу и страшное жжение в кишечнике. Он гнил заживо, «ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью; такая же болезнь постигла и низ его живота». Затем жидкость начала сочиться из его тела, царь едва мог дышать, и мерзкая вонь исходила от него. Его гениталии чудовищно раздулись, а затем в паху у него началась гангрена и вся нижняя часть тела покрылась массой копошащихся червей.

Заживо разлагающийся царь надеялся, что ему полегчает в тепле его иерихонского дворца, но, поскольку страдания с каждым днем усиливались, врачи посоветовали ему лечение в горячих ключах Каллирои, чьи воды и поныне текут в Мертвое море. Там лекарям показалось, будто Ирод поправляется[61]. Но когда он сел в ванну с горячим маслом, то чуть не умер.

Царя отвезли обратно в Иерихон, и он приказал вызвать к себе всю знать из Иерусалима. Когда же влиятельные иудеи явились к нему, он приказал запереть всех на ипподроме. Маловероятно, что он намеревался учинить над ними бойню.

Скорее всего Ирод хотел обойти каким-то образом порядок наследования, удерживая всех способных воспрепятствовать ему сановников под стражей.

Примерно в это время на свет появился младенец, которого назвали Иешуа бен Иосеф. Его родителями были плотник по имени Иосиф и его жена-подросток Мария (Мариам) из галилейского города Назарет. Они были немногим богаче обычных крестьян, но оба считались потомками царя Давида. Однажды Иосиф и Мария отправились в Вифлеем, где и родился Иешуа (Иисус): «Вождь, Который упасет народ мой, Израиля». Совершив на восьмой день обряд обрезания, родители, по свидетельству евангелиста Луки, «принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа» и принести полагающуюся в этом случае жертву в Храме. Богатая иудейская семья принесла бы в этом случае агнца или даже вола, Иосиф с Марией могли позволить себе только двух горлиц или двух голубиных птенцов.

Согласно Евангелию от Матфея, лежавший при смерти Ирод проведал, что в Вифлееме родился потомок Давида, но поскольку не знал, как его найти, приказал на всякий случай перебить в Вифлееме всех мальчиков младше двух лет. Однако Иосиф с Марией укрылись в Египте, где и оставались, пока не узнали о смерти Ирода. В то время постоянно появлялись все новые мессианские слухи, и Ирода, вероятно, действительно встревожила бы весть о рождении мальчика из рода Давида — потенциального претендента на трон Иудеи, — но нет никаких исторических свидетельств о том, что Ирод что-то слышал об Иисусе или учинял избиение младенцев. Есть некая историческая ирония в том, что этого чудовищного злодея запомнили именно за то единственно преступление, которого он не совершал. Что же касается мальчика из Назарета, то мы услышим о нем снова лишь примерно через 30 лет.

Архелай: мессии и кровавые бойни

Император Август прислал Ироду свое решение: сам он приказал забить до смерти еврейскую рабыню Ливии, а Ирод волен казнить Антипатра. Но Ирод к этому времени испытывал уже такие муки, что даже порывался заколоть себя кинжалом. Поднявшаяся суматоха заставила Антипатра, темница которого находилась неподалеку от царских покоев, подумать, будто Ирод уже умер. Он позвал тюремщика и велел отпереть замок. Неужели он, Антипатр, наконец — царь иудейский?! Но тюремщик также слышал крики и беготню. Поспешив к царским покоям, он увидел,

что Ирод жив, но в состоянии полного помешательства. Слуги только что отобрали у царя кинжал. Тюремщик рассказал Ироду об изменнических словах Антипатра. Царь, уже живой труп, ударил себя кулаком в голову, завыл и приказал стражам немедля убить ненавистного сына. Затем он продиктовал новое завещание, поделив царство между тремя своими сыновьями-подростками; Иерусалим и Иудею он отдал Архелаю.

По прошествии пяти дней, в марте 4 года до н. э., Ирод Великий, процарствовавший 37 лет и переживший «десять тысяч опасностей», умер. Восемнадцатилетний Архелай плясал, пел и веселился так, будто умер не его отец, а коварный враг. Даже извращенная родня Ирода была шокирована. Тело царя, перевезенное из Иерихона в Иерусалим, положили на парадный золотой катафалк, задрапированный пурпуром. «На голове его покоилась диадема, поверх которой был надет золотой венец, в правой руке находился скипетр». Возглавлял погребальную процессию Архелай, за катафалком шли германские и фракийские воины, пятьсот слуг несли курильницы с благовониями (от трупа, должно быть, исходило страшное зловоние). Мертвого и уже не страшного царя провезли 24 мили до горной крепости Иродион. Там Ирод и был погребен, и память о его гробнице[62] была утеряна на две тысячи лет.

Архелай вернулся в Иерусалим, воссел на золотой трон в Храме и объявил, что будет править мягче, чем его жестокий отец. Приближалась Пасха, город был полон паломников, и многие из них, убежденные, что смерть царя возвещает обещанное пророками искупление, впали в Храме в состояние неистовства. Стражей Архелая забросали камнями. Архелай, только что пообещавший ослабление репрессий, выслал конницу, и всадники перебили три тысячи человек.

Новый деспот-подросток поручил государственные дела брату Филиппу, а сам отправился в Рим, к Августу, чтобы император подтвердил его право на престол. Но в то же самое время в Рим спешил и Антипа, младший брат Архелая, также решивший побороться за престол Иудеи. Как только Архелай покинул город, римский чиновник Сабин, местный представитель императора, двинулся на Иерусалим и разорил дворец Ирода, пытаясь найти сокровища, по слухам, спрятанные там, и это вызвало новую волну мятежей. Вар, римский наместник Сирии, попробовал навести порядок, но шайки галилеян и идумеян, пришедших в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, захватили Храм и стали убивать всех римлян, которых могли найти. Сабину пришлось укрыться в башне Фазаеля.

За пределами Иерусалима трое мятежников — все трое

бывшие рабы — провозгласили себя царями; они жгли дворцы Ирода и разбойничали «с дикой яростью». Эти самозваные цари к тому же объявили себя пророками, и это лишний раз доказывает, что Иисус родился в эпоху чрезвычайно интенсивных мессианских ожиданий и спекуляций. Иудеи, которые в течение всего правления Ирода напрасно ожидали явления пророка, вдруг обрели сразу троих, однако Вар скоро разгромил и казнил всех трех самозванцев[63]. Но с этих пор пророки стали объявляться с завидным постоянством, а римляне с тем же постоянством преследовали и убивали их. Вар распял вокруг городских стен Иерусалима две тысячи мятежников.

Тем временем в Риме шестидесятилетний Август терпеливо выслушивал споры наследников Ирода. Он утвердил завещание их отца, однако не стал объявлять ни того, ни другого царем, а вместо этого назначил Архелая этнархом (наместником) Иудеи, Самарии и Идумеи, Антипу же — тетрархом Галилеи и Переи (часть современной Иордании). Их единокровный брат Филипп стал тетрархом всех остальных Иродовых земель[64].

При Архелае выстроенные в римском вкусе виллы иерусалимских богачей пользовались чрезвычайно дурной славой. Их обитатели вели распущенный, греческий, совершенно нееврейский образ жизни; они погрязали в пороках и разврате. На серебряном кубке, пролежавшем в земле два тысячелетия, пока в 1911 году его не обнаружил американский коллекционер древностей, подробнейшим образом изображены сцены однополого секса. В одной из них мужчина опускает себя при помощи блока на мальчика-партнера, в то время как раб-вуайерист подглядывает в приоткрытую дверь; в другой на ложе сплетаются тела двух гибких подростков. К тому же Архелай показал себя таким жестоким, глупым и сумасбродным правителем, что спустя 10 лет старый Август низложил его и сослал в Галлию. Иудея отныне стала одной из римских провинций, которой правили назначавшиеся из Рима прокураторы — чиновники не слишком высокого ранга, имевшие резиденцию в Кесарии Приморской. Именно тогда римляне провели перепись иудейского населения с целью установить точное число налогоплательщиков. Это полное подчинение римской власти было достаточно унизительным, чтобы спровоцировать очередные беспорядки. Евангельская же перепись, ставшая причиной путешествия Иосифа и Марии в Вифлеем, вероятно, упомянута Лукой по ошибке.

Ирод Антипа уже 30 лет правил Галилеей, не в силах забыть о царстве своего отца, которое ему почти удалось унаследовать, когда из пустыни явился Иоанн Креститель, новый

харизматический пророк, чтобы обличить правителя и бросить ему вызов.

11. Иисус Христос
10–40 гг. н. э

Иоанн Креститель и Лисица Галилейская

Родители Иоанна — священник Захария и его жена Елизавета — жили в селении Эйн-Керем, к западу от Иерусалима. Захария был, вероятно, одним из тех скромных священнослужителей, чьи каждодневные обязанности в Храме определялись жеребьевкой. От элиты храма таких клириков отделяла целая пропасть. Зато мальчиком Иоанн, вероятно, часто бывал в Храме. Путей стать праведным иудеем было множество, но он избрал отшельническую жизнь в пустыне во исполнение призыва Исайи: «Приготовьте пути Господу».

В конце 20-х годов у Иоанна появились последователи — сначала в пустынях неподалеку от Иерусалима («народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он»), а затем дальше на север, в Галилее Ирода Антипы, где у Иоанна были родственники. Мария, мать Иисуса, приходилась кузиной матери Иоанна и во время беременности жила у его родителей. Повзрослевший Иисус пришел из Назарета послушать проповедь своего троюродного брата, и Иоанн крестил его в Иордане. Этот новый обряд покаяния и очищения от грехов восходил к иудейской традиции ритуального омовения в микве. Иоанн вскоре начал публично изобличать и осуждать Ирода Антипу.

Тетрарх Галилеи жил в роскоши: его казну исправно пополняли сборщики податей, которых простой народ ненавидел. Антипа постоянно пытался уговорить нового императора Тиберия, угрюмого пасынка Августа, отдать ему в полную власть все царство Ирода. Он назвал свою столицу Ливией в честь вдовы Августа и матери Тиберия, которая не раз выказывала дружеское расположение его семейству. Затем в 18-м году он основал новую столицу на берегу Галилейского озера и назвал ее Тивериадой — в честь самого императора. Иоанн Креститель относился к Антипе как к продажному распутнику и римской марионетке, а Иисус называл его «лисицей».

Антипа взял в жены дочь набатейского царя Ареты IV: этот брак был призван укрепить мир между соседями — иудеями и арабами. Но просидев 30 лет на скромном троне Галилеи, уже немолодой Антипа без памяти влюбился в свою племянницу

Иродиаду. Она была дочерью Аристобула, казненного сына Ирода, и уже побывала замужем за своим единокровным братом. Теперь она требовала от Антипы, чтобы тот развелся со своей арабкой-женой. Антипа опрометчиво согласился. Однако набатейская царица не захотела расстаться с ним мирно. Перед огромными толпами народа Иоанн Креститель уличал в прелюбодеянии Антипу и Иродиаду, этих новоявленных Ахава и Иезавель; разгневанный царь приказал схватить его. Пророка заточили в построенной Иродом Великим крепости Махерон (Махер) за Иорданом, стоявшей на высоте чуть более 700 метров над Мертвым морем. Иоанн томился в мрачной темнице не один: в крепости оказалась еще одна знаменитая пленница — арабская жена Антипы.

По случаю своего дня рождения Антипа устроил для вельмож пышный пир в Махероне, на котором присутствовали также Иродиада и ее дочь Саломея, жена тетрарха Филиппа. (Мозаичные полы трапезной в этой крепости частично сохранились до нашего времени, как и отдельные камеры подземной темницы.) Саломея «вошла, плясала и угодила Ироду», возможно, исполнив эротический танец семи покровов[65]. Царь сказал ей: «Проси у меня все, чего хочешь, и дам тебе». По наущению матери Саломея попросила голову Иоанна Крестителя. Через некоторое время в трапезной появился оруженосец Антипы с головой Иоанна на блюде «и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей».

Иисус, сознавая, что ему тоже угрожает опасность, удалился в пустыню. Но он — единственный из основателей трех авраамических религий — постоянно посещал Иерусалим. Город и Храм занимали центральное место в его учении о себе и своей Миссии. Жизнь еврея того времени была основана на учениях пророков, соблюдении Закона и регулярных паломничествах в Иерусалим, который Иисус называл «городом великого Царя». Хотя нам ничего не известно о первых трех десятилетиях жизни Христа, абсолютно очевидно, что он знал в совершенстве еврейскую Библию и что все, что он делал, было точным исполнением древних пророчеств. Поскольку Иисус был евреем, Храм являлся частью его жизни, и он был просто одержим судьбой Иерусалима. Когда ему было 12 лет, родители взяли его с собой в Храм на Пасху. Когда же, по свидетельству Луки, они по окончании праздника тронулись в обратный путь, Иисус, не сказав им об этом, остался в Иерусалиме. Обеспокоенные родители — они думали, что сын вернется домой с их друзьями, — возвратились в город и «через три дня нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и

спрашивающего их». А когда Иисуса искушал Дьявол, он перенес его в Иерусалим и «поставил Его на крыле Храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз…».

Когда же Иисус раскрыл свое призвание ученикам, он предрек, что его участь решится именно в Иерусалиме: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать… и быть убиту, и в третий день воскреснуть». Но Иерусалим заплатит за это: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его… и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников».

Вместе с двенадцатью учениками (в том числе со своим братом Иаковом) Иисус вернулся в родную Галилею и, двигаясь на юг, продолжал проповедовать то, что он называл «Благой вестью» в изысканной и вместе с тем доступной манере, часто прибегая к аллегорическому языку притчей. Но его свидетельство было прямым и драматичным: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Иисус не оставил записей, и его учение с тех пор бессчетное число раз анализировалось, но четыре Евангелия подтверждают, что сутью его служения было предупреждение о неотвратимом Апокалипсисе — конце света, последнем Страшном суде и приходе Царствия Небесного.

Это было потрясающее, радикальное учение, и Иисусу предстояло стать его центром в качестве полумессианского Сына Человеческого, о котором говорили еще Исайя и Даниил: «… пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Христос провидел разрушение всех человеческих связей: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их… Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

Это не была социальная или националистическая революция — Иисус более заботился о том, что будет после Страшного суда: он проповедовал истину и справедливость не столько для этого мира, сколько для мира грядущего: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Покаявшиеся сборщики податей и блудницы вступят в Царствие Божие прежде вельмож и священников. Иисус шокировал правоверных иудеев, заявив, что прежний Закон уступает место новому: «Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов». Когда наступит конец света, «сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей», и все народы предстанут пред Ним на суд. И постигнет мука вечная злых, а

праведники обретут вечную жизнь.

Однако Иисус в большинстве случаев старался оставаться в рамках иудейского Закона, и все его служение доказывает, что он исполнял библейские пророчества: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». Однако строгого соблюдения иудейского закона теперь было недостаточно: «…если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». Иисус ни разу не сделал выпада в адрес римского императора или хотя бы Ирода. И если в центре его проповеди был Апокалипсис, собственную святость Иисус доказывал делами: исцелял немощных и калек, воскрешал мертвых, и «следовало за Ним множество народа».

По свидетельству евангелиста Иоанна, до последнего своего входа в Иерусалим Иисус бывал здесь не менее трех раз на Пасху и другие праздники и дважды избегал смерти. Когда он молился в Храме в праздник Кущей, одни, слыша его слова, называли его пророком, другие видели в нем Мессию, хотя некоторые снобы презрительно усмехались: «Разве из Галилеи придет Мессия?» Когда же он спорил с фарисеями, иудеи из толпы «взяли каменья, чтобы бросить на Него, но Иисус скрылся и вышел из Храма, пройдя посреди них, и пошел далее». Он снова пришел в город на праздник Посвящения (Хануки); но когда объявил, что «он и Отец — одно», иудеи снова начали подбирать камни, но Иисус «уклонился от рук их». Он знал, на что идет, возвращаясь в Иерусалим.

Между тем в Галилее отвергнутая жена Антипы бежала из темницы в Махероне и явилась ко двору своего отца, Ареты IV, — богатейшего царя набатейцев, строителя величественного храма-мавзолея Эль-Хазне и царской усыпальницы в «розовом городе» Петре. Взбешенный оскорблением, нанесенным его дочери, Арета вторгся во владения Антипы. Сначала Иродиада стала виновницей смерти пророка Иоанна, а теперь — арабо-еврейской войны, которую Антипа в результате проиграл. Римляне предпочитали не вмешиваться в фамильные склоки на Востоке: император Тиберий, живший теперь на острове Капри и пустившийся на старости лет во все тяжкие, был недоволен недальновидностью Антипы, но все же поддержал его.

Тем временем до Ирода Антипы наконец дошли слухи об Иисусе. Люди вокруг обсуждали, кто же он такой на самом деле. Одни принимали его «за Иоанна Крестителя, другие же — за Илию, а иные — за одного из пророков». А Петр, ученик Иисуса, верил, что Иисус — Мессия. Иисус был особенно популярен среди женщин, и некоторые из них имели отношение к дому Ирода —

например, жена бывшего царского мажордома. Антипа подозревал, что Иисус как-то связан с Иоанном: «Это Иоанн, которого я обезглавил, он воскрес из мертвых». Царь грозился схватить Иисуса, но некоторые фарисеи, видимо, доброжелательно относившиеся к Иисусу, предупредили его: «Выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя».

В свою очередь, Иисус бросил прямой вызов Антипе, прося фарисеев передать «этой лисице», что он будет исцелять и проповедовать еще два дня, а на третий день удалится в то единственное место, где Сыну Человеческому суждено исполнить Свое предназначение: «…потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима». Его возвышенное поэтическое обращение к сыну строителя Храма проникнуто любовью к обреченному городу: «Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст!»

Иисус из Назарета: три дня в Иерусалиме

На Пасху 33-го года[66] Иисус и Ирод Антипа прибыли в Иерусалим почти одновременно. Иисус в сопровождении своих последователей пришел в Вифанию на Масличной горе, с которой открывался величественный вид на белоснежный Храм. Он послал апостолов в город, чтобы они привели ему осла — не одного из наших скромных осликов, а животное, которое в те времена считалось вполне достойным первосвященника. Евангелия, наш единственный источник, предлагают несколько версий того, что происходило в последующие три дня. «Сие же все было, да сбудутся писания пророков», — поясняет Матфей.

Согласно предсказаниям пророков, Мессия должен был въехать в город на осле, и его последователи бросали перед ним на дорогу пальмовые ветви и славили его как сына Давидова и царя Израиля. Скорее всего, Иисус въехал в Иерусалим, как и большинство паломников, через южные ворота близ Силоамской купели, а затем поднялся к Храму по величественной лестнице — так называемой Арке Робинсона в юго-западном углу Храмовой горы. Его ученики, провинциалы из Галилеи, прежде никогда не бывавшие в Иерусалиме, были поражены величием Храма. Один из них сказал: «Учитель! Посмотри, какие камни и какие здания!» Иисус, не раз видевший Храм, ответил: «Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется камня на камне».

Иисус не раз выражал и любовь к Иерусалиму, и разочарование в нем, но в любом случае предвидел и новую «мерзость запустения». Некоторые историки считают, что эти пророчества были добавлены в текст позднее, поскольку часть Евангелий написана уже после того, как Тит разрушил Храм. Однако Иерусалим уже не раз подвергался прежде разрушению и отстраивался заново, и слова Иисуса отражают «антихрамовые» настроения, которые тоже были сильны среди части иудеев той эпохи[67]. «Я разрушу Храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный», говорил он, вторя пророку Исайе. Оба они провидели за реальным городом Небесный Иерусалим. И все же Иисус обещал восстановить Храм через три дня, возможно, показывая тем самым, что обличает он не сам Дом Божий, а порок и разложение, воцарившиеся в нем.

Днем Иисус учил и исцелял больных в купальне Вифезда к северу от Храма и у Силоамской купели к югу от него. Здесь собралось множество паломников, чтобы совершить ритуальное омовение перед вступлением в Храм. Ночью же он возвращался в дом своих друзей в Вифании. Утром в понедельник Иисус снова пришел в город и на этот раз приблизился к Царской стое Храма.

На Пасху Иерусалим, наводненный множеством паломников, был довольно опасен. Сила была за тем, кто имел деньги, чин и связи с влиятельными римлянами. Но евреи не разделяли присущее римлянам уважение к военным заслугам или богатству. Источником престижа для них были родственные связи (сановники Храма и многочисленные князья дома Ирода), ученость (учительствующие фарисеи), но более всего — божественное одухотворение. В Верхнем городе, отделенном долиной от Храма, вельможи жили в роскошных особняках, сочетавших греко-римский стиль с особенностями еврейского быта: в так называемых «Палатах придворного», обнаруженных там археологами, были просторные приемные залы и миквы. В этом же районе стояли дворцы Антипы и первосвященника Иосифа Каиафы. Но настоящей властью в Иерусалиме обладал прокуратор Понтий Пилат, управлявший иудейской провинцией из Кесарии Приморской, но всегда приезжавший в Иерусалим на Пасху и останавливавшийся в крепости Ирода.

Антипа отнюдь не был единственным царственным евреем в Иерусалиме. Елена, царица Адиабены, маленького государства на территории современного Северного Ирака[68], обратилась в иудаизм и поселилась в Иерусалиме, где провела вторую половину своей жизни. Елена построила дворец в Городе Давида, пожертвовала в Храм золотой светильник, который водрузили на врата святилища, а во время неурожая закупала для голодающих

зерно в Египте и финики на Кипре. Царица Елена, скорее всего, тоже была на Пасху в городе; и скорее всего, на праздник она надевала украшение, недавно найденное археологами в Иерусалиме: крупную жемчужину, оправленную в золото, с двумя изумрудными подвесками. Иосиф Флавий утверждает, что на Пасху в тот год пришло в Иерусалим 2,5 миллиона паломников. Это явное преувеличение, но в городе действительно собрались евреи «из всех царств», от Парфии и Вавилонии до Крита и Ливии. Подобное скопление народа ныне можно наблюдать разве что в Мекке во время хаджа. По иудейской традиции, каждая семья на Пасху приносила в жертву агнца: город был запружен блеющими барашками, в жертву было принесено 255 600 животных. Повсюду царило оживление: паломникам надлежало совершать омовение в микве всякий раз, когда они направлялись в Храм; жертвенные агнцы продавались у Царской стои. Не каждый мог найти себе ночлег в городе. Тысячи паломников, в том числе Иисус, ночевали в окрестных селениях или прямо под городскими стенами. В воздухе витал запах горящего мяса и пьянящий аромат курений, звуки труб возвещали время молитв и жертвоприношений. Внимание всех и каждого было приковано к Храму, и за всем происходящим в городе настороженно наблюдали римские солдаты со стен крепости Антония.

Иисус прошел в портик Царской стои — гудящий, красочный, многолюдный центр пасхального Иерусалима, где паломники собирались, чтобы организовать ночлег, пообщаться со знакомыми и обменять деньги на тирское серебро, за которое продавались жертвенные барашки, голуби или волы. Не собственно Храм, не один из его внутренних дворов — именно Царская стоя была самым доступным публичным пространством во всем храмовом комплексе, одновременно форумом и торговой площадью. Иисус резко осудил порядки, установившиеся в Храме: «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей?» Он опрокинул столы менял, цитируя и развивая пророчества Иеремии, Захарии и Исайи. Его обличения привлекли внимание, впрочем, недостаточное, чтобы стать поводом для вмешательства храмовых стражей или римских солдат.

Проведя еще одну ночь в Вифании, Иисус вернулся в Храм[69] на следующее утро и вступил в полемику со своими критиками. Евангелисты называют фарисеев «врагами Иисуса», но это скорее отражает ситуацию, сложившуюся во второй половине I века, когда они писали свои книги. На самом деле фарисеи были по-настоящему благочестивой и к тому же очень близкой к народу религиозной группой, и некоторые их идеи вполне могли совпадать с учением Иисуса. Его истинным врагом была храмовая

аристократия. Иродиане, одна из храмовых партий, сторонники независимости от Рима, провоцировали его вопросами, стоит ли платить римские налоги. Иисус ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

Но затем он предостерег воодушевленную толпу проповедью о неизбежном апокалипсисе, который, разумеется, должен начаться именно в Иерусалиме. Хотя у иудеев были различные взгляды на пришествие Мессии, большинство соглашались, что Господь придет, чтобы совершить Свой Суд над миром, и за этим последует создание царства Мессии со столицей в Иерусалиме. «Вострубите на Сионе трубою знамения святых! — призывала Соломонова Псалтирь, написанная вскоре после распятия Иисуса. — Возгласите в Иерусалиме глас благовествующего! Ибо смилостивился Бог над Израилем». Поэтому последователи Иисуса спросили его: «Скажи нам, когда это будет? И какой признак Твоего пришествия и кончины века?» «Бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет», — ответил он, однако вкратце описал грядущий апокалипсис: — «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам, [прежде чем увидят они] Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

«Подстрекательские» речи Иисуса, видимо, серьезно встревожили римского прокуратора и высших священников, которым, говорил он, не следовало ждать милости на Страшном суде: «Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?»

В Иерусалиме в дни празднования Пасхи всегда была напряженная атмосфера, но в тот год власти пребывали в еще более нервном состоянии, чем обычно. У Марка и Луки есть часто не замечаемые строки о неких беспорядках, устроенных галилеянами в Иерусалиме. Мятеж был подавлен Пилатом, казнившим 18 мятежников у «башни Силоамской», то есть к югу от Храма. Один из уцелевших бунтовщиков, Варавва, с которым Иисус вскоре встретится, и несколько его сообщников «во время мятежа сделали убийство». Первосвященники решили не рисковать и не попустительствовать еще одному галилеянину, предсказывавшему их гибель в неминуемом апокалипсисе: Каиафа и Анна, влиятельный отставной первосвященник, стали обсуждать, как им поступить. Лучше, говорит Каиафа в Евангелии от Иоанна, «чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». И два священника составили свой план.

На следующий день Иисус готовился к Пасхе в горнице Тайной вечери (Сионской горнице). На трапезе Иисус уже знал,

что один из апостолов, Иуда Искариот, предал его за 30 сребреников. Но Иисус не изменил свое намерение отправиться в умиротворяющие оливковые кущи Гефсиманского сада, раскинувшегося на противоположном склоне Кедронской долины. Иуда незаметно скрылся. Нельзя сказать наверняка, предал ли он Иисуса из идейных соображений — за то, что тот был слишком радикален или, наоборот, недостаточно радикален, — либо из алчности или из зависти.

Вскоре Иуда возвратился с отрядом младших священников, храмовых стражей и римских легионеров. Иисуса трудно было опознать в темноте, поэтому Иуда выдал его поцелуем и получил за свое предательство серебро. В свете факелов разыгралась настоящая драма: апостолы обнажили мечи, Петр отсек ухо одному из служек первосвященника, а некий юноша нагим бежал в ночь, оставив одежду в руках преследователей, — деталь столь неожиданная, что кажется очень правдоподобной. Иисус был арестован, а апостолы разбежались, за исключением двух, которые на расстоянии последовали за стражниками, уводившими Иисуса.

Была уже почти полночь. Римские солдаты провели Иисуса вдоль южной стены, через Силоамские ворота, во дворец «серого кардинала» Анны в Верхнем городе[70]. Анна обладал огромной властью в Иерусалиме и был воплощением жесткого, неподатливого, кровосмесительного клана храмовой аристократии. Сам бывший первосвященник, он был тестем первосвященника Каиафы, и не менее пяти его сыновей также могли со временем рассчитывать на этот сан. Но большинство иудеев презирали и Анну, и Каиафу как продажных, корыстных коллаборационистов, чьи слуги, как жалуется один иудейский текст, «били нас палками». Правосудие в их представлении было всего лишь одним из циничных инструментов наживы. Однако Иисус снискал заслуженную славу, в том числе даже среди членов Синедриона. Суд над этим популярным в народе проповедником следовало вершить скрытно, под покровом ночи.

После полуночи, когда стражники развели во дворе костер (и ученик Иисуса Петр трижды отрекся от Учителя), Анна и его зять собрали лояльных им членов Синедриона — не всех, поскольку по крайней мере один из них, Иосиф Аримафейский, почитал Иисуса и никогда не согласился бы на его арест. Первосвященники учинили Иисусу перекрестный допрос: угрожал ли он разрушить Храм и построить новый через три дня? Называл ли себя Мессией — Христом, Сыном Божьим? Иисус молчал, но в конце концов произнес: «…узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». «Он богохульствует!» —

воскликнул Каиафа. «Повинен смерти», — откликнулась толпа, собравшаяся вокруг Синедриона, невзирая на поздний час. Иисусу завязали глаза, и он провел ночь, подвергаясь издевательствам толпы, во дворе до рассвета, когда участь его должна была решиться окончательно. Пилат ждал.

Понтий Пилат: суд над Иисусом

Римский прокуратор, окруженный телохранителями, вершил суд на глазах многочисленной толпы на возвышении перед Преторией — своей иерусалимской штаб-квартирой, находившейся близ современных Яффских ворот и рядом с цитаделью Ирода. Понтий Пилат был напористым и бестактным солдафоном, который совершенно ничего не понимал в делах Иудеи. Он уже успел навлечь на себя ненависть горожан, уличавших его во «взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, беспрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости». Даже один из царевичей дома Ирода называл его человеком «мстительным с гневливым характером».

Он уже вызвал возмущение евреев, когда приказал своим войскам «для надругательства над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на знаменах». Для евреев это было оскорблением, поскольку их закон воспрещал любые изображения. Ирод Антипа возглавил делегацию к Пилату с требованием убрать знамена. Всегда «несговорчивый и жестокий», Пилат отказался. Когда же иудеи начали протестовать все вместе, он повелел солдатам окружить их. Члены делегации легли на землю и обнажили шеи, готовые умереть, но не допустить попрания закона. Изумившись «их стойкости в соблюдении законов», Пилат приказал убрать знамена. А незадолго до описываемых событий Пилат казнил галилейских мятежников, «кровь которых Пилат смешал с кровью их жертв».

«Ты Царь Иудейский?» — спросил Пилат Иисуса. Вопрос не был случайным: когда Иисус входил в Иерусалим, народ называл его царем. Иисус же «…сказал ему в ответ: ты говоришь». И больше ничего не добавил. Однако Пилат знал, что Иисус был родом из Галилеи, то есть из юрисдикции Ирода Антипы. И в знак уважения к правителю Галилеи, который давно проявлял к Иисусу особый интерес, прокуратор отправил пленника к Ироду. До дворца Антипы от Претории было совсем недалеко. По свидетельству Луки, Ирод, «увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал» встретиться с «преемником» Иоанна Крестителя и «надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо». Однако Иисус не

сказал ни единого слова «лисице» Ироду, виновному в убийстве Иоанна Предтечи.

Антипа издевался над Иисусом, предлагая ему показать «свои трюки», облачил его в царскую одежду и глумливо обращался к нему «царь». Едва ли тетрарх думал спасти последователя Иоанна Крестителя от смерти — он лишь использовал возможность расспросить его. Пилат и Антипа, долгое время враждовавшие, теперь сделались «друзьями между собою». И все же Иисус был прежде всего проблемой римских властей. Ирод Антипа отослал его обратно в Преторию. Там Пилат снова допрашивал Иисуса, двух разбойников и Варавву, который, согласно Марку, «был в узах» за то, что со своими сообщниками «во время мятежа совершил убийство». Это свидетельство евангелиста позволяет предположить, что некоторых мятежников, в числе которых, по-видимому, были и два разбойника, судили вместе с Иисусом.

Пилат, «желая сделать угодное народу», предложил освободить одного из пленников. Некоторые в толпе заступились за Варавву. Согласно Евангелиям, Варавва был отпущен. Эта история звучит не вполне правдоподобно: римляне обычно казнили мятежников, совершивших убийства. Иисус же был осужден на распятие, после чего Пилат, по свидетельству Матфея, «взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего». «И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших».

Лишенный сентиментальности, решительный и жестокий Пилат никогда прежде не испытывал потребности умыть руки после вынесенного им смертного приговора. Во время прошлых беспорядков он однажды приказал солдатам, переодетым в гражданское платье, смешаться с толпой мирно настроенных евреев. По его сигналу они внезапно выхватили мечи и перебили множество ни в чем не повинных людей. Теперь же, после только что подавленного мятежа Вараввы, Пилат явно опасался пришествия новых «царей» и «пророков», наводнивших Иудею после смерти Ирода Великого. Иносказательные притчи Иисуса будоражили умы людей, и он был очень популярен в народе. Даже спустя много лет фарисей Иосиф Флавий называл Иисуса мудрым учителем.

Таким образом, евангельская версия осуждения Иисуса кажется сомнительной. Евангелисты говорят, будто священники указывали, что они не имеют полномочий выносить смертные приговоры, но это далеко не очевидно. Первосвященник, пишет Иосиф Флавий, «выносит решение в случае спора, наказывает тех, кто изобличен в преступлении». Евангелия, часть которых была написана уже после разрушения Храма в 70 году, возлагают вину

за приговор на иудеев и чуть ли не оправдывают Пилата. Однако обвинения, выдвинутые против Иисуса, и сама его казнь показывают вполне определенно: этот суд был не менее выгоден римлянам и по самому исполнению был римским.

Иисус, как большинство приговоренных к распятию, был подвергнут бичеванию кожаной плетью с вплетенными в нее костяными или металлическими шипами. Это было мучение столь страшное, что осужденные часто не доживали до казни. С табличкой на шее «Сей есть царь Иудейский», заготовленной римскими солдатами, многие из которых были сирийско-греческими наемниками, истекающего кровью Иисуса вывели на улицу, вероятно, поутру 14-го дня месяца нисан, то есть в пятницу, 3 апреля 33 года. Как и двое других осужденных, он должен был сам нести *patibulum*, поперечину креста, на котором его распнут. Его приверженцы убедили некоего Симона из Кирены помочь нести тяжелый брус, а женщины в толпе горько плакали. «Иисус же, обратившись к ним, сказал: дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших», потому что неизбежна гибель Иерусалима: «приходят дни».

Иисус в последний раз вышел из Иерусалима через Геннафские (Садовые) ворота и, пройдя сады среди скал и высеченные в склонах гробницы, приблизился к месту казни, которое называлось Лобным — Голгофой[71].

Иисус Христос: страсти

Враги и друзья Иисуса устремились вслед за ним в предместье: воочию наблюдать расправу во всех ее жутких подробностях — это зрелище всегда завораживало толпу. Солнце уже поднялось, когда Иисус приблизился к месту казни, где были вкопаны вертикальные столбы: они уже использовались для других казней и будут использоваться впредь. Солдаты предложили приговоренным традиционный напиток — вино со смирной — для укрепления духа, но Иисус отказался. Затем его пригвоздили к перекладине и подняли на столб.

Казнь через распятие, по свидетельству Иосифа Флавия, была «самой мучительной из смертей»[72] и к тому же призванной унизить осужденного. Не случайно Пилат приказал прибить дощечку с надписью «Сей есть царь Иудейский» к кресту Иисуса. Преданных распятию обычно привязывали или пригвождали к кресту. Искусство палача заключалось в том, чтобы не допустить слишком быстрой смерти осужденного от потери крови. Гвозди

обычно забивали не в ладони, а в предплечья и локти: в одной из гробниц на севере Иерусалима был найден скелет некоего распятого еврея, из локтевого сустава которого по-прежнему торчал железный гвоздь в 4,5 дюйма длиной. Гвозди, использовавшиеся при распятии, принято было носить потом на шее как амулеты. И иудеи, и язычники верили, что это предохраняет от болезней. Распинали осужденных, как правило, нагими: мужчин — лицом к зрителям, женщин — спиной.

Палачи были мастерами своего дела: они одинаково искусно умели как продлевать, так и прекращать агонию жертвы. В случае с Иисусом задача, видимо, заключалась в том, чтобы не дать ему умереть слишком быстро и в полной мере продемонстрировать зрителям тщетность попыток противостоять римскому могуществу. Вероятнее всего, Иисус был пригвожден к кресту с раскинутыми в сторону руками, как это и изображается в христианском искусстве. Тело поддерживал под ягодицами вбитый в крест небольшой деревянный клин (*sedile),* еще одна поперечная рейка (*suppedaneum)* служила опорой для ступней. Такое положение гарантировало, что осужденный будет мучиться много часов, а то и несколько дней. Смерть наступала гораздо быстрее, когда под ногами жертвы не было упора. В этом случае тело обвисало на руках, и жертва задыхалась от отека легких в течение десяти минут.

Шли часы; враги Иисуса глумились над ним, проходящие злословили. Мария Магдалина была у креста вместе с его матерью и неназванным «учеником, которого любил Иисус» (в другом месте Евангелия мы узнаем, что это был Иоанн). Иосиф Аримафейский также был тут. Дневная жара становилась невыносимой. «Пить», — попросил Иисус. Римские солдаты смочили губку в уксусе с иссопом и поднесли к его губам на длинном шесте. Иногда Иисус, казалось, впадал в отчаяние: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты меня оставил?» — воскликнул он, повторяя строки из 22 псалма. Но что же он имел в виду? Действительно ли он ожидал, что небеса разверзнутся и наступит конец света?

Чувствуя, что слабеет, он посмотрел на Марию. «Се, сын Твой!» — сказал он, указав на любимого ученика, и попросил его позаботиться о ней. К тому времени толпа, вероятно, начала расходиться. Надвигалась темнота.

Смерть на кресте была медленной смертью сразу от многих причин — от теплового удара, голода, удушья, болевого шока и жажды, а Иисус, вероятно, все еще истекал кровью после бичевания. Внезапно он испустил вздох, «сказал: совершилось! И, преклонив голову», потерял сознание. Учитывая напряженную

обстановку в Иерусалиме, приближение субботы и Пасхи, Пилат, по-видимому, приказал палачам ускорить смерть осужденных. Воины перебили голени у двух разбойников, чтобы те истекли кровью, но когда они подошли к Иисусу, им показалось, что он уже мертв. Тогда «один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода». Возможно, именно удар копьем и стал причиной смерти.

Иосиф из Аримафеи поспешил в Преторию, чтобы попросить у Пилата разрешения снять тело с креста и похоронить. Обычно тела распятых оставляли разлагаться на крестах, где они часто становились добычей стервятников. Однако, согласно иудейскому обычаю, хоронить следует по возможности в день смерти (к тому же наступала суббота, а в субботу хоронить нельзя). Пилат согласился.

В то время евреи не копали своим покойникам могилы, а заворачивали их в саван и клали в гробницы, заранее высеченные в скале. Через несколько дней родственники обязательно навещали гробницу, дабы удостовериться, что не ошиблись и не приняли кому за смерть: редко, но все же случалось, что «мертвец» пробуждался на следующий день после погребения. Затем тело оставляли на год, чтобы оно разложилось, после этого кости помещали в специальный сосуд — оссуарий, — который снова замуровывали в скале. На оссуарии часто писали имя покойного.

Иосиф Аримафейский с помощью родных и учеников Иисуса снял тело с креста. В саду поблизости была уже найдена свободная гробница. Прежде чем положить Иисуса во гроб, они умастили его тело дорогими благовониями и завернули в плащаницу, похожую на ту плащаницу I века н. э., которая была найдена в одной из гробниц к югу от городских стен, на Земле горшечника (но не похожую на плащаницу, получившую название Туринской и предположительно датирующуюся 1260–1390 годами). Похоже, существующий сегодня храм Гроба Господня, в пределах которого находится и место распятия, и место погребения Иисуса, действительно стоит на том месте, где происходили эти события, поскольку местные христиане хранили эту традицию в течение трех последующих столетий — до сооружения на этом месте первой церкви Воскресения.

Пилат выставил стражу у гроба Иисуса по просьбе Каиафы: «Прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых».

До этого момента история Страстей Христовых основывается на единственном нашем источнике — Евангелии, но никакой

особой веры не требуется, чтобы поверить в эту историю жизни и смерти одного из еврейских пророков и чудотворцев. Как бы там ни было, через три дня после распятия, воскресным утром, рассказывает Лука, несколько женщин — родственниц и последовательниц Иисуса (в том числе его мать и Иоанна — та самая жена царского мажордома) — пришли ко гробу, «но нашли камень отваленным от гроба. И войдя, не нашли тело Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе… сказали им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес». Испуганные ученики всю пасхальную неделю скрывались на Масличной горе, но Иисус несколько раз явился им и своей матери со словами: «Не бойтесь». Когда же апостол Фома усомнился в том, что Иисус в самом деле воскрес, Иисус показал ему раны у себя на руках и в боку. А через сорок дней Он вознесся на небеса с Масличной горы. Это воскресение, обратившее позорную смерть на кресте в преображающий триумф жизни над смертью, — ключевой догмат христианского вероучения, который празднуется в Пасхальное воскресенье.

Те же, кто этой веры не разделяет, не имеют возможности проверить достоверность всех этих событий. Матфей передает альтернативную версию событий, которая, по его словам, бытовала «между иудеями до сего дня»: первосвященники, прознав о том, что гроб найден пустым, немедленно дали денег стражам и велели им рассказывать всем, что «ученики Его, придя ночью, украли Его», пока стражники спали.

Археологи склонны верить, что родственники и друзья Иисуса просто перенесли его тело и похоронили в какой-нибудь другой скальной гробнице где-то в окрестностях Иерусалима. В некоторых таких гробницах были обнаружены оссуарии с надписями «Иаков, брат Иисуса» и даже «Иисус, сын Иосифа». Эти открытия в свое время были на первых полосах газет, и хотя некоторые находки впоследствии были признаны подделками, большинство их действительно относятся к I веку. Однако имена, написанные на них — типичные еврейские имена, никак не указывающие на какую-либо связь с Иисусом[73].

Иерусалим праздновал Пасху. Иуда инвестировал свои сребреники в недвижимость: купил на них участок под названием Земля горшечника, расположенный к югу от города, на противоположной стороне долины Енном (Геенны): «Приобрел землю неправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его»[74]. Когда апостолы вышли из укрытия и встретились на Пятидесятницу в Сионской горнице, «внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного

ветра» — это Святой Дух снизошел на них и научил их говорить на языках многих народов и исцелять именем Иисуса. Когда однажды Петр и Иоанн входили в Храм через Роскошные ворота для дневной молитвы, калека попросил у них подаяния. «Встань и иди», — сказали они ему. Он встал и пошел.

Апостолы избрали брата Господня Иакова «свидетелем Иисуса в Иерусалиме» — вождем последователей Христа, которых иудеи стали называть назареями. Число христиан, вероятно, очень быстро росло, судя по тому, что уже вскоре после смерти Иисуса «произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме». Один из грекоязычных последователей Иисуса по имени Стефан стал обличать храмовых священников, проповедуя, что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет». Стефан был отдан на суд Синедриона и насмерть забит камнями за городскими стенами (лишнее подтверждение того, что первосвященник на самом деле мог выносить смертные приговоры). Стефан стал первым христианским мучеником. И все же Иаков и его назареи оставались евреями, исполняющими иудейский Закон, но и хранящими верность Иисусу, и они проповедовали Христа и молились в Храме еще на протяжении 30 лет. Праведный Иаков широко почитался как иудейский святой. Иудаизм самого Иисуса был, очевидно, не более своеобразным, чем иудаизм всех других пророков, что являлись до и после него.

Судьба людей, осудивших Иисуса на смерть, не была счастливой. Карьере Пилата вскоре положил конец некий лжепророк из Самарии, взбудораживший толпы народа рассказами о том, что он нашел на горе Гризим священные сосуды, зарытые самим Моисеем. Пилат пустил против толпы конницу, и вооруженные всадники перебили множество народа. Прокуратор уже поставил Иерусалим на грань мятежа, а после бойни на горе Гризим самаряне тоже «не удержались от возмущения».

Римский наместник Сирии вынужден был восстанавливать порядок в Иерусалиме. Он отправил в отставку и Каиафу, и Пилата. Последний был отослан обратно в Рим. Это решение вызвало такую радость, что жители Иерусалима с ликованием приветствовали наместника. После этого Пилат исчезает из истории. Между тем императора Тиберия все больше и больше раздражал Ирод Антипа. Но это еще не был конец дома Ирода; напротив, перед династией замаячил шанс на блистательное возрождение, благодаря самому предприимчивому и авантюрному из еврейских принцев, которому удастся стать другом безумного императора Рима и вернуть себе власть над Иерусалимом.

12. Последние из дома Ирода
40–66 гг.

Ирод Агриппа: друг Калигулы

Юный Ирод Агриппа воспитывался в Риме в императорской семье, где очень сдружился со своим сверстником Друзом — сыном императора Тиберия. Этот обаятельный мот, внук Ирода Великого и Мариамны, дитя их казненного сына Аристобула наделал громадные долги, стремясь ни в чем не уступать императорскому сыну и окружавшим его кутилам, не стесненным в средствах.

Когда в 23 году еще молодой Друз внезапно умер, убитый горем император не мог больше видеть друзей своего сына, и Ирод Агриппа без гроша за душой отправился в Галилею ко двору Ирода Антипы, женатого на его сестре Иродиаде. Антипа поручил ему скучную работу в Тиберии, но скука была невыносима для Агриппы, и он сбежал в Идумею, на историческую родину их семейства, и там даже подумывал о самоубийстве. Но этому повесе и моту всегда улыбалась судьба.

Примерно в то же время, когда был распят Иисус, умер Филипп — тетрарх северных владений дома Ирода. Антипа попросил у императора позволения расширить свою вотчину. Но Тиберию всегда нравился Ирод Агриппа, и тот не преминул воспользоваться случаем, чтобы приехать в императорскую резиденцию на Капри: заявить свои права и оспорить дядины. Он нашел мрачного Тиберия на вилле Юпитера; его пресыщенность, по словам историка Светония, развлекали только мальчики, которых он именовал «своими пескарями» и которые были научены целовать его гениталии, когда он плавал в бассейне. Тиберий обрадовался появлению Агриппы, но разгневался из-за шлейфа долгов, который тянулся за молодым мотом по всему Средиземноморью. Однако Агриппа, прирожденный игрок, уговорил Антонию, подругу своей матери, одолжить ему денег и заступиться за него перед императором. Строгая и целомудренная Антония, дочь Марка Антония, пользовалась большим уважением Тиберия, который видел в ней идеал римской матроны. Он внял ее просьбам и простил повесу-иудея. Агриппа же потратил деньги Антонии не только на уплату своих долгов, но и на щедрый подарок еще одному растратившемуся моту — Гаю Калигуле, внучатому племяннику Тиберия, которого император назначил

своим наследником наряду с Гемеллом, сыном покойного Друза.

Император попросил Агриппу присматривать за юным Гемеллом. Но вместо этого ловкий Агриппа счел для себя более полезным завести тесную дружбу с Калигулой. Сын популярного полководца Германика, Калигула еще в детстве сопровождал отца в его германских походах в качестве своеобразного талисмана. Легионеры, обожавшие и Тиберия, и его сына, одетого в миниатюрные доспехи и маленькие солдатские сапоги-калиги, дали мальчику прозвище *Caligula* — «сапожок». Теперь, в 25 лет, это был лысеющий распутник, явно страдавший расстройством психики. Тем не менее народ по-прежнему любил его, и Калигула с нетерпением ждал, когда ему достанется трон империи. Калигула и Агриппа, бесконечно далекие от набожных единоверцев последнего в Иерусалиме, вели жизнь, состоящую из череды экстравагантных сумасбродств. Во время одной из прогулок по Капри друзья позволили себе пофантазировать о том, что будет, когда Тиберий умрет, забыв, что у возницы есть уши. И когда Агриппа однажды наказал возницу за воровство, тот в отместку донес на него императору. Агриппа был брошен в темницу и закован в цепи. Но благодаря заступничеству Калигулы ему было дозволено купаться, принимать друзей и лакомиться излюбленными яствами.

Когда же Тиберий в марте 37 года наконец умер, Калигула стал императором и тут же приказал убить Гемелла. Первым делом новый император освободил из темницы своего приятеля, подарил ему ножные кандалы из золота — в память о том времени, когда тот томился в настоящих оковах, — и присвоил Агриппе царский титул, отдав ему северные владения Ирода Великого — тетрархию покойного Филиппа. Так Ироду Агриппе в очередной раз улыбнулась судьба. Его сестра Иродиада и ее муж — «лисица» Антипа — пожаловали в Рим, чтобы оспорить решение Калигулы и предъявить собственные права на эти земли. Но Агриппа успел оговорить сестру и зятя, обвинив их в том, что они собираются поднять восстание. Калигула низложил Ирода Антипу, убийцу Иоанна Крестителя, и сослал его в Лугдунум (современный Лион), где тот позднее и умер в изгнании, а все его земли отдал Ироду Агриппе.

Впрочем, новый царь редко наведывался в свои владения, предпочитая оставаться при дворе Калигулы, которым, похоже, всецело завладела мания убийства, быстро превратившая его из любимца Рима в ненавистного тирана. Калигула, в отличие от своих предшественников, не мог похвастаться военными подвигами, поэтому он пытался укрепить свой престиж более эксцентричным способом — насаждая в империи собственный

культ. Он повелел поставить собственное изображение во всех городах и храмах империи — в том числе и в Святая Святых Иерусалимского Храма. Иерусалиму был брошен вызов; готовые поднять восстание, иудеи послали своих делегатов к Петронию, римскому наместнику Сирии, которые заявили ему, что «придется сначала принести в жертву весь еврейский народ», прежде чем совершить подобное святотатство. Между тем в Александрии вспыхнули этнические распри между греками и евреями. Обе стороны отправили свои посольства к Калигуле. Греки убеждали императора, что иудеи единственные из всех подвластных ему народов не желают поклоняться его статуям.

К счастью, царь Агриппа был в это время в Риме и еще теснее сблизился с Калигулой, который вел себя все более и более странно. Когда император предпринял поход в Галлию, иудейский царь сопровождал его. Но вместо того чтобы сражаться, Калигула объявил, что одержал победу над морем, и велел собирать морские раковины для своего триумфа.

Калигула повелел Петронию вторгнуться в Иудею и сломить сопротивление Иерусалима. Еврейские делегации во главе с представителями дома Ирода умоляли Петрония оставить их в покое. Наместник колебался, сознавая, что установить в Храме статую Калигулы без войны с иудеями не удастся, но не выполнить приказ императора — это верная смерть. И тут Ирод Агриппа, этот легкомысленный прожигатель жизни, неожиданно показал себя верным защитником иудеев, бесстрашно написав Калигуле одно из самых удивительных посланий от имени Иерусалима: «Я, как ты знаешь, по рождению еврей, родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего… С тех пор, мой господин Гай, как стоит этот Храм, он не знал ни единого рукотворного изображения, ибо там пребывает истинный Бог; творения же художников и ваятелей суть подражания зримым богам, а запечатлевать Бога незримого считалось нашими предками неблагочестивым делом. Марк Агриппа, твой дед, сам прибыл, чтобы почтить наш Храм, и Август почтил его… Если я стану перечислять благодеяния, которые ты мне оказал, не хватит дня… Так не лишай меня своей милости и теперь, самодержец… Одарив меня сверх всякой меры, не отнимай необходимого и не ввергай в самый глубокий мрак, прежде поднявши к сиянию и свету. Не нужен мне весь этот блеск, не вымаливаю я недавнего своего счастья, я все готов отдать, лишь бы законы предков остались нетронуты! Каков я буду в глазах своих соплеменников и вообще всех людей? Одно из двух: или я предал своих, или нет больше нашей дружбы. Какое из двух зол страшнее?»

Написать подобное послание Калигуле было крайне

рискованным делом. Но вмешательство царя спасло Иерусалим. На ближайшем пиру император поблагодарил Агриппу за помощь, которую тот оказывал ему до воцарения, и обещал выполнить любую его просьбу. Царь иудеев попросил Калигулу не воздвигать свою статую в Храме. Калигула согласился.

Ирод Агриппа и император Клавдий: убийство, слава и черви

В конце 37 года император заболел странной болезнью; физически он от нее исцелился, однако психика его расстраивалась все больше. Источники сообщают, что в течение следующих лет он вступил в преступную связь со своими тремя сестрами и при этом «отдавал их на потеху своим любимчикам», а собственного коня ввел в сенат и назначил консулом. Нелегко оценить достоверность свидетельств о подобных скандалах, но ясно, что чудовищные поступки императора явно ужасали и отвращали от него многих знатных римлян. Калигула женился на одной из своих сестер, но когда та забеременела, якобы вырезал младенца из ее чрева. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: «Такое красивое горлышко, а прикажи я — и его перережут!» Он любил повторять: «Если бы только у Рима была только одна шея!» и непредусмотрительно дразнил своих телохранителей, гвардейцев-преторианцев, назначая скабрезные пароли для смены караула — например, «Приап». Так больше продолжаться не могло.

В полдень 24 января 41 года Калигула в обществе Ирода Агриппы выходил из театра по крытому проходу, когда один из преторианских трибунов выхватил меч и прорычал: «Получи свое!» Удар меча рассек плечо императора. Тот упал, крича: «Я жив!» Тогда остальные заговорщики воскликнули: «Бей еще!» — и прикончили Калигулу. Его германцы-телохранители начали мародерствовать на улицах, преторианские стражи разграбили императорский дворец на Палатинском холме, убили жену Калигулы и разбили голову его дочери о стену. Сенат, воспользовавшись смутой, попытался восстановить республику и тем положить конец деспотизму императоров.

Ирод Агриппа завладел телом Калигулы, выиграв время тем, что распустил слух, будто император жив и только ранен, и привел отряд верных преторианцев ко дворцу. Они заметили какое-то движение за занавесями и нашли там хромого, заикавшегося ученого по имени Клавдий — это был дядя Калигулы и сын Антонии, друг семьи Агриппы. Преторианцы и Агриппа провозгласили его императором, и гвардейцы на щите

перенесли Клавдия в свой лагерь. Клавдий, сторонник республики, пытался отказаться от оказанной чести, но царь Иудеи посоветовал ему принять императорский венец и настоял, чтобы Сенат предложил этот венец Клавдию. Ни один еврей — ни до этого, ни после, ни даже в новое время — не имел такого могущества. Новый император Клавдий, показавший себя твердым и благоразумным правителем, вознаградил Агриппу, пожаловав ему Иерусалим и все царство Ирода Великого, а также титул консула. Даже брат Агриппы получил царство.

В свое время Ирод Агриппа покинул Иерусалим нищим авантюристом, но вернулся в город в короне царя Иудейского. Он совершил жертвоприношение в Храме и, как и подобало царю, читал Второзаконие пред собравшимся народом. Евреи были тронуты, когда он оплакал свое смешанное происхождение и посвятил Храму подаренные ему Калигулой золотые кандалы, символ удачи. Священный город, который Агриппа рассматривал не только как столицу Иудеи, но и как центр притяжения всех еврейских общин Европы и Азии, принял царя и покорился этому новому Ироду, который чеканил на своих монетах слова «Великий царь Агриппа, друг Цезаря». За пределами Иерусалима он вел образ жизни настоящего эллинистического царя, но когда пребывал в городе, становился истинным иудеем и каждый день совершал жертвоприношения в Храме. Он украсил и укрепил растущий Иерусалим, соорудив Третью стену, которая включила в круг городских укреплений новый пригород — Безету (ее северная часть была изучена археологами).

И все же Агриппе пришлось приложить много усилий, чтобы смягчить напряженность в Иерусалиме: за два года он сменил трех первосвященников и преследовал членов иудео-христианской общины. Так совпало, что в это же время Клавдий подверг репрессиям евреев-христиан в Риме — они были изгнаны за «подстрекательство к беспорядкам именем своего Хреста». «В то время, — говорится в Книге Деяний святых апостолов, — царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежавших к Церкви» и обезглавил апостола Иакова Зеведеева (тезку брата Иисуса). Он также арестовал апостола Петра, которого намеревался казнить после Пасхи. Петр каким-то образом уцелел. Христиане считают это чудом, но другие источники допускают, что царь попросту освободил его, возможно, желая угодить толпе.

Фактически возведя на престол двух императоров подряд, Агриппа, похоже, несколько возгордился: иначе как объяснить, что он созвал собрание местных царей в Тиберии, не спросив разрешения у Рима. Римляне встревожились и приказали царям разъехаться по своим землям. Клавдий запретил строительство

новых укреплений в Иерусалиме. Некоторое время спустя Агриппа в расшитых золотом одеждах, словно греческий обожествленный царь, вершил суд на форуме в Кесарии Приморской, когда вдруг ощутил сильные боли в животе. Согласно Книге Деяний святых апостолов, царь «был изъеден червями». Все время скоротечной болезни царя иудеи, облаченные в покаянное вретище, молились о его выздоровлении, но тщетно. На пятый день Агриппа, харизматический вождь, умевший расположить к себе и умеренных евреев, и иудейских фанатиков, и римлян, этот единственный человек, который мог бы спасти Иерусалим, умер.

Ирод Агриппа II: друг Нерона

Смерть царя спровоцировала беспорядки. Хотя его сыну и полному тезке Агриппе II было всего 17 лет, Клавдий желал отдать царство ему. Однако советники убедили императора, что юноша слишком молод, чтобы справиться со своим взрывоопасным владением. Тогда император восстановил прямое римское правление посредством прокураторов, пожаловав право назначать первосвященников и вести храмовые дела брату Агриппы I — Ироду Халкидскому. И следующие 25 лет Иерусалимом управлял противоречивый альянс, состоящий из римского прокуратора и царя из рода Ирода. Однако ни тот, ни другой не могли полностью погасить смуты, возникавшие из-за все новых пророчествующих шарлатанов, этнических конфликтов между греками, евреями и самарянами и все более углублявшейся пропасти между богатыми, проримски настроенными вельможами и бедными набожными иудеями.

Христианская община, членов которой иудеи называли назареями, во главе с апостолом Иаковом и так называемыми пресвитерами (старейшинами) продолжала существовать в Иерусалиме, и христиане продолжали молиться в Храме, как и остальные евреи. Но Иисус оказался далеко не последним в ряду проповедников, бросавших вызов римскому порядку: Иосиф Флавий описывает целую чреду сменявших друг друга лжепророков. Большинство из них были казнены римлянами.

Прокураторы оказались не в состоянии изменить положение дел. Подобно Пилату, они отвечали на активность лжепророков, истребляя их последователей, и одновременно выжимали все соки из провинции ради собственного обогащения. Однажды на Пасху в Иерусалиме какой-то римский солдат, задрав тунику, продемонстрировал евреям свою голую задницу. Начались

беспорядки. Прокуратор вывел в город легионеров, это вызвало панику, и в начавшейся давке тысячи горожан были затоптаны на узких улочках. Через несколько лет, при подавлении очередного конфликта между иудеями и самарянами, римляне распяли множество евреев.

Обе стороны призывали Рим рассудить их. Самаряне, возможно, и преуспели бы, но молодой Ирод Агриппа, получивший римское воспитание, сумел расположить к себе влиятельную жену Клавдия Агриппину: император не только поддержал иудеев, но и приказал казнить римского чиновника, повинного в расправе. Как и его отец в случае с Калигулой, Агриппа II добился расположения не только Клавдия, но и его наследника Нерона. Когда умер дядя Агриппы, Ирод Халкидский, племянник получил в управление его наследство — вассальное княжество Халкида на территории современной Сирии. Кроме того, Агриппе было возвращено право попечительства над Храмом и полномочия назначать первосвященников.

Тем временем в Риме дряхлый Клавдий был, как говорили, умерщвлен Агриппиной[75], возможно, с помощью блюда отравленных грибов. Новый император, юный Нерон, пожаловал Агриппе II новые земли в Галилее, Сирии и Ливане. В благодарность Агриппа переименовал свою столицу, Кесарию Филиппову (на современных Голанских высотах), в Неронию и увековечил дружбу с Нероном, приказав чеканить на своих монетах слова «Любящий Цезаря». Однако прокураторы, назначаемые Нероном, все глубже увязали в коррупции и злоупотреблениях. Едва ли не худшим из них был Антоний Феликс — продажный грек-вольноотпущенник, который, как писал историк Тацит, «пребывая правителем Иудеи, считал, что при столь могущественной поддержке может безнаказанно творить беззакония». Поскольку он был братом Палланта, секретаря Клавдия и (какое-то время) Нерона, евреи больше не имели возможности жаловаться в Рим.

Воплощением же развращенности самой иудейской элиты были сестры царя Агриппы. Друзилла, «отличавшаяся необыкновенною красотою», была замужем за Азизом — арабским царем Эмессы. Антоний Феликс воспылал к ней страстью и подговорил бросить мужа и выйти замуж за него. Несчастливая в браке и желавшая избавиться от бесконечного ехидства своей сестры Береники, Друзилла сбежала от Азиза. Сама Береника, бывшая царица Халкиды (она была замужем за собственным дядей), тоже бросила своего нового мужа, царя Киликии, и поселилась у родного брата; у римлян ходили слухи об их кровосмесительной связи.

Феликс продолжал «доить» Иудею ради собственной наживы, а тем временем в Иерусалиме появились разбойники совершенно нового рода — так называемые сикарии («кинжальщики», от латинского *sica* — «кинжал»). Они убивали знатных евреев среди бела дня прямо на улицах города. Первой их жертвой стал один бывший первосвященник. Римский наместник пытался сдержать волну преступности и этнических беспорядков, не забывая при этом о личном обогащении.

В условиях такой поистине апокалиптической смуты христианская община приобретала все новых и новых последователей — как из числа иерусалимских иудеев в Иерусалиме, так и из среды язычников в огромном римском мире. И настал час, когда самый энергичный из всех последователей Иисуса, более чем кто-либо другой способный на то, чтобы выковать новую мировую религию, задумался о будущем христианства.

Павел из Тарса: верховный апостол христианства

Иерусалим приходил в себя после очередной вспышки апокалиптической жестокости. Некий египетский еврей только что привел толпу народа на Масличную гору и возвестил, вторя Иисусу, что собирается обрушить стены Иерусалима и захватить город. Лжепророк и в самом деле пытался организовать штурм города, но на этот раз горожане объединились с римлянами, чтобы отбить самозванца и его последователей. Легионы Антония Феликса истребили большинство из них, но самому шарлатану удалось скрыться, и на него как раз шла охота, когда в город прибыл некий Савл. Он хорошо знал Иерусалим.

Отец Савла был фарисеем, достаточно процветающим человеком, достойным того, чтобы получить римское гражданство. Своего сына, родившегося примерно в то же время, что и Иисус, только не в Галилее, а в Киликии (на территории современной Турции), он отправил учиться в Иерусалимский Храм. После распятия Иисуса Савл поддерживал угрозы в адрес учеников Иисуса и даже их убийства. Более того, он стерег одежды тех, кто побивал камнями Стефана и «одобрял его убиение». Этот грекоязычный фарисей и римский гражданин зарабатывал на жизнь изготовлением палаток, а также исполнял поручения первосвященника до тех пор, пока где-то около 37 года по дороге в Дамаск не пережил свой личный «апокалипсис»: «Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» Так

воскресший Христос сделал его тринадцатым апостолом для проповеди Благой вести язычникам.

Иаков и другие иерусалимские христиане поначалу отнеслись к новообращенному с понятной осторожностью. Но Павел (так его теперь звали) воспринял свою новую миссию со всей ответственностью и присущей ему кипучей энергией: «Это необходимая обязанность моя, и горе мне, если я не благовествую!» Наконец Иаков признал Павла и принял его как нового члена общины. В следующие 15 лет этот неутомимый проповедник нового учения путешествовал по странам Востока, конструируя догматы собственной версии учения Иисуса — версии, которая недвусмысленно отвергала исключительность евреев. «Апостол язычников» свидетельствовал, что ради всех людей Бог, Отец Иисуса, «не знавшего греха… сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом». Основной акцент Павел делал на Воскресении, которое он воспринимал как связующее звено между человечеством и Богом. Иерусалим Павла — это Небесное Царство, а не земной город, где находится Храм; «Израиль» — это все последователи Иисуса, а не только еврейский народ. В каком-то смысле Павел кажется удивительно современным, поскольку, в противовес суровой этике древнего мира, он верил в любовь, равенство и общность всех людей: греки и евреи, женщины и мужчины — все они одно, и все могут достичь спасения, лишь веруя во Христа. Его Послания составляют весомую часть — примерно четверть — Нового Завета. Его размах были безграничен, ибо он горел желанием обратить в веру Иисуса все человечество.

У Иисуса изначально было совсем немного последователей из числа неевреев. Павел обратил множество язычников и так называемых «богобоязненных» — то есть тех из язычников, кто разделял догматы иудаизма, но не был согласен на обрезание.

Обращенные Павлом сирийцы из Антиохии первыми стали называться христианами. Около 50 года Павел вернулся в Иерусалим, чтобы убедить Иакова и Петра допустить христиан-неевреев в общину. Иаков согласился с его доводами, хотя впоследствии узнал, что Павел восстанавливал иудеев против Закона Моисеева.

Одинокий аскет, не имевший ни семьи, ни дома, Павел пережил во время своих странствий кораблекрушения, ограбления, избиения и попытки побить его камнями, но ничто не могло помешать ему идти к цели — превратить провинциального еврейского проповедника из Галилеи в Иисуса Христа, спасителя человечества, который должен вернуться на землю во Втором пришествии и открыть для людей Царство Небесное. Порой Павел

был настоящим добрым евреем, и, вероятно, он возвращался в Иерусалим не менее пяти раз, но иногда он смотрел на иудаизм как на врага. В самом раннем из дошедших до нас христианских текстов — Первом послании к фессалоникийцам (жителям города Салоники, грекам-язычникам, обращенным в христианство) — он возлагает на евреев вину за убийство Иисуса и древних пророков. Павел считал, что обрезание, знак завета евреев с Богом, обязательно для них, но совсем не подходит для язычников: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание — мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, а не на плоть надеющиеся». Он гневно обличал христиан-неевреев, желающих обрезаться.

В этом Иаков и пресвитеры иерусалимской общины не были согласны с Павлом. Но пусть они видели и знали Христа лично, Павел все же настаивал: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос». Он утверждал: «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем». В 58 году Павел снова прибыл в Иерусалим, чтобы проповедовать среди иудеев.

Смерть Праведного Иакова: династия Иисуса

Павел в сопровождении Иакова пришел в Храм, чтобы, как настоящий еврей, совершить очищение и помолиться, однако его опознали какие-то иудеи, видевшие, как он проповедует во время своих путешествий. Римскому центуриону, который отвечал за порядок в Храме, пришлось спасать Павла от толпы линчевателей, жаждавших растерзать его. Когда же Павел вновь начал проповедовать, римляне решили, что он тот самый беглый лжепророк, египетский еврей, ускользнувший в свое время от Антония Феликса. Павла заковали в цепи и отвели в крепость Антония, чтобы там подвергнуть бичеванию. «Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?» — спросил Павел. Центурион был совершенно ошарашен, узнав, что этот проповедник с безумным взором — гражданин Рима, имеющий право апеллировать к суду самого императора. Римляне разрешили первосвященнику и Синедриону допросить Павла на глазах у разъяренной толпы. Его ответы были сочтены столь оскорбительными, что Павла снова чуть было не разорвали на куски. Центурион охладил страсти, отправив Павла в Кесарию Приморскую.

Действия Павла, возможно, сильно повредили иудео-христианской общине Иерусалима. В 62 году первосвященник Анания, сын того самого Анны, что судил Иисуса, заключил под

стражу Иакова, подверг его допросу в Синедрионе, и в результате Иаков был сброшен с «крыла Храма» — вероятно, с того самого юго-восточного угла Храмовой горы, где его брата в свое время искушал Дьявол. После этого Иакова забили камнями, причем он продолжал молиться до тех пор, пока какой-то суконщик своим вальком не нанес ему последний, смертельный удар[76]. Иосиф Флавий, живший тогда в Иерусалиме, называет Ананию «дикарем» и свидетельствует, что большинство иудеев были совершенно потрясены этой расправой: брат Иисуса был чрезвычайно уважаемым человеком. Царь Агриппа II немедленно лишил Ананию сана. У христиан же начало складываться нечто вроде династии: Иакову в качестве главы общины наследовал его двоюродный (или единокровный) брат Симон.

Между тем Павла в оковах доставили в Кесарию; прокуратор Антоний Феликс принял его в присутствии своей жены Иродиады (которая прежде звалась царицей Друзиллой) и предложил освободить за взятку. Павел отказался. Но прокуратора одолевали и гораздо более серьезные заботы: между иудеями и сирийцами опять разгорелся конфликт. Антоний Феликс снова истребил множество иудеев, за что был отозван в Рим[77], куда и отбыл, оставив Павла в темнице. Когда был назначен новый прокуратор, Агриппа II и его сестра (и, возможно, любовница) Береника, бывшая царица Халкиды и Киликии, прибыли в Кесарию приветствовать его. Новый римский чиновник передал дело Павла царю — как Пилат в свое время послал Иисуса к Антипе.

Павел изложил христианскую Благую весть царской чете, возлежавшей перед ним на ложе «с великой пышностью». Он дальновидно адаптировал проповедь для царя, известного своими умеренными взглядами: «Ты знаешь все обычаи и спорные мнения иудеев… Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь».

«Ты чуть не убедил меня сделаться христианином, — произнес царь и дал прокуратору такое заключение: — Можно было бы освободить этого человека, если бы он не требовал суда у цезаря». Но Павел требовал этого суда — следовательно, его надлежало отправить в Рим.

Иосиф: накануне восстания

Павел был не единственным иудеем, ожидающим судебного решения от Нерона. Антоний Феликс отправил на суд к императору нескольких чем-то провинившихся священников из Храма. Их друг, 26-летний Иосиф, сын Маттафии, решил отплыть в Рим и заступиться за своих товарищей. В разное время Иосиф

был и командиром мятежников, и сторонником иродиан, и императорским придворным, но в истории остался как главный летописец. Его звали Иосиф Флавий.

Иосиф родился в семье священника из рода Маккавеев. Он вырос в Иерусалиме, владел землей в Иудее, и его уважали за ученость и мудрость. Подростком он присматривался к трем главным иудейским сектам и даже провел три года отшельником в пустыне, но затем вернулся в Иерусалим.

Приехав в Рим, Иосиф познакомился с одним актером-евреем, который пользовался благоволением императора — человека порочного, но страстно любившего театр. Нерон к тому времени уже избавился от жены и был в связи с Поппеей — замужней красавицей с огненно-рыжими волосами и аристократически бледной кожей. Став императрицей, Поппея подговорила Нерона убить его мать — властолюбивую и опасную Агриппину. Но при этом Поппея была также и одной из «богобоязненных». При содействии друга-актера Иосиф смог получить аудиенцию у императрицы, и та помогла ему освободить его друзей-священников. Итак, миссия Иосифа увенчалась успехом, но когда он с друзьями вернулся в Иудею, то нашел Иерусалим полным «надежд на восстание против римлян». Впрочем, восстание не было неизбежным: знакомство Иосифа с Поппеей показывало, что каналы связи между Римом и Иерусалимом были все еще открыты. Ежегодно город наводняли толпы паломников, и это не доставляло римлянам особого беспокойства, хотя в крепости Антония была расквартирована всего одна римская когорта (от 600 до 1200 солдат). Богатый храмовый город пребывал «в состоянии мира и процветания», управляемый иудейским первосвященником, которого назначал царь Иудеи. Как раз в это самое время строительство Храма было наконец завершено, и 18 тысяч строителей остались без работы. Чтобы они не шатались праздно по городу, царь Агриппа поручил им прокладку и мощение новых улиц[78].

В любое другое время более внимательный император и более справедливый прокуратор смогли бы восстановить порядок во взаимоотношениях иудейских кланов и фракций. Пока империей управляли энергичные греческие вольноотпущенники Нерона, его подданные были готовы терпеть притязания императора на актерскую славу, его выступления в качестве артиста и атлета и даже его кровавые расправы. Но как только экономика империи пошатнулась, управленческая бездарность Нерона тут же отозвалась в Иудее. «Не было того злодейства», которое бы не совершали прокураторы. Они занимались рэкетом, вымогая деньги за покровительство и защиту, а их солдаты

соревновались в бесчинствах с сикариями, терроризировавшими город.

Неудивительно, что очередной «пророк», которого волею судьбы также звали Иисус, громко восклицал в Храме: «Горе Иерусалиму!» Признанный безумным, он был подвернут бичеванию, но не казнен. И все же Иосиф Флавий свидетельствует, что антиримские настроения среди иудеев были незначительны.

В 64 году в Риме произошел страшный пожар. Нерон, скорее всего, сам руководил тушением и открыл свои сады для тех, кто остался без крова. Но сторонники конспирологических версий шептали, будто император самолично поджег город, чтобы освободить место для постройки еще более обширного дворца, и не стал тушить пожар, предпочтя вместо этого декламировать свои стихи, аккомпанируя себе на цитре. В конце концов Нерон обвинил в поджоге быстро разраставшуюся полуеврейскую секту, неких христиан, и многие из них были по его повелению сожжены заживо, отданы на растерзание диким зверям или распяты. Среди жертв этого гонения оказались и двое узников, доставленных некоторое время назад из Иерусалима: Петр, согласно преданию, был распят вниз головой, а Павел обезглавлен. Этот антихристианский погром обеспечил Нерону место в «Откровении Иоанна Богослова» — последней из канонических книг Нового Завета: под сатанинскими «зверями» в нем подразумеваются римские императоры-язычники, а «число зверя» (666), согласно правилам гематрии, может заключать в себе слова «Нерон Кесарь»[79].

Жестокие муки, на которые он обрек христиан, не спасли Нерона. Он ударил ногой в живот свою беременную жену, императрицу Поппею, и та умерла. Пока император расправлялся со своими врагами, реальными и мнимыми, и продолжал актерствовать, его очередной прокуратор Иудеи Гессий Флор «хвастливо выставлял свои преступления всему народу напоказ». Катастрофа началась с Кесарии: сирийские греки принесли в жертву петуха чуть ли не у дверей синагоги. Иудеи выразили протест. Флор, подкупленный язычниками, «ринулся в Иерусалим с конницей и пехотой» и потребовал выдать ему из храмовой казны «налог» в размере 17 талантов. Когда весной 66 года он появился на ступенях Претории, горячие иудейские юноши забросали его собранными заранее мелкими монетами. Оскорбленный Флор приказал своим греческим и сирийским наемникам усмирить толпу и потребовал, чтобы храмовые сановники выдали ему смутьянов, однако те отказались. Алчность и жажда крови помутила головы легионеров: они «врывались во

все дома и убивали жильцов». Многих брали под стражу и тащили к Флору. Тот «велел их прежде бичевать, а затем распять», причем среди наказанных и казненных оказались и знатные иудеи, имевшие римское гражданство. Это было последней каплей: даже храмовая аристократия не могла отныне полагаться на защиту Рима. Жестокость наемников Флора спровоцировала сопротивление иудеев. Его всадники носились по улицам в «безумной ярости» и даже попытались напасть на Беренику, сестру царя Агриппы. «Они не только мучили и убивали пленных на ее глазах, но и ее самое лишили бы жизни», однако стража царицы успела увести ее во дворец Маккавеев. Однако Береника решила спасти Иерусалим.

13. Иудейские войны: гибель иерусалима *66–70 гг.*

Береника, босая царица: восстание

Береника босиком дошла до Претории — тем же самым путем, каким, вероятно, тридцатью годами ранее вели Иисуса от Ирода Антипы обратно к Пилату. Красавица, дочь и сестра царей и сама дважды царица, она в эти дни прибыла в Иерусалим как паломница, во исполнение обета: в благодарность Господу за исцеление от болезни, она, по иудейскому обычаю, должна была на 30 дней «посвятить себя благочестию, воздержаться от вина и снять волосы с головы» (удивительный шаг для этой романизированной светской дамы). Теперь она бросилась к Гессию Флору и молила его прекратить резню, но прокуратор думал только о мести и добыче. Пока римские подкрепления подходили к Иерусалиму, иудеи разделились на тех, кто хотел мирно уладить конфликт с римлянами, и радикалов, готовившихся к войне, возможно, в надежде добиться определенной независимости под верховной властью Рима.

Священники Храма вынесли священные сосуды и в разорванных одеждах, посыпая головы пеплом, пытались обуздать молодых мятежников, заклиная их «не подвергать опасности родной город». Мирная процессия евреев вышла из города навстречу римским когортам, но всадники по приказу Флора направили коней прямо в толпу и разметали ее. Иудеи бросились назад к воротам; в панической давке многие были затоптаны и искалечены. Флор двинулся к Храмовой горе, рассчитывая занять господствующую над ней крепость Антония. В ответ иудеи обрушили на римлян шквал копий с крыш домов, сами захватили Антонию и разрушили мосты, ведущие к Храму, превратив его в еще одну крепость.

Едва Флор отступил, как в город прибыл из Александрии Ирод Агриппа. Царь созвал собрание горожан в Верхнем городе, на площади перед своим дворцом. Беренике, укрывшейся в безопасном месте, были хорошо слышны слова, с которыми царь обратился к иудеям, убеждая их не начинать войну против римлян: «Разве не нелепо воевать с такой великой державой! Раз война начата, то без несчастий нелегко будет ни прекратить, ни продолжать ее. Мощь римлян на всей обитаемой земле непобедима. Имейте сожаление если не к своим женам и детям,

то, по крайней мере, к этой столице и святым местам! Пожалейте эти досточтимые места, сохраните себе Храм с его святынями!» На этих словах Агриппа и его сестра заплакали на глазах у народа.

Горожане кричали в ответ, что они вовсе не желают бороться со всеми римлянами, а лишь с притеснителем Флором. Агриппа убедил их заплатить прокуратору дань. Люди согласились, и царь повел их к Храму, чтобы организовать сбор денег. Но на Храмовой горе Агриппа принялся настаивать, чтобы иудеи повиновались Флору до тех пор, пока не прибудет новый прокуратор, тем самым снова ожесточив народ.

Священники, включая Иосифа Флавия, собрались в Храме и начали спорить, стоит ли прекратить ежедневные жертвоприношения в честь римского императора, свидетельствовавшие о лояльности иудеев Риму. В результате было принято решение, которое можно было считать прямым объявлением мятежа: решили «не принимать больше никаких даров и жертв от нееврeев. Это распоряжение и было собственно началом войны с римлянами, потому что в нем заключалось отвержение жертвы за императора и римлян», — записал Иосиф, сам голосовавший за восстание. Мятежники заняли Храм, а более умеренные представители знати и священников вместе с миролюбивой частью населения укрепились в Верхнем городе. Между обоими лагерями началась перестрелка: «…с обеих сторон пустили в ход камни и метательные снаряды».

Агриппа и Береника покинули Иерусалим. Царь прислал в поддержку умеренным горожанам три тысячи всадников, но перевес пока был на стороне радикалов. Зелоты, популярная иудейская фракция, группировавшаяся вокруг Храма, и сикарии, «разбойники с кинжалами под платьем», повели наступление на Верхний город и выбили оттуда войска царя Агриппы. Они сожгли дворцы первосвященника и Маккавеев, а также архивы, где хранились долговые расписки. На какой-то момент их предводитель — варварски жестокий военачальник Манаим — даже воцарился в Иерусалиме. Но затем священники убили его, а сикарии ушли из города в крепость Масада на Мертвом море и уже не играли роли в судьбе Иерусалима вплоть до падения города.

Священники вернули себе номинальный контроль, но с этой поры иерусалимские фракции и их вожди, зачастую провинциальные оппортунисты и местные авантюристы либо религиозные фанатики, развязали между собой дикую, беспощадную и хаотическую гражданскую войну. Даже Иосиф, наш единственный источник, не смог нарисовать четкую картину

того, что представляли собой все эти группировки и каковы были их идейные концепции. Но он указывает на связь религиозного антиримского восстания с мятежами галилеян после смерти Ирода Великого: по свидетельству Иосифа, приверженцев секты, родоначальником которой был галилеянин Иуда, отличала «ничем не сдерживаемая любовь к свободе», так как «единственным руководителем и владыкою своим они считали Господа Бога». Их идеи стали очень популярны среди народа «при Гессии Флоре, который… довел иудеев злоупотреблением своей властью до восстания против римлян» и до гражданской войны. Последующие несколько лет, пишет Иосиф, иудеи боролись против иудеев «в не прекращавшейся бойне».

Священникам вновь принадлежала номинальная власть над городом, однако с этого момента враждебные группировки в Иерусалиме и их главари, иногда беспринципные авантюристы из провинции или религиозные фанатики, повели дикую и хаотическую еврейскую гражданскую войну. Даже Иосиф, наш единственный источник, затрудняется объяснить, кто сформировал эти группировки и к чему они стремились. Но он прослеживает нить религиозного антиримского фанатизма до галилейских восстаний после смерти Ирода Великого. Так или иначе, пишет Иосиф, в течение нескольких следующих лет «еврей убивал еврея в непрерывной резне».

Римский гарнизон из 600 человек, все еще удерживавший цитадель Ирода Великого, согласился сложить оружие с условием, что солдатам дадут свободно выйти из города. Евреи согласились, но когда римляне вышли из крепости, мятежники учинили жестокую расправу над сирийцами и греками, которые прежде убили множество их мирных сограждан. Царь Агриппа оставил свои попытки быть посредником и всецело взял сторону Рима. В ноябре 66 года римский наместник Сирии при поддержке Ирода Агриппы и союзных вассальных царей вышел из Антиохии и начал пробивать себе путь к Иерусалиму. Однако затем он неожиданно отступил (возможно, получив взятку), и в ходе этого отступления под натиском иудеев погибли более пяти тысяч римских солдат и был потерян орел легиона.

Жребий был брошен. Римская гордость требовала мщения. Повстанцы избрали бывшего первосвященника Ананию (Анана) главой независимого народа Израиля. Он начал укреплять стены города, и грохот стройки отзывался звоном молота в кузнях Иерусалима, где ковались доспехи и оружие. Анания назначил военачальников; в их числе был и Иосиф — будущий историк, который как раз тогда покинул Иерусалим, получив назначение в Галилею, где ему предстояло сразиться с полевым командиром

Иоанном из Гисхалы, самым коварным и кровожадным из всех, кто боролся с римлянами.

Новые иудейские монеты прославляли «Свободу Сиона» и «Святой Иерусалим». Но эта свобода, казалось, была желанна совсем не для всех: город томился в ожидании неизбежной гибели. Нерон пребывал в Греции, пел песни и участвовал в состязаниях на колесницах во время Олимпийских игр (он победил, несмотря на то, что свалился с колесницы). Там он и услышал, что Израиль взбунтовался.

Пророчество иосифа: погонщик мулов — император

Нерон опасался победоносных военачальников, поэтому назначил командующим в своей Иудейской войне «поседевшего в сражениях» ветерана из своего ближайшего окружения. Титу Флавию Веспасиану было уже под 60, и он частенько раздражал императора тем, что засыпал во время его театральных представлений. Но Веспасиан прославил себя завоеванием Британии, а его прозвище «Погонщик мулов» недвусмысленно намекало на его надежность, упорство, а также на круглое состояние, которое он сколотил, поставляя мулов для армии.

Отправив своего сына Тита в Александрию для набора подкрепления, Веспасиан собрал армию численностью в 60 тысяч человек: четыре легиона плюс сирийские пращники, арабские лучники и кавалерия царя Ирода Агриппы. С этим войском он двинулся по побережью в сторону Птолемаиды (современный Акко). В начале 67 года римляне приступили к методичному покорению Галилеи, которую с фанатичным упорством оборонял Иосиф и его галилеяне. В конце концов Веспасиан осадил Иосифа в крепости Иотапата. 29 июля того же года легионеры Тита преодолели полуразрушенные городские стены и взяли город. Евреи сражались не на жизнь, а на смерть, и многие покончили с собой, не желая попасть в плен.

Иосиф с отрядом уцелевших соратников укрылся в какой-то пещере. Когда римляне окружили беглецов, они также решили умереть и стали тянуть жребий, чтобы определить, кто кого и в какой последовательности должен убить. Последний должен был заколоться сам. «По счастливой ли случайности, а может быть, по Божественному предопределению» (или с помощью некоторой уловки) Иосиф оказался последним, но не закололся, а вышел живым из пещеры. Веспасиан решил отправить его в качестве живого трофея Нерону, и перед Иосифом замаячила перспектива какой-нибудь ужасной казни. Тогда он попросил полководца

выслушать его. Стоя перед Веспасианом и Титом, он сказал: «Веспасиан! Я пришел к тебе как провозвестник важнейших событий. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго еще его преемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царем и властителем, — ты и вот этот, твой сын!» Непреклонный Веспасиан был польщен; он оставил Иосифа под стражей, но послал ему подарки. Тит, почти ровесник Иосифа, подружился с ним.

В то время как Веспасиан с Титом приближались к Иудее, соперник Иосифа, Иоанн из Гисхалы, бежал в Иерусалим — город, «лишенный тогда верховного, объединяющего руководителя» и погруженный в безумную самоубийственную резню.

Иерусалим — дом непотребств: тираны Иоанн и Симон

Ворота Иерусалима по-прежнему были открыты для любого еврейского паломника, и религиозные фанатики, закаленные в боях головорезы и тысячи беженцев наводнили город, где мятежники находили выход своей неуемной энергии в междоусобных стычках, разнузданных оргиях и жестокой охоте на тех, кого считали изменниками.

Теперь молодые и дерзкие разбойники бросили вызов власти священников. Они захватили Храм, свергли первосвященника и по жребию избрали нового — случайного человека, «какого-то деревенщину». Свергнутый Анания собрал горожан и повел их на штурм Храма, но не осмелился вторгнуться во внутренние дворы и в Святая Святых. Иоанн из Гисхалы и его галилеяне увидели возможность завладеть всем городом. Иоанн призвал на помощь идумеян, этот «буйный, необузданный народ… который идет на войну, словно на торжество». Идумеяне ворвались в город, атаковали Храм, залив его кровью, а затем учинили резню на улицах, убив 12 тысяч человек. Они умертвили и Ананию, а с его священников сорвали одежды и топтали их нагие тела, а затем сбросили их со стены на съедение собакам и диким зверям. «Смерть Анана, — считает Иосиф, — была уже началом падения города». В конце концов, нагруженные награбленной добычей и утолившие жажду крови, идумеяне покинули Иерусалим, чьим правителем теперь стал Иоанн из Гисхалы.

Несмотря на приближение римлян, Иоанн дал полную волю своим галилеянам и зелотам, предоставив им «делать все, что заблагорассудится». Святой Храм стал домом непотребств; однако скоро многие сторонники Иоанна потеряли веру в него —

разочарованные, они перешли на сторону быстро набиравшего влияние в окрестностях города молодого военачальника Симона (Шимона), сына Гиоры, который «всемогущему в Иерусалиме Иоанну уступал хотя в хитрости, но превосходил его телесной силой и безумной отвагой». По мнению Иосифа Флавия, «Симон для народа страшнее римлян».

Итак, горожане, надеясь избавиться от одного тирана, призвали другого, и Шимон бен Гиора вскоре захватил почти весь город. Однако Иоанн все еще удерживал Храм. Но теперь уже и зелоты восстали против него, заняв внутренние части Храма. Таким образом, пишет Тацит, теперь «было три полководца, каждый со своей армией», боровшиеся друг с другом за город, притом что римляне подходили все ближе. Лишь когда соседний Иерихон сдался Веспасиану, все три иудейские группировки прекратили междоусобную борьбу и принялись спешно готовиться к обороне Иерусалима, копая рвы и укрепляя Третью стену, построенную Иродом Агриппой I на севере города. Веспасиан же готовился к осаде Иерусалима. Но затем внезапно переменил решение.

Рим в эти дни остался без верховной власти. Девятого июня 68 года Нерон, преследуемый заговорщиками, покончил с собой со словами: «Какой великий актер погибает!» На римском престоле один за другим сменили друг друга три императора, а в провинциях объявились целых три Лженерона, словно одного настоящего не было достаточно. В конце концов легионы, стоявшие в Иудее и Египте, провозгласили императором Веспасиана. «Погонщик мулов», вспомнивший пророчество Иосифа, освободил его из оков, пожаловал ему римское гражданство и сделал своим советником — и счастливым талисманом, — готовясь сначала завоевать Иудею, а затем и весь мир. Береника заложила свои драгоценности, чтобы снабдить Веспасиана деньгами, которые понадобятся ему для борьбы за трон в Риме; «Погонщик мулов» был ей признателен. Новый император направился в Рим через Александрию, а его сын Тит во главе 60 тысяч солдат двинулся на Священный город, отлично сознавая, что судьбу их с отцом династии определит судьба Иерусалима.

Часть вторая. Язычество

Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.

Плач Иеремии, 1–2:1

Когда Иерусалим был независим, а иудеи — мирными, то совершение ими своих религиозных обрядов все же было несовместимо с блистательностью нашей державы, с достоинством нашего имени, с заветами наших предков…

Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка

Лучше жить в земле Израиля среди идолопоклонников, чем среди евреев вне земли Израиля. Каждый, кто похоронен в земле Израиля, как будто похоронен под жертвенником Иерусалимского Храма, а каждый, кто похоронен под жертвенником, как будто лежит под престолом Славы Всевышнего.

Иехуда ха-Наси. Талмуд

Десять мер красоты было отпущено миру: девять из них достались Иерусалиму, и лишь одна — остальному свету.

Мидраш Танхума, Кедошим 10

За свободу Иерусалима.

Надпись на монетах Шимона бар-Кохбы

Они [иудеи] отмечали дни, называемые днями Сатурна, и, совершенно не работая в это время, дали римлянам возможность разрушить стену. Римляне, поняв это их суеверное благоволение, не предпринимали никаких серьезных действий в остальное время, но когда наступали такие дни — атаковали особенно решительно. Так, защитники были захвачены в день Сатурна, не оказав никакого сопротивления, и все богатства были разграблены.

Дион Кассий. Римская история

14. Элия Капитолина
70–312 гг.

Триумф Тита: Иерусалим в Риме

По прошествии нескольких недель, когда город был разрушен и Тит завершил свой кровавый спектакль, он еще раз проехал по Иерусалиму, сравнивая его горестные руины с былой славой Святого города. А затем, взяв с собой пленных еврейских вождей, свою царственную возлюбленную Беренику, фаворита-перебежчика Иосифа Флавия и сокровища Храма, он отплыл в Рим: праздновать завоевание Иерусалима. В Вечном городе Веспасиан и Тит, вышедшие в пурпурных одеждах и лавровых венках из храма Исиды, были встречены приветственными возгласами сенаторов и заняли свои места на Форуме, чтобы насладиться зрелищем одного из самых грандиозных триумфов в истории Рима.

Пышное шествие, участники которого несли статуи богов и позолоченные платформы, где в три, а то и в четыре яруса были навалены сокровища, «одновременно восхищало и поражало» зрителей, сухо замечает Иосиф Флавий, «поскольку зрелище это представляло некогда счастливейшую страну, ныне полностью опустошенную». Множество «живых картин» изображали отдельные эпизоды войны: как идут в атаку легионеры, как гибнут иудеи и как рушится, объятый языками пламени, величественный Храм. На золотых колесницах ехали военачальники, командовавшие осадой того или иного иудейского города. Но особое внимание Иосифа привлекли сокровища Храма, изъятые из Святая Святых: золотой стол предложений, золотой семисвечник и свитки Торы. Это зрелище причинило Иосифу нестерпимую боль. Главного мятежника, Шимона бен Гиору, вели с накинутой на шею веревкой.

Подле храма Юпитера триумфальная процессия остановилась; здесь были казнены Шимон и другие вожди повстанцев. Толпа ликовала, были совершены жертвоприношения. Так погиб Иерусалим, размышляет Иосиф: «Ни древность города, ни неимоверное богатство его, ни распространенная по всей земле известность народа, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения не могли отвести его падения».

Триумф был увековечен сооружением арки Тита, которая до сих пор стоит в Риме[80]. Иудейские сокровища были потрачены

на строительство Колизея и храма Мира, в котором Веспасиан выставил все награбленные иерусалимские реликвии, за исключением свитков Закона и пурпурных занавесей из Святая Святых — им отвели место в императорском дворце. Триумф Тита и перестройка центра Вечного города ознаменовали не только приход к власти новой династии, но новое освящение самой империи и победу над иудаизмом.

Пошлина, которую каждый еврей был обязан платить Храму, теперь была заменена специальным «иудейским налогом» (*Fiscus Judaicus*), который все иудеи империи должны были платить Риму. Эти деньги предназначались на перестройку храма Юпитера Капитолийского, что еще больше подчеркивало унижение[81]. И все же большинство евреев, уцелевших в Иудее и Галилее, а также многочисленные общины Средиземноморья и Вавилонии жили, как и прежде: смирившись под властью римлян или парфян.

Впрочем, Иудейская война еще не совсем закончилась. Защитники крепости Масада во главе с Елеазаром Галилеянином держались целых три года после падения Иерусалима, пока римляне наконец не возвели огромную насыпь для штурма неприступной горной цитадели. В апреле 73 года Елеазар обратился к своим воинам и их семьям, рисуя страшную картину будущего, ожидающего их в случае плена: «Куда исчез этот город, который Бог, казалось, избрал Своим жилищем? До самого основания и с корнем он уничтожен!» Не лучше ли умереть, чем повторить его участь? — убеждал своих людей Елеазар. «Уже давно, храбрые мужи, мы приняли решение не подчиняться ни римлянам, ни кому-либо другому, кроме только Бога… Мы первые восстали против них и воюем последними. Я смотрю на это, как на милость Божию, что Он даровал нам возможность умереть прекрасной смертью и независимыми людьми… Мы же знаем наверное — завтра мы в руках врагов; но мы свободны выбрать славную смерть вместе со всеми, которые нам дороги… Пусть наши жены умрут не опозоренными, а наши дети — не изведавшими рабства».

И, «обнимая с любовью своих жен, лаская своих детей и со слезами запечатлевая на их устах последние поцелуи», мужчины стали убивать своих жен и детей. По жребию были выбраны десять последних воинов, которым предстояло заколоть оставшихся товарищей. Так умерли 960 человек.

Самоубийство защитников Масады только укрепило большинство римлян во мнении, что иудеи — безумные религиозные экстремисты. Тацит, писавший свою «Историю» 30 лет спустя, выражал общее мнение, называя иудеев «страшными и

склонными к мятежу» фанатиками со странными суевериями, под которыми он подразумевал единобожие и обрезание. Они, говорил Тацит, «презирают смерть» и римских богов и «сильны своей глубокой древностью». Иосиф же Флавий, узнав подробности трагедии в Масаде от горстки уцелевших воинов, которым удалось спрятаться во время массового самоубийства, не смог скрыть восхищения мужеством сородичей.

Береника: иудейская Клеопатра

Иосиф жил в старом дом Веспасиана в Риме. Тит подарил ему несколько свитков, захваченных в Храме, назначил пенсию, даровал землю в Иудее и заказал книгу о своих подвигах — «Иудейскую войну». Веспасиан и Тит были не единственными источниками информации для писателя. «Когда ты приедешь ко мне, — писал Иосифу царь Ирод Агриппа, его „дорогой друг“, — я многое поведаю тебе». Однако Иосиф сознавал, что его «привилегированное положение вызывает зависть и несет опасность». Под императорским покровительством, в котором он так нуждался, Иосиф Флавий оставался и в правление Домициана, который «заботливо» казнил некоторых врагов. И все же Иосиф, хоть и наслаждался благоволением династии Флавиев, даже на склоне лет — а умер он около 100 года — продолжал надеяться, что Храм будет отстроен, и гордился своим народом и его вкладом в историю цивилизации: «Мы-то по большей части и стали для всех прочих народов наставниками во всяком добре и благе. Ибо что может быть прекраснее безупречного благочестия? Что более справедливо, чем само повиновение законам?»

Иродиадская принцесса Береника осталась в Риме у Тита, но она сильно раздражала римлян своими роскошными драгоценностями, царственным высокомерием и слухами о ее кровосмесительной связи с родным братом. «Береника поселилась в царском дворце и жила совместно с Титом. Она надеялась укрепить этот брак и вела себя уже как его супруга». В Риме поговаривали, что подлинная причина казни военачальника Авла Цецины — не участие в заговоре, а проявленный им интерес к прекрасной еврейке. Тит любил Беренику, но римляне сравнивали ее с Клеопатрой, роковой женщиной Марка Антония, и не в ее пользу — ведь евреи теперь были побеждены и откровенно презираемы. Тит вынужден был удалить от себя возлюбленную. Когда в 79 году он наследовал умершему Веспасиану, Береника, которой исполнилось уже 50, вернулась в Рим. Но со стороны римлян последовал такой гневный протест,

что Тит, сознавая всю шаткость положения династии Флавиев, поспешил снова отделаться от нее. Скорее всего, Береника воссоединилась с братом, фактически последним из Иродиадов[82].

Правление Тита оказалось недолгим. Через два года он умер, горько стеная, «что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме, разве что, одного поступка». Какой поступок имел в виду Тит? Разрушение Иерусалима? Евреи видели в безвременной кончине Тита Божью кару. Однако еще целых 40 лет разоренный Иерусалим терпел ярмо иноверцев, пока наконец ярость Иудеи не выплеснулась в последнем и самоубийственном приступе неистового гнева.

Конец братьев господних: одно забытое распятие

В Иерусалиме был расквартирован Десятый легион. Его казармы находились в нынешнем Армянском квартале, вокруг трех башен цитадели Ирода (основание одной из них, башни Гиппик, сохранилось до наших дней). И поныне археологи и историки находят в разных частях города римскую черепицу и кирпичи, украшенные антииудейским клеймом — изображением вепря. Иерусалим не полностью лишился жителей, но населяли его теперь преимущественно сирийцы и греки, традиционно ненавидевшие евреев. Руины гигантских каменных построек являли собой, должно быть, зловещее зрелище. Но иудеи не оставляли надежды, что увидят Храм восстановленным, как это уже случилось прежде.

Веспасиан разрешил раввину Иоханану бен Заккаю, который во время осады был тайком вынесен из Иерусалима в гробу, учредить религиозную школу в городе Явне (к югу от современного Тель-Авива). Иудеям также не воспрещалось жить в Иерусалиме. Более того, во время войны многие знатные иудеи, скорее всего, перешли на сторону римлян, подобно Иосифу и Агриппе. Но им не дозволялось теперь подниматься на Храмовую гору. И паломники горько оплакивали разрушенный Храм, молясь у так называемой гробницы пророка Захарии[83] в Кедронской долине. Кое-кто с нетерпением ждал Мессию в надежде на установление его Царства. Но рабби бен Заккая уничтоженный город вдохновлял на мистические размышления иного рода. Однажды, когда он с учеником осматривал руины, ученик вскричал: «Горе нам!» «Не печалься, — утешил его учитель (согласно Талмуду, составление которого было завершено несколько столетий спустя). — Наше искупление будет иным:

деяния милосердные и любовь». Никто тогда не понял его слов. Но они явились зачатком современного иудаизма — без Храма и жертвоприношений.

Иудеохристиане во главе с Симоном, сыном Клеопы (одним из евангельских «братьев Господних», вероятно, двоюродным братом Иисуса), тоже вернулись в Иерусалим и молились в Горнице Тайной вечери на горе Сион. Под ее ныне существующим зданием располагается древняя синагога, построенная, вероятно, из обломков Храма. Однако число христиан, обращенных из язычников, неуклонно росло в разных частях Средиземноморья, и они уже не были склонны с благоговейным трепетом относиться к реальному, земному Иерусалиму. Поражение иудеев навсегда отвратило их от иудаизма, потому что оно доказывало истинность пророчеств Иисуса и пришествие Нового Откровения. Иерусалим был всего лишь пепелищем падшей веры. В «Откровении Иоанна Богослова» место Храма занял Христос Агнец, а верующим было предсказано, что с наступлением конца света Бог созиждет Новый, Небесный Иерусалим, осиянный не золотом, но славой Божией.

Общинам христиан приходилось соблюдать осторожность: римляне были начеку, готовые пресечь на корню любое мессианское движение. Домициан, брат и преемник Тита, притеснял евреев, обложив их новым налогом, но преследовал и христиан, видя в этом один из способов укрепления своей шаткой власти. После того как Домициан был убит в результате заговора, на престол империи взошел пожилой и миролюбивый Нерва, который ослабил репрессии и смягчил «иудейский налог». Но забрезживший было рассвет тут же обернулся новой тьмой. Бездетный Нерва избрал себе в преемники доблестного полководца Траяна. Этот высокий, атлетически сложенный и решительный военачальник был идеальным императором, возможно, величайшим со времен Августа. Но он считал, что его миссия — завоевание новых земель для империи и реставрация старых римских ценностей, а в этом не было ничего хорошего ни для христиан, ни для евреев. В 106 году он приказал распять Симона, христианского епископа Иерусалима, потому что тот, как и Иисус, возводил свой род к царю Давиду. Так закончилась династия Иисуса.

Траян, гордившийся тем, что его отец, Ульпий Траян Старший, сделал себе имя во время иудейской кампании Тита, восстановил «иудейский налог» в прежнем объеме. Но как и многие полководцы до него, он мечтал о славе Александра: Траян вторгся в Парфию, намереваясь подчинить римскому контролю земли современного Ирака, родину евреев Вавилонии. Во время

войны они наверняка взывали о помощи к своим римским собратьям. Стоило Траяну вторгнуться в Месопотамию, как иудейские общины Африки, Египта и Кипра во главе с мятежными «царями» перебили тысячи местных римлян и греков — можно, по крайней мере, предполагать, что эта месть была скоординирована евреями Парфии.

Опасаясь еврейского заговора у себя в тылу и сопротивления вавилонских евреев, Траян, по мере продвижения по Месопотамии, «решился по возможности уничтожить весь народ». Император приказал убивать иудеев везде — от Ирака до Египта, где, как пишет историк Аппиан, «Траян уничтожил всех евреев поголовно». Теперь евреи рассматривались как враги Римской империи: «Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, — писал Тацит, — и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается».

С иудейской проблемой столкнулся и новый наместник Сирии Элий Адриан, зять Траяна, женатый на его племяннице. Когда Траян скоропостижно умер, не оставив наследника, его вдова-императрица объявила, что на смертном одре император назвал Адриана своим сыном. Став императором, Адриан решил покончить с «еврейским вопросом» раз и навсегда. Он показал себя выдающимся правителем, одним из восстановителей Иерусалима — и одним из главных чудовищ в еврейской истории.

Адриан: иерусалимское решение

В 130 году император в сопровождении своего юного любовника Антиноя посетил Иерусалим. Он решил сровнять остатки города с землей и изгладить из памяти людей само его имя. На месте Иерусалима предстояло возвести новый город, который император повелел назвать Элия Капитолина — в честь своего родового имени (Элий) и Юпитера Капитолийского (римского бога, ассоциировавшегося прежде всего с государственной властью). На месте Храма было решено возвести храм Юпитера. Также Адриан под страхом смерти запретил обрезание — свидетельство завета Бога с народом Израиля. Евреи поняли, что все это означает только одно — Храм никогда не будет восстановлен, — и впали в еще большее уныние. А недальновидный император тем временем отбыл в Египет.

Адриан, которому на тот момент уже исполнилось 54 года, родился в Испании. Похоже, он был просто создан для того, чтобы править империей. Одаренный фотографической памятью, Адриан мог диктовать, слушать и беседовать одновременно;

прекрасный знаток и любитель искусства и архитектуры, он умел самостоятельно составить архитектурный проект, сочинял стихи и музыку. Адриан постоянно пребывал в движении, без устали объезжая свои провинции, стремясь улучшить управление империей и консолидировать ее. Его критиковали за то, что он вывел легионы из Дакии и Месопотамии, завоеванных Траяном со столь большим трудом. Но Адриану нужны были не лишние территории, а прочная и стабильная держава, объединенная греческой культурой, которую он ценил настолько высоко, что его прозвали Гречонком (его бороду и прическу «в греческом вкусе» укладывали щипцами специально обученные рабы). В 123 году во время одного из своих путешествий по Малой Азии он встретил любовь всей своей жизни — красивого греческого юношу по имени Антиной, который стал для императора практически августейшей супругой[84].

Но вместе с тем этот идеальный император маниакально желал контролировать все и вся и в проявлениях этой страсти бывал непредсказуем. Однажды в приступе сильного гнева он выколол пером глаз рабу; а свое правление он начал и завершил кровавыми чистками.

На руинах еврейского Иерусалима Адриан задумал воздвигнуть типичный римский город, средоточие культа римских, греческих и египетских богов. Великолепные парадные трехпролетные ворота Неаполис (ныне Дамасские), сложенные из каменных блоков Ирода Великого, вели на круглую площадь, в центре которой стояла колонна. От площади под прямым углом отходили две главные улицы — Кардо и Декуманус, ведущие к двум форумам, один из которых располагался рядом со снесенной крепостью Антония, другой — южнее нынешнего храма Гроба Господня. На этом втором форуме Адриан построил храм Юпитера, рядом с которым стояла также статуя Афродиты. Это было место Распятия, и его выбор, вероятно, был продиктован желанием уничтожить святилище иерусалимских христиан.

Хуже того, Адриан вознамерился возвести на Храмовой горе жертвенник и собственную грандиозную конную статую[85]. Адриан последовательно лишал Иерусалим его еврейского духа. Он хорошо усвоил уроки другого грекофила, знавшего толк в зрелищах — Антиоха Епифана, — и не случайно реанимировал его проект храма Зевса Олимпийского в Афинах.

24 октября, во время египетских празднеств в честь смерти и воскресения бога Осириса, любовник Адриана Антиной при загадочных обстоятельствах утонул в Ниле. Покончил ли он с собой? А может быть, Адриан или египтяне принесли его в жертву? Или же это был просто несчастный случай? Обычно

сдержанный Адриан страшно горевал; он велел почитать юношу в качестве Осириса, основал посвященный ему город Антинополь и учредил государственный культ Антиноя, установив по всему Средиземноморью статуи, увековечившие красивое лицо и прекрасное тело юноши.

Возвращаясь в Рим из Египта, Адриан снова проехал через Иерусалим и, в соответствии с римским обычаем, лично провел плугом борозду, обозначившую границы города. Возмущенные репрессиями, паганизацией Иерусалима и повсеместно появившимися изваяниями обнаженного Антиноя, евреи стали тайно вооружаться и готовить подземные укрытия в Иудейских горах.

И когда Адриан, правлению которого, казалось, уже ничто не угрожало, спокойно ехал в сторону Рима, таинственный вождь, называвший себя Князь Израиля, развязал самую жестокую из всех иудейских войн.

Шимон бар-Кохба: сын звезды

«Сначала римляне не приняли евреев всерьез», свидетельствует историк Дион Кассий, но на этот раз иудеи подготовились чрезвычайно хорошо, а рождение их харизматического вождя Шимона бар-Кохбы, «Сына Звезды», было якобы отмечено тем же мистическим символом царского достоинства, которым ознаменовалось рождение Иисуса и о котором говорится еще в Книге Чисел: «Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава». Многие прославляли бар-Кохбу как нового Давида. «Вот он — царь Мессия», — настаивал чрезвычайно уважаемый рабби Акива (эти слова приведены в части Талмуда, написанной в IV веке). Впрочем, с этим были согласны не все. «Акива, на твоих щеках вырастет трава, — возражал ему другой раввин, — а сын Давида все еще не придет». Противники Бар-Кохбы звали его Бар-Косба — по-арамейски «сын Лжи».

Бар-Кохба быстро разгромил римского наместника с его двумя легионами. Свитки с его письмами и распоряжениями, найденные в одной пещере в Иудее, свидетельствуют о больших способностях и твердой решимости. «Я справлюсь с римлянами», — уверял он — и справлялся. Он полностью истребил целый легион. Он «был способен ловить огромные камни, брошенные в него, и наугад отбрасывать их, убивая многих» во вражеских рядах.

Князь Израиля не терпел неповиновения или ослушания: «От

Шимона Бар-Кохбы Ионатану и Масавале: пусть все мужи из Текоа и других мест, которые с вами, будут посланы ко мне без промедления. Если вы не пришлете их ко мне, я накажу вас». Фанатичный зелот, он, по свидетельству современника-христианина Иустина, «приказывал жестоко пытать христиан, если они не отрекались от Христа и отказывались хулить Его». А живший гораздо позднее описываемых событий автор «Церковной истории» Евсевий Кесарийский утверждал, что Бар-Кохба убивал христиан, когда те отказывались помогать ему в войне против римлян: «Убийца и разбойник, он… внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, дабы чудом даровать им, замученным, свет».

Сын Звезды управлял своим государством Израиль из крепости Иродион, чуть южнее Иерусалима. На его монетах было отчеканено: «Год первый. Искупление Израиля». Но восстановил ли он жертвоприношения на месте разрушенного Храма? Его монеты с призывом «За свободу Иерусалима» были, как говорят, украшены изображением Храма, но ни одна такая монета не была найдена. Аппиан писал, что Адриан, как и Тит, «разрушил Иерусалим», из чего следует, что в городе еще было что разрушать. Повстанцы, сметающие все на своем пути, наверняка должны были бы осадить Десятый легион в Цитадели и восстановить жертвоприношения на Храмовой горе, представься им такая возможность. Но удалось ли им это, мы не знаем.

Адриан поспешил назад в Иудею, вызвав из Британии своего лучшего полководца Юлия Севера и собрав семь или даже двенадцать легионов. Согласно Диону Кассию, одному из немногих летописцев этой войны, наместник Иудеи «с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их [иудеев] безумием, преследовал и уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей — всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил».

Север, прибыв в Иудею, тут же перенял тактику противника: «Благо воинов и воевод у него хватало — перехватывал небольшие отряды [иудеев], окружал и лишал доступа к припасам, сим способом он мог — пусть помедленнее, зато и более безопасно — разрознить, изнурить и извести мятежников». По мере того как римляне действовали все более успешно, Бар-Кохбе приходилось прибегать ко все более суровым мерам для укрепления дисциплины в своих рядах: «Если кто-либо из находящихся с тобой галилеян подвергнется дурному обращению, — грозил он одному военачальнику, — я закую твои ноги в кандалы, как уже сделал такое с бен-Аплулом!»

Повстанцы отступили в пещеры Иудеи; именно там и были

найдены послания Шимона и другие артефакты. Эти беженцы и воины хранили при себе ключи от своих покинутых домов (единственное утешение для тех, кому суждено никогда не вернуться) и даже кое-какие предметы роскоши — стеклянное блюдо, карманное зеркальце в кожаном чехле, деревянную шкатулку для драгоценностей, лопатку для курений. Там, в этих пещерах, и погибли их хозяева — и вещи, захваченные из дома, были найдены среди человеческих останков. Отрывочные записи содержат немногословные намеки на масштаб катастрофы: «До конца… у них нет никакой надежды… мои братья на юге… они погибли от меча…»

Римляне двинулись на последний оплот Бар-Кохбы — крепость Бейтар, в шести милях к югу от Иерусалима. При обороне твердыни погиб и сам Бар-Кохба — от укуса змеи, обвившей его шею, согласно иудейской легенде. «Принесите мне его тело», — повелел Адриан. Пораженный видом мертвеца и змеи, он пробормотал: «Если бы Бог не убил его, кто бы мог это сделать?» Император в то время, должно быть, находился уже в Риме, но его месть восставшим иудеям стала настоящим геноцидом.

Дион Кассий писал: «Немногие из них уцелели. Пятьдесят их наиважнейших крепостей и девятьсот восемьдесят пять славнейших поселений он сровнял с землею, людей же было убито в стычках и в сражениях восемьсот тысяч пятьсот». Еще больше «погибло от голода и болезней и пожаров». Семьдесят пять еврейских поселений, о которых мы знаем из древних источников, вообще исчезли с лица земли. А в плен было взято столько евреев, что на рынке рабов в Хевроне раб-еврей стоил дешевле лошади. Какое-то количество иудеев продолжало жить на своих разоренных землях, но сама Иудея уже не восстановилась после карательной экспедиции Адриана. Император не только подтвердил запрет на обрезание, но и воспретил иудеям под страхом смерти даже приближаться к Элии Капитолине. А саму Иудею вообще стер с карты, переименовав ее в провинцию Палестину, — в память о филистимлянах, древних врагах евреев.

Вернувшись в Рим, Адриан удостоился *аккламации* — торжественного приветствия, но не стал устраивать триумф: победа была омрачена страшными потерями римлян в Иудее. Сообщая Сенату о своей победе, император даже не употребил традиционную в таких случаях завершающую фразу: «Я и моя армия пребываем в благополучии».

Возможно, страдая атеросклерозом, отекший от водянки, Адриан старался избавиться от любого потенциального

претендента на престол; не пощадил он даже своего девятилетнего шурина, который перед смертью проклял убийцу: «Пусть будет просить он смерти, неспособный умереть». Проклятие сбылось: изнуренный неизвестной болезнью, Адриан трижды пытался покончить с собой. Но ни один автократ никогда не писал о смерти так мудро и тонко, как Адриан в собственной эпитафии:

> Душа, скиталица нежная,
> Телу гостья и спутница,
> Уходишь ты ныне в края
> Блеклые, мрачные, голые,
> Где радость дарить будет некому[86].

Когда же император в конце концов умер, «ненавидимый всеми», Сенат отказался обожествить его. А еврейские письменные источники не упоминают Адриана без обязательного добавления: «Да гниют его кости в аду!»

Наследник Адриана Антонин Пий слегка ослабил гонения на евреев и разрешил обрезание, однако к статуе Адриана на Храмовой горе была добавлена статуя нового императора[87] — новое напоминание о том, что Храм никогда не будет восстановлен. Христиане же, к этому времени уже полностью обособившиеся от иудеев, не могли не усмотреть здесь справедливого возмездия: «Сион стал пуст, как пустыня сделался Иерусалим, — писал Антонину христианский философ Иустин как бы от лица евреев, — проклят дом, святилище наше, и слава, которую благословили отцы наши, мозжена огнем и все славное Его пало. И Ты терпел все это и молчал, и смирил нас жестоко». К сожалению для евреев, на протяжении оставшейся части столетия отношение к ним, установленное Адрианом, так и не менялось.

Элия Капитолина была маленькой римской колонией с населением в десять тысяч человек, не имевшая стен и занимавшая площадь всего в две пятых от былой территории Иерусалима: от современных Дамасских ворот до Цепных ворот. В городе имелось два форума, храм Юпитера на месте Голгофы, термы, театр, нимфей (святилище с водоемом и статуями наяд — нимф водных источников) и амфитеатр. Перекрестки были отмечены *тетрапилонами* — арками с взаимно перпендикулярными проездами, а городские здания украшали статуи, в том числе большое изваяние грозного (и совершенно некошерного) вепря — эмблемы Десятого легиона.

Сам легион был постепенно выведен из Иерусалима, поскольку иудеи более не представляли для римлян угрозы, а

только раздражали их. Когда наследник Антонина Пия, император Марк Аврелий, проезжал через Палестину, держа путь в Египет, он «испытывал отвращение к вонючим и нередко производившим смуты евреям» и сравнивал их с другими мятежными племенами: «О маркоманы, о квады, о сарматы! Наконец я нашел народ хуже вас!» В Иерусалиме не было никакой реальной экономики — единственным товаром, который он производил, была святость. И с выводом Десятого легиона город, вероятно, окончательно превратился в стоячее болото.

В 193 году период циклов мирного наследования власти в Риме завершился, и империя погрузилась в гражданскую войну. Палестинские евреи, теперь жившие в основном в Галилее и на побережье Средиземного моря, начали волноваться. Часть из них вновь затеяла войну со старинным местным врагом, самарянами, другая часть выступила в поддержку претендента Септимия Севера, который в конце концов и стал императором. В благодарность новый император несколько смягчил антиеврейскую политику: в 201 году Север со своим сыном Каракаллой побывал в Элии Капитолине и, возможно, встречался с иудейским вождем Иудой ха-Наси, носившим титул князя. А Каракалла, придя к власти, признал Иуду главой общины — «патриархом иудеев», — пожаловав ему обширные имения в Голане и Лидде (Лоде) близ Иерусалима и наследственное право вершить суд по религиозным вопросам и устанавливать еврейский календарь.

Богатый двор Иуды, по-видимому, успешно сочетавшего раввинскую ученость с любовью к аристократической роскоши, находился в Галилее, и там Патриарх иудеев под защитой своих телохранителей-готов составлял Мишну — запись устных преданий иудаизма. Благодаря связям Иуды с императорским домом, а также тому, что с течением времени старые запреты постепенно забывались, евреям вновь было разрешено, дав взятку римской страже, молиться напротив руин Храма на Масличной горе или в Кедронской долине, где, по их поверью, пребывала Шхина — Божественное присутствие. Говорят, что Иуда даже добился для небольшой общины иудеев разрешения проживать в Иерусалиме и молиться в одной из синагог на горе Сион. Как бы там ни было, императоры династии Северов никогда не ужесточали вновь антиеврейскую политику Адриана.

И все же тоска иудеев по Иерусалиму была неутолима. Куда бы ни забрасывала еврея судьба в последующие столетия, он обязательно трижды в день произносил молитву «Амида», в которой есть такие слова: «Вернись милостиво в Твой город Иерусалим и обитай в нем по Своему обещанию. Устрой его

вскоре, в наши дни, навеки, и престол Давида утверди в нем вскоре. Благословен Ты, Господи, устрояющий Иерусалим». В Мишне были зафиксированы все детали храмовых ритуалов, которые можно было бы тут же возобновить в случае восстановления Храма. «Готовит человек трапезу, но часть ее оставляет — в память об Иерусалиме; надевает женщина украшения, но что-то оставляет — в память об Иерусалиме», — учит Тосефта, еще один свод устной традиции. Пасхальный *седер* — традиционная праздничная трапеза — обязательно заканчивается словами: «На будущий год в Иерусалиме». Если какому-то еврею удавалось хотя бы подойти близко к Иерусалиму, он отправлял новый ритуал: раздирал на себе одежды, когда его взору открывался лежавший в руинах город. Даже иудеи, жившие далеко от Иерусалима, мечтали быть похороненными поблизости от Храма, чтобы стать первыми, кто восстанет из мертвых в Судный день. Так появилось еврейское кладбище на Масличной горе.

Мечта о том, что Храм будет вновь отстроен, не умирала — ведь случалось же такое в прошлом, — а ход событий даже позволял надеяться, что подобное время не за горами. Формально иудеи все еще были отлучены от Иерусалима, но гораздо более серьезной угрозой для себя Рим уже считал христиан.

С 235 года империя вступила в 30-летнюю полосу кризиса, внутренних и внешних потрясений. На востоке римлянам бросала вызов мощная Персидская империя, пришедшая на смену парфянам. Все эти годы императоры обвиняли христиан в безбожии, поскольку те отказывались приносить жертвы языческим богам, и безжалостно преследовали их, даже несмотря на то, что христианство тогда было, собственно, не единой религией, а сплетением различных философских систем и духовных традиций[88].

Однако все христиане были согласны в главном: в вере в искупление и вечную жизнь для тех, кого спас Иисус Христос во исполнение древних еврейских пророчеств. Пусть их Спаситель был казнен римлянами как мятежник, однако христиане считали, что враг их веры — иудаизм, а не империя. Не случайно же Рим со временем также стал для них священным городом.

Большинство христиан Палестины жили в Кесарии Приморской. Иерусалим они теперь ассоциировали с Горним градом, а реальная Элия Капитолина была всего лишь городком, где умер и воскрес Иисус. И все же местные христиане продолжали почитать места распятия и воскресения, похороненные глубоко под храмом Юпитера, и даже тайком пробирались в подземелья под храмом, чтобы помолиться там и

вырезать на камне благочестивую надпись[89].

Наибольший упадок Рим пережил в 260 году, когда персы взяли в плен императора (ему сначала залили в горло расплавленное золото, а затем выпотрошили тело и набили его соломой), а вся восточная часть империи, в том числе лишенная стен Элия, отошла к недолговечной Пальмирской империи, которой правила молодая царица Зенобия. Впрочем, в течение следующих 12 лет Рим вернул себе утраченный Восток. В конце III столетия император Диоклетиан успешно восстановил римское могущество и оживил культ старых богов. Но христиане, похоже, подрывали его усилия. В 299 году Диоклетиан совершал жертвоприношение во время воинского парада в Сирии, когда несколько солдат-христиан осенили себя знаком креста, в чем языческие прорицатели усмотрели дурной знак. И когда вскоре сгорел дворец Диоклетиана, он обвинил в поджоге христиан и учинил жестокие гонения на них, обрекая на мучительную смерть, сжигая их книги и разрушая их молитвенные дома.

Когда Диоклетиан в 305 году отрекся от престола, предварительно разделив империю между двумя императорами, Галерий, новый император Востока, усилил гонения, подвергая христиан самым изощренным казням. Императором Запада стал Констанций Хлор, несгибаемый иллирийский воин, принявший императорский пурпур в британском Йорке. Он уже был болен в это время и вскоре умер, но в июле 306 года британские легионы провозгласили своим императором его юного сына Константина. Ему потребуется 15 лет, чтобы завоевать сначала весь Запад, а затем и Восток, но затем Константин, как в свое время Давид, изменит ход мировой истории и судьбу Иерусалима одним-единственным решением.

Часть третья. Христианство

А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя.

Евангелие от Матфея, 35:5–6

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!

Евангелие от Матфея, 23:37

Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его.

Евангелие от Иоанна, 2:19

Подобно тому, как Иудея превозносится над всеми провинциями, так и этот город превозносится над всею Иудеей.

Св. Иероним. Письма

Сюда стекается народ со всего света, и происходит такое стеснение обоих полов, что здесь принужден бываешь выносить то, чего в другом месте избегал хотя бы отчасти.

Св. Иероним. Письма

15. Апогей византии *312–518 гг.*

Константин Великий: Христос, бог победы

В 312 году Константин вторгся в Италию и атаковал своего соперника Максенция почти у самых стен Рима. В ночь накануне сражения Константин увидел в небе сияющий крест, перекрывающий полуденное солнце, и слова «Этим победишь». Константин приказал воинам начертать на своих щитах хрисмон — монограмму Христа, скрещенные греческие буквы хи (Х) и ро (Р). На следующий день в битве у Мульвийского моста Константин одержал верх над противником и стал владыкой западной части империи. Это был век знамений и видений, и Константин не сомневался, что обязан своей победой «верховному Богу» христиан.

Суровый солдат, святой провидец, кровавый властитель и мастер политического спектакля — все это Константин. Он буквально прорубил себе путь к верховной власти и, обретя ее однажды, стал мечтать об империи, объединенной общей религией, под эгидой одного императора. Этот человек был соткан из противоречий — бычья шея, орлиный нос и паранойя, которая часто находила себе выход во внезапном убийстве кого-либо из друзей или членов семьи. Константин носил волосы до плеч, одежды, украшенные драгоценными камнями, и безвкусные браслеты; он смаковал церемониальную, театральную сторону власти, вникал в споры философов и епископов, знал толк в архитектурных красотах, и ему нравилось религиозное рвение. Никто не знает, почему в тот момент он принял христианство, однако Константин, как и многие жестокие и самоуверенные мужчины, обожал свою мать Елену, а та была христианкой еще с юности. Но если личное обращение Константина было столь же драматически внезапным, как и обращение Павла на пути в Дамаск, то с политической точки зрения акт разрешения христианства был глубоко продуман и совершен в точно рассчитанный момент. Самым важным, с точки зрения императора, было то обстоятельство, что Христос обеспечил ему победу в битве, а этот язык Константин хорошо понимал: Христос-Агнец превращался, таким образом, в Бога-Победителя. Не то чтобы Константин сам был хоть чем-то похож на агнца, но вскоре было официально объявлено, что он равен апостолам.

Полководец, пользующийся особым божественным благоволением, — в этом не было ничего особенно нового: римские императоры, как и греческие цари, всегда отождествляли себя со своими божественными покровителями. Отец Константина поклонялся Непобедимому Солнцу (*Sol Invictus*), а этот культ уже был шагом в сторону единобожия. Однако выбор Христа в качестве личного покровителя вовсе не был безальтернативным — это было исключительно личное решение Константина. В 312 году манихейство или митраизм были не менее популярными, чем христианство. Константин вполне мог с таким же успехом выбрать одну из этих религий, и тогда Европа, возможно, была бы сегодня манихейской или митраистской[90].

В 313 году Константин и Лициний, император Востока, издали в Милане эдикт, в котором провозгласили веротерпимость и даже некоторые привилегии для христиан. Но лишь в 324–м пятидесятиоднолетнему Константину удалось разгромить Лициния и объединить всю империю в своих руках. В том же году он перенес свою столицу на восток, основав Второй Рим на месте греческого городка Византия, стоявшего на Босфоре, у ворот из Европы в Азию. Вскоре город стал широко известен под именем Константинополь, а его патриарх, наряду с патриархами Александрии и Антиохии, а также епископом Римским, вошел в правящую элиту христианства. Новая вера вполне отвечала стилю царствования Константина. Со времен апостола Иакова, главы иерусалимской общины, в христианстве утвердилась иерархия, состоявшая из пресвитеров (*presbyteroi*, «старейшин») и занимавших более высокое положение епископов (*episkopoi*, «надзирающих»), возглавлявших региональные епархии. Константин полагал, что подобное иерархическое устройство вполне соответствует новым принципам, на которых он желал реорганизовать Римскую империю: один император, единая государственная власть, единая религия.

Но не успел Константин закрепить собственную руководящую роль в церковной иерархии, как обнаружил, что христианство вовсе не едино — напротив, оно весьма разобщено. Евангелия были весьма туманны в вопросе о природе Иисуса и сущности его взаимоотношений с Отцом. Был ли Иисус человеком, обретшим божественные свойства? Или Богом, воплотившемся в теле человека? Теперь, когда Церковь крепко стояла на ногах, определение сущности Христа казалось едва ли не более важным, чем сама жизнь — ведь от правильного ответа на этот вопрос зависело, сможет ли человек обрести спасение и войти в Царство Небесное.

В наш секулярный век лишь дебаты о ядерном разоружении

или глобальном потеплении могут сравниться по напряженности и накалу страстей с богословской полемикой того времени. Христианство стало массовой религией в эпоху фанатической веры, и христологические споры бушевали и во дворцах, и на улицах городов империи. Популярный александрийский священник Арий, чьи проповеди, полные примеров и притч из жизни народных низов, собирали толпы верующих, доказывал, что Иисус был сотворен Богом-Отцом, а значит, не равен ему. Природа Христа скорее человеческая, нежели божественная, утверждал Арий, и это приводило в негодование тех, кто считал Христа Богочеловеком. Когда местный правитель попытался наказать Ария, поклонники проповедника устроили беспорядки в Александрии.

В 325 году Константин, раздосадованный и сбитый с толку этой концептуальной пестротой, созвал епископов на собор в Никее (ныне Изник в Турции) и предложил собственное решение: Иисус есть одновременно и человек, и Бог, единосущный Богу Отцу. Именно на Никейском соборе епископ Макарий из Элии Капитолины (когда-то этот город звался Иерусалимом) обратил внимание императора на участь своей маленькой и заброшенной епархии. Константин знал об Элии и, вероятно, побывал в ней, когда сопровождал, будучи еще восьмилетним мальчиком, императора Диоклетиана. Ныне, желая увековечить свой успех в Никее и неустанно размышляя о священных символах и догматах своей будущей всемирной империи, он решил восстановить город, создав, как записал епископ Евсевий Кесарийский, биограф императора, «новый Иерусалим, в противоположность так называемому древнему». Константин дал поручение возвести в городе храм, достойный Иерусалима, колыбели Благой Вести. Эти работы неожиданно ускорила кровавая распря, в которую вскоре погрузилась императорская семья.

Константин Великий: кровавые семейные хроники

Через некоторое время после окончательной победы Константина над соперниками его жена Фауста обвинила в домогательствах своего пасынка Криспа, старшего сына императора от предыдущего брака. Пыталась ли она сыграть на христианском морализме неофита Константина, когда возводила на Криспа навет, будто тот пытался обольстить ее или даже изнасиловать? Или это был тайный роман, в котором что-то пошло не так? В таком случае Крисп не был ни первым молодым человеком, вступившим в связь с собственной мачехой, ни

последним, кто возжелает этого. А ревность императора, скорее всего, и так уже была возбуждена военными успехами старшего сына, тогда как Фауста, несомненно, готова была любыми способами удалить препятствие на пути к возвышению для ее собственных сыновей.

Как бы там ни было, Константин, оскорбленный безнравственным поведением сына, приказал казнить его. Императорские советники-христиане были потрясены, и тут в дело вмешалась самая важная женщина в жизни Константина — его мать. Она была простолюдинкой и когда-то прислуживала в трактире в маленькой деревушке в области Вифиния. Возможно, она так и не стала законной супругой императора Констанция Хлора, отца Константина. Но она одной из первых при дворе приняла христианство, а любящий сын провозгласил ее августой, и теперь она по праву выступала при дворе Константина как императрица.

Елена убедила Константина, что им ловко манипулируют. Возможно, она разгадала интригу и объяснила сыну, что вовсе не Крисп был виновен, а сама Фауста пыталась соблазнить его. Совершив уже одно непростительное убийство, Константин приказал казнить Фаусту за супружескую неверность: ее либо сварили в кипятке, либо заперли в сильно разогретой парной, где она и задохнулась. Однако Иерусалим только выиграл от этого двойного убийства: сразу после этих событий Елена, получив карт-бланш на обустройство города Христа, отправилась в Палестину. Ее славные дела стали искуплением для Константина.

Елена: первый археолог

Императрице Елене в то время было уже за семьдесят. Монеты рисуют ее красивой женщиной с резко очерченным лицом, волосами, заплетенными в косы, и с тиарой на голове. Она поспешила в Элию Капитолину «с быстротой юноши» и со столь значительными средствами, что смогла стать едва ли не самым монументальным строителем за всю историю Иерусалима. А уж ее археологическая удачливость была поистине чудесна.

Константин знал, что место распятия и погребения Иисуса скрыто под Адриановым храмом Афродиты — этой «мрачной обителью мертвых идолов, тайником сладострастного демона любви», по словам Евсевия. Император приказал епископу Макарию совершить обряд очищения, снести языческий храм, освободить доступ к святой гробнице, находящейся под ним, и построить здесь базилику, которая была бы «лучше всех других

церквей ойкумены по великолепию стен, колонн и мрамора».

Елена решила во что бы то ни стало отыскать подлинную гробницу Христа. Для этого предстояло не только снести храм, но также удалить каменный фундамент и провести раскопки, чтобы точно определить местоположение святыни. В поисках, начатых императрицей, должно быть, с большим интересом и энтузиазмом приняли участие многие жители маленькой Элии. Некий еврей — вероятно, один из уцелевших иудео-христиан — представил императрице документы, с помощью которых была найдена пещера, объявленная гробницей Иисуса. Теперь Елена пыталась найти место Распятия и даже сам Крест.

Ни одному археологу никогда не суждено было повторить даже крохотную долю ее успеха. Елена нашла три деревянных креста, деревянную дощечку с надписью «Иисус Назарянин, царь Иудейский» и железные гвозди. Но на котором из трех крестов был распят Иисус? Говорят, что императрица и епископ принесли все три креста к одру некоей умирающей женщины. Первые два креста, возложенные на больную, не произвели никакого действия. «Но как скоро коснулись ее третьим, она вдруг открыла глаза и соскочила с постели здоровою». Елена отослала «часть божественного древа» Константину вместе с гвоздями, которыми император приказал украсить сбрую своего коня. С этого момента у множества верующих во всех концах христианского мира возникло страстное желание также обрести какую-нибудь сакральную реликвию, и особенно желанны были священные сувениры, происходившие непосредственно из Иерусалима.

Животворящее Древо со временем породило целый лес щепок Честного Креста, а сама фигура креста постепенно вытеснила монограмму Хи Ро (ХР) в качестве символа христианства.

Рассказ о том, как Елена нашла Крест, был, скорее всего, придуман позднее. Но императрица, безусловно, навсегда изменила облик города. Она построила на Масличной горе два храма — Елеонскую церковь[91] и церковь Вознесения. Сооружение третьей церкви, воздвигнутой Еленой уже в самом городе, — храма Гроба Господня, — продолжалось целых десять лет. Это было не одно здание, а целый комплекс из четырех частей, фасад которого был обращен на восток, в сторону улицы Кардо, главной улицы римского города (сегодня вход в храм находится на южной стороне здания). Посетитель поднимался по ступеням в открытый двор-атриум, откуда тройные врата вели в базилику «чрезвычайной красоты», разделенную колоннадами на пять нефов. За апсидой базилики располагался Священный сад — еще один двор, на этот раз внутренний и обрамленный портиками, — в юго-восточном углу которого находилась

Голгофа, заключенная в круглую в плане часовню Воскресения (греч. *Anastasis*). В золотом куполе ротонды имелось отверстие, позволявшее солнечным лучам падать прямо на гробницу Иисуса. Отныне великолепный храм доминировал в Святом городе, совершенно затмив Храмовую гору, где Елена не только сровняла с землей все языческие святилища, но и велела устроить на их месте свалку — как символ того, что иудеи отвержены Богом[92].

Всего через несколько лет, в 333 году, один из первых христианских паломников, некий пилигрим из Бордо (имя его нам неизвестно), нашел Элию совершенно преображенной — это был оживленный христианский город-святилище. Церковь «чрезвычайной красоты» еще не была завершена, но ее стены быстро росли, а статуя Адриана все еще стояла посреди руин на Храмовой горе.

Императрица Елена посетила все места, связанные с жизнью Иисуса, проложив первый маршрут для паломников, которые понемногу начали стекаться в Иерусалим, чтобы приобщиться его особой святости. Елене было почти 80, когда она вернулась в Константинополь, где ее сын бережно сохранял части Креста. Еще одну щепку и дощечку с надписью Елена отослала в Рим, где они были положены в церкви Санта-Кроче-ин-Джерусалемме (Святого Креста Иерусалимского).

Евсевий, епископ Кесарийский, чрезвычайно ревниво отнесся к новому возвышению Иерусалима, усомнившись, что этот еврейский город, «который после беззаконного Господоубийства для наказания нечестивых его жителей подвержен [был] крайнему опустошению», способен вновь стать градом Божьим. В конце концов, христиане не обращали никакого внимания на Иерусалим в течение трех столетий. В словах Евсевия был определенный смысл: Константину предстояло преодолеть иудейское наследие — точно так же, как христианские святилища нового Иерусалима должны были затмить собой иудейские святыни.

Когда римляне поклонялись множеству своих богов, они терпимо относились к чужим божествам, коль скоро те не представляли угрозы для государства. Но монотеистическая религия требует исповедания только одной Истины и поклонения единственному Богу. Преследование евреев, презренных христоубийц, ничтожество которых было продемонстрировано торжеством христианства, становилось, таким образом, делом первостепенной важности. Император распорядился, чтобы всякий иудей, пытающийся отговорить кого-нибудь из своих собратьев от принятия христианской веры, был немедля сожжен заживо[93]. Тем не менее в Иерусалиме еще сохранялась

маленькая еврейская община, у которой была синагога на горе Сион, да и на опустошенной Храмовой горе евреи тоже молились, хоть и втайне. Теперь «отвратительной иудейской толпе», как Константин называл еврейскую общину, было запрещено даже появляться в Иерусалиме; только раз в году евреям дозволялось подниматься на Храмовую гору, где пилигрим из Бордо и увидел их «стенающими и раздирающими на себе одежды» над «изрезанным трещинами камнем» — основанием Храма, которое ныне скрыто под Куполом Скалы.

Константин решил отпраздновать в Иерусалиме 13-ю годовщину своего воцарения. Но ему все еще приходилось бороться с разделением в Церкви — следствием проповедей своенравного Ария, по-прежнему доставлявшего императору немало хлопот — даже после того, как сам Арий внезапно умер при обстоятельствах, описанных его политическим противником как не слишком приличные[94]. Константин призвал епископов «очистить Церковь от богохульства» и облегчить тем самым его заботы, но ариане открыто отказывались повиноваться, что сильно омрачило первый христианский праздник в Иерусалиме, на который съехались епископы со всех концов империи. Сам император был, однако, уже слишком болен, чтобы принять участие в торжествах. В 337 году, лежа на смертном ложе, он наконец принял крещение. Империю Константин завещал трем своим сыновьям и двум племянникам[95], и единственное, в чем были согласны его наследники, так это в том, что следует продолжать строительство христианской империи и вводить все новые законы против иудеев; в 339 году один из таких законов запретил браки между иудеями и христианами, назвав их «дикостью и омерзительным позором».

Наследники Константина воевали друг с другом 20 лет, и победителем из этой гражданской войны вышел его второй сын Констанций. Разумеется, в этих распрях страдала и Палестина. Когда в 351 году в Иерусалиме случилось землетрясение, все христиане бросились в храм Гроба Господня, «охваченные благоговейным трепетом». А когда под предводительством очередного «царя-мессии» восстали евреи в Галилее, двоюродный брат императора, цезарь Констанций Галл, учинил побоище столь беспрецедентное по своей жестокости, что даже сами римляне почувствовали отвращение. Но иудеи неожиданно нашли сочувствие и поддержку там, где не ждали: очередной владыка империи решил ниспровергнуть христианство и восстановить иудейский Храм.

Юлиан Отступник: возрожденный Иерусалим

19 июля 362 года новый император Юлиан, племянник Константина Великого, двигавшийся с войском на войну с персами, остановился в Антиохии и спросил у еврейских делегатов, получивших у него аудиенцию: «Почему вы не совершаете жертвоприношений?» «Нам этого не разрешают, — отвечали послы. — Верни нас в город, восстанови нам Храм и жертвенник». «Я приложу все свое усердие, — пообещал им император, — чтобы воздвигнуть Храм великого Всевышнего Бога». Неожиданный ответ Юлиана был встречен иудеями с таким энтузиазмом, будто «дни их царства уже настали».

Юлиан прекратил гонения на иудеев, развязанные Адрианом и продолженные Константином, вновь сделал Иерусалим еврейским, вернул евреям их собственность, отменил все антиеврейские налоги, а их патриарху Гилелю даровал титул префекта претория и право собирать подати. Должно быть, иудеи стекались в Иерусалим со всех концов Римской империи и Персии, чтобы своими глазами узреть случившееся чудо. Они вернули себе Храмовую гору, вероятно, тут же сбросив с нее статуи Адриана и Антонина Пия, и возвели временную синагогу — скорее всего, где-то у тех камней, которые паломник из Бордо называл домом царя Езекии.

Юлиан был застенчив, склонен к излишнему глубокомыслию и неловок. Один предвзятый христианский автор[96] описывает его следующим образом: «Некрепкая шея, плечи дергающиеся, взор возбужденный, бегающий и безумный, кривые ноги, нос, выражающий дерзость и презрение, насмешливые черты лица, хохот неумеренный и судорожный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная, с придыханиями, вопросы беспорядочные и бессвязные, ответы ничем не лучшие, смешиваемые один с другим, нетвердые…» Но бородатый, крепкий телом император был также решительным и целеустремленным. Он упрямо восстанавливал язычество, утверждая культ Непобедимого Солнца (*Sol Invictus*) — древнего божественного покровителя своей династии, поощряя традиционные жертвоприношения в языческих храмах и притесняя «галилеян» (так он называл христиан), чтобы унизить их «упадочные», неримские ценности.

Юлиан никогда на рассчитывал на то, что будет править империей. Ему было всего пять лет, когда Констанций убил его отца и большинство ближайших родственников; из всей его семьи уцелели только двое — сам Юлиан и его брат Галл. В 349 году Констанций назначил Галла цезарем (младшим соправителем) — только для того, чтобы затем обезглавить, отчасти за неумелое подавление иудейского восстания. Но Констанцию все же был

нужен цезарь на Западе, а никакой иной кандидатуры, кроме Юлиана, тогда изучавшего философию в Афинах, уже не оставалось. Став цезарем, Юлиан устроил себе резиденцию в Лютеции (Париж). Понятно, что он немало нервничал, когда непредсказуемый император призвал его к себе. Мечтая о восстановлении культа Зевса, он принял императорскую корону из рук своих солдат. Пока он ехал на Восток, Констанций умер, и Юлиан оказался правителем всей империи.

Идея восстановить иудейский Храм была продиктована вовсе не одной только веротерпимостью Юлиана: этот шаг демонстрировал отказ императора от признания христиан истинными наследниками народа Израиля, желание опровергнуть пророчества Даниила и Иисуса о падении Храма, а также утверждал всю серьезность его намерений разрушить дело жизни его собственного дяди. Кроме того, это должно было обеспечить Юлиану поддержку вавилонских иудеев в ходе предстоящей войны с Персией. Юлиан не видел большого противоречия между греческим язычеством и иудейским монотеизмом и считал, что греки поклонялись тому же великому Всевышнему Богу, что и евреи, но почитали его под именем Зевс. Яхве вовсе не был уникальным еврейским изобретением.

Восстановление иудейского Храма Юлиан поручил Алипию, своему наместнику в Британии. Синедрион был крайне взволнован: все происходящее казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой. Но Юлиан, выступая в поход на персов, еще раз подтвердил данные евреям обещания в послании «К иудейской общине». В Иерусалиме «иудеи ревностно принялись за работу: собрали опытнейших строителей, заготовили материал и очистили место. Усердие было столь велико, что даже женщины носили землю передниками и для издержек на эту работу произвольно пожертвовали свои ожерелья и всякое другое женское украшение». Строительные материалы складывались в так называемых Конюшнях Соломона. Скоро строители удалили «остатки прежнего здания и расчистили фундамент»[97].

Тем временем Юлиан во главе 65-тысячного войска перешел персидскую границу. И в этот-то момент, 27 мая 363 года, в Иерусалиме произошло землетрясение, во время которого каким-то образом вспыхнули и сгорели заготовленные строительные материалы.

Христиане были воодушевлены этим «событием дивным», хотя вполне возможно, что сами способствовали «чуду» с помощью поджога. Алипий мог бы продолжать строительство, но, учитывая напряжение, царившее в Иерусалиме, решил сначала дождаться возвращения императора с войны. Юлиан тем

временем уже форсировал Тигр и углубился в Персию. Впрочем, римлянам вот-вот предстояло вернуться назад: 26 июня в беспорядочной стычке под Самаррой некий арабский солдат (возможно, христианин) ранил императора копьем в бок, задев печень. Пытаясь выдернуть копье, Юлиан случайно перерезал себе жилы на руке. Христианские авторы утверждают, что Юлиан, умирая, воскликнул *Vicisti, Galilaee* («Ты победил, Галилеянин!»), как бы обращаясь к Христу.

Преемником Юлиана стал командующий его личной охраной по имени Иовиан. Он снова утвердил в империи христианство, отменил все указы Юлиана и вновь запретил евреям входить в Иерусалим: в империи снова должна была воцариться одна религия, одна догматическая истина. В 391–392 годах император Феодосий I провозгласил христианство государственной религией и начал всеми силами укреплять его.

Иероним и Павла: святость и секс в большом городе

В 384 году раздражительный римский ученый по имени Иероним прибыл в Иерусалим в сопровождении нескольких состоятельных дам-христианок. Набожность их граничила с одержимостью, однако их паломничество было окутано пеленой сексуального скандала.

Иллириец Иероним, которому на тот момент было под сорок, в свое время прожил несколько лет отшельником в Сирийской пустыне, где его нередко обуревало плотское вожделение, о чем он сам признавался впоследствии: «В сообществе только зверей и скорпионов, — я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти». Затем Иероним служил секретарем у Дамасия I, епископа Римского. Дамасий был достаточно самоуверен, чтобы заявить: епископы Римские продолжают с Божьего благословения апостольское служение самого апостола Петра. Это был важный шаг в процессе их превращения во всевластных, непогрешимых пап более поздних времен. По мере того как росла патрицианская поддержка Церкви, Дамасий и Иероним оказались впутаны в очень неприятные скандалы. Епископа обвинили в прелюбодеянии, и он получил прозвище «щекотальщика ушей женщин средних лет». А Иеронима подозревали в связи с богатой вдовой по имени Павла — одной из тех богатых патрицианок, которые приняли христианство. Хотя Иероним и Павла были в конечном итоге оправданы, им пришлось покинуть Рим, и они

отправились в Иерусалим в сопровождении Евстохии, дочери Павлы.

Само присутствие этой девицы-подростка, казалось, распаляло Иеронима, видевшего везде плотские соблазны, и он проводил большую часть пути за написанием трактатов, предостерегающих об опасностях подобного рода. «Похоть, — писал Иероним, — щекочет чувства, и тихий огонь чувственного наслаждения изливает свой притягательный свет».

Добравшись до Иерусалима, Иероним и его набожные миллионерши увидели новый для них город, который был полон святости, но одновременно и секса, бурлил торговлей и общением. Дамы горели желанием совершить какое-нибудь богоугодное дело, и самая богатая из них, Мелания, — чей ежегодный доход составлял 120 тысяч фунтов золота, — основала собственный монастырь на Масличной горе. Но Иероним был в ужасе от сексуальных возможностей, открывавшихся в смешении такого количества странных людей всякого рода, собравшихся в этом городе, настоящем тематическом парке религиозного рвения и чувственного вожделения, «где есть и публичные женщины, и комедианты, и шуты». «Сюда стекается народ со всего света, — писал он. — И происходит такое стеснение обоих полов, что здесь принужден бываешь выносить то, чего в другом месте избегал хотя бы отчасти».

Иерониму вторит и другой автор той эпохи — обладавший зорким глазом пилигрима святитель Григорий Нисский: «Нет вида нечистоты, на который бы они не дерзали; у них и лукавство, и прелюбодеяние, и воровство, и идолослужение, и отравление, и зависть, и убийство…».

Покровительство императора, монументальное строительство и поток паломников способствовали формированию нового календаря праздников, отмечаемых в городе, кульминацией которых была Пасха, а также новой топографии Иерусалима, священные точки которой теперь были привязаны к местам Страстей Иисуса. Названия менялись[98], традиции смешивались, но, тем не менее, любое предание, связанное с Иерусалимом, считалось несомненной истиной. Еще одна древняя паломница, испанская монахиня Эгерия, побывавшая в городе в 380-х годах, описала впечатляющее собрание реликвий в храме Гроба Господня[99], включавшее к тому времени и перстень царя Соломона, и рог с елеем, которым был помазан Давид, а также терновый венец Иисуса и копье, пронзившее Его.

Драматичность зримого присутствия всех этих святынь приводила некоторых паломников в исступление совершенно особого рода: для сохранности Животворящего Креста пришлось

даже выставить особую охрану, поскольку паломники, прикладываясь к дереву, норовили откусить от него хотя бы щепку. Раздражительный Иероним не мог вынести все эти театральные страсти и удалился в Вифлеем, где приступил к работе над делом своей жизни — переводом еврейской Библии на латынь. Но он часто наведывался в Иерусалим и едко, не сдерживая себя в выражениях, комментировал увиденное. «В Британии так же легко можно найти дорогу на Небеса, как в Иерусалиме», — сердито отзывался он о толпах неотесанных британских паломников. А наблюдая экспрессивные молитвы своей подруги Павлы перед Крестом в Священном саду при храме Гроба, рассказывает, что «молилась она так, как будто созерцала на нем висящего Спасителя». К камню, на котором некогда возлежало тело Христа, она прикасалась устами, «как жаждущая вожделенных вод». А ее плач и стенания звучали столь громко, что был «свидетель тому весь Иерусалим».

И все же одну драму он оценил по достоинству — ту, что разыгрывалась на Храмовой горе, по-прежнему пребывавшей в запустении, чтобы подтвердить пророчества Иисуса Христа. Каждый год девятого числа месяца ава Иероним с восторгом наблюдал, как иудеи вспоминают разрушение Храма: «Даже до сего дня этим вероломным виноградарям, после убийства слуг и, наконец, Сына Божия, запрещено вступать в Иерусалим… Посмотри в годовщину взятия и разрушения римлянами Иерусалима, как сходится этот скорбный народ… Собирается толпа несчастных, и в то время, когда горит на церкви Воскресения Христова орудие Его казни и с Елеонской горы сияет знамя креста, на развалинах Храма своего терзает грудь свою жалкое племя, — жалкое, но не вызывающее сожаления… А воин требует платы, чтобы не мешать им плакать долее». Иероним, бегло владевший еврейским языком, ненавидел евреев, растивших детей такими же «жалкими червями», какими, по его мнению, были они сами, и пришел к выводу, что это причудливое зрелище отрадно тем, что подтверждает победоносную истину Христа: «И кто же усомнился бы, видя это, в дне Великой Скорби и Страдания?»

Крайний трагизм положения, в котором теперь находились иудеи, словно удваивал их любовь к Иерусалиму. Новый обряд был ритуалом в равной степени и священным, и мучительно горьким: «Они приходят молча, и молча идут, они приходят с плачем, и идут с плачем, они приходят из тьмы ночи, и уходят во тьму». И все же надежды иудеев вновь вспыхнули — благодаря новой императрице, явившейся править Иерусалимом.

Варсума и монахи-воители

В изображениях древних историков, обычно склонных к мужскому шовинизму, императрицы, как правило, предстают либо как отвратительные, порочные блудницы, либо как безмятежные святые. Тем более необычными кажутся похвалы, которых была удостоена императрица Евдокия за свою совершенную красоту и артистичную натуру. В 438 году супруга императора Феодосия II приехала в Иерусалим и смягчила законы против иудеев. В то же самое время в город совершал свое очередное паломничество поджигатель синагог, аскет Варсума Низибийский с целой свитой вооруженных монахов.

Евдокия выступала в защиту язычников и иудеев, потому что сама некогда была язычницей. Блестящая дочь афинского софиста, изучавшая риторику и литературу, она приехала в Константинополь, чтобы найти защиту у императора после того, как родные братья оставили ее без наследства. Слабохарактерный Феодосий II полностью находился под влиянием своей набожной и некрасивой сестры Пульхерии. Она представила Евдокию брату, тот сразу без памяти влюбился в нее, и вскоре Евдокия стала супругой императора. Пульхерия определяла государственную политику, и преследования иудеев становились все более ожесточенными: евреям было запрещено служить в армии и занимать публичные должности, они стали гражданами второго сорта. В 425 году Феодосий приказал казнить Гамалиэля VI — последнего патриарха (наси) иудеев, обвинив его в том, что он построил слишком много синагог. Должность наси была упразднена навсегда. Постепенно Евдокия сосредоточивала в своих руках все больше власти, и Феодосий провозгласил ее августой, уравняв в статусе со своей сестрой. В Археологическом музее Стамбула хранится мраморная икона, инкрустированная цветными камнями, на которой черноволосая Евдокия покоряет своим тонким лицом, царственным величием и изящной изысканностью.

Иерусалимские евреи, которым приходилось терпеть все большие притеснения от Константинополя, умоляли Евдокию облегчить им вход в Святой город. Императрица позволила им открыто приходить на Храмовую гору в дни главных иудейских праздников. Это были поистине чудесные вести для евреев, которые провозгласили, что все они «поспешат в Иерусалим на празднество Пасхи, дабы установить свое царство».

Однако радость евреев отравил тот самый Варсума из Низибии — сирийский монах из новой породы воинствующих монашеских вождей. В IV веке некоторые аскеты начали

выступать против мирских, суетных ценностей общества и великолепия церковных иерархов. Они основывали в пустынях монастыри, ратуя за возвращение ценностей раннего христианства. Эти отшельники-анахореты (от греч. ἀναχωρητής — «удалившийся») считали, что недостаточно лишь знать, какова истинная природа Христа: необходимо вести праведный образ жизни. Жизни в миру эти облаченные в звериные шкуры аскеты предпочитали простую, уединенную и целомудренную жизнь в пустынях Египта и Сирии. Их подвиги самобичевания и демонстративное благочестие вызывали всеобщее восхищение, появлялись все новые биографии этих отшельников (первые жития святых), в их обители приходили паломники, а условия их существования были поистине удивительны. Двое святых (оба они носили имя Симеон) несколько десятков лет провели в молитвах на вершине «столпа» (колонны) высотой девять метров (эту форму аскезы называют столпничеством). Еще одного столпника по имени Даниил как-то спросили, каким образом он справляет естественные потребности: «Сухо, как овцы», — ответил тот. Иероним говорил, что таких любопытных больше занимают испражнения, нежели благочестие. Однако далеко не все эти монахи были мирного нрава. Иерусалим, окруженный монастырями и сам полный обителей, находился во власти этих фанатиков, готовых в любой момент развязать побоище на улицах.

Варсума, который, как рассказывали, был настолько свят, что никогда не ложился и даже не садился, был возмущен тем, что в Палестине до сих пор уцелели иудейские и самаритянские «идолопоклонники», и вознамерился очистить от них Палестину. Вместе со своими монахами Варсума убивал евреев и сжигал синагоги. Ради поддержания порядка император воспретил эти жестокости, но Варсума проигнорировал запрет. Его штурмовики, вооруженные мечами и дубинами, спрятанными под монашеским облачением, устроили иудеям засаду на Храмовой горе. Многих иудеев они забили насмерть камнями, сбросив тела в цистерны для воды и раскидав их по дворам. Иудеи, впрочем, оказали сопротивление: они захватили 18 нападавших и передали их византийскому наместнику, который обвинил монахов в убийствах. «Этих разбойников в рясах монахов» привели к Евдокии, императрице-паломнице. Они были признаны виновными в убийствах, но когда они указали на Варсуму, тот распустил слухи, будто евреи собирались сжечь заживо знатных христиан. Толпа встала на сторону Варсумы; особенно когда он истолковал случившееся очень кстати землетрясение как знак божественного одобрения.

Если императрица захочет казнить христиан, кричали приверженцы Варсумы, «мы сожжем императрицу и всех, кто с нею». Этой угрозой Варсума вынудил чиновников засвидетельствовать, что на телах убитых евреев нет никаких ран: все они, дескать, умерли естественной смертью. В этот момент произошло еще одно землетрясение, и людей обуял ужас. Город выходил из-под контроля. У Евдокии не было иного выбора, как только уступить. «Пять сотен отрядов» вооруженных монахов патрулировали иерусалимские улицы, и Варсума возвестил, что «Крест победил». Его слова прокатились по всему городу, «как рокот волны». Убийцы были освобождены, а последователи Варсумы помазали его дорогими благовониями.

Несмотря на все это насилие, Евдокия осыпала Иерусалим милостями. Ее заботами в городе было построено несколько новых церквей, а в Константинополь Евдокия вернулась со множеством новых реликвий. Однако Пульхерия, недовольная влиянием Евдокии на императора, затеяла заговор, чтобы устранить ее.

Евдокия: императрица иерусалимская

Феодосий подарил Евдокии редкостное яблоко небывалых размеров. Императрица передарила его своему фавориту — магистру Павлину. А тот преподнес диковину императору. Уязвленный Феодосий обрушил свой гнев и ревность на жену, та стала уверять, что никому не передавала подарок мужа, а съела яблоко сама. Император предъявил яблоко. Столь наглая лживость жены убедила Феодосия, что слова, которые нашептывала ему сестрица, были правдой: Евдокия состояла в любовной связи с Павлином.

Вся эта история, скорее всего, вымысел — яблоко символизировало жизнь и целомудрие, — но ее чрезвычайно жизненные подробности хорошо иллюстрируют цепочку случайных событий, которые могли закончиться весьма плачевно при императорском дворе, где каждый и в любую секунду мог оказаться в центре кровавой интриги.

Павлин был казнен в 440 году, а императорская чета сошлась на том, что Евдокия покинет столицу, однако с приличествующими императрице почестями. По прошествии трех лет Евдокия прибыла в Иерусалим, чтобы править Палестиной по своему праву и усмотрению.

Но и тогда Пульхерия не оставила попыток уничтожить невестку. Она поручила Сатурнину из императорской охраны

казнить двух пресвитеров, последовавших за императрицей из Константинополя. Тот приказал схватить священников и умертвить прямо у Евдокии на глазах. Разгневанная, она, в свою очередь, повелела убить Сатурнина. Пронзенный мечами, тот пал рядом со своими жертвами. Только теперь Евдокия была предоставлена самой себе. Она построила в городе дворцы для себя и для иерусалимского епископа и больницу рядом с храмом Гроба Господня, просуществовавшую несколько столетий. Она возвела первые со времен Тита стены, окружив гору Сион и Город Давида; фрагменты этих стен сохранились до сих пор. По сей день отражаются в водной глади Силоамской купели и столпы ее многоярусной церкви[100].

Империю же захлестнула вновь разгоревшаяся христологическая полемика. Если Иисус и Бог Отец единосущны, как мог Христос сочетать в себе божественные и человеческие свойства? В 428 году Несторий, новый патриарх Константинопольский, заговорил о преобладании человеческого естества в двойственной природе Иисуса. Он выступил против употребления в догматических рассуждениях имени Богородица *(Theotokos)* применительно к Деве Марии и настаивал на именовании ее Христородицей *(Chhristokos)*. С этим не соглашались монофизиты, считавшие, что Христос обладал только одной природой, божественной, а человеческий вид его был иллюзорен. Несториане воевали с монофизитами в императорских дворцах и переулках Иерусалима со всей горячностью христологических оппонентов. У всех, подмечал Григорий Нисский, было свое мнение на этот счет: «Все в городе наполнено такими людьми — улицы, рынки, площади, перекрестки. Это торгующие платьем, денежные менялы, продавцы съестного. Ты спросишь о волах, а он любомудрствует о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать о цене хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше, а Сын у Него под рукой; если скажешь, что нужна баня, он решительно говорит, что Сын явлен из ничего».

Именно на этой христологической почве столкнулись вновь две императрицы после смерти Феодосия. Пульхерия, захватив власть в Константинополе, поддерживала несториан-диофизитов, тогда как Евдокия, как и большинство восточных христиан того времени, была монофизиткой. Пульхерия опрометчиво отлучила ее от церкви. Но когда Ювеналий, епископ Иерусалимский, поддержал Пульхерию, иерусалимляне-монофизиты мобилизовали все свои монашеские «ударные силы».

Изгнанный ими из города, епископ оказался в весьма затруднительном положении. Управление всей Христианской

Церковью к тому времени поделили между собой четыре патриархата — три восточных (Антиохийский, Александрийский, Константинопольский) и западный Римский. Однако Иерусалимские епископы всегда претендовали на собственное патриаршество. И вот наконец Ювеналию удалось добиться этого высшего иерархического положения — в награду за свою верность, чуть не стоившую ему жизни. А в 451 году Халкидонский собор выработал догмат о соединении двух природ в Иисусе Христе, «совершенном в Божестве, совершенном в человечестве, истинно Боге, истинно человеке». Такое решение удовлетворило и Пульхерию, и Евдокию — императрицы примирились. Этот догмат до сих пор признают приверженцы православной, католической и протестантской церквей. Но монофизитов и несториан он не устроил: занимавшие диаметрально противоположные позиции, они отвергли его и навсегда отделились от православной (византийской) Церкви[101].

В то время, когда Западная Римская империя под ударами Аттилы и германских варваров неумолимо приближалась к своему фатальному коллапсу, стареющая Евдокия сочиняла стихи на греческом и строила чуть севернее Дамасских ворот базилику Св. Стефана (не сохранившуюся до наших дней). Возле нее, рядом с реликвиями первомученика, она сама и была похоронена в 460 году в заранее подготовленной по ее распоряжению гробнице.

16. Закат византийцев: персидское вторжение *518–630 гг.*

Юстиниан и императрица-гетера: византийский Иерусалим

В 518 году императором Восточной империи стал престарелый Юстин, однако реальная власть оказалась в руках его 35-летнего племянника Петра, принявшего имя Юстиниан. Старый император, безграмотный фракийский крестьянин, всецело полагался на своего разумного племянника[102]. Юстиниан пришел к власти не один: его любовница Феодора, дочь дрессировщика медведей, принадлежавшего к партии «синих» (одна из партий болельщиков на состязании колесниц), росла в окружении потных возничих, в банях сомнительной репутации и у кровавых рвов для медвежьей травли на константинопольском ипподроме. Еще подростком она участвовала в непристойных театральных зрелищах и, говорят, была настолько одарена гимнастически, что во время оргий могла одновременно ублажать трех мужчин. В своей нимфомании она не знала меры: Феодора распластывалась на сцене, а гуси клевали ячменные зерна из «чаши этого страстного цветка». Впрочем, эти пикантные подробности, без сомнения, были преувеличены придворным историком императорской четы, который в своих тайных писаниях, похоже, отводил душу после повседневного придворного раболепства. Как бы то ни было на самом деле, Юстиниан считал энергичную и полную жизни Феодору совершенно неотразимой, так что даже изменил законы, чтобы взять ее в жены. И хотя интриги Феодоры усложняли Юстиниану жизнь, именно она частенько проявляла ту самую силу воли, которой порой так недоставало императору. Когда он почти потерял власть в Константинополе во время восстания «Ника» (532 год) и готов был уже бежать из столицы, императрица заявила, что «предпочитает смерть в пурпуре жизни без пурпура», и убедила мужа остаться во дворце, а его полководцев вдохновила на подавление мятежа.

Благодаря их реалистичным мозаичным портретам в церкви Сан-Витале в Равенне мы знаем, что Юстиниан был узколицым и неказистым, Феодора же — стройная и бледнокожая, со сверкающими глазами и поджатыми губами — смотрит на нас с мозаики ледяным, убийственным взором, а ее голову и грудь

украшают нити жемчугов. Эта был идеальный политический союз двух властолюбцев — пусть неравного происхождения, но в равной степени беспощадных и непримиримых в том, что касалось империи и религии.

Юстиниан, последний говоривший на латыни император Востока, был убежден, что делом его жизни является восстановление великой Римской империи и воссоединение христианского мира: незадолго до его рождения последний император Запада был свергнут с престола вождем германских варваров. По странной иронии судьбы это повысило престиж епископов Рима, которые вскоре стали величать себя папами, и усилило размежевание Востока и Запада. Юстиниан достиг удивительных успехов на поприще воссоздания мировой христианской империи — силой оружия, веры и искусства. Он отвоевал у варваров Италию, Северную Африку и Южную Испанию, хотя одновременно ему приходилось отражать постоянные вторжения персов, которые то и дело опустошали Восток. Императорская чета провозгласила свою христианскую империю «первым и величайшим благом всего человечества», безжалостно преследуя гомосексуалов, язычников, еретиков, самарян и евреев. Юстиниан лишил иудаизм статуса разрешенной религии и запретил праздновать еврейскую Пасху, если она приходилась на Страстную неделю. Император обращал синагоги в церкви, насильно крестил иудеев и даже узурпировал еврейскую историю: в 537 году, освящая новую великолепную купольную базилику Святой Софии (Премудрости Божией) в Константинополе, он якобы воскликнул: «Соломон, я превзошел тебя!» А затем отправился в Иерусалим, чтобы возвести там собственный «Храм Соломонов».

В 543 году Юстиниан и Феодора начали строительство церкви Неа (Новой), посвященной Пресвятой Богородице[103]. Это была базилика длиной почти 120 метров, высотой 56 м и со стенами пятиметровой толщины. Базилика, вход в которую был обращен прочь от Храмовой горы, должна была царить над городом и затмить славу места, где когда-то стоял Храм Соломона. Когда полководец Юстиниана Велизарий захватил столицу вандалов Карфаген, он обнаружил там семисвечник-менору, некогда вывезенный из Храма Титом. После пышного триумфа, который Велизарий справил в Константинополе, менору вместе с прочими трофеями провезли по городу, а затем отправили в Иерусалим — вероятно, для украшения Новой церкви Юстиниана.

Жизнь Святого города определяли ритуалы ортодоксального христианства[104]. Паломники входили в Иерусалим через

Северные ворота, построенные Адрианом, и вступали на Кардо — главную улицу города, по обеим сторонам которой тянулись колоннады. Ширина мощеной улицы составляла примерно 12 метров — вполне достаточно для того, чтобы на ней могли разъехаться две повозки. Следуя вдоль многочисленных лавок, расположенных в колоннадах, паломник доходил до Новой церкви Юстиниана. Состоятельные горожане жили к югу и юго-западу от Храмовой горы в двухэтажных особняках с внутренними дворами. «Счастливы те, кто живет в этом доме» — такая надпись сохранилась в одном из них. Дома, церкви и даже торговые лавки были пышно украшены мозаикой; яркая мозаика, на которой изображены цапли, голуби и орлы, вероятно, была исполнена по заказу армянских царей (посвятительная надпись говорит, что работа заказана «в память и во спасение всех армян, чьи имена Ты, Господи, ведаешь»). Более загадочной кажется полухристианская — полуязыческая мозаика с плутоватым Орфеем, играющим на лире, — она была обнаружена севернее Дамасских ворот.

Богатые византийские женщины носили длинные греческие одеяния, отороченные золотой, зеленой и красной каймой, а из украшений — нити жемчуга, ожерелья и серьги. При раскопках в Иерусалиме было найдено золотое кольцо, представляющее собой миниатюрную модель храма Гроба Господня.

Город принимал тысячи паломников: важные гости останавливались у патриарха, бедные ночевали в общих палатах странноприимных приютов, построенных Юстинианом, в которых было достаточно места для ночлега трех тысяч человек одновременно. Аскеты же предпочитали пещеры или старые иудейские гробницы в окрестных горах. Богатых и знатных погребали в саркофагах, расписанных фресками и снабженных колокольчиком, чтобы покойник мог отгонять демонов. Для безымянных захоронений бедняков служили братские могилы на Поле Крови.

Искушения, против которых гневно восставал еще Иероним, были всегда доступны: на городском ипподроме проходили состязания колесниц, сопровождаемые шумными криками болельщиков из группировок «синих» и «зеленых». Одна из надписей, найденных в Иерусалиме, славила первых: «Фортуна „синих“ побеждает! Слава!» Феодора умерла вскоре после окончания строительства Новой церкви. Юстиниан к тому времени успел разменять восьмой десяток. Он умер в 565 году, после почти пятидесятилетнего правления. Он расширил пределы империи так, как это не удавалось никому из ее прежних правителей, за исключением Августа и Траяна, но уже к концу

столетия стала очевидна непрочность этих завоеваний и неустойчивость непомерно растянутых границ. В 602 году трон захватил узурпатор Фока, которому удалось довольно долго удерживать власть — в том числе и благодаря тому, что он вооружил цирковую партию «синих» и успешно натравливал этих головорезов на своих политических врагов (которые, в свою очередь, опирались на «зеленых»), а также насильно крестил евреев. «Синие» и «зеленые», представлявшие собой опасную комбинацию спортивных фанатов и разнузданных политических погромщиков, вели борьбу и за Иерусалим: «Они были полны всяких злодейств, не довольствуясь только избиением и ограблением верующих, а предавались также кровопролитию и человекоубийству. Бой и истребление всегда царили среди них, и они постоянно чинили злодейства и над жителями Иерусалима». «Зеленые» в результате победили, но византийские войска отбили у них город и подавили мятеж.

Эта смута пришлась как нельзя более кстати для персидского шаха Хосрова II. Когда Хосров был еще мальчиком, ему помог вернуться на престол византийский император Маврикий; когда Маврикий был свергнут и убит Фокой, Хосров расценил это как повод для того, чтобы вторгнуться в пределы Византийской империи в надежде навсегда стереть Константинополь с лица земли. Иерусалим уже стоял на пороге хаотического периода, когда ему за четверть века довелось познать господство четырех различных религий: христианства, зороастризма, иудаизма и ислама.

Шах и царский вепрь: бешеные псы

Персы, ощетиненные копьями своей закованной в латы тяжелой конницы, завоевали римскую Месопотамию, а затем ринулись в Сирию. Евреи Антиохии, которых так долго притесняли византийцы, подняли восстание. Когда выдающийся персидский полководец, вошедший в историю под прозвищем Шахрвараз («царский вепрь»), двинулся на юг, двадцать тысяч евреев Антиохии и Тивериады присоединились к нему и приняли участие в осаде Иерусалима. Патриарх Захария пытался вступить в переговоры с персами, но цирковые болельщики, неиствовавшие на улицах города, «напав на него, точно звери… принудили его отказаться от своего намерения». Через три недели персы и евреи ворвались в город.

Иерусалим и едва ли не весь римский Восток теперь принадлежали молодому персидскому царю царей, шахиншаху

Хосрову II, чья новая империя простиралась от Афганистана до Средиземноморья. Этот шах доводился внуком величайшему из сасанидских правителей, который сжег Антиохию во времена Юстиниана. Но детство, проведенное в бесконечных унижениях — мальчик был беспомощной пешкой в руках враждовавших аристократических кланов, — привело к тому, что повзрослевший Хосров превратился в страдающего манией величия параноика. Он утверждал свою власть проявлениями экстравагантной гигантомании: его стяг из тигровой шкуры был длиной 39 и шириной шесть метров. Свой царский суд Хосров вершил на огромном «Весеннем ковре» площадью в 90 м^2, затканном золотом и парчой и изображавшим цветущий царский сад. А в его *шабестане* — прохладных сводчатых покоях, где шахи содержали свой гарем, — жили три тысячи красавиц. И возможно, именно он построил грандиозный дворец в персидской столице Ктесифоне (неподалеку от современного Багдада) с самым большим в мире залом для аудиенций.

Шах, в числе многоязычных подданных которого было много иудеев и христиан, исповедовал зороастризм, однако это не помешало ему взять в жены прекрасную христианку-несторианку Ширин. Облаченный в золотые одежды и украшенные золотом латы, усыпанный драгоценностями шах восседал на своем «черном как рок» вороном скакуне по кличке Шабдиз («Полночь»).

Теперь, когда Иерусалим был взят, Государев вепрь двинулся походом на Египет. Но как только Шахвараз оставил город, жители Иерусалима взбунтовались против персов и вернувшихся с ними иудеев. Персидский полководец быстро вернулся и в течение 20 дней осаждал город, разрушив за это время церкви на Масличной горе и в Гефсиманском саду. Затем персы и иудеи прорыли подкоп под северо-восточной стеной (всегда самым ненадежным местом обороны) и на 21-й день осады, в начале мая 614 года, начали штурм города. «Злые враги вступили в город с большой яростью, точно рассвирепевшие звери и обозлившиеся драконы, — писал очевидец падения Иерусалима, монах Антиох Стратиг. — Народ во множестве устремлялся в церкви и алтари, и там их истребляли, ибо враги входили с великим гневом, в жестокой ярости скрежетали зубами, шипели как лютые ехидны и убивали всех, кого находили. Точно бешеные псы откусывали зубами мясо у верующих и совершенно никого не щадили: ни мужчины, ни женщины, ни юноши, ни старика, ни отрока, ни ребенка, ни священника, ни монаха, ни девицы, ни вдовы».

За три дня были перебиты тысячи христиан. Патриарха и еще 37 тысяч христиан обратили в рабство и угнали в Персию. А когда уцелевшие собрались на Масличной горе, «они подняли глаза

вверх и взглянули на Иерусалим и святые церкви: пламя, точно из печи, достигало облаков, и так сгорал Иерусалим. Тогда принялись рыдать и плакать все вместе громогласно», посыпая головы пеплом при виде того, как храм Гроба Господня, Новую церковь, «Мать всех церквей» на горе Сион, и армянский собор Святого Иакова безжалостно пожирают языки адского огня. Христианские реликвии — Копье, Губку и Крест — были отосланы Хосрову, а тот передал их царице Ширин. Та хранила реликвии в своей церкви в Ктесифоне.

А затем, через 600 лет после того, как Тит разрушил Храм, Государев вепрь отдал Иерусалим иудеям.

Неемия II: еврейский террор

После нескольких веков репрессий иудеи, которых возглавлял загадочный вождь по имени Неемия (Нехемия) бен Хушиэль, страстно желали отомстить христианам, которые еще несколько недель тому назад преследовали и притесняли их. Персы согнали тысячи менее ценных для себя пленников в пруд Мамилла — большой резервуар для воды к западу от города, где, согласно христианским источникам, поставили их перед таким же выбором, перед каким христиане еще недавно ставили иудеев: немедленное обращение или смерть. Некоторые монахи приняли иудаизм, другие были замучены[105]. Ликующие иудеи, вероятно, приступили к новому освящению Храмовой горы. Они могли теперь совершать жертвоприношения[106], и мессианское рвение охватило весь еврейский мир, вдохновив энтузиазм «Книги Зоровавеля»[107].

Персидский шах завоевал Египет, Сирию, Ирак и Малую Азию вплоть до Константинополя. Лишь город Тир все еще держал оборону, и персы приказали Неемии бен Хушиэлю захватить его. Однако войско Неемии потерпело поражение и бежало из-под Тира, а персы тем временем уже, конечно, поняли, что чем больше останется христиан, тем больше пользы от них будет. Через три года пост иудейского наместника был упразднен, а в 617 году Государев вепрь вновь изгнал иудеев из Иерусалима. Неемия попытался оказать сопротивление, но был разгромлен и казнен в Эммаусе (ныне Амвас) близ Иерусалима.

Персы вернули город христианам. В который раз настал черед еврейских погромов. Евреи покинули Иерусалим через Восточные ворота, как прежде христиане, и направились к Иерихону. Христиане нашли Святой город опустошенным: священник Модест, поставленный окормлять иерусалимскую

паству в отсутствие патриарха, энергично принялся восстанавливать разрушенный храм Гроба Господня, но городу уже не суждено было обрести то великолепие, которым он был славен при Константине и Юстиниане.

Три раза со времен Тита евреи получали возможность свободно молиться на руинах Храма: вероятно — при Бар-Кохбе, наверняка — при Юлиане и Хосрове. Но быть хозяевами в своем городе они не смогут еще целых 1300 лет. Персы же в самом зените своего триумфа столкнулись с молодым византийским императором, который, казалось, по праву носил имя Геракла.

Ираклий: первый крестоносец

Рослый светловолосый Ираклий выглядел так, как и подобает выглядеть спасителю империи. Сын наместника Африки, в чьих жилах текла армянская кровь, Ираклий захватил власть в 610 году, когда большая часть Византийской империи была в руках персов и казалось, что худшего положения просто быть не может. Однако стало еще хуже. Выступив против персов, Ираклий потерпел полное поражение от Шахрвараза, а тот, развивая успех, захватил Сирию и Египет, а затем осадил и сам Константинополь. Ираклий заключил унизительное перемирие, которое, однако, дало ему время для того, чтобы восстановить мощь и обдумать планы реванша.

В пасхальный понедельник 622 года флот Ираклия выступил из Константинополя, но корабли с войском отправились не через Черное море на Кавказ (как можно было ожидать), а спустились на юг вдоль Ионийского побережья Эгейского моря, обогнули Малую Азию и вошли в залив Иссос[108]. Здесь Ираклий высадился на берег и разгромил Царского вепря. Даже когда персы угрожали его столице, Ираклий стремился перенести войну на территорию противника. На следующий год он повторил обманный маневр, совершив переход через Армению и Азербайджан в сторону резиденции Хосрова в городе Ганзак. Шах дрогнул и отступил. Ираклий перезимовал в Армении и затем, в 625 году, продемонстрировал поистине геракловы чудеса военного искусства, не допустив соединения трех персидских армий и разгромив каждую из них поочередно.

В этой череде рискованных авантюр, в противостоянии глобальных амбиций двух азартных игроков шах сумел вновь переломить ход войны, прибегнув к тактике своего противника: он приказал одному из полководцев захватить Месопотамию, а Вепрю поручил наладить связи с аварами — кочевым народом,

который в то время разбойничал на Балканах, — и совместно с ними взять Константинополь. Шах, именовавший себя «благороднейшим из богов, царем и владыкою всей земли», писал Ираклию: «Ты говоришь, что полагаешься на Господа. Почему же тогда Он не отобрал у меня Кесарию, Иерусалим, Александрию? И неужели не смогу я также уничтожить Константинополь? Разве я не побеждал вас, греки?» Ираклий послал одну армию воевать в Месопотамии, другую поставил оборонять столицу, а сам нанял 40 тысяч хазарских всадников — представителей тюркского кочевого народа, — чтобы сформировать третью.

Константинополь был осажден персами и аварами на обеих сторонах Босфора. Но шах ревновал к успехам Вепря, а самонадеянное высокомерие и изобретательная жестокость «царя и владыки всей земли» уже настроили против Хосрова его приближенных. Шах послал письмо адъютанту Вепря с повелением убить полководца и принять командование. Ираклий перехватил письмо. Пригласив Вепря на встречу, император показал ему письмо. Бывшие враги заключили тайный союз. Константинополь был спасен.

Царский вепрь отступил в Александрию, чтобы править оттуда Сирией, Палестиной и Египтом. А Ираклий отправил флот через Черное море на Кавказ и со своими хазарскими конниками вторгся в Персию. Искусными маневрами он переиграл противника, добился над ним преимущества, лично убил в поединках трех знатных персидских витязей, а затем разгромил главные силы персов и вплотную подошел к столице шаха. Самонадеянность Хосрова погубила его. Шах был схвачен и брошен в темницу — Дом Тьмы, — где сначала у него на глазах убили сына, а затем запытали до смерти и самого царя царей. Персы согласились вернуться к *status quo ante bellum* (состоянию до начала войны). Царский вепрь согласился взять в жены племянницу Ираклия и рассказал, где прячут Животворящий Крест. В результате изощренных интриг бывший полководец Хосрова в конце концов захватил персидский трон — но вскоре и сам пал жертвой покушения.

В 629 году Ираклий отправился со своей супругой (приходившейся ему также племянницей) из Константинополя в Иерусалим, чтобы вернуть туда Животворящий Крест. Он помиловал евреев Тивериады и даже остановился там, в доме богатого еврея по имени Вениамин; тот потом сопровождал царя до самого Иерусалима и по пути принял крещение. Ираклий обещал иудеям, что византийцы не будут мстить и что евреям будет дозволено жить в Иерусалиме.

21 марта 630 года изможденный и седой 55-летний

император подъехал верхом к Золотым воротам Иерусалима, построенным специально к его визиту. Это изысканное сооружение стало для всех трех авраамических религий самым мистически насыщенным входом в Иерусалим, поскольку через эти ворота должен был войти Мессия в Судный день[109]. У ворот Ираклий спешился, чтобы внести Животворящий Крест в город. Согласно преданию, когда он попытался пройти через них в своих богатых византийских одеждах, ворота непостижимым образом превратились в монолитную стену. Когда же он принял смиренный вид, сняв роскошные облачения, ворота вновь раскрылись и пропустили всю императорскую процессию. Путь Ираклия к храму Гроба Господня, вновь освященному патриархом Модестом, выстилали ковры и душистые травы. Катастрофа, которая едва не постигла империю, и возвращение победоносного царя породили еще одну версию грядущего апокалипсиса, согласно которой мессианский Последний император сокрушит врагов христианства и затем передаст власть Иисусу Христу, который и будет вершить Страшный суд.

Христиане требовали, чтобы император отомстил евреям, но Ираклий отказывался, пока монахи не взяли на себя его грех за нарушение обещания, которое он дал иудеям. После этого он изгнал из города всех оставшихся там евреев, многие при этом были убиты. Позднее Ираклий приказал насильно крестить иудеев.

Тем временем из далеких южных земель за Ираклием наблюдали арабы. И они обращали внимание не столько на его победы, сколько на его слабые места. «Повержены римляне», — возгласил их вождь Мухаммед, только что объединивший арабские племена, в своем новом откровении, которое стало затем священным текстом мусульман, Кораном. Пока Ираклий пребывал в Иерусалиме, Мухаммед совершил набег на Царскую дорогу[110], чтобы проверить на прочность систему византийской обороны. Арабы были отброшены, но скоро им предстоит вернуться.

Ираклий не слишком встревожился: разрозненные арабские племена на протяжении столетий не раз вторгались в Палестину. И византийцы, и персы использовали арабов как буфер между двумя империями, а в войсках Ираклия имелись большие отряды арабской конницы.

На следующий год Мухаммед послал еще один небольшой отряд на византийскую территорию. Но он был уже стар, его жизнь близилась к концу. А Ираклий покинул Иерусалим и вернулся назад в Константинополь. Казалось, опасаться по большому счету нечего.

Часть четвертая. Ислам

Слава Тому, кто перенес в продолжение ночи Своего слугу из священного храма Мекки в отдаленный храм Иерусалима…

Коран, 17:1

Посланник Аллаха был перенесен из мечети Аль-Харам в мечеть аль-Акса — а это священный дом от Илии… Он нашел там Ибрахима, Мусу, Ису в числе пророков, которые были собраны для него.

Ибн Исхак, Житие посланника Аллаха

Правитель не признавался халифом до тех пор, пока не стал править и Священной мечетью [в Мекке] и Иерусалимской мечетью.

Шибани, Фадаиль[111]

Один день в Иерусалиме — что тысяча дней, один месяц — что тысяча месяцев, а один год — что тысяча лет. Умереть там — все равно, что принять смерть в первой сфере Небесной.

Ка'аб аль-Ахбар, Фадаиль

Грех, совершенный в Иерусалиме, тяжек, как тысяча грехов, а благой поступок равен тысяче добрых дел.

Халид бин-Мадан аль-Калаи, Фадаиль

Аллах, да пребудет Он в милости, сказал об Иерусалиме: ты

— сад мой Эдемский, ты — моя святая и избранная земля.

Ка’аб аль-Ахбар, Фадаиль

О, Иерусалим, я пошлю тебе слугу Моего Абд аль-Малика, чтобы он отстроил и украсил тебя.

Ка’аб аль-Ахбар, Фадаиль

17. Арабское завоевание *630–660 гг.*

Мухаммед: ночное путешествие

Отец Мухаммеда умер до его рождения, а мать он потерял, когда ему было шесть лет. Будущего пророка воспитывал дядя, бравший его с собой в торговые поездки в сирийский город Босру. Там мальчик услышал от некоего монаха о христианстве, изучил священные тексты иудеев и христиан и начал почитать Иерусалим как одно из самых достославных святых мест. Когда Мухаммеду шел уже третий десяток, его наняла в качестве проводника для своих караванов богатая вдова по имени Хадиджа, гораздо старше него, а по прошествии некоторого времени вышла за него замуж. Они жили в Мекке, городе Каабы с ее Черным камнем, городе, где поклонялись множеству языческих богов. Мекка уже в те времена процветала благодаря множеству паломников и купцов, которых привлекали сюда святыни местных культов и выгоды караванной торговли.

Мухаммед происходил из племени курайш (курайшитов), и многие его соплеменники были успешными купцами или блюстителями Каабы. Но его собственный род бану-хашим (хашимиты) не относился к числу самых влиятельных в племени. Мухаммед — судя по описаниям, человек красивый, с вьющимися волосами и бородой, — обладал одновременно и духовной харизмой, и покоряющим добродушием: рассказывали, что когда он брал кого-либо за руку, то никогда не отнимал свою руку первым. Он вызывал восхищение у окружающих своей честностью и рассудительностью. «Он был лучший среди нас», — признавали позднее его воины; и, наверное, не случайно его прозвали аль-Амин — «Верный».

Как и в случае с Моисеем, Давидом или Иисусом, мы не можем из сегодняшнего дня разгадать, какую роль сыграла личность Мухаммеда в его успехе, но, как и они, он явился именно в тот момент, когда был нужен. Во времена *джахилии* (эпоха первобытной грубости и невежества, царивших в мире до прихода Мухаммеда) «не было никого, более одинокого, чем мы», писал позднее один из его сподвижников. «Нашей религией было убивать друг друга и завоевывать других. И были среди нас такие, кто заживо хоронил дочерей своих, не желая, чтобы съедали они нашу пищу. И тогда Бог послал нам почтенного человека».

В одной из гор в окрестностях Мекки есть небольшая пещера под названием Хира, в которой Мухаммед любил уединяться для медитации. Согласно исламской традиции, именно в этой пещере в 610 году ему явился архангел Джабраил (Гавриил), открывший Мухаммеду, что Бог избрал его посланником и пророком. Когда пророк внимал Откровению единого Бога, он падал ниц, его лицо, как говорят, пылало, и пот струился по нему; он был весь поглощен видениями, являвшимися ему под звенящий шум в ушах, похожий на звон колокольчиков, а затем он начинал изрекать поэтические, божественные слова. Сначала он был в ужасе от этого состояния, но Хадиджа верила в его призвание, и Мухаммед начал свою проповедь.

В этом грубом воинственном обществе, где каждый мальчик и каждый мужчина носил оружие, литературная традиция существовала не в письменной форме, а в виде богатого устного поэтического предания, воспевавшего подвиги славных воинов, страстных влюбленных, бесстрашных охотников. Мухаммед следовал этой поэтической традиции и развивал ее: его 114 *сур* (глав), состоящих из *аятов* (стихов), поначалу передавались в устной форме и только со временем стали главами Корана — священной книги, в которой сочетаются высокая поэзия, сакральная загадочность, внятное назидание и смущающие противоречия.

Мухаммед был вдохновенным провидцем, проповедовавшим покорность (араб. *ислам*) единому Богу, которая будет вознаграждена спасением, ценности равенства и справедливости, добродетели непорочной жизни с простыми и легко исполняемыми ритуалами и правилами жизни и смерти. Он радушно встречал всех, принимавших его веру. Он почитал Библию и считал Давида, Соломона, Моисея и Иисуса пророками, однако его собственное откровение должно было превзойти все предыдущие. И, что важно для судьбы Иерусалима, Мухаммед утверждал неизбежность апокалипсиса, который он называл Судным днем или просто Часом, что в немалой степени предопределило динамизм раннего ислама. «Знанием о нем обладает только Аллах, — сказано в Коране. — Откуда тебе знать, быть может, Час близок?» А ведь все иудейские и христианские священные тексты подчеркивают, что Суд будет происходить в Иерусалиме.

В одну из ночей, согласно исламскому преданию, когда Мухаммед спал подле Каабы, ему явился архангел Джабраил, и они вдвоем, оседлав Бурака — крылатого жеребца с головой человека, — отправились в Ночное путешествие и вознесение (*исра-и-мирадж*) и в мгновение ока перенеслись в не названную по

имени «мечеть отдаленнейшую». Там Мухаммед обнаружил своих «отцов» (Адама и Авраама) и своих «братьев» (Моисея, Иосифа и Иисуса), а затем по лестнице поднялся на небо. В отличие от Иисуса, Мухаммед называл себя лишь Посланником Бога и не обладал способностью творить чудеса. Исра (ночное путешествие) и мирадж (вознесение) были его единственными сверхъестественными деяниями. На самом деле Иерусалим и Храм не упоминались в раннем исламском предании, однако со временем мусульмане пришли к убеждению, что «мечеть отдаленнейшая» — это Храмовая гора.

Когда жена и дядя Мухаммеда скончались, он столкнулся с неприкрытой враждебностью богатых семейств Мекки, чье благополучие зависело от числа паломников, приходивших к камню Каабы. Мекканцы пытались даже убить его. Однако с Мухаммедом заключила соглашение группа жителей финикового оазиса Ясриб (Ятриб), находившегося к северу от Мекки. Ясриб был основан иудейскими племенами, но там жили также и язычники — ремесленники и земледельцы. Жители Ясриба попросили Мухаммеда восстановить мир между их враждовавшими кланами. И пророк вместе со своими ближайшими сподвижниками переселился из Мекки в Ясриб, получивший впоследствии название Мединат-ан-Наби («город пророка») или просто Медина. Там он объединил своих приверженцев — переселенцев (мухаджиров) и новых последователей, помощников (ансаров), а также их иудейских союзников — в новую общину, *умму*. Это было в 622 году, и Переселение (*хиджра*) стало точкой отсчета, открывающей новый, мусульманский календарь.

Мухаммед искусно умел примирять самых разных людей и разные идеи. Оказавшись в Медине, с ее влиятельными еврейскими кланами, он основал здесь первую мечеть, первоначально установив *киблу* (ориентацию во время молитвы) на Иерусалимский Храм. Он молился на закате в пятницу — в иудейский шаббат, — постился в День искупления (воскресенье), запретил есть свинину и практиковал обрезание. Единство Бога, которое проповедовал Мухаммед, противоречило христианскому учению о Троице. Но многие ритуалы, в частности простирание на молитвенных ковриках, восходили к обрядам христианских монастырей. Идея минарета была, возможно, навеяна башнями столпников. А месяц Рамадан напоминал Великий пост. И все же ислам, по сути своей, стал самостоятельным вероучением.

Мухаммед создал маленькое государство с собственными законами, однако столкнулся с сопротивлением — и в Медине, и в своей родной Мекке. Новому государству нужно было

защищаться от врагов и завоевывать новые территории: новый термин *джихад* (дословно «усилие») стал обозначать как внутренний процесс самосовершенствования, так и священную завоевательную войну. Коран проповедовал не только уничтожение неверных, но и терпимость к некоторым из них при условии, что они безусловно признают верховенство ислама. Это было очень важно, поскольку евреи Медины отказывались признавать Мухаммеда пророком и подчиняться ему. Поэтому он изменил киблу с Иерусалима на Мекку и отверг иудаизм: Всевышний потому и разрушил Храм, что иудеи согрешили: «Какое бы знамение ты ни показал тем, кому было даровано Писание, они все равно не станут обращаться к твоей кибле, а ты не станешь обращаться к их кибле» (то есть Иерусалиму).

Пока Мухаммед воевал с мекканцами, он не мог допустить никаких проявлений нелояльности в Медине. Поэтому он изгнал из города евреев, а с одним из их кланов показательно расправился в назидание другим: 700 мужчин были обезглавлены, а их жены и дети обращены в рабство. В 630 году Мухаммед наконец захватил Мекку и начал распространять свое единобожие по всей Аравии — словом и силой.

Завоевав Аравию, мусульмане обратили свои взоры на империи «неверных» за пределами полуострова. Первые последователи Мухаммеда, мухаджиры и ансары, составляли его ближайшее окружение. Но он с равным энтузиазмом привечал также и бывших врагов, и ловких приспособленцев. Исламское предание донесло до нас факты из личной жизни Мухаммеда: у него было несколько жен (любимая — Аиша, дочь его сподвижника Абу Бакра) и множество наложниц, среди которых были и красивые иудейки, и прекрасные христианки. Из его детей особо стоит упомянуть дочь Фатиму.

Мухаммед умер в 632 году в возрасте около 62 лет. Его преемником был провозглашен тесть пророка Абу Бакр, получивший почетный титул амир аль-муминин, Повелитель правоверных[112]. После смерти Мухаммеда в Аравии начались волнения, но Абу Бакр сумел усмирить и сплотить арабские племена и обратил всю их силу против двух могущественных империй — Византийской и Персидской, — которые, по мнению мусульман, были развращенными, порочными, и поэтому дни их были сочтены. И повелитель правоверных приказал своим всадникам на верблюдах завоевать Месопотамию и Палестину.

Халид ибн Валид: меч ислама

Где-то неподалеку от Газы «произошла битва между римлянами и кочевниками Мухаммеда, — записал в 640 году Фома Пресвитер, первым из независимых историков упомянувший исламского пророка. — Римляне бежали». Император Ираклий, все еще находившийся в Сирии, готовился сокрушить арабов, а те, в свою очередь, обратились к Абу Бакру с просьбой о подкреплении. Повелитель правоверных отозвал из Месопотамии своего лучшего полководца Халида ибн Валида. Проскакав безводную пустыню за шесть дней, Халид прибыл в Палестину как раз вовремя.

Халид был одним из тех мекканских аристократов, которые сначала сражались против Мухаммеда, однако когда он наконец обратился в новую веру, пророк тепло принял этого энергичного воина и дал ему прозвище Меч Аллаха. Халид относился к числу тех кичливых полководцев, которые часто действуют по собственному усмотрению, пренебрегая приказами своих политических лидеров. Ход дальнейших событий довольно туманен, но нам известно, что Халид объединился с остальными арабскими военачальниками, принял верховное командование, разгромил византийское войско юго-западнее Иерусалима, а затем осадил Дамаск. Между тем далеко на юге, в Мекке, умер Абу Бакр. Своим преемником он назначил Омара (Умара) ибн Хаттаба — одного из первых последователей Мухаммеда и его ближайшего соратника. Новый повелитель правоверных не доверял Халиду, скопившему каким-то образом огромное состояние и ставшему уже при жизни легендой, и отозвал его в Мекку: «Халид, — сказал Омар, — вытащи свое богатство у нас из задницы и уходи».

Ираклий послал войско, чтобы остановить арабов. Омар, со своей стороны, назначил нового командующего по имени Абу Убайда, а Халид вернулся в войско под его начало. Несколько месяцев прошло в мелких стычках, и наконец арабы вынудили византийцев принять бой в труднопроходимых ущельях у реки Ярмук, на границе нынешних Иордании, Сирии и израильских Голанских высот. «Это одна из битв Аллаха», — сказал Халид своим воинам, и 20 августа 636 года Аллах наслал на христиан пыльную бурю: ослепленные, византийцы обратились в беспорядочное бегство по утесам Ярмука. Халид отрезал им путь к отступлению, и к концу битвы христиане были настолько изнурены, что многие из них без сил падали на землю и не пытались оказывать сопротивления арабам, которые добивали врага. В том бою погиб брат императора, а сам Ираклий так и не оправился после поражения. Битва при Ярмуке стала одной из решающих в истории. Византийцы потеряли Сирию и Палестину,

а их империя, ослабленная войной с Персией, казалось, вот-вот должна была рухнуть как карточный домик. Впрочем, мы вправе усомниться, что судьбу империи предопределило лишь одно сражение, а не целый ряд упорных набегов арабов. Но каким бы напряженным ни было арабское завоевание, их достижение кажется поистине удивительным: крошечным отрядам погонщиков верблюдов, а некоторые из них не насчитывали и тысячи человек, удалось сокрушить мощные легионы Восточного Рима. Однако повелитель правоверных на том не успокоился. Он послал еще одно войско на север — завоевывать Персидскую империю, которая вскоре пала к ногам арабов.

В Палестине держался лишь Иерусалим под началом патриарха Софрония — ученого греческого мужа, воспевавшего в своих поэтических строфах «Сион, сияющий Сион Вселенной». Софроний едва верил своим глазам, взирая на катастрофу, постигшую христиан. Проповедуя в храме Гроба Господня, Софроний обличал грехи христиан и зверства арабов, которых он называл по-гречески *sarakenoi* — сарацинами: «Откуда на нас все эти войны? Откуда бесчисленные варварские вторжения? Мерзостью нечестивых сарацин осквернен Вифлеем. Сарацины пошли на нас, словно дикие звери, из-за грехов наших. Покаемся же и встанем на путь праведный».

Но времени для этого уже не оставалось. Арабы устремились на город, который они называли Илия (от римского Элия). Первым из арабских полководцев город осадил Амр ибн аль-Ас — еще один сказочный витязь, искатель приключений из знатного мекканского рода, считавшийся лучшим воином после Халида. Амр, как и другие арабские вожди, знал местность очень хорошо: неподалеку от Иерусалима у него был участок земли, и в молодости он часто бывал в Святом городе. Но не только жажда добычи влекла арабов.

«Близок Судный час», — говорит Коран. Воинственный фанатизм первых мусульман подогревался их верой в Судный день. Коран не оговаривал это особо, но они знали от иудейских и христианских пророков, что события этого дня должны разыграться в Иерусалиме. И коль скоро Судный час близился, им нужен был Иерусалим.

Халид и другие полководцы присоединились к Амру, и арабские армии сомкнулись вокруг стен города. Эти отряды были, вероятно, слишком немногочисленны для штурма, и не похоже, что имели место ожесточенные бои. Софроний отказывался сдать город, если христианам и их святыням не будет гарантирована пощада, причем гарантии должны были исходить лично от халифа Омара. Амр предложил решить проблему, выдав за

Повелителя правоверных Халида ибн Валида, однако того узнали и разоблачили. Пришлось вызывать из Мекки Омара.

Халиф произвел смотр не занятой в осаде части арабского войска в местечке Аль-Джабия на Голанских высотах, и, вероятнее всего, именно там иерусалимские послы встретились с ним для переговоров о сдаче. Христиане-монофизиты, составлявшие в Палестине большинство, ненавидели византийцев, и, похоже, ранние мусульмане охотно даровали свободу отправления культа своим «единомышленникам»-монотеистам.

Следуя Корану, Омар предложил христианам Иерусалима статус *зимми* (досл. «люди договора») — покровительствуемой части населения. Статус гарантировал христианам защиту жизни и имущества в обмен на подчинение власти мусульман и уплату особого подушного налога — *джизьи*. Когда соглашение было достигнуто, Омар направился в Иерусалим — огромного роста, в залатанных лохмотьях, на муле, в сопровождении одного лишь слуги.

Омар Праведный: отвоеванный храм

Увидев Иерусалим с горы Скопус, Омар приказал своему муэдзину возгласить призыв к молитве. Помолившись, он облачился в белые паломнические одежды, оседлал белого верблюда и спустился с горы для встречи с Софронием. Византийские иерархи ожидали завоевателя — их пышные, отделанные драгоценными камнями одежды резко контрастировали со скромным одеянием Омара. Рослый и мускулистый халиф, бывший в юности борцом, вел жизнь сурового аскета и всегда носил с собой бич. Говорят, когда в комнату заходил Мухаммед, женщины и дети продолжали смеяться и болтать, но они сразу же замолкали, как только видели Омара. Именно Омар начал составлять Коран, создал мусульманский календарь и разработал многие исламские законы, причем его законы, касавшиеся женщин, были еще более суровыми, чем те, что ввел Мухаммед. Как-то, застав своего сына пьяным, Омар нанес ему 80 ударов бичом, забив до смерти.

Софроний вручил повелителю правоверных ключи от Святого города. Когда патриарх увидел Омара и его орду одетых в лохмотья арабов на верблюдах и скакунах, он пробормотал что-то насчет «мерзости запустения». Большинство воинов Омара происходили из племен Хиджаза[113] или Йемена. Они передвигались легко и быстро, носили тюрбаны и накидки и питались лепешками из верблюжьего подшерстка, смешанного с

кровью, зажаренными на открытом огне. Арабы-воины сильно отличались от латников тяжелой персидской или византийской кавалерии. У арабов только полководцы носили кольчуги или шлемы. Остальные «скакали верхом на косматых, коренастых лошадях с мечами, начищенными до блеска, но спрятанными в потертые матерчатые ножны». Они были вооружены луками и копьями, оплетенными верблюжьими сухожилиями, а их красные щиты, обтянутые воловьей кожей, напоминали «пышные красные краюхи хлеба». Они холили и лелеяли свои мечи, давали им имена и слагали о них песни.

Бахвалясь своей неотесанностью, они заплетали волосы в пучки, торчавшие, словно «козлиные рога». Когда они находили дорогие ковры, то бросали их под копыта, а затем изрубали на куски, чтобы сделать из них украшения для копий. Они радовались награбленной добыче и пленникам так же, как любые другие завоеватели. «Внезапно я ощутил присутствие человеческого существа, спрятавшегося под какими-то покрывалами, — писал один из них. — Я откинул их в сторону, и что я увидел? Женщину, обликом похожую на газель, лучезарную, как солнце. Я взял ее и ее одежды, которые я отдал как добычу, но испросил, чтобы девушка принадлежала мне. Я взял ее себе наложницей»[114]. Арабские войска не имели никаких технических преимуществ перед противниками, зато ими двигал фанатизм.

Согласно традиционным исламским источникам, составленным гораздо позднее, Софроний сопроводил повелителя сарацин в храм Гроба Господня в надежде на то, что тот испытает благоговение перед совершенной святостью христианства, а может быть, и примет ее. Когда муэдзин Омара созвал воинов на молитву, Софроний предложил Омару помолиться в церкви, но тот, говорят, отказался, предупредив, что в этом случае храм навсегда станет местом молитвы мусульман. Омар знал, что Мухаммед почитал Давида и Соломона. «Проводи меня к святилищу Давида», — повелел он Софронию. Омар со своими воинами проследовал на Храмовую гору — скорее всего, через южные Ворота пророков — и нашел, что она осквернена «кучами навоза, который христиане свозили туда для унижения иудеев».

Омар попросил, чтобы ему показали Святая Святых. Обращенный иудей по имени Кааб аль-Ахбар, по прозвищу Рабби, ответил: если халиф сохранит «стену» (возможно, имелись в виду остатки Иродовой крепости, включая Западную стену), «я раскрою ему, где находятся руины Храма». Кааб показал Омару Краеугольный камень (Камень Основания), который арабы назвали Сахра («скала»).

Омар поручил своим воинам убрать мусор, которым была завалена гора, чтобы устроить на ней площадку для молитвы. Кааб аль-Ахбар рекомендовал место к северу от Краеугольного камня, чтобы, обращаясь на юг, мусульмане могли молиться «лицом сразу к двум киблам, Моисея и Мухаммеда».

«Ты все еще радеешь об иудеях», — вероятно, ответил на это Омар и приказал возвести свой первый молельный дом южнее скалы — примерно там, где ныне стоит мечеть аль-Акса, — так, чтобы кибла была обращена строго на Мекку. Омар следовал завету Мухаммеда: через голову христиан возродить древнее святилище, с тем, чтобы мусульмане стали законными наследниками иудеев, отодвинув в сторону христиан.

Истории о деяниях Омара в Иерусалиме были записаны лишь через сто с лишним лет после сдачи города арабам, когда практически уже завершилось оформление исламских ритуалов, которые весьма отличались от иудейской и христианской обрядности. И все же предание о ребе Каабе и других евреях, позднее составившее исламскую литературную традицию *Israiliyyat*, воспевающую величие Иерусалима, доказывает, что в ислам перешли многие иудеи, а возможно, и христиане. Мы никогда не узнаем наверняка, что же на самом деле происходило в те первые десятилетия становления ислама, но некоторая расслабленность договоренностей в Иерусалиме (как и в некоторых других местах) позволяет предположить, что уровень общения и сотрудничества между завоевателями и «людьми Книги» оказался неожиданно высоким[115].

Мусульмане поначалу охотно разделяли святилища с христианами. В Дамаске, к примеру, они много лет молились в церкви Св. Иоанна, а в дамасской мечети Омейядов до сих пор почитают гробницу Иоанна Крестителя. В Иерусалиме также можно найти довольно свидетельств подобной практики. В церкви Кафизмы за городской чертой был устроен *михраб* — ниша, указывающая направление на Мекку. Вопреки легенде об Омаре, первые мусульмане скорее всего поначалу — до постройки мечети на Храмовой горе — молились в храме Гроба Господня или подле него.

Евреи также приветствовали арабов после столетий византийского владычества. Известно, что они, равно как и христиане, даже воевали в мусульманских армиях. Очевидно, интерес Омара к Храмовой горе пробудил в иудеях надежды, ведь повелитель правоверных не только привлек их к обустройству горы, но и позволил им молиться на ней вместе с мусульманами. Хорошо информированный армянский епископ Себеос, писавший свою «Историю императора Иракла» тридцатью годами позднее,

сообщает «о намерении мятежных евреев, которые, получив на несколько времени помощь от агарян, вознамерились восстановить Храм Соломонов. Найдя место, называемое Святая Святых, они устроили его на твердом основании». Себеос добавляет, что первый назначенный Омаром правитель Иерусалима «был из евреев». Вне всякого сомнения, Омар призвал гаона (лидера) иудейской общины Тивериады и еще 70 еврейских семейств возвратиться в Иерусалим. Те откликнулись на его призыв, поселившись в районе южнее Храмовой горы[116].

Тем временем Иерусалим, опустошенный чумой и все еще не оправившийся от персидского разорения, по-прежнему прозябал. Еще многие годы город оставался преимущественно христианским. Кроме того, Омар поселил здесь и арабов, в частности, сравнительно более утонченных курайшитов, которым нравились Палестина и Сирия, известные им под названием Билад аль-Шамс. В Иерусалим приехали и некоторые ансары — ближайшие сподвижники Мухаммеда, которые со временем упокоились на первом мусульманском кладбище, устроенном почти сразу за Золотыми воротами, и мирно ожидали там Судного дня. От этих первых представителей арабской аристократии ведут происхождение два прославленных иерусалимских семейства, которые будут играть важную роль в истории города вплоть до XXI века[117].

В Иерусалиме с Омаром пребывали не только его полководцы Халид и Амр, но и некий молодой человек, очень любивший удовольствия и развлечения, но притом весьма компетентный — едва ли не полная противоположность Повелителю правоверных с его бичом. Муавия ибн Абу Суфьян был сыном мекканского вельможи, одного из самых непримиримых противников Мухаммеда, предводителя враждебной исламу партии. Мать Муавии съела печень Хамзы, одного из дядьев Мухаммеда, предательски убитого ударом копья в спину в битве при Ухуде. После обращения мекканцев в ислам Мухаммед сделал Муавию своим секретарем, а его сестру взял в жены. Позже Омар назначил Муавию наместником Сирии, сделав ему двусмысленный комплимент: Муавия был, по его словам, «арабским Цезарем».

18. Омейяды: восстановленный храм *660–750 гг.*

Муавия: арабский Цезарь

Муавия правил Иерусалимом 40 лет: сначала в качестве наместника Сирии, а затем как владыка обширной Арабской империи, разраставшейся на восток и запад с поразительной скоростью. Но на самом гребне этих успехов разразилась гражданская война, едва не погубившая молодую империю, а может быть, и сам ислам. Эта война породила раскол, который разделяет мусульман и поныне. Ее причиной стал спор о престолонаследии.

В 644 году Омар был убит в результате покушения, и его преемником стал Осман (Усман) — двоюродный брат Муавии. Он правил больше десяти лет, и его непотизм вызывал все большую ненависть. Когда и Осман пал жертвой заговора, халифом был избран Али, первый зять Мухаммеда, муж его любимой дочери Фатимы. Муавия потребовал, чтобы Али покарал заговорщиков, повинных в смерти Османа, однако Али отказался. Муавия опасался также, что новый халиф сместит его с поста наместника Сирии. В результате началась гражданская война, в которой Муавия победил. Али был убит в Ираке, и на этом закончилось правление последнего из так называемых «праведных халифов».

В июле 661 года представители самых знатных родов Арабской империи собрались на Храмовой горе в Иерусалиме, чтобы провозгласить Муавию халифом и поклясться ему в верности, принеся традиционную арабскую присягу — *байя*[118]. Затем новый халиф посетил храм Гроба Господня и гробницу Богоматери: не как паломник, но как верховный правитель, желающий продемонстрировать преемственность религий и подчеркнуть свою царственную роль покровителя святых мест. Управляя империей из Дамаска, Муавия сохранил пиетет перед Иерусалимом, называя его на своих монетах *Iliya Filastin* — Элия Палестинская. Он явно испытывал искушение сделать Иерусалим столицей халифата, и вполне возможно, что он часто жил в Святом городе — в одном из роскошных дворцов к югу от Храмовой горы (им же, вероятно, и построенных). Апеллируя к иудейской традиции, связанной с Храмовой горой, Муавия объявил Иерусалим «местом собрания и воскресения из мертвых в Судный день», добавив, что «место между двумя стенами этой

мечети дороже Аллаху, чем все другие места на земле».

Христианские авторы восхваляли Муавию за справедливость, миролюбие и терпимость, евреи называли его «любящим народ Израиля». В его армии служили христиане; Муавия укрепил свой союз с христианскими арабскими племенами, взяв в жены Майсун — дочь их шейха; при этом ей было дозволено остаться христианкой. Одним из его наиболее влиятельных советников был христианин Мансур ибн Серджун — выходец из семьи потомственных чиновников, служивших еще императору Ираклию[119].

Муавия вырос бок о бок с евреями Аравии. И говорят, что когда к нему явились посланцы одного из еврейских племен, первый вопрос, который задал им Муавия — смогут ли они приготовить для него такую же вкусную хариссу, как та, которую он так любил в детстве. Муавия поощрял поселение иудеев в Иерусалиме, дозволив им молиться на месте Святая Святых. Подтверждением тому, возможно, служат остатки меноры VII века, найденные на Храмовой горе.

Вероятно, именно Муавия был истинным создателем исламской Храмовой горы в том виде, в каком мы знаем ее сегодня. Именно он построил на ней первую мечеть, выровнял скалу, на которой стояла древняя крепость Антония, расширил эспланаду и воздвиг шестигранную ротонду, окруженную открытыми галереями — Купол Цепи. Сегодня мы не знаем точно, для чего предназначалось это здание, однако, поскольку оно находится точно в центре площадки Храмовой горы, возможно, Купол Цепи символизирует центр мира — «пуп земли». Один из современников халифа сообщает, что Муавия «срубил гору Мориа, сделал ее ровной и построил мечеть там, на святой скале». Галльский епископ Аркульф, посетивший Иерусалим, увидел, что «на том знаменитом месте, где некогда был выстроен великолепный Храм, помещавшийся на востоке, по соседству со стеною, теперь сарацины выстроили из дешевого материала четырехугольный молельный дом из приподнятых досок и больших бревен над некоторыми остатками развалин; его они посещают, и дом этот, как говорят, может вместить враз три тысячи человек[120]». Едва ли в постройке Муавии можно было угадать мечеть, но стояло это сооружение явно на том самом месте, где ныне стоит аль-Акса[121].

Муавия олицетворял собой *хильм* — мудрость и терпение арабского шейха: «Мне не нужно меча там, где достаточно плети, и ее также не нужно в таком деле, где можно обойтись словом. А если между мной и кем-нибудь хотя бы ниточка существует, то я стараюсь ее не обрывать. Если тот потянет, немного ослаблю,

отпустит он — я натяну»[122]. Эти слова — практически определение подлинно государственного подхода, и Муавия, создатель арабской монархии и основатель династии Омейядов, представляет собой яркий (и редко упоминаемый) пример того, что абсолютная власть вовсе не обязательно абсолютно развращает. Этот халиф расширил свои владения за счет земель в Восточной Персии, Средней Азии и Северной Африке, он завоевал Кипр и Родос, превратив Арабскую империю в морскую державу с только что построенным флотом. Он ежегодно предпринимал походы на Константинополь и однажды осаждал его с суши и с моря целых три года.

При этом Муавия никогда не терял способность подшучивать над самим собой — качество, столь редкое для политиков, не говоря уже о завоевателях. С годами он сильно растолстел (возможно, именно по этой причине он первым из арабских монархов стал возлежать на троне, а не сидеть на подушках, как то было в обычае у всех предшествующих правителей). Однажды он решил поддразнить еще одного пожилого толстяка-придворного: «Хотел бы я иметь невольницу с такими ножками, как у тебя». «И такой задницей, как у тебя, повелитель правоверных», — парировал старик. «Что ж, это по-честному, — рассмеялся Муавия. — Затевая что бы то ни было, подумай о последствиях». Он весьма гордился собственной легендарной сексуальной мощью, но даже тут было место шутке: как-то раз, когда Муавия уединился с одной наложницей-хорасанкой из своего гарема, ему привели новую невольницу, и он тут же овладел ею. Отослав невольницу, Муавия снова обернулся к хорасанке, весьма гордый своим «львиным» подвигом: «Как по-персидски лев?» — спросил он. «Кафтар», — ответила девица. «Я — кафтар», — хвастался халиф перед своими придворными, пока один из них не поинтересовался, а знает ли повелитель правоверных, кто такой «кафтар». «Лев?» — «О нет, повелитель. Хромая гиена!» — «Что ж, — смеялся Муавия, — хорасанка знает, как отомстить за себя».

Муавия умер, дожив почти до 90 лет, и его беспутный сын Язид, никогда не расставшийся с ручной обезьянкой, был провозглашен халифом на Храмовой горе. Враги нового халифа глумились над ним: «Язид — пьяница, Язид — блудник, Язид — пес, Язид — обезьяна, окутанная винными парами!» Скоро в Аравии и в Месопотамии вспыхнули два мятежа, постепенно разгоревшиеся во вторую гражданскую войну в мусульманском мире.

Одно из этих восстаний поднял Хусейн, внук пророка Мухаммеда и сын Али, мечтавший отомстить за смерть своего

отца. Однако он был разбит и обезглавлен в Кербеле (совр. Ирак), и его мученическая смерть привела к окончательному расколу мусульманской уммы на суннитское большинство и шиитское меньшинство, «партию Али»[123]. Однако и сам Язид правил недолго: уже в 683 году он умер, и через некоторое время арабские войска в Сирии провозгласили халифом рассудительного и прозорливого, хотя и престарелого Марвана ибн аль-Хакама. По смерти Марвана (апрель 685 года) его сын Абд аль-Малик был провозглашен повелителем в Дамаске и Иерусалиме. Но доставшаяся ему империя была шаткой и непрочной: Мекку, Месопотамию и Персию контролировали мятежники. И все же именно Абд аль-Малик украсил венец исламского Иерусалима драгоценной жемчужиной.

Абд аль-Малик: купол скалы

Абд аль-Малик не терпел глупцов. Когда некий вельможа начал неумеренно восхвалять его, халиф резко оборвал подхалима: «Не льсти мне. Я знаю себя лучше, чем ты». На немногих известных его монетах Абд аль-Малик предстает суровым, худощавым человеком с орлиным носом. У него были вьющиеся волосы до плеч, и он носил длинные парчовые одеяния; на поясе у него всегда висел меч. Впрочем, его критики позднее писали, что у Абд аль-Малика были якобы слишком большие, выпученные глаза, сросшиеся брови, выдающийся вперед торчащий нос, заячья губа, а изо рта у него так ужасно пахло, что за глаза халифа звали Отравителем. В любом случае это был еще один царственный охотник до плотских утех, нередко рассуждавший на темы любви: «Тот, кому невольница нужна для наслаждений, пускай берет берберку; тому, кто хочет, чтобы она родила ему сына, стоит выбирать среди персиянок, а тот, кому нужна домашняя прислуга, пусть выбирает гречанку». Абд аль-Малик прошел суровую школу жизни. В 16 лет он командовал одной из армий в войне против Византии; на его глазах убили его дядю — халифа Османа; став духовным и военным вождем мусульман, Абд аль-Малик никогда не страшился замарать руки. Свое правление он начал с покорения Ирака и Ирана. Захватив вождя мятежников, он подверг его публичным пыткам на виду у всех жителей Дамаска; затем халиф надел пленнику на шею серебряный ошейник и водил его по городу, словно собаку, а потом «попрал ногой его грудь, убил его и бросил его голову его сторонникам».

Мекка на тот момент была еще вне его власти, но Абд аль-

Малик завладел Иерусалимом, который он почитал не меньше, чем Муавия. Халиф вынашивал идею воссоздания единой исламской империи после второй гражданской войны — империи, сердцем которой должны были стать земли Билад аль-Шамс — Сирия и Палестина; он планировал проложить новую дорогу между Дамаском и Иерусалимом[124]. Еще Муавия собирался построить здание над Камнем основания; теперь Абд аль-Малик распорядился передать все налоги, собранные с Египта за семь лет, на строительство Купола Скалы.

План сооружения отличался утонченной простотой: на восьмиугольном в плане основании возвышался барабан, на котором покоился купол диаметром около 20 метров. Красота, величие и изысканная скромность Купола не уступают его загадочности: мы не знаем точно, для чего аль-Малик построил это здание — халиф так и не объяснил этого. Купол Скалы (Куббат ас-Сахра) — это не мечеть, однако это, несомненно, какое-то святилище. Восьмиугольный план отсылает к христианским *мартириям* (часовням над могилами мучеников), а купол немедленно ассоциируется с иерусалимским храмом Гроба Господня и собором Святой Софии в Константинополе. С другой стороны, кольцевой обход, ведущий внутри здания вокруг Камня основания, заставляет вспомнить ритуальное хождение вокруг Каабы в Мекке.

Камень основания — это место, где некогда пребывали Адамов рай и Авраамов жертвенник. Давид мечтал воздвигнуть здесь Храм, а Соломон исполнил эту мечту. Наконец, это место посетил Мухаммед во время своего ночного Путешествия и Вознесения. Таким образом, Абд аль-Малик как бы пересоздал иудейский Храм, посвятив его истинному Божественному Откровению — исламу.

Центрическое сооружение не ориентировано вдоль какой-то одной центральной оси. Камень обрамлен тройным кольцом — внешние стены, проходящая внутри вдоль них восьмиугольная в плане аркада и, наконец, еще одна аркада непосредственно вокруг Камня, прямо под купающимся в солнечном свете куполом. Купол, венчающий этот символический центр Вселенной, сам по себе символизировал небеса, средствами архитектуры связывая человека с Богом, а золото, пышное изразцовое убранство и сверкающий белый мрамор превращали здание в новый Эдем, престол Суда, который свершится, когда Абд аль-Малик и его династия Омейядов вручат свое царство Аллаху в Судный день. Изобилие изображений — драгоценных камней, деревьев, плодов, цветов и венцов — радовало глаз отнюдь не только одних мусульман, а весь образный строй

сочетал чувственность Эдема с великолепием Давида и Соломона.

Таким образом, послание, которое транслировал верующим Купол, было вполне имперским: пусть Абд аль-Малик еще и не вырвал пока Мекку из рук мятежников, исламский мир не должен усомниться в величии и незыблемости династии Омейядов. И возможно, что если бы халифу не удалось отвоевать Каабу, он мог бы сделать Иерусалим своей новой Меккой. Золотой купол излучал славу Абд аль-Малика как владыки халифата, однако аудитория этого послания была еще шире: подобно тому, как в свое время Юстиниан мыслил своей Софией превзойти Соломона, так и Абд аль-Малик теперь превосходил не только Юстиниана, но и самого Константина Великого, отвергая притязания христиан на роль «нового Израиля». По иронии судьбы, мозаики в Куполе Скалы — по всей видимости, работа византийских мастеров, которых любезно предоставил халифу император Юстиниан II во время одного из кратких перемирий в отношениях двух империй.

С завершением Купола Скалы в 691/2 годах Иерусалим изменился навсегда. Усилиями Абд аль-Малика ландшафт Иерусалима стал обретать исламские черты, и начало этому было положено постройкой на той самой горе, которую презирали византийцы, столь долго владевшие городом. Купол стал городской доминантой, в самом прямом смысле затмив храм Гроба Господня. Именно эту цель и преследовал Абд аль-Малик — в этом и в более поздние времена не сомневались жители Иерусалима, в частности, писатель и путешественник аль-Мукаддаси. И это сработало: с тех пор и вплоть до XXI века мусульмане осмеивают храм Гроба Господня (*Kayamah* по-арабски), называя его вместо этого *Kumamah* («куча навоза»). Купол исполнял и в то же время умалял соперничающие, но все же родственные притязания иудаизма и христианства. Абд аль-Малик противопоставлял им новое Откровение ислама. Обходя здание, вы можете прочесть 240-метровую ленту-надпись, в которой отвергается идея божественности Иисуса с категоричностью, которая лишь подчеркивает тесное родство двух монотеистических религий: они разделяют многие догматы, но только не учение о Троице. Надписи эти тем более замечательны, что это самые древние дошедшие до нас тексты Корана, который именно при Абд аль-Малике приобрел завершенную форму.

Евреи были менее важны, чем христиане, с точки зрения политических интересов империи, но более важны теологически. Купол Скалы обслуживали 300 чернокожих рабов, а также 20 иудеев и 10 христиан. Евреи не могли удержаться, чтобы не

смотреть на Купол с надеждой: может быть, это новый Храм? Им все еще разрешалось молиться на Храмовой горе, а Омейяды постепенно разработали исламские версии древних храмовых ритуалов очищения, помазания и процессий вокруг Камня основания[125].

Купол обладает огромной силой воздействия и по праву считается одним из выдающихся шедевров искусства архитектуры. Его сияние приковывает к себе взор, в какой бы точке Иерусалима вы ни стояли. Купол мерцает, словно мистический дворец, вырастающий из просторной, ясной площадки Храмовой горы, сразу же превратившейся в огромную мечеть под открытым небом, освятившую все пространство вокруг себя. С постройкой Купола Скалы Храмовая гора стала — и по сей день остается — местом отдохновения и восстановления сил. В самом деле, Купол воплотил в себе рай земной, в котором безмятежность и чувственность этого мира сочетаются со святостью мира иного. Именно в этом сочетании и кроется гений места. Уже в первые же годы после завершения строительства, пишет Ибн Асакир, не было большего удовольствия, чем «съесть банан в тени Купола Скалы». Наряду с храмами Соломона и Ирода это один из самых известных памятников сакрального и одновременно имперского зодчества за всю историю архитектуры, а сегодня, в XXI веке, он одновременно служит и секулярным, туристическим символом, и святыней ислама, и тотемом палестинского национализма: Купол Скалы и ныне олицетворяет Иерусалим.

Вскоре после того как Купол был завершен, армии халифа захватили Мекку и возобновили джихад против византийцев. Абд аль-Малик расширил свою колоссальную империю и на запад — завоевав Северную Африку, и на восток — продвинувшись в Синд (сегодня территория Пакистана). Но в пределах своих владений ему нужно было вновь объединить здание ислама, утвердить его как единую религию мусульман с особым акцентом на личности Мухаммеда, что и выразилось в исповедании веры, двойной шахаде, которая отныне появляется на многих надписях: «Нет Бога кроме Аллаха. И Мухаммед — Посланник Его». Высказывания Мухаммеда — *хадисы* — были собраны воедино, и полная версия Корана Абд аль-Малика стала непререкаемым источником закона и святости. Ритуалы были регламентированы более жестко, изображения живых существ запрещены: Абд аль-Малик даже прекратил чеканить монеты с собственным изображением. Отныне повелитель правоверных величал себя халифат рас уль-Аллах, «наместник Бога», и с тех пор исламские правители стали именоваться титулом халиф. Из официальных

жизнеописаний Мухаммеда, историй ислама и мусульманских завоеваний были исключены христиане и евреи. Подобно царю Иосии, императору Константину и апостолу Павлу, Абд аль-Малик верил во всемирную империю одного царя, верующую в единого Бога, во главе с единым императором. Именно он больше чем кто-либо другой сделал для того, чтобы община Мухаммеда эволюционировала в современный исламский мир.

Валид: апокалипсис и роскошь

Отныне у Иерусалима была святыня — Купол скалы, — но не было имперской мечети. Поэтому Абд аль-Малик и его сын и наследник Валид возвели на южной стороне Храмовой горы Отдаленнейшую мечеть (аль-Акса) для еженедельной пятничной молитвы. Халифы, как некогда Ирод, рассматривали Храмовую гору как сердце Иерусалима. Впервые с 70 года они перекинули через долину к западу от Горы новый Большой мост для паломников. Мост, опиравшийся на так называемую арку Вильсона, выводил к воротам, которые сегодня именуются Цепными. А для тех, кто приходил в Иерусалим с юга, они возвели увенчанные куполом Двойные ворота, соперничавшие своей красотой с Золотыми[126].

Жизнь в Иерусалиме била ключом в эти годы. Всего за несколько лет халифы превратили Храмовую гору в святилище ислама, а сам Иерусалим — в важнейший город империи Омейядов, не удержавшись, в свою очередь, от соблазна вступить в соперничество за святость и легенды — соперничество, характерное для Иерусалима по сей день. Христиане адаптировали многие иудейские предания, постепенно концентрируя их вокруг своей главной святыни — храма Гроба Господня. Однако с возведением Купола и аль-Аксы древние мифы вновь подверглись переосмыслению и переложению: отпечаток стопы на скале, который прежде показывали христианским паломникам как след Иисуса, превратился в отпечаток ступни Мухаммеда. Омейяды воздвигали на Храмовой горе все новые купольные постройки, и все они были связаны с тем или иным библейским преданием — от историй Адама и Авраама, Давида и Соломона вплоть до Иисуса. Согласно мусульманскому сценарию, Последний суд произойдет именно на Храмовой горе, когда в Иерусалим перенесется Кааба[127]. Но священной была не только Храмовая гора: мусульмане почитали также все, связанное с Давидом, и потому в число святынь вошла Цитадель, которую христиане называли Башня Давида, а

мусульмане — михраб Давида; и они были не последними, кто ошибочно счел крепость Ирода твердыней Давида.

Однако Омейяды строили не только для Всевышнего, но и для себя. Эти халифы ценили и плотские наслаждения, и интеллектуальные развлечения. То был апогей арабской империи — даже Испания теперь принадлежала мусульманам. И хотя столицей оставался Дамаск, халифы много времени проводили в Иерусалиме. Чуть южнее Храмовой горы Валид I и его сын построили комплекс дворцов, впоследствии забытый и открытый заново лишь в конце 1960-х годов. Трех-четырехэтажные здания располагались вокруг прохладных внутренних дворов, и у халифа был отдельный вход в аль-Аксу через мост, начинавшийся на крыше дворца. Дошедшие до нас остатки дают возможность судить лишь о размерах комплекса, однако *касры* — замки омейядских халифов, сохранившиеся в пустынях Ближнего Востока, — позволяют судить о роскоши, которая окружала владыку халифата.

Самой роскошной из этих резиденций можно считать замок Кусейр-Амра на территории сегодняшней Иордании. Халиф проводил время отдыха в личных покоях и банях с мозаичными полами и малопристойными росписями, изображавшими сцены охоты, нагих или полуобнаженных женщин, атлетов, купидонов, сатиров и даже медведя, играющего на лютне. Сам Валид I появляется на красочной фреске «Шесть царей», на которой изображены побежденные Омейядами монархи, в частности, византийский и китайский императоры. Эти декадентские, почти эллинистические картины кажутся решительно не-исламскими, однако Омейяды (как в свое время Иродиады), возможно, вели себя совершенно по-разному в частной жизни и на публике.

В Дамаске Валид I отменил все договоренности с христианами о совместном использовании святых мест, воздвигнув славную мечеть Омейядов. Официальный язык государственного делопроизводства был изменен с греческого на арабский. Однако Иерусалим оставался преимущественно христианским. Мусульмане и христиане свободно взаимодействовали. И те, и другие отмечали в сентябре праздник Освящения Гроба Господня, во время которого в городе находили «приют толпы различных народов с огромным количеством верблюдов, лошадей, ослов, лошаков». Христианские паломники — теперь по большей части армяне и грузины, а не греки — едва ли обращали внимание на мусульманские культовые постройки, а еврейские источники практически не упоминают о христианах. С этого времени паломники, приходившие в Иерусалим, оставались безразличны к святыням любых религий, кроме собственной.

В 715 году на Храмовой горе был под одобрительные возгласы толпы провозглашен халифом брат Валида Сулейман. «Никогда еще ни один смертный не видел такого богатства, какое окружало нового халифа. Сидя под одним из куполов, украшавших гору, он принимал подданных» на груде ковров и подушек, а вокруг него громоздились сокровища, которыми он одаривал своих воинов. Сулейман, предпринявший последнюю полномасштабную осаду Константинополя (и почти захвативший его), «постановил жить в Иерусалиме, превратить его в свою столицу и приумножить его богатство и его население». Халиф заложил в Палестине город Рамлу — новый административный центр, однако умер, не успев переехать в Иерусалим.

Евреи, многие из которых были выходцами из Ирана и Ирака, компактно селились к югу от Храмовой горы, сохраняя привилегию молиться там (и содержать святое место в порядке). Но около 720 года, по прошествии почти столетия этих религиозных свобод, новый халиф Омар II — аскетический поборник исламской ортодоксии (что было совсем не типично для этой декадентской династии) — запретил иудеям молиться на Горе, и этот запрет оставался в силе до самого конца мусульманского владычества. И евреи стали молиться у всех четырех стен Храмовой горы, а также в подземной синагоге ха-Меара («пещера») у ворот Уоррена, почти под самой Храмовой горой, близ Святая Святых.

Пока омейядские халифы наслаждались своими эллинистическими дворцами и девочками-танцовщицами, расширение их империи впервые остановилось. Мусульмане Испании уже не раз проверяли на прочность границы королевства франков, но в 732 году майордом Меровингов Карл разгромил мусульманские орды в битве при Пуатье, заслужив, как в свое время Иуда Маккавей, прозвище Молот — Мартелл.

«Династиям, — пишет арабский историк Ибн Хальдун, — как и каждому человеку, отмерен свой жизненный срок». Пришел конец и утонченным, столь любившим мирские блага Омейядам. В одном из селений к востоку от Иордана жили потомки Аббаса, одного из дядьев Мухаммеда. Аббасиды находились в тайной оппозиции гедонистической династии Омейядов, которые к тому же не принадлежали к роду Мухаммеда. «Горе дому Омайя, — провозгласил вождь Аббасидов Абуль-Аббас. — Они предпочитали преходящее вечному, они погрязли в злодеяниях, они обладали запретными женами». Недовольство старой династией нарастало быстро. Волновались даже сирийские племена, опора Омейядов; начался мятеж и в Иерусалиме. Последнему омейядскому халифу пришлось взять город штурмом

и после этого снести его укрепления. И тут в Иерусалиме случилось землетрясение, повредившее аль-Аксу и халифские дворцы, — словно сам Бог гневался на Омейядов. Христиане и иудеи страстно надеялись, что это начало апокалипсиса. Так же думали и мусульмане, но реальная угроза Омейядам пришла далеко с востока.

В 748 году в Хорасане (ныне Восточный Ирак и Афганистан) харизматический мистик по имени Абу Муслим призвал вернуться к суровой чистоте раннего ислама и сменить халифа — повелителем правоверных вправе быть лишь кто-то из потомков Пророка. Аскетическое войско Абу Муслима составили новообращенные мусульмане из приграничных областей. Одетые в черное, под черными стягами, они продвигались вперед, возвещая скорое пришествие нового имама, предтечи Махди[128], и обновление ислама. Абу Муслим вел свое победоносное войско все дальше и дальше на запад, но еще не решил, чей род из клана Пророка ему следует поддержать — потомков Али или потомков Аббаса? При этом имелось еще множество омейядских принцев, готовых претендовать на власть. Однако не Абу Муслим, а Абуль-Аббас в конце концов сверг последнего халифа из рода Омейядов, решив проблему старой династии способом, благодаря которому получил свое прозвище — ас-Саффах, Мясник.

19. Аббасиды: отдаленные властители *750–969 гг.*

Халиф ас — Саффах: кровавый мясник

Абуль-Аббас объявил себя халифом и пригласил омейядских принцев на пир — в знак примирения и демонстрации собственных мирных намерений. В разгар пиршества слуги выхватили из-под одежды палицы и мечи и перебили все семейство Омейядов, изрубив гостей на мелкие куски. Сам Мясник спустя всего несколько лет умер от оспы. Зато его брат Абу Джафар по прозвищу аль-Мансур, Победоносный, постепенно уничтожил всех потомков Али, а затем ликвидировал и ставшего слишком популярным Абу Муслима. Некий Хамра, составитель благовоний для халифа, впоследствии рассказал о том, что Мансур хранил у себя ключи от некоей тайной комнаты, открыть которую надлежало только после его смерти. В этой сводчатой палате его сын позднее обнаружил множество тел, педантично помеченных ярлыками — это были тела родичей Али, от стариков до младенцев. Всех их убил Мансур, и трупы сохранялись в сухом жарком воздухе.

Смуглый и красивший волосы шафраном Мансур стал настоящим родоначальником династии Аббасидов, остававшейся на престоле несколько столетий. Но центр власти сместился на восток: Мансур перенес столицу в Багдад — Круглый город, только что основанный на берегах Евфрата.

Вскоре после прихода к власти Мансур посетил Иерусалим. Там он приказал отремонтировать поврежденную землетрясением аль-Аксу, а средства на ремонт изыскал, велев переплавить золотые и серебряные двери Купола Скалы, подаренные халифом Абд аль-Маликом. Преемники Мансура не утруждали себя наездами в Иерусалим. И по мере того как значение города для мусульман постепенно слабело[129], император Запада решил сделать Иерусалим вновь привлекательным для христиан.

Император и Халиф: Карл Великий и Харун ар-Рашид

В сочельник 800 года в Риме папа возложил императорскую корону на голову короля франков Карла Великого, под чьей властью находилась почти вся современная Франция, а также

земли Германии и Италии. Эта церемония обозначила новый уровень отношений между папой и всем западным, говорившим по-латыни христианством. Скоро этот союз оформится в римско-католическую церковь, в то время как размежевание с греческой (византийской) православной церковью будет все больше углубляться. Карл Великий был беспощадным королем-воином, буквально прорубившим себе путь к неслыханной абсолютной власти. В то же время он обожал историю и был столь же набожен, сколь и амбициозен: Карл не только считал, что он призван довести до конца миссию Константина и Юстиниана, став властителем всемирной священной империи, но и рассматривал себя как нового царя Давида. Обе эти вдохновляющие концепции неизбежно должны были включить в себя Иерусалим. Рассказывают, что в тот самый сочельник 800 года, еще до коронации, послы патриарха Иерусалимского, прибывшие в Рим, вручили Карлу ключи от Гроба Господня. Рим и Иерусалим в один и тот же день — поистине великое и многозначительное событие!

Впрочем, вручение ключей вовсе не означало приглашения Карлу немедленно вступить во владение городом: патриарха благословил на этот символический жест истинный правитель Иерусалима — халиф Харун ар-Рашид, воспетый в сказках «Тысячи и одной ночи». Его царствование (786–809) было наивысшей точкой расцвета Аббасидской империи. Карл Великий и халиф обменивались послами в течение трех лет: Харун, вероятно, старался натравить франков на своего врага — Константинополь, а иерусалимские христиане нуждались в поддержке императора Запада.

Халиф отправил в дар Карлу Великому слона и водяные часы — сложный прибор, призванный продемонстрировать технологическое превосходство мусульман, — и некоторые простецы-христиане сочли подарок изобретением самого дьявола. Два императора так и не подписали формального договора, но вся христианская собственность в Иерусалиме была учтена и находилась под защитой властей, а Карл Великий выплатил джизью (подушный налог) за всех христиан города — 850 динаров. Взамен Харун дозволил основать христианский квартал вокруг храма Гроба Господня — с монастырем, библиотекой и странноприимным домом для паломников. Насельниками монастыря стали 150 монахов и 17 монахинь. «Между христианами и язычниками, — пишет один пилигрим, — заключен своего рода мир». Императорская щедрость породила легенду о том, будто Карл Великий инкогнито посетил Иерусалим. Легенда выставляла Карла наследником Ираклия, а

со временем влилась в мистическое предание о Последнем императоре, чье царствование возвестит о конце света. Во все это верили многие, особенно в эпоху крестовых походов. На самом деле Карл Великий никогда не бывал в Иерусалиме.

После смерти Харуна сыновья его развязали междоусобную войну, победителем в которой стал аль-Мамун. Новый халиф интересовался науками и искусствами. Он основал в Багдаде знаменитую литературно-научную академию — Дом Мудрости, — заказал для нее карту мира и повелел своим мудрецам исчислить длину окружности земного шара[130]. В 831 году Мамун отправился в Сирию для подготовки очередной кампании против Константинополя. Возможно, тогда-то он и посетил Иерусалим, где построил новые ворота на Храмовой горе, но при этом выскоблил имя Абд аль-Малика из надписей на Куполе Скалы и заменил его своим собственным, чтобы утвердить превосходство Аббасидов. Но Мамун не только узурпировал имя: он также велел ободрать золото Малика с купола, и тот более чем на тысячу лет приобрел цвет свинца. Купол вновь засверкал золотом в 1960-х годах, но имя Абд аль-Малика так и не вернулось на законное место: на Куполе Скалы и поныне красуется имя Мамуна.

Вся эта ловкость рук тем не менее не предотвратила закат власти Аббасидов. Всего через два года в Иерусалиме приверженцы всех трех религий радостно встречали некоего мятежного крестьянского вождя — пока он в 841 году не учинил такой погром в городе, что большинство жителей в страхе бежали. Гроб Господень был спасен только благодаря выкупу, который заплатил патриарх. А скоро халифы-арабы и вовсе потеряли контроль над городом. И в 877 году Ахмед ибн-Тулун, сын тюркского раба и наместник Египта, ставший вполне самостоятельным правителем при номинальном главенстве халифа, захватил Иерусалим.

Кафур: надушенный евнух

Ибн Тулун был одним из тех тюркских военачальников, что постепенно отобрали у арабов власть в исламской империи. Еще халиф Мутасим (прав. 733–842), преемник аль-Мамуна, завел обычай брать в свое войско гулямов (пажей) — мальчиков-рабов из числа недавно обращенных в ислам тюрков, конных лучников Средней Азии. Эти азиатские воины сначала служили личной гвардией халифа, но очень быстро превратились в весьма влиятельную силу в халифате.

После того, как сын и наследник Ибн Тулуна был убит в

результате покушения, организованного его евнухами, правителем Египта и Иерусалима стал еще один тюркский военачальник — Мухаммед ибн Тугадж, присвоивший себе среднеазиатский титул Ихшид — «князь князей». Политическая нестабильность усиливала религиозное соперничество. В 935 году пристройка к храму Гроба Господня была обращена в мечеть. Тремя годами позже мусульмане напали на христиан, праздновавших Вербное воскресенье, разграбили и разрушили храм. Тем временем у евреев тоже произошел религиозный раскол: они разделились на ортодоксальных раббанитов, признававших, помимо Торы, авторитет Талмуда и устной традиции, которую толковали их лидеры — мудрецы-гаоны, и караимов — новую общину, которая не признавала никакого закона, кроме письменной Торы (отсюда их название — «читающие»), и верила в возвращение евреев на Сион[131]. Правители-тюрки благоволили караимам, но, словно для того, чтобы еще больше осложнить ситуацию, возникла еще и община хазар[132], у которых в Еврейском квартале имелась собственная синагога.

Ихшид умер в 946 году в возрасте 64 лет и был похоронен в Иерусалиме, и власть перешла к евнуху-негру, который своим прозвищем Кафур («благоуханный») был обязан страстной любви к благовониям и косметике.

Абул-Миск Кафур, которому предстояло править Египтом, Палестиной и Сирией в течение более чем 20 лет, был когда-то эфиопским мальчиком-рабом, которого купил и оскопил Ихшид. Его восхождение началось, когда ко двору в дар Ихшиду были доставлены какие-то экзотические животные. Все остальные придворные с увлечением разглядывали диковины, в то время как африканский мальчик не сводил глаз со своего повелителя, в любую секунду ожидая любого, даже незначительного приказа. Тронутый такой преданностью, Ихшид позднее назначил Кафура учителем своих сыновей, затем — командующим армией, направленной на завоевание Палестины и Сирии, а в конце концов и регентом. Обретя власть и могущество, евнух культивировал исламское благочестие, восстановил стены Храмовой горы и покровительствовал искусствам.

Но тем временем на севере окрепла Византия, где у власти сменяли друг друга выдающиеся императоры-полководцы. Греки не раз предпринимали рейды в Сирию, угрожая захватить Иерусалим, в котором в ответ начались антихристианские беспорядки. В 966 году наместник Кафура начал притеснять христиан, требуя от иерусалимского патриарха Иоанна выплаты налога в увеличенном размере. Патриарх пожаловался Кафуру.

Однако когда Иоанна уличили в переписке с Константинополем, то наместник, которого поддерживали евреи, ненавидевшие византийцев, напал на храм Гроба Господня и сжег патриарха заживо.

После смерти последнего Ихшида благоухающий евнух сам взошел на престол. Первый мусульманский правитель, рожденный на самой низкой ступени социальной лестницы — чернокожим рабом-евнухом, — назначил одним из своих министров еврея, которому суждено было стать вдохновителем новой революции в исламе и новой империи с центром в Иерусалиме.

20. Фатимиды: терпимость и безумие *969–1099 гг.*

Ибн Киллис: еврейский визирь и фатимидское завоевание

Сын багдадского купца-еврея Якуб Бен-Юсуф, известный в истории как Ибн Киллис, сделал головокружительную карьеру: из сирийского жулика-банкрота он превратился в финансового советника Кафура, владыки Египта. «Будь он мусульманином, — сказал как-то Кафур, — он был бы достоин поста главного визиря». Ибн Киллис понял намек и принял ислам, однако Кафур вскоре умер (и был погребен в Иерусалиме[133]), а Ибн Киллис угодил в темницу. Подкупив стражников, он вышел на свободу и тайно перебрался на запад, в шиитский халифат на территории современного Туниса, где правил род Фатимидов. Необычайно изворотливый Ибн Киллис сделался шиитом и посоветовал фатимидскому халифу аль-Муиззу, пользуясь моментом, напасть на Египет. В июне 969 года военачальник халифа Джаухар ас-Сикали завоевал Египет, а затем двинулся на север — в сторону Иерусалима.

Палтиель и Фатимиды: еврейские князья-врачеватели и живые имамы

Мессиански настроенные Фатимиды, новые хозяева Иерусалима, не были похожи ни на одну другую исламскую династию: они именовали себя не только халифами, но и «священными царями», «живыми имамами», живущими между землей и небесами. Посетителя, прибывшего во дворец Фатимидов, сначала вели через все более роскошные внутренние дворы, а затем он представал перед троном, скрытым за золотыми занавесями, и простирался ниц. Тогда занавеси раздвигались, и перед счастливцем представал Живой имам в золотых одеяниях. Ветвь ислама, которую олицетворяли Фатимиды, была закрыта для непосвященных, их верования включали мистические, эзотерические догматы об искуплении, а их путь к власти был полон загадок, преступлений и авантюр.

Еще в 899 году богатый сирийский купец Убайдаллах объявил себя живым имамом, прямым наследником Фатимы и Али (дочери Мухаммеда и ее мужа, четвертого и последнего

«праведного халифа») через одного из их потомков — «шестого имама» по имени Исмаил (поэтому последователей направления ислама, основанного Фатимидами, называют также шиитами-исмаилитами). Тайные агенты-проповедники Убайдаллаха, так называемые даи, рассеялись по Аравии и Северной Африке и в конце концов захватили Йемен и обратили в ислам несколько берберских племен в Тунисе. Аббасиды пытались убить Убайдаллаха, но тот таинственно исчез. Однако через несколько лет он (или кто-то, выдававший себя за него) вновь объявился в Тунисе, назвался Махди (Избранным, Мессией), основал собственный халифат и начал завоевание новой империи, провозгласив священную миссию: низвергнуть «неверных» багдадских Аббасидов и принести искупление миру. В 973 году фатимидский халиф аль-Муизз, к тому времени уже владевший Северной Африкой, Сицилией, Египтом, Палестиной и Сирией, торжественно вступил в свою новую столицу — только что основанный город Аль-Кахира («Победоносная»), нынешний Каир.

Его преемник аль-Азис назначил Ибн Киллиса, советника своего отца, великим визирем халифата. И тот правил от имени халифа до самой своей смерти, в течение почти 20 лет. Ибн Киллис не только обладал несметными богатствами (одних рабынь у него было восемь тысяч), но был также и ученым, который вел религиозные диспуты с еврейскими мудрецами и христианскими клириками. А его карьера наглядно свидетельствует о религиозной терпимости Фатимидов (которые, с точки зрения большинства мусульман, и сами были сектантами). Эту терпимость жители Иерусалима ощутили сразу.

Евреи Иерусалима были разобщены, они жили в бедности и отчаянии, тогда как их египетские собратья при Фатимидах благоденствовали. Некоторые из них были даже личными врачами каирских халифов. При этом они были не просто придворными лекарями: ученые выходцы из торгового сословия, они стали влиятельными вельможами. Именно они, как правило, назначали нагида (князя) — главу иудейской общины фатимидской империи. Первым таким врачом-князем стал, по-видимому, Палтиель, происхождение которого не вполне ясно. Протеже Джаухара, фатимидского завоевателя Иерусалима, он сразу же постарался помочь евреям Священного города.

Ситуация в Иерусалиме, после долгих лет пренебрежения со стороны Аббасидов и ненадежного покровительства тюркских правителей, была неопределенной. Город утратил былое значение. Постоянные войны между каирским и багдадским халифом мешали паломникам приходить в Иерусалим. Время от времени случались набеги бедуинов, и иногда им даже удавалось

на короткое время захватывать город. А в 974 году энергичный византийский император Иоанн Цимисхий занял Дамаск и устремился в Галилею, обещая «освободить Гроб Христа, Господа нашего, из мусульманского плена». Греки были совсем близко, и Иерусалим замер в ожидании, но Иоанн так и не дошел до города.

Фатимиды поощряли паломничество исмаилитов и шиитов в иерусалимскую Отдаленнейшую мечеть, однако суннитские пилигримы были отрезаны от города из-за войн фатимидов с Багдадом. Однако даже изоляция Иерусалима каким-то образом способствовала еще большему его прославлению: исламские авторы составляли специальные компиляции, прославляющие достоинства Иерусалима (жанр такой апологии называется фадаиль), и давали ему все новые хвалебные эпитеты: теперь город назывался не только Элия и Байт аль-Макдис, Дом Святости, но и Аль-Балат — Дворец. Но христианские паломники становились все богаче и уже превосходили числом мусульман: франки плыли морем из Европы, а из Египта каждую Пасху прибывали богатые коптские караваны.

Евреи рассчитывали на своих спасителей в Каире, где Палтиелю удалось убедить халифа дать денег обнищавшему гаону и иерусалимской *иешиве* (талмудической академии). Он добился, чтобы евреям разрешили купить синагогу на Масличной горе, собираться у столпа Авессалома, а также молиться у Золотых ворот в восточной стене Храмовой горы. В праздники иудеям теперь дозволялось семь раз обходить древний Храм, но их главной синагогой оставался «внутренний алтарь святилища Западной стены» — Пещерная синагога. Евреев едва терпели при Аббасидах, однако теперь они, пусть и столь же нищие, что и раньше, пользовались большей свободой, чем на протяжении двух предыдущих веков. Как ни грустно, раббаниты и караимы (последние пользовались особым расположением Фатимидов) совершали свои обряды на Масличной горе порознь, и нередко между ними случались стычки. А вскоре эти одетые в рубища мудрецы перенесли свои распри и в запыленные, обветшавшие синагоги, в священные подземелья Иерусалима. А привилегии, предоставленные евреям, только усугубляли раздражение мусульман.

Палтиель умер в 1011 году. Сын повез тело отца для погребения в Иерусалим, и по дороге богатый караван был атакован головорезами-бедуинами. Но даже после Палтиеля евреи Каира отправляли в Иерусалим караваны с товарами и деньгами для поддержания иешивы и мистической общины, называвшейся «Плакальщики Сиона», члены которой, по сути,

религиозные сионисты, молились о возрождении Израиля. Однако поддержки Каира было недостаточно. «Город выглядит овдовевшим, осиротевшим, заброшенным и обедневшим с его немногими учеными мужами, — писал один из иерусалимских иудеев, взывая о помощи. — Жизнь здесь чрезвычайно тяжелая, есть нечего. Помогите нам, поддержите нас, спасите нас». Евреи Иерусалима были «жалким сборищем, постоянно изводимым и разоряемым».

Тем не менее мусульмане все больше возмущались привилегиями «неверных». «Христиане и иудеи господствуют повсюду», — ворчал путешественник и писатель Мукаддаси. Это имя значит «рожденный в Иерусалиме».

Мукаддаси: иерусалимлянин

«На протяжении всего года на его улицах толкутся чужеземцы». Около 985 года, в эпоху расцвета фатимидской династии, Мухаммед ибн Ахмад Шамс аль-Дин аль-Мукаддаси вернулся домой — в город, который он называл Аль-Кудс — «Святой»[134]. Мукаддаси было уже больше сорока лет, и двадцать из них он путешествовал по разным землям, «ища познания» в странствиях по миру, что было обычной практикой едва ли не всех исламских ученых, сочетавших набожность с научными изысканиями в Доме Мудрости. В своем выдающемся труде под названием «Лучшее разделение для познания климатов» он так описал свою безудержную любознательность и склонность к приключениям: «Не оставалось ничего происходящего с путешественниками, в чем не выпала бы доля и на мою часть, за исключением нищенства и предания греховному унынию. Временами я был благочестив, временами ел нечистую пищу. Однажды я чуть не утонул, а караваны мои подстерегали засады на большой дороге. Я беседовал с владыками и министрами, общался с безнравственными, был обвинен в соглядатайстве и брошен в темницу. Я ел овсяную кашу с дервишами, похлебку с монахами и пирог с моряками. Я видел войну на боевых кораблях против ромеев [византийцев] и слышал, как звонят церковные колокола в ночи. Я носил королевскую мантию почести, но много раз бывал беспомощным и сильно нуждался. Я владел рабами, но и сам носил корзины на голове. Я знавал и славу, и почести. Однако смерть подстерегала меня не единожды».

Но где бы ни оказывался Мукаддаси, он не переставал гордиться Иерусалимом: «Однажды я присутствовал на высшем совете в Басре [Ирак]. И упомянули там Египет [Каир]. Меня же

спросили: „Какой город величавей?“ И я ответил: „Наш“. Они же спросили: „А какой лучше?“ „Наш“. Они спросили: „Какой город прекрасней?“ „Наш“. И были они удивлены тому несказанно и сказали: „Ты человек кичливый. Ты утверждаешь то, во что мы поверить не можем. Ты под стать владельцу верблюда во время хаджа“».

При этом Мукаддаси честно признавал недостатки Иерусалима: «Покорных гнетут, а богатым завидуют. Вы нигде не найдете купален грязнее тех, что в Священном городе, а плата за пользование ими выше, чем где бы то ни было». Зато в Иерусалиме растет лучший виноград для изюма, здесь лучшие бананы и кедровые орехи. В городе много муэдзинов, созывающих мусульман на молитву, но совсем нет публичных домов. «В Иерусалиме нет ни одного места, где бы вы не нашли воды или откуда не услышали бы призыва к молитве».

Мукаддаси описал святые места на Храмовой горе, связанные с Марией, Иаковом и легендарным святым Хидром[135]. По его мнению, аль-Акса была «даже красивее» церкви Гроба Господня, но Купол Скалы поистине бесподобен: «На рассвете, когда солнце озаряет Купол и барабан улавливает его первые лучи, это величественное здание выглядит изумительным. Равного ему не видывал я ни в одной земле ислама, тем более в землях языческих». Мукаддаси сознавал, что живет в двух Иерусалимах — реальном, земном, и Небесном, — и считал свой родной город местом грядущего апокалипсиса: «Разве не он объединяет достоинства этого мира и мира грядущего? Разве не ему быть *сахирой* — равниной — для предстоящих на Судном дне, где все соберутся и где состоится судилище? Истинно Мекка и Медина имеют превосходство, но в Судный день они явятся в Иерусалим, и все их превосходство сольется здесь воедино».

И все же Мукаддаси сетовал на отсутствие суннитов и шумную самоуверенность евреев и христиан: «Ученых здесь мало, а христиане многочисленны и неучтивы в присутственных местах». Фатимиды, в конце концов, были, с его точки зрения, сектантами, и местные мусульмане даже отмечали вместе с христианами их праздники. Однако эта эпоха терпимости уже близилась к ужасному концу: к тому моменту, когда в 1000 году умер 50-летний Мукаддаси, живым имамом стал ребенок, которому предстояло разрушить и христианский, и иудейский Иерусалим.

Хаким: арабский Калигула

Когда к лежавшему при смерти халифу Азизу привели сына, он поцеловал его и отослал играть. Вскоре халиф умер, но найти 11-летнего живого имама никак не удавалось. После усиленных поисков он был наконец найден на вершине сикоморы. «Спустись вниз, мой мальчик, — умолял один из придворных. — Да хранит тебя и всех нас Бог».

Роскошно разодетые вельможи собрались у дерева. «Я спустился», — произнес новый живой имам, спрыгнув на землю, и придворный водрузил ему на голову тюрбан, украшенный драгоценными камнями, облобызал землю перед ним и сказал: «Приветствую тебя, повелитель правоверных, милостью и благословением Аллаха». Затем он облачил мальчика в дорогой наряд и показал народу, «и люди тоже целовали землю перед ним и провозглашали его халифом». Он получил имя аль-Хаким.

Сын христианки, оба брата которой были патриархами, Хаким был широкоплечим юношей с голубыми глазами с золотыми искорками. Поначалу он, следуя советам своих визирей, продолжал исмаилитскую миссию своего семейства, проявляя терпимость как по отношению к иудеям, так и к христианам. Он любил поэзию и основал в Каире свой собственный Дом Мудрости для изучения астрономии и философии. Он гордился своим аскетизмом, носил вместо алмазного тюрбана скромный головной платок и даже шутил с каирскими бедняками на улицах города. Но стоило ему начать править самостоятельно, как вскоре появились все признаки того, что этот мистически настроенный деспот совершенно безумен. Хаким повелел перебить всех собак в Египте, а затем и всех кошек. Он запретил есть виноград, водяной кресс и рыбу, не имеющую чешуи. Спал Хаким днем, а бодрствовал ночами, и всем жителям Каира было приказано следовать этому странному распорядку.

В 1004 году Хаким начал бросать в тюрьмы и казнить христиан, закрывая в Иерусалиме церкви и превращая их в мечети. Он запретил празднование Пасхи и употребление вина — мера, нацеленная прежде всего на христиан и евреев. Последним он повелел носить на шее деревянное ярмо в напоминание о золотом тельце, а висевшие на ярме колокольчики предупреждали мусульман о приближении еврея. Христиан же Хаким обязал носить тяжелые железные кресты. Затем иудеи были поставлены перед выбором: обратиться в ислам или покинуть страну. И в Египте, и в Иерусалиме были разрушены синагоги. Но особое внимание Хаким обратил на христианский обряд, обретавший все большую популярность в Иерусалиме. В каждую Пасху христианские паломники с Запада и Востока

стекались в город для празднования пасхального чуда, случавшегося лишь здесь, — сошествия Благодатного огня.

В Страстную субботу тысячи христиан проводили ночь в церкви Гроба Господня. Гробница Иисуса запечатывалась, и все лампады гасились. В полной темноте в часовню Гроба входил патриарх. После продолжительного трепетного ожидания и молитв откуда-то сверху нисходила искра, вспыхивал огонь, озаряя все неровным светом, и патриарх выходил к верующим с зажженной лампадой. Этот священный огонь верующие передавали друг другу, зажигая свечи с пронзительными криками радости. Христиане считали этот ритуал, впервые описанный одним паломником в 870 году, божественным подтверждением Воскресения. Мусульмане же были убеждены, что все это — лишь рекламный ярмарочный трюк, прямое жульничество: цепочка, на которой висела лампада, смазывалась смолистым маслом. «Эти мерзости, — писал один из иерусалимских мусульман, — заставляют содрогаться в ужасе».

Когда Хаким прослышал об этом и увидел, какой богатый христианский караван отправляется в Иерусалим, он сжег еврейский квартал в Каире и приказал снести до основания храм Гроба Господня. В сентябре 1009 года его подручные разрушили Храм «камень за камнем», «стерли с лица земли, оставив только части, которые не поддавались разрушению», а затем начали сносить все городские синагоги и церкви[136]. Иудеи и христиане притворялись, что обращаются в ислам.

Эти выходки халифа убедили некоторых исмаилитов в том, что «Хаким есть воплощенный Бог». Халиф, одержимый безумием своих видений, не возражал против подобного культа, но теперь начал репрессии против самих мусульман. Он запретил Рамадан и равно терроризировал как шиитов, так и суннитов. В результате мусульмане настолько возненавидели Хакима, что в Каире ему даже потребовалась поддержка христиан и евреев, которым он дозволил заново отстроить их синагоги и церкви.

Халиф-психопат теперь часто бродил в лихорадочном трансе по каирским улицам — часто под действием сильнодействующих лекарств, которыми его пичкали лекари. Он учинил настоящую «чистку» двора, приказывая казнить собственных наставников, своих советников, поэтов, поваров, двоюродных братьев, отрубать руки рабыням, причем не раз выступал палачом самолично.

Хаким: исчезновение

В конце концов, в феврале 1021 года, безумный халиф 36 лет

от роду ночью выехал верхом на осле из Каира и ускакал в холмы пустыни. Больше его никто не видел. Его исчезновение было столь загадочным, что окончательно укрепило его приверженцев во мнении, что «Хаким не был рожден женщиной и не умер». Впрочем, осел нашелся; были обнаружены также окровавленные лоскуты одежды. Возможно, халифа приказала убить его родная сестра, мечтавшая увидеть на троне своего маленького сына Захира. Фатимидские солдаты учинили резню, перебив почти всех приверженцев Хакима, но некоторым из них удалось бежать, и они основали новую секту, существующую и ныне, — ливанских друзов.

Раны, которые безумный Хаким нанес Иерусалиму, до конца не зарубцевались: церковь Константина так и не была отстроена полностью в первоначальном виде. Меж тем несчастья города на этом не прекратились: словно Хакима было недостаточно, в 1033 году землетрясение опустошило Иерусалим, сокрушив византийские стены и омейядские дворцы. От аль-Аксы остались одни руины, разрушена была и Пещерная синагога.

Халиф Захир, чтивший Иерусалим, восстановил веротерпимость своих предков, пообещав покровительство обеим иудейским общинам. На Храмовой горе была восстановлена аль-Акса, и надпись на ее изысканно украшенной триумфальной арке указывала на связь между халифом, Иерусалимом и ночным путешествием Мухаммеда — хотя мечеть Захира была гораздо меньше, чем старая аль-Акса. Новый халиф отстроил и городские стены. Но они тоже заключали в себе город гораздо меньшей площади — примерно такой, как сегодня. За чертой новых стен оказались гора Сион и лежавшие в руинах дворцы Омейядов.

Захир и его преемник благосклонно принимали помощь византийцев в восстановлении храма Гроба Господня. В 1048 году император Константин IX Мономах завершил строительство нового храма, вход в который теперь находился с южной стороны. «Самое просторное здание, способное вместить 8000 человек, сооружено с большим искусством из цветного мрамора и украшено византийской парчой с образами, затканными золотыми нитями», — так описывал его персидский паломник Насир-и Хосров. И все же оно было гораздо меньше Константиновской базилики. Евреям же так и не удалось отстроить разрушенные синагоги, хотя великий визирь ат-Тустари (Абу Саид)[137], еврей по рождению и вере, всячески поддерживал иерусалимскую общину.

Гонения Хакима, похоже, только упрочили святость Иерусалима в глазах мира. Теперь это вновь был процветающий паломнический город с населением в 20 тысяч человек. «Из

земель греческих и иных стран, — писал Насир, — приходят в Иерусалим христиане и иудеи в огромном количестве». Двадцать тысяч мусульман собирались ежегодно на Храмовой горе, вместо того чтобы совершить хадж в Мекку. Еврейские путешественники прибывали также из Франции и Италии.

Перемены, происходившие в христианском мире, делали Иерусалим все более притягательным для франков с Запада и греков с Востока. Католики-латиняне с римским папой во главе и православные греки, подданные императора и патриарха Константинопольского, теперь очень сильно отличались друг от друга. Дело было не только в том, что они молились на разных языках и ожесточенно спорили о малопонятных богословских формулах. Православие, с его иконами и утонченным богослужебным обрядом, было настроено более мистически и страстно. Католичество с его концепцией первородного греха верило в более резкое различие между человеком и Богом. 16 июля 1054 года прямо во время службы в Святой Софии папский легат отлучил от Церкви византийского патриарха, а тот в ярости предал анафеме папу. Эта Великая схизма — раскол, до сих пор разделяющий христианский мир, — привела к ожесточенной борьбе Востока и Запада за Иерусалим.

Византийский император Константин X Дука способствовал созданию первого настоящего христианского квартала вокруг храма Гроба Господня. Это была своевременная мера: византийских паломников и ремесленников в Иерусалиме было уже так много, что до Насира даже дошли слухи о том, что сам император Константинополя время от времени приезжает в город инкогнито. Впрочем, пилигримов из Западной Европы в Иерусалим прибывало не меньше; мусульмане всех их собирательно называли франками — в память о народе, давшем миру Карла Великого, — хотя на самом деле они приходили со всех концов Европы. Для их размещения амальфийские купцы выстроили множество постоялых дворов и монастырских гостиниц. Вера в то, что паломничеством можно искупить грех междоусобной войны, была распространена повсеместно. Еще в 1001 году Фульк Черный, граф Анжуйский, совершил в Иерусалим первое покаянное паломничество после того, как заживо похоронил свою супругу в венчальном платье, уличив ее в измене с неким свинопасом. Всего же он совершил три покаянных путешествия в Иерусалим. В конце того же столетия граф Свен Годвинсон, брат короля Англии Гарольда, пришел в Иерусалим босиком после того, как изнасиловал монахиню-девственницу, аббатису Эдвигу (впрочем, на его совести было немало и других преступлений). Покинул свое герцогство, чтобы помолиться у

Гроба Господня, и Роберт, герцог Нормандский, отец Вильгельма Завоевателя. Все трое погибли на обратном пути из Святой земли: смерть постоянно сопровождала пилигримов.

Фатимидам, занятым придворными интригами, трудно было поддерживать порядок в Палестине, и паломники часто подвергались нападениям бандитов. Гибель в пути была настолько обычным явлением, что у армян появился даже особый титул, махдеси, которым награждали тех, кто умер во время паломничества к Гробу Господню.

В 1064 году богатый караван в составе семи тысяч немецких и голландских пилигримов во главе с Арнольдом, епископом Бамбергским, был атакован кочевниками-бедуинами почти у самых стен города. Некоторые паломники в попытке спрятать свое золото от разбойников проглотили его. Догадавшиеся об этом бандиты безжалостно вспороли животы несчастным. Убито было пять тысяч человек. Святой город был во власти мусульман уже целых четыре столетия, но подобные происшествия лишний раз подтверждали, что церковь Гроба Господня и иерусалимские христиане постоянно находятся в опасности.

В 1071 году Алп-Арслан (тюрк. «храбрый лев»), новый завоеватель-тюрок, пришедший с Востока, в битве при Манцикерте разгромил и взял в плен византийского императора Романа IV Диогена[138]. Алп-Арслан был ханом турок-сельджуков — тюркоязычных кочевников, подчинивших себе ослабевший Багдадский халифат. Храбрый Лев принял новый титул — султан, «верховный правитель». Создав империю, простиравшуюся от Кашгара до Малой Азии, он повелел своему военачальнику Атсызу ибн-Абааку аль-Хваразми скакать на юг — к трепетавшему от ужаса Иерусалиму.

Атсыз: чудовищное разграбление

Иерусалимские евреи, обласканные при Фатимидах, бежали во главе со своим гаоном из Иерусалима в Тир — оплот Фатимидов. Атсыз встал лагерем под новыми иерусалимскими стенами и, как благочестивый мусульманин-суннит, заявил, что не причинит вреда Иерусалиму. «Это святилище Бога, — сказал он. — Я не буду брать его приступом». Он действительно не штурмовал город, а взял его измором: в июне 1073 года оголодавший Иерусалим сдался. Затем победитель направился на юг, в Египет. Но там Атсыз потерпел поражение. Известие об этом побудило Иерусалим взбунтоваться. Они осадили тюрков (и гарем Атсыза) в Башне Давида.

Атсыз вернулся; когда он уже готовился к приступу, кому-то из его наложниц удалось выскользнуть из крепости и открыть городские ворота. Орда среднеазиатских кочевников перебила три тысячи мусульман, резали даже тех, кто пытался найти убежище в мечетях. Пощадили только тех, кто укрылся на Храмовой горе. «Они грабили, и убивали, и насиловали, и расхищали склады и лавки; это были дикие и жестокие воины в подпоясанных разноцветных одеяниях с черно-красными шлемами на головах, с луками и копьями и полными колчанами», — так описывал их один еврейский поэт, видевший войско Атсыза в Египте.

Атсыз и его воины разграбили Иерусалим: «Они сожгли зерно, срубили деревья и вытоптали виноградники, разорили могилы и выбросили из них кости. Они не похожи на людей, они больше походят на зверей и похотливых распутников; они совокупляются с мужами, отрезают им уши и носы и срывают одежды, оставляя их нагими».

Империя Храброго Льва вскоре распалась — члены его семейства и военачальники не преминули отхватить себе по уделу. Атсыз был убит, и Иерусалим попал в лапы другого тюркского военачальника — Артыка бин Аксаба. По прибытии в город он выпустил стрелу в купол Гроба Господня, дабы показать иерусалимлянам, кто теперь здесь хозяин. Тем не менее, на поверку Артык оказался достаточно терпимым правителем и даже назначил наместником христианина-якобита, а также предложил вернуться в Иерусалим суннитским ученым[139].

Сыновья Артыка, Сукман и Иль-Гази, унаследовали город. В 1093 году «кто-то поднял восстание против наместника, — записал испанский ученый Ибн аль-Араби, — и закрепился в Башне Давида. Наместник повелел своим лучникам убить его». Воины вели бой на улицах, но «это никого не волновало. Не закрылся ни один рынок, ни один аскет не покинул своего места в мечети аль-Акса; и ни один диспут не был прерван».

Тем не менее этот нескончаемый хаос — кровавые чудачества Хакима, поражение византийского императора, захват Иерусалима сельджуками и избиение паломников — встревожил христианский мир: пилигримаж в Святую Землю явно был под угрозой.

В 1098 году египетский визирь испытал неподдельное удивление, узнав, что в Святую землю направляется грозное войско христиан Европы. Он предположил, что христиане эти были всего лишь византийскими наемниками, и потому предложил им поделить империю сельджуков: христиане могли бы взять себе Сирию, а он бы оставил себе Палестину. Когда же

он осознал, что целью европейцев является собственно Иерусалим, то сам решил осадить город «и за сорок дней, поставив сорок камнеметов», принудил сыновей Артыка бежать в Ирак. Назначив одного из своих военачальников наместником Иерусалима и оставив в городе гарнизон из арабов и суданцев, визирь вернулся в Каир. Переговоры с латинянами затянулись до лета 1099 года — христианские посланники праздновали в храме Гроба Господня Пасху.

Время, выбранное крестоносцами для начала кампании, было удачным: арабы проиграли свою империю сельджукам. Слава халифата Аббасидов давно закатилась. Ближний Восток разделился на маленькие и беспрерывно воюющие между собой княжества, которыми управляли местные князьки, тюркские военачальники и наместники-атабеки. Правда, несмотря на то, что войско христиан уверенно продвигалось на юг, один сельджукский князь предпринял попытку напасть на Иерусалим, но был отбит. Между тем Антиохия сдалась крестоносцам, двигавшимся вниз по побережью. 3 июня 1099 года латиняне захватили Рамлу и приблизились к Иерусалиму. За стенами города укрылись тысячи мусульман и иудеев. Во вторник утром 7 июня западные рыцари достигли гробницы Наби Исмаила (пророка Самуила) в четырех милях от Иерусалима. Проделав длинный путь из Западной Европы они наконец взирали вниз с Монжуа, Горы радости, на город Царя Царей. К ночи они встали лагерем у его стен.

Часть пятая. Крестоносцы

Предпримите путь ко Гробу Святому, исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините себе.

Папа Урбан II. Проповедь на Клермонском соборе

Иерусалим — это наша святыня, и мы никогда не откажемся от нее, даже если нам придется биться до последнего.

Король Ричард Львиное Сердце. Послание Саладину

Святой Град столь же наш, как и ваш, —
но истинно, для нас он даже важнее.

Саладин. Послание Ричарду Львиное Сердце

Весь мир населенный —
И град, и селенье —
Слыхал, что с Сиона
Грядет искупленье.
Вещайте широко о славе сих врат!
И Запад с Востоком о них говорят.
Не тем, что высок он,
Прославился град:
Отмечен он Богом
Для благоволенья
И стал он чертогом
Его проявленья.

Иегуда Леви. Врата Сиона[140]

21. Бойня
1099 г.

Герцог Готфрид: осада

В засушливых Иудейских горах лето 1099 года было в самом разгаре. Святой город находился под защитой египетских войск, подкрепленных отрядами ополченцев из числа иерусалимских евреев и мусульман. Запасов продовольствия у защитников имелось достаточно, все цистерны были наполнены пресной водой, а колодцы и источники в окрестностях Иерусалима намеренно отравлены. Христиан из Иерусалима изгнали. Жители города — их оставалось не более 30 тысяч — успокаивали себя тем, что на помощь им выступил с войском египетский визирь. Да и вооружены они были лучше неприятеля; у защитников города имелось даже секретное оружие — греческий огонь[141]. Они могли себе позволить с презрением взирать на врагов из-за неприступных крепостных стен.

Войско франков было слишком малочисленным — всего 1200 рыцарей и 12 000 пехотинцев, — чтобы окружить город. В открытом бою легковооруженные арабские и тюркские конники не могли бы устоять против стального кулака неприятельской армии — западных рыцарей на боевых конях, пускай неповоротливых, но закованных в латы. Каждый рыцарь носил шлем, а также панцирь или кольчугу, надетую поверх *гамбезона* (длинного, до колен, стеганого кафтана), и был вооружен копьем, мечом, булавой и щитом.

Однако большинство европейских лошадей давно пали или были съедены самими оголодавшими хозяевами. В горах окрест Иерусалима прямые конные атаки были невозможны, лошади — бесполезны, а в доспехах было слишком жарко. Изнуренное войско франков вынужденно спешилось, а их вожди погрязли в распрях между собой. Верховного командира у крестоносцев не было. Самым заметным из их лидеров — да и самым богатым — был Раймунд, граф Тулузский. Бесстрашный, но недалекий человек, известный своим упрямством и бестактностью, Раймунд первоначально разбил лагерь к западу от города, напротив Цитадели. Однако через несколько дней он передвинулся южнее, намереваясь штурмовать Сионские ворота.

Слабым местом в обороне Иерусалима всегда была северная сторона: молодой и способный герцог Роберт Фландрский, чей

отец совершил в свое время длительное паломничество в Святую землю, встал лагерем напротив ворот, которые ныне зовутся Дамасскими. Герцог Роберт Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя — храбрый, но неудачливый воин по прозвищу Куртгёз («короткие штаны»), или попросту Толстоногий, — занял позицию чуть восточнее, у ворот Ирода. Но подлинным символом рыцарства и вдохновителем крестоносного войска был Готфрид, граф Бульонский, — светловолосый герцог Нижней Лотарингии 39 лет от роду, «идеальный образец северного рыцаря», вызывавший всеобщее восхищение своей набожностью и целомудрием (он никогда не был женат). Готфрид расположился со своими воинами у современных Яффских ворот. Между тем 25-летний нормандский рыцарь Танкред де Готвиль, решивший создать для себя на Святой земле отдельное владение, отправился на штурм Вифлеема. Вернувшись, он присоединился к войску Готфрида в северо-восточном углу города.

Франки преодолели тысячи миль, прошли Европу и Азию и потеряли в пути множество людей ради единственной цели — Иерусалима. Все они прекрасно сознавали, что битва за него станет либо апофеозом первого крестового похода, либо эпитафией ему.

Папа Урбан II: так хочет бог

Крестовый поход был идеей одного человека. 27 ноября 1095 года во французском городе Клермон папа Урбан II обратился к собранию вельмож и простолюдинов с проповедью, в которой призвал к завоеванию Иерусалима и освобождению церкви Гроба Господня.

Урбан считал делом своей жизни утверждение могущества и репутации католической церкви. Он выдвинул новую теорию священной войны ради обновления христианского мира и укрепления папства, призывая к уничтожению неверных в обмен на отпущение грехов. Эта беспрецедентная концепция отпущения грехов за убийство стала своего рода христианской версией мусульманского джихада, но при этом она еще находила отклик во всеобщем почитании Иерусалима. В век религиозного рвения, в эпоху священных символов и знамений, Иерусалим, город Христа, воспринимавшийся и как главная святыня, и как воплощение Царства Небесного на земле, был известен всем христианам по проповедям, рассказам паломников, мистериям на тему Страстей Господних, церковным росписям и скульптуре, а также, конечно, реликвиям. А Урбан со всей страстью распалял и

так нараставшее беспокойство верующих о судьбе Гроба Господня, повествуя об избиении паломников и зверствах турок.

И вот уже тысячи людей — знатных и бедных — готовы были ответить на призыв папы: «Правосудие уступило место насилию, которое одно господствовало среди народов. Обман, хитрость, коварство утвердились повсюду, — свидетельствовал историк Иерусалима Вильгельм Тирский. — Всякая добродетель исчезла и казалась излишнею: до того все было проникнуто злобою… Целомудрие, ценимое Богом и небожителями, удалилось, как нечто никуда не годное. Бережливость и трезвость не могли устоять рядом с роскошью, пьянством и ненасытною жаждою игры»[142].

Крестовый поход сулил приключения и наживу, возможность бежать от домашней рутины, а кроме того, предполагал удаление тысяч воинственных рыцарей-разбойников из Европы. Однако современный взгляд, популярности которого способствовали голливудские фильмы и ответная реакция общества на катастрофу иракской войны 2003 года, — взгляд, согласно которому целью крестоносцев было лишь обогащение и удовлетворение садистских наклонностей, — совершенно неверен. Лишь горстка высокопоставленных дворян приобрела новые владения в результате крестовых походов, очень немногим крестоносцам удалось сделать блистательную карьеру, тогда как цена оказалась страшной: многие жизни и состояния были погублены в ходе этих романтических кампаний, полных риска и набожности. Современному человеку трудно понять главный побудительный мотив людей того времени: христианам была предложена возможность заработать искупление всех своих грехов. Иными словами, те воины-паломники были прежде всего верующими, искавшими спасения на стенах Иерусалима.

Толпы верующих в Клермоне ответили папе: «*Deus le volt!* Так хочет Бог!» Раймунд Тулузский одним из первых «принял крест» — объявил, что отправляется в Святую землю. Затем крест приняли восемьдесят тысяч человек, некоторые из них в рядах дисциплинированных воинских частей под началом князей, а некоторые — в составе буйных банд под предводительством алчных авантюристов. Их сопровождали толпы набожных крестьян с отшельниками-аскетами во главе. По мере того как первая волна крестоносцев двигалась через Европу в сторону Константинополя, они насильно обращали в христианство евреев либо учиняли над ними резню в качестве мести за убийство Христа.

Византийский император Алексей Комнин, скорее встревоженный, чем обрадованный прибытием этих головорезов-

латинян, поспешил направить их в Иерусалим. В Анатолии толпы европейских крестьян впервые столкнулись с турками и были перебиты, но организованные, целеустремленные и опытные рыцари основных крестоносных армий сумели пройти сельджуков. Вся эта кампания демонстрировала победу веры над опытом и здравым смыслом: с самого начала крестоносцы руководствовались и вдохновлялись знамениями, божественными и ангельскими видениями и священными знаками, которым придавалось не меньшее значение, чем военной тактике. Их вера в собственное святое дело и предзнаменования, встречавшиеся на пути, только крепла по мере приближения к Святой земле. К счастью для христиан, регион, в который они вторглись, раздирали распри между враждовавшими друг с другом халифами, султанами и эмирами, тюрками и арабами — и все они ставили победу над собственными соперниками выше любой идеи какой-то там исламской солидарности.

Падение Антиохии стало первым реальным успехом крестоносцев, но затем они сами оказались осаждены в стенах захваченного города. Начался голод, положение казалось безнадежным, и Первый крестовый поход чуть не закончился, едва начавшись. Но посреди всеобщего уныния некоему Петру Варфоломею — одному из людей графа Раймунда — случилось видение: будто бы под одной из церквей города лежит Святое копье, которым некогда римский сотник пронзил грудь распятого Христа. Граф со своими людьми принялся копать в указанном месте и действительно нашел там копье. Эта находка воодушевила воинов. А когда Петра Варфоломея обвинили в обмане, его решено было подвергнуть «суду Божию» — суровому испытанию огнем. Петр стоически перенес его, пройдя девять шагов по раскаленным докрасна кускам железа, и объявил, что даже не почувствовал боли. Однако через двенадцать дней он умер.

Крестоносцы удержали Антиохию и двинулись на юг. Тюркские и фатимидские эмиры Триполи, Кесарии и Акры предпочли договориться с христианами. Фатимиды оставили Яффо, и крестоносцы двинулись от побережья вглубь страны, к Иерусалиму. Когда их отряды подступили к стенам города, некий отшельник на Масличной горе, вдохновленный видением, посоветовал командирам христиан атаковать город немедленно. 13 июня крестоносцы попытались взять стены приступом, но понесли тяжелые потери и были отброшены защитниками Святого города. Предводители Христова воинства осознали, что им следует более тщательно продумать и спланировать атаку, а также запастись как можно большим количеством штурмовых

лестниц, метательных машин и других осадных орудий. Дерева для их строительства не хватало, однако крестоносцам опять улыбнулась удача. 17 июня в Яффо прибыли генуэзские корабли. Их разобрали, а доски и брусья отправили в Иерусалим, где из них были построены большие колесные осадные башни, оснащенные метательными машинами.

Тем временем князья крестоносцев ссорились из-за владений. Двое самых ловких уже захватили для себя каждый по княжеству: Боэмунда Тарентского оставили удерживать Антиохию, а энергичный Балдуин, брат Готфрида Бульонского, завоевал Эдессу на далеком Евфрате. Хищный Танкред требовал себе Вифлеем, но на это святое место претендовала и Церковь. Жара стояла невыносимая, дул хамсин, воды не хватало, людей тоже было мало, к тому же они совершенно пали духом. А к городу приближались египтяне. Нельзя было терять ни минуты.

Положение спасло новое знамение. Шестого июля некий священник-визионер объявил, что ему (и уже не в первый раз) явился Адемар де Пюи — весьма почитаемый епископ, недавно умерший в Антиохии. Ныне же его дух призывал франков обойти процессией вокруг стен города, как в свое время обошел вокруг Иерихона Иисус Навин. Крестоносцы постились три дня, а затем, восьмого июля, босиком обошли вокруг стен Иерусалима «с трубами, стягами и оружием». Во главе процессии шли епископы со священными реликвиями. Со стен на них взирали защитники города, выкрикивавшие оскорбления при виде распятий. Когда крестный ход в стилистике Иисуса Навина был завершен, крестоносцы собрались на Масличной горе — выслушать наставления капелланов и стать свидетелями примирения своих вождей. Лестницы, осадные башни, метательные машины, каменные ядра, стрелы, фашины — все было готово; все трудились день и ночь. Помогали даже женщины и старики: они сшивали большие покровы из шкур животных, чтобы намочить их и защитить ими от огня осадные орудия. Выбор был суров: смерть или триумф на стенах Святого города.

Танкред: резня на храмовой горе

К ночи 13 июля крестоносцы были готовы. Священники наставляли воинов, укрепляя в них смесь безжалостной свирепости и непоколебимой набожности. Метательные машины осыпали дождем камней стены города, а защитники тем временем вывешивали на стенах мешки с хлопком и сеном, чтобы смягчить удары, так что в результате стены стали похожи на

гигантские бельевые веревки. Мусульмане в ответ также стреляли по осаждающим из метательных орудий. Когда христиане обнаружили в своих рядах лазутчика, они живьем поместили его в корзину *требушета* и забросили несчастного за стены города.

Крестоносцы работали всю ночь, заваливая ров фашинами. Затем по частям перетащили через ров три осадные башни и собрали их непосредственно под стенами — одну для Раймунда на горе Сион, две другие — на северной стороне. Раймунд первым установил свою осадную башню напротив стены, но египетский наместник, командовавший южным сектором обороны города, оказал упорное сопротивление. В конце концов Готфрид Бульонский определил самое слабое место обороняющихся — восточнее современных ворот Ирода, напротив музея Рокфеллера. Герцог Нормандский и герцог Фландрский вместе с Танкредом быстро перебросили свои силы на северо-восточный угол. Готфрид лично поднялся на осадную башню, как только ее выдвинули на оптимальное для атаки место: хорошо видный своим солдатам, он стрелял по стене из арбалета, в то время как осаждающие и осажденные тоже обменивались залпами лучных и арбалетных стрел, а метательные машины крестоносцев осыпали градом камней стены.

С восходом солнца военачальники крестоносцев смогли использовать для координации своих действий сигналы, передаваемые зеркалами, установленными на Масличной горе. Были предприняты два одновременных штурма: Раймунд Тулузский с юга, а нормандцы с севера. В пятницу 15-го штурм повторился. Готфрид снова ехал на верхней площадке шаткой деревянной осадной башни, меча одну за другой арбалетные стрелы. Защитники города применили греческий огонь, но этого было недостаточно, чтобы остановить неприятеля.

В полдень башня Готфрида наконец подошла вплотную к стене. Франки перебросили на стену мостки, и два рыцаря-брата первыми спрыгнули на нее; за ними последовал Готфрид. Все трое потом клялись, что своими глазами видели, как рядом с ними сражается покойный епископ Адемар. И «многие свидетельствовали, что он первым взобрался на стену». Именно усопший епископ приказал им открыть изнутри ворота Колонны (нынешние Дамасские). Танкред со своими нормандцами устремился вперед по узким улочкам Иерусалима. С юга, от горы Сион, Раймунд Тулузский услышал их крики. «Чего вы медлите! — крикнул граф своим людям. — Франки уже в городе!» Ворвавшись в Иерусалим, воины графа начали преследовать египетского наместника и гарнизон, загнав их в Цитадель. Наместник согласился сдаться Раймунду в обмен на обещание

сохранить жизнь ему и его людям. Тем временем жители города и солдаты бежали на Храмовую гору; за ними гнался Танкред со своими нормандцами. Иерусалимляне с шумом захлопнули ворота на Храмовой горе и попытались дать отпор, но воины Танкреда пробились на священную храмовую площадку, забитую толпой отчаявшихся людей.

Бойня продолжалась несколько часов. Франки обезумели от ярости и убивали любого, кто попадался им на улицах города. Они отрубали несчастным не только головы, но руки и ноги, купаясь в брызжущих фонтанах крови неверных. Хотя подобная резня в захваченном городе была делом обычным, поражает небывалая гордость, с которой описывают эти зверства летописцы крестового похода. «Произошли чудесные сцены, достойные запечатления, — бахвалился один из свидетелей резни, каноник графа Тулузского Раймонд Ажильский. — Некоторые из наших людей — и это были еще самые милосердные — отрезали головы врагам. Другие же сражали их стрелами, некоторые кидали их живьем в огонь или долго пытали и медленно убивали. Улицы были заполнены грудами срубленных голов, рук и ног. Так что даже ходить по улицам, не спотыкаясь об эти конечности и головы, было довольно затруднительно»[143].

Младенцев отнимали у матерей и разбивали им головы о стены. По мере того как победители все больше зверели, «сарацины, арабы и эфиопы» — то есть темнокожие суданские воины из войска Фатимидов — искали убежища на кровлях Купола Скалы и аль-Аксы. Пробивавшиеся к Куполу рыцари буквально прорубали себе дорогу через толпу на эспланаде, нещадно рассекая человеческую плоть. Наконец они ворвались в аль-Аксу. По словам историка Вильгельма Тирского, франки «вступили туда со множеством конных и пеших людей и, не щадя никого, перекололи всех, кого нашли, мечами, так что все было облито кровью. Произошло же это по справедливому приговору Господню, и те, которые осквернили святыню своими суеверными обрядами и лишили верный народ доступа к ней, очистили ее своею кровью и поплатились жизнью за свое злодеяние»[144].

Десять тысяч человек, включая многих мусульманских имамов и аскетов-дервишей, были убиты на Храмовой горе. В их числе — три тысячи тех, кто пытался найти убежище в мечети аль-Акса. «Наши меченосцы, — пишет хронист Фульхерий Шартрский, — начали стрелять в мусульман на крыше аль-Аксы из луков. Сраженные стрелами, те замертво падали вниз. Что я могу еще добавить? Никто не остался в живых, ни из женщин, ни из детей». Однако Танкред отправил свое знамя — символ покровительства — к уцелевшим трем сотням человек на кровле

аль-Аксы, обещая защиту. Он прекратил бойню, отобрал несколько самых ценных пленников, и ему показали сокровища Храмовой горы. Танкред присвоил огромные золотые светильники, висевшие в святилищах. Евреи искали убежища в синагогах, но крестоносцы подожгли здания, и евреи сгорали заживо, словно в каком-то чудовищном жертвоприношении именем Христа. Готфрид Бульонский с обнаженным мечом в руке и в сопровождении небольшого отряда соратников блуждал по городу, громко возглашая молитвы, пока не нашел дорогу к храму Гроба Господня.

На следующее утро, к ярости Танкреда, люди Раймунда взобрались на крышу аль-Аксы, застали там врасплох несколько сот мусульман и, одержимые жаждой убийств, обезглавили и мужчин, и женщин. Некоторые мусульмане предпочли найти смерть, бросившись с крыши. Одна весьма уважаемая и ученая женщина из персидского Шираза с целой группой других женщин пыталась спрятаться в Куполе Цепи: все они также были убиты. Захватчики с поразительным удовольствием расчленяли тела своих жертв, видя в таком омерзительном способе расправы чуть ли не сакральное таинство. По словам Вильгельма Тирского, «страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные конечности». Но «не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище». Еще больший трепет вызвало то, «что сами победители были в крови с головы до ног». Они разбрелись по городу и, «вытаскивая, как скотов, из узких и отдаленных переулков тех, которые укрывались там от смерти, избивали их на месте».

Каждому крестоносцу было обещано, что он сможет присвоить себе все, что сумеет захватить, а также любой дом, на двери которого он успеет вывесить свой щит или оружие. Поэтому они, «разделившись на отряды, ходили по домам и извлекали оттуда отцов семейств с женами и детьми, прокалывали их мечами или сбрасывали с кровель и таким образом ломали им шею»[145].

Семнадцатого числа пилигримы (как называли себя эти мясники) наконец пресытились резней и «предались отдыху и вкушению пищи, в чем уже сильно нуждались». Их князья и духовенство прошли ко Гробу Господню, где восславили Христа, хлопая в ладоши и орошая алтарь слезами радости, а затем торжественной процессией проследовали по улицам города к Куполу Скалы и месту, где стоял Храм Соломона. Улицы, по которым они шли, были усыпаны кусками мертвых тел, разлагавшимися на летней жаре. Вожди крестоносцев заставили уцелевших евреев и мусульман очистить улицы и сжечь все

останки на погребальных кострах, после чего убили и этих несчастных, приумножив число жертв. Погибшие крестоносцы были погребены на кладбище Мамилла или в священной земле напротив Золотых ворот (там тоже к этому времени образовалось мусульманское кладбище), где они и ожидают воскресения в день Страшного суда.

В Иерусалиме было такое количество «драгоценных каменьев, одеяний, золота и серебра», а число ценных пленников было так велико, что франки продавали рабов с аукциона два дня подряд. Некоторых уважаемых мусульман освободили за огромный выкуп. За ученого правоведа Абд аль-Саляма аль-Ансари затребовали выкуп в тысячу динаров, но никто не смог заплатить его, и пленника убили. Уцелевших евреев и три сотни их книг (включая Кодекс Алеппо — один из самых ранних частично сохранившихся экземпляров Танаха, еврейской Библии) выкупили их египетские единоверцы. Торговля пленниками стала одним из самых прибыльных занятий в Иерусалимском королевстве.

Смрад тления витал над городом еще долгое время после бойни — не все человеческие останки удалось собрать. Даже по прошествии полугода, когда в Иерусалим вернулся Фульхерий Шартрский, там стояло непереносимое зловоние, исходившее от «все еще разлагавшихся трупов сарацин, которых наши соратники убили, преследуя их по взятии города». «Из-за этого [запаха], — вспоминает хронист в своей „Иерусалимской истории“, — нам приходилось затыкать носы и рты».

Иерусалиму, только что ставшему христианским, грозила новая опасность: к городу приближалось египетское войско. Крестоносцам срочно нужен был верховный главнокомандующий — первый король Иерусалимский.

Готфрид: защитник гроба господня

Представители высшей знати и духовенства взвешивали нравственные качества кандидатов на престол, выясняя, кто из них наиболее достоин короны. Они чувствовали, что должны предложить престол наиболее знатному военачальнику — непопулярному Раймунду, но им крайне не хотелось этого делать. Однако Раймунд вежливо отклонил предложение, заявив, что не вправе быть королем в городе, где царствует Христос. Тогда крестоносцы обратились к тому, на ком изначально хотели бы остановить выбор, — к достойнейшему герцогу Готфриду. Предложили ему, однако, стать не королем, а «защитником Гроба Господня» (*Advocatus Sancti Sepulchri*) — новый титул был

изобретен специально к этому случаю.

Раймунд понял, что его обвели вокруг пальца, и пришел в бешенство. Он отказывался сдавать Башню Давида до тех пор, пока в дело не вмешались посредники-епископы. Паломникам-победителям с обнаженными мечами в руках оказалось нелегко восстановить в Иерусалиме благочестие, подразумевавшееся в городе, «где царствует Христос». Они избрали патриархом нормандского капеллана Арнульфа, но вскоре тому пришлось оправдываться за то, что он вступил в связь с арабской женщиной и прижил от нее незаконного ребенка.

Арнульф повесил в церквях колокола (мусульмане всегда запрещали колокольный звон). Городу предстояло стать латинским, католическим Иерусалимом. Действия Арнульфа наглядно демонстрировали, насколько губительна Великая схизма: у Гроба Господня служили теперь католические священники, а греческому клиру во главе с патриархом было запрещено входить туда. Так укрепилась в Иерусалиме вражда между различными христианскими церквями, которая вплоть до сегодняшнего дня вызывает скандалы и даже потасовки, развлекающие посетителей храма. Однако Арнульф нигде не мог найти главную часть Животворящего Креста, а православные священники отказывались раскрыть ему место тайного хранения реликвии. Латинский патриарх предал их пыткам: христианин истязал христиан, чтобы завладеть Животворящим Древом Агнца. В конце концов те, не выдержав пыток, уступили.

Двенадцатого августа, оставив Иерусалим практически без защиты, защитник Гроба Господня повел все войско крестоносцев в сторону Аскалона, где одержал убедительную победу над египтянами. Защитники Аскалона хотели сдаться Раймунду, однако Готфрид отказался принять это условие, требуя, чтобы они сдались ему. В результате Аскалон так и не был взят, и это стало первой из многочисленных ран, которые нанесут сами себе предводители крестоносного войска, не желающие ни в чем уступить друг другу ради прекращения усобиц. Так или иначе, Иерусалим — пусть и опустошенный — был в их руках.

Герцоги Нормандский и Фландрский, а также многие другие крестоносцы отправились домой, оставив Готфрида в смрадном, разграбленном городе в сопровождении всего трехсот рыцарей и двух тысяч пехотинцев. Уцелевших же горожан не хватило бы и на заселение одного квартала. Раймунд Тулузский, совладавший со своим гневом, отправился покорять побережье Леванта, основав впоследствии собственную династию — графов Триполи. Всего же было создано четыре государства крестоносцев: княжество Антиохийское, графства Эдесское и Триполи и

королевство Иерусалимское. Этот уникальный мозаичный конгломерат тесно связанных между собой христианских земель в Европе того времени называли Заморьем[146].

Реакция исламского мира, разделенного между постепенно слабевшими халифами суннитского Багдада и шиитского Каира, была на удивление сдержанной. Лишь немногие проповедники призвали к джихаду и освобождению Иерусалима. Не выказали возмущения и могущественные тюркские эмиры, поглощенные собственными проблемами.

21 декабря брат Готфрида Балдуин, граф Эдесский, и белокурый Боэмунд Антиохийский прибыли в Иерусалим для празднования Рождества. Готфрид в это время был занят противостоянием с Церковью. Патриархом вместо впавшего в грех Арнульфа был избран папский легат (представитель) Дагоберт — высокомерный и самоуверенный уроженец Пизы. Намереваясь установить в Заморье теократическое правление и сосредоточить власть в своих руках, он заставил Готфрида уступить Церкви Иерусалим и Яффо. В июне 1100 года Готфрид, находившийся в это время в Яффо, тяжело заболел — по-видимому, тифом. Его перевезли в Иерусалим, где он и скончался 18 июля и через пять дней был погребен (как позднее и все его преемники) у подножия Голгофы в храме Гроба Господня.

Управление городом взял в свои руки Дагоберт. Однако рыцари Готфрида отказались покидать Цитадель и обратились за помощью к Балдуину — брату своего усопшего сеньора. Но граф Эдесский, отражавший в то время наступление сарацин в северной Сирии, получил послание только в конце августа. Второго октября Балдуин выступил на Иерусалим с двумя сотнями рыцарей и семьюстами пехотинцами. Путь до Святого города пришлось прокладывать мечом, в непрерывных стычках с мусульманами, устраивавшими засады чуть ли не на каждом шагу. Девятого ноября, потеряв больше половины своих людей, Балдуин наконец вступил в Иерусалим.

22. Рассвет Заморья
1100–1131 гг.

Балдуин Высокий: первый король

Через два дня рыцари провозгласили Балдуина королем, и Дагоберт был вынужден признать это решение. Почти тотчас же новый король выступил в поход на Египет. По возвращении патриарх Дагоберт провел обряд коронации «короля латинян в Иерусалиме» в вифлеемской церкви Рождества Христова.

Первый король Иерусалимский был далеко не таким совершенным образцом благочестия, как его брат. Зато он оказался гораздо более способным правителем и был «весьма деятелен и усерден, когда того требовали общественные дела». Светлокожий, с орлиным носом, темными волосами и бородой, с выступавшей верхней губой и немного срезанным подбородком, Балдуин в детстве готовился уйти в монастырь и на всю жизнь сохранил задумчиво-созерцательный вид клирика, да к тому же всегда носил священническое облачение, «так что чужие, при важности его речи и обращения, принимали его скорее за епископа, чем за светское лицо». Он женился из соображений политического расчета, а корысти ради даже отважился стать двоеженцем, но у него не было детей и он, возможно, так и не вступил в плотские отношения ни с одной из своих жен. Однако, по словам Вильгельма Тирского, оставаясь «верным первородному греху и проклятию, был он, как говорят, весьма чувствен, хотя при этом так осторожен, что это никого не оскорбляло, ничьего не нарушало права, никому не причиняло насилия и, что редко случается в подобном деле, едва было известно немногим самым приближенным служителям». Кое-кто утверждал, что король Иерусалимский — содомит, однако детали его прегрешений так и остались тайной.

Его подлинной страстью была война — непрерывная и безжалостная. Балдуин не сомневался, что именно война и есть долг и прямая обязанность монарха. Каноник короля называл его «орудием своего народа и грозой своих врагов». Этот хитроумный воин, обладавший почти сверхчеловеческой энергией, посвятил себя делу защиты и расширения собственного королевства, периодически сражаясь с египтянами на подступах к Рамалле. Однажды сарацинам удалось нанести Балдуину поражение, но он верхом на своей верной Газале умчался к побережью, где его

подобрал корабль английских пиратов, шедший в Яффо. Здесь Балдуин сошел на берег, собрал своих рыцарей и снова атаковал египтян. Войско короля было очень маленьким — вероятно, не более тысячи рыцарей и пяти тысяч пехотинцев. Поэтому он пополнял его наемниками из местного населения (среди которых, возможно, были и мусульмане), которые назывались туркополы. Гибкий дипломат, Балдуин удачно играл на соперничестве мусульманских вождей и заключал союзы с генуэзскими, венецианскими и английскими моряками, чтобы завоевать побережье Палестины от Акры до Бейрута.

В Иерусалиме Балдуину удалось в конце концов сместить слишком влиятельного Дагоберта с патриаршего престола, устранив, таким образом, своего главного конкурента во власти. Крестоносцы в свое время перерезали жителей Иерусалима, однако мусульманские святилища Аль-Кудса они предпочли не разрушать, а узурпировать — вероятно, потому, что считали их ветхозаветными святынями. Балдуин укрепил Цитадель, уже давно известную христианам под именем Башни Давида. Теперь там расположились дворец, сокровищница, темница и казармы гарнизона; арки, построенные здесь крестоносцами, можно увидеть и сегодня. Когда в 1110-м, а потом и в 1113 году городу снова угрожали египтяне, жителей призывал к оружию рев труб с Давидовой Башни. В 1104 году Балдуин превратил и мечеть аль-Аксу в королевский дворец.

Многие крестоносцы были убеждены, что Купол Скалы и аль-Акса были построены самим царем Соломоном или уж, на худой конец, Константином Великим. Впрочем, некоторым было известно наверняка, что оба этих сооружения — мусульманские. Над Куполом Скалы, переименованным в *Templum Domini* — Храм Господень, был водружен крест. Как и прочие завоеватели Иерусалима, крестоносцы использовали сполии — фрагменты более ранних сооружений — для возведения собственных монументов: Балдуин, например, разобрал кровлю своего дворца в аль-Аксе и пустил свинцовые листы на починку крыши храма Гроба Господня.

В 1110 году юный король Норвегии Сигурд, прошедший все Средиземноморье, истребляя по дороге неверных, высадился в Акре во главе флотилии из 60 кораблей. Это был первый европейский монарх, прибывший в качестве пилигрима в латинский Иерусалим. Балдуин лично сопровождал Сигурда в город, который норвежцы называли Йорсалаборг, по дорогам, выстланным коврами и усыпанным пальмовыми листьями. Король Иерусалимский предложил Сигурду щепку Животворящего Креста, если норвежский флот окажет помощь

при штурме Сидона. В конце концов Сидон пал, а норвежцы провели в Иерусалиме всю зиму.

Балдуин успешно отразил вторжения атабеков — тюркских правителей Дамаска и Мосула: жизнь короля была сплошной, нескончаемой чередой войн, перемежавшихся лишь заключением хитроумных и коварных перемирий, на что Балдуин был большой мастер. Еще в самом начале крестового похода он взял в жены Арду — дочь армянского князя Тороса, союз с которым помог Балдуину покорить Эдессу и основать там собственное графство. Но в Иерусалиме армянская царевна перестала соответствовать статусу короля, и Балдуин заключил ее в монастырь Св. Анны к северу от Храмовой горы, не по-рыцарски обвинив в том, что она была соблазнена (или изнасилована) арабскими пиратами по дороге в Антиохию. Арда бежала в Константинополь, где предалась беспутным развлечениям, в свете которых версия о ее уступчивости представляется более достоверной, нежели версия об изнасиловании.

Балдуин тем временем начал переговоры о выгодной женитьбе на Аделаиде — богатой вдове нормандского графа Сицилии. Стороны договорились, что если в этом браке не будет детей — что представлялось весьма вероятным, поскольку Балдуин до сих пор оставался бездетным, а невеста была уже не слишком молода, — то сын Аделаиды, Рожер II, унаследует трон Иерусалима. По дороге в Святую землю флотилию Аделаиды атаковали пираты, но в конце концов ее корабли причалили в Акру, демонстрируя весь блеск нормандской Сицилии в стиле царицы Клеопатры: две галеры с пятью сотнями воинов на каждой и еще семь торговых кораблей, нагруженных драгоценностями и золотом. У собственной галеры Аделаиды были позолоченные мачты, нос и корма, охрану несли лучники-сарацины. Заморье еще не видывало ничего более блестящего, чем эта флотилия. По улицам, выстланным коврами и украшенным стягами, Балдуин проводил свою немолодую Клеопатру в Иерусалим. Однако ее высокомерие оказалось нестерпимым, ее женские чары — не такими уж действенными, а богатство, как выяснилось, было почти исчерпано. Аделаиде тоже совершенно не понравился провинциальный Иерусалим, и она скучала по роскоши своей столицы Палермо. А когда Балдуин серьезно заболел, то он, опасаясь, что болезнь послана ему за грех двоеженства, отослал королеву обратно на Сицилию. Одновременно он отозвал свое обещание, что сын Аделаиды со временем станет его наследником — и Рожер II на всю жизнь возненавидел Иерусалим и его народ.

Тем временем Балдуин нашел способ вновь заселить

обезлюдевший Иерусалим. В 1115 году он предпринял поход за Иордан, воздвиг там несколько замков и призвал нищих сирийских и армянских христиан переселиться в его столицу. Современные палестинцы-христиане — потомки тех самых переселенцев.

Теперь крестоносцам Иерусалима предстояло решить стратегическую дилемму: куда же двигаться — на север, в Сирию и Ирак, или на юг — в постоянно досаждающий христианам египетский халифат? Балдуин и его преемники понимали, что для обеспечения безопасности королевства следует завоевать хотя бы одну из этих территорий: стратегический союз между Сирией и Египтом стал бы настоящим кошмаром. И вот в 1118 году Балдуин вторгся в Египет. Увы, во время рыбалки на Ниле он снова заболел, и обратно в Иерусалим короля уже несли на носилках. Но он больше не увидел своей столицы — он умер в пограничном городке Эль-Ариш, и память о нем сохраняется в названии озера Бардавиль. Он был одаренным авантюристом, сумевшим стать владыкой всего Леванта, и его, как ни удивительно, «оплакивали не только франки, но и сирийцы и даже сарацины».

Балдуин II Короткий

Когда тело Балдуина с честью похоронили в храме Гроба, бароны приступили было к обсуждению кандидатов на престол, но одна из фракций без лишних слов избрала графа Эдесского и захватила Иерусалим. Впрочем, для королевства этот выбор оказался удачным. Балдуин II, кузен покойного короля, был прозван Коротким — по контрасту со своим рослым предшественником. Уже 18 лет он правил Эдессой, проводя время в непрестанных войнах, и четыре года томился в плену у турок. Это был человек «приятного лица, имел волоса редкие, рыжего цвета, с примесью седины; носил бороду, спускавшуюся на грудь». В счастливом браке с армянской принцессой Морфией он стал отцом четырех дочерей, был, по словам Вильгельма Тирского, «честен и богобоязнен; в молитве усердствовал до того, что натер мозоли на руках и ногах от частых ударов в грудь и коленопреклонений». Балдуин II был еще в большей степени королем всего Леванта, а не просто королем франков: он «лучше всех знал эту страну», облачался в восточные одеяния и любил сидеть по-турецки на мягких подушках. Мусульмане считали его «здравомыслящим, прирожденным правителем», мужем «богатого опыта». Весьма лестная оценка для неверного!

Балдуин Короткий отдал в аренду свой Храм Соломонов новому военно-монашескому ордену «благочестивых и богобоязненных» рыцарей, давших обет «жить на будущее время в целомудрии, повиновении и без всякого имущества» и получивших по месту своей новой резиденции название храмовников, или тамплиеров (от лат. *templum* — «храм»). В первые годы орден тамплиеров состоял всего из девяти рыцарей, задачей которых было охранять паломническую дорогу, что вела в Иерусалим из Яффо. Но со временем число их стало возрастать, а владения множиться, и храмовники превратились в знаменитый военно-монашеский орден, насчитывавший три сотни рыцарей в одеждах с нашитым на них красным крестом (право его ношения было даровано им папой), под командой которых находились также сотни «младших братьев» и тысячи пеших воинов. Тамплиеры превратили Харам аш-Шариф — исламский священный комплекс на Храмовой горе — в христианскую обитель, где имелись церковь, арсенал и монашеские кельи[147]. Мечеть аль-Акса, давно превращенная в королевский дворец, к этому времени уже была поделена на парадные и жилые покои; храмовники пристроили у южной стены просторный Зал тамплиеров (следы которого сохранились до сих пор). Купол Цепи стал часовней Св. Иакова, подземная мечеть Колыбели пророка Исы превратилась в церковь Св. Марии. В системе подземных залов времен Ирода, известных как Конюшни Соломона, разместились две тысячи лошадей и полторы тысячи вьючных верблюдов ордена. Попасть в конюшни можно было через новые ворота, пробитые в южной стене и защищенные барбиканом — вынесенной вперед сторожевой башней. Севернее Купола Скалы рыцари Храма построили резиденцию каноника, бани и ремесленные мастерские. А на кровле аль-Аксы были устроены, по свидетельству германского монаха Теодориха, посетившего Иерусалим в 1172 году, «изобильные сады, парадные дворы, покои и цистерны для сбора дождевой воды».

Чуть ранее, в 1113 году, папа Пасхалий II подарил участок земли сразу к югу от Гроба Господня еще одному военно-монашескому ордену, и со временем госпитальеры превратились в мощное войско, своими богатствами даже превзошедшее тамплиеров. Поначалу госпитальеры носили черные плащи с белыми крестами, позднее папа пожаловал им красный *сюрко* (плащ с разрезами по бокам для рук) с белым крестом. Госпитальеры выстроили собственный квартал, в котором были странноприимный дом на тысячу человек и огромный госпиталь, где дважды в день четыре врача осматривали больных, изучали их мочу и отворяли кровь. Здесь же имелась и родильная палата;

каждая роженица получала бесплатную колыбельку. Однако комфорт здесь был все же весьма относительным: пациенту выдавали овчинный тулуп и башмаки, чтобы он мог дотопать до отхожего места.

На улицах Иерусалима звучало множество языков, в том числе французский, немецкий и итальянский — Балдуин пожаловал венецианцам ряд торговых привилегий, — однако город оставался исключительно христианским: хотя мусульманским купцам разрешалось торговать здесь, они не имели права оставаться в пределах городских стен на ночь.

Через некоторое время Иль-Гази, бывший правитель Иерусалима, а теперь владетель Алеппо, напал на Антиохию и убил правившего там христианского князя. Балдуин поспешил с войском на север, захватив с собой Животворящий Крест, и разгромил мусульман. Но в 1123 году его самого захватил в плен Балак, племянник Иль-Гази.

И пока Балдуин оставался пленником сельджуков, а войско крестоносцев осаждало Тир, к Иерусалиму из Аскалона выдвинулись египтяне, надеясь легко захватить город, оставшийся без короля и защитников.

23. Золотой век Заморья
1131–1142 гг.

Мелисенда и Фульк: коронация

Защитники Иерусалима под началом коннетабля Эсташа Гранье дважды отражали египтян. К всеобщей радости король Балдуин был выкуплен из плена, и 2 апреля 1125 года все горожане вышли на улицы, приветствуя возвратившегося монарха. Плен заставил Балдуина задуматься о престолонаследии. Единственной его наследницей была дочь Мелисенда, которую он выдал замуж за способного Фулька, графа Анжуйского, бывшего, несмотря на свою молодость, испытанным участником крестовых походов. Он был сыном Фулька Мрачного и потомком порочного Фулька Черного, что пытался искупить свои грехи частыми паломничествами.

В 1131 году Балдуин тяжело заболел и попросил, чтобы его, как обычного скромного паломника, перенесли умирать в келью Патриаршего дворца, где он и отрекся от трона в пользу Фулька, Мелисенды и их малолетнего сына — будущего Балдуина III. В Иерусалиме к этому времени сложился свой собственный ритуал коронации. Встретившись в Храме Соломона, Фульк и Мелисенда, облаченные в расшитые далматики, палантины и в коронационных украшениях, сели на богато убранных коней. Следуя за камергером, потрясавшим королевским мечом, они проехали по городу под радостные возгласы жителей. За четой следовали сенешаль со скипетром и коннетабль со штандартом короля. Фульк с Мелисендой первыми из иерусалимских монархов короновались в ротонде Гроба Господня, к тому времени уже перестроенной.

Патриарх привел супругов к королевской присяге, а затем трижды призвал собравшихся подтвердить, что Фульк и Мелисенда являются законными наследниками. «*Oill!* Да!» — трижды вскричала толпа[148]. К алтарю были вынесены две короны. Патриарх окропил королевскую чету елеем из рога, а затем Фульку вручили королевский перстень, символизирующий верность, и державу со скипетром — регалии власти. Потом король был препоясан мечом — символом военной мощи и правосудия. Патриарх возложил короны на головы обоих супругов и облобызал царственную чету. По выходе из храма Гроба Господня королевский конюший помог королю Фульку сесть на

коня, и супруги направились на Храмовую гору. На пиру в *Templum Domini* король вернул корону патриарху и затем принял ее вновь: этот ритуал возник на основе апокрифического рассказа о Сретении, в котором говорится о том, как Мария принесла сына в Храм, посвятила Богу, а затем выкупила обратно за двух голубей. Наконец пажи стали разносить еду и вино, при этом блюда королевской чете подавали сенешаль и камергер, в то время как конюший держал над ними знамя. Пир сопровождался песнями, музыкой и танцами, а затем коннетабль проводил короля и королеву в их покои.

Мелисенда официально была царствующей королевой, то есть соправительницей мужа, однако поначалу ожидалось, что Фульк будет править единолично. У этого коренастого 40-летнего солдата были рыжие волосы («как у Давида», отмечает Вильгельм Тирский) и очень плохая память — большой недостаток для короля. Привыкший управлять собственными владениями, он обнаружил, что управлять своей властной супругой — не говоря уже о том, чтобы приручить ее, — гораздо труднее. А Мелисенда — стройная, темноволосая и очень умная — вскоре начала проводить слишком много времени со своим другом детства — красавцем-кузеном Гуго Яффским, самым богатым человеком в Иерусалиме. И Фульк обвинил их в любовной связи.

Королева Мелисенда: скандал

Флирт Мелисенды, поначалу лишь дававший пищу для сплетен, быстро перерос в политический кризис. По франкским законам у женщины, уличенной в прелюбодеянии, надлежало отсечь нос, а ее любовника кастрировать. Однако казалось маловероятным, что королеву могут наказать подобным образом. Одним из способов доказать собственную невиновность был поединок, и некий рыцарь вызвал графа Гуго на дуэль, чтобы тот мог обелить себя. Однако Гуго предпочел бежать в сарацинский Египет и оставался там до тех пор, пока Церковь не добилась для него компромиссного приговора — трехлетнего изгнания.

Вернувшись в Иерусалим, Гуго однажды сидел в таверне на улице Скорняков и играл в кости, как вдруг какой-то бретонский рыцарь пырнул его кинжалом. Гуго удалось выжить, однако Иерусалим «потрясло возмущение: собралась огромная толпа», и по городу пронесся слух, будто это Фульк приказал убить соперника. Теперь уже королю пришлось доказывать собственную непричастность. Бретонца пытали и приговорили к урезанию языка и отсечению конечностей. Однако Фульк повелел, чтобы

язык рыцарю сохранили, дабы показать, что король вовсе не пытается заставить его замолчать. Но даже когда несчастному отрубили все конечности и от него осталось лишь туловище с головой (и языком), рыцарь продолжал твердить, что Фульк невиновен.

Неудивительно, что вся эта грязная история не пошла на пользу репутации Утремера в Европе. Управлять Иерусалимом было непросто: король в действительности считался лишь первым среди равных, и ему приходилось постоянно подтверждать свое первенство в противоборстве с баронами-крестоносцами, амбициозными вельможами, авантюристами-головорезами, прибывающими из Европы толпами невежд, ни от кого не зависящими духовно-рыцарскими орденами и беспрестанно интригующими клириками — и лишь потом у него наконец находилось время встретиться лицом к лицу с врагами-мусульманами.

Отношения королевской четы стали очень холодными. Но, лишившись любви, Мелисенда сумела вернуть себе власть и влияние. Чтобы смягчить королеву, Фульк преподнес ей неповторимый подарок — богато изукрашенную Псалтирь, которая и поныне носит имя Мелисенды[149].

Но покуда Иерусалимское королевство наслаждалось своим золотым веком, исламский мир собирал силы.

Кровавый Занги: князь-сокол

В 1137 году Имад ад-Дин Занги, атабек Мосула и Алеппо, захватил сначала город крестоносцев Антиохию, а затем мусульманский Дамаск. Падение каждого из этих городов стало большим ударом для Иерусалима. На протяжении почти четырех десятилетий захват Святого города христианами производил удивительно мало влияния на разобщенный и разочарованный исламский мир. Но, как это часто бывало в истории Иерусалима, в конце концов религиозное рвение было вдохновлено политической необходимостью. И теперь Занги решил использовать нарастающую ярость мусульман — и религиозную, и политическую — по поводу потери Иерусалима в своих целях, провозгласив себя «воином джихада, усмирителем неверующих, истребителем отступников».

За возрождение исламского достоинства халиф пожаловал этому тюркскому атабеку титул эмира эмиров. Обращаясь к арабам, он предпочитал именовать себя Столпом веры, соплеменники-турки называли его Князь-Сокол. Поэты —

непременное украшение свиты каждого правителя в этом обожавшем поэзию обществе — стекались ко двору Занги, чтобы воспеть его победы. Жестокость Князя-Сокола не знала пределов. Он заживо сдирал кожу и снимал скальпы с важных пленников, вешал менее важных и мог распять на кресте любого воина за малейшую провинность. Он оскоплял своих мальчиков-любовников, чтобы подольше сохранить их красоту, а удаляя от двора кого-нибудь из своих военачальников, напоминал им, что во власти правителя остаются сыновья опального вельможи, которых он тоже в любой момент может сделать евнухами. Когда его рассудок помутился от вина, он развелся с одной из своих жен, а потом отдал ее на поругание конюхам и сам любовался зрелищем. Если кто-то из его воинов бежал с поля боя, сообщает один из его сподвижников, Усама ибн Мункыз, Занги приказывал разрубить пополам двух соседей по строю. Эти жестокости описаны в целом ряде мусульманских источников. Что же до крестоносцев, то они — в стиле, достойном заголовка в каком-нибудь таблоиде, — прозвали его Занги Кровавый.

Фульк поспешил навстречу Князю-Соколу, но тот разгромил христианское войско, а самого короля осадил в одной из крепостей по соседству. Гийом, патриарх Иерусалимский, повел на выручку короля войско, перед которым несли Животворящий Крест. Занги, видя, что вражеское подкрепление на подходе, предложил освободить короля Фулька в обмен на крепость. После этого случая Фульк и Мелисенда примирились.

Тем временем Занги, уже разменявший шестой десяток, продолжал беспокоить соседей: он угрожал не только городам крестоносцев — Антиохии и Эдессе, — но и снова атаковал Дамаск, правитель которого, атабек Унур, был так встревожен, что решил заключить союз с иерусалимскими христианами.

В 1140 году он отправился в Иерусалим в сопровождении своего мудрого советника — сирийского вельможи и лучшего мусульманского писателя того столетия.

Усама ибн Мункыз: великие события и насмешки судьбы

Усама ибн Мункыз был одним из тех редких игроков, которые знают каждого, кто имеет значение в конкретный момент или в конкретном месте, и всегда умеют оказываться в центре событий. За свою долгую карьеру этот ловкий придворный, воин и писатель ухитрился послужить всем великим исламским лидерам того времени — от Занги и фатимидских халифов до Саладина — и был знаком по меньшей мере с двумя королями

Иерусалимскими.

Представитель династии, правившей сирийской крепостью Шейзар, Усама был лишен права наследования, а потом его семья погибла во время землетрясения. Пережив эти удары, он стал конным воином — фарисом, готовым служить любому правителю, который предложит лучшие условия. Теперь 45-летний Усама состоял на службе у Унура Дамасского. Он жил ради битв, охоты и сочинительства. Его отчаянный и полный неудач путь к власти, богатству и славе был столь же кровавым, сколь и нелепым: фраза «еще одна насмешка судьбы» постоянно встречается в его мемуарах, озаглавленных «Книга назидания». Но помимо всего прочего, он был прирожденным писателем: пусть его планы и интриги часто терпели крах, зато этот эстетствующий арабский Дон Кихот прекрасно осознавал, что хорошо рассказанная история может украсить его остроумные, занимательные и подчас меланхоличные писания. Усама был настоящим адибом — изощренным арабским беллетристом-универсалом, который с равным успехом мог рассуждать о наслаждениях, доставляемых женщинами, и о подвигах мужчин, описывать и эротические сцены, и блеск битвы. Под его пером рассказ о посохе путника превращался в настоящее философское эссе о наступлении старости.

Вот с таким-то спутником и прибыл в Иерусалим атабек Унур. «Мне часто доводилось посещать короля франков во время перемирия», — писал Усама, у которого с Фульком установились на удивление доверительные отношения[150]. Король и Усама как-то беседовали о сущности рыцарства. «Мне говорили, что ты великий наездник, — сказал Фульк. — А я и не подозревал, что ты герой». «О, господин мой, — ответил Усама, — я просто один из всадников своего народа и племени»[151]. Нам неизвестно, как выглядел Усама, но похоже, что его внешность производила большое впечатление на франков.

Во время своих визитов в Иерусалим Усама увлеченно изучал характер и нравы латинян, в которых он видел «всего лишь животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше» («Книга назидания») — хотя его собственные сочинения демонстрируют, что у мусульман тоже было немало диких и примитивных обычаев. Как всякий хороший репортер, он фиксировал противоположности — и достоинства, и недостатки обеих сторон. На старости лет, при дворе Саладина, оглядываясь на прошедшую жизнь, он, должно быть, размышлял над тем, что видел Иерусалим в зените славы королевства крестоносцев.

Иерусалим Мелисенды: жизнь высших и низших сословий

Иерусалим времен королевы Мелисенды многие христиане считали истинным центром мира — совсем не похожим на тот зловонный, опустошенный город, каким он был после франкского завоевания сорок лет назад. В самом деле, на картах того времени Иерусалим представлен в виде круга, пересеченного, словно ветвями креста, двумя перпендикулярными главными улицами. В точке их пересечения стоял храм Гроба Господня, а Святой город, таким образом, утверждался как «пуп земли».

Королевский двор занимал Башню Давида и построенный по соседству с ней дворец. Центром же духовной власти был Патриарший дворец (рядом с Храмом Гроба). Обычные бароны в Заморье пользовались, вероятно, большим комфортом, чем европейские короли у себя дома — в Европе даже самым могущественным властителям приходилось носить грубую одежду из нестиранной овечьей шерсти и жить в каменных, холодных, продуваемых всеми ветрами замках, обставленных топорно сработанной мебелью. И хотя далеко не все вожди крестоносцев жили с такой роскошью, как сеньор Бейрута Жан Ибелин, его бейрутский дворец отражает, в общем и целом, стиль той эпохи: мозаичные полы, мраморные стены, расписные своды, фонтаны и сады. Даже в домах у обычных горожан были дорогие ковры, дамасские гобелены, изысканный фаянс, резные инкрустированные столы и даже фарфоровая посуда.

Иерусалим сочетал некоторые неудобства приграничного города с суетной роскошью королевской столицы. Даже в Святом городе не самые уважаемые дамы — например, любовница патриарха — щеголяли своими драгоценностями и шелками, раздражая более почтенных матрон. Население Иерусалима достигло в это время 30 тысяч человек, не считая множества паломников: это был плавильный котел христианской цивилизации и военный форпост, всю жизнь которого определяли Бог и битва. Франки — и мужчины, и женщины — теперь приобрели привычку регулярно мыться (на улице Скорняков имелись общественные бани); римская канализация все еще функционировала, и в большинстве домов, по всей вероятности, имелись уборные. Даже самые исламофобски настроенные крестоносцы многое позаимствовали у Востока.

В бою крестоносцы теперь надевали *куфии* — арабские головные платки — и белые льняные накидки поверх доспехов, которые благодаря этому меньше раскалялись на солнце. А в городе рыцари одевались так же, как и все местные жители: в шелковые бурнусы и даже тюрбаны. Иерусалимские дамы носили длинные нижние платья с короткими накидками или длинными халатами, расшитыми золотыми нитями, обильно красились, а на

улице обычно скрывали лицо под вуалью. Зимой и мужчины, и женщины носили меха, однако это было запрещено для аскетических тамплиеров, олицетворявших святое христианское воинство. Духовно-рыцарские ордена вообще задавали тон: тамплиеры носили подпоясанные плащи с капюшонами и с нашитыми красными крестами, а госпитальеры ходили в черных плащах с белым крестом на груди. Ежедневно 300 тамплиеров под грохот копыт и лязг оружия выезжали из Соломоновых конюшен, чтобы поупражняться в военном искусстве за пределами города. А в Кедронской долине оттачивали свое мастерство пехотинцы-лучники.

Город наводняли не только французские, норвежские, германские и итальянские воины и пилигримы, но и восточные христиане — сирийцы и греки с их короткими бородками, длиннобородые армяне и грузины в высоких шапках, заполнявшие общежития странноприимных дворов и многочисленные маленькие таверны. Уличная жизнь концентрировалась вокруг римской Кардо, что тянулась от ворот Св. Стефана (ныне Дамасские), оставляя по правую руку Гроб Господень и Патриарший квартал, а затем вливалась в три параллельные крытые рыночные улицы, соединенные пересекающимися проулками, пронизанные ароматом специй и стряпни. Паломники покупали еду и шербет в лавках на улице Скверной Стряпни *(Rue Malcuisinat),* меняли деньги на улице Сирийских Менял неподалеку от Гроба Господня; безделушки и сувениры приобретались на улице Латинских Золотых дел мастеров, а меха — на улице Скорняков.

Еще до Крестовых походов ходила поговорка, что «нет бродяги страшнее, чем пилигрим в Святую землю». А Заморье в те годы представляло собой настоящую средневековую версию Дикого Запада: головорезы и убийцы, искатели приключений и проститутки — все устремились сюда, мечтая разбогатеть, однако чопорные хронисты почти ничего не рассказывают нам о ночной жизни Иерусалима. Но нет сомнений в том, что туркополам (наемным конным лучникам из местных) и пуленам (нищим и ориентализированным потомкам крестоносцев первого поколения и их мусульманских любовниц), венецианским и генуэзским купцам и новоприбывшим рыцарям — всем им были нужны таверны и развлечения, которые имеются в любом гарнизонном городе. Поперек двери в тавернах была протянута лязгающая цепь, чтобы какой-нибудь лихой рыцарь не вздумал заехать внутрь верхом. У дверей лавок можно было частенько увидеть солдат за игрой в карты или кости. Корабли из Европы доставляли в Святую землю гулящих девок для услаждения

воинов Утремера. Позже один из чиновников султана Саладина даст насмешливое описание их прибытия, мусульманский взгляд на происходящее:

«Франкские прелестницы, грязные и порочные, горделиво представали публике в своих разорванных и залатанных платьях, развязные и надутые, готовые совокупляться и продавать себя за золото. С красивыми задницами, пошатывающиеся, словно подвыпившие подростки, они предлагали то, что было скрыто меж их бедер, как некую святыню, и каждая волочила за собой длинный шлейф платья, зачаровывая блеском, покачиваясь, как молодой саженец, и горя нетерпением поскорее сбросить свои одежды».

Большинство из них оказывались в конце концов в притонах портовых городов, Акры и Тира, на улицах которых было полно итальянских моряков. Но и Иерусалиму, хотя его правители и стремились укрепить христианскую нравственность и благочестие, не было чуждо ничто человеческое.

Если паломник заболевал, госпитальеры ухаживали за ним в больнице, способной вместить две тысячи пациентов. Как ни удивительно, они оказывали также помощь мусульманам и евреям, и в больнице были даже халяльная и кошерная кухни, чтобы иноверцы могли есть мясо, приготовленное согласно их законам. Но прежде всего заботились о смерти: Иерусалим был, по сути дела, некрополем, где мечтали упокоиться престарелые или больные паломники, чтобы ожидать Воскресения в священной земле. Бедных хоронили бесплатно в трех братских могилах на кладбищах Мамилла (напротив Яффских ворот) и в Акелдаме[152] на южном склоне долины Еннома. Во время одной из эпидемий, разразившихся в городе ближе к концу столетия, ежедневно умирало полсотни паломников, и каждую ночь после вечерни по городу ездили повозки, подбирая тела.

Жизнь Иерусалима вращалась вокруг двух храмов — Гроба Господня и Храма Господня, а время его текло по церковному календарю. В ту «по преимуществу театрализованную эпоху, — пишет историк Джонатан Райли-Смит, — использовались любые технологии, чтобы воздействовать на чувства публики посредством зрелищ», и иерусалимские святыни были своего рода подмостками, богатые декорации которых постоянно переделывались и совершенствовались ради усиления эффекта. Ежегодно 15 июля отмечалась годовщина взятия города, и торжественная процессия с патриархом во главе шествовала от Гроба Господня до Храмовой горы. В процессии принимали участие чуть ли не все жители города. На горе патриарх служил молебен перед Храмом, а затем процессия выходила из города

через Золотые ворота — те самые, через которые первый крестоносец, император Ираклий, в 630 году внес в Иерусалим Животворящий Крест. Затем процессия шествовала против часовой стрелки вдоль городских стен к огромному кресту, установленному на том месте у северной стены, где во время решающего штурма Готфрид первым ворвался в Святой город. Пасхальные празднества были самой зрелищной и впечатляющей постановкой. Перед восходом солнца в Вербное воскресенье патриарх и прочие духовные особы, неся Животворящий Крест, шествовали от Вифании в направлении города, в то время как еще одна процессия с пальмовыми ветвями спускалась с Храмовой горы в Иосафатову долину навстречу патриарху. Воссоединившись, они отпирали Золотые ворота[153] и совершали обход вокруг священной площадки Храма, а затем начиналась служба в *Templum Domini*.

В Великую субботу иерусалимляне собирались в ротонде Гроба Господня в ожидании схождения Благодатного огня. Русский паломник Даниил описывает «великую тесноту и лютое томление» в толпе, где каждый плакал, стенал и восклицал: «Ужели из-за грехов моих не сойдет Святой Свет?» Затем король спускался пешком ко Гробу с Храмовой горы, но к этому моменту толпа, наводнявшая церковь и двор, была уже такой плотной, что солдатам приходилось прокладывать дорогу для монарха. Войдя внутрь, король, «заливаясь слезами», занимал свое место на возвышении перед Гробом, и его тут же окружали плачущие придворные. Пока духовенство служило вечерню, экстаз верующих в затемненной церкви нарастал до тех пор, пока внезапно не начинал сиять «Святой Свет в святом Гробе», «блистание яркое». Затем перед собравшимися вновь представал патриарх, несущий огонь, которым он зажигал королевскую лампаду. Огонь быстро распространялся в толпе от лампады к лампаде, а затем его проносили по городу, через Большой мост в Храм Господень.

Мелисенда украшала Иерусалим и как город Храма, и как политическую столицу, создав многое из того, что мы видим сегодня. Крестоносцы выработали свой собственный художественный стиль — сплав романского, византийского и ближневосточного искусства. Они часто использовали полукруглые арки и массивные капители, украшенные изысканным резным орнаментом, нередко с растительными мотивами. К северу от Храмовой горы, возле пруда Вифезда (Овчей купели), королева построила величественную церковь Св. Анны. Она стоит и поныне — самый лаконичный и яркий образец архитектуры крестоносцев. В монастырь, давно

существовавший на этом месте, когда-то удалялись отвергнутые супруги королей, а незадолго до возведения церкви сюда была пострижена принцесса Иветта, младшая сестра Мелисенды. Привилегированная обитель стала самой богатой в Иерусалиме и была украшена со всей возможной пышностью. Несколько торговых лавок в городе и по сей день помечены надписью ANNA, указывающей, куда именно отчислялась десятая часть дохода. Другие — вероятно, принадлежавшие тамплиерам, — помечены литерой Т.

На Большом мосту, ведущем на Храмовую гору, была сооружена небольшая часовня Св. Жиля. За чертой города Мелисенда восстановила храм Успения над гробницей Пресвятой Богородицы в Иосафатовой долине, в крипте которого она сама впоследствии была погребена (ее гробница сохранилась до наших дней), а также основала монастырь в Вифании, назначив Иветту его настоятельницей. В Храме Господнем по ее повелению была установлена декоративная металлическая решетка, оберегающая Камень Основания: ныне бóльшая ее часть хранится в музее Храмовой горы, однако фрагмент решетки до сих пор остается на своем месте; в реликварии, находящемся у решетки, когда-то, говорят, хранился кусочек крайней плоти Иисуса[154], а сейчас здесь сохраняются три волоска из бороды пророка Мухаммеда.

Во время официального визита в Иерусалим атабеку Дамаска и Усаме ибн Мункызу разрешили помолиться на Храмовой горе. Мусульманские гости христианского города отметили и изоляцию, в которой жили его франкские хозяева, и их космополитизм.

Усама ибн Мункыз и Иегуда Галеви: мусульмане, евреи и франки

Усама подружился с некоторыми тамплиерами, которых ему довелось встретить на войне и в период перемирия. Теперь они сопровождали его и атабека Унура на священную эспланаду Храмовой горы — это место было полностью христианизировано, и здесь находилась штаб-квартира тамплиеров.

Некоторые крестоносцы теперь говорили по-арабски и строили себе дома с внутренними дворами и фонтанами, как у мусульманской знати. Иные даже полюбили арабскую еду. Усама встречал франков, не употреблявших в пищу свинину и предлагавших гостям «весьма приятную трапезу — совершенно чистую и очень изысканную». Большинство франков не одобряли, однако, тех, кто слишком уж «овосточился»: «В наши дни Господь

обратил Запад в Восток, — писал Фульхерий Шартрский. — Тот, кто был римлянином или франком, стал здесь галилеянином или палестинцем». С другой стороны, были определенные пределы у дружбы Усамы с тамплиерами, и предрассудки последних время от времени давали о себе знать. Один из рыцарей, возвращавшийся домой в Европу, со всей доброжелательностью предложил Усаме захватить с собой его сына, чтобы мальчик получил образование на Западе. «Когда он вернется, он будет подлинно разумным человеком», — заверил тамплиер, и Усаме с трудом удалось скрыть, как оскорбили его эти слова.

Когда они вместе молились в Куполе Скалы, один из франков, обратившись к атабеку, спросил: «Хочешь ли ты узреть Бога, когда он был ребенком?» «Разумеется», — ответил Унур. Тогда франк подвел Унура и Усаму к иконе Богоматери с младенцем. «Вот Бог, когда он был ребенком», — сказал крестоносец, и Усама сообщает об этом с насмешливым презрением.

Затем Усама вошел в *Templum Domini*, бывший Купол Скалы, чтобы помолиться там (его друзья-храмовники разрешили ему это, несмотря на то, что он открыто восклицал: «Аллах Акбар!» — «Бог велик!»). Тут произошел досадный инцидент: к Усаме подскочил один из франков «и, развернув меня лицом на восток, воскликнул: „Так молись!“» Другие тамплиеры быстро оттащили собрата и извинились перед гостем, сказав: «Это чужестранец. Он приехал на этих днях из франкских земель и никогда не видал, чтобы кто-нибудь молился иначе». Из этого Усама заключил, что «все франки, недавно переселившиеся из франкских областей на Восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами». Эти новые переселенцы «проклятый народ, и они всегда будут ненавидеть тех, кто не их расы».

Однако не только мусульманские вожди посещали Иерусалим королевы Мелисенды. Ежедневно на городские рынки приходили окрестные земледельцы; они торговали фруктами и допоздна задерживались в городе. К 1140-м годам законы, запрещавшие мусульманам и евреям оставаться на ночь в городе Христа, соблюдались уже не так строго. Арабский путешественник Али аль-Харави отмечает: «Я жил довольно долго в Иерусалиме во времена франков, чтобы узнать, в чем секрет трюка со Святым огнем». Несколько евреев теперь тоже жили в Иерусалиме, но паломничество в Святой город для иудеев все еще оставалось опасным.

Говорят, что как раз в это время, в 1141 году, из Испании приехал еврейский поэт, философ и врач Иегуда Галеви. В своей

любовной лирике и религиозной поэзии он воспевал «Сион, прекрасный, как звезда» и печалился от того, что Святая земля захвачена Эдомом (мусульманами) и Ишмаэлем (христианами).

Думы и боль об одном: край мой во власти Эдома Жестокого[155].

Всю свою жизнь Галеви, писавший стихи на еврейском языке, а говоривший по-арабски, верил в возвращение иудеев на Сион:

> Ты — славных царей чертог, и выше тебя — лишь Бог.
> Как стал иноземный раб владыкой дворцов твоих?
> Хочу я скитаться там, бродить по крутым путям
> Провидцев Всевышнего, простых мудрецов твоих.
> Я б крылья иметь хотел, к тебе бы я полетел,
> Израненным сердцем пал на раны земли твоей,
> Обнял бы вершины скал, и камни твои ласкал,
> Упал бы лицом во прах, лежал бы в пыли твоей[156].

Стихи Галеви, ставшие частью службы в синагогах, пропитаны той же щемящей надеждой, какая сквозит в творениях авторов, писавших когда-либо об Иерусалиме:

> Но вижу порою сны: вернутся твои сыны;
>
> Я б арфою стал тогда и пел на пирах твоих![157]

Доподлинно неизвестно, был ли в действительности Галеви в Святом городе. Легенда гласит, что когда Галеви входил в городские ворота, на него налетел какой-то всадник, скорее всего, франк, и поэт погиб под копытами — участь, которую он, возможно, предвидел:

> Лишь там, в земле благой, я обрету покой,
> Отныне — навсегда.

Эта смерть, возможно, не слишком удивила бы Усаму, отлично изучившего жестокие франкские законы. По дороге в Иерусалим ему довелось увидеть двух латинян, решавших какой-то судебный спор поединком: в результате один размозжил голову другому. «Вот каковы законы и суд у франков!» —

восклицает Усама. Когда некоего человека обвинили в убийстве нескольких пилигримов, его связали и погрузили в бассейн с водой. Если бы обвиняемый утонул, его признали бы невиновным, но он оставался на поверхности, и поэтому его вина была сочтена доказанной «и ему выжгли глаза».

Что касается сексуальных обычаев иноверцев, то у франков нет «никакого самолюбия и ревности», замечает Усама. Один франк застал свою супругу в постели с любовником, однако отпустил его, ограничившись предупреждением, а другой рыцарь, увидев обритый низ живота у своего банщика-мусульманина, велел ему обрить интимное место и себе, и своей супруге. Причем, когда тот «брил ей эти волосы, муж сидел и смотрел». Комментирует Усама и франкскую медицину: некий восточный врач начал лечить с помощью припарки нарыв, образовавшийся на ноге у одного рыцаря. Нарыв вскрылся и начал заживать. Но тут к больному пришел франкский лекарь и задал ему вопрос: «Что тебе приятнее — жить с одной ногой или умереть с обеими?» Получив ожидаемый ответ, лекарь приказал отрубить больную ногу, однако пациент умер. Женщине, «больной сухоткой», восточный врач рекомендовал особую диету, франкский же медик счел, что «дьявол вошел в ее голову», и вырезал бритвой крест у нее на голове, «так что стали видны черепные кости». Затем он натер ей голову солью, и больная тут же умерла. Лучшими докторами считались арабоязычные христиане и евреи: даже короли Иерусалима предпочитали теперь врачей восточной школы. И все же Усама не был предвзят — он приводит также два случая, когда франкское врачевание привело к чудесному исцелению.

Мусульмане считали крестоносцев жестокими грабителями. Но клише, согласно которому воины Креста сплошь были варварами, а мусульмане — утонченными эстетами, весьма далеко от истины. В конце концов, и сам Усама верно служил садисту Занги, и в «Книге назидания» можно найти немало примеров жестокости мусульман, не менее шокирующей современного читателя, чем бесчинства франков: собирание отрубленных голов христиан, распятие и разрубание надвое своих же солдат и иноверцев, суровые наказания исламского шариата. Показателен в этом смысле рассказ Усамы о собственном отце, который в сильнейшем гневе отрубил руку пажу. Жестокость и беспощадные законы определяли действия обеих сторон. У французского рыцаря и исламского фариса было много общего: они служили самоуверенным авантюристам, таким, как Балдуин и Занги, основавшим военные династии. Обе системы строились на земельно-денежных пожалованиях отличившимся воинам.

Арабы ценили поэзию и читали стихи не только развлечения ради, но и использовали их в целях пропаганды. Когда Усама состоял в услужении у дамасского атабека, он вел переговоры с египтянами в стихотворной форме. Крестоносцы также очень любили любовную лирику. И рыцарь, и фарис жили по своим, довольно схожим, кодексам чести и были одержимы одним и тем же — религией, войной, женщинами, лошадьми и турнирами.

Немногих солдат и немногих поэтов война восхищала и забавляла так, как Усаму. У его читателя может даже возникнуть ощущение, будто он сам участвует в священной войне в Иерусалимском королевстве. В своих помпезных историях о бесшабашных конных воинах Усама с равной легкостью рассказывал как о чудесных спасениях, так и об ужасной смерти, описывал возбуждение, которое вызывают дикость боя, блеск стали, пена на крупах коней и льющаяся кровь. Но он также был философом, смирявшимся перед судьбой и божественной волей: «Самая незначительная и мелкая вещь может принести вред и погубить, но все это связано с тем, что пошлет воля Аллаха». А главное, обе стороны верили, что, выражаясь словами Усамы, «победа в войне — от Бога». Религия была всем; высочайшей похвалой Усамы для друга оказывались слова: «истинный ученый, настоящий воин и правоверный мусульманин».

И вот безмятежное спокойствие Иерусалима королевы Мелисенды неожиданно нарушил несчастный случай на охоте.

24. Безвыходное положение *1142–1174 гг.*

Занги: надменность и возмездие

Когда Усама не воевал и не читал, он со своими ручными гепардами, соколами или собаками охотился на оленей, львов, волков и гиен и в своем пристрастии к охоте ничем не отличался от Занги или короля Фулька, охотившихся так часто, как только оба могли себе позволить. Во время визита Усамы и атабека Дамаска к Фульку их так сильно восхитил один из королевских ястребов-тетеревятников, что король счел необходимым подарить его своим гостям.

10 ноября 1142 года, вскоре после визита Усамы в Иерусалим, король Фульк охотился в окрестностях Акры. Заметив зайца, он пришпорил коня и погнался за дичью. Неожиданно подпруга у его коня лопнула, король упал наземь, а седло свалилось на него сверху и размозжило череп. Спустя три дня король умер. Жители города вышли на улицы проводить погребальную процессию к церкви Гроба Господня. На Рождество Мелисенда короновала своего 12-летнего сына Балдуина III. Но реальной правительницей осталась она сама — по свидетельству Вильгельма Тирского, «женщина мудрая, в делах государственных весьма опытная и столь далекая от обычных слабостей своего пола», что даже в тот век, когда мужчины полностью доминировали, «осмеливалась на самые отважные мероприятия… и так превосходно управляла государством во время малолетства своего сына, что ее справедливо ставили наряду с предками»[158].

В этот момент радости, омраченной горем, и разразилось несчастье. Занги Кровавый захватил Эдессу, перерезал франков и поработил их женщин (обещав, однако, покровительство христианам-армянам). Таким образом, первое государство крестоносцев и колыбель иерусалимской династии было уничтожено. Исламский мир возликовал. Франков, как выяснилось, вполне можно было победить, и следующей целью должен, разумеется, стать Иерусалим. «Если Эдесса — открытое море, — писал Ибн аль-Кайсарани, — то Иерусалим — берег его». Аббасидский халиф пожаловал Занги почетные титулы: Украшение ислама, Победоносный князь, Опора повелителя правоверных. Увы, Занги очень тяжко пил, и это привело к тому, что он был убит в собственной спальне.

Во время осады одного из городов в Ираке некий евнух — возможно, кто-то из тех мальчиков, что были когда-то оскоплены ради наслаждений Занги, — проник в его надежно охранявшийся шатер, вонзил кинжал в спавшего мертвецким сном военачальника и скрылся. Один из приближенных, войдя в шатер, застал Победоносного князя истекающим кровью. Занги умолял, чтобы его оставили в живых: «Увидев меня, он подумал, что я пришел прикончить его, и знаком попросил у меня пощады. Я же в смятении упал на колени и спросил его: „Господин, кто сделал это с тобой?“ Но он не смог мне ответить и испустил дух». Так умер Князь-сокол.

Приближенные Занги тут же разграбили все его имущество, не обращая ни малейшего внимания на остывающее рядом тело, а двое сыновей поделили земельные владения отца. Младший — 28-летний Нур ад-Дин (Нуреддин) — снял с отцовского пальца перстень-печатку и захватил сирийские земли. Талантливый военачальник, при этом менее свирепый, чем отец, он активизировал джихад против франков.

Потрясенная падением Эдессы королева Мелисенда воззвала к папе Евгению II. И тот объявил Второй крестовый поход.

Алиенора Аквитанская и король Людовик: скандал и поражение

На призыв папы отозвались старый пилигрим Конрад III, король Германии, и французский Людовик VII Молодой, которого сопровождала его супруга Алиенора, герцогиня Аквитанская. Но и французская, и немецкая армии, едва вступив в Анатолию, были наголову разбиты турками. Людовик VII с небольшим войском все же прорвался с боями к Антиохии в ходе изнурительного марша, который привел в ужас королеву Алиенору, лишившуюся в пути большей части багажа и утратившую всякое уважение к своему никчемному ханже-мужу.

Раймунд Антиохийский настойчиво уговаривал Людовика помочь ему захватить Алеппо, но тот оставался неколебим в своей решимости совершить прежде всего паломничество в Иерусалим. Опытный Раймунд, приходившийся Алиеноре дядей, был «красивейшим из князей». После тяжелого анатолийского похода его племянница, по свидетельству Вильгельма Тирского, игнорировала свои супружеские обязанности и была неверна мужу. Людовик же, обожавший свою жену, тем не менее считал секс, пусть и в законном браке, лишь вынужденной уступкой слабости человеческой. Не удивительно, что Алиенора называла

его «более монахом, нежели мужчиной». Эта богатейшая в Европе наследница, обладавшая острым умом, темноволосая, темноглазая и соблазнительная, была воспитана при куртуазном аквитанском дворе. Церковные хронисты утверждали, что в ее жилах течет греховная кровь, поскольку Алиенора приходилась внучкой Гийому Трубадуру, любвеобильному воину-поэту, чьей Прекрасной дамой была ее же бабка по другой линии — виконтесса Амальберга по прозвищу Данжеросса (Опасная). Позднее Гийом выдал своего сына от первого брака за дочь Данжероссы — это и были родители Алиеноры.

Состояли Алиенора и Раймунд в любовной связи или нет, неизвестно, но их поведение было достаточно провокационным для того, чтобы оскорбить Людовика и спровоцировать международный скандал. Король Франции решил семейную проблему весьма своеобразно: он похитил Алиенору и отправился на встречу с германским королем, уже прибывшим в Иерусалим. Когда Людовик и Алиенора приблизились к городу, «все духовенство и весь народ вышли приветствовать их» и сопровождали короля до храма Гроба Господня «под аккомпанемент гимнов и песнопений». Французская чета остановилась вместе с Конрадом в *Templum Domini* (Куполе Скалы), где за Алиенорой, должно быть, неусыпно следили французские придворные. Она была заперта в храме в течение нескольких месяцев.

24 июня 1148 года Мелисенда и ее сын Балдуин III созвали в Акре совет, определивший цель нового крестового похода — Дамаск. Еще не так давно этот город был союзником Иерусалима, но сейчас выбор цели казался вполне здравым и благоразумным: захват Дамаска Нур ад-Дином был только вопросом времени. 23 июля короли Иерусалима, Франции и Германии вступили в сады на западной окраине Дамаска, но через два дня по непонятным причинам передвинули лагерь на восток. Прошло еще четыре дня, и крестовый поход был сорван: три короля с позором отступили.

Унур, атабек Дамаска, похоже, подкупил иерусалимских вельмож, убедив их в том, что новоприбывшие крестоносцы ищут лишь трофеев для себя. Столь вопиющая двуличность представляется вполне правдоподобной, однако еще более вероятно, что крестоносцы попросту узнали о том, что на помощь Дамаску идет со своим войском Нур ад-Дин, сын Занги. Жители Иерусалима совсем пали духом при известии об этой катастрофе. Конрад отплыл домой, а Людовик, всецело предавшись аскетическому покаянию, остался в Святом городе отпраздновать Пасху. По возвращении в Европу его брак с Алиенорой был расторгнут[159].

После того, как все царственные гости покинули Иерусалим, королева Мелисенда испытала свой величайший триумф и претерпела величайшее унижение. 15 июля 1149 года она вместе с сыном освятила новую, только что завершенную церковь Гроба Господня, ставшую — и поныне остающуюся — архитектурным шедевром и впечатляющими подмостками для религиозных мистерий крестоносного Иерусалима. Архитекторам Мелисенды пришлось иметь дело с беспорядочным лабиринтом часовен и алтарей в комплексе, построенном в 1048-м и обновленном в 1119 году. Они решили свою задачу с поразительной простотой и дерзостью: перекрыли куполом гигантскую ротонду, в центре которой стояла *кувуклия* — часовня Гроба, и объединили все элементы комплекса в одну величественную романскую базилику, удлинив ее на восток за счет древнего Священного сада. В восточной стене ротонды был проделан проем, открывавшийся в венец капелл и огромный амбулаторий[160]. На месте же базилики Константина был сооружен обширный клуатр — внутренний монастырский двор. Сохранив вход с южной стороны (как это было в церкви 1048 года), мастера оформили его в виде двойного романского портала (правые врата ныне замурованы кирпичной кладкой). Украшенные скульптурой перемычки над дверными проемами сейчас находятся в музее Рокфеллера. Несравненная резьба, украшающая лестницу, которая ведет в часовню Голгофы, представляет собой, пожалуй, самый утонченный образец искусства крестоносцев. Неожиданная деталь фасада — два изысканных карниза: один непосредственно над порталом, другой наверху фасада. По-видимому, крестоносцы использовали архитектурные детали, каким-то образом найденные ими среди остатков языческого храма Адриана, разрушенного Константином Великим.

И тут против Мелисенды выступил ее сын, потребовавший себе всю полноту власти. Белокурому Балдуину III было в это время уже двадцать лет, принца превозносили за его ум и силу — идеальный франкский король. И у него было всего два порока: он был игроком и соблазнял замужних дам. Однако кризис на севере показал, что Иерусалим нуждался в энергичном короле-воине, не вылезающем из седла: сын Занги Нур ад-Дин разгромил защитников Антиохии и убил Раймунда, дядю Алиеноры.

Балдуин помчался на север. Он успел спасти город. А когда вернулся, потребовал, чтобы на Пасху его короновали. 47-летняя Мелисенда отказалась, и король решил бороться за власть.

Мать и сын: Мелисенда против Балдуина

Мелисенда предложила сыну во владение богатые портовые города Тир и Акру, а Иерусалим оставила за собой. Но «тлевший костер разгорелся», когда Балдуин собрал собственное войско, чтобы завоевать все королевство целиком. Мелисенда поспешила из Наблуса в Иерусалим, сын преследовал ее по пятам. Святой город распахнул свои ворота перед королем. Мелисенда заперлась в Башне Давида. Балдуин осадил ее и «установил все свои осадные орудия», несколько дней метавшие в крепость арбалетные стрелы и камни. В конце концов королева отказалась от власти — и от Иерусалима.

Едва Балдуин вернул себе принадлежавшее ему по рождению право на верховную власть, как на Антиохию вновь напал Нур ад-Дин. А пока король воевал на севере, из своих владений в Ираке выдвинулся с войском клан Ортуков, правивший Иерусалимом в 1086–1098 годах. Турки, готовясь к штурму Святого города, сосредоточились на Масличной горе, однако горожане сделали вылазку и разгромили врага на Иерихонской дороге. Победа окрылила всех, и Балдуин повел войско, осененное Животворящим Крестом, на Аскалон. Длительная осада и тут увенчалась успехом: город пал. Однако на севере Дамаск все же подчинился Нур ад-Дину, который стал теперь правителем всей Сирии и Восточного Ирака.

Нур ад-Дин — «высокий, смуглый человек с бородой, но без усов, приятной наружности и с мягким взором» — мог быть столь же беспощаден и жесток, как Занги. Однако он был рассудительнее отца и лучше владел собой. Даже крестоносцы считали его «отважным и мудрым». Нур ад-Дина обожали все его придворные, в число которых теперь вошел и знакомый нам политический оппортунист Усама ибн Мункыз. Сын Занги так любил игру в поло, что часто играл ночью, при свете факелов. Но именно ему было суждено направить гнев, постепенно охватывавший исламский мир в результате франкского завоевания, в русло нового суннитского сопротивления и возродить уверенность в себе среди полководцев ислама. Новый поток фадаилей, воспевавших достоинства Иерусалима, превозносил цель джихада, объявленного Нур ад-Дином — «Очистить Иерусалим от скверны Креста» (девиз, звучавший несколько иронически, поскольку именно крестоносцы в свое время называли мусульман «осквернителями Святого Гроба Господня»). Нур ад-Дин заранее заказал изысканный резной минбар (кафедру для проповеди), чтобы установить его в мечети аль-Акса, когда он освободит город.

Нур ад-Дин поставил Балдуина в патовую ситуацию. Противники договорились о перемирии, во время которого

король попытался заручиться поддержкой Византии и женился ради этого на Феодоре, племяннице императора Мануила Комнина. Церемония их венчания, на котором невеста блистала в «свадебном наряде, украшенном золотым шитьем, драгоценными камнями, гранатами и жемчугами», озарила Иерусалим блеском Константинополя. Однако брак оказался бездетным. Так и не дождавшийся наследника король Балдуин умер в Бейруте 10 февраля 1162 года.

Путь погребальной процессии из Бейрута в Иерусалим был овеян «глубокой и горькой скорбью». Короли Иерусалимские, как и другие представители семейств первых крестоносцев, стали уже вполне восточными вельможами, и со всех окрестных холмов, по свидетельству Вильгельма Тирского, «спускались во множестве иноверцы и следовали за процессией, стеная и плача». Даже Нур ад-Дин не остался равнодушным. «Франки, — заявил он, — потеряли такого князя, подобного которому мир более не знает».

Амори и Агнесса: «Недостаточно хороша для столь святого города, как Иерусалим»

После смерти Балдуина процесс престолонаследия в Иерусалиме чуть не полетел под откос из-за репутации всего одной женщины. Законным наследником Балдуина был его брат Амори, граф Яффский и Аскалонский. Однако патриарх отказывался короновать его, пока Амори не аннулирует свой брак с графиней Агнессой — иерусалимский предстоятель считал, что Амори и Агнесса состоят в слишком близком родстве (и неважно, что у пары к тому времени уже был сын). Истинная же проблема заключалась в том, что жена графа Амори, по словам одного чопорного хрониста, «не годилась в королевы столь Святого города, каков Иерусалим». У Агнессы была весьма дурная репутация — ходили слухи, что она направо и налево изменяет мужу, — но мы не знаем, было ли так на самом деле или она просто ославлена предвзятыми историками. Так или иначе, но Агнесса явно была желанным трофеем, и, по слухам, ее любовниками в разное время были и сенешаль, и патриарх — и это вдобавок к четверым мужьям.

Амори был вынужден развестись с женой, и лишь после этого на голову 27-летнего графа возложили корону. Амори был довольно неуклюжим, он заикался, а смех его, по словам Вильгельма Тирского, «был неприличен, ибо при этом ходило все его тело». Вскоре король к тому же так разжирел, что «его большие, как у женщины, груди свисали до самой талии». Жители

Иерусалима подшучивали над ним на улицах города, но Амори не обращал на насмешки никакого внимания: «Он умел при этом делать вид, будто не слыхал того, что ему пришлось услышать». При этом, несмотря на свои груди до пояса, Амори был храбрым воином и весьма рассудительным человеком. Перед новым королем стояла теперь самая сложная стратегическая задача со времен основания королевства. Сирия была потеряна — ее захватил Нур ад-Дин, однако Балдуину III удалось взять Аскалон, а это открывало путь на Египет. Чтобы заполучить этот ценный трофей, нужно было одолеть Нур ад-Дина, и Амори предстояло собрать в кулак всю энергию и всю военную мощь королевства.

Это и стало одной из причин, по которым Амори пригласил в Иерусалим самого, пожалуй, одиозного авантюриста того времени — византийского принца Андроника Комнина. Андроник прибыл в город в сопровождении большого отряда рыцарей, которые оказались как нельзя более кстати: само их присутствие добавляло жителям уверенности. Андроник был двоюродным братом императора Мануила, при этом он умудрился соблазнить племянницу императора (за что его чуть не убили ее разъяренные братья). Двадцать лет принц провел в заточении, прежде чем был прощен и назначен наместником Киликии, где проявил полную некомпетентность и к тому же был уличен в заговоре против императора. После этого он бежал в крестоносное Антиохийское княжество, а оттуда — в Иерусалим. «Но подобный змее на груди или мыши в сундуке, — пишет Вильгельм Тирский, служивший при дворе короля Амори, — он только подтвердил верность слухов, ходивших о нем. Бойтесь греков, а более всех — приносящих дары!»

Король пожаловал Андронику во владение Бейрут. Но немолодой ловелас, которому было уже почти шестьдесят, снова завел интрижку, соблазнив вдовствующую королеву Феодору (вдову покойного Балдуина III). Иерусалим был возмущен, и Андронику в очередной раз пришлось бежать. Похитив Феодору, он явился с ней ко двору Нур ад-Дина в Дамаске[161]. Никто в Иерусалиме не пожалел о том, что этот «змей» уполз, и меньше всех — Вильгельм Тирский, один из наиболее приближенных ко двору клириков и урожденный иерусалимлянин. После учебы в Париже, Орлеане и Болонье Вильгельм вернулся в родные края и стал доверенным советником короля Амори. В течение 20 лет, будучи архиепископом Тирским и чем-то вроде главного министра, Вильгельм своими глазами наблюдал трагедию королевской династии, которую теперь усугубил тяжелейший политический кризис.

Вильгельм Тирский: битва за Египет

Король Амори поручил Вильгельму написать историю латинских и мусульманских королевств — весьма масштабная задача! С историей Утремера проблем не было, но что Вильгельм — пусть он немного и говорил по-арабски — мог знать об исламе?

К этому времени фатимидский Египет находился в состоянии распада и брожения. В Каире открывались превосходные возможности для ловких карьеристов, и естественно, Усама ибн Мункыз был уже тут как тут. Борьба за власть и влияние, хоть и была смертельно опасной, сулила блестящие перспективы. Усаме быстро удалось заработать целое состояние и собрать блестящую библиотеку, но затем что-то опять пошло не так и ему пришлось бежать, спасая собственную жизнь. Он успел посадить свою семью на корабль и погрузить на него свое золото и заветную библиотеку, однако недалеко от гавани Акры судно потерпело крушение, сокровища Усамы погибли, а книги конфисковал король Иерусалима. «Известия о том, что дети мои и женщины наши спаслись, позволили мне легче воспринять новость о том, что все богатство мое было потеряно. Жаль было только книг: их было четыре тысячи. Боль в сердце моем поселилась навеки». Потеря, о которой сокрушался Усама, стала большой удачей для Вильгельма, поскольку именно у него в конце концов оказались книги, которые он использовал, чтобы написать историю ислама.

Между тем Амори был полностью поглощен борьбой за Египет. Он предпринял не меньше пяти походов, и на кон было поставлено чрезвычайно много. Во время второго похода казалось, что Амори вот-вот захватит Египет. Если бы ему удалось завладеть богатствами и ресурсами этой страны, христианское Иерусалимское королевство скорее всего выстояло бы в исторической перспективе и вся история региона была бы иной. Но все обернулось по-другому. Свергнутый египетский визирь бежал к Нур ад-Дину, и тот послал в Египет своего курдского военачальника — энергичного коренастого толстяка Ширкуха. Амори разбил Ширкуха и взял Александрию, однако вместо того, чтобы консолидировать силы и продолжать наступление, он удовлетворился данью и вернулся в Иерусалим.

Благодаря награбленному в Египте Иерусалим процветал. Именно в то время была построена изящная готическая палата на втором этаже Сионской горницы. Южнее Башни Давида Амори воздвиг новый королевский дворец с портиком, увенчанным остроконечной крышей с маленькой купольной башенкой и еще одной большой круглой башней[162].

Но Египет вовсе не собирался мириться с поражением. Увязнув в этом чрезвычайно затратном конфликте, Амори обратился за помощью к константинопольскому императору Мануилу, взял в жены его двоюродную внучку Марию и поручил Вильгельму Тирскому вести переговоры о военном сотрудничестве. Однако детали совместных операций и объем помощи так и не были уточнены. Тем временем Амори со своими союзниками из местных воевал в Египте и почти уже захватил Каир, когда из Сирии вернулся Ширкух. Король отступил, снова удовольствовавшись обещанием египтян выплатить в скором будущем большую дань.

В Газе Амори заболел и попросил своих египетских союзников прислать ему их лучшего врачевателя: король высоко ценил восточную медицину. Египтяне отправили к Амори Моше бен Маймона (Маймонида, или Рамбама) — одного из придворных еврейских лекарей, который по случайному совпадению как раз незадолго до этого возвратился из Иерусалима.

Маймонид: путеводитель растерянных

Маймонид отказался лечить короля крестоносцев — по-видимому, весьма проницательное решение: лишь недавно поселившись в фатимидском Египте, он уже понимал, что перемирие с крестоносцами явно будет недолгим.

Маймонид был беженцем из Испании, которую покинул из-за притеснений со стороны мусульман: золотой век иудео-мусульманской иберийской цивилизации был уже в прошлом. Теперь полуостров был разделен между агрессивными христианскими королевствами на севере и мусульманским югом, захваченным фанатичной берберской династией Альмохадов. Местных евреев поставили перед выбором: или обращение в ислам, или смерть. Молодой Маймонид притворился, что принял новую веру, однако в 1165 году покинул родину и отправился в паломничество в Иерусалим. 14 октября, в месяц тишри, первый месяц нового года по еврейскому календарю, в День искупления (Йом-Кипур) — это считалось самым благоприятным временем для паломничества — Маймонид со своим отцом и братом стоял на Масличной горе. Он впервые видел гору, на которой некогда возвышался иудейский Храм, и ритуально разодрал свои одежды; впоследствии он детально описал, насколько сильно надлежит разрывать (а потом зашивать) на себе одеяние еврейскому паломнику и когда именно это следует делать.

Войдя в город через восточные Иосафатовы ворота, он оказался в христианском Иерусалиме, вход в который евреям все еще был официально запрещен — хотя близ Башни Давида под королевской защитой жили четыре иудея-красильщика[163]. Маймонида глубоко опечалил вид Храмовой горы в руинах: «Ее святость страдает». Он упоминает, что «вошел в большой святой Храм и совершил молитву». Звучит так, словно ему разрешили помолиться у Камня основания в *Templum Domini*[164] (как в свое время мусульманину Усаме ибн Мункызу). Правда, впоследствии Маймонид запрещал любое посещение Храмовой горы — правило, и ныне соблюдаемое некоторыми ортодоксальными иудеями.

После паломничества в Иерусалим Маймонид (арабы называют его Муса ибн Маймун) вернулся в Египет, где прославился как разносторонний ученый, оставивший труды в самых разных дисциплинах — от медицины до еврейского закона; самый знаменитый из этих трактатов — «Путеводитель растерянных», в нем сплавлены воедино философия, религия и наука. Маймонид служил также придворным врачом. Но Египет пребывал в хаосе, в который его ввергла борьба Амори и Нур ад-Дина за наследие Фатимидов. Амори был неутомим, но неудачлив.

В 1169 году Нур ад-Дин осадил Иерусалим, а Ширкух выиграл битву за Египет, в чем ему весьма помог его юный племянник Салах ад-Дин[165]. Когда же толстый Ширкух умер (1171), Саладин захватил власть в Египте и сделал Маймонида раис аль-яхудом — то есть главой всей еврейской общины Египта, — а также своим личным врачом. В Иерусалиме тем временем тоже требовались хорошие медики — наследник престола был тяжко и неизлечимо болен.

25. Прокаженный король
1174–1187 гг.

Вильгельм Тирский: королевский наставник

Король Амори назначил Вильгельма Тирского наставником своего сына Балдуина. Вильгельм был весьма доволен воспитанником: «Балдуину тогда было девять лет; отец с большими просьбами и обещаниями милостей убеждал меня просветить его… Он делал хорошие успехи в науках и с каждым днем обнаруживал прекрасные способности, подавал надежды. По своему возрасту он был статен, искусен, как и предки, в верховой езде и управлении лошадьми, имел твердую память». Как и его отец, добавляет Вильгельм, мальчик «жадно слушал историю и всегда был готов внимать добрым советам» (несомненно, речь идет о советах самого Вильгельма).

Жизнерадостный и веселый принц обожал возиться с другими мальчишками, и как раз во время одной из таких игр наставник распознал у наследника признаки ужасной болезни: «Случилось однажды, что благородные дети, окружавшие его, играли друг с другом и, что водится между шалунами, царапали в шутку ногтями по рукам, он один переносил все терпеливо, как будто не испытывал боли, хотя они его не щадили, между тем как другие криком выражали свою боль. Когда это повторялось и было доведено до меня, я сначала подумал, что это происходит не от его нечувствительности, а от терпеливости; но, призвав его к себе, чтобы убедиться в том лично, я открыл, что вся его правая рука действительно потеряла чувство, так что он нисколько не замечал, если ее щипали или кусали… Я дал знать отцу, который обратился за советом к врачам; но перевязки, втирания и лекарства нисколько не помогли. Это зло, как обнаружилось после в течение его жизни, было началом неизлечимой болезни, о которой мы не можем и говорить без слез».

Болезнь Балдуина IV

Любимый воспитанник Вильгельма заболел проказой[166]. При этом ему предстояло стать монархом приведенного в полную боевую готовность воинского королевства. 15 мая 1174 года умер могущественный властитель Сирии и Египта, организатор нового

джихада Нур ад-Дин, которому отдавал должное даже Вильгельм, называвший его «справедливым и набожным правителем».

Желая использовать эту смерть себе на пользу, король Амори выдвинулся с войском на север, однако в пути подхватил дизентерию. Королю было всего 28 лет, но пока арабские и франкские врачи дискутировали о способах и средствах лечения, он умер в Иерусалиме. Это случилось 11 июля. Новый король Балдуин IV благодаря Вильгельму Тирскому достиг уже больших успехов в своем образовании, однако ему приходилось постоянно проходить множество лечебных процедур — кровопускания, втирания «мазей сарацинских», клизмы. За здоровьем короля следил арабский врач Абу Сулейман Дауд, чей брат обучил Балдуина управлять конем одной рукой.

Трудно найти пример бóльшего мужества, благородства и величия духа, чем являл собой этот обреченный юный король, с любовью опекаемый преданным наставником. Проказа, пишет Вильгельм Тирский, «распространялась с каждым днем и поражала его конечности и лицо столь сильно, что приближенные не могли смотреть на него без глубокого сострадания». Балдуин воспитывался в разлуке с матерью. Теперь же легкомысленная Агнесса вернулась, чтобы поддержать сына. Она всегда сопровождала его во всех кампаниях, однако необдуманно поручила опеку над молодым королем самоуверенному сенешалю Милю де Планси, а когда тот погиб от руки наемного убийцы в Акре, иерусалимская политика окончательно стала напоминать разборки внутри мафиозной семьи, находящейся в глубоком упадке.

Двоюродный брат короля Раймунд III, граф Триполи настоял, чтобы именно его назначили новым регентом. Он восстановил порядок в королевстве и сделал своим главным министром королевского наставника Вильгельма Тирского. Но вечный кошмар Иерусалима вдруг стал явью: могущественный повелитель Каира Саладин захватил Дамаск и медленно, но верно прибрал к своим рукам Сирию, Египет, Йемен и большую часть Ирака. Теперь мощный султанат Саладина окружал Иерусалим со всех сторон. Раймунд Триполитанский, один из тех левантийских князьков, что говорили по-арабски, попытался выиграть время, заключив перемирие с Саладином. Но и Саладин тоже выиграл время.

Балдуин показал характер, выступив с походом на Сирию и Ливан, но когда ему становилось хуже, его вельможи устраивали ссоры между собой прямо у одра больного. Магистр тамплиеров все более откровенно демонстрировал непослушание, а госпитальеры вели свою собственную войну против патриарха и

даже устроили однажды перестрелку из луков непосредственно в храме Гроба Господня. Между тем в Святую землю прибыл новый герой — ветеран Второго крестового похода рыцарь Рено де Шатийон, сеньор Карака и Заиорданья, головорез без совести и чести, агрессивно самоуверенный, чванливый и безрассудный.

Саладин начал нащупывать слабые места в обороне королевства: он напал на Аскалон, а затем направился в сторону Иерусалима, жители которого в панике укрылись в Башне Давида. Аскалон уже почти пал, когда в конце ноября 1177 года прокаженный король и Рено де Шатийон во главе нескольких сотен рыцарей атаковали 26-тысячное войско Саладина при Монжизаре, к северо-западу от Иерусалима. Вдохновленный присутствием Животворящего Креста и известием о том, что на поле битвы явился св. Георгий, Балдуин одержал славную победу.

Добродетель под давлением: победа прокаженного короля

Балдуин вернулся в Иерусалим с триумфом, тогда как Саладин едва избежал плена, ускакав с поля битвы на верблюде. Однако он все еще оставался владыкой Египта и Сирии и в скором времени собрал новую армию.

В 1179 году во время очередного вторжения Саладина Балдуин попал в засаду, его коня поразила арбалетная стрела, и король спасся только благодаря мужеству старого коннетабля королевства, пожертвовавшего жизнью ради юноши. Оправившись со свойственной ему решительностью после столь тяжелого удара, Балдуин вновь повел войско на Саладина. Недалеко от реки Литании он был выбит из седла и подняться сам уже не смог: паралич, следствие проказы, неумолимо прогрессировал. Один из рыцарей вынес его с поля битвы, взвалив себе на спину. Молодой король был обречен на одиночество: он не мог жениться, поскольку в те времена считалось, что проказа передается в том числе и половым путем, а теперь он не мог и вести в бой собственных рыцарей. В письме к французскому королю Людовику VII он рассказывает о собственных страданиях и о том, что Иерусалиму необходим новый сильный монарх: «Непослушные конечности — слабое подспорье тому, кто вершит управление. О, если бы я только мог излечиться от проказы, как Нееман! Увы, нет подле меня Елисея[167], который подсказал бы мне путь к выздоровлению. Негоже, чтобы столь слабые руки держали бразды правления в годину, когда Граду Святому грозят воинственные арабы». Чем больше слабел король, тем более ожесточенной становилась борьба за власть. Закат его жизни был

омрачен политическим и нравственным разложением королевства. Когда граф Раймунд Триполитанский и принц Боэмунд Антиохийский двинулись во главе конного отряда к Иерусалиму, король заподозрил здесь попытку переворота и, чтобы вновь получить передышку, заключил с Саладином очередное перемирие.

Когда умер патриарх, королева-мать Агнесса обошла Вильгельма Тирского и назначила патриархом Ираклия Кесарийского — по слухам, своего любовника. Облаченный в бесценные шелка, весь в блистающих драгоценностях, благоухающий дорогими ароматами, этот церковный жиголо имел и еще одну любовницу — Пачию де Ривери, жену некоего торговца тканями из Наблуса. Теперь Пачия переехала в Иерусалим и даже родила патриарху дочь; иерусалимляне прозвали ее Мадам Патриархиня.

Кончина короля была уже близка. И Агнесса задумалась о наследнике.

Ги: забракованный наследник

Агнесса устроила брак между сестрой умирающего короля, наследницей престола Сибиллой, и Ги де Лузиньяном — привлекательным 27-летним братом последнего любовника королевы-матери, коннетабля королевства. Сама принцесса Сибилла, молодая вдова, имевшая сына от первого брака, оказалась единственной, кто был доволен этим союзом. Большинство же баронов находили ее нового супруга недостаточно высокородным и недостаточно опытным, чтобы справиться с кризисом, угрожавшим самому существованию Иерусалимского королевства. На самом деле Ги де Лузиньян, граф Яффский и Аскалонский, был вполне благородным бароном из Пуату, но вот опыта и авторитета ему действительно не хватало. Он еще больше разделил королевство, отчаянно нуждавшееся в единстве и консолидации.

Тем временем Рено Каракский нарушил перемирие с мусульманами, напав на караван паломников, следующих в Мекку. Среди всех обязанностей мусульманского правителя не было более священной, чем защита хаджа, и Саладин пришел в ярость. Рено же снарядил флот, спустился на юг по Красному морю и высадился на побережье Хиджаза совсем недалеко от Мекки и Медины. Перенести войну глубоко в тыл врага — это была весьма эффектная, но и опасная игра. Рено потерпел поражение на суше и на море, и Саладин приказал публично

перерезать горло пленным франкским морякам у стен Мекки. А затем собрал новое войско со всех концов своей постоянно расширяющейся империи. Что же до Рено, то Саладин поклялся, по его собственным словам, «пролить кровь тирана Карака».

Балдуин, «больные конечности которого все сильнее повреждались, и руки, и ноги его уже совсем перестали слушаться», слег в лихорадке; регентом он назначил Ги де Лузиньяна.

Возвышение Ги было стремительным, но триумф его недолгим: в сентябре 1183 года Саладин вторгся в Галилею. У источника Сефории Ги собрал войско из 1,3 тыс. рыцарей и 15 тыс. пехотинцев, но в результате то ли испугался и не захотел, то ли по какой-то причине не смог атаковать Саладина. Тот отступил и двинулся к крепости Карак за Иорданом. Балдуин приказал зажечь на Башне Давида сигнальный огонь, чтобы дать знать защитникам Карака о том, что к ним спешит помощь. До конца дней своих не утративший мужества, прокаженный король — на носилках, слепой, полумертвый, но сохраняющий силу духа — повел войско спасать Карак.

По возвращении он отправил в отставку Ги де Лузиньяна и назначил регентом Раймунда, а своего восьмилетнего племянника, сына Сибиллы, объявил королем под именем Балдуина V. После коронации самый рослый из придворных — Балиан, барон Ибелинский, отнес мальчика на плечах из храма Гроба Господня на Храмовую гору. 16 марта 1185 года Балдуин IV умер в возрасте 23 лет. Но и король-мальчик Балдуин V процарствовал всего год и был похоронен в богато орнаментированном саркофаге, на котором изображен Христос с ангелами в окружении листьев аканфа.

Иерусалиму нужен был зрелый военачальник. Раймунд Триполитанский и другие бароны собрались в Наблусе и решили ни в коем случае не допустить возвращения к власти Ги де Лузиньяна. Однако иерусалимский престол по праву и закону принадлежал Сибилле, царствующей королеве, а презренный Ги был ее мужем. Сибилла настояла, чтобы патриарх Ираклий короновал ее, пообещав расторгнуть брак с Ги и избрать другого короля. Но уже во время коронации она потребовала, чтобы Ги был коронован вместе с ней. Сибилла переиграла всех, однако новая королевская чета не сумела угомонить ни Рено Каракского, ни магистра ордена тамплиеров — оба они последовательно провоцировали новую войну с Саладином. Несмотря не перемирие, Рено снова напал из засады на караван, вышедший в хадж из Дамаска, а кроме того, захватил в плен сестру Саладина, публично издевался над Мухаммедом и жестоко пытал своих

пленников-мусульман. Саладин обратился за компенсацией к королю Ги, однако Рено отказался платить.

В мае в Галилею вторгся один из сыновей Саладина. С беззаветной отвагой тамплиеры и госпитальеры атаковали его, но были перебиты у источника Крессон, так что спастись удалось только магистру ордена тамплиеров и еще трем рыцарям. Эта катастрофа, однако, временно сплотила христиан.

Король Ги: заглотивший наживку

27 июня 1187 года Саладин во главе 30-тысячного войска осадил Тивериаду, надеясь выманить франков и нанести им «мощный удар в ходе джихада». Король Ги собрал 12 тыс. рыцарей и 15 тыс. пехотинцев у Сефории в Галилее, однако на военном совете в красном королевском шатре ему пришлось выслушать кардинально противоположные мнения.

Раймунд Триполитанский настаивал на отступлении, несмотря на то, что среди осажденных в Тивериаде была и его собственная жена. Рено и магистр ордена тамплиеров в ответ назвали Раймунда предателем и потребовали немедленного сражения. В конце концов Ги заглотнул наживку. Он целый день вел войско через пышущие жаром холмы Галилеи, постоянно отбиваясь от мусульманских атак, пока наконец изнуренные зноем и страдающие от жажды воины не встали лагерем на вулканическом плато у подножия двух холмов, называемых Рогами Хаттина. Затем стали искать воду, но оказалось, что источник пересох. «Господь Вседержитель, — воскликнул Раймунд, — война окончена; мы — мертвецы; королевству конец!»

Когда субботним утром 4 июля крестоносцы проснулись, до них донеслись звуки молитв из вражеского лагеря у подножия плато. Летний зной уже палил нещадно. К тому же мусульмане подожгли кустарник, и вскоре все вокруг пылало.

26. Саладин
1187–1189 гг.

Саладин: битва

Саладин не спал — всю ночь он готовился к битве, организуя свои основные силы и поддержку, выбирая позиции для двух крыльев своего войска. Он окружил франков. Султан Египта и Сирии был настроен решительно — он не собирался упускать удачу. Его многонациональная армия с отрядами курдов, арабов, турок, армян и суданцев являла собой зрелище завораживавшее, вызывавшее страх и трепет. Вот как описал ее секретарь султана Имад ад-Дин:

> «Колышущийся океан фыркающих коней, щитов, копий и щетинящихся железными наконечниками пик; полумесяцев йеменских клинков, желтых стягов; знамен, алеющих, подобно цветкам ветрениц, кольчуг, мерцающих, как зеркала прудов на солнце; мечей, отполированных до белизны чистых ручьев; оперенных стрелами луков, будто птиц, и шлемов, сверкающих над стройными рядами боевых коней».

На рассвете Саладин, командовавший центром, начал атаку. Вместе с ним в бой шли его маленький сын Афдаль и телохранитель из преданных тюрок-мамлюков. На франков обрушился град стрел. Саладин повел всадников и конных лучников прямо на тяжеловооруженных рыцарей. Для Ги было важно любой ценой удержать живой щит пехоты вокруг конных рыцарей; Саладин старался любой ценой расколоть этот щит.

Епископ Акрский поднял перед королем Святой Крест. Воины Ги выстояли под первыми ударами неприятеля. Но уже вскоре мучимые жаждой франкские солдаты дрогнули и начали отходить вверх по склону холма, оставляя рыцарей без прикрытия. Те решили атаковать. Раймунд Триполитанский и Балиан Ибелинский галопом ринулись навстречу силам султана. Саладин приказал племяннику Таки аль-Дину, командовавшему правым флангом, разомкнуть ряды. Крестоносцы проскакали в гущу вражеских солдат, но тут ряды мусульман начали снова смыкаться, все плотнее сжимая кольцо. Лучники Саладина, в основном армяне, осыпали коней крестоносцев «тучами стрел,

подобных саранче», в результате рыцари спешились и «из львов обратились в ежей». В этот нестерпимо жаркий день пешие рыцари в тяжелых латах, страдающие от жажды, обожженные адским пламенем горящего кустарника, не понимающие, кто ими командует, гибли один за другим, пытались бежать или сдавались в плен.

Король отступил к одному из Рогов и разбил там свой красный шатер. Рыцари окружили его, готовясь к последнему бою. «Когда франкский король отступил к вершине холма, — вспоминает сын Саладина Афдаль, — его рыцари предприняли отчаянную контратаку и отбросили мусульман обратно к моему отцу». На какой-то момент показалось, будто мужество франков угрожает самому Саладину. Афдаль заметил смятение отца: «Он изменился в лице и схватился за бороду, но затем бросился вперед с криком „Смерть неверным!“» Тогда мусульмане опять ударили и смяли христиан, которые вновь отступили вверх по склону. «Когда я увидел, что франки бегут, я воскликнул вне себя от радости: „Мы победили их!“» Но изнуренные жаждой христиане попытались пробиться еще раз и «опять отбросили наших людей туда, где стоял мой отец». Саладин собрал своих воинов, и те опрокинули людей Ги. «Мы победили их!» — снова воскликнул Афдаль. «Не кричи, — сказал ему отец, — они не разбиты, пока стоит этот шатер». И в этот момент Афдаль увидел, как шатер рухнул. Епископ Акрский был убит, Святой Крест захвачен мусульманами. Ги и его рыцари были настолько обессилены, что плашмя лежали в своих доспехах прямо на земле вокруг шатра. «Тогда отец мой спешился, — рассказывает Афдаль, — и упал ниц, благодаря Аллаха со слезами радости».

Саладин вершил суд под навесом перед своим великолепным шатром, который еще продолжали ставить, когда эмиры начали приводить пленных. Как только шатер был наконец установлен, он пригласил туда короля Иерусалимского и Рено Каракского. Ги настолько ослабел от жажды, что Саладин предложил ему чашу шербета, охлажденного льдом с горы Хермон. Король утолил жажду и передал чашу Рено, и тут Саладин сказал: «Это ты дал ему пить. Я не давал ему пить». Итак, Рено не была предложена защита, которой пользуется гость по обычаю арабского гостеприимства.

Затем Саладин вскочил в седло и отправился поздравить своих воинов и осмотреть поле боя и «павших, раздетых, рассеянных по полю, разорванных, расчлененных, разрубленных, с вытекшими глазами, вспоротыми животами, рассеченных напополам» — обычную мясорубку средневековой битвы. По возвращении султан снова призвал к себе Ги и Рено. Короля

задержали в сенях шатра, а Рено провели внутрь. «Бог даровал мне победу над тобой, — сказал Саладин. — Часто ли тебе приходилось нарушать свои клятвы?» «Нарушать клятвы — в обычае принцев», — дерзко ответил Рено. Саладин предложил ему принять ислам, но Рено с негодованием отказался. Султан вскочил, выхватил свою кривую саблю и отсек ему руку у самого плеча. Стражники прикончили рыцаря. Обезглавленное тело протащили ногами вперед на глазах у Ги и выбросили из шатра.

Затем в шатер ввели короля Иерусалимского. «Не в обычае у царей убивать царей, — заметил Саладин. — Но этот человек перешел все границы дозволенного — вот почему он получил то, что получил».

Поутру Саладин выкупил у своих людей две сотни пленных тамплиеров и госпитальеров по 50 динаров за каждого. Христианским воинам было предложено обратиться в ислам, но лишь немногие согласились. Тогда Саладин спросил у суфийских мистиков и исламских ученых, не вызовется ли кто из них добровольцем, чтобы перебить рыцарей? Большинство просило о такой чести, но некоторые предпочли найти себе замену, чтобы не стать посмешищем в глазах воинов из-за своего неумения. Саладин со своего возвышения молча наблюдал за этой грязной, любительской резней, в которой гибли последние из тех, кто составлял мощь христианского Иерусалима. Тела убитых бросили на том месте, где они рухнули, и даже год спустя поле битвы «было покрыто костями».

Саладин отослал в Дамаск короля Иерусалимского, Святой Крест, подвешенный в перевернутом виде к пике, и пленных воинов, которых было так много, что, по свидетельству одного из слуг Саладина, «каждый человек тащил за собой на веревках от шатров по тридцать пленников». Франкские рабы стоили всего по три динара, а одного и вовсе уступили за башмак.

Султан тем временем развивал наступление, стремясь завоевать остатки Утремера. Он захватил прибрежные города Сидон, Яффо, Акру и Аскалон, и только в Тире его постигла неудача: отважный Конрад, маркиз Монферратский (его брат недолгое время был первым мужем Сибиллы), подоспел как раз вовремя, чтобы спасти эту ключевую крепость-порт. Тогда брат Саладина и его наместник в Египте, аль-Адиль ибн-Айюб, посоветовал султану поспешить к Иерусалиму. Аль-Адиль опасался, как бы случайная болезнь не свалила его брата, пока тот еще не успел захватить Святой город: «Если ты сегодня ночью умрешь от колики, Иерусалим останется в руках франков».

Саладин осаждает Иерусалим: резня или сдача?

В воскресенье 20 сентября 1187 года Саладин осадил Иерусалим. Он разбил свой лагерь к западу от города, напротив Башни Давида, но потом передвинулся на северо-восток, к тому месту укреплений, которое когда-то штурмовал Готфрид.

Иерусалим был наводнен беженцами, но при этом в городе под началом патриарха и двух королев — Сибиллы и Марии, вдовы короля Амори, а ныне жены Балиана Ибелина, — оставалось всего двое рыцарей. Патриарх Ираклий едва нашел 50 человек для защиты стен. К счастью, как раз в этот момент сам Балиан прибыл в Иерусалим, чтобы спасти свою жену и детей. Он получил гарантии безопасности от Саладина, пообещав султану, что больше не возьмет в руки оружия. Однако горожане умоляли его принять на себя командование. Балиан не мог отказать им и, как один рыцарь другому, написал Саладину письмо, в котором просил у султана прощения. Саладин извинил вынужденное вероломство и даже предоставил эскорт для сопровождения Марии и детей Балиана прочь из города.

Подарив им драгоценные одежды и устроив пир в их честь, султан посадил детей Балиана себе на колени и заплакал, зная, что они больше не увидят Иерусалима. «Мы лишь временно владеем сокровищами мира сего», задумчиво изрек он.

Балиан посвятил в рыцари всех благородных молодых людей от 16 лет и старше, а также 30 горожан простого звания, вооружил каждого мужчину в городе и периодически производил вылазки. Когда Саладин начал штурм, женщины собрались в храме Гроба Господня, молились там и обрили себе головы в знак покаянии, а монахи и монахини в торжественном шествии прошли босиком под стенами города. К 29 сентября саперы Саладина подвели подкопы под стены и заминировали их. Франки уже готовились умереть, подобно святым мученикам, однако Ираклий разочаровал их, сообщив, что в этом случае их жены и дочери будут порабощены и окажутся в гаремах. Сирийские христиане, ненавидевшие латинян, сговорились открыть ворота мусульманам. 30-го числа, когда воины ислама начали приступ, Балиан отправился на переговоры с Саладином.

«Мы поступим с вами так же, как вы [в 1099 году] поступили с жителями Иерусалима. Смерть, порабощение и другие безжалостные вещи — вот что вас ждет», — сказал Саладин Балиану. «Султан, — ответил Ибелин, — нас в городе очень много. И если мы убедимся в неизбежности смерти, мы сами убьем наших жен и детей, разрушим святилище Скалы и мечеть аль-Акса».

Тогда Саладин назвал свои условия. Он готов милостиво отпустить из города королеву Сибиллу и даже вдову короля Рено,

но остальных горожан придется выкупить — или все они будут проданы в рабство.

Саладин: человек

Саладин вовсе не походил на либерального джентльмена, чьи манеры были утонченнее, чем у неотесанных франков (а именно таким его изображали европейские писатели XIX века). Однако по меркам строителей средневековых империй эта репутация была бы вполне заслуженной. Наставляя одного из своих сыновей, как следует строить свою державу, он дал такой совет: «Я достиг того, что имею, проявляя доброту о людях. Не держи зла ни на кого, ибо смерть никого не пощадит. Будь внимательным в своих отношениях с людьми». Внешность Саладина не была особенно впечатляющей, и он был совершенно лишен тщеславия. Когда один из придворных, проскакав по луже в Иерусалиме, забрызгал грязью его шелковые одежды, Саладин лишь рассмеялся. Он никогда не забывал, что судьба, бывшая к нему столь благосклонной, могла в любое мгновение перемениться. И хотя его путь к власти был достаточно кровавым, он старался избегать ненужной жестокости и говорил своему любимому сыну Захиру: «Предостерегаю тебя от того, чтобы проливать кровь понапрасну и делать кровопролитие привычным для себя делом, поскольку кровь никогда не засыпает». Когда какие-то мусульманские бандиты, проникшие в тыл к христианам, похитили ребенка у одной женщины, она перешла линию фронта, чтобы воззвать к Саладину. Тот, тронутый до слез, тотчас же велел разыскать ребенка и вернул его матери. В другой раз, когда один из его сыновей попросил у султана разрешения казнить нескольких франкских пленных, Саладин сделал сыну выговор и категорически запретил трогать пленников, чтобы юноша не вошел во вкус убийства.

Юсуф ибн Айюб, сын курдского авантюриста, родился в 1138 году в Тикрите (в этом же иракском городе родится через много столетий Саддам Хусейн). Отец Юсуфа и его дядя, полководец Ширкух, служили Занги и Нур ад-Дину. Юноша рос в Дамаске, где делил время между вином, картами и женщинами. По ночам он играл в поло с Нур ад-Дином, который в конце концов назначил его начальником полиции Дамаска. Юсуф изучал Коран и был также большим знатоком родословных породистых лошадей. Когда Нур ад-Дин послал Ширкуха воевать в Египет, тот взял с собой племянника Юсуфа, которому тогда было уже 26 лет.

Во главе двух тысяч конных чужеземных наемников, отчаянно

рискуя, дядя и племянник сумели и отвоевать Египет у Фатимидов, и защитить его от иерусалимских крестоносцев. В январе 1169 года Юсуф, принявший к тому времени почетное имя Салах ад-Дин[168], убил египетского великого визиря, место которого тут же занял его дядя. Но Ширкух вскоре умер от сердечного приступа, и последним фатимидским визирем стал сам Саладин. В 1171 году умер последний халиф из династии Фатимидов, и Саладин упразднил шиитский халифат в Египте (который с тех пор остается суннитской страной), за одну ночь перерезал суданскую гвардию в Каире, а затем присоединил к своим расширяющимся владениям Мекку, Медину, Тунис и Йемен.

Когда в 1174 году умер Нур ад-Дин, Саладин двинулся с войском на север и продолжил свою экспансию, захватив Дамаск. Он присоединил к своим владениям большую часть современного Ирака и Сирии, а также Египет, однако слабым звеном его империи была территория современной Иордании, которую частично контролировали крестоносцы. Поэтому война с ними была требованием не только религиозного рвения, но и насущной имперской политики. Сам Саладин предпочитал Дамаск, видя в Египте лишь «дойную корову»: «Египет — это шлюха, — шутил он, — пытавшаяся разлучить меня с моей законной женой, Дамаском».

Саладин не был диктатором[169]. Его империя представляла собой лоскутное одеяло, сотканное из амбиций алчных эмиров, мятежных князей и честолюбивых братьев, сыновей и племянников, которым он жаловал уделы в обмен на верность, налоги и воинов. Саладину всегда не хватало денег и солдат. Лишь его харизма удерживала империю от распада. Он не был выдающимся полководцем и часто терпел поражения от крестоносцев, но был чрезвычайно упорен, при этом «никогда не лишал себя общества женщин и посвящал время удовольствиям». Большую часть жизни Саладин воевал с другими мусульманами, но теперь его главной страстью, его миссией стала священная война за возвращение Иерусалима: «Я отказываюсь от земных наслаждений, — сказал он. — Я пресытился ими».

Однажды, во время войны, прогуливаясь по берегу моря, Саладин сказал своему министру Ибн Шаддаду: «Я мечтаю о том, что когда Аллах даст мне завоевать все остальное побережье, я разделю свои земли, составлю завещание и пущусь в плавание по этому морю — в погоню за неверными — и буду преследовать их до тех пор, пока на лице земли не останется никого, кто бы отрицал Бога. Либо же я умру, пытаясь сделать это». Он следил за чистотой ислама еще более жестко, чем Фатимиды. Узнав о юном

мусульманине-еретике, проповедовавшем в его землях, Саладин приказал распять его и оставить тело на кресте на много дней. Сидя ночами в окружении военачальников и ученых мужей, принимая гонцов и просто беседуя, он чувствовал себя наиболее счастливым. Он чтил ученых и поэтов, и его двор был бы не полон без 90-летнего Усамы ибн Мункыза, вспоминавшего потом, как султан разыскал его и вырвал из когтей злого рока.

Саладин хромал и часто болел, и тогда за ним ухаживал двадцать один врач — семь мусульманских лекарей, семь евреев (в том числе Маймонид) и семь христиан. Но стоило султану подняться для молитвы или приказать подать свечей, придворные сразу понимали: вечер окончен. И если сам Саладин был выше того, чтобы кого-то попрекать или бранить, то его гедонистическая и честолюбивая родня не была столь же сдержанна.

Танцовщицы и афродизиаки: двор Саладина

По свидетельству сатирика аль-Вахрани, юные принцы устраивали оргии, на которых гости бегали голыми на четвереньках, завывая, словно собаки, и высасывали вино из пупков поющих девушек — «а в это время мечети зарастали паутиной». Дамасские арабы непрерывно ворчали по поводу правителя-курда. Писатель Ибн Унайн издевался над египетскими чиновниками Саладина, особенно над чернокожими суданцами: «Будь я столь же черным, да еще и с головой, как у слона, толстыми руками и огромным членом, тогда бы ты склонил ухо к моему прошению». Саладин отправил Ибн Унайна в изгнание за подобные дерзости.

Племянник Саладина Таки аль-Дин был самым талантливым полководцем султана, но также и самым тщеславным и беспутным из всех принцев. Его пристрастия были столь извращенными, что ему приписывали выражение «это даже слаще, чем когда проститутка бьет тебя туфлей». Сатирик Вахрани иронически советовал принцу: «Если бы ты вышел в отставку, то мог бы окончательно забыть о покаянии и собрать коллекцию проституток из Мосула, танцовщиц из Алеппо и певичек из Ирака».

Приапические утехи Таки были столь непомерными, что он начал терять вес, энергию и, в конце концов, эрекцию. Принц обратился за советом к еврейскому врачу Маймониду. Своих единоверцев доктор призывал к умеренности в «еде, питье и соитии», но знатных пациентов лечил иным способом. Маймонид

написал специально для племянника Саладина целый трактат, озаглавленный «О половом сношении». Сочинение тоже предписывало умеренность во всем, в том числе и в употреблении вина, рекомендовало отношения с женщинами не слишком старыми и не слишком юными, но также предлагало некоторые медицинские средства — специальную настойку из вина с алоэ и «чудодейственный секрет» средневековой виагры — массаж высокородного пениса за два часа до свидания с использованием масла, в котором были размешаны муравьи цвета шафрана. Доктор обещал, что эрекция будет сохраняться еще долго после соития.

Саладин любил Таки. Он назначил племянника наместником Египта, но впоследствии сильно разгневался на него, поскольку тот пытался завоевать себе собственное королевство в Северной Африке, отвлекая на это слишком много войск. Теперь этот неугомонный честолюбец вместе с другими членами семьи Саладина прибыл в Палестину, чтобы отпраздновать освобождение Иерусалима.

Город Саладина

Саладин наблюдал, как латинские христиане покидают Иерусалим навсегда; горожане должны были заплатить выкуп в десять динаров за каждого мужчину, пять — за женщину и один — за ребенка. Никто не мог выйти из городских ворот, не предъявив расписку об уплате выкупа, однако чиновники Саладина заработали целые состояния, за взятки разрешая христианам выскользнуть из города в мусульманском платье или спуская их в корзинах с городских стен. Сам Саладин был равнодушен к деньгам, и хотя он собрал 220 тысяч динаров выкупа, большая их часть была разбазарена впустую.

Однако тысячи горожан не смогли собрать денег на выкуп. И тогда мужчин обратили в рабов, а женщин — в пленниц гарема. Балиан заплатил 30 тысяч динаров, чтобы выкупить семь тысяч иерусалимских бедняков, а брат Саладина аль-Адиль ибн Айюб попросил, чтобы ему отдали тысячу этих несчастных, и отпустил их на волю. Сам Саладин отдал по 500 человек Балиану и патриарху Ираклию. Мусульмане были поражены, когда увидели, как последний, заплатив за себя десять динаров, покидает город с повозками, тяжело нагруженными золотом и коврами. «Сколько знатных жен было опозорено, сколько девочек, едва достигших брачного возраста, выдано замуж; сколько девственниц обесчещено и сколько гордых женщин предано поруганию!

Сколько алых женских губ было покрыто поцелуями, сколько строптивиц укрощено! — пишет секретарь Саладина Имад ад-Дин с жутковатым ликованием. — Сколько благородных мужей взяли их себе в качестве наложниц, и как много высокородных дам было продано за гроши!»

Христиане, двумя колоннами уходившие из Иерусалима, оглянулись в последний раз и залились слезами, восклицая: «Он, звавшийся господином среди городов иных, стал рабом и прислугой!»

В пятницу 2 октября Саладин въехал в Иерусалим и приказал очистить от всяких следов неверных Храмовую гору, которую мусульмане называли Харам аш-Шариф. С Купола Скалы под вопли «Аллах Акбар!» был сброшен крест, его протащили по всему городу и разбили на куски. Изображения Иисуса были сорваны со стен, монастырь к северу от Купола разрушен, перегородки, делившие внутреннее пространство мечети аль-Акса на частные и парадные покои, были разобраны. Сестра Саладина прибыла из Дамаска с караваном верблюдов, навьюченных мехами с розовой водой. Султан и его племянник Таки лично окропили здания и дворы Харама. Саладин установил в аль-Аксе резной деревянный минбар Нур ад-Дина, привезенный им с собой из Алеппо. Там он и находился в течение семи следующих столетий.

Неверно было бы утверждать, что Саладин лишь разрушал или полностью перестраивал здания крестоносцев: по большей части он просто приспосабливал постройки для нужд мусульман и заново украшал их. При этом шли в дело великолепные сполии — декоративные детали, украшенные листьями аканфа капители и другие архитектурные элементы, снятые со зданий крестоносцев. Иными словами, Саладин широко использовал символы своих врагов, и поэтому не всегда легко отличить его постройки от сооружений эпохи крестоносцев.

Наиболее уважаемые *улемы* — авторитетные знатоки ислама, служители культа из самых разных городов, от Каира до Багдада, — сочли бы для себя за честь, если бы их выбрали для проповеди перед обязательной пятничной молитвой в мечети аль-Акса. Но Саладин остановил свой выбор на кади (судье) города Алеппо и пожаловал ему черное облачение: в своей проповеди кади превозносил достоинства (фадаиль) исламского Иерусалима, а самого Саладина уподобил «свету, что с каждым восходом рассеивает темноту для верующих»: ведь он «освободил святилище, почти равное Мекке».

Затем Саладин прошел в Купол Скалы, чтобы помолиться в святыне, которую он сам называл «жемчужиной в венце ислама».

Его любовь к Иерусалиму была «огромной, как горы». Построить полностью исламский Иерусалим — вот в чем он видел теперь свое предназначение. Султан размышлял, следует ли ему разрушить Навозную кучу — храм Гроба Господня? Некоторые из его приближенных настаивали на немедленном уничтожении храма, но Саладин полагал, что это место все равно останется святыней — независимо от того, будет там стоять христианская церковь или нет. Произнеся уместную цитату из речений праведного халифа Омара, султан закрыл храм всего на три дня, а затем передал его Греческой православной церкви, хотя и приказал заложить кирпичом одну из двух дверей южного портала, чтобы легче было контролировать поток паломников (и доходы от них). В целом он терпимо относился почти ко всем христианским конфессиям, однако постарался несколько скорректировать вызывающе неисламский характер Христианского квартала. Колокольный звон был вновь запрещен, и на сотни лет, вплоть до XIX века, монополия на призыв к молитве в городе принадлежала исключительно муэдзинам, а христиане оповещали о начале богослужения с помощью деревянных трещоток или ударов по куску железа, подвешенному у входа в храм. Несколько христианских церквей за чертой городских стен Саладин приказал разрушить, а многие выдающиеся христианские постройки переоборудовал для собственных нужд — они существуют и поныне[170].

По приглашению Саладина в город прибыло множество ученых и исламских мистиков. Но одних мусульман недоставало, чтобы вновь населить опустевший Иерусалим, и Саладин позвал обратно армян, создавших в городе сплоченную общину, процветающую и сегодня (иерусалимские армяне называют себя *kaghakatsi* — «горожане»), а также многих евреев — «весь род Ефремов» из Аскалона, Йемена и Марокко.

Саладин был уже сильно изнурен, и он без всякой охоты вновь покинул Иерусалим, чтобы уничтожить последние оплоты крестоносцев. Он взял штурмом великую морскую крепость Акр, но так и не сумел окончательно разделаться с крестоносцами: рыцарским жестом отпустил на свободу короля Ги, а кроме того, не смог захватить Тир, так что в распоряжении христиан остался жизненно важный морской порт, удобный для организации контрнаступления. Похоже, султан недооценил реакцию христианского мира. Весть о падении Иерусалима потрясла всю Европу — от королей и пап до рыцарей и простых крестьян, — и мощные силы были мобилизованы для начала Третьего крестового похода.

Все эти ошибки дорого обошлись Саладину. В августе 1189

года король Ги появился у стен Акры с небольшим отрядом, явно намереваясь осадить город. Саладин не воспринял эту лихую эскападу слишком всерьез, но все же послал войско, чтобы рассеять христиан. Однако король сначала остановил продвижение мусульман, а затем организовал контратаку. Саладин окружил короля Ги, но последний тем временем окружил Акру. На помощь крестоносцам подошли корабли с немецкими, английскими и итальянскими рыцарями. Разгромив египетскую флотилию Саладина, рыцари высадились на берег и прорвались к королю Ги. В Европе же короли Англии и Франции и германский император «приняли крест»: готовился крестовый поход, строились корабли, набирались войска для битвы за Акру. Так началась изматывающая кровопролитная двухлетняя кампания, целью которой было возвращение Иерусалима.

Первыми прибыли немцы. Когда Саладин услышал о том, что рыжебородый император Фридрих Барбаросса уже продвигается с армией по Малой Азии в сторону Святой земли, он наконец-то собрал все свои силы и объявил джихад. Но затем до него дошли более приятные новости.

В июне 1190 года при переправе через речку Гёксу в Киликии Барбаросса утонул. Его сын Фридрих, герцог Швабский, сварил тело отца, замариновал его в уксусе, а затем захоронил плоть в Антиохии. Кости же взял с собой в поход на Акру, намереваясь предать их погребению в Иерусалиме. Смерть Фридриха породила эсхатологическую легенду, согласно которой Барбаросса и есть Последний Император: сейчас он таинственно уснул, чтобы воскреснуть вновь в конце дней. Сам герцог Швабский тоже вскоре умер от цинги под стенами Акры, и это стало концом немецкого крестового похода. В течение многих месяцев продолжалась отчаянная борьба, а тем временем чума уносила тысячи жизней (погибли в том числе патриарх Ираклий и Сибилла, королева Иерусалимская)[171]. И тут Саладин получил известие, что против него выдвинулся один из самых выдающихся воинов христианского мира.

27. Третий крестовый поход: Саладин и Ричард
1189–1193 гг.

Львиное Сердце: рыцарское благородство и жестокая резня

Четвертого июля 1190 года английский король Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август выступили в Третий крестовый поход, чтобы освободить Иерусалим. 33-летний Ричард только что унаследовал от своего отца Генриха II его владения, включавшие Англию и половину Франции. Деятельный и энергичный, рыжеволосый и атлетически сложенный, Ричард был настолько же дерзким и порывистым, насколько Саладин был терпеливым и проницательным. Ричард был человеком своего времени: одновременно и сочинитель соленых трубадурских песен, и набожный христианин, удрученный собственной греховностью до такой степени, что простирался нагим перед своим духовником и истязал себя бичом.

Любимый сын Алиеноры Аквитанской, он проявлял мало интереса к женщинам, однако версия о его гомосексуальности, выдвинутая в XIX веке, никогда не была доказана. Война была истинной страстью Ричарда, и он выжимал все соки из своих англичан в поисках средств на крестовый поход и шутил, что «продал бы Лондон, если бы нашелся покупатель». Вся Англия пришла в экзальтацию в ожидании начала нового похода в Святую землю, и это возбуждение тут же вылилось в еврейские погромы, кульминацией которых стала резня в Йорке. Впрочем, к этому времени Ричард уже отбыл в Святую землю. Он плыл в Иерусалим, и, где бы он ни сходил на берег, все видели перед собой настоящее воплощение короля-воина. Ричард всегда носил одежды алого цвета, цвета войны, и клялся, что его меч — это легендарный Экскалибур, меч короля Артура. На Сицилии он спас свою сестру, вдовствующую королеву Джоанну, от руки и сердца нового претендента на престол нормандского королевства, а заодно уж разорил Мессину. Добравшись до Кипра, которым тогда управлял византийский наместник, Ричард просто-напросто захватил остров, а затем отплыл к Акре во главе флотилии из 25 галер.

Восьмого июня 1191 года Ричард сошел на берег и присоединился к королю Франции, уже осаждавшему город. Военные действия перемежались интерлюдиями, во время

которых братались крестоносцы из обеих армий. Саладин и его придворные наблюдали прибытие Ричарда, и на них произвели большое впечатление «великолепие этого могучего воина и его страсть к войне».

Окрестности Акры превратились в огромный вспаханный копытами коней лагерь, где рядом с королевскими шатрами теснились убогие и грязные хижины солдат, полевые кухни, рыночные ряды, бани и бордели. До какой степени европейские проститутки очаровали мусульман, видно из свидетельства Имада ад-Дина, секретаря султана. Побывав в лагере Ричарда, он исчерпал собственный и весьма богатый арсенал порнографических метафор, описывая «певичек и кокеток, размалеванных и накрашенных, с голубыми глазами и мясистыми ляжками», которые «вели бойкую торговлю; задирали свои ноги, чтобы коснуться серебряными браслетами лодыжек золотых серег в своих ушах; они предлагали мечам вложиться в ножны, копьям вздыбиться против щитов, призывали птиц клевать зерна, уловляли ящерицу за ящерицей в своих тайных отверстиях и направляли перья к чернильницам». И если даже Имад признает, что «некоторые глупцы-мамлюки тайком ускользнули» в христианский лагерь, чтобы лично оценить этих франкских кокеток, то, значит, таких «глупцов» наверняка было немало среди мусульманского воинства.

Энергия Ричарда изменила характер войны. Саладин уже к этому времени был болен, а вскоре болезнь поразила и обоих европейских монархов. Но даже на одре болезни Ричард находил в себе силы целиться из арбалета и стрелять в сторону вражеского лагеря, а тем временем к Святой земле прибывали все новые флотилии и с кораблей сходил на берег цвет европейского рыцарства.

Саладин, безутешный, «словно мать, лишенная своего младенца», не вылезал из седла, призывая своих воинов исполнить долг джихада. Однако мусульмане уступали крестоносцам числом, и их воинский дух был надломлен. После того как Филипп Август, все сильнее ревновавший к Ричарду и уже открыто враждовавший с ним, отбыл обратно в Европу, английский король сосредоточил в своих руках всю полноту власти: «Я повелеваю, и никто не повелевает мной». Но его силы также были на исходе. Ричард предложил переговоры, и Саладин выставил на них своего опытного, но занявшего более отчужденную позицию брата аль-Адиля. Однако два прагматичных монарха продолжали подковерную борьбу, используя любые подходящие средства. Силы были примерно равны: под началом каждого находилось по 20 тыс. человек, и оба

прилагали все силы, чтобы держать под контролем своих непокорных и заносчивых вельмож и свои многоязычные армии.

Между тем Акра больше не могла держаться, и ее наместник приступил к переговорам о сдаче. У Саладина, пребывавшего в «большем смятении, чем растревоженная, томящаяся от любви девица», не оставалось иного выбора, кроме как с неохотой признать капитуляцию Акры и пообещать христианам, что он вернет им Святой Крест и освободит 1500 пленников. Его главным приоритетом была защита Иерусалима. И скрепя сердце он согласился на все условия христиан, рассчитывая возбудить еще большие раздоры среди крестоносцев и таким образом сохранить собственные силы и оттянуть войну. Но Ричард был настроен серьезно и решил спровоцировать Саладина.

Двадцатого августа он выгнал в поле три тысячи связанных мусульманских пленников и на виду у армии Саладина приказал перебить всех — и мужчин, и женщин, и детей. Не слишком укладывается в легенду о короле-рыцаре! Пришедший в ужас Саладин послал к месту резни свою конницу, но было уже поздно. Тогда султан повелел обезглавить всех франков, которые были у него в руках.

Спустя пять дней Ричард двинулся вдоль побережья к Яффо; воины Креста распевали гимн *Sanctum Sepulchrum adjuva!* («Помоги нам, Святой Гроб Господень!»). 7 сентября Ричард увидел войско Саладина, преградившее крестоносцам путь под Арсуфом. Ричард скомандовал массированное наступление пехоты, чтобы конные копейщики, пращники и лучники мусульман истощили бы свои заряды и он смог бы бросить в бой несокрушимую мощь своих рыцарей. Король ждал этой минуты, но тут один из госпитальеров, не выдержав, сорвался с места и ринулся вперед. Ричарду пришлось скомандовать атаку, и рыцари врезались в гущу мусульман. Саладин в отчаянии укрылся в кольце своих телохранителей-мамлюков. Осознав «полное поражение», султан скомандовал отступать — как раз вовремя, чтобы сохранить войско для защиты Иерусалима. В один из моментов отступления султана охраняли всего 17 человек. Победа крестоносцев повергла его в такое уныние и изнеможение, что он даже отказывался от еды.

Саладин направлялся в Иерусалим — отпраздновать окончание Рамадана и подготовиться к обороне. Ричард прекрасно понимал, что пока войско и все силы империи Саладина продолжают сохранять боеспособность, крестоносцам не удастся удержать Иерусалим, даже если они сейчас смогут захватить его. Пришлось снова вступить в переговоры.

«Мусульмане и франки лишились всего, и наши, и ваши

земли разорены, и дело совсем не ладится ни у вас, ни у нас, — писал Ричард Саладину. — У нас только три причины для раздоров: Иерусалим, Истинный Крест и окрестные земли. Что же до Иерусалима, то это самая суть наших святынь и мы никогда не откажемся от него». В ответном послании Саладин объяснял королю, что значит Аль-Кудс для мусульман: «Святой град столь же наш, как и ваш; для нас он даже важнее, потому что именно сюда совершил наш Пророк свое чудесное ночное путешествие и именно здесь собираются ангелы».

Ричарду было важно это узнать. Гибкий умом и изобретательный, он предложил султану компромисс: его сестра Джоанна станет женой аль-Адиля, христиане получат побережье Палестины и свободный доступ в Иерусалим, за мусульманами останутся внутренние области, а Иерусалим станет столицей короля аль-Адиля I Ахмада ибн Айюба и королевы Джоанны под сюзеренитетом Саладина. Султан согласился на это, надеясь таким образом вывести из игры самого Ричарда, но тут взбунтовалась Джоанна: разве она может допустить, чтобы какой-то сарацин познал ее плоть? Ричард успокоил сестру, объяснив, что это была просто такая шутка, а затем предложил аль-Адилю свою племянницу. Но тут уже оскорбился Саладин: «Наше дело — продолжать джихад или умереть».

31 октября Ричард медленно двинулся к Иерусалиму, не прекращая, однако, переговоров с вежливым, но неизменно холодным аль-Адилем. Они встречались в роскошных шатрах, обменивались дарами и приглашали друг друга на пиры. «Иерусалим должен быть и нашим, и вашим оплотом», — настаивал король. Но когда французские рыцари начали упрекать своего короля, что он делает слишком много уступок сарацинам, он в угоду им обезглавил нескольких пленных турок и выставил их головы на копьях вокруг лагеря.

В этот чреватый серьезными неприятностями момент Саладин получил печальные вести: его неугомонный племянник Таки аль-Дин, который так упорно пытался создать собственную империю, умер. Саладин спрятал письмо, велел всем покинуть его шатер и «залился горькими слезами». А затем омыл лицо розовой водой и вернулся к войскам: нельзя было показывать солдатам свою слабость. И Саладин отправился инспектировать Иерусалим и свой новый египетский гарнизон.

23 декабря Ричард вступил в крепость Торон-де-Шевалье (совр. Латрун), где пышно отпраздновал Рождество с женой и сестрой. 6 января 1192 года войско Ричарда, невзирая на холод, дождь и ледяные потоки грязи, затопившие все вокруг, подошло к местечку Бейт-Нуба, в 12 милях от Святого города. Французские и

английские бароны хотели штурмовать Иерусалим любой ценой, но Ричард попытался остудить их пыл, убеждая, что у христиан не хватает людей для немедленного приступа. Саладин ждал в Иерусалиме, надеясь, что дождь и снег поубавят решимости у крестоносцев. И 13 января Ричард действительно отступил[172].

Это был тупик. Саладин задействовал 50 каменщиков и две тысячи франкских пленников на работах по укреплению стен Иерусалима. Чтобы добыть камня для этих работ, были разрушены верхние ярусы церкви Марии Иосафатской у подножия Масличной горы и второй этаж Сионской горницы. На стенах лично работали и Саладин, и его брат аль-Адиль, и их сыновья.

Король Ричард тем временем захватил и укрепил Аскалон — ворота в Египет, после чего предложил Саладину разделить Иерусалим, оставив мусульманам Харам аш-Шариф и Башню Давида. Однако все эти переговоры, по своей сложности напоминающие палестино-израильские переговоры XXI века, были тщетны: каждая из сторон продолжала надеяться, что овладеет всем Иерусалимом. 20 марта аль-Адиль со своим сыном Камилем явился к Ричарду с очередным предложением: христианам был обещан свободный доступ к Гробу Господню и возвращение Святого Креста. Сделав красивый рыцарский жест, Ричард посвятил юного Камиля в рыцари, опоясав его рыцарским поясом.

Однако весь этот театр рыцарства был не по нраву вечно недовольным французским аристократам, которые требовали немедленно начать штурм Иерусалима. 10 июня Ричард повел свое войско назад в Бейт-Нубу, где рыцари под палящим зноем разбили лагерь и три недели обсуждали, что же им делать дальше. Ричарду удалось несколько ослабить напряжение, предприняв несколько разведывательных рейдов, в ходе одного из которых он добрался до замка Монжуа на одноименной горе близ Иерусалима. Здесь король спешился, чтобы помолиться, однако при этом якобы заслонился щитом, чтобы не видеть Святой город, и сказал: «Господи, молю Тебя, не дай мне узреть Иерусалим, из которого я не способен изгнать врагов Твоих!»

У Ричарда Львиное Сердце были шпионы в войсках султана. Они сообщили королю, что один из принцев Саладина ведет из Египта караван с провиантом и подкреплением. Переодевшись в бедуинские одежды, Ричард во главе пятисот рыцарей и тысячи легких конников устроил египтянам засаду. Рассеяв охрану, он захватил караван из трех тысяч верблюдов и лошадей, навьюченных тюками с провиантом и снаряжением. Этой добычи, вероятно, было бы достаточно, чтобы двинуться на Иерусалим или даже на Египет. «Это сильно опечалило Саладина, —

вспоминает его министр Ибн Шаддад. — Но я постарался утешить его». Султан отравил все источники вокруг Иерусалима и назначил командирами отрядов своего поредевшего войска собственных сыновей. Но сил явно недоставало, и султан вызвал из Ирака своего брата аль-Адиля.

2 июля Саладин созвал военный совет. Но его эмиры были столь же ненадежны, как и бароны Ричарда. «Лучшее, что мы можем предпринять, — заявил Ибн Шаддад, открывая прения, — это собраться в Куполе Скалы и приготовиться к смерти». После этих слов воцарилась тишина. Эмиры держались так тихо, словно «на головах их сидели птицы». Потом началось обсуждение, следует ли султану сделать город своим последним оплотом — или риск оказаться в ловушке, если начнется осада, слишком велик. Сам султан при этом понимал, что если он покинет город, то его эмиры тут же сдадутся. Наконец он заявил: «Вы — армия ислама. Это ваш долг — защищать эти земли. Вот почему мы осыпали вас сокровищами все эти годы». Эмиры согласились сражаться, но уже на следующий день пошли разговоры о том, что с обороной Иерусалима может получиться так же, как в Акре. Не лучше ли дать бой за городскими стенами или, на худой конец, вообще на время оставить Иерусалим? При этом военачальники настаивали, чтобы Саладин или один из его сыновей остались в городе — а то как бы его турки не передрались с его же курдами.

Саладин остался, и его шпионы докладывали ему обо всех проблемах Ричарда. Приближалось 15 июля — годовщина взятия Иерусалима в 1099 году, — и тут крестоносцы нашли еще один фрагмент Животворящего Креста — чудо, воодушевившее всех. Однако французы под началом герцога Бургундского и англичане-анжуйцы Ричарда непрестанно грызлись меж собой, изощряясь в язвительных шутках и похабных песенках, и готовы были уже обнажить клинки. Трубадур Ричард тоже сочинил пару славных шуток.

Саладин был уже почти болен из-за этого напряжения. В ночь на вторник третьего июля Ибн Шаддад настолько встревожился за него, что рекомендовал своему повелителю найти успокоение в молитве: «Мы пребываем в самом благословенном месте из всех, в каких могли бы находиться в такой день». Во время пятничной молитвы султан должен был сделать два ритуальных поклона, а затем дважды простереться на полу. Саладин проделал все это, не скрывая слез. Ближе к ночи лазутчики донесли ему, что франки снимаются с лагеря. Четвертого июля Ричард Львиное Сердце отступил.

Ликование Саладина было безмерным. Он выехал навстречу своему любимому сыну Захиру, поцеловал его в переносицу и

лично сопровождал в Иерусалим, где принц вместе с отцом остановился в бывшем дворце магистра ордена госпитальеров. Но истощены борьбой оказались обе стороны; вдобавок Ричард постоянно получал сообщения, что в Англии его брат Джон готов поднять мятеж. Король понимал: если он не хочет остаться без короны и владений, ему нужно возвращаться домой.

Воодушевленный всеми этими известиями, Саладин 28 июля неожиданно атаковал Яффо и быстро взял город после энергичной бомбардировки из метательных машин. Пока Ибн Шаддад вел с защитниками Яффо переговоры о капитуляции, сын султана Захир задремал на своем наблюдательном посту. Внезапно у берега появился Ричард на галере с алым стягом. Он подоспел как нельзя вовремя: некоторые франки в городе еще держались. Вооруженный арбалетом, он спрыгнул в воду и вброд добрался до берега — «рыжеволосый, в алом плаще и с алым стягом». Не тратя времени на то, чтобы скинуть высокие неудобные сапоги для десанта на мелководье и облачиться в доспех, король, потрясая датским боевым топором, повел свой небольшой отряд — всего 17 рыцарей и несколько сот пехотинцев — в атаку и сумел отбить город, в который раз явив отвагу, бесстрашие и завораживающее мастерство рукопашного боя.

Потом он поддразнивал одного из приближенных Саладина: «Ваш султан — великий человек, но почему же он отступил, стоило мне появиться? А я ведь был в одних только морских сапогах, даже без нагрудника!»

Саладин и его брат аль-Адиль послали королю в подарок арабских скакунов, но подобные рыцарские жесты часто скрывали желание выиграть время. Так было и в этот раз: мусульмане вскоре контратаковали. Ричард отразил врага, а потом предложил кому-нибудь из сарацинских витязей сразиться с ним один на один. Но напрасно он несколько раз проскакал, потрясая копьем, вдоль всего вражеского строя — принять вызов Львиного Сердца не отважился никто.

Саладин приказал вновь атаковать, но его эмиры отказались. Султан пришел в такой гнев, что решил покарать мятежников в духе Занги Кровавого: распять их на крестах. Но все же смог взять себя в руки и даже пригласил эмиров отведать с ним за трапезой сочные абрикосы, доставленные из Дамаска.

И король, и султан довели друг друга до полного изнеможения. Силы их были одинаково ничтожны. «И вы, и мы совершенно изнурены», — признавался Ричард в письме Саладину. Пока шли переговоры, оба военачальника снова разболелись, а их ресурсы и воля к битве окончательно иссякли.

28. Династия Саладина
1193–1250 гг.

Смерть Саладина

Второго сентября 1192 года султан и король заключили Яффский договор, закрепивший первый раздел Палестины: христиане получили небольшую территорию с Акрой в качестве столицы, а Саладин сохранил за собой Иерусалим, даровав христианам свободный доступ к Гробу Господню.

На обратном пути в Иерусалим Саладин встретился со своим братом аль-Адилем, который возблагодарил Аллаха, пав ниц и поцеловав землю. Затем братья вместе помолились в Куполе Скалы. Хотя сам Ричард Львиное Сердце отказался входить в мусульманский Иерусалим, его рыцари устремились в город, чтобы совершить паломничество, и были приняты Саладином. Султан показывал им Животворящий Крест, но спустя какое-то время эта главная реликвия христианства была потеряна и исчезла навсегда[173]. Побывал в Иерусалиме и королевский советник Хьюберт Уолтер. В беседе с султаном разговор коснулся Ричарда, и Саладин заметил, что Львиному Сердцу недостает мудрости и умеренности. Благодаря заступничеству Уолтера султан вновь разрешил латинским священникам служить у Гроба Господня. А когда византийский император Исаак Ангел потребовал того же для православных греков, Саладин рассудил, что обе Церкви должны владеть храмом совместно под надзором султана, и назначил привратником шейха Ганима аль-Хазраджи. Его потомки из династии Нусейбе по сей день выполняют эту обязанность.

Два великих противника больше не встречались. Девятого октября Ричард отплыл в Европу[174]. Саладин назначил наместником Иерусалима Ибн Шаддада, чьи воспоминания остаются для нас ярким источником сведений о жизни и обычаях тех лет. Сам же султан удалился в Дамаск. Там его ждали радости семейной жизни — у него было 17 сыновей. Но Саладину исполнилось уже 54 года, и он смертельно устал. Его сын Захир боялся расставаться с отцом, возможно, предчувствуя, что они больше никогда не увидятся. С трогательной нежностью он повторял «до свиданья» и не единожды возвращался назад, чтобы еще раз поцеловать отца.

Явившись через некоторое время в Дамаск, Ибн Шаддад

нашел Саладина в дворцовом саду, в портике, где он играл с одним из своих малолетних сыновей, пока франкские бароны и тюркские эмиры томились в приемной в ожидании аудиенции.

Через несколько дней, после приема по случаю прибытия из Мекки паломнического каравана, Саладин слег с лихорадкой. Возможно, это был тиф. Врачи пускали султану кровь, но ему становилось все хуже. Он попросил теплой воды, но она показалась больному слишком холодной. «О Небеса! — воскликнул Саладин. — Неужели нет никого, кто бы мог мне подать той воды, какой хочется!» На рассвете 3 марта 1193 года он умер, слушая чтение из Корана. «И я, и все другие отдали бы жизни свои за него», — говорит Ибн Шаддад и подводит меланхолический итог:

> И вот исчезли те года и ушли те герои,
> Как будто были они лишь сонным видением.

Муаззам Иса: еще один Иисус

Следующие шесть лет сыновья Саладина провели за дележом отцовского наследства, комбинируя границы то так, то этак при посредничестве своего всегда практичного и рассудительного дяди аль-Адиля. Три старших сына — Афдаль, Захир и Азиз — получили Дамаск, Алеппо и Египет; самому аль-Адилю досталось Заиорданье с Эдессой.

22-летний Афдаль унаследовал желанный Иерусалим, который он обожал. Он воздвиг рядом с храмом Гроба Господня мечеть Омара, поселил выходцев из Северной Африки в новом Магрибском квартале, сооруженном прямо у Западной стены, и построил для них медресе аль-Афдалийя.

При этом Афдаль был пьяницей и бездарным правителем, ему не удалось завоевать любовь и верность подданных, и город переходил из рук в руки в распрях враждующих братьев. Войну выиграл Азиз, но едва он стал султаном, как был убит на охоте. Дожившие до этого времени Афдаль и Захир объединили силы против дяди, но аль-Адиль одолел обоих, захватил всю империю Саладина, стал султаном и правил еще 20 лет. Холодный, элегантный и непреклонно-суровый, аль-Адиль совсем не был похож на брата: ни один из авторов того времени не высказывает в его адрес восторженного восхищения, но уважали его все. Он был хорошим правителем, возможно, «самым способным из всего своего рода». В Иерусалиме аль-Адиль построил Цепные ворота,

на украшение которых пошли изысканные франкские сполии, взятые из монастыря тамплиеров: двойной купол над портиком и капители, украшенные резными изображениями львов и других животных. Цепные ворота (Баб эс-Силсиля) и поныне остаются главным входом на Харам аш-Шариф с запада. Однако еще до того как аль-Адиль стал султаном аль-Адилем I Ахмадом ибн Айюбом, в 1198 году его второй сын Муаззам Иса (арабский вариант имени Иисус) получил в управление Сирию.

В 1204 году Муаззам сделал Иерусалим своей столицей, а дворец короля Амори — своей резиденцией. Самый популярный представитель дома Айюбидов со времен своего дяди Саладина, Муаззам был добродушным человеком, не признававшим условностей двора. Штудируя под руководством ученых мужей философию и естественные науки, Муаззам пешком ходил на дом к учителям, как обычный студент. «Я видел его в Иерусалиме, — вспоминает историк Ибн Васил. — Мужчины, женщины, дети толкали его в толпе, но никто не отгонял их. Чрезвычайно храбрый человек, обладавший высоким понятием о чести, он при этом совершенно не был склонен к показухе. По королевским стандартам его выезд был чрезвычайно скромным: лишь несколько человек верхами сопровождали его. Он носил желтый тюрбан, и когда он ехал по улицам или через рынки, путь перед ним никто никогда не расчищал».

Один из самых активных строителей в истории Иерусалима, Муаззам обновил стены, воздвиг семь массивных башен и превратил постройки крестоносцев на Храмовой горе в мусульманские святилища[175]. В 1209 году он разрешил поселиться в Иерусалиме 300 еврейским семьям из Франции и Англии. Когда еврейский поэт Иегуда аль-Харизи совершал паломничество из Испании в Иерусалим, он превозносил династию Муаззама и Саладина, хотя и оплакивал Храм: «Мы каждый день печалились о Сионе, мы скорбели о его разрушенных дворцах, мы восходили на Масличную гору, чтобы простереться ниц перед Предвечным. Сколь мучительно видеть, как дворы нашей святыни обращены в храмы иноверцев!»

В 1218 году все достижения Муаззама внезапно оказались под угрозой: Иоанн (Жан) де Бриенн[176], носивший номинальный титул короля Иерусалимского, возглавил Пятый крестовый поход, намереваясь вторгнуться в Египет. Крестоносцы осадили порт Дамиетту. Султан аль-Адиль, которому шел уже 75-й год, выступил с войском ему навстречу, но умер, успев услышать, что Цепная башня в Дамиетте пала. Муаззам поспешил из Иерусалима в Египет на помощь своему брату Камилю, новому египетскому султану. Но потом братья поддались панике и

дважды предлагали крестоносцам Иерусалим в обмен на их отказ от Египта. Весной 1219 года, когда семейная империя, казалось, находилась на грани гибели, Муаззам принял душераздирающее решение — разрушить все укрепления Иерусалима: «Если франки возьмут город штурмом, они перебьют там всех и будут господствовать над Сирией».

Иерусалим остался теперь без укреплений и наполовину опустел — жители толпами бежали из города. «Женщины, дети и старики собрались на Харам аш-Шариф, рвали на себе волосы и одежды и рассеивались кто куда», словно уже наступил Судный день. Однако крестоносцы опрометчиво отказались от предложения братьев, а вскоре и сам крестовый поход был дезорганизован и прекращен.

Когда крестоносцы ушли, Камиль и Муаззам, которые так тесно сотрудничали во время опаснейшего кризиса, затеяли жестокую братоубийственную войну за верховную власть в империи. Иерусалим же так по-настоящему и не оправился вплоть до XVI века. Город, прославленный в веках своими стенами, стоял без них на протяжении целых трех столетий. Но ему вскоре предстояло вновь перейти из рук в руки — и на этот раз в результате совершенно невероятного мирного договора.

Император Фридрих: изумление мира, зверь апокалипсиса

Девятого ноября 1225 года в соборе города Бриндизи венчались император Священной Римской империи и король Сицилии Фридрих II и Иоланта, 15-летняя королева Иерусалимская. Вскоре после свадьбы Фридрих также принял титул короля Иерусалимского и готовился отплыть в Святую землю. Его недоброжелатели злословили, будто Фридрих соблазняет одну за другой фрейлин своей молодой жены — и это уже не говоря о его гареме из множества сарацинских одалисок. Слухи эти разгневали его тестя Иоанна де Бриенна и сильно расстроили папу римского. Но Фридрих к тому моменту стал уже самым могущественным монархом в Европе — позднее он будет известен как *Stupor Mundi* («изумление мира») — и делал все, что заблагорассудится.

Зеленоглазый, рыжеволосый Фридрих Гогенштауфен, наполовину немец, наполовину нормандец, воспитывался на Сицилии. И нигде больше в целой Европе не найти было такого двора, как его двор в Палермо, где нормандская, арабская и греческая культурные традиции соединились в уникальном сплаве исламо-христианской культуры. Фридрих рос и

воспитывался в этой атмосфере, и, конечно, именно это сделало его столь необычным человеком. Однако он, похоже, и намеренно культивировал собственную эксцентричность. При его дворе обычно имелся достойный султана гарем, зверинец, 50 сокольничих (Фридрих написал книгу «Искусство охоты с птицами») и араб-телохранитель. Его всегда окружали еврейские и мусульманские ученые, а частенько присутствовал и какой-нибудь шотландский маг и жрец. Из всех королей христианского мира Фридрих был наверняка наиболее ближневосточным по своей культуре, но это не помешало ему с немилосердной жестокостью подавлять арабские мятежи на Сицилии: однажды он лично вспорол шпорой живот их схваченного предводителя. Фридрих изгнал с Сицилии всех арабов, но при этом выстроил для них целый новый мусульманский город Лучера в Апулии — с мечетями и замком, который стал его излюбленной резиденцией (там он и окончил свою жизнь). Не менее сурово насаждал Фридрих и законы против евреев, но в то же время покровительствовал еврейским ученым, привечал еврейских иммигрантов и настаивал, чтобы с ними обращались честно.

И все же по-настоящему Фридрих был одержим не своими экзотическими причудами, но самой властью. Всю жизнь он посвятил защите своего обширного наследия, простиравшегося от берегов Балтики до Средиземноморья, от посягательств завистливых пап, дважды отлучавших его от церкви, объявивших его Антихристом и возводивших на него самые нелепые наветы. Его обвиняли в том, что он тайный безбожник или даже мусульманин, что он якобы утверждал, будто Моисей, Иисус и Мухаммед суть обманщики и плуты. В этих рассказах он предстает каким-то средневековым Франкенштейном: он будто бы запечатал в бочке умирающего человека, чтобы посмотреть, сможет ли вырваться оттуда его душа, вскрывал живых людей, чтобы посмотреть, как работает пищеварение, и запирал маленьких детей в изолированные от всего света камеры, чтобы наблюдать, как они будут учиться говорить.

Фридрих воспринимал собственные права и права своей семьи очень серьезно. На деле он был христианином вполне традиционных воззрений, полагавшим, что в качестве императора он должен быть вселенским монархом, божественным помазанником по византийской модели; поскольку же он — потомок нескольких поколений крестоносцев и наследник Карла Великого, то его миссия — освобождение Иерусалима. Он уже дважды принимал крест, но постоянно откладывал выступление в поход.

Теперь же, став королем Иерусалимским, Фридрих приступил

к детальному планированию нового крестового похода — но, разумеется, в своем собственном стиле. Пообещав папе отправиться в крестовый поход, он отослал беременную жену в свой гарем в Палермо, однако 16-летняя Иоланта умерла, едва родив императору сына. Поскольку Фридрих получил титул короля Иерусалимского в результате династического брака, сын его не наследовал этот титул. Однако император не собирался допускать, чтобы эта малозначительная деталь как-то повлияла на его новый подход к стратегии крестовых походов.

Император надеялся получить Иерусалим, используя соперничество наследников Саладина. И действительно, султан Камиль предложил ему Иерусалим в обмен на помощь в борьбе против Муаззама, удерживавшего город. В 1227 году Фридрих наконец выступил, но заболел в дороге и вернулся назад. Папа Григорий IX предал его за это анафеме, что для крестоносца было, конечно, большим неудобством. Фридрих приказал своим тевтонским рыцарям и пехоте двигаться вперед, но к тому времени, когда он в сентябре 1228 года присоединился к ним в Акре, Муаззам уже умер, а Камиль занял всю Палестину — и отозвал свое предложение.

Однако теперь ему предстояло сражаться и с сыновьями Муаззама, и с Фридрихом. Война на два фронта была не по силам Камилю. Но императору тоже не хватало сил, чтобы взять Иерусалим, и он вступил в тайные переговоры с султаном.

Камиль был столь же необычным человеком, что и Фридрих. В свое время юного сына Саладина посвятил в рыцари сам Ричард Львиное Сердце. Ведя переговоры о разделе Иерусалима, император и султан попутно обсуждали философию Аристотеля и арабскую геометрию. «У меня нет действительного желания владеть Иерусалимом, — признавался Фридрих посланцу Камиля. — Я всего лишь хочу сохранить мою честь в глазах христиан». У мусульман иногда складывалось впечатление, будто христианство для императора — «всего лишь игра». Султан прислал Фридриху девочек-танцовщиц, а император развлекал своих мусульманских гостей танцами девочек-христианок. Патриарх Герольд объявил певичек и жонглеров Фридриха «не только порочными, но и не достойными называться христианами». В перерывах между переговорами Фридрих ездил на соколиную охоту и соблазнял все новых дам; изображая из себя трубадура, он писал одной из них: «Ах, я и не представлял, сколь тягостной будет для меня разлука с моей дамой. Мне не забыть сладостные мгновения нашего общения. Счастливая песнь, лети к прекрасному цветку Сирии, к той, что сердце мое украла и не возвращает. Попроси эту самую возлюбленную из женщин

вспомнить о своем верном слуге, который будет страдать от любви к ней, пока не сделает все, что ей будет угодно».

Когда переговоры зашли в тупик, Фридрих с войском двинулся вдоль побережья до Яффо, повторяя путь Ричарда и явно угрожая Иерусалиму. Эта военная хитрость сделала свое дело: 11 февраля 1229 года он получил то, что многим и в самых смелых мечтах казалось невозможным. В обмен на десятилетнее перемирие Камиль уступал Фридриху Иерусалим, Вифлеем и коридор к морю. Иерусалимские мусульмане под началом своего кади сохранили за собой Храмовую гору, возможность свободно подниматься на нее и молиться. Этот договор о совместном суверенитете совершенно игнорировал евреев (которые по большей части бежали из города), однако он и по сей день остается самым дерзким мировым соглашением в истории Иерусалима.

Оба мира — и христианский, и мусульманский — были потрясены. В Дамаске сын Муаззама Насир Дауд объявил день всеобщей скорби. Толпы людей рыдали над горестными новостями. Камиль настаивал: «Мы уступили лишь несколько церквей и разрушенных зданий. Святые места и почитаемая Скала остаются в наших руках». Договор был ему на пользу: Камиль сумел воссоединить империю Саладина под своей властью. Что же до Фридриха, то патриарх Герольд запретил ему, как отлученному от церкви, входить в Иерусалим, а тамплиеры осудили императора за то, что он не отстоял Храмовую гору.

В субботу 17 марта Фридрих в сопровождении своих арабских телохранителей и пажей, германских и итальянских воинов, тевтонских рыцарей и двух английских епископов подъехал к Яффским воротам. Его встречал представитель султана Шамс аль-Дин, кади Наблуса, который вручил императору ключи от Иерусалима.

Улицы города были пусты — многие мусульмане покинули его; православные сирийцы явно не радовались возвращению латинян. Да и время Фридриха подходило к концу — епископ Кесарийский уже готовился к тому, чтобы поддержать патриарший запрет и наложить на город интердикт (временный запрет на совершение богослужений).

Коронация Фридриха II: германский Иерусалим

Проведя ночь во дворце магистра госпитальеров, Фридрих отслужил особую мессу в храме Гроба Господня, покинутом священниками, но наводненном его германской солдатней. Он

сам водрузил императорскую корону на алтарь Голгофы, а затем своими руками возложил ее себе на голову. Эта церемония призвана была представить Фридриха верховным и главнейшим монархом всего христианского мира. В письме Генриху III Английскому Фридрих так объяснял смысл этой самодеятельной коронации: «Мы, будучи католическим императором, приняли корону, которую Всемогущий Господь даровал нам от престола Своего, когда по Его особой милости Он возвысил нас среди прочих князей мира в доме слуги Его Давида». Фридрих был не из тех, кто недооценивает собственную важность: вся эта эффектная постановка изображала коронацию сакрального монарха, мистического императора Последних дней, в церкви, которую сам он считал храмом царя Давида.

После церемонии император осмотрел Храмовую гору, выразил восхищение Куполом и мечетью аль-Акса — в последней он похвалил ее красивый михраб и взошел на минбар Нур ад-Дина. Заметив какого-то христианского священника с Евангелием в руках, пытавшегося войти в мечеть, Фридрих выставил его за дверь с криком: «Свинья! Клянусь Богом, если кто-нибудь из вас посмеет прийти сюда еще раз без разрешения, я ослеплю его!»

Мусульманские смотрители мечети не знали, что и думать об этом рыжеволосом чудаке: «Будь он рабом, он не стоил бы и двухсот дирхемов», — проворчал один из них. В ту ночь Фридрих обратил внимание, что не слышит голосов муэдзинов. «О кади, — обратился он к представителю султана, — почему муэдзины не призывали прошлой ночью на молитву?» «Я велел муэдзинам воздержаться от этого из уважения к королю», — ответил кади. «Ты поступил неправильно, — возразил Фридрих. — Главная цель моей ночевки в Иерусалиме заключалась в том, чтобы услышать муэдзинов и их призывы, восхваляющие Господа». Враги Фридриха обвиняли его в излишней любви к исламу, но сам император, похоже, просто желал, чтобы его уникальное соглашение с мусульманами полностью соблюдалось. Когда раздались призывы муэдзинов к полуденной молитве, «все его слуги и пажи, а также его наставник» распростерлись на полу.

В это утро в город прибыл епископ Кесарийский, наложивший на Святой город интердикт. Император оставил в Башне Давида гарнизон, а сам вернулся в Акру, где столкнулся с неблагодарной враждебностью баронов и тамплиеров. Поскольку на его владения в Италии сейчас посягал папа, император намеревался тайно покинуть Святую землю, однако на рассвете первого мая толпа возмущенных жителей Акры, набрав всяких отбросов на улице Мясников, закидала его потрохами и гусиной требухой. Держа курс на Бриндизи, Фридрих затосковал по

своему «цветку Сирии»: «С того времени, как я отплыл, я никогда не испытывал такой острой тоски, какую испытал на борту корабля. И теперь я знаю наверное: я умру, если вскорости не вернусь туда».

Тосковал он недолго, не вернулся никогда, но официальным правителем Иерусалима оставался десять лет. Башню Давида и Королевский дворец он передал тевтонским рыцарям и поручил их великому магистру Герману фон Зальца перестроить Цитадель (следы этих работ сохранились доныне) и укрепить ворота Св. Стефана (нынешние Дамасские). Франки восстановили церкви и «вернули себе свои былые владения». Евреям же опять был запрещен вход в город. Лишенный стен Иерусалим был беззащитен: однажды имамы Хеврона и Наблуса привели в город пятнадцатитысячную толпу всякого сброда, и христианам пришлось укрыться в Башне Давида. Акра выслала помощь, мусульманских захватчиков изгнали, и Иерусалим остался христианским[177].

Смерть султана Камиля в 1238 году ввергла династию Саладина в новую междоусобицу, отягченную очередным крестовым походом христиан под руководством графа Тибо Шампанского. Разгромив крестоносцев, сын Муаззама Насир Дауд вошел в Иерусалим и осадил Башню Давида. После трехнедельной осады, 7 декабря 1239 года, христиане сдались, после чего Насир Дауд разрушил недавно обновленные ими укрепления, и враждующие принцы из династии Саладина принесли клятву о примирении на Храмовой горе. Однако фамильные распри не прекратились, а прибытие новой волны английских крестоносцев под командованием Ричарда, графа Корнуоллского, брата короля Генриха III, вынудило мусульман вновь сдать Иерусалим франкам. На этот раз тамплиеры изгнали мусульман с Храмовой горы и восстановили контроль над ней: Купол Скалы и аль-Акса опять стали христианскими церквями. «Я видел монахов, хозяйничающих на Священной скале, — вспоминал Ибн Васил. — Я видел там множество бутылей из-под вина». Тамплиеры принялись укреплять Святой город, но времени им недоставало. Новый султан Салих Айюб, желая нанести окончательное поражение своим родственникам-соперникам, нанял на службу орду грабителей-татар — кочевых всадников из Средней Азии, потесненных монголами, которые строили собственную империю. И, к ужасу христиан Акры, 10 тыс. хорезмийских татар двинулись к Иерусалиму.

Барка-хан и татары: катастрофа

11 июля 1244 года татарская конница под командованием Барка-хана ворвалась в Иерусалим, рубя и круша все на своем пути. Вихрем пронеслись всадники по городским улицам в армянский монастырь, где татары не пощадили ни монахов, ни монахинь. Они разрушили церкви и дома, разграбили храм Гроба Господня и подожгли его. Наткнувшись на священников, служивших мессу, татары обезглавили их и разрубили на куски прямо у алтаря. Тела королей Иерусалимских были вытащены из гробниц и сожжены, однако их роскошные саркофаги каким-то образом уцелели. Камень у входа в гробницу Иисуса был расколот вдребезги. Франки, осажденные в Башне Давида, воззвали к Насиру Дауду, который убедил Барка-хана сохранить христианскому гарнизону жизнь.

Шесть тысяч христиан бежали в Яффо. Но увидев, что над башнями Иерусалима по-прежнему развеваются франкские флаги, и решив, что подоспела помощь, многие вернулись назад. Татары перебили две тысячи беглецов, и лишь 300 христиан добрались до Яффо. Разгромив Иерусалим до основания, татары убрались восвояси[178]. Город представлял собой дымящиеся руины. Вновь стать христианским ему суждено будет лишь в 1917 году.

В 1248 году король Людовик XI предпринял последний крестовый поход. В очередной раз крестоносцы решили завладеть Иерусалимом, завоевав Египет. В ноябре 1249 года крестоносцы двинулись на Каир, где лежал на смертном одре султан Салих Айюб. Власть оказалась в руках его вдовы, грозной султанши Шаджар ад-Дурр, которая вызвала из Сирии своего пасынка Туран-шаха. Крестоносцы переоценили свои силы и были окружены мамлюками — своего рода спецназом, набиравшимся из воинов-рабов. Людовик попал в плен.

Однако новый султан Туран-шах своим презрительным отношением восстановил против себя наемников. Второго мая 1250 года он устроил пир в честь победы, куда были приглашены и многие пленные крестоносцы. В самый разгар пиршества в зал ворвались, размахивая мечами, мамлюки. Их предводителем был светловолосый 27-летний гигант Бейбарс.

Бейбарс прорвался к султану и нанес ему удар. Туран-шах, истекая кровью, бросился бежать к Нилу, а вслед ему неслись стрелы мамлюков. Весь израненный, он стоял по колено в воде, умоляя о пощаде. Один из мамлюков кинулся к нему, отрубил голову и рассек грудь. Мамлюки вырвали сердце султана и продемонстрировали его королю Людовику, тоже приглашенному на пир. Нет сомнений, что аппетит его величеству был совершенно испорчен.

Так прервалась династия Саладина в Египте. Ее падение

обрекло Иерусалим — теперь опустевший и полуразрушенный — на десять смутных лет, в течение которых он был разменной картой в игре различных полевых командиров и принцев, боровшихся за власть[179], не замечая, как над Ближним Востоком сгущается новая туча. В 1258 году орды монголов, уже создавших самую большую империю в истории, разграбили Багдад, вырезав 80 тыс. жителей и убив халифа. Затем они захватили Дамаск и галопом пронеслись до самой Газы, по пути совершив рейд на Иерусалим. Ислам нуждался в сильном и беспощадном лидере, который мог бы противостоять монголам. Человеком, который принял этот вызов, стал Бейбарс.

Часть шестая. Мамлюки

Перед концом света исполнятся все пророчества, и Святой город будет возвращен Христианской Церкви.

Христофор Колумб. Письмо королю Фердинанду и королеве Изабелле Испанским

И трижды в град святой — Иерусалим — ходила [Батская ткачиха] на поклон святым мощам.

Джеффри Чосер. Кентерберийские рассказы

В Иерусалиме все места священны.

Ибн Таймийя. В поддержку благочестивых паломничеств в Иерусалим

Они [христиане] и по сей день делают это [Благодатный огонь] в Аль-Кумаме [храме Гроба Господня]. День, когда появляется огонь, называется у них «субботой света». Тогда в присутствии мусульман совершается нечто непозволительное… деяния, от которых дрожь пробегает по телу.

Муджир аль Дин. История Иерусалима и Хеврона

Греки — наши худшие, ужаснейшие враги; грузины — худшие из еретиков, подобные грекам и равные им в злобе; армяне очень красивы, богаты и благородны и

приходятся смертельными врагами грекам и грузинам.

Франческо Суриано.
Трактат о Святой земле

Большая часть Иерусалима разрушена и опустошена, нечего и говорить, что стены вокруг города нет. Из евреев там остались только бедные, и живут они посреди груд мусора и обломков, ибо закон там таков, что еврею не позволено отстраивать свой разрушенный дом.

Раби Овадья из Бертиноро.
Письма

29. Невольник султана
1250–1339 гг.

Бейбарс: дикий кот

Бейбарс — светловолосый, голубоглазый тюрок из Средней Азии, был еще мальчиком продан в рабство сирийскому князю. Несмотря на свое могучее телосложение, Бейбарс имел обидный физический изъян: радужка одного глаза у него была затянута бельмом, и поэтому хозяин в конце концов продал его султану, в Каир. Салих Айюб, двоюродный внук Саладина, покупал тюркских рабов «гуртом, как рябчиков», пополняя ими ряды своих мамлюкских полков. Султан не доверял собственной семье и считал, что «один раб более предан, чем 300 сыновей». Бейбарс, как и все рабы-язычники, был обращен в ислам, и его обучали военному искусству, чтобы сделать из него раба-воина — мамлюка. Он в совершенстве овладел арбалетом (и даже получил прозвище Арбалетчик), а затем был зачислен в мамлюкский полк Бахрийя — это были превосходные воины, не раз наносившие поражения крестоносцам. Их называли тюркскими львами и даже исламскими храмовниками.

Завоевав доверие хозяина, раб Бейбарс был отпущен на волю и сделал быструю карьеру. Мамлюки были преданы своим хозяевам, а еще более преданы друг другу — но в конечном счете каждый из этих воинов-сирот мог полагаться только на свои силы да на милость Аллаха. Приняв участие в убийстве султана, Бейбарс потерпел неудачу в начавшейся борьбе за власть и бежал в охваченную распрями местных князьков Сирию, где предлагал себя и свой арбалет каждому, кто готов был заплатить больше других. В какой-то момент он даже захватил и еще раз разграбил Иерусалим. Но центр силы по-прежнему находился в Египте, и Кутуз — очередной генерал, захвативший трон египетского султана, — призвал Бейбарса к себе.

Когда в Сирию вторглись монголы, Бейбарс, командовавший авангардом египтян, поспешил на север, чтобы остановить их. 3 сентября 1260 года он нанес поражение монгольским ордам у источника Голиафа (местечко Айн-Джалут) под Назаретом. Монголы еще неоднократно вернутся и даже вновь дойдут до Иерусалима, и все же их в первый раз удалось остановить. Большая часть Сирии оказалась под контролем Каира, а Бейбарса превозносили как Отца Победы и Льва Египта. Он ожидал

достойной награды и надеялся, что его сделают губернатором Алеппо, но султан Кутуз ему отказал. В один прекрасный день, сопровождая султана на охоте, Бейбарс в самом прямом смысле слова нанес ему смертельный удар в спину. За это мамлюкские эмиры наградили короной его самого.

Едва получив власть, Бейбарс приступил к уничтожению крестоносных королевств, еще сохранившихся на побережье Палестины. В 1263 году, выступив в поход, Бейбарс по дороге посетил Иерусалим. Мамлюки почитали Святой город, и Бейбарс занялся делом, которое мамлюки считали своей миссией — заново освятил и украсил культовые здания на Храмовой горе, а также обустроил территорию рядом с ней — нынешний Мусульманский квартал. Он приказал отремонтировать Купол Скалы и аль-Аксу и, в качестве противовеса христианской Пасхе, всячески поощрял новый праздник (учрежденный, возможно, еще Саладином) и даже построил купольный мавзолей над гробницей пророка Мусы (Моисея) близ Иерихона. И следующие восемь веков иерусалимляне отмечали праздник пророка — Наби Муса — торжественным шествием от Купола Скалы к святилищу Бейбарса, где они собирались для молитвы, пикников и вечеринок.

Сразу к северо-западу от города султан построил обитель для своего любимого ордена суфиев. Как многие из мамлюков, он покровительствовал суфиям, в своем народном мистицизме веривших в то, что страстная вера, ритуальные гимны, культ святых, священный танец и самоограничение скорее приблизят человека к Богу, чем косные традиционные молитвы. Ближайшим советником Бейбарса был шейх суфиев, совместно с которым султан совершал обряд священного танца *зикр*. Бейбарс во всем доверял шейху, ничего не делал без его одобрения и не мешал ему организовывать ограбления церквей и синагог, еврейские и христианские погромы[180]. Это было началом новой эры: Бейбарс и его мамлюкские преемники, не выпускавшие Иерусалим из своих рук в течение трех последующих столетий, были суровыми, нетерпимыми военными диктаторами. Старая эпоха исламского рыцарства, олицетворением которой был Саладин, ушла в прошлое. Мамлюки были кастой тюркских хозяев, заставлявших евреев носить желтые тюрбаны, а христиан — синие. И для тех, и для других (но в большей степени для евреев) давно миновали дни, когда они были зимми, покровительствуемым народом. Но тюрки-мамлюки презирали также и арабов, и лишь мамлюкам разрешалось носить меха или доспехи и ездить верхом по улицам города. Двор мамлюков был воплощением дурного вкуса, и султаны жаловали своим подданным такие цветистые титулы, как

«носитель царской клюшки для игры поло» и даже «эмир, достойный воспевания в серенадах». А их политические игры, хотя ставки в них были весьма высоки, были смертельно опасны.

Символом Бейбарса был крадущийся леопард — его изображение он использовал, чтобы отмечать свои победы; на различных зданиях от Египта до Турции найдено 80 надписей, украшенных фигурой леопарда. Эти же звери до сих пор сторожат Львиные ворота Святого города. Нет символа более подходящего для этого грозного хищника с бельмом на глазу, который теперь развернул весьма активную завоевательную политику.

Из Иерусалима Бейбарс предпринял поход на Акру. Город удержался, но султан еще не раз вернется сюда. А пока он последовательно брал приступом один город крестоносцев за другим, расправляясь с их защитниками в каком-то безумном садистском упоении. Он принимал франкских послов, выставив вокруг головы убитых им христиан, он распинал и разрубал на куски своих врагов, он снимал с них скальпы и вмуровывал их головы в стены покоренных городов. Он любил рисковать — например, пробирался переодетым в осажденный город и выведывал нужное, болтая с врагами на улицах. И даже когда Бейбарс находился у себя в Каире, он мог устроить проверку своих офицеров посреди ночи, поскольку был параноидально подозрителен и недоверчив до такой степени, что у него на этой почве развились бессонница и боли в желудке.

Акра единственная упорно противостояла Бейбарсу[181]. Тогда он прошел севернее и захватил Антиохию, откуда отправлял губернатору крепости крестоносцев ужасающие послания, «чтобы рассказать, что мы только что учинили. Мертвые лежат грудами. Тебе надо бы увидеть, как попирают ваши мусульманские враги место, где вы еще недавно служили вашу мессу, как режут глотки монахам прямо на алтаре, как огонь охватывает ваши дворцы. О, если бы ты был там и видел все это, ты бы хотел никогда не рождаться!» Затем Бейбарс вторгся в Анатолию и провозгласил себя султаном Рума. Но тут вернулись монголы, и ему пришлось поспешить назад, чтобы защитить Сирию.

Первого июня 1277 года Бейбарс пал жертвой собственного дьявольского коварства. Он приготовил для некоего гостя чашу отравленного кумыса — ферментированного кобыльего молока, излюбленного напитка тюрков и монголов. Но по рассеянности выпил отраву сам. Его преемники завершили его труды.

Восемнадцатого мая 1291 года мамлюки взяли приступом франкскую столицу Акру, перебили большинство ее защитников, а остальных обратили в рабство (девочек продавали тогда всего

за одну драхму). Титул короля Иерусалимского был объединен с титулом короля Кипрского, но стал лишь номинальным — таковым он остается и по сей день[182].

На этом и закончилась история королевства Иерусалимского. Впрочем, и от самого Иерусалима мало что осталось: это был уже и не город вовсе, а скорее древняя деревня, лишенная стен и пребывающая в запустении; время от времени по ней беспрепятственно проносились отряды монгольских конников.

В 1267 году один еврейский паломник, старый испанский раввин, известный по имени Рамбан, оплакивал закат Иерусалима:

«Я сравниваю тебя, Матерь наша, с женщиной, чей сын умер на коленях ее, и больно от молока грудям ее, и дает она их щенкам песьим. А враги твои разорили тебя и любящие тебя покинули тебя. Но там, далеко от тебя, помнят и славят Город Святой».

Рамбан

Рамбан (акроним еврейского имени Рабби Моше Бен-Нахман), он же Нахманид, был потрясен, увидев, что в Иерусалиме осталось всего около двух тысяч жителей, из них триста христиан и всего два еврея — два брата, которые занимались окраской тканей, как и все евреи при крестоносцах. Но чем более грустным и опустелым представал Иерусалим глазам еврейских паломников, тем более святым и поэтическим он становился. «То, что наиболее священно, — размышляет Рамбан, — оказывается более всего разрушенным».

Рамбан был одним из самых вдохновенных интеллектуалов своего времени — врач, философ, мистик и знаток Торы в одном лице. В 1263 году он так упорно защищал барселонских иудеев, которых доминиканцы обвиняли в богохульстве, что Хайме I, король Арагона, заметил: «Я прежде не видел человека, который бы защищал неправое дело столь умело!» — и пожаловал Рамбану 300 золотых монет. Доминиканцы пытались добиться казни Рамбана, но в качестве компромисса 70-летнего ученого изгнали из Барселоны, и он отправился в паломничество.

Рамбан был убежден, что евреям следует не просто оплакивать Иерусалим, но вернуться в город, поселиться там и восстановить его к приходу Мессии. Сегодня мы бы назвали такие взгляды религиозным сионизмом. Только Иерусалим мог утолить тоску Рамбана по родине:

«Я оставил свою семью, я покинул свой дом, своих сыновей и дочерей. Я и душу свою оставил с милыми и дорогими детьми, которых взрастил на своих коленях. Но все эти утраты возмещает мне радость пребывания в чертогах твоих, о Иерусалим! Я горько плакал, но нашел радость в слезах».

Рамбану удалось найти пустующий дом — полуразрушенный, но с мраморными колоннами и красивым куполом. «Мы заняли его под дом молитвы, — писал он впоследствии. — Ибо о собственности в этом городе ничего не знают, и любой, кто хочет взять себе пустой дом, может это сделать». Рамбан также послал в Наблус (Шхем) за свитками Торы, которые были спрятаны там от монголов, но вскоре после его смерти грабители вновь вернулись в Иерусалим. Однако на этот раз уже другие.

В октябре 1299 года царь христианской Армении Хетум II ворвался в Иерусалим во главе десяти тысяч монголов. Город содрогнулся, опасаясь еще одного варварского погрома, и немногие жившие в нем христиане из страха укрылись в пещерах. Монгольский ильхан (верховный владыка империи) незадолго до этих событий принял ислам, однако для новообращенных мусульман-монголов Иерусалим все же не представлял большого интереса: они передали город Хетуму, и тот спас христиан, устроил торжества в храме Гроба Господня и распорядился восстановить армянский собор Святого Иакова и гробницу Богородицы. Но всего через две недели почему-то заспешил обратно в Дамаск, на встречу со своим монгольским повелителем. Так или иначе, вековое противоборство мамлюков и монголов было позади, и притягательность святости Иерусалима в который раз обратила на город взоры всего мира. В Каире на трон взошел новый султан Ан-Насир Мухаммад, весьма чтивший Иерусалим. Помимо иных титулов, он именовал себя султаном Аль-Кудса. Ан-Насир величал себя также Орлом, а подданные называли его Несравненным. И, как пишет ведущий историк этого периода, «он был, возможно, величайшим из мамлюкских султанов», но также и «самым отвратительным».

Насир Мухаммад: несравненный орел

С восьми лет он подвергался унижениям, когда его, словно царственную игрушку, использовали в своих интересах враждующие мамлюкские вожди. Дважды был он возведен на

престол и дважды свергнут. Он был младшим сыном раба, ставшего великим султаном, а его старший брат, завоеватель Акры, пал жертвой покушения. И когда 26-летний Насир Мухаммад оказался на престоле в третий раз, он был полон решимости удержаться на вершине власти. Своим личным талисманом он избрал орла, и это как нельзя лучше отражало его стиль: эстетическое великолепие, параноидальная подозрительность хищника и постоянно витающая в воздухе угроза внезапной смерти. Он помогал своим сподвижникам возвыситься и обогатиться — а затем мог без всякого предупреждения задушить, разрубить на части или отравить любого из них. Вообще, казалось, людям он предпочитает лошадей: прихрамывающий, колченогий султан мог проследить родословную каждого из своих 7800 скакунов и не раз платил за коня больше, чем за самого прекрасного юношу-раба. И все что ни делал и чем ни обладал Несравненный — он взял в жены женщину из рода Чингисхана, у него было 25 детей и 1200 наложниц, — всему он старался придать возможно больший блеск. Этот блеск он вернул и Иерусалиму.

В 1317 году он совершил паломничество в Святой город, после чего напомнил своим полководцам, что их святая обязанность — украшать и обустраивать Храмовую гору и улицы окрест нее. При помощи своего лучшего друга Танкыза, наместника Сирии, султан заново укрепил Башню Давида, пристроил к ней пятничную мечеть[183] для гарнизона, воздвиг на Храмовой горе монументальные колоннады и несколько медресе, покрыл новой кровлей Купол Скалы и мечеть аль-Акса, возвел минарет у Цепных ворот, а также построил Ворота торговцев хлопком и Хлопковый рынок. Все эти сооружения сохранились до наших дней.

Насир благосклонно относился к суфийскому пути приближения к Всевышнему и выстроил для своих мистических орденов пять обителей-ханак. В этих новых с иголочки ханаках суфии — танцующие, поющие, впадающие в транс, а иногда даже истязающие себя, лишь бы достичь эмоционального исступления, которое одно и сулило встречу с Богом, — хотя бы отчасти возродили то сакральное волшебство, которое всегда было свойственно Иерусалиму.

Подданные султана усвоили урок: опальных эмиров он отсылает в Иерусалим, где им следует потратить свои неправедно нажитые состояния на возведение обширных архитектурных комплексов, в которые должны входить дворец, медресе и собственный мавзолей строителя. И чем ближе к Храмовой горе будет погребен опальный вельможа, тем раньше он воскреснет в

Судный день. Они возводили огромные арочные субструкции, а затем строили здания на этих опорах[184]. Иные здания просто водружали на кровли более ранних строений, стоявших вокруг Благородного святилища[185].

Насир застал Иерусалим — или, по крайней мере, Мусульманский квартал — в руинах, грязи, опутанным паутиной, а оставил его мраморным. И когда Иерусалим посетил великий путешественник и географ Ибн Баттута, он нашел его «большим и прекрасным». Исламские паломники потоками стекались в Аль-Кудс, постепенно поднимаясь из преисподней Геенны в райский сад Купола Скалы, и читали фадаили, в которых говорилось, что «грех, совершенный в Иерусалиме, равноценен тысяче грехов, а доброе деяние — тысяче добрых дел». Тот, кто жил в Иерусалиме, считался воином джихада, а тот, кто умирал здесь, «все равно что умирал на небесах». Мистическое восприятие Иерусалима настолько усилилось, что мусульмане начали совершать круговые обходы вокруг Камня основания, лобызать его и совершать обряд помазывания. Консервативный ученый Ибн Таймийя выступал против Насира и всех этих суфийских суеверий, настаивая, что в Иерусалим, конечно, следует совершить зияру — благочестивое паломничество, однако оно ни в коем случае не равноценно хаджу в Мекку. Султан шесть раз бросал в темницу этого аскетического ревнителя чистоты ислама, но тщетно: спустя несколько столетий идеи Ибн Таймийи вдохновили непримиримых ваххабитов Саудовской Аравии, а потом и современных джихадистов.

Несравненный Орел больше не доверял своим мамлюкам, которые превратились в ленивый правящий класс. Теперь он предпочитал набирать свою личную гвардию из грузинских и черкесских мальчиков-рабов с Кавказа, а они, в свою очередь, повлияли на некоторые решения султана в Иерусалиме: он, в частности, подарил грузинским православным церковь Гроба Господня. Не были забыты и латиняне: в 1333 году султан разрешил королю Роберту Неаполитанскому (и Иерусалимскому) отремонтировать некоторые части храма Гроба, а также отдал ему Сионскую горницу, где король основал францисканский монастырь.

Больной хищник — самый коварный. К тому времени, как здоровье султана пошатнулось, он уже сделал своего друга Танкыза «настолько могущественным, что сам начал бояться его». И в 1340 году Танкыз был на всякий случай брошен в тюрьму и там отравлен. Сам Насир умер через год, оставив множество наследников. Но в конце концов его кавказские рабы свергли династию Несравненного Орла, основав собственную линию

наследования. Новая династия покровительствовала грузинскому населению Иерусалима. Латиняне же, потомки ненавистных крестоносцев, продолжали терпеть лишения под гнетом мамлюков, которые в своих припадках жестокости терроризировали как христиан, так и евреев. Когда король Кипра в 1365 году напал на Александрию, храм Гроба Господня был вновь закрыт, а францисканцев из Сионского монастыря угнали в Дамаск, где они были публично казнены. Позднее ордену разрешили вернуться в город, но мамлюки, желая подчеркнуть главенство ислама, построили минареты, которые совершенно затеняли церковь Гроба Господня и синагогу Рамбана.

В 1399 году из Средней Азии вышел новый завоеватель — хромец Тимур, сеявший ужас повсюду, где появлялся. Он захватил Багдад и ворвался в Сирию в тот самый момент, когда малолетний мамлюкский султан отправился в паломничество в Иерусалим в сопровождении своего наставника.

30. Закат мамлюков
1399–1517 гг.

Тамерлан и наставник: город паломников

Наставником принца был самый знаменитый ученый исламского мира. В ту пору Ибн Хальдуну было уже около 70 лет. В прошлом он служил эмирам Марокко, затем (посидев некоторое время в тюрьме) преподавал в Гранаде, в Тунисе и наконец (проведя еще какое-то время в заключении) оказался при дворе мамлюкских султанов. Ни во дворцах, ни в тюрьмах он не переставал работать над своим знаменитым шедевром — изложением всемирной истории под названием «Мукаддима». От этой книги и в наше время трудно оторваться. Султан поручил Ибн Хальдуну воспитание своего сына Фараджа, а вскоре воспитанник, еще совсем ребенок, унаследовал трон отца.

И вот теперь, пока убеленный сединами раздражительный историк показывал Иерусалим десятилетнему мальчику-султану, Тимур осадил мамлюкский Дамаск. Среднеазиатский полководец Тимур Хромец, более известный на Западе как Тамерлан, выдвинулся в 1370 году как один из самых способных военачальников Средней Азии. За 35 лет непрерывной войны этот жестокий гений битвы покорил большую часть центральной и южной Азии, где правил железной рукой и авторитетом потомка Чингисхана. Жертвами резни, учиненной им в индийском Дели, пали 100 тысяч человек. А в Исфахане, перебив едва ли не всех жителей, он сложил из отрубленных голов 28 пирамид — по 1500 голов в каждой. Он не знал поражений.

И все же Хромец был не только жестоким воином. Его дворцы и сады в Самарканде свидетельствуют об утонченном вкусе. Он мастерски играл в шахматы, был знатоком истории и получал истинное удовольствие от диспутов с философами. Неудивительно, что он всегда мечтал познакомиться с Ибн Хальдуном.

Но мамлюки были в панике: если падет Дамаск, то эта же участь постигнет Палестину, а возможно, и Каир. Старый учитель и мальчик-султан поспешили назад в столицу. Однако мамлюки решили отправить их обоих в Сирию — на переговоры с Тамерланом ради спасения империи. В Иерусалиме тоже было тревожно: как спасти Святой город от непобедимого хищника, известного как Бич Божий?

В январе 1401 года Тамерлану, стоявшему лагерем близ Дамаска, доложили, что султан Фарадж и Ибн Хальдун ожидают аудиенции. Мальчик не вызывал ни малейшего интереса у Тамерлана, но Ибн Хальдуном он восхищался и немедленно пригласил его к себе. В качестве политика Ибн Хальдун был в данный момент представителем султана, но как историк он, разумеется, очень хотел лично встретиться с самым могущественным человеком эпохи — даже если и не был уверен, что вернется с этой встречи живым. Оба собеседника были почти ровесниками; убеленный сединами завоеватель принимал прославленного историка в своем роскошном шатре.

Ибн Хальдун испытал благоговейный трепет перед «величайшим и могущественнейшим из царей», которого он нашел «чрезвычайно разумным и проницательным, расположенным к обсуждению и отстаиванию своего мнения по тем вопросам, которыми он владел, как, впрочем, и тем, о которых ничего не ведал». Ибн Хальдун просил Тамерлана освободить некоторых пленников из мамлюков, но Бич Божий не был склонен к переговорам. Дамаск был взят приступом и разорен, и Ибн Хальдун назвал это деяние «совершенно низким и гнусным поступком».

Теперь путь на Иерусалим был открыт. Городские старейшины, улемы, решили сдать город Тамерлану и отправили к нему посольство с ключами от Купола Скалы. Но когда послы прибыли в Дамаск, завоеватель уже отбыл на север, в Анатолию: обуздать набиравших там силу турок-османов. В феврале 1405 года Хромец отправился покорять Китай, но по дороге умер, а Иерусалим так и остался во власти мамлюков. Ибн Хальдун, вернувшись после встречи с Тамерланом в Каир, тоже мирно скончался там в своей постели годом позже. Его воспитанник султан Фарадж никогда не забывал того насыщенного событиями паломничества и часто возвращался в Иерусалим: его дворец располагался непосредственно на Храмовой горе. Восседая под царским балдахином, в окружении желтых знамен султаната, Фарадж щедро разбрасывал золото беднякам.

Лишь шесть тысяч человек, из них всего 200 еврейских и 100 христианских семей, проживало тогда в маленьком городке, вокруг которого вечно кипели совершенно несоразмерные ему страсти. Ситуация в Иерусалиме постоянно была нестабильной, а подчас и опасной. В 1405 году горожане взбунтовались против непомерных налогов и выгнали из города мамлюкского наместника. Архивы Харам аш-Шариф помогают нам представить себе иерусалимские династии шариатских судей (кади) и суфийских шейхов, повествуют о ссыльных мамлюкских эмирах и

богатых купцах, живших и действовавших в мире Корана, книжного собирательства, торговли оливковым маслом и мылом и тренировок в искусстве владения арбалетом или мечом. Теперь, когда крестоносцы больше не были угрозой, христианских пилигримов — главный источник доходов — цинично выдаивали досуха. Но при этом были не слишком им рады: их постоянно бросали в тюрьму по вздорным обвинениям и держали там до тех пор, пока они не собирали денег на произвольно назначенный штраф. «Или вы заплатите, — объяснял некий толмач арестованным христианам, — или вас забьют до смерти».

Однако трудно сказать, кто был более опасен: корыстные мамлюки или подозрительные паломники, враждебно настроенные христиане или алчные горожане. Многие пилигримы оказывались на деле такими злодеями, что и местных жителей, и путешественников предупреждали: «Остерегайтесь всякого, кто идет в Иерусалим». С другой стороны, даже сами мусульмане замечали, что «нет более продажных людей, чем жители священных городов». А время от времени в Иерусалим лично являлся мамлюкский султан, чтобы обрушить новые репрессии на христиан и евреев, которые и так уже постоянно становились жертвами погромов, учиненных иерусалимской толпой.

Коррупция и распри начинали понемногу разъедать каирский двор. Империей все еще правили султаны кавказского происхождения, и поэтому, хотя католики-францисканцы пользовались поддержкой Европы, в христианском Иерусалиме доминировали армяне и грузины, ненавидевшие друг друга — и, разумеется, католиков. Армянам, которые агрессивно расширяли собственный квартал вокруг собора Святого Иакова, удалось за взятку уговорить мамлюков отобрать Голгофу у грузин. Но те предложили еще большую взятку и вернули ее себе. Впрочем, ненадолго. На протяжении 30 лет Голгофа переходила из рук в руки пять раз.

Взятки и прибыли были огромными: паломничество стало чрезвычайно популярным в Европе. Европейцы вовсе не считали, что крестовые походы закончились — в конце концов, чем же была католическая Реконкиста, отвоевание Испании у мавров-мусульман, как не крестовым походом? И пусть новых военных экспедиций в Святую землю пока не предвидилось, но все христиане Европы чувствовали, что им знаком и близок Иерусалим, даже если сами они никогда в нем не бывали. Иерусалим упоминали в проповедях, изображали на картинах и гобеленах. Во многих городах имелись Иерусалимские капеллы, основанные Иерусалимским братством, состоявшим из бывших пилигримов или даже тех, кто пока не имел возможности

предпринять благочестивое путешествие. В Вестминстерском аббатстве в Лондоне тоже имеется своя Иерусалимская палата, и во многих других местах, от Парижа на западе до Пруссии и Ливонии далеко на востоке, тоже почитались свои собственные, местные Иерусалимы[186]. Единственный Иерусалим в Англии, крошечная деревушка в Линкольншире, тоже возник на волне этого религиозного обновления. Каждый год эту деревню посещали тысячи людей, и многие из них были далеко не святыми: Батская ткачиха Чосера побывала в этом Иерусалиме трижды.

А в Святой земле паломники платили все новые пошлины и давали бесконечные взятки: сначала за то, чтобы вступить в Иерусалим, а затем — чтобы войти в храм Гроба Господня. Храм оставался под надзором мамлюков, и каждую ночь двери запирались, но при желании паломник, опять же за некоторую мзду, мог остаться внутри хоть на несколько суток. Войдя в церковь, пилигрим обнаруживал себя то ли на базаре, то ли в лавке цирюльника: повсюду торговые лотки, лежанки и груды человеческих волос: существовало поверье, что больной исцелится от своего недуга, если обреет голову и оставит волосы у Гроба. Кое-кто из паломников тратил немало времени, нацарапывая собственные инициалы на каждой святыне, которую посещал. А предприимчивые мусульмане наладили целый промысел по изготовлению реликвий: по свидетельству некоторых пилигримов, мертворожденных мусульманских младенцев бальзамировали, а потом продавали богатым европейцам под видом жертв избиения младенцев царем Иродом.

Некоторые паломники были убеждены, что дети, зачатые в церкви Гроба Господня, особенно благословенны. И, конечно же, не обходилось без алкоголя. Так что ночами при свете свечей в святом месте нередко устраивались пьяные оргии, во время которых религиозные гимны заглушались шумом безобразного буйства. Храм Гроба Господня, с отвращением рассказывает один пилигрим, был в то время «настоящим борделем». Другой паломник — бесшабашный немецкий рыцарь Арнольд фон Харф — старательно заучивал арабские и еврейские фразы, которые дают некоторое представление о том, чем он собирался заниматься в Святом городе:

Сколько вы мне дадите?
Я дам вам гульден.
Ты еврей?
Женщина, я хочу переспать с тобой сегодня.
Добрая дама, я уже в вашей постели.

Пилигримов-католиков встречали и сопровождали францисканцы: их маршрут, повторявший путь Христа на Голгофу, начинался у особняка мамлюкского наместника, стоявшего, по их мнению, на месте Претории Пилата. Эта точка стала первой остановкой (станцией) на Крестном пути, впоследствии названном Виа Долороза. Паломники испытывали неподдельный шок, видя, что многие христианские святыни полностью исламизированы: например, в церкви Св. Анны, стоящей на месте рождения матери Пресвятой Девы, располагалось медресе. И все же немецкий францисканец брат Феликс Фабри однажды тайком пробрался в святыню, а рыцарь фон Харф, рискуя жизнью, даже проник, переодевшись мусульманином, на Храмовую гору. Оба описали свои похождения, и в этих увлекательных путевых заметках наряду с набожностью пилигрима звучит и новая нота беззаботной любознательности.

Ни христиане, ни евреи не чувствовали себя в полной безопасности в городе, где непредсказуемые мамлюки могли в любой момент затеять очередной погром. И притягательность святости Иерусалима была столь заразительна, что когда представители двух древнейших авраамических религий начали распрю из-за гробницы Давида на горе Сион, султаны решили отобрать святыню в пользу мусульман.

Еврейский квартал к этому времени населяла большая община — более тысячи постоянных жителей. Евреи молились в синагоге Рамбана, а также у ворот Храмовой горы (в частности, в своей иешиве — религиозной школе у Западной стены) и на Масличной горе, где они со временем стали хоронить своих покойников, готовых к Судному дню. Но они приходили также поклониться гробнице Давида (на самом деле не имеющей никакого отношения к царю Давиду — это постройка времени крестоносцев). Сейчас это была часть христианской святыни, Сионской горницы, и контролировали ее францисканцы. Христиане пытались ограничить доступ евреев к святыне, а те пожаловались непосредственно в Каир, но последствия оказались печальными и для тех, и для других. Правивший тогда султан Барсбей пришел в ярость, узнав, что подобной святыней владеют христиане, отправился в Иерусалим и приказал разрушить францисканскую капеллу и вместо этого устроить в гробнице Давида мечеть. Через несколько лет один из его преемников, султан Джакмак, сделал всю гору Сион исламской. Более того, были вновь реанимированы все старинные запреты и ограничения

для евреев и христиан, а кроме того, введены новые. Размер христианских и иудейских тюрбанов был ограничен; в банях мужчины должны были надевать на шеи металлические кольца, подобно скоту, а женщинам — и еврейкам, и христианкам — вовсе запретили посещать бани. Еврейским врачам Джакмак запретил лечить мусульман. Когда во время бури рухнул купол синагоги Рамбана, кади запретил его восстанавливать, а затем и вовсе заявил, что поврежденное здание относится к соседней мечети. А когда еврейская взятка изменила решение кади, местные улемы просто снесли синагогу[187].

10 июля 1452 года мусульманская чернь Иерусалима в очередной раз пошла громить христиан. Погромщики выбросили из гробниц кости христианских монахов, а в храме Гроба выломали новую балюстраду, которую затем с триумфом перенесли в аль-Аксу. Но и христиане иногда вели себя совершенно безрассудно и провокационно. В 1391 году четыре францисканских монаха стали громко возглашать непосредственно в мечети аль-Акса, что «Мухаммед был распутником, убийцей и чревоугодником» и что он проповедовал блуд! Кади предложил им публично признать лживость своих обвинений. Когда монахи отказались, их пытали и избили почти до смерти. Во дворе церкви Гроба Господня был разложен костер, и толпа, «пьяная от гнева», разорвала монахов на куски, «чтобы не осталось от них никакого подобия человеческого», а затем жарила эти куски на огне, словно кебаб.

Но ждать избавления оставалось уже недолго, и когда к власти пришел более терпимый султан, участь христианского Иерусалима решило одно из блюд французской кухни.

Султан и францисканские омлеты

Кайт-бей, черкесский невольник, ставший мамлюкским военачальником, провел в Иерусалиме годы изгнания. А поскольку ему было запрещено входить в дома мусульман, он подружился с францисканцами, которые познакомили его с французской кухней. И похоже, что по восшествии на мамлюкский трон в 1486 году Кайт-бей настолько сильно затосковал по французским омлетам с овощами, что пригласил францисканцев в Каир, где торжественно разрешил им строительные работы в церкви Гроба Господня, а также вернул им гору Сион! Францисканцы же страстно желали свести счеты с евреями, и по их наущению Кайт-бей запретил евреям даже приближаться к храму Гроба и Сионскому монастырю. Случалось,

евреев убивали просто за то, что они проходили мимо храма Гроба Господня, и такая ситуация сохранялась вплоть до 1917 года. С другой стороны, султан разрешил им восстановить синагогу Рамбана в Еврейском квартале. Не забывал он и о Храмовой горе. Посетив Иерусалим в 1475 году, он повелел построить на ней медресе Ашрафийя; фонтан в этом комплексе, покрытый колоколообразным куполом, украшенным эффектным красно-розовым геометрическим узором, остается одним из самых величественных в городе.

Но пока Кайт-бей украшал Иерусалим, мамлюки уже теряли свою силу. Городскому кади Муджир аль-Дину, наблюдавшему на закате ежедневный парад у Башни Давида, ряды воинов казались неорганизованными и нестройными. В 1480 году на Иерусалим напали бедуины. Они едва не пленили наместника, который чудом спасся, галопом проскакав по Храмовой горе и удрав из города через Яффские ворота. «Большая часть Иерусалима разрушена и опустошена», — записал вскоре после этих событий рабби Овадья из Бертиноро. «Передо мной лежит разрушенный город», — вторил раввину один из его учеников, описывая шакалов и львов, рыскающих по холмам города.

И все же Иерусалим по-прежнему производил сильное впечатление. Последователь Овадьи, увидевший город с Масличной горы, очень эмоционально описал испытанное им душевное состояние: «Чувства переполнили меня, готовые выплеснуться; сердце мое охватила неудержимая скорбь, я сел на землю и разорвал на себе одежды». А любивший свой город Муджир аль-Дин находил его «исполненным блеска и красоты», уподобляя «одному из знаменитых чудес»[188].

В 1453 году турки-османы взяли штурмом Константинополь — великий трофей, которым мусульмане пытались завладеть много столетий. Величие и всемирную роль рухнувшей Римской империи (каковой считали Византию и сами ее жители, и завоеватели-турки) должна была унаследовать новая мировая сверхдержава — империя Османов. В 1481 году Кайт-бей приютил у себя в Египте османского принца Джем-султана, брата правящего султана Баязида и претендента на престол. В надежде на то, что османское государство расколется, Кайт-бей предложил Джему королевство Иерусалимское и все восточные владения мамлюков. Эта интрига привела лишь к десятилетней разорительной войне, а между тем обеим империям угрожали новые, пока только набиравшие мощь силы: мамлюков, богатство которых во многом зависело от восточной торговли пряностями и благовониями, все более уверенно теснили в Индийском океане португальцы. А туркам-османам бросал вызов новый персидский

шах Исмаил, основатель династии Сефевидов, объединивший страну под знаменем шиизма. Эти угрозы на короткий период толкнули османов и мамлюков в расчетливые взаимные объятия: дело, впрочем, закончилось смертельным поцелуем.

Часть седьмая. Османы

Этим прекрасным городом, Иерусалимом, желали владеть правители всех народов, а более всех христианские, и они вели бесконечные войны за этот город, в котором родился Иисус… Иерусалим почитали племена джиннов… В нем находятся святилища 124 000 пророков.

Эвлия Челеби. Книга путешествий

Сулейман увидел во сне Пророка: «О, Сулейман, ты должен украсить Купол Скалы и перестроить Иерусалим».

Эвлия Челеби. Книга путешествий

За Гроб Господень борются несколько Церквей, и свое право обладать им они отстаивают с яростью и враждебностью столь неистовыми, что подчас наносят друг другу удары и раны прямо у дверей Гроба Господня, смешивая свою кровь с кровью своих жертв.

Генри Мандрелл. Путешествие в Иерусалим

Мы грустно расстаемся в этом мире,
Чтоб встретиться в Иерусалиме горнем.

Уильям Шекспир. Генрих IV

Чем бродить по разным святым местам, не лучше ли остановиться, предаться размышлению, испытать свое сердце — и обрести таким образом подлинную Землю Обетованную.

Мартин Лютер. Застольные речи

Мы увидим, что Бог Израилев среди нас… И мы должны помнить, что будем как город, стоящий на вершине горы, и взоры всех людей будут устремлены на нас.

Джон Уинтроп. Образец христианского милосердия

31. Великолепие Сулеймана *1517–1550 гг.*

Второй Соломон и его Роксолана

Двадцать четвертого августа 1516 года османский султан Селим Грозный разгромил армию мамлюков под Алеппо. Эта битва решила участь Иерусалима: большая часть Среднего и Ближнего Востока оказалась под властью османов на четыре следующих столетия. 20 марта 1517 года Селим прибыл в Иерусалим, чтобы вступить во владение городом. Улемы вручили ему ключи от аль-Аксы и Купола. Там султан простерся на земле и воскликнул: «Благодарение Аллаху! Я теперь владею первой киблой». Селим подтвердил традиционную терпимость османов к христианам и евреям и помолился на Храмовой горе. А затем отправился покорять Египет. Он воевал с персами, разбил мамлюков и заранее устранил саму возможность будущих споров о престолонаследии, умертвив всех своих братьев, племянников и, возможно, даже одного из сыновей. И, когда в сентябре 1520 года султан умер, хоронил его всего один сын.

Сулейману было 25 лет. Высокий, стройный и мускулистый, с тонким, худощавым лицом, он стал властелином империи, простиравшейся от Балкан до пределов Персии, от Египта до Черного моря. «В Багдаде я — шах, в византийских землях — цезарь, в Египте — султан», — провозгласил Сулейман. Неудивительно, что османские придворные, обращаясь к своему монарху, именовали его падишах (император) и считали «наиболее достойным и уважаемым сувереном во всем мире». Говорили, что однажды Сулейману явился во сне сам Пророк, сказавший: для того, чтобы «искоренить неверных», султан должен украсить Святилище (Храмовую гору) и отстроить Иерусалим. Впрочем, едва ли султан нуждался в подсказках такого рода. Он и так был совершенно убежден, что является настоящим императором исламского мира и, как нередко называла его жена-славянка, «Соломоном своего времени».

Роксолана была посвящена во все планы Сулеймана — а эти планы неизменно включали в себя Иерусалим. Вероятно, она была дочерью священника из Польши. Похищенная во время одного из набегов, она была затем продана в стамбульский гарем, где смогла обратить на себя внимание Сулеймана, влюбила его в себя и родила ему пятерых сыновей и дочь. Роксолана, по

свидетельству очевидца, была «юной, но не слишком красивой, однако изящной и миниатюрной». Прижизненный портрет изображает царицу с большими глазами, яркими губами и округлым лицом. Ее письма в ставку Сулеймана отражают игривый, хотя и непреклонный характер: «Мой султан, нет предела муке, которая сжигает меня из-за разлуки с тобой. Сохрани это несчастное письмо и не медли со своими благородными посланиями. Когда их читают нам, слуга твой и сын Мир Мехмед и раба и дочь твоя Мириам плачут и стенают, скучая по тебе. А их плач и меня сводит с ума». Сулейман дал жене прозвище Хюррем («Радость»), а в стихах, которые ему приписываются, называл ее «моя любовь, мой лунный свет, моя весна, моя любовь с раскосыми и шаловливыми глазами», а официально — «лучшей из цариц, светом очей всего сверкающего халифата». Со временем она стала коварным политиком и успешно интриговала, чтобы сын Сулеймана от другой жены не был объявлен наследником престола. В конце концов принца удавили шелковым шнурком на глазах у отца.

Сулейман получил в наследство Иерусалим и Мекку и был убежден, что его престиж владыки мусульманского мира требует, чтобы он заботился о святынях ислама и украшал их. Все, что он делал, имело грандиозный масштаб, его амбиции были непомерны, его правление длилось почти полвека, и он вел практически мировую войну — от Европы и Северной Африки до Ирака и Индийского океана, от Вены до Багдада. В Иерусалиме султан предпринял настолько масштабные работы, что сегодняшний Старый город обязан своим внешним видом Сулейману более, чем кому-либо другому. Возможно, многие люди воспринимают эти стены древними, считают их одним из символов Иерусалима наряду с Куполом Скалы, Западной Стеной или храмом Гроба Господня, — но на самом деле они, как и большая часть ворот, являются творением Сулеймана, этого современника Генриха VIII. Султан добавил к комплексу Цитадели (Башни Давида) мечеть, новые ворота и еще одну башню. Он соорудил акведук для подачи воды в город и девять общественных фонтанов с питьевой водой (три из них — на Храмовой горе). Он заменил поблекшие мозаики Купола Скалы на глазурованные изразцы, украшенные орнаментом из лилий и лотосов бирюзового, сине-фиолетового, белого и желтого цветов, — какими их видят и гости современного Иерусалима[189].

Роксолана дополняла проекты своего венценосного супруга благотворительными учреждениями. Она получила в свое распоряжение дворец мамлюков и основала в нем комплекс,

известный под названием «Цветущий дом»: он включал мечеть, пекарню, странноприимный дом на 55 мест и бесплатную столовую для бедных.

В 1553 году Сулейман, этот новоявленный «второй Соломон и царь мира», собирался посетить Иерусалим, но был поглощен новой масштабной войной. И, как в свое время император Константин, человек, преобразивший этот город, Сулейман так никогда и не увидел своих достижений. Однако он весьма строго контролировал все, что делалось в Иерусалиме. Строительство стен курировал наместник Сирии, а инспектировал работы (вероятно, на обратном пути из своего хаджа в Мекку) знаменитый придворный архитектор Синан. Задействованы в строительстве были тысячи рабочих: одни вырубали глыбы песчаника в каменоломнях, другие доставляли на стройку каменные блоки из руин эпохи Иродиадов; новые стены и ворота тщательно состыковывались с остатками стен Ирода и Омейядов вокруг Храмовой горы. На новое покрытие Купола пошло 450 тысяч изразцов — для их производства рядом с мечетью аль-Акса была устроена специальная мастерская. Некоторые поставщики настолько разбогатели, что построили себе особняки в городе и теперь постоянно жили здесь. Один из местных строителей основал целую династию зодчих, определявших облик города на протяжении последующих двух столетий. Иерусалим оглашали давно забытые звуки: стук молотков и зубил каменщиков, звон монет. Население города увеличилось почти втрое — до 16 тыс. человек, — а количество евреев, благодаря постоянному притоку беженцев из Западной Европы, возросло в два раза — до двух тысяч.

32. Мистики и мессии
1550–1705 гг.

Иудейский герцог султана: протестанты, францисканцы и стена плача

Сулейман перестраивал Иерусалим на деньги, полученные из налогов, которыми был обложен Египет. А своим казначеем в Иерусалиме султан назначил еврея Авраама де Кастро — управляющего монетным двором и сборщика податей. Авраам однажды доказал свою верность султану, предупредив его о мятеже, который замышлял наместник. Так еврейский беженец из Португалии стал богачом и финансовым советником Сулеймана, а в конечном счете оказался покровителем и защитником Палестины и Иерусалима.

Изгнание евреев стало завершающим аккордом в религиозных войнах на Иберийском полуострове. В январе 1492 года король Фердинанд Арагонский и королева Изабелла Кастильская завоевали Гранаду — последний оплот ислама в материковой Европе.

Ощущая полную уверенность в себе после этого триумфа, их католические величества (этот титул даровал им в 1492 году папа) отпраздновали успех своего крестового похода[190], приняв два решения, имевшие поистине исторические последствия. Во-первых, они положительно ответили на очередное прошение харизматичного светловолосого моряка-мечтателя по имени Христофор Колумб. Сын генуэзского трактирщика, этот одержимый бродяга уже не первый год просил, чтобы Фердинанд и Изабелла помогли ему снарядить плавание через Атлантику, чтобы найти «западный путь» в Индию и Китай. Но у этого плавания была и другая менее известная цель: нанесение удара в тыл Османской империи и освобождение Иерусалима! Для Колумба обе эти цели были связаны воедино: «Я попросил Их Высочества, дабы все, обретенное в результате этого плавания, они потратили на завоевание Иерусалима, и Их Высочества улыбнулись и заявили, что эта идея им по душе».

12 октября, через два месяца после отплытия, Колумб открыл острова Вест-Индии, а в ходе своего третьего плавания достиг побережья Южной Америки. Вероятно, он так никогда и не понял, что открыл Новый Свет (получивший в 1507 году имя флорентийского мореплавателя, который это понял — Америго

Веспуччи). Спустя годы, когда его открытия осыпали Испанию золотом и превратили ее в Испанскую империю, Колумб продолжал романтически мечтать о Последних Днях, о возрождении Иерусалима и обещал католическим королям в своей «Книге пророчеств», что Иерусалим и гора Сион будут возрождены испанцами. Золото Офира — или «Индий» — украсит восстановленный Храм, двор «последнего императора мира». Впрочем, путями, неисповедимыми для адмирала Колумба, который умер в 1506 году человеком богатым, но все таким же неугомонным, Америке и Иерусалиму действительно предстояло стать со временем накрепко связанными.

29 апреля, через двенадцать дней после того, как они одобрили экспедицию Колумба, Изабелла и Фердинанд обратились ко второму вопросу, ждавшему их решения — еврейскому. Многие евреи были насильно обращены в католичество, но этим *конверсам* по-прежнему не доверяли: католики опасались, что «дьявольские уловки и соблазны» тайных иудеев могли замутить чистую кровь христианства. Инквизиция, которую поддерживали их католические величества, уже бросила в темницу 13 тысяч человек и сожгла на кострах две тысячи за тайные отступления иудеев от христианских канонов. Теперь же ее основатель Томас де Торквемада посоветовал монаршей чете поставить евреев перед выбором: обращение в христианство или изгнание. Изабелла была крестоносной королевой, истовой католичкой с железной волей. Фердинанд, распутный и коварный циник, спекулировавший на своей миссии христианского монарха, был макиавеллиевским идеалом правителя. Их брак создал Испанскую империю, и они могли бы считаться самыми успешными правителями своей эпохи. Но тут они просчитались.

Фердинанд почему-то надеялся, что евреи легко и искренне примут христианство. Но, к его удивлению, множество их — где-то от 75 до 150 тысяч — пришлось вместо этого изгнать. Евреи были изгнаны также из Неаполя, а в последующие 50 лет этому примеру последовало большинство западноевропейских монархий.

На протяжении семи столетий Испания была домом для процветающей арабо-иудейской культуры и центром еврейской диаспоры. Теперь же еврейству была нанесена тяжелейшая травма: евреи-сефарды (евр. *Сфарад* — Испания) бежали на восток, в более гостеприимные земли: в Голландию, в Польшу и Литву и, конечно, в Османскую империю, где их с удовольствием принимали султаны, рассчитывавшие, что евреи вдохнут новую жизнь в экономику империи, и одновременно стремившиеся продемонстрировать всему миру, как христиане отвергают

собственное ветхозаветное наследие. Диаспора сдвинулась на восток. И с той поры вплоть до начала XX столетия улицы Стамбула, Салоник и Иерусалима оглашались напевными звуками нового еврейско-испанского языка — ладино.

В 1553 году личный врач-еврей Сулеймана представил султану Иосифа Нази, чье семейство вынуждено было для вида принять христианство, прежде чем ему удалось бежать через Голландию и Италию в Стамбул. Иосиф сумел завоевать доверие Сулеймана и стал наперсником его сына и наследника. Европейские дипломаты дали ему прозвище Великий еврей: Иосиф Нази управлял сложной бизнес-империей, был личным посланником султана, человеком-загадкой международного масштаба; он играл роль третейского судьи в делах войны и финансов, посредника между Западом и Востоком. Иосиф верил в возвращение евреев в Землю обетованную, а Сулейман пожаловал ему во владение галилейскую Тивериаду. Иосиф отстроил город, насадил там тутовые деревья, чтобы развивать производство шелка, и пригласил в Тивериаду еврейских беженцев из Италии, став, таким образом, первым евреем, которому удалось поселить соплеменников в Святой земле. Иосиф хотел построить свой собственный Иерусалим в Галилее: этот изощренный мастер политической интриги прекрасно сознавал, что настоящий Иерусалим принадлежит Сулейману.

Тем не менее Иосиф оказывал поддержку иудейским ученым в Иерусалиме, где султан всячески утверждал превосходство ислама и принижал статус двух других религий с неизменным упорством, отголоски которого и поныне заметны в топографии города.

Сулейман воевал с Карлом V, так что его обращение с христианами в какой-то мере смягчалось требованиями европейских дипломатов, желавших защитить единоверцев. Евреи, с другой стороны, ни для кого ничего не значили.

Они продолжали молиться у стен Храмовой и на склоне Масличной горы, а также в главной синагоге — синагоге Рамбана, но султан любил порядок во всем. Он препятствовал тому, что могло бы подорвать монополию ислама на Храмовой горе, и поэтому выделил евреям для молитвы короткую улочку длиной всего около 3 м вдоль одной из опорных стен площадки, на которой Ирод воздвиг свой Храм. В этом был некоторый смысл: улица примыкала к древней Пещерной синагоге и находилась по соседству с существующим поныне Еврейским кварталом, где евреи начали селиться с XIV века. Тем не менее над этим местом царил мусульманский Магрибский квартал. Еврейская молитва тщательно регулировалась, а позднее евреев и вовсе обязали

каждый раз получать на нее разрешение. Иудеи скоро прозвали это место *ха-Котель* — Стена, а чужаки стали называть ее Западной стеной, или Стеной Плача, и с этих пор золотистые тесаные камни, из которых она сложена, стали символом Иерусалима и средоточием его святости.

Сулейман подверг притеснениям и христиан, изгнав францисканцев из Сионского монастыря. На гробнице Давида и сегодня можно прочитать надпись: «Император Сулейман повелел очистить сие место от неверных и воздвигнуть здесь мечеть». Святыня трех религий, этот византийский памятник, перестроенный в эпоху крестоносцев, древняя синагога и христианская Сионская горница, стала теперь исламским святилищем Наби-Дауд, пророка Давида. Султан учредил наследственную должность хранителей святыни и поручил ее семейству суфийских шейхов Даджани. Эту должность представители семейства исполняли до 1948 года.

Но на религиозной жизни Иерусалима всегда сказывалась внешняя политика. И у Сулеймана вскоре появилась причина вновь обласкать францисканцев. В войне за земли Центральной Европы султану потребовались христианские союзники: помочь ему одолеть Габсбургов могли соперничавшие с ними французы, а французские короли поддерживали францисканцев. В 1535 году Сулейман предоставил Франции торговые привилегии и признал францисканцев хранителями христианских святынь. То была первая из так называемых капитуляций — договоров, предоставлявших определенные привилегии европейским державам. Эти капитуляции в конце концов и подорвали мощь Османской империи.

Своей штаб-квартирой францисканцы сделали монастырь Спасителя близ храма Гроба Господня, превратившийся со временем в грандиозный католический «город в городе». Однако возвышение францисканцев вызывало недовольство у православных христиан Иерусалима. Вражда между католиками и православными в Святом городе к тому моменту имела уже давнюю историю. И те, и другие добивались *praedominium* — то есть преимущественного права попечительства над христианскими святынями. Храм Гроба Господня делили между собой восемь христианских конфессий, и почти все они вели непримиримую борьбу друг с другом. В этой борьбе некоторые церкви усилились, другие, напротив, потеряли влияние. Армянская церковь сохранила свои позиции — ведь в Стамбуле было много армян. Сербская и маронитская общины пришли в упадок. А грузины, лишившись покровительства мамлюков, вскоре лишились и всего остального[191].

Эпическая схватка Габсбургов и Османов, агрессивный католицизм испанцев и изгнание евреев — все эти события внесли свой вклад в тот особый род духовного брожения и тревожных сомнений, которые охватили многих европейцев в ту эпоху. Все больше людей искали иного внецерковного благочестия и новых путей к Богу. В 1517 году виттенбергский священник и богослов Мартин Лютер выступил с протестом против определенных обрядов и обычаев Католической церкви. Подлинный Господь, говорил Лютер, остался только в Писании, а из церковных ритуалов Господь давно ушел. Протест Лютера стал той искрой, из которой вскоре возгорелось яркое пламя Реформации.

Многие согласились с утверждениями Лютера о том, что папизм предал истинное учение Христа. Его последователи, протестанты, взыскали обновленной, сердечной веры, свободной от католической догматики. Протестантство было настолько гибким в поиске новых путей исповедания такой «чистой» веры, что вскоре разделилось на множество общин и духовных движений — лютеране, реформаты, пресвитериане, кальвинисты, анабаптисты… А для короля Англии Генриха VIII протестантизм стал инструментом отстаивания политической независимости от Рима. Но всех протестантов объединяло одно: благоговение перед Писанием, и благодаря этому Иерусалим занял центральное место в их вероучении[192].

Процарствовав 45 лет, Сулейман умер в ходе очередной военной кампании. Его приближенные изготовили восковую фигуру и возили ее в царской повозке, показывая издалека воинам и уверяя, что султан жив и здоров. Это продолжалось до тех пор, пока Селим, сын Сулеймана от Роксоланы, не сумел утвердиться на престоле. Султан Селим II, вошедший в историю с прозвищем Пьяница, был многим обязан интригам своего друга Иосифа Нази. Великий еврей, разбогатевший на монопольной торговле польским воском и молдавским вином, жил теперь в роскошном дворце. Вступив на престол, Селим вознаградил Иосифа, сделав его пожизненным правителем острова Наксос и даже обещав корону Кипра. А в делах защиты гонимых или бедных евреев Европы этот иудейский Крёз выказывал такое рвение, что после его смерти поползли слухи, будто это был сам Мессия!

Увы, замыслам Великого еврея не суждено было осуществиться. При султане Селиме и его преемниках Османская империя продолжала расширяться; благодаря обширным ресурсам и отлично налаженной бюрократической машине управления она оставалась устрашающе могущественной еще

целое столетие. Правда, османским султанам вскоре пришлось силой оружия обуздывать ставших слишком самостоятельными наместников отдаленных провинций, и спокойное течение жизни Иерусалима периодически нарушалось жестоким насилием.

В 1590 году взбунтовавшиеся местные арабы вломились в Иерусалим, овладели городом и убили наместника. Мятеж был подавлен, бунтовщиков изгнали, и власть в Иерусалиме захватили два брата — Ридван-паша и Байрам-паша. Мальчики-христиане с Балкан, еще детьми проданные в рабство и обращенные в ислам, они воспитывались при дворе Сулеймана. Правой рукой братьев был черкес по имени Фарух. Их потомки владели Палестиной — и разоряли ее — еще почти столетие. Однажды жители Иерусалима отказались открыть ворота перед Мухаммедом, сыном Фаруха, и тогда тот во главе трехсот наемников взял город приступом, а затем долго пытал евреев, христиан и арабов, вымогая у них деньги.

Подобные эксцессы лишний раз убеждали армян — самую сильную из христианских общин, — что необходимо и дальше преподносить султанским чиновникам дары и предлагать им взятки, а также устраивать шумные беспорядки в церквях Иерусалима: все это стало частью кампании по умалению роли католиков и заполучению *preudominium*. Армяне были не только христианами, но и влиятельными османскими вельможами, преданными слугами Блистательной порты. За первые 20 лет XVII столетия султаны издали 33 *фирмана* (указа) в защиту католиков, а *preudominium* всего за семь лет переходил из рук в руки шесть раз. При этом христиане стали самым важным источником дохода в Палестине: каждый день привратник церкви Гроба, глава семейства Нусейбе, усаживался в кресло у ворот, а его вооруженные служители взимали плату за вход; доход от тысяч паломников был огромным. На Пасху, которую мусульмане называли «праздником красного яйца», в кресле восседал уже лично наместник Иерусалима и в присутствии кади, смотрителя и до зубов вооруженных солдат гарнизона взимал с каждого из 20 тысяч «осужденных на адовы муки неверных» по десять золотых монет. Собранные деньги затем делились между османскими чиновниками и улемами.

Между тем началось некое брожение и в еврейской среде. «Иерусалим, — писал один еврейский паломник, — был населен гуще, чем когда-либо со времен первого изгнания». А поскольку его «слава распространялась повсюду, повсюду и стало известно, что здесь живут в мире. Мудрецы хлынули к воротам города». На каждую еврейскую пасху в Иерусалим прибывал целый караван египетских евреев. Большинство иудеев Иерусалима были

сефардами, говорившими на языке ладино и чувствовавшими себя достаточно уверенно, чтобы построить четыре синагоги, ставшие средоточием жизни Еврейского квартала. Однако часть пилигримов была родом из Восточной Европы, из Речи Посполитой (Польско-Литовского государства). Их называли ашкеназим (ашкеназы) — от имени Аскеназа, одного из потомков Ноя, который, согласно одному из преданий, стал прародителем народов Центральной и Восточной Европы[193]. Бурные события, происходившие во внешнем мире, стимулировали их мистицизм: раввин по имени Ицхак Лурия преподавал ученикам каббалу — учение о тайных кодах Торы, знание которых приближает посвященного к Божественному. Лурия родился в ашкеназской семье в Иерусалиме, но в конце концов обосновался в городке Сафед (Цфат) в холмах Галилеи. Гонения, которым еврейство подверглось в Испании, заставили многих иудеев для вида принять христианство и жить двойной жизнью, продолжая втайне исповедовать иудаизм — не зря же книга Зоар (*Сэфер ха-Заар*), главная книга каббалистов, была написана в XIII веке именно в Кастилии. Каббалисты взыскали Величия, Страха и Трепета — «экстатического опыта, колоссального восходящего истечения души к ее высшему уровню — соединению с Богом». По пятницам каббалисты, облаченные в белые одеяния, встречали за городом «невесту Бога», Шхину, и затем сопровождали это божественное присутствие в свои дома. В своих размышлениях каббалисты неизбежно приходили к выводу, что несчастия, претерпеваемые иудеями, вместе с тайными кодами и магическими формулами открывали путь к искуплению: и разве не свидетельствовало это о скором явлении Мессии в Иерусалиме?

Несмотря на случавшиеся периодически антихристианские погромы, набеги бедуинов и вымогательство османских наместников, город был предоставлен своим собственным традициям и ритуалам. И вражда между православными, католиками и армянами в этой глухой османской провинции только укрепляла предубежденность гостей нового рода: наполовину паломников, наполовину купцов-авантюристов — в городе появились протестанты. Часто это были английские торговцы, кипевшие ненавистью к католикам и при этом имевшие хорошие связи в новых колониях в Америке.

Когда в Святую землю прибыл английский капитан и купец Генри Тимберлейк, османские наместники еще и слыхом не слыхивали о протестантской вере его королевы Елизаветы. Капитана бросили в темницу близ Гроба Господня и освободили только после уплаты крупного штрафа. Цветистые воспоминания о его приключениях — «Правдивое и странное описание

странствий двух английских пилигримов» (1603) — пользовались огромной популярностью в Лондоне. Еще один из этих отважных англичан — Джон Сандерсон, торговый агент Левантийской компании, — подвергся нападению францисканских монахов, «чей падре обвинил меня в том, что я еврей». А потом его арестовали турки. Желая обратить Джона, религиозная принадлежность которого им была непонятна, в ислам, они отвели его к кади, который допросил англичанина и, поняв, что тот все же христианин, отпустил его.

Фанатизм и христиан, и мусульман подчас выливался в насилие, а оно, в свою очередь, сразу обнаруживало истинные пределы хваленой османской веротерпимости; по требованию улемов османский наместник снова закрыл синагогу Рамбана, любимую синагогу иерусалимских евреев: им было запрещено молиться там, и в здании устроили склад. А когда францисканцы тихонько расширили свои владения на горе Сион, по городу поползли слухи, будто они роют подземный ход на Мальту, чтобы по нему пришло в город христианское войско. Чернь во главе с кади напала на монахов, и от гибели францисканцев спас только османский гарнизон. Португальскую монахиню, крестившую мусульманских детей и обличавшую ислам, сожгли на костре во дворе перед церковью Гроба Господня[194].

И, наконец, на Пасху 1610 года в Иерусалим прибыл молодой англичанин, представлявший не только протестантизм, но и Новый Свет.

Джордж Сэндис: первый англо-американец

Джордж Сэндис, сын архиепископа Йоркского и ученый, переведший на английский язык Вергилия, был потрясен упадком Иерусалима: «Большая его часть лежала в запустении, старые здания все разрушены, новые достойны презрения». Говорившие на ладино сефарды, которых Сэндис увидел у Западной стены, и оттолкнули, и очаровали его: «своими фантастическими жестами они превосходят всех варваров», а их «качания» во время молитвы показались Сэндису такими потешными, что «невозможно было не рассмеяться». Но еще большее отвращение у богобоязненного протестанта вызвало вульгарное торгашество православных и католиков. Город, «некогда священный и достославный, избранный Богом для престола Своего», теперь был подобен «театру, в котором представляют мистерии и чудеса».

В ту Пасху Сэндиса в равной мере ужаснули и христиане, и мусульмане: он видел иерусалимского пашу, восседающего на

своем троне перед церковью Гроба Господня, и наблюдал, как тысячи паломников, каждый со своей подушкой и подстилкой, стекались к храму, чтобы провести в нем ночь. В Великую пятницу Сэндис присоединился к процессии францисканцев, пронесших по Виа Долороза выполненную в натуральную величину восковую фигуру Иисуса на пелене, а потом прибивших ее к кресту. Он видел, как тысячи людей заполонили церковь и толпились во дворе, и, примкнув к ним, наблюдал обряд сошествия Благодатного огня, описывая «дикие вопли», звон медных тарелок и «свист женщин», более подобающий, по его мнению, языческим торжествам в честь Вакха. Когда появился огонь, паломники начали носиться вокруг него, «как безумные, засовывая пламя под одежды и за пазуху, убеждая чужаков, что оно не обжигает их».

И все же этот сочинитель гимнов был истовым протестантом, почитавшим Иерусалим в той же степени, что католики и православные. Обратившись к основам Библии, он усердно помолился у Гроба Господня и могил королей-крестоносцев. По возвращении в Англию он посвятил свою книгу «Повествование о путешествии, начатом в 1610 году» юному Карлу, принцу Уэльскому, чей отец Яков I незадолго до того поручил 54 ученым мужам сделать английский перевод Библии. В 1611 году они представили королю свою версию священной Книги, которая, сплавив воедино более ранние переводы Уильяма Тиндейла и других, явила собой подлинный шедевр перевода и поэтичного английского языка. Эта Библия стала духовной и литературной основой англиканского вероисповедания, единственного в своем роде английского протестантизма. Она стала, по словам одного из писателей, «национальным эпосом Британии», историей, поместившей евреев и Иерусалим в самое сердце британской и, позднее, американской жизни.

Сэндис воплощал связь между реальным городом и Иерусалимом Нового Света. В 1621 году он отплыл в Америку в качестве казначея Вирджинской компании. Его «паломничество» в Новый Свет было, по крайней мере отчасти, вдохновлено протестантским видением Небесного Иерусалима.

В течение десяти лет, что он провел в колониях, Сэндис предпринял несколько военных экспедиций против местных индейцев-алгонкинов, в ходе которых было перебито немало несчастных туземцев: протестанты не менее рьяно убивали иноверцев, чем приверженцы всех остальных вероисповеданий в XVII столетии.

Вирджинские колонисты, подобные Сэндису, были консервативными англиканами того сорта, которым

покровительствовали Яков I и его сын Карл. Однако в XVII веке короли уже не могли сдерживать устремления нового пассионарного течения в протестантизме: радикальные пуритане, принимая фундаментальные истины Библии, были при этом преисполнены мессианских ожиданий. Тридцатилетняя война между католиками и протестантами в континентальной Европе лишь усилила ощущение близости Страшного суда. То были странные времена, вдохновлявшие мистические настроения и устремления во всех трех религиях. Неурожай следовал за неурожаем. Неумолимая Смерть под личинами эпидемий, голода и религиозных войн прошлась с косой по всей Европе и забрала миллионы ее жителей.

Тысячи пуритан покидали церковь Карла I, чтобы основать в Америке новые колонии. А поскольку за океан они отплывали в желании обрести религиозную свободу, то, читая в Библии об Иерусалиме и народе Израиля, они и себя представляли избранным народом, благословленным Богом на строительство нового Сиона в дикой земле Ханаанской. «Восславим Господа на Сионе», — призвал в молитве Уильям Брэдфорд, едва сойдя на берег с корабля «Мэйфлауэр». Первый губернатор колонии Массачусетского залива Джон Уинтроп верил, что «Бог Израилев среди нас [поселенцев]», и, перефразируя пророка Иеремию и евангелиста Матфея, называл свое поселение «городом на холме», уподобляя Америку новому Иерусалиму. Очень скоро в Америке появится больше сотни поселений, названиями которых (или частью названий) станут Иордан *(Jordan)*, Ханаан *(Canaan)*, Вифлеем *(Bethlehem)* и Иерусалим (*Jerusalem* или просто *Salem*).

Страх перед катастрофой и ожидание искупления нарастали синхронно: гражданские войны покрыли рубцами Францию и Англию, а тем временем в Восточной Европе казаки Богдана Хмельницкого десятками тысяч уничтожали евреев Польши и Украины. В 1649 году был обезглавлен Карл I, и лордом-протектором Англии, Шотландии и Ирландии стал Оливер Кромвель, ожидавший наступления тысячелетнего царства Христова и убежденный, что его пуритане, как и их собратья в Новой Англии, были новым «избранным народом»: «Истинно вы призваны Господом, как были призваны иудеи, править вместе с Ним и во имя Его, — говорил он. — Скоро уже исполнятся обещания и пророчества». Кромвель покровительствовал евреям и верил, что Второе пришествие Христа состоится не прежде, чем иудеи вернутся на Сион и обратятся в христианство. В сущности, пуритане были первыми христианскими сионистами. Двое живших в Амстердаме английских баптистов, Эбенезер Картрайт и его мать Джоанна, даже предложили, чтобы Королевский флот

«перевез на своих кораблях сынов и дочерей Израилевых в Землю, обетованную их прародителям для вечного наследования».

Многие евреи ревностно изучали каббалу, мечтая о том, что Мессия обратит их польско-украинскую трагедию в акт искупления. Голландский раввин Менаше бен Исраэль подал лорду-протектору Кромвелю петицию, в которой указывал на то, что в Библии говорится о рассеянии народа Израиля «от края земли и до края земли» — прежде чем он снова вернется в Сион, — однако евреям до сих пор запрещен въезд в Англию. Кромвель созвал в Уайтхолле специальную конференцию, которая постановила, что было неверным отлучать «этот жалкий и рассеянный народ от света и оставлять его лжеучителям, папистам и идолопоклонникам». Кромвель разрешил евреям возвратиться в Англию. После его смерти монархия там была восстановлена и его пуританский мессианизм утратил влияние, однако нашел своих последователей в американских колониях и среди английских диссидентов, готовый вновь расцвести через двести лет во время Великого Пробуждения[195]. А тем временем еврейский мир вскоре после Реставрации был охвачен маниакальным возбуждением: в Иерусалиме объявился Мессия! Но Он ли это на самом деле?

Мессия: Шабтай Цви

Он родился в Смирне в семье торговца птицей и с юности занялся изучением каббалы. В 1648 году он объявил себя Мессией и, чтобы убедить всех в своей избранности, осмелился на то, на что имел право лишь первосвященник в Храме, и то раз в году — в День искупления: произнести вслух тетраграмматон — неизрекаемое имя Бога, слагаемое из четырех еврейских букв: YHWH. А вслед за этим он провозгласил, что Судный день наступит в 1666 году. Шабтай Цви был отлучен от общины и изгнан из Смирны. Но по мере того как он путешествовал по Средиземноморью, занимаясь коммерцией, он приобретал множество последователей и даже покровителей из числа богатых евреев. В 1660 году он перебрался в Каир, а затем отправился в Иерусалим, где постился, пел гимны, раздавал сладости детям и совершал странные обряды, вызывавшие смятение в умах окружающих.

Шабтай излучал магнетическое обаяние безрассудного пренебрежения к опасности и легкого безумия. Он явно страдал маниакально-депрессивным психозом: приступы заразительной веры в себя чередовались с периодами отчаяния и меланхолии,

сменявшимися экзальтированной эйфорией, впав в которую он совершал демонические, подчас бесстыдные эротические выходки. В иное время его бы непременно заклеймили как погрязшего в грехах безумца, но в эти катастрофические дни многие евреи были охвачены каббалистическими ожиданиями. И в его безумии они видели доказательство святости.

Непомерные османские налоги довели иерусалимских евреев до нищеты, и они попросили Шабтая собрать деньги при помощи его каирских покровителей. Тот выполнил просьбу. Шабтай продолжал свою проповедь, но далеко не всех убедил, что он Мессия. После долгих дебатов раввины добились его изгнания из Иерусалима. Придя в ярость, Шабтай перебрался в Газу, которую избрал своим священным городом вместо Иерусалима, а затем продолжил мессианское служение в Алеппо.

Если его откровение началось как слабое тление, то теперь его слава вспыхнула и распространялась, словно лесной пожар. Евреи в общинах от Стамбула до Амстердама прославляли пришествие Мессии. В то время в Ливорно жила красивая еврейка Сара родом из Украины. Ее родителей убили казаки, а сама она была спасена некими христианами и доставлена в Ливорно, где стала проституткой. Однако это занятие не мешало ее твердой вере в то, что ей предназначено стать женой Мессии. Когда Шабтай услышал о Саре, он взял ее в жены (подражая пророку Осии, который также был женат на блуднице), и они вместе отправились в странствия по Средиземноморью, в то время как евреи Европы разделились на их яростных приверженцев и на скептиков. Первые отправлялись на встречу с Мессией в Иерусалим, истязали себя бичеванием, постились и нагими валялись в грязи и снегу. В конце 1666 года мессианская чета прибыла в Стамбул, где местные евреи бурно ее приветствовали. Исходя из того, что ему принадлежит имперская власть над всей вселенной, Царь Иудейский раздавал своим последователям звания королей разных частей света, в том числе Рима и Османской империи. Однако амбиции Шабтая, пожелавшего возложить себе на голову султанскую корону, привели к его аресту. Султан сделал «Царю Иудейскому» предложение, от которого тот не смог отказаться: либо продемонстрировать чудо собственного бессмертия и остаться в живых под градом стрел — либо немедленно принять ислам. Мессия выбрал обращение.

Для большинства последователей Шабтая Цви это вероотступничество[196] означало конец мечты, которая умерла еще до того, как сам лжемессия скончался в черногорской ссылке. Впрочем, иерусалимские иудеи были только рады видеть крах низвергнутого шарлатана.

Эпоха Кромвеля и Шабтая была также золотым веком исламского мистицизма в Иерусалиме, где османские султаны покровительствовали всем орденам суфиев, которых турки именовали дервишами. Мы уже знаем, каким видели Святой город христиане и евреи того времени. Теперь посмотрим, как описывал Иерусалим самый необычный османский придворный — ученый дервиш, замечательный рассказчик и бонвиван по имени Эвлия Челеби. Он любовно описывает особенности города с мусульманской точки зрения и с изрядной долей юмора, что, возможно, делает его величайшим из исламских писателей-путешественников.

Эвлия: османский Сэмюэль Пипс и Фальстаф

Эвлия, вероятно, был совершенно уникальной личностью. Богатый путешественник, писатель, певец, ученый и воин, он родился в Стамбуле в семье придворного ювелира, воспитывался при дворе султана и заботами султанских мудрецов получил прекрасное образование. Явившийся к нему во сне пророк Мухаммед рекомендовал Эвлии путешествовать по всему миру. По его собственным словам, он стал «странником по миру и общительным спутником человечества». Он побывал не только в самых разных уголках огромной Османской империи, но и в странах христианского мира и дотошно описал все свои приключения в десятитомных путевых записках. Подобно британскому чиновнику Сэмюэлю Пипсу, который примерно в то же время вел в Лондоне свой знаменитый дневник, Эвлия, где бы он ни оказывался — в Стамбуле, Каире или Иерусалиме, — пополнял свою «Книгу путешествий». И ни один мусульманский автор не написал об Иерусалиме так поэтично, а о жизни в нем так остроумно, как Эвлия.

Эвлия жил в буквальном смысле слова за счет своего остроумия. Неотразимыми шутками, рифмованными куплетами, озорными песенками и борцовскими навыками он завоевал расположение Мехмеда IV, а в путешествия часто отправлялся, примкнув к свите кого-нибудь из османских вельмож, ценивших его за религиозные познания и как занятного собеседника. Его книги представляют собой частично альманахи, включающие собранные сведения, частично — антологии удивительных историй: Эвлия Челеби (титул, означавший всего лишь «благородный человек») воевал против Габсбургов и встречался в Вене с императором Священной Римской империи, на которого произвел огромное впечатление своими познаниями об

иерусалимском Гробе Господнем. Он с самоиронией описал свое бегство в духе Фальстафа с поля боя: «бегство есть также поступок мужественный» — и как, возможно, самую «необычную и комическую» сцену в военной истории[197].

Эвлия никогда не был женат и отказывался от любой службы при императорском дворе, могущей помешать путешествиям, в которые его увлекал свободолюбивый дух. Ему часто дарили невольниц, и о сексе он отзывался так же остроумно, как и обо всем прочем: Эвлия называл совокупление «сладостной бедой» или «милым борцовским поединком» и с юмором описывал собственный приступ импотенции, которую в конце концов излечил при помощи египетской змеиной похлебки. Он отваживался уподоблять секс «величайшему из джихадов». Но больше всего поражает современного читателя то, что этот праведный мусульманин позволял отпускать в адрес ислама такие шутки, которые в наше время совершенно невозможны.

Хотя этот ученый человек мог за восемь часов вслух прочитать весь Коран и исполнять обязанности муэдзина, ходил он чисто выбритым, был лишен предрассудков и являлся врагом фанатизма любого толка — будь то исламского, еврейского или христианского. В качестве странствующего дервиша Эвлия был очарован Иерусалимом — этой «древней киблой», которая ныне стала «Каабой бедняков [то есть дервишей]», столицей суфиев, их настоящей Меккой. Эвлия насчитал 70 суфийских обителей в землях от Индии до Крыма (включая крупнейшую из них — близ Дамасских ворот Иерусалима) и описал, как их насельники ночь напролет исполняли в религиозном экстазе гимны и священный танец зикр.

Эвлия писал, что Иерусалим, где было 240 михрабов и 40 медресе, «был объектом желаний царей всех народов». Наибольшее впечатление на него произвела красота и святость Купола Скалы: «Ваш смиренный слуга странствовал тридцать восемь лет, прошел семнадцать империй и видел несчетное множество зданий, но ни одного столь подобного раю, как это. Войдя в него, ты замираешь потрясенный и теряешь дар речи от изумления». В аль-Аксе, где проповедник каждую пятницу поднимался на кафедру, потрясая мечом халифа Омара, а молитву обслуживали 800 человек, Эвлия наблюдал, как мозаики отражают солнечные лучи так, что «мечеть становилась светом превыше света, а глаза молящихся лучились благоговением».

Эвлия отметил, что площадка Храмовой горы превратилась в «место гуляний, украшенная розами, гиацинтами, миртом и наполненная хмельными трелями соловьев». Он пересказал большинство легенд, связанных с ней: о царе Давиде, начавшем

строить аль-Аксу, и о Соломоне, который, «будучи султаном всех существ, повелел демонам достроить ее». Правда, когда ему показали веревки, которые якобы Соломон сплел 3 тыс. лет тому назад, Эвлия не смог удержаться и не поспорить с улемом: «Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что веревки эти, которыми вязали демонов, не сгнили?»

Конечно же, побывал Эвлия и в храме Гроба Господня — на Пасху. Его реакция немногим отличалась от реакции английских протестантов. Он разгадал секрет Благодатного огня: по мнению Эвлии, спрятавшийся монах проливал по капле «каменное масло» из цинкового сосуда на шнур, подведенный к месту возгорания. Само празднество Эвлия сравнил с разгулом демонов, а церкви, по его мнению, «недоставало святости: она более походила на туристический аттракцион», в чем некий протестант, с которым Эвлия разговорился, обвинял греков, «глупый и легковерный народ».

Эвлия возвращался в Иерусалим несколько раз, прежде чем уйти на покой, осесть в Каире и дописать свои книги. Но за все время странствий он так и не увидел здания, которое могло бы сравниться красотой и величием с Куполом Скалы — «истинной копией беседки в раю». Но мнение его разделяли не все: консервативные мусульмане приходили в ужас при виде всех тех суфийских плясок, чудес и культа святых, которые так восхищали Эвлию. «Некоторые женщины не закрывают лица, выставляя напоказ свою красоту. Они носят украшения, умащают себя благовониями и позволяют себе сидеть подле мужчин! — гневался один из них, осуждая „шумные крики и пляски“, игру на тамбуринах и купцов, торгующих сладостями. — Все равно что на пиру у Сатаны».

Османская империя в тот момент уже переживала упадок. Султаны едва отбивались от требований европейских держав, каждая из которых поддерживала определенную христианскую конфессию. Когда католики — австрийцы и французы — добились *praedominium* для францисканцев, русские — новая сила в Европе и Иерусалиме — лоббировали и давали взятки османам до тех пор, пока его вновь не передали православным. Францисканцы вскоре вновь вернули *praedominium* себе, и в храме Гроба трижды за это время случались настоящие драки[198].

В 1699 году османы после сокрушительного поражения в войне подписали Карловицкий мир, по условиям которого великие державы получали право защищать и поддерживать свои общины в Иерусалиме, а европейские подданные в империи практически обретали право неприкосновенности — поистине катастрофическое соглашение.

Между тем назначаемые из Стамбула губернаторы так угнетали Палестину, что местные крестьяне взбунтовались. В 1702 году очередной наместник Иерусалима подавил бунт и украсил городские стены головами мятежников. Но когда он разрушил селение, принадлежавшее религиозному вождю, муфтию Иерусалима, городской кади осудил его на пятничной молитве в мечети аль-Акса и сам открыл ворота повстанцам.

33. Иерусалимские кланы *1705–1799 гг.*

Хусейниды: восстание Накиба аль-Ашрафа и собачий погром

Вооруженные крестьяне, грабя и бесчинствуя, пронеслись по улицам города. Кади (городской судья), поддержанный гарнизоном, взял приступом тюрьму и объявил себя хозяином Иерусалима. В один из самых странных моментов своей истории город вдруг оказался независимым: получив достойную взятку, кади назначил градоначальником Мухаммеда ибн Мустафу аль-Хусейни.

Хусейни был главой иерусалимского клана, возвысившегося еще столетием ранее. Но он, кроме того, был *накиб аль-ашраф* — то есть человек, занимавшийся всеми делами Алидов, — семейств, которые вели свое происхождение непосредственно от Мухаммеда через его дочь Фатиму и ее мужа Али. Только накиб мог носить зеленый тюрбан, и только к нему обращались «саид».

Войско, посланное османами на подавление восстания, встало лагерем у стен города. Однако Хусейни продемонстрировал, что готов к осаде, и войска отступили к Газе. В самом Иерусалиме в результате восстания одна тираническая мода сменилась другой: евреям теперь запрещалось носить мусульманские головные уборы, башмаки, подбитые гвоздями, а также белые одежды в субботу. Были ограничены в одежде и христиане. Кроме того, евреям и христианам вменялось уступать дорогу на улицах мусульманам. Огромные штрафы за нарушение этих предписаний взимались с неумолимой жестокостью.

Незадолго до этих событий в город прибыла из Гродно мессианская группа в составе 500 польских евреев, которую возглавлял Иегуда Хасид ха-Леви. Но раввин умер через три дня после прибытия в Иерусалим, и растерянные новые иммигранты, говорившие только на польском языке или идише, остались в малознакомом городе совершенно беспомощными. И вскоре совсем обнищали.

После того как на Храмовую гору забрел бездомный пес, кади повелел истребить в Иерусалиме всех собак. В знак особого унижения каждого иудея и каждого христианина обязали приносить убитых собак в место сбора за Сионскими воротами. Банды уличных мальчишек бегали по Иерусалиму, убивали собак и отдавали их трупы нашедшимся поблизости неверным.

Когда к городу подошла более мощная османская армия, гарнизон и суфийские мистики отмежевались от повстанцев и захватили Башню Давида. Хусейни же укрепился в своем особняке, и обе еще недавно союзные, а теперь враждующие группировки обменивались стрелами из луков и арбалетов трое суток. В ходе последовавших затем уличных боев северные улицы Старого города усеяли трупы погибших; Хусейни лишился поддержки большинства прежних сторонников. За пределами Старого города османы обстреливали Храмовую гору. Глубокой ночью 28 ноября 1705 года Хусейни понял, что проиграл, — и бежал, преследуемый османами. Но вымогательство продолжало процветать и при новых правителях. Многие евреи покинули тогда город. Польские ашкеназы к 1720 году находились в полном упадке: многие были полностью разорены, иных изгнали из города или заточили в темницы. Их синагога в Еврейском квартале была сожжена[199]. Уцелели только сефарды — маленькая древняя еврейская община, чувствовавшая себя дома в арабском и османском мире.

Хусейни в конце концов схватили и обезглавили. Впоследствии в результате суровых династических усобиц накибом стал Абд аль-Латиф аль-Гудайи, и его семья впоследствии даже захватила более престижное имя противника, сменив Гудайи на Хусейни. Эти новоявленные Хусейни стали самым могущественным из всех правящих семейств Иерусалима и остаются таковым и в XXI веке.

Хусейниды: возвышение кланов

Любой именитый гость, приезжавший в Иерусалим в XVIII столетии, желал остановиться в доме главы этого клана, державшего двери распахнутыми и для османских чиновников, и для крестьян, и для ученых мужей. Говорили, что каждый вечер за ужином у него собирается по 80 гостей. «Все из близи и далека, — писал один из таких посетителей Абд аль-Латифа аль-Гудайи, главенствовавшего тогда в Иерусалиме. — В его доме находят приют многие чужеземцы, живущие так, как им нравится». Из города гости Абд аль-Латифа уезжали в сопровождении почетного эскорта его всадников.

Возвышение Хусейнидов ознаменовало возвышение великих иерусалимских семейств. Практически каждая почетная должность в Иерусалиме была наследственной. Большинство семейств вели происхождение от суфийских шейхов, пользовавшихся покровительством того или иного завоевателя.

Многие из них меняли имена, выстраивали грандиозные генеалогические древа и то враждовали друг с другом, то скрепляли мировую брачными союзами — точно так же, как сильные мира сего на Западе. Каждое семейство яростно отстаивало свои интересы, стремилось расширить влияние и упрочить политический вес[200]. Однако само по себе богатство было вульгарным без учености, происхождение — бесполезным при отсутствии богатства, а высокое положение в обществе — невозможным без покровительства османов. Иногда семейства добивались превосходства силой: подосланный Хусейни отряд устроил близ деревни Абу-Гош засаду и убил двоих представителей дома Нусейбе. Правда, в итоге эти кланы заключили мир, скрепив его браком уцелевшего брата погибших и сестры иерусалимского муфтия.

И все же кланы не могли обеспечить процветание Иерусалиму, страдавшему от частых стычек между солдатами полутысячного османского гарнизона, печально известными своим дебоширством, от набегов бедуинов, бунтов самих горожан и разбоя продажных губернаторов. Население города сократилось до восьми тысяч человек, совершенно разоренных поборами правителя Дамаска, который ежегодно обрушивался на город с небольшим войском для сбора налогов[201].

Евреи — из-за отсутствия поддержки из Европы — страдали более всех. «Арабы часто публично оскорбляют евреев, — писал Гедалья, ашкеназ из Польши. — Мы не можем поднять руку на турка или араба, потому что у них одна религия. Если кто-нибудь из них ударит еврея, еврей съежится и побредет дальше. Он всегда рискует быть избитым уже за одно то, что открыл рот». Жили иудеи в нищете и убогости; ремонтировать свои дома им запрещалось. Две сотни еврейских семей бежали, потому что «гонения и вымогательства усиливались с каждым днем», по свидетельству иудея, совершившего паломничество в Иерусалим в 1766 году. Он также «был вынужден бежать из города под покровом ночи. Каждый день кого-нибудь бросали в тюрьму».

Христиане разных конфессий ненавидели друг друга даже больше, чем иноверцев. К примеру, священник-францисканец Эльзеар Хорн называл греков «блевотиной». Каждая из общин смаковала любое унижение и притеснение, которому подвергались их соперники в церкви Гроба Господня. Контроль османов и соперничество христиан приводили к тому, что еженощно в ней взаперти оказывались 300 человек: «скорее пленники», чем священники, по мнению Эвлии Челеби. Еду им передавали через отверстие в двери либо поднимали с помощью блоков к окнам. Эти клирики, в большинстве своем католики,

православные греки или армяне, ютились в ужасном, унизительном стеснении, страдали от «головной боли, лихорадки, диареи, дизентерии». Отхожие места были особенно неприглядными и зловонными: все общины имели свои отдельные уборные, но францисканцы, по утверждению отца Хорна, «страдали от смрада более всех». У греков не было уборных вовсе. Между тем меньшие по величине и нищенствовавшие общины — копты, эфиопы, сирийцы — за еду вынуждены были выполнять самую грязную работу, например, чистить выгребные ямы греков. Неудивительно, что до французского писателя Константина Вольнея дошли слухи, будто иерусалимляне «заслужили себе репутацию самого грязного народа в Сирии».

Когда Франция вновь добилась *praedominium* для францисканцев, православные греки нанесли ответный удар. В ночь на Вербное воскресенье 1757 года они подстерегли францисканцев в ротонде Гроба Господня «с палицами, пиками, крюками, кинжалами и мечами», спрятанными за столпами и под облачениями, разбили лампады и порезали ковры. Францисканцы бежали в монастырь Спасителя на Сионе; греки осадили их там. Эта мафиозная тактика сработала: султан возвратил грекам главенствующую роль в храме Гроба Господня, которую они сохраняют за собой и поныне. Но безраздельному османскому владычеству в Палестине постепенно приходил конец. В 1730-х годах бедуинский шейх Захир аль-Омар аль-Зайдани прибрал к рукам обширный северный удел — Галилею, которой он управлял из Акры. Это единственный период в истории (если не считать периодов восстаний), когда более или менее обширной частью Палестины правил урожденный палестинский араб.

Взлет и падение «Царя палестинского»

В 1770 году египетский полководец Али Бей, заслуживший прозвище Гонитель туч (после того как разгромил бедуинов, которых, по мнению османов, поймать было труднее, чем тучи), заключил союз с шейхом Захиром. Вместе они завоевали большую часть Палестины и даже взяли Дамаск. Однако султанский паша продолжал удерживать Иерусалим. Российская императрица Екатерина Великая вела войну с турками и направила в Средиземноморье флотилию, разгромившую флот султана. Али Бей нуждался в помощи России, а Россию интересовал лишь один приз — Иерусалим. Русские корабли подвергли бомбардировке Яффо, затем отплыли на север, чтобы обстрелять Бейрут.

Османы, терпевшие поражение на всех фронтах, запросили у России мира. Мирным договором 1774 года Екатерина и князь Потемкин в числе прочих привилегий принудили османов признать российскую протекцию над православными Османской империи — а вскоре растущая одержимость русских Иерусалимом привела к европейской войне[202]. Довольно быстро турки-османы сумели отвоевать свои утерянные провинции в Палестине. Али Бей пал от руки наемного убийцы, а 86-летний шейх Захир бежал из Акры. По дороге он заметил исчезновение своей любимой наложницы. «Не время забывать людей», — сказал Захир и… поскакал назад. Когда же он подхватил девушку, она стащила престарелого любовника с коня, а наемные убийцы закололи и обезглавили шейха. Голова «первого царя Палестинского» была отослана в Стамбул. Тем временем анархия, воцарившаяся в регионе, привлекла внимание нового героя революционной Франции.

Наполеон Бонапарт: «Коран религии, которую я основал»

19 мая 1798 года 28-летний бледный, худощавый и длинноволосый генерал Наполеон Бонапарт отправился завоевывать Египет — 335 кораблей, 35 тысяч войска и 167 ученых. «Я создам новую религию, — говорил полководец, самонадеянность которого граничила с манией величия. — Я вижу себя едущим на слоне с тюрбаном на голове и новым Кораном в руках, который я напишу сам».

На эту авантюру Наполеона вдохновили наука, трезвый политический расчет и романтика крестовых походов. В Париже тогда зачитывались «Путешествием Вольнея в Сирию и Египет», в котором французский просветитель и философ-эрудит Константин Вольней описал «обращенный в руины Иерусалим» и закат османского Леванта, только и ждущего, когда его завоюет цивилизующий Разум эпохи Просвещения. Французская революция пыталась разрушить Церковь и заменить христианство культом разума, свободы и поклонением Высшему существу. Однако католицизм выстоял, и Наполеон вознамерился залечить раны, нанесенные революцией, сращением монархии, веры и науки — потому-то и было так много ученых на его кораблях. Но не забывал он и об империи — ведь Франция вела войну с Англией.

Замысел экспедиции в Египет стал плодом изощренного ума хромоногого бывшего епископа с крайне дурной репутацией, а ныне — министра иностранных дел Шарля Мориса де Талейрана.

Он надеялся, что завоевание Египта обеспечит Франции контроль над Средиземноморьем и отрежет от Британии Индию — главное сокровище ее империи. Если бы Бонапарт победил, надежды министра сбылись бы. Проиграй Наполеон — Талейран уничтожил бы его как соперника. И, как часто случалось в истории Ближнего Востока, европейцы ожидали, что местные народы будут премного благодарны за это цивилизующее завоевание «из самых благих побуждений».

Наполеон благополучно высадился в Египте, которым все еще управляла смешанная хунта мамлюков и османских офицеров. Он быстро разгромил их войско в Битве у пирамид. Однако английский адмирал Горацио Нельсон тем временем уничтожил французскую флотилию в Абукирском заливе. Пусть Бонапарт и завоевал Египет, но Нельсон запер его армию на Востоке, воодушевив османов на сопротивление французам в Сирии. Чтобы сохранить Египет, Наполеону нужно было совершить бросок на север и укрепить свои сирийские позиции.

В феврале 1799 года Бонапарт вторгся в Палестину с 13 тыс. солдат и 800 верблюдами. 2 марта при продвижении к Яффо его кавалерия под командованием генерала Дама́ предприняла разведку боем; еще три мили — и она оказалась бы в Иерусалиме. Генерал Бонапарт уже грезил завоеванием Святой земли, извещая Директорию в Париже: «К тому времени, как вы прочитаете это письмо, я, возможно, уже буду стоять на руинах Соломонова Храма».

Часть восьмая. Империя

Как бы я хотел побывать в Иерусалиме.

Авраам Линкольн. Признание в разговоре с женой

Театр самых незабываемых и важных событий, когда-либо вписанных в анналы мировой истории.

Джеймс Тернер Барклай. Город великого царя

Более чистого, яркого и безоблачного неба, чем небо над горделивыми высотами Сиона, не увидеть нигде более в мире. Но даже если путешественник сможет забыть, что ступает по могиле народа, взрастившего его религию, нет другого города, который он захотел бы покинуть скорее.

У. Бартлетт. Прогулки по Иерусалиму и его окрестностям

Да, я еврей, и когда предки моего достоуважаемого оппонента были дикарями на никому не известном острове, мои предки были священниками в Храме Соломона.

Бенджамин Дизраэли. Речь в палате общин

Посмотрите, что сделано здесь во имя религии!

Гарриет Мартино.

34. Наполеон в святой земле *1799–1806 гг.*

Синяя борода из акры

Никто не стоял на пути Наполеона к Иерусалиму, если не считать Ахмед-паши по прозвищу Мясник — полевого командира и правителя османской Палестины. Прозвище «Мясник» (Джаззар) он получил еще в молодости и с тех пор всю свою карьеру строил, исходя из того, что лучшая мотивация человека — это страх.

Мясник терроризировал население подвластных ему территорий и калечил всякого, кого подозревал в малейшей нелояльности. Один англичанин, побывавший в Акре, столице Джаззара, обратил внимание, что эмир «был окружен людьми увечными и обезображенными. У многих, от чиновника до привратника, не хватало какой-нибудь конечности, а иногда глаза, носа или уха». Хаим Фархи, еврейский визирь Джаззара, был лишен одного уха и одного глаза, и вообще «число лиц без носов и ушей поражало всякого, кто приезжал в эту часть Сирии». Сам же Мясник называл этих людей «мои меченые». Он любил прибивать к босым ступням своих жертв лошадиные подковы. Он заживо замуровал нескольких местных христиан «в назидание другим». Однажды он собрал пятьдесят чиновников, уличенных в коррупции, велел сорвать с них одежду, а затем отдал солдатам приказ изрубить всех на куски. Заподозрив, что в его гареме зреет заговор, Мясник убил семь жен, добавив ко всем своим сомнительным титулам — «тиран Акры», «Ирод нашего времени», «ужас всех окрестных народов» — еще один: «восточная Синяя Борода».

На европейцев производили большое впечатление длинная седая борода Мясника, его скромный халат в сочетании с усыпанным драгоценными камнями кинжалом у пояса — и неожиданно изящная привычка вырезать из бумаги цветы и затем преподносить их в подарок. Он источал жутковатое обаяние, когда говорил посетителям с легкой усмешкой: «Надеюсь, вы имели случай убедиться, что мое имя произносится с уважением и даже с любовью, несмотря на всю мою взыскательность». Ночью он запирался на замок в своем гареме, главным украшением которого были 18 белокурых славянок.

Теперь этот жестокий старик столкнулся с Наполеоном, находившимся в полном расцвете своих сил. Французы осадили

Яффо — портовый город всего в 20 милях от Иерусалима. Иерусалим был в панике. Кланы вооружали всех боеспособных жителей города, чернь грабила христианские монастыри, монахов пришлось заточить в тюрьму ради их собственной безопасности. А за стенами Иерусалима генерал Франсуа-Этьен де Дама просил Наполеона отдать приказ на штурм города.

Наполеон: «Ставка главнокомандующего, Иерусалим»

Наполеон ответил генералу Дама́, что должен сначала захватить Акру и только после этого «явиться собственной персоной и посадить дерево свободы на том самом месте, где претерпел крестные муки Христос; а первый французский солдат, который погибнет в атаке, должен быть похоронен в храме Гроба Господня».

Но и Наполеон, и его солдаты явно считали, что в их экспедиции против мусульман правила цивилизованного поведения вполне могут быть нарушены. При штурме Яффо французские «солдаты рубили на части и мужчин, и женщин, зрелище было ужасное», — писал один из французских ученых, потрясенный «звуками выстрелов, пронзительными воплями женщин и отцов, грудами тел, изнасилованием дочери на трупе ее матери, запахом крови, стонами раненых, криками победителей, ссорившихся из-за добычи». Наконец французы устали, «пресыщенные кровью и золотом».

Прежде чем двинуться на Акру, Бонапарт хладнокровно приказал умертвить не менее чем 2440, а скорее всего и более 4 тыс. пленных воинов Мясника: в день французы убивали по 600 человек. 18 марта 1799 года Наполеон осадил Акру, все еще находившуюся под командованием Мясника, которого корсиканец надменно называл «стариком, коего я не имею чести знать». Но «Синяя Борода» со своими четырьмя тысячами афганцев, албанцев и мавров оказал яростное сопротивление.

16 апреля Наполеон разгромил кавалерию Мясника и османские войска в сражении у горы Табор. А затем уже в Рамле, в 25 милях от Иерусалима, он выпустил просионистскую «Прокламацию к еврейской нации» с ложным обозначением даты и места послания: «Штаб-квартира, Иерусалим, 20 апреля 1799 года»:

> От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской республики в Африке и Азии — законным наследникам Палестины, уникальному еврейскому

народу, который был отлучен от земли ваших отцов на тысячи лет, а она была захвачена и ввергнута в тиранию. Восстаньте же ныне в радости, вы, те, кто в изгнании, и вернитесь на свою родину Израиля. Моя армия сделала Иерусалим своей штаб-квартирой, но через несколько дней я двинусь отсюда в Дамаск, так что вы сможете остаться здесь, в Иерусалиме, как полноправные властители.

Парижская газета *Le Moniteur* отозвалась на эту прокламацию сообщением, что Наполеон «уже вооружил большое число евреев, чтобы восстановить древний Иерусалим». Но Наполеон не мог захватить Сион, не взяв Акры, а Мясник тем временем получил подкрепление в виде двух парусных линейных кораблей под началом английского командора-авантюриста.

Сэр Сидней Смит: «Самый блистательный шевалье»

Сидней Смит — сын сбежавшей из отчего дома наследницы и авантюриста — «наружность имел привлекательную, грозные усы и проницательные черные глаза». В 13 лет он поступил на службу во флот, сражался с американскими повстанцами, а позднее, уже на шведской службе, принимал участие в Русско-шведской войне. Шведский король посвятил его в рыцари, и соперники-англичане только «шведским рыцарем» его и называли. После Французской революции Смит участвовал в рейдах во Францию, был захвачен в плен и заточен в мрачный парижский Тампль. Лихой и отважный, он бежал, высмеяв презираемого им Наполеона в нескольких открытых письмах. Смит нравился не всем: он был, как писал один репортер, «энтузиаст: неугомонный, деятельный и энергичный, но не преследовавший никакой иной цели, кроме как убедить человечество в том, что он, Сидней Смит, — самый блистательный шевалье». Но если в обычной жизни он вел себя нелепо и нерационально, то в кризисной ситуации — геройски.

Смит и Мясник нашли взаимопонимание. Когда англичанин восхитился сверкавшим дамасским мечом, который Мясник носил всегда при себе, Джаззар похвастался: «Он никогда не промахивается и снес уже десятки голов». Смит захотел удостовериться в этом лично, и Мясник повелел привести вола, которому затем одним махом снес голову. Смит пополнил своими 88 матросами многонациональный гарнизон Джаззара. Бонапарт трижды штурмовал Акру, но Смит с Мясником отбили все три

атаки. На подходе были османские подкрепления, и пошел уже третий месяц осады: французские генералы начали не на шутку тревожиться.

21 мая 1799 года, потеряв 1,2 тыс. человек убитыми и имея 2,3 тыс. больных и раненых, Наполеон приказал отступать в Египет. В Яффо также лежали 800 раненых и больных французских солдат. Чтобы они не тормозили отступление, Наполеон приказал своим лекарям умертвить раненых. Когда те отказались, исполнить поручение взялся турецкий врачеватель: он дал больным смертельную дозу настойки опия. Неудивительно, что французский генерал Жан-Батист Клебер признал впоследствии: «Мы совершали в Святой земле страшные грехи и огромные глупости». В погоню за отступавшими французами устремились две тысячи конных иерусалимлян под командованием градоначальника. Но когда вооруженные крестьяне Наблуса ворвались в Яффо, Смит предотвратил избиение христиан, потребовав от иерусалимлян восстановить порядок.

В Египте Наполеон, осознав провал кампании, спасти которую можно было лишь позорным сокрытием правды, бросил своих людей и отплыл домой[203]. Генерал Клебер, оставленный за главного в Египте, клял Наполеона на чем свет стоит: «Этот мошенник показал нам свой зад, замаранный дерьмом». Но во Франции Наполеона встретили как победителя. И вскоре он отобрал власть у Директории, став первым консулом, а романтическая песня о его походе *Partant pour la Syrie* («Собираясь в Сирию») сделалась бонапартистским гимном.

Над иерусалимскими христианами, и в первую очередь над католиками, тем временем нависла угроза мусульманских репрессий. Склонный к грандиозным театральным постановкам, Смит решил, что спасти его братьев во Христе может только демонстрация английского самообладания. С разрешения Мясника и султана он провел своих моряков маршем под бой барабанов из Яффо в Иерусалим. Прошествовав по улицам города, он поднял британский флаг над монастырем Св. Спасителя, францисканский настоятель которого провозгласил, что «каждый христианин в Иерусалиме находится в величайшем долгу перед английским народом и особенно Смитом, благодаря которому они избегли немилосердной руки Бонапарта». На самом деле христиане больше всего опасались мусульман. Смит и его люди помолились в храме Гроба Господня — это был первый с 1244 года «франкский» отряд, вступивший в Иерусалим.

Султан Селим III осыпал Мясника почестями. Джаззар был

назначен пашой своей родной Боснии, а также Египта и Дамаска. После непродолжительной войны с пашой Газы он вновь подчинил себе Иерусалим и Палестину. Но годы не смягчили его жестокий нрав, и своему министру, уже лишенному уха и глаза, он отсек еще и нос. А после смерти Мясника в 1804 году Палестина окончательно погрузилась в хаос.

И все же благодаря Наполеону и Смиту Левант (Восточное Средиземноморье) стал модным. Из всех искателей приключений, хлынувших исследовать Восток и описывать свои подвиги в книгах на развлечение европейцам, самым знаменитым был некий французский виконт, в 1806 году нашедший Иерусалим в самом плачевном состоянии со времен монголов: истерзанный пожарами, мятежами и непрерывным грабежом.

35. Новые романтики: Шатобриан и Дизраэли
1806–1830 гг.

Виконт ордена Святого Гроба Господня

«Я ощутил в себе трепет и волнение при виде колыбели израильтян», несмотря на то, что этот «новый Иерусалим, сияющий светом» являл собой «груду развалин» с «беспорядочными памятниками», — рассказывал Франсуа-Рене, виконт де Шатобриан. Запустение города поразило его: «Не кладбище ли это среди пустыни?» И все же этот католик-роялист с пышной шевелюрой имел романтический взгляд на ветшающий готический Иерусалим, ожидающий, когда его спасет «гений христианства». Чем более унылым и печальным выглядел Иерусалим, тем более святым и поэтичным он казался Шатобриану. А ведь положение города действительно было отчаянным.

Мятежные паши и орды палестинских крестьян периодически восставали и захватывали забытый всеми Иерусалим, а затем его вновь брали приступом правители Дамаска, ежегодно выходившие из своей столицы с войском, чтобы обойтись со Святым городом, как с захваченной вражеской территорией. Как раз когда виконт прибыл в Иерусалим, тогдашний правитель Дамаска стоял лагерем у Яффских ворот и три тысячи его солдат наводили ужас на несчастных иерусалимлян. Монастырь Спасителя, где поселился Шатобриан, был тоже захвачен этими головорезами, вымогающими у монахов все до последней нитки. Виконт бродил по улицам города, вооруженный несколькими пистолетами, но в монастыре один турок застиг его врасплох и попытался убить в самой обители. Шатобриан спасся, чуть не задушив турка. На улицах Иерусалима «не было никого, ни единого человека! Повсюду бедность и заброшенность, ведь большинство жителей бежали из города. Лавки закрыты, люди попрятались в погребах или ушли в горы». Когда паша отбыл восвояси, гарнизон в Башне Давида насчитывал всего дюжину человек, а Иерусалим стал еще более жутким и зловещим: «В городе нет никакого уличного шума, ничего не слышно; только иногда доносится топот дикой кобылицы: это янычар везет голову бедуина или возвращается после ограбления несчастных крестьян».

Зато теперь француз смог полностью погрузиться в сакральные тайны святынь. Этот известный гурман, давший свое имя рецепту стейка, с наслаждением разделял со знаменитыми своей тучностью насельниками францисканского монастыря их трапезы, походившие на настоящие пиршества — «с чечевичным супом, телятиной с огурцами и луком, жареными почками с рисом, голубями, куропатками, дичью и отменным вином».

А потом, вооруженный пистолетами, он ходил по городу, повторяя шаг за шагом путь Иисуса, разглядывая османские постройки («недостойные упоминания») и евреев, «одетых в лохмотья, покрытых пылью Сиона и кишащих паразитами, пожиравшими их». Шатобриан пришел в крайнее изумление, увидев, что «сии законные обладатели Иудеи живут рабами и странниками в собственной земле своей».

В храме Гроба Господня он помолился с полчаса, стоя на коленях и не отрывая глаз от камня гробницы Иисуса, но поражаясь при этом обилию ладана, звону эфиопских медных тарелок и пению греков. А затем он преклонил колени перед древними гробницами Готфрида и Балдуина, этих французских паладинов, которые одерживали победы над исламом — «религией, враждебной цивилизации и потакающей невежеству, деспотизму и рабству».

Францисканцы посвятили Шатобриана в рыцари ордена Св. Гроба Господня. Ритуал посвящения был обставлен очень торжественно. Монахи окружили коленопреклоненного виконта, приложили шпоры Готфрида к его пяткам, а чело осенили мечом крестоносца. Шатобриан испытал при этом почти экстатический восторг:

«Если учесть, что я находился в Иерусалиме, в храме Гроба Господня, всего в десятке шагов от гробницы Иисуса Христа и в тридцати шагах от места упокоения Готфрида Бульонского, то, когда меня коснулись шпоры Освободителя Святого Гроба и я дотронулся до этого меча, столь длинного и широкого, который некогда сжимала столь доблестная рука — конечно, все это не могло меня не тронуть».

12 октября 1808 года армянский ризничий заснул подле печи в Армянской галерее на втором этаже церкви Гроба Господня. Печь вспыхнула; огонь, погубив ризничего, охватил здание. Гроб Христов пострадал от пожара. В общем хаосе христиане предложили муфтию Хасану аль-Хусейни разбить лагерь во дворе храма, чтобы предотвратить его разграбление. Греки обвинили армян в поджоге. Англия и Австрия были тогда заняты попытками обуздать казавшегося непобедимым императора Наполеона. И потому греки при поддержке России смогли установить почти

полный контроль над церковью Гроба Господня. Они воздвигли над Гробом часовню в стиле рококо, которая стоит и поныне. Свою победу они отметили, сокрушив прекрасно украшенные гробницы крестоносцев: Шатобриан, к тому времени уже вернувшийся во Францию, оказался последним из иностранцев, кто видел их[204]. Но на строителей, восстанавливавших церковь, напала толпа мусульман. В гарнизоне вспыхнул мятеж, и преемник Джаззара и его зять Сулейман-паша, прозванный Справедливым (хотя после Мясника любой показался бы таковым), захватил город: 46 повстанцев были казнены, и их головами «украсили» ворота.

По мере запустения реального Иерусалима воображаемый, идеальный Иерусалим все сильнее воспламенял мечты европейцев, вдохновленных и египетской кампанией Наполеона, и наглядным упадком османов и… книгой, которую написал Шатобриан по возвращении. Его «Путешествие из Парижа в Иерусалим» заметно повлияло на отношение европейцев к Востоку, к этим жестоким и глупым туркам, стенающим евреям и примитивным, свирепым арабам, то и дело принимающим живописные библейские позы. Сочинение Шатобриана стало настолько популярным, что положило начало новому литературному жанру[205], и даже камердинер виконта Жюльен счел нужным написать собственные мемуары о путешествии. А в Лондоне похвальба сэра Сиднея Смита своими левантийскими подвигами поразила воображение его высокородной любовницы, послужив толчком для одного из самых абсурдных королевских путешествий.

Каролина Брауншвейгская и Эстер Стэнхоуп: королева Англии и королева пустыни

Принцесса Каролина, жившая врозь со своим супругом — английским принцем-регентом (впоследствии королем Георгом IV), — была сильно увлечена лихим Смитом и регулярно просила свою кузину леди Эстер Стэнхоуп, племянницу премьер-министра Уильяма Питта Младшего, покрывать их тайные встречи.

Леди Эстер питала отвращение к вульгарной и распутной притворщице Каролине, завлекавшей Смита всеми возможными средствами: «танцуя перед ним и показывая свои прелести, как оперная актриска» и даже спуская подвязки ниже колен. «Бесстыжая женщина, натуральная шлюха! Так низко! Так вульгарно!» — отзывалась о принцессе леди Эстер. Но брак

принцессы Каролины с принцем-регентом был неудачным, и так называемое «Деликатное расследование» ее личной жизни тех лет, проведенное позднее, изобличило Каролину в связи по меньшей мере с пятью любовниками. В их числе были Смит, лорд Худ, художник Томас Лоуренс и даже слуги. Но рассказы Смита об Акре и Иерусалиме произвели впечатление на обеих кузин: женщины независимо друг от друга решили предпринять путешествие на Восток.

У леди Эстер был особенный интерес к Иерусалиму. Радикальный кальвинист Ричард Бразерс, в прошлом мореплаватель, провозгласил себя потомком царя Давида, которому предначертано править миром до Второго пришествия Христа. В своей книге «План Нового Иерусалима» он заявлял: «Бог предопределил мне быть королем и реставратором иудеев». Бразерс утверждал также, что британцы являются потомками потерянных колен Израиля, и он приведет их обратно в Иерусалим. Он спроектировал сады и дворцы на Храмовой горе, придумал униформу и флаги для новых израильтян, а кроме того проповедовал скорую смерть короля и свержение монархии, за что был осужден за измену и оказался в тюремной больнице для опасных умалишенных преступников. Лишь благодаря заступничеству его последователей в парламенте его удалось перевести в частную клинику, где он провел много лет. Это первое проявление так называемого англо-израэлизма казалось обществу и парламенту все же слишком эксцентричным. Но в течение 30 следующих лет идея возвращения евреев на Землю обетованную ради приближения Второго пришествия превратилась едва ли не в основу политики британского правительства.

Бразерс мечтал о даме сердца — помощнице в его предприятии. И на роль своей «королевы евреев» он выбрал именно леди Эстер Стэнхоуп. Когда она навестила Бразерса в тюрьме, он предсказал ей, что «однажды она отправится в Иерусалим и поведет за собой Избранный Народ!» Стэнхоуп и вправду побывала в Иерусалиме в 1812 году, переодетая в турчанку. Но пророчество Бразерса не сбылось. Она осталась на Востоке, ее известность и репутация помогали ей отстаивать там европейские интересы. Но что было для Эстер важнее всего — она прибыла в Иерусалим на три года раньше презренной Каролины!

9 августа 1814 года 46-летняя принцесса пустилась в свое скандальное средиземноморское путешествие. Воодушевленная рассказами Смита, поездкой Стэнхоуп и паломничествами потомков крестоносцев, Каролина объявила Иерусалим «предметом своих помыслов и желаний».

В Акре принцессу приветствовал от имени Сулеймана Справедливого его «премьер-министр, еврей без глаза, уха и носа»: паша унаследовал не только владения Мясника, но и его советника Хаима Фархи. Через десять лет после смерти Мясника придворные Каролины продолжали удивляться множеству «безносых людей на улицах». Но принцессе пришлась по нраву «варварская роскошь восточных обычаев». В Акру она прибыла со свитой из 26 человек. В числе провожатых были усыновленный ею подкидыш Вилли Остин (впрочем, возможно, он был ее сыном) и очередной возлюбленный — простой итальянский солдат Бартоломео Пергами, 16 годами ее моложе. На тот момент уже барон и камергер, он имел 1,80 м роста и роскошную копну черных волос, бледный цвет лица и «усы, которые тянулись до самого Лондона!», согласно описанию некоей дамы из свиты. Когда же принцесса отправилась в Иерусалим, свита, насчитывавшая теперь уже 200 человек, «напоминала армию».

Каролина въехала в Святой город скромно, на ослике, подобно Иисусу. Но принцесса была весьма полной, так что слугам пришлось поддерживать ее с обеих сторон. Францисканцы сопроводили Каролину в отведенные ей покои в монастыре Спасителя. «Запечатлеть эту сцену кистью было бы невозможно, — вспоминал один из придворных. — Мужчины, женщины и дети, евреи и арабы, армяне, греки, католики и иноверцы — все встречали нас. *„Ben venute!“* — кричали они!» Озаренные светом факелов, «руки многих из них тянулись к царственной паломнице» с криками: «Это она!» Впечатление было неизгладимо: Каролина носила «парик (завитой по бокам до самого верха шляпки), накладные брови и вставные зубы», да вдобавок красное платье с большими разрезами спереди и сзади, слишком короткое и едва скрывавшее «огромную выпуклость живота». Придворный нехотя признавал, что этот живот выглядел хотя и «торжественно, но забавно».

Гордясь тем, что она первая христианская принцесса, прибывшая в Иерусалим за последние шесть веков, Каролина искренне желала произвести «впечатление, сообразное ее высокому статусу». И даже учредила орден Св. Каролины и свое знамя — красный крест на лилово-серебряном фоне. Первым (и последним) «великим магистром» ордена стал ее любовник Пергами. По возвращении в Англию Каролина заказала картину, призванную увековечить ее паломничество, — «Въезд королевы Каролины в Иерусалим».

Будущая королева Англии одарила францисканцев щедрыми пожертвованиями и 17 июля 1815 года (через три недели после разгрома Наполеона при Ватерлоо) «покинула Иерусалим под

всеобщие изъявления благодарностей и сожаление людей всех сословий и рангов»; едва ли стоит этому удивляться, учитывая бедственное положение, в котором находились город и его жители.

Когда в 1819 году Дамаск утроил налоги, город снова взбунтовался. На этот раз Иерусалим атаковал Абдалла-паша[206], очередной палестинский тиран, внук Мясника. Когда город был захвачен, градоначальник собственноручно удушил 28 повстанцев; остальных обезглавили на следующий день и тела выставили напоказ перед Яффскими воротами. В 1824 году грабежи османского паши Мустафы Злодея подвигли взбунтоваться крестьян. На несколько месяцев Иерусалим обрел независимость, конец которой положил Абдалла, обстрелявший город с Масличной горы. К концу 1820-х годов Иерусалим был «павшим, опустошенным и смиренным». Именно таким он показался отважной английской путешественнице Джудит Монтефиоре, посетившей его вместе с богатым мужем Мозесом. «Ни одной реликвии, — писала она в дневнике, — не осталось от города, бывшего радостью всей земли».

Чета Монтефиоре первой из нового племени богатых, влиятельных и горделивых евреев Европы решилась помочь своим прозябавшим в Иерусалиме сородичам. Супругов ждал пышный прием правителя города, но остановились они в доме некоего марокканца — бывшего работорговца. Свою благотворительную деятельность они начали с восстановления гробницы Рахили близ Вифлеема — третьей по степени важности (после Храма и пещеры праотцев в Хевроне) святыни иудаизма и столь же священного объекта для мусульман. Чета Монтефиоре была бездетной, а молва приписывала гробнице Рахили чудодейственную силу помогать женщинам в зачатии. Иерусалимские евреи встречали Джудит и Мозеса «почти как мессий». Но при этом просили супругов не расточать свои деньги, объясняя, что турки все равно отнимут все у евреев, повысив налоги, как только благотворители уедут.

Мозес Монтефиоре, сын евреев-эмигрантов из Италии, стал в Англии преуспевающим биржевым маклером и крупным финансистом и через брак породнился с Натаном Ротшильдом. Но он не был религиозным человеком. Поездка в Иерусалим изменила всю его жизнь. Молясь всю ночь накануне отъезда, он уехал из Святого города возрожденным иудеем. Для него Иерусалим стал «городом наших праотцев, великим и вожделенным на протяжении многих лет объектом наших помыслов и целью наших странствий». Мозес считал, что совершить паломничество в Иерусалим — долг каждого еврея: «Я

смиренно молю Бога моих праотцев сделать меня более справедливым, более благочестивым и более достойным иудеем»[207]. Впоследствии он много раз возвращался в Святой город, умудряясь сочетать жизнь английского джентльмена с жизнью ортодоксального еврея.

Не успели Монтефиоре покинуть Иерусалим, как в город въехал типаж совершенно другого типа — байронический позер. Как и Мозес, он был сефард, рожденный в Италии, но живший в Англии. Тогда они еще ничего не слышали друг о друге. Но обоим предстояло способствовать усилению британского влияния на Ближнем Востоке.

Дизраэли: святость и романтика

«Вы бы только видели меня в костюме греческого пирата! Кроваво-красная рубаха с серебряными запонками размером с шиллинг, огромный платок, кушак, увешанный пистолетами и кинжалами, красная шапка, красные башмаки, синий широкий полосатый жилет и такие же штаны. Ну чистый дьявол!» Так Бенджамин Дизраэли, 26-летний модный романист (автор «Молодого герцога»), неудавшийся биржевой делец, рвущийся в политику, расцвечивал свой Восточный тур. Подобные поездки — новый вариант Гранд-тура XVIII века — предполагали романтическую иронию, осмотр классических древностей, курение кальяна, необузданное распутство, а также посещение Стамбула и Иерусалима.

Дизраэли воспитывался в еврейской семье, но в 13 лет был крещен. Он считал себя, как сам позднее признавался королеве Виктории, «пустой страницей между Ветхим и Новым Заветами». И выглядел сообразно своей роли. Худощавый и бледный, с черными курчавыми волосами, Дизраэли ехал по Иудейским горам «хорошо снаряженный и хорошо вооруженный». Вот он увидел стены Иерусалима:

«Я был ошеломлен, словно громом пораженный. Я увидел действительно прекрасный город. Впереди стояла мечеть, построенная на месте Храма — с красивым садом и сказочными воротами, — и множество куполов и башен, возносящихся к небу. Но я никогда прежде не видел столь дикого, ужасного и пустынного пейзажа, как тот, что окружал эту красоту. И никогда меня ничто не поражало так сильно».

Дизраэли остановился в Армянском монастыре. Обедая на его крыше, он восторгался романтикой иудейской истории, глядя на «утраченную столицу Иеговы». Впрочем, не менее заинтригован

он был и историей ислама и не смог устоять перед желанием попасть на Храмовую гору. Побывать там в свое время удалось одному шотландскому врачу, а позднее некой англичанке; оба для этого переодевались и тщательно маскировались. Дизраэли был менее сведущ в тонкостях местной жизни и менее осторожен: «Меня заметила и окружила толпа фанатиков в тюрбанах, и мне удалось вырваться с большим трудом!» Дизраэли воспринимал евреев и арабов как один народ: арабы виделись ему просто «евреями на конях». И он спрашивал христиан: «Где же ваше христианство, если вы не верите в их иудаизм?»

Находясь в Иерусалиме, Дизраэли начал писать исторический роман «Удивительная история об Алрое» — реальном историческом «мессии» XII века, — называя его движение «ярким событием в анналах святого и романтического народа, от коего происходит мой род и мое имя».

Поездка в Иерусалим углубила уникальное гибридное мировоззрение этого аристократа-тори и одновременно экзотического и влиятельного джентльмена-еврея[208], а также убедила его в том, что Британии надлежит сыграть свою роль на Ближнем Востоке, поддержав мечты евреев о возвращении на Сион. В его романе советник Давида Алроя декларирует: «Ты спрашиваешь, чего я хочу. Мой ответ — я хочу, чтобы мой народ существовал. Ты спрашиваешь, чего я хочу. Мой ответ — Иерусалим». В 1851 году политик Дизраэли заявлял, что «возвращение евреев в их землю, которую можно выкупить у османов, — дело столь же справедливое, сколь и реальное».

Дизраэли утверждал, что движение «мессии» Алроя было «плодом его тщеславия». Сам писатель-политик был слишком амбициозен, чтобы рисковать карьерой ради какого-то еврейского вопроса: пока что он хотел стать премьер-министром величайшей империи на земле. Спустя 30 лет, когда он наконец долез «до самой вершины намазанного жиром столба», Дизраэли открыл Британии дорогу в Палестину приобретением Кипра и покупкой Суэцкого канала.

А пока Дизраэли возвращался на родину из своего Восточного тура и сосредоточивался на политической карьере, Иерусалим захватил очередной тиран — албанец, правитель Египта.

36. Албанцы
1830–1840 гг.

Ибрагим Рыжий

В декабре 1831 года египетская армия парадным маршем прошла по Святому городу. «Счастливые и довольные» иерусалимляне праздновали ее приход «иллюминациями, танцами и музыкой на каждой улице. Пять дней веселились все — мусульмане, греки, францисканцы, армяне и даже евреи». Правда, понемногу все они начинали также испытывать тревогу и беспокойство, глядя на египетских солдат в «обтягивающих штанах со страшным огнестрельным оружием и музыкальными инструментами в руках, шедших боевым строем на европейский манер».

Новым властителем Иерусалима стал албанский солдат Мухаммед Али-паша, основавший династию, которая будет править Египтом еще столетие спустя, когда уже возникнет государство Израиль. Ныне забытый, Мухаммед Али 15 лет играл партию первой скрипки в ближневосточной дипломатии и завоевал почти всю территорию Османской империи. Сын торговца табаком, он родился в северной Греции — в том же году, что и Наполеон. Современники и в самом деле считали его восточным Бонапартом: «По характеру эти вожди, одинаково выдающиеся по своему военному гению, были столь же похожи в ненасытном тщеславии и неуемной энергии». Седобородый албанец, которому стукнуло уже 60, одевался очень скромно: белый тюрбан, желтые туфли и сине-зеленый кафтан — и почти не выпускал изо рта двухметровый чубук, сделанный из золота и серебра и усеянный бриллиантами. Его «татарское лицо с высокими скулами» и «странный дикий огонь в темно-серых глазах, ярко сверкавших умом и ученостью» производили на всех собеседников сильное впечатление. А его власть зиждилась на кривом ятагане, с которым он никогда не расставался. Мухаммед Али прибыл в Египет, чтобы командовать своими албанскими войсками в борьбе османов против Наполеона. После изгнания французов он решил воспользоваться вакуумом власти в Египте и вызвал к себе своего способного сына (по некоторым версиям, племянника или приемного сына) Ибрагима. Тот пригласил смешанную мамлюкско-османскую элиту Египта на пышный военный смотр, на котором безжалостно всех перебил. После

этого албанцы двинулись на Каир, грабя, убивая и насилуя на своем пути, но тут султан, чтобы прекратить эти бесчинства, назначил Мухаммеда Али египетским вали (наместником). Новый правитель спал по четыре часа и, по собственному признанию, лишь в 45 лет научился читать. Зато каждый вечер его любимая наложница читала ему Монтескье или Макиавелли, а сам жестокий реформатор начал создавать европейскую армию численностью в 90 тыс. человек и флот.

Поначалу османский султан Махмуд II охотно эксплуатировал новую силу. Оказавшись в затруднительном положении, когда Мекку захватили ваххабиты — «пуритане ислама» во главе с семейством Саудитов[209], он обратился за помощью именно к Мухаммеду Али-паше. Албанец должным образом справился с задачей: отвоевав Мекку, он отослал в Стамбул голову Абдаллы аль-Сауда. Али-паша отправил свои войска на помощь султану и в 1824 году, когда против османов восстали греки. Албанцы сурово подавили греческое восстание, но это так встревожило европейские державы, что в 1827-м британцы, французы и русские совместными усилиями разгромили флот Али-паши в сражении при Наварине и поддержали провозглашение греческой независимости. Но это ненадолго остановило албанца: подстрекаемый уже известным нам путешественником, а теперь министром иностранных дел Франции виконтом де Шатобрианом, он жаждал создать собственную империю.

В конце 1831 года Мухаммед Али завоевал земли современного Израиля, Сирии и большую часть Турции, разгромив все войска, которые бросал против него султан. Скоро его армия оказалась в опасной близости от Стамбула. В конечном итоге султан признал Али-пашу правителем Египта, Аравии и Крита, а Ибрагима-пашу — губернатором Великой Сирии. Вся эта огромная территория отныне принадлежала албанцам. «Я завоевал эту страну мечом, — заявлял Мухаммед Али, — и мечом удержу ее в повиновении». Но истинным его мечом был его полководец — Ибрагим-паша, еще в детстве получивший командование над своей первой армией и тогда же выигравший первые сражения. Именно Ибрагим разгромил Саудитов, опустошил Грецию, завоевал Иерусалим и Дамаск и победоносным маршем дошел почти до ворот Стамбула.

Весной 1834 года Ибрагим устроил свою ставку в комплексе гробницы Давида на Сионе. Шокируя мусульман тем, что восседал на европейском троне-кресле (который он предпочитал традиционному османскому дивану с подушками), и открыто попивая вино, он занялся реформированием иерусалимской

жизни. Он ослабил давление на христиан и иудеев, обещав им равенство перед законом, и упразднил все пошлины и взносы, которые должны были платить посетители Гроба Господня. Отныне всем позволялось носить мусульманские одежды, ездить по улицам города верхом и — впервые за все века — не платить джизью[210]. Однако тюркоговорящие албанцы, у которых теперь была власть, пуще всего презирали арабов: отец Ибрагима называл их «дикими зверями». 25 апреля Ибрагим встретился с лидерами Иерусалима и Наблуса на Храмовой горе и повелел им призвать на воинскую службу 200 иерусалимлян. «Я хочу, чтобы этот приказ был исполнен незамедлительно», — заявил Ибрагим. Но Иерусалим отказался повиноваться. «Лучше умереть, чем отдать детей наших в вечное рабство», — ответили его жители.

3 мая Албанец присутствовал на православной Пасхе: 17 тыс. христианских паломников наводнили город, и так уже готовый взбунтоваться. В ночь Великой субботы толпы верующих заполонили церковь Гроба Господня в ожидании схождения Благодатного огня. Присутствовал там и английский путешественник Роберт Керзон, оставивший яркое описание событий: «Поведение паломников было откровенно вызывающим. В какой-то момент они стали бегать вокруг Гроба Господня, а некоторые, почти целиком оголившись, устроили пляски с безумными жестами и пронзительными криками, словно одержимые».

На следующее утро Ибрагим вошел в храм, чтобы самому увидеть Огонь. Но толпа была столь тесная, что его стражникам пришлось прокладывать путь «прикладами своих мушкетов и плетями». Между тем три монаха заиграли на «сумасшедших скрипках», а женщины начали завывать «особенно визгливо и надрывно».

Ибрагим: святой огонь, святая смерть

Ибрагим сидел и ждал. Воцарилась полная темнота. Греческий патриарх в «величественной процессии» вступил в часовню Гроба. Толпа ожидала божественной искры. Керзон заметил всполох, а затем засияло само чудесное пламя, которое тут же передали паломнику, «заплатившему больше всех за подобную честь». За Огонь разгорелась «ожесточенная битва». Паломники падали на пол в экстатических обмороках. Церковь наполнил ослепляющий дым. Трое паломников разбились насмерть, упав с верхних галерей. Ибрагим попытался выйти из церкви, но не смог сделать ни шагу. Его стражники старались

проложить дорогу правителю. Толпа пришла в хаотичное движение. Пробираясь к «месту, где стояла Богородица во время распятия», Керзон почувствовал, что пол под его ногами странно мягкий. «Оказалось, я топтал груду человеческих тел. Все были мертвы. Многие из них почернели от удушья, другие все в крови, покрыты мозгами и собственными внутренностями, раздавленными толпой. Солдаты штыками закололи нескольких несчастных, лежавших в обмороке. Стены были забрызганы кровью и мозгом людей, зарубленных, как скот».

Бешеная давка превратилась в «отчаянную и жестокую» борьбу за выживание — Керзон видел, как вокруг него умирают люди. Сам Ибрагим чудом спасся, не один раз упав без чувств, пока его телохранители вытаскивали мечи и прорубали ему путь в стене человеческой плоти.

Камень помазания покрывали груды тел. Ибрагим стоял во внутреннем дворе, «приказывая своим людям выносить трупы и вытаскивать тех, в ком еще можно было определить признаки жизни». В той трагической давке погибло четыре тысячи паломников. Когда Керзон выбрался наружу, многие тела в тесноте храма «продолжали стоять, хотя были уже вполне мертвы».

Ибрагим: крестьяне бунтуют

Пока весть об этой трагедии распространялась по потрясенному христианскому миру, кланы Иерусалима, Наблуса и Хеврона подняли мятеж. 8 мая 10 тыс. вооруженных феллахов (крестьян) напали на Иерусалим, но были отбиты войсками Ибрагима. События 19 мая напомнили историю взятия Иерусалима Давидом: крестьяне селения Силоам, лежавшего напротив Города Давида, на другой стороне долины, показали повстанцам тайный туннель, по которому те пробрались в город и взломали Мусорные ворота в южной стене. Феллахи начали мародерствовать на городских базарах. Воины Ибрагима атаковали их, но… только за тем, чтобы самим присоединиться к грабежам. Бимбаши, командующий гарнизоном, арестовал глав иерусалимских семейств Хусейни и Халиди. Но на улицах города уже буйствовали 20 тыс. крестьян. Они осадили Башню Давида. Двое молодых американских миссионеров — Уильям Томсон и его беременная жена Элиза — спрятались в своем жилище. Затем Уильям отправился за помощью в Яффо, а Элиза заперлась у себя в комнате, посреди «рева орудий, рушащихся стен, пронзительных криков соседей, ужаса слуг и ожидания резни». У

нее родился мальчик, но когда Уильям вернулся в Иерусалим, он застал свою жену умирающей. Вскоре он покинул «эту разрушающуюся страну».

Ибрагим, отступив сначала в Яффо, теперь пробивался к Иерусалиму по горным тропам. В пути он потерял 500 воинов. Встав лагерем на горе Сион, 27 мая Ибрагим пошел в наступление, перебив три сотни повстанцев, но затем попал в засаду у Султанского пруда и был вынужден вновь укрыться в гробнице Давида. Мятежники бушевали на улицах. Их возглавили люди из кланов Хусейнидов и Абу-Гош. Ибрагим призвал на помощь отца.

Али-паша, «прекрасно выглядевший старик», царственно гарцующий на «красивом коне, естественный, величавый, полностью соответствующий представлению о великом человеке», отплыл в Яффо с 15-тысячным подкреплением. Албанцы сокрушили мятежников и отвоевали Святой город. Иерусалимские Хусейниды были высланы в Египет. Повстанцы пытались взбунтоваться вновь, но Ибрагим Рыжий учинил настоящую бойню у Наблуса, разграбил Хеврон, опустошил всю округу, обезглавил всех пленников и установил в Иерусалиме царство террора. Вернувшись в город, он назначил губернатором Джабера Абу-Гоша, браконьера-охотника, и повелел обезглавливать на месте всякого, у кого находили оружие. Стены украсились отрубленными головами, а в новой тюрьме Кишлех у Яффских ворот (которой впоследствии пользовались и османы, и британцы, и израильтяне) заживо гнили обреченные пленники.

Албанцы показали себя энергичными реформаторами. Но для завоевания всей Османской империи им нужна была помощь Европы. Ибрагим разрешил малым общинам города отстроить свои разрушенные дома: францисканцы восстановили монастырь Спасителя; евреи-сефарды начали перестраивать синагогу Бен-Заккая — одну из четырех в Еврейском квартале; ашкеназы возвратились в синагогу Хурва, разрушенную в 1720 году. И хотя Еврейский квартал в те дни ужасал своей нищетой, там начали селиться евреи из Российской империи.

В 1839 году Ибрагим попытался захватить Стамбул. Но если албанцев поддерживал французский король Луи-Филипп, то Британия опасалась усиления французского и российского влияния в случае падения османов. В поддержке Запада нуждались и султан, и его враг Ибрагим. Чтобы получить ее, юный султан Абдул-Меджид издал фирман (рескрипт), обещавший религиозным меньшинствам равенство в правах с мусульманским населением, а Ибрагим, в свою очередь, предложил европейцам открыть в Иерусалиме консульства и —

впервые со времен крестовых походов — разрешил звонить в колокола!

В 1839 году в Иерусалим прибыл первый британский вице-консул Уильям Тёрнер Младший: не только для того, чтобы представлять здесь Британию — новую европейскую сверхдержаву, — но также ради обращения иудеев в христианство и приближения Второго пришествия.

37. Евангельские проповедники *1840–1855 гг.*

Пальмерстон и Шафтсбери: империалист и евангелист

Дипломатическую политику, связанную с Иерусалимом, осуществлял лорд Пальмерстон, министр иностранных дел, а евангельская миссия стала делом его зятя — графа Шафтсбери. Пальмерстон не был ни викторианским формалистом, ни приверженцем какой-либо из евангельских церквей. Нераскаявшийся денди эпохи Регентства, он за свои любовные похождения получил прозвище «лорд Купидон» (что с явным удовольствием зафиксировал в дневнике). Шафтсбери совершенно справедливо шутил, что Пальмерстон «не отличил бы Моисея от сэра Сиднея Смита». Интерес Пальмерстона к евреям был исключительно прагматический: французы пытались усилить свое влияние в регионе, поддерживая католиков, русские — защищая православие, а вот протестантов — и уж тем более англикан — в Иерусалиме было не так уж много. Следовательно, Пальмерстон намеревался поставить на место французов и русских и усилить британское влияние, защитив евреев. Другая половина дела — обращение иудеев в христианство — была предоставлена миссионерскому рвению его зятя.

39-летний Шафтсбери с его вьющейся шевелюрой и эффектными усами воплощал собой новую викторианскую Британию. Добросердечный аристократ, озабоченный улучшением жизни рабочих, детей и душевнобольных, он был также глубоко набожным человеком, веровавшим, что Библия есть «слово Божье от первого слога до последнего». Шафтсбери был убежден, что активное христианство обеспечит нравственное возрождение мира и усовершенствование человечества. В Британии мистика милленаризма долгое время была затенена рационализмом Просвещения, но его идеи продолжали жить в среде религиозных нонконформистов. И теперь они вновь стали актуальны: Французская революция с ее гильотиной и Промышленная революция с ее растущими толпами рабочих способствовали формированию в Британии нового среднего класса, который находил в набожности и респектабельности противоядие от неистового материализма викторианского процветания.

Основанное в 1808 году лондонское Общество

распространения христианства среди евреев, более известное как Еврейское общество, ныне процветало — отчасти благодаря Шафтсбери. «Вся молодежь словно помешалась на религии», — бурчал еще один пожилой бонвиван эпохи Регентства лорд Мельбурн — премьер-министр при восшествии на престол королевы Виктории в 1837 году. Убежденные в том, что вечное спасение можно обрести через личное постижение Иисуса и Его Благой вести (Евангелия), эти евангельские христиане ожидали Второго пришествия с верой, напоминающей одержимость. Шафтсбери, как и английские пуритане два века тому назад, верил, что возвращение на Сион и обращение иудеев будет способствовать созданию англо-израильского Иерусалима и скорейшему наступлению Царства Небесного. Для Пальмерстона Шафтсбери подготовил меморандум, главная идея которого заключалась в том, что «нет страны без народа, и Бог в Своей мудрости и милости направляет нас к народу без страны»[211].

«Частью ваших обязанностей, — инструктировал Пальмерстон иерусалимского вице-консула Тёрнера Младшего, — будет обеспечение защиты евреев в целом». Одновременно послу при Оттоманской Порте Пальмерстон приказывал «настоятельно рекомендовать [султану] поощрять желание евреев Европы вернуться в Палестину». В сентябре 1839 года Тёрнер Младший основал иерусалимский филиал лондонского Еврейского общества. Шафтсбери ликовал. В дневнике он записал: «Древний город народа Божьего скоро снова займет свое место среди столиц мировых держав. Я всегда буду помнить, что Господь осенил меня принять план в Его честь, дал мне силы и влияние, чтобы достигнуть наши с Пальмерстоном общие цели, и послал мне человека, способного возродить Иерусалим в его былой славе». На печатке Шафтсбери была выгравирована надпись: «Молюсь за Иерусалим».

Еще один ревностный викторианец, одержимый иерусалимской идеей, сэр Мозес Монтефиоре, о котором мы уже упоминали, включил в собственный герб изображения символов Иерусалима — небольшие холмы, кедровое дерево и лев. Этот герб он поместил на карете, перстне-печатке и даже украсил им собственную кровать. А в июне 1839 года он с женой Джудит, вооруженный пистолетами для защиты денег, которые чета собрала у жертвователей в Лондоне, вновь приехал в Иерусалим.

В Святом городе свирепствовала чума, и чета Монтефиоре расположилась лагерем на Масличной горе. За время пребывания там Мозес принял свыше 300 посетителей. Когда эпидемия пошла на спад, Монтефиоре въехал в город на белом коне, одолженном ему губернатором, и продолжил принимать петиции и раздавать

подаяния нищенствующим евреям. Приезду Мозеса с женой радовались приверженцы всех трех религий в Иерусалиме. Но когда супруги осматривали святые места в Хевроне, на них напала мусульманская чернь. Они едва спаслись — и то лишь благодаря вмешательству османских солдат. Но и этот случай не обескуражил Монтефиоре. Покидая Иерусалим, этот возрожденный иудей и убежденный империалист испытывал похожий, хотя, конечно, несколько иной мессианский пыл, чем Шафтсбери: «О Иерусалим, — записал он в дневнике, — да будет этот город восстановлен уже при нашей жизни. Аминь».

Шафтсбери и Монтефиоре верили в божественную миссию Британской империи и возвращение евреев на Сион. Чаяния евангельских христиан и обновленная энергия грез иудеев об Иерусалиме слились воедино, став одной из главных идей, владевших умами викторианцев. И случилось так, что художник Дэвид Робертс вернулся в 1840 году из Палестины как нельзя вовремя, чтобы представить публике свои ставшие невероятно популярными яркие романтические образы восточного Иерусалима, готового к восприятию британской цивилизации и еврейской реставрации. Евреи остро нуждались в защите со стороны Британии, поскольку противоречивые обещания терпимости, которые давали им то султан, то албанцы, спровоцировали совершенно неожиданные и кровавые события.

Джеймс Финн: консул евангельской веры

В марте 1840 года семеро евреев Дамаска были обвинены в убийстве некоего христианского монаха и его слуги-мусульманина, совершенном ими якобы для того, чтобы использовать кровь убитых в ритуальном жертвоприношении на Песах. Сценарий обвинения был выдержан в духе печально известного «кровавого навета», впервые сформулированного в Оксфорде еще во времена Второго крестового похода в XII веке. В ходе следствия были арестованы и подвергнуты пыткам более 60 детей с целью заставить их матерей показать «тайное место крови».

Только что вернувшийся в Лондон Мозес Монтефиоре при поддержке Ротшильдов начал кампанию по спасению дамасских евреев от преследований, столь напоминавших средневековые гонения. Объединив усилия с французским адвокатом Адольфом Кремье, Монтефиоре помчался в Александрию, где ходатайствовал перед Мухаммедом Али-пашой об освобождении заключенных. Но не прошло и нескольких недель, как на Родосе

было заведено новое дело о «кровавом навете». Монтефиоре отплыл из Александрии в Стамбул, где получил аудиенцию у султана. Мозесу удалось убедить правителя издать декрет, категорически отрицавший истинность «кровавого навета». Это был звездный час в жизни Монтефиоре: успехом он был обязан как своей национальности, так и собственному искусству дипломатии, зачастую весьма прямолинейной, зато не менее весомой, чем имперская. Хорошо было в то время быть англичанином на Ближнем Востоке.

И султан, и албанцы неистово боролись за британское расположение — под вопросом было само существование Османской империи. Иерусалим оставался под контролем Ибрагима-паши Рыжего, владыки большей части Ближнего Востока. И в то время как Франция поддерживала албанцев, Британия пыталась утолить свои аппетиты, сохраняя Османскую империю. Она предложила Ибрагиму Палестину и Египет при условии, что он уйдет из Сирии. Предложение было хорошим, но отказаться от главного приза своей завоевательной политики — Стамбула — Ибрагим не мог. Он ответил Британии отказом. В ответ Пальмерстон создал англо-австрийско-османскую коалицию и направил в регион эскадру под началом командора Чарльза Нейпира. Сверкающие пушки современных военных кораблей вынудили Ибрагима склонить голову перед британской мощью.

Ибрагим Рыжий открыл Иерусалим для европейцев, но теперь — в обмен за право наследственного владения Египтом — он покинул Сирию и Святой город[212]. Французы, униженные триумфом Пальмерстона, заговорили о «свободном христианском Иерусалиме» — первое предложение интернационализации Сиона под международным контролем. Но 20 октября 1840 года в Иерусалим вновь вторглись войска султана. Треть города в черте стен тогда была в это время пустошью, заросшей кактусом опунция, и проживало в нем всего 13 тыс. человек. Но 5 тыс. из них составляли уже евреи: их численность выросла за счет иммигрантов из России и беженцев, пострадавших от землетрясения в Сафеде (Цфате) в Галилее.

Когда Пальмерстону пришлось уступить кресло министра иностранных дел лорду Абердину, тот велел вице-консулу в Иерусалиме свернуть евангелистские проекты обращения евреев. Но Тёрнер Младший не изменил прежней политики. А когда Пальмерстон вновь сделался главой министерства, он приказал иерусалимскому консулу «взять под британскую протекцию всех русских евреев», которые обратятся к нему с подобным прошением.

Между тем Шафтсбери убедил нового премьер-министра

Роберта Пиля поддержать создание англиканской епархии и строительство церкви в Иерусалиме. В 1841 году Пруссия (король которой предлагал создать интернациональный христианский Иерусалим) и Британия по взаимному согласию назначили первого протестантского епископа Святого города. Им стал обращенный еврей Михаэль Соломон Александер. Английские миссионеры, действовавшие все более активно, построили целый англиканский комплекс с церковью, которой управляло Еврейское общество, и британское консульство у Яффских ворот, напротив Башни Давида; таким образом, в Иерусалиме возник островок викторианской готики и евангельского миссионерства. Однако англиканская церковь Христа была — и остается — уникальной в протестантском мире: на ней нет креста — только семисвечник-менора. Все надписи в храме сделаны по-еврейски, даже Господня молитва. Это была протестантская церковь, разработанная специально для евреев. В 1841 году во время церемонии открытия первой англиканской церкви в присутствии консула были крещены трое иудеев.

Положение евреев в Иерусалиме все еще оставалось жалким. «Посреди наготы и безжизненности древнего Иерусалима иммигранты-евреи похожи на мух, нашедших наконец прибежище в пустом черепе», — писал американский писатель Герман Мелвилл («Дневник путешествия в Европу и Левант»). Разбухшая еврейская община жила в почти театральной нищете, без всякой медицинской помощи. Правда, ее члены могли бесплатно посещать врачей, предоставленных лондонским Еврейским обществом. Это даже побуждало некоторых обращаться в христианство.

Иерусалим из отсталого разоренного поселения, управляемого захудалым пашой с убогим безвкусным сералем, быстро превращался в город с сановниками, сверкавшими золотом и драгоценностями. С XIII века в нем не было латинского патриарха, а православный патриарх уже долгое время жил в Стамбуле. Но теперь французы и русские поддерживали возвращение предстоятелей в Иерусалим. В городе находилось уже семь европейских консулов — напыщенных чиновников, которые олицетворяли имперские амбиции своих государств и всячески демонстрировали собственную высокомерную претенциозность. В сопровождении высоченных телохранителей-кавасов в ярко-алой униформе, с саблями и тяжелыми золотыми жезлами, которыми те ударяли о брусчатку, расчищая путь, консулы торжественно расхаживали по городу, пользуясь любым поводом, чтобы навязать свою волю слабеющим османским властям. Турецкие солдаты должны были вытягиваться в струнку

даже в присутствии детей консулов. Притязания же консулов Австрии и Сардинии были особенно настойчивы, поскольку их монархи считали себя номинальными королями Иерусалимскими. Однако никто из них не мог сравниться по заносчивости и мелочности с британскими и французскими консулами.

В 1845 году Тёрнера Младшего сменил Джеймс Финн. Почти 20 лет он был столь же могуществен, как османские губернаторы, хотя этот самодовольный лицемер, вмешивавшийся во всё и вся, раздражал не только английских лордов и османских пашей, но и прочих иностранных дипломатов. Пренебрегавший распоряжениями из Лондона, он предлагал британскую протекцию евреям из России и при этом не прекращал попыток обратить их в христианство. Когда османы разрешили иностранцам покупать землю, Финн приобрел сначала участок на холме Тальбийе и устроил там ферму, а позднее купил надел в винограднике Авраама (на средства некоей мисс Кук из Челтнема плюс денежная помощь нескольких набожных английских леди из числа евангельских христианок) — и все это с целью обратить как можно больше иудеев, проповедуя им радости честного труда.

Финн считал себя имперским проконсулом (губернатором колонии), благочестивым миссионером и магнатом в одном лице, без зазрения совести скупая земли и дома за подозрительно крупные денежные суммы. Он и его жена — также фанатичная евангельская христианка — научились бегло говорить на иврите и широко распространенном ладино. С одной стороны, они ревностно защищали евреев, жестоко притесняемых в Иерусалиме; с другой — бесцеремонное миссионерство Финна провоцировало подчас яростный отпор иудеев. Так, он вызвал волну возмущения, крестив, против воли родителей, мальчика по имени Мендель Дигнесс: «иудеи взобрались на террасу дома и чинили великие беспорядки». Финн называл раввинов фанатиками, но далеко в Британии влиятельный Монтефиоре, прослышавший, что евреев обижают, в пику Еврейскому обществу отправил в Иерусалим врача-еврея и все необходимое для устройства аптеки. Общество тем временем открыло больницу на краю Еврейского квартала.

В 1847 году арабский мальчик-христианин подрался с подростком-евреем. Подросток, обороняясь, бросил в обидчика камень, до крови поцарапав тому ногу. Греки — традиционно наиболее антисемитская община в городе, — поддержанные мусульманским муфтием и кади, обвинили иудеев в том, что они таким образом пытались добыть христианской крови, чтобы добавить в мацу к Песаху. «Кровавый навет» грозил захлестнуть

Иерусалим, но сработала охранная грамота султана, пожалованная Монтефиоре после дамасского инцидента.

Между тем консулы сплотились вокруг, пожалуй, самого одиозного дипломата в американской истории. «Сомневаюсь, — замечал побывавший в Иерусалиме английский писатель Уильям Теккерей, автор романа „Ярмарка тщеславия“, — чтобы какое-нибудь другое правительство могло принять или назначить подобного чудака в качестве посла».

Уордер Крессон, американский консул: святой чужак из Америки

4 октября 1844 года в Иерусалим прибыл Уордер Крессон — американский генеральный консул в Сирии и Иерусалиме, чье назначение на эту должность определила его собственная уверенность в том, что Второе пришествие состоится в 1847 году. В надменности и высокомерии Крессон превзошел всех консулов Святого города: он скакал галопом по Иерусалиму в «облаке пыли» и в окружении «небольшой американской армии», под стать «войску рыцарей и паладинов» из романа Вальтера Скотта — отряду «вооруженных и сверкающих всадников под предводительством араба в сопровождении двух янычар с серебряными пиками, блестящими на солнце».

В беседе с пашой Крессон объяснил, что приехал в Иерусалим в преддверии апокалипсиса ради возвращения сюда евреев. Филадельфийский землевладелец, сын богатых квакеров, Крессон 20 лет метался от одного апокалиптического культа к другому. А затем, написав свой первый манифест «Иерусалим — центр и радость всего мира», бросив жену и шестерых детей, Крессон убедил госсекретаря Джона Кэлхуна назначить его консулом в Святой город. «Я оставляю позади все, что мне так дорого: жену, шестерых любимых детей, цветущее хозяйство, удобную жизнь — и отправляюсь в путь в поисках истины», — записал он перед отъездом в дневнике. Правда, вскоре дипломаты проинформировали американского президента Джона Тайлера, что его новый иерусалимский консул — «религиозный маньяк и сумасшедший», но Крессон в то время находился уже в Иерусалиме. К тому же в своих апокалиптических ожиданиях он был не одинок, являя собой типичного американца той эпохи.

Американская конституция совершенно секулярна: она последовательно и осторожно избегает упоминания Христа и отделяет государство от религии, однако на Большой государственной печати «отцы-основатели» Томас Джефферсон и

Бенджамин Франклин изобразили Сыновей Израиля, несомых облаком и огнем в Землю обетованную. Крессон являл собой живой пример того, как эти облако и огонь влекут многих американцев в Иерусалим.

Разделение Церкви и государства обеспечило полную свободу американской конфессиональной самоидентификации, явив миру множество самых удивительных религиозных общин и «пророков». Первые американцы, унаследовавшие сионистский пыл английских пуритан, переживали «Великое пробуждение» религиозной радости. «Второе пробуждение» первой половины XIX века питалось евангельской энергией фронтира (освоения Дикого Запада). В 1776 году регулярно посещали церковь лишь около 10 процентов американцев. К 1815 году на богослужениях присутствовали уже около четверти жителей США, а в 1914 году — половина. Их страстный пуританский милленаризм по своему характеру был чисто американским — бьющим через край, буйным, неотесанным. В основе его лежала вера в то, что человек может спасти себя и ускорить Второе пришествие Христа праведным поведением и искренней религиозной радостью в сердце своем. Америка и сама была миссией, принявшей облик народа и государства, благословенных Богом, — точно так же Шафтсбери и английские евангельские христиане представляли себе англичан и Британскую империю.

В маленьких деревянных церквушках в захолустных шахтерских городишках, на фермах в бескрайних прериях и в залитых светом промышленных городах проповедники новой Обетованной земли — Америки — возглашали древние библейские откровения. «Ни в одной другой стране, — писал Эдвард Робинсон, евангелист и ученый, основатель научной библейской археологии в Иерусалиме, — Священное Писание не знают лучше, чем здесь». Первые американские миссионеры верили, что коренные народы континента и есть «потерянные колена Израиля», и считали, что все христиане должны свершить акт праведности в отношении Иерусалима, помогая возвращению и возрождению евреев. «Я действительно хочу, чтобы евреи вернулись в Иудею независимой нацией», — писал второй президент США Джон Адамс. В 1819 году два молодых миссионера Бостона стали готовиться воплотить эту идею в жизнь: «Все взгляды устремлены на Иерусалим, — проповедовал Леви Парсонс, — этот истинный центр мира». Паства рыдала, когда Плиний Фиск провозглашал: «Мой дух несет меня в Иерусалим». Оба действительно отправились на Восток, но нашли там лишь безвременную смерть. Однако это не лишило мужества и не отвратило от подобных помыслов других — тех, кто, подобно

Уильяму Томсону, тому самому американскому миссионеру, чья жена умерла во время восстания 1834 года, считал Иерусалим «общей собственностью всего христианского мира».

Консул Крессон купался в волнах этого буйного расцвета пророчеств: он побывал членом общин шейкеров, миллеритов[213], мормонов и кэмпбеллитов, пока один местный раввин в Пенсильвании не убедил его, что «спасение — от иудеев», чье возвращение в Землю обетованную увенчается Вторым пришествием. Одной из первых в Иерусалим прибыла Гарриет Ливермор. Дочь и внучка конгрессмена из Новой Англии, она отправилась в свое путешествие на Восток в 1837 году после нескольких лет миссионерства среди индейцев сиу и шайенов, которых Гарриет убеждала в том, что они — «потерянные колена Израилевы» и должны возвратиться вместе с ней на Сион. Она сняла комнаты на горе Сион для подготовки своей общины «странников-пилигримов» к апокалипсису, который она ожидала в 1847 году. Но апокалипсис не наступил, и остаток жизни Гарриет провела, прося милостыню на иерусалимских улицах. В то же самое время пророк нового откровения Святых последних дней — секты мормонов — Джозеф Смит послал в Иерусалим одного из своих «апостолов»: тот соорудил на Масличной горе святилище для подготовки к «восстановлению Израиля со столицей в Иерусалиме».

Когда Крессон стал американским консулом, число американских евангелистов, посещающих Иерусалим в ходе подготовки к Судному дню, заметно возросло. Американское правительство в конечном итоге отстранило его от исполнения консульских обязанностей, но он еще несколько лет продолжал демонстративно выдавать протекционные визы евреям, а затем и сам перешел в иудаизм, приняв имя Михаэль Боаз Исраэль. Последнее переполнило чашу терпения его давно покинутой жены, и она возбудила против Крессона иск, требуя признать его душевнобольным и ссылаясь на то, что он «размахивает перед ней револьвером», еще она уверяла, что Крессон проповедует на улицах исключительно с целью наживы, и упомянула его финансовую несостоятельность, религиозные метания, проекты по восстановлению иудейского Храма, а также некоторые сексуальные девиации. Крессон отплыл из Иерусалима в Филадельфию для психиатрического освидетельствования — и все это стало громким делом, поскольку миссис Крессон оспаривала конституционное право американского гражданина верить в то, во что ему заблагорассудится, то есть посягала на основы джефферсоновской свободы.

Суд признал Крессона душевнобольным, но тот подал

апелляцию и добился пересмотра судебного дела. Миссис Крессон вынуждена была «отречься либо от Спасителя, либо от своего мужа», а перед ее бывшим супругом встал выбор отречься «либо от Единого Бога, либо от своей жены». Жена проиграла второй процесс, подтвердивший свободу вероисповедания американцев, и Крессон вернулся в Иерусалим. Он создал под городом образцовую еврейскую ферму, погрузился в изучение Торы, развелся, наконец, с женой и женился на еврейке; и все это время он писал книгу «Ключ Давидов». Местные иудеи почитали его «американским святым гостем», а когда он умер, похоронили его на еврейском кладбище на Масличной горе.

Иерусалим был настолько переполнен ожидавшими апокалипсиса американцами, что Американский психиатрический журнал уподобил их истерию калифорнийской золотой лихорадке. Приехавшего в город Германа Мелвилла впечатлила и оттолкнула «заразная болезнь» американского милленаризма — «эта нелепая евреемания», как он назвал ее, «наполовину печальное шарлатанство, наполовину фарс». «Как мне следует действовать, когда в этот город стекаются все сумасшедшие или разочарованные граждане Соединенных Штатов? — вопрошал своего госсекретаря американский консул в Бейруте. — Некоторые из недавно прибывших в Иерусалим носятся со странными идеями, будто уже в этом году явится наш Спаситель». Впрочем, тот же Мелвилл отлично понимал, что этим надеждам не суждено сбыться: «Никакая иная местность, кроме Палестины, в особенности Иерусалим, не в состоянии так быстро рассеять романтические ожидания путешественника. В некоторых людях разочарование таково, что у людей просто болит сердце».

Иерусалим играл исключительную роль в представлении американских и английских протестантов о Втором пришествии. И все же их пыл и рвение не шли ни в какое сравнение с иерусалимской идеей, занимавшей умы русских. В конце 1840-х годов амбиции российского императора простирались уже до того, чтобы сделать Святой город, выражаясь словами Уильяма Теккерея, «центром прошлой и будущей истории мира» — даже ценой европейской войны.

«Жандарм европы» и перестрелка в Гробе Господнем: русский бог в Иерусалиме

В Великую пятницу 10 апреля 1846 года османский губернатор и его солдаты были настороже: в тот год православная и католическая Пасхи совпали. Монахи еще даже не зажигали

лампад в церкви Гроба Господня: они тайком проносили туда пистолеты и кинжалы, пряча их за столпами и под облачениями. Кто будет первым проводить свою службу? Греки успели возложить пелену на престол Голгофы. Католики чуть-чуть опоздали. И не преминули оспорить действия греков: разве султан наделил их такими правами? Те возразили католикам: где же ваш султанский фирман, дающий право молиться первыми? Ситуация накалялась, спорщики готовы были уже взяться за спрятанное под ризами оружие. Наконец две стороны схлестнулись, и богослужебная утварь мигом пошла в ход: присутствующие до тех пор размахивали распятиями, подсвечниками и лампадами, пока не блеснула холодом острая сталь и не раздались выстрелы. Когда османские солдаты ворвались в церковь, чтобы прекратить побоище, вокруг Гроба Господня уже лежало 40 мертвых тел.

Этот случай вызвал резонанс во всем мире, но прежде всего в Санкт-Петербурге и Париже: воинственность драчунов-монахов отражала не только религиозную распрю, но и настроения империй, стоявших за каждой из конфессий. С появлением железных дорог и пароходов путешествие в Иерусалим из всех уголков Европы заметно облегчилось. Особенно удобно стало добираться в Святую землю морем из Одессы в Яффо. И большинство из 20 тыс. ежегодных паломников теперь составляли русские. Один французский монах подметил, что в обычный год из 4 тыс. христианских пилигримов, приезжавших на Рождество, только четверо были католики, а остальные — православные из России. Это русское преобладание определялось искренней религиозностью всех сословий российского общества — от крестьян из маленьких, отдаленных сибирских деревень до высшей знати и самого императора Николая I. Веру в миссию России по защите мирового православия разделяли и те, и другие.

После падения в 1453 году Константинополя великие князья Московские стали рассматривать себя как наследников византийских императоров, а Москву — как Третий Рим («вторым» Римом считался Константинополь). Князья переняли византийский герб, двуглавого орла, и титул цезаря — царя. Борьбу с мусульманскими крымскими ханами, а затем и османской Турцией русские цари манифестировали как священную защиту православия и православных земель. Православие в России, распространяемое по необъятным просторам страны как официальными структурами Церкви, так и монахами-отшельниками, получило неповторимый, чисто русский характер. Особое отношение сложилось у русских к

Иерусалиму. Едва ли не каждый русский верил, что паломничество в Иерусалим, хотя бы символическое, — важная часть подготовки к смерти и спасению в вечности. В России был даже построен свой собственный Иерусалим[214].

Николай I воспринял эту традицию: он был истинным внуком Екатерины Великой и наследником Петра I, которые не раз объявляли себя защитниками православия и святых мест. А в сознании русского простонародья эти понятия сливались; после неожиданной кончины в 1825 году старшего брата Николая, Александра I, в народе распространилось поверье — современная версия легенды о Последнем императоре, — будто он удалился в Иерусалим как простой отшельник.

Император Николай I, крайний консерватор, убежденный антисемит, имевший глубоко мещанские вкусы во всех вопросах искусства (и назначивший себя при этом персональным цензором Пушкина), считал себя ответственным только перед тем, кого он называл «русским Богом» и кто, по его мнению, «лично вверил ему Россию». Солдафон, гордившийся тем, что спит на простой солдатской койке, укрываясь шинелью, он пытался править Россией методами военной муштры.

В юности рослый голубоглазый Николай настолько поразил английское общество, что одна леди назвала его «дьявольски красивым, самым красивым мужчиной в Европе». Но к 1840-м годам его волосы поредели, он нарастил брюшко, нависавшее над плотно облегающими офицерскими лосинами. После 30 лет счастливого брака, приправленного случайными интрижками, он завел постоянную любовницу в лице одной из фрейлин. Но при всей своей необъятной власти он боялся бессилия — как личного, так и политического.

Годами царь продуманно пускал в ход личное обаяние, чтобы склонить Британию к разделу Османской империи, которую он уподоблял «больному человеку Европы». Николай надеялся освободить православные провинции Балкан и взять под свой контроль Иерусалим. Но теперь его чары уже не действовали на англичан. Четверть века неограниченного самодержавного правления взрастили в царе бесчувственность и нетерпеливость: «Не думаю, что он особенно умен, — писала проницательная английская королева Виктория. — И его ум — это нецивилизованный ум».

В Иерусалиме улицы сверкали золотыми галунами и эполетами мундиров российских князей и генералов, хотя овчинных тулупов и рубах русских крестьян на них все же было гораздо больше. Николай не только поощрял паломничество в Святой город, но и, не желая отставать от других европейцев,

отправил туда духовную миссию. Британский консул предупреждал Лондон о том, что «русские могут за одну пасхальную ночь вооружить 10 тыс. паломников в черте иерусалимских стен» и захватить город. Между тем французы поддерживали собственную миссию с целью защиты католиков. «Иерусалим теперь, — докладывал консул Финн в 1844 году, — представляет главный фокус интересов Франции и России».

Гоголь: иерусалимский синдром

Не все русские паломники были солдатами или крестьянами, и не все они находили в Иерусалиме успокоение, которого искали. 23 февраля 1848 года в Святой город въехал русский паломник: типичный в своем религиозном рвении и совершенно уникальный в своей гениальности. Писатель Николай Гоголь, прославившийся пьесой «Ревизор» и поэмой «Мертвые души», прибыл в Иерусалим на осле в поисках «духовного хлеба», душевного умиротворения и божественного вдохновения. Он задумывал «Мертвые души» как трилогию, но вторая часть давалась ему с трудом. Бог явно препятствовал его литературному труду в наказание за грехи. И единственным местом, где можно было снискать искупление, он, как многие русские, считал Иерусалим. «Пока я не побываю в Иерусалиме, — писал Гоголь, — я едва ли смогу сказать кому-либо что-нибудь утешительное».

Однако визит в Иерусалим обернулся катастрофой: он провел целую ночь в молитве у Гроба Господня, однако нашел храм грязным и вульгарным. «Прежде чем у меня появилось время собраться с мыслями, срок моей поездки вышел». Величие святых мест и унылый ландшафт окрестных холмов надломили его дух еще больше: «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима». По возвращении Гоголь отказывался рассказывать о Иерусалиме, но подпал под влияние некоего мистически настроенного священника, который убедил писателя в ложной направленности его сочинений. Гоголь сжег свои рукописи, а затем довел себя голодом до смерти — или, возможно, до состояния комы: когда в XX веке его гроб вскрыли, тело писателя лежало лицом вниз.

Особый род безумия, возникавший в Иерусалиме, назвали «иерусалимской лихорадкой». Но в 1930-е годы эта патология получила название «иерусалимского синдрома — психотической декомпенсации, связанной с религиозным возбуждением,

вызванным близостью к святым местам Иерусалима». «Британский журнал психиатрии» в 2000 году диагностировал это патологическое разочарование как «иерусалимский синдром второго подтипа: ему подвержены те, кто приезжает в Иерусалим с идеей о его целительной силе — такие, как писатель Гоголь».

В каком-то смысле иерусалимским синдромом страдал и сам император Николай. В его роду была наследственная склонность к безумию: «С годами, — писал французский посол в Петербурге, — у него все больше проявляются признаки болезни [его отца императора] Павла». Безумный Павел был убит в результате заговора придворных (как некогда и его собственный отец Петр III). Пусть Николай далеко не был сумасшедшим в бытовом смысле слова, но выказывать некоторые признаки упрямой до одержимости отцовской самоуверенности он, бесспорно, начал. В 1848 году император задумал совершить паломничество в Иерусалим, но вынужден был отменить поездку, когда по Европе покатилась волна революций. Он триумфально подавил венгерское восстание, отправив войска на помощь своему соседу, габсбургскому императору: ему казалось почетным прозвище «жандарм Европы», которым его наградили за рубежом. Царя, писал французский посол, «испортили низкопоклонство, успех и религиозные предрассудки московитов».

31 октября 1847 года из мраморного пола грота в Вифлеемской церкви Рождества Христова была вырезана и выкрадена серебряная звезда. Эту звезду в XVIII веке принесли в дар Церкви французы. Выкрали же ее, очевидно, греки. Вифлеем захлестнули религиозные стычки. В Стамбуле французы заговорили о своем праве заменить Вифлеемскую звезду, а заодно и отремонтировать кровлю церкви Гроба Господня. Русские настаивали, что это право православных. И обе стороны ссылались на договоры прошлого столетия. Полемика продолжалась, пока не превратилась в личный поединок двух императоров.

В декабре 1851 года французский президент Луи Наполеон Бонапарт, слабый, но чрезвычайно искушенный в политической интриге племянник великого Наполеона, произвел переворот, покончил со Второй Республикой и приготовился короноваться в качестве императора Наполеона III. Этот изнеженный авантюрист, чьи вощеные усы не могли отвлечь внимание от его чрезмерно большой головы и слишком маленького туловища, был в определенном смысле первым современным политиком. И он понимал, что его хрупкую, шаткую империю могут укрепить лишь престиж в обширном католическом мире и маленькая победоносная война. А Николай, в свою очередь, расценил кризис

как шанс увенчать свое правление спасением святых мест для «русского Бога». Для обоих столь разных императоров Иерусалим был ключом к славе на Небесах и на Земле.

Джеймс Финн и крымская война: убитые евангелисты и бедуины

Султан, раздираемый требованиями французов и русских, попытался урегулировать спор фирманом от 8 февраля 1852 года, утверждавшим главенство православных общин в церкви Гроба Господня при некоторых уступках католикам. Однако французы были не менее упорными защитниками католичества, чем русские — православия. Обосновывая справедливость своих притязаний, они припомнили и египетскую кампанию Наполеона, и союз Франции с Сулейманом Великолепным, и французских крестоносных королей Иерусалима, вспомнили даже Карла Великого. И совсем не случайно канонерское судно, посланное Наполеоном III к побережью Леванта для пущего устрашения османов, называлось *Charlemagne*. В ноябре султан уступил и отдал *praedominium* католикам. Николай I воспринял это решение как личное оскорбление. Он потребовал восстановления прав Православной церкви в Иерусалиме и «союза», который бы поставил Османскую империю под протекторат России.

Когда его высокомерные требования были отвергнуты, русские войска вторглись на османские территории за Дунаем (современная Румыния) и двинулись на Стамбул. Николай не сомневался, что достигнет соглашения с Британией, и отрицал свое намерение захватить Стамбул, не говоря уже об Иерусалиме, но он фатально недооценил и Лондон, и Париж. Перед лицом российской угрозы и перспективы крушения османов Британия и Франция пригрозили войной. Однако Николай продолжал раздражать их своими заявлениями о том, будто «ведет войну ради всего христианства под стягом Святого Креста». 28 марта 1853 года Франция и Британия объявили России войну. И хотя основные военные действия велись в Крыму, эта война поставила Иерусалим в самый центр мировой сцены, где он остается и поныне.

Иерусалимский гарнизон тоже выступил из города воевать с русскими. Джеймс Финн наблюдал, как солдаты берут на караул на парадном плацу за Яффскими воротами и «сирийское солнце сверкает в стали их штыков». Он не мог забыть, что «корень всего происходившего — Святые места» и Николай «не оставит попыток завладеть [иерусалимскими] святынями»[215].

Вместо уже привычных русских богомольцев в город хлынуло новое племя скептически настроенных западных гостей: в 1856 году их было уже около 10 тыс. Все они хотели посмотреть на святые места, из-за которых разгорелась война с Россией. Но поездка в Иерусалим все еще оставалась предприятием тяжелым и изнурительным. Там не было карет — только крытые паланкины, в городе не имелось ни гостиниц, ни банков: посетители останавливались в монастырях, и самыми комфортными из них являлись армянские обители с изысканными внутренними дворами. Правда, в 1843 году еврей из России Менахем Мендель открыл в городе первый постоялый двор «Каминич». Вслед за ним распахнул свои двери для гостей «Английский отель», а в 1848 году сефардское семейство Валеро открыло в Иерусалиме первый европейский банк — в помещении над лестницей рядом с улицей Давида. И все же Иерусалим оставался провинциальным османским городом, управляемым неряшливым пашой, который жил в ветшавшем серале, что включал жилые покои, гарем и тюрьму и находился чуть севернее Храмовой горы[216]. По свидетельству Финна, западные европейцы «дивились нищенскому убожеству этой резиденции» и шарахались от грязных наложниц и «оборванцев-чиновников». Попивая кофе с пашой, гости слышали, как лязгают кандалы узников, а бывало, до них доносились жуткие крики тех, кого мучили в подземной темнице. Во время войны паша пытался поддерживать мир в Иерусалиме. Но православные греки все же напали на вновь назначенного католического патриарха и даже загнали в его резиденцию верблюдов — к вящему удовольствию знаменитых писателей, приехавших посмотреть на те самые святыни, за которые гибло в жестоких сражениях так много солдат и еще больше умирало в вонючих госпиталях. Однако святыни не слишком впечатлили литераторов.

Писатели: Мелвилл, Флобер и Теккерей

Герман Мелвилл, которому шел тогда 38-й год, стяжал славу тремя романами, основанными на его собственных увлекательных приключениях, связанных с китобойным промыслом в Тихом океане. Но «Моби Дик», опубликованный в 1851 году, поначалу разошелся весьма скромно — всего 3 тыс. экземпляров. Подавленный и страдающий, словно второй Гоголь, Мелвилл приехал в Иерусалим в 1856 году в надежде поправить здоровье и… исследовать натуру Бога. «Преследуя свою цель и в то же время являясь неким пассивным объектом, весьма

расположенным для восприятия таинств города, я старался пресытиться атмосферой Иерусалима», — писал Мелвилл. Однако «безлистная нагота запустения» вызвала в нем сильное разочарование: «быть обманутым в Иерусалиме — ощущение весьма болезненное»[217]. Зато его до глубины души потрясла, как мы уже писали выше, «фанатичная по энергии и духу», граничившая с одержимостью «евреемания» многих «сумасшедших» американцев. Именно они вдохновили Мелвилла на создание «Клэрел» — самой длинной американской поэмы (18 тыс. строк), которую он написал по возвращении домой, работая на американской таможне.

Мелвилл был не единственным писателем, искавшим на Востоке утешения и восстановления сил после разочарований от неудач на литературном поприще. Гюстав Флобер — в сопровождении своего богатого друга Максима дю Кампа и на средства, выделенные ему французским правительством под репортаж о торговле и сельском хозяйстве, — отправился в дальнее путешествие, чтобы прийти в себя после публикации своего первого романа.

Иерусалим он воспринял как «оссуарий, окруженный стенами. Все здесь гниет, на улицах дохлые собаки, в церквах — мессы»[218]. А описывая храм Гроба Господня, Флобер заметил: «Армяне проклинают греков, которых ненавидят латиняне, изгоняющие коптов». Мелвилл соглашался с ним в том, что церковь являла собой печальное зрелище: «Обвалившийся купол. Громадное здание, разрушенное наполовину. Лабиринты и террасы гротов, покрытых плесенью, могилы и раки. Запах мертвецкой». И признавал, что в культовом здании, которое он назвал «отделом новостей и теологической биржей Иерусалима», велись непрестанные войны[219].

Вражда монахов была лишь одним аспектом ожесточенной иерусалимской реальности. Напряжение между новыми визитерами — англо-американскими протестантами, российскими евреями и православными русскими, с одной стороны, и старым миром османов, арабских кланов, евреев-сефардов, бедуинов и феллахов, с другой, — вылилось в целый ряд убийств. Одна из дам-евангелисток из окружения Джеймса Финна, Матильда Креси, была найдена с разбитой головой, а некоего еврея нашли заколотым в колодце. По делу об отравлении богатого раввина Давида Хершеля было начато судебное разбирательство. Однако подозреваемых, его же собственных внуков, оправдали за недостатком улик. Пока османы были обязаны Британии, английский консул Джеймс Финн оставался самым влиятельным чиновником в Иерусалиме и

свободно вмешивался во все дела, которые представлялись ему заслуживающими того. Возомнив себя Шерлоком Холмсом Святого города, Финн попытался расследовать все эти преступления. Однако, несмотря на действительно присущий ему дар сыщика (и помощь шести африканских некромантов), ни одного из убийц не нашли.

Финн был смелым защитником и поборником интересов евреев, но их положение становилось только хуже. По свидетельству Теккерея, большинство иудеев обитали в «зловонных развалинах Еврейского квартала, утопавших в грязи и отбросах», а пятничными вечерами Иерусалим оглашали их «плач и стенания по былой славе их города». В апреле 1854 года Карл Маркс писал в *New York Daily Tribune*: евреи, «населяющие самый грязный квартал, постоянно испытывают на себе гнет и нетерпимость со стороны мусульман, нападки со стороны греков, гонения со стороны латинян». На глазах у Финна «еврей, проходивший мимо ворот, ведущих в церковь Гроба Господня», был «избит толпой паломников», потому что проход там для иудеев оставался под запретом. Еще одного иудея заколол османский солдат. Затем арабы напали на погребальную процессию евреев. При каждом таком случае Финн бросался к османскому правителю и вынуждал его вмешаться, чтобы свершилось британское правосудие.

Сам паша был более заинтересован в обуздании палестинских арабов, чьи бунты и клановые войны, отчасти спровоцированные реформами Османской империи, частенько сопровождались появлением скакавших галопом верблюдов, свистом копий и пуль у самых стен Иерусалима. Эти щекочущие нервы сцены сплетались в сознании европейцев, до приезда сюда воспринимавших Палестину как место библейских событий, с представлениями о Диком Западе. И они дружно собирались на стенах города, чтобы поглядеть на стычки и перестрелки, которые, наверное, казались им сюрреалистическими спортивными состязаниями, правда, приправленными перчинкой шальной пули.

Писатели: Дэвид Дорр, американский раб за границей

На своей евангельской ферме в Тальбийе, где семейство Финн крестило евреев, колонисты нередко оказывались под перекрестным огнем. И пока свистели пули, миссис Финн часто с удивлением замечала среди боевиков вооруженных женщин. Она прилагала все усилия, чтобы путем переговоров установить мир

между шейхами. Но бедуины были только частью проблемы: полномасштабные войны против османов вели шейхи Хеврона и Абу-Гоша (у каждого была своя армия в 500 воинов). Одного шейха пленили и привезли в цепях в Иерусалим, но удалой воин смог удрать и снова ускакал, чтобы воевать и грабить — своего рода арабский Робин Гуд. В конце концов Хафиз-паша — пожилой правитель Иерусалима — вынужден был снарядить войско и, подкрепив его двумя медными полевыми пушками, отправиться в поход против хевронского вождя.

И все же, несмотря на весь драматизм обстановки, летними вечерами иерусалимляне всех вероисповеданий — мусульмане, арабы-христиане и евреи-сефарды — устраивали на Дамасской дороге пикники. Американский исследователь лейтенант Уильям Линч наблюдал «живописную картину: сотни евреев, наслаждавшиеся свежим воздухом, сидели за пределами стен под огромными оливковыми деревами — женщины в белых покровах, мужчины в черных широкополых шляпах». Джеймс Финн и другие консулы гуляли со своими женами под охраной османских солдат и кавасов. «Когда солнце садилось, все устремлялись в город, ворота которого все еще закрывались каждую ночь».

«Ах, этот унылый Иерусалим», — вздыхал Финн, вынужденный признать, что город был «монашески скучный для человека, познавшего беззаботные радости других мест. Французские посетители не могут сдержать восклицаний, часто сопровождающихся пожатием плеч, при виде контраста между Иерусалимом и Парижем». Такой Иерусалим был не по душе падкому до плотских утех Флоберу. И свое бегство из Святого города он отпраздновал оргией с пятью девицами в Бейруте: «Я обладал тремя женщинами и кончал четырежды — три раза до обеда и один после десерта. Молодой дю Камп достиг блаженства только раз — его член до сих пор не излечился от шанкра, которым его наградила некая валашская шлюха».

Один необычный американский путешественник, Дэвид Дорр — молодой чернокожий невольник из Луизианы, называвший себя квартероном, соглашался с Флобером. В поездку со своим хозяином он отправился «со смиренным сердцем», преисполненным благоговейного трепета перед Иерусалимом, но вскоре переменил мнение: «Когда я слушал все эти нелепости об этом невежественном народе, мне хотелось их высмеять прямо перед теми святыми мертвецами и местами, которые они почитают. Проведя семнадцать дней в Иерусалиме, я уезжаю без всякого желания возвращаться в этот город»[220].

Но при всей своей непочтительности писатели все же испытали трепет перед Иерусалимом — кто благоговейный, а кто

и леденящий. Флобер признал «дьявольское величие» города. Теккерей ощутил, что «нет такого места, при взгляде на которое вы бы не почувствовали, что там было совершено некое жестокое деяние, какая-либо бойня, убийство пришлых или поклонение идолу с кровавыми ритуалами». Мелвилл почти восхищался его «чумной красотой». Стоя у Золотых ворот и озирая мусульманское и иудейское кладбища, он видел «город, осажденный армией мертвецов», и задавался вопросом: «Является ли запущенность этой земли результатом фатального произволения Божества?»

Русские войска терпели поражение в Крыму. Николай, не выдержав напряжения сил, заболел и умер 18 февраля 1855 года. В сентябре морская база в Севастополе после годичной осады англичанами и французами была оставлена русскими. Россия оказалась беспредельно унижена. Ошеломленный провалом военной кампании, стоившей державе более 500 тыс. жизней, новый российский император Александр II запросил мира. Но при заключении Парижского мирного договора он все же добился восстановления главенствующей роли православия в храме Гроба Господня, и этот договор остается в силе до сих пор.

14 апреля 1856 года пушки иерусалимской Цитадели салютовали в честь подписания мира. И уже через 12 дней Джеймс Финн, пришедший посмотреть схождение Благодатного огня, наблюдал, как «греческие паломники, вооруженные палками, камнями и дубинами, которые они заранее спрятали за колоннами», напали на армян. «Разразилась отвратительная стычка, — рассказывал Финн. — Камни и палки взлетали вверх, к галереям, разбивая лампады и стеклянные сосуды, и масло проливалось на головы людей». Когда паша бросился со своего кресла в галерею, он «получил несколько ударов по голове»; как только его вынесли из церкви, османские солдаты пустили в ход штыки. Через несколько минут из часовни Гроба появился православный патриарх с Благодатным огнем, и осветившуюся пламенем церковь огласили пронзительные крики паломников, в экстазе бивших себя в грудь.

Гарнизон отметил победу султана парадом на плацу за Яффскими воротами, еще не ведая, что в скором времени — ирония истории! — Александр II купит этот плац, где когда-то стояли ассирийские и римские лагеря, и Императорское православное палестинское общество построит там Русское подворье для приема русских паломников на Святой земле и ухода за ними. С той поры Россия будет усиленно радеть о своем культурном и духовном влиянии в Иерусалиме.

Сладость победы была отравлена для османов горечью того

факта, что их исламская империя оказалась спасена христианскими солдатами. Желая показать свою признательность и в то же время отчаянно защищаясь от Запада, султан Абдул-Меджид был вынужден провести определенные реформы, предполагавшие централизацию управления, уравнение в правах всех меньшинств независимо от вероисповедания и разрешение для европейцев всех прежде немыслимых свобод. Он подарил Наполеону III церковь Св. Анны, основанную крестоносцами и превращенную Саладином в медресе. В марте 1855 года герцогу Брабантскому, будущему королю Бельгии Леопольду II, эксплуататору Конго, было позволено — первому из европейцев — подняться на Храмовую гору. В июне в Иерусалим пожаловал эрцгерцог Максимилиан — наследник империи Габсбургов и будущий злосчастный император Мексики. Европейцы начали строить громоздкие культовые здания в стиле Третьей империи. Османские лидеры были встревожены всем происходящим и не могли не искать путей противодействия Европе. Но время уже было иное: после Крымской войны Запад вкладывал в Иерусалим слишком много средств, чтобы оставить его в покое.

В последние месяцы Крымской войны Мозес Монтефиоре приобрел поездной состав и рельсы Балаклавской железной дороги, построенной для снабжения войск союзников, участвовавших в осаде Севастополя. Теперь Монтефиоре задумал проложить железную дорогу между Яффо и Иерусалимом. После крымской победы, облеченный престижем и властью британского плутократа, он возвратился в Святой город как предвестник его будущего.

38. Новый город
1855–1860 гг.

Мозес Монтефиоре: «Этот крёз»

18 июля 1855 года Монтефиоре согласно традиционному ритуалу разодрал на себе одежды при виде остатков потерянного Храма, а затем разбил лагерь под стенами города у Яффских ворот. Тысячи иерусалимлян встречали его, салютуя из ружей и выкрикивая приветствия. Джеймс Финн, чьим проектам по обращению евреев Монтефиоре периодически ставил палки в колеса, попытался сорвать торжественную встречу, но либерально настроенный правитель города Камиль-паша послал к Монтефиоре почетный караул. Для подъема на Храмовую гору паша выделил Монтефиоре — первому еврею, оказавшемуся здесь с незапамятных времен, — эскорт из сотни солдат; к тому же гостя несли в портшезе, так что он не нарушил еврейский закон, запрещающий еврею ступать на святую гору, дабы случайно не попрать ногами место, где стояла Святая Святых.

Миссия всей жизни Монтефиоре — помощь иерусалимским евреям — никогда не протекала легко и гладко. Многие из них жили исключительно на его пожертвования и так вознегодовали, когда Монтефиоре попытался отлучить их от кормушки, что подняли в лагере бунт. «Воистину, — писала сопровождавшая его племянница Джемайма Себаг, — если так будет продолжаться, мы едва ли будем в безопасности в своих собственных палатках!» Да и не всем замыслам Монтефиоре было суждено осуществиться: ему так и не удалось построить железную дорогу из Яффо. Но именно эта его поездка в Иерусалим изменила судьбу города. Монтефиоре убедил султана позволить ему восстановить синагогу Хурва, разрушенную в 1720 году, но что еще важнее — он получил разрешение купить землю в Иерусалиме и поселить там евреев. Монтефиоре оплатил реконструкцию Хурвы и начал подыскивать участок.

Мелвилл описал сэра Мозеса в своем «Дневнике»: «Этот Крёз… человек 75 лет и огромного роста, он был доставлен в Иерусалим на носилках, несомых мулами». Рост Монтефиоре составлял примерно 192 см. 75 ему тогда еще, правда, не исполнилось, но он действительно был уже староват для такого путешествия. Монтефиоре и раньше рисковал жизнью: он уже трижды посетил Иерусалим. Но в этот раз доктора отговаривали

его от поездки — «сердце у него было слабым, а кровь отравлена». Однако, несмотря на все их доводы, Мозес и Джудит снова приехали в Святой город в сопровождении маркитантов, слуг и даже собственного кошерного мясника.

Для евреев Иерусалима, да и всей еврейской диаспоры, Монтефиоре стал уже легендой. Он сочетал в своем образе престиж богатого викторианского баронета в дни зенита Британской империи с гордым достоинством иудея, всегда готового поспешить на помощь своим братьям по вере и никогда не допускавшего никаких компромиссов касательно иудаизма. Именно его высокий общественный и деловой статус в Британии обеспечивал ему влияние и свободу действия: Монтефиоре вращался и в прежнем, и в новом обществе — как среди герцогов, министров и епископов, так и среди раввинов и еврейских финансистов. В Лондоне, где царила чопорная мораль и был популярен милленаристский сионизм, Монтефиоре являл собой идеальное воплощение еврея, каким представляли его викторианцы. «Этот величавый старый иудей, — писал лорд Шафтсбери, — лучше многих христиан».

Монтефиоре родился в Ливорно, в Италии, но карьеру одного из всего лишь 12 маклеров-евреев на Лондонской фондовой бирже сделал в столице Британии; его возвышению, безусловно, способствовал и счастливый брак с Джудит Коэн, через который он породнился с Натаном Ротшильдом. Но блистательный подъем по социальной лестнице и богатство были для Мозеса лишь средствами для оказания помощи другим. В 1837 году он был посвящен в рыцари королевой Викторией; после церемонии она назвала Монтефиоре в дневнике «прекрасным человеком», а сам Мозес молился в своем личном дневнике, чтобы эта честь «оказалась предвестницей будущего блага для всех евреев без исключения». Став богатым, он сократил свое участие в бизнесе и — нередко совместно с тестем или племянником Лионелем Ротшильдом — посвятил себя борьбе за политические права британских евреев[221]. Но больше всего в его помощи нуждались за рубежом, и там его принимали как настоящего посланника Британии и императоры, и султаны, а сам Монтефиоре демонстрировал мужество и находчивость, нередко подвергаясь реальной опасности. И как мы уже писали, именно его дамасская миссия у султана Мухаммеда Али сделала его известным.

Еще в царствование Николая I Мозес Монтефиоре отправился в Санкт-Петербург с целью убедить императора в том, что евреи — народ преданный, храбрый и благородный. Николай ответил ему с холодной учтивостью: «Вероятно, если все они похожи на вас»[222]. Впрочем, Монтефиоре тоже за словом в карман не лез. В

Ватикане, где Мозес побывал, чтобы помешать каким-то антисемитским козням, некий кардинал поинтересовался у богача, сколько ротшильдовского золота было выплачено султану за то, чтобы тот положил конец обвинениям по «кровавому навету». «Не больше, чем я дал вашему лакею за то, чтобы он повесил мое пальто в вашей гардеробной», — с неизменной любезностью отвечал Монтефиоре.

Вечной помощницей во всех его предприятиях была жизнерадостная Джудит, называвшая мужа Монти. Но продолжить свой род супругам не удалось. Несмотря на усердные молитвы в гробнице Рахили, Бог не дал им детей. И все же, невзирая на всю свою «еврейскость» и выведенное еврейскими буквами слово «Иерусалим» на гербе, Монтефиоре чтил викторианские ценности и совершал ошибки типичного викторианского вельможи. Он жил в своем роскошном особняке на Парк-Лейн или на увенчаной зубцами вилле в псевдоготическом стиле в Рамсгейте, где выстроил собственную синагогу и уникальный мавзолей, в точности копировавший гробницу Рахили. Его речь была высокопарной и напыщенной, его праведность лишь слегка оживлялась юмором, в его автократическом стиле сквозило некоторое тщеславие, а на стороне имелись любовницы и незаконнорожденные дети. Если верить одному его современному биографу, Монтефиоре даже на восьмом десятке смог стать отцом, обрюхатив некую юную служанку, — еще один знак его поразительной энергии.

Но вернемся в Иерусалим. В подыскании подходящего участка Монтефиоре помогли иерусалимские кланы, с которыми он всегда старался дружить: даже городской кади называл Мозеса «гордостью народа Моисеева». Ахмад Ага Дуздар, которого Мозес знал лет 20, продал ему за тысячу золотых английских соверенов участок за чертой стен — между Сионом и Яффскими воротами. Монтефиоре тотчас перенес в свое новое владение палатки, намереваясь открыть там больницу и построить мельницу, чтобы евреи могли печь хлеб. Перед отъездом он попросил пашу об одолжении: источником зловонного запаха в Еврейском квартале — о чем непременно упоминалось в путевых заметок западных авторов — была мусульманская скотобойня, само наличие которой именно в этом месте призвано было подчеркнуть низкий статус иудеев. Монтефиоре попросил, чтобы бойню перенесли в другое место, и паша согласился.

В июне 1857 года Монтефиоре вернулся в Иерусалим уже в пятый раз. С собой он привез строительные материалы для своей мельницы, и два года спустя строительство началось. Но вместо больницы он выстроил целый квартал домов для бедных

еврейских семей — «коттеджей Монтефиоре», — каждый безошибочно викторианский, увенчанный зубцами, краснокирпичный — словно клуб где-нибудь в английском пригороде. На иврите этот квартал называется *Мишкенот Шаананим* — «обитель беззаботных». Правда, поначалу на обитателей квартала нередко нападали бандиты, так что им частенько приходилось прокрадываться на ночлег обратно под защиту городских стен. Мельница же сперва показалась очень полезной: евреи смогли выпекать дешевый хлеб. Но вскоре она остановилась: на слишком низком месте не хватало ветра; недоставало и профессиональных механиков-мельников.

И протестантские проповедники, и иудейские раввины с одинаковой страстью мечтали о возвращении евреев — и это была заслуга Монтефиоре. Колоссальное богатство новых еврейских плутократов, в особенности Ротшильдов, подпитывало выдвинутую именно в то время Дизраэли идею о выкупе Палестины у турок еврейскими капиталистами. Ротшильды — арбитры международной политической и финансовой сцены — находились в зените своего могущества и были столь же влиятельны в Париже и Вене, как и в Лондоне. Они не были полностью убеждены в исполнимости этой идеи, но охотно вкладывали деньги и помогали Монтефиоре, убежденному, что «Иерусалиму предначертано стать центром еврейской империи»[223]. В 1859 году, выслушав предложения османского посла в Лондоне, Монтефиоре тоже заинтересовался идеей выкупа Палестины, но с долей здравого скепсиса. Он прекрасно понимал, что богатеющая англо-еврейская элита более занята покупкой загородных имений в доброй старой Англии, стремясь сделать явью свою английскую мечту, и подобный проект на диком Востоке ее не увлечет. Монтефиоре склонялся к мысли, что столь желанное для него «национальное возрождение израильтян» — вопрос не политический. И лучше тут уповать на волю Божью.

Открытие в 1860 году маленького квартала Монтефиоре положило начало росту нового еврейского города за стенами Старого города. Однако еще до этого, но уже после Крымской войны, город вновь стал объектом вожделения иностранных держав: Романовы, Гогенцоллерны, Габсбурги и английские принцы в соперничестве друг с другом за Святой город замаскировали старую имперскую Большую игру интересами новой науки — археологии.

39. Новая религия
1860–1870 гг.

Правители и археологи: простаки за границей

В апреле 1859 года брат императора Александра II, великий князь Константин Николаевич, первым из Романовых посетил Иерусалим. «Наконец: мой триумфальный въезд, — лаконично записал он в дневнике. — Толпы народа и грязь». После посещения Гроба Господня в дневнике великого князя появилась запись: «Слезы и эмоции»; по отъезде из города: «Мы плакали и не могли остановиться». Император и великий князь вынашивали планы культурного наступления России: «Мы должны установить наше присутствие на Востоке не политическими методами, но через Церковь, — говорилось в отчете министра иностранных дел. — Иерусалим — центр мира, и наша миссия должна быть там непременно». Великий князь основал Императорское православное палестинское общество и Российскую пароходную компанию для доставки русских паломников из Одессы. Он осмотрел участок в семь с лишним гектаров, купленный для будущего Русского подворья, и Романовы начали строить там маленький русский город[224]. Вскоре русских паломников стало так много, что пришлось разбивать для них палатки.

Англичане выказывали не меньшую заинтересованность и активность. 1 апреля 1862 года в Иерусалим в сопровождении сотни османских кавалеристов въехал Альберт-Эдуард — тучный 21-летний принц Уэльский (будущий король Эдуард VII).

Принц жил в величественном лагере за пределами городских стен. Будущему королю сделали на предплечье татуировку иерусалимского креста — символа крестоносцев, чем он был весьма взволнован, визит же его произвел неизгладимое впечатление и в самом Иерусалиме и — по возвращении — в Англии. Приезд принца в Святой город не только ускорил отзыв Джеймса Финна (обвиненного в финансовых злоупотреблениях после 20 лет консульской службы), но и усилил в англичанах ощущение, будто Иерусалим — маленькая часть Англии. По святым местам принца водил декан Вестминстерского аббатства Артур Стэнли, чья имевшая огромный авторитет книга о библейской истории, полная основанных на археологических данных теорий, убедила целое поколение британских читателей в том, что Иерусалим якобы был для них с детства «дороже даже

самой Англии».

В середине XIX века археология неожиданно стала не только исторической наукой, изучающей материальные остатки прошлого, но и способом контроля над будущим. Не удивительно, что археология теперь была политической наукой — не только способом поиска культурных фетишей, общественной модой или королевским хобби, но и очередным инструментом строительства империй и расширения сети военного шпионажа. Археология стала светской религией Иерусалима и вместе с тем — в руках таких христианских империалистов, как декан Стэнли, — наукой на службе у Церкви: если она подтвердит истинность рассказов Библии и истории Страстей Господних, то у европейцев возникнут все основания для того, чтобы потребовать себе обратно Святую землю.

Англичане и русские были не одиноки в этом подходе. Консулы великих держав, многие из которых были по совместительству религиозными проповедниками, также считали себя археологами. И все же создали современную библейскую археологию американские протестанты[225]. Не слишком отставали от них и французы с немцами: они тоже увидели в археологии средство удовлетворить свои национальные интересы на чужой территории, и их императоры и премьеры охотно финансировали археологические раскопки на Святой земле. Подобно космической гонке XX века с ее героическими космонавтами и астронавтами, археология быстро стала проекцией мощи той или иной державы, а прославленные археологи смахивали на отъявленных конкистадоров и охотников за научными сокровищами. Неудивительно, что один немецкий археолог сравнил свою науку с «мирным крестовым походом».

Визит в Иерусалим принца Уэльского вдохновил британского офицера и археолога, капитана Чарльза Уилсона (Вильсона), организовать собственную экспедицию. В туннелях у Западной стены, под Цепными воротами Храмовой горы, он нашел монументальную иродиадскую арку большого моста, когда-то перекинутого из Верхнего города к Храму. Эту арку до сих пор именуют аркой Уилсона (Вильсона). И эта находка была только началом.

В мае 1865 года целый сонм британских аристократов — от министра иностранных дел графа Рассела до герцога Аргайла — основали Британский Фонд исследований Палестины, крупные вклады в который сделали и королева Виктория, и Монтефиоре. Позднее его президентом стал Шафтсбери. Визит в Палестину наследника британского престола впервые со времен Эдуарда I «открыл для христианского исследования Сирию», говорилось в

проспекте общества. На его первом заседании архиепископ Йоркский Уильям Томпсон заявил, что Библия дала ему «законы, по которым он пытается жить» и «лучшие знания из всех, коими он обладает». А затем продолжил: «Земля Палестины принадлежит вам и мне. Она была дана праотцу Израиля. Из этой земли пришли вести о нашем искуплении. Эта земля, на которую мы взираем с таким же патриотическим чувством, с каким относимся к нашей доброй старой Англии».

В феврале 1867 года в Палестину прибыл 27-летний лейтенант Королевского инженерного корпуса Чарльз Уоррен, уполномоченный обществом начать в Святой земле полевые исследования. Однако горожане относились враждебно к любого рода раскопкам вокруг Храмовой горы, поэтому он арендовал несколько участков на некотором удалении от нее и прорыл оттуда 27 наклонных шахт глубоко в толщу горы. Уоррену посчастливилось обнаружить в Иерусалиме важнейшие артефакты: керамику времен царя Езекии с надписью «принадлежит царю», 43 цистерны под Храмовой горой; так называемую шахту Уоррена на холме Офель, через которую, по его убеждению, проник в город царь Давид, а также ворота Уоррена у Западной стены, которые были одним из главных входов в Храм во времена Ирода (позднее пространство вокруг них стало Пещерной синагогой). Этот предприимчивый археолог был живым воплощением блеска новой науки. Во время одного из своих спусков под землю он раскрыл древний бассейн Струтион и даже проплыл по нему на плоту, сколоченному из нескольких дверей. Модно одетых викторианских леди опускали в корзинах в его шахты, и там некоторые из них лишались чувств при виде библейских святынь, так что приходилось срочно ослаблять им корсеты.

Уоррен сочувствовал евреям, а циничные европейские туристы, высмеивавшие их «торжественные собрания» у Стены, бывшие для них не более чем «фарсом», вызывали у него гнев и раздражение. Он считал, что «страной должно управлять ради них [евреев]» так, чтобы в конечном итоге «Еврейское государство стало отдельным королевством, гарантированным великими державами»[226].

Французы же вели себя агрессивно даже в своих археологических предприятиях. Их ведущий археолог Фелисьен де Сольси был не слишком эрудированным специалистом, в частности, он заявил, что так называемая Гробница царей к северу от стен города принадлежала Давиду, хотя на самом деле это сооружение построила Елена, принявшая иудаизм царица, правившая на тысячу лет позже (см. стр. 154).

В 1860 году мусульмане, разъяренные привилегиями, которые султан выдавал в пользу христиан и иудеев, учинили жестокую резню христиан в Сирии и Ливане. Но это только поспособствовало дальнейшему продвижению Запада: Наполеон III послал для спасения ливанских христиан-маронитов войска, что подогрело интерес французов к территории, не особенно привлекавшей ни Карла Великого, ни крестоносцев, ни короля Франциска в XVI веке. В 1869 году Египет, за которым стояли французы, открыл Суэцкий канал. На торжественной церемонии открытия присутствовали французская императрица Евгения, прусский кронпринц Фридрих и австрийский император Франц Иосиф. Не желая, чтобы его обошли англичане и русские, Фридрих отплыл в Яффо и добрался до Иерусалима. В Святом городе он энергично включился в гонку за обеспечение прусского присутствия, сделав важные покупки: в частности, Фридрих купил основанную крестоносцами церковь Св. Марии Латинской неподалеку от храма Гроба Господня. Фридрих (отец будущего кайзера Вильгельма II) поддержал также напористого археолога Титуса Тоблера, во всеуслышание заявлявшего: «Иерусалим должен быть нашим!» На обратной дороге в Яффо конвой Фридриха чуть не столкнулся с кортежем Франца Иосифа, императора Австрии и номинального короля Иерусалимского, совсем недавно разбитого прусскими войсками в битве при Садове. Кронпринц и император холодно поприветствовали друг друга.

Франц Иосиф галопом мчался в Иерусалим в сопровождении тысячи османских солдат, в числе которых были бедуины с пиками, друзы с винтовками и всадники на верблюдах. А за ними слуги везли огромную серебряную кровать — подарок султана. «Мы спешились, — записал император, — я встал на колени на дороге и поцеловал землю под залпы пушек, паливших с Башни Давида». Он поразился тому, что «все выглядело именно так, как он и представлял себе по слышанным в детстве рассказам и Библии». Австрийцы, как и все европейцы, покупали здания для того, чтобы создать новый христианский город: император лично осмотрел масштабные земляные работы на участке, отведенном под строительство австрийского приюта на Виа Долороза.

«Я никогда не позволю этим безумным христианам чинить дороги, — писал османский великий визирь Фуад-паша, — иначе они превратят Иерусалим в христианский бедлам». Однако сами османы построили-таки новую дорогу Яффо — Иерусалим специально для Франца-Иосифа. Приближение «христианского бедлама» уже невозможно было остановить.

Молодой археолог капитан Чарльз Уоррен, проезжая Яффские ворота, стал свидетелем казни. Зрелище было ужасное: неумелый палач 16 раз опускал топор на шею жертвы, и каждый раз несчастный издавал крики: «Мне больно!» В конце концов палач просто встал ногами на спину казнимого и перепилил ему позвоночник, словно приносил в жертву овцу.

У Иерусалима того времени было по меньшей мере два лица, и он явно страдал диссоциативным расстройством личности. Ослепительные имперские постройки европейцев, ходивших в пробковых шлемах и красных британских мундирах и поспешно христианизировавших Мусульманский квартал, сосуществовали со старым османским городом, в котором темнокожие суданские стражи охраняли Харам и конвоировали осужденных преступников, чьи головы катились с эшафотов во время публичных казней. Ворота до сих пор запирались с заходом солнца; бедуины сдавали свои копья и мечи, когда входили в город. Треть Иерусалима являла собой пустошь: на фотографии (сделанной, между прочим, лично армянским патриархом) церковь Гроба Господня окружает пустынное пространство — и это в самом сердце Иерусалима! Два этих мира постоянно сталкивались: когда в 1865 году между Иерусалимом и Стамбулом была запущена первая телеграфная линия, арабского всадника, решившего срубить телеграфный столб, арестовали и на этом же столбе повесили.

В марте 1866 года Монтефиоре, уже 81-летний вдовец, прибыл в Иерусалим в шестой раз и… не поверил своим глазам: настолько изменился город. Увидев, что евреи у Западной стены страдают не только от дождя, но и от падающих с Храмовой горы камней, он выхлопотал разрешение установить там навес и попытался выкупить Стену (приумножив число бесконечных и безуспешных попыток евреев стать собственниками этой святыни). Покидая Иерусалим, Монтефиоре ощутил «более сильное волнение, чем когда-либо». Но и эта поездка в Святой город не стала для него последней. В 1875 году, когда ему шел уже 92-й год, Монтефиоре снова вернулся сюда: «Я увидел практически новый Иерусалим, расцветший зданиями, из коих некоторые были такими же прекрасными, как в Европе». Уезжая — на этот раз уже навсегда, — он думал только об одном: «Близится время, когда мы увидим воплощение священных обетований Бога относительно Сиона»[227].

Путеводители предупреждали гостей Иерусалима о «польских евреях-попрошайках» и «отвратительных миазмах». Но некоторые

считали, что город загрязняют протестантские паломники. «Прокаженные, увечные, слепые и юродивые осаждают вас на каждом шагу», — делился впечатлениями Сэмюэл Клеменс, журналист из штата Миссури, писавший под псевдонимом Марк Твен. Этот прославленный мастер «дикого юмора» совершал на борту корабля «Квакер Сити» паломническое путешествие, которое официально называлось «Большая и увлекательная экскурсия в Святую землю», но которую он сам называл «похоронной экспедицией». Паломничество показалось ему «фарсом»: Твен не мог не высмеять чистосердечных американских паломников: эти «простаки за границей» даже плакали при виде древнего города, который Твен нашел ничтожным. «Хороший ходок, выйдя за городские стены, может за час обойти весь Иерусалим». Больше всего он был поражен, узнав, что прах, из которого Бог сотворил Адама, был из того места, где теперь стояла колонна церкви Гроба Господня, считающейся центром земли: «За шесть тысяч лет никто не сумел доказать, что он взят не здесь, а где-нибудь в другом месте». Твена разочаровали и убранство «тесной церковки, сверкающей драгоценными камнями, разукрашенной пышно и крикливо в чрезвычайно дурном вкусе», и сам город: «Прославленный Иерусалим, одно из самых величавых имен в истории, утратил былое величие и превратился в нищую деревню… Иерусалим мрачен, угрюм и безжизнен. Не хотел бы я здесь жить»[228]. Но все же «дикий юморист» тихонько купил своей матери иерусалимскую Библию и иногда на протяжении своего иронического рассказа повторяет: «Я сижу там, где стоял Господь».

Туристы и паломники — будь то духовные лица или миряне, христиане или иудеи, Шатобриан, Монтефиоре или Твен — зорко подмечали, где стоял или ходил Господь, но совершенно не видели людей, обитающих там. На протяжении веков Иерусалим существовал лишь в воображении верующих, живших в далекой от него Америке или Европе. Нынешние же его посетители, тысячами приплывавшие на пароходах, ожидали увидеть экзотические, опасные и колоритные образы, которые они взращивали в уме с помощью Библии, пытались найти подтверждение своих стереотипных представлений о древнем народе… а также найти уже наконец обещанных переводчиков и гидов. Но в реальности они видели только различия в одежде прохожих и закрывали глаза на картины и сцены, которые им не нравились: восточную «мерзость запустения» и то, что путеводитель Бедекера называл «диким суеверием и фанатизмом». А в воображении они по-прежнему выстраивали собственный образ великого Святого города. И именно такое

восприятие подогревало имперские интересы к Иерусалиму. Что до живущего своей жизнью древнего мира арабов и евреев-сефардов в их своеобразных восточных одеждах — для европейцев он практически не существовал. Но мир этот был вполне реален.

40. Арабский город, имперский город *1870–1880 гг.*

Юсуф аль-Халиди: музыка, танцы, обычная жизнь

Реальный Иерусалим походил на Вавилонскую башню в причудливом убранстве, со строгой иерархией религий, языков и одеяний. Османские офицеры носили расшитые куртки в сочетании с военной формой европейского образца. Местные евреи, армяне, арабские христиане и мусульмане рядились в сюртуки или белые костюмы и новые головные уборы, символизировавшие реформированную Османскую империю, — *тарбуши*, они же фески. Мусульманские улемы носили тюрбаны, а одеждой почти не отличались от сефардов и арабов-христиан. Нищих польских хасидов[229], которых в Иерусалиме становилось все больше, можно было легко распознать по черным сюртукам из грубого сукна и мягким фетровым шляпам. Кавасы — телохранители европейцев, в основном армяне, — продолжали носить алые камзолы, белые штаны и большие пистолеты за поясом. Босые чернокожие рабы подносили ледяной шербет своим хозяевам — представителям старинных арабских или сефардских кланов, которые нередко сочетали все вышеперечисленные одеяния: тюрбаны, фески, но с длинными кафтанами (подпоясанные кушаками), турецкие шаровары и черные европейские сюртуки сверху. Арабы говорили на турецком и арабском языках, армяне — на армянском, турецком и арабском, сефарды — на ладино, турецком и арабском, хасиды — на идиш, средневековом немецко-еврейском арго, породившем свою собственную великую литературу.

Приезжим все это наверняка казалось вавилонским столпотворением. Меж тем жизнь Иерусалима была подчинена строгому иерархическому укладу. Главой суннитской империи был султан-халиф. Мусульмане занимали в ней верховные административные позиции. Турки были правителями, ступенью ниже стояли арабы. А на самой низкой ступени социальной лестницы находились польские евреи, часто подвергавшиеся насмешкам из-за своей нищеты, «стенаний» и транса, в который они приходили во время своих молитв. Но между этими ступенями, в полуподпольной народной культуре, все было перемешано, несмотря на ограничения и запреты каждой религии.

Окончание поста Рамадана представители всех религий отмечали праздником и ярмаркой вне стен Старого города, с каруселями и скачками. Уличные торговцы предлагали желающим взглянуть на непристойные картинки, продавали рахат-лукум, пахлаву и другие восточные сладости. Во время иудейского праздника Пурим мусульмане и арабы-христиане облачались в традиционные еврейские костюмы, и приверженцы всех трех религий лакомились еврейскими кушаньями у гробницы Симона Праведного к северу от Дамасских ворот. На Песах евреи дарили своим соседям-арабам мацу и приглашали на пасхальный седер (трапезу), а арабы в ответном жесте преподносили иудеям по окончании празднества свежевыпеченный квасной хлеб. Иудейские мохелы совершали обряд обрезания мусульманским мальчикам. Иудеи также устраивали званые обеды для соседей-мусульман, вернувшихся из хаджа. Самые тесные отношения установились между арабами и сефардами. Арабы называли последних «яхуд, авлад араб» (иудеи, сыны арабов), считали их своими собственными евреями, а некоторые арабские женщины даже выучили ладино. Во время засухи улемы просили сефардских раввинов тоже помолиться о ниспослании дождя. Сефардские арабоговорящие Валеро были главной банкирской семьей города, важнейшими деловыми партнерами наиболее влиятельных кланов. Враждебнее всего к иудеям относились православные арабы: они оскорбляли их в народных пасхальных песнях и чинили над ними самосуд, стоило тем по неосторожности приблизиться к церкви Гроба Господня.

Бедекер предупреждал туристов, что в Иерусалиме «нет публичных увеселительных заведений». В действительности это был город музыки и танцев. Местные жители встречались в кофейнях и винных погребках: они курили наргиле, играли в нарды, смотрели на борцовские поединки и любовались танцем живота. На свадьбах и разных празднествах плясали традиционный танец *дабка*, а певцы исполняли любовные песни типа «Любовь моя, твоя красота ранила меня». Арабские любовные песни чередовались с андалусскими песнями сефардов на ладино. Дервиши, вводя себя в транс, танцевали свой священный танец зикр под бой барабанов-мазхаров и звон тарелок. В частных домах играли смешанные ансамбли из еврейских и арабских музыкантов, виртуозно владевших своими *удами* (лютнями), *ребабами* (местной разновидностью скрипки), *зуммара* (двойным кларнетом) и множеством местных ударных инструментов. Звуки этих инструментов отдавались эхом в шести хамамах — турецких банях, являвшихся средоточием иерусалимской жизни. Мужчины (посещавшие их с двух часов

ночи до полудня) наслаждались массажем и приводили в порядок свои усы. Женщины красили волосы хной и пили кофе. Иерусалимских невест в хамам отводили поющие и игравшие на барабанах подруги; в бане невесте тщательно удаляли с помощью специальной смолы все волосы на теле. В бане же начиналась и сама брачная ночь: жених и его подруги забирали невесту из ее дома, и, если брак заключался между членами влиятельных кланов, новобрачные под балдахином, который держали слуги, шли, освещенные факелами и под бой барабана, до самой Храмовой горы.

Кланы были стержнем иерусалимского общества. Первым главой городского совета стал Даджани, а в 1867 году первым мэром города был назначен 25-летний Юсуф аль-Дийя аль-Халиди. С тех пор эта должность всегда сохранялась за представителями кланов: на посту мэра побывали шестеро Хусейни, четверо Алами, двое Халиди, трое Даджани. Юсуф Халиди, чья мать происходила из клана Хусейни, еще мальчиком сбежал на Мальту, чтобы поступить там в протестантскую школу. Позднее он служил у либерального великого визиря в Стамбуле. Халиди считал себя прежде всего «утси» — иерусалимлянином, затем «шами» — жителем Билад аль-Шама, Большой Сирии, а потом уж арабом и османским подданным. Прекрасно образованный, он был одной из ведущих фигур Нахды — арабского литературного Ренессанса, ознаменовавшегося открытием культурных клубов, газет и нескольких издательств. При этом первый иерусалимский мэр показал себя и военачальником: губернатор послал его с 40 конными воинами подавить беспорядки в городе Эль-Караке за Иорданом. Пожалуй, это единственный мэр за всю новейшую историю, которому случилось возглавить кавалерийскую экспедицию.

У каждого клана было свое знамя, и каждому отводилась особая роль на городских празднествах. Так, при схождении Благодатного огня 13 ведущих семейств арабов-христиан торжественно проносили по Иерусалиму свои знамена. Но самым популярным праздником был все же Наби Муса — день пророка Моисея. Тогда в город со всех концов Палестины стекались на конях и пешком тысячи людей, которых приветствовали муфтий, обычно из клана Хусейни, и османский градоначальник. Под барабаны и звон тарелок все плясали и пели на улицах. Суфийские дервиши вертелись, как безумные: «некоторые ели горящие угли, другие протыкали себе иглами щеки». Между иерусалимлянами и жителями Наблуса нередко случались потасовки. А чрезмерно возбужденные арабские головорезы всегда были готовы избить какого-нибудь еврея или христианина.

Собравшиеся на Храмовой горе толпы людей приветствовала пушечная стрельба, а затем кавалькада Хусейни отправлялась, осененная зелеными знаменами, к мавзолею Бейбарса близ Иерихона. Даджани поднимали пурпурное знамя у гробницы Давида. У всех семейств были свои династические владения: у Хусейни — Храмовая гора, в руках Халиди находились все иерусалимские суды. Но все они соперничали за пост мэра, все продолжали бороться за верховенство и играть в опасные игры — отголоски столичной, стамбульской политики.

Православные славяне с Балкан, поддерживаемые Россией, жаждали независимости, в то время как Османская империя боролась за выживание. Приход к власти нового и более сильного султана Абдул-Хамида II ознаменовался избиением болгарских христиан. Под давлением России Абдул-Хамид принял конституцию и учредил парламентские выборы. В Иерусалиме клан Хусейни поддерживал старую автократию, а Халиди олицетворяли собой либеральную новизну. Представлять Иерусалим был избран мэр Халиди, направившийся в Стамбул. Однако конституцию султан ввел только для отвода глаз и исполнять ее совершенно не собирался. Вскоре Абдул-Хамид отменил ее и начал проводить политику нового османского национализма, опиравшуюся на идеологию панисламизма. Этот умный, но подверженный неврозам султан с блеющим голосом и предрасположенностью к обморокам утверждал свою власть, опираясь на тайную полицию, ответственную, помимо прочего, за убийство бывшего великого визиря и одной из его невольниц. Не отказываясь от османских традиций (в гареме Абдул-Хамида было 900 наложниц), он жил в постоянном страхе и каждый вечер приказывал обыскивать опочивальню — не прячется ли где-нибудь наемный убийца? Однако этот султан-параноик был также искуснейшим краснодеревщиком-любителем, зачитывался рассказами о Шерлоке Холмсе и лично ставил пьесы в собственном дворцовом театре.

«Закручивание гаек» в Стамбуле незамедлительно отозвалось в Иерусалиме: Юсуф Халиди был смещен с поста мэра; его преемником в этой должности стал Омар аль-Хусейни. Ослабление клана Халиди означало усиление семейства Хусейни. Между тем Россия решила полностью сокрушить османов. И британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли посчитал нужным вмешаться, чтобы спасти их.

Иерусалимские татуировки: британские принцы и русские герцоги

Дизраэли только что выкупил у Франции Суэцкий канал, одолжив 4 млн. фунтов у Лионеля Ротшильда. «Кто будет поручителем?» — спросил тот. «Британское правительство», — ответил секретарь Дизраэли. «Вы получите деньги». В 1878 году на Берлинском конгрессе Дизраэли убедил европейские кабинеты обуздать Россию и навязать ей условия, которые позволили бы Британии оккупировать Кипр. Разыгранный им спектакль привел в восторг германского канцлера — князя Бисмарка. Указав на Дизраэли, он заметил: «Этот старый еврей — вот человек». Османам пришлось уступить большую часть своей европейской, населенной преимущественно христианами, территории, признать права евреев и других меньшинств. В 1882 году под контроль Британии перешел Египет, номинально остававшийся под властью албанской династии.

Юные наследники британского престола — 18-летний принц Альберт Виктор, известный как принц Эдди, будущий герцог Кларенс, и его 16-летний брат Георг, будущий Георг V[230], — во время своего кругосветного путешествия не преминули посетить Иерусалим. Они разбили лагерь на Масличной горе: «там же, где останавливался папа́», — писал принц Георг, считавший, что это «настоящее столичное место». Одиннадцать роскошных палаток, для перевозки которых потребовалось 95 вьючных животных, обслуживали 60 слуг, вымуштрованных королем туризма Томасом Куком — баптистским священником, который в 1869 году занялся скромным бизнесом: коммерческой перевозкой активистов общества трезвости из Лестера в Лафборо. Теперь Кук и его сыновья — а один из последних сопровождал принцев в путешествии — были уже признанными лидерами туризма нового типа — группового. Они нанимали целые армии слуг, охранников и драгоманов (переводчиков-посредников) для защиты путешественников от бедуинов и клана Абу-Гош, который все еще хозяйничал на дороге из Яффо в Иерусалим и бандитов которого приходилось либо подкупать, либо брать в долю. Эти импресарио путешествий предлагали туристам проживание в роскошных шелковых, украшенных бирюзовыми арабесками палатках: со столовыми, приемными и даже с холодной и горячей водой. Они стремились не только поразить своих богатых клиентов, но и пробудить в их воображении восточные фантазии — сродни сказкам «Тысячи и одной ночи».

Контора Томаса Кука располагалась у Яффских ворот — в самом центре нового, гостеприимного к туристам Иерусалима, символом которого стали «Гранд Нью Отель», открытый на месте купальни Вирсавии, где, по преданию, царь Давид увидел купавшуюся жену Урии[231], и гостиница Иоахима Фаста сразу за

воротами. А в 1892 году до Иерусалима наконец добралась железная дорога, благодаря которой город действительно стал «Меккой туристов».

В унисон с туризмом развивалась фотография. И пусть неожиданно, но вполне в духе времени зачинателем фотографического бума в Иерусалиме стал Ессаи Карапетян — армянский патриарх, «возможно, самый красивый епископ в мире», обучившийся фотографическому делу в Манчестере. Двое его протеже даже отказались от священного сана и основали фотостудии на Яффской дороге, где туристы могли приобрести снимки арабов в «библейских позах» или сфотографироваться в библейских костюмах. Типичная уличная сценка того времени: группа бородатых русских крестьян в овчинных тулупах застыла в изумлении, пялясь на некую «голубоглазую русоволосую англичанку», которая, одетая в «вышитый красный костюм», с медным ободом на голове и в «тугом корсете», стягивающем «прекрасно сформированный бюст», позирует на фоне Башни Давида. Русские паломники были наполовину восхищены, наполовину шокированы такими сценами.

Архитектурный облик растущего города был настолько эклектичен, что и сегодня в Иерусалиме сохраняются здания и целые предместья, которые выглядят так, будто это что угодно, но не Ближний Восток. В конце века появилось много христианских новостроек: 27 французских монастырей, 10 итальянских и восемь русских. После упразднения англо-прусской епархии англикане выстроили в Иерусалиме свой, очень английский собор Св. Георгия с кафедрой для англиканского епископа. Но еще в 1892 году османы также вели в городе строительство: по повелению Абдул-Хамида в Иерусалиме соорудили фонтаны и Новые ворота, обеспечившие прямой доступ в Христианский квартал. А в 1901 году, по случаю 25-летнего юбилея своего правления, Абдул-Хамид увенчал Яффские ворота 13-метровой башней с часами — точно такой, как если бы ее перенесли с какой-нибудь провинциальной железнодорожной станции Англии[232].

Между тем евреи и арабы, греки и немцы колонизировали Новый город за стенами Старого. В 1869 году семь еврейских семейств основали за Яффскими воротами квартал Нахалат Шива («квартал семи»). В 1874 году ультраортодоксальные иудеи заселили Меа-Шеарим. К 1880 году 17 тыс. евреев уже составляли большинство в городе, и новых еврейских предместий было уже девять. Арабские кланы строились в Шейх-Джаррахе — квартале сразу к северу от Дамасских ворот[233]. Сводчатые потолки в особняках арабских кланов отличались характерным декором,

сочетавшим элементы турецкого и европейского стилей. Один из Хусейни построил себе «Восточный дом» в мавританском стиле, где целый зал был расписан цветами и геометрическими узорами. Другой представитель клана, Рабах Эфенди Хусейни, возвел особняк с «комнатой паши», покрытой высоким куполом, расписанным небесной лазурью и обрамленным позолоченными листьями аканта. «Восточный дом» в начале XX века служил гостиницей «Ориент Хауз», а в 1990-х годах стал резиденцией Фейсала Хусейни, министра по делам Иерусалима в администрации Ясира Арафата. А в особняке Рабаха Хусейни расположилось самое известное американское семейство Иерусалима.

Американские оверкомеры: «Держим теплым молоко для иисуса»

21 ноября 1873 года, когда американка Анна Спаффорд с четырьмя дочерьми плыла через Атлантику на корабле «Виль де Гавр», в них врезалось другое судно. Корабль затонул, погибли все четыре дочери Анны, но сама она выжила. Узнав о смерти дочерей, Анна хотела сперва броситься в воду вслед за ними. А затем послала своему мужу Горацио, преуспевающему чикагскому адвокату, телеграмму, скупые слова которой заставили его содрогнуться: «Спаслась одна. Как мне жить?» Спаффорды отказались от прежней привычной жизни и переехали в Иерусалим. Там им поначалу пришлось испытать еще одну трагедию: их сын умер от скарлатины, в живых из шести детей осталась единственная дочка Берта. Анна Спаффорд была убеждена, что Господь уберег ее от смерти для того, чтобы она могла исполнить некое предназначение. Они вышли из своей пресвитерианской общины и основали собственное мессианское движение, которое американская пресса стала называть общиной оверкомеров[234]. Спаффорды верили, что совершая добрые деяния в Иерусалиме и способствуя возвращению евреев в Израиль (и их подразумеваемому последующему обращению в христианство), они смогут приблизить неминуемое Второе пришествие.

В 1881 году оверкомеры — 13 взрослых и трое детей, ставшие ядром американской колонии, — поселились в большом доме в стенах Старого города близ Дамасских ворот. В 1896 году к ним присоединились фермеры Шведской евангелической церкви, и в одном доме стало тесновато. Оверкомеры арендовали особняк Рабаха Хусейни в районе Шейх-Джаррах, на Наблусской дороге. В

1888 году умер Горацио Спаффорд, но сектанты продолжали процветать, проповедуя Второе пришествие, занимаясь крещением евреев и мало-помалу превращая свою колонию в благотворительный миссионерский центр, включавший больницы, сиротские приюты, бесплатные столовые, магазин, собственное фотоателье и школу. Их успех вызвал раздражение американского генерального консула Селаха Меррилла — члена протестантской Конгрегационалистской церкви и известного антисемита[235] из Массачусетса, профессора и некомпетентного археолога. Двадцать лет Меррилл пытался избавиться от колонистов, обвиняя их в шарлатанстве, антиамериканизме, распутстве и даже похищении детей. И не раз грозил, что пошлет своих охранников, чтобы те «просто отхлестали их плетьми».

Американские репортеры утверждали, что колонисты каждый день готовят чай на Масличной горе, ожидая Второго пришествия. «Они всегда держат наготове теплое молоко и оседланных осликов на тот случай, если явится наш Господь, — объясняли читателям „Детройтские новости“, — а некоторые и вовсе уверены, что никогда не умрут». Колонисты сыграли особую роль и в археологических изысканиях: в 1882 году они подружились с британским героем, олицетворявшим собой имперскую приверженность Библии и мечу.

Генерал Чарльз Джордж Гордон, получивший прозвища Китайский Гордон (после подавления восстания тайпинов в Китае) и Хартумский Гордон (после героической гибели в Судане), между двумя этими событиями поселился в Эйн-Кереме — родной деревне Иоанна Крестителя. Он прилежно изучал Библию, постоянно наезжал в Иерусалим и часто любовался видами, что открывались с крыши первого дома колонии. Со временем он пришел к убеждению, что холм напротив Дамасских ворот, напоминавший формой череп, и был подлинной Голгофой. Эту идею он отстаивал так рьяно, что его так называемая «Садовая гробница» стала протестантской альтернативой Гробу Господню[236]. Оверкомеры терпимо относились ко многим психически неуравновешенным паломникам, которых Берта Спаффорд называла «простецами в саду Аллаха». «Иерусалим, — писала она в мемуарах, — привлекает все виды религиозных фанатиков и чудаков с психическими расстройствами разной степени». Было несколько американцев, считавших себя «Илией, Иоанном Крестителем или каким-либо иным пророком. По Иерусалиму шаталось несколько таких мессий». Один такой «Илия» пытался как-то убить Горацио Спаффорда, швырнув в него камнем. Некий техасец по имени Титус считал себя завоевателем мира, но его пришлось убрать из колонии после того, как он

начал приставать к горничным с грязными намерениями. А одна богатая голландская престарелая графиня придумала проект усадебного комплекса для 144 тыс. спасенных душ, о которых говорит Апокалипсис (7:4).

Однако не все американцы в Иерусалиме были христианскими сионистами. Генеральный консул Меррилл ненавидел евреев не меньше, чем оверкомеров, называя сынов Израиля заносчивым, одержимым жаждой наживы «народом слабаков, из которых не могут получиться ни хорошие солдаты, ни колонисты, ни добрые граждане».

Постепенно радостные песнопения и благотворительные деяния Американской колонии завоевали ей друзей во всех прочих религиозных общинах. Это поселение стало первым пунктом прибытия для многих писателей с именем, паломников или влиятельных особ. Шведская писательница Сельма Лагерлёф, жившая у Спаффордов, прославила колонию своим романом «Иерусалим», удостоенным Нобелевской литературной премии. В 1902 году барон Платон Устинов (дед актера Питера Устинова), владевший отелем в Яффо, предложил своим гостям номера в колонии, положив начало ее превращению в гостиничный комплекс.

Усилиями европейцев и американцев город преображался. И все же доминирующие позиции в нем в конце XIX века удерживала Россия — империя православных крестьян и гонимых евреев. И теми, и другими владело непреодолимое желание оказаться в Иерусалиме. И те, и другие плыли сюда из Одессы на одних и тех же судах.

41. Русские
1880–1898 гг.

Великий князь Сергей и великая княгиня Елизавета

Ради паломничества к Сиону русские крестьяне, многие из них женщины, часто пешком проходили весь путь от своих деревень до Одессы. Они были одеты в «латаные-перелатаные зипуны или тулупы и бараньи шапки», женщины надевали на себя «по четыре-пять нижних юбок, а головы кутали в серые шали». Они везли с собой погребальные саваны и верили, что в Иерусалиме всем тяготам их суровой жизни наступит конец. «Для русского крестьянина, идущего в Иерусалим, собственная смерть, в определенном смысле, является предметом столь же неустанных дум и темой постоянной подготовки, что и забота различных протестантских миссионерских центров о жизни своих подопечных», — так описывал русских паломников Стивен Грэм, английский журналист, под видом паломника севший на русский корабль в Одессе. Маскировкой ему служили его безукоризненный русский, косматая борода и крестьянский тулуп.

Они плыли в «темных и грязных трюмах» утлых суденышек. Грэм вспоминал: «Как-то в шторм, когда сломались мачты, трюм, где крестьян швыряло друг на друга, как мертвецов, и они хватались друг за дружку, как одержимые, был хуже любого воображаемого ада». В Иерусалиме их встречал «детина-черногорец, их гид, в великолепной форме Русского палестинского общества — красно-кремовом плаще и галифе, — который повел их по иерусалимским улицам», заполоненным «нищими арабами-попрошайками, клянчащими медяки, почти голыми и такими безобразными, что словами не описать», до Русского подворья. Там паломники жили в просторных общих комнатах за «три пенса в день», ели в трапезных кашу, щи и запивали квасом. Русских было множество, и «арабские мальчишки бегали поблизости, крича по-русски: „Московит хорош!“»

Во время плавания среди паломников распространились слухи, что с ними плывет некий таинственный пассажир. Ступая на Святую землю, они восклицали: «Слава Тебе, Господи!», а потом продолжали шептаться между собой, что «в Иерусалим прибыл таинственный паломник». Некоторые даже заявляли, что

видели у Золотых ворот или стены Ирода Самого Христа. «Они проводили целую ночь у Гроба Господня, — писал Грэм, — а получая Святой огонь, гасили его затем своими шапками, в которых собирались лечь в гроб». В то же время паломников неприятно поражал сам Иерусалим — «суетный, служащий для развлечения богатых туристов», а еще более — «большая, ветшающая, грязная, кишащая паразитами» церковь Гроба Господня. Обычно они старались убедить себя: «Мы обретаем Христа, глядя на Иерусалим духовным взором и проникаясь Евангелием».

Впрочем, их Святая Русь тоже постепенно менялась. Освобождение Александром II крепостных в 1861 году заставило общество ожидать либеральных реформ, не все из которых он смог осуществить. Анархисты и социалисты охотились на царя в его собственной столице. Во время одного из покушений император сам выхватил пистолет из рук убийцы. И в конце концов 1 марта 1881 года террористы достигли своей цели: император погиб, получив смертельное ранение от взрыва бомбы, брошенной ему под ноги экстремистами-народовольцами.

По стране распространились слухи, что к смерти царя причастны евреи (хотя в кругу террористов была только одна еврейка, а ни один из убийц евреем не был). По югу и западу России прокатились еврейские погромы, и русское слово *pogrom* стало хорошо известно на Западе. Новый император Александр III, бородатый гигант с консервативными взглядами, считал евреев «социальной болезнью», обвинял их в экономическом притеснении православных и обогащении за счет русского населения. «Временные правила о евреях» 1882 года сделали антисемитизм частью государственной политики, которая часто поддерживалась репрессиями тайной полиции.

Александр III верил, что Святая Русь будет спасена самодержавием и православием. Он назначил своего брата, великого князя Сергея Александровича, председателем Императорского православного палестинского общества, поручив ему «укрепить православие в Святой земле».

28 сентября 1888 года Сергей и его 24-летняя жена Елизавета, очаровательная внучка королевы Виктории, которую в семье звали Эллой, присутствовали на освящении храма Равноапостольной Марии Магдалины, построенного на склоне Масличной горы из белого известняка и ослепительно сверкавшего на солнце семью золотыми луковичными куполами. Иерусалим растрогал и взволновал обоих супругов: «Вы даже представить себе не можете, какое глубокое впечатление остается в душе, — писала Элла королеве Виктории, — когда входишь в

Гроб Господень. Это такая неимоверная радость — быть здесь, и в мыслях своих я постоянно обращаюсь к Вам». Великий князь Сергей и сам император подробно обсуждали с архитектором все детали строительства, а Элла подарила храму икону Марии Магдалины.

На Святой земле Элла, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская и протестантка по вере, укрепилась в своем решении перейти в православие, приняв имя Елизавета (Феодоровна). Для нее было счастьем «увидеть все эти святые места, которые мы учимся любить с раннего детства». «Как будто сон — увидеть все эти места, где наш Господь пострадал за нас. И такое успокоение охватывает, когда здесь молишься».

Элла в самом деле нуждалась в утешении. 31-летний Сергей был, что называется, «военной косточкой» и домашним тираном, но за ним тянулся длинный шлейф слухов о гомосексуальных похождениях, что, конечно, противоречило его образу глубоко религиозного ревнителя православия и одного из оплотов самодержавия. «Упрямый, дерзкий, неприветливый, он бравировал своими недостатками, точно бросая всем вызов и давая таким образом врагам богатую пищу для клеветы и злословия», — свидетельствовал один из его двоюродных братьев. Благодаря браку с Елизаветой Сергей оказался в самом центре европейского королевского семейства: ее родная сестра Александра готовилась выйти замуж за будущего царя Николая II.

В Иерусалиме интересы Сергея — религия, империя и археология — воплотились в его новой церкви Александра Невского, возведенной в непосредственной близости от храма Гроба Господня. При подготовке участка под фундаменты рабочие обнаружили фрагменты стен храма времен Адриана и базилики императора Константина; эти археологические находки были включены в комплекс здания. На Русском дворе появилось Сергиевское подворье — роскошная гостиница с зубчатыми неоготическими башенками, предназначенная для русских аристократов[237]. Церковь и гостиница стали центром притяжения для тысяч русских паломников.

Судьба Сергея и Елизаветы сложилась трагично, однако деятельность его на родине, во многих случаях окрашенная официальным антисемитизмом, в определенном смысле привела к тому, что все больше и больше евреев покидали Россию; многие из них направились к святилищу Сиона.

Российские евреи в Иерусалиме

В 1891 году Александр III назначил Сергея генерал-губернатором Москвы. Великий князь тотчас выслал из Первопрестольной 20 тыс. евреев, наводнив город в первый день иудейской Пасхи казаками и жандармами. «Я уверена, что нас ждет за это осуждение в будущем, — писала Елизавета, — хотя Сергей считает, что делает это ради нашей безопасности. Я же испытываю от этого только стыд».

Шесть миллионов русских евреев никогда не забывали Иерусалим, обращаясь в молитве в сторону Святого города. Но теперь все новые погромы толкали их либо в революцию — многие из них приняли социалистические идеи, либо в эмиграцию. Это спровоцировало массовый исход — Первую *алию* (слово буквально означает «подъем», «восхождение» — в данном случае на святой Сион). С 1882 по 1914 год Россию покинули два миллиона евреев. Правда, 85 % из них направились не в Обетованную землю, а в «Золотую страну» — Америку. Но и в Палестину прибывали тысячи. К 1890 году, благодаря еврейской эмиграции из России, Иерусалим разительно изменился: из 40 тыс. его жителей 25 тыс. теперь были евреями! В 1882 году султан запретил въезд евреям из России, а в 1889 году издал фирман, запрещавший евреям-иммигрантам задерживаться в Палестине более трех месяцев. Впрочем, эти меры оказались не слишком действенными. Арабские кланы во главе с Юсуфом Халиди одолевали Стамбул петициями об ограничении еврейской иммиграции, но евреи продолжали прибывать.

С той поры, как авторы Библии сложили свое повествование об Иерусалиме, с тех времен, как биография крошечного палестинского городка постепенно становилась частью всеобщей истории, его судьба решалась вдали от него — в Вавилоне, Сузах, Риме, Мекке, Стамбуле, Лондоне и Санкт-Петербурге. Но в 1896 году один австрийский журналист опубликовал книгу, предвосхитившую судьбу Иерусалима в XX веке. Называлась она «Еврейское государство».

Часть девятая. Сионизм

О Иерусалим: тот самый человек, который присутствовал здесь во все эти времена, полный любви мечтатель из Назарета, не сделал ничего, кроме распаления ненависти.

Теодор Герцль. Дневники

Гневный лик Яхве нависает над горячими скалами, видевшими больше священных убийств, насилия и грабежей, чем любое иное место на Земле.

Артур Кёстлер

Если у страны может быть душа, то Иерусалим — душа Эрец-Исраэль.

Давид Бен-Гурион. Интервью

Никакие другие два города не значат для человечества больше, чем Афины и Иерусалим.

Уинстон Черчилль. Вторая мировая война, том 6. Триумф и трагедия

Нелегко быть иерусалимлянином. Тернистый путь омрачает его радости. Великие становятся ничтожными в Старом городе. Папы, патриархи, цари — все снимают свои венцы. Это город Царя Царей; и земные цари и владыки в нем не властвуют. Никому из людей не владеть Иерусалимом.

Джон Тлил. «Я —

Иерусалим». Jerusalem Quarterly

И рожденные неевреями
Помимо собственной ноши
Должны нести и бремя ненависти народа Израиля
Потому что не дают ему с триумфом вернуться в Иерусалим.

Редьярд Киплинг. Бремя Иерусалима

42. Кайзер
1898–1905 гг.

Герцль

Литературный критик из Вены Теодор Герцль, по слухам, был «необыкновенно красив»: глаза у него были «миндалевидные, с густыми черными ресницами», а профиль — как у «ассирийского царя». Несчастливый в браке отец троих детей, этот ассимилированный еврей ходил во фраке и очень любил воротнички-стойки со скошенными углами. «Он не был похож на еврея» и практически не имел ничего общего с убогими кучерявыми иудеями из местечек-*штетлов*. По образованию юрист, Герцль не говорил ни на иврите, ни на идиш, ставил дома рождественскую елку и не позаботился об обрезании сына. Но русские погромы 1881 года потрясли его до глубины души. А когда в 1895 году бургомистром Вены был избран антисемит, демагог и подстрекатель Карл Люгер, Герцль записал: «Среди евреев царит одно настроение — отчаяние». Двумя годами позже он оказался в Париже в качестве репортера на процессе Дрейфуса: армейский офицер-еврей был заклеймен германским шпионом. Герцль испытал глубокий шок, слыша на улицах крики: *Mort aux Juifs* («Смерть евреям»). Зловещий рев народа — того самого, который столетием раньше впервые в Европе уравнял евреев в правах с остальными гражданами, — укрепил его убеждение в том, что ассимиляция не только не удалась, но, напротив, лишь усугубила национальную рознь. Герцль даже предсказал, что однажды антисемитизм будет и вовсе легализован — в Германии!

Он укрепился во мнении, что евреи не смогут чувствовать себя в безопасности без собственного государства. Сначала этот полупрагматик-полуутопист мечтал о германоязычной аристократической республике — этакой еврейской Венеции, управляемой Сенатом, с Ротшильдом в роли царственного дожа и собой в должности канцлера. Представления Герцля были чисто светскими: первосвященники должны были «носить впечатляющие облачения», армия — состоять из кирасиров в серебряных кирасах, а граждане его еврейской республики будут заняты в основном игрой в крикет и теннис в перестроенном и совершенно современном городе Иерусалиме. Ротшильды, скептически относившиеся к идее еврейского государства, отвергли его идею, однако ранние наброски Герцля вскоре

приобрели более прагматичные черты: Палестина — «наша незабвенная историческая родина», — провозгласил он в сочинении «Еврейское государство» в феврале 1896 года «Маккавеи восстанут вновь… Наконец мы будем жить как свободные люди на своей земле и мирно умирать в своих собственных домах».

Идея сионизма была уже не нова, да и сам термин был на слуху по крайней мере с 1890 года. Но Герцль придал этой древней идее форму современной политической концепции и формальную организацию. Евреи не мыслили свое существование без связи с Иерусалимом со времен царя Давида, а особенно — со времен Вавилонского пленения. Иудеи молились, обратившись к Иерусалиму; каждый год на Песах они желали друг другу встретить будущий год в Иерусалиме и хранили память о разрушенном Храме, разбивая бокалы на своих свадьбах. Они совершали в Иерусалим паломничества, мечтали быть похороненными там и молились при первой возможности у стен Храма. Даже подвергаясь унижениям и гонениям, евреи продолжали жить в Иерусалиме и не входили в город лишь тогда, когда им это воспрещалось под страхом смерти.

Новый европейский национализм неизбежно усугубил расовую враждебность к этому вненациональному и космополитическому народу. Но тот же самый национализм, наряду со свободами, завоеванными Французской революцией, вдохновил и евреев. Император Наполеон и американский президент Джон Адамс, польские и итальянские националисты, протестанты-сионисты в Америке и Британии — все они верили в возвращение евреев в Иерусалим. Но пионерами сионистского движения стали несколько ортодоксальных раввинов, для которых возвращение было одним из условий исполнения их мессианских ожиданий. В 1836 году прусский раввин-ашкеназ Цви Хирш Калишер обратился к Ротшильдам и Монтефиоре, предложив им финансировать строительство еврейского государства, а позднее написал книгу «Стремление к Сиону». После дамасского «кровавого навета» Иехуда Хай Алкалай, раввин сефардов Сараево, предложил евреям, живущим в исламском мире, избирать себе вождей и выкупать землю в Палестине. В 1862 году Мозес Гесс, соратник Карла Маркса, предсказал, что национализм приведет к расовому антисемитизму. В своей работе «Рим и Иерусалим: исследование еврейского национализма» он предлагал создание еврейского социалистического общества в Палестине. Однако решающую роль сыграли погромы в России.

«Евреям необходимо стать нацией», — такой тезис выдвигал

одесский врач Леон Пинскер в брошюре «Автоэмансипация. Призыв русского еврея к соплеменникам» в то же самое время, когда писал Герцль. Он призывал новое движение «Ховевей Цион» («Любящие Сион»), объединившее разрозненные сионистские кружки в России, создавать сельскохозяйственные поселения в Палестине. Многие из сионистов были светскими, неверующими евреями, однако, объяснял молодой религиозный сионист Хаим Вейцман, «наше еврейство и наш сионизм тождественны»[238]. В 1878 году палестинские евреи основали в прибрежной долине поселение Петах-Тиква («Врата Надежды»). Теперь уже и Ротшильды в лице французского барона Эдмона начали субсидировать сельскохозяйственные поселения для иммигрантов из России (например, Ришон-ле-Цион, «Первый в Сионе»). В общей сложности барон пожертвовал поистине царскую сумму — 6,6 млн. фунтов стерлингов. Как и Монтефиоре, он пытался выкупить Западную стену в Иерусалиме. В 1887 году муфтий Мустафа аль-Хусейни уже почти даже одобрил сделку, но в конечном итоге все сорвалось. Свою попытку предпринял и Ротшильд в 1897 году, но и на этот раз Хусейни, шейх аль-Харам остался глух к его убеждениям.

Еще в 1883 году, задолго до появления книги Герцля, с первой волной алии в Палестину прибыло 25 тыс. евреев, большинство из них из России. Но в Святую землю приезжали и евреи из других стран. В 1870-е годы хлынули евреи из Персии, а в 1880-е годы — из Йемена. Новопоселенцы старались жить обособленно, собственными общинами: евреи из Бухары, включая старинную династию ювелиров Мусаевых, основали свой Бухарский квартал с регулярной, прямоугольно-сетчатой планировкой и особняками в псевдоготическом либо неоренессансном, а иногда и в мавританском стиле — в напоминание об архитектуре среднеазиатских городов.

В августе 1897 года по инициативе Герцля в Базеле был созван Первый сионистский конгресс, по окончании которого он записал в дневнике: «*L'état c'est moi.* В Базеле я заложил основы еврейского государства. Если бы я заявил об этом сегодня, ответом был бы громкий смех. Возможно, через пять лет и определенно через пятьдесят это наверняка признают все». Так и случилось: он ошибся лишь на год. Герцль стал новым типом политика и публициста, колесившим по железным дорогам Европы, чтобы ходатайствовать за евреев перед королями, отстаивать их интересы перед министрами и склонять к действиям баронов. Его неуемная энергия истощала его и без того слабое сердце, из-за чего он мог умереть в любую минуту.

Герцль верил в сионизм — но построенный не снизу, руками

поселенцев, а пожалованный императорами и финансируемый плутократами. Ротшильды и Монтефиоре поначалу относились к движению пренебрежительно. Но первые сионистские конгрессы украшал своим присутствием Фрэнсис Монтефиоре, племянник Мозеса, «несколько никчемный английский джентльмен», носивший «белые перчатки в разгар летней швейцарской жары потому, что ему приходилось пожимать слишком много рук». Однако Герцлю нужна была поддержка по-настоящему влиятельного человека — для ходатайства перед султаном. Он с самого начала считал, что его еврейское государство будет немецкоговорящим, и потому обратился к образцу современного монарха — германскому кайзеру.

Вильгельм II как раз в те годы задумал совершить путешествие на Восток: встретиться с султаном, посетить Иерусалим и освятить там новую церковь, построенную вблизи Гроба Господня на участке земли, подаренном его отцу, кайзеру Фридриху. Но на самом деле за этими планами скрывалось большее: он гордился своими успехами в восточной дипломатии и видел себя протестантским пилигримом к святым местам. И самое главное: он намеревался предложить османам протекцию Германии, чтобы ослабить влияние Британии.

«Я пойду к германскому кайзеру, чтобы сказать ему: отпусти народ мой», — думал Герцль, твердо решив основать свое государство по образу и подобию «этой великой, сильной, нравственной, прекрасно управляемой, отлично организованной страны — Германии».

Вильгельм: «Паразиты моей империи»

Кайзер был совсем не похож на защитника евреев. Услышав, что некоторые евреи Австрии помышляют о переселении в Аргентину, он сказал: «Эх, если бы мы могли послать туда и наших!» А по поводу сионизма Герцля кайзер выразился еще откровеннее: «Я только за то, чтобы эти мойши уезжали в Палестину. Чем скорее они уберутся отсюда, тем лучше!» И хотя кайзер регулярно встречался с еврейскими промышленниками в Германии и даже сдружился с евреем-судовладельцем Альбертом Баллином, на деле он был антисемитом, часто поминавшим «ядовитую гидру еврейского капитализма». Вильгельм называл евреев «паразитами империи», которые пьют соки из Германии и «разъедают и переиначивают на свой лад» страну. Через много лет, уже низложенный, живя в изгнании в Нидерландах, он будет встречаться с нацистами и приветствует приход Гитлера к власти.

Сейчас Герцль, однако, чувствовал: «Антисемиты становятся нашими самыми надежными друзьями».

Ему необходимо было проникнуть ко двору Вильгельма. Сначала ему удалось встретиться с влиятельным дядей кайзера — князем Фридрихом Баденским, проявлявшим сильный интерес к проекту поисков Ковчега Завета. Фридрих отписал племяннику, а тот, в свою очередь, попросил Филиппа, принца Эйленбургского, рассказать Вильгельму о планах сионистов. Принц Эйленбургский, лучший друг кайзера, посол в Вене и «серый кардинал» и мастер политической интриги, был «воодушевлен» идеями Герцля: сионизм виделся ему верным способом расширить германское могущество. Кайзер согласился, что «энергию, творческий потенциал и продуктивность племени Сима следовало бы направить на более достойные цели, чем высасывание христиан досуха». Вильгельм, как и большинство представителей правящего класса того времени, считал, что евреи обладают мистической властью над трудящимися всего мира:

«Господу даже лучше, чем нам, ведомо, что евреи убили Нашего Спасителя, и Он наказал их за это подобающим образом. И не следует забывать — учитывая огромную и чрезвычайно опасную силу, которую представляет собой интернациональный еврейский капитал, — что Германия получила бы огромное преимущество, если бы евреи чувствовали себя благодарными ей».

Герцля ждали добрые вести от кайзера: «Повсюду гидра антисемитизма поднимает голову, и испуганные евреи озираются вокруг в поисках защитника. Что ж, я походатайствую перед султаном». Герцль был в восторге: «Прекрасно, прекрасно».

11 октября 1898 года император Вильгельм и императрица сели в поезд со свитой, в составе которой были министр иностранных дел, 20 придворных, два врача и 80 горничных, слуг и охранников. Желая произвести впечатление на весь мир, кайзер лично разработал дизайн особого бело-серого мундира с белым плащом до пят, в стиле крестоносцев. 13 октября Герцль с четырьмя своими соратниками-сионистами выехал из Вены на «Восточном экспрессе». В багаже наряду с фраком и белой бабочкой он вез пробковый шлем и костюм «сафари».

В Стамбуле Вильгельм наконец принял лидера сионистов. Герцль показался кайзеру «идеалистом с аристократическим менталитетом, умным, очень воспитанными, с выразительными глазами». Вильгельм сказал, что поддерживал Герцля, поскольку «среди евреев слишком много ростовщиков. Если они отправятся на поселение в колонии, от них будет больше проку». Герцль выразил протест против этой клеветы. Кайзер спросил, о чем ему

ходатайствовать перед султаном. «Об учреждении привилегированной компании под протекцией Германии», — был ответ. Кайзер пообещал Герцлю вторую аудиенцию в Иерусалиме.

Герцль был впечатлен. Гогенцоллерн, с «его большими синими глазами, красивым серьезным лицом, искренний, сердечный и смелый», воплощал собой имперскую мощь. Вильгельм, безусловно, был образованным, умным и энергичным, но при этом настолько нервным, нетерпеливым и непостоянным, что даже принц Эйленбургский подозревал, что он не совсем здоров психически. После отставки князя Бисмарка с поста канцлера Вильгельм стал контролировать всю германскую политику, но его чрезмерная импульсивность мешала ему действовать эффективно. Его личная дипломатия была крайне неудачной: его записки к министрам были столь оскорбительны, что им приходилось прятать их в сейфе. А его публичные речи, в которых он призывал свои войска стрелять в немецких рабочих или «истреблять врагов словно гуннов», сбивали с толку и вселяли тревогу. К 1898 году Вильгельм стяжал себе репутацию эксцентрика и поджигателя войн.

Как бы там ни было, кайзер предложил сионистский план Абдул-Хамиду. Султан безоговорочно отверг его, сказав затем своей дочери: «Евреи могут сэкономить свои миллионы. Когда наша империя будет разделена, они, вероятно, получат Палестину задаром. Но она будет разделена только через мой труп». Между тем Вильгельм, к этому времени уже ослепленный величием ислама, потерял к Герцлю всякий интерес.

29 октября 1898 года в три часа пополудни кайзер въехал в Иерусалим через пролом, специально сделанный для его экипажа в стене рядом с Яффскими воротами.

Кайзер и Герцль: последний крестоносец и первый сионист

Кайзер был облачен в белый костюм и длинную, в пол, накидку в виде мантии, расшитую золотыми нитями и ослепительно сверкавшую на солнце. Она крепилась к остроконечному шлему, украшенному отполированным до глянца золотым орлом. Вильгельма сопровождала кавалькада огромных прусских гусар в стальных шлемах, вздымавших стяги в стиле крестоносцев, и вооруженных пиками султанских уланов, в красных камзолах, синих шароварах и зеленых тюрбанах. Императрица в шелковом платье с орденской лентой и в соломенной шляпке следовала за супругом в карете с двумя фрейлинами.

Герцль наблюдал за спектаклем, который разыгрывал кайзер, из отеля, переполненного немецкими офицерами. Кайзер понимал, что Иерусалим — идеальная сцена для легитимизации его лишь недавно выкованной империи. Но ему не удалось впечатлить всех поголовно: вдовствующая российская императрица Мария Федоровна сочла его спектакль «безвкусным, совершенно нелепым, отталкивающим!» Кайзер первым из глав государств включил в свою свиту официального фотографа. Форма крестоносца и сонм фотографов демонстрировали, по словам принца Эйленбургского, его «две совершенно разные натуры — рыцарскую, напоминавшую о славных летах Средневековья, и подчернуто современную».

Толпы людей, как сообщали репортеры *The New York Times*, были «одеты в праздничные костюмы: горожане с белыми тюрбанами на голове — в яркие полосатые кители, жены турецких армейских офицеров — в цветастые шелковые платья до пят, зажиточные крестьяне — в красные кафтаны». На ногах бедуинов в куфиях, гарцевавших на прекрасных боевых скакунах, алели большие неуклюжие башмаки, а под их рубахами-*галабиями*, перепоясанными кожаными ремнями, скрывались целые арсеналы оружия. Их шейхи держали в руках копья с наконечниками, украшенными страусовыми перьями.

У еврейской триумфальной арки главный раввин сефардов, бородатый старец в белом кафтане и синем тюрбане, и другой раввин, ашкеназский, преподнесли Вильгельму в дар экземпляр Торы. Затем кайзера приветствовал мэр города Ясин аль-Халиди, облаченный в царственную пурпурную мантию и тюрбан с золотым обручем. Около Башни Давида Вильгельм вышел из кареты, и далее они с императрицей проследовали пешком. Толпу разогнали из страха перед покушениями анархистов (жертвой одного из них незадолго до этого стала императрица Австрии Елизавета Баварская). Когда патриархи во всем блеске своих инкрустированных драгоценными камнями регалий показывали кайзеру Гроб Господень, сердце его забилось «быстрее и чаще», ведь он шел по следам Иисуса.

Пока Герцль ожидал приглашения и осматривал город, кайзер поприсутствовал на освящении церкви Христа Искупителя с башней в романском стиле. В проектировании здания император принимал личное участие, «с особой тщательностью и любовью». При посещении Храмовой горы кайзер — еще один археолог-энтузиаст — попросил муфтия разрешить здесь раскопки, но тот вежливо отклонил просьбу высокого гостя.

2 ноября Герцлю наконец была назначена аудиенция. Пятеро сионистов настолько нервничали, что один из них предложил

принять успокаивающие капли. Одетые сообразно случаю во фраки с белыми бабочками, с цилиндрами на головах, они прибыли в лагерь кайзера севернее Дамасских ворот. Это был роскошный стан Томаса Кука с 230 палатками, которые доставили на место на 120 повозках, запряженных 1300 лошадьми и управлявшимися сотней возничих и 600 кучерами; императорскую чету обслуживали 12 поваров и 60 официантов. Охранял лагерь османский полк. Это был, как свидетельствовал организатор путешествия Джон Мейсон Кук, «самый большой отряд, отправленный в Иерусалим со времен крестоносцев. Мы оставили всю страну без коней и повозок и почти без продуктов». Английский журнал «Панч» назвал Вильгельма «крестоносцем от Кука».

Герцль застал кайзера позирующим в «серой колониальной форме, шлеме, коричневых перчатках и со стеком в руке». Сионист приблизился, «остановился и поклонился. Вильгельм приветливо протянул ему руку, а затем заявил назидательным тоном: „Эта земля нуждается в воде и тени. Здесь всем найдется место. Идея вашего движения довольно здравая“». Когда Герцль пояснил ему, что провести воду — задача осуществимая, но дорогая, кайзер ответил: «Что ж, у вас денег много, больше, чем у всех нас». Герцль заговорил о современном Иерусалиме, но Вильгельм прервал встречу, «не сказав ни да, ни нет».

По иронии судьбы Иерусалим не понравился им обоим. «Мрачное, пустынное нагромождение камней, — писал Вильгельм, — испорченное большими, современными предместьями еврейских колоний. Здесь живет 60 тыс. евреев, жалких и грязных, раболепствующих и презренных, не делающих ничего, только пытающихся ободрать до нитки своих соседей — ну самые что ни на есть Шейлоки»[239]. Но в письме своему кузену, российскому императору Николаю II, Вильгельм признался, что стал еще больше презирать христианское «поклонение фетишам»: «Покидая Святой город, я испытал чувство глубокого стыда перед мусульманами». Герцль вторил ему: «Когда в грядущие дни я буду вспоминать о тебе, о Иерусалим, то не с восхищением. Затхлые остатки двух тысячелетий бесчеловечности, нетерпимости и грязи скопились на твоих вонючих улочках». Западная стена, считал Герцль, была захвачена «омерзительными, жалкими, толкущимися нищими». Он мечтал: «Если Иерусалим когда-нибудь станет нашим и если я все еще буду в состоянии что-нибудь сделать для него, я бы прежде всего его вычистил. Я выбросил бы все, что не священно, уничтожил бы все грязные крысиные норы». Герцль грезил о новом городе, отводя старому роль древней святыни.

«Я выстроил бы новехонький, полный воздуха, удобный для жизни город с хорошей канализацией… Старый Иерусалим пусть останется Лурдом, Меккой, Иерушалаимом. А новый чудесный красавец-город может вырасти рядом с ним». Позднее Герцль укрепился во мнении, что Святой город должен быть в общем владении: «Иерусалим не будет принадлежать никому конкретно, но всем и каждому. Его святые места будут достоянием всех верующих».

Кайзер отбыл в Дамаск, где объявил себя защитником ислама и почтил память о Саладине, подарив городу новую гробницу завоевателя. А Герцль увидел будущее в трех крепких, дородных и сильных евреях-привратниках в своем отеле: «Если мы сможем переселить сюда 300 тыс. таких же евреев, как они, весь Израиль будет нашим».

Впрочем, Иерусалим уже стал центром еврейства в Палестине: из 45 300 его жителей 28 тыс. были евреями. И такое изменение состава населения города уже пугало арабские власти. «Кто может оспаривать права евреев на Палестину? — признался постаревший Юсуф аль-Халиди своему другу Цадоку Кану, главному раввину Франции, в 1899 году. — Великий Боже, это действительно ваша страна». Но «грубая сила реальности» заключалась в том, что Палестина была также «неотъемлемой частью Османской империи и, что еще важнее, была населена не одними только израильтянами». В этих словах уже намечена идея палестинской нации — Халиди был иерусалимлянином, арабом, османским подданным и, по сути, гражданином мира, ощущавшим необходимость отвергнуть исключительные притязания евреев на Сион. Уже в то время Халиди предвидел конфликт, который возникнет с возвращением евреев в Землю обетованную, где уже живут арабы.

В апреле 1903 года с попустительства властей произошел страшный погром в Кишиневе, спровоцировавший еще несколько более мелких антисемитских бесчинств в России[240]. В панике Герцль отправился в Россию, чтобы лично встретиться с министром внутренних дел Плеве. Одновременно, не достигнув никаких результатов в переговорах с кайзером и султаном, он начал искать временную территорию вне Святой земли для заселения ее евреями.

Герцль нуждался в новом покровителе: временную «родину» евреев он теперь хотел обустроить на Кипре либо где-нибудь в районе Эль-Ариша на Синае, то есть на территории Британского Египта. Обе эти земли привлекали его близостью к Палестине. В 1903 году Натан, первый лорд Ротшильд, наконец принявший идеи сионизма, представил Герцля Джозефу Чемберлену —

британскому министру колоний. Тот сразу исключил Кипр, однако согласился рассмотреть вариант Эль-Ариша. Герцль нанял юриста для составления хартии для нового еврейского поселения. Этим юристом оказался 40-летний либерал Дэвид Ллойд Джордж, чьи решения впоследствии изменили судьбу Иерусалима так, как не менял ее ни один человек со времен Саладина. Но прошение Герцля было отвергнуто — к его великому разочарованию. Чемберлен и премьер-министр Артур Бальфур выступили со встречным предложением: под еврейскую «родину» они готовы были отвести Уганду (в то время это была часть Кении). Герцль за отсутствием выбора дал предварительное согласие.

Несмотря на неудавшиеся попытки заручиться поддержкой императоров и султанов, сионистские идеи Герцля вдохновили множество евреев России и, в частности, 11-летнего мальчика из состоятельной адвокатской семьи. Давиду Грину суждено было в будущем стать мессией, который приведет евреев назад в Израиль.

43. Иерусалимский лютнист
1905–1914 гг.

Давид Грин становится Давидом Бен-Гурионом

Отец Давида был местным лидером общины «Любящих Сион», одной из первых сионистских организаций, и знатоком Торы, так что мальчик выучил иврит уже в раннем детстве. Однако Давид, как и многие другие сионисты, был потрясен, прочитав о том, что Герцль принял предложение об Уганде. Свой так называемый «угандизм» Герцль попытался «продать» делегатам Шестого сионистского конгресса. Но это привело лишь к расколу в сионистском движении и выходу из него значительного числа сторонников возвращения на Сион. Один из соратников Герцля — английский драматург, выходец из Польши Израэл Зангвилл, автор афоризма об Америке как «огромном плавильном котле, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности», — основал свою собственную Еврейскую Территориальную организацию, выдвинув лозунг «Земля без народа для народа без земли», подразумевавший возможность создания еврейского государства в любом месте, а не только на исторической земле Израиля.

Австрийский плутократ барон Морис Гирш финансировал еврейские колонии в Аргентине, а нью-йоркский банкир Джейкоб Шифф отстаивал Гальвестонский план — Сион для русских евреев в Техасе. Гораздо больше сторонников было у идеи создания еврейского государства в Эль-Арише, ведь он находился ближе к Палестине, а сионизм без Сиона многим казался все же немыслимым. Ни один из этих проектов[241] не нашел массовой поддержки. А Герцль, окончательно подорвавший здоровье в бесконечных прениях, вскоре умер в возрасте 44 лет. Но все-таки он сумел заложить основы сионизма как одного из путей решения еврейского вопроса.

Молодой Давид Грин оплакал смерть своего героя Герцля, хотя сам уже пришел к выводу, «что лучшим способом победить „угандизм“ является поселение еврейского народа на земле Израилевой». В 1905 году в России разразилась революция, которая едва не стоила трона Николаю II. В ней участвовало много евреев (самый известный из них — Лев Троцкий), однако они были не сионистами, а интернационалистами, презиравшими и расовые различия, и религию. Николай II почувствовал, что

антисемитские «Протоколы сионских мудрецов» очень похожи на правду. Вот его пометки на полях книги: «Какая глубина мысли! Какая предусмотрительность! Какое точное выполнение своей программы! Наш 1905 год точно под дирижерством мудрецов». Вынужденный пойти на некоторые уступки и даровать некоторые свободы, он пытался укрепить слабевшее самодержавие, однако никак не мешал усилению Черной Сотни — организации националистов-реваншистов, подстрекавших чернь в том числе и на антисемитские погромы.

Эти погромы побудили Давида Грина, члена социалистической партии «Поалей Сион» («Рабочие Сиона»), взойти на борт одного из паломнических кораблей и отплыть из Одессы в Святую землю. Этот юноша из Плоньска был типичным представителем Второй алии — волны светских переселенцев, многие из которых придерживались идей социализма и считали Иерусалим гнездом средневековых суеверий. В 1909 году эти переселенцы основали на песчаных дюнах около древнего порта Яффо город Тель-Авив. А в 1911–м они создали на севере первую сельскохозяйственную коммуну нового типа — *кибуц*, основанный на принципах общности имущества и равенства в труде и потреблении.

Долгие месяцы по прибытии в Святую землю Грин не посещал Иерусалим. Вместо этого он трудился на полях Галилеи. И только в середине 1910 года, в возрасте 24 лет, он переехал в Иерусалим, чтобы стать журналистом одной из сионистских газет. Маленький, худой, кучерявый, всегда носивший простую русскую рубаху, чтобы подчеркнуть свою приверженность социалистическим идеям, он взял литературный псевдоним Бен-Гурион, заимствовав это имя у одного из помощников Шимона Бар-Кохбы. Старая рубаха и новое имя как нельзя лучше отражали две стороны формировавшегося сионистского вождя.

Бен-Гурион полагал (как и большинство сионистов в то время), что социалистическое еврейское государство можно создать без применения насилия, без доминирования над палестинскими арабами и без их вытеснения. Он был уверен, что еврейский и арабский рабочий класс смогут взаимодействовать. Ведь османские вилайеты Сидона и Дамаска, Иерусалимский санджак — как тогда называлась Палестина, — были нищими полупустынями, там жило всего 600 тыс. арабов. При этом тут было много свободных земель, пригодных для освоения. Сионисты надеялись, что арабы оценят экономические выгоды, которые сулила еврейская иммиграция, и начнут сотрудничать с переселенцами. Им было невдомек, что для большинства этих арабов никакие выгоды от еврейского переселения ничего не

значат.

В Иерусалиме Бен-Гурион снял подвал без окон, но много времени проводил в арабских кафе Старого города, слушая новые арабские песни на граммофонах. Те же самые песни в тех же самых кафе и в то же самое время слушал и учился играть на своей лютне арабский юноша-христианин, коренной иерусалимлянин, знаток и ценитель красоты и наслаждений.

Играющий на уде: Вазиф Джавгарийе

Вазиф Джавгарийе начал учиться игре на арабской лютне, или *уде*, еще мальчиком. Очень скоро он стяжал себе славу лучшего лютниста в городе, жившем музыкой: эта слава открыла ему доступ во все дома — и бедные, и богатые. Родившийся в 1897 году, сын уважаемого члена городского совета, принадлежавшего к греческой православной церкви и приближенного к Семействам, Вазиф был от природы необыкновенно артистичным. Отданный в обучение к цирюльнику, он вскоре решился нарушить родительскую волю и стать музыкантом. Наблюдая за всем, что случалось в городе, и зная в нем всех без исключения — от иерусалимских вельмож и турецких пашей до египетских певцов, куривших гашиш музыкантов и самых разных еврейских девиц, Вазиф с семи лет начал вести дневник — один из шедевров иерусалимской литературы[242].

Когда Вазиф только приступил к написанию дневника, его отец все еще добирался на работу на белом осле. Но Вазиф уже видел первое транспортное средство без конной тяги: автомобиль «Форд», на котором ездил по Яффскому шоссе один из американских колонистов. Привычный к жизни без электричества, юный музыкант, однако, очень быстро полюбил кинематограф в Русском подворье («плата — один турецкий бишлик на входе»).

Синтез культур был Вазифу по душе. Христианин, ходивший в английскую школу при монастыре Св. Георгия, он изучал Коран и с удовольствием участвовал в пикниках на Храмовой горе. Считая евреев-сефардов «яхуд, авлад араб» («евреями, сынами арабов»), он надевал маскарадный костюм к еврейскому празднику Пурим и разделял с ними ежегодную праздничную трапезу у гробницы Симона Праведника, во время которой он, под аккомпанемент своего уда и тамбурина, пел андалузские песни. А в доме одного еврея-портного в квартале Монтефиоре он исполнял еврейскую версию хорошо известной арабской песни,

аккомпанируя хору ашкеназов.

В 1908 году иерусалимляне отпраздновали победу революции младотурков, низвергнувшей тирана Абдул-Хамида и его тайную полицию. Младотурки — политическая партия «Единение и прогресс» — восстановили конституцию 1876 года и объявили парламентские выборы. Преисполненный воодушевления Альберт Антеби — местный предприниматель, которого друзья звали Еврейским пашой, а враги — Маленьким Иродом, бесплатно раздал веселившейся у Яффских ворот толпе сотни караваев хлеба. Детвора на улицах города разыгрывала сцены восстания младотурков.

Арабы поверили, что наконец-то освободятся от османского деспотизма. Первые арабские националисты не представляли себе четко, какое государство они хотят иметь: с центром в Аравии или в Большой Сирии. Но ливанский писатель Наджиб Азури уже подметил, что националистические устремления арабов и евреев кристаллизовались одновременно, и их столкновение стало неизбежным. Депутатами Стамбульского парламента от Иерусалима были избраны члены знатных семейств — Отман аль-Хусейни и племянник Юсуфа аль-Халиди Рухи — литературовед, просветитель и политический деятель. Став в Стамбуле заместителем спикера парламента, Рухи Халиди использовал свое положение, чтобы бороться против сионизма и покупки евреями земельных участков.

Богатевшие иерусалимские кланы процветали. Их сыновья обучались с Вазифом в английской школе при монастыре Св. Георгия, дочери — в школе Хусейни для девочек. Женщины теперь носили и привычные арабские одеяния, и европейские платья. Британские школы принесли в Иерусалим футбол: матч проводился каждую субботу после полудня на поле за воротами Ирода. Особенно увлекались новой игрой мальчики Хусейни, некоторые из них играли прямо в своих фесках. До Первой мировой войны Вазиф еще ходил в школу, но уже вел богемную двойную жизнь. Он играл на своем уде, слыл надежным посредником в сомнительных делах и устраивал застолья, а возможно, служил и сводником для кланов, которые теперь жили за стенами Старого города в своих новых особняках в районе Шейх-Джаррах. Время от времени знатные горожане арендовали *odah,* небольшие квартиры для игры в карты или для любовниц, и нередко отдавали запасные ключи от них Вазифу. Покровитель Вазифа, сын мэра Хусейн Эфенди аль-Хусейни, снимал на Яффском шоссе *odah* для своей самой услужливой содержанки по имени Персефона — эта предприимчивая обольстительница полугреческого-полуалбанского происхождения в свободное

время занималась торговлей скотом и лекарственным тимьяновым маслом под собственным брендом. Персефона любила петь, и аккомпанировал ей на лютне наш Вазиф. Хусейни, став в 1909 году мэром Иерусалима, женился на ней.

Традиционно дамами сердца знатных иерусалимлян были еврейки, армянки или гречанки. Но теперь главным ресурсом иерусалимских гедонистов стали русские паломницы, тысячами приезжавшие в город. Вазиф записал в дневнике, что вместе с будущим мэром Раджибом аль-Нашашиби и Исмаилом аль-Хусейни он устраивал тайные пирушки «для русских дам». Именно в это время один необычный русский паломник, прибывший в Иерусалим в марте 1911 года, сетовал на поразительное разложение нравов и блуд своих соотечественниц в Святом городе. Этот сибаритствующий крестьянин был любимцем и надеждой российской императорской четы: их единственный сын страдал гемофилией, и необычный крестьянин-паломник, казалось, только один и мог вылечить царевича.

Распутин: остерегитесь, русские монахини

«Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны… Да воскреснет Господь! Душа поет радостно», — писал Григорий Распутин, 44-летний сибирский крестьянин, сделавший карьеру царского «святого старца». Впервые он посетил Иерусалим в 1903 году, будучи еще никому не известным паломником. Он так и не забыл тяготы того морского путешествия из Одессы: «Надо обратить побольше внимания на паломников, — писал он позднее, — чтобы не возили их, как скот, в трюмах, иногда до семисот вместе». Но с той поры Распутин обрел вес и влияние. И на этот раз его паломничество оплатил Николай II, называвший Распутина «нашим другом», но не нашедший иного способа удалить его из Санкт-Петербурга, чтобы замять нараставшую критику в адрес царского дома из-за «старца», который устраивал попойки с проститутками, непристойно обнажался в публичных местах и прилюдно мочился в ресторанных залах. На этот раз Распутин жил в Иерусалиме в роскошной резиденции православного патриарха. Но при этом мнил себя рядовым ревностным паломником, описывая «невыразимую» радость Пасхи: «Ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, так все и было. И вот слезы текут». А потом опять — секс и попойки, до которых Распутин был так охоч.

В 1911 году в Иерусалим на Пасху прибыло свыше 10 тыс. русских паломников — в большинстве своем неуправляемых крестьян. Они останавливались в постоянно расширяющихся общежитиях Русского подворья, а на богослужения ходили в церковь равноапостольной Марии Магдалины, построенную великим князем Сергеем, и в новую церковь Св. Александра Невского рядом с храмом Гроба Господня[243]. Эти паломники лишь усугубляли дурную репутацию русских: «Многие из них живут в Иерусалиме на такой манер, который не соответствует ни святости места, ни цели их паломничества, пав жертвой всякого рода соблазнов».

С ростом числа русских паломников, не удерживавшихся от пьянства и потасовок в Святом городе, контролировать их становилось все труднее, и Распутин рассказывает, как он ненавидит католиков и армян, не говоря уже о мусульманах. В 1893 году телохранитель одного богатого русского паломника застрелил католического ризничего и еще троих человек лишь за то, что католик в храме Гроба Господня попросил его уступить дорогу. «Вино продают „ракичку на паричку“ и пьют его, потому что дешево. Это более делают чернички афонские», — объяснял Распутин. Худшим злом был разврат: мы уже писали, что русские паломницы охотно участвовали в сомнительных увеселениях знатных иерусалимлян, а некоторые даже оставались в Иерусалиме в качестве постоянных любовниц. Распутин знал, о чем говорил, когда предостерегал: «Первый раз непонятная для тебя радость появляется, а во второй раз начнем хулить, и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя: съезди за послушание и расскажи ему с трепетом, как много там ошибок для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывает очень трудно, лучше бы их не отпускали: громадный соблазн, очень враг [дьявол] завидует, и из них делаются многие приживалками и торговками святынями, бегают, говорят: „У нас батька святой“ — и записывают вас… Потому нельзя черничкам туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, а кто был там, тот знает».

Торговля удовольствиями шла бойко. Стивен Грэм, английский журналист, сопровождавший в Иерусалим русских крестьян-паломников примерно в то же время, когда там находился Распутин, описывал, как «в Страстную неделю арабки пробирались в гостиницы, несмотря на все установления, и продавали крестьянам бутылки с джином и коньяком. Иерусалим уже запрудили не только паломники и туристы, но и шарлатаны, балаганщики, лоточники, черногорские полицейские, конные турецкие жандармы, пилигримы на ослах, пилигримы на

телегах», англичане и американцы. При этом «Святой город отдан в руки русских, армян, болгар и арабов-христиан».

Русские барышники развращали гостей. Типичным их представителем был некий Филипп: «высокий, широкоплечий, толстый крестьянин с большим, грязным, поросшим черной щетиной, небритым лицом, густыми усами, поникло свисавшими на толстые вялые губы», — «сводник для монахов, зазывала у торговцев святынями, контрабандист, безнравственный человек и торговец религиозными предметами». Некоторые священники проводили свои дни в Иерусалиме в «пьянстве и религиозной истерии», а кроме того, непрерывно обмывали тела умерших — в Иерусалиме умирало много русских. Вдобавок в этой гремучей среде социалистические пропагандисты агитировали русских крестьян, призывая их к революции.

Грэм стал свидетелем того, как в Вербное воскресенье, когда турецкие солдаты пытались сдержать толпу арабов-христиан, валивших из церкви Гроба, «истерически хохоча и пронзительно крича в религиозном неистовстве», на них внезапно набросились турки в красных фесках и арабы-мусульмане в тюрбанах. «С громким гиканьем, прокладывая себе дорогу ударами и тумаками, они пробились к человеку, несшему оливковую ветвь, вырвали ее у него, разодрали на куски и умчались. Какая-то девушка-американка щелкнула своим „Кодаком“. Христиане-арабы поклялись отомстить». Потом русские ожидали Второго пришествия «Победителя смерти» у Золотых ворот. Но кульминационным моментом было, как всегда, схождение Благодатного огня: когда пламя вспыхнуло, «охваченные восторгом люди начали прятать связки горящих свечей себе за пазуху и кричать в порыве исступленной радости. Они распевали так, будто находились под воздействием какого-то необыкновенного наркотика, постоянно восклицая: „Господи, помилуй! Христос воскресе!“ Но их стихийное перемещение сдерживалось плетьми и прикладами винтовок».

Впоследствии Грэм вспоминал, как в ту ночь его товарищи по паломничеству, «воодушевленные и дрожащие от лихорадочного возбуждения, как дети», наполняли свои сумы иерусалимской землей, водой из Иордана, пальмовыми листьями, погребальными пеленами, «и мы снова и снова лобызали друг друга!» «Что за объятия и лобызания были той ночью: чмоканье горячих губ, сплетение бород и усов! Начался день шумного празднества. Обилие выпитого вина, коньяка и арака, крепкой анисовой водки, ужаснуло бы многих англичан. А пляски пьяных показались бы довольно чуждыми и Иисусу!»

В тот год христианская Пасха совпала с иудейским Песахом и

мусульманским праздником Наби Муса. И в то время как Распутин радел за нравственность своих православных сестер, которых рьяно развращал соблазнительными посулами Вазиф, некий английский аристократ спровоцировал бунты и беспорядки, ставшие темами газетных передовиц во всем мире.

Капитан Монти Паркер и Ковчег Завета

29-летний аристократ Монтегю «Монти» Паркер с пышными усами и остроконечной бородкой в стиле Эдуарда VII, с большими запросами и тощим кошельком, был беспринципным мошенником, искавшим легкого пути обогащения или, на худой конец, того, кто мог бы оплачивать его пристрастие к роскоши. В 1908 году этот воспитанник Итона и сын министра в кабинете Уильяма Гладстона, младший брат графа Морли, отставной офицер Гренадерского полка и ветеран Бурской войны познакомился с неким таинственным финским мистиком, который убедил Монти, что вместе они смогут отыскать в Иерусалиме самое драгоценное в истории мира сокровище.

Этого финна звали доктор Вальтер Ювелиус — учитель, поэт и спирит, любивший рядиться в библейские одежды и расшифровывать «библейские коды». Потратив годы на изучение Книги пророка Иезекииля и вдохновленный спиритическими сеансами с неким ясновидящим шведом, Ювелиус уверовал, что разгадал то, что он называл «шифром Иезекииля». Из него следовало, что в 586 году до н. э., когда Навуходоносор уже готов был разрушить Иерусалим, евреи спрятали Ковчег Завета в туннеле к югу от Храмовой горы. Но Ювелиусу был необходим напарник — предприимчивый человек действия, который мог бы помочь ему собрать средства, необходимые для поисков Ковчега. А кто лучше подходил на эту роль, как не слегка бестолковый, но энергичный английский аристократ с прекрасными связями в эдвардианском Лондоне?

Ювелиус показал свое тайное откровение Паркеру, который взволнованно прочитал следующие вдохновляющие строки:

«Теперь я убежден, что эмпирическим путем пришел к чрезвычайно оригинальному выводу: входом в храмовый архив является Акелдама, а сам храмовый архив лежит в неприкосновенности в потайном месте. И нет ничего проще, как достать архив Храма из его древнего тайника, в котором он находится уже 2,5 тыс. лет. Существование шифра доказывает, что храмовый архив остается нетронутым».

Монти Паркера убедила теория чудака-мистика, хотя едва ли

она была более правдоподобна, чем сюжет «Кода да Винчи». Но в те годы, когда даже кайзер посещал спиритические сеансы и очень многие люди верили в закодированные тайные знания евреев, Ювелиусу не составляло труда вербовать сторонников. Один из его адептов писал финну: «Иудеи — народ весьма скрытный. Так что вполне вероятно, что они очень тщательно скрыли Ковчег».

По инициативе Паркера документ Ювелиуса был переведен с финского на английский и издан глянцевой брошюрой. После чего Паркер рассказал своим друзьям, таким же аристократам и армейским фиглярам с большими долгами и дурной репутацией, о представившейся ему удивительной возможности разбогатеть: этот тайник наверняка потянет миллионов на 200 долларов! Паркер оказался бойким агентом по продажам и вскоре привлек инвесторов больше, чем даже было нужно. Английские, русские и шведские аристократы забросали его деньгами. Не отставали от них и богатые американцы — такие, как Консуэло Вандербильд, в замужестве герцогиня Мальборо. Синдикату Паркера необходим был свободный доступ на Храмовую гору и в Город Давида, который, по его глубокому убеждению, можно было легко получить «посредством хорошего бакшиша». Весной 1909 года Паркер, Ювелиус и их охранник-посредник — шведский капитан Гоффенсталь — посетили святые места в Иерусалиме, а затем отплыли в Стамбул, где Монти сумел подкупить многих высокопоставленных чиновников младотурецкого режима, начиная от великого визиря, предложив им авансом 50 % стоимости сокровищ, и заключил контракт, заверенный подписями достопочтенного Джавид-бея, министра финансов, и почтенного Монтегю Паркера, Лондон.

Блистательная Порта посоветовала Паркеру нанять в качестве посредника некоего армянина по имени Макасадар и послала двух своих уполномоченных контролировать раскопки. В августе 1909 года капитан Гоффенсталь забрал «шифр» у Ювелиуса и отправился на встречу с Паркером и его друзьями в Иерусалим, где они сделали своей штаб-квартирой кайзеровский комплекс «Августа Виктория» на Масличной горе, а номера сняли в лучшем отеле города «Фаст». Монти с друзьями вели себя, как компания бесшабашных юнцов, устраивая «беспутные пирушки» и состязания в стрельбе по апельсинам. «Однажды утром мы услышали странный шум, — вспоминала американская колонистка Берта Спаффорд, — и, выглянув в окна, увидели почтенных археологов, изображавших из себя погонщиков ослов: они бежали рядом с ослами и издавали крики, какие обычно издают арабские мальчишки-погонщики, а те, в свою очередь,

восседали верхом вместо англичан». Команда Паркера подкупила многих сильных мира сего в Иерусалиме, умаслила взяткой губернатора Азми-пашу, наняла целое войско рабочих, проводников, слуг и охранников и приступила к раскопкам на холме Офель. Этот холм был и остается отправной точкой археологов в поисках древнейшего Иерусалима: там в 1867 году начал раскопки Чарльз Уоррен. Позднее американские археологи Фредерик Блисс и Арчибальд Дики обнаружили там и другие туннели: это в конце концов и позволило предположить, что именно в том месте и находился Город Давида. Ювелиус спиритически руководил Паркером из Европы, а непосредственно в Святой земле его направлял еще один участник экспедиции — ирландский «чтец мыслей» Ли. И даже не найдя ничего, Паркер не терял веру в Ювелиуса.

Иерусалимские евреи, которых поддерживал барон Эдмон Ротшильд (сам финансировавший раскопки в поисках Ковчега Завета), считали, что Паркер оскверняет священную для евреев землю. Раздражены были и мусульмане, но получившие бакшиш турецкие чиновники держали их в узде. Чтобы успокоить подозрительность горожан, Паркер нанял надзирать за своими раскопками ученого-археолога отца Венсана из французской Библейской археологической школы, который и в самом деле нашел немало свидетельств того, что на этом месте существовало очень древнее поселение. Отец Венсан не особенно вникал в истинную цель раскопок.

Из-за начавшихся в конце 1909 года дождей раскопки были приостановлены. В 1910 году Паркер снова приплыл в Яффо на яхте Кларенса Уилсона «Водяная лилия» и возобновил раскопки. Арабские рабочие бастовали несколько раз. И когда суды пригрозили Паркеру поддержать арабов, Монти со своими партнерами решил, что удержать в благоговейном трепете местных жителей поможет традиционное британское военное шоу: зрелищная церемония выноса знамени. Было решено противостоять мэру (покровителю лютниста Вазифа) «при полном параде». Капитан Дафф в шлеме, кирасе и белых перчатках и крагах, какие носят английские гвардейцы, Монти Паркер в красном мундире и меховом кивере были, по свидетельству майора Фоли, «просто великолепны. Мы произвели сенсацию!»

Забастовщики притихли, и участники этого фарс-парада проследовали с триумфом по Старому городу. Впереди, вспоминал Фоли, «следовали турецкие уланы, за ними — мэр и комендант, несколько святых мужей, затем Дафф, Паркер, я, Уилсон, Макасадар, и замыкали шествие турецкие жандармы». Внезапно мула, на котором сидел Дафф, понесло; он устремился

к базарным рядам, капитан пытался удержаться, но в конце концов мул влетел в одну из лавок и сбросил хозяина на кучу арахиса — к вящему веселью его дружков. «Старый еврей-хозяин лавки, — рассказывал потом Фоли, — решил, что наступил конец света, и запричитал на идише».

Спектакль — а вероятнее, «хороший бакшиш» — подействовал. Паркер педантично отсылал своему синдикату, получившему название FJMPW (по инициалам некоторых его членов), секретные донесения и аккуратные отчеты о взятках. В первый его визит на «бакшиш» было потрачено 1900 фунтов стерлингов; в первый год раскопок — 3400, а по их возобновлении в 1910 году Паркер извел на «выплаты иерусалимским чиновникам» 5667 фунтов. Мэр города Хусейн Хусейни получал от него 100 фунтов стерлингов ежемесячно. Такие щедрые взятки были, безусловно, настоящим благословлением для иерусалимской знати. Но Паркер сознавал, что члены младотурецкого правительства постоянно меняются, а Иерусалим — это чрезвычайно чувствительное место. «Действовать приходится с предельной осторожностью. Малейший промах может привести к серьезным осложнениям!» — сообщал он синдикату. И все же Паркер не понимал до конца, что играет с огнем. Весной 1911 года, в очередной раз возобновив раскопки, он заплатил даже больше обычного, но на этот раз зашел слишком далеко: Паркер решил посягнуть на Храмовую гору, подкупив шейха Халиля аль-Ансари, наследного смотрителя Харам аш-Шариф, и его брата.

Во время празднования Пасхи и мусульманского Наби Муса Паркер решился. Он и его люди, переодевшись в арабов, пробрались на Храмовую гору и у самого Купола вскрыли мощеное покрытие, чтобы докопаться до потайных проходов в горе. Но в ночь на 17 апреля мусульманский сторож, которому никак не удавалось заснуть в своем тесном и душном домике, решил переночевать под открытым небом на Храмовой горе. Там он с удивлением увидел англичан и бросился в город, вопя, что переодетые христиане подкапываются под Купол Скалы.

Муфтий объявил, что раскрыт грязный османо-британский заговор. Толпа мусульман, поддержанная прибывшими на празднества Наби Муса паломниками, ринулась защищать святыню. Спасая свои жизни, капитан Паркер с друзьями бежали в Яффо. Евреи и мусульмане, в первый и последний раз действовавшие заодно (и те, и другие одинаково разъяренные), попытались линчевать шейха Халиля и Макасадара, которых спасло только вмешательство османского гарнизона, взявшего их под стражу. Шейх, Макасадар и полицейские, охранявшие

Паркера, — все были впоследствии посажены в бейрутскую тюрьму.

В Яффо Монти Паркер пытался подняться на борт яхты «Водяная лилия». Но местные полицейские уже были оповещены, что при нем может быть Ковчег Завета. Они обыскали Паркера и его багаж, однако Ковчега не нашли. Паркер понимал, что должен бежать от берегов Палестины как можно скорее. И он ловко сбил с толку османских жандармов, разыграв из себя истинного английского джентльмена: зажег на судне иллюминацию, объявив, что собирается «устроить на яхте прощальный прием для яффских сановников». Но когда те уже готовы были взойти на борт, Паркер поднял якоря.

Между тем толпы негодующих иерусалимлян не успокаивались. Подогреваемые слухами, что Паркер похитил венец царя Соломона, Ковчег Завета и меч Мухаммеда, они угрожали убить губернатора и расправиться со всеми англичанами в городе. Губернатор прятался, дрожа от страха за свою жизнь. Утром 19 апреля лондонская «Таймс» сообщила о массовых волнениях в Иерусалиме: «Магазины не работают, крестьяне бегут из города, слухи множатся». Христиане устрашились, что «магометане-паломники» явились на самом деле для того, чтобы «изничтожить всех христиан». А мусульмане оцепенели от ужаса, прослышав, что «8 тыс. русских паломников вооружаются, чтобы убить магометан». Но все были одинаково убеждены: «Соломоновы регалии» уплывают прочь на яхте капитана Паркера.

Европейцы заперли двери, ставни и ворота и даже не мыслили показываться на улице. «Возмущение иерусалимского народа было столь сильным, — вспоминала Берта Спаффорд, — что власти вынужденно выставили патрули на все улицы города». В последний день праздника Наби Муса на Храмовой горе собралось 10 тыс. человек. «Началась давка. Поднялась страшная паника. Паломники хлынули к воротам Горы с криками „Убивают!“, горожане вооружились кто чем мог и забаррикадировались в своих домах. Никакое иное происшествие за все наше долгое пребывание в Иерусалиме, — пишет Спаффорд, — не провоцировало такого накала страстей. После бегства Паркера резня христиан казалась неотвратимой». *The New York Times* оповещала мир: «Отъезд с сокровищами Соломона. Англичане отплывают на яхте. После раскопок под мечетью Омара ходят слухи, что найден царский венец. Турецкое правительство посылает в Иерусалим высших чиновников для расследования!»

Монти Паркер, так и не осознавший всю серьезность

положения, той же осенью снова приплыл в Яффо. Однако ему посоветовали не сходить на берег. Паркер сообщил синдикату, что направляется в Бейрут посетить арестованных. Но отказываться от раскопок он все же не хотел. Монти задумал выждать, пока все утихнет, а затем добиться того, чтобы губернатор написал великому визирю и заверил его в безопасности всего предприятия. Но Иерусалим не желал больше видеть этого авантюриста, хотя тот не оставлял попыток вернуться вплоть до 1914 года[244].

Лондон и Стамбул обменялись нотами протеста. Иерусалимский губернатор лишился своего поста. Сообщников Паркера судили, но оправдали (поскольку ничего украдено не было), деньги спонсоров утекли, сокровища оказались химерой, а «фиаско Паркера» на целых 50 лет закрыло ворота для европейской археологии и экспансии.

44. Мировая война *1914–1916 гг.*

Джемаль-Паша: тиран Иерусалима

Приключения Паркера высветили реалии младотурецкого правления в Иерусалиме: младотурки были не менее продажными и не более компетентными, чем их предшественники. Но при этом они сумели всколыхнуть надежды арабов на автономию. Для выражения этих новых настроений в Яффо была основана националистическая газета *Filastin* («Палестина»). Однако вскоре стало очевидно, что младотурки остаются тайной и беспощадной организацией, только прикрывающейся демократическими лозунгами. Фактически это было движение турецких националистов, решительно настроенных на то, чтобы не только подавлять надежды арабов, но даже не допускать изучения арабского языка.

Арабские националисты, в свою очередь, начали основывать тайные клубы с целью составления заговоров для достижения независимости, к которым примкнули даже Хусейниды и другие родовитые кланы. Между тем сионистские лидеры побуждали новоприбывших иммигрантов создавать «еврейские поселения, особенно в Иерусалиме, сердце страны» и купили участок земли на горе Скопус под будущий Еврейский университет. Это насторожило кланы, даже несмотря на то, что Хусейниды и прочие землевладельцы, в частности род Сурсок из Ливана, тихо, не привлекая лишнего внимания, продавали земли евреям.

Рухи аль-Халиди — говоривший по-французски просветитель, литературовед и историк, а теперь и депутат палаты представителей турецкого меджлиса (парламента) от Иерусалима — был османским либералом, но вовсе не арабским националистом. Однако он тщательно изучил сионистское движение и даже написал о нем книгу, придя к выводу, что сионизм несет арабам угрозу. В парламенте он пытался добиться законодательного запрета на покупку евреями земель Палестины[245]. Самый богатый потомок старых родов, изысканный плейбой Раджиб аль-Нашашиби также баллотировался в парламент, обещая: «Я не пожалею ни сил, ни энергии, чтобы отвратить от нас опасность, исходящую от сионизма». Редактор арабской газеты *Filastin* тоже предостерегал: «Если такое положение дел сохранится, сионисты добьются

господства в нашей стране».

23 января 1913 года 31-летний младотурецкий офицер Исмаил Энвер, ветеран революции 1908 года, сделавший себе имя, сражаясь с итальянцами в Ливии, ворвался в Блистательную Порту (окруженный стенами офис верховного визиря и правительственных учреждений), застрелил военного министра и захватил власть. Вместе с двумя своими сподвижниками — Мехметом Талаатом и Ахметом Джемалем — Энвер образовал триумвират «трех пашей». После незначительной победы, одержанной им в быстротечной Второй Балканской войне (июль 1913 года), Энвер возомнил себя турецким Наполеоном, призванным возродить империю. В 1914 году он стал военным министром и даже женился на племяннице султана. «Три паши» верили, что остановить разложение многоязычной и многонациональной Османской империи можно лишь путем ее тюркизации. Их жесткая программа своим варварским расизмом и милитаризмом во многом предвосхитила фашизм и Холокост.

28 июня 1914 года сербские террористы убили австрийского наследника, эрцгерцога Франца Фердинанда, и великие державы быстро втянулись в Первую мировую войну. Энвер-паша тоже жаждал воевать и предпринял все усилия, чтобы сделать Германию союзницей Османской империи и заручиться ее военной и финансовой помощью, в которой он остро нуждался. Кайзер Вильгельм, не забывший своего путешествия на Восток, поддержал союз с османами. Энвер назначил себя заместителем главнокомандующего при султане-марионетке (формально считавшимся главнокомандующим) и вступил в войну, начав с бомбардировки русских черноморских портов со своих недавно полученных из Германии линкоров.

11 ноября султан Мехмет V Решад официально объявил войну Великобритании, Франции и России, а в иерусалимской аль-Аксе был провозглашен джихад. Вначале война воспринималась с некоторым энтузиазмом. Прибывшие в Иерусалим части командующего османскими войсками в Палестине баварского генерала барона Фридриха Кресса фон Крессенштайна были встречены местными евреями у воздвигнутой ими по этому случаю триумфальной арки. Немцы взяли на себя защиту евреев от британцев. Иерусалим стал поджидать приезда своего нового правителя.

18 ноября Вазиф Джавгарийе, которому шел 18-й год, наблюдал, как въезжает в Иерусалим военно-морской министр и один из «трех пашей» — Ахмет Джемаль, теперь диктатор Великой Сирии и верховный командующий Четвертой османской армии. Своей ставкой Джемаль сделал комплекс «Августа

Виктория» на Масличной горе. А 20 декабря к Дамасским воротам подъехала роскошная карета из Мекки, над которой развевалось зеленое знамя ислама. В ней сидел пожилой шейх, чье появление в городе вызвало неописуемое волнение. «Войска со знаменем во главе промаршировали по всему Старому городу, жители обрызгивали солдат конвоя розовой водой. За конвоем потянулись все мусульмане города, восклицавшие „Аллах акбар“. Это был самый красивый парад из всех, что я когда-либо видел», — записал Вазиф Джавгарийе. У Купола Джемаль провозгласил джихад. «Ликование охватило все население», — свидетельствовал Кресс фон Крессенштейн. Но перед христианским Рождеством престарелый мекканский шейх неожиданно умер; дурное предзнаменование для джихада.

44-летний Джемаль — приземистый, бородатый, всегда под охраной целого эскадрона гвардейцев на верблюдах — сочетал в себе грубую, параноидальную жестокость с неожиданным обаянием, умом и склонностью к гротескной буффонаде. Бонвиван, питавший «слабость к богатству и роскоши», как, впрочем, и к красивым еврейкам, он прекрасно сознавал и собственное величие, и нелепость своего положения. Терроризируя Иерусалим, Джемаль между делом играл в свой любимый покер, скакал на коне по Иудейским холмам, пил шампанское и раскуривал сигары вместе с испанским консулом и своим другом графом Антонио де Байобаром. Байобар, изысканный аристократ лет тридцати, описывал пашу, как *sale type,* но *bon garcon* — «грязный тип», но «славный малый». Берта Спаффорд находила Джемаля «страшным человеком, из тех, кого следует опасаться», но также и «натурой двойственной», способной очаровывать и проявлять доброту. Однажды, когда никто не видел, Джемаль подарил усеянную алмазами медаль маленькой девочке: вернувшись домой, ее родители застали дочку с новой «игрушкой». Один из немецких офицеров, Франц фон Папен, формулировал кратко и четко: «Необыкновенно умный восточный деспот».

Джемаль управлял Сирией почти как независимый от Стамбула правитель. «Человек безграничного влияния», он демонстрировал свою власть и силу, с усмешкой вопрошая: «Что такое законы? Я их устанавливаю, и я их отменяю!» «Три паши» совершенно справедливо сомневались в лояльности арабов. Переживавшие культурное возрождение, одержимые националистическими устремлениями, арабы ненавидели новый турецкий шовинизм. Они составляли 40 % населения Османской империи, и многие из османских полков были сформированы целиком из арабов. Делом Джемаля стало удержание в

повиновении арабских провинций и подавление любых арабских — но также и сионистских — брожений: сначала с помощью своего зловещего обаяния, а потом и прямых запугиваний.

Вскоре по прибытии в Святой город Джемаль вызвал к себе арабских лидеров, которых подозревали в националистических настроениях. Он долго и подчеркнуто намеренно делал вид, что не замечает их; арабы все сильнее бледнели. Наконец он спросил: «Вы сознаете тяжесть своих преступлений?» Но даже не дал им ответить: «Молчать! Вы знаете, какое за это бывает наказание? Казнь! Смертная казнь!» Арабы дрожали от страха. Выждав немного, Джемаль тихо добавил: «Но я ограничусь вашей высылкой в Анатолию». Когда запуганные арабы ушли, Джемаль со смехом повернулся к адъютанту: «А что делать? Так мы решаем здесь дела». Когда паше потребовались новые дороги, он предупредил инженера: «Если дороги не будут построены вовремя, я тебя казню на том самом месте, где будет положен последний камень!» И не без гордости Джемаль частенько вздыхал: «Везде есть люди, стонущие из-за меня».

Устроив смотр войск, которыми командовали преимущественно немецкие офицеры, Джемаль, готовясь к наступательной операции против британского Египта, обнаружил, что Сирия оплетена сетью интриг, а Иерусалим превратился в гнездо шпионов. Политика паши была незатейлива: «Для палестинцев — депортация, для Сирии — террор, для Хиджаза — армия». В Иерусалиме его тактика была и того проще: «Построить по стойке смирно патриархов, принцев и шейхов, вешать знать и депутатов». Его тайная полиция выслеживала изменников, а паша высылал любого заподозренного в националистической агитации. Джемаль силой отобрал у христиан некоторые их святыни, в частности церковь Св. Анны, и начал высылать из города христианских иерархов, готовясь к наступлению на Египет.

Отправляясь на фронт, паша парадом прошел со своими 20 тыс. воинов через весь Иерусалим. «Встретимся на другом берегу Суэцкого канала или на Небесах!» — хвастливо заявил он. Но граф Байобар заметил, как один османский солдат толкает перед собой украденную где-то тачку со своим личным запасом воды. О внушающей страх военной машине и речи не было! С другой стороны, сам Джемаль останавливался на ночлег в «роскошных шатрах, где были вешалки для шляп и даже переносные туалеты». 1 февраля 1915 года паша, довольный бодрым настроением своих солдат, распевавших песню «Красный флаг реет над Каиром», повел в наступление 12 тыс. человек. Египтяне отбили атаку. Джемаль заявил, что это была всего лишь разведка боем, но летнее наступление снова не удалось. Военное

поражение, блокада со стороны стран Антанты и усилившиеся репрессии Джемаля обернулись в Иерусалиме отчаянными тяготами для одних и необузданным гедонизмом для других. А вскоре дело дошло и до публичных казней.

Террор и смерть: кровавый мясник

Не прошло и месяца после прибытия Джемаля, как Вазиф Джавгарийе увидел араба в белой галабии, повешенного на дереве у Яффских ворот. 30 марта 1915 года паша казнил у Дамасских ворот двух арабских солдат, якобы «английских шпионов», а затем — муфтия Газы и его сына, за повешением которых у Яффских ворот наблюдала почтительно безмолвствовавшая толпа. Казни через повешение у Дамасских и Яффских ворот устраивались теперь регулярно после пятничной молитвы, чтобы их видело как можно больше людей. Вскоре зрелище покачивавшихся на ветру трупов на этих воротах стало привычным — по приказу Джемаля повешенных не снимали по несколько дней. Как-то раз Вазиф был потрясен неловкостью палачей, граничившей с садизмом:

«Процесс повешения не был проведен достаточно грамотно, в особенности в медицинском плане. Жертва все еще оставалась живой и страшно страдала, а мы смотрели, но не могли ничего ни сказать, ни сделать. Офицер приказал солдату взобраться на виселицу и повиснуть на ногах жертвы, но под этим весом у несчастного только выпучились глаза. Такова была жестокость Джемаль-паши. Мое сердце разрывается всякий раз, как вспомню о той сцене».

В августе 1915 года после раскрытия очередных арабских заговоров «я решил, — писал Джемаль, — предпринять беспощадные акции против изменников». Он повесил в пригороде Бейрута 15 известных арабов (включая члена клана Нашашиби из Иерусалима). А в мае 1916–го паша казнил в Дамаске и Бейруте еще 20 человек, заслужив прозвище Кровавый мясник. Джемаль даже над своим приятелем, испанцем Байобаром подшучивал, не раз повторив, что вполне мог бы повесить и его.

Паша подозревал в измене и сионистов, хотя Бен-Гурион, щеголявший в феске, вербовал еврейских солдат в османскую армию. Да и сам Джемаль не отказывался полностью от попыток «сотрудничества»: в декабре 1915 года он устроил две встречи представителей клана Хусейни с сионистскими лидерами, включая Бен-Гуриона, для выработки стратегии взаимной работы. Правда, тут же после этого Джемаль депортировал 500 только что

прибывших евреев-иммигрантов, арестовал сионистских вождей и запретил сионистскую символику. Депортации вызвали протест в немецкой и австрийской прессе. Тогда Джемаль созвал сионистов, чтобы предостеречь их от попыток саботажа: «Вы можете выбирать. Я могу депортировать вас, как депортировал армян. Вы также можете остаться, но любого, кто хоть пальцем пошевелит, я велю казнить. И если вам самим по душе второе, то думаю, что венской и берлинской прессе следовало бы помалкивать!» Потом Мясник добавил: «Я не верю в вашу лояльность. Не имей вы тайных планов, разве вы приехали бы жить в этой запустелой земле, среди арабов, которые вас ненавидят? Мы полагаем, что сионисты вполне заслуживают виселицы, но я устал вешать. Вместо этого мы рассеем вас по землям турок»[246].

Бен-Гурион был выслан, и теперь ему оставалось надеяться лишь на Антанту. Арабов призывали в армию. А из евреев и христиан формировали рабочие батальоны для строительства дорог, и многие из них умерли от недоедания, переутомления или жары. А затем наступил черед болезней, насекомых и голода. «Стаи саранчи были густые, как тучи», — вспоминал Вазиф, высмеивая попытки Джемаля бороться с бедствием: паша приказал всем жителям старше 12 лет собрать и сдать по 3 кг личинок саранчи. Это нелепое распоряжение привело лишь к еще более абсурдной торговле личинками насекомых.

Вазиф с грустью наблюдал, как «голод распространялся по стране», а с ним — «тиф и малярия, унесшие много жизней». К 1918 году численность евреев в Иерусалиме сократилась из-за эпидемий, голода и депортаций до 20 тыс. человек. Но никогда голос Вазифа, его лютня и умение организовать славную вечеринку не ценились так высоко, как в то горестное время.

Война и секс: Вазиф Джавгарийе

Джемаль, его чиновники и представители кланов лихорадочно наслаждались радостями жизни, пока все прочие иерусалимляне боролись за выживание в тяжелейших условиях военного времени. Нищета достигла таких пределов, что проститутки на улицах Старого города, многие из которых к тому же остались из-за войны вдовами, предлагали свои услуги всего за два пиастра. В мае 1915 года лишились работы несколько учителей, застигнутых с проститутками в часы школьных занятий. От безысходности женщины даже продавали своих детей. «Старики и старухи», особенно нищие евреи-хасиды из квартала Меа-Шеарим, «пухли от голода. Их лица и тела сплошь

покрывали слизь, грязь, коросты и язвы».

Для Вазифа же каждая ночь оборачивалась приключением: «Я приходил домой только затем, чтобы переодеться, и каждую ночь спал в другой постели. Меня совершенно истощили попойки и гулянки. Поутру я завтракаю со знатными семействами Иерусалима, а затем участвую в оргии с головорезами и бандитами в переулках Старого города». В одну из таких ночей Вазиф в составе эскорта из четырех лимузинов, в которых сидели губернатор, его еврейская пассия из Салоник, несколько османских беев и наследники кланов, включая мэра Хусейна Хусейни, укатил на «интернациональный пикник» в католическом монастыре близ Вифлеема: «Это был чудесный день для каждого в столь тяжелое время, когда голод и война заставляют людей страдать. Никто не важничал, все держались просто, пили вино, а дамы были в ту ночь такие красивые, и все они пели как единый хор; так что времени на еду даже не было».

Еврейка, покорившая сердце губернатора, «так обожала арабскую музыку», что Вазиф даже согласился обучить ее игре на лютне. Похоже, он наслаждаляся этой головокружительной чередой оргий, в которых принимали участие «самые красивые еврейки», а иногда и русские девушки, застигнутые войной в Иерусалиме. Однажды квартирмейстер Четвертой армии Раушан-паша «сильно напился, а затем красивые еврейки довели его до безумия».

Вазифу не нужно было работать, поскольку его знатные покровители — сначала Хусейн Хусейни, а позднее Раджиб Нашашиби — всегда находили ему синекуры в городской администрации. Хусейни был главой благотворительного общества Красного Полумесяца. А благотворительность частенько являлась бессовестным прикрытием для мотовства и тщеславия: на благотворительных вечерах «самых привлекательных дам Иерусалима» просили наряжаться в османскую военную форму, которая соблазнительно облегала фигуру и к тому же была украшена красными полумесяцами. Такое зрелище производило неотразимое впечатление на Джемаля. Его собственной дамой сердца была Лея Тененбаум, которую Вазиф считал «одной из самых красивых женщин во всей Палестине». А Сима аль-Магрибийя, еще одна еврейка, владела сердцем гарнизонного командира. Губернатор же находил утешение в объятиях англичанки мисс Кобб.

Иногда и лютнисту Вазифу перепадал лакомый кусок с барского стола. Однажды его с друзьями пригласили на вечеринку в еврейском доме. Там в большом зале они увидели «группу османских офицеров, обхаживавших дам», среди которых

была и известная мисс Рэчел. Неожиданно пьяные турки завязали драку и принялись палить из револьверов сначала в люстры, а затем друг в друга. Музыканты в страхе разбежались. Любимую лютню Вазифа разбили вдребезги, но очаровательная мисс Рэчел затолкала его в чулан и показала потайную дверь, через которую он попал в соседний дом. «Она спасла мне жизнь, — вспоминал Вазиф, с явным удовольствием добавляя: — И я провел с ней ночь».

27 апреля 1915 года, в годовщину воцарения султана Мехмета, Джемаль пригласил османских и германских командующих, а также иерусалимскую знать на званый обед в своей ставке — в экспроприированном французском монастыре у Новых ворот. Османских офицеров сопровождали 50 проституток, хотя представители городской знати пожаловали на прием со своими чопорными женами.

Даже когда положение в Иерусалиме стало совсем плачевным, граф Байобар продолжал устраивать для Джемаля роскошные застолья: в меню банкета 6 июля 1916 года входили турецкий суп, рыба, бифштекс, мясные пироги и фаршированная индейка; на десерт были поданы мороженое, ананасы и прочие фрукты. Джемаль разговорился о дамах, о власти и о своем новом Иерусалиме. Он возомнил себя градостроителем, намереваясь снести иерусалимские стены и проложить через Старый город бульвар от Яффских ворот до Храмовой горы. Затем он похвастался своей женитьбой на блестящей Лее Тененбаум: «Ты знаешь, что я женился на австрийской еврейке?»[247]. К Байобару Джемаль частенько наведывался без предупреждения. И, поскольку дела принимали все более отчаянный оборот, испанец использовал свое влияние, чтобы хоть как-то обуздать деспотизм Кровавого мясника. А тот, со своей стороны, во время веселой пирушки с испанским и греческим консулами мог со смехом пообещать им, что непременно повесит обоих, если их страны вступят в войну!

Пока Джемаль грезил своим ускользающим из рук Иерусалимом, его соратник и заместитель главнокомандующего Энвер потерял 80 тыс. солдат, предприняв катастрофически неудачное наступление на русских на Кавказском фронте. Энвер и Талаат обвинили в своих неудачах христиан-армян, учинив в османской части Армении настоящий геноцид. Зверства и преступления против человечности в конце концов унесли жизни целого миллиона человек и впоследствии стали для Гитлера одним из аргументов в пользу того, что мировое общественное мнение не обратит внимания на Холокост: «Никто сегодня не вспоминает армян», — говаривал фюрер. Джемаль заявил, что не

одобряет эту бойню, и даже разрешил армянским беженцам селиться в Иерусалиме: в годы войны число армян в городе удвоилось.

Тем временем Джемаль вел секретные переговоры и с Британией: он признавался Байобару, что Лондон требует от него, чтобы он убил своего соратника Талаат-пашу. Джемаль предложил Антанте собственный план действий: двинуться на Стамбул, сместить Энвера, спасти армян и самому стать наследственным султаном. Союзники не восприняли это всерьез, и Джемаль стал действовать по своему усмотрению. Он казнил в Иерусалиме еще 12 арабов: их тела были вывешены на стенах. Между тем Энвер колесил по восточным провинциям империи, укрепляя там свой авторитет, запугивая арабских диссидентов и стараясь не выпускать из виду своего «соратника». Вазиф наблюдал, как Энвер въехал в сопровождении Джемаля в Иерусалим. Посетив Купол Скалы, гробницу Давида и церковь Гроба Господня, торжественно открыв новую улицу Джемаль-паши, Энвер направился в отель «Фаст», где мэр города Хусейн Хусейни дал в его честь прием, организованный, разумеется, Вазифом Джавгарийе.

А затем Энвер и Джемаль отправились в Мекку, чтобы усердной молитвой отвратить восстание арабов. Но хадж двух турецких пашей не помог сохранить Аравию за османами.

45. Великое арабское восстание и декларация бальфура *1916–1917 гг.*

Лоуренс и шериф Мекки

Почти перед самым началом Первой мировой войны молодой мекканский принц Абдалла ибн Хусейн, возвращаясь домой из Стамбула, нанес визит фельдмаршалу лорду Китченеру, британскому агенту и генеральному консулу Великобритании в Каире, фактическому правителю Египта. Абдалла хотел попросить влиятельного англичанина о военной помощи своему отцу.

Отцом Абдаллы был Хусейн, шериф, то есть эмир Мекканского шарифата, самый авторитетный властитель в Аравии. Только прямой потомок пророка или хотя бы родственник пророка из клана Хашим мог стать шерифом. Но османский султан Абдул-Хамид свыше 15 лет держал Хусейна в роскошном плену в Стамбуле, отдавая титул эмира другим хашимитам. В 1908 году младотурки за отсутствием иных кандидатов наконец отпустили Хусейна в Мекку (где у него был установлен телефон с номером *Месса 1*). Столкнувшись с агрессивным турецким национализмом Энвер-паши, с соперничеством Саудитов и других вождей Аравии, Хусейн решил готовиться к войне на Аравийском полуострове и одновременно к восстанию против Стамбула.

Абдалла с гордостью показал Китченеру свежую рану, полученную им в сражении с одним из южноаравийских шейхов, а консул в ответ продемонстрировал гостю шрамы, которые он получил в Судане. «Ваша светлость, — вежливо сказал миниатюрный Абдалла громоздящемуся над ним долговязому Китченеру, — вы представляете собой мишень, по которой невозможно промахнуться, но смотрите, как я мал — и все же какой-то из арабских воинов смог поразить меня». Но несмотря на все обаяние Абдаллы, Китченер отказал в военной помощи шерифу.

С той встречи прошло несколько месяцев, и начавшаяся Мировая война все изменила. Китченер вернулся в Лондон, чтобы занять новый пост — военного министра Британии — и выпустить адресованный молодым англичанам вербовочный плакат с собственным изображением и словами: «Твоя страна нуждается в

тебе». Но он оставался едва ли не главным британским экспертом по Востоку. И когда османский султан-халиф объявил джихад против стран Антанты, Китченер вспомнил о Хусейне и предложил назначить его «настоящим» халифом с помощью Британии — и тем инициировать восстание арабов[248]. Китченер приказал Каиру вступить в переговоры с шерифом Мекки.

Поначалу от Хусейна не было никакого ответа. И вдруг в августе 1915 года Хусейн сам вышел с предложением возглавить арабское восстание — в обмен на определенные гарантии. Англичане после провала своей Галлипольской операции (целью которой был вывод османов из войны в надежде прекратить кровопролитные позиционные бои — настоящий клинч — на Западном фронте) и катастрофического окружения целой армии в Кут-эль-Амаре (Ирак), опасались, что Джемаль-паша вот-вот захватит Египет, если его не остановить арабскими беспорядками. Поэтому Лондон приказал сэру Генри Мак-Магону, Верховному Комиссару в Египте, соглашаться на любые условия арабов, лишь бы удержать их на своей стороне, и не давать только тех обещаний, которые противоречили бы интересам Франции и, разумеется, самой Британии.

Очевидец тех событий Лоуренс Аравийский описал шерифа Хусейна, которому шел уже седьмой десяток лет, как человека «самодовольного, алчного и глупого», «совершенно неспособного» к управлению государством. Но все же он был «надежным стариком», и в тот момент Британия чрезвычайно нуждалась в его помощи. Направляемый своим умным, проницательным вторым сыном Абдаллой, Хусейн выдвинул следующее требование: англичане признают хашимитскую империю[249], в которую войдут вся Аравия, Сирия, Палестина и Ирак, а шериф Абдалла будет обладать в ней абсолютной властью. Неплохой запрос, учитывая, что подобной властью не обладал ни один арабский правитель со времен Аббасидов! В обмен Абдалла обещал поднять восстание против турок не только в своей родной Аравии, но и в Сирии, поскольку там он располагал сетью тайных арабских националистических обществ, таких как Аль-Фатат и Аль-Ахд. Это была, скажем так, не совсем правда: под командованием шерифа находилось всего несколько тысяч воинов, а его власть не распространялась даже на весь Хиджаз. Большая часть Аравийского полуострова пребывала под контролем соперничавших друг с другом военных вождей, в частности Саудитов, и положение Хусейна было весьма ненадежным. Сирийские тайные общества оставались малочисленными: в них насчитывалось в лучшем случае по нескольку сотен активных членов, и до них скоро должен был

добраться Джемаль.

Мак-Магон даже растерялся, не зная, как реагировать на эти «трагикомичные притязания», и, пока он терзался сомнениями, Хусейн предложил свои услуги уже не британцам, а Трем пашам: он откажется помогать британцам, а в обмен получит в вечное наследное владение Хиджаз. Джемаль же прекратит террор против арабов в Сирии и Палестине. На переговоры с Джемалем шериф послал своего третьего сына Фейсала, но Кровавый мясник начал с того, что заставил принца присутствовать на казни арабских националистов.

В конце концов британцы оказались все же сговорчивей. Лондонские эксперты по восточным вопросам, пребывавшие в Каире, отлично представляли себе положение дел в Палестине благодаря работе археологов-шпионов конца XIX века, а Китченер в свое время самолично фотографировал Иерусалим и составил подробную карту страны, не раз во время своих картографических экспедиций перевоплощаясь в араба. Но все же многим из этих экспертов каирские клубы были знакомы лучше, чем базары Дамаска: они снисходительно относились к арабам и были предубеждены против евреев, происками которых они объясняли любые вражеские заговоры. И пока Лондон проводил одну политику, ведя переговоры с эмиром Мекки, британский вице-король Индии начал вести свою собственную, совершенно иную политику, решив поддержать врагов Хусейна — Саудитов.

Британских экспертов, зачастую дилетантов, плывших по ненадежным, вероломным течениям арабской политики в широком Османском море, описал в своем романе «Зеленый плащ» Джон Бакен. Однако у Мак-Магона имелся один офицер, который по-настоящему знал Сирию. 28-летний Томас Эдвард Лоуренс, охарактеризованный его коллегой и подругой, арабисткой Гертрудой Белл, как человек «очень умный», являл собой тип эксцентричного «дилетанта». Амбициозный выходец из среды британского истеблишмента, он навсегда остался «своим среди чужих, чужим среди своих», не сумев примирить собственную привязанность к арабам с преданностью Британской империи. Он был незаконнорожденным сыном Томаса Чэпмена, наследника титула баронета, оставившего жену ради нового брака: Чэпмен женился на своей любовнице Саре Лоуренс и даже взял ее фамилию.

«С детства Т. Э. верил, что рожден вершить великие дела, и всю свою энергию и решимость подчинял этой вере». Работая над диссертацией в Оксфорде, посвященной военной архитектуре крестоносцев, он одновременно упорно тренировался, укрепляя физическую выносливость. Путешествуя по Сирии, он в

совершенстве изучил арабский язык, а участвуя в археологических раскопках хеттских городищ в Ираке, познакомился с молодым арабом Дахумом, ставшим его компаньоном и, возможно, главной страстью на всю жизнь. Сексуальная ориентация Лоуренса, как и многие другие факты его биографии, до сих пор остается загадкой. Он высмеивал «комичный репродуктивный процесс», а его друг Рональд Сторрз свидетельствовал: «Он не был женоненавистником, но и бровью бы не повел, если бы ему вдруг сказали, что он никогда больше не увидит ни одной женщины». Будучи в Ираке, Лоуренс задумал написать «приключенческую» книгу об Иерусалиме и еще шести арабских городах. Он решил назвать ее «Семь столпов мудрости», перефразировав известное изречение из Книги притчей Соломоновых. Он никогда ее не написал, но дал это название другой своей книге.

«Невысокий, хорошо сложенный человек с красноватой кожей, типично английским лицом, обветренным в пустыне, и замечательными голубыми глазами», — так описал его позднее один американец. Ростом Лоуренс был примерно 164 см, и Гертруда Белл назвала его «мой пострел». «Мой рассудок был насторожен и молчалив, как дикая кошка», — писал о себе Лоуренс. Чутко реагировавший на малейшие изменения в настроении людей, прекрасный писатель и проницательный наблюдатель, он бывал резок и груб с теми, кто ему не нравился. Лоуренс страдал, как сам признавался, от «страстного желания быть знаменитым» и «от ужаса осознания того, что ему нравится быть известным». Все, что он делал, проистекало из одного «эгоистичного любопытства». Он верил в рыцарство и справедливость и в то же время был искусным интриганом: сам творил о себе миф и поддерживал его, лишь бы быть на виду и на слуху у всех. При этом тщеславие в нем уживалось с мазохизмом: «Мне нравилось то, что было ниже меня, и я шел за удовольствиями и приключениями вниз. Там виделась уверенность в падении, конечная безопасность. Человек может подняться на любую высоту, но всегда существует уровень животного, ниже которого он пасть не может»[250].

И вот теперь в Каире Мак-Магон обратился к этому молодому офицеру, ставшему «движущей силой переговоров с шерифом». Отписывая свои рапорты, Лоуренс всегда ловил себя на мысли о том, что «думает о Саладине и Абу Убайде». Но он разделял убежденность многих английских арабистов в том, что бедуины пустынь непорочны и благородны в отличие от оседлых арабов Палестины. И если Дамаск, Алеппо, Хомс и Хаму он считал истинно арабскими городами Сирии, то Иерусалим Лоуренс

таковым не признавал, находя его «убогим, заброшенным» левантийским городом. «Населяющие его люди за редким исключением были безликими служащими отелей, жившими за счет толп туристов. Им были чужды арабские национальные идеалы». Такие места, как Иерусалим или Бейрут, представлялись ему «торгашескими», а Бейрут он вообще называл «воротами Сирии, через которые в страну проникала дешевая или залежалая иностранщина». По мнению Лоуренса, Бейрут «представлял Сирию столь же убедительно, как Сохо — сельские графства вокруг Лондона».

24 октября 1915 года Мак-Магон ответил Хусейну. В его туманно-витиеватом послании, рассчитанном на множество вариантов прочтения и истолкования обеими сторонами, было заявлено, что Британия готова признать независимость арабов к востоку от сирийских городов, указанных Лоуренсом, при условии отказа арабов от территорий к западу от них. Границы предполагаемых государств обозначены не были. И ни Палестина, ни Иерусалим в послании Мак-Магона не фигурировали. Шериф едва ли отказался бы от Иерусалима, а у Великобритании были там собственные интересы. Поэтому неупоминание города было верным способом избежать проблем уже на начальном этапе переговоров. Кроме того, Мак-Магон настаивал также на том, чтобы не принимать в расчет интересы Франции, а ведь Франция тоже притязала на Иерусалим. На деле верховный комиссар планировал формально подчинить Иерусалим марионеточной албанской династии Египта, с тем чтобы Святой город оставался мусульманским, но под контролем британцев.

Великобритания была заинтересована в том, чтобы арабы подняли восстание как можно скорее. Поэтому англичане дали Хусейну требуемые обещания, но постарались дать их в максимально неясной, двусмысленной расплывчатой форме. И тем не менее обещания Мак-Магона всколыхнули надежды и ожидания арабов — как раз перед тем, как Британия и Франция начали тайные переговоры о разделе Османской империи.

Великобританию на этих переговорах представлял сэр Марк Сайкс, член парламента и йоркширский баронет, деятельный и неуемный в своей предприимчивости любитель, поездивший по Востоку и потому ставший признанным экспертом по его вопросам, хотя Лоуренс находил в нем «целый букет предрассудков, интуитивных постулатов и полунаучных гипотез». Истинным талантом Сайкса был его амбициозный энтузиазм — столь притягательный, что сильные мира сего позволяли ему заниматься любыми вопросами восточной политики, к которым он проявлял интерес.

Сайкс и его французский коллега Франсуа Жорж-Пико, служивший консулом в Бейруте, порешили на том, что Франция получит Сирию и Ливан, а Великобритания — Ирак и часть Палестины. Речь шла о создании арабской конфедерации под эгидой Британии и Франции; Иерусалим же оставался под совместным управлением Франции, Британии и России[251]. Такое решение имело смысл для трех империй, стремившихся к контролю над Святым городом последние 70 лет, и учитывало возможность создания какого-никакого арабского государства. Но очень скоро оно утратило всякую практическую актуальность, потому что Великобритания на самом деле жаждала обладать Иерусалимом и Палестиной единолично.

5 июня 1916 года шериф Хусейн, не ведавший о тайном соглашении Сайкса и Пико, но сознававший, что османы готовы в любой момент снова изгнать его из Мекки, поднял свой красный стяг и начал Арабское восстание. Он объявил себя «королем всех арабов», чем сильно напугал англичан, которые приложили массу усилий, чтобы он изменил титул на «короля Хиджаза». Но это было только начало: не многим семействам в истории выпал удел примерить столько корон стольких королевств за такой короткий период времени. Король Хусейн дал каждому из своих сыновей по собственной крошечной армии, но результаты военных действий принцев были неутешительными, а восстание в Сирии так и не стало реальностью. Британцы не могли понять, смогут ли Хашимиты в принципе добиться успеха. Поэтому в октябре в Аравию прибыли Рональд Сторрз, позднее ставший губернатором Иерусалима, и его подчиненный — Томас Эдвард Лоуренс.

Лоуренс Аравийский: шерифы Абдалла и Фейсал

Внимательно присмотревшись к четырем сыновьям короля в поисках идеального арабского правителя, Лоуренс быстро понял, что на эту роль подходили только второй и третий сыновья Хусейна — Абдалла и Фейсал. Но Абдаллу Лоуренс нашел «слишком умным». Абдалле же англичанин показался «странным созданием». А вот принц Фейсал понравился Лоуренсу с первого взгляда: «высокий, привлекательный, энергичный, почти царственный. Ему тридцать один год. Он очень живой и деятельный. Выглядит как европеец и очень похож на памятник Ричарду I в Фонтевро. Народный кумир». Лоуренс взахлеб убеждал всех, что Фейсал — «наилучший» кандидат, хотя позднее признавал, что Фейсал был хотя и храбрым, но также «слабым, невежественным — я служил ему из жалости».

Арабское восстание терпело поражение даже в Хиджазе, вотчине шерифов, и Лоуренс понимал, что несколько тысяч воинов Фейсала легко одолеет «одна турецкая рота». Но, совершая набеги на аванпосты и минируя железные дороги, арабские всадники на верблюдах могли сковать всю османскую армию. Назначенный инструктором к Фейсалу, Лоуренс сделал подобную тактику повседневной практикой, фактически создав модель современных «летучих» партизанских отрядов. Фейсал же помог Лоуренсу сделаться легендой среди арабов, облачив «в роскошную одежду из белого шелка, расшитую золотом». В своей инструкции по организации арабских мятежей (которые следовало бы внимательно почитать американским офицерам в Ираке и Афганистане XXI века) Лоуренс писал:

«Если вы будете носить арабскую одежду, носите самую лучшую. Одежда имеет большое значение у племен; вы должны носить соответствующее одеяние и чувствовать себя в нем совершенно свободно. Если они не будут возражать, одевайтесь как сам шериф».

Лоуренс не имел военного опыта; не был он и настоящим бедуином — воином, поэтом, аскетом. Но он понимал, что «весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении». «Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости, — инструктировал Лоуренс. — Старайтесь узнать их семьи, кланы и племена, друзей и врагов. Достигайте всего, внимательно слушая и наводя справки». Сам он научился скакать на верблюде и жить жизнью бедуина. Но никогда не забывал, что сплоченность его арабской армии обеспечивала раздача крупных сумм британского золота: «это самое доходное время для племен». И даже спустя 50 лет арабы вспоминали Лоуренса, как «человека с золотом».

Кровавые сцены войны ужасали и восхищали его. «Надеюсь, это звучит весело, — взволнованно писал он после удачного набега. — Это больше похоже на любительское представление в духе Буффало Билла, и единственные, кто играет хорошо, так это бедуины». Когда один из арабов в его подразделении убил другого, Лоуренс вынужден был сам казнить убийцу, чтобы не допустить кровной мести. После очередной резни турок он надеялся: «этот ночной кошмар закончится, когда я проснусь и снова оживу. Это бесконечное убийство турок ужасно».

Лоуренс знал о секретном соглашении Сайкса — Пико и плане раздела Ближнего Востока и испытывал стыд перед арабами: «Мы вынуждаем их сражаться за нас обманом, и мне это претит». Были случаи, когда он, отчаявшись, сознательно рисковал жизнью, «надеясь быть убитым». Лоуренс описывал себя как «пробританца и проараба», при этом осуждал имперскую

завоевательную политику, предпочитая видеть Аравию независимым доминионом — пусть и под британским протекторатом. «Я допускал, что уцелею и смогу разгромить не только турок на поле боя, но и свою собственную страну и ее союзников в зале совета».

Лоуренс рассказал Фейсалу о тайном договоре Сайкса — Пико и поделился с принцем своим планом противостояния. Если они не хотят допустить утверждения в Сирии французов, им следует освободить ее самим и для начала поднять боевой дух арабов, который обеспечил бы захват Сирии. И Лоуренс повел войска Фейсала в 300-мильный переход через суровую иорданскую пустыню, чтобы сделать невозможное — захватить порт Акаба.

Фалькенхайн принимает командование: германский Иерусалим

После провала третьего наступления Джемаля на Египет британцы предприняли контрнаступление на Синайском полуострове. Весной 1917 года они дважды пытались прорвать неприятельский фронт под Газой и дважды терпели поражение от 16-тысячной германской армии, поддержанной австро-венгерской артиллерией. Но Джемаль понимал, что противник будет атаковать и в дальнейшем. Палестину захлестнули антиосманские интриги. Тайная полиция паши раскрыла пробританскую еврейскую шпионскую сеть — NILI. Членов этой группы пытали: сначала им вырывали ногти, затем тисками сдавливали черепа, пока они не трескались, и только затем вешали.

В Иерусалиме полиция Джемаля выследила еще одного еврейского шпиона — Алтера Левина, родившегося в России поэта, предпринимателя и посредника. Его обвинили в создании сети борделей — а на самом деле, шпионской сети. Левин нашел прибежище в доме своего друга Халиля Сакакини, развеселого прожигателя жизни и одновременно уважаемого в Иерусалиме учителя. Сионистские шпионские организации Кровавый мясник считал личным для себя оскорблением. В апреле он созвал иностранных консулов на серьезный разговор в комплексе «Августа Виктория»: паша пригрозил депортировать все население Иерусалима — а после кровавых армянских «депортаций» никто даже не усомнился, что эта угроза, будь она осуществлена Джемалем, обернется смертью тысяч людей.

«Мы вынуждены бороться за Иерусалим», — сказал Джемаль Энверу. Они пригласили в город фельдмаршала Эрика фон

Фалькенхайна, бывшего начальника штаба германской армии, командовавшего «Верденской мясорубкой». Именно он должен был стать советником по вопросу разгрома англичан. Но Энвер самовольно, без ведома и согласия Джемаля, назначил немца верховным командующим. «То, что устроил Фалькенхайн под Верденом, стало катастрофой для Германии[252], — убеждал Джемаль Энвера, — а его палестинское наступление будет катастрофой для нас».

В июне 1917 года упавший духом, приунывший Джемаль встретил Фалькенхайна на иерусалимском вокзале, и они в неловких позах дали фотографам запечатлеть себя на ступенях Купола Скалы. Фалькенхайн сделал своей штаб-квартирой кайзеровскую «Августу Викторию». Городские кафе заполонили солдаты немецкого Азиатского корпуса, а их офицеры заняли отель «Фаст». «Мы прибыли на библейскую землю, — писал простой немецкий солдат Рудольф Хёсс[253]. — Сокровенные имена из Священного Писания и легенд оказались совсем рядом. Насколько же все это отличалось от того, что возникало в детских фантазиях благодаря картинам и книгам!» Австрийские войска маршировали по городу, австрийские солдаты-евреи молились у Западной стены. Джемаль-паша покинул город и управлял своими провинциями из Дамаска. Кайзер наконец таки взял Иерусалим под свое покровительство — но было слишком поздно.

28 июня в Каир прибыл новый британский командующий Египетским экспедиционным корпусом Эдмунд Алленби. Прошла еще неделя, и Лоуренс с войсками шерифа захватил Акабу. Ему потребовалось всего четыре дня, чтобы на верблюде, поезде и корабле добраться до Каира и рапортовать о своем успехе Алленби — грубовато-добродушному кавалеристу, не сумевшему скрыть впечатления, которое произвел на него сухопарый англичанин в одежде бедуина. Алленби приказал Лоуренсу и его арабскому верблюжьему корпусу стать мобильным, «блуждающим» правым флангом британо-египетской армии.

В Иерусалиме британские аэропланы бомбили Масличную гору. Адъютант Фалькенхайна полковник Франц фон Папен организовал оборону города и планировал контратаку. Но немцы недооценили Алленби и были застигнуты врасплох, когда он 31 октября 1917 года объявил наступление на Иерусалим.

Ллойд Джордж, Бальфур и Вейцман

Пока Алленби сосредотачивал свои военные ресурсы — 75 тыс. пехотинцев, 17 тыс. кавалеристов и несколько новых

танков, — министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур обсуждал новую политику с родившимся и выросшим в России ученым по имени Хаим Вейцман. Его история весьма примечательна. Еврейский иммигрант, свободно чувствовавший себя в коридорах Уайтхолла и запросто заглядывавший в кабинеты самых влиятельных государственных деятелей мира ради романтических бесед о древнем Израиле и Библии, Вейцман сумел добиться того, чтобы Британская империя начала вести политику, которой суждено было не только изменить Иерусалим столь же радикально, как меняли его в былые времена волевые решения Константина или Саладина, но и на многие десятки лет — вплоть до наших дней — предопределить судьбу всего Ближнего Востока.

Впервые Вейцман и Бальфур встретились еще десять лет назад, но тогда было не очень похоже, что их контакты продолжатся. За розовые щеки и ухоженные руки Бальфура за глаза называли Милашка Фанни. Правда, став министром по делам Ирландии, он быстро стяжал себе новое прозвище — Кровавый Бальфур. Бальфур был одновременно и отпрыском английских аристократов, и наследником состоятельных шотландских коммерсантов. Его мать была сестрой одного из викторианских министров — Роберта Сесиля, маркиза Солсбери. В 1878 году Бальфур и его дядя, в ту пору министр иностранных дел, сопровождали Бенджамена Дизраэли на Берлинском конгрессе. А когда в 1902 году он унаследовал титул Солсбери, остряки пустили выражение, быстро ставшее нарицательным: *Bob's your uncle!*[254] Философ, рифмоплет и заядлый игрок в теннис, он сочетал фатовство и некоторую романтичность, так никогда и не женился и любил повторять: «Ничто не имеет большого значения, и мало что вообще имеет значение!» Дэвид Ллойд Джордж едко заметил однажды, что история запомнит Бальфура «по аромату его надушенного носового платка». Разумеется, запомнился он совершенно другим: Декларацией, которая носит его имя, и своими отношениями с Вейцманом.

Эти двое происходили из совершенно чуждых друг другу миров. Вейцман был сыном торговца лесом из крошечного еврейского штетла под Пинском. Уже в детстве он увлекся идеями сионизма. Уехав из России, Вейцман продолжил учебу и научные занятия в Германии и Швейцарии. А в 30 лет он переехал в Англию и стал преподавать химию в университете Манчестера. Вейцман был одновременно «богемным и аристократичным, патриархальным и сардоническим, полным язвительного остроумия и самоиронии подлинного российского интеллигента». Он был «аристократом от природы, державшимся на равных с

королями и премьер-министрами», он сумел завоевать уважение столь разных людей, как Черчилль, полковник Лоуренс и — спустя годы — президент США Гэри Трумэн. Жена Вейцмана Вера, дочь одного из немногих офицеров-евреев в армии Российской империи, считала большинство евреев России плебеями, предпочитала им общество английских дворян и настаивала, чтобы ее «Хаимчик» тоже одевался как эдвардианский джентльмен.

Вейцман, этот ревностный сионист, всем сердцем ненавидевший царскую Россию и презиравший евреев-антисионистов, внешностью напоминал «ухоженного Ленина», и иногда его даже по ошибке принимали за вождя мирового пролетариата. «Блестящий собеседник», он в совершенстве владел английским, хотя и приправленным солью русского акцента, а его «почти женственное обаяние сочеталось с присущей большим кошкам готовностью напасть в любой момент. Добавьте к этому заразительный энтузиазм и прозорливость подлинного пророка!»

Впервые воспитанник Итона и ученик пинского хедера встретились в 1906 году. Беседа Бальфура и Вейцмана была краткой, но незабываемой. «Мне помнится, Бальфур сидел в своей обычной позе, с вытянутыми ногами и с невозмутимым выражением лица». Это был тот самый Бальфур, который в бытность свою премьер-министром в 1903 году предложил сионистам Уганду. Но теперь он уже не был премьером. Вейцман опасался, что вежливый интерес на лице Бальфура был всего лишь маской, и попытался объяснить, почему сионисты не смогли в свое время принять угандийский проект, предложенный Бальфуром: если бы Моисей узнал об этом, сказал Вейцман, «он наверняка еще раз разбил бы Скрижали». Но Бальфур не оценил шутку.

— Господин Бальфур, если бы я предложил вам Париж вместо Лондона, вы согласились бы? — продолжал Вейцман.

— Ну, доктор Вейцман, Лондон-то у нас уже есть, — ответил, помолчав, Бальфур.

— Верно, — возразил Вейцман, — а у нас был Иерусалим! Причем тогда, когда на месте Лондона еще стояли болота.

Бальфур подался вперед:

— И много евреев думают так, как вы?

— Полагаю, что выражаю мнение миллионов евреев, — ответил Вейцман.

Бальфур снова откинулся в кресле:

— Странно: евреи, которых вижу я, говорят совсем другое.

— Господин Бальфур, — сказал Вейцман, знавший, что большинство представителей англо-еврейской элиты презирали

сионизм, — это потому, что вы видите неправильных евреев.

Тот разговор тоже ни к чему особенному не привел, но для Вейцмана это была первая встреча с высшим имперским государственным деятелем. Бальфур проиграл на выборах и на время оказался отстранен от высшей власти. А Вейцман начал кампанию за строительство Еврейского университета в Иерусалиме, куда он приехал, правда ненадолго, вскоре после встречи с Бальфуром. Действующие еврейские фермы в Палестине глубоко взволновали его, но сам Иерусалим ужаснул: «Город живет на подаяния, жалкое гетто», где «у нас нет ни одного приличного здания; весь мир оставил свой след в Иерусалиме, кроме евреев. Это повергло меня в уныние, и я покинул город до наступления ночи». Вернувшись в Манчестер, Вейцман скоро прославился как блестящий химик и подружился с Чарльзом Прествичем «Си-Пи» Скоттом, редактором и владельцем *Manchester Guardian*, ревностным сторонником сионизма, который и сам с виду напоминал библейского пророка. «Итак, доктор Вейцман, — обратился к нему Скотт в 1914 году, — скажите же мне, что я могу сделать для вас».

В начале Мировой войны Вейцмана вызвал к себе первый лорд Адмиралтейства, «живой, располагающий к себе, обаятельный и энергичный» Уинстон Черчилль, сразу взявший быка за рога: «Доктор Вейцман, нам необходимы 30 тысяч тонн ацетона. Можете вы сделать столько?» Ацетон был необходим для изготовления кордита — бездымного артиллерийского пороха. Вейцман решил проблему, изобретя новую технологию получения ацетона.

По прошествии нескольких месяцев, в декабре 1914 года, Си-Пи Скотт пригласил Вейцмана на завтрак с Ллойд Джорджем, бывшим тогда канцлером казначейства, и его коллегой Гербертом Сэмюэлом. Вейцман подметил, что министры обсуждали войну с небрежным, но явно напускным юмором, скрывавшим их глубокую озабоченность. Но «я испытал ужасную робость и не мог преодолеть охватившее меня волнение», — вспоминал он. Вейцман был крайне удивлен, обнаружив, что политики сочувствуют сионистам. Ллойд Джордж позже записал: «Рассказывая о Палестине, доктор Вейцман сыпал библейскими названиями, куда более знакомыми мне, чем названия наших позиций на Западном фронте». Он изъявил готовность представить Вейцмана Бальфуру, не зная, что они уже встречались. Вейцман с настороженностью относился к Сэмюэлу — отпрыску англо-еврейской семьи финансистов, поддерживавшему отношения с Ротшильдами и Монтефиоре, первому еврею в британском правительстве. Но эта

настороженность развеялась, когда тот рассказал, что готовит меморандум о возвращении евреев на историческую родину.

В январе 1915 года Сэмюэл представил свой меморандум премьер-министру Герберту Асквиту: «Брожением уже охвачены двенадцать миллионов евреев диаспоры, — писал Сэмюэл. — И повсюду идея возвращения евреев в свою землю находит сочувствие». Асквит, однако, высмеял ее: евреям «будет там тесно», «забавное общество» они бы собой представляли! А меморандум Сэмюэла звучал, по его мнению, как новая редакция «Танкреда» Дизраэли[255]. «Признаюсь, — писал он, — меня не привлекает это предложение, но оно любопытно как иллюстрация излюбленного афоризма Диззи (Дизраэли). „Раса — это все“; это всего лишь лирическое произведение высокоорганизованного и методичного мозга Г. С.». Асквита куда больше удивило другое: «Любопытно, что, кроме него, это предложение поддерживает один Ллойд Джордж, которому, боюсь, наплевать на евреев, но который считает, что было бы оскорбительно допустить переход святых мест — Вифлеема, Масличной горы, Иерусалима — во владение или под протекторат агностической и атеистической Франции». Асквит был прав: Ллойд Джордж желал, чтобы Иерусалим находился под протекторатом Великобритании; но он заблуждался касательно его отношения к евреям.

Ллойд Джордж, голубоглазый сын валлийского школьного учителя-баптиста и неисправимый дамский угодник, чьи длинные седые волосы делали его более похожим на художника, нежели на государственного мужа, искренне радел о евреях и десятью годами ранее даже выступал адвокатом сионистов. «Я обучался в школе, в которой мне рассказывали гораздо больше об истории иудеев, чем об истории моей собственной страны», — так объяснял свою симпатию к еврейскому народу этот красноречивый оратор и интуитивный шоумен, начинавший карьеру как радикальный реформатор, антиимпериалистический пацифист и противник герцогов. Но когда началась Мировая война, он перевоплотился в решительного, энергичного военного министра и романтического империалиста — возможно, под влиянием древнегреческой классики и Библии.

Ллойд Джордж снова свел Вейцмана с Бальфуром. «Господин Вейцман не нуждается в представлении, — проронил Бальфур. — Я не забыл нашей беседы в 1906 году». Он встретил сиониста словами: «Вы не сильно изменились, — а затем задумчиво добавил: — Когда пушки смолкнут, вы получите свой Иерусалим. Вы трудитесь ради великого дела. Вы можете приходить ко мне». С той поры они виделись регулярно и не раз до поздней ночи гуляли по Уайтхоллу, обсуждая создание еврейского государства

ради исторической справедливости и в интересах британского могущества.

Наука и сионизм переплелись еще больше, поскольку Бальфур уже стал первым лордом Адмиралтейства, а Ллойд Джордж — главой вновь созданного министерства вооружения, и их обоих напрямую касались разработки взрывчатых веществ, которыми занимался Вейцман. Он вдруг оказался «связан сетью личных отношений» с самыми важными персонами Британской империи, о чем не без гордости вспоминал под старость: «Я, Хаим Вейцман, жид из Мотоля и всего лишь неполный профессор в провинциальном университете, начав с нуля, сумел привлечь к нашему делу цвет мирового еврейства». А тем важным персонам Вейцман виделся именно таким, каким в их представлении и должен был быть истинный еврей. «Совсем как ветхозаветный пророк», — заметил как-то Черчилль — и неважно, что этот «пророк» носил обычный сюртук и цилиндр. В своих мемуарах Ллойд Джордж утверждал, что личная признательность Вейцману за работу на военную мощь Британии побудила его поддерживать евреев. Но на самом деле поддержка Кабинета была получена гораздо раньше.

И снова Библия повлияла на судьбу Иерусалима через два тысячелетия после того, как была написана. «Британцы — народ, воспитанный на библейской традиции, — пояснял Вейцман. — Эти британские государственные мужи старой школы очень религиозны. Они воспринимают как реальность концепцию возвращения. Она взывает к их традиции и их вере». Наряду с Америкой «читавшая и размышлявшая над Библией Англия, — замечал один из помощников Ллойд Джорджа, — была страной, в которой желание евреев вернуться на свою древнюю родину» воспринималось как «естественное стремление, не считаться с коим нельзя».

В их отношении к евреям проглядывало и другое. Британские лидеры сочувственно относились к положению евреев в России, которое стало еще более тяжелым за время войны. Европейцев высших классов ослепляли сказочное богатство, влияние и роскошные дворцы еврейских плутократов, таких как Ротшильды. Но это же и смущало: они не могли для себя решить, кто же такие в действительности евреи — гонимые потомки библейских героев, каждый в своем роде царь Давид или Маккавей, либо зловещие члены тайной мистической организации, все поголовно с крючковатыми носами, наделенные почти сверхъестественными способностями.

В век, когда теории о расовом превосходстве свободно обсуждались, Бальфур был убежден, что евреи являются «самой

одаренной человеческой расой со времен Греции пятого века до нашей эры». А Черчилль считал их «наиболее угрожающей расой из всех, когда-либо появлявшихся на земле». Хотя он же писал, что «эта мистическая и таинственная раса была избрана для величайших свершений, как божественных, так и дьявольских». Ллойд Джордж в частных беседах критиковал Герберта Сэмюэла за воплощение «худших качеств своего народа». Тем не менее все трое были искренними филосемитами. А Вейцман признавал, что грань между теорией еврейского заговора и христианским покровительством в отношении евреев очень тонка: «Нам одинаково претит антисемитизм и филосемитизм. И то, и другое оскорбительно».

В политике едва ли не все решает время. В декабре 1916 года правительство Асквита пало, и премьер-министром стал Ллойд Джордж, назначивший Бальфура министром иностранных дел. Ллойд Джорджа считали одним из величайших английских военных лидеров: они с Бальфуром были готовы на все, лишь бы выиграть войну. В этот решающий момент долгой и страшной борьбы против Германии события 1917 года сыграли на руку сионистам: Ллойд Джордж и Бальфур пришли к убеждению, что именно сионизм поможет Британии одержать победу.

«У нас мальчик, доктор Вейцман!»: декларация Бальфура

Весной 1917 года в войну вступила Америка, а революция в России низвергла императора Николая II. Британии было важно не допустить выхода России из войны. «Конечно же, правительство Его Величества более всего озабочено тем, как удержать Россию в рядах союзников», — пояснял один из крупных британских чиновников. Что до Америки, «мы полагали, что на мнение американцев можно будет повлиять, если возвращение евреев в Палестину станет целью британской политики». Готовясь к визиту в Америку, Бальфур сказал своим коллегам: «Подавляющее большинство евреев в России и Америке теперь, похоже, симпатизируют сионизму». И если бы Великобритания приняла просионистскую декларацию, «мы смогли бы провести чрезвычайно полезную пропаганду, как в России, так и в Америке».

Даже если бы Россия и Америка не были столь важны сами по себе в настоящий момент, англичане прекрасно знали, что немцы как раз в это время готовят свою собственную сионистскую декларацию: в конце концов, сионизм возник на австрийско-германской культурной почве и до 1914 года его лидеры и

структуры находились в Берлине. Когда Джемаль-паша, диктатор Иерусалима, посетил в августе 1917 года Берлин, он встречался там с немецкими сионистами, а османский великий визирь Талаат-паша с неохотой, но согласился на создание «еврейского национального очага». Между тем генерал Алленби тайно готовил наступательную операцию на границах Палестины.

Таковы были истинные обстоятельства, в которых Британия «раскрыла объятия» сионистам (хотя обаяние Вейцмана, разумеется, тоже сыграло свою роль). Теперь все решало время. «Я — сионист», — заявил Бальфур, и вполне возможно, что сионизм действительно был единственной подлинной страстью всей его карьеры. Ллойд Джордж и Черчилль, уже занявший пост министра вооружений, также объявили себя сионистами, а энергичный Марк Сайкс, теперь служивший в офисе премьер-министра, внезапно пришел к глубокому убеждению, что Британии просто необходима «дружба евреев всего мира», потому что «без поддержки Большого Еврейства невозможно достичь цели» (то есть победы в войне).

Впрочем, не все в правительстве были согласны с министрами-сионистами, и битвы велись довольно ожесточенные. «А что же будет с народом, который сегодня населяет эти земли?» — вопрошал лорд Керзон, бывший вице-король Индии. «Евреи, возможно, окажут нам более существенную поддержку, чем арабы», — парировал Ллойд Джордж. Министр по делам Индии Эдвин Монтегю, еврей и кузен Герберта Сэмюэла, яростно доказывал, что сионизм только подстегнет антисемитизм. С ним соглашались многие британские магнаты-евреи: Клод Голдсмит Монтефиоре, двоюродный внук сэра Мозеса, открыто повел кампанию против сионизма, и Вейцман выражал недовольство, что тот «рассматривал нерелигиозных евреев-националистов как обычных англичан».

Монтегю и Монтефиоре пытались оттянуть принятие сионистской декларации, однако Вейцман наносил все новые ответные удары. Он активизировал свои усилия, включая на полную мощь свое обаяние в салонах английских аристократов и гостиных еврейской знати, как до этого — в кабинетах чиновников Уайтхолла. Он добился поддержки от 20-летней Долли Ротшильд, которая ввела его в круг богатейших англо-американских семейств — Асторов и Сесилей. На одном из званых обедов слышали, как маркиза Кру воскликнула: «Мы все здесь в этом доме вейцманисты»! Поддержка Уолтера, лорда Ротшильда, некоронованного короля британских евреев, помогла Вейцману одержать верх над его еврейскими оппонентами. Настояли на своем и Ллойд Джордж с Бальфуром. «Я попросил

лорда Ротшильда и профессора Вейцмана представить на рассмотрение их формулировки», — торопился Бальфур, назначивший ответственным за переговоры Сайкса.

Одобрение французов, а затем американцев сделало возможным принятие решения в конце октября: в тот самый день, когда генерал Алленби взял Беэр-Шеву, Сайкс, вышедший из зала заседаний, увидел Вейцмана, с волнением ожидавшего решения в приемной. «Доктор Вейцман, — крикнул ему Сайкс, — у нас мальчик!»

9 ноября Бальфур опубликовал свою Декларацию. В ней говорилось:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа… при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин».

Позднее арабы обвинили Великобританию в циничном предательстве: британцы, дескать, одновременно обещали Палестину шерифу Мекки, сионистам и французам, и этот миф о вероломстве стал частью мифологии Великого Арабского восстания. Декларация Бальфура, безусловно, цинична. Но обещания, данные арабам и евреям, стали следствием не сознательного вероломства, а плохо продуманных поспешных решений, продиктованных безотлагательной необходимостью и желанием получить тактический выигрыш в военное время; эти обещания едва ли прозвучали бы при иных обстоятельствах. Сайкс настаивал: «Мы взяли на себя обязательства по поддержке сионизма, армянского освободительного движения и арабской независимости», хотя в этих обязательствах и были серьезные противоречия. Да, Сирия и в самом деле была обещана одновременно и арабам, и французам. Но, как мы видели, Палестина и Иерусалим не упоминались в посланиях шерифу, и евреям город также никто не обещал. Договор Сайкса — Пико подразумевал международный протекторат над Иерусалимом, и сионисты с этим согласились: «Мы — за интернационализацию святых мест», — писал Вейцман[256].

По сути, Декларации следовало бы дать имя не Бальфура, а Ллойд Джорджа. Именно последний к тому моменту решил, что Палестиной должна владеть Великобритания: «Мы должны прибрать ее к рукам!» И именно эта его позиция явилась импульсом к принятию решения о «национальном еврейском очаге». Ллойд Джордж не намеревался делить Палестину с Францией или кем-либо еще, Иерусалим был для него конечной

целью. Пока Алленби продвигался по Палестине, премьер-министр потребовал захватить Иерусалим в качестве «рождественского подарка для британского народа».

46. Рождественский подарок *1917–1919 гг.*

Мэр пытается сдаться

7 ноября 1917 года Алленби захватил Газу. Яффо пал 16 ноября. Успехи британцев обернулись репрессиями в Иерусалиме. Кровавый Джемаль, управлявший своими провинциями из Дамаска, пригрозил устроить в Иерусалиме кровавую баню. Сначала он приказал депортировать из города всех христианских священников. Некоторые принадлежавшие христианам постройки, включая монастырь Спасителя, были взорваны. Патриархов выслали в Дамаск, но полковник фон Папен, практикующий католик, сумел освободить католического патриарха и увез его в Назарет. Тем временем в Дамаске Джемаль повесил двух еврейских шпионов, а затем объявил о депортации всех иерусалимских евреев: к приходу британцев в городе не должно остаться ни одного еврея. «Мы переживаем время антисемитской мании», — записал в дневнике граф Байобар, перед тем как отправиться выказать свое недовольство фельдмаршалу фон Фалькенхайну. Немцев, под чьим контролем еще оставался Иерусалим, охватил ужас. Антисемитские угрозы Джемаля «безрассудны», полагал генерал Кресс, пытавшийся спасти евреев на самом высоком уровне. Но это было последнее вмешательство Джемаля в жизнь Иерусалима[257].

25 ноября Алленби захватил Наби Самуэль, подойдя совсем близко к Святому городу. Немцы не знали, что предпринять. «Я умолял Фалькенхайна эвакуировать Иерусалим, ведь город не представлял собой никакого стратегического значения, — вспоминал впоследствии Папен, — до того, как он подвергнется прямой атаке, вину за последствия которой непременно возложили бы на нас». Он явственно представлял себе заголовки газетных передовиц: «Пушки разрушили Святой город!». «Я потерял Верден, — восклицал Фалькенхайн, — а теперь вы просите меня эвакуировать город, приковывающий внимание всего мира. Это невозможно!» Папен позвонил своему послу в Константинополе, и тот обещал переговорить с Энвером.

Британские самолеты провели бомбардировку германского штаба в комплексе «Августа Виктория», а шеф разведки Алленби приказал разбросать сигареты с опиумом в расположении османских войск в надежде на то, что, одурманенные наркотиком,

те будут не способны защищать Иерусалим. Из города лились потоки беженцев. Сняв со стены часовни в «Августе Виктории» портрет кайзера, Фалькенхайн наконец покинул город и перенес свою штаб-квартиру в Наблус. Британские и германские самолеты ввязывались в мимолетные воздушные стычки в небе над Иерусалимом, гаубицы обстреливали вражеские позиции; османы трижды пытались отбить Наби Самуэль, ожесточенные бои продолжались четыре дня. «Сражение было совершенно беспощадным, — записал Халиль Сакакини, — везде свистели осколки, стоял кромешный ад, перебежками передвигались солдаты, и всем правил страх»[258]. 4 декабря британские самолеты сбросили бомбы на османский штаб, расположившийся в Русском подворье. В отеле «Фаст» немецкие офицеры допивали остатки шнапса и посмеивались в усы до тех пор, пока османские генералы не повели окончательный разговор о сдаче. В одном из своих особняков созвали тайное совещание члены клана Хусейни. Наконец турки начали покидать город. По улицам потянулись повозки с ранеными солдатами, телеги с изувеченными трупами грохотали по камням мостовой.

Вечером 7 декабря первые британские солдаты увидели Иерусалим. Над городом висел тяжелый туман; проливной дождь скрывал окрестные холмы. На следующее утро губернатор Иззат-бей собственноручно разбил молотком все телеграфное оборудование в своей канцелярии, передал мэру предписание о сдаче, позаимствовал в Американской колонии экипаж, запряженный парой лошадей, который он поклялся вернуть[259], и укатил в сторону Иерихона. Всю ночь тысячи измученных османских солдат уходили из города и из истории. 9 декабря в три часа ночи Иерусалим оставили и немецкие части. Последние турки прошли под воротами Св. Стефана в семь утра, когда забрезжил день «красоты необыкновенной», как описал его граф Байобар. По случайному совпадению это оказался и первый день еврейской Хануки — праздника, увековечившего освобождение Иерусалима от чужеземных завоевателей много веков назад. В лавках и магазинах на Яффской дороге орудовали мародеры.

В 08:45 первые британские солдаты подошли к Сионским воротам. Мэр Иерусалима Хусейн Хусейни, покровитель Вазифа-лютниста, бросился с хорошими вестями в Американскую колонию, где оверкомеры уже распевали «Аллилуйя». Хусейни искал, из чего бы ему смастерить белый флаг. Одна колонистка предложила ему свою белую блузку, но Хусейни счел это в данном случае неуместным. В конечном итоге он разжился в колонии простыней, которую привязал к черенку метлы. Собрав делегацию из нескольких представителей своего клана, он сел в

седло и, размахивая своим белым флагом, поскакал в Старый город через Яффские ворота, чтобы сдать Иерусалим.

Как ни удивительно, сделать это оказалось не так-то просто. Сначала мэр со своей белой простыней наткнулся близ арабской деревни Лифта на двух нерях-англичан из какой-то хозяйственной части, искавших в курятнике яйца. Хусейни предложил им принять сдачу Священного города. Но те отказались: глядя на черенок метлы с простыней, они заподозрили, что здесь какая-то восточная хитрость; к тому же их майор уже давно заждался своего омлета. И солдаты поспешили убраться восвояси.

Затем мэр встретил подростка по имени Менаше Эльяшар — члена весьма уважаемой в городе еврейской семьи. «Ты тоже можешь стать свидетелем исторического события, которое никогда не забудешь!» — воскликнул мэр, и, словно в эпизоде из «Мудреца из страны Оз», Эльяшар присоединился к отряду, в котором теперь были не только мусульмане и христиане, но и еврей. Но тут из-за угла с грозными криками «Стой!» и винтовками наперевес выскочили два британских сержанта — Джеймс Седжвик и Фред Харкомб. Мэр отчаянно замахал своей простыней, но сержанты тоже отказались принимать сдачу. «Неужели никто из ваших ребят не говорит по-английски?» — только и воскликнули они. На самом деле мэр говорил по-английски бегло, но он предпочел бы продемонстрировать это свое умение перед более высокопоставленными чинами противника. Однако сержанты согласились сфотографироваться с мэром и его отрядом (в качестве фотографа выступил швед из Американской колонии) и приняли в подарок пару пачек сигарет.

Затем делегация наткнулась на двух британских артиллерийских офицеров, но те также отказались от предложенной чести, зато пообещали сообщить о иерусалимских делегатах в штаб. Подполковник Бейли передал предложение Хусейни бригадному генералу К. Ф. Уотсону, командиру 180-й бригады. Тот, в свою очередь, вызвал генерал-майора Джона Ши, командира 160-й дивизии. «Они идут!» — вскричали делегаты мэра, поджидавшие англичан на ступенях у Башни Давида[260]. Американская колонистка Берта Спаффорд поцеловала генеральское стремя. Ши принял сдачу от имени генерала Алленби, который узнал о новостях в своем лагере под Яффо; в этот момент он как раз беседовал с Лоуренсом Аравийским. Но лично ему мэр Хусейни город пока еще не сдал.

Алленби-Бык: величайший момент

Гул орудий все еще был слышен, когда генерал Эдмунд Алленби подъезжал к Яффским воротам. В его седельной сумке лежала книга Джорджа Адама Смита «Историческая география Святой земли» — подарок Ллойд Джорджа. Премьер-министр в Лондоне был полон энтузиазма. «Взятие Иерусалима произвело глубочайшее впечатление на весь цивилизованный мир, — говорил он в патетической речи через несколько дней. — Самый прославленный город в мире после столетий раздоров и тщетной борьбы наконец находится в руках британской армии и никогда не будет возвращен тем, кто так успешно удерживал его перед воинством христианского мира. Название каждого холма здесь таит в себе священные воспоминания».

Министерство иностранных дел направило Алленби телеграмму, в которой настоятельно рекомендовало избегать какой-либо помпезности «в духе кайзера» или, тем более, театрализованного уподобления въезду в город Христа: «Мы самым настоятельным образом рекомендуем Вам спешиться!» — и генерал прошел под городскими воротами пешком, в сопровождении пешего строя американских, французских и итальянских солдат, под взглядами всех патриархов, раввинов, муфтиев и консулов. Мэр Иерусалима в седьмой и в последний раз торжественно сдал город под «радостные крики толпы». «Иностранцы приветствовали и поздравляли друг друга».

Алленби сопровождал Лоуренс Аравийский, недавно переживший самое большое потрясение в своей жизни. В конце ноября в Сирии он, переодетый арабом, отправился на разведку в тыл вражеских позиций. У местечка Дераа он был схвачен солдатами свирепого османского полевого командира Хаким-бея, и тот со своими боевиками подверг «по-мальчишески моложавого» пленника сексуальному насилию. Лоуренсу в конце концов удалось бежать из плена, и хотя физически он оправился, психическая травма оказалась очень глубокой. После войны он описал свое состояние: «Я чувствовал себя… искалеченным, несовершенным, половиной прежнего… Вероятно, это была ломка духа той неистовой, сокрушающей нервы болью, которая низвела меня до уровня животного, заставив унижаться и так и сяк, и которая сопровождает меня с тех пор; очарование, и ужас, и болезненное желание, похотливое и порочное». Когда Лоуренс после бегства из плена добрался до Акабы, Алленби вызвал его в свою штаб-квартиру под Газой, и, пока он находился у генерала, как раз пришло сообщение о падении Иерусалима. «Алленби стал готовиться к официальному вступлению в этот город в духе католического воображения Марка Сайкса».

По такому поводу и Лоуренс предпочел сменить бедуинскую

одежду на мундир майора британской армии. «Пышная церемония у Яффских ворот оказалась для меня кульминацией всей войны», — писал он позднее в «Семи столпах мудрости». Лоуренс все еще считал Иерусалим «убогим, заброшенным» городом «трактирщиков», но теперь он оценил «правящий здесь гений места». И конечно же, за всем происходившим тогда в Иерусалиме наблюдал из толпы Вазиф, не забывавший о своем дневнике.

За свою недюжинную физическую мощь, сквозившее во всех словах и движениях чувство собственного достоинства и величавую осанку Алленби получил прозвище Кровавый бык — этот «последний из паладинов» восхищал своей «живостью, осмотрительностью и умом» даже Джемаль-пашу. Натуралист-любитель, он знал «все, что можно было знать о птицах и животных, читал все на свете и мог продекламировать наизусть за обедом какой-нибудь из наименее известных сонетов Руперта Брука». Генерал обладал также своеобразным чувством юмора: и своему коню, и скорпиону, которого он держал дома, он дал кличку Гинденбург — по имени германского генерал-фельдмаршала. Даже утонченный и привередливый Лоуренс уважал «громадного рыжего оживленного» генерала, который был «человеком столь значительным, что с трудом мог представить себе наши куда более скромные масштабы и потребности».

Алленби взошел по ступеням на платформу у Башни Давида и зачитал декларацию о «благословенном Иерусалиме», которая затем была повторена на французском, арабском, еврейском, греческом, русском и итальянском языках. Составители этого документа тщательно избегали слов, бывших на уме у всех и каждого из слушателей: «Крестовый поход». Однако когда мэр Хусейни наконец вручил ему ключи от города, Алленби, как утверждали некоторые очевидцы, все-таки пробормотал: «Крестовые походы окончены». Мэр и муфтий — оба Хусейниды — переглянулись в явном раздражении. Совершенно по-другому отреагировали американские колонисты-милленаристы. «Нам мнилось, что мы лицезреем триумф последнего крестового похода, — призналась Берта Спаффорд. — Христианская держава завоевала Палестину!» И совсем об ином думал в этот момент Лоуренс: «Было странным стоять перед Башней, слушать декларацию командующего и вспоминать, как несколько дней назад ты стоял перед насильником Хакимом».

Приняв ключи, Алленби вышел из Яффских ворот и сел на своего Гинденбурга[261]. «Иерусалим приветствовал нас бурно. Это было впечатляюще», — вспоминал Лоуренс. Под «аккомпанемент пулеметного салюта и шум аэропланов,

постоянно круживших над нами» ему невольно подумалось о том, что «Иерусалим очень долго никто не захватывал, и город никогда прежде не сдавался так кротко». Впрочем, сам он «стыдился триумфа».

После официальной части в штаб-квартире генерала Ши был дан обед, на котором настроение гостям подпортил французский дипломатический представитель Пико. Напомнив о правах Франции на раздел Иерусалима, он «пронзительным, как звук флейты, голосом заявил: „А завтра, мой дорогой генерал, я предприму необходимые шаги для того, чтобы учредить в этом городе гражданское управление“.

Последовало молчание. Салат, цыпленок под майонезом и сэндвичи с паштетом из гусиной печенки замерли в наших ртах неразжеванными, и мы повернулись к Алленби. Даже он на какой-то момент казался растерянным… Но лицо его уже наливалось краской. Он сглотнул, выпятив подбородок (его любимый жест), и жестко проговорил: „В зоне военных действий единственной властью является главнокомандующий, то есть я“».

А затем Лоуренс вновь присоединился к Фейсалу и «верблюжьему корпусу» шерифа. Французам и итальянцам было разрешено нести вместе с англичанами охрану Гроба Господня. Но саму церковь, как всегда, продолжал запирать и отпирать наследный привратник и хранитель ключей Нусейбе[262]. Индийским мусульманским частям Алленби поручил охрану Храмовой горы.

Между тем в Лондоне Вейцман удостоился аудиенции короля Георга V. После этого он отправился в Святой город, сопровождаемый своей сионистской комиссией и помощником Владимиром Жаботинским, бескомпромиссным сионистом и утонченным интеллектуалом-журналистом родом из Одессы, где он в свое время организовал для отпора погромщикам еврейскую милицию. Наступление Алленби тем временем застопорилось чуть севернее Иерусалима. Взятие города еще не означало конца османского сопротивления, и Алленби потребовался почти год, чтобы собрать силы для новой наступательной операции. Иерусалим фактически оставался на линии фронта, наводненный британскими и колониальными войсками, готовившимися к массированному наступлению. Жаботинский и майор Джеймс Ротшильд выдвинули идею сформировать Еврейский легион, тогда как шерифы под началом Лоуренса и эмира Фейсала ждали удобного момента, чтобы захватить Дамаск и заодно поубавить амбиции французов.

Несмотря на оживление, царившее теперь в городе, Иерусалим производил тягостное впечатление: его население

сократилось за годы войны на 30 тыс. человек и теперь составляло около 55 тыс. Многие иерусалимляне продолжали голодать, множество жертв уносила малярия, в городе свирепствовали венерические болезни (на улицах города «работали» не менее 500 еврейских проституток — совсем девочек); еврейских сирот в Иерусалиме было без малого 3 тыс. Вейцмана, как и Лоуренса, поражали убожество и запустение, в которых находился Святой город: «Сделано все, чтобы осквернить и замарать самое святое. Невозможно себе даже представить такое извращенное святотатство». Как в свое время Монтефиоре и Ротшильд, Вейцман дважды пытался выкупить у муфтия Западную стену за 70 тыс. фунтов. Эти деньги предполагалось потратить на строительство нового жилья и переселение обитателей Магрибского квартала, дома которых подступали вплотную к Стене. Сами магрибинцы проявили к идее интерес, но семейство Хусейни блокировало все соглашения по этому вопросу.

Помощником иерусалимского шефа полиции и заместителем начальника военной полиции Алленби назначил двоюродного внука Мозеса Монтефиоре, который — не будь он евреем — мог бы рассчитывать и на пост начальника полиции. «В зоне Иерусалима широко распространены венерические болезни», — рапортовал майор Джеффри Себаг Монтефиоре, выставивший караулы у всех святых мест. Он регулярно производил облавы в публичных домах, как правило, битком набитых австралийской солдатней, и вынужден был тратить большую часть своего времени на расследование дел о связях солдат с несовершеннолетними девицами. «Бордели в Иерусалиме все еще доставляют множество неприятностей» — сообщал он Алленби в июне 1918 года. Помощник иерусалимского шефа полиции перенес все злачные места в своего рода гетто, которое прозвали Ваззa[263], и организовал усиленный полицейский контроль на его границах. В октябре он докладывал: «Было нелегко вышибить австралийцев из их борделей. Но теперь Ваззу патрулирует целый эскадрон». Стандартный рапорт майора гласил: «Венерические заболевания продолжают процветать. Больше ничего в городе не произошло».

В кафе у Яффских ворот арабы и евреи обсуждали будущее Палестины: мнений у представителей обеих сторон было множество. Одни евреи выражали ультраортодоксальные взгляды, презирая кощунственный светский сионизм. Другие допускали создание и полную интеграцию еврейских колоний по всему Ближнему Востоку под управлением арабов. А крайние националисты мечтали о сильном еврейском государстве, в

котором арабскому меньшинству отводилось бы подчиненное положение. Не было единства и у арабов: националисты и исламские фундаменталисты настаивали на высылке еврейских иммигрантов, демократические либералы приветствовали помощь евреев в строительстве арабского государства. Арабские интеллектуалы обсуждали, быть ли Палестине частью Сирии или Египта. Во время войны молодой иерусалимлянин Ихсан Турджман написал, что «египетский хедив должен быть королем Палестины и Хиджаза». А Халиль Сакакини заметил, что «идея присоединения Палестины к Сирии быстро завоевывает популярность». За объединение с Сирией выступало и Литературное общество, основанное Раджибом Нашашиби. Семейство Хусейни основало Арабский клуб. Но к Декларации Бальфура оба клана относились враждебно.

Ориентальный Сторрз: благодетельный деспот

20 декабря 1917 года в Иерусалим прибыл Рональд Сторрз, назначенный военным губернатором — «под стать Понтию Пилату», как он выразился. В холле отеля «Фаст» Сторрз сразу наткнулся на своего предшественника — генерала Бортона; тот был в купальном халате: «Иерусалим можно вытерпеть, либо лежа в ванне, либо в постели», — пожаловался Бортон. Сторрз, предпочитавший белые костюмы с яркими бутоньерками, обнаружил Иерусалим «на голодном пайке» и сделал наблюдение, что «евреи, как обычно, мало изменились». Он был по-настоящему окрылен своим назначением в Иерусалим, который для Сторрза стоял «особняком среди городов мира». Хотя, как и многим протестантам, ему претила «театральность» церкви Гроба Господня[264], а Храмовую гору он объявил «славной помесью пьяццы Сан-Марко и Большого двора кембриджского Тринити-колледжа», Сторрз чувствовал, что он просто рожден для того, чтобы управлять Иерусалимом: «Быть в силах словом, написанным или произнесенным, исправлять несправедливость, запрещать осквернение святынь, выказывать добрую волю — значит обладать властью аристотелевского „благодетельного деспота“».

Сторрз не был типичным колониальным бюрократом. Этот имперский фанфарон и сын викария был образцовым воплощением классического воспитанника Кембриджа с «удивительно космополитичными — для англичанина! — взглядами». Его друг Лоуренс, презиравший многих чиновников, отзывался о Сторрзе очень лестно: «Самый блестящий из

англичан на Ближнем Востоке, утонченный, энергичный, хотя значительную часть своей энергии он расходовал на увлечения музыкой и литературой, скульптурой и живописью, на любовь ко всему прекрасному в мире». Лоуренс вспоминает, как его друг обсуждал достоинства Вагнера и Дебюсси на арабском, немецком и французском языках, хотя вообще «известный своей нетерпимостью Сторрз редко снисходил до общения». В Египте его оскорбительные колкости и коварные интриги стяжали ему нелицеприятное прозвище Ориентальный Сторрз — в честь лавки колониальных товаров, известной своими особенно жуликоватыми приказчиками[265].

Этот нетривиальный военный губернатор приступил к восстановлению обветшавшего и разрушенного Иерусалима с помощью пестрой команды помощников, в числе которых были: «кассир из какого-то рангунского банка, некий актер, а по совместительству — собственный импресарио, два сотрудника компании Томаса Кука, некий торговец картинами, военный инструктор, какой-то клоун, землемер, боцман, плававший по Нигеру, винокур из Глазго, органист, хлопковый брокер из Александрии, архитектор, почтовый служка из Лондона, египетский таксист, пара школьных учителей и миссионер».

Всего через несколько месяцев Сторрз основал благотворительное Проиерусалимское общество. Финансировали его армянский торговец оружием Василий Захарофф и американские миллионеры Эндрю Карнеги и Дж. П. Морган. Целью общества было не допустить, чтобы Иерусалим превратился «в какой-нибудь второсортный Балтимор».

Никто так не восхищался титулами, обычаями и колоритом города, как Сторрз. Он подружился не только с семейством Хусейни[266], но и с Вейцманом и даже с Жаботинским, о котором Сторрз говорил, что трудно найти «более галантного офицера и более обаятельного и культурного» человека. Вейцман, в свою очередь, следующим образом описывал Жаботинского: «Он был некрасив, но весьма обаятелен, невысок, убедительно говорил, был щедр, всегда готов помочь… И вместе с тем было в нем что-то театральное, аристократическое, нееврейское, необычное… трудно определимое».

Однако Сторрз считал тактику сионистов «кошмаром, который лучше всего описывает турецкая поговорка: „Младенец, который не плачет, не получит молока“». Сионисты вскоре заподозрили, что он им вовсе не симпатизирует.

Многие британцы также презрительно относились к Жаботинскому и другим российским евреям, которые с важным видом расхаживали по Иерусалиму в военных мундирах цвета

хаки. Британцы втайне считали Декларацию Бальфура невыполнимой. Один сочувствующий евреям британский генерал передал Вейцману некую книгу — так состоялось первое знакомство сионистского вождя с «Протоколами сионских мудрецов». «Ее можно найти здесь в ранцах многих британских офицеров, и они верят тому, что в ней написано», — сказал генерал Вейцману. В то время «Протоколы» еще не были окончательно признаны подделкой и казались многим очень правдоподобными — это были дни, когда Британия открыто поддерживала сионизм, а в высших эшелонах власти большевистской России, по-видимому, преобладали еврейские комиссары[267].

Но Сторрз «был гораздо более проницателен, — вспоминал Вейцман. — Он был другом всем нам». Губернатор протестовал, когда евреи уверяли его, что он вместе с ними вот-вот подвергнется нападению погромщиков, и он также протестовал, когда арабы уверяли его, что эти строптивые «самоварные сионисты» не имеют ничего общего с Дизраэли. А когда губернатор рассказал премьер-министру о взаимных жалобах арабов и евреев, Ллойд Джордж процедил: «Что ж, в ту же минуту, когда какая-либо из сторон вдруг перестанет выражать недовольство, вы будете уволены».

Несмотря на тревоги арабов из-за Декларации Бальфура, Иерусалим два года жил в мире и спокойствии. Сторрз отремонтировал стены и Купол Скалы, провел уличное освещение, создал шахматный клуб и взорвал дозорную башню на Яффских воротах — наследие Абдул-Хамида. Кроме того, он много занимался переименованиями в Иерусалиме: «Евреи пожелали, чтобы отель „Фаст“ отныне именовался „Царь Соломон“, арабы же настаивали на названии „Султан Сулейман“; и то, и другое, несомненно, разделило бы Иерусалим пополам; назову-ка я его, пожалуй, „Алленби“». Он основал хор монахинь (и сам стал регентом этого хора!) и пытался выступать посредником в бесконечных распрях христиан из-за церкви Гроба Господня, сохраняя, впрочем, статус-кво в смысле принадлежности тех или иных частей церкви тем или иным конфессиям — точно так, как это было установлено султаном в 1852 году. Это устраивало православных, но не нравилось католикам[268], и когда Сторрз посетил Ватикан, папа упрекал его в том, что в Святом городе появилось множество отнюдь не благочестивых заведений — кинотеатров — и сотни проституток. В общем, британцам так и не удалось искоренить вековую вражду христианских конфессий.

Что уж говорить о Иерусалиме — вопрос о статусе всей

Палестины в целом ни на йоту не приблизился к разрешению. Пико вновь напомнил о праве французов на Иерусалим. «Британцы даже понятия не имеют, как ликовали французы, когда Иерусалим был взят!», — восклицал он. «А представьте, что же тогда это значило для нас, взявших город!» — парировал Сторрз. Затем Пико попытался взять под покровительство Франции всех иерусалимских католиков, для чего созвал специальное собрание в церкви Гроба Господня, а во время пения «Тебе Бога хвалим» восседал на особом кресле среди церковных иерархов. Но эти планы провалились из-за возражений францисканцев.

Когда мэр города внезапно умер от воспаления легких (вполне возможно, из-за того, что ему пришлось слишком много раз сдавать город в весьма дождливый день), Сторрз назначил новым градоначальником его брата Мусу Казима аль-Хусейни. Но величественный новый мэр, служивший до этого губернатором различных османских провинций от Анатолии до Яффо, довольно скоро решил сделать своей главной заботой борьбу с сионистами. Иерусалимляне-арабы возлагали надежды на Великое Сирийское королевство под управлением принца Фейсала, друга Лоуренса Аравийского. На Первом конгрессе мусульманско-христианских ассоциаций, прошедшем в Иерусалиме, делегаты проголосовали за присоединение Палестины к Сирии Фейсала. Сионисты, сохранявшие непоколебимую уверенность в том, что большинство арабов рано или поздно смирятся с еврейской колонизацией Палестины, пытались развеять опасения местных жителей. Британцы призывали обе стороны к большему дружелюбию. Вейцман встретился с великим муфтием, заверил его, что евреи никак не угрожают арабским интересам, и преподнес в дар муфтию старинный Коран.

В июне 1918 года Вейцман в сопровождении Лоуренса отправился в путешествие через пустыню — ради встречи с Фейсалом в его лагере под Акабой. Это стало началом того, что Вейцман впоследствии несколько выспренне называл «дружбой длиною в жизнь». Лидер сионистов объяснил арабскому королю, что евреи будут развивать страну под защитой Великобритании. Для Фейсала же, однако, существовала большая разница между теми, кого Лоуренс называл «палестинскими евреями», и «евреями-колонистами»: с точки зрения Фейсала, важно было то, что первые говорили по-арабски, а вторые на идиш. Так или иначе, и Фейсал и Лоуренс надеялись, что сторонники шерифа и сионисты вполне способны объединить усилия в строительстве Сирийского королевства. Лоуренс говорил: «Я считаю, что именно евреи естественным образом доставят в Палестину закваску западной культуры, столь необходимую для всех стран Ближнего

Востока». Вейцман вспоминал потом, что «Лоуренс относился к сионизму крайне положительно», так как верил, что «арабы только выиграют от образования в Палестине еврейского национального очага».

На встрече в Акабе Фейсал согласился поддержать притязания евреев в Палестине. Позднее, когда все трое снова встретились в Лондоне, он согласился, что Палестина могла бы принять «4–5 миллионов евреев без ущемления прав арабского крестьянства. Он тогда никак не мог подумать, что земли в Палестине может кому-то не хватить», и согласился на еврейское большинство в Палестине в составе Сирийского королевства — при условии, что корону получит он. Палестина была хорошим трофеем, и Фейсал готов был ради него на компромиссы.

Дипломатия Вейцмана поначалу приносила свои плоды. Он как-то пошутил, что «еврейское государство без университета — все равно что Монако без казино». 24 июля 1918 года Алленби отвез его на своем «роллс-ройсе» на гору Скопус. Там муфтий, англиканский епископ, два главных раввина и сам Вейцман заложили первые камни в основание Еврейского университета. Однако наблюдатели отметили, что муфтий участвовал в церемонии «скрепя сердце». В отдалении грохотала османская артиллерия, а гости, присутствовавшие на церемонии, спели сначала «Боже, храни короля!», а затем сионистский гимн «Надежда» («ха-Тиква»). «А под нами лежал Иерусалим, — вспоминал Вейцман, — сверкающий, как драгоценность».

Османы все еще ожесточенно сражались в Палестине; но и на европейском Западном фронте не видно было никаких признаков победы. В эти месяцы адъютант Сторрза время от времени докладывал начальнику, что его ожидает Бедуин. Сторрз заставал Лоуренса в своей библиотеке за чтением. А затем Бедуин-англичанин исчезал так же таинственно, как и появлялся. В мае того же года Сторрз познакомил Лоуренса с американским журналистом Лоуэллом Томасом, который сделал англичанину комплимент, сказав, что он похож «на одного из воскресших младших апостолов». Впоследствии именно Томас немало сделал для создания мифа о Лоуренсе Аравийском.

Только в сентябре 1918 года Алленби предпринял новое решительное наступление, разгромив турок и немцев в битве при Мегиддо. Тысячи германских и османских пленных были проведены по улицам Иерусалима. Второго октября Алленби разрешил Фейсалу — уже избранному, но еще не взошедшему на престол королю Сирии, — и полковнику Лоуренсу с его отрядами воинов шерифа освободить Дамаск. Но, как и подозревал Лоуренс, настоящие решения принимались уже далеко за

пределами Ближнего Востока. Ллойд Джордж был решительно настроен сохранить за Британией Иерусалим. Позднее лорд Керзон сетовал: «Премьер-министр говорит об Иерусалиме почти с таким же энтузиазмом, как о своих родных холмах Средней Англии».

И в тот же момент, когда выдохшаяся Германия согласилась прекратить военное сопротивление, началось политическое лоббирование. Уже 11 ноября, в день подписания перемирия, Вейцман, заранее приглашенный в дом № 10 по Даунинг-стрит по другому поводу, застал Ллойд Джорджа «читающим псалмы почти со слезами на глазах». Лоуренс ходатайствовал перед лондонскими чиновниками о помощи арабам. Фейсал пытался убедить французов в Париже. Но когда англичане и французы начали дискуссию в Париже по вопросу раздела Ближнего Востока, Ллойд Джордж заявил, что Иерусалим завоевала Британия: «Другие же правительства лишь прислали по нескольку своих чернокожих полицейских — проследить, вероятно, чтобы мы не украли Гроб Господень!»

47. Победители и трофеи *1919–1920 гг.*

Вудро Вильсон в Версале

Через несколько недель Ллойд Джордж и французский премьер Жорж Клемансо встретились в Лондоне и быстро все решили. В обмен на Сирию Клемансо был готов на очень большие уступки:

> Клемансо: Скажите мне, чего вы хотите?
> Ллойд Джордж: Я хочу Мосул.
> Клемансо: Вы получите его. Что-нибудь еще?
> Ллойд Джордж: Да, я хочу Иерусалим!
> Клемансо: Вы получите его.

В январе 1919 года Вудро Вильсон — первый американский президент, выехавший за пределы Америки во время своего правления, — прибыл в Версаль, чтобы вместе с Ллойд Джорджем и Клемансо заключить мир с Германией. Прибыли в Версаль и главные герои Ближнего Востока — Фейсал с Лоуренсом, — стремившиеся помешать установить французский контроль над Сирией; приехал и Вейцман, надеявшийся сохранить присутствие британцев в Палестине и добиться международного признания Декларации Бальфура. Само присутствие Лоуренса в роли советника Фейсала — в британской униформе, но с арабской куфией на голове — вызывало сильнейшее раздражение у французов. Они попытались отстранить его от участия в конференции.

Вильсон, этот вирджинский профессор-идеалист, ставший политиком, кандидатом от Демократической партии, президентом США, а теперь выступавший в качестве международного арбитра, заявил, что «любые территориальные решения, необходимость в которых возникла в результате этой войны, должны отвечать интересам и пользе местного населения». Он отказался поддержать раздел Ближнего Востока между двумя империями, и скоро трое самых могущественных людей в мире возненавидели друг друга. Вильсон находил Ллойд Джорджа «скользким». 78-летний Клемансо, лавировавший между непоколебимо уверенным в своей правоте Вильсоном и думающим только о территориальных захватах Ллойд Джорджем,

сетовал: «Я словно зажат между Иисусом Христом и Наполеоном Бонапартом». Остроумный Вейцман и застегнутый на все пуговицы американец отлично поладили. Ллойд Джорджа восхищал идеализм последнего, позволивший Британии получить все, чего она хотела. В обшитой деревянными панелями парижской зале, обставленной книгами, этим олимпийцам предстояло решить будущее мира; и их действия поразили даже циника Бальфура, наблюдавшего, как «три всемогущих и совершенно невежественных человека перекраивают границы континентов».

Амбиции Клемансо были столь же наглыми, как и претензии Ллойд Джорджа. На встрече с Лоуренсом Клемансо оправдывал свои притязания на Сирию тем, что французы, дескать, правили Палестиной во времена крестоносцев. «Это так, — ответил Лоуренс, — но ведь крестоносцы потерпели поражение, не правда ли?» Кроме того, крестоносцы никогда не владели Дамаском — а это и был самый желанный трофей Клемансо и краеугольный камень национальных надежд арабов. Французы не оставляли надежд на раздел Иерусалима по соглашению Сайкса — Пико, но британцы теперь отказывались вообще признавать этот договор.

Американский президент, сын проповедника-пресвитерианца, одобрил Декларацию Бальфура. «Подумать только, — говорил Вильсон, — я, сын простого пастора, смогу помочь возвратить Святую землю ее народу». Влияние на Вильсона оказали как протестантский филосемитизм в целом, так, в частности, и его советник Луис Брандейс, еврей из Кентукки, назначенный Вильсоном в 1916 году судьей Верховного Суда Соединенных Штатов и пробывший на этом посту до выхода на пенсию. «Народный адвокат» Брандейс являл собой образчик американского ученого и неподкупного общественного деятеля. В 1914 году только 15 тыс. из 3 млн. американских евреев были членами его Американской сионистской организации. К 1917 году в нее входили уже сотни тысяч американских евреев. Евангельские христиане лоббировали сионизм, а экс-президент Тедди Рузвельт, побывавший в Святом городе со своими родителями еще мальчиком, поддерживал «сионистское государство вокруг Иерусалима».

От Вильсона не ускользнуло опасное и болезненное противоречие между сионизмом и стремлением арабов к самоопределению. На каком-то этапе переговоров англичане предложили некий Американский мандат — новый термин, призванный обозначить нечто среднее между протекторатом и провинцией. Вильсон с интересом отнесся к этой возможности. Но, постоянно наблюдая ожесточенную схватку англичан и

французов из-за Палестины и Сирии, он направил в бывшие Османские провинции так называемую комиссию Кинга — Крейна для выяснения настроений арабов. Комиссия, которую возглавили Чарльз Ричард Крейн — богатый чикагский промышленник и признанный знаток арабской культуры и политики, — и Генри Черчилль Кинг, председатель Оберлинского колледжа, математик и философ, — пришла к выводу, что большинство палестинских и сирийских арабов желают жить в Великой Сирии, королевстве Фейсала, под американским протекторатом. Но вывод комиссии никак не повлиял на исход переговоров — Вильсону не удалось обуздать своих союзников-империалистов. Через два года только что созданная Лига Наций закрепила за Британией Палестину, а за Францией — Сирию. Это решение Лоуренс назвал «трюк с мандатом».

8 марта 1920 года Фейсал был провозглашен королем Сирии (которая в ту пору включала территорию современных Ливана и Израиля). Своим министром иностранных дел он назначил уроженца Иерусалима Саида аль-Хусейни, а брат муфтия Амин на короткий срок получил должность в королевском суде. Воодушевленные появлением на карте мира нового арабского королевства, палестинские арабы приободрились и осмелели перед лицом сионистской угрозы. Вейцман предупреждал, что скорые проблемы неизбежны. Жаботинский и бывший российский революционер Пинхас Рутенберг[269] тайно формировали еврейские отряды самообороны; их численность скоро достигла 600 человек. Но Сторрз пренебрег сигналами об опасности.

Сторрз: беспорядки Наби Муса — первые выстрелы

Субботним утром 20 апреля 1920 года в городе, переполненном еврейскими и христианскими паломниками, на праздник Наби Муса собрались до 60 тыс. человек. Верховодили среди них представители семейства Хусейни. Вазиф Джавгарийе записал в дневнике, что они пели песни в знак протеста против Декларации Бальфура. Младший брат муфтия Хадж Амин аль-Хусейни подстрекал народ, потрясая портретом Фейсала: «Это ваш король!» «Палестина — наша земля, — взвыла в ответ толпа. — Евреи — наши псы!» Толпы людей хлынули в Старый город. Попавшийся им на пути старик-еврей был забит палками.

Как вспоминал впоследствии Халиль Сакакини, внезапно «ярость переросла в безумие». Из-под одежды показались кинжалы и дубинки, слышались вопли: «Религия Мухаммеда была основана мечом!» Город, по словам Вазифа, «превратился в поле

битвы». Толпа ревела: «Смерть евреям!» И Сакакини, и Вазиф, оба ненавидевшие жестокость, вознегодовали не только на сионистов, но и на британцев.

Сторрз, покинув англиканскую церковь после утренней службы, сразу понял: Иерусалим вышел из-под контроля. Он бросился в штаб-квартиру в Австрийском хосписе, чувствуя себя так, словно кто-то «насквозь пронзил шпагой его сердце». В Иерусалиме у Сторрза было всего 188 полицейских. На следующий день беспорядки только усилились, и евреи начали всерьез опасаться, что арабы истребят их всех до единого. Вейцман кинулся к Сторрзу с требованием о помощи; Жаботинский и Рутенберг взяли в руки оружие и привели 200 вооруженных евреев к полицейскому управлению на Русском подворье. Сторрз запретил самовольное вооружение добровольцев, и тогда Жаботинский со своими дружинниками организовал патрулирование за стенами Старого города, постоянно ввязываясь в стычки с арабами — именно в этот день началась стрельба.

В Старом городе некоторые улицы Еврейского квартала были в форменной осаде; арабы изнасиловали нескольких еврейских девушек. Британцы тем временем бросили все силы полиции на поддержание порядка во время схождения Благодатного огня. Но когда какой-то сириец сдвинул с места коптскую кафедру, «все двери ада разверзлись», началась общая свалка, во время которой загорелись двери храма. Когда один из британских чиновников пытался выбраться из церкви, из соседнего окна выпала маленькая арабская девочка, сраженная шальной пулей.

Дружинник Жаботинского по имени Неемия Рубицов и еще один из их товарищей, спрятав пистолеты под медицинскими белыми халатами, пробрались в Старый город в карете скорой помощи, чтобы организовать оборону. Рубицов родился на Украине, был принят Бен-Гурионом в Еврейский легион и взял новую фамилию — Рабин. Стараясь успокоить и организовать перепуганных евреев, Рабин познакомился с «Красной Розой» Коэн, пылкой бывшей большевичкой, только что приехавшей из России. Они полюбили друг друга и позднее поженились. «Я родился в Иерусалиме», — подчеркивал их сын Ицхак Рабин, который по прошествии многих лет, будучи начальником генштаба израильской армии, лично разработал и возглавил операцию по захвату Иерусалима.

Герберт Сэмюэл: Палестина, одна штука, полностью

К тому времени, когда волнения удалось подавить, погибли пятеро евреев и четверо арабов, 216 евреев и 23 араба были ранены. За участие в «мятеже Наби Муса» были отданы под суд 39 евреев и 161 араб. Сторрз приказал провести обыски в домах Вейцмана и Жаботинского. Последнего обвинили в хранении оружия и приговорили к 15 годам тюремного заключения. Молодого Амина Хусейни — по словам Сторрза, «главного зачинщика» беспорядков — осудили на десять лет, но ему удалось бежать из Иерусалима. Сторрз отправил в отставку мэра Мусу Казима Хусейни, хотя британцы наивно обвиняли в насилии «евреев-большевиков» из России.

Либерал Вейцман и социалист Бен-Гурион все еще не теряли надежду на то, что со временем еврейскому национальному очагу удастся выработать какую-то форму мирного сосуществования с арабами. Бен-Гурион отказывался замечать арабский национализм: он искренне желал, чтобы арабские и еврейские рабочие жили «в гармонии и дружбе», хотя иногда и восклицал: «Никакое решение невозможно! Мы хотим, чтобы эта страна была нашей. Арабы хотят, чтобы она была их». Сионисты начали реорганизовывать свою старую службу самообороны «ха-Шомер» в более эффективную и многочисленную подпольную боевую организацию — «Хагану».

Каждый акт насилия приводил в еще большую ярость экстремистов с обеих сторон. Жаботинский совершенно трезво осознавал, что арабский национализм столь же реален, как сионизм. Он был совершенно убежден, что будущее еврейское государство, которое, по его мнению, должно было располагаться на обоих берегах Иордана, неминуемо столкнется с яростным противостоянием арабов и защитить его можно будет только с помощью «железной стены». В середине 1920-х годов Жаботинский создал Союз сионистов-ревизионистов; молодежное отделение этой партии называлось «Бейтар», его члены носили полувоенную форму и проводили парады. Жаботинский мечтал создать новый тип еврейского колониста, активиста, который не зависел бы от «благовоспитанного» лоббиста Вейцмана. Жаботинский был непоколебимо убежден, что еврейское государство должно строиться на принципах абсолютного равенства двух народов без какого бы то ни было вытеснения арабов. Когда в 1922 году к власти в Италии пришел Бенито Муссолини, Жаботинский высмеял культ дуче: «Самое нелепое из всех слов — вождь. Только скоту нужны вожаки. У цивилизованных людей „вождей“ не существует». Тем не менее, либерал Вейцман называл самого Жаботинского «фашиствующим», а Бен-Гурион даже прозвал его «дуче».

Король Фейсал — надежда арабских националистов — совершенно не устраивал Францию, которая получила Сирию после раздела Османской империи и не желала ни с кем делиться властью. Французы легко разбили плохо вооруженную и плохо организованную армию Фейсала, и король, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, отказался от власти и покинул страну. Так были окончательно разрушены планы Лоуренса. Конец Великой Сирии и иерусалимские мятежи способствовали формированию палестинской национальной идентичности[270].

24 апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо Ллойд Джордж подписал мандат на управление Палестиной, имевший в основе Декларацию Бальфура, и назначил первым верховным комиссаром Палестины Герберта Сэмюэла. 30 июня Сэмюэл прибыл в Иерусалим во всем великолепии: в белой униформе, тропическом шлеме с султаном и при шпаге. Встреча, устроенная комиссару, была не менее помпезной — ему салютовали 17 пушек. Сэмюэл был евреем и сионистом, но прежде всего он был прагматиком. Ллойд Джордж находил его «сдержанным и холодным», некий журналист уподобил его «бесстрастной устрице», а одному из чиновников казалось даже, что Сэмюэл «в мыслях постоянно находился в своем шкафу с бумагами».

Тем не менее во время официальной церемонии передачи полномочий Сэмюэл счел возможным сдержанно пошутить, приложив к пакету официальных бумаг расписку со следующим текстом: «Получена от генерал-майора сэра Луиса Дж. Болса Палестина, одна штука, комплектность полная, ошибок и недостач не замечено». Но ошибок предстояло еще очень много.

Мягкая тактичность Сэмюэла умиротворила Палестину после шока от событий Наби Муса. Верховный комиссар сделал своей резиденцией комплекс «Августа Виктория» на Масличной горе, выпустил из тюрьмы Жаботинского, извинился перед Амином Хусейни, временно ограничил еврейскую иммиграцию и постарался умиротворить арабов. Британские интересы были на тот момент уже не совсем те же, что в 1917 году. Керзон, теперь министр иностранных дел, негативно относился к безраздельной поддержке сионизма и пытался денонсировать некоторые из обещаний Бальфура. Да, у евреев должен быть свой «национальный очаг», но вовсе не государство в полном смысле слова — ни сейчас, ни когда-либо позже. Вейцман чувствовал себя преданным, но арабы даже такую позицию считали гибельной для себя. К 1921 году в Палестину прибыло 18,5 тыс. евреев. В последующие восемь лет Сэмюэл разрешил въезд еще 70 тыс. еврейских переселенцев.

А весной 1921–го в Иерусалим в сопровождении своего

советника Лоуренса Аравийского прибыл босс Сэмюэла — Уинстон Черчилль, министр по делам колоний.

Черчилль создает современный ближний восток: решение Лоуренса о шерифах

«Мне очень понравился Уинстон, — признавался потом Лоуренс. — И я испытываю к нему большое уважение». Черчилль к этому времени построил яркую карьеру и пользовался прочной репутацией смелого авантюриста, никогда не забывающего о саморекламе и всегда в конце концов добивающегося успеха. Теперь 45-летний министр по делам колоний должен был ответить на один вопрос: каков приемлемый уровень кровопролития и военных расходов с точки зрения сохранения в составе империи новоприобретенных провинций — ведь Ирак и так уже был на грани кровавого антибританского мятежа. Черчилль созвал в Каире конференцию, чтобы передать ряд властных полномочий арабским правителям, сохранив при этом британское влияние. Лоуренс тут же предложил преподнести новое королевство Ирак Фейсалу.

12 марта 1920 года Черчилль собрал своих экспертов-арабистов в отеле «Семирамида». У их ног играла пара детенышей сомалийских львов. Черчилль любил роскошь и не испытывал ни малейшего желания познакомиться поближе с «неблагодарными пустынями». Но Лоуренсу роскошь претила. «Мы живем в отеле из мрамора и бронзы, — писал он. — Очень дорогом и роскошном — ужасное место. Я готов уже стать большевиком. Здесь присутствуют все, кто вообще сейчас есть на Ближнем Востоке. Послезавтра мы едем в Иерусалим. Мы — просто воплощение счастливого семейства: полное согласие по всем важным вопросам». Последние слова означали, что Черчилль согласился с предложением Лоуренса о дальнейшей судьбе мекканских шерифов; таким образом, Лоуренс имел право считать, что честь Британии, попранная, когда шерифам были даны ложные обещания, восстановлена.

С начала XIII века шерифами Мекки неизменно были члены семьи Хашим. Теперь старый шериф Хусейн был не в силах противостоять фундаменталистам-ваххабитам, которые под началом ибн Сауда постепенно завоевывали Хиджаз и весь полуостров[271]. Когда сын Хусейна Абдалла во главе 1350 воинов попытался отбить саудитов, он потерпел полный крах, вынужден был полуодетым бежать через дыру в заднем пологе своей палатки и вообще чудом уцелел. При разделе наследия

Османской империи Хашимиты планировали, что Фейсал будет управлять Сирией и Палестиной, тогда как Абдалла станет королем Ирака. Теперь же, когда Фейсал получал Ирак, Абдалла оставался ни с чем.

И пока в Каире проходила созванная Черчиллем конференция, Абдалла повел 30 своих офицеров и 200 бедуинов через пустыню в Трансиорданию (в то время это формально была часть подмандатной британской территории) с целью заполучить суверенное владение — пусть небольшое и захудалое, но все же свое собственное (лорд Керзон, впрочем, считал, что Абдалла «слишком большой петух для столь маленькой навозной кучи»). Черчилль узнал об этой эскападе постфактум, и Лоуренс посоветовал министру поддержать Абдаллу. Черчилль попросил Лоуренса пригласить принца на встречу в Иерусалиме.

В полночь 23 марта Черчилль со своей супругой Клементиной отбыл поездом в Иерусалим. В Газе их приветствовали толпы ликующего народа: «Да здравствует министр!», «Расправьтесь с евреями! Перережьте им глотки!» Черчилль, ничего не понимая по-арабски, добродушно махал в ответ цилиндром.

В Иерусалиме он остановился у Сэмюэла в «Августе Виктории». Там он четырежды встречался со «скромным и дружелюбным» Абдаллой и обласкал покорителя Трансиордании, которого повсюду сопровождал Лоуренс. Абдалла, мечтавший о хашимитской империи, полагал, что лучшим исходом и для евреев, и для арабов было бы жить вместе под его управлением в едином королевстве, к которому впоследствии надлежит присоединить Сирию. Черчилль в ответ предложил ему Трансиорданию с условием, что Абдалла признает французскую Сирию и британскую Палестину. Принц неохотно согласился. Так Черчилль создал новую страну: «Эмир Абдалла в Трансиордании, — вспоминал он, — которую я отдал ему в один воскресный вечер в Иерусалиме…»

Миссия Лоуренса, который наконец посадил своих друзей-принцев Фейсала и Абдаллу каждого на свой трон, была завершена.

Иерусалимские арабы явились к Черчиллю с петицией, утверждая в лучших традициях «Протоколов сионских мудрецов», что «евреи состоят в числе самых активных поборников разрушения во многих странах», а сионисты хотят «подчинить весь мир». Черчилль принял делегацию, которую возглавил бывший мэр города Муса Казим аль-Хусейни, но сильно разочаровал своих гостей:

«Я нахожу соображения, изложенные в вашем обращении, отчасти необъективными, а отчасти неверными. Вы просите меня

отменить Декларацию Бальфура и остановить иммиграцию. Боюсь, это не в моих силах и совсем не входит в мои планы… Более того, я считаю абсолютно справедливым, что у разбредшихся по всему миру евреев наконец должна появиться родная земля, где они могли бы объединиться как нация. И где еще жить этому народу, как не в Палестине, с которой неразрывно связаны 3000 лет еврейской истории?.. При этом никто не собирается притеснять или угнетать арабов — напротив, они смогут воспользоваться всеми благами, которые принесет прогресс сионистского движения.

Я бы хотел напомнить вам содержание второй части Декларации Бальфура, где подчеркивается священная неприкосновенность ваших гражданских прав… Жаль, что вы столь мало цените гарантированную вам свободу. Ведь она имеет первостепенное значение, и вы должны уметь добиваться реализации своих прав. А покуда остается в силе одно обещание, продолжает действовать и другое. Мы обязуемся честно выполнить оба… Палестина должна стать „местом поселения народов“ — нескольких народов, а не одного. В этом вся суть».

Отец Черчилля привил ему в свое время уважение к евреям[272], и Уинстон считал сионизм естественным результатом двухтысячелетних гонений еврейского народа. В эпоху «красной угрозы», когда Ленин создавал Советскую Россию, Черчилль верил, что сионизм — это «противоядие» «обезьяньему кривлянию большевизма», которое представляет собой якобы «еврейское движение» во главе с дьявольским призраком под названием «еврей-интернационалист».

Черчилль любил Иерусалим, где, как он заявил на открытии Британского военного кладбища на горе Скопус, «покоится прах халифов, крестоносцев и Маккавеев!» Министра влекло на Храмовую гору, и он бывал там при любом случае, сожалея о времени, проведенном вдали от нее. Перед его возвращением в Англию неожиданно умер иерусалимский муфтий. Сторрз не так давно уже сместил с поста мэра Хусейни, и еще больше восстанавливать против себя членов этого знатного семейства, лишив их также и права на должность муфтия, казалось опрометчивым. А кроме того, британцам нравилась сама идея клановой бюрократической преемственности, напоминавшая им карьеры представителей их собственного родового английского дворянства. Поэтому Сэмюэл и Сторрз решили, что мэра и муфтия следует избирать из представителей двух самых выдающихся иерусалимских кланов: их традиционное соперничество обещало появление в Иерусалиме своих Монтекки и Капулетти.

48. Британский мандат *1920–1936 гг.*

Муфтий против мэра: Амин Хусейни против Раджиба Нашашиби

Человек, которого они сделали мэром, был воплощением «араба с бульваров»: Раджиб Нашашиби курил сигареты с мундштуком, носил трость и был первым жителем Иерусалима, купившим автомобиль — зеленый американский «Паккард», за рулем которого всегда сидел американский шофер. Обходительный и учтивый Нашашиби, наследник апельсиновых рощ и особняков самого молодого, но самого богатого клана[273], бегло говоривший по-французски и по-английски, когда-то представлял Иерусалим в парламенте Османской империи и частенько обращался к Вазифу с просьбами организовать «вечеринку» или дать пару уроков игры на лютне ему самому либо одной из его пассий. Теперь, став мэром, он устраивал по два приема в год: один для друзей, второй — в честь верховного комиссара. Как ветеран антисионистских кампаний он отнесся к роли иерусалимского градоначальника и лидера Палестины очень серьезно.

Человек, которого они назначили верховным муфтием, был двоюродным братом Нашашиби, и его звали Хадж Амин Хусейни. Сторрз представил нового муфтия (одного из зачинщиков мятежа Наби Муса) верховному комиссару, и тот сумел произвести хорошее впечатление. «Приятный, воспитанный, хорошо образованный и хорошо одетый человек с сияющей улыбкой, светлыми волосами, голубыми глазами, рыжей бородой и своеобразным чувством юмора», — так описывал его племянник мэра Насреддин Нашашиби. — «Правда, когда он шутил, взгляд его оставался холодным и равнодушным». Хусейни спросил Сэмюэла: «Кого вы предпочитаете — открытого противника или коварного друга?» Сэмюэл ответил: «Открытого противника, разумеется». Этот ответ сухо прокомментировал Вейцман: «Говорят, нет лучше лесника, чем старый браконьер. Но не из всякого браконьера выходит хороший лесник». Из Хусейни же получился, по словам ливанского историка Жильбера Ашкара, «человек, страдающий манией величия и считающий себя лидером всего исламского мира».

К слову сказать, на выборах муфтия Хусейни проиграл — а

выиграл Джаралла. Хусейни занял лишь четвертое место. Поэтому англичане, гордившиеся своей системой управления, которую они называли «тоталитаризм, смягченный добросердечием», просто-напросто аннулировали итоги выборов и назначили своего ставленника, несмотря даже на то, что Хусейни было всего 26 лет и он так и не завершил свое религиозное образование в Каире. Затем Сэмюэл еще более расширил властные и финансовые полномочия нового муфтия, обеспечив ему поддержку на выборах председателя новой организации — Верховного мусульманского совета.

Хусейни являлся выразителем исламской традиции, Нашашиби — османской. Оба противостояли сионизму, но Нашашиби был убежден, что под давлением британцев арабы пойдут на переговоры. Хусейни же к концу своего извилистого пути стал непримиримым националистом, не приемлющим никаких компромиссов. Начав как пассивный британский союзник, он в конечном итоге не просто занял антибританскую позицию, которой придерживались многие арабы, а сделался воинствующим антисемитом, приветствовавшим «окончательное решение» Гитлера. Итак, можно сказать, что самым ярким достижением Сэмюэла было назначение на должность и дальнейшее продвижение муфтия Хусейни — ярого врага сионизма и самой Британии. С другой стороны, бесспорно, что никто не принес столько бедствий собственному — арабскому — народу и не вверг его в такие неурядицы, как Хусейни. Да и положительный — и, разумеется, невольный — вклад муфтия в сионистское движение также невозможно переоценить.

Муфтий: битва за стену

Первые британские проконсулы поздравляли себя с тем, что им удалось установить в Иерусалиме порядок. В июне 1925 года Сэмюэл вернулся в Лондон, заявив с поистине олимпийской уверенностью: «Дух беззакония обуздан». Конечно, это была иллюзия. Годом позже Сторрз и вовсе покинул мирный, похорошевший город ради того, чтобы стать губернатором Кипра, а впоследствии Северной Родезии, хотя до конца дней своих и вздыхал, что «после Иерусалима уже не может быть продвижения по службе». Новым верховным комиссаром назначили виконта Пламера, фельдмаршала с моржовыми усами, которого за глаза звали Старой сливой или Папашей Пламером. Из-за сокращения финансирования Пламеру приходилось поддерживать порядок в городе с помощью значительно меньшего числа солдат, нежели

было в распоряжении Сэмюэла. Но он излучал обнадеживающее спокойствие, прогуливаясь без охраны по улицам Иерусалима. Когда чиновники сообщали ему об опасных признаках напряжения политической обстановки, он отмахивался: «Нет никакой политической обстановки. И не надо создавать ее!»

Но совсем скоро, как раз когда Старая слива был отправлен в отставку по состоянию здоровья, а новый комиссар еще не прибыл в Иерусалим, выяснилось, что политическая обстановка таки наличествует. В канун Йом-Кипура 1928 года *шамес* (служитель синагоги) по имени Ноа Гладстон установил у Западной стены небольшую перегородку, чтобы, в соответствии с иудейским законом, разделить молящихся мужчин и женщин. В прежние годы небольшие перегородки и стулья для пожилых верующих также не раз ставились у стены в этот важный день. Но на этот раз муфтий заявил, что евреи нарушили существующий статус-кво.

Мусульмане верили, что именно у Стены Мухаммед привязал своего волшебного коня аль-Бурака во время Ночного путешествия в Иерусалим, и еще в XIX веке османы использовали примыкающий к стене туннель в качестве стойла для ослов. Формально Стена принадлежала не евреям, а мусульманскому вакфу Абу Майдан, учрежденному еще Афдалем, сыном Саладина. То есть она была «исключительно мусульманской собственностью». Мусульмане опасались, что свободный доступ иудеев к Стене рано или поздно закончится возведением Третьего Храма на месте исламских святынь. С другой стороны, Западная Стена оставалась самым святым местом для иудаизма, и палестинские евреи были убеждены, что различные британские ограничения — и теснота пространства, разрешенного для молитвы у стены, и даже запрет трубить в рог (*шофар*) в День искупления и в дни еврейского Нового года — все это просто-напросто продолжение многовековых мусульманских репрессий, лишь подтверждающих необходимость сионизма.

На следующий день преемник Сторрза на посту губернатора Эдвард Кит-Роуч, любивший величать себя пашой Иерусалимским, приказал полиции произвести облаву у Стены прямо во время молитвы Судного дня — самого священного в иудейском календаре. Полицейские избивали евреев и вырывали стулья из-под стариков. Это явно не был «звездный час» Британии. Муфтий торжествовал, при каждом удобном случае напоминая, что конечная «цель евреев — завладеть мечетью аль-Акса». В результате он успешно спровоцировал новые нападения на евреев, которых забрасывали камнями, избивали и изводили громкой музыкой, звучащей со Стены. Члены молодежного

«Бейтара» Жаботинского провели демонстрацию за свободный доступ евреев к Стене.

Обе стороны нарушали османский статус-кво, который уже давно не отражал реальности. Репатриация евреев и скупка арабских земель, вполне естественно, вызывали недовольство арабов. Только с момента принятия Декларации Бальфура в Палестину прибыло около 90 тыс. еврейских иммигрантов. В одном лишь 1925 году евреи приобрели в собственность у различных арабских семей и кланов почти 18 тыс. га земли. Но о Третьем Храме мечтало лишь незначительное меньшинство ультрарелигиозных евреев. Подавляющее большинство верующих просто хотело иметь возможность молиться у своей святыни. Новый Верховный комиссар Джон Ченслер, похожий, как говорили, на «красивого шекспировского актера», обратился к муфтию с просьбой продать Стену, чтобы иудеи могли отгородить у ее подножия хотя бы небольшой дворик. Муфтий отказался. Для евреев Стена была символом их религиозной свободы и права на существование на родной земле. А для арабов символом сопротивления и национальной государственности стал аль-Бурак — волшебное летающее существо с человеческой головой.

Дурные предчувствия и клаустрофобия захлестнули город. «Иерусалимское уныние» испытал и Артур Кёстлер, молодой венгерский сионист, живший тогда в Иерусалиме и писавший для газеты Жаботинского. Иерусалим «прекрасен надменной и одинокой красотой горной крепости, высящейся в пустыне[274]», — подметил он; город «трагичен без катарсиса». Эта «трагическая красота» и «бесчувственная атмосфера» рождали печаль и тоску. Кёстлер стремился вырваться в вульгарный Тель-Авив. В Иерусалиме ему постоянно мерещилось, будто «гневный лик Яхве нависает над горячими скалами».

Летом 1920 года муфтий распорядился расширить переулок под Западной Стеной, что превратило подножие святыни в оживленную арабскую улицу, наводненную ослами и пешеходами. А еврейская молитва стала вовсе не слышна на фоне призывов муэдзина и суфийских гимнов. В любом из соседних переулков любой еврей мог подвергнуться нападению. По всей Палестине прокатились демонстрации протеста, на которых тысячи евреев скандировали лозунг «Стена — наша!». Ченслера не было в городе, когда 15 августа к Стене в полном молчании под охраной британских полицейских прошли маршем 300 сионистов и членов «Бейтара» во главе с историком Иосефом Клаузнером (дядей знаменитого израильского писателя Амоса Оза). У Стены демонстранты с пением развернули сионистский флаг. На следующий день после пятничной молитвы две тысячи

спустившихся от аль-Аксы арабов атаковали евреев, пытаясь отогнать их от Стены и избивая всякого, кто пробовал оказать сопротивление. 17 августа еврейский мальчик случайно забросил футбольный мяч в арабский сад. Он хотел достать мяч, но был убит. Во время его похорон еврейская молодежь попыталась атаковать Мусульманский квартал.

После пятничной молитвы 23 августа тысячи мусульман, подстрекаемые муфтием, снова вырвались из аль-Аксы и напали на евреев. Соперники муфтия, семейство Нашашиби, начали урезонивать толпу. Некоторые мужественные и авторитетные горожане-арабы даже пытались преградить путь разъяренным погромщикам — но тщетно. Арабы ворвались в Еврейский квартал, в соседний квартал Монтефиоре и на окрестные улочки: в результате было убито больше 30 евреев. Только в одном из иерусалимских домов арабы расправились с целой семьей из пяти человек. В Хевроне жертвами бойни стали 59 евреев. Арабам пытались дать отпор члены «Хаганы» — сионистской вооруженной милиции, основанной еще в 1920 году. Во всей Палестине в этот момент было всего 292 британских полицейских. Поэтому для наведения порядка пришлось срочно перебрасывать войска из Каира. В итоге кровопролития 131 еврей пал от руки арабов, в то время как большинство из 116 погибших арабов были застрелены британскими солдатами.

Беспорядки, которые у арабов получили название «Восстание аль-Бурак», привели британцев в замешательство. «Я не знаю никого, кто мог бы быть хорошим Верховным комиссаром Палестины, — разве что сам Господь», — признался Ченслер сыну. Политика Бальфура явно больше не действовала. Опубликованный в октябре 1930 года меморандум министра по делам колоний лорда Пассфилда — так называемая «Белая книга Пассфилда[275]» — предлагал ограничение иммиграции евреев в Палестину и отказ от идеи еврейского национального очага. Сионисты негодовали. «Восстание аль-Бурак» подогрело экстремизм обеих сторон. Растущее насилие и Белая книга Пассфилда дискредитировали Вейцмана с его англофильством: сионисты не желали больше зависеть от Британии; многим из них жесткий национализм Жаботинского казался теперь гораздо более действенным.

На 17-м Сионистском конгрессе (Базель, 30 июня — 15 июля 1931 года) Жаботинский атаковал Вейцмана, который как раз в это время пытался убедить британского премьер-министра Рамсея Макдональда отменить Белую книгу. В результате Макдональд написал Вейцману письмо (и оно было зачитано в парламенте), в котором подтвердил, что Декларация Бальфура действует,

отменил ограничения на еврейскую иммиграцию и сделал еще несколько уступок сионистам. Арабы назвали этот документ «Черным письмом». Тем не менее разочарованный Вейцман покинул пост председателя Сионистской организации и на время вернулся к науке.

«Хагана», которая до сих пор занималась в основном защитой еврейских поселений от набегов бедуинов, продолжала расширяться, вооружаться и постепенно превращалась в организацию армейского типа. Однако крайние националисты, сторонники Жаботинского, желавшие дать более решительный отпор арабам, основали собственную военную структуру — Национальную военную организацию («Иргун Цваи Леуми»), сначала очень немногочисленную. Сам Жаботинский за призывы к вооруженному сопротивлению был выслан британскими властями из Палестины, однако оставался чрезвычайно популярен среди еврейской молодежи и в Палестине, и в Восточной Европе. Но не он, а Давид Бен-Гурион сменил Вейцмана в качестве лидера еврейского общества Палестины в те же самые годы, когда муфтий Хусейни стал наиболее авторитетным лидером палестинских арабов.

В декабре 1931 года муфтий вышел на мировую политическую арену: как один из авторитетных исламских лидеров и бесспорный национальный лидер арабской Палестины он председательствовал на состоявшемся в Иерусалиме Всемирном Исламском конгрессе. В конгрессе участвовали 130 делегатов из 22 мусульманских стран, и хотя Хусейни не удалось добиться от конгресса поддержки всех своих идей, это, несомненно, был его звездный час, и успех вскружил ему голову. Муфтий остался непримиримым противником любых сионистских колоний в Палестине, хотя его соперники и оппоненты — семейство Нашашиби во главе с мэром Иерусалима, кланы Даджани и Халиди — считали, что и для арабов, и для евреев было лучше делать шаги к примирению и улаживать все разногласия путем переговоров. Муфтий, не терпевший никаких возражений, заклеймил соперников «просионистскими предателями», а семью Нашашиби даже обвинил в том, что в их жилах якобы течет еврейская кровь, каковой факт они тщательно скрывают. Нашашиби попытались сместить Хусейни с поста председателя Всемирного Исламского конгресса, но потерпели неудачу. Муфтий в ответ исключил своих противников из всех исламских организаций, которые он контролировал. Британцы, слабые и нерешительные, склонялись скорее к поддержке радикалов, а не умеренных арабских лидеров: в 1934 году новый верховный комиссар генерал Артур Вокхоп отказал в

покровительстве мэру Нашашиби. Однако он же поддержал кандидатуру на пост градоначальника представителя семейства Халиди. Соперничество между кланами Хусейни и Нашашиби стало лишь еще более ожесточенным.

Мир погружался во тьму, ставки росли. На фоне усиления фашизма любой компромисс рассматривался как проявление слабости, а насилие теперь казалось не только допустимым, но и весьма привлекательным политическим инструментом. 30 января 1933 года Гитлер стал канцлером Германии. Всего через два месяца, 31 марта, муфтий тайно посетил Генриха Вольфа, германского консула в Иерусалиме, чтобы заявить: «Мусульмане Палестины приветствуют новый режим, надеются на расширение фашистского антидемократического руководства». И добавил: «Мусульмане надеются на бойкот евреев в Германии».

Приход к власти Гитлера встревожил многих европейских (прежде всего германских) евреев. Затихшая было иммиграция вновь оживилась, навсегда изменив демографический баланс Палестины. В 1933 году в Палестину переселилось 37 тыс. евреев, в 1934 году — еще 45 тыс. В 1936 году в Иерусалиме жило уже 100 тыс. евреев, тогда как христиан и арабов-мусульман насчитывалось всего 60 тыс. По мере того как в Европе набирали силу нацисты и нарастал антисемитизм, все более напряженной становилась и обстановка в Палестине[276]. Генерал Артур Вокхоп теперь управлял совершенно иным, новым Иерусалимом — столицей скоротечного «золотого века» Британского мандата.

Столица Вокхопа: охота, кафе, приемы и белые костюмы

Генерал Вокхоп, богатый холостяк, любил развлечения. Всегда в сопровождении двух телохранителей-кавасов, облаченных в алые мундиры и с золочеными жезлами, генерал в шлеме с плюмажем принимал гостей в новой Правительственной резиденции на холме Злого Совета (Абу-Тор) к югу от Старого города. Это была помесь маленького крестоносного замка и мавританского особняка с массивной башней в центре. В саду особняка зеленели акации и сосны, били фонтаны. Резиденция была своего рода мини-Англией в центре Ближнего Востока: бальный зал с паркетным полом, хрустальные люстры, балкон для оркестра, банкетные залы, бильярдные, раздельные туалетные комнаты для англичан и для местных жителей, а неподалеку — единственное в Иерусалиме собачье кладбище, естественная необходимость для нации любителей собак. Дресс-код — либо фрак с цилиндром, либо мундир. «Деньги и шампанское, —

вспоминал один из гостей, — текли рекой».

Резиденция Вокхопа была центром модернистского Иерусалима, с поразительной быстротой созданного британцами. Пожилой граф Бальфур лично пожаловал на открытие Еврейского университета на горе Скопус, рядом с новой больницей «Хадасса». Штаб-квартиру «Ассоциации христианской молодежи» (YMCA) с фаллической башней, возвышающейся над зданием, создал Артур Лумис Хармон — один из авторов строившегося в эти же годы нью-йоркского небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. К северу от Старого города Рокфеллеры возвели музей, в архитектурном облике которого эффектно смешались элементы мавританского стиля и готики. Улица Короля Георга V с ее «прелестными лавками, кафе с высокими канделябрами и богатыми магазинами» напоминала молодому уроженцу Иерусалима Амосу Озу «прекрасную улицу Лондона», знакомого ему по фильмам. «Там еврейские и арабские ценители культуры встречались с учтивыми, просвещенными, широко мыслящими британцами; там, опираясь на руку джентльменов в темных костюмах, плыли и порхали томные женщины с длинными шеями в бальных платьях». Это был век иерусалимского джаза. Эмансипированные модницы, смело садившиеся за руль, исповедовали милленаристский евангелизм. «Красавицы гарема разъезжают на „Фордах“ по Иерусалиму», — возвещала читателям газета *Boston Herald*, взявшая интервью у Берты Спаффорд, которая «распространяла среди турок дешевые американские автомобили и термосы и говорила, что Бог, а вовсе не Бальфур, вернет евреев в Палестину».

Но Иерусалиму все еще недоставало роскоши настоящего мегаполиса. И когда в 1930 году в городе появился первый отель мирового уровня, великолепный «Царь Давид», построенный на деньги состоятельных египетских евреев и англо-еврейского банкира Фрэнка Голдсмита, он сразу же стал городской достопримечательностью. Отель прославился «библейской» стилистикой своего убранства, включавшего ассирийские, хеттские и мусульманские декоративные мотивы, а также «высоченными официантами-суданцами в белых шароварах и красных фесках». Один невежественный американский турист даже уверовал, что это и есть восстановленный Храм Соломона. Раджиб Нашашиби каждый день приводил в порядок свою прическу в парикмахерской отеля. С открытием «Царя Давида» в Иерусалиме стали охотно останавливаться богатые арабы из Ливана и Египта; гостили в нем и члены клонившейся к закату египетской королевской семьи. Регулярно был гостем отеля и Абдалла, эмир Трансиордании: «Царь Давид» мог обеспечить

достойный уход и его коням, и его верблюдам. В октябре 1934 года в гостинице остановился Черчилль, приехавший в Иерусалим с женой и другом, лордом Мойном, впоследствии убитым террористами в Каире. Чтобы не отстать от модных тенденций, муфтий привлек еврейских подрядчиков и выстроил на месте старинного кладбища Мамилла собственный отель «Палас».

Когда одна американская еврейка, бывшая сестра милосердия, открыла в городе первое модное ателье, крестьяне, оказавшиеся в городе, таращились на манекены в витринах, ожидая, когда они заговорят. Лучшим книжным магазином близ Яффских ворот владел Булос Саид, отец будущего знаменитого интеллектуала Эдварда Саида. А самый блестящий салон высокой моды принадлежал Курту Маю и его жене, типичной немецкой еврейской семье, бежавшей от Гитлера. Над входом в магазин красовалась вывеска «Май», начертанная еврейскими, английскими и арабскими буквами. Все оборудование Май импортировал из Германии, и в скором времени постоянными покупательницами магазина стали жены богатых еврейских предпринимателей, британских проконсулов — а также эмира Абдаллы Трансиорданского. Абиссинский император Хайле Селассие со своей свитой однажды скупил все, что имелось на тот момент в магазине. Курт Май с супругой были скорее культурными немцами, чем сионистами, и при этом совершенно не религиозными; Май воевал в Первую мировую и был награжден Железным крестом. Они жили в квартире над магазином. Когда у них родилась дочка Мириам, они наняли ей кормилицу-арабку, а когда девочка подросла, родители всячески старались отгородить ее от дружбы с детьми соседей — польских евреев: «Они недостаточно культурные». Иерусалим все еще был невелик: весной Курт Май пешком ходил с Мириам за город — собирать цикламены, расцветавшие на склонах Иудейских холмов. Праздничным завершением их недели был вечер пятницы: пока ортодоксальные иудеи зажигали свечи шаббата, Май с женой отправлялись потанцевать в отель «Царь Давид».

Британцы вели себя так, словно Палестина была настоящей имперской провинцией: бригадир Агнус Макнейл завел обычай устраивать в долине Рамлы традиционную охоту на лис (и шакалов) с гончими. В Офицерском клубе гости-сионисты замечали, что разговоры идут, как правило, об охоте на уток; иногда, правда, обсуждался последний матч в поло или результат вчерашних скачек. Один молодой офицер прилетал в Иерусалим на собственном аэроплане.

Воспитанники различных английских школ, каждая из

которых имела собственную сложную систему аристократических традиций, упивались иерусалимской иерархией, особенно этикетом, разработанным для приемов в Правительственной резиденции. Сэр Гарри Льюк, заместитель Джона Ченслера, вспоминал, как распорядитель приема приветствовал верховных комиссаров, главных раввинов, верховных судей, мэров и патриархов: «Ваше Превосходительство, Ваша Честь, Ваше Блаженство, Ваше Преосвященство, Ваши Святейшества, Ваши Преподобия, Ваша Милость, леди и джентльмены!»

Этот благоденствующий новый Иерусалим, чье население в 1931 году составляло 132 661 чел., наглядно демонстрировал, что британское правление и еврейская иммиграция не только способствуют созданию процветающей экономики — они также активизируют арабскую иммиграцию! Теперь в Палестину приезжало больше арабов, чем евреев; численность арабского населения Палестины возрастала на 10 % в год — в два раза быстрее, чем это же происходило в Сирии или Ливане[277]. Только за десять лет в Иерусалиме поселились 21 тыс. арабов и 20 тыс. евреев.

Это был звездный час иерусалимских кланов. Британцы благожелательно относились к арабским династиям, семействам Нусейбе и Нашашиби, которые всё еще владели 25 % всей земли в Палестине; как писал впоследствии палестинский философ и политик Сари Нусейбе, эти кланы «хорошо вписывались в социальный порядок, принесенный британцами: они, несомненно, были джентльменами, и в личном общении английские чиновники предпочитали их сионистским парвеню из России».

Никогда иерусалимские кланы не жили так роскошно: отец Хасима Нусейбе владел двумя «блестящими резиденциями, в каждой из которых было 20–30 комнат». И если отцы получали образование в Константинополе, то сыновья сначала поступали в английскую школу Св. Георгия в квартале Шейх-Джаррах, а затем — в Оксфорд. Хасим Нусейбе, дядя упомянутого выше Сари Нусейбе, вспоминал, как «любопытно было наблюдать аристократию арабского Иерусалима, рядившуюся летом в хорошо отутюженные белые шелковые костюмы, до блеска начищенные ботинки и шелковые галстуки». Брат Хасима, Анвар Нусейбе, раскатывал по Иерусалиму в сверкающем «Бьюике» — первом в городе.

Многие представители арабского среднего класса — и мусульмане, и христиане — поступили на службу в британскую администрацию. Они жили в виллах из розового камня в османском мире районов Шейх-Джаррах, Тальбийе, Бакаа и Катамон, которые Амосу Озу виделись «городом под вуалью,

скрывающим опасные секреты, насыщенным крестами, минаретами, мечетями и тайнами», по улицам которого плыли, «словно темные тени… священники, монахини, кади и муэдзины, муллы и нотабли… женские покрывала и капюшоны монахов[278]». Побывавшего в гостях у богатой и знатной арабской семьи Амоса Оза восхитили «усатые мужчины, блиставшие драгоценностями женщины» и «несколько симпатичных девушек с узкими бедрами, ярко-красным маникюром, безупречными прическами, в спортивных юбочках».

«Пышные рауты, обеды, ужины и приемы круглый год» устраивали Джордж Антониус, историк и «сирийский патриот с менталитетом кембриджского преподавателя», и его очаровательная и бойкая жена Кэти, дочь ливанского владельца нескольких египетских газет[279]. Их вилла в Шейх-Джаррахе, в библиотеке которой имелось 12 тыс. томов, являлась своего рода «общественной приемной» арабской знати, британской элиты и почетных гостей города, равно как и политическим салоном арабских националистов. «Красивые женщины, вкусная еда, умные разговоры: на этих лучших в Иерусалиме приемах можно было встретить всех, кто хоть что-либо собой представлял, — вспоминал Насреддин Нашашиби. — Там всегда царила замечательно пикантная атмосфера». По слухам, Джордж и Кэти жили в гражданском браке, и Кэти очень любила флиртовать, особенно с англичанами в форме: «Она была капризна, шаловлива и отличалась неумеренным любопытством, — отзывался о ней один пожилой иерусалимлянин. — Она часто давала поводы к сплетням и любила эпатировать людей». По прошествии времени Джордж расскажет дочери об одном приеме, устроенном местной светской львицей, на котором он шокировал гостей, предложив устроить вечеринку с обменом сексуальными партнерами. Джордж пригласил десять пар с условием, что ни одна из них не состоит в браке, и уверял, что всем гостям будет очень интересно посмотреть, что из этого выйдет.

Спад британского интереса к сионизму все больше отчуждал евреев от англичан. Возможно, верховный комиссар Джон Ченслер выражал мнение большинства британцев, когда говорил, что евреи — «народ неблагодарный». Все еврейские кварталы окрест Старого города словно олицетворяли собой разные страны: квартал Рехавия, обиталище немецких профессоров и британских чиновников, был самым приятным — культурным, доброжелательным, «европейским». Бухарский квартал напоминал Среднюю Азию; хасидский Меа-Шеарим, облезлый и убогий, вызывал в памяти Польшу XVII века. Улица Зихрон Моше «всегда была окутана облаком запахов от кушаний, что готовили

бедняки из ашкеназской общины: чолнт, борщ (это блюдо так и называлось — по-русски), жареный лук, чеснок, квашеная капуста…» — вспоминал Амос Оз. Тальпиот был иерусалимской «копией утопающего в садах немецкого пригорода». А сам Оз вырос в квартале Керем-Авраам, который возник вокруг старого дома британского консула Джеймса Финна и был таким русским по духу, «словно принадлежал Чехову».

Вейцман называл Иерусалим «современным Вавилоном». Все эти непохожие миры продолжали смешиваться, несмотря на эпизодические вспышки насилия и дурные предчувствия, пропитывавшие воздух города. И все же этот космополитический Иерусалим, как писал Хасим Нусейбе, был «одним из самых приятных для жизни городов мира». Кафе, открытые всю ночь, были заполнены новым городским классом интеллектуалов — бульвардье, или фланерами, — крепко стоявшими на земле благодаря фамильным апельсиновым рощам, газетным гонорарам и жалованью государственных служащих. Посетителей развлекали исполнительницы скромного танца живота или его более фривольной версии — *сузи*, певицы кабаре и исполнители народных баллад, джаз-банды и популярные египетские певцы. В первые годы мандата интеллектуал-учитель Халиль Сакакини «держал свой двор» в кафе «Вагабонд», в Старом городе, сразу за Яффскими воротами и недалеко от отеля «Империал». Здесь, едва видный в густых клубах дыма из наргиле, под звон рюмок, наполненных огненным ливанским араком, этот «князь праздности» обсуждал политику и провозглашал свой гедонистический Манифест вагабондов[280]: «Девиз нашей партии — праздность. Двухчасовой рабочий день — а затем можно предаться еде, напиткам и веселью!» Правда, свободного времени у Сакакини стало значительно меньше, когда он был назначен палестинским инспектором образования.

Философию праздности исповедовал и лютнист Вазиф Джавгарийе, тем более что ему досталась замечательная синекура: его брат открыл кафе «Джавгарийе» на Яффской дороге, близ Русского подворья, — с кабаре и музыкальным ансамблем. Один завсегдатай располагавшегося по соседству «Почтового кафе» вспоминал «космополитическую клиентуру» заведения: там можно было встретить и «белобородого царского офицера, и молодого клерка, и художника-иммигранта, и элегантную даму, без устали оплакивавшую свою утраченную собственность на Украине, и множество молодых приезжих, мужчин и женщин».

Такое «смешение культур» было по нраву многим британцам, в частности сэру Гарри Льюку, хозяину типичного иерусалимского домохозяйства: «Няня была из Южной Англии,

дворецкий — из белых русских[281], слуга — турок-киприот, повар Ахмед — плутоватый темнокожий бербер, поваренок — армянский мальчик, немало удививший нас всех, когда он неожиданно оказался девочкой. И ко всему этому русская горничная». Но такое положение дел устраивало не всех. «Я их всех просто терпеть не могу, — ворчал генерал Уолтер Конгрив. — Жалкие людишки. Все вместе взятые не стоят одного англичанина».

Бен-Гурион и Муфтий: тесный диван

Муфтий тоже пребывал на пике популярности, но вынужден был постоянно бороться за расширение своего влияния в более широких арабских кругах. Ведь среди арабов Палестины имелись и либеральные западники типа Джорджа Антониуса, и марксисты, и светские националисты, и, наконец, там имелись также исламские фундаменталисты. Многие арабы терпеть не могли муфтия, хотя большинство постепенно приходило к согласию с ним в том, что лишь вооруженное сопротивление сможет остановить сионизм. В ноябре 1933 года бывший мэр Муса Хасим Хусейни, который далеко не был поклонником своего кузена-муфтия, организовал в Иерусалиме несколько демонстраций, переросших в беспорядки, во время которых было убито 30 арабов. Когда в следующем году Муса Хасим умер, арабы потеряли старейшину, которого уважали все: «Многие сильно горевали по Мусе Хасиму, — писал впоследствии Ахмед Шукейри, известный палестинский лидер следующего поколения, — в то время как Хадж Амин (муфтий) принес многим только горе».

За второе десятилетие Мандата в Иерусалим прибыло более четверти миллиона евреев — в два раза больше, чем за первые десять лет. Арабы — и яркие представители иерусалимской элиты, получившие образование в Оксфорде, и радикалы из общества «Братья-мусульмане» — теперь ясно осознавали, что британцы не только не собираются останавливать еврейскую иммиграцию, но не будут и препятствовать самоорганизации ишува, как называло себя еврейское население Палестины. Арабы видели, что время работает против них. В 1935 году на пике иммиграции приехало 66 тыс. евреев. В этот болезненный период, когда войну все чаще называли «очистительным национальным ритуалом», даже интеллектуал Сакакини и эстет Джавгарийе уверовали в то, что лишь насилие спасет Палестину. Выход, писал Хасим Нусейбе, один — вооруженное восстание.

С угрозой арабского мятежа предстояло бороться стареющему Вейцману, который к этому времени снова занимал пост председателя Всемирной сионистской организации, хотя реальная власть в Палестине уже была в руках Давида Бен-Гуриона, недавно избранного председателем Еврейского агентства — центрального исполнительного органа ишува. Оба они были интеллектуалы, оба склонны к авторитарным решениям, оба преданы одновременно и сионизму, и идеалам западной демократии. Но при этом они были полной противоположностью.

Бен-Гурион был грубоватым выходцем из рабочего класса, человеком действия, идеальным лидером и в мирное время, и в дни войны. Он не терпел «пустых» разговоров (если только речь не заходила об истории или философии) и был полностью лишен чувства юмора: единственная шутка, которую малорослый Бен-Гурион постоянно повторял, была о Наполеоне: «Многие были выше него, но никто не был более велик, чем он». Отец двоих детей, но не слишком преданный супруг, он завел роман с высокой, голубоглазой англичанкой в Лондоне. Однако он всегда оставался одиноким волком, умевшим полностью погрузиться в стратегическую или тактическую проблему, которую предстояло решить. Единственной его страстью (если не считать политики) были книги, и выпадавшие изредка свободные минуты он проводил в букинистических магазинах. Бен-Гурион рано получил прозвище Старик; он выучил испанский язык, чтобы читать в подлиннике Сервантеса, и греческий — чтобы изучать Платона. Размышляя об устройстве будущего еврейского государства, он читал греческих философов, а готовясь к войне, штудировал Клаузевица.

Вейцман же был аристократом сионизма. Одевавшийся на Сэвил-Роу, чувствовавший себя гораздо лучше в салонах Мэйфера, чем на выжженных солнцем фермах Галилеи, теперь он к тому же разбогател, получив в подарок большой пакет акций компании *Marks & Spencer* (один из учредителей компании, Маркус Зифф, был одним из виднейших британских сионистов и личным другом Вейцмана). «Что ж, теперь вы — настоящий Царь Израильский», — сказал, узнав об этом, Бен-Гурион — и очень скоро начал выступать против «персонального фетишизма Вейцмана». Сам же Вейцман сознавал, что не создан быть полководцем, но к воинственности своего младшего товарища относился со смешанным чувством уважения и насмешки. В своих 600-страничных мемуарах он умудрился упомянуть имя Бен-Гуриона лишь дважды. И если Вейцмана иногда принимали за Ленина из-за внешнего сходства, то Бен-Гурион смог усвоить и

взять на вооружение беспощадный прагматизм большевиков.

Начинавший как социалист, Бен-Гурион постепенно стал играть все бóльшую и бóльшую роль в рабочем движении и так до конца и не утратил веру в то, что новая Палестина должна быть создана в результате сотрудничества еврейских и арабских трудящихся. Бен-Гурион, вероятно, мечтал о еврейском государстве, но в те годы его создание казалось почти нереальным или же представлялось делом очень отдаленного времени. Поскольку он знал, что «национальное движение арабов родилось почти одновременно с политическим сионизмом», то считал: лучшее, на что могли надеяться пока евреи, — это арабо-еврейская конфедерация.

И Бен-Гурион, и муфтий взаимно зондировали друг друга по вопросу создания совместного государства: глядя ретроспективно, кажется, что в тот момент компромисс все еще был возможен. В августе 1934 года Бен-Гурион начал встречаться с Мусой аль-Алами[282], работавшим на британские власти адвокатом, и писателем Джорджем Антониусом. Советами этих же людей, занимавших взвешенные, умеренные позиции, пользовался и муфтий. Бен-Гурион предложил создать либо общее арабо-еврейское правительство, либо еврейское государственное образование внутри Арабской федерации, которая включала бы Трансиорданию и Ирак. Ведь Палестина похожа на широкий диван, убеждал Бен-Гурион, — места усесться хватит обоим. Эти аргументы произвели некоторое впечатления на муфтия — тем не менее, его ответы были уклончивыми. Впоследствии Алами отмечал, что муфтий и Бен-Гурион оба исповедовали непримиримый национализм, но еврейский лидер был гораздо более гибким и изобретательным; Алами сожалел, что у арабов не было собственного Бен-Гуриона. Между тем муфтий и поддерживавшие его аристократы понемногу начали терять контроль над собственным движением.

В ноябре 1935 года сирийский проповедник шейх Иззат ад-Дин аль-Кассам, служивший мелким чиновником шариатского суда в Хайфе и давно убеждавший муфтия не идти ни на какие политические компромиссы, поднял мятеж против британцев. Гораздо больший радикал в сравнении с муфтием, он был настоящим фундаменталистом, верившим в то, что мученичество в джихаде вознаграждается святостью, и, в общем, исповедовал идеологию Аль-Каиды и других современных джихадистов. После убийства офицера полиции Иззат увел 13 моджахедов из своей подпольной военизированной организации «Черная рука» в горы; там 20 ноября его отряд был окружен четырьмя сотнями британских полицейских, а сам Иззат был убит. «Мученичество

аль-Кассама»[283] окончательно толкнуло муфтия к восстанию. В апреле 1936 года один из последователей Кассама предпринял террористическую атаку под Наблусом: были убиты два еврея. Из этой искры разгорелось пламя. В качестве возмездия еврейские радикалы из «Иргуна» убили двух арабов. Когда зазвучали выстрелы, генерал Артур Вокхоп оказался совершенно неспособен хоть как-то отреагировать на происходящее. По словам одного из его молодых офицеров, «он просто не знал, что делать».

49. Арабское восстание *1936–1939 гг.*

Террор Муфтия

В одну из холодных иерусалимских ночей в начале 1936 года «в чистом небе тут и там раздались выстрелы из винтовок», и Хасим Нусейбе понял, что вооруженное восстание началось. Оно набирало силу довольно медленно. В апреле арабы убили 16 евреев в Яффо. Палестинские партии сформировали Верховный арабский комитет под эгидой муфтия и призвали к национальной забастовке, которая быстро вышла из-под контроля, превратившись в опасные беспорядки. Муфтий провозгласил эти беспорядки джихадом, а своих сторонников нарек Армией джихада. Ее ряды начали пополнять добровольцы, стекавшиеся из Сирии, Ирака и Трансиордании и желавшие воевать против британцев и евреев. 14 мая в Еврейском квартале были убиты еще двое евреев. Муфтий кричал на проповедях: «Евреи пытаются изгнать нас из нашей страны, они убивают наших сыновей и сжигают наши дома». Через два дня арабы застрелили еще троих евреев в кинотеатре «Эдисон Синема».

Ишув был близок к панике, но Бен-Гурион последовательно проводил политику сдержанности. Между тем британские министры уже начали сомневаться в действенности Мандата и направили в Палестину новую комиссию во главе с графом Пилем, одним из бывших министров кабинета. В октябре 1936 года муфтий призвал прекратить забастовку, хотя и отказался признать полномочия Пиля. (Зато Вейцман, разумеется, очаровал членов комиссии.) По настоянию эмира Абдаллы муфтий заявил, что палестинцы требуют независимости, отмены Декларации Бальфура и — самое зловещее — выселения из Палестины всех евреев.

В июле 1937 года Пиль предложил решение, предусматривавшее раздел Палестины на арабскую зону (70 % территории), которую предполагалось присоединить к Трансиордании эмира Абдаллы, и еврейскую (20 %). Кроме того, в дальнейшем предполагался обмен населением: в частности, до 300 000 арабов должны были быть переселены на территорию, которая сейчас была еврейской. Иерусалим должен был сохранить свой особый статус под британским контролем. Сионисты на это согласились — они сознавали, что ни при каком варианте

разделения им не получить Иерусалим целиком. Вейцмана не разочаровала даже ничтожная площадь выделенной евреям территории: «Царство Давида было еще меньше».

В отличие от сионистов, жаловался Пиль, «ни один арабский лидер ни разу с самого 1919 года не допустил даже мысли о возможности сотрудничества арабов с евреями». Лишь Абдалла в Трансиордании с энтузиазмом поддержал план Пиля, и сегодня, оглядываясь назад, мы понимаем, что это могло бы помешать созданию Израиля в его нынешней форме. Но в тот момент любая идея еврейского государства, выдвинутая кем угодно и в какой угодной форме, в принципе не могла устроить палестинцев: и муфтий, и его соперник Нашашиби отвергли ее.

Восстание вспыхнуло с новой силой. На этот раз муфтий открыто одобрил насилие и сам занялся организацией действий мятежников. Но, видимо, он был более заинтересован в уничтожении своих палестинских соперников, нежели в истреблении британцев или евреев. «Похоже, — пишет современный историк рода Хусейни, — именно он ответственен за развязывание внутреннего террора как средства контроля». Сидя над тарелкой любимого чечевичного супа, муфтий — никогда не расставававшийся со своими суданскими телохранителями, отобранными из числа стражей Харама, — вел себя как босс мафии, отдавая приказы об убийствах, в результате которых за два года братоубийственной бойни были уничтожены многие из его самых порядочных и умеренных союзников-арабов. Через девять дней после встречи с Пилем муфтий позвонил генеральному консулу Германии в Иерусалиме: он хотел бы выразить симпатию нацистам и подтвердить готовность к сотрудничеству. На следующий день британцы попытались арестовать муфтия, но он нашел убежище в мечети аль-Акса.

Британцы не отважились штурмовать святыню. Они просто заперли Хусейни на Храмовой горе, объявив его организатором мятежа. Однако не все арабские банды подчинялись муфтию: джихадисты, последователи аль-Кассама, с равным энтузиазмом убивали как «неверных», так и всех арабов, которых подозревали в сотрудничестве с британцами и евреями. Между арабами развернулась настоящая и крайне жестокая гражданская война. Именно к этому времени относятся слова Ахмеда Шукейри о том, что муфтий заставил горевать многие семейства.

Поначалу поддержавший восстание Раджиб Нашашиби теперь выступил против муфтия, обвинив его в терроре и ошибочной стратегии. В ответ виллу Нашашиби обстреляли из пулеметов, один из его младших двоюродных братьев, игравших в футбол во дворе, был убит. А после того как племянник Нашашиби-старшего

Фахри-бей прямо обвинил муфтия в этом и других злодеяниях, во всех арабских газетах был опубликован призыв муфтия к убийству Фахри — и впоследствии он был убит в результате покушения в Багдаде. Нашашиби также вооружили своих слуг и сторонников. Эти так называемые «отряды Нашашиби», или «отряды мира», воевали против боевиков муфтия. Арабские и турецкие головные уборы стали своего рода униформой мятежников: сторонники Хусейни носили клетчатые куфии, а приверженцы Нашашиби — тарбуши (фески). Муфтий учредил специальные революционные трибуналы для осуждения предателей и даже выпустил специальные «повстанческие» почтовые марки.

Непосредственно в Иерусалиме восстанием руководил Абд аль-Кадир Хусейни, 30-летний командир Армии джихада. Сын покойного Мусы Хасима Хусейни, взявший себе боевую кличку Абу Муса, он начал свое образование в школе англиканского епископа Гобата на горе Сион, а продолжил в Каирском университете, где открыто проповедовал джихад, обвиняя британцев в вероломстве, а сионистов — в заговоре. Высланный из Египта, он создал Палестинскую арабскую партию — партию муфтия, — редактировал ее газеты и организовал — под видом отряда бойскаутов — свою собственную вооруженную организацию «Зеленая рука», которая стала боевым крылом партии.

Дома, в Иерусалиме, Абу Муса с его усами в ниточку и в английском костюме являл собой воплощение джентльмена, но его подлинной стихией были подполье, конспирация, партизанская война. Он частенько «наносил чувствительные унижения колониальным силам, расположенным вокруг Иерусалима», — пишет Вазиф Джавгарийе. В 1936 году в сражении с британскими танками под Хевроном Абу Муса был ранен, но, подлечившись в Германии, вернулся на свою базу, которую устроил в Эйн-Кереме, родной деревне Иоанна Крестителя, чтобы продолжить борьбу. В Иерусалиме он организовал убийство начальника британской полиции, а когда он был ранен еще раз во время налета британской авиации, приверженцы Абу Мусы окончательно стали считать его арабским рыцарем, презревшим роскошь ради борьбы бок о бок с арабскими феллахами против неверных «незваных гостей». Однако его враги среди палестинцев считали Абу Мусу одним из худших полевых командиров муфтия, чьи боевики заняты в основном тем, что терроризируют арабские деревни, не поддерживающие Хусейнидов.

26 сентября 1937 года был убит британский окружной

комиссар в Галилее Льюис Эндрюс. А 12-го муфтий бежал из Иерусалима, переодевшись в женское платье, — недостойный поступок, который сильно испортил его репутацию в Палестине. Но и скрываясь в Ливане, он продолжал руководить боевыми операциями. Война становилась все более ожесточенной. Муфтий безжалостно требовал повиновения лично себе и безоговорочной поддержки своей жесткой, бескомпромиссной политики.

Британцы пытались сохранить Палестину под своим контролем, но Наблус, Хеврон, некоторые части Галилеи то и дело выходили из-под их контроля. На какое-то время они потеряли даже Старый город. Британцы рекрутировали бойцов «Хаганы» в созданную ими Полицию еврейских поселений, но этим «полицейским» с огромным трудом удавалось защищать свои отдаленные фермы. Радикальные сионисты были недовольны политикой сдержанности Бен-Гуриона. «Иргун Цваи Леуми», к началу восстания насчитывавшая около 1500 человек, предпочитала политику возмездия. После каждого нападения арабов в арабские кафе в Иерусалиме теперь летели гранаты. В «Черное воскресенье» в ноябре 1937 года они совершили несколько скоординированных терактов. Вейцман и Бен-Гурион были в ужасе, но действия «Иргуна» встречали все большую поддержку среди ишува: ряды организации все время пополняли новобранцы.

По мере того как головорезы муфтия убивали все больше умеренных арабов, таяли последние надежды на возможность мирного сосуществования и у самых умеренных сионистов — таких, как Иехуда Магнес, американский еврей и президент Еврейского университета, который еще недавно считал возможным «государство двух народов» с двухпалатным еврейско-арабским парламентом. Сдержанность Бен-Гуриона тоже имела свои пределы. Британцы пошли на крайние меры: они стали практиковать метод коллективного наказания деревень, а однажды разрушили целый район в Яффо. В июне 1937 года вышел закон о смертной казни за ношение оружия. В октябре в Иерусалим прибыл Чарльз Тегарт, бывший в течение 30 лет начальником полиции Калькутты и известный своей эффективностью и суровым нравом.

Прежде всего он распорядился построить несколько десятков укрепленных железобетонных полицейских участков и постов и начал возводить «забор безопасности» вдоль северной границы Палестины, через которую поступало оружие из Ливана. Он создал службу разведки и контрразведки, а также специальные следственные тюрьмы, где допрашивали пленных арабских боевиков. В Западном Иерусалиме Тегарт организовал

полицейскую школу, где инструктировал своих следователей, как именно следует пытать подозреваемых; в частности, в ходу была «водяная пытка», когда в ноздри заключенному вливали воду из двух кофейников. Эту пытку применяли, пока губернатор Кит-Роуч строжайше не запретил ее. Артур Харрис, офицер Королевских ВВС, впоследствии «прославившийся» как разрушитель Дрездена, бомбил мятежные деревни. Однако сама Европа все ближе подходила к грани новой войны, и британцы не имели возможности прислать в Палестину достаточное количество войск, чтобы самостоятельно подавить восстание. Они все больше нуждались в помощи евреев.

И вот в Иерусалим прибыл молодой специалист по специальной военной подготовке и борьбе с партизанами Уорд Уингейт. Он остановился дома у верховного комиссара Вокхопа и сразу заметил, что Вокхоп «прислушивается ко всем советам и поэтому упускает все возможности». Его собственные рекомендации сводились к тому, что следует сделать из вооруженной еврейской милиции профессиональный спецназ и дать арабам на своей шкуре почувствовать, что такое настоящая партизанская война. Уингейт стал как бы сионистской версией Лоуренса Аравийского (Вейцман тут же прозвал его «Лоуренсом Иудейским»). По забавному совпадению, два этих необычных англичанина, знатока арабов, были двоюродными братьями.

Уорд Уингейт и Моше Даян: падение старого города

Сын состоятельного колониального полковника, считавшего своей миссией обращение евреев в христианство, воспитанный на Библии и имперских ценностях, Уингейт бегло говорил по-арабски и, как и Лоуренс, сделал себе имя, командуя нерегулярными войсками — в данном случае Восточным арабским корпусом в Судане. «Он был похож, — писал Вейцман, — одновременно и на ученика, и на взрослого мужчину, человека действия, чем сильно напоминал мне Лоуренса». Знаток и симпатизант арабов, Уингейт по прибытии в Иерусалим испытал нечто сравнимое с обращением Павла на пути в Дамаск — настолько поразила его энергия сионистов и одновременно оттолкнули бандитизм муфтия и антисемитизм британских офицеров: «Все против евреев! Раз так, я за них!»

Уингейт начал инспектировать осажденные в своих гарнизонах британские войска и еврейские фермы. Посреди ночи в какое-нибудь поселение заявлялся странный визитер в широкополой шляпе «борсалино» или в тропическом шлеме, в

мятом льняном костюме и форменном галстуке британского артиллерийского офицера, больше всего похожий на «подозрительного типа из тех, что болтаются целыми днями в самых сомнительных кафе Тель-Авива». Всегда вооруженный до зубов, 33-летний капитан Уингейт — со «сверлящим взглядом голубых глаз, орлиными чертами и несколько отсутствующим видом, свойственным ученым мужам», — приезжал на седане «студебеккер», битком набитом боеприпасами, картами, винтовками «ли-энфилд», ручными гранатами, — и с непременной Библией в руках. Уингейт решил, что «из евреев получатся солдаты лучше наших». В марте 1938 года британский командующий Арчибальд Уэйвелл, на которого этот «замечательный человек» произвел большое впечатление, поручил Уингейту тренировку специальных еврейских частей, чтобы использовать эти так называемые «особые ночные подразделения» против мятежников. Уэйвелл не представлял еще, с кем он имеет дело: «Я не был тогда осведомлен о его родстве с Т. Э. Лоуренсом».

Устроив штаб-квартиру в отеле «Фаст» близ Яффских ворот, Уингейт быстро выучил иврит и вскоре получил от сионистов почетное прозвище Друг (*ха-Ядид*), тогда как арабы считали его врагом, а британские офицеры — безрассудным чудаком. Выехав из Правительственной резиденции, он поселился с женой Лорной в Тальпиоте. Лорна была «очень юна, очень красива и похожа на фарфоровую куклу. Люди не сводили с нее глаз», — вспоминала Руфь Даян, жена Моше Даяна, 22-летнего сына репатриантов из России. Он родился в первом еврейском кибуце в Палестине, был бойцом «Хаганы», служил в Полиции еврейских поселений. «Однажды вечером, — вспоминал Даян, — появился один парень из отделения „Хаганы“ в Хайфе в сопровождении странного человека. Уингейт был худощав; на боку у него постоянно висел револьвер, и он всегда носил с собой маленькую Библию. Перед очередной акцией он всегда читал отрывок из нее, касающийся той местности, где нам предстояло проводить операцию».

Этот воинственный евангелист возглавил свои Особые ночные подразделения, и арабские боевики вскоре вынуждены были «признать, что им теперь не найти ни одной безопасной тропы: их повсюду могла подстерегать засада». За время арабского восстания и позднее, в годы Второй мировой войны, британцы обучили 25 тыс. еврейских солдат, включая бойцов диверсионных отрядов «Палмах» под командованием Ицхака Саде, успевшего повоевать в Красной армии, а впоследствии ставшего начальником генерального штаба «Хаганы». «Вы — сыны Маккавеевы, — говорил им Уингейт. — Вы — лучшие солдаты

еврейской армии!» Опыт и боевой дух этих подразделений впоследствии стали основой Армии обороны Израиля.

В сентябре 1938 года премьер-министр Невилл Чемберлен в числе прочих глав европейских государств подписал с Гитлером Мюнхенское соглашение. Оно развязало руки Гитлеру и позволило ему расчленить Чехословакию, однако оно же дало возможность Британии высвободить часть своих войск в Европе. В Палестину прибыло подкрепление — 25 тыс. человек. Арабские мятежники в Иерусалиме предприняли отчаянный шаг: 17 октября они захватили весь Старый город, вытеснили британский гарнизон, забаррикадировали ворота и даже выпустили марки с надписью «Аль-Кудс». Вазиф Джавгарийе, живший поблизости от Яффских ворот, с гордостью смотрел на арабский флаг, реявший над Башней Давида. У Западной стены вооруженные арабы до смерти запугали окруженного ими раввина. Но уже 19 октября британцы пошли на штурм ворот и отвоевали Старый город, убив, по свидетельству Вазифа, наблюдавшего за атакой из своего окна, 19 арабов: «Я не в силах описать ночь сражения британской армии с повстанцами. Мы видели взрывы, слышали страшный грохот бомб и свист пуль».

Для евреев Уингейт был героем. Но британские офицеры считали его операции неэффективными. К тому же их раздражали его «странности»: Уингейт мог открыть дверь гостям абсолютно голым и завел интрижку с еврейской оперной певицей. Даже Даян признавал: «По обычным меркам его нельзя было назвать нормальным. После операции он усаживался в угол совершенно голый и читал Библию, хрустя сырой луковицей». Дивизионного командира Уингейта генерал-майора Бернарда Монтгомери раздражали его военное безрассудство и рьяная поддержка сионистов. Позднее Монтгомери скажет Даяну: «Уингейт был „психически неуравновешенным“». В конце концов его отозвали в британский штаб Иерусалима — у англичан теперь были собственные войска, и они больше не нуждались в помощи еврейских коммандос[284].

«Меня не волнует, евреи вы или арабы, — говорил Монтгомери представителям обеих сторон. — Мой долг — установить закон и порядок. И я намерен это исполнить». Монтгомери объявил, что арабское восстание «полностью и окончательно подавлено». При этом погибло 500 евреев и 150 британцев. Но наибольший ущерб восстание принесло палестинскому арабскому обществу, которому теперь предстояло восстанавливаться: десятая часть всех мужчин в возрасте от 20 до 60 лет были убиты, покалечены или изгнаны. Погибло около 4 тыс. арабов, многие были убиты своими же. 146 человек были

приговорены британцами к смертной казни, 50 тыс. заключены в тюрьмы. Пять тысяч домов оказались разрушены. Крах восстания пришелся как нельзя вовремя: Британии очень скоро могли потребоваться войска в Европе. «Мне во многих отношениях очень жаль покидать Палестину, — сказал Монтгомери. — Но предстоит воевать за ее пределами».

Тем временем Невилл Чемберлен, чей отец предлагал создать национальный очаг еврейского народа в Уганде, решил отменить Декларацию Бальфура. Случись война, у евреев все равно не было бы иного выбора, как поддержать Британию в борьбе против нацистов. У арабов же выбор имелся. «Если мы должны обидеть одну из сторон, — заявил Чемберлен, — давайте обидим евреев, а не арабов». Он пригласил представителей обеих сторон, а также арабских государств на конференцию в Лондон.

Арабы хотели, чтобы их главным делегатом был муфтий, но поскольку британцы даже слышать об этом не хотели, прибыло две арабских делегации: делегацию непримиримых возглавил двоюродный брат муфтия Джамаль аль-Хусейни, делегацию умеренных — Нашашиби. Хусейни остановились в отеле «Дорчестер», Нашашиби — в «Карлтоне». Сионистов представляли Вейцман и Бен-Гурион. Открывать конференцию 7 февраля 1939 года в Сент-Джеймсском дворце Чемберлену пришлось дважды — арабы и сионисты отказались от прямых переговоров.

Чемберлен надеялся, что ему удастся убедить сионистов согласиться на приостановку еврейской иммиграции в Палестину. Но все было безрезультатно. 15 марта стала очевидна вся бессмысленность его уступок Гитлеру — фюрер оккупировал Чехословакию. Через два дня Малкольм Макдональд, министр по делам колоний, выпустил очередную «Белую книгу», в которой предлагалось ограничить покупку палестинской земли евреями и сократить иммиграцию до 15 тыс. человек в год в течение пяти лет; по прошествии этих пяти лет арабы получали право запретить иммиграцию вообще. Через десять лет Палестина получала независимость, причем ни о каком еврейском государственном образовании речи вообще не шло. Это было лучшее предложение, которое палестинцы когда-либо получали от британцев или кого угодно другого за весь XX век. Однако муфтий, в очередной раз продемонстрировав вопиющую политическую некомпетентность и маниакальную неспособность к компромиссу, отверг его из своего ливанского далека.

Бен-Гурион готовил «Хагану» к войне с британцами. Евреи устраивали беспорядки в Иерусалиме. Второго июня члены «Иргуна» взорвали бомбу на рынке за Яффскими воротами — погибло девять арабов. 8 июня, в последнюю ночь своей

пасхальной поездки в Иерусалим, молодой американец Джон Ф. Кеннеди, сын посла США в Лондоне, услышал 14 взрывов, произведенных боевиками «Иргуна» и оставивших без электричества весь Святой город. Теперь уже многие разделяли точку зрения Монтгомери: «Евреи убивают арабов, а арабы убивают евреев, и так будет продолжаться, по всей вероятности, еще лет пятьдесят».

Муфтий и Гитлер: мировая война в Иерусалиме

Адольф Гитлер, казалось, был способен сокрушить все на своем пути, и муфтий Иерусалима увидел здесь возможность нанести удар сразу двум их общим врагам — британцам и евреям. Франция пала; войска Вермахта продвигались к Москве, а Гитлер уже приступил к осуществлению своего «окончательного решения» — уничтожению всех европейских евреев[285]. Муфтий перебрался в Ирак, где попытался вести антибританские интриги, потерпел неудачу, бежал в Иран, а оттуда, преследуемый по пятам британскими агентами, совершил головокружительное путешествие, добравшись в конце концов до Италии. 27 октября 1941 года Бенито Муссолини принял его в римском палаццо Венеция. Дуче не поддержал идею создания Палестинского арабского государства. Если евреям так хочется иметь свою страну, «пускай создают Тель-Авив в Америке, — сказал дуче. — В Италии и так уже живет 45 тыс. евреев, и скоро им не найдется места нигде в Европе». Муфтий, «чрезвычайно удовлетворенный встречей», полетел в Берлин.

28 ноября в 16:30 его принял в своей ставке крайне озабоченный Адольф Гитлер: русские остановили немцев на подступах к Москве. Переводчик муфтия сообщил фюреру, что, согласно арабской традиции, следует подать кофе. Гитлер нервно ответил, что никогда не пьет кофе. Муфтий вежливо осведомился, нет ли у фюрера какой-то проблемы со здоровьем. Переводчик постарался его успокоить, но фюреру пояснил, что гость все же ожидает кофе. Гитлер возразил, что даже членам верховного командования не позволяется пить кофе в его присутствии. Но затем быстро вышел из комнаты и вернулся в сопровождении эсесовского охранника, который нес лимонад.

Хусейни попросил Гитлера поддержать «независимость и единство Палестины, Сирии и Ирака», а также создание Арабского легиона — соратника Вермахта. Беседуя с вполне вероятным владыкой мира, муфтий уже не ограничивался Палестиной, а предлагал создание Арабской империи под его

собственным владычеством.

Гитлер выразил удовлетворение, что у него с муфтием общие враги: «Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть с двумя оплотами еврейского могущества — Британией и Советским Союзом». И конечно же, не могло быть и речи ни о каком еврейском государстве в Палестине. Гитлер намекнул муфтию на свое видение еврейского вопроса: «Германия будет настаивать на том, чтобы каждое европейское государство само решило собственный еврейский вопрос». Фюрер добавил: «Как только мы достигнем южных отрогов Кавказа, Германия сосредоточится на уничтожении еврейского элемента в арабской сфере влияния».

Однако пока Британия и СССР еще не сокрушены, с амбициозными планами муфтия на Ближнем Востоке придется какое-то время подождать. Гитлер признался, что ему «приходится все обдумывать и говорить сдержанно и взвешенно», чтобы не обидеть союзное правительство Виши во Франции. «Мы тревожимся за вас, — сказал он Хусейни. — Мне известна история вашей жизни. Я с интересом наблюдал за вашим долгим и опасным путешествием. И я счастлив, что теперь вы с нами». После чего Гитлер с восхищением указал на голубой цвет глаз и рыжеватые волосы муфтия — по его мнению, явные признаки арийской крови.

Муфтий разделял с Гитлером не только стратегическую враждебность по отношению к Британии, но и расовый, животный антисемитизм, причем в самой опасной форме. В написанных спустя многие годы мемуарах Хусейни вспоминал, как рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который очень ему нравился, летом 1943 года упомянул в конфиденциальной беседе, что нацисты «уже истребили более трех миллионов евреев». Муфтий никогда не раскаивался в своих действиях: «Германия была нашим истинным другом, — утверждал он. — В прошлом она не являлась империалистической державой и не причинила зла ни одной мусульманской стране. И я по-прежнему уверен, что если бы Германия и ее союзники победили во Второй мировой войне, в Палестине и на всем арабском Востоке от сионистов не осталось бы и следа»[286].

Евреи Иерусалима не удивились, узнав о пребывании муфтия аль-Хусейни в германской столице. Взглядам и действиям самого муфтия нет оправдания. Но нельзя утверждать на этом основании, будто все арабские националисты — нацисты и антисемиты. Вазиф Джавгарийе, который, как мы увидим ниже, относился с большим сочувствием к бедственному положению евреев, писал в дневнике, что иерусалимские арабы «желали

победы Германии» только потому, что ненавидели британцев за «их несправедливость, бесчестность и Декларацию Бальфура. Они часто собирались послушать новости, ожидая сообщений о новых германских победах, и глубоко печалились, слыша хорошие для Англии вести».

«Как бы странно это ни звучало, — вспоминал Хасим Нусейбе, — но во время войны Иерусалим наслаждался беспрецедентным миром и благоденствием». Британцы применяли к еврейским боевикам самые строгие меры: Моше Даян и его соратники по «Хагане» были взяты под стражу и сидели в крепости Акра. Но еще в мае 1941 года, когда перед британской Палестиной замаячила перспектива быть зажатой между Германией и Италией, наступающими в Северной Африке, и вишистской Сирией, сионисты при поддержке британцев создали «Палмах» — «ударные роты», небольшие диверсионные подразделения, в которые вошли бойцы, прошедшие специальную подготовку у Уингейта и Саде.

Даяна освободили из тюрьмы, и он отправился на север, где проводил разведку боем, изучая возможности для британского вторжения в Сирию и Ливан. Однажды в ходе перестрелки в Южном Ливане в бинокль Даяна угодила французская винтовочная пуля. Осколки бинокля повредили Даяну левый глаз, и он был теперь вынужден всю жизнь носить черную глазную повязку, которую Даян ненавидел, потому что, по его словам, чувствовал себя в ней «ущербным калекой». «Если бы я только мог избавиться от своей черной повязки, — сетовал он. — Внимание, которое она привлекала, было невыносимо. Я предпочитал сидеть дома затворником, чем наблюдать реакцию людей, которых встречал, куда бы я ни шел». Для лечения Даян с молодой женой вернулся в Иерусалим. Он «полюбил бродить по Старому городу, особенно по узкой тропинке на его стенах». «Новый город был мне чуждым, — признавался Даян. — Зато Старый город вызывал у меня неподдельный восторг». А «Хагана» тем временем с помощью британцев готовилась уйти в подполье — в случае, если Германия захватит Палестину.

Иерусалим был излюбленным прибежищем изгнанных королей: и Георг II Греческий, и король Югославии Петр, и эфиопский император Хайле Селассие — все жили в отеле «Царь Давид». Император прошел босиком по улицам города и возложил свою корону к подножию алтаря в церкви Гроба Господня. По-видимому, его молитвы были услышаны: он вернулся на престол[287].

И днем и ночью коридоры и бары отеля «Царь Давид» были заполнены толпой египетских, ливанских, сирийских, сербских,

греческих и эфиопских князьков, аристократов, магнатов, аферистов, вымогателей, бездельников, сутенеров, жиголо, куртизанок, кинозвезд и шпионов всех воюющих держав, а также сионистов и арабов. Офицерам и дипломатам в британских, австралийских и американских мундирах приходилось чуть ли не локтями прокладывать себе дорогу по гостиничным коридорам, чтобы только попасть в какой-нибудь бар и заказать вожделенный сухой мартини. В 1942 году в отеле зарегистрировалась новая гостья — одна из самых знаменитых арабских звезд своего времени, олицетворявшая закат декадентского Иерусалима, космополитичного левантийского перекрестка. Она пела под именем Асмахан. И везде, где появлялась эта опасная, неотразимая женщина — одновременно и друзская принцесса, и египетская кинозвезда, и *grande horizontale* (великая куртизанка), и шпионка всех разведок Европы, — ей удавалось создавать вокруг себя интригу и тайну.

Певческий талант у Амаль аль-Атраш, представительницы благородного, но обедневшего семейства сирийских друзов, бежавших в 1918 году в Египет, обнаружился в 14 лет, а в 16 она уже записала свою первую песню. Она быстро прославилась на радио, а затем и в кино — легко узнаваемая красотка с очаровательной родинкой на подбородке. В 1933 году Амаль вышла замуж за своего двоюродного брата — сирийского эмира аль-Атраша (они вступали в брак и разводились дважды). Она настояла на своем праве вести образ жизни свободной западной женщины даже в собственном дворце в горах, хотя много времени проводила в отеле «Царь Давид». В мае 1941 года принцесса была завербована британской разведкой и отправилась в вишистский Дамаск, чтобы очаровывать и подкупать сирийских лидеров, склоняя их к поддержке союзников. После того как британцы и войска Свободной Франции отвоевали Сирию и Ливан, ей лично выразил благодарность за сотрудничество генерал Шарль де Голль. Очаровывая окружающих своим пением, неотразимым изяществом и безудержной сексуальностью (поговаривали о ее бисексуальных наклонностях), Асмахан работала одновременно на французскую и британскую разведку, получая большие вознаграждения от обеих сторон как важный агент влияния. Посланник Черчилля генерал Спирс был сражен ее красотой и шармом. «Она была и всегда будет одной из самых красивых женщин, каких мне только доводилось видеть, — так отзывался он об Амаль. — Ее глаза были огромными, зелеными, как море, переносящее в рай. Она сражала наповал британских офицеров со скоростью и точностью пулемета. И, вполне естественно, она нуждалась в средствах». Иные злословили, что если вы любовник

Амаль, то никогда не будете единственным мужчиной в ее будуаре: один генерал прятался под кроватью, другой возлежал на кровати, а с люстры свисал Спирс.

Разочарованная вероломством союзников, не выполнивших обещания немедленно предоставить арабам независимость, принцесса выкрала секретные бумаги у одного из своих британских любовников и попыталась передать их немцам. Когда ее задержали в момент перехода турецкой границы, она набросилась с кулаками на арестовавшего ее офицера. А когда французы отказались в дальнейшем платить ей, Амаль переехала в Иерусалим. Ей было тогда всего 24 года. В отеле «Царь Давид» Амаль сделалась «королевой лобби». Она проводила в отели ночи напролет, потягивая любимый коктейль из виски с шампанским и соблазняя богатых и знатных палестинцев, британских офицеров, а также их жен. В сети Амаль угодил даже принц Али Хан. Один ее французский приятель вспоминал: «Она была женщиной до мозга костей. *Elle était diabolique avec les hommes*»[288]. Английские дамы по созвучию с фамилией аль-Атраш дали ей презрительную кличку «принцесса Трэш»[289]. Она настолько шокировала своим поведением своих благонравных соотечественников-друзов, что на премьере ее первого фильма те стали палить из револьверов в экран; в общем, Амаль на многие годы опередила свое время. Бывало, она становилась худшим врагом самой себе. Амаль попыталась выселить из лучших апартаментов отеля египетскую королеву-мать Назли, закрутив интрижку с королевским камергером. Ссора из-за мужчины с некоей египетской танцовщицей кончилась тем, что обе дамы публично в клочья изодрали платья друг другу.

Амаль видела в сионизме одну только пользу — он помогал следовать моде: «Хвала Господу за этих венских скорняков — по крайней мере, вы можете найти в Иерусалиме приличное меховое манто». Проведя в городе год и выйдя замуж в третий раз — на этот раз за египетского плейбоя, — Амаль в 1944 году уехала в Египет, чтобы сняться в главной роли в фильме «Любовь и месть». Но еще до окончания съемок она утонула в Ниле в результате загадочной автомобильной катастрофы, подстроенной, если верить слухам, чуть ли не одновременно британской разведкой, гестапо, королем Фаруком (которому она отказала) и ее соперницей, знаменитой египетской певицей Умм-Кульсум. Если ее родной брат Амаль Фарид был Фрэнком Синатрой арабского мира, то ее можно назвать арабской Мэрилин Монро. Ангельское пение Асмахан, особенно в фильме «Волшебные ночи Вены», до сих пор находит своих почитателей.

Улицы Иерусалима того времени кишели американскими и

австралийскими солдатами. Главный претендент на роль «паши Иерусалимского» губернатор Эдвард Кит-Роуч вынужден быть устраивать регулярные медицинские осмотры австралийцам, оккупировавшим бордель мадам Зейнаб в гостинице «Хенсменс» в центре Нового города. Но и это не могло полностью предотвратить распространение венерических болезней. В итоге Кит-Роуч «выслал Зейнаб и со всем ее сбродом из своего района».

Летом 1942 года немцы продвинулись в направлении Кавказа, а Африканский экспедиционный корпус генерала Эрвина Роммеля высадился в Ливии и наступал на Египет. Под угрозой оказалось само существование ишува. За разработку планов полного уничтожения евреев Северной Африки и Палестины отвечал у Роммеля штандартенфюрер СС Вальтер Рауфф. «Лица иерусалимских евреев выражали горе, печаль и страх, особенно когда немцы подошли к Тобруку», — вспоминал Вазиф Джавгарийе. Некий злой арабский шутник при виде евреев разбрасывал горстями песок (араб. *рамиль* звучит похоже на «Роммель»). «Они начинали плакать и пытались убежать», — вспоминал Вазиф. Его семейным врачом был еврей, и Вазиф предложил спрятать его с женой, когда придут нацисты. Но врач уже предпринял меры предосторожности: он показал ему два шприца с ядом — для себя и жены.

Но в октябре 1942 года генерал Монтгомери разбил немцев при Эль-Аламейне — это событие Вазиф сравнил с чудом давно прошедших лет — когда ассирийский царь Синаххериб, почти уже взявший Иерусалим, вдруг в одночасье снял осаду и ушел. С другой стороны, в ноябре до Иерусалима дошли первые ужасные вести о Холокосте: «Массовая бойня польских евреев!» — сообщала *Palestine Post*. Три дня евреи Иерусалима скорбели и молились у Стены об убиенных и о собственном спасении.

Худшее время для ограничения еврейской иммиграции, предписанного «Белой книгой» 1939 года, трудно было выбрать. И пока в нацистской Европе истреблялся народ Израиля, британские войска возвращали в Европу корабли с отчаявшимися евреями, которые чудом добрались до Палестины, где им не разрешали сойти на берег. Арабское восстание, «окончательное решение» Гитлера и «Белая книга» Макдональда убеждали даже самых умеренных сионистов в том, что единственный способ заставить Британию предоставить евреям обещанный «национальный очаг» — это применение силы.

Под контролем Еврейского агентства[290] находились подпольная армия «Хагана» численностью 25 тыс. бойцов, а также особые роты спецназа «Палмах» — еще 2000 солдат, обученных британцами. Бен-Гурион был теперь неоспоримым сионистским

лидером. По описанию Амоса Оза, он «был человеком плотным, невысоким и округлым, как беременная женщина, ростом менее чем метр шестьдесят… Была у него серебряная грива — грива пророка: волосы „амфитеатром“ поднимались вокруг лысины. На краю его огромного лба кустились необычайно густые седые брови, а под ними сверлили пространство голубовато-серые, видящие все насквозь маленькие глазки. Взгляд их был остер, как бритва. Нос его был широк, мясист, груб, бесстыдно эротичен, как носы евреев на антисемитских карикатурах. А вот губы были тонкие — в ниточку, — запавшие внутрь, зато челюсть… вызывающе выдавалась вперед, словно кулак (такая челюсть встречается у старых моряков)». Этот «сильный, сжатый как пружина» человек напоминал Озу «то ли сурового старца из горной деревни, то ли энергичного карлика древних времен».

Но войну против Британии начали не «Хагана» и «Палмах», а еще более воинственный «Иргун» под командованием нового, сурового и непреклонного вождя.

50. Грязная война
1945–1947 гг.

Менахем Бегин: черная суббота

«Я борюсь — значит, я существую», — говорил Менахем Бегин, перефразируя Декарта. Родившийся в Брест-Литовске, этот обитатель штетла уже в 16-летнем возрасте вступил в «Бейтар» Жаботинского в Польше. Но очень скоро выяснилось, что он крайний радикал: он стал критиковать своего кумира и ковать собственную, более суровую и непримиримую, идеологию милитаристского сионизма — «войны за освобождение против тех, кто удерживает землю наших отцов», — сочетая максималистскую политику с эмоциональной религиозностью. После того как Гитлер и Сталин, начав Вторую мировую войну, поделили Польшу, Бегин, оказавшийся на советской территории, был арестован сталинским НКВД как британский шпион и отправлен в ГУЛАГ. «Что же стало с этим британским агентом? — шутил позже Бегин. — Именно британская полиция вскоре обещала самую большую награду за его голову».

Освобожденный в результате соглашения, заключенного Сталиным в 1941 году с польским генералом Сикорским, Бегин вступил в польскую армию Крайову, которую формировал Сикорский, и в конце концов через Персию попал в Палестину. Сформировавшийся в темные времена сталинской мясорубки и гитлеровской живодерни, в которых сгинули его родители и родной брат, Бегин прошел куда более суровую школу, чем Вейцман или Бен-Гурион. «Не Масада, — говорил он, — а Модиин [откуда Маккавеи начали свое восстание] должен быть символом еврейской борьбы». Жаботинский умер от сердечного приступа еще в 1940 году, и теперь, в 1944-м, Бегин стал командиром «Иргуна», состоявшего в тот момент из 600 бойцов. Старые сионисты считали его плебеем и провинциалом. В очках без оправы, «с мягкими беспокойными руками, редеющими волосами и влажными губами»[291], Бегин и вправду обликом больше походил на еврейского учителя из провинциального местечка, чем на профессионального революционера. При этом он обладал завидным «терпением охотника, сидящего в засаде».

Хотя «Иргун» поддержал союзников против нацистов, некоторые крайние радикалы во главе с Авраамом Штерном отделились от него, создав новую подпольную группу, которую

сами они назвали «Лехи» (сокращение ивритских слов «Борцы за свободу Израиля»), а британцы окрестили «бандой Штерна». Они подняли собственное восстание против британцев. В феврале 1942 года Штерн был застрелен британской полицией, но его организация продолжала действовать.

По мере того как победа союзников становилась все более вероятной, Бегин начал испытывать на прочность британский режим в Иерусалиме. Трубление в шофар (ритуальный рог) у Западной Стены в дни Нового года и День искупления (Йом-Кипур) было запрещено с 1929 года (хотя еврейская молодежь под влиянием Жаботинского ежегодно пыталась нарушить запрет). В октябре 1943 года Бегин также велел трубить в шофар. Британская полиция немедленно начала разгонять молящихся евреев. А в 1944 году, когда снова зазвучал шофар, британцы воздержались от каких-либо ответных мер. Бегин расценил это как признак слабости.

Этот мастер разработки и организации силовых акций объявил Британии настоящую войну, и в сентябре 1944 года боевики «Иргуна» согласованно атаковали британские полицейские участки в Иерусалиме, а затем среди бела дня застрелили на улице офицера Управления уголовных расследований. Бегин, прозванный Стариком, несмотря на свои неполные 30 лет (такое же прозвище имел и Бен-Гурион), ушел в подполье, постоянно меняя адреса и переодеваясь в старого бородатого хасида. За его голову британцы пообещали награду в 10 тыс. фунтов стерлингов.

Еврейское агентство осуждало терроризм, но после того, как союзники 6 июля 1944 года высадились в Нормандии[292], боевики «Лехи» дважды пытались организовать покушение на верховного комиссара Гарольда на улицах Иерусалима. В ноябре того же года они убили в Каире Уолтера Гиннесса, лорда Мойна, министра-резидента в Египте и личного друга Черчилля. Лорд Мойн был настолько бестактен, что предложил Бен-Гуриону при поддержке союзников основать еврейское государство не на Сионе, а в Восточной Пруссии. Черчилль называл сионистских экстремистов «самыми жестокими бандитами». А резко осуждавший террористов Бен-Гурион в 1944–1945 годах даже помогал британцам выслеживать бойцов «Иргуна» и «Лехи» — в ходе так называемой операции «Сезон» было арестовано около 300 человек.

8 мая 1945 года, в день окончания войны в Европе, новый Верховный комиссар, фельдмаршал виконт Горт устроил салют у отеля «Царь Давид» и амнистировал еврейских и арабских политзаключенных. Город ликовал. Однако реальность

разделенного города дала о себе знать на следующий же день: евреи и арабы вышли каждые на свою демонстрацию; и те, и другие недвусмысленно заявляли, что не собираются подчиняться городским властям.

Тем временем на выборах в Великобритании Черчилль потерпел поражение. Новый премьер-министр Клемент Эттли выбрал в качестве гимна избирательной кампании своей Лейбористской партии стихотворение Уильяма Блейка, обещая английскому народу «новый Иерусалим», — однако демонстрировал полную неспособность управиться со старым.

Встревоженные британцы собирали силы для предстоящей схватки. Что лучше — сделать город, в котором проживает 100 тыс. евреев, 34 тыс. мусульман и 30 тыс. христиан, государством Иерусалим под управлением британцев, как предлагал предыдущий Верховный комиссар Гарольд Макмайкл? Или разделить город, оставив под контролем Британии лишь святые места, как настаивает нынешний комиссар виконт Горт? В любом случае британцы решительно намеревались прекратить еврейскую иммиграцию в Палестину — даже невзирая на то, что многие сегодняшние иммигранты были чудом выжившими узниками гитлеровских лагерей смерти. Уцелевшие евреи, разбросанные по всей Европе и проживавшие в убогих лагерях для перемещенных лиц, пытались любыми способами выехать в Палестину. Британцы же всячески препятствовали иммиграции, которую считали нелегальной. Судно *Exodus*-1947 («Исход-1947»), пытавшееся доставить из Франции в Эрец-Израэль 4,5 тыс. беженцев (многие из них — бывшие узники концлагерей), было остановлено британскими военными кораблями в нейтральных водах и взято на абордаж (беженцы оказали отчаянное сопротивление, при этом трое из них погибли). Затем британцы с каким-то почти неправдоподобным бездушием отправили корабль обратно в Европу, в Гамбург, где насильно сняли людей с корабля и снова разместили их в лагерях. Даже сдержанное в оценках Еврейское агентство назвало этот случай «морально отвратительным».

Бен-Гурион, Бегин и «Лехи» договорились о создании единой структуры, которая занялась бы нелегальной переправкой из Европы еврейских иммигрантов, а также координацией борьбы против англичан: нападениями на их воинские поезда, аэродромы, военные базы и полицейские участки по всей стране. Но две радикальные группировки лишь на словах согласились действовать солидарно с «Хаганой», которая продолжала придерживаться политики сдержанности. Главной мишенью «Иргуна» стало Русское подворье с его величественными

гостиницами, которые британцы ныне превратили в укрепленную штаб-квартиру полиции. 27 декабря «Иргун» взорвал здание Следственного управления полиции — бывший странноприимный дом для русских паломников, Николаевское подворье. Бегин специально приехал на автобусе из Тель-Авива в Иерусалим, чтобы обозреть дело своих рук. В январе 1946 года «Иргун» напал на тюрьму, устроенную британцами в Мариинском подворье, прежде предназначавшемся для приюта русских паломниц[293].

Британцы, потрясенные этими атаками, обратились за помощью к Америке. Американские евреи в основном поддержали сионизм. Однако президент Франклин Рузвельт никогда публично не выступал в поддержку создания еврейского государства. В Ялте Рузвельт и Сталин затронули тему Холокоста. «Я сионист», — сказал Рузвельт. «Я, в общем, тоже», — ответил Сталин, упомянув, что он пытался основать «национальный очаг евреев в Биробиджане». Правда, евреи прожили там лишь два или три года, «а потом рассеялись кто куда». Евреи, добавил советский вождь, — это «перекупщики, спекулянты и паразиты». Впрочем, Сталин очень рассчитывал, что любое еврейское государство станет советским сателлитом.

Рузвельт умер в том же 1945 году. Его преемник Гарри Трумэн, стоявший за то, чтобы поселить переживших Холокост евреев в Палестине, обратился к британцам с просьбой не препятствовать иммиграции. Воспитанный в баптистских идеалах, бывший фермер, банковский клерк и галантерейщик из Канзас-Сити, Трумэн ничем особенным не проявил себя на посту сенатора от штата Миссури. Но он сочувственно относился к евреям и уважал историю. В 1945 году новый президент посетил Берлин. Озирая лежавший в руинах город, он «размышлял о Карфагене, Баальбеке, Иерусалиме, Риме, Атлантиде». Давнишняя дружба с его бывшим торговым партнером евреем Эдди Джейкобсоном, влияние просионистски настроенных советников, а также «чтение древней истории и Библии сделали его горячим сторонником создания национального еврейского очага», — записал помощник президента Кларк Клиффорд. И все же Трумэна, столкнувшегося с сопротивлением Государственного департамента, нередко раздражало сионистское лобби. К тому же он очень настороженно относился к любому признаку того, что обездоленные, почти уничтоженные в ходе войны евреи теперь хотят диктовать свою волю миру. «Сам Иисус Христос не мог угодить им, пока ходил по земле, — огрызался Трумэн. — Кто же, черт возьми, может надеяться, что это получится у меня?» Однако он согласился на создание Англо-американской комиссии.

Члены комиссии остановились в отеле «Царь Давид».

Царившую там атмосферу один из них, лейборист Ричард Кроссман, нашел «ужасающей: частные детективы, сионистские агенты, арабские шейхи, журналисты — все только и делали, что выслеживали друг друга». Ночью богатые арабы и британские генералы собирались на вилле Кэти Антониус. Теперь она была одинока. Обреченный брак Антониусов начал распадаться еще во время Арабского восстания. В годы войны Кэти развелась с больным мужем — через две недели он скоропостижно умер и был похоронен на горе Сион. На его надгробии высечена надпись: «Восстаньте, арабы, очнитесь от сна». Но званые вечера на вилле по-прежнему оставались легендарными. Кроссман, восхищенный «вечерними нарядами, сирийской едой и напитками, танцами на мраморном полу», пришел к выводу, что арабы устраивают лучшие приемы: «Легко понять, почему британцы предпочитают евреям высшее сословие арабов. Арабской интеллигенции присуща французская культура, удивительная, высокая, трагическая и одновременно беспечная. В сравнении с ними евреи более напоминают настороженных, нервных буржуа из Центральной Европы».

Премьер Эттли надеялся, что Трумэн поддержит его политику запрета еврейской иммиграции, но Англо-американская комиссия рекомендовала британцам незамедлительно легализовать 100 тыс. беженцев. Трумэн публично поддержал эти рекомендации. А разгневанный Эттли, совершенно не собиравшийся их выполнять, осудил вмешательство американцев. Еврейское агентство продолжало тайно привозить беженцев из Европы — за три года в Палестину въехало 70 тыс. евреев. Военизированные еврейские организации, в свою очередь, продолжали донимать британцев. По всей Палестине прокатилась волна тщательно спланированных диверсий на важнейших стратегических объектах и нападений на английских военнослужащих, кульминацией которых стала «Ночь мостов»: за одну ночь, с 16 на 17 июня, было взорвано семь мостов, нанесен серьезный ущерб железнодорожным складам в Хайфе. При закладке взрывчатки под один из мостов заряд взорвался преждевременно, и 14 бойцов «Палмаха» погибли.

Британцы сокрушили арабское восстание; теперь им нужно было сокрушить евреев. В июне 1946 года вернувшийся в Иерусалим виконт Монтгомери Аламейнский, теперь уже фельдмаршал и начальник британского Генерального штаба, сетовал: «Британское правление существует лишь номинально; настоящими правителями мне представляются евреи с их негласным лозунгом „Не смейте нас трогать!“». Но Монтгомери не собирался следовать этому лозунгу.

В субботу 29 июня генерал Ивлин «Бабблз» Баркер начал операцию «Агата» — атаку на сионистские организации. Он арестовал 3 тыс. евреев, однако Бен-Гуриона, находившегося в тот момент в Париже, ему схватить не удалось. Баркер создал в Иерусалиме «три зоны безопасности», превратив и так уже укрепленное Русское подворье в настоящую крепость, которую евреи прозвали «Бевинград», по имени тогдашнего британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина. Среди евреев этот день стал известен как «черная суббота», а Баркер в одночасье превратился в самый ненавидимый символ британских репрессий. Баркер бывал на всех званых вечерах Кэти Антониус, которая вскоре стала его любовницей: письма Баркера к Кэти полны страсти, пикантных подробностей и антисемитских рассуждений. Генерал не боялся делиться со своей любовницей военными секретами, перемежая их риторическими вопросами: «Почему мы боимся заявить во всеуслышание, что ненавидим евреев?»

Боевики «Лехи» сначала хотели убить Баркера с помощью бомбы, спрятанной в детской коляске. Но затем Менахем Бегин из «Иргуна» при поддержке «Лехи» предложил устроить более масштабный теракт: «черную субботу» для британцев, эхо которой должно было потрясти весь мир. Бен-Гурион и Еврейское агентство выступали против подобной акции, зато «Хагана», прежде осуждавшая террористические методы, на этот раз поддержала Бегина.

Отель «Царь Давид» был как бы «светским храмом» подмандатного Иерусалима, а его южное крыло занимали различные службы британской администрации, в том числе разведка. 22 июня 1946 года члены «Иргуна», переодетые арабами и служащими отеля в нубийских одеждах, доставили в подвалы гостиницы молочные бидоны, в которых было около 200 кг взрывчатки.

«Иргун» сделал несколько анонимных звонков в отель, в редакции газет и во французское консульство, чтобы предупредить о предстоящей атаке и чтобы персонал и постояльцев «Царя Давид» успели эвакуировать. Но все эти звонки были проигнорированы, да и сделаны они были слишком поздно: случайно ли, умышленно ли — неизвестно до сих пор. Бегин в нетерпении ждал поблизости: «Каждая минута тянулась, как день. Двенадцать тридцать одна, двенадцать тридцать две. Нулевой момент приближался. Прошли почти полчаса. Двенадцать тридцать семь. Внезапно весь город как будто вздрогнул!»

Взрыв разрушил все южное крыло «Царя Давида», погиб 91

человек, в том числе британцы, евреи и арабы[294]. Среди погибших было пять агентов Ми-5, но большинство работников секретной службы уцелели. Они выбирались, пошатываясь, из-под завалов, покрытые каменной пылью, всем своим видом призывая на террористов гнев Божий. Бен-Гурион немедленно осудил взрыв отеля; он счел, что действия Бегина несут угрозу всей еврейской общине, и Еврейское агентство вышло из Единого командования движения сопротивления.

Взрыв отеля «Царь Давид» привел к тому, что ответные действия британцев становились все более жестокими, но вместе с тем это событие в перспективе ускорило отказ Лондона от Палестинского мандата. Стычки евреев и арабов в Иерусалиме прекратились. «Ощущение было такое, — писал Амос Оз, — будто внезапно свело какой-то незримый мускул. Все пророчили войну. Иерусалим словно перегородил занавес». Евреи ждали серьезных репрессий. Гражданских служащих Британии спешно эвакуировали из города.

Крутые меры Монтгомери: дело майора Фаррана

В октябре «Иргун» взорвал Британское посольство в Риме. В ноябре в Иерусалим вновь приехал фельдмаршал Монтгомери. «Я встретил Монти на одном из вечеров Кэти Антониус», — вспоминал Насреддин Нашашиби. Фельдмаршал разрабатывал план сурового возмездия «Иргуну». Новый начальник полиции Британского мандата полковник Никол Грей набирал в новые карательные спецподразделения крепких ребят — бывших полицейских и бойцов спецназа. Типичным таким рекрутом был ирландец майор Рой Фарран, награжденный орденом «За выдающиеся заслуги» и Военным крестом, офицер ирландского спецназа, сорвиголова, в любую минуту готовый пустить в ход оружие.

Прибыв в Иерусалим, Фарран сразу попал на инструктаж в «Бевингра де», за которым последовал обед в отеле «Царь Давид». Затем Фарран с другими полицейскими-новобранцами отправился патрулировать Иерусалим в поисках подозрительных личностей, которых следовало бы допросить, если вообще не пристрелить на месте. У новых патрульных не было опыта скрытного наблюдения, они не знали местных языков и обычаев, так что неудивительно, что Фарран был до смешного не успешен в этом патрулировании, — до тех пор пока 6 мая 1947 года в квартале Рехавия его отряд не наткнулся на школьника по имени Александр Рубович, расклеивавшего листовки «Лехи». Рубович

был безоружен. Британцы затолкали его в машину, но в суматохе Фарран потерял свою фетровую шляпу, на внутренней ленте которой с ошибкой было выведено чернилами его имя «Фаран». Он надеялся, что напуганный подросток выдаст ему более крупную рыбу из «Лехи». Фарран вывез Рубовича из Иерусалима по Иерихонской дороге в горы, привязал к дереву, избивал примерно час, а затем и вовсе камнем размозжил парню голову. Тело Рубовича, скорее всего, стало добычей шакалов.

Пока встревоженный еврейский Иерусалим искал пропавшего мальчика, майор Фарран рассказал о происшествии своему начальнику в полицейской столовой в Катамоне. Затем он неожиданно исчез, бежав из Иерусалима. Сначала дело старались замять, но когда тайное стало явным, шум поднялся на весь мир. Боевики «Лехи» заявили, что будут убивать всех британских солдат подряд, пока Фарран не вернется в город. В конце концов он вернулся и сдался властям в казармах Алленби. 1 октября 1947 года Фарран предстал перед военно-полевым судом в превращенном в крепость здании суда в Тальбийе, но был оправдан за недостатком улик. Тело Рубовича так и не нашли. Два офицера ночью вывезли Фаррана в броневике из города и доставили в Газу. Члены «Лехи» поклялись убить его. В 1948 году, почти ровно через год после исчезновения Александра Рубовича, в семейный коттедж Фарранов в Стаффордшире пришла посылка на имя Р. Фаррана. Роя не было дома, и посылку вскрыл его брат, у которого был такой же инициал (его звали Рекс). Раздался взрыв — брат майора Фаррана погиб[295].

Эта история еще больше разожгла ненависть ишува к британцам. Когда британцы повесили одного из членов «Иргуна» за участие в террористических актах, Бегин взорвал клуб британских офицеров в Голдсмит-хаузе (погибли 14 человек) и устроил побег заключенных из Акрской тюрьмы. Когда двух членов «Иргуна» подвергли телесному наказанию в тюрьме, Бегин поймал и выпорол двух британских сержантов, а когда его двое боевиков были повешены в Акрской тюрьме, Бегин приказал поймать и повесить двух первых попавшихся британских солдат за «антиеврейскую деятельность».

Черчилль, в тот момент лидер британской оппозиции, назвал действия Эттли «бессмысленной и грязной войной с евреями с целью отдать Палестину арабам или вообще бог знает кому». Даже во время войны Черчилль изгонял или сурово наказывал антисемитов, занимавших высокие посты в британской администрации Палестины. Но теракты «Иргуна» и «Лехи» на фоне традиционного английского уважения к арабам и столь же традиционного антисемитизма вызывали теперь у все большего

числа британцев стойкое отвращение к евреям. Британские дезертиры, а иногда и действующие военнослужащие помогали арабским вооруженным формированиям.

Новый верховный комиссар генерал Аллан Каннингем в частной беседе называл сионизм «национализмом, замешанным на психологии евреев, подчас совершенно ненормальной и не поддающейся лечению». Генерал Баркер приказал своим подчиненным бойкотировать все еврейские рестораны, магазины и увеселительные заведения, объяснив это так: «Мы сможем ударить евреев именно там, где эта раса ощутит удар наиболее болезненно, намного более болезненно, чем любая другая раса, — ударив по их карману». Премьер-министр сделал Баркеру выговор, но ненависть уже разъела генерала изнутри. В своих любовных письмах к Кэти Антониус он выражал надежду, что арабы убьют как можно больше этих «проклятых евреев… омерзительный народ!» Послания неизменно заканчивались лирическим: «Кэти, я тебя очень люблю!»

14 февраля 1947 года уставший от кровопролития и не знающий, как решить ближневосточную проблему, Эттли согласился на отказ от британского Палестинского мандата. 2 апреля он призвал недавно созданную ООН сформировать Специальный комитет по делам Палестины (UNSCOP) для решения ее будущей судьбы. Спустя четыре месяца комитет предложил разделить Палестину на два государства — арабское и еврейское. Иерусалим получал международный статус и передавался под управление ООН. Бен-Гурион одобрил этот план, несмотря на то, что границы еще не были полностью определены. Он понимал, что Иерусалим — сердце еврейского народа, но считал его потерю в настоящий момент «платой за государственный суверенитет». Верховный арабский комитет при поддержке Ирака, Саудовской Аравии и Сирии отверг саму идею раздела, требуя признания «единой независимой Палестины». 29 ноября члены ООН должны были проголосовать за или против плана раздела. После полуночи иерусалимляне с трепетом в сердцах замерли у своих радиоприемников.

Абд аль-Кадир Хусейни: иерусалимский фронт

За резолюцию от 29 ноября 1947 года проголосовало 33 государства, включая США и СССР, против — 13. Воздержались 10, в том числе Великобритания. Хрипловатый голос из радиоприемника подвел итог: «Предложение принято». «А через две-три минуты изумления, приоткрытых, словно от жажды губ,

широко распахнутых глаз, — вспоминал Амос Оз, — разом завопила и наша забытая богом улица, расположенная на окраине квартала Керем-Авраам, на севере Иерусалима… В этом первом страшном крике… отнюдь не было радости… Это был скорее вопль ужаса и крайнего изумления, вопль катастрофы, сотрясающий камни и леденящий кровь». Однако уже через мгновение «прокатился вопль радости и счастья», и «вся толпа начала петь», танцевать и обниматься. Евреи даже целовали «потрясенных английских полицейских».

Арабы сразу же отказались признать, что у ООН есть полномочия разделить страну. 94 % земли все еще принадлежали 1,2 млн. палестинских арабов; евреев было около 600 тыс. Обе стороны готовились к войне, а еврейские и арабские экстремисты соперничали друг с другом в демонстрации первобытной дикости. Иерусалим оказался «в состоянии войны с самим собой».

Толпы арабов хлынули в еврейские кварталы, избивая прохожих, поджигая дома и громя магазины с криком «Смерть евреям!». Анвар Нусейбе, владелец старых апельсиновых рощ и нескольких особняков, адвокат с кембриджским дипломом, с грустью наблюдал за тем, как Иерусалим погружается в «пыль, шум и хаос», а «профессора, доктора и владельцы магазинов с обеих сторон вступают в перестрелки с теми, кто при иных обстоятельствах мог быть гостями у них дома».

2 декабря в Старом городе было убито трое евреев. 3-го вооруженные арабы напали на квартал Монтефиоре, а через неделю — на Еврейский квартал: 1500 евреев затаились за стенами своих домов, не отваживаясь выступить против 22 тыс. арабов. И арабы, и евреи, жившие в смешанных районах, спешно покидали свои дома. 13 декабря боевики «Иргуна» взорвали бомбу на автобусной остановке за Дамасскими воротами, убив пятерых арабов и еще больше ранив. Дядя Анвара Нусейбе чудом уцелел, но «чья-то оторванная рука, прилипшая к камням городской стены», еще долго терзала его память. В течение двух недель были убиты 74 еврея, 71 араб и 9 британцев.

7 декабря в Иерусалим для встречи с верховным комиссаром прибыл из Тель-Авива Бен-Гурион. Его конвой попал по дороге в засаду. «Хагана» призвала в свои ряды всех молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет. Арабы также готовились к войне. Различные вооруженные формирования пополняли добровольцы-иностранцы: иранцы, сирийцы, боснийцы. Некоторые из них уже имели опыт участия в боевых действиях. Прибывали и фундаменталисты-джихадисты. Самое крупное формирование — Арабская освободительная армия — насчитывало около 5 тыс. бойцов. Судя по цифрам на бумаге, численное превосходство

арабских группировок, поддержанных регулярными армиями семи арабских государств, было подавляющим. Генерал Баркер, к этому времени покинувший Палестину, в очередном письме к Кэти Антониус ликовал: «Евреи будут истреблены!» Но реальность была иной: Арабскую лигу — основанную в 1945 году организацию арабских государств, недавно ставших независимыми, — раздирали бесконечные распри. Никто из арабских лидеров не хотел ни обуздать собственные династические амбиции, ни отказаться от своих территориальных притязаний.

Абдалла, новоиспеченный хашимитский король независимой Трансиордании, все еще мечтал присоединить Палестину к своему королевству. Дамаск грезил великой Сирией. Король Египта Фарук считал себя полноправным лидером арабского мира и терпеть не мог Хашимитов — как трансиорданского Абдаллу, так и иракского Фейсала. Те же, со своей стороны, ненавидели короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза аль-Сауда, выгнавшего их из Аравии. И все арабские вожди вместе не доверяли иерусалимскому муфтию, который продолжал видеть себя главой независимого Палестинского арабского государства.

В атмосфере подобной разобщенности, вероломства и некомпетентности Иерусалим стал рождать собственных военных героев. Анвар Нусейбе, раздраженный «грязными интригами и поражениями», основал совместно с другими династическими кланами, Халиди и Даджани, комитет «Врата Ирода», целью которого была закупка вооружения. Двоюродный брат Анвара, Абд аль-Кадир Хусейни, сражавшийся против англичан в Ираке еще в 1941 году, а затем затаившийся до конца войны в Каире, возглавил штаб-квартиру объединенных арабских сил, названную Иерусалимским фронтом.

Хусейни, всегда носивший куфию и китель цвета хаки, перекрещенный пулеметными лентами, был наследником иерусалимской аристократии, сыном и внуком мэров, потомком Мухаммеда. Химик по образованию, поэт-любитель, издатель газет и, по общему мнению, мужественный воин — он стал олицетворением арабского героя. «Я был еще ребенком, — вспоминал его кузен Саид аль-Хусейни, — но мне навсегда запомнились его харизма, его притягательность, тот ореол восхищения, что окружал его везде, где бы он ни появлялся. Им восторгались все, и мал и велик». На службе у Абд аль-Кадира состоял и юный студент из Газы по имени Ясир Арафат, гордившийся тем, что его мать состоит в родстве с Хусейнидами.

Сионисты обстреливали Храмовую гору из Еврейского квартала. Арабы из квартала Катамон пытались подстрелить

мирных прохожих на еврейских улицах города. 5 января «Хагана» атаковала Катамон и разрушила отель «Семирамида», убив при этом 11 мирных арабов-христиан, не имевших никакого отношения к боевикам. Этот акт насилия ускорил исход арабов из города, хотя Бен-Гурион уволил ответственного за нападение офицера «Хаганы». Через два дня «Иргун» взорвал блокпост арабов у Яффских ворот, который блокировал доставку продовольствия в Еврейский квартал. 10 февраля 150 вооруженных ополченцев Хусейни напали на квартал Монтефиоре. Боевики «Хаганы» оказали сопротивление, но были, в свою очередь, обстреляны британскими снайперами, засевшими в отеле «Царь Давид». Один еврейский боец погиб. До конца британского правления официально оставалось еще четыре месяца, но Иерусалим уже захлестнула полномасштабная, пусть и асимметричная, война. За прошедшие с момента голосования в ООН шесть недель были убиты 1060 арабов, 769 евреев и 123 англичанина. И за каждую смерть все стороны пытались отомстить в двойном размере.

Сионисты были довольно уязвимы в Иерусалиме: 48-километровый кусок дороги из Тель-Авива проходил по арабской территории, и Абд аль-Кадир Хусейни, командовавший Иерусалимской бригадой численностью в тысячу человек — частью Армии джихада, созданной некогда муфтием, — атаковал дорогу постоянно. «Арабский план, — вспоминал Ицхак Рабин, родившийся в Иерусалиме офицер „Палмаха“, — заключался в том, чтобы заставить 90 тысяч иерусалимских евреев покориться». И этот план скоро начал работать.

1 февраля боевики Хусейни при содействии двух британских дезертиров взорвали редакцию газеты *Palestine Post*. 10 февраля они снова напали на квартал Монтефиоре, и «Хагана» смогла отбить их лишь после шестичасового боя. Британцы для защиты Монтефиоре устроили командный пункт ниже Яффских ворот. 13 февраля они арестовали четырех боевиков «Хаганы», обезоружили их, а затем выдали арабской толпе; она растерзала евреев. 22 февраля Хусейни поручил британским дезертирам устроить взрыв на улице Бен-Йегуды; погибли 52 мирных еврея. В ответ «Иргун» расстрелял десять британских солдат.

Попытка оборонять арабские зоны в Иерусалиме, вспоминал Нусейбе, «напоминала полив из прохудившегося шланга, который, залатанный в одном месте, обязательно дает течь сразу в двух других местах». «Хагана» взорвала старый замок Нусейбе. Бывший арабский мэр Иерусалима Хусейн Халиди жаловался: «Все бегут из города, мне тоже вряд ли удастся продержаться долго. Иерусалим для нас потерян. В Катамоне никого не

осталось. Шейх-Джаррах опустел. Каждый, у кого есть чековая книжка или хоть немного денег, пытается перебраться в Египет, в Ливан, в Дамаск». Зато в город хлынули потоки беженцев из арабских пригородов и окрестных деревень. Кэти Антониус уехала в Египет; ее особняк взорвали бойцы «Хаганы» — но только после того, как обыскали его и нашли ее любовную переписку с генералом Баркером. Тем не менее Абд аль-Кадиру Хусейни удалось вполне надежно отрезать еврейский Западный Иерусалим от побережья.

Евреев, так же как и арабов, не покидало чувство, будто они теряют Иерусалим. В начале 1948 года Еврейский квартал в Старом городе был осажден, и его оборону сильно затрудняло то, что множество проживавших в нем ультраортодоксальных евреев отказывались брать в руки оружие. «Что с Иерусалимом?» — спросил Бен-Гурион своих генералов, собравшихся в его тель-авивской штаб-квартире 28 марта. «Эта битва — решающая. Падение Иерусалима может стать смертельным ударом для всего ишува». В резерве у генералов имелось только 500 человек. Евреи находились в обороне с момента голосования ООН, но теперь Бен-Гурион, наконец, приказал осуществить операцию «Нахшон», чтобы освободить дорогу Тель-Авив — Иерусалим и начать более масштабное наступление (план «Д»). Целью операции было защитить территории, отведенные евреям резолюцией ООН, но также и Западный Иерусалим. «Этот план, — пишет историк Бенни Моррис, — прямо призывал к разрушению оказывающих сопротивление арабских деревень и изгнанию их жителей», однако «нигде в этом документе не говорится о намерении или хотя бы желании изгнать всех арабов, живущих в Палестине». В одних случаях палестинцы остаются в своих домах, в других — их изгоняют.

Деревня Кастель была одной из тех, что обеспечивали контроль над дорогой, ведущей в Иерусалим с побережья. В ночь на 2 апреля «Хагана» захватила Кастель, но Хусейни сосредоточил своих боевиков (включая иракских добровольцев), твердо решив отбить деревню. Впрочем, и он, и Анвар Нусейбе прекрасно сознавали, что нуждаются в помощи. Они срочно обратились в Дамаск с просьбой о том, чтобы им выделили несколько артиллерийских орудий, но испытали глубокое разочарование из-за некомпетентности и интриг генералов Арабской лиги. «Раз вы сдали Кастель, — сказал иракский командующий, — то и вернуть его — ваше дело, Абд аль-Кадир». «Дайте нам оружие, которое я прошу, и мы вернем его», — с трудом сдерживаясь, ответил Хусейни. «А в чем проблема, Абд аль-Кадир? У вас что, совсем нет пушек?» — спросил генерал. Хусейни взорвался: «Вы предатели!

История запомнит, что из-за таких, как вы, мы потеряем Палестину. Мы с моими моджахедами отобьем Кастель или умрем!» В ту же ночь он написал стихотворение для своего семилетнего сына Фейсала, которому по прошествии десятилетий суждено было стать палестинским «министром по делам Иерусалима» в администрации Ясира Арафата:

Это земля храбрецов, земля наших предков,
У евреев нет права на эту землю.
Разве могу я спать спокойно, когда враг владеет ею?
Мое сердце болит и горит, отчизна зовет меня!

Следующим утром командующий уже был в Иерусалиме и собирал свое войско.

Оружейный салют на Хараме: Абд аль-Кадир Хусейни

7 апреля Абд аль-Кадир повел 300 бойцов и трех британских дезертиров на Кастель. В 11 часов вечера они атаковали деревню, но были отброшены. На рассвете следующего дня Хусейни пошел на передовую, чтобы сменить раненого офицера. Стоял густой туман, и когда его маленький отряд приближался к селению (не зная твердо, где именно проходит линия фронта), часовой «Хаганы», подумав, что слышит шаги еврейского подкрепления, крикнул на арабском жаргоне: «Здорово, парни!» «Привет, ребята!» — откликнулся Хусейни по-английски. Бойцы «Хаганы» часто говорили по-арабски, но никогда — по-английски. Часовой почувствовал опасность и выпустил автоматную очередь. Одна пуля попала в Хусейни. Его товарищи бежали, бросив командира. «Воды, воды», — тщетно просил раненый. Несмотря на помощь, которую оказал ему еврейский врач, Хусейни умер. Золотые часы и пистолет с рукояткой из слоновой кости дали понять бойцам «Хаганы», что это какой-то высокопоставленный араб. Но кто именно?

Однако вскоре «Хагана» перехватила радиопереговоры арабов, обсуждавших, как им вернуть тело убитого командира. Стало также известно, что командование принял его брат Халид. Весть о смерти Хусейни распространилась со скоростью ветра. К деревне Кастель отовсюду устремились арабские ополченцы — кто на автобусе, кто на грузовике, а кто и на осле. Они отбили деревню. Бойцы «Палмаха», не желая отступать, гибли на позициях. Арабы убили 50 евреев, захваченных в плен, и изуродовали их тела. И — вместе с телом Хусейни — они вернули

себе ключи от Иерусалима.

«Какой печальный день! Его мученическая кончина повергла в уныние всех, — записывает в своем дневнике Вазиф Джавгарийе. — Воин патриотизма и арабской доблести!» В пятницу 9 апреля «никто не остался дома. Все вышли, чтобы присоединиться к погребальной процессии. Я тоже был на похоронах», — рассказывает Вазиф. Тридцать тысяч скорбящих — арабские боевики, потрясающие своими винтовками, легионеры из Трансиордании, крестьяне, представители старых кланов — присутствовали на погребении Хусейни. Он был похоронен на Храмовой горе рядом с могилами своего отца и короля Хусейна в иерусалимском Арабском пантеоне. Раздался залп из одиннадцати орудий; вооруженные арабы в яростном отчаянии начали палить в воздух, и один из свидетелей даже заверял, что от шальных пуль тогда погибло больше людей, чем при штурме Кастеля. «Пальба стояла такая, словно шел бой. Колокола звонили, повсюду слышались крики, требования мести; все ждали нападения сионистов», — вспоминал Анвар Нусейбе. Арабские боевики так желали проводить в последний путь своего командира, что не оставили в Кастеле даже минимальной охраны. И «Палмах» стер деревню с лица земли.

Пока хоронили Хусейни, 120 боевиков «Иргуна» и «Лехи» совместно атаковали арабскую деревню Дейр-Ясин чуть западнее Иерусалима, учинив там самые постыдные жестокости из всех, какие лежат на совести евреев в той грязной войне. У боевиков был специальный приказ: не причинять вреда женщинам, детям и пленным. Однако войдя в деревню, они сразу попали под обстрел. Четверо еврейских бойцов были убиты на месте, несколько десятков ранены. Атакующие начали забрасывать гранатами дома и убивать всех жителей подряд — мужчин, женщин и детей. Споры о количестве жертв ведутся до сих пор: по разным подсчетам, убито было от 100 до 254 человек, включая несколько семей целиком. Выживших провезли в грузовиках по Иерусалиму, и лишь после этого «Хагана» освободила их.

«Иргун» и «Лехи», конечно же, сознавали, что столь откровенная бойня ужаснет многих мирных арабов и побудит их к бегству. Командир «Иргуна» Бегин, отрицавший, что имели место какие-либо военные преступления, одновременно считал, что «легенда о Дейр-Ясине, можно сказать, приобрела Израилю еще полдюжины батальонов. Паника обуяла всех арабов». Бен-Гурион счел нужным принести извинения королю Абдалле. Тот их не принял.

Месть арабов не заставила себя ждать. 14 апреля к больнице «Хадасса» на горе Скопус отправилась колонна санитарных

машин и грузовиков с продовольствием. Американка Берта Спаффорд наблюдала, как «сотни полторы мятежников, вооруженных всеми видами оружия — от древних мушкетонов и кремневых ружей до самых современных автоматов „брен“ и пулеметов „стен“, — затаились в кактусовых зарослях на территории Американской колонии. Их лица искажали ненависть и жажда мщения, — писала Спаффорд. — Я вышла и подошла к ним. Я сказала: „Стрелять из Американской колонии — все равно что стрелять из мечети“». Но они не обратили внимания на слова Берты и пригрозили убить ее, если она не уберется восвояси. Прежде чем вмешались британцы, 77 евреев, в основном врачи и медсестры, были убиты и еще 20 ранены. «Если бы не британские солдаты, — заявил Верховный арабский комитет, — мы не оставили бы в живых ни одного еврея». Вооруженные арабы обезображивали тела убитых и фотографировали друг друга на фоне трупов, распластанных в жутких позах. Эти отвратительные снимки потом продавались в Иерусалиме в качестве открыток.

Дейр-Ясин стал одним из самых известных событий той грязной войны, потому что был сделан ключевой темой массированной арабской пропаганды, которая во всех красках расписывала и раздувала зверства евреев. Эта пропагандистская кампания была призвана укрепить дух сопротивления, но достигла совершенно противоположного результата — вызвала настоящий психоз в арабской среде. Если с декабря до марта свои дома покинули 75 тыс. арабов, то за два месяца после Дейр-Ясина из страны бежали уже 390 тыс. палестинцев. Вазиф Джавгарийе, живший с женой и детьми в Западном Иерусалиме, неподалеку от отеля «Царь Давид», разделял взгляды и настроения простых арабов. Свои переживания он описал в дневнике — уникальном и еще мало изученном источнике.

«Я пребывал в очень тяжелом состоянии, — писал он в середине апреля, — подавленный физически и морально настолько, что даже забросил службу в британской администрации и сидел дома, пытаясь решить, что же делать». Вазиф называет причины, побудившие его покинуть собственный дом. Первая из них — опасное местоположение жилища, «которое простреливалось и арабами от Яффских ворот, и евреями из квартала Монтефиоре, и англичанами из полицейского управления: стрельба не затихала ни днем, ни ночью, так что трудно было даже добираться до дома. Стычки между арабами и евреями, подрывы зданий вокруг нашего дома не прекращались». Британцы, обстреливая квартал Монтефиоре, снесли верх мельницы Мозеса. Но толку все равно не было никакого. Еврейские снайперы из Монтефиоре «стреляли в каждого, кто

проходил по улицам. Мы уцелели только чудом». Вазиф обдумывал, как спасти свою коллекцию керамики, дневники и любимый уд. Его здоровье ухудшилось: «Я так ослабел, что не мог сжать руку в кулак. Доктор сказал: надо уезжать». Семья долго спорила: «Что будет, когда действие Мандата закончится? Под чьей властью — арабов или евреев — мы останемся?» Сосед, французский генеральный консул, обещал Вазифу защитить и его дом, и коллекцию. «Даже если нам не суждено вернуться», размышлял Вазиф, все равно надо было паковать чемоданы, чтобы спасти себя и детей: «Мы думали, что покинем дом недели на две, не больше, потому что были уверены, что в скором времени семь [!] арабских армий вступят в страну не для ее захвата, а для ее освобождения, и вернут ее народу. И этим народом были мы!»

Вазиф уехал в последние дни действия Британского мандата… уехал навсегда. Его история — это история многих палестинцев. Некоторые были изгнаны насильно, другие сами уехали от войны в надежде на скорое возвращение — но примерно половина осталась, чтобы стать израильскими арабами, гражданами нееврейского происхождения в стране сионистской демократии. В общей сложности 600–750 тыс. арабов покинули и потеряли свои дома. Они называют этот исход Накба — «катастрофа» или «потрясение».

Бен-Гурион вызвал в Тель-Авив главу Иерусалимского чрезвычайного комитета Дова Йозефа, чтобы решить вопрос поставки продуктов в голодающий город. 15 апреля конвои прорвали блокаду, и продовольствие понемногу потекло в Иерусалим. 20 апреля Бен-Гурион решил лично поехать в город, чтобы отпраздновать Пасху вместе с еврейскими бойцами. Против этой «игры на публику» резко выступил Ицхак Рабин — командир бригады «Харель», входящей в «Палмах». Вскоре после того как конвой, сопровождавший бронированный автобус, в котором ехал Бен-Гурион, тронулся в путь, на него напали арабы. «Я даже приказал вывести из укрытия два похищенных у британцев броневика и послать им на подмогу», — рассказывал потом Рабин. Двадцать человек было убито — но продукты и Бен-Гурион все же были доставлены в еврейскую часть Иерусалима. Он наблюдательно, но с мрачным юмором описал население города: «20 процентов нормальных людей, 20 процентов привилегированных (университет и т. п.), 60 процентов очень странных (провинциальных, каких-то средневековых)» — под последними он имел в виду хасидов.

Дни британского правления истекали. 28 апреля Рабин захватил арабский квартал Шейх-Джаррах, цитадель

иерусалимских кланов, но британцы принудили его отступить. Когда пришла пора прощаться с Британским мандатом, евреи удерживали западную часть города, арабы — Старый город и восточные районы. В пятницу 14 мая в восемь часов утра последний Верховный комиссар Палестины Каннингем, одетый в парадную форму, вышел из Правительственной резиденции, дал смотр почетному караулу, сел в свой бронированный «даймлер» и укатил в отель «Царь Давид» — в последний раз проинспектировать свои вооруженные силы.

51. Еврейская независимость, арабская катастрофа
1948–1951 гг.

Британцы уходят. Бен-Гурион: «Мы сделали это!»

Генерал Каннингем уезжал из Иерусалима по обезлюдевшим улицам: на глаза ему попались лишь несколько арабских детей. Британские военные расставили пулеметы на всех углах. При виде быстро пронесшегося «даймлера» юные зрители «захлопали в ладоши, а один отдал честь. В ответ ему тоже была отдана честь». Из аэропорта «Каландия» верховный комиссар вылетел в Хайфу, откуда, уже ночью, отплыл в Англию.

Британские войска эвакуировали свой гарнизон из «Бевинграда» на Русском подворье: 250 грузовиков и танков прогромыхали по улице короля Георга V под взглядами безмолвствовавшей еврейской толпы. Тотчас же началась борьба за британское наследие. Боевики «Иргуна» пошли на штурм Николаевского подворья. Пули свистели и рикошетили по всему городу. Нусейбе бросился в Амман умолять короля Абдаллу спасти Иерусалим, который «однажды уже был разграблен крестоносцами» и которому вновь угрожало разграбление. Король обещал помочь.

В четыре часа пополудни 14 мая 1948 года Ицхак Рабин и солдаты «Палмаха», охранявшие «иерусалимский коридор», услышали по радио заявление Давида Бен-Гуриона, председателя Еврейского агентства. Стоя в зале одного из тель-авивских особняков под портретом Герцля, в присутствии двух с половиной сотен людей, Бен-Гурион зачитал Декларацию независимости: «Мы, члены Народного совета, представители еврейского населения страны Израиля и сионистского движения… настоящим провозглашаем создание еврейского государства — Государства Израиль». Он и его сторонники долго спорили, какое название должно получить еврейское государство. Одни высказывались за Иудею или Сион, но эти имена ассоциировались с Иерусалимом, а сейчас сионисты пытались удержать в руках хотя бы его часть. Другие предлагали назвать государство Иврией или Герцлией. Но Бен-Гурион высказался за Израиль, и с этим предложением согласились все: «В земле Израиля возник еврейский народ». Собравшиеся запели национальный гимн «ха-Тиква» («Надежда»):

Еще не погибла наша надежда
Надежда, которой две тысячи лет
Быть свободным народом на своей земле
В стране Сиона и Иерусалима

Бен-Гурион улыбался журналистам: «Мы сделали это!» — но от откровенного ликования воздержался. Бен-Гурион неоднократно соглашался на раздел Палестины на два государства, но на сей раз евреям предстояло отразить вторжение сразу нескольких регулярных арабских армий, и никто не мог сказать, удастся ли это новорожденному государству. Кроме того, взгляды Бен-Гуриона заметно изменились с 1920-х — начала 1930-х годов, когда он мечтал об общей с арабами социалистической Палестине или федеративном государстве. Ныне, даже перед лицом тотальной войны, он не собирался делить землю Израиля ни с кем.

На иерусалимском фронте солдаты Рабина из бригады «Харель» слишком устали, чтобы слушать выступление Бен-Гуриона. «Эй, парни, выключите его! — попросил один из них. — Я до смерти хочу спать. Отложим разговоры на завтра!» «Кто-то встал и повернул ручку приемника. Повисла тяжелая тишина, — вспоминал Рабин. — Я хранил молчание, подавляя нахлынувшие эмоции». К слову сказать, большинство иерусалимлян также не слышали Декларацию в прямом эфире, потому что арабы отключили электричество.

Через 11 минут президент Трумэн объявил о том, что США де-факто признают Израиль. Под влиянием Эдди Джейкобсона он уже раньше неофициально заверил Вейцмана, что поддержит раздел Палестины. Но Трумэн с трудом справлялся с собственной администрацией, когда дипломаты ООН пытались отсрочить этот раздел. Госсекретарь США Джордж Маршалл, бывший во время Второй мировой войны начальником генштаба, открыто возражал против признания Израиля. Однако Трумэн все же поддержал создание нового государства, а Сталин стал первым, кто признал Израиль де-юре.

В Нью-Йорке Вейцман, уже почти слепой, обрадованный провозглашением независимости, но чувствовавший себя забытым и покинутым, ждал в своем номере отеля «Уолдорф Астория», когда Бен-Гурион предложит ему стать первым президентом Израиля. Трумэн предложил Вейцману нанести первый официальный государственный визит в качестве президента Израиля в Белый дом. Позднее, когда Эдди Джейкобсон выразил американскому президенту признательность

за «помощь в создании Израиля», Трумэн ответил: «Помощь в создании? Да я же царь Кир! Я настоящий царь Кир!» А когда его благодарил главный раввин Израиля, на глазах Трумэна показались слезы. Президент Вейцман направился в Израиль, опасаясь, что «еврейские святилища в Иерусалиме, пережившие варваров Средневековья, ныне пребывают в плачевном состоянии».

В Иерусалиме Анвар Нусейбе и некоторое число ополченцев, в основном из бывших полицейских, делали все что в их силах, чтобы удержать Старый город до прихода арабских армий. Нусейбе был ранен в бедро, и ему ампутировали ногу. Но партизанской войне пришел конец. В войну вступали регулярные армии, и положение Израиля было крайне тяжелым. Пять армий Лиги арабских государств — Египта, Трансиордании, Ирака, Сирии и Ливана — вторглись в Израиль с очень простой миссией: истребить всех евреев. «Это будет война на уничтожение, — заявил генсек Лиги Аззам-паша, — это будет великое побоище, о котором станут рассказывать так же, как рассказывают о резне, учиненной монголами или крестоносцами». Командующие арабских армий были уверены в себе — даже слишком уверены. Свыше тысячи лет евреи были жителями исламских империй: иногда к ним относились терпимо, иногда подвергали гонениям, но они всегда оставались покорными и смиренными. «Арабы считали себя великими воинами, а евреев — народом лавочников, — вспоминал генерал Джон Глабб, английский командующий Арабским легионом короля Абдаллы. — Египтяне, сирийцы и иракцы полагали, что им не составит труда разгромить евреев». Рвение джихада смешивалось с надменным национализмом. Арабы и помыслить не могли, что евреи осмелятся противостоять их армиям, а многие джихадистские группировки, сражавшиеся вместе с регулярными войсками, издавна были проникнуты фанатическим антисемитизмом. Половину египетских сил составляли моджахеды «Братьев-мусульман». В их числе был и Ясир Арафат.

Однако интервенция с ее кровожадными надеждами и политическим цинизмом обернулась бедствием для палестинцев: она помогла выковать больший по площади и более сильный Израиль, чем тот, что мог бы сформироваться без этой войны. Теоретически общая численность арабских сил составляла 165 тыс. человек. Но они были настолько плохо организованы, что в мае арабы смогли вывести на поле боя лишь около 28 тыс. солдат — то есть примерно столько же, сколько израильтяне. Поскольку самым боеспособным соединением был признан 9-тысячный обученный британцами Арабский легион Абдаллы,

король и был официально назначен Верховным командующим вооруженных сил Арабской лиги.

Стоя на мосту Алленби и вытащив пистолет, Абдалла выстрелил в воздух и воскликнул: «Вперед!»

Абдалла Нетерпеливый

Король Абдалла «любил посмеяться и был открыт в общении». Мы покинули его в тот момент, когда он получил от Уинстона Черчилля свое пустынное королевство. По описанию Лоуренса Аравийского, Абдалла был «невысокий, крепкий, светлокожий шатен с аккуратно подстриженной бородой, словно компенсировавшей слишком выраженную округлость гладкого лица с необычно узким ртом». Жизнь его изобиловала приключениями, и он не раз поражал Лоуренса своим пренебрежением к условностям и эпатирующими поступками: «Однажды Абдалла трижды выстрелил по кофейнику, который трижды ставили на голову какого-то придворного чудака, и трижды сбил его с расстояния двадцати метров». Как представитель рода хашимитов, этот потомок Мухаммеда в 37-м поколении позволял себе поддразнивать улемов: «Разрешено ли любоваться красивой женщиной?» — спрашивал он муфтия. «Большой грех, Ваше Величество». «Да, я знаю, в Коране сказано: „Если увидишь женщину, отведи глаза свои“. Но ведь ты не можешь отвести глаза, пока не посмотрел на нее!» Абдалла был гордым бедуином, рожденным в Османской империи; уже подростком он командовал армиями и был «мозгом» Великого арабского восстания. Амбиции Абдаллы были беспредельны, и всего, что он хотел, он хотел немедленно. Недаром он заслужил прозвище Нетерпеливый. Но ждать Иерусалима ему пришлось долго.

«Он не только солдат и дипломат, но и классически образованный ученый», — отзывался о нем Рональд Сторрз, запомнивший впечатление, которое Абдалла произвел на него, когда «нараспев декламировал „Семь од“ доисламской поэзии». Британский посол в Аммане Алек Кёркбридж называл его «королем с искрой в глазах». В роли политика Абдалла любил острое словцо. Однажды его спросили, когда он наконец примет дипломата, который ему очень не нравился. «Когда мой мул ожеребится», — ответил Абдалла.

Но теперь, с образованием независимого Израиля, мул ожеребился, и Абдалла совершенно трезво оценивал силы сионистов, цитируя турецкую поговорку: «Доведется встретить

медведицу на узкой тропинке, называй ее: дорогая тетушка». На протяжении ряда лет он часто беседовал с Вейцманом и еврейскими коммерсантами, предлагая им «национальный очаг» под своей эгидой в обмен на согласие признать его королем Палестины. Абдалла часто бывал в Иерусалиме и встречался там со своим союзником Раджибом Нашашиби, но терпеть не мог муфтия и считал, что сионизм с каждым годом усиливается во многом благодаря «именно таким вот арабским партизанам, которых никогда не устроит ни одно решение».

Король вел тайные переговоры с сионистами о заключении пакта о ненападении: он намеревался лишь занять земли на западном берегу Иордана, отведенные ему согласно плану раздела ООН, пообещав при этом не нарушать ооновские границы еврейского государства. Британцы дали на это согласие. «Я не хочу создавать новое арабское государство, которое позволило бы арабам ездить на мне, — говорил он Голде Меерсон (позже Меир), которая по заданию Бен-Гуриона тайно приезжала в Амман на секретные переговоры с королем. — Я хочу быть наездником, а не конем». Но теперь кони понесли: после «грязной войны», и в особенности после Дейр-Ясина он чувствовал себя обязанным воевать с евреями. При этом другие арабские государства хотели обуздать амбиции Абдаллы не меньше, чем спасти Палестину от евреев, а египтяне и сирийцы к тому же планировали отгрызть от Палестины собственные куски.

Глабб-паша, отдавший всю жизнь делу создания боеспособной хашимитской армии, берег своих солдат и рисковать ими без особой нужды не хотел. Арабский легион Абдаллы осторожно продвигался через Иудейские горы к Иерусалиму, еврейские пригороды которого уже атаковала партизанская Арабская освободительная армия.

Однако 16 мая «Хагана» захватила полицейский участок в квартале Меа-Шеарим и весь квартал Шейх-Джаррах, а также весь Новый город южнее стен и былые оплоты британцев в центре — Русское подворье и здание YMCA. «Мы заняли почти весь Иерусалим, не считая „Августы Виктории“ и Старого города», — заявил ошеломленный Бен-Гурион. «SOS! Евреи у наших стен!» — Анвар Нусейбе бросился к королю умолять его о вмешательстве. Абдалла всегда помнил о своей роли в истории: «Хвала Аллаху, я — мусульманский правитель, хашимитский король, и отец мой был королем всех арабов». Он передал своему командующему: «Мой дорогой Глабб-паша, всем хорошо известно, сколь важен Иерусалим для арабов-мусульман и арабов-христиан. Любое бедствие, перенесенное жителями города, оказавшегося в руках евреев, будет иметь для нас далеко идущие последствия. Все, что

мы имеем сегодня, мы должны сохранить — Старый город и дорогу на Иерихон. Я прошу вас исполнить это так быстро, как только возможно, дорогой мой».

Абдалла: битва за Иерусалим

Королевские «войска были преисполнены ликования; многие транспортные средства были украшены ветками или букетами розовых олеандровых цветков». Двигавшийся к Иерусалиму Арабский легион «более напоминал карнавальное шествие, чем армию, идущую на войну», — вспоминал Глабб. 18 мая первые легионеры заняли позиции вокруг стен Старого города, откуда, как писал Глабб, «почти 1900 лет тому назад сами иудеи метали свои дротики в приближавшиеся легионы Тита». Король «сильно тревожился, как бы евреи не заняли весь Старый город, а особенно Харам, где был похоронен его отец Хусейн, последний король Хиджаза». Части Глабба прорвались через занятый израильтянами Шейх-Джаррах к Дамасским воротам.

В Старом городе сначала ополченцы, а затем арабские легионеры окружили Еврейский квартал, оплот старейших еврейских семейств Палестины, среди которых было много престарелых хасидских ученых. Квартал обороняли всего 190 бойцов «Хаганы» и «Иргуна». Рабин пришел в ярость, узнав, что для спасения Старого города были выделены такие малые силы. «Разве только такие силы еврейский народ может мобилизовать для освобождения своей столицы?» — кричал он на командующего частями «Хаганы» в Иерусалиме Давида Шалтиэля.

Рабин предпринял безуспешный штурм Яффских ворот. Одновременно другие еврейские части прорвались в Старый город через Сионские ворота и попытались удержать их. 80 палмахников присоединились к защитникам ворот, но потом укрепление все же пришлось отдать. К этому времени к Старому городу уже подтянулся весь Арабский легион. Битва за Старый город была отчаянной. «Бои велись, — свидетельствовал Глабб, — за каждое помещение, во всех темных коридорах, на крошечных лестницах, ведущих во внутренние дворы, и даже в подвалах». Наконец он отдал приказ приступить к методичной зачистке Еврейского квартала, последовательно вытесняя его защитников и захватывая их позиции. Раввины молились о помощи Господа. Бен-Гурион был в бешенстве: «Иерусалим может пасть в любую минуту! Атакуйте любой ценой!»

26 мая легионеры захватили площадь Хурва и взорвали динамитом стоящие на ней синагоги. Через два дня «двое старых

раввинов с согбенными от возраста спинами вышли по узкому переулку к арабам с белым флагом», — рассказывал Глабб. На других рубежах этого крошечного театра войны, но всего в нескольких сотнях метрах оттуда, Рабин наблюдал такую же «мрачную сцену» с горы Сион. «Я был в ужасе», — признавался он позднее. 39 из 213 защитников были убиты, 134 ранены. «Так город Давида был захвачен врагом, — вспоминал Бегин. — Горе охватило нас». Глабб пребывал в приподнятом настроении: «Я очень люблю Иерусалим. Библия оживает перед нашими глазами». Однако он приказал разгромить Еврейский квартал: 22 из 27 его синагог были разрушены. И вновь со времен мусульманского завоевания в 1187 году евреи лишились доступа к Западной стене.

Полицейский форт Латруна, переданный британцами Арабскому легиону, Глабб использовал для блокады дороги в Западный Иерусалим. Бен-Гурион неоднократно приказывал захватить Латрун, однако все атаки евреев были отбиты. Иерусалимские евреи, и так уже жившие в подвалах, голодали до тех пор, пока израильтяне не освоили новый маршрут для поставок в город продовольствия — так называемую «Бирманскую дорогу» (Дерех Бурма), проходившую южнее, в стороне от Латруна.

11 июня посредник ООН граф Фольке Бернадот, внук шведского короля, участвовавший в переговорах с Гиммлером по спасению евреев в последние месяцы войны, добился договора о арабо-израильском перемирии. Он предложил новый вариант раздела, по которому весь Иерусалим отходил королю Абдалле. Израиль отверг этот план. Между тем Бен-Гуриону пришлось подавить бунт в собственных рядах: Менахем Бегин, давший согласие на слияние «Иргуна» с регулярной армией новосозданного государства, попытался все же наладить собственный контрабандный канал поставки оружия по морю. Корабль «Альталена» с контрабандным грузом подошел к берегам Израиля, но Бен-Гурион после долгих переговоров приказал израильской артиллерии потопить корабль. Бегин, решив не развязывать гражданскую войну, вышел из подполья на открытую политическую арену.

Когда срок перемирия Бернадота истек, военные действия возобновились. На следующий день прилетел египетский «спитфайр» и сбросил бомбы на Западный Иерусалим. Воодушевленные этой поддержкой, легионеры атаковали Новый город со стороны Сионских ворот и стали продвигаться к церкви Нотр-Дам. «Обернувшись, они могли видеть Купол Скалы и аль-Аксу, — писал Глабб. — Они сражались на путях Господних», а

израильтяне тем временем вновь пытались отбить Старый город.

«Сможем ли мы удержать Иерусалим?» — спросил Абдалла у Глабба.

«Они никогда не захватят его вновь, Ваше Величество!»

«Если вам в какой-то момент покажется, что евреи все же могут отбить Иерусалим, тут же скажите мне, — приказал король. — Я пойду туда и умру на стенах города». Израильская контратака провалилась, но силы Израиля росли: новое государство могло теперь выставить 88 тыс. бойцов против 68 тыс. у арабов.

За десять дней до заключения второго перемирия израильтяне захватили Лидду и Рамлу. Первый план Бернадота привел сионистов в такую ярость, что шведу теперь не оставалось ничего иного, как предложить интернационализировать Иерусалим. 17 сентября граф пожаловал в Святой город. Но экстремисты из «Лехи» под началом Ицхака Шамира (через много лет он станет израильским премьер-министром) решили уничтожить и шведа, и его планы. Когда Бернадот из своей штаб-квартиры в Правительственной резиденции поехал через Катамон в Рехавию на встречу с мэром израильской части города Довом Йозефом, его джип остановили на блокпосту для досмотра. Из стоящего неподалеку другого джипа выскочили трое боевиков с автоматами. Двое открыли огонь по колесам, а третий смертельно ранил Бернадота выстрелом в грудь, после чего нападавшие скрылись. Граф умер в больнице «Хадасса». Взбешенный Бен-Гурион приказал распустить «Лехи», но убийц так и не нашли.

Абдалла закрепился в Старом городе. На Западном берегу Иордана король удерживал южные районы, иракцы заняли север. На южных подступах к Иерусалиму уже был виден египетский авангард. В середине сентября Лига арабских государств признала палестинское «правительство» с штаб-квартирой в Газе; его возглавил муфтий, министрами стали члены иерусалимских кланов[296]. Но когда перемирие закончилось, израильтяне быстро разгромили египтян, захватив к тому же всю пустыню Негев. Униженные поражением египтяне отослали муфтия обратно в Каир. Его политической карьере пришел конец.

В конце ноября 1948 года подполковник Моше Даян, теперь командующий израильскими частями в Иерусалиме, согласился на перемирие с иорданцами. В первой половине 1949 года Кнессет, израильский парламент, собравшийся в здании Еврейского агентства на улице короля Георга V, избрал Хаима Вейцмана президентом государства Израиль. Но это был представительский, церемониальный пост, и очень скоро 75-

летний Вейцман почувствовал, что премьер-министр Бен-Гурион и другие члены правительства полностью им пренебрегают. Удрученный своей ролью, Вейцман с горькой самоиронией называл себя «узником Реховота» — города, в котором он основал Институт естественных наук, ныне носящий его имя. И хотя его официальная резиденция находилась в Иерусалиме, он «сохранял предубеждение по отношению к этому городу»: «Даже теперь я чувствую себя в нем неуютно». Вейцман умер в 1952 году.

Согласно договору о прекращении военных действий, подписанному в апреле 1949 года под контролем представителей ООН, разместившихся в британской Правительственной резиденции, Иерусалим все же был разделен. Израиль получил западную часть города с отдельным островком — горой Скопус, Абдалла сохранил за собой Старый город, Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан. Договор обещал иудеям доступ к Стене, на кладбище на Масличной горе и к гробницам в Кедронской долине. Но этот пункт соглашения не выполнялся, и евреев не подпускали к Стене в течение 19 последующих лет[297], а надгробия на их кладбищах постоянно осквернялись.

И израильтяне, и Абдалла в равной мере боялись потерять свои части Иерусалима. ООН настаивала на продолжении обсуждения интернационального статуса города, а пока что обе стороны занимали Иерусалим как бы полулегально, и всего два государства официально признали за Абдаллой право владения Старым городом. Вейцмановский начальник штаба Джордж Вейденфельд, начальник канцелярии Вейцмана, родившийся в Вене и выросший в Лондоне молодой сионист, хозяин собственного издательского дома в Лондоне, развернул кампанию, призванную убедить мир в том, что Западный Иерусалим должен принадлежать Израилю.

11 декабря Иерусалим был провозглашен столицей Израиля.

Главным победителем с арабской стороны был Абдалла Нетерпеливый. Спустя 32 года после Арабского восстания он наконец заполучил Святой город: «Никто не отнимет у меня Иерусалим, пока я не буду убит».

52. Разделенные
1951–1967 гг.

Король иерусалимский: кровь на храмовой горе

«Укрепленная полоса проволочных заграждений с минными полями, огневыми точками, наблюдательными пунктами рассекла весь город, — писал Амос Оз. — Бетонный занавес опустился и отделил нас от квартала Шейх-Джаррах, от других арабских кварталов Иерусалима». Часто звучали снайперские выстрелы: в 1954 году они стали смертельными для девяти человек, 54 человека были ранены. Даже попытки сторон сотрудничать были мучительны: в 1950 году ООН пришлось посредничать в вопросе о кормлении тигра, льва и двух медведей в Библейском зоопарке на принадлежащей Израилю горе Скопус. Официально было заявлено следующее: «Решение надлежит принять исходя из двух возможностей: 1) на израильские деньги следует купить арабского осла, чтобы скормить его израильскому льву или 2) израильский осел должен быть пропущен через территории, принадлежащие Иордании, чтобы он мог быть съеден упомянутым львом». В итоге животные были перемещены в составе конвоя ООН через иорданскую территорию в Западный Иерусалим.

Семейство Нусейбе за колючей проволокой глубоко переживало «Катастрофу» (Накбу): «У меня случился нервный срыв», — признавался Хасим Нусейбе. А его племяннику Сари недоставало столь привычной прежде картины «английских и арабских аристократов, развязных парвеню, торговцев из среднего класса, дам полусвета, обслуживающих солдат, богатого сплава смешанных культур, епископов, мусульманских имамов и чернобородых раввинов, наполнявших одни и те же улицы».

В ноябре Абдалла был коронован королем Иерусалимским (как ни странно, церемонию провел коптский епископ). Он стал первым королем со времен Фридриха II, получившим в управление Святой город. А 1 декабря Абдалла самолично провозгласил себя в Иерихоне королем Палестинским и переименовал свою Трансиорданию в Соединенное Королевство Иорданию. Хусейниды и арабские националисты обвиняли Абдаллу за его политику компромисса и не могли простить ему то, что он — единственный из арабских лидеров — преуспел в результате палестинской Катастрофы.

Король обратился к старым кланам Иерусалима, чье положение теперь весьма заметно поправилось. Он предложил Раджибу Нашашиби пост премьера Иордании. Нашашиби отказался, но согласился войти в кабинет министров. Король назначил также Раджиба губернатором Западного берега, хранителем Двух Харамов (Иерусалимского и Хевронского), подарил ему автомобиль «студебеккер» и пожаловал титул Раджиб-паша[298]. (Иорданцы всё еще получали османские титулы в 1950-х годах.) Франтоватый племянник Раджиба Насреддин Нашашиби стал королевским камергером. Ненавистного же муфтия Абдалла сместил с должности и назначил на его место шейха Хусама аль-Джараллу — того самого, которого обошли с этим званием в 1921 году.

Абдаллу не раз предупреждали о том, что против него замышляются заговоры и готовятся покушения. Но король неизменно отвечал: «Пока мои дни не сочтены, никто не сможет причинить мне вреда; когда же срок, отмеренный мне, истечет, никто не сможет меня защитить». Все эти опасности не омрачали радость и гордость 69-летнего короля от сознания того, что он владеет Святым городом. «Когда я был маленьким, — вспоминал его внук Хусейн, — дедушка часто повторял мне, что Иерусалим — один из самых красивых городов на свете». И с течением времени Хусейн видел, что любовь деда к этому городу становится только сильней. Абдалла разочаровался в своем старшем сыне Талале, но внука обожал, баловал и растил из него будущего короля. В школьные каникулы дед с внуком завтракали вместе каждый день: «Я заменил ему сына», — писал Хусейн.

В пятницу 20 июля 1951 года король Абдалла вместе с внуком отправился в Иерусалим. Он велел 16-летнему Хусейну, воспитаннику английской школы Хэрроу, надеть военную форму и все медали. Перед отъездом король сказал внуку: «Дитя мое, однажды тебе придется взять ответственность на себя, — и добавил: — Когда придет мой час, я хотел бы быть убитым выстрелом в голову. Это лучше всего». По дороге в Святой город дед с внуком сделали остановку в Наблусе ради встречи с двоюродным братом бывшего муфтия, Мусой аль-Хусейни. Глубоко поклонившись королю, Муса заверил Абдаллу в своей верности.

В Иерусалим на пятничную молитву король прибыл прямо перед полуднем. Его сопровождали внук, Глабб-паша, королевский камергер Насреддин Нашашиби и Муса Хусейни. Угрюмая толпа на Хараме выглядела не слишком радостной, а охрана короля из арабских легионеров была столь многочисленной, что Хусейн пошутил: «Это что — похоронная

процессия?» Абдалла посетил могилу отца, затем проследовал в аль-Аксу и велел охране держаться немного поодаль. Но Муса Хусейни остался поблизости от короля. На пороге аль-Аксы перед Абдаллой склонился шейх мечети, целуя королевскую руку. В то же мгновение из-за створки двери появился молодой человек. Подняв пистолет, он приставил дуло прямо к уху короля и выстрелил. Смерть Абдаллы была мгновенной. Пуля вышла через глаз, король упал, его белый тюрбан откатился в сторону. Все кругом попадали на землю, «скрючившись, словно согбенные и насмерть перепуганные старухи, — рассказывал Хусейн, — я же, наверное, потерял в тот момент голову, потому что бросился на убийцу». Тот обернулся. «Я увидел оскаленные зубы, полубезумные глаза. У него было оружие, и я заметил, как он навел его на меня, затем увидел дымок, услышал хлопок и ощутил удар в грудь. „Это смерть?“ — подумал я. Но пуля ударилась в металл». Абдалла спас жизнь внуку, велев ему надеть медали.

Открывшие пальбу охранники застрелили убийцу. Сжимая в объятиях мертвого короля, из носа которого обильно текла кровь, Нашашиби несколько раз поцеловал его руку. Легионеры начали буйствовать на улицах, и Глаббу стоило большого труда остановить их. Встав на колени у тела короля, Хусейн расстегнул воротник его мундира, а затем пошел рядом с носилками, на которых покойного несли в Австрийский хоспис. Немного придя в себя, Хусейн спешно уехал в Амман.

Король Иордании Хусейн: последний король иерусалимский

Поговаривали, что за покушением на Абдаллу стояли бывший муфтий и король Египта Фарук. Мусу Хусейни арестовали и допросили с пристрастием, а затем казнили вместе с еще тремя подозреваемыми. Это покушение было только одним в ряду убийств и заговоров, последовавших за поражением арабов. В 1952 году короля Фарука, последнего представителя албанской династии Мухаммеда Али-паши, свергла хунта Свободных офицеров; возглавили переворот генерал Мохаммед Нагиб и полковник Гамаль Абдель Насер.

Королю Иордании Абдалле по закону наследовал его сын Талал, страдавший от сильных приступов шизофрении, — во время одного он чуть не убил свою жену. 12 августа 1952 года молодой принц Хусейн отдыхал в женевском отеле, когда в его апартаменты вошел официант с конвертом на серебряном подносе: письмо было адресовано «Его Величеству королю

Хусейну». Его отец Талал отрекся от престола. Хусейну было тогда 17 лет, он очень любил гоночные автомобили и мотоциклы, самолеты и вертолеты, и сам умел всем этим управлять. А еще он любил красивых женщин — и пять из них взял в жены. В отличие от деда, который никогда не переставал мечтать о великом хашимитском королевстве и посвятил свою жизнь обладанию Иерусалимом, Хусейн постепенно осознал: для него будет достижением уже то, что ему удастся остаться королем Иордании.

Офицер, обученный в британской военной академии «Сандхерст», любезный и обходительный, монарх имел прозападные взгляды, а его режим финансировали сначала Великобритания и затем США. На троне Хусейн удержался исключительно благодаря ловкому лавированию между силами, участвовавшими в политических играх арабского мира. Временами он был вынужден терпеть удушающие объятия ненавидящих его радикальных тиранов, таких как египетский диктатор Насер или иракский Саддам Хусейн. Как и дед, он был готов сотрудничать с израильтянами. А по прошествии нескольких лет и вовсе проникся особой симпатией к Рабину.

80-летний Черчилль, вернувшийся в 1951 году в кресло премьер-министра, пробурчал как-то в разговоре с одним из своих чиновников: «Вам бы следовало отдать Иерусалим евреям — это они сделали его таким известным». Но город был по-прежнему разделен на две части, восточную и западную, «раздражающей вереницей ограждений, стен и колючей проволоки, со знаками на еврейском, английском и арабском языках, гласившими: „Стоп! Опасно! Впереди граница!“» Ночью в Иерусалиме то и дело раздавались пулеметные очереди. Единственным проходом, соединявшим сектор Израиля и сектор Иордании, служил КПП «Ворота Мандельбаума», ставший не менее известным, чем чек-пойнт «Чарли», который через несколько лет появится в разделенном стеной Берлине. Фактически это были не ворота как таковые, а дом Симхи и Эстер Мандельбаумов, торговцев текстилем родом из Белоруссии, чей прежний добротный дом, ставший оплотом «Хаганы», был в 1948 году взорван Арабским легионом. На его руинах затем и вырос контрольно-пропускной пункт.

Заминированные и оплетенные колючей проволокой заграждения разделяли тогда еврейского подростка Амоса Оза и малолетнего палестинца Сари Нусейбе, сына Анвара, живших по соседству. Впоследствии Оз и Нусейбе — оба замечательные писатели и противники фанатизма — стали друзьями. «Ислам, — писал Нусейбе, — для таких семей, как наша, был тем же, чем, как я позднее узнал, был иудаизм для Амоса Оза, который жил в

нескольких десятках метров от нас, почти сразу за нейтральной зоной». В те дни мальчики наблюдали, как новый наплыв иммигрантов в который раз изменял Иерусалим. Арабы, особенно иракские, отыгрывались за поражение на еврейских общинах своих стран. Спасаясь от их мести, в Израиль переселились еще 600 тыс. евреев. Но наибольшее влияние на новый облик города оказали уцелевшие члены ультраортодоксальных общин харедим («трепещущих»), сохранявших культуру европейских штетлов и старомодный покрой одежды Центральной Европы прошлых веков, а также веру в мистическую силу радостной молитвы. «Практически и дня не проходило без того, — вспоминал Сари Нусейбе, — чтобы я не прокрадывался через ничейную полосу». Там, в квартале Меа-Шеарим, он «видел людей, одетых в черное. Иногда эти бородатые существа оглядывались на меня». Кто они такие? — терзался любопытством подросток.

Часть харедим поддерживала сионистов, а часть была самыми ярыми антисионистами, например, Толдот Аарон из Меа-Шеарим. Вторых вообще было гораздо больше. Харедим считали, что только Бог восстановит Храм. Эти застывшие в своем развитии, непреклонные и закостенелые в ритуале общины делились на хасидов и литваков; и те, и другие говорили на идиш. Хасиды, в свою очередь, подразделялись на множество еще более мелких общин, вышедших из семи главных «дворов». Каждой из них руководила династия, возводившая свое родословие к какому-нибудь конкретному раввину-чудотворцу — адмору (акроним ивритских слов «наш господин, учитель и наставник»). Различия в одежде и иные малопонятные для посторонних отличия между общинами заметно обогащали и без того пестрый колорит израильского Иерусалима[299].

Израильтяне превращали Западный Иерусалим в современный столичный город[300], являвший собой странное сочетание мирского и религиозного. «Израиль был социалистическим и светским, — вспоминает Джордж Вейденфельд. — Высшее общество было сосредоточено в Тель-Авиве, тогда как Иерусалим вращался вокруг старого Иерусалима раввинов, прибывших из Германии и живших в районе Рехавия интеллектуалов, обсуждавших на своих кухнях искусство и политику, и израильской элиты — высших чиновников и генералов типа Моше Даяна». И если харедим жили своей особой, замкнутой жизнью, то светские евреи, такие как Вейденфельд, частенько обедали в самом роскошном ресторане Иерусалима — «У Финка», в меню которого фигурировали совершенно некошерные гуляш и колбаски. Амос Оз чувствовал себя неуютно в этом мозаичном городе, где так причудливо смешивались

отреставрированные древности и современные руины. «Здесь, в Иерусалиме, можно ли ощутить себя дома, спрашиваю я, даже если прожить тут сто лет? — задавался он вопросом в романе „Мой Михаэль“. — Иерусалим расширяется и развивается. Новые магистрали. Современная канализация. Общественные здания… Однако это впечатление очень зыбко. Стоит повернуть голову — и в кипении строительных работ откроются взору поляны, усеянные валунами, оливковые деревья, выжженная пустошь, долины, поросшие густым кустарником, запутанные дикие тропки, протоптанные множеством ног. Неподалеку от здания Канцелярии главы правительства в новом комплексе государственных учреждений рассыпалось небольшое стадо. Овцы мирно щиплют травку. Старый пастух застыл на скале. Горы вокруг. Развалины. Ветер в соснах»[301]. Оз в конце концов покинул Иерусалим. А Сари Нусейбе остался.

23 мая 1961 года Бен-Гурион вызвал к себе одного из своих молодых помощников — Ицхака Яакови. «Известно ли вам, кто такой Адольф Эйхман?» — спросил премьер-министр. «Нет», — ответил Яакови. «Это человек, который организовал Холокост, убил вашу семью и отправил вас в Аушвиц», — сказал Бен-Гурион, знавший, что Яакови, сын венгерских ортодоксальных иудеев, в 1944 году был вместе с другими венгерскими евреями отправлен оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом в лагерь. Уцелев в Аушвице и дождавшись освобождения, Яакови уехал в Палестину, сражался и был ранен в Войне за независимость. Затем он поселился в Иерусалиме и получил должность в канцелярии премьер-министра.

«Сегодня, — продолжал Бен-Гурион, — вы поедете со мной в Кнессет в качестве гостя и услышите, как я объявляю, что мы предаем Эйхмана суду в Иерусалиме».

Израильской разведке Моссад удалось выкрасть Эйхмана из его тайного убежища в Аргентине, и в апреле 1961 года в здании суда в центре Иерусалима начался судебный процесс по делу одного из главных организаторов Холокоста. Позже Эйхман был повешен в тюрьме Рамлы.

По другую сторону границы король Хусейн называл Иерусалим своей «второй столицей». Но его режим был слишком шатким, чтобы он мог рискнуть официально перенести сюда из Аммана столицу королевства. Святой город был, в конце концов, всего лишь «провинциальным поселением с колючей проволокой в центре». Тем не менее хашимитский Иерусалим отчасти вернул себе старинное обаяние. Западный берег получил в управление брат короля принц Мохаммед. Он только что женился на красивой 16-летней палестинке Фирьял ар-Рашид. «Мы пробыли в

Иерусалиме шесть месяцев, — вспоминала принцесса Фирьял, — на самой роскошной, пусть и небольшой, вилле, принадлежавшей Даджани. Правда, мой муж большую часть времени проводил в переговорах с христианами, пытаясь примирить враждующих православных, католиков и армян!»

Король Хусейн назначил Анвара Нусейбе губернатором и хранителем иерусалимских святынь. Семейство Нусейбе в те годы обрело такое влияние, каким не обладало многие столетия прежде: Анвар был также министром обороны Иордании, а его брат Хасим — министром иностранных дел. Все кланы в той или иной степени потеряли свои денежные сбережения и оливковые плантации, но, несмотря на это, многие из них не покинули свои роскошные виллы в Шейх-Джаррахе. Анвар Нусейбе теперь жил напротив Американской колонии, в отделанной под старину вилле с «персидскими коврами, тисненными золотом дипломами на стенах, хрустальными графинами и дюжинами теннисных кубков». Нусейбе был вынужден практиковать «терпимость и экуменизм», участвуя в пятничной молитве в аль-Аксе, а каждую Пасху присоединяясь со всем своим семейством к «крестному ходу высших священнослужителей в облачениях с золотыми крестами, трижды обходивших Гроб Господень», вспоминал его сын Сари. «Нам с братьями пасхальные празднества нравились больше всего, потому что христианские девушки были самыми хорошенькими в городе». Но Храмовая гора пустовала. «Редкие мусульмане поднимались на Харам», — отмечал франко-американский историк Олег Грабар, выдающийся исследователь исламского искусства, начавший изучать Иерусалим в те самые годы.

Сари Нусейбе описывал Старый город, как «кишащий чопорными лавочниками со своими золотыми карманными часами, старыми уличными торговками, вертящимися дервишами» и кафе, откуда доносилось «бульканье воды в кальянах, что курили их посетители». Иорданский Иерусалим был, по словам американского вице-консула Юджина Бёрда, совсем крохотным мирком: «Я никогда прежде не видел такого маленького большого города. Все его приличное общество — человек сто пятьдесят, не более». Некоторые кланы начали заниматься туристическим бизнесом. Хусейни превратили свой «Ориент Хаус» в гостиницу. Поседевшая Берта Спаффорд преобразовала свою Американскую колонию в одноименный роскошный гостиничный комплекс; городской достопримечательностью стала и сама эта гранд-дама со своей неизменной заколкой-брошью в волосах — ведь она виделась или была знакома со многими известными персонами, от Джемаль-

паши до Лоуренса Аравийского. Берту даже дважды приглашали участвовать в британской телепередаче *This is Your Life* («Это ваша жизнь»). Кэти Антониус вернулась и основала в Старом городе сиротский приют, а в своем доме — «первоклассный ресторан-салон», получивший в местной светской хронике название *Katakeet*. Она всегда выглядела и вела себя так, словно только что «вернулась с коктейль-вечеринки». «Она болтлива и аффектирована», — отзывался о ней американский вице-консул. А по мнению его сына, писателя Кая Бёрда, Кэти — всегда «одетая по последней моде, с ниткой жемчугов, с коротко стриженными волосами», черную смоль которых уже серебрила проседь, — была «отчасти леди-дракон, отчасти леди-флирт». Как бы там ни было, политической остроты интересов она не утратила: «До образования еврейского государства я знавала многих евреев в Иерусалиме. Теперь же я дам хорошую затрещину любому из моих арабских друзей, который вознамерится торговать с евреем. Мы проиграли первый раунд, но не проиграли войну».

Великие державы всегда поддерживали свои религиозные общины в Иерусалиме. И совсем неудивительно, что и теперь за иерусалимскими алтарями развернулась скрытая холодная война, «столь же яростная, как в переулках Берлина» и еще больше разделившая город. Американский вице-консул Бёрд посоветовал ЦРУ выделить 80 тыс. долларов на ремонт золотых луковичных куполов церкви Марии Магдалины, построенной великим князем Сергеем Александровичем: если этого не сделает ЦРУ, это сделает КГБ, уверял он. Русская Православная Церковь после революции 1917 года оказалась разделена на две части. Русскую Православную Церковь Заграницей с резиденцией в Нью-Йорке поддерживало ЦРУ, Русскую Православную Церковь в СССР контролировало КГБ. Иорданцы, верные союзники американцев, передали оказавшиеся под их контролем русские храмы Русской Православной Церкви Заграницей, тогда как израильтяне, памятуя о том, что Сталин первым официально признал их государство, передали русскую православную недвижимость Советам, основавшим в Западном Иерусалиме новую миссию под управлением «священника» — полковника КГБ, прежде служившего советником в Северной Корее[302].

В тихой восточноиерусалимской заводи по-прежнему доминировали «Хусейни, Нусейбе, исламские ученые и христианские епископы; и не будь „ничейной земли“ и лагерей для беженцев, — писал Сари Нусейбе, — могло бы показаться, будто ничего и не случилось вовсе».

Но даже этот гибридный Иерусалим снова находился под угрозой. Возвышение Насера, президента Египта, изменило все:

над королем Хусейном сгустились тучи, поставив под угрозу само его владение Святым городом.

53. Шесть дней
1967 г.

Насер и Хусейн: снова на грани войны

Рожденный в безвестности, Насер был идеалом арабского государственного деятеля: еще молодым офицером он в 1948 году попал в израильское окружение, получил ранение и еще с тех пор преисполнился решимости возродить уязвленную честь арабов. Он стал самым популярным арабским лидером за последние несколько столетий, однако был настоящим диктатором, опиравшимся на жестокую тайную полицию. Известный в арабском мире как эль-Раис («Вождь»), Насер пропагандировал идеи панарабского социализма, вдохновляя свой народ на борьбу с доминированием Запада и вселяя в египтян надежду, что победы сионистов и поражения арабов рано или поздно будут отмщены.

Насер поддерживал палестинские рейды в Израиль, а израильтяне отвечали на них все более жестко и решительно. Подобный человек во главе Египта, самой влиятельной страны арабского мира, не на шутку тревожил Израиль. В 1956 году Насер бросил вызов угасающим колониальным империям Британии и Франции, национализировав принадлежащий им Суэцкий канал, а также поддержал алжирских повстанцев в их борьбе против французов. Лондон и Париж, решившие уничтожить Насера, заключили тайный союз с Бен-Гурионом. Успешное наступление израильтян на Синайском полуострове, спланированное начальником генштаба Моше Даяном, дало англичанам и французам повод для вторжения в Египет — якобы для того, чтобы развести две враждующие стороны. Но ни Британии, ни Франции не хватило влияния, чтобы довести свою последнюю имперскую авантюру до конца: Соединенные Штаты вынудили их вывести войска. Вскоре после этого король Хусейн снял Джона Глабба с должности командующего своей армией. 1956 год ознаменовал конец британского доминирования на Ближнем Востоке, одновременно обозначив явное усиление влияния США.

Тем временем Насер нацелился на два хашимитских королевства, где его панарабский радикализм был особенно популярен как в народе, так и в офицерских кругах. В 1958 году в ходе военного переворота был убит Фейсал II, король Ирака,

двоюродный брат и школьный товарищ Хусейна. Хашимиты еще недавно правили в Хиджазе, Сирии и Ираке, однако теперь Хусейн оставался единственным царствующим членом клана. Насер официально объединил Египет и Сирию в единое государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР), окружив, таким образом, Израиль и доминируя над Иорданией. Но ОАР, которая дважды распадалась и дважды вновь воссоединялась, оказалась довольно хрупким образованием.

«Расти в Иерусалиме было все равно, что расти в волшебной сказке, в которую вторглись Детройт и современные армии; при всем этом волшебство сказки сохранялось, а опасность только добавляла ей таинственности», — писал Сари Нусейбе. Постепенно в Иерусалим возвращалась жизнь, казалось, окончательно покинувшая его в 1948 году; город вновь становился «мировой столицей паломничества». В 1964-м, накануне паломнического визита в Иерусалим папы Павла VI, король Хусейн велел вновь покрыть золотом свинцовые листы Купола Скалы, который в течение столетий оставался матово-серым. Понтифика встречали принц Мохаммед и принцесса Фирьял, сопроводившие гостя в город, где папу приветствовал мэр Анвар Нусейбе. Но папе, как простому смертному, пришлось пересечь «зеленую линию» через КПП «Ворота Мандельбаума». А когда он попросил разрешения помолиться в греческой часовне Голгофы в храме Гроба Господня, православный патриарх сначала заставил понтифика подать прошение в письменной форме, а затем, получив требуемое, отказал. «Визит папы, — вспоминал Сари Нусейбе, — вызвал настоящий бум»: Хусейни и Нусейбе сносили свои элегантные виллы и строили на их месте безобразные отели.

А король Хусейн теперь боролся за выживание — зажатый в тисках между насеровскими Египтом и Сирией, между арабами и израильтянами, он лавировал, пытаясь реализовать собственные династические амбиции и одновременно успокоить озлобленных, разочарованных палестинцев, считавших, что он предал их. И пока Насер замышлял заговор против короля, Иерусалим и Западный берег неоднократно бунтовали против власти Хашимитов.

В 1959 году ветеран арабо-израильской войны 1948-го по имени Ясир Арафат[303] основал военное освободительное движение под названием ФАТХ — «Завоевание». В 1964 году Насер созвал в Каире саммит Лиги арабских государств, на котором было создано Объединенное арабское командование, которое должно было координировать действия арабских армий в грядущей войне с Израилем. Также было объявлено об основании

Организации освобождения Палестины (ООП), первым председателем исполкома которой стал Ахмед аль-Шукейри. В мае того же года король Хусейн против собственного желания собрал в Иерусалиме первую сессию Палестинского национального совета, на котором ООП была сформирована окончательно. Уже в январе следующего года ФАТХ Арафата предпринял небольшой рейд в Израиль из Иордании. Эта операция стала настоящей катастрофой, и единственной ее жертвой пал один из палестинских боевиков, застреленный иорданцами. И все же эта акция воодушевила арабов и ознаменовала начало борьбы Арафата за то, чтобы палестинская проблема оказалась в центре мировой политики. Скоро боевики ФАТХ, в своей форме цвета хаки, куфиях и с пистолетами на поясе, вытеснили из общественного внимания представителей иерусалимских кланов, дискредитированных муфтием и событиями 1948 года. Знамением времени стало вступление в ФАТХ сына Анвара Нусейбе, Сари.

Король Хусейн испытывал терпение палестинцев. Когда губернатор Нусейбе отказался подчиниться одному из королевских приказов, король сместил губернатора и назначил на его место иорданца. В сентябре 1965 года Хусейн, как некогда его дед, тайно встретился с израильским министром иностранных дел Голдой Меир, которая в беседе с ним допустила, что однажды, быть может, «и вы, и мы положим оружие и поставим в Иерусалиме монумент, знаменующий мир между нами».

В 1963 году Бен-Гурион ушел в отставку с поста премьер-министра Израиля, и его преемником стал 68-летний Леви Эшколь, очкастый трудоголик родом из-под Киева. Его главным достижением стал запуск Всеизраильского водопровода: Эшколь явно не был вторым Бен-Гурионом. В начале 1967 года сирийские нападения на северный Израиль спровоцировали воздушную схватку ВВС Израиля и Сирии, в ходе которой было сбито шесть сирийских боевых самолетов, из них два — прямо над Дамаском. Но Сирия продолжала поддерживать все новые рейды палестинцев на территорию Израиля[304].

Советский Союз предупреждал Насера — как оказалось потом, ошибочно, — что Израиль планирует нападение на Сирию. До сих пор неясно, почему Москва передала эти ложные разведданные и почему Насер предпочел в них поверить, хотя у него была не одна неделя, чтобы проверить эту информацию. Несмотря на всю мощь Египта, популярность идей панарабизма и собственную харизму, Насер чувствовал себя униженным из-за ответных уколов израильтян и был раздражен тем, что Сирия постоянно балансирует на грани войны. Желая

продемонстрировать, что он не потерпит нападения на Сирию, Насер выдвинул свои войска на Синайский полуостров.

15 мая, в День независимости, встревоженный Эшколь и его начальник штаба, генерал Ицхак Рабин, встретились в иерусалимском отеле «Царь Давид» перед военным парадом: как следует реагировать на угрозы Насера? На следующий день Египет попросил, чтобы ООН вывела своих миротворцев с Синайского полуострова. Скорее всего, Насер желал эскалации кризиса, но при том рассчитывал пока что избежать войны. Если так, то его действия были или безнадежно непрофессиональными, или совершенно безрассудными.

Пока руководители арабских стран и толпы на улицах арабских столиц приветствовали скорое уничтожение еврейского государства, Эшколь колебался и нервничал, чувствуя, что уступает инициативу Насеру. Израиль охватила волна дурных предчувствий и экзистенциального страха. Ицхак Рабин, сознававший, что судьба Израиля сейчас целиком на его плечах, держался только на кофе, прикуривал одну от другой по 70 сигарет в день и находился на грани нервного срыва.

Рабин: депрессия перед битвой

Насер взвешивал шансы: он созвал кабинет министров и прямо спросил своего вице-президента и командующего армией — фельдмаршала Абдель Хакима аль-Амера, злоупотреблявшего наркотиками гедониста и самого старого друга президента:

> Насер: Сейчас, когда мы сконцентрировали наши силы на Синае, вероятность войны можно оценить как 50 на 50. Если мы закроем Тиранский пролив, война начнется наверняка. Абдель Хаким, армия точно готова к этому?
> Амер: Головой отвечаю, босс! Все в полнейшем порядке!

23 мая Насер приказал блокировать Тиранский пролив — единственный морской путь в Эйлат, ключевой порт Израиля. Сирия проводила мобилизацию, король Хусейн инспектировал свои войска. Рабин и генералы советовали Эшколю нанести упреждающий удар по Египту. Но тот отказывался, полагая, что исчерпаны не все политические средства. Министр иностранных дел Абба Эбан приложил весь свой талант дипломата, чтобы предотвратить войну — или хотя бы заручиться поддержкой Запада в случае, если она все же начнется. А Рабин мучился чувством вины, думая, что не сделал всего, что мог, чтобы спасти

Израиль: «Меня не покидало чувство, то ли истинное, то ли ложное, что мне следует взять абсолютно всю ответственность на себя. Я погрузился в глубокий психологический кризис. Почти девять дней я практически ничего не ел, не спал, непрерывно курил и физически был совершенно измотан».

Колеблющийся премьер-министр, начальник штаба, то и дело глотающий успокоительное, генералы, готовые взбунтоваться, и народ, охваченный паникой, — Израиль никого не мог обмануть. В Вашингтоне президент США Линдон Джонсон отказался поддержать превентивный удар израильтян; в Москве премьер Алексей Косыгин настоятельно советовал Насеру не ввязываться в войну. Фельдмаршал Амер, готовясь атаковать Негев, заявил в Каире: «На этот раз войну начнем мы». В самый последний момент Насер приказал ему сдержать на время свой пыл.

Король Хусейн в Аммане понимал: иного выбора, кроме как присоединиться к Насеру, у него нет — если Египет атакует, Иордания должна будет поддержать своих арабских братьев. В ином случае, если Египет проиграет, Хусейна назовут предателем. 30 мая король, облачившись в фельдмаршальский мундир и зарядив свой «магнум», за штурвалом личного самолета вылетел в Каир, где его встретил Насер. «Поскольку ваш визит тайный, — сказал Насер, возвышаясь над низкорослым королем, — что будет, если мы вас арестуем?» «Такая возможность никогда не приходила мне в голову», — ответил Хусейн и согласился предоставить свою 56-тысячную армию под командование египетского генерала Рияда. «Теперь все арабские армии полностью окружают Израиль», — сказал король. Израиль оказался перед угрозой войны на три фронта. 28 мая Эшколь выступил с нервным обращением по радио, что только усилило тревогу израильтян. В Иерусалиме срочно строились бомбоубежища, проводились противовоздушные учения. Ощущалась угроза полного уничтожения, нового Холокоста. Абба Эбан наконец истощил все свои дипломатические возможности, а генералы, политики и народ утратили всякое доверие к Эшколю. И тот вынужден был призвать на помощь самого знаменитого в Израиле солдата.

Командование принимает Даян

1 июня Моше Даян был приведен к присяге как министр обороны, в новое правительство национального согласия в качестве министра без портфеля вошел также Менахем Бегин. Даян, всегда носивший на глазу свою фирменную черную повязку,

был верным последователем Бен-Гуриона и презирал Эшколя, а тот за спиной называл его Абу Джильди — так звали одного изворотливого одноглазого арабского бандита.

Моше Даян, ученик Уингейта и начальник штаба во время Суэцкой войны, был настоящим клубком противоречий: археолог — и одновременно расхититель артефактов; безусловный апологет военной мощи и возмездия врагу — и при этом политик, искренне верящий в возможность мирного сосуществования; победитель арабов — и ценитель арабской культуры. «Он был чрезвычайно умен, — вспоминает друг Даяна Шимон Перес. — Его ум был блестящий, и я ни разу не слышал от него ни одной глупости». Еще один соратник Даяна, генерал Ариэль Шарон, говорил, что Даян «может проснуться одновременно с сотней идей в голове. Из них девяносто пять будут опасными, еще три — просто никуда не годными, а еще две — блестящими». Он «презирал большинство людей, — вспоминал Шарон, — и не особо старался скрыть это». Критики Даяна называли его «партизаном и авантюристом», а сам он однажды признался Пересу: «Запомни одно: я ненадежен».

Даян излучал харизму нового еврея — сильного, энергичного и отважного, но «не потому, что следовал правилам, — говорит Перес, — а потому, что нарушал их успешно и с обаянием». Однокурсник Даяна вспоминал о нем так: «Лжец, хвастун, прожектер, примадонна… но, несмотря на это, — объект всеобщего восхищения». Этот не имевший друзей одиночка был не только непредсказуемым и невозмутимым шоуменом, но и безудержным любителем женщин, что Бен-Гурион считал вполне извинительным — ведь Даян «выкован из библейского материала», как царь Давид или адмирал Нельсон. «Тебе надо смириться с этим, — утешал Бен-Гурион жену Даяна Руфь, которая страшно переживала из-за бесконечных измен мужа. — Частная и публичная жизнь великих людей часто проходят на параллельных плоскостях, которые никогда не пересекаются».

Когда Эбан сообщил, что Америка не поддержит удар Израиля, но и не будет пытаться предотвратить его, Даян тут же продемонстрировал свой стратегический талант. Он настаивал, что Израиль должен нанести удар по египтянам, однако по возможности избегать любой конфронтации с Иорданией. Командующий иерусалимским округом Узи Наркис спросил: «А что если иорданцы атакуют гору Скопус?» «В таком случае, — резко ответил Даян, — сожми зубы и держи оборону!»

Насер верил, что уже одержал бескровную победу, однако египтяне продолжали планировать свое наступление на Синае. Иорданцы, усиленные иракской бригадой, начали операцию

«Тарик», целью которой было окружение еврейского Западного Иерусалима. Арабский мир, выдвинувший на передовую полмиллиона солдат, пять тысяч танков и 900 самолетов, никогда прежде не был настолько един. «Наша главная цель — уничтожить Израиль», — заявлял Насер. «Наша задача, — вторил ему президент Ирака Ареф, — стереть Израиль с карты мира». Израильские силы насчитывали 275 тысяч человек, 1100 танков и 200 самолетов.

В 07:10 утра 5 июня израильские летчики внезапно нанесли удары по всем аэродромам Египта, фактически полностью уничтожив на земле египетские ВВС. В 08:15 Даян скомандовал наступление на Синае. Генерал Наркис в Иерусалиме пребывал в нервном ожидании, опасаясь, как бы иорданцы не попытались захватить уязвимую гору Скопус и окружить 197 тысяч евреев в Западном Иерусалиме. Однако он все же надеялся, что иорданцы ограничатся символическим участием в войне, спровоцированной Египтом.

Едва пробило восемь, как завыли сирены воздушной тревоги. Свитки Мертвого моря были тут же укрыты в надежном убежище, все резервисты вызваны в части. Иерусалим трижды предупредил короля Хусейна — через госдепартамент США, представительство ООН в Иерусалиме и министерство иностранных дел Великобритании: «Мы не предпримем, повторяем, не предпримем каких-либо действий против Иордании, если Иордания сохранит нейтралитет. Но если Иордания открыто проявит враждебность, Израиль ответит всей своей мощью».

В 08:50 адъютант Хусейна доложил королю: «Ваше Величество, в Египте началось израильское наступление». Связавшись по телефону со своим штабом, Хусейн узнал, что фельдмаршал Амер разбил израильские силы и успешно контратакует. В 09:00 король прибыл в штаб; там Хусейну доложили, что его командующий, египетский генерал Рияд, приказал атаковать израильские цели и захватить Правительственную резиденцию в Южном Иерусалиме. Насер позвонил, чтобы подтвердить: Египет побеждает, израильская авиация уничтожена.

В 09:30 мрачный и встревоженный король обратился к своему народу: «Час возмездия пробил».

5–7 июня 1967 г.: Хусейн, Даян и Рабин

В 11:15 иорданская артиллерия открыла огонь по еврейскому Иерусалиму. Из шести тысяч выпущенных снарядов часть

поразила Кнессет, дом премьер-министра, а также больницу «Хадасса» и церковь Успения на горе Сион. Выполняя приказ Даяна, израильтяне ответили сдержанно — только из стрелкового оружия.

В 11:30 Даян приказал нанести удар по иорданским ВВС. Хусейн и его старший сын, будущий король Абдалла II, наблюдавшие за военными действиями с крыши королевского дворца, беспомощно смотрели, как противник уничтожает их боевые самолеты.

Тем временем Израиль предложил прекращение огня в Иерусалиме, но иорданцы не были в этом заинтересованы. Из громкоговорителей на Куполе Скалы гремели призывы муэдзинов: «Возьмите в руки оружие и верните себе свою страну, украденную у вас евреями».

В 12:45 иорданцы захватили Дом правительства — пусть там размещалась нейтральная миссия ООН, зато это здание господствовало над Иерусалимом. Даян немедленно приказал штурмовать Дом правительства, и после четырехчасового боя здание удалось отбить. К северу от него были развернуты минометы и артиллерия, начавшие обстрел иорданских позиций.

Даян чтил Иерусалим, однако он понимал, что политические сложности, связанные с этим городом, угрожают самому существованию Израиля. И когда члены израильского правительства спорили о том, следует ли штурмовать Старый город или просто подавить артиллерийский огонь иорданцев, Даян высказался против штурма: его беспокоила ответственность за Храмовую гору, которую придется взять на себя Израилю, если святыня окажется под контролем еврейского государства. В результате Даян оказался в меньшинстве, когда настаивал на том, чтобы любые акции в Иерусалиме не проводились до тех пор, пока не будет захвачен Синай.

«Та ночь стала настоящим адом, — писал Хусейн. — Было светло, как днем. Земля и небо озарялись вспышками ракет и взрывами бомб, градом сыпавшихся с израильских самолетов».

Шестого июня в 02:10 израильские десантники были разделены на три группы и генерал Наркис призвал их «искупить грех 48-го года» (в Войне за независимость Наркис лично сражался за Иерусалим). Первая группа пересекла ничейную землю у КПП «Ворота Мандельбаума», чтобы захватить Арсенальный холм (в свое время Алленби устроил там склад боеприпасов): ожесточенная схватка стоила жизни 71 иорданцу и 35 израильтянам. Десантники быстро наступали через квартал Шейх-Джаррах, мимо отеля «Американская колония», к музею Рокфеллера, который сдался в 07:27.

Иорданцы все еще удерживали комплекс «Августа Виктория», господствовавший над местностью между горой Скопус и Масличной горой. Хусейн отчаянно пытался спасти Старый город; на этот раз он сам предложил перемирие. Но было слишком поздно. Насер позвонил, чтобы сказать Хусейну, что они должны будут заявить, будто арабов разгромили американцы и британцы, а не один только Израиль.

Хусейн на джипе помчался в долину Иордана, где столкнулся с собственными частями, отступавшими с севера. Иорданцы, чья штаб-квартира с 1948 года размещалась в армянском монастыре, расположили у каждых ворот Старого города по 50 человек и выжидали. Израильтяне хотели захватить «Августу Викторию», но их «шерманы» перепутали поворот и по ошибке въехали в Кедронскую долину. Когда танки находились у Гефсиманского сада, они подверглись яростному обстрелу иорданцев со стороны Львиных ворот; были убиты пять человек и потеряны четыре машины. Израильтяне укрылись во внутреннем дворе гробницы Богоматери.

Даян присоединился к Наркису на горе Скопус, с которой открывался вид на Старый город. «Что за дивная картина!» — сказал Даян, но снова не дал разрешения атаковать. Однако на рассвете 7 июня стало известно, что Совет безопасности ООН уже подготовил резолюцию о прекращении огня. Менахем Бегин призвал Эшколя пока не поздно идти на штурм Старого города. Даян понял, что рискует не успеть. Он приказал Рабину захватить «самую трудную и самую желанную цель войны».

Сначала израильтяне подвергли бомбардировке гребень горы у комплекса «Августа Виктория», применив в том числе и напалм; иорданцы бежали. Затем израильские десантники заняли Масличную гору и стали продвигаться вниз, в сторону Гефсиманского сада. «Мы заняли высоты над Старым городом, — сказал своим людям командир десантников полковник Мордехай „Мота“ Гур. — Скоро мы вступим в него. Древний город Иерусалим, о котором мечтали и к которому стремились десятки поколений нашего народа, — мы первыми войдем в него. Еврейский народ ждет от нас победы. Гордитесь! И удачи!»

В 09:45 израильские «шерманы» открыли огонь по Львиным воротам: автобус, блокировавший их, был уничтожен, а створки ворот выбиты снарядом. Под кинжальным огнем иорданцев израильские десантники прорвались в ворота, затем пробились на Виа Долороза, и полковник Гур повел свою группу к Храмовой горе. «Представьте: вы на колесно-гусеничном вездеходе после двух дней боев, выстрелы по-прежнему оглашают воздух, и внезапно вы оказываетесь на этом широком открытом

пространстве, которое с детства знакомо каждому по картинкам, — писал офицер разведки Арик Ахмон. — И хотя я не слишком религиозен, я думаю, что там вряд ли нашелся хоть один человек, которого не переполняли бы эмоции. Произошло нечто совершенно особенное». После небольшой перестрелки с иорданцами Гур объявил по рации: «Храмовая гора в наших руках!»

Между тем соединение Иерусалимской бригады прорвалось через портал Сионских ворот в Армянский квартал, а оттуда — по крутому склону холма — в Еврейский квартал. В то же время другая часть этого подразделения ворвалась в Старый город через Мусорные ворота. Все они пробивались к Стене. Тем временем Гур и его парашютисты, закрепившиеся на Храмовой горе, не знали, как спуститься оттуда к Стене, пока некий старый араб не показал им Магрибские ворота, и в результате все три группы десантников оказались у святыни одновременно. Держа свой шофар и Тору, бородатый Шломо Горен, главный раввин Армии Израиля, подошел к Стене и начал читать траурную молитву Кадиш, а солдаты молились, плакали, аплодировали и плясали, а некоторые пели новый гимн города — «Золотой Иерусалим».

В 14:30 Моше Даян в сопровождении Ицхака Рабина и Узи Наркиса, пройдя мимо дымящихся подбитых танков, вошел в город. Шагая по «пустынным улочкам, мрачную тишину которых нарушали лишь выстрелы снайперов», Рабин вспомнил детство. «Приближаясь к Стене, я испытал необыкновенное волнение», — признавался он позднее. Когда офицеры обходили Храмовую гору, Даян увидел израильский флаг на вершине Купола Скалы и приказал его немедленно снять. А у Рабина «перехватило дыхание» при виде «слез в глазах солдат, этих мужчин в военной форме, только что вышедших из боя». Но это были слезы искупления, слезы надежды.

Раввин Горен очень хотел ускорить приход эры Мессии, взорвав динамитом мечети на Храмовой горе. Но генерал Наркис резко отказал ему: «Прекратите!». «Вы войдете в анналы истории», — попытался убедить его Горен. «Я уже вписал свое имя в анналы истории Иерусалима», — ответил Наркис. «Это был кульминационный момент в моей жизни, — вспоминал раввин. — Годами я втайне вынашивал мечту, что когда-нибудь сыграю свою роль в деле возвращения Западной стены еврейскому народу. Теперь эта мечта воплотилась в жизнь, и совсем неожиданно я вдруг задался вопросом: а почему из всех людей именно я удостоился такой чести?» Раввину выпала и честь дать этой войне название: всегда скромный и полный достоинства, величавый и немногословный, он выбрал самое простое название:

Шестидневная война. Насер предпочел иное — Аль-Накса, «Отступление».

Даян написал на клочке бумаге: «Пусть мир снизойдет на весь дом Израилев!» — и засунул записку в щель между камнями Ирода. А затем провозгласил: «Мы объединили Иерусалим — разделенную столицу Израиля. И он никогда больше не будет разделен». Но при этом Даян — израильтянин, уважавший арабов и пользовавшийся их огромным уважением (они называли его Абу Муса — «сын Моисея»), — тут же добавил: «Своим арабским соседям Израиль протягивает руку мира: мы гарантируем всем народам всех вероисповеданий полную свободу молитвы. Мы пришли не для того, чтобы завоевать святые места, принадлежащие другим, но чтобы жить вместе со всеми в согласии». На обратном пути Даян сорвал «несколько диких цикламенов нежного розовато-лилового цвета, что росли между Стеной и Магрибскими воротами», чтобы подарить их своей многострадальной и терпеливой супруге.

Даян много размышлял об Иерусалиме и выработал свою собственную политическую линию. Через десять дней он вернулся в мечеть аль-Акса, снял обувь и, сидя в одних носках на ковре, объяснил шейху Харам аш-Шариф и улемам: Иерусалим отныне принадлежит Израилю, но Храмовая гора остается под контролем вакфа. И даже теперь, когда евреи — через две тысячи лет! — вновь получили доступ на Хар ха-Баит, им по-прежнему запрещено там молиться. Государственно мудрое решение Даяна остается в силе и поныне.

Президент Насер временно ушел в отставку, однако никогда не выпустил из рук бразды правления и даже простил своего безответственного друга фельдмаршала Амера. Тем не менее последний затеял военный переворот, был арестован и при загадочных обстоятельствах умер в тюрьме. Насер настаивал, что «Аль-Кудс никогда не может быть оставлен в руках врага», но он так и не оправился от поражения и через три года скончался от сердечного приступа. Король Хусейн впоследствии признался, что 5–7 июня были худшими днями в его жизни. Он потерял половину своей территории и главное — Иерусалим. В частных разговорах он не скрывал горечи: «Я не могу смириться с тем, что Аль-Кудс был потерян в мое царствование».

Эпилог

У каждого есть два города, свой родной и Иерусалим.

Тедди Коллек. Интервью

Вследствие исторической катастрофы, из-за того что Тит, император римский, разрушил Иерусалим и народ Израиля был изгнан из своей страны, я родился в одном из городов изгнания. Но во все времена мнил я, будто родился в Иерусалиме.

Шмуэль Йосеф Агнон. Нобелевская лекция (1966)

Иерусалим, в любви к которому я был воспитан, служил земными вратами в божественный мир, где встречаются иудейские, христианские и мусульманские пророки и провидцы и царит ощущение принадлежности ко всему человечеству — хотя бы в воображении.

Сари Нусейбе. Однажды в стране

О Иерусалим, щедрый на пророков,
Кратчайший путь меж Небом и Землей…
Прекрасное дитя с опаленными пальцами
и печальным, потупленным взором…
О Иерусалим, город горя и скорби великой,
Не пересыхают слезы в глазах твоих…

Кто же омоет древние стены,
так безжалостно кровью политые?
О Иерусалим, мой город любимый!
Завтра лимоны твои зацветут, а затем и маслины;
И глаза твои вспыхнут радостью,
и на башни святые вернутся голуби.

Низзар Каббани. Иерусалим

Еврейский народ построил Иерусалим 3 тыс. лет назад. Еврейский народ строит Иерусалим и сегодня! Иерусалим — это не поселение, это наша столица.

Биньямин Нетаньяху. Речь (2010)

Иерусалим снова оказался в центре политических дебатов и международных бурь… Ни Афины, ни Рим не возбуждали столько страстей… Когда еврей впервые оказывается в Иерусалиме, это не первый его приезд туда, это — ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

Эли Визель.

Открытое письмо президенту США Бараку Обаме

События 1967 года полностью изменили Иерусалим, возвысили его, но и подчеркнули все проблемы и сложности его статуса. Это была как бы мгновенная вспышка откровения — одновременно мессианского и апокалиптического, стратегического и национального. Этот новый взгляд на вещи кардинально изменил и сам Израиль, и судьбу палестинцев, и весь Ближний Восток. Решение, которое было принято в панике, завоевание, которое в тот момент совершенно не планировалось, военная победа, вырванная у врага уже на грани катастрофы, — все это изменило и тех, кто верил, и тех, кто ни во что не верил, и тех, кто страстно желал верить хотя бы во что-нибудь.

В тот момент все это было еще не ясно, но теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что обладание Иерусалимом постепенно преобразило сам дух государства Израиль — государства светского, социалистического и современного; и если у этого государства и была государственная религия, то это была научная иудейская археология — по меньшей мере, в той же степени, что и ортодоксальный иудаизм.

Захват Иерусалима окрылил даже самых светских евреев. Мечта о Сионе была столь древней, она была так глубоко укоренена в песнях, молитвах и легендах; отлучение народа от Стены было столь долгим и таким болезненным, а сияние святости города — столь сильным и убедительным, что даже самые нерелигиозные евреи во всем мире испытали ликование, вернувшее им надежду и религию.

Для религиозных евреев — наследников тех верующих, которые, как мы уже видели, на протяжении тысяч лет ожидали во всех концах обитаемого мира, от Вавилона до Кордовы и Вильны, несомненной мессианской вести, обретение Иерусалима стало таким знаком, моментом освобождения, искупления и исполнения библейских пророчеств, завершением Изгнания и возвращением к вратам и дворам Храма в возрожденном граде Давида. Для израильтян, разделявших концепцию националистического, воинственного сионизма Жаботинского, эта военная победа имела и политическое, и стратегическое значение: она стала поистине богоданным шансом построить Великий Израиль с безопасными границами. И религиозные евреи, и светские сионисты — все они в равной мере были убеждены, что их святая миссия — возродить еврейский Иерусалим и сохранить его навеки. В 1970-е годы множество этих мессиански настроенных максималистов показало себя столь же активными, как и многие израильтяне, которые оставались

светскими и либеральными и чьим центром жизни был Тель-Авив, а не Святой город. Однако программа национального искупления воспринималась как неотложное дело Божие, и этот божественный императив вскоре изменил и физиономию, и пульс Иерусалима.

Завоевание Святого города повлияло не только на евреев. Гораздо более многочисленные и влиятельные христианские евангелисты, особенно американские, также испытали это чувство почти апокалиптического экстаза.

Евангелисты верили, что возникли сразу две предпосылки из тех, что необходимы для наступления Судного дня — государство Израиль возрождено, и Иерусалим снова принадлежит евреям. Осталось лишь отстроить Третий Храм и пережить семь лет испытаний, за которыми последует Армагеддон: на Масличной горе явится архангел Михаил, который поразит Антихриста на Храмовой горе. Кульминацией станет обращение или истребление иудеев, Второе пришествие и наступление Тысячелетнего Царства Иисуса Христа.

Победа крошечной еврейской демократии над полчищами арабских деспотических режимов, до зубов вооруженных с помощью СССР, окончательно убедила Соединенные Штаты в том, что Израиль — их совершенно особый друг в самом опасном регионе мира, их союзник в борьбе против коммунистической России, панарабского радикализма в духе Насера и исламского фундаментализма. Но Америку и Израиль роднят не только общие враги. Обе эти страны были основаны на фундаменте свободы: одна из них стала новым Сионом, «сияющим городом на холме», а другая — изначальным, а теперь возрожденным Сионом. Американские евреи и прежде были убежденными сторонниками Израиля, а теперь и американские евангелисты уверовали, что Израиль благословлен Провидением. Социологические опросы неизменно показывают, что свыше 40 процентов американцев уверены, что Второе пришествие рано или поздно совершится именно в Иерусалиме. Пусть даже эта цифра преувеличена, несомненно одно: американские христианские сионисты своим авторитетом поддерживают еврейский Иерусалим, и Израиль благодарен им за это — даже несмотря на то, что роль, отведенная евреям в их сценарии апокалипсиса, весьма трагична.

Израильтяне из Западного Иерусалима, со всего Израиля и со всех концов диаспоры хлынули в Старый город, чтобы прикоснуться к Стене и помолиться у нее. Чувство обладания городом настолько пьянило, что сама мысль о том, что придется вновь когда-нибудь расстаться с ним, казалась невыносимой и

непредставимой. И чтобы не допустить подобного, были задействованы поистине огромные ресурсы. Даже прагматичный Бен-Гурион, который из своей отставки советовал Израилю уступить арабам Западный берег и сектор Газа в обмен на мир, никогда и не помышлял о том, чтобы отдать Иерусалим.

Две части города были официально объединены, а его муниципальные границы расширены, чтобы вместить 267 800 жителей: 196 800 евреев и 71 000 арабов. Площадь Иерусалима стала теперь больше, чем когда-либо за всю его историю. Еще не успели остыть стволы орудий, а жителей Магрибского квартала, основанного некогда Афдалем, сыном Саладина, переселили в новые дома, их старые жилища снесли, и перед Стеной впервые образовалось открытое пространство. После веков стесненной, неудобной и вечно преследуемой молитвы на клочке земли длиной всего три метра воздушное, наполненное светом пространство новой площади у главной иудейской святыни само по себе воспринималось как освобождение, и толпы евреев устремлялись туда, чтобы помолиться. Пребывавший в запустении Еврейский квартал был отстроен заново, его взорванные синагоги восстановлены и освящены, разоренные площади и улочки вновь замощены и украшены. Были отремонтированы старые и построены новые иешивы — еврейские религиозные школы, — и стены их сияли золотистым иерусалимским камнем.

На улице ученых тоже был праздник: израильские археологи наконец смогли начать раскопки по всему объединенному городу. Длинную Западную стену поделили между собой раввины, контролировавшие молитвенное пространство к северу от Магрибских ворот, и археологи, начавшие копать к югу от них. Близ Стены, в Мусульманском и Еврейском кварталах, а также в Городе Давида были обнаружены настолько удивительные сокровища — хананейские укрепления, иудейские печати, фундаменты эпохи Ирода, маккавейские и византийские фрагменты стен, римские улицы, омейядские дворцы, айюбидские ворота, церкви крестоносцев, — что сами эти научные находки тоже подогрели религиозно-политический энтузиазм. Каменные блоки, открытые археологами — части стены Езекии и сооружений Ирода, камни, сброшенные некогда римскими солдатами на мощеную улицу Кардо, проложенную Адрианом, — теперь все это можно постоянно видеть в расчищенных и отреставрированных частях Старого города.

Тедди Коллек[305], мэр Западного Иерусалима, был избран мэром объединенного города и неизменно переизбирался в течение следующих 28 лет. Он прилагал все усилия, чтобы

завоевать доверие арабов, и стал настоящим воплощением либерального израильского подхода: объединение города под еврейским управлением, но с полным уважением к арабскому Иерусалиму. Как и во времена мандата, процветающий Иерусалим привлекал арабов с Западного берега — за десять лет численность арабского населения города удвоилась. Но успех завоевания вдохновил израильтян всех партий, а особенно светских и религиозных сионистов, на то, чтобы как можно скорее закрепить успех «бетонными аргументами»: строительство новых еврейских кварталов вокруг арабского Восточного Иерусалима началось практически немедленно.

Поначалу арабская оппозиция притихла. Многие палестинцы работали в Израиле или с израильтянами, и я хорошо помню, как, еще мальчиком приезжая в Иерусалим, проводил время со своими палестинскими и израильскими друзьями у них дома в Иерусалиме и на Западном берегу, не зная, что этот период взаимной доброжелательности, смешения и свободного общения скоро станет восприниматься как исключение из правил. Тем более что за границами Израиля дела шли совершенно по-другому. Ясир Арафат в 1969 году стал лидером Организации освобождения Палестины. Боевики ФАТХ все активнее проводили рейды на территорию Израиля. Еще одна палестинская организация, марксистский Народный фронт освобождения Палестины, начала применять новую тактику, захватывая пассажирские лайнеры, но не чураясь, впрочем, и более традиционной практики — убийств мирных граждан.

Обладание Храмовой горой, как хорошо понимал еще Моше Даян, предполагает невероятную ответственность. 21 августа 1969 года австралийский христианин по имени Давид Рохан, вероятно, страдавший иерусалимским синдромом[306], поджег мечеть аль-Акса, намереваясь приблизить Второе пришествие. Огонь уничтожил минбар Нур ад-Дина, и немедленно пошли разговоры о том, что евреи планируют заговор с целью захвата Храмовой горы. Это, в свою очередь, спровоцировало новые арабские беспорядки.

В сентябре 1970 года король Хусейн разгромил отряды боевиков Арафата и вытеснил ООП с территории Иордании, поскольку Арафат бросил вызов его личной власти (эти события стали известны в политической мифологии палестинцев как «Черный сентябрь»; возникла и новая террористическая группировка с таким названием). Арафат перенес свою штаб-квартиру в Ливан, а ФАТХ тем временем расширял международную кампанию по угону самолетов и убийству гражданских лиц, чтобы привлечь внимание мировой

общественности к палестинскому вопросу — кровавая бойня превратилась в политический театр. В 1972 году во время мюнхенской Олимпиады боевики «Черного сентября» взяли в заложники, а затем убили 11 израильских спортсменов. В ответ израильская разведка Моссад начала выслеживать и поочередно уничтожать исполнителей теракта по всей Европе.

В День искупления в октябре 1973 года преемник Насера президент Египта Анвар Садат, тайно сговорившись с Сирией, внезапно напал на Израиль, который, по-видимому, стал слишком самоуверенным и утратил бдительность. Сначала арабское наступление было успешным, и это совершенно уничтожило репутацию министра обороны Моше Даяна, почти полностью потерявшего контроль над ситуацией в течение двухдневного отступления. Однако затем израильтяне при поддержке Соединенных Штатов, организовавших воздушный мост, по которому непрерывно поступало оружие и снаряжение, перегруппировали силы — и наступил час славы генерала Ариэля Шарона: он возглавил контрнаступление, в результате которого израильские войска вышли на западный берег Суэцкого канала. Вскоре после этой войны Арабская лига убедила короля Хусейна признать ООП единственным официальным представителем палестинцев.

В 1977 году, через 30 лет после взрыва в отеле «Царь Давид», Менахему Бегину и его партии «Ликуд» наконец удалось одолеть Партию труда Израиля («Авода»), доминировавшую в Кнессете с самого 1948 года. Бегин пришел к власти с сионистской мессианской программой, предусматривавшей создание Великого Израиля со столицей в Иерусалиме. Но при этом тот же Бегин 19 ноября приветствовал Анвара Садата во время мужественного визита египетского президента в Иерусалим. Садат остановился в отеле «Царь Давид». Он помолился в аль-Аксе, посетил Яд ва-Шем и выступил в Кнессете с предложением мира. Все были преисполнены радужных надежд. С помощью Моше Даяна, которого он назначил министром иностранных дел, Бегин вернул Синай Египту в обмен на мирный договор. Увы, в отличие от Даяна, который вскоре отправился в отставку, Бегин мало что знал об арабском мире. В душе он по-прежнему оставался сыном польского штетла, жестким сионистом, который рассматривал борьбу за еврейское дело в манихейских терминах схватки абсолютного добра с абсолютным злом и был эмоционально привержен иудаизму и мечте о библейском Израиле. На переговорах с Садатом, проходивших под эгидой президента США Джимми Картера, Бегин настаивал, что Иерусалим навечно останется объединенной столицей Израиля, «и тут уж ничего не

поделаешь». Кнессет проголосовал за внесение соответствующей формулировки в израильское законодательство. Под фирменным натиском своего министра сельского хозяйства Ариэля Шарона (получившего в израильской политике прозвище Бульдозер) Бегин, преисполненный решимости «обеспечить безопасность Иерусалима как вечной столицы еврейского народа», ускорил строительство поселений — «внешнего кольца развития вокруг арабских кварталов», как это называл Шарон. Так началось создание Большого Иерусалима.

Во время волнений на Храмовой горе в апреле 1982 года израильский резервист Алан Гудман застрелил двух арабов. Муфтий не раз заявлял, что евреи якобы собираются снова воздвигнуть свой Храм на месте аль-Аксы, и теперь арабы хотели знать наверняка, действительно ли существует такой секретный план. Однако подавляющее большинство израильтян решительно выступают против этой идеи, а ультраортодоксальные евреи и вовсе считают, что человеку негоже подменять собой Бога и вершить Его дела. Лишь около тысячи еврейских фундаменталистов входят в такие организации как «Ревнители Храмовой горы» (они добиваются права для евреев свободно молиться на Горе) или «Движение за возведение Храма» (заявляют, что готовят священников для Храма). И известно всего несколько случаев, когда крошечные ячейки фанатиков-экстремистов и в самом деле втайне планировали разрушение мечетей Харам аш-Шариф. Однако израильская полиция раскрывала эти заговоры: ведь подобное стало бы катастрофой не только для мусульман, но и для самого государства Израиль.

В 1982 году Бегин ответил на нападения ООП на израильских дипломатов и мирных граждан вторжением в Ливан, где Арафат к тому времени создал укрепленный плацдарм. Арафат со своими боевиками был вынужден покинуть Бейрут и перенес свою штаб-квартиру в Тунис. Эта война, тайным вдохновителем которой явился министр обороны Шарон, поставила Израиль в весьма затруднительное положение. Ее кульминацией стала резня, учиненная ополченцами над палестинскими гражданами в лагерях Сабра и Шатила, жертвами которой стали, по разным данным, от 300 до 700 человек.

Шарон, обвиненный в том, что не предотвратил эти зверства, был вынужден подать в отставку, и политическая карьера Бегина закончилась депрессией, отстранением от дел и одиночеством.

Надежда на мир, затеплившаяся было в 1977 году, быстро угасла из-за непримиримости обеих сторон, убийств мирных граждан и расширения еврейских поселений вокруг Иерусалима и на Западном берегу. В 1981 году Анвар Садат был убит в

результате покушения, организованного исламскими фундаменталистами, желавшими отомстить президенту за его визит в Иерусалим. Так заявила о себе новая сила в исламском мире. В декабре 1987 года в секторе Газа вспыхнуло спонтанное палестинское восстание, Интифада, которое вскоре захлестнуло и Иерусалим. Произошли стычки протестующих с израильской полицией на Храмовой горе. Арабские мальчишки, швыряющие камни в израильских солдат на улицах города, сменили кровавых угонщиков самолетов из ООП в качестве символа палестинского народа — гонимого, но непокоренного.

Энергия Интифады создала вакуум власти, который быстро заполнили новые лидеры и новые идеи. Элита ООП окончательно потеряла авторитет на арабской улице, и на смену старомодному панарабизму Насера пришел исламский фундаментализм. В 1987 году радикальные исламисты основали Исламское движение сопротивления (ХАМАС), подразделение египетской организации «Братья-мусульмане», и объявили джихад с целью уничтожения Израиля.

Мэр Коллек признавал, что Интифада «самым фундаментальным образом» изменила и еврейский Иерусалим — она уничтожила мечту о едином городе. Теперь израильтяне и арабы отказывались работать вместе; они больше не ходили гулять в кварталы друг к другу. Однако напряжение усиливалось не только между мусульманами и евреями, но и в самой еврейской среде: ультраортодоксы периодически устраивали демонстрации и беспорядки против светских евреев, которые, в свою очередь, начали переезжать из Иерусалима. Древний мир христианского Иерусалима тоже быстро сокращался: к 1995 году в городе оставалось всего 14 100 христиан. Однако израильские националисты не оставляли своих планов сделать Иерусалим полностью еврейским. Шарон с явно провокационной целью переехал в квартиру в Мусульманском квартале, а в 1991 году религиозные ультрасионисты начали селиться в арабской деревне Сильван, прямо напротив города Давида. Мэр Коллек, на глазах которого агрессивные милленаристы рушили дело всей его жизни, осудил Шарона и переселенцев за «мессианизм, который причинил нам чрезвычайно много вреда на протяжении всей нашей истории».

Интифада опосредованно привела к мирным переговорам в Осло. В 1988 году Арафат согласился с концепцией двух государств — арабского и еврейского — и заявил, что отказывается от вооруженной борьбы за уничтожение Израиля. Король Хусейн официально отказался от притязаний на Иерусалим и Западный берег, на территории которых Арафат

собирался создать палестинское государство со столицей в Аль-Кудсе. В 1992 году премьер-министром стал Израиля Ицхак Рабин, подавивший Интифаду с присущей ему жесткостью.

Он единственный обладал теми качествами, которые должен иметь миротворец, чтобы евреи доверяли ему. Под эгидой американцев начались бесплодные переговоры в Мадриде, однако большинству основных игроков не было известно, что параллельно идет другой, тайный процесс, который и принесет реальные плоды.

Этот процесс начался с неофициальных переговоров между израильскими и палестинскими учеными. Состоялось несколько встреч: в отеле «Американская колония», который был признан нейтральной территорией, затем в Лондоне, а потом в Осло. Переговоры были инициированы министром иностранных дел Шимоном Пересом и его помощником Йоси Бейлиным; Рабин первоначально ничего не знал о них. Только в 1993 году Перес и Бейлин рассказали об этом Рабину, и он поддержал переговоры. 13 сентября Рабин и Перес при поистине гениальной модерации президента Клинтона подписали с Арафатом «Декларацию о принципах». Западный берег и сектор Газа были частично переданы под управление Палестинской национальной администрации (ПНА), иерусалимская штаб-квартира которой расположилась в старинном особняке Хусейни «Ориент Хаус», принадлежавшем самому уважаемому палестинцу в городе — Фейсалу аль-Хусейни, сыну героя 1948 года[307]. Рабин подписал мирный договор с королем Иордании Хусейном и подтвердил особую роль хашимитов в качестве смотрителей исламских святынь в Иерусалиме (эту роль иорданский монарх исполняет и поныне). Израильские и палестинские археологи тем временем согласовали свою собственную, академическую версию мирного соглашения и с энтузиазмом приступили к первым совместным исследованиям.

Вопрос о статусе Иерусалима, по которому согласия так и не было достигнуто, решили на время отложить, и Рабин, не дожидаясь какого бы то ни было соглашения, распорядился ускорить строительство еврейских поселений. Бейлин и заместитель Арафата Махмуд Аббас вели переговоры о том, чтобы разделить Иерусалим на арабскую и еврейскую зоны под совместным муниципальным управлением, а Старому городу придать особый статус — сделать его чем-то вроде ближневосточного Ватикана. Однако никакого договора так и не было подписано.

Соглашения Осло, вероятно, оставили в стороне множество нерешенных деталей и вызвали шквал недовольства с обеих

сторон. На очередных выборах 82-летний Коллек потерпел поражение и мэром стал сторонник гораздо более жесткой линии Эхуд Ольмерт, которого поддержали националисты и ультраортодоксы. 4 ноября 1995 года, всего через четыре дня после того, как Бейлин и Аббас достигли неформального соглашения по Иерусалиму, Ицхак Рабин был убит еврейским фанатиком. Уроженец Святого города, он навсегда упокоился в Иерусалиме на горе Герцля. Надгробную речь произнес король Хусейн, на церемонии присутствовали американский президент и двое его предшественников, а также президент Египта Мубарак (это был его первый визит в Иерусалим) и принц Уэльский (это был единственный официальный визит члена британской королевской семьи с момента основания государства Израиль).

Мир начал рушиться. Исламские фундаменталисты из ХАМАС одного за другим направляли в Израиль подрывников-самоубийц, и каждый мирный гражданин мог стать случайной жертвой кровавого теракта. Один лишь арабский смертник, взорвавший себя в иерусалимском автобусе, унес жизни 25 человек. Через неделю на том же маршруте взорвался еще один смертник, погибло еще 18 человек. Израильские избиратели наказали за эту волну насилия премьер-министра Шимона Переса, отдав свои голоса лидеру партии «Ликуд» Биньямину Нетаньяху, уверявшему, что Перес непременно разделит Иерусалим. Нетаньяху поставил под вопрос сам принцип «земля в обмен на мир», выступал против любого раздела Иерусалима и активизировал строительство все новых еврейских поселений.

В сентябре 1996 года был открыт для посетителей туннель, протянувшийся от Западной стены вдоль Храмовой горы и выходящий на поверхность в Мусульманском квартале[308]. Некоторые израильские радикалы пытались продолжить туннель в направлении Храмовой горы, но исламские чиновники из вакфа быстро зацементировали отверстие. Снова поползли слухи, что евреи собираются с помощью туннелей заминировать и взорвать мусульманские святыни, и в начавшихся волнениях было убито 75 и ранено 1500 человек — наглядное свидетельство того, что археология в Иерусалиме может быть вопросом жизни и смерти. Однако не только израильтяне политизировали свою археологию, и не только археология подверглась политизации: история была еще важнее. Организация освобождения Палестины запретила палестинским историкам вообще признавать тот факт, что в Иерусалиме когда-то стоял еврейский храм, — и это было личное распоряжение Арафата: сам он был вполне светским лидером боевиков, но, как и в случае с израильтянами, у арабов даже секулярный нарратив оказался неразрывно связан с религиозным.

В 1948 году Арафат сражался вместе с «Братьями-мусульманами», чье боевое крыло называлось «Аль-Джихад аль-Мукаддас» — «Священная война за Иерусалим», — и он вполне осознавал значимость Святого города для исламского мира: боевое подразделение движения ФАТХ Арафат назвал «Бригадой мучеников аль-Аксы». Сподвижники Арафата признавали, что Иерусалим был его «навязчивой идеей»; он сравнивал себя с Саладином и халифом Омаром и отрицал какую бы то ни было связь евреев с городом. «Чем сильнее евреи оказывают давление на ситуацию с Храмовой горой, — говорит палестинский историк Назми Джубех, — тем более активно отрицается существование Первого и Второго Храмов».

В напряженные дни, последовавшие за волнениями из-за туннеля, на фоне слухов о том, что евреи якобы планируют устроить синагогу в Конюшнях Соломона, израильтяне разрешили вакфу расчистить древние залы под мечетью аль-Акса, а затем срыть при помощи бульдозеров лестницу и построить в подземельях Ирода новую, просторную мечеть — Марвану. Обломки были просто-напросто выброшены. Израильские археологи пришли в ужас от работы бульдозеров в самом чувствительном месте на Земле, но археология проиграла в этой битве религий и политиков[309].

Израильтяне еще не до конца утратили надежду на мир. В июле 2000 года президент Билл Клинтон организовал в своей загородной резиденции Кэмп-Дэвид встречу нового израильского премьера Эхуда Барака с Арафатом. Барак сразу же предложил «окончательный» вариант: под управление палестинской администрации передаются 91 % Западного берега с административным центром в Абу-Дисе и все арабские предместья Восточного Иерусалима. Старый город останется под суверенитетом Израиля, однако при этом Мусульманский и Христианский кварталы, а также Храмовая гора будут находиться под палестинским «суверенным контролем». Земля и туннели под Харамом, и прежде всего Краеугольный камень Храма, останутся территорией Израиля, и евреям впервые позволят молиться небольшими группами в каком-нибудь месте на Храмовой горе. Старый город будет патрулироваться совместными силами, однако будет демилитаризован и открыт для всех без исключения. Арафат, которому уже предложили половину кварталов Старого города, потребовал себе также и Армянский квартал. Израиль согласился и на это, уступив, таким образом, три четверти Старого города. Несмотря на то, что Саудовская Аравия оказывала сильное давление на Арафата, убеждая его принять условия, Арафат чувствовал, что не вправе ни вести

переговоры об окончательном урегулировании права палестинцев на возвращение, ни согласиться на израильский суверенитет над Куполом Скалы, который принадлежит всему исламскому миру.

«Вам что, не терпится скорее попасть на мои похороны? — спросил он Клинтона. — Я не откажусь от Иерусалима и его святых мест». Однако у отказа Арафата были и более фундаментальные причины: в ходе переговоров Арафат по-настоящему поразил и американцев, и израильтян, начав настаивать, что Иерусалим никогда не был местонахождением иудейского Храма, который в действительности располагался на горе Гризим в Самарии. А святость города для евреев — это, мол, современное изобретение. На переговорах, прошедших в том же году позднее, в последние недели президентства Клинтона, Израиль предложил арабам полный суверенитет над Храмовой горой, оставив за собой лишь символический доступ к Святая Святых под землей. Но Арафат отверг и это предложение.

28 сентября 2000 года Ариэль Шарон, лидер находившейся в оппозиции партии «Ликуд», создал Эхуду Бараку еще больше проблем, явившись на Храмовую гору в сопровождении отряда израильской полиции с «посланием мира», которое содержало явную угрозу в адрес столь любимых мусульманами аль-Аксы и Купола Скалы. Вспыхнувшие в результате этого визита беспорядки скоро вылились во вторую палестинскую Интифаду — так называемую «Интифаду аль-Аксы». Обычные беспорядки со швырянием камней были лишь ее частью: параллельно ФАТХ и ХАМАС начали заранее спланированную кампанию смертников, нацеленную на мирных израильских граждан. И если Первая Интифада в чем-то помогла палестинцам, то вторая окончательно похоронила всякую веру израильтян в успех мирного процесса, открыла путь к власти для Шарона и привела к фатальному расколу в среде самих палестинцев.

Шарон подавил новую Интифаду, практически ликвидировав ПНА, а самого Арафата унизил, блокировав в его же собственной штаб-квартире в Рамалле. Арафат умер в 2004 году, и израильтяне не разрешили похоронить его на Храмовой горе. Его преемник Махмуд Аббас в 2006 году проиграл выборы ХАМАС, который после недолгого конфликта захватил Газу, оставив ФАТХ только Западный берег. Шарон начал строить вдоль административной границы с Палестинской автономией «стену безопасности», которая протянулась в том числе и через Иерусалим, — угнетающее бетонное сооружение, оказавшееся, однако, весьма полезным в борьбе с проникновением смертников на территорию Израиля.

Семена мира не только упали на каменистую почву, но и

отравили ее. Мирное соглашение само по себе дискредитировало его творцов. Сегодня Иерусалим живет в состоянии шизофренической тревоги. Евреи и арабы не отваживаются заходить в кварталы друг к другу. Светские евреи избегают ультраортодоксов, которые швыряются в них камнями за то, что они выходят из дома в субботу или носят неподобающую, по их мнению, одежду. Мессиански настроенные евреи периодически испытывают терпение полиции и разогревают тревоги арабов, делая попытки помолиться на Храмовой горе. Христианские общины разных конфессий продолжают свои распри. Лица горожан напряжены, их голоса сердиты, и все они — даже те представители трех религий, которые убеждены, что действуют по воле Божьей, — не знают наверняка, что принесет им завтрашний день.

Что будет завтра

Здесь, в большей степени, чем где-либо еще на Земле, мы страстно желаем обрести хотя бы малую каплю эликсира терпимости, эмпатии и великодушия, который бы подействовал как антидот от тлетворного яда предубеждений, чувства собственной исключительности и собственнического инстинкта. А найти такое противоядие очень непросто. Никогда за последние два тысячелетия Иерусалим не был ни таким большим, ни таким приукрашенным, ни таким подавляюще еврейским. Однако при этом Иерусалим остается городом с самым многочисленным арабским населением во всей Палестине[310]. И временами его еврейство пытаются представить как нечто искусственное и даже противоречащее духу Иерусалима. Но это явное искажение и прошлого, и будущего города.

История Иерусалима — это хроника переселенцев, колонизаторов и паломников, в том числе и арабов, и евреев, и представителей многих иных народов, в городе, который много раз и разрастался, и ужимался. На протяжении более чем тысячелетнего исламского правления Иерусалим неоднократно колонизовали мусульманские поселенцы, ученые, суфии, а также паломники: арабы, турки, индусы, суданцы, иранцы, курды, иракцы и жители Магриба, а также христиане: армяне, сербы, грузины, русские — не так уж сильно отличающиеся от евреев-сефардов и российских евреев, поселившихся здесь позднее и по схожим причинам. Именно эта особенность убедила Лоуренса Аравийского в том, что Иерусалим был в большей степени левантийским городом, нежели арабским, и именно это сильнее

всего сказывалось на его облике и атмосфере.

Часто забывают, что все районы Иерусалима за пределами стен — это новые поселения, основанные и построенные между 1860 и 1948 годами и арабами, и евреями, и европейцами. Арабские районы, такие как Шейх-Джаррах, не более древние, чем еврейские кварталы, и имеют законное право на существование не в большей и не в меньшей степени, чем последние.

И мусульманские, и еврейские исторические притязания правомерны. Евреи населяли этот город и молились в нем на протяжении трех тысяч лет, и они имеют такое же право жить в нем и селиться вокруг него, как и арабы. Но время от времени случается, что даже самые безобидные акции восстановления еврейского облика города объявляются нелегитимными: в 2010 году, когда израильтяне наконец освятили восстановленную синагогу Хурва в Еврейском квартале, разрушенную иорданцами в 1948-м, это вызвало критику в европейских средствах массовой информации и локальные беспорядки в Восточном Иерусалиме.

Но совсем другое дело, когда иерусалимские арабы принудительно выселяются с обжитых мест, подвергаются давлению, а то и откровенной травле, когда их собственность экспроприируется под весьма сомнительными юридическими предлогами — и все это с одной целью: освободить место для все новых еврейских поселений, строительство которых поддерживает вся мощь государства и городских властей, не говоря уже о яростной решимости самих поселенцев, убежденных в том, что они осуществляют предписанную Господом миссию. Агрессивное строительство поселений, постепенная колонизация соседних арабских районов, саботирование любых мирных соглашений по разделу города и систематическое пренебрежение строительством социальной инфраструктуры и жилья в арабских зонах приводят к тому, что даже самые невинные еврейские проекты изначально встречаются в штыки.

У Израиля есть два пути развития: либо «иерусалимский» путь — то есть строительство религиозно-националистического государства, — либо либеральный, прозападный Тель-Авив. Существует опасность, что националистический проект в Иерусалиме, одержимость поселенцев на Западном берегу так сильно исказят интересы самого Израиля, что в конечном итоге причинят еврейскому Иерусалиму больше вреда, чем пользы. Хотя волны общественного мнения набегают и откатываются, Израиль имеет ровно такое же право на безопасность и процветание, как любая другая страна мира — вот только Иерусалим это вовсе не «любая другая» столица. «Сегодня,

впервые в истории, иудеи, христиане и мусульмане — все могут свободно молиться в своих храмах», — говорил писатель Эли Визель в открытом письме президенту США Бараку Обаме в 2010 году, и в условиях израильской демократии это по большей части правда.

Безусловно, евреи впервые с 70 года получили возможность свободно молиться в Иерусалиме. В период христианского правления им было запрещено даже приближаться к городу. В течение исламских столетий христиане и евреи пользовались покровительством в качестве зимми, однако то и дело подвергались притеснениям и репрессиям. Евреям, которые не могли рассчитывать на защиту европейских государств, коей пользовались в Иерусалиме христиане, часто приходилось плохо — хотя и не настолько плохо, как в худшие времена в христианской Европе. Еврея могли убить за одно только то, что он посмел приблизиться к мусульманской или христианской святыне, зато любой еврей мог проехать на ослике по узкому переулочку вдоль Стены — пусть для этого технически и требовалось наличие специального разрешения. Даже в XX веке доступ евреев к Стене был серьезно ограничен британскими властями и в конце концов совершенно запрещен иорданцами. Однако из-за того, что израильтяне называют «новой ситуацией», свобода вероисповедания, о которой писал Визель, не всегда существует для палестинских арабов, желающих помолиться в храме Гроба Господня или в мечети аль-Акса: «стена безопасности» перекрыла свободный доступ в Иерусалим, и им приходится сталкиваться с множеством бюрократических препон.

В те дни, когда открытый конфликт стихает, иудеи, мусульмане и христиане по древней иерусалимской страусиной традиции прячут головы в песок и притворяются, будто «чужаков» попросту не существует. В сентябре 2008 года еврейский Новый год пришелся на мусульманский Рамадан. В результате на улочках города образовалась «монотеистическая пробка» — иудеи и арабы шли молиться к Хараму и к Стене. Но «было бы неверно трактовать это как напряженные столкновения, ведь по сути никаких столкновений не было, — писал Этан Броннер в *The New York Times*. — Они не обменялись ни словом; они старались не замечать друг друга. Словно параллельные вселенные, где у каждого места есть два разных имени и события, которые каждый из них считает своими, тянулись в ночи эти людские потоки».

По меркам Иерусалима этот страусиный самообман — признак нормальности, тем более что никогда прежде город не имел такого значения для всего мира. Сегодня Иерусалим — командный пункт ближневосточного театра военных действий,

поле битвы западного секуляризма с исламским фундаментализмом, не говоря уже о постоянных распрях между израильтянами и палестинцами. Ньюйоркцы, лондонцы и парижане живут в атеистическом, секулярном мире, в котором над организованной религией и ее последователями в лучшем случае мягко иронизируют. Тем не менее число фундаменталистов и милленаристов во всех трех авраамических религиях — христианской, иудейской и мусульманской — постоянно возрастает.

Американские евангелисты продолжают взирать на Иерусалим в ожидании Последних дней, а американские администрации рассматривают мирный Иерусалим как ключ к спокойствию на всем Ближнем Востоке и стратегически важный объект для поддержания отношений со своими арабскими союзниками. Между тем тот факт, что священный Аль-Кудс находится под контролем Израиля, делает его еще более вожделенным для мусульман: на ежегодном Дне Иерусалима в Иране, учрежденном в 1979 году аятоллой Хомейни, город предстает чем-то большим, чем исламская святыня и палестинская столица. Тегеран претендует на гегемонию в регионе, и эти претензии подкрепляются разработкой ядерного оружия и холодной войной с Америкой, а Иерусалим оказывается удобным поводом объединить иранских шиитов с арабскими суннитами, скептически относящимся к амбициям Иранской Республики. И для шиитской «Хезболлы» в Ливане, и для суннитского ХАМАС в секторе Газа город сегодня служит фетишем антисионизма, антиамериканизма и иранского лидерства. «Оккупационный режим в Иерусалиме, — заявлял президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, — должен исчезнуть со страниц истории». Сам Ахмадинежад — это мусульманский милленарист, верящий в то, что неизбежное явление «праведного, совершенного Аль-Махди Избранного», «сокрытого» двенадцатого имама, принесет освобождение Иерусалиму — месту свершения того, что в Коране зовется «Часом».

Этот эсхатологически-политический накал помещает Иерусалим XXI века, избранный город трех религий, на перекрестье всех конфликтов, убеждений и предвидений. Апокалиптическая роль Иерусалима, возможно, и преувеличена, но этот уникальный сплав силы, веры и моды, находящийся под неусыпным наблюдением репортеров круглосуточных теленовостей, ощутимо давит на камни вселенского города, снова в определенном смысле ставшего центром мира.

«Иерусалим — это спичечный коробок, который может вспыхнуть в любой момент, — предостерегал в 2010 году

иорданский король Абдалла II, праправнук Абдаллы I ибн Хусейна. — Все дороги в нашей части мира, все конфликты ведут в Иерусалим». В этом — причина того, что американские президенты видят необходимость примирения обеих сторон в самые неблагоприятные моменты. Партия мира в израильской демократии сейчас в тени, в недолговечных правительствах Израиля доминируют всесильные религиозно-националистические партии, в то время как раздробленные палестинские фракции пытаются пересмотреть и согласовать свои очень разные программы — будь то секулярный ФАТХ или исламистский ХАМАС — и сформировать единое палестинское правительство. Если уровень жизни на Западном берегу, которым управляет ФАТХ, постепенно растет, то ХАМАС, правящий в секторе Газа и остающийся самой деятельной палестинской организацией, по-прежнему привержен идее уничтожения Израиля. Он охотно использует смертников и периодически обстреливает ракетами Южный Израиль, провоцируя ответные израильские операции в секторе. Европейцы и американцы считают ХАМАС террористической организацией. В какой-то момент, будем надеяться, в результате свободных выборов появится демократическое правительство Палестины, хотя и неясно, смогут ли обе фракции работать вместе, чтобы обеспечить стабильный контакт с Израилем, и сможет ли вообще ХАМАС стать заслуживающим доверия партнером. В какой-то момент переговоров ХАМАС придется отвергнуть насилие и официально признать государство Израиль. Кроме того, на Иерусалим, как это было всегда на протяжении его истории, будут оказывать влияние бурные события, происходящие в Египте, Сирии и других странах с начала Арабской весны в 2011 году.

Вся история переговоров после 1993 года, весь этот разительный контраст между благородными словами и подрывающими всякое доверие актами насилия недвусмысленно свидетельствуют о нежелании сторон пойти на компромисс и навсегда разделить Иерусалим. И в лучшие времена примирить религиозное, национальное и эмоциональное было в Иерусалиме головоломной задачей. В XX веке было разработано свыше 40 планов по разделу Иерусалима, но ни один из них не был реализован. А по статусу Храмовой горы существует по меньшей мере 13 различных проектов.

В 2010 году президент Обама вынудил Нетаньяху, вновь вернувшегося к власти в коалиции с Эхудом Бараком, временно заморозить строительство поселений в Иерусалиме. Ценой охлаждения американо-израильских отношений Обама, по крайней мере, снова усадил стороны за стол переговоров. Но этот

прогресс был недолговечным.

Израиль не раз демонстрировал отсутствие дипломатической гибкости и рисковал собственной безопасностью и репутацией, отказываясь прекращать строительство поселений, но это в любом случае остается предметом переговоров. Проблемы другой стороны кажутся столь же фундаментальными. При Рабине, Бараке и Ольмерте Израиль предлагал разделить Иерусалим, включая Старый город. Несмотря на два десятилетия тяжелых и нервных переговоров палестинцы ни разу официально не согласились на раздел города, хотя остается крошечная надежда, что они сделали это тайно и неофициально в 2007–2008 годах. Но стоило одной из сторон проявить гибкость, могущую привести к сближению позиций, как выяснялось, что именно этот момент — самый неподходящий для другой стороны. А информация о каких-то неформальных договоренностях, просочившаяся в результате различных утечек, вызвала в арабском мире яростные обвинения палестинской администрации в предательстве интересов арабов.

Нынешний статус-кво в Иерусалиме может сохраняться десятилетиями. Но когда — и если — будет подписан мирный договор, в нем обязательно пойдет речь о двух государствах. Это важно и для сохранения Израиля как демократии, и для восстановления справедливости и уважения для палестинцев. А принципы, на которых будет создано палестинское государство и разделен Иерусалим, известны обеим сторонам: «Иерусалим будет столицей обоих государств, арабские районы будут палестинскими, еврейские — израильскими», — заявил президент Израиля Шимон Перес, архитектор соглашений в Осло, который как никто видит всю картину в целом.

Израильтяне получат свои 12 или около того поселений в Восточном Иерусалиме, в соответствии с параметрами, установленными президентом Клинтоном. А палестинцы в виде компенсации получат израильские земли где-либо еще, и большая часть израильских поселений будет удалена с большей части Западного берега. Казалось бы — чего проще, «но камнем преткновения, — объясняет Перес, — остается Старый город. Необходимо проводить различие между суверенитетом и религией. Каждая сторона хочет владеть своими храмами, но едва ли можно порезать Старый город на куски».

Старый город мог бы стать подобием демилитаризованного Ватикана под управлением международного комитета, с совместной арабо-израильской полицией или каким-нибудь другим силовым органом — чем-то вроде иерусалимской версии швейцарских гвардейцев Ватикана. И если арабы не приемлют

американского вмешательства, а израильтяне не доверяют ООН и ЕС, то процесс урегулирования могли бы взять на себя НАТО и Россия, которая снова горит желанием играть важную роль в Иерусалиме. Но саму Храмовую гору трудно интернационализировать, потому что ни один израильский политик не возьмет на себя смелость отказаться от права евреев на Краеугольный камень Храма и ни один исламский политик не может признать полный суверенитет Израиля над Благородным Святилищем — и остаться после этого в живых. К тому же не стоит забывать, что интернационализированные или «свободные» города — взять хоть Данциг, хоть Триест — обычно плохо заканчивали.

Храмовую гору трудно поделить. Харам аш-Шариф и ха-Котель, Благородное святилище и Западная стена, Купол Скалы и мечеть аль-Акса — все это части одного целого: «Никто не может монополизировать святость, — добавляет Перес. — Иерусалим — это скорее язык пламени, чем город, а пламя никому не поделить». Так или иначе, но суверенитет должен быть как-то распределен. Поэтому появились проекты, отдающие верхнюю плоскость Храмовой горы (эспланаду) мусульманам, а туннели и цистерны под землей (а следовательно, и Камень основания) — Израилю. Идея подробного, детальнейшего разграничения сумеречного мира подземных пустот, колодцев и туннелей поистине захватывает, и при этом в ней есть что-то неизбывно иерусалимское: кому принадлежит земля? Кому — ее глубины? А кому — небеса?

Политический суверенитет может быть обозначен на карте, выражен в официальных договорах, гарантированных автоматом М-16, но он будет напрасным и бессмысленным без исторического, мистического и эмоционального измерений. «На две трети арабо-израильский конфликт — конфликт психологический», — заметил когда-то Анвар Садат. Реальные условия для мира — это не вопрос о том, кому принадлежит какая-нибудь иродова цистерна — Палестине или Израилю. Мир может быть достигнут только на условиях принятых сердцем взаимного доверия и уважения. Но на каждой стороне есть те, кто в принципе отрицает историю и древность другой стороны. И если у этой книги есть какая-то миссия, то автору очень бы хотелось надеяться, что она внесет свой вклад в то, чтобы убедить обе стороны признать и уважать древнее наследие друг друга. Когда Арафат отрицал иудейскую историю Иерусалима, это было расценено как абсурд даже палестинскими историками (что все они признают в частных беседах), но никто из них не посмел возразить ему открыто. Только в 2010 году единственный

палестинский ученый, философ Сари Нусейбе, нашел в себе мужество заявить, что Харам аш-Шариф — это место, где когда-то стоял иудейский Храм.

Израильское строительство поселений разрушает веру арабов в возможность построения палестинского государства. Но и отрицание палестинцами древнего еврейского наследия не менее разрушительно для мирного процесса, чем ракеты, которые ХАМАС периодически выпускает из сектора Газа. Здесь мы подходим к еще более серьезному вызову: обоим народам предстоит признать и трагические, и героические страницы истории другого народа. Это очень непросто, поскольку оба они помнят в совместной истории только несправедливости и жуткие злодейства, — но все же возможно.

В современном положении Иерусалима легко представить себе непредставимое. А будет ли он вообще существовать через пять лет? А через сорок? Всегда есть вероятность, что какие-нибудь экстремисты разрушат Храмовую гору, разобьют сердце мира и убедят фундаменталистов любого толка, что Судный день близок и война Христа с Антихристом началась.

Амос Оз, иерусалимский писатель, ныне живущий в Негеве, предлагает весьма эксцентричное решение проблемы: «Нам следует перевезти по камню все святые места в Скандинавию лет на сто и не возвращать их обратно до тех пор, пока народы в Иерусалиме не научатся жить единой семьей». Решение хорошее, но, к сожалению, не очень практичное.

1000 лет Иерусалим был иудейским, около 400 лет — христианским и 1300 лет — мусульманским. Ни одной из этих религий не удавалось завладеть Иерусалимом без меча, баллисты или гаубицы. Все их истории — это закоснелые в предрассудках повествования о героических триумфах (всегда закономерных) и незаслуженных бедствиях (всегда неожиданных). Я же в своей книге пытался показать, что в истории Иерусалима не было ничего неизбежного и альтернатива имелась всегда. Мы не всегда ясно представляем себе судьбы и личности иерусалимлян. Жизнь в Иерусалиме Ирода, при крестоносцах или во времена Британского мандата была такой же сложной и полной оттенков, как и наша сегодняшняя жизнь.

Периоды спокойной эволюции чередовались с драматическими революциями. Иногда сталь, порох и кровь резко изменяли облик Иерусалима. А бывали времена медленной смены поколений иерусалимских семей, песен, которые они пели, историй, которые они рассказывали детям и внукам, стихов, которые они читали своим возлюбленным… И все это помнят кривые иерусалимские улочки и крутые ступени, по которым

бегали, ходили и ковыляли на протяжении многих веков, пока твердый шершавый иерусалимский камень не был отшлифован до блеска.

Иерусалим, в котором столько любви и столько ненависти, во все времена осиянный аурой святости и топорщащийся каменными обломками, одновременно прозаически вульгарный и эстетически утонченный, живет, кажется, жизнью более интенсивной, чем любой иной город. Здесь как будто ничего не меняется — и при этом меняется все. И на рассвете каждого нового дня три святилища трех религий вновь просыпаются для жизни — каждое по-своему.

Сегодня утром

Раввин Западной стены и святых мест Шмуэль Рабинович просыпается в 04:30, чтобы начать свой ежедневный ритуал молитвы — чтения Торы. По Еврейскому кварталу он идет к Стене, доступ к которой всегда свободен. Колоссальные блоки Иродовой кладки светятся даже в темноте. Евреи молятся там и днем, и ночью.

40-летний раввин — потомок эмигрантов, прибывших в Иерусалим из России семь поколений назад, происходит из Герской и Любавичской хасидских династий. Бородатый, голубоглазый отец семерых детей в черном костюме, очках и кипе идет по Еврейскому кварталу, невзирая на погоду — в холод и в жару, под дождем и под снегом, — пока перед ним не вырастает стена Ирода Великого. Каждый раз «сердце его словно пропускает один удар», когда он приближается к «самой большой синагоге в мире. Невозможно описать земными словами связь, которую я чувствую с этими камнями. Это совершенно духовная вещь!»

Высоко над камнями Ирода высятся Купол Скалы и аль-Акса. Эту гору евреи зовут Горой дома Господня, но «там хватит места для всех нас, — говорит раввин, не допускающий и мысли о захвате Храмовой горы. — Однажды Бог может отстроить Храм — но нечего людям в это вмешиваться. Это дело — Господне».

Как раввин он обязан поддерживать Стену в чистоте и порядке. В щели между камнями верующие по традиции вкладывают свои записки. Дважды в год — перед Пасхой и Новым годом — эти записки вынимают; они считаются столь священными, что раввин хоронит их на Масличной горе.

Когда он подходит к Стене, ее уже освещают лучи восходящего солнца, а у подножия Стены собрались около 700 евреев, но он всегда находит одну и ту же молитвенную группу —

миньян[311], — стоящую на одном и том же месте у Стены: «Ритуал очень важен, он позволяет сосредоточиться на молитве». Но раввин не здоровается ни с кем из членов миньяна, он может лишь кивнуть, но никаких разговоров — «первые слова должно обращать к Богу». Он завязывает на руке ремешки *тфилин*[312] и читает утреннюю молитву Шахарит, заканчивающуюся словами: «Господь благословит народ Свой миром». И только после этого он приветствует своих друзей как следует. День у Стены начался.

Незадолго до того, как стрелки часов покажут четыре утра — чуть раньше, чем проснется раввин Рабинович, — в окно Ваджиха аль-Нусейбе в квартале Шейх-Джаррах звякает камушек. Ваджих открывает дверь: он уже одет, на нем костюм и галстук, и 80-летний Адид аль-Джуда передает ему тяжелый средневековый 30-сантиметровый ключ. Нусейбе, 60-летний потомок одного из самых влиятельных иерусалимских кланов[313], берет ключ и проворно спускается через Дамасские ворота к церкви Гроба Господня.

Нусейбе — привратник храма Гроба Господня вот уже более 25 лет — прибывает на место ровно в 04:00 и стучит в громадные створки древних дверей, прорезающих романский фасад времен королевы Мелисенды. Внутри храма, который он накануне вечером запер в 20:00, причетники из числа греков, католиков и армян уже обговорили, кому из них открывать двери в этот день. Священники трех главенствующих христианских конфессий провели ночь в приветливом общении и молитвенных ритуалах. Православные греки, первые во всем, начинают свою литургию у Гроба Господня в 02:00: восемь священников служат на греческом языке, а затем передают эстафету армянам, отправляющим свое богослужение, *бадарак*, на армянском языке. После того, около 06:00, начинается католическая месса. Затем все три конфессии служат заутреню. Только одному копту дозволяется провести ночь в храме, но он молится в одиночестве на древнем коптском языке.

Когда врата открываются, службу в своем монастыре на крыше и в часовне Св. Михаила, вход в которую располагается чуть правее главного портала, начинают и служители Эфиопской Церкви. Эфиопы молятся на амхарском языке, а их служба длится так долго, что на ее протяжении они опираются на пастушеские посохи, груды которых всегда лежат в их церквях, готовые послужить опорой утомленным верующим. К ночи храм оглашается благозвучным гулом множества языков и молитв, словно каменный лес, в котором хоры разных пернатых поют каждый свою партию. Но это Иерусалим, и Нусейбе никогда не знает, чего ожидать: «Я сознаю, что тысячи людей зависят от

меня, и я всегда беспокоюсь, как бы чего не вышло, — вдруг ключ не откроет замок или еще что-нибудь пойдет не так. Первый раз я открыл храмовые двери в пятнадцать лет. Тогда мне показалось это так весело. Но теперь я понимаю, какая большая ответственность лежит на мне». В любое время — будь то война или мир — он должен открыть врата храма. А отец Ваджиха, по его словам, иногда даже оставался на ночь в храме — для пущей надежности.

Но Нусейбе знает: несколько раз в год в церкви происходят перебранки и скандалы. Даже в XXI веке священники забывают о правилах вежливости и хороших манерах и отдаются во власть тщательно скрываемых, но прочно засевших внутри, накопленных с веками эмоций — чувств негодования или обиды. Взрывы этих чувств могут случиться когда угодно, но чаще бывают на Пасху.

Греки, под эгидой которых находится большая часть храма (они составляют самую большую по численности религиозную общину в Иерусалиме), традиционно враждуют с католиками и армянами и обычно выигрывают битвы. Копты и эфиопы, хотя и те, и другие исповедуют монофизитство, отличаются особой злобностью по отношению друг к другу: после Шестидневной войны израильтяне, которые обычно не вмешиваются в то, что происходит внутри Храма, но желая наказать Египет Насера и поддержать Эфиопию Хайле Селассие, передали эфиопам коптскую церковь Св. Михаила. Во время мирных переговоров в египетских условиях обычно содержатся требования поддержки коптов. Верховный суд Израиля своим решением подтвердил принадлежность церкви Св. Михаила коптской общине, но на деле она остается во владении эфиопов — чисто иерусалимская ситуация. В июле 2002 года некоего коптского священника, гревшегося на солнышке возле ветхого эфиопского монастыря на крыше храма, избили железными прутьями — в отместку за дурное обращение коптов с эфиопами. Копты бросились на помощь своему товарищу: в результате четверо коптов и семеро эфиопов оказались в больнице.

В сентябре 2004 года на праздник Воздвижения Креста греческий патриарх Ириней попросил францисканцев закрыть двери их часовни Явления. Когда же те отказались, он напустил на врага свою охрану и священников. Вмешавшиеся в конфликт израильские полицейские также подверглись нападению греков, которые в потасовках часто бывают столь же грубы, как и палестинские юнцы, бросающие камни в солдат.

Стычкой ознаменовался и день схождения Благодатного огня в 2005 году: она завязалась, когда со Святым огнем появился не греческий, а армянский владыка[314]. Драчливый патриарх

Ириней в конечном итоге был низложен из-за продажи отеля «Империал» у Яффских ворот израильским поселенцам. Нусейбе устало пожимает плечами: «Да, между братиями, бывают, вспыхивают перепалки, и я помогаю урегулировать их. Мы занимаем нейтральную позицию, как ООН, и стараемся поддержать мир в этом святом месте». Нусейбе и Джуда играют свои роли на каждом христианском празднике. Нусейбе присутствует как официальный наблюдатель на многолюдной церемонии схождения Благодатного огня.

И вот церковный сторож приоткрывает маленькую заслонку в двери по правую руку и передает лестницу. Нусейбе берет ее и приставляет к двери слева. Своим огромным ключом он отпирает нижний замок правой створки, затем взбирается по лестнице и открывает верхний замок. Как только он спускается, священники распахивают отпертые створки громадных дверей. Войдя в храм, Нусейбе приветствует священников: «Мир вам». «Мир тебе», — отвечают они оптимистично. Члены семей Нусейбе и Джуда открывают двери церкви Гроба Господня по меньшей мере с 1192 года. Еще Саладин назначил семейство Джуда «хранителями ключа», а Нусейбе — «смотрителями и привратниками церкви Св. Гроба Господня» (как указано на визитке Ваджиха). Нусейбе, которые были также назначены наследными уборщиками Сахры (Скалы) в Куполе, утверждают, что Саладин всего-навсего восстановил их в правах на эту должность, коей они удостоены еще халифом Омаром в 638 году. До албанского завоевания в 1830-х годах они владели несметными богатствами. Ныне же они ведут скудное существование, зарабатывая на жизнь тем, что водят туристов.

Но вечное соперничество между двумя семействами не затихает. «У нас нет ничего общего с Нусейбе, — говорит 80-летний Джуда, хранящий ключ вот уже 22 года. — Они всего лишь привратники». Нусейбе же утверждает: «Джуда не дозволено прикасаться к дверям или замку». Как видим, соперничество среди мусульман такое же, как и среди христиан. Преемником Ваджиха в качестве привратника храма станет его сын Обадья.

Бывает, Нусейбе и Джуда проводят дни, сидя в притворе церкви — как поступали и их предки на протяжении восьми веков. Но никогда их не застанешь не то что вместе, но даже в одно время. «Я знаю здесь каждый камень, для меня храм как дом», — говорит Нусейбе. Он чтит церковь: «Мы, мусульмане, верим, что Мухаммед, Иисус и Моисей — пророки, и верим в святость Марии. Поэтому это место особое и для нас». Если же он захочет помолиться, Нусейбе может зайти в мечеть по соседству или пройтись пять минут до аль-Аксы.

В то же самое время, когда пробуждается раввин Стены, а привратник Нусейбе слышит стук камушка по стеклу, возвещающий о приходе ключника храма Гроба Господня, 42-летний отец пятерых детей Адиб аль-Ансари выходит в черной кожаной куртке из своего дома, построенного во времена мамлюков, и совершает пятиминутную прогулку вниз по улице, минуя КПП израильской полиции, к северо-восточным воротам Баб аль-Хава (Ворота Ветра), ко входу на Харам аш-Шариф.

Священная эспланада оснащена электрическим освещением, но требуется два часа, чтобы зажечь все фонари и светильники. Ансари приветствует охрану Харама и начинает открывать четверо главных ворот Купола Скалы и десять ворот аль-Аксы. На это уходит еще час.

Члены семейства Ансари, возводящего свое родословие к тем самым Ансари, что переселились с Мухаммедом в Медину, утверждают, что их назначил смотрителями Харама сам халиф Омар, а подтвердил их право на эту должность Саладин. (Шейх-взяточник, подкупленный некогда Монти Паркером, оказался в семье «паршивой овцой».)

Мечеть открывается за час до рассветной молитвы. Ансари не отпирает ворота каждый день сам — в его распоряжении целая команда. Но до того как стать наследным смотрителем, он лично отправлял эту обязанность каждое утро и гордился этим: «Во-первых, это работа, во-вторых, это семейная профессия и огромная ответственность. Но главное — это благородное и святое дело. Правда, платят за это маловато. Приходится подрабатывать на рецепции гостиницы на Масличной горе».

Наследные должности на Хараме постепенно отмирают. Шихаби (еще одно из семейств), ведущие свое происхождение от ливанских принцев и живущие в доме близ Малой Стены, когда-то были хранителями реликвии — волоска из Бороды Пророка. Но волосок теперь в Стамбуле, и они лишились этой почетной должности. Однако притяжение этого места поистине магнетическое, и Шихаби продолжают работать на Хараме.

В то же самое время, когда раввин спускается к Стене, Нусейбе стучит в двери церкви Гроба Господня, а Ансари открывает ворота Харама, еще один мусульманин — Наджи Казас — покидает свой дом на улице Баб аль-Хадид, которым его семейство владеет уже 225 лет, и, пройдя несколько метров по старым мамлюкским улочкам, проходит через Железные ворота на Харам. Он направляется прямиком в аль-Аксу. Там он заходит в маленькую комнату, где есть микрофон и несколько бутылок минеральной воды. До 1960 года семейство Казас использовало минарет. Теперь же муэдзины готовятся к призыву на молитву

именно в этой комнате. Минут 20 Казас разминается, делает дыхательные упражнения и полощет водой горло. Затем он включает микрофон, и когда часы на стене показывают, что время подошло, он поворачивается в направлении киблы и возглашает призыв на молитву — *азан*, — разносящийся по всему Старому городу.

Представители семейства Казас служат муэдзинами в аль-Аксе 500 лет — со времен правления мамлюкского султана Кайт-бея. Наджи призывает верующих на молитву уже 30 лет. Свои обязанности он разделяет с сыном Фиразом и двумя двоюродными братьями.

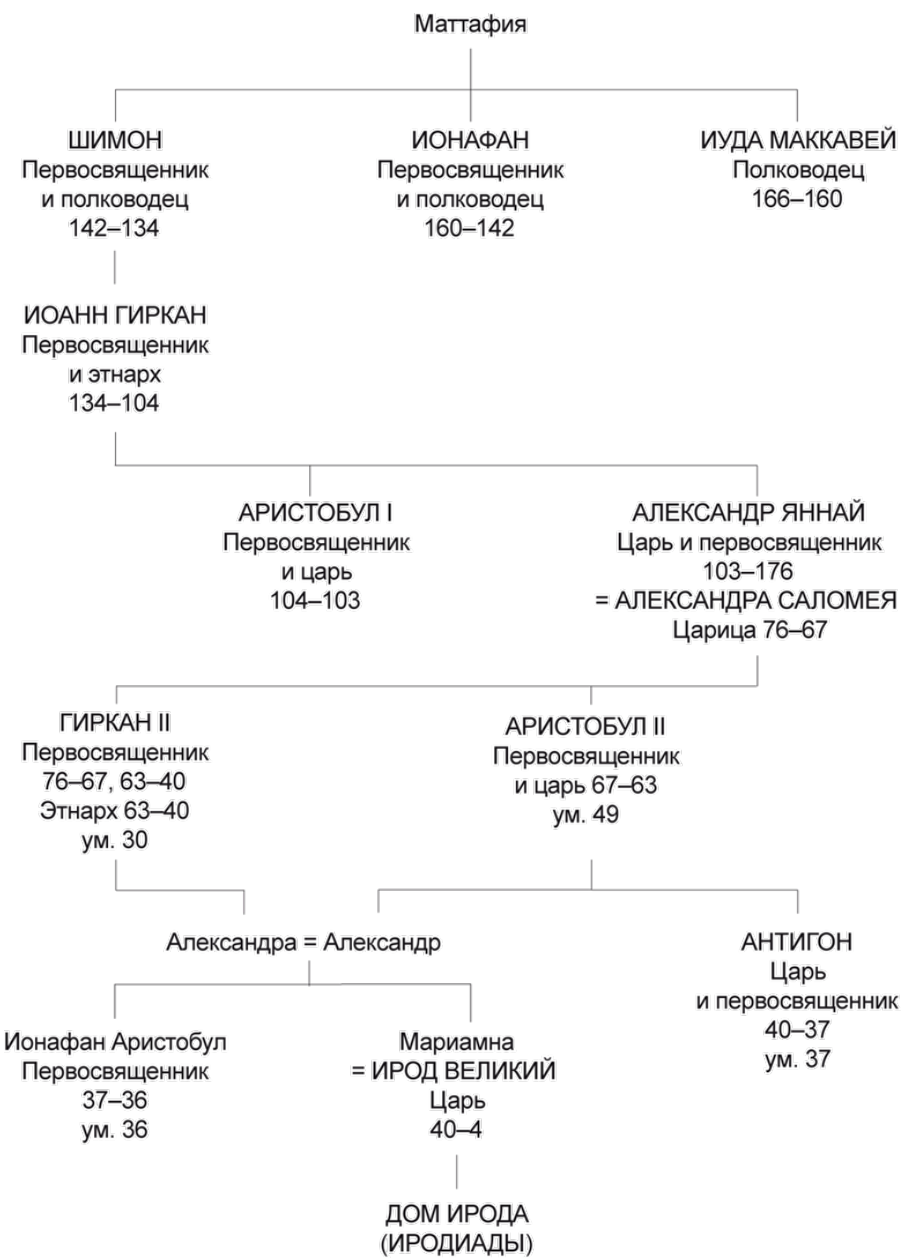
В Иерусалиме — час до рассвета. Церковь Гроба Господня открыта: в ней на нескольких языках молятся христиане. Купол Скалы также открыт: молятся мусульмане. Стена открыта всегда: и здесь тоже молятся. Над Иерусалимом восходит солнце. Под его лучами светлые камни Стены Ирода становятся почти белоснежными — точь-в-точь такими их описывал Иосиф Флавий два тысячелетия тому назад. А вслед за камнями вспыхивает на солнце золото Купола Скалы, заливается светом священная эспланада, где встречаются Небеса и земля и где Господь встречает человека, и вот наконец солнечный свет падает на самое таинственное сооружение в Иерусалиме. Купающиеся и переливающиеся в лучах солнца Золотые ворота вполне оправдывают свое название… Но остаются запертыми до Судного дня.

Приложения

Генеалогия

Маккавеи (Хасмонеи): цари и первосвященники 160–37 до н. э.

Имена правителей даны прописными буквами; указаны годы правления

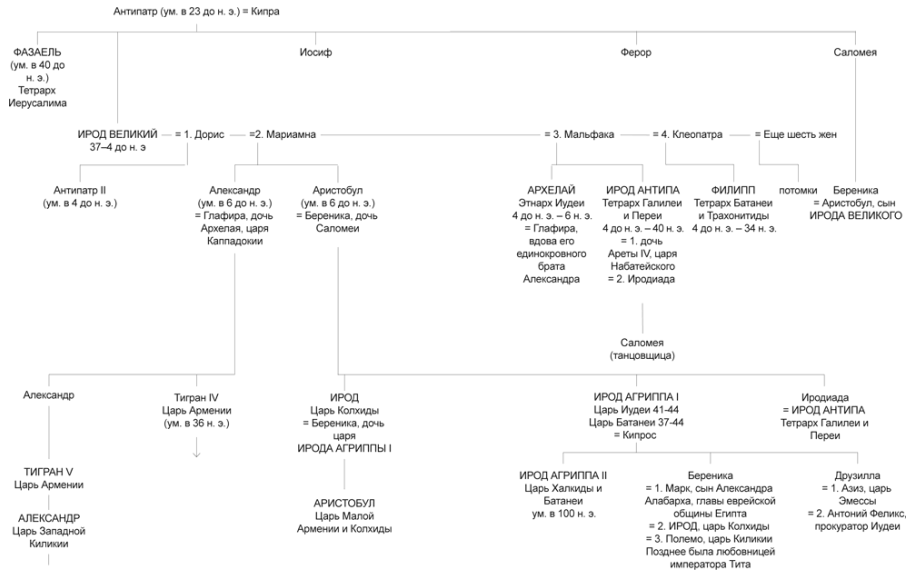


ДОМ ИРОДА (ИРОДИАДЫ)

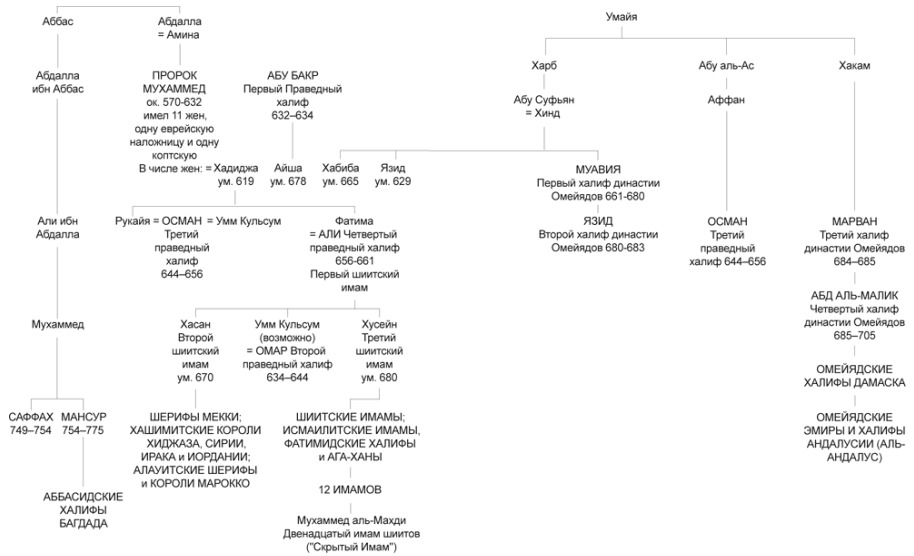
37 до н. э. — 100 н. э.

Имена правителей даны прописными буквами; указаны годы правления.

Это родословное древо включает только правителей из дома Ирода и их семьи. Иродиады постоянно заключали кровнородственные браки, поэтому полную генеалогию этой династии чрезвычайно трудно построить.



ПРОРОК МУХАММЕД, ИСЛАМСКИЕ ХАЛИФЫ И ДИНАСТИИ



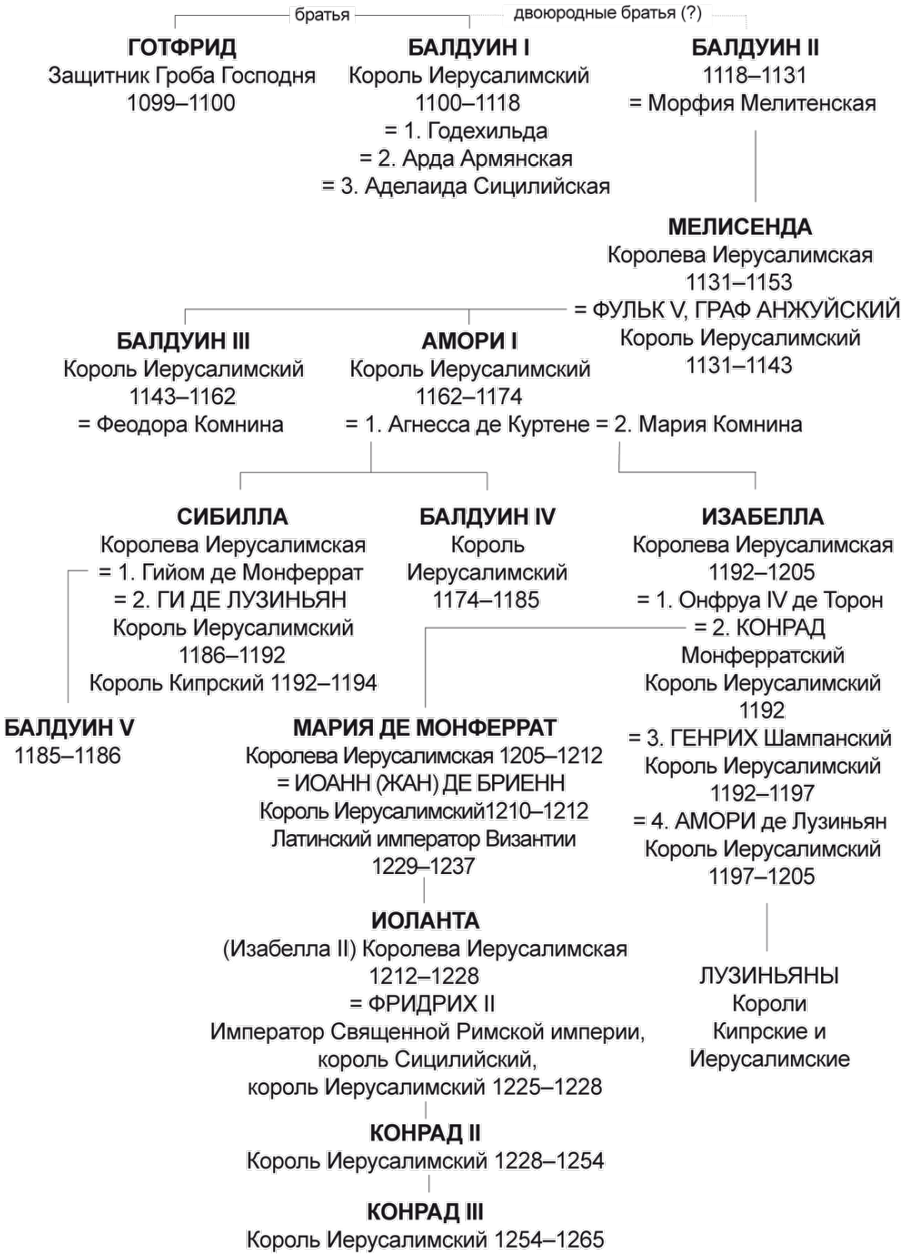
Имена правящих халифов даны прописными буквами.

Это неполное родословное древо: его цель — показать связи между Пророком и мусульманскими династиями. Потомки Али и

Фатимы известны как шерифы (ашраф), или саиды.

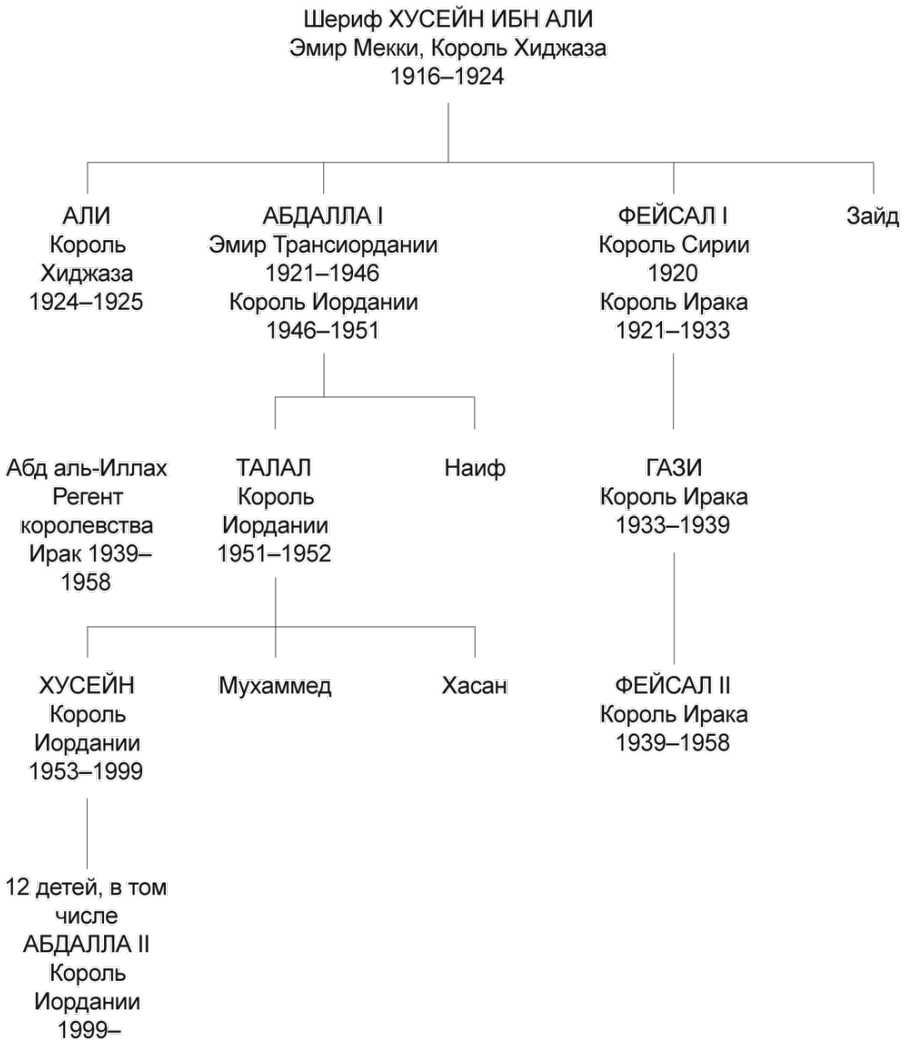
Иерусалимские короли-крестоносцы 1099–1291

Имена правящих королей и королев даны прописными буквами полужирным шрифтом; имена королей-консортов — прописными буквами обычным шрифтом.



ХАШИМИТСКАЯ ДИНАСТИЯ 1916–

Имена правителей даны прописными буквами; цифрами указаны годы правления.



Библиография

Избранная библиография на русском языке

Ал-Балазури. *Книга завоевания стран // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары.* В 3 томах. Т. 1. Арабские источники VII–X вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Альхаризи Йехуда. *Тахкемони*. М.: Текст, Книжники, 2013.

Ансари Т. *Предназначение не исполнено. История мира сквозь исламские глаза.* Алматы: ИД Улькен Бугуты, 2009.

Армстронг К. *Иерусалим — Один город — три религии.* М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

Армстронг К. *Мухаммад: История Пророка*. М.: София, 2008.

Ат-Табари М. *История посланников и царей*. Ташкент: Фан, 1987.

Бар-Зохар М. *Бен-Гурион*. Ростов-н/Д: Феникс, 1998.

Бар-Зохар М. *Шимон Перес*. Биография. М.: Гамма-Пресс, 2011.

Бегин М. *Восстание*. Т. — А., 1976.

Бикерман Э. Дж. *Евреи в эпоху эллинизма.* М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2000.

Босворт К. Э. *Мусульманские династии.* Справочник по хронологии и генеалогии. М.: Наука, 1971.

Вейцман Х. *В поисках пути.* В 3 томах. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1983.

Вольней К. — Ф. *Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах.* М., 1791–1793.

Воропаев В. А. *Гоголь в Иерусалиме // Православный паломник.* 2006. № 2.

Геродот. *История.* Л.: Наука, 1972.

Герцль Т. *Избранное.* Иерусалим: Библиотека-Алия, 1974.

Гесс М. *Рим и Иерусалим.* Тель-Авив, 1979.

Гёсс Р. *Комендант Освенцима. Автобиографические записки Рудольфа Гесса.* Deutsche Verlags-Anstalt, Gmbh, 1958.

Гибб Г. *Дамасские хроники крестоносцев*. М.: Центрполиграф, 2009.

Гибсон Ш. *Последние дни Иисуса. Археологические свидетельства.* М.: Астрель: Corpus, 2010.

Гилберт М. *Иерусалим. История города в XX веке.* М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2012.

Гилберт М. *Черчилль. Биография.* М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2015.

Гилберт М. *Черчилль и евреи.* М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2010.

Гоголь Н. В. *Полное собрание сочинений в четырнадцати томах.* Том 14. Письма 1848–1852 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.

Голдхилл С. *Иерусалимский храм.* М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2007.

Грант М. *Ирод Великий.* М.: Центрполиграф, 2002.

Грант М. *История Древнего Израиля.* М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

Грант М. *Клеопатра.* Последняя из Птолемеев. М.: Центрполиграф, 2002.

Деяния франков и прочих иерусалимцев (фрагменты) // Заборов М. А. *История крестовых походов в документах и материалах.* М.: Высшая школа, 1977.

Джонсон П. *История евреев.* М.: Вече, 2006.

Дуглас Д. *Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле.* М.: Центрполиграф, 2005.

Евсевий Кесарийский. *Церковная история.* СПб.: Амфора, 2007.

Епископ Себеос. *История императора Иракла. Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087).* М.: Александрия, 2006.

Жуанвиль Жан де, Виллардуэн Жоффруа де. *История Крестовых походов.* М.: Центрполиграф, 2008.

Занд Ш. *Кто и как изобрел еврейский народ.* М.: Эксмо, 2010.

Зевульф. *Путешествие Зевульфа в Святую Землю.* // Православный Палестинский сборник. СПб.: изд-во. Императорского Православного Палестинского Общества, 1885. Вып. 9.

Иегуда Галеви. *Песни Сиона.* М.: Ладомир, 2011.

Иосиф Флавий. *Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона.* М.: Альфа-книга, 2011.

Кассий Дион. *Римская история.* Книги LXIV–LXXX. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011.

Кеннеди Х. *Великие арабские завоевания.* М.: АСТ; Спб.: Мидгард, 2010.

Кеннеди Х. *Двор халифов.* М.: АСТ, Хранитель, 2007.

Кинглек А. В. *Путешествие английского туриста по Востоку* // Современник. 1848. № 3–8.

Книга странствий раби Вениамина // *Три еврейских путешественника.* М.: Мосты культуры, 2004.

Кулиш П. А. *Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем.* М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Лагерлеф Сельма. *Собрание сочинений в 4 томах.* Том 2.

Иерусалим. М.: Терра, Книжный Клуб Книговек, 2015.

Лисовой Н. Н. *Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.* М.: Индрик, 2006.

Лоуренс Т. *Семь столпов мудрости.* М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2015.

Майлз Р. *Карфаген должен быть разрушен.* М.: АСТ, Neoclassic, 2014.

Мелвилл Г. *Энкантадас, или Очарованные острова. Дневник путешествия в Европу и Левант.* М.: Мысль, 1979.

Насир-и Хусрау. *Сафар-Намэ. Книга путешествия.* М.: Academia, 1933.

Нетаниягу Б. *Истоки инквизиции в Испании XV века.* М.: Феникс, 2015.

Оз Амос. *Мой Михаэль.* СПб.: Амфора, 2009.

Оз Амос. *Повесть о любви и тьме.* СПб.: Амфора, 2007.

Олмстед А. Т. *История Персидской империи.* М.: Центрполиграф, 2012.

Папен Ф. *Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947.* М.: Центрполиграф, 2005.

Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем; Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994.

Плутарх. *Сравнительные жизнеописания.* М.: Издательство АН СССР, 1961.

Полибий. *Всеобщая история.* В 2 томах. М.: АСТ; Спб.: Мидгард, 2004.

Прокопий Кесарийский. *Война с готами //* Прокопий Кесарийский. *Война с готами. О постройках.* М.: Арктос, 1996.

Прокопий Кесарийский. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.* СПб.: Алетейя, 2013.

Райли-Смит Д. *История крестовых походов.* М.: Крон-Пресс, 1998.

Распутин Г. *Мои мысли и размышления.* М.: Вагриус, 2001.

Рид П. П. *Тамплиеры.* М.: АСТ, Ермак, 2005.

Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 2 томах. М: Международные отношения, 2000.

Ру Ж. *Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия. Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия.* 2700–100 гг. до н. э. М.: Центрполиграф, 2016.

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока.* М.: Русский мир, 2016.

Светоний. *Жизнь двенадцати Цезарей.* М.: Наука, 1964.

Такман Б. *Библия и меч. Англия и Палестина от бронзового века до Бальфура.* М.: АСТ, Neoclassic, 2015.

Тацит. *Анналы. История.* М.: АСТ, 2005.

Твен М. *Простаки за границей, или Путь новых паломников.* М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

Тейбор Д. *Династия Иисуса.* М.: АСТ, 2008.

Усама ибн Мункыз. *Книга назидания.* М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Филон Александрийский. *Против Флакка; О посольстве к Гаю.* Иосиф Флавий. *О древности еврейского народа; Против Апиона.* М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 1994.

Финкель К. *История Османской империи. Видение Османа.* М.: АСТ, 2014.

Флобер Г. *Путешествие на Восток: Путевые заметки.* М.: «Восточная литература» РАН, 1995.

Фульхерий Шартрский. *Иерусалимская история (фрагменты)* // Заборов М. А. *История крестовых походов в документах и материалах.* М.: Высшая школа, 1977.

Херрин Д. *Византия. Удивительная жизнь средневековой империи.* М.: Центрполиграф, 2015.

Хилленбранд К. *Крестовые походы. Взгляд с Востока. Мусульманская перспектива.* СПб.: Диля, 2008.

Холланд Т. *Персидский огонь. История греко-персидских войн.* М.: Вече, 2008.

Хью Т. *Реки золота. Подъем Испанской империи.* М.: АСТ, 2016.

Шатобриан Ф. — Р. де. *Путешествие из Парижа в Иерусалим через Грецию и обратно из Иерусалима в Париж через Египет, Варварию и Испанию.* В 3 томах. СПб, 1817.

Шолем Г. *Основные течения в еврейской мистике.* М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2016.

Эвлиа Челеби. *Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века).*

Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.: ИВЛ, 1961.

Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979.

Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983.

Эсбридж Т. *Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую Землю.* М.: Центрполиграф, 2016.

Избранная библиография на иностранных языках

Источники: путевые заметки, дневники, воспоминания

Abdullah bin Hussein, King of Jordan. *Memoirs.* London, 1950.

Ahima'as. *The Chronicle of Ahima'as / ed. and trans.* M. Salzman. New York, 1924.

Albert of Achen. *Historia Iherosolimitana* / ed. and trans. S. B. Edgington. London, 2007.

Anon. *Le Pèlerinage de Charlemagne à Jérusalem et à Constantinople* / trans. G. S. Burgess and A. E. Cobby. New York, 1988.

Antonius, Soraya. *Where the Jinn Consult.* London, 1987.

Arculf, Saint Adamnan. *The Pilgrimage of Arculfus in the Holy Land* / ed. and trans. J. R. Macpherson. London, 1895.

Aristeas. *Letter of Aristeas* / ed. and trans. H. S. J. Thackeray. London, 2009.

Al-Athir. *The Chronicle of Ibn Al-Athir for the Crusading Period from Al-Kamil Fi'l-Ta'rikh: Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace.* Part 3. Aldershot, 2008.

Al-Baladhuri. *The Origins of the Islamic State* / trans. P. Hitti and F. Murgotten. New York, 1916–1924.

Baedeker, Karl. *Palestine and Syria.* Leipzig/London, 1876 and 1912.

Ballobar, Conde de. *Diario de Jerusalén.* Madrid, 1996.

Ballobar, Conde de. *Jerusalem in World War One: The Palestine Diary of a European Diplomat / Edwards Manzano Moreno and Roberto Mazza* (eds). London, 2011.

Barclay, James Turner. *City of the Great King.* Philadelphia, 1858.

Begin, Menachem. *The Revolt.* Jerusalem, 1952/1977.

Ben-Gurion, David. *Recollections.* London, 1970.

Benjamin of Tudela. *The Itinerary of Benjamin of Tudela* / ed. and trans. M. N. Adler. London, 1907.

Bird, Kai. *Crossing Mandelbaum Gate: Coming of Age between the Arabs and Israelis 1956–1978.* London, 2010.

Blyden, Edward Wilmot. *From West Africa to Palestine.* Freetown, 1873.

Bordeaux Pilgrim. *Itinerary from Bordeaux to Jerusalem* / trans. Aubrey Stewart. London, 1987.

Brothers, Richard. *Plan of the Holy City the New Jerusalem.* London, 1800.

Cassius Dio. *Roman History LXIX.* New York, 1925/1989.

Chateaubriand, F. R. de. *Journal de Jérusalem: Notes inédites.* Paris, 1950.

Chateaubriand, F. R. de. *Travels in Greece, Palestine, Egypt and Barbary during the Years 1806 and 1807.* London, 1812.

Clarke, Edward Daniel. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa.* London, 1810.

Cresson, Warder. *Jerusalem: Centre and Joy of the Universe.* Philadelphia, 1844.

Cresson, Warder. *The Key of David.* Philadelphia, 1852.

Conquest of Jerusalem and the Third Crusade: Old French Continuation of William of Tyre and Sources in Translation / ed. Peter W. Edbury. Aldershot, 1998.

Curzon, R. *Visits to the Monasteries of the Levant.* London, 1849.

Daniel the Abbot. *Pilgrimage of the Russian Abbot Daniel in the Holy Land.* New York, 1917.

Dayan, Moshe. *Story of My Life.* London, 1976.

Diodorus. *Library of History.* New York, 1989

Djemal Pasha. *Memoirs of a Turkish Statesman 1913–1919.* London, 1922.

Dorr, David F. *A Colored Man Round the World by a Quadroon.* Cleveland, 1858.

Egeria/Sylvia. *Pilgrimage of Saint Sylvia of Aquitaine to the Holy Places* / trans. J. Bernard. London, 1891.

Eusebius of Caesarea. *Church History [and] Life of Constantine the Great* / trans. A. C. McGiffert and others. New York, 1890.

Evliya, Celebi. *An Ottoman Traveller: Selections from the Books of Travels of Evliya Celebi* / ed. and trans. Robert Dankoff and Sooying Kim. London, 2010.

Fabri, Felix. *The Book of Wanderings of Brother Felix Fabri* / ed. and trans. Aubrey Stewart. London, 1887–1897.

Finn, E. A. *Reminiscences of Mrs Finn.* London, 1929.

Finn, James. *Stirring Times.* London, 1878.

Finn, James and Elizabeth. *View from Jerusalem, 1849–1858: The Consular Diary of James and Elizabeth Anne Finn* / ed. Arnold Blumberg. Madison NJ, 1981.

Flaubert, G. *Les Oeuvres complètes de Gustave Flaubert,* vol. 19: Notes de voyage. Paris, 1901.

Florence of Worcester. *Chronicle* / ed. T. Forester. London, 1854.

Fosdick, H. E. *A Pilgrimage to Palestine.* London, 1930.

Fulcher of Chartres. *A History of the Expedition to Jerusalem* / trans. F. R. Ryan. Knoxville TN, 1969.

Gabrieli, Francesco. *Arab Historians of the Crusades.* London, 1969.

Gesta Francorum et Aliorum Hierosolimitanorum / ed. and trans. R. Hill. London, 1962.

Glubb, John. *A Soldier with the Arabs.* London, 1957.

Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 14: Pisma, 1848–1852. Moscow, 1952.

Graham, Stephen. *With the Russian Pilgrims to Jerusalem.* London, 1913.

Hadi, Mahdi Abdul (ed.). *Documents on Jerusalem.* Jerusalem, 1996.

Haggard, Rider. *A Winter Pilgrimage.* London, 1900.

Ha-Kohen, Solomon ben Joseph. *The Turkoman Defeat at Cairo* / ed. Julius Greenstone. American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1906. January.

Halevi, Judah. *Selected Poems* / trans. Nina Salaman. Philadelphia, 1946.

Halevi, Judah. *Selected Poems* / ed. H. Brody. New York, 1924/1973.

Harff, Arnold von. *Pilgrimage of Arnold von Harff.* London, 1946.

Al-Harizi, *Judah. The Tahkemoni: The 28th Gate* / trans. V. Reichert. Jerusalem, 1973.

Al-Harawi, Abu al-Hasan. *Guide des Lieux de Pèlerinage* / trans. J. Sourdel-Thomime. Damascus, 1957.

Herodotus. *Histories.* London, 1972.

Herzl, Theodor. *The Complete Diaries of Theodor Herzl.* London/ New York, 1960.

Hess, Moses. *Rome and Jerusalem.* New York, 1943.

Hill, R. (ed. and trans.). *The Deeds of the Franks and Other Pilgrims to Jerusalem.* London, 1962.

Hodgson, William Brown. *An Edited Biographical Sketch of Mohammed Ali, Pasha of Egypt, Syria, and Arabia.* Washington DC, 1835.

Hoess, Rudolf. *Commandant of Auschwitz.* London, 1959.

Horn, Elzear. *Ichnographiae Monumentorum Terrae Sanctae 1724–1744* / ed. and trans. E. Hoade. Jerusalem, 1962.

Hussein bin Talal, King Hussein of Jordan. *Uneasy Lies the Head.* London, 1962.

Hussein bin Talal, King Hussein of Jordan. *My War with Israel.* London, 1969.

Ibn Battutah. *Travels of Ibn Battutah* / ed. Tim Mackintosh-Smith. London, 2002.

Ibn Ishaq. *The Life of Muhammad* / ed. A. Guillaume. Oxford, 1955.

Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An Introduction to History. Princeton, 1967.

Ibn Shaddad (Baha al-Din Ibn Shaddad). *The Rare and Excellent History of Saladin* / trans. D. S. Richards. Aldershot, 2002.

Ibn al-Qalinisi. *Continuation of the Chronicle of Damascus: The Damascus Chronicle of the Crusades* / ed. and trans. H. A. R. Gibb. London, 1932.

Ingrams, Doreen (ed.). *Palestine Papers 1917–1922: Seeds of Conflict.* London, 1972/2009.

Jawhariyyeh, Wasif. *Al Quds Al Othmaniyah Fi Al Muthakrat Al Jawhariyyeh* (The Jawhariyyeh Memoirs: Ottoman Jerusalem, 1904–1917), vol. 1; Al Quds Al Intedabiyeh Fi Al Muthakrat al Jawhariyyeh (The Jawhariyyeh Memoirs: British Mandate Jerusalem, 1918–1948), vol. 2 / ed. Salim Tamari and Issam Nassar. Jerusalem, 2001.

John of Wurzburg. *Description of the Holy Land* / ed. and trans. Aubrey Stewart. London, 1896.

Joinville and Villehardouin. *Chronicles of the Crusades* / ed. and trans. Caroline Smith. London, 2008.

Joseph, B. *Faithful City: Siege of Jerusalem, 1948*. New York, 1960.

Josephus. *The New Complete Works of Josephus* / ed. Paul L. Maier, trans. William Whiston. Grand Rapids MI, 1999.

Julien. *Itinéraire de Paris à Jérusalem par Julien, domestique de M. de Chateaubriand.* Paris, 1904.

Keith-Roach, Edward. *Pasha of Jerusalem.* London, 1994.

Kinglake, A. W. *Eothen.* London, 1844.

Kollek, Teddy. *For Jerusalem.* New York, 1978.

Krey, August C. *The First Crusade: The Accounts of Eyewitnesses and Participants.* Princeton/London, 1921.

Kulish, P. A. *Zapiski iz zhizni N. V. Gogolya, sostavlennye iz vospominaniy ego druzey i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem.* St Petersburg, 1856.

Lagerlöf, Selma. *Jerusalem.* Dearborn MI, 2009.

Lamartine, Alphonse de. *Travels in the East Including Journey to the Holy Land.* Edinburgh, 1839.

Lawrence, T. E. *Seven Pillars of Wisdom.* London, 1926.

Le Strange, Guy. *Palestine under the Moslems: A Description of Syria and the Holy Land from A. D. 650 to 1500.* London, 1890.

Lisovoy, N. N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX — nachale XX v.* Moscow, 2006.

Lisovoy, N. N. and Stegniy, P. V. *Rossia v Svyatoy Zemle: Dokumenty i materialy.* Moscow, 2000.

Luke, Harry. *Cities and Men: An Autobiography.* London, 1953–1956.

Lynch, William. *Narrative of the US Expedition to the River Jordan and the Dead Sea.* Philadelphia, 1853.

Maimonides, Moses. *Code of Maimonides, Book 8: Temple Service* / trans. M. Lewittes. New Haven, 1957.

Martineau, Harriet. *Eastern Life: Present and Past.* London, 1848.

Massy, col1_0 *Eastern Mediterranean Lands: Twenty Years of Life, Sport and Travel.* London, 1928.

Maundrell, Henry. *A Journey from Aleppo to Jerusalem in 1697.* Beirut, 1963.

Melville, Herman. *Journal of a Visit to Europe and the Levant.* Princeton/New York, 1955.

Melville, Herman. *Journals* / ed. Howard C. Horsford and L. Horth. Chicago, 1989.

Melville, Herman. *Clarel: A Poem and Pilgrimage to the Holy Land.* Chicago, 1991.

Montefiore, Moses and Judith. *Diaries of Sir Moses and Lady Montefiore.* London, 1983.

Morgenthau, Henry. *United States Diplomacy on the Bosphorus: The Diaries of Ambassador Morgenthau* / ed. Ara Sarafian. Princeton, 2004.

Mujir al-Din. *Histoire de Jérusalem et d'Hébron: Fragments de la Chronique de Mujir al-Din* / ed. and trans. Henry Sauvaire. Paris, 1876.

Al-Muqaddasi. *A Description of Syria Including Palestine* / ed. and trans. Guy Le Strange. London, 1896.

Nashashibi, Nasser Eddin. *Jerusalem's Other Voice: Ragheb Nashashibi and Moderation in Palestinian Politics 1920–1948.* Exeter, 1990.

Nasir-i-Khusrau. *Diary of a Journey through Syria and Palestine* / ed. and trans. Guy Le Strange. London, 1893.

Niccolo of Poggibonsi. *A Voyage Beyond the Sea 1346–1350* / trans. T. Bellorini and E. Hoade. Jerusalem, 1945.

Noor, Queen of Jordan. *Leap of Faith.* London, 2003.

Nusseibeh, Hazem Zaki. *The Jerusalemites: A Living Memory.* Nicosia/London, 2009.

Nusseibeh, Sari, with Anthony David. *Once Upon a Country: A Palestinian Life.* London, 2007.

Oz, Amos. *My Michael.* London, 1984.

Oz, Amos. *A Tale of Love and Darkness.* London, 2005.

Papen, Franz von. *Memoirs.* London, 1952.

Parsons, Levi. *Dereliction and Restoration of the Jews: A Sermon, Sabbath Oct 31 1819.* Boston, 1819.

Parsons, Levi. *Memoir of Rev. Levi Parsons.* New York, 1977.

Peters, F. E (ed.). *Jerusalem: The Holy City in the Eyes of Chroniclers, Visitors, Pilgrims and Prophets from the Days of Abraham to the Beginning of Modern Times.* Princeton, 1985.

Peters, F. E. (ed.). *The First Crusade: Chronicle of Fulcher of Chartres and Other Source Materials.* Philadelphia, 1998.

Philo. *Works* / trans. F. H. Colson. Cambridge MA, 1962.

Pliny the Elder. *Historia Naturalis* / trans.

H. T. Riley. London, 1857.

Plutarch. *Makers of Rome.* London, 1965.

Polybius. *The Histories.* Oxford, 2010.

Procopius. *Of the Buildings of Justinian* / ed. and trans. Aubrey Stewart. London, 1896.

Procopius. *The Secret History.* London, 2007.

Rabin, Yitzhak. *The Rabin Memoirs.* London, 1979.

Raymond of Aguilers. *Le «Liber» de Raymond d'Aguilers* / ed. and trans. J. H. Hill and L. L. Hill. Paris, 1969.

Robinson, Edward. *Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea.* Boston, 1841.

Rose, John H. Melkon. *Armenians of Jerusalem: Memories of Life in Palestine.* London/New York, 1993.

Saewulf. *Pilgrimage to Jerusalem and the Holy Land* / ed. and trans. Rt Rev. Bishop of Clifton. London, 1896.

Said, Edward. *Out of Place.* London, 1999.

Samuel, Herbert. *Memoirs.* London, 1945.

Sanderson, John. *The Travels of John Sanderson in the Levant* / ed. W. Forster. London, 1931.

Sandys, George. *A Relation of a Journey begun AD 1610.* London, 1615.

Saulcy, F. de. *Les Derniers Jours de Jérusalem.* Paris, 1866.

Sebeos. *Histoire d'Heraclius* / trans. F. Macler. Paris, 1904.

Sharon, Ariel. *Warrior: An Autobiography.* New York, 1989.

Stanley, Arthur. *Sinai and Palestine in Connection with their History.* London, 1856.

Storrs, Ronald. *Orientations.* London, 1939.

Suchem, Ludolp von. *Description of the Holy Land and the Way Thither* / ed. and trans. Aubrey Stewart. London, 1895.

Suetonius. *The Twelve Caesars.* London, 1957.

Al-Tabari. *Tarikh: The History of al-Tabari* / ed.
Y. Yarshater. Albany, 1985–1998.

Tacitus. *The Annals of Imperial Rome.* London, 1956.

Tacitus. *The Histories.* London, 1964.

Thackeray, William. *Notes on a Journey from Cornhill to Grand Cairo.* London, 1888.

Theodorich. *Description of the Holy Places* / ed. and trans. Aubrey Stewart. London, 1896.

Thomson, William M. *The Land and the Book.* New York, 1859.

Timberlake, Henry. *A True and Strange Discourse of the Travels of Two English Pilgrims.* London, 1616/1808.

Twain, Mark. *The Innocents Abroad, or the New Pilgrims' Progress.* New York, 1911.

Usama ibn Munqidh. *The Book of Contemplation: Islam and the*

Crusades / ed. and trans. Paul M. Cobb. London, 2008.

Vester, Bertha Spafford. *Our Jerusalem*. Jerusalem, 1988.

Vincent, H. and Abel, F. M. *Jérusalem: Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire.* Paris, 1912/1926.

Volney, C. — F. *Travels through Syria and Egypt.* London, 1787.

Warren, C. *Underground Jerusalem.* London, 1876.

Warren, C. and Conder, C. R. *Survey of Western Palestine.* Jerusalem, 1884.

Weidenfeld, George. *Remembering my Good Friends.* London, 1995.

Weizmann, Chaim. *Trial and Error.* London, 1949.

Wilkinson, J. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades.* Jerusalem, 1977.

Wilkinson, J. *Egeria's Travels to the Holy Land.* Warminster, 1918.

William of Tyre. *A History of Deeds Done beyond the Sea* / trans. E. A. Babcock and A. C. Krey. New York, 1943.

Wilson, C. *Ordnance Survey of Jerusalem.* London, 1865.

Wilson, C. (ed.). *Palestine Pilgrims Text Society* / ed. Aubrey Stewart. New York, 1971.

Wright, Thomas. *Early Travels in Palestine.* Mineola NY, 1848/2003.

Yizhar, S. *Khirbet Khizeh.* Jerusalem, 1949.

Статьи в периодических научных изданиях

Abu Zaida, Sufian *«A Miserable Provincial Town»: The Zionist Approach to Jerusalem 1897–1937* // JQ. Autumn 2007. 32.

Amitai, Reuven *Mongol Raids into Palestine (AD 1260 and 1300)* // Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1987.

No. 2. P. 236–255.

Anon. *Where Piety Meets Power (Russia in Jerusalem)* // Economist. 2009. December. 19.

Ayele, Negussay *Deir Sultan, Ethiopia and the Black World* // Tadias Magazine. 2008. August.

Bar-El, Yair *et al Jerusalem Syndrome* // British Journal of Psychiatry. 2000. 176.

Bronner, *Ethan Jews and Muslims Share Holy Season in Jerusalem* // New York Times. 28.09.2008.

Budeiri, Musa *A Chronicle of a Defeat Foretold: The Battle for Jerusalem in the Memoirs of Anwar Nusseibeh* // JQ. Winter/Spring 2001. 3.

Conybeare, F. *Antiochus Strategos: Account of the Sack of Jerusalem* // English Historical Review. 1910. 25. P. 502–516.

Curtis, Sarah Sarah Palin's *Jerusalem and Pentecostal Faith: A Hysteric Symptom of American Utopianism* // Colloquy Text Theory Critique. 2009. 17.

Der Matossian, Bedross *The Young Turk Revolution: Its Impact on Religious Politics of Jerusalem (1908–1912)* // JQ. Winter 2009. 40.

Dixon, Simon *A Stunted International: Russian Orthodoxy in the Holy Land in the 19th Century*, unpublished ms. 2009. January.

Dorfmann-Lazarev, Igor *Historical Itinerary of the Armenian People in Light of its Biblical Memory,* unpublished ms. 2009.

Dumper, Michael *Two State Plus: Jerusalem and the Binational Debate* // JQ. Autumn 2009. 39.

Gilboa, Ayelet and Sharon, Ilan An Archaeological Contribution to the Early Iron Age Chronological Debate: Alternative Chronologies for Phoenicia and their Effects on the Levant, Cyprus and Greece // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2003. November. 332.

Glass, Joseph B. and Kark, Ruth Sarah *la Preta: A Slave in Jerusalem* // JQ. Spring 2009. 34.

Gonen, Rivka *Was the Site of the Jerusalem Temple Originally a Cemetery?* // Biblical Archaeology Review. 1985. May — June.

Greenberg, Raphael *Extreme Exposure: Archaeology in Jerusalem, 1967–2007* // Conservation and Management of Archaeological Sites. 2009. Vol 11. No. 3–4.

Gross, Miriam *A Jerusalem Childhood* // Standpoint. 2010.

September.

Hintlian, George *Armenians of Jerusalem* // JQ. Autumn 1998. 2.

Housley, Norman *Saladin's Triumph over the Crusader States: The Battle of Hattin, 1187* // History Today. 1987. 37.

Ji C. C. *A New Look at the Tobiads in Iraq al-Amir* // Liber Annuus. 48. 1998. P. 417–440.

Al-Jubeh, Nazmi *The Khalidiyah Library* // JQ. Winter 1999. 3.

Kark, Ruth and Glass, Joseph B. *The Valero Family: Sephardi — Arab Relations in Ottoman and Mandatory Jerusalem* // JQ. 2004. August. 21.

Kedar, Benjamin Z. *The Jerusalem Massacre of 1099 in the Western Historiography of the Crusades* // Crusades. 2004. 3. P. 15–75.

Loupo, Yakov and Chen, Nitzan *The Jerusalem Area Ultra-Orthodox Population,* unpublished ms.

Lutfi, Huda *Al-Quds Al-Mamelukiyya: A History of Mamluk Jerusalem Based on the Haram Documents* // JQ. Autumn 1998. 2.

Manna, Adel *Yusuf Diyaddin al-Khalidi* // Al-Fajr al-Adabi. 1983. 35–36.

Manna, Adel *Scholars and Notables Tracing the Effendiya's Hold on Power in 18th Century Jerusalem* // JQ. Autumn 2007. 32.

Manna, Adel *Between Jerusalem and Damascus: The End of Ottoman Rule as Seen by a Palestinian Modernist* // JQ. Autumn/Winter 2005. 22–23.

Mazza, Roberto *Antonio de la Cierva y Lewita: Spanish Consul in Jerusalem 1914–1920 and Dining Out in Times of War* // JQ. Winter 2009. 40; Spring 2010. 41.

Meuwese, Martine *Representations of Jerusalem on Medieval Maps and Miniatures* // Eastern Christian Art. 2005. 2. P. 139–148.

Al-Natsheh, Yusuf *Said Uninventing the Bab al-Khalil Tombs: Between the Magic of Legend and Historical Fact* // JQ. Autumn/Winter 2005. 22–23.

Pappe, Ilan *The Rise and Fall of the Husaynis.* Part 1 // JQ. Autumn 2000. 10.

Pappe, Ilan *The Husayni Family Faces New Challenges: Tanzimat, Young Turks, the Europeans and Zionism, 1840–1922.* Part 2 // JQ. Winter 2001. 11–12.

Pappe, Ilan *Haj Amin and the Buraq Revolt* // JQ. 2003. June. 18.

Peters, F. E. *Who Built the Dome of the Rock?* // Graeco-Arabia. 1983. 2.

Reich, Ronny, Shukron, Eli and Lernau, Omri *Recent Discoveries in the City of David, Jerusalem: Findings from the Iron Age II Rock-Cut Pool Near the Spring* // Israel Exploration Journal. 2007. 57/2.

Riley-Smith, Jonathan *The Death and Burial of Latin Christian Pilgrims to Jerusalem and Acre, 1099–1291* // Crusades. 2008. 7.

Robson, Laura C. *Archeology and Mission: The British Presence in Nineteenth-Century Jerusalem* // JQ. Winter 2009. 40.

Rood, Judith M. *The Time the Peasants Entered Jerusalem: The Revolt against Ibrahim Pasha in the Islamic Court Sources* // JQ. Summer 2006. 27.

Rood, Judith M. *Intercommunal Relations in Jerusalem during Egyptian Rule.* Parts 1 and 2 // JQ. Autumn 2007. 32; Spring 2009. 34.

Rozen, Minna *The Naqib al-Ashraf Rebellion in Jerusalem and its Repercussions on the City's Dhimmis* // Journal of Asian and African Studies. 1984. November. 18/2. P. 249–270.

Rozen, Minna and Witztum, Eliezer *The Dark Mirror of the Soul: Dreams of a Jewish Physician in Jerusalem at the End of the 17th Century* // Revue des Etudes Juives. 1992. 151. P. 5–42.

Scholch, Alexander *An Ottoman Bismarck from Jerusalem: Yusuf Diya al-Khalidi* // JQ. Summer 2005. 24.

Tamari, Salim *Ottoman Jerusalem in the Jawhariyyeh Memoirs* // JQ. Summer 2000. 9.

Tamari, Salim *Jerusalem's Ottoman Modernity: The Times and Lives of Wasif Jawhariyyeh* // JQ. Summer 2000. 9.

Tamari, Salim *The Last Feudal Lord in Palestine* // JQ. 2002. November. 16.

Tamari, Salim *The Vagabond Cafe´ and Jerusalem's Prince of Idleness* // JQ. 2003. October. 19.

Tamari, Salim *The Short life of Private Ihsan: Jerusalem 1915* // JQ. Spring 2007. 30.

Tamari, Salim *With God's Camel in Siberia: The Russian Exile of an Ottoman Officer from Jerusalem* // JQ. Autumn 2008. 35.

Tleel, John *I am Jerusalem: Life in the Old City from the Mandate Period to the Present* // JQ. Spring 1999. 4.

Vereté, M. *Why was a British Consulate Established in Jerusalem?* // English Historical Review. 1970. 75.

Vereté, M. *The Restoration of the Jews in English Protestant Thought, 1790–1840* // Middle Eastern Studies. 1972. 8/1.

Voropanov, V. A. *Gogol v Ierusalime* // Pravoslavnyy Palomnik. 2006. 2.

Wright, L. *Letter from Jerusalem* // The New Yorker. 1998. 20 July.

Zias, Joe *Crucifixion in Antiquity.*www.joezias.com.

Zweig, Zachi *New Substantial Discoveries in Past Waqf Excavations on Temple Mount: New Information from Various Temple Mount Digs. New Studies on Jerusalem, Conference of Ingeborg Rennert Center for Jerusalem Studies at Bar-Ilan University*. November 2008.

Монографии и статьи в сборниках

Aaronovitch, David. *Voodoo Histories.* London, 2009.

Abel, F. M. *Histoire de la Palestine.* Paris, 1952.

Abulafia, David. *Frederick II: A Medieval Emperor.* London, 2002.

Abulafia, David. *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean.* London, 2011.

Abu-Manneh, Butros. *The Husaynis: Rise of a Notable Family in 18th-Century Palestine / David Kushner (ed.) //* Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation. Leiden/Boston, 1983.

Abu Sway, Mustafa. *Holy Land, Jerusalem and the Aqsa Mosque in Islamic Sources / Oleg Grabar and Benjamin Z., Kedar (eds) //* Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/ Austin, 2009.

Achcar, Gilbert. *The Arabs and the Holocaust: The Arab — Israeli War of Narratives.* London, 2010.

Adams, R. J. Q. Balfour, *The Last Grandee.* London, 2007.

Ahimeir, O., and Bar-Simon-Tov, Y. (eds). *Forty Years in Jerusalem.* Jerusalem, 2008.

Ahlstrom, Gosta W. *History of Ancient Palestine.* Minneapolis, 1993.

Al-Alami, Muhammad Ali. *The Waqfs of the Traditional Families of Jerusalem during the Ottoman Period /* Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Al-Khalili, Jim. *The House of Wisdom.* London, 2010.

Allmand, Christopher. *Henry V.* New Haven/London, 1998.

Andrew, Christopher. *Defence of the Realm: The Authorized History of MI5.* London, 2009.

Ansary, Tamim. *Destiny Disrupted: A History of the World through Islamic Eyes.* London, 2009.

Antonius, George. *The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement.* London, 1938.

Archer, Thomas. *Crusade of Richard I.* London, 1988.

Armstrong, Karen. *The First Christian: St Paul's Impact on Christianity.* London, 1983.

Armstrong, Karen. *Muhammad: A Biography of the Prophet.* London, 2001.

Armstrong, Karen. *A History of Jerusalem: One City, Three Faiths.* London, 2005.

Asali, K. J. (ed.). *Jerusalem in History.* New York, 1990.

Asali, K. J. *The Cemeteries of Ottoman Jerusalem and The Libraries*

of Ottoman Jerusalem / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Asbridge, Thomas. *The First Crusade: A New History*. London, 2005.

Asbridge, Thomas. *The Crusades: The War for the Holy Land.* London, 2010.

Ascalone, Enrico. *Mesopotamia.* Berkeley, 2007.

Ashton, Nigel. *King Hussein of Jordan: A Political Life.* London, 2008.

Atallah, Mahmud. *The Architects in Jerusalem in the 10th–11th/16th–17th Centuries* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Auld, Graeme and Steiner, Margreet. *Jerusalem 1: From Bronze Age to Maccabees.* Cambridge, 1996.

Auld, Sylvia and Hillenbrand, Robert (eds). *Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917*. London, 2000.

Auld, Sylvia and Hillenbrand, Robert (eds). *Ayyubid Jerusalem: The Holy City in Context, 1187–1250*. London, 2009.

Avigad, N. *Discovering Jerusalem.* Nashville, 1983.

Avi-Yonah, Michael. *The Jews of Palestine: A Political History from the Bar Kochba War to the Arab Conquest.* Oxford, 1976.

Avi-Yonah, Michael. *The Madaba Mosaic Map.* Jerusalem, 1954.

Azarya, V. *Armenian Quarter of Jerusalem.* Berkeley/Los Angeles/ London, 1984.

Bahat, Dan, with Chaim T. Rubinstein. *Illustrated Atlas of Jerusalem.* New York, 1990.

Bahat, Dan. *Western Wall Tunnels* / H. Geva (ed.) // Ancient Jerusalem Revealed. Jerusalem, 2000.

Bahat, Dan. *The Western Wall Tunnels: Touching the Stones of our Heritage.* Jerusalem, 2007.

Baldwin, M. W. *Raymond III of Tripoli and the Fall of Jerusalem.* Princeton, 1936.

Baldwin, M. W. (ed.). *The First Hundred Years, vol. 1* / K. M. Setton (ed. in chief) // A History of the Crusades. Madison WI, 1969.

Barr, James. *Setting the Desert on Fire: T. E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia 1916–1918*. London, 2006.

Barrow, J. *The Life and Correspondence of Admiral Sir William Sidney Smith.* London, 1848.

Bar-Zohar, Michael. *Ben-Gurion.* New York, 1977.

Bar-Zohar, Michael. *Shimon Peres.* New York, 2007.

Ben-Ami, Shlomo. *Scars of War, Wounds of Peace: The Arab — Israel Tragedy*. London, 2005.

Ben-Arieh, Y. *Jerusalem in the 19th Century: The Old City.* New

York, 1984.

Ben-Arieh, Y. *Jerusalem in the 19th Century: Emergence of the New City.* Jerusalem, 1986.

Ben-Arieh, Y. *The Rediscovery of the Holy Land in the 19th Century.* Jerusalem, 2007.

Ben-Dov, Meir. *The Western Wall.* Jerusalem, 1983.

Bentwich, Norman and Shaftesley, John M. *Forerunners of Zionism in the Victorian Era* / John M. Shaftesley (ed.) // *Remember the Days: Essays on Anglo-Jewish History Presented to Cecil Roth.* London, 1966.

Benvenisti, Meron. *Jerusalem: The Torn City.* Jerusalem, 1975.

Benvenisti, Meron. *Sacred Landscape: The Buried History of the Holy Land since 1948.* Berkeley, 2000.

Berlin, Andrea and Overman, J. A. *The First Jewish Revolt: Archaeology, History, and Ideology.* London, 2002.

Bermant, Chaim. *The Cousinhood: The Anglo-Jewish Gentry.* London, 1971.

Bevan, Edwyn. *The House of Seleucus.* London, 1902.

Bevan, Edwyn. *Jerusalem under the High Priests.* London, 1904.

Bianquis, Thierry. *Autonomous Egypt from Ibn Tulun to Kafur 868–969* / Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Bickermann, E. J. *Jews in the Greek Age.* Cambridge MA/London, 1988.

Bierman, John and Smith, Colin. *Fire in the Night: Wingate of Burma, Ethiopia and Zion.* London, 1999.

Birley, Anthony R. *Hadrian: the Restless Emperor.* London, 1997.

Blake, R. *Disraeli.* London, 1967.

Blake, R. *Disraeli on the Grand Tour.* London, 1982.

Bliss, F. J. and Dickie, A. *Excavations at Jerusalem.* London, 1898.

Boas, Adrian. *Crusader Archeology: The Material Culture of the Latin East.* London/New York, 1999.

Boas, Adrian. *Jerusalem in the Time of the Crusades.* London/New York, 2001.

Bosworth, C. E. *The Islamic Dynasties.* Edinburgh, 1967.

Bowen, Jeremy. *Six Days: How the 1967 War Shaped the Middle East.* London, 2004.

Brenner, Michael. *A Short History of the Jews.* Princeton, 2010.

Brook, Kevin Alan. *The Jews of Khazaria.* Lanham MD, 1999.

Brown, David. *Palmerston: A Biography.* Yale, 2010.

Brown, Frederick. *Flaubert: A Life.* London, 2007.

Burgoyne, Michael Hamilton, with Richards, D. S. *Mamluk Jerusalem: an Architectural Survey.* London, 1987.

Burgoyne, Michael Hamilton. *1187–1260: The Furthest Mosque (al-Masjid al-Aqsa) under Ayyubid Rule* / Oleg Grabar and Benjamin

Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Burgoyne, Michael Hamilton. *The Noble Sanctuary under Mamluk Rule / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds)* // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Burns, Ross. *Damascus: A History*. London, 2005.

Butcher, Kevin. *Roman Syria and the Near East.* London, 2003.

Campbell Jr, Edward F. *A Land Divided: Judah and Israel from the Death of Solomon to the Fall of Samaria* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Carswell, John. *Decoration of the Dome of the Rock* / Sylvia Auld, and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Cesarani, David. *Major Farran Hat: Murder, Scandal, and Britain's War against Jewish Terrorism 1945–1948.* London, 2009.

Chamberlain, Michael. *The Crusader Era and the Ayyubid Dynasty* / Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Cline, Eric H. *Jerusalem Besieged: From Ancient Canaan to Modern Israel.* Ann Arbor, 2004.

Cogan, Mordecai. *Into Exile: From the Assyrian Conquest of Israel to the Fall of Babylon* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Cohen, A. and Baer, G. (eds), *Egypt and Palestine: A Millennium of Association (868–1948)*. Jerusalem, 1984.

Cohen, Amnon. *Palestine in the 18th Century*. Jerusalem, 1973.

Cohen, Amnon. *Jewish Life under Islam: Jerusalem in the 16th Century*. Cambridge MA/London, 1984.

Cohen, Amnon. *Economic Life in Ottoman Jerusalem.* Cambridge, 2002.

Cohen, Amnon. *1517–1917 Haram-al-Sherif: The Temple Mount under Ottoman Rule* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Cohn, Norman. *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages.* London, 1958/1993.

Conrad, L. *The Khalidi Library* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Coogan, Michael. *In the Beginning: The Earliest History* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Coogan, Michael (ed.) *The Oxford History of the Biblical World.*

Oxford, 1998.

Couasnon, Charles. *The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem.* London, 1974.

Coughlin, Con. *A Golden Basin Full of Scorpions: The Quest for Modern Jerusalem.* London, 1997.

Courret, A. *La Prise de Jérusalem par les Perses.* Orleans, 1876.

Curtis, J. E. and Reade, J. E. (eds). *Art and Empire: Treasures from Assyria in the British Museum.* London, 1995.

Cust, L. G. A. *The Status Quo in the Holy Place.* Jerusalem, 1929.

Dalrymple, William. *From the Holy Mountain: A Journey in the Shadow of Byzantium.* London, 1998.

Daly, M. W. (ed.). *Modern Egypt from 1517 to the End of the Twentieth Century, vol 2* // The Cambridge History of Egypt. Cambridge, 1998.

Dan, Yaron. *Circus Factions in Byzantine Palestine* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 1. Jerusalem, 1981.

Daniel-Rops, Henri. *Daily Life in Palestine at the Time of Christ.* London, 1962.

Dankoff, Robert. *An Ottoman Mentality: The world of Evliya Celebi.* Leiden/Boston, 2006.

De Vaux, Ronald. *Ancient Israel: Its Life and Institutions.* New York/ London, 1961.

Donner, Fred M. *The Early Islamic Conquests.* Princeton, 1981.

Donner, Fred M. *Muhammad and the Believers: At the Origins of Islam.* Cambridge MA, 2010.

Donner, H. *The Mosaic Map of Madaba: An Introductory Guide.* Kampen, 1992.

Douglas, David C. *William the Conqueror.* New Haven/London, 1964.

Dow, Martin. *The Hammams of Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Drory, J. *Jerusalem during the Mamluk Period* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 1. Jerusalem, 1981.

Duri, Abdul Aziz. *Jerusalem in the Early IslamicPeriod* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Egremont, Max. *Balfour.* London, 1980.

Elior, Rachel. *From Priestly and Early Christian Mount Zion to Rabbinic Temple Mount* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Ellenblum, Ronnie. *Crusader Castles and Modern Histories.*

Cambridge, 2007.

Ellis, Kirsten. *Star of the Morning: The Extraordinary Life of Lady Hester Stanhope.* London, 2008.

Elon, Amos. *Herzl.* New York, 1975.

Elon, Amos. *Jerusalem: A City of Mirrors.* London, 1991.

Farrokh, Kaveh. *Shadows in the Desert: Ancient Persia at War.* London, 2007.

Ferguson, Niall. *The World's Banker: The History of the House of Rothschild.* London, 1998.

Figes, Orlando. *Crimea: the Last Crusade.* London, 2010.

Finkel, Caroline. *Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300–1923.* London, 2005.

Finkel, I. L. and Seymour, M. J. *Babylon: Myth and Reality.* London, 2008.

Finkelstein, Israel and Silberman, Neil Asher. *The Bible Unearthed: Archeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of its Sacred Text.* New York, 2002.

Finucane, R. *Soldiers of the Faith.* London, 1983.

Fischel, Walter J. *Ibn Khaldun and Tamerlane. Berkeley,* 1952.

Folda, Jaroslav. *Crusader Art: The Art of the Crusaders in the Holy Land 1099–1291*. Farnham, 2008.

Folda, Jaroslav. *Crusader Art in the Holy Land: From the Third Crusade to the Fall of Acre.* Cambridge, 2005.

Ford, Roger. *Eden to Armageddon: World War I in the Middle East.* London, 2009.

Franken, H. J. *Jerusalem in the Bronze Age* / K. J. Asali, (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Fraser, Flora. *The Unruly Queen: The Life of Queen Caroline.* London, 1997.

Freely, John. *Storm on Horseback: Seljuk Warriors of Turkey.* London, 2008.

Freeman, Charles. *A New History of Early Christianity.* New Haven, 2009.

Freeman, Charles. *Holy Bones, Holy Dust.* New Haven, 2011.

Frenkel, Miriam. *The Temple Mount in Jewish Thought* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Friedman, Thomas L. *From Beirut to Jerusalem.* New York, 1989.

Fromkin, David. *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East.* New York, 1989.

Garcin, J. C. *The Regime of the Circassian Mamluks* / Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Gelvin, James. *Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in*

Syria at the Close of Empire. Berkeley, 1998.

Geniesse, Jane Fletcher. *American Priestess: The Extraordinary Story of Anna Spafford and the American Colony in Jerusalem.* New York, 2008.

Geva, H. (ed.). *Ancient Jerusalem Revealed.* Jerusalem, 2000.

Gibb, Hamilton A. R. *The Career of Nur-ad-Din* // A History of the Crusades, vol. 1: The First Hundred Years / ed. M. W. Baldwin. Madison WI, 1969–1989.

Gibb, Hamilton, A. R. *Zengi and the Fall of Edessa* // A History of the Crusades, vol. 1: The First Hundred Years / ed. M. W. Baldwin. Madison WI, 1969–1989.

Gibson, Shimon. *The Final Days of Jesus.* New York, 2009.

Gil, Moshe. *Aliyah and Pilgrimage in Early Arab Period* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 3. Jerusalem, 1983.

Gil, Moshe. *A History of Palestine.* Cambridge, 1992.

Gilbert, Martin. *Jerusalem: Illustrated History Atlas.* London, 1977.

Gilbert, Martin. *Jerusalem: Rebirth of a City.* London, 1985.

Gilbert, Martin. *Churchill: A Life.* London, 1991.

Gilbert, Martin. *Jerusalem in the Twentieth Century.* London, 1996.

Gilbert, Martin. *Israel: A History.* London, 1998.

Gilbert, Martin. *Churchill and the Jews.* London, 2007.

Gilbert, Martin. *In Ishmael's House: A History of the Jews in Muslim Lands.* London/New Haven, 2010.

Gillingham, John. *Richard I.* London, 1999.

Glass, Charles. *Tribes with Flags: A Journey Curtailed.* London, 1990.

Glass, Charles. *The Tribes Triumphant: Return Journey to the Middle East.* London, 2010.

Goitein, S. D. *A Mediterranean Society, 5 vols.* Berkeley, 1967–1988.

Goitein, S. D. *Jerusalem in the Arab Period 638–1099* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 2. Jerusalem, 1982.

Goldhill, Simon. *The Temple of Jerusalem.* London, 2005.

Goldhill, Simon. *Jerusalem: A City of Longing.* London/Cambridge MA, 2008.

Goldsworthy, Adrian. *Antony and Cleopatra.* London, 2010.

Goodman, Martin. *Rome and Jerusalem: The Clash of Ancient Civilisations.* London, 2007.

Gorton, T. J. and A. F. (eds.). *Lebanon Through Writers' Eyes*. London, 2009.

Grabar, Oleg. *The Shape of the Holy: Early Islamic Jerusalem.* Princeton, 1996.

Grabar, Oleg. *The Dome of the Rock.* Cambridge MA, 2006.

Grabar, Oleg. *Jerusalem.* Aldershot, 2005.

Grabar, Oleg and Kedar, Benjamin Z. (eds). *Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade.* Jerusalem/Austin, Texas, 2009.

Grabbe, Lester L. *Ancient Israel.* New York, 2007.

Grabbe, Lester L. *Good Kings and Bad Kings: The Kingdom of Judah in the Seventh Century BCE.* London, 2007.

Grant, Michael. *Herod the Great.* New York, 1971.

Grant, Michael. *Cleopatra.* London, 1972.

Grant, Michael. *History of Ancient Israel.* London, 1984.

Grant, Michael. *Emperor Constantine.* London, 1993.

Green, Abigail. *Moses Montefiore: Jewish Liberator, Imperial Hero.* London, 2010.

Greenberg, Raphael and Keinan, Adi. *Present Past of Israeli — Palestinian Conflict: Israeli Archaeology in the West Bank and East Jerusalem since 1967.* Tel Aviv, 2007.

Grigg, J. *Lloyd George: War Leader.* London, 2002.

Haag, Michael. *The Templars: History and Myth.* London, 2008.

Hackett, Jo Ann. *There Was No King in Israel: The Era of the Judges* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Hadi, Mahdi Abdul. *Dialogue on Jerusalem, PASSIA Meetings 1990–1998.* Jerusalem, 1998.

Hadi, Mahdi Abdul. *100 Years of Palestinian History: A 20th Century Chronology.* Jerusalem, 2001/2005.

Hadi, Mahdi Abdul. *Palestinian Personalities: A Biographical Dictionary.* Jerusalem, 2005.

Halpern, Ben. *A Clash of Heroes: Brandeis, Weizmann and American Zionism.* New York, 1987.

Hamilton, Bernard. *The Leper King and his Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem.* Cambridge, 2000.

Hamilton, R. W. *The Structural History of the Aqsa Mosque: A Record of Archaeological Gleanings from the Repairs of 1938–1942.* Jerusalem/London/Oxford, 1949.

Hare, David. *Via Dolorosa.* London, 1998.

Harrington, D. *The Maccabee Revolt: Anatomy of a Biblical Revolution.* Wilmington DE, 1988.

Hassan bin Talal, *Crown Prince of Jordan. A Study on Jerusalem.* London, 1979.

Hassan, Isaac. *Muslim Literature in Praise of Jerusalem* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History,

Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 1. Jerusalem, 1981.

Hawari, M. *The Citadel (Qal'a) in the Ottoman Period: An Overview* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Hawting, G. R. *The First Dynasty of Islam: The Umayyad Caliphate, AD 661–750*. London, 2000.

Heaton, E. W. *Everyday Life in Old Testament Times*. London, 1956.

Herf, Jeffrey. *Nazi Propaganda for the Arab World*. New Haven, 2009.

Herrin, Judith. *Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire*. London, 2007.

Hillenbrand, Carole. *The Crusades: Islamic Perspectives*. New York, 2000.

Hintlian, George. *The First World War in Palestine and Msgr. Franz Fellinger* / Marian Wrba (ed.) // Austrian Presence in the Holy Land in the 19th and Early 20th Century. Tel Aviv, 1996.

Hintlian, George. *Commercial Life of Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Hintlian, Kevork. *History of the Armenians in the Holy Land*. Jerusalem, 1989.

Hintlian, Kevork. *Travellers and Pilgrims in the Holy Land: The Armenian Patriarchate of Jerusalem in 17th and 18th Century* / Anthony O'Mahony (ed.) // The Christian Heritage in the Holy Land. London, 1995.

Hirst, David. The Gun and the Olive Branch. London, 2003.

Hiyari, M. A. *Crusader Jerusalem* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Hoffmeier, J. K. *The Archaeology of the Bible*. London, 2008.

Holbl, Gunther. *A History of the Ptolemaic Empire*. London, 2001.

Holland, Tom. *Persian Fire: The First World Empire, Battle for the West*. London, 2005.

Holland, Tom. *Millennium: The End of the World and the Forging of Christianity*. London, 2008.

Hopwood, Derek. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914: Church and Politics in the Near East*. Oxford, 1969.

Hourani, Albert. *The Emergence of the Modern Middle East*. Berkeley/Los Angeles, 1981.

Hourani, Albert. *History of the Arab Peoples*. London, 2005.

Housley, Norman. *Fighting for the Cross: Crusading to the Holy Land*. London/New Haven, 2008.

Howard, Edward. *The Memoirs of Sir Sidney Smith*. London, 2008.

Hudson, M. C. *Transformation of Jerusalem* / K. J. Asali (ed.) //

Jerusalem in History. New York, 1990.

Hummel, Ruth and Thomas. *Patterns of the Sacred: English Protestant and Russian Orthodox Pilgrims of the Nineteenth Century.* Jerusalem, 1995.

Hummel, Ruth Victor-. *Culture and Image: Christians and the Beginning of Local Photography in 19th Century Ottoman Palestine* / Anthony O'Mahony (ed.) // The Christian Heritage in the Holy Land. London, 1995.

Hummel, Ruth. *Imperial Pilgrim: Franz Josef's Journey to the Holy Land in 1869* / Marian Wrba, (ed.) // Austrian Presence in the Holy Land in the 19th and Early 20th Century. Tel Aviv, 1996.

Hummel, Ruth Victor-. *Reality, Imagination and Belief: Jerusalem in Photography* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Humphreys, R. Stephen. *From Saladin to the Mongols: The Ayyubids of Damascus 1193–1260.* Albany, 1977.

Humphreys, R. Stephen. *Muawiya ibn Abi Sufyan: From Arabia to Empire.* Oxford, 2006.

Huneidi, Sahar and Khalidi, Walid. *A Broken Trust: Herbert Samuel, Zionism and the Palestinians.* London, 1999.

Hurowitz, V. A. *Tenth Century to 586 BC: House of the Lord* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Irwin, Robert. *The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate 1250–1382.* Carbondale and Edwardsville IL, 1986.

James, Lawrence. *Golden Warrior: The Life and Legend of Lawrence of Arabia.* New York, 1993.

Jeffery, Keith. *MI6: History of the Secret Intelligence Service 1909–1949.* London, 2010.

Johnson, Paul. *History of the Jews.* London, 1987.

Joudah, A. H. *Revolt in Palestine in the Eighteenth Century: The Era of Shaykh Zahir al-Umar.* Princeton, 1987.

Al-Jubeh, *Nazmi. Basic Changes But Not Dramatic: Al-Haram al-Sherif in the Aftermath of 1967* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Kaegi, Walter. *Heraclius: Emperor of Byzantium.* Cambridge, 2003.

Kaplony, Andreas. *The Mosque of Jerusalem* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Kark, Ruth. *American Consuls in the Holy Land 1932–1914.* Jerusalem, 1994.

Karsh, Efraim. *Palestine Betrayed.* New Haven, 2010.

Karsh, Efraim and Karsh, Inari. *Empires of the Sand: The Struggle*

for Mastery in the Middle East 1789–1923. Cambridge MA, 2001.

Kasmieh, Khairia. *The Leading Intellectuals of Late Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Kedar, Benjamin Z. (ed.). *Jerusalem in the Middle Ages: Selected Papers.* Jerusalem, 1979.

Kedar, Benjamin Z. *A Commentary on the Book of Isaiah Ransomed from the Crusaders* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 2. Jerusalem, 1982.

Kedar, Benjamin Z. (ed.). *The Horns of Hattin.* London, 1992.

Kedar, Benjamin Z, Mayer H. E. and Smail, R. C. (eds). *Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem, Presented to Joshua Prawer.* Jerusalem, 1982.

Kedar, Benjamin Z. and Pringle, Denys. *1099–1187: The Lord's Temple (Templum Domini) and Solomon's Palace (Palatium Salominis)* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth *Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade.* Jerusalem/Austin, 2009.

Kedourie, Elie. *In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon — Husayn Correspondence and its Interpretations.* Cambridge, 1976.

Kennedy, Hugh. *Armies of the Caliphs.* London, 2001.

Kennedy, Hugh. *The Court of the Caliphs: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty.* London, 2004.

Kennedy, Hugh. *The Great Arab Conquests: How the Spread of Islam Changed the World We Live In.* London, 2007.

Kenyon, K. M. *Digging Up Jerusalem.* London, 1974.

Khalidi, Rashid. *British Policy towards Syria and Palestine 1906–1914.* London, 1980.

Khalidi, Rashid. *Palestinian Identity: The Construction of Modern National Consciousness.* New York, 1998.

Khalidi, Rashid. *Intellectual Life in Late Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Khalidi, Rashid. *The Iron Cage: The Story of the Palestinian Struggle for Statehood.* London, 2009.

Khalidi, Walid. *From Haven to Conquest: readings in Zionism and the Palestinian Problem until 1948.* Beirut, 1987.

Khoury, Philip S. *Urban Notables and Arab Nationalism: The Politics of Damascus 1860–1920.* Cambridge, 2003.

Kister, Meir. *A Comment on the Antiquity of Traditions Praising Jerusalem* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 1. Jerusalem, 1981.

Kokkinos, Nikos. *The Herodian Dynasty: Origins, Role in Society and*

Eclipse. Sheffield, 1998.

Kollek, Teddy and Pearlman, Moshe. *Jerusalem, Sacred City of Mankind: A History of Forty Centuries.* Jerusalem, 1968.

Kraemer, Joel L. *Maimonides: The Life and World of One of Civilisation's Greatest Minds.* New York, 2008.

Krämer, Gudrun. *A History of Palestine: From the Ottoman Conquest to the Founding of the State of Israel.* Princeton, 2008.

Kroyanker, David. *Jerusalem Architecture.* New York, 1994.

Kushner, David (ed.). *Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation.* Leiden/Boston, 1983.

La Guardia, Anton. *Holy Land, Unholy War.* London, 2001.

Lane Fox, Robin. *Alexander the Great.* London, 1973.

Lane Fox, Robin. *The Unauthorized Version: Truth and Fiction in the Bible.* London, 1991.

Leach, John. *Pompey the Great.* London, 1978.

LeBor, Adam. *City of Oranges: Arabs and Jews in Jaffa.* London, 2006.

Leith, Mary Joan Winn. *Israel among the Nations: The Persian Period* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Levine, Lee I. (ed.). *Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel.* Jerusalem, 1981–1983.

Levy, Y. *Julian the Apostate and the Building of the Temple* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 3. Jerusalem, 1983.

Lewis, Bernard. *The Arabs in History.* New York, 1966.

Lewis, Bernard. *The Middle East.* London, 1995.

Lewis, David Levering. *God's Crucible: Islam and the Making of Europe 570–1215.* New York, 2010.

Lewis, Donald M. *The Origins of Christian Zionism: Lord Shaftesbury and Evangelical Support for a Jewish Homeland.* Cambridge, 2009.

Lewis, Geoffrey. *Balfour and Weizmann: The Zionist, the Zealot and the Declaration which Changed the World.* London, 2009.

Lewis, Geoffrey. *An Ottoman Officer in Palestine 1914–1918* / David Kushner (ed.) // Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation. Leiden/Boston, 1983.

Lincoln, W. Bruce. *Nicholas I.* London, 1978.

Little, Donald P. *Jerusalem under the Ayyubids and Mamluks* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Little, Donald P. *1260–1516: The Noble Sanctuary under Mamluk Rule* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Loupo, Yakov and Chen, Nitzan. *The Ultra-Orthodox* / in

O. Ahimeir and Y. Bar-Simon-Tov (eds) // Forty Years in Jerusalem. Jerusalem, 2008.

Lubetski, Meir (ed.). *New Seals and Inscriptions, Hebrew, Idumean and Cuneiform.* Sheffield, 2007.

Luke, Harry Charles and Keith-Roach, Edward. *The Handbook of Palestine.* London, 1922.

Lyons, Jonathan. *House of Wisdom.* London, 2009.

Lyons, M. C. and Jackson, D. E. P. *Saladin: Politics of Holy War.* Cambridge, 1982.

Maalouf, Amin. *Crusades through Arab Eyes.* London, 1973.

McCullough, David. *Truman.* New York, 1992.

MacCulloch, Diarmaid. *A History of Christianity: The First Three Thousand Years.* London, 2010.

Mackowiak, P. A. *Post Mortem: Solving History's Great Medical Mysteries.* New York, 2007.

McLynn, Frank. *Lionheart and Lackland.* London, 2008.

McLynn, Frank. *Marcus Aurelius: Warrior, Philosopher, Emperor.* London, 2009.

McMeekin, Sean. *The Berlin — Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power, 1898–1918.* London, 2010.

MacMillan, Margaret. *Peacemakers: The Paris Peace Conference of 1919 and its Attempt to End War.* London, 2001.

Mamluk Art: Splendour and Magic of the Sultans, Museumwith No Frontiers. Cairo, 2001.

Mann, J. *The Jews in Egypt and Palestine under the Fatimid Caliphs, 2 vols.* New York, 1970.

Manna, Adel. *Liwa al Quds fi Awasit al Ahd al othmani al idarah wa al mujtama mundhu awasit al qarn al thamin ashar hatta hamlat Mohammad Ali Basha sanat 1831 (The District of Jerusalem in the Mid-Ottoman Period: Administration and Society, from the Mid-Eighteenth Century to the Campaign of Mohammad Ali Pasha in 1831).* Jerusalem, 2008.

Mansel, Philip. *Levant: Splendour and Catastrophe on the Mediterranean.* London, 2010.

Mansel, Philip. *Asmahan: Siren of the Nile* (unpublished ms).

Maoz, M. (ed.). *Studies on Palestine during the Ottoman Period.* Jerusalem, 1975.

Marcus, Amy Dockser. *Jerusalem 1913: Origins of the Arab — Israeli Conflict.* New York, 2007.

Mattar, Philip. *The Mufti of Jerusalem: Al-Hajj Amin al-Hussayni and the Palestinian National Movement.* New York, 1988.

Mazar, Benjamin. *The Mountain of the Lord.* New York, 1975.

Mazar, Benjamin. *Jerusalem in Biblical Times /* Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and

Ethnology of the Land of Israel, vol. 2. Jerusalem, 1982.

Mazower, Mark. *Salonica, City of Ghosts: Christians, Muslims and Jews.* London, 2005.

Mazza, Roberto. *Jerusalem from the Ottomans to the British.* London, 2009.

Mendenhall, G. E. *Jerusalem from 1000–63 BC* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Merkley, P. C. *The Politics of Christian Zionism 1891–1948.* London, 1998.

Meyer, Karl E. and Brysac, S. B. *Kingmakers: The Invention of the Modern Middle East.* New York, 2008.

Meyers, Carol. *Kinship and Kingship: The Early Monarchy* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Miles, Richard. *Carthage Must Be Destroyed.* London, 2009.

Miles, Richard. *Ancient Worlds: The Search for the Origins of Western Civilization.* London, 2010.

Mitchell, T. C. *The Bible in the British Museum.* London, 1998.

Morris, Benny. *The Road to Jerusalem: Glubb Pasha, Palestine and the Jews.* London, 2002.

Morris, Benny. *1948: A History of the First Arab — Israeli War.* London, 2008.

Mouradian, Clare *Les Chrétiens: Un enjeu pour les Puissances* / in Catherine Nicault (ed.) // Jérusalem, 1850–1948: Des Ottomans aux Anglais, entre coexistence spirituelle et déchirure politique. Paris, 1999. P. 177–204.

Murphy-O'Connor, J. *The Holy Land: An Archaeological Guide.* Oxford, 1986.

Murray, Alan V. *Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier.* Farnham, 2009.

Myres, David *An overview of the Islamic Architecture of Ottoman Jerusalem; Restorations on Masjid Mahd Isa (the Cradle of Jesus) during the Ottoman Period; Al-Imara al-Amira, The Charitable Foundation of Khassaki Sultan; A Grammar of Ottoman Ornament in Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Nashashibi, Nasser Eddin. *Jerusalem's Other Voice: Ragheb Nashashibi and Moderation in Palestinian Politics 1920–1948.* Exeter, 1990.

al-Natsheh, Yusuf Said. *The Architecture of Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Netanyahu, Benzion. *The Origins of the Inquisition in Fifteenth-Century Spain.* New York, 1995.

Neuwirth, Angelika. *Jerusalem in Islam: The Three HonorificNames of the City* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Newby, Martine S. *The Shlomo Moussaieff Collection: Byzantine Mould-Blown Glass from the Holy Land.* London, 2008.

Nicault, Catherine (ed.). *Jérusalem, 1850–1948: Des Ottomans aux Anglais, entre coexistence spirituelle et déchirure politique.* Paris, 1999.

Northrup, Linda S. *From Slave to Sultan: The Career of Al-Mansur Qalawun and the Consolidation of Mamluk Rule in Egypt and Syria (678–689 A. H./1279–1290 A. D.).* Wiesbaden, 1998.

Northrup, Linda S. *The Bahri Mamluk Sultanate* / Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Norwich, John Julius. *The Normans in the South (two volumes).* London, 1967.

Norwich, John Julius. *Byzantium: The Early Centuries.* London, 1988.

Nusseibeh, Sari. *The Haram al-Sharif* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Obenzinger, Hilton. *American Palestine: Melville, Twain and the Holy Land Mania.* Princeton, 1999.

Olmstead, A. T. *History of the Persian Empire.* Chicago, 1948.

O'Mahoney, Anthony. *Christian Heritage in the Holy Land.* London, 1995.

Opper, Thorsten. *Hadrian: Empire and Conflict.* London, 2008.

Oren, Michael B. *Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East.* New York, 2002.

Oren, Michael B. *Power, Faith, and Fantasy: America in the Middle East 1776 to the Present.* New York, 2007.

Ott, Claudia. *Songs and Musical Instruments* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Pappe, Ilan. *The Rise and Fall of a Palestinian Dynasty: The Husaynis, 1700–1948.* London, 2010.

Pappe, Ilan. *The Making of the Arab-Israeli Conflict 1947–1951.* London, 1994.

Pappe, Ilan. *A History of Modern Palestine: One Land,* Two Peoples. London, 2006.

Pappe, Ilan. *Ethnic Cleansing of Palestine.* London, 2007.

Peters, F. E. *Jesus and Muhammad: Parallel Tracks, Parallel Lives.* Oxford, 2010.

Parfitt, Tudor. *The Jews of Palestine 1800–1882.* London, 1987.

Patrich, J. *538 BCE–7 ˚CE: The Temple (Beyt ha-Miqdash) and its*

Mount / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Perowne, Stewart. *Herod the Great.* London, 1956.

Perowne, Stewart. *The Later Herods.* London, 1958.

Peters, F. E. *The Distant Shrine: Islamic Centuries in Jerusalem.* New York, 1993.

Petry, Carl F. (ed.). *The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517.* Cambridge, 1998.

Phillips, Jonathan. *The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom.* London, 2007.

Phillips, Jonathan. *Holy Warriors: A Modern History of the Crusades.* London, 2009.

Pitard, Wayne T. *Before Israel: Syria — Palestine in the Bronze Age* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Plokhy, S. M. *Yalta: The Price of Peace.* New York, 2010.

Pocock, Tom. *A Thirst for Glory: The Life of Admiral Sir Sidney Smith.* London, 1996.

Pollock, John. *Kitchener: Saviour of the Realm.* London, 2001.

Prawer, Joshua. *The Latin Kingdom of Jerusalem.* London, 1972.

Prawer, Joshua. *The History of the Jews in the Latin Kingdom of Jerusalem.* Oxford, 1988.

Prestwich, Michael. *Edward I.* New Haven/London, 1988.

Pringle, Denys. *The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus.* Cambridge, 1993–1999.

Rabinowitz, E. *Justice Louis D. Brandeis: The Zionist Chapter of his Life.* New York, 1968.

Rafeq, Abdul-Karim. *The Province of Damascus 1723–1783.* Beirut, 1966.

Rafeq, Abdul-Karim. *Political History of Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Rafeq, Abdul-Karim *Ulema of Ottoman Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Raider, M. A. *The Emergence of American Zionism.* New York, 1998.

Read, Piers Paul. *The Templars.* London, 1999.

Redford, Donald P. *Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times.* Princeton, 1992.

Redmount, Carol A. *Bitter Lives: Israel in and out of Egypt* / Michael Coogan (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Reich, Ronny *The Roman Destruction of Jerusalem in 7 °CE: Flavius Josephus' Account and Archaeological Record* / Gerd Theissen et al. (eds) // Jerusalem und die Länder. Göttingen, 2009.

Reich, Ronny, Avni, Gideon and Winter, Tamar. *The Jerusalem Archeological Park*. Jerusalem, 1999.

Reiter, Y. and Seligman, J. *Al-Haram al-Sherif*/Temple Mount (Har ha-Bayit) and the Western Wall / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Richardson, Peter. *Herod the Great: King of the Jews, Friend of the Romans*. New York, 1999.

Ridley, Jane. *Young Disraeli*. London, 1995.

Riley-Smith, Jonathan. *The Knights of St John in Jerusalem and Cyprus 1050–1310*. London, 1967.

Riley-Smith, Jonathan. *The Feudal Nobility and the Kingdom of Jerusalem 1174–1277*. London, 1973.

Riley-Smith, Jonathan. *The First Crusade and the Idea of Crusading*. London, 1987.

Riley-Smith, Jonathan. *The Crusades: A Short History*. London, 2005.

Roaf, Susan. *Life in 19th-Century Jerusalem* / Sylvia Auld and Robert Hillenbrand (eds) // Ottoman Jerusalem: The Living City, 1517–1917. London, 2000.

Robinson, Chase F. *Abd al-Malik*. Oxford, 2007.

Rogan, Eugene. *The Arabs: A History*. London, 2009.

Rogerson, Barnaby. *The Heirs of the Prophet Muhammad and the Roots of the Sunni — Shia Schism*. London, 2006.

Rohl, John C. G. *The Kaiser and his Court*. Cambridge, 1987.

Rohl, John C. G. *Wilhelm II: The Kaiser's Personal Monarchy 1888–1900*. Cambridge, 2004.

Rood, Judith. *Sacred Law in the Holy City: The Khedival Challenge to the Ottomans as Seen from Jerusalem, 1829–1841*. Leyden/Boston, 2004.

Rose, Norman. *A Senseless Squalid War: Voices from Palestine 1945–1948*. London, 2009.

Rose, Norman. *Chaim Weizmann: A Biography*. London, 1986.

Roth, Cecil. *The House of Nasi: The Duke of Naxos*. Philadelphia, 1948.

Roux, G. *Ancient Iraq*. London, 1864.

Royle, Trevor. *Glubb Pasha*. London, 1992.

Rozen, Minna. *The Relations between Egyptian Jewry and the Jewish Community of Jerusalem in the 17th Century* / A. Cohen and G. Baer (eds) // Egypt and Palestine: A Millennium of Association (868–1948). Jerusalem, 1984.

Rozen, Minna. *Jewish Identity and Society in the Seventeenth Century: Reflections on the Life and Works of Refael Mordekhai Malki.* Tübingen, 1992.

Rozen, Minna. *Pedigree Remembered, Reconstructed, Invented: Benjamin Disraeli between East and West* / Martin Kramer (ed.) // The Jewish Discovery of Islam. Tel Aviv, 1999.

Rubin, Zeev. *Christianity in Byzantine Palestine — Missionary Activity and Religious Coercion* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 3. Jerusalem, 1983.

Ruderman, David B. *Early Modern Jewry: A New Cultural History.* Princeton NJ, 2011.

Runciman, Steven. *A History of the Crusades, 3 vols.* Cambridge, 1951–1954.

Sabbagh, Karl. *Palestine: A Personal History.* London, 2006.

Said, Edward. *Orientalism.* New York, 1978.

Sand, Shlomo. *The Invention of the Jewish People.* London, 2009.

Sanders, Paula A. *The Fatimid State* / in Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Sanders, Ronald. *The High Walls of Jerusalem: A History of the Balfour Declaration and the Birth of the British Mandate for Palestine.* London, 1989.

Sartre, Maurice. *The Middle East under Rome.* Cambridge MA, 2005.

Satloff, Robert. *Among the Righteous: Lost Stories from the Holocaust's Long Reach into Arab Lands.* London, 2007.

Sattin, Anthony. *A Winter on the Nile: Florence Nightingale, Gustave Flaubert and the Temptations of Egypt.* London, 2010.

Scammell, Michael. *Koestler: The Indispensable Intellectual.* London, 2010.

Schäfer, Peter. *The History of the Jews in the Greco-Roman World.* London, 1983.

Schneer, Jonathan. *The Balfour Declaration: The Origins of the Arab — Israeli Conflict.* London, 2010.

Scholch, A. *Jerusalem in the 19th Century* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Scholem, G. *Major Trends in Jewish Mysticism.* New York, 1961.

Scholem, G. *Sabbatai Zevi: The Mystical Messiah.* Princeton, 1973.

Schreiber, Nicola. *Cypro-Phoenician Pottery of the Iron Age.* Leiden/ Boston, 2003.

Schur, Nathan. *Napoleon in the Holy Land.* London, 1999.

Schürer, E. *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ.* Edinburgh, 1973/1979.

Schwartz, Daniel. *Josephus, Philo and Pontius Pilate* / Lee I. Levine (ed.) // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 3. Jerusalem, 1983.

Schwartz, Daniel. *Agrippa the First, the Last King of Judaea.* Tübingen, 1990.

Segev, Tom. *One Palestine Complete: Jews and Arabs under The British Mandate.* London, 2000.

Segev, Tom. *1967: Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East.* London, 2007.

Shanks, Hershel. *Jerusalem's Temple Mount.* New York/London, 2007.

Shepherd, Naomi. *The Zealous Intruders: The Western Rediscovery of Palestine.* London, 1987.

Sherman, A. J. *Mandate Days: British Lives in Palestine 1918–1948.* London, 1997.

Shindler, Colin. *A History of Modern Israel.* Cambridge, 2008.

Shindler, Colin. *The Triumph of Military Zionism.* London, 2010.

Shlaim, Avi. *Collusion across the Jordan: King Abdullah, the Zionist Movement and the Partition of Palestine.* New York, 1988.

Shlaim, Avi. *Lion of Jordan: The Life of King Hussein in War and Peace.* London, 2007.

Shlaim, Avi. *Israel and Palestine.* London, 2009.

Sievers, J. *The Hasmoneans and their Supporters: From Mattathias to the Death of John Hyrcanus.* Atlanta, 1990.

Silberman, Neil Asher. *Digging for God and Country: Exploration, Archaeology and the Secret Struggle for the Holy Land 1799–1917.* New York, 1990.

Slater, Robert. *Rabin of Israel.* London, 1996.

Smail, R. C. *The Predicaments of Guy of Lusignan* / Benjamin Z. Kedar, H. E. Mayer and R. C. Smail (eds) // Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem, Presented to Joshua Prawer. Jerusalem, 1982.

Soskice, Janet. *Sisters of Sinai: How Two Lady Adventurers Found the Hidden Gospels.* London, 2009.

Stager, Lawrence E. *Forging an Identity: The Emergence of Ancient Israel / Michael Coogan* (ed.) // The Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998.

Stern, M. *Judaea and her Neighbours in the Days of Alexander Jannaeus* // Jerusalem Cathedra: Studies in the History, Geography and Ethnology of the Land of Israel, vol. 1. Jerusalem, 1981.

Stewart, Desmond. *Theodor Herzl.* London, 1974.

Stillman, Norman A. *The Non-Muslim Communities: The Jewish Com munity / Carl F. Petry* (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol. 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Strathern, Paul. *Napoleon in Egypt.* London, 2007.

Stroumsa, G. G. *Christian Memories and Visions of Jerusalem in the Jewish and IslamicContext* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Tabor, James D. *The Jesus Dynasty.* London, 2006.

Tamari, Salim. *Mountain Against the Sea: Essays on Palestinian Society and Culture. Berkeley*/Los Angeles/London, 2009.

Tchamkerten, Astrig. *The Gulbenkians in Jerusalem.* Lisbon, 2006.

Thomas, Hugh. *Rivers of Blood: The Rise of the Spanish Empire.* London, 2010.

Thompson, Thomas L. *The Bible in History: How Writers Create a Past.* London, 1999.

Thubron, Colin. *Jerusalem.* London, 1986.

Tibawi, A. *British Interests in Palestine.* Oxford, 1961.

Tibawi, A. *Jerusalem: Its Place in Islam and Arab History.* Beirut, 1967.

Tibawi, A. *The Islamic Pious Foundations in Jerusalem: Origins, History and Usurpation by Israel.* London, 1978.

Treadgold, Warren T. *A History of Byzantine State and Society.* Stanford, 1997.

Tsafrir, Yoram (ed.). *Ancient Churches Revealed.* Jerusalem, 1993.

Tsafrir, Yoram. *The Templeless Mountain* / Oleg Grabar and Benjamin Z. Kedar (eds) // Where Heaven and Earth Meet: Jerusalem's Sacred Esplanade. Jerusalem/Austin, 2009.

Tuchman, Barbara. *Bible and Sword.* London, 1998.

Turner, R. V. *Eleanor of Aquitaine.* New Haven, 2009.

Tveit, Odd Karsten. *Anna's House: The American Colony in Jerusalem.* Nicosia, 2011.

Tyerman, Christopher. *God's War: A New History of the Crusades.* London, 2007.

The Umayyads: The Rise of Islamic Art, Museum with No Frontiers. Amman/Vienna, 2000.

Van Creveld, Martin. *Moshe Dayan.* London, 2004.

Vermes, Geza. *The Dead Sea Scrolls in English.* London, 1987.

Vermes, Geza. *Jesus and the World of Judaism.* London, 1993.

Vermes, Geza. *The Changing Faces of Jesus.* London, 2000.

Vermes, Geza. *The Story of the Scrolls: The Miraculous Discovery and True Significance of the Dead Sea Scrolls.* London, 2010.

Vincent, L. H. and Abel, F. M. *Jérusalem nouvelle.* Paris, 1914–1926.

Walker, Paul E. *The Ismaili Dawa and Fatimid Caliphate* / Carl F. Petry (ed.) // The Cambridge History of Egypt, vol 1: Islamic Egypt 640–1517. Cambridge, 1998.

Wallach, Janet. *Desert Queen: The Extraordinary Life of Gertrude Bell.* London, 1997.

Warren, W. L. *King John.* New Haven/London, 1981.

Warwick, Christopher. *Ella: Princess, Saint and Martyr.* London, 2006.

Wasserstein, Bernard. *The British in Palestine: Mandatory Government and the Arab — Jewish Conflict 1917–1929.* Oxford, 1991.

Wasserstein, Bernard. *Herbert Samuel: A Political Life.* Oxford, 1992.

Wasserstein, Bernard. *Divided Jerusalem: The Struggle for the Holy City.* London, 2001.

Watt, W. Montgomery. *Muhammad: Prophet and Statesman.* Oxford, 1961.

Watt, W. Montgomery. *Muhammad's Mecca: History in the Quran.* Edinburgh, 1988.

Whitelam, Keith. *The Invention of Ancient Israel: The Silencing of Palestinian History.* London, 1997.

Wickham, Chris. *The Inheritance of Rome: A History of Europe from 400 to 1000.* London, 2009.

Wilkinson, J. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades.* Warminster, 1977.

Wilkinson, J. *Jerusalem under Rome and Byzantium* / K. J. Asali (ed.) // Jerusalem in History. New York, 1990.

Wilkinson, Toby. *The Rise and Fall of Ancient Egypt: The History of a Civilization from 3000 BC to Cleopatra.* London, 2010.

Williams, Hywel. *Emperor of the West: Charlemagne and the Carolingian Empire.* London, 2010.

Wilson, A. N. *Jesus.* London, 1993.

Wilson, A. N. *Paul: The Mind of the Apostle.* London, 1998.

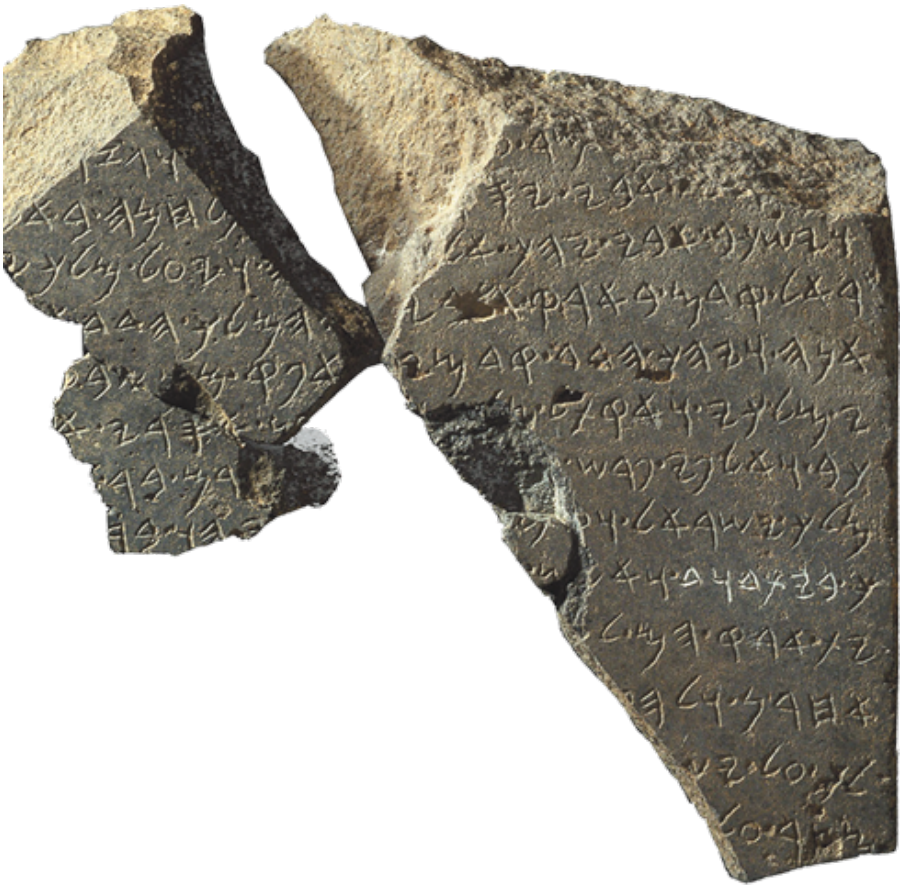
Wrba, Marion. *Austrian Presence in the Holy Land in the Nineteenth and Twentieth Centuries.* Tel Aviv, 1996.

Ze'evi, Dror. *An Ottoman Century: The District of Jerusalem in the 1600s.* New York, 1996.

Вкладка

Храмовая гора (ивр. Хар а-Баит, араб. Харам аш-Шариф), она же библейская Мориа — сердце Иерусалима. Западная стена — величайшая святыня иудаизма — представляет собой

часть подпорной стены площадки, на которой стоял храм Ирода. Сейчас на этой площадке (эспланаде) располагается комплекс мусульманских святынь, в том числе Купол Скалы и мечеть аль-Акса. Для многих людей эти 35 акров (14 га) остаются центром мироздания.



На этой стеле, обнаруженной в 1994 году в Тель-Дане (Северный Израиль), высечена надпись на арамейском языке, прославляющая победы сирийского царя Азаила над Иудеей («домом Давида»). Это можно считать археологическим доказательством того, что царь Давид дейстительно существовал.

Этот плод граната, вырезанный из слоновой кости и украшенный надписью «святой дар священникам Дома Господня», — один из немногих предметов, дошедших до нас от Храма Соломона. Вероятно, гранат служил навершием на жезле одного из первосвященников. Место, на котором стоял Храм Соломона (Первый Храм), разорялось и перестраивалось так часто, что от древнего памятника практически ничего не сохранилось.

В 701 г. до н. э. царь Езекия укрепил город для защиты от приближавшегося ассирийского войска. Так называемую «Широкую стену» Езекии можно и сегодня увидеть в Еврейском квартале.

Надпись на этом камне увековечивает встречу двух групп рабочих Езекии, прорубавшихся сквозь скалу навстречу друг другу, чтобы построить 533-метровый Силоамский туннель, который должен был обеспечить город водой. Надпись в туннеле была случайно обнаружена одним школьником в 1891 г.

Прежде чем обратить свои взоры на Иерусалим, царь Синаххериб, владыка могущественной Ассирийской империи, взял штурмом второй по значимости город Езекии — Лахиш. На барельефах дворца Синаххериба в Ниневии запечатлены

кровавая осада города и жестокое обращение захватчиков с побежденными. На этом фрагменте изображены порабощенные евреи, которых угоняет в плен ассирийский воин.

Царь Дарий, изображенный на этом барельефе в своем дворце в Персеполе, создал Персидскую империю, под властью которой Иерусалим оставался два столетия. Дарий разрешил иудейским священникам управлять городом и даже выпустил монету с надписью «Йехуд» (соответствующая провинция Персидской империи сохранила название покоренного еврейского царства).

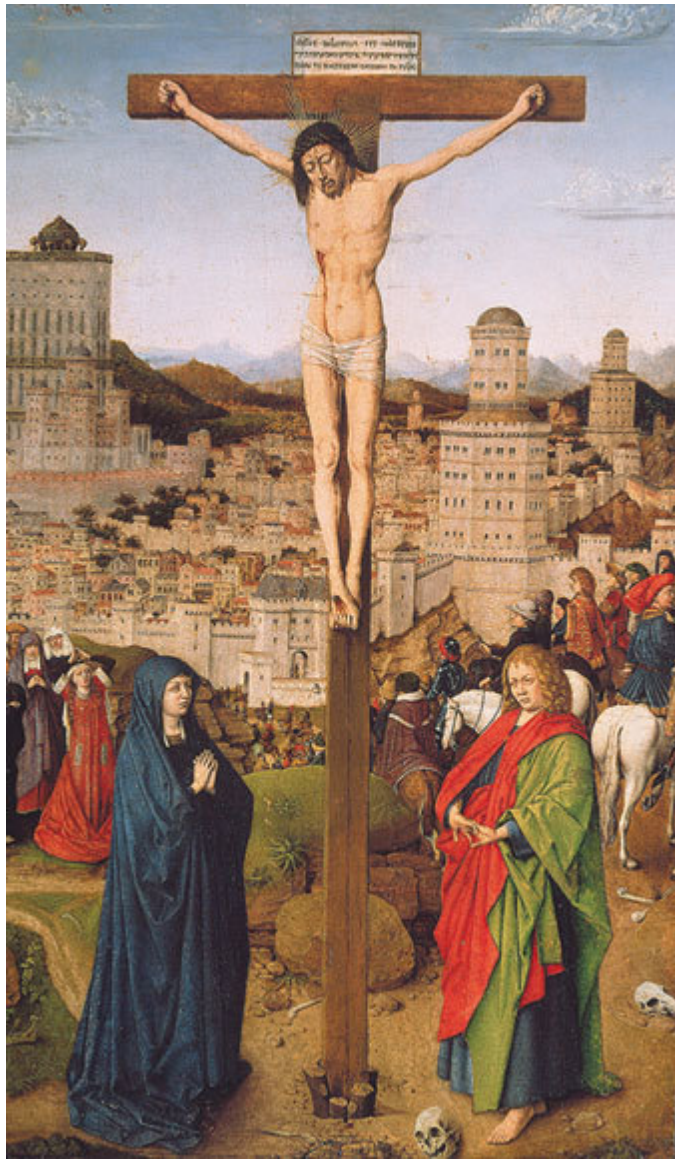
После безвременной смерти Александра Великого борьбу за контроль над его империей начали два греческих рода. Птолемей I Сотер при разделе империи получил Египет, а в ходе расширения своего царства хитростью захватил Иерусалим. После столетнего господства Птолемеев Иерусалим перешел к их соперникам — Селевкидам. Эксцентричный царь Антиох IV осквернил святыни Иерусалима и пытался вообще искоренить иудаизм. Его действия спровоцировали восстание Иуды Маккавея, изображенного на этой изящной гравюре из сборника биографий XVI в. Иуда, его братья и потомки основали новое Иудейское царство, которое просуществовало до прихода римлян.

Римский повелитель Востока Марк Антоний поддержал Ирода, нового правителя Иудеи, но Клеопатра, последняя царица из династии Птолемеев и возлюбленная Антония, желала, чтобы Иерусалим стал владением Египта.

Жестокий, беспощадный, но весьма способный правитель Ирод Великий, заполучив власть над Иерусалимом, перестроил Храм (на фото — макет-реконструкция в Музее Израиля в Иерусалиме). В правление Ирода город находился в зените своего великолепия.

Слева: **В этом оссуарии с надписью «Симон, строитель храма», вероятно, хранились кости его создателя.** ***Справа:*** **Надпись из Храма на греческом языке запрещает язычникам входить в его внутренние дворы под страхом смерти.**

Большая часть укреплений с южной и западной сторон Храмовой горы (в том числе Западная стена) относятся ко временам Иродиа-дов. Неприступный юго-восточный угол считается местом, где Иисуса искушал Сатана. У правого края этой иллюстрации виден шов каменной кладки: слева — огромные каменные блоки Ирода, справа — более древние, меньшего размера, камни Маккавеев.



Казнь Христа почти наверняка была делом рук римлян, которых поддержала элита Храма, стремившаяся любой ценой устранить мессианскую угрозу существующему положению вещей *(справа* — «Распятие» братьев ван Эйк; иерусалимский Храм изображен в виде увенчанного короной высокого здания у левого края картины).

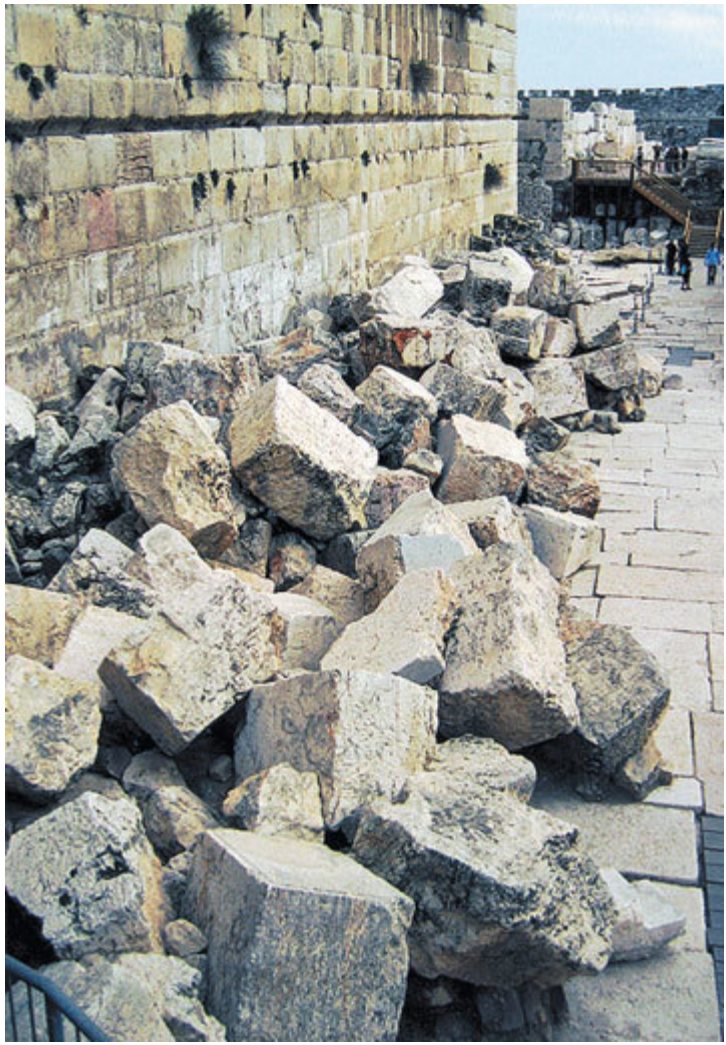
Ирод Антипа, сын Ирода Великого, правитель Галилеи, высмеял Иисуса, но отказался осудить его.

Царь Ирод Агриппа — беспечный авантюрист и самый

влиятельный еврей в римской истории. Его дружба с императором Калигулой спасла Иерусалим, а впоследствии Ирод Агриппа помог взойти на трон Клавдию.

Через четыре года после того, как еврейские повстанцы начали борьбу за независимость от Рима, полководец Тит, сын нового римского императора Веспасиана, осадил Иерусалим.

Город и Храм были взяты и разрушены после изнурительной осады и ожесточенного штурма. При раскопках жилых кварталов были найдены останки молодой женщины, не сумевшей выбраться из горящего дома.



Каменные блоки у южной стены Храмовой горы. Они были сброшены вниз римскими воинами, громившими построенный Иродом Царский портик.

На арке Тита в Риме запечатлен его триумф. Солдаты несут захваченные в иерусалимском Храме трофеи, в том числе менору (семисвечник) — символ Маккавеев; победа римлян увековечена и на монете *(справа)* с надписью *Judaea Capta* («Покоренная Иудея»).

Император Адриан — энергичный и одаренный, однако несколько импульсивный правитель, — объявил иудаизм вне закона и основал на месте Иерусалима римскую колонию Элия Капитолина. Это привело к восстанию под началом Шимона Бар-Кохбы.

На монетах Бар-Кохбы изображен восстановленный Храм.

Граффити *Domine ivimvs* («Господи, мы пришли») было обнаружено в ходе раскопок древней армянской часовни Св. Елены в 1978 г. Надпись датируется II в. н. э. Свидетельствует ли она о том, что христианские паломники тайно молились под языческим храмом Адриана?

Константин Великий далеко не был святым (на его совести, помимо всего прочего, убийство жены и сына), но этот император прекратил гонения на христиан и преобразил Иерусалим, приказав построить церковь Св. Гроба Господня. Надзирать за строительством он отправил свою мать — христианку Елену.

Император и философ Юлиан Отступник вернул Храмовую гору евреям. Юлиан попытался отказаться от христианства и вернуться к языческой традиции, однако погиб в бою с персами, не завершив начатое.

Эта мозаика из базилики Сан-Витале в Равенне (Италия)

изображает византийского императора Юстиниана I и его супругу Феодору. По их приказу была построена грандиозная церковь Неа (Новая церковь Пресвятой Богородицы) в Иерусалиме.

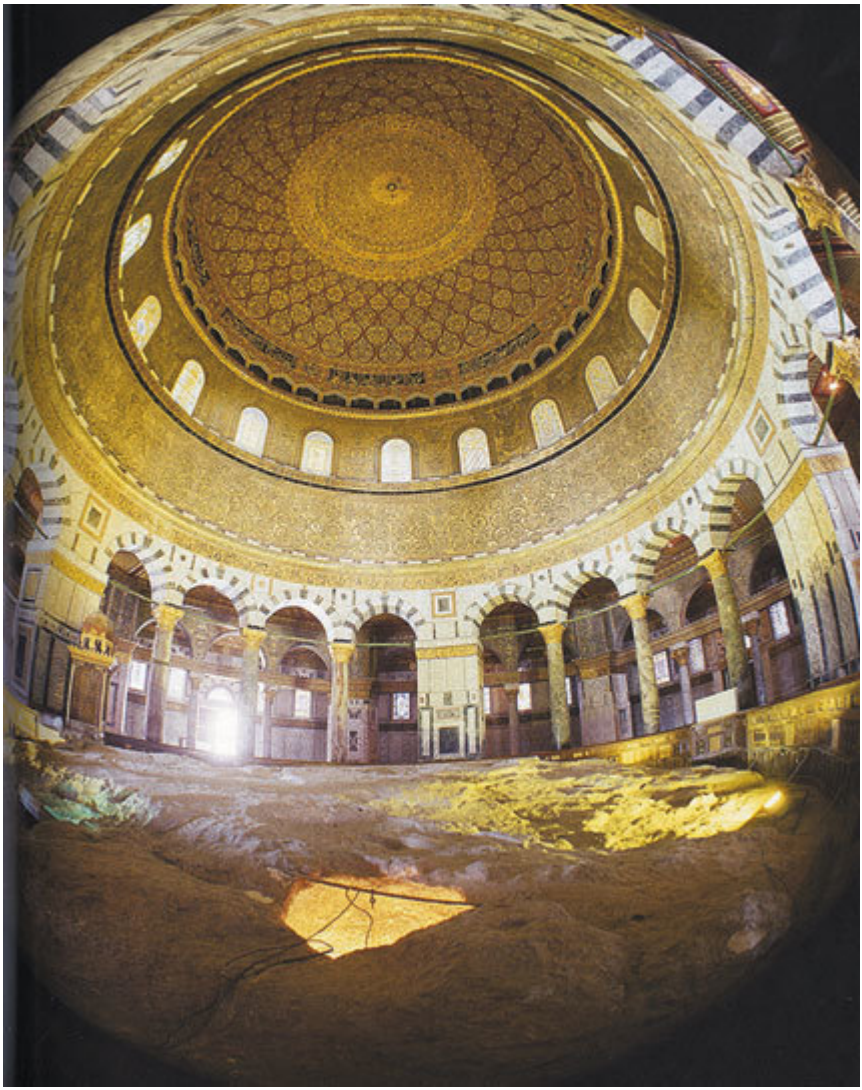
Мозаичная карта из Мадабы (Иордания) подчеркивает великолепие византийского Иерусалима, но совершенно игнорирует Храмовую гору. В 630 г. византийский император Ираклий торжественно вступил в город через Золотые ворота,

стоявшие, вероятно, на том же месте, что и существующие сегодня *(внизу)*. И иудеи, и мусульмане, и христиане полагают, что именно на этом месте развернутся события Апокалипсиса.

На этой миниатюре из рукописи «Хамсе» («Пятерица»), сборника пяти поэм Низами, изображен Ночной полет (Исра) Мухаммеда из Мекки в Иерусалим на Бураке — крылатом

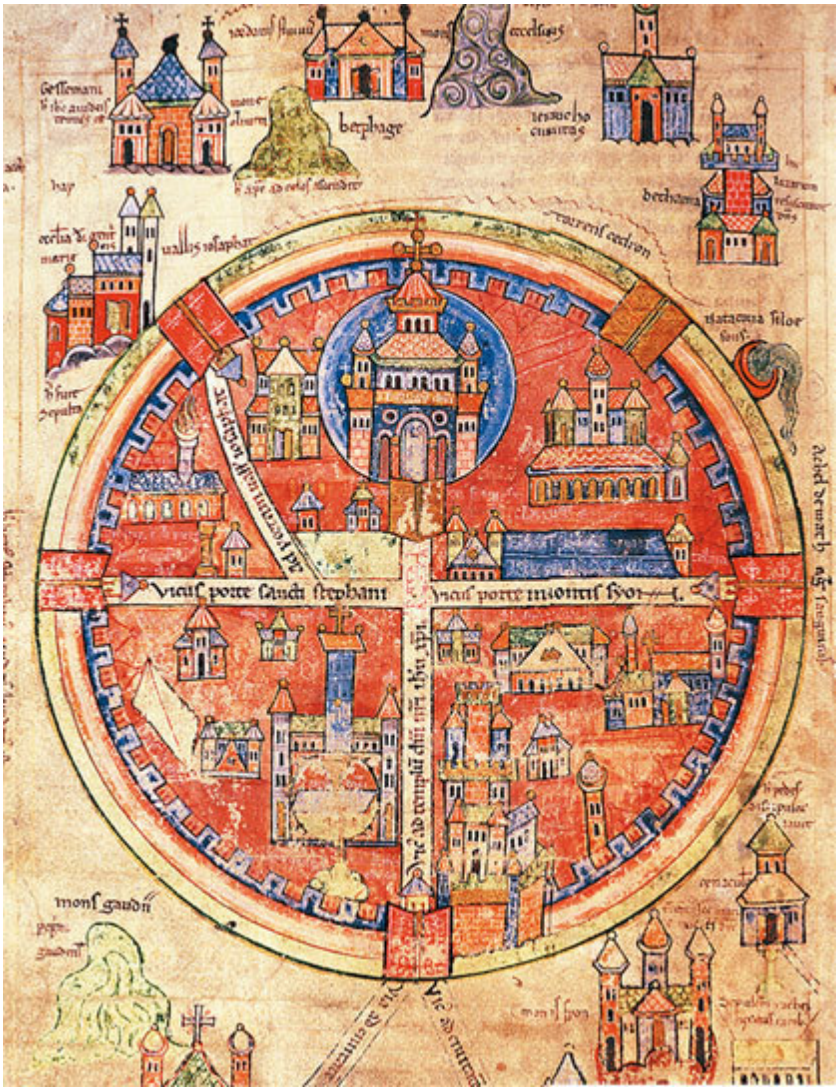
скакуне с человеческим лицом. За этим путешествием последовали чудесное вознесение пророка на небеса (Мирадж) и встреча с пророками Исой, Мусой и Ибрахимом (Иисусом, Моисеем и Авраамом).

Ревнитель ислама и дальновидный государственный деятель, халиф Абд аль-Малик запечатлен на одной из последних мусульманских монет с изображением человека *(слева)*. В 691 г. он построил на Храмовой горе одну из древнейших дошедших до наших дней мусульманских святынь — Купол Скалы, украшенный цитатами из Корана.



Великолепный Купол Скалы, возведенный над «камнем основания» *{внизу),* где некогда стоял иудейский Храм, утверждал мусульман подлинными наследниками Ветхого Завета. *Вверху:* В 1099 г., после четырехсот лет мусульманского правления, крестоносцы взяли Иерусалим штурмом, учинив страшное кровопролитие. Даже через шесть месяцев над улицами все еще висело зловоние разлагавшейся плоти.

В 1099 г., после четырехсот лет мусульманского правления, крестоносцы взяли Иерусалим штурмом, учинив страшное кровопролитие. Даже через шесть месяцев над улицами все еще висело зловоние разлагавшейся плоти.



Христианам эпохи кресто-носцев Иерусалим представлялся центром мира, что нашло отра-жение на этой карте из хроники Роберта Реймсского (XII в.).

Король Балдуин I Иерусалимский был неутомимым воином и искушенным политиком, но многие упрекали его в непомерном сластолюбии.

Венчание королевы Мелисенды с Фульком Анжуйским. Через пять лет после свадьбы Фульк обвинил супругу в измене.

Эта изумительно украшенная Псалтирь была, возможно, его подарком королеве в знак примирения.

Проклятие Иерусалима: юный Балдуин IV показывает своему учителю Вильгельму Тирскому, что поранился, играя с друзьями, но, в отличие от них, не чувствует боли (потеря чувствительности кожей — один из первых признаков проказы). Прокаженный король символизировал упадок королевства.

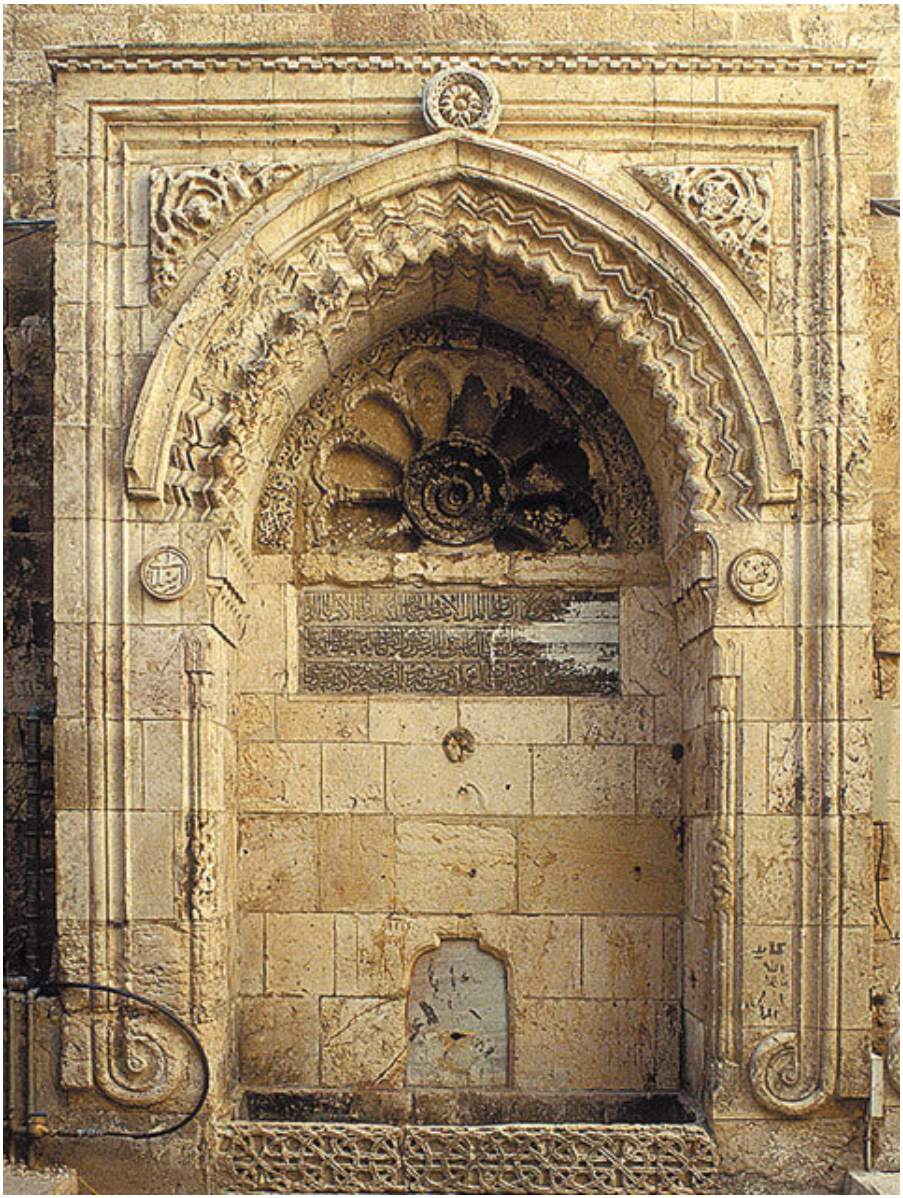
Безжалостный при необходимости, но милосердный, когда он мог себе это позволить, Саладин разгромил войско Иерусалимского королевства и захватил город.

Император Фридрих II, которого одни называли «Изумлением мира» *(Stupor Mundi),* а другие антихристом, изображен здесь вступающим в Святой город. Ему удалось заключить мирый договор, согласно которому Иерусалим был разделен между христианами и мусульманами.

Мусульмане считают Купол Вознесения на Храмовой горе *(слева)* местом, откуда началось небесное путешествие пророка Мухаммеда, хотя на самом деле это баптистерий тамплиеров, построенный в 1200 г. Ныне существующий Мусульманский квартал был создан мамлюками, и султан

Насир аль-Мухаммад построил в нем рынок в характерном мамлюкском стиле *(в центре)*. По повелению султана Кайт-бея был сооружен этот водоразборный фонтан на Храмовой горе *(справа)*.

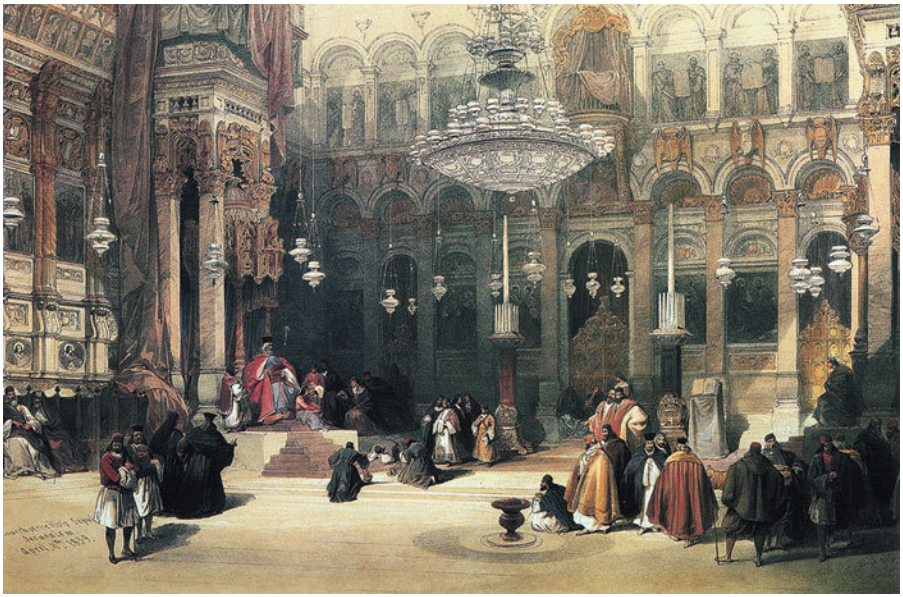
Сулейман Великолепный, султан и халиф, считавший себя наследником римских цезарей, никогда не был в Иерусалиме, но немало строил в городе. Именно он придал большей части городских стен и ворот их нынешний облик.



Сулейман использовал мраморный саркофаг и другие сполии крестоносцев для сооружения фонтана у ворот Цепи и добавил толику османского великолепия Куполу Скалы, украсив его прекрасными мозаиками.

Харизматичный, но подверженный маниакально-депрессивному психозу лжемессия Шабтай Цви не добился признания в Иерусалиме, однако продолжал возбуждать мессианские надежды евреев, пока османский султан не принудил его принять ислам.

Рыжебородый албанец Ибрагим-паша покорил Сирию в 1831 г. и едва не захватил Стамбул, действуя от имени своего приемного отца — правителя Египта Мухаммеда Али-паши. Он жестоко подавил попытки мятежей в Иерусалиме и открыл город для европейцев.



Интерьер храма Гроба Господня, запечатленный шотландцем Дэвидом Робертсом. Художник предпринял путешествие в Иерусалим, а по дороге остановился в Каире, где его радушно принял Мухаммед Али-паша. Восточные зарисовки Робертса сильно повлияли на восприятие Палестины европейцами.

Еврейский плутократ и филантроп сэр Мозес Монтефиоре приезжал в Иерусалим семь раз и одним из первых начал застраивать земли за чертой Старого города.

В 1860 г. он приступил к возведению ветряной мельницы и коттеджей Монтефиоре.

На старых фотографиях большая часть Старого города кажется неожиданно пустынной. Этот снимок пейзажа вокруг церкви Гроба Господня сделал в 1861 г. Ессаи Карапетян, пионер фотографического дела в Палестине и будущий армянский патриарх Иерусалима.

Европейцы, посещавшие Иерусалим в XIX в., дивились экзотичности йеменских евреев (*слева*) и нищете ашкеназим из Восточной Европы *(справа)*.

Русские православные паломники у храма Гроба Господня на Пасху (*слева*). Они молились и кутили с равным рвением; тем временем Яффские ворота и улица Царя Давида *(справа)* стали средоточием «европейского» Иерусалима.

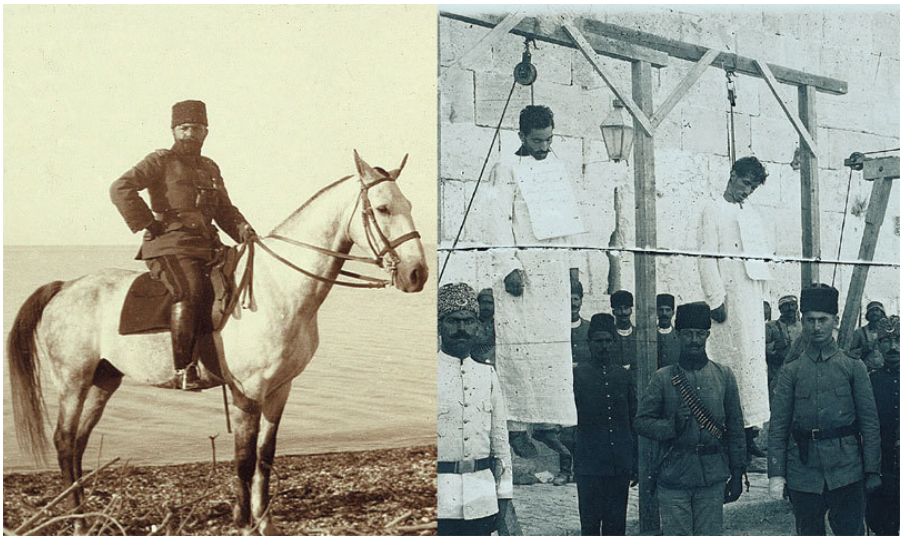
Теодор Герцль *(с семьей на фото слева)* заложил основы идеологии политического сионизма. В 1898 г. он встречался с кайзером Вильгельмом II во время визита последнего в Иерусалим. Считая себя кем-то вроде германского крестоносца, кайзер носил специально разработанную униформу с длинной белой накидкой, прикрепленной к его

остроконечному шлему *(справа)*.

Визит кайзера к так называемой Гробнице царей. Французский археолог Фелисьен де Сольси, участвовавший в «археологической гонке» великих держав, утверждал, что это гробница царя Давида. На самом деле это гробница Елены, царицы Адиабены (I в.).

Слева: **Берта Спаффорд, дочь основателей Американской колонии *(сидит в центре),* позирует с друзьями-бедуинами.** ***Справа:*** **Селим аль-Хусейни, мэр города в 1882–1897 гг.: идеальный образец иерусалимского аристократа.**

Слева: **Авантюрист Монтегю Паркер, будущий граф Морли. Его трехлетние поиски Ковчега Завета закончились беспорядками, которые объединили евреев и мусульман — единственный такой случай в иерусалимской истории.** ***Справа:*** **Почти полвека Вазиф Джавгарийе — лютнист, светский лев и сводник, знавший в городе всех и каждого, — описывал повседневную жизнь Иерусалима в своем необычайно живом дневнике.**



Джемаль-паша ***(слева)*** **— османский администратор Сирии во времена I мировой войны, турецкий националист, питавший слабость к сигарам, шампанскому, красивым еврейкам и жестоким казням (*справа*).**

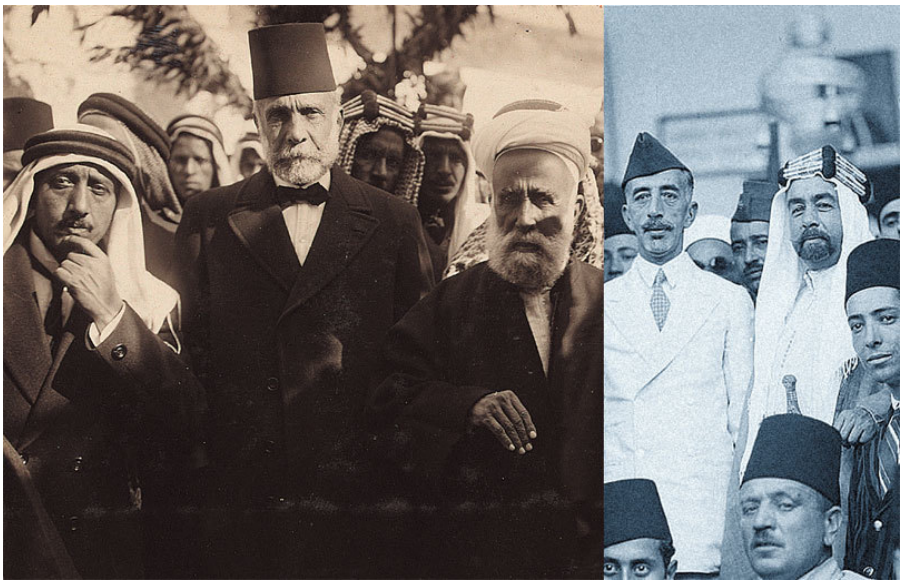
Хаим Вейцман *(слева),* уроженец одного из местечек в черте оседлости, на равных общался с королями и лордами. Ему удалось склонить Ллойд Джорджа и Черчилля *(в центре),* а также Артура Бальфура *(справа)* к поддержке сионизма. Тем временем Лоуренс Аравийский *(внизу слева на следующей странице)* поддерживал требования арабов.

Слева: **Сдача города, 1917 г. Мэр Иерусалима Хусейн аль-Хусейни (*с тростью)* шесть раз пытался официально сдаться британцам. *Справа:* Британский мандат. Покоритель Иерусалима генерал Алленби *(с рукой на портупее)* и военный губернатор Рональд Сторрз празднуют 4 июля с Бертой Спаффорд *(крайняя левая из девочек)* в Американской колонии в 1918 г.**

Справа: **Лоуренс Аравийский и эмир Абдалла ибн Хусейн сопровождают Уинстона Черчилля во время визита в комплекс Августа Виктория (1921 г.). Скоро Абдалла возглавит вновь созданный эмират Трансиордания.**

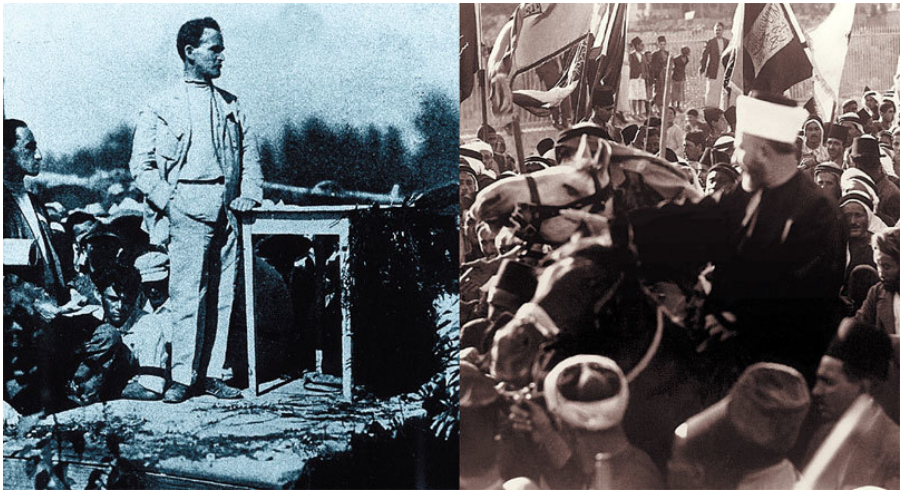
Дни славы имперского Иерусалима. Принц Артур, герцог Коннаутский, сын королевы Виктории, вручает награды отличившимся жителям города (хотя его явно раздражает тот факт, что на некоторых мундирах красуются также османские и германские медали).

Верховный комиссар Палестины Герберт Сэмюэл *(сидит в центре)* и иерусалимский губернатор Рональд Сторрз *(четвертый справа во втором ряду)* принимают иерархов различных христианских конфессий после службы в честь годовщины освобождения Иерусалима британцами (1924 г.).



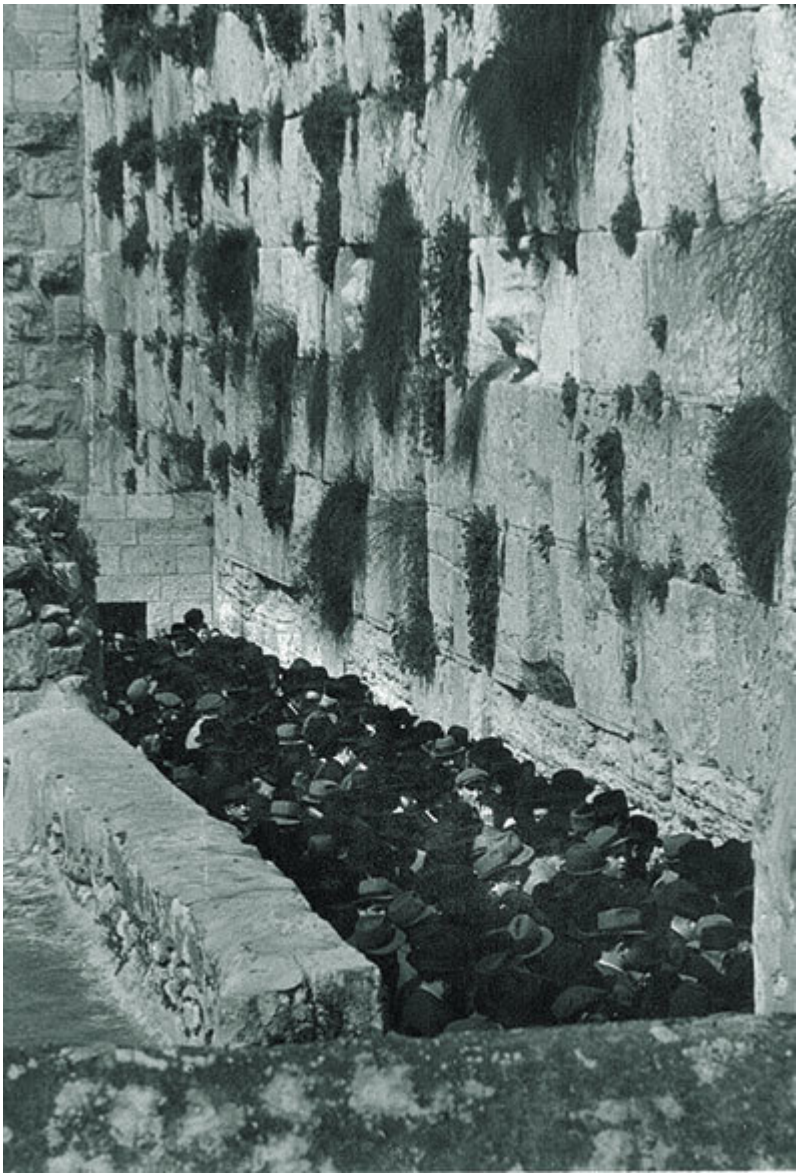
***Слева:* Шериф Мекки, король Хиджаза Хусейн *(на фото справа)* встречается в Иерусалиме с одним из первых лидеров палестинских националистов — Мусой Казимом аль-Хусейни *(в центре)*. *Справа:* Сыновья шерифа: Фейсал (в центре в белом костюме), король сначала Сирии, а затем Ирака, и Абдалла (справа от брата), впоследствии король Иордании, самовольно захватили территории, на которых затем основали собственные монархии. Отец никогда не простил**

им этого (Иерусалим, 1931 г.).



Давид Бен-Гурион *(слева)* уже в 1920-е гг. проявил себя как несгибаемый лидер сионистов. Не менее убежденным вождем арабских националистов Палестины был муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни (*справа):* на этой фотографии он верхом на коне возглавляет процессию в день Наби Муса (пророка Моисея) — главный праздник иерусалимских мусульман (1937 г.).

Пасхальный обряд сошествия Благодатного Огня (снятый здесь из-под купола храма Гроба Господня) всегда собирал множество верующих и проходил крайне эмоционально.



Молитва у Западной стены в память о жертвах Холокоста (1944 г.). На этом фото видно, насколько ограниченное место было отведено для еврейской молитвы.

Асмахан (Амаль аль-Атраш) — арабская певица, друзская принцесса, египетская кинозвезда, шпионка и *femme fatale* отеля «Царь Давид» в годы Второй мировой войны.

Вверху слева: **Муфтий Амин аль-Хусейни на приеме у Гитлера.** ***Вверху справа:*** **Абд аль-Кадир аль-Хусейни — кузен муфтия и арабский герой 1947–1948 гг. Его смерть в бою стала страшным ударом для большинства палестинцев. Похороны Абд аль-Кадира на Храмовой горе** ***(внизу)*** **прошли в атмосфере хаоса и напряжения.**

Вверху слева: **1946–1948 гг. Пока арабские и еврейские боевики изничтожали друг друга, не стесняясь жертв среди мирного населения, «Иргун» Менахема Бегина устроил взрыв в штаб-квартире британцев в отеле «Царь Давид». Британский генерал Баркер *(в правом нижнем углу газетной страницы)*ненавидел евреев, и его еще больше подстрекала его очаровательная и темпераментная палестинская любовница Кэти Антониус *(вверху справа)*. *Внизу страницы:***

Битва за Иерусалим, 1948 г.

Вверху слева: **Арабские солдаты ведут пленного еврея во время боя за Еврейский квартал.** ***Вверху справа:*** **Еврейская девочка спасается бегством.** ***Внизу:*** **Боевики Арабского легиона за баррикадами из мешков с песком.**

Арабский победитель 1948 г. король Иордании Абдалла приветствует жителей Иерусалима (этот визит в город стоил ему жизни).

Тело убийцы короля лежит в мечети Аль-Акса.

Внук Абдаллы, король Иордании Хусейн, готовится к войне 1967 г.: он неохотно, словно предвидя катастрофу, отдал свои войска под египетское командование.

Кризис: израильский начальник штаба Ицхак Рабин *(слева)* с трудом выдерживал крайнее напряжение и находился на грани нервного срыва; Моше Даян *(справа),* только что назначенный министром обороны, трижды предостерегал иорданского короля Хусейна от нападения.

Израильские десантники продвигаются к Львиным воротам.

***Вверху*: Взятие Иерусалима *(слева)*; израильские солдаты молятся у Стены Плача через несколько минут после того, как пробились к ней *(верхнее фото справа)*. Шейх Храмовой горы смотрит на них из Магрибских ворот *(внизу справа)*. *Внизу*: Израильские джипы проезжают по эспланаде Харам аш-Шариф перед тем, как отпраздновать воссоединение Иерусалима перед Куполом Скалы.**

notes

Примечания

1

Здесь и далее автор приводит в кавычках цитаты из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. По-русски цитаты даны в переводе Я. Л. Чертока. — Прим. ред.

2

Для удобства читателя все меры, которые автор дает в английской системе, переведены в метрическую. — Прим. ред.

3

Египетские фараоны Среднего царства претендовали на власть в Ханаане, но неясно, насколько они в самом деле преуспели в этом. Возможно символы, начертанные на глиняных сосудах или антропоморфных фигурках, содержали проклятия или угрозы в адрес правителей враждебных народов. Разбив сосуд или статуэтку с названием города или именем врага, можно было навлечь на него несчастье. Теории по поводу этих артефактов менялись многократно, лишний раз доказывая, что археология — это не только материальные находки, но и их интерпретации (здесь и далее — прим. автора, если не оговорено иное).

4

Одна из теорий отождествляет хабиру с первыми евреями, однако это слово широко использовалось в те времена на всем Ближнем Востоке для названия разбойников — на вавилонском (аккадском) языке оно означает нечто вроде «бродяги». Возможно, евреи были потомками одной из небольших групп хабиру.

5

В этом архиве содержится около 380 глиняных табличек с клинописными посланиями различных местных властителей в канцелярию царя Аменхотепа IV (1352–1336) — фараона-«еретика», пытавшегося заменить традиционный политеизм единобожием — культом солнечного бога Атона. Аменхотеп взял новое имя Эхнатон («полезный для Атона») и основал новую столицу — Ахетатон («горизонт Атона»), ныне это городище Амарна к югу от Каира. Царский архив («Дом Переписки») был обнаружен в Амарне в 1887 г.

6

Акт Творения описан в Книге Бытие дважды (1:1–2:3 и 2:4–25). В ней приводятся две генеалогии Адама, две истории потопа, две версии завоевания Иерусалима и так далее. Налицо также множество анахронизмов: например, филистимляне и арамеи упоминаются в контексте более древней эпохи, когда они еще не пришли в Ханаан, вьючные верблюды появляются в Библии задолго до того, как они на самом деле были одомашнены. Многие ученые считают, что самые ранние библейские книги представляют собой компиляцию из писаний двух разных авторов (или групп авторов): один из них называет Бога Элохим, другой — Яхве.

7

Во времена Храма лишь первосвященник и только раз в год мог произносить тетраграмму YHWH. Евреям и сегодня воспрещается проговаривать имя Бога вслух, и оно заменяется словами «Адонай» («Господь мой») или «ха-Шем» (досл. «Имя»).

8

Вторжение евреев в Ханаан — исторический сюжет, породивший сложные и, как правило, недоказуемые и взаимоисключающие теории. Например, похоже, что взятие Иерихона, стены которого якобы рухнули от звуков труб Иисуса Навина, — не более чем легенда. Иерихон гораздо старше Иерусалима — в 2010 г. палестинские власти отмечали 10 тысяч лет со дня его основания (дата, разумеется, была выбрана произвольно). Но, несмотря на то, что Иерихон действительно какое-то время был заброшен и пустовал, нет никаких археологических свидетельств внезапного обрушения его стен. Гипотезу о массированном вторжении трудно принять буквально, поскольку небольшие стычки (подобные описанным в Книге Иисуса Навина) неминуемо происходят в любых тесных зонах расселения, где соперничают несколько народов. Тем не менее, Вефиль близ Иерусалима (один из немногих городов, разрушение и сожжение которого описано в Библии) был и в самом деле разрушен в XIII в. до н. э. Возможно, израильтяне были гораздо более миролюбивыми и терпимыми, чем хотели показаться в своих писаниях.

9

Праща в те времена считалась серьезным оружием: пращники запечатлены на рельефах Бени-Хасана в Египте, где они участвуют в битве наравне с лучниками. Из царских надписей Египта и Ассирии явствует, что отряды пращников были регулярными боевыми соединениями царских армий. Опытный пращник, метнув специально отполированный камень размером с теннисный мяч, мог поразить цель на расстоянии 100–150 м.

10

Как на самом деле звали Давида? В Библии история о Голиафе рассказывается дважды, и во второй версии израильский юноша-герой назван Элханан: может быть, это и есть настоящее имя царя Давида, данное ему от рождения?

11

Вероятно, это наиболее перекопанное археологами место в мире. Раскопки, которые сейчас ведет здесь профессор Ронни Рейх, — двенадцатые по счету на этом участке (именно в ходе этих раскопок были обнаружены хананейские укрепления, описанные в первой главе). Но еще в 1867 г. английский археолог Чарльз Уоррен нашел шахту, тянувшуюся от вершины Офеля вниз к источнику. Долгое время исследователи считали, что это рукотворный колодец и что воду из источника черпали сверху с помощью корзин на длинных веревках. Но последние раскопки показали, что «шахта Уоррена» — это естественное образование, а водосборником служил огромный резервуар, высеченный в скальной породе чуть в стороне от шахты и защищенный сверху огромной башней и стенами.

12

О размерах города Давида в настоящее время бурно спорят «минималисты», считающие, что это была всего лишь маленькая крепость местного военного вождя, и «максималисты», отстаивающие библейское представление об Иерусалиме как имперской столице. До того, как была найдена надпись в Тель-Дане, наиболее радикальные минималисты даже намекали, что и самого Давида не существовало вовсе, ссылаясь на отсутствие каких-либо археологических свидетельств. В 2005 г. доктор Эйлат Мазар объявила, что нашла дворец царя Давида. Новость была встречена с недоверием, однако в ходе раскопок было действительно обнаружено весьма внушительное здание X в. до н. э., которое наряду с хананейскими укреплениями и ступенчатыми террасами, возможно, входило в комплекс цитадели Давида.

13

Где находился этот монумент, мы не знаем. Сегодня гробницей Авессалома называют вырубленный в скале и увенчанный коническим куполом склеп в Кедронской долине, напротив Храмовой горы. Впервые это здание упоминает в качестве гробницы Авессалома еврейский путешественник Вениамин Тудельский (1170), однако оно никак не могло быть построено во времена царя Давида и, по всей видимости, датируется I в. до н. э. В Средние века евреи, которых в те времена не подпускали к городу (в том числе и к Западной стене), молились у гробницы, обратившись лицом к Храмовой горе. С другой стороны, еще в начале XX в. проходившие мимо гробницы плевали в ее сторону или бросали в нее камни, осуждая тем самым вероломство мятежного царевича.

14

Через несколько столетий Иоанн Гиркан, царь из династии Маккавеев, ограбил гробницу Давида, чтобы заплатить выкуп осаждавшему Иерусалим сирийскому царю. А еще два тысячелетия спустя, во времена крестоносцев, рабочие, поновлявшие Сионскую горницу, в которой, по преданию, происходила Тайная вечеря, обнаружили под ней палату, которую посчитали гробницей Давида. Это место и сегодня почитают иудеи, христиане и мусульмане, однако настоящее место захоронения царя неизвестно.

15

Где находилась Святая Святых? Сегодня это политически взрывоопасный вопрос и настоящий камень преткновения в любых палестино-израильских переговорах о статусе Иерусалима. Поскольку неизвестны точные размер и очертания площадки Храмовой горы до того, как ее расширил Ирод Великий, по этому поводу существует множество теорий. Многие ученые считают, что Святая Святых находилась точно на скальном выступе, над которым сегодня водружен мусульманский монумент, известный как Купол Скалы. Другие полагают, что таинственная каверна под этим монолитом из желтоватого песчаника служила местом погребения уже в 2000 г. до н. э. В пользу этой версии говорит и фольклор: согласно преданию, евреи, вернувшиеся из вавилонского плена около 540 г. до н. э., нашли в ней череп Орны Иевусея (хозяина участка на горе Мориа, который царь Давид в свое время выкупил для постройки жертвенника).

Мишна — первый письменный текст, зафиксировавший устную традицию иудаизма (II в. н. э.), — называет пещеру Бездонной могилой, ведущей прямиком в недра земли, мусульмане именуют ее Колодцем душ. Иудеи и мусульмане верят, что на этом камне Бог сотворил Адама, на нем же Авраам собирался принести в жертву Исаака. Иудеи считают эту скалу Камнем Основания (Краеугольным камнем) Храма.

16

Библия говорит, что Соломон построил Мегиддо, Газер и Хацор, и называет их «городами для конницы и колесниц». Но в последние годы развернулась оживленная дискуссия относительно их датировки. «Ревизионисты» во главе с профессором Исраэлем Финкельштейном считают, что дворцы в этих городах носят следы сирийского влияния и построены столетие спустя после Соломона. Другие археологи оспаривают эту точку зрения. Красно-черная керамика, обнаруженная при раскопках, датируется концом X в. до н. э., то есть примерно временем правления Соломона. Последние исследования зданий позволяют предположить, что это и вправду были огромные конюшни X в. — свидетельство мощи конного войска Соломона и развитого коневодства в восточном Средиземноморье того времени.

17

То есть перебил всех мужчин и мальчиков, не оставив ни одного, способного самостоятельно, «как взрослый», справить нужду. — Прим. ред.

18

Цари Иудеи и Израиля совместно выступили против Меша (Месы), мятежного царя моавитян. До нас дошла памятная стела Меша, в надписи на которой царь похваляется, что принес в жертву собственного сына и успешно отразил нападение. Черная базальтовая стела, получившая в науке название «Моавитский камень», была обнаружена в 1868 г., когда некий бедуин показал ее немецкому миссионеру. Надпись Меша отчасти подтверждает, отчасти опровергает Библию: царь признает, что Израиль покорил Моав, но заявляет, что затем он восстал против царя Ахава и одержал победу над Израилем и Иудеей, причем последнюю он (согласно одной из версий перевода) именует «дом Давида». Далее Меш хвалится, что вывез из захваченного израильского города «сосуды Яхве». Это первое упоминание иудейского Бога во внебиблейском источнике. Из-за этого артефакта началась настоящая «война археологов» Пруссии, Франции и Англии, которые не гнушались никакими средствами, чтобы завладеть ценной реликвией. Победительницей в этой схватке вышла Франция, сейчас Моавитский камень находится в Лувре.

19

Библия рисует израильского царя Ииуя реставратором культа Яхве и сокрушителем идолов Ваала. Но автора этого портрета больше интересуют отношения царя с Богом, а не его политическая деятельность, о которой мы теперь кое-что знаем благодаря археологам. Ииуй, вероятно, действовал при поддержке Дамаска; сирийский царь Азаил оставил в Тель-Дане (Северный Израиль) стелу, прославляющую его победу над предыдущими царями дома Израиля и дома Давида. Это можно считать археологическим доказательством того, что царь Давид существовал.

Но, похоже, Ииуй также был вассалом ассирийского царя Салманасара III. На Черном обелиске, найденном в Нимруде и ныне хранящемся в Британском музее, Ииуй преклоняет колени перед восседающим на троне Салманасаром, который изображен с заплетенной в косички бородой, в диадеме, расшитых одеждах и с мечом в руке на фоне крылатого гения — символа ассирийского могущества. Придворный держит над ним опахало. «Я получил от него, — гласит царская надпись Салманасара, — серебро, золото, золотые вазы, золотые кубки, золотые чаши, золотые кувшины, скипетры для царя и бальзамовое дерево». Этот коленопреклоненный Ииуй, приносящий дань Салманасару III, — первое историческое изображение израильтянина.

20

Древние еврейские общины Ирана и Ирака считали себя потомками десяти колен Израилевых, уведенных в плен ассирийцами, а также жителей Иудеи, переселенных в Вавилонию. Последние генетические изыскания доказывают, что эти общины и в самом деле были отделены от соотечественников примерно 2,5 тыс. лет назад. И все же поиски исчезнувших колен породили массу фантастических предположений и теорий: потомков этих колен «находили» в самых неожиданных местах; ими считали и индейцев Северной Америки, и даже англичан!

21

За пределами обнесенного стеной Города Давида выросли новые поселения: Мактеш (Мортар) — в Тиропеонской долине, лежавшей между Храмовой горой и Западным холмом, и Мишнех — на склонах Западного холма (нынешний Еврейский квартал). Высших сановников принято было хоронить в гробницах, вытесанных в скалах в окрестностях города. «Это гробница… яху, который над Домом, — гласит погребальная надпись из пещерного захоронения в селении Шилоах (Силуан). — Нет здесь серебра и золота, лишь кости его и его рабынь. Проклят тот, кто откроет ее». Проклятие не подействовало: гробница была разграблена, и ныне в ней устроен курятник. Но этот древний начальник двора, возможно, был тем самым придворным Езекии — Шувнаяху, которого Исайя осуждал за строительство грандиозной гробницы.

22

Пер. Руслана Хазарзара.

23

В 1880 г. 16-летний Иаков Элияху, сын перешедших в протестантизм евреев, предложил своему школьному товарищу пройти по Силоамскому туннелю. На обоих мальчиков произвели большое впечатление слова из 4-й книги Царств: «Прочее об Езекии и о всех подвигах его, и о том, что он сделал пруд и водопровод и провел воду в город, написано в летописи царей Иудейских» (не дошедшей до нас). Иаков пошел в туннель с одного конца, нащупывая пальцами зарубки, оставленные древними рабочими; его товарищ двинулся с другого конца. Когда направление зарубок вдруг изменилось, Иаков понял, что находится на том самом месте, где встретились две группы камнеломов. Именно здесь он и нашел оставленную строителями надпись.

Иаков прошел туннель до конца и обнаружил, что его друг давно оставил опасную затею и решил вернуться. Выбравшись наружу, Иаков до смерти перепугал местных арабов, убежденных, что в древней пещере обитают джинны или даже драконы. Иаков рассказал о своей находке директору школы, слухи об этом быстро дошли до некоего грека, торговца древностями, тот пробрался в туннель и грубо вырубил из стены кусок камня с надписью, при этом разбив его. Затем находку конфисковали у грека турецкие полицейские, и ныне надпись хранится в Стамбуле. А Иаков Элияху впоследствии присоединился к американским колонистам-«оверкомерам» и был усыновлен семьей Спаффордов, основателей колонии. Иаков Спаффорд стал школьным учителем и часто рассказывал своим ученикам, детям колонистов, о туннеле Езекии, никогда, впрочем, не упоминая о том, что он и есть тот самый мальчик, который нашел надпись.

24

Намеки на детские жертвоприношения есть в книгах Бытие и Исход; в частности, можно упомянуть о готовности Авраама принести в жертву Исаака. Вообще человеческие жертвоприношения с самых древних времен ассоциировались с хананейскими и финикийскими культами. Гораздо позднее римские и греческие историки приписывали эту отвратительную практику карфагенянам — потомкам финикийцев, однако это не подтверждалось археологическими свидетельствами вплоть до 1920-х гг., когда два офицера французской колониальной армии обнаружили в руинах Карфагена (ныне в Тунисе) *тофет* — святилище под открытым небом, а также место ритуального захоронения погребальных урн. В урнах из Карфагена были обнаружены детские кости и пепел, а также глиняные таблички с красноречивыми посланиями: «Ваалу принес Бомилькар в жертву этого сына, плоть от плоти его. Благослови его!» Эти находки, по времени, возможно, совпадающие с эпохой Манассии, доказывают правдоподобность библейских рассказов о ханаанском боге Молохе, культ которого был связан с человеческими — в том числе и детскими — жертвоприношениями. Впоследствии в западноевропейской литературе, в частности в «Потерянном рае» Мильтона, Молох предстает уже как один из падших ангелов в услужении у Сатаны.

25

Реформы Иосии стали критически важным шагом в развитии иудаизма. В гробнице в долине Еннома, датируемой тем периодом, были найдены два миниатюрных свитка из серебра: на их внутренней стороне вырезана священническая молитва из Книги Чисел (6:24–6), которая остается частью иудейского богослужения и сегодня: «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!»

26

Царские придворные и чиновники жили и работали в верхней части Города Давида. Там в одном из домов был обнаружен архив из 45 булл — глиняных оттисков печатей, сохранившихся благодаря огню пожара, который обжег глину. В «Доме булл», как назвали это здание археологи, по-видимому, размещалась царская канцелярия; на одной из булл видны слова «Гемария, сын Сафанов», это имя писца царя Иоакима, известное из Книги пророка Иеремии. Иоаким либо умер еще до прихода вавилонян, либо погиб во время осады Иерусалима. Наследовал ему его сын Иехония.

27

В слоях пепла у городских ворот крепости Лахиш археологами были найдены *остраконы* — черепки с нацарапанными на них надписями. Эти надписи проливают свет на обстановку в Иудее во время неудержимого наступления вавилонян. Лахиш и еще одна крепость под названием Азека сопротивлялись дольше других; между ними и Иерусалимом была налажена система оповещения с помощью сигнальных огней. Судя по записям на остраконах, военачальник осажденного Лахиша по имени Яуш поначалу регулярно получал донесения со своих аванпостов, которые постепенно один за другим были захвачены врагом. Скоро один из его офицеров по имени Хошаяху доложил Яушу, что Азека также прекратила подавать сигналы. Затем в тяжелых боях пал и сам Лахиш.

28

До сих пор не найдено никаких остатков Первого Храма. Однако Иеремия на удивление точен: военачальники Навуходоносора действительно расположили свою ставку у Средних ворот, поскольку отсюда было удобнее контролировать Иудею, а их имена, перечисленные в Книге Иеремии, подтверждает один из текстов, найденных в Вавилоне.

Навуходоносор назначил царского министра Годолию марионеточным правителем Иудеи. Но поскольку Иерусалим лежал в руинах, Годолия сделал своей резиденцией город Мицпу к северу от разрушенной столицы. Вскоре иудеи восстали и убили Годолию, и Иеремия, которому тот покровительствовал, был вынужден бежать в Египет. С тех пор о нем ничего не известно.

29

В 586–400 гг. до н. э. таинственные авторы Библии, писцы и священники, жившие в изгнании в Вавилоне, обработали и собрали воедино тексты Пятикнижия Моисеева (еврейской Торы), соединив обе традиции — Яхвиста и Элогиста. Так называемые второзаконники пересказали священную историю, сделав акцент на слабости царей и могуществе Господа. Они также включили в текст Писания эпизоды, вдохновленные мифологией Вавилона — в частности, историю о Вавилонской башне и рассказ о всемирном потопе, столь похожий на описание катастрофы в «Сказании о Гильгамеше».

Книга Даниила создавалась на протяжении многих лет: некоторые ее части наверняка были написаны в начале вавилонского пленения, другие позднее. Нам неизвестно, действительно ли существовал человек по имени Даниил или это собирательный образ. Так или иначе, в этой книге есть множество исторических ошибок — это было установлено с помощью археологических находок, сделанных в Вавилоне в XIX в.

30

Благодаря одной из надписей Кира, в которой содержится, в том числе, обещание веротерпимости в отношении покоренных народов, основатель персидской державы заслужил репутацию «отца прав человека». Копия глиняного «цилиндра Кира», на котором был записан этот текст, ныне стоит у входа в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Однако в реальности Кир вовсе не был либералом в современном понимании. К примеру, когда в Сардах, столице Лидии, вспыхнуло восстание, он перебил тысячи повстанцев.

Сам Кир поклонялся Ахура Мазде — персидскому богу жизни, мудрости и света, чье имя провозгласил пророк арийских персов Заратуштра, проповедовавший, что жизнь есть битва между истиной и ложью, огнем и тьмой. Но государственной религии у персов не было — только эта доктрина о свете и тьме, отчасти совместимая с представлениями иудаизма (а позднее и христианства). Недаром же персидское слово *paradaeza* («рай») превратилось в наш «парадиз», а из слова *maguš* («жрец») родился «маг» и множество других слов во многих европейских языках.

31

Это библейское преувеличение. Многие тысячи евреев предпочли, сохранив свою веру, навсегда остаться в Вавилонии и Персии. Вавилонская община была многочисленной и богатой и сохраняла влияние и при Селевкидах, и при парфянах, и во времена персидской сасанидской династии, и позже, в эпоху ислама. Вавилон был не менее важным, чем Иерусалим, центром иудейской учености вплоть до нашествия монголов (1258). Затем еврейская община Ирака возродилась при Османах и продолжала процветать до 1880-х гг., когда в Багдаде (население которого, как говорят, было тогда на треть еврейским) начались гонения на евреев, которые еще усилились с утверждением монархии Хашимитов (1921). В 1948 г. (когда было создано государство Израиль) в Ираке проживало 120 тыс. евреев. Иранская община в 1979 г. (когда был свергнут шах) составляла 100 тыс. человек. Большинство иракских и иранских евреев впоследствии репатриировались в Израиль. В настоящее время (2015 г.) в Иране проживают, согласно разным оценкам, 25–40 тыс. евреев, иракская община практически прекратила свое существование.

32

Дарий совершал походы в Среднюю Азию, на восток от Каспия, и прощупывал возможности экспансии в Индии и Европе: он завоевал северо-западную часть Индостана, предпринял поход против скифов в Причерноморье и захватил Фракию. Дарий построил роскошный дворец в Персеполе (Южный Иран), куда он перенес столицу из Пасаргад. Он утверждал учение Заратуштры, упрочил культ Ахура Мазды и создал военный флот, в котором служили греки, египтяне и финикийцы. Персидский дарик был, в сущности, первой мировой валютой, а царская почта была первой настоящей почтовой службой в истории, с почтовыми станциями, стоявшими через каждые 24 км вдоль Царской дороги, что вела из Суз в Сарды (более 2500 км). Достижения его 35-летнего царствования сделали его настоящим «Августом» Персидской империи. Но даже могущество Дария было не беспредельно: незадолго до своей смерти в 490 г. до н. э. Дарий предпринял попытку вторгнуться в Грецию, но был разгромлен в битве при Марафоне.

33

У самарян в это время уже существовал собственный развитый культ, основанный на древних установлениях иудаизма и сформировавшийся до появления новых законов, правил и ритуалов, принесенных вернувшимися из Вавилона изгнанниками. При персах Самарией правили наместники из дома Санаваллата.

Отлучение самарян от иерусалимского Храма привело к тому, что они воздвигли собственное святилище на горе Гризим и начали враждовать с иудеями и Иерусалимом. Как и при любых семейных раздорах, взаимная ненависть подпитывалась самыми незначительными разногласиями. Самаряне считались «второсортными» евреями — жители Иудеи полагали, что они вообще наполовину язычники; тем более поразительной должна была показаться им притча Иисуса о «добром самаритянине» (и вообще это словосочетание). Около тысячи самарян до сих пор проживают в Израиле — и, спустя столько столетий после упразднения жертвоприношений в иерусалимском Храме, они и сегодня, в XXI в., продолжают на Пасху приносить в жертву агнца на горе Гризим.

34

Ивритское слово Танах — это акроним трех слов: Тора (букв. «Учение»; имеется в виду Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Библии), Невиим («Пророки»), Ктувим («Писания»). Собранию книг, составляющих Танах, христиане позднее дали название Ветхий Завет.

35

Семья Иосифа была смешанного происхождения. Возможно, одним из его предков был Товия, «слуга аммонитский», противник царя Неемии. Другой Товия, отец Иосифа, был крупным коммерсантом, близким к Птолемею II (в архиве папирусов Зенона, высокопоставленного царского чиновника, имеются свидетельства о его торговых сделках с царем), и управлял огромными имениями в Аммоне (на территории нынешней Иордании).

36

Антиох был наследником одной из великих династий, основанных диадохами, военачальниками Александра Великого, разделившими империю после его смерти. Птолемей I, закрепившись в Египте, помог своему боевому товарищу Селевку, предку Антиоха, утвердиться в Вавилонии. Селевк, не менее одаренный полководец, чем сам Птолемей, сумел со временем установить контроль над большей частью азиатских земель, завоеванных Александром, обеспечив своим потомкам Селевкидам титул царей Азии. Огромная империя Селевка простиралась от Греции до Инда, однако в зените славы он пал жертвой покушения. По одной из договоренностей Селевкидам была обещана Келесирия (современный юг Сирии и южный Ливан), но Птолемей II отказался уступать ее. Это стало причиной Сирийских войн, затянувшихся на целое столетие.

37

Это была эпоха боевых слонов. Уже Александр, побывав в Индии, привел оттуда некоторое количество этих толстокожих животных, и с тех пор обученные и закованные в броню боевые слоны с «экипажем» воинов на спине стали самым престижным (и дорогим) оружием любого уважающего себя македонского царя — хотя они частенько топтали насмерть не врага, а собственную пехоту. Тем временем на западе Средиземноморья карфагеняне, потомки колонистов из финикийского Тира, и римляне сошлись в битве за господство в регионе. Блистательный карфагенский полководец Ганнибал даже вторгся в Италию, для чего ему пришлось совершить со своими слонами знаменитый переход через Альпы. Однако Селевкиды использовали в армии индийских слонов, а Птолемеи и карфагеняне — так называемых североафриканских (карфагенских): вымерший подвид, в античную эпоху обитавший в Северной Африке от Египта до Марокко.

38

Некоторые историки считают, что Симон (Шимон) Праведный управлял Иудеей в царствование Птолемея I (323–283/282 гг. до н. э.). Источники противоречивы, однако более вероятно, что речь идет о современнике Антиоха Великого (241–187 гг.) — Симоне II, который перестроил городские укрепления, обновил Храм и устроил огромную цистерну (резервуар для воды) в Храмовой горе. Его гробница сохранилась и находится в арабском квартале Шейх-Джаррах в Восточном Иерусалиме (к северу от Старого города). В эпоху османского владычества возле нее ежегодно устраивался «еврейский пикник», в котором принимали участие и мусульмане, и иудеи, и христиане — и в ту эпоху, когда национализм еще не поднял голову, это был лишь один из многих праздников, почитавшихся всеми конфессиями. Сегодня это место свято лишь для евреев, и власти Израиля планируют построить рядом новое еврейское поселение. Однако эта древняя гробница, как и многие другие святыни Иерусалима, сама по себе всего лишь миф: на самом деле это не место упокоения Симона Праведного и вообще не еврейская могила — это гробница знатной римлянки Юлии Сабины, жившей пятью веками позже Симона.

39

Канон основных еврейских праздников — Пасхи (Песах), Седмицы (Шавуот, иудейская Пятидесятница) и праздника Кущей (Суккот) — в то время продолжал складываться. В весеннем празднике Песах, который длится неделю, совместились два древних празднества: Праздник опресноков и Праздник свободы (оба в память исхода из Египта). Постепенно Пасха оттеснила Суккот (праздник урожая) на второй план и стала главным праздником Иерусалима. И в наши дни на праздник Суккот евреи (и в первую очередь, конечно, дети) по древнему обычаю строят шалаши и украшают их плодами. Священные обязанности в Храме были поделены между левитами (выходцами из колена Левия) и коэнами (потомками Аарона, брата Моисея). Поскольку Аарон и Моисей также происходили из колена Левия, то коэны представляют собой как бы подгруппу, элиту левитов.

40

Ясону вновь удалось бежать, и он нашел убежище у своего сторонника Гиркана. Этот князь из рода Тобиадов управлял областью Аммон (большая часть современной Иордании) в течение сорока лет, сохраняя верность Птолемеям, даже когда они потеряли Иерусалим. Гиркан почти непрерывно воевал с арабами и построил роскошный укрепленный дворец, ныне известный как Каср аль-Абд («Замок невольника»), украшенный прекрасной резьбой и окруженный декоративными садами. Когда Антиох завоевал Египет и разорил Иерусалим, у последнего представителя рода Тобиадов не осталось иного выхода кроме как покончить с собой. Сегодня Каср аль-Абд — важная туристическая достопримечательность Иордании.

Никаких следов этой крепости до сих пор не найдено. Некоторые историки считают, что она стояла чуть южнее Храмовой горы. Но впоследствии Ирод Великий расширил площадку Храмовой горы, так что вполне вероятно, что холм, на котором возвышалась крепость, ныне погребен под платформой, на которой некогда стоял Храм, а сегодня стоят Купол скалы и мечеть аль-Акса. Если вы задаете себе вопрос, почему же сохранилось так мало материальных свидетельств от эпохи, скажем, царя Давида, то вот пример того, как от огромного здания может не остаться ни единого следа.

42

Книга Даниила — это сборник рассказов, частью созданных в годы вавилонского пленения, частью, возможно, в годы гонения Антиоха: образ огненной печи может быть воспоминанием о его казнях. Видение загадочного Сына Человеческого, описанное Даниилом, вдохновляло Иисуса. Культ мученичества будет в первые века новой эры воспринят ранним христианством.

43

Род Маккавеев правильнее было бы называть Хасмонейской династией, но ради простоты изложения мы будем все же называть их Маккавеями. Иуда Маккавей, наряду с королем Артуром и Карлом Великим, считался одним из образцов средневекового христианского рыцаря. Франкский полководец Карл Мартелл (это прозвище также означает «молот»), разгромивший мусульман в битве при Пуатье в 732 г., Ричард Львиное Сердце в XII в. и Эдуард I (1272–1303) — все они видели себя Маккавеями своего времени. Несколько столетий спустя Рубенс написал картину «Триумф Иуды Маккавея», а Гендель посвятил еврейскому герою ораторию.

Маккавеев почитают в сегодняшнем Израиле как героев Хануки, борцов за свободу, победителей творящего геноцид тирана, предтечи Гитлера. Однако есть и иная концепция: история Маккавеев рассматривается как некое подобие сегодняшнего противостояния западной демократии и террористического джихада. Сторонники этой версии считают, что именно греки были просвещенным цивилизаторами, боровшимися с религиозными фанатиками — своего рода «еврейскими талибами».

Этот новый первосвященник даже не принадлежал к дому Онии (основателем которого считался легендарный Цадок — священник царя Давида). Легитимным претендентом на сан первосвященника был Ония IV, бежавший со своими сторонниками в Египет и благосклонно принятый там царем Птолемеем VI Филометором. Царь разрешил Онии построить синагогу на месте заброшенного египетского святилища в Леонтополисе в дельте Нила. Там Ония основал свой собственный Иерусалим, и это место до сих пор называется Тель эль-Йехудия — «Холм евреев». Иудейские князья, сопровождавшие Онию, стали влиятельными военачальниками в Египте. Синагога Онии просуществовала до 70 г. н. э., когда была разрушена по приказу Тита.

45

Наследник Птолемея Филометора был настроен враждебно по отношению к евреям, потому что Ония и александрийская община поддерживали его предшественника. Даже по зверским стандартам этого семейства Птолемей VIII Эвергет, которого александрийская чернь прозвала Фискон («Толстяк»), был выдающимся чудовищем. Толстяк решил отомстить египетским евреям, велев им собраться вместе и напустив на них своих боевых слонов. Но животные, возможно, божественным произволением, вместо этого смяли и затоптали свиту самого царя. Вершиной его преступлений было убийство собственного 14-летнего сына, полностью верного своему отцу. Толстяк отрубил сыну голову, ноги и руки и отослал изуродованные останки его матери, Клеопатре II. Детоубийство замышляла и еще одна представительница династии — Клеопатра Тея, — жена сирийского царя Димитрия II. Она поднесла кубок с ядом своему сыну-подростку, однако тот заставил ее саму выпить отравленное вино. Так выглядела семейная жизнь у Птолемеев.

46

Прозвище Гиркан было, несомненно, дано Иоанну в память о его парфянских авантюрах, хотя на самом деле его войско никогда не доходило до Гиркании, области на юго-восточном побережье Каспия. Зато он укрепил свои позиции на другом море, заключив союз с римлянами. В Иерусалиме он поддерживал храмовую аристократию — садуккеев (евр. цадоким). Садуккеи возводили свою родословную к Цадоку, священнику царя Давида, откуда и происходит их название.

Эта стена протянулась от Храмовой горы до Силоамской купели, а оттуда — к Цитадели, где до сих пор уцелели остатки фундаментов башен и маленьких домиков эпохи Маккавеев. Несколько фрагментов самой стены также уцелело в разных местах: один из них можно увидеть на южном склоне горы Сион, чуть западнее католического кладбища, где кладка Иоанна смыкается со сложенной из более массивных блоков стеной Езекии и гораздо более поздними укреплениями, возведенными византийской императрицей Евдокией (V в. н. э.). В 1985 г. израильские археологи раскрыли подземный водосток (Хасмонейский акведук) и большой подземный резервуар — Стратионский пруд, сооруженный Маккавеями и обнаруженный английскими, немецкими и французскими археологами еще в 1870 г., когда на *Via Dolorosa* началось строительство монастыря Сестер Сиона. Хасмонейский акведук объясняет, каким образом подземный резервуар наполнялся водой; ныне это часть так называемых Туннелей Западной стены, и один из участков водостока — как раз под монастырем — открыт для посетителей. В эпоху Маккавеев был также перекинут мост через глубокую долину между Храмовой горой и Верхним городом (сейчас на ее месте площадь перед Западной стеной). Сам Иоанн жил в крепости Барис, к северу от Храма. Но, судя по всему, он начал строить себе дворец и в быстро расширяющемся Верхнем городе.

Когда он напал на Птолемаиду, столицу Киренаики (на побережье современной восточной Ливии), царь Птолемей IX Сотер, в то время владевший Кипром, вмешался и разгромил Александра. Но Янная спасли его еврейские связи: Птолемей в это время воевал с собственной матерью, Клеопатрой III, царицей Египта, которой не нравилось влияние ее сына в Иудее (она сама намеревалась захватить Иерусалим). Однако ее военачальник, еврей Анания, сын первосвященника Онии, спасшего в свое время маккавейского царя, воспротивился этому; Клеопатра же была не в состоянии лично возглавить армию.

49

Идумеяне, библейские эдомитяне, суровые воины-язычники, населявшие Эдом (земли к югу от Иерусалима), были массово обращены в иудаизм Иоанном Гирканом. Антипатр был сыном как раз такого обращенного идумеянина, которого царь Александр Яннай поставил наместником Эдома.

50

Диктатор назначался решением Сената в случае угрозы Республике (мятеж, серьезная военная угроза и т. п.) и наделялся чрезвычайными полномочиями. Однако он обязан был сложить эти полномочия не позднее, чем через шесть месяцев. — Прим. ред.

51

Пакор был сыном и наследником «царя царей» Орода II из династии Аршакидов, победителя Красса. Под властью Аршакидов парфяне, изначально обитавшие в землях к востоку от Каспия, освободились от власти Селевкидов (ок. 250 г. до н. э.) и создали империю, которая бросила вызов римлянам. Ядро армии Пакора составляли его персидские пехотинцы в их тяжелых доспехах и широких шароварах, превосходно владевшие и пятиметровой пикой, и боевым топором, и булавой. Эти тяжеловооруженные воины буквально смели римские легионы в битве при Каррах. Их поддерживали конные лучники, славившиеся быстротой и меткостью стрельбы: выражение «парфянский выстрел» вошло даже в поговорку. Однако парфянские цари при этом часто становились заложниками слишком могущественной и своевольной знати.

52

Антигон, сын последнего царя Аристобула II, носил и греческое, и еврейское имена. На аверсе его монет была изображена Менора — священный храмовый семисвечник, символ его семейства, сопровождавшаяся греческой надписью «Царь Антигон». На реверсе изображалась «трапеза предложения» (храмовый стол для жертвенных хлебов) и надпись на иврите: «Маттафия Первосвященник».

53

Умерщвленные советники были, по всей вероятности, похоронены в богато орнаментированной гробнице Судей, которая сохранилась до наших дней: украшенная резными фризами с изображением гранатов и листьев аканта, она находится в саду к северу от Старого города. Что же касается горных крепостей Ирода, то самые известные из них — Масада, где последние оставшиеся в живых иудейские повстанцы совершили в 73 г. массовое самоубийство; Махерон, где один из сыновей Ирода обезглавил Иоанна Крестителя, и рукотворная гора Иродион, на которой были похоронены сам Ирод и его сыновья.

Эти рощи представляли собой один из самых ценных «люксовых брендов» древнего Средиземноморья: из иерихонских фиников делали финиковое вино, а бальзамовые деревья давали гилеадский бальзам, высоко ценившийся не только за его лекарственные свойства (считалось, что он исцеляет головные боли и катаракту), но и за уникальный аромат. Клеопатра также захватила большую часть побережья, включая Иоппию (Яффо), оставив Ироду единственный порт — Газу.

Этот ученый сирийский грек стал доверенным лицом Ирода и личным другом Августа. Он и в самом деле был, вероятно, весьма искушенным придворным, коль скоро сумел уцелеть и при дворе Клеопатры, и при дворе Ирода, где кровь лилась рекой. Впоследствии он сочинил жизнеописания Августа и Ирода, причем источником сведений для последней книги был сам Ирод. Биография Ирода не дошла до наших дней, но нам известно, что она была главным источником Иосифа Флавия, и вряд ли он мог найти источник лучше. Что до царственных воспитанников Николая, то Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры, был умерщвлен по приказу Августа, а троих других детей привезла в Рим Октавия, сестра императора и бывшая жена Антония. Судьба мальчиков неизвестна, а девочка, Клеопатра Селена, стала впоследствии женой Юбы II, царя Мавретании (область на территории современных Западного Алжира и Северного Марокко). Ее сына, Птолемея Мавретанского, казнил император Калигула, положив тем самым конец династии Птолемеев спустя 363 года после смерти Александра Великого.

Скорее всего, Ирод имел в виду Мариамну II, свою третью жену, однако горожане, глядя на башню, несомненно, вспоминали и его предыдущую супругу, маккавейскую принцессу Мариамну I, которую Ирод приказал казнить. Сегодня перестроенная Цитадель носит имя Башня Давида, хотя и не имеет никакого отношения к легендарному древнему царю. Башня Давида вплоть до османских времен оставалась самым мощным укреплением Иерусалима, и ни одно другое сооружение не демонстрирует так наглядно этапы развития города: археологи раскрыли здесь остатки иудейских, маккавейских, иродовых, римских, арабских построек, а также памятники времени крестоносцев, мамлюков и османских турок.

57

Источником богатства Ирода были доходы от его земельных владений, разбросанных по всему Ближнему Востоку. В его поместьях разводили овец и крупный рогатый скот (в Иордании и Иудее), выращивали пшеницу и ячмень (в Галилее и Иудее). Рыбу, оливковое масло, вино и фрукты привозили ко двору из Аскалона (Ашкелона), где даже был выведен особый сорт «аскалонского» лука, от латинского названия которого (*caepa Ascalonia*) в конце концов произошло французское слово *échalotte* и русское «шалот». Гранаты поставлялись из Гевы, лежавшей к северу от Иерусалима, фиги — из Иоппии (Яффо), финики и гилеадский бальзам — из Иерихона. В самой Иудее лично Ироду принадлежала половина, а то и две трети всех земель. Его казна пополнялась также налогами и прибылью от транзитной торговли специями, шедшими по набатейской Дороге благовоний. Наконец, он был настоящим горнопромышленником-магнатом: за 300 талантов купил у Августа право разрабатывать половину медных копей на Кипре. Он экспортировал иудейские вина, сам же предпочитал импортные итальянские. И даже на смертном одре — при том, что на протяжении всей жизни он вел масштабное строительство и выплачивал огромные подати в Рим, — Ирод завещал Августу более тысячи талантов, или около миллиона драхм (гораздо больше, чем собственной семье).

Ирод, должно быть, применял новейшие технологии своего времени. Египтяне умели перемещать гигантские каменные блоки, из которых они строили свои пирамиды, по меньшей мере за три тысячи лет до новой эры. Римский инженер Витрувий придумал новые механизмы для транспортировки подобных блоков — огромные колеса, полозья, подъемные устройства. Колесо диаметром свыше четырех метров было насажено на вал, на который наматывался канат, подтягивающий каменный блок на нужное место. Все это устройство поворачивала упряжка волов. А работу ворота — лебедки с коленчатыми рычагами с рукоятками — мог обеспечить десяток рабочих или даже меньше. С помощью таких устройств восемь мужчин способны были поднять на стену блок весом в полторы тонны.

59

«Скажи сынам Израилевым, — говорит Господь Моисею и Аарону в Книге Числа, — пусть приведут тебе рыжую телицу без порока, у которой нет недостатка [и] на которой не было ярма». Сожжение рыжей телицы надлежало совершать на костре из кедрового дерева с иссопом, бросив на сжигаемую телицу нить из червленой шерсти, а после обряда следовало смешать ее пепел с освященной водой. Согласно Мишне (основной части Талмуда), этот ритуал совершался всего девять раз — на десятый раз должен явиться Мессия. После Шестидневной войны (1967 г.), в результате которой весь Иерусалим перешел под контроль Израиля, христианские евангелисты-фундаменталисты и мессианские иудеи считают, что два из трех основных условий, необходимых для наступления конца света и пришествия Мессии (или Второго Пришествия, согласно христианской версии), уже соблюдены: Израиль восстановлен и Иерусалим принадлежит евреям. Третье предварительное условие — это восстановление Храма. Некоторые христианские фундаменталисты и крошечные фракции ортодоксальных иудеев, в частности, группа Института Храма, считают, что последнее станет возможным только после того, как Храмовая гора будет очищена обрядом жертвоприношения рыжей телицы. Поэтому уже сегодня раввин Рихман из Института Храма и Клайд Лотт, проповедник-пятидесятник из штата Миссисипи, пытаются вырастить рыжую телицу в стаде из 500 красных ангусов, импортированных из Небраски на одну из ферм в Иорданской долине. Они твердо верят, что им удастся вывести «телицу, которая изменит мир».

60

Родословное древо семейства Ирода очень сложно устроено из-за эндогамности этого рода, члены которого постоянно заключали родственные браки, расторгали их и вновь женились на представителях иродиадского и маккавейского домов в попытке примирить эти кланы: Ирод женил своего брата Ферора на сестре Мариамны, а старшего сына — на дочери последнего маккавейского царя Антигона (обезглавленного с его же подачи Марком Антонием). Впрочем, браки эти перемежались с казнями: первые два мужа Саломеи были умерщвлены Иродом. Иродиады также породнились брачными узами с царскими семьями Каппадокии, Эмесы, Понта, Набатеи и Киликии, которые все были римскими союзниками. По крайней мере два брака оказались расторгнуты из-за того, что муж не соглашался принять иудаизм и совершить обрезание.

61

Врачи до сих пор спорят о симптомах и диагнозе болезни Ирода. Наиболее вероятными представляются артериальная гипертензия и атеросклероз, осложненные прогрессирующей деменцией (слабоумием) и все большей сердечной и почечной недостаточностью. Атеросклероз привел к закупорке сосудов, в результате чего жидкость скопилась в нижних частях тела (особенно в ногах и гениталиях) в таком объеме, что начала просачиваться через кожу. Нарушение кровотока вызвало некроз — гангрену. Зловонное дыхание и зуд можно объяснить почечной недостаточностью. Гангрена полового члена и мошонки была идеальной средой для мух, откладывающих яйца, из которых, в свою очередь, появлялись личинки. Впрочем, возможно, что рассказы о червях в гениталиях были придуманы врагами Ирода, чтобы подчеркнуть, что болезнь жестокосердного царя есть Божье наказание: о многих других великих грешниках, включая Антиоха IV Епифана, внука Ирода Агриппу I и многих других, в том числе Иуду Искариота, рассказывали схожие истории.

62

Гробницу Ирода обнаружил в 2007 г. профессор Эхуд Нецер во время раскопок в Иродионе. Красный саркофаг, украшенный цветочными мотивами, был разбит на куски — скорее всего, это дело рук участников антиримского восстания 66–70 гг. Два других саркофага, найденные в той же гробнице, высечены из белого камня и также украшены цветочными мотивами. Не предназначались ли они для сыновей царя?

Иродион — еще одно чудо строительного искусства эпохи Ирода — представлял собой рукотворную гору диаметром 64 м, с огромным роскошным дворцом на вершине, в ансамбль которого входила купальня под куполом, башни и бассейны. Стены дворца были расписаны фресками. Пирамидальная усыпальница Ирода находилась на склоне горы, ниже восточной башни крепости, также разрушенной повстанцами в 66–70 гг.

Одним из этих «царей» был Симон, раб Ирода: римляне вскоре обезглавили его. Некоторые предполагают, что именно об этом Симоне говорится в «Откровении Гавриила» — надписи на камне, найденном в Южной Иордании, в которой архангел Гавриил предрекает некоему царю, «князю князей», что тот будет убит, но воскреснет вновь «через три дня»: «Ты узнаешь… зло будет повержено справедливостью. Через три дня ты будешь жить, я, Гавриил, приказываю тебе». Эти детали — воскресение и суд через три дня после смерти пророка как будто предвосхищают историю Иисуса. После казни Симона Публий Квинтилий Вар стал наместником Германии. Примерно через десять лет, в 9 г. н. э., он был разбит в битве с германцами, потерял три легиона и сам погиб в бою. Это поражение омрачило последние годы правления Августа. По свидетельству Светония, он «не раз бился головой о косяк двери, восклицая: „Квинтилий Вар, верни мои легионы!“»

Все трое приняли имя Ирод, что иногда вводит в заблуждение читателей Евангелий. Архелай был женат, но влюбился в Глафиру — ту самую дочь каппадокийского царя, которая была замужем за Александром, сыном Ирода и Мариамны. После казни Александра она стала женой царя Юбы Мавретанского, а после смерти последнего возвратилась в Каппадокию и стала, наконец, женой Архелая.

65

Саломея-танцовщица олицетворяет собой расчетливый каприз и женскую соблазнительность, однако два евангелиста — Марк и Матфей — ни разу не упоминают ее имени. Иосиф Флавий сообщает имя дочери Иродиады в другом контексте: он просто упоминает, что Антипа приказал казнить Иоанна, но не рассказывает ни о каком танце, с которым якобы была связана казнь и который явно был включен в сюжет об Иоанне Крестителе позднее для драматизации действия.

В роду Иродиадов было несколько женщин по имени Саломея; наиболее вероятной виновницей гибели Иоанна была жена Ирода Филиппа, тетрарха Трахонитиды. После его смерти вышла замуж за другого своего кузена, впоследствии избранного царем Малой Армении. Так танцовщица стала царицей.

Отсеченная глава Иоанна Крестителя (впоследствии разделенная на несколько частей) считается одной из самых почитаемых христианских реликвий. Немало христианских храмов претендуют на то, что в них хранится один из фрагментов святыни. Мусульмане же утверждают, что подлинная глава Иоанна находится в мечети Омейядов в Дамаске.

66

Никто не знает точно, когда именно Иисус пришел в Иерусалим. Лука начинает рассказ о служении Христа с момента Его крещения Иоанном (то есть ок. 28–29 гг.), сообщая, что Ему было тогда около тридцати лет, а значит, смерть Он принял между 29 и, скажем, 31 гг. Иоанн говорит, что служение Его длилось год. Матфей, Марк и Лука утверждают, что три. Возможно, Иисус был казнен в 30, 33 или 36 гг. По крайней мере, мы знаем, что Иисус пришел в Иерусалим на Пасху после того, как в город прибыл новый прокуратор Понтий Пилат (26 г.), и до его отъезда оттуда (36 г.), в годы правления императора Тиберия (ум. 37 г.) и царя Ирода Антипы (до 39 г.), в первосвященство Каиафы (18–36 гг.). То есть вероятнее всего, опять же, — между 29 и 33 гг.

Таковы, в частности, были настроения ессеев, бывших, вероятно, одним из подвидов ортодоксальных иудеев, изначально поддерживавших Маккавеев. Согласно Иосифу Флавию, в I в. до н. э. ессеи были одной из трех главных «школ» в иудаизме (остальные две — фарисеи и саддукеи). Более подробно мы знаем о ессеях из свитков, которые были найдены в пещерах Кумрана близ Мертвого моря в 1947–1956 гг. и содержат в том числе древнейшие еврейские версии некоторых ветхозаветных книг. Христиане и иудеи и поныне продолжают дискутировать о сходствах и различиях Септуагинты (греческого «перевода семидесяти толковников», выполненного с не дошедшего до нас ивритского оригинала Танаха и ставшего основой христианского Ветхого Завета) с самым древним сохранившимся ивритским списком Танаха — Масоретской Библией (VII–X вв. н. э.).

Кумранские свитки обнаруживают некоторые различия, но подтверждают, что версия масоретов (иудейских книжников) отличается исключительной точностью. Вместе с тем они доказывают, что во времена Иисуса в иудейской среде циркулировало множество версий библейских текстов. Ессеи развивали эсхатологические идеи Иеремии и Даниила и рассматривали мир как арену борьбы между Добром и злом, которая должна закончиться Последней битвой и Страшным судом. Их вождем был мистический Учитель Справедливости, а врагом — Нечестивый Священник, один из Маккавеев. Ессеи фигурируют во многих невероятных теориях об истоках христианства.

Адиабена оставалась иудейской все следующее столетие. Царица Елена и ее сыновья были похоронены под тремя пирамидальными гробницами у самой черты Старого города; монумент царицы сохранился до наших дней: он находится севернее Дамасских ворот на Шхемском бульваре (*Derech Shchem*), на котором стоит отель «Американская колония». В XIX в. один французский археолог вскрыл захоронение и объявил, что гробница принадлежит царю Давиду.

Адиабена не была единственной еврейской вотчиной в этом регионе: двое иудейских повстанцев, Асинай и Анилай, боровшиеся против власти Парфии, основали независимое еврейское государство в Вавилонии; оно просуществовало около 15 лет.

69

Традиционно считается, что Иисус взошел на Храмовую гору через Золотые ворота (тем более что и у еврейских, и у христианских, и у мусульманских мистиков Мессия должен вступить в Иерусалим именно через них). Однако это вряд ли возможно: Золотые ворота будут сооружены только через 500–600 лет после его входа в Иерусалим. Расположенные по соседству ворота Шушан (Сузские) были закрыты для прохода обычных посетителей (под ними имел право проходить только первосвященник) и открывались в крайне редких случаях. К тому же часть исследователей считает, что Золотые и Сузские ворота — это одно и то же.

Согласно еще одной (христианской) версии, Иисус вошел через Прекрасные (Роскошные) ворота, которые ассоциируются с ныне существующими Цепными воротами (Баб аль-Сильсиля) на западе Храмовой горы. Это более вероятно. У Прекрасных ворот апостолы Петр и Иоанн творили чудеса после смерти Иисуса. Возможно, кстати, что эпитет «золотые»(лат. *Aurea*) — это просто искажение греческого слова «прекрасные» (*Oreia*). История священного Иерусалима полна подобных нестыковок, однако множество преданий, связанных с одним и тем же местом, лишь усиливают его святость.

Каждому эпизоду этой истории было присвоено определенное место в Иерусалиме, однако многие из этих мест, вероятно, локализованы ошибочно. Сионская горница традиционно считается домом Тайной вечери, но скорее всего трапеза Христа и апостолов на самом деле состоялась в одном из куда более скромных домиков у Силоамского пруда, тем более что Марк упоминает «человека, несущего кувшин воды». Традиция почитания Сионской горницы сформировалась позднее, в V в., и окончательно укрепилась во времена крестоносцев. Еще более старая традиция утверждает, что именно в Сионской горнице Святой Дух сошел на апостолов в пятидесятый день после Воскресения; то есть это, безусловно, одна из самых древних христианских святынь. Святость ее почиталась столь бесспорной, что Сионскую горницу позже чтили не только христиане, но и мусульмане и даже евреи.

Зато традиционная локализация дома священника Анны — у церкви Св. Архангелов в Армянском квартале, — похоже, исторически достоверна. В Иерусалиме был также найден камень с надписью на арамейском языке «принадлежит дому Каиафы», а в 1990 г. строители обнаружили запечатанный ковчег с погребальными урнами, на одной из которых стояло: «Иосиф, сын Каиафы». Возможно, в этом оссуарии действительно были похоронены кости сына евангельского первосвященника. Местоположение Гефсиманского сада с его древними оливами также, вероятно, исторически достоверно.

71

Это совершенно не тот маршрут, который сегодня считается Крестным путем (*Via Dolorosa* — Скорбный путь). Геннафские ворота, которые упоминает Иосиф Флавий, были идентифицированы израильским археологом Нахманом Авигадом в северной части Еврейского квартала, в одной из секций Первой стены. В Средние века христианские паломники ошибочно полагали, что крепость Антония и Претория, перед которой Пилат вершил суд, суть одно и то же. Традиция прохождения Крестного пути, который ведет от Антонии к храму Гроба (и затем внутрь него) и на протяжении которого размечено несколько «станций» (остановок для молебна), утвердилась стараниями средневековых францисканских монахов, однако этот маршрут исторически недостоверен. Более вероятно, что Иисуса вели на казнь по другой дороге.

72

В 74 г. до н. э. молодой Юлий Цезарь был захвачен пиратами. После того как за него заплатили выкуп и он был освобожден, Цезарь вернулся с карательной экспедицией, пленил пиратов и распял их. Однако, в благодарность за то, что они в свое время вежливо обращались с пленником, он проявил максимально возможное в данных обстоятельствах милосердие — приказал перерезать им глотки до распятия.

Вообще же этот вид казни с древних времен практиковался на Востоке (Дарий Великий распинал вавилонских мятежников), а потом был усвоен греками и другими народами Средиземноморья: Александр Македонский распял жителей Тира; Антиох Епифан и иудейский царь Александр Яннай распинали мятежных иерусалимлян, карфагеняне приговаривали к распятию ослушавшихся приказа военачальников. В 71 г. до н. э., когда римлянам удалось наконец подавить восстание Спартака, были распяты многие тысячи рабов.

Согласно устоявшейся традиции, дерево для креста Христова было срублено на месте, где теперь стоит основанный в XI в. укрепленный монастырь Св. Креста (это совсем недалеко от здания Кнессета, израильского парламента). Монастырь долгое время был подворьем Грузинской Православной Церкви в Иерусалиме.

73

«Евангелие от Петра» — гностический кодекс II или III в., обнаруженный в XIX в. в Египте, — содержит загадочный рассказ об исчезновении тела Иисуса. Евангелие от Марка, написанное, вероятно, примерно через 40 лет после событий, то есть примерно ок. 70 г., в некоторых списках заканчивается положением тела во гроб, и, возможно, рассказ этого евангелиста о Воскресении и последующих событиях (глава 16) — позднейшее добавление. Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки, как считается, отчасти основаны на тексте Марка, отчасти на каком-то неизвестном источнике. Эти три Евангелия называются синоптическими — от греческого слова *synoptikos*, «со-наблюдающий» (то есть видевший, что и другие два евангелиста). Иоанн Богослов, написавший свое Евангелие, вероятно, в самом конце I столетия, обращает большее внимание на божественную ипостась Христа и подробнее пишет о нескольких его визитах в Иерусалим.

74

Эта история рассказана в книге «Деяния святых апостолов», но Матфей предлагает иную версию: терзаемый раскаянием Иуда пытается вернуть свои сребреники священникам, а когда те отказываются, бросает деньги в храме, уходит и вешается. Положить серебро обратно в сокровищницу Храма нельзя, «потому что это цена крови», поэтому на них покупают «Землю Горшечника для погребения странников», которая с той поры получает название Земля Крови — Акелдама. Это место оставалось кладбищем еще в Средние века.

75

Клавдий был, мягко говоря, несчастлив во всех четырех своих браках, особенно в двух последних: предпоследнюю жену он убил, а последняя, скорее всего, убила его. Приказав умертвить свою распутную супругу Мессалину за организацию заговора, он женился на своей племяннице Юлии Агриппине, сестре Калигулы. Властолюбивая Агриппина мечтала, чтобы на императорский трон со временем взошел Нерон — ее сын от предыдущего брака. Клавдий объявил Нерона соправителем вместе со своим собственным сыном Британиком. Когда сводные братья унаследовали империю (считается, что Агриппина решила приблизить это событие), Нерон тут же убил Британика.

76

Голова Иакова была погребена вместе с головой его тезки — апостола Иакова Зеведеева, казненного Агриппой I, — на месте, где сейчас стоит главная армянская церковь Иерусалима, собор Святого Иакова (который поэтому было бы правильнее называть собором Святых Иаковов). Однако головы Иакова, брата Господня, каким-то образом оказались и в различных реликвариях Европы: в частности, одна из них была обнаружена в X в. в Испании и стала объектом крайне популярного паломнического культа в Сантьяго-де-Компостела — городе, который и сегодня привлекает сотни тысяч пилигримов.

77

У Феликса Антония и Друзиллы был сын, погибший вместе с матерью в Помпеях при извержении Везувия в 79 г.

До наших дней сохранились фрагменты древних улиц Агриппы — один из них можно увидеть рядом с Западной стеной, другой — на горе Сион.

79

Если греческое словосочетание «Нерон Кесарь» записать еврейскими буквами (а у каждой из них есть цифровой эквивалент), а потом подставить вместо букв цифры и сложить их, то получится как раз «число зверя». «Откровение» было написано, скорее всего, во времена гонений Домициана (81–96 гг.). В 2009 г. в ходе раскопок под римской церковью Св. Павла вне стен (Сан-Паоло-фуори-ле-Мура), которая традиционно считается местом погребения апостола Павла, ватиканские археологи обнаружили каменный саркофаг. Радиоуглеродный анализ позволил датировать останки I–III вв. То есть это действительно могут быть останки апостола Павла.

Что же до Веспасиана, то его более всего помнят в Италии как создателя общественных туалетов, которые до сих пор называются *vespasianos*.

81

На монетах Веспасиана была выбита надпись *Judaea capta* («Покоренная Иудея») и изображена женская фигура, символ Иудеи: она сидела связанная под пальмовым деревом, а над ней опиралась на меч мужская фигура — Рим. Судьба иерусалимских сокровищ, вывезенных римлянами, остается загадкой. В 455 г. Гейзерих, король вандалов, разграбил Рим и увез храмовые реликвии к себе в Карфаген, где их впоследствии захватил разгромивший вандалов Велизарий, полководец византийского императора Юстиниана. Святыни были доставлены в Константинополь, и Юстиниан отослал Менору (храмовый семисвечник) обратно в Иерусалим, где тот, по всей вероятности, был в 614 г. захвачен персами в числе других трофеев (среди которых был также Святой Крест). Так или иначе, с этого момента следы Меноры теряются.

82

Ирод Агриппа II получил в награду обширное царство в Ливане. Очевидно, он совершенно не горел желанием управлять руинами Иудеи, и перспектива политической карьеры в Риме привлекала его гораздо больше. В 75 г. он приехал на церемонию освящения храма Мира (в который были пожертвованы некоторые богослужебные сосуды из иерусалимского Храма), и ему был пожалован статус претора. Вассальный царь десяти римских императоров, Агриппа II, последний из дома Ирода, умер около 100 г.

На самом деле это какая-то незаконченная семейная гробница, по-видимому, I в. до н. э. Сама семья, вероятно, погибла во время осады, и заброшенная гробница оказалась очень подходящим местом для тайного собрания иудеев, приходивших сюда погоревать о Храме. И поныне еще в ней различимы вырезанные паломниками надписи на иврите.

Римлянам это не нравилось. «Греческая любовь» была явлением совершенно обычным и не считалась признаком женоподобия или изнеженности; Цезарь, Антоний, Тит и Траян — всех их мы сегодня назвали бы бисексуалами. Однако, в противоположность сегодняшним представлениям о морально допустимом, римляне считали позволительной связь мужчины с мальчиком, но не с другим взрослым мужчиной. Однако Адриан, даже когда Антиной повзрослел, продолжал игнорировать жену, предпочитая ей любовника.

Постройки Адриана в Иерусалиме частично сохранились: фрагменты ворот Большого форума (ставшие впоследствии воротами первой церкви Воскресения) можно осмотреть в кондитерской лавке *Zalatimo's (*9 Hanzeit St., к югу от храма Гроба Господня, рядом с девятой станцией *Via Dolorosa)*. Кондитерской, основанной в 1860 г. отставным османским сержантом Мухаммедом Залатимо, и сейчас управляет представитель этого почтенного палестинского семейства, Шамир Залатимо. Фрагмент стены Адриана стал частью еще одного семейного предприятия, магазина фруктовых соков Абу Ассаба — а также русской церкви Александра Невского.

Частично сохранился и один пролет арки Малого (восточного) форума Адриана: он перекинут через *Via Dolorosa* у церкви *Ecce Homo* («Се человек» — слова, с которыми Пилат показал Иисуса толпе). В течение столетий христиане ошибочно полагали, что эта арка — остаток Претории, где происходил суд Пилата, отсюда и название церкви. На самом же деле арка была воздвигнута столетием позже.

Фундамент Дамасских ворот также раскрыт археологами и свидетельствует об их истинно римской мощи. Нынешняя главная улица Старого города, улица ха-Гай (она же Эль-Вад), проходит по трассе римской улицы Кардо (одной из двух главных улиц Элии Капитолины). Фрагмент ее мостовой раскрыт на площади у Западной стены. Историк Дион Кассий и более поздний христианский источник, «Пасхальная хроника», позволяют предположить, что храм Юпитера Капитолийского стоял на Храмовой горе. Это весьма вероятно, но никаких следов его не найдено.

Пер. Мориса Ваксмахера.

87

В южной стене Храмовой горы, над уцелевшим фрагментом богато орнаментированной арки Двойных ворот (ворот Хульды) в третьем ряду кладки вставлен вверх ногами каменный блок с надписью «В дар Титу Элию Адриану Антонину Августу Пию, отцу отечества, понтифику, авгуру». Скорее всего эта надпись украшала пьедестал конной статуи Антонина Пия. Впоследствии этот памятник был разрушен, а его постамент использовали для перестройки ворот омейядские каменщики. Им было все равно, что написано на камне.

Одним из таких направлений был гностицизм: гностики верили, что божественная искра освещает только души избранных, владеющих особым знанием. В 1945 г. несколько египетских феллахов нашли спрятанные в кувшине 13 древних кодексов II или III в. Эти книги расширили наше представление об учении гностиков и со временем вдохновили множество плохих фильмов и романов. «Откровение Петра» («Апокалипсис Петра») и «Первое откровение Иакова» («Первый Апокалипсис Иакова») утверждают, что распят был не Иисус, а вовсе другой человек. В «Евангелии от Филиппа» есть упоминание о том, как Иисус поцеловал Марию Магдалину, из чего был сделан вывод, что они состояли в браке.

«Евангелие от Иуды», возникшее из небытия в 2006 г., представляет Иуду скорее не предателем, а соработником Иисуса в реализации миссии Распятия. Все эти апокрифические тексты были, вероятно, спрятаны в IV в., когда императоры-христиане начинали борьбу с «ересями» — различными богословскими течениями в общей концепции христианства. Само же слово «гностик», происходящее от греческого *gnosis* («знание»), появилось только в XVIII в. Иудеохристиане сумели уцелеть вплоть до IV в., пусть и в ничтожном количестве, и были известны как евиониты — «бедные». Они отрицали рождение Иисуса от непорочной Девы и почитали его еврейским пророком. Что же до основной массы христиан — впрочем, их пока тоже было совсем немного, — то чувство спаянной общины и убежденная вера в собственную миссию заставляли их подчеркивать свое резкое отличие от язычников, которых они называли «мужланами» — *pagani*.

89

Во время раскопок древней армянской часовни Св. Елены армянские археологи обнаружили помещение (ныне это часовня Св. Вардана Полководца) с чрезвычайно интригующим граффити: рисунок лодки и латинская фраза *Domine ivimus* («Господи, мы пришли»), перекликающаяся с первой строкой 122 псалма (в православной традиции — 121-го): *In domum domini ibimus* («Пойдем в Дом Господень»). Это граффити датируется II в. и доказывает, что христиане тайно молились под храмом Юпитера в языческой Элии Капитолине.

Поначалу Константин, видимо, отождествлял Непобедимое Солнце с христианским Богом. Знак креста стоит на одних его монетах и солнечный диск — на других, при этом Константин еще какое-то время сохранял за собой должность *Pontifex Maximus* (верховного жреца государственных языческих культов).

91

Остатки фундаментов этой церкви, разрушенной персами в 614 г., сохранились на территории католического монастыря *Pater Noster.* — Прим. ред.

Неизвестно точно, в какой последовательности сооружались эти здания и делались эти открытия. Евсевий Кесарийский, современник описываемых событий, перечисляет только распоряжения императора и описывает участие епископа Макария в строительстве храма Гроба Господня, но не пишет о роли Елены в обретении Креста. И все же он воздает ей должное за основание церкви Вознесения на Масличной горе. История обретения Еленой Животворящего Креста была описана позднее христианским церковным историком Созоменом. Некоторые фрагменты стен Константина сохранились до наших дней: их можно увидеть в русской церкви Св. Александра Невского; в каменных блоках выбиты пазы, с помощью которых архитекторы крепили мраморную облицовку. Константиновские церкви были построены по подобию базилик — светских зданий, которые в городах служили для судебных заседаний, заключения торговых сделок и другой общественной активности. Базилики в царских дворцах были сценой различных парадных церемоний. Церковные ритуалы и облачения клириков тоже многое позаимствовали у обрядности императорского двора, поскольку церковная иерархия уподоблялась служителям Небесного Царя.

93

Вплоть до Никейского собора христианская Пасха совпадала с иудейской, поскольку именно на Пасху-Песах был распят Иисус. Теперь Константин, стремившийся как можно дальше «развести» иудаизм и христианство, решил изменить заведенный порядок: отныне праздновать Пасху надлежало в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия. Эта система расчета действовала во всем христианском мире до 1583 г., когда католики приняли другую систему расчета пасхалии (поэтому западная и восточная Пасха совпадают теперь достаточно редко).

94

Арий шел по Константинополю после встречи с императором, когда почувствовал «расслабление желудка». Он направился в общественную уборную и там, как пишет Сократ Схоластик, «впал в такое изнеможение, что с извержениями тотчас отвалилась у него задняя часть тела… и вышли тончайшие внутренности, с кровью же выпали селезенка и печень, и он тут же умер» — явное доказательство его злостного еретичества. Однако арианство продолжало существовать и в дальнейшем, поскольку его исповедовали многие императоры IV в. Учение Ария было окончательно осужденно Феодосием I в 381 г.

95

Племянники — это Далмаций Младший и его брат Ганнибалиан, сыновья Далмация Старшего, сводного брата императора. Сразу после смерти Константина оба юноши и их отец (а также практически все остальные родственники покойного императора) были убиты. — Прим. ред.

Имеется в виду св. Григорий Богослов. — Прим. пер.

97

Этот очень короткий период еврейского возрождения в Иерусалиме не оставил нам никаких артефактов. Но одно маленькое свидетельство все же есть. Высоко на Западной стене раскрыта надпись, гласящая: «И когда ты увидишь это, возрадуется сердце твое, и кости твои расцветут, как молодая зелень». Надпись находится на такой высоте, что в эпоху Второго Храма ее вряд ли имело смысл там высекать: она не читалась бы с земли. Но во времена Юлиана культурный слой у Стены имел огромную толщину, и расстояние до надписи было меньше. Некоторые исследователи полагают, что надпись выражает ликование иудеев по поводу возрождения Иерусалима. Однако кажется более вероятным, что это просто надгробная плита: в X в., когда культурный слой под стеной был еще толще, на этом месте находилось кладбище.

Сионом изначально называлась Цитадель в Городе Давида, стоявшем южнее Храма. Со временем этот топоним стал обозначать всю Храмовую гору. Христиане же перенесли название Сион на западный холм (в 333 г. паломник из Бордо уже называет его Сионом; так эта часть города называется и сегодня). В 390 г. епископ Иерусалимский построил на месте Горницы Тайной вечери величественный, колоссальный Сион, «матерь церквей».

Способность жителей города быстро принимать нововведения и их готовность к культурным заимствованиям сильно запутали топонимику города. К примеру, сооруженные Адрианом ворота Неаполис с огромной колонной, стоявшей перед ними, в христианскую эпоху стали называться воротами Св. Стефана; по прошествии нескольких веков арабы переименуют их в ворота Колонны, а еще позднее (колонна к тому времени, вероятно, уже исчезнет) они снова получат название Наблусских (современный Наблус — это, собственно, и есть адриановский Неаполис). Евреи всегда называли ворота Шхемскими (Сихемскими), поскольку тот же арабский Наблус-Неаполис — это еще более древний израильский Шхем. Наконец, османы дали воротам название, которое они носят до сих пор и которое можно считать более или менее общепринятым, — Дамасские ворота. Стоит добавить, что в современном Старом городе есть и другие ворота Св. Стефана — совершенно в другом месте, в восточной его части.

Византийцы привязали большинство иудейских традиций, связанных с Храмовой горой, к храму Гроба Господня. Красноватый камень на Храмовой горе считали затвердевшей «кровью Захарии» (священника, до смерти забитого камнями, согласно Второй книге Паралипоменон, 24: 21). Теперь он был перенесен в храм Гроба; там же оказалось место погребения Адама, жертвенники Мельхиседека и Авраама и серебряная чаша Соломона. К этим реликвиям было добавлено блюдо, на котором лежала усеченная голова Иоанна Крестителя, губка, которую палачи приложили к устам распятого Иисус, столб, у которого Его бичевали, один из камней, которыми был забит св. Стефан, и, конечно, Животворящий Крест. Иерусалимский храм был для евреев «центром мироздания»; неудивительно, что и средоточие христианской святости, храм Гроба Господня, стал считаться «пупом Земли».

100

Евдокия действовала, вдохновленная строками 50 псалма: «Облагодетельствуй, [Господи], по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима». Советником ее был прославленный армянский монах Евфимий, чей воспитанник Савва позднее основал в Иудейских горах неподалеку от Иерусалима грандиозный и необыкновенно красивый мужской монастырь — лавру Саввы Освященного, в которой ныне проживают 20 насельников. Из кавказских царств Армения первой приняла христианство в 301 г. (после легендарного крещения царя Авгаря Эдесского), подав пример соседней Грузии (тогда Иберии), которому иберы последовали в 327 г. Примеру же Евдокии последовал ее воспитанник, Петр Грузинский — сын иберийского царя, основавший монастырь за чертой городских стен и тем положивший начало грузинскому присутствию в Иерусалиме.

101

Несторианство стало популярным на Востоке усилиями Ассирийской Церкви, которой удалось обратить в христианство несколько царственных семейств Сасанидской Персии, а много позднее и некоторых потомков Чингисхана. Вместе с тем восточные христиане-монофизиты, не признав Халкидонский собор, основали Коптскую (Египетскую), Сирийскую (Яковитскую) и Эфиопскую Церкви. У этой последней установилась особая связь с иудаизмом: «Книга о славе царей» называет царя Соломона и царицу Савскую родителями Льва Иудейского — царя Менелика, который, по преданию, перевез отданный ему отцом Ковчег Завета в Эфиопию, где он якобы хранится и поныне в городе Аксум. Потомками Менелика считали себя фалаши — община чернокожих эфиопских евреев, существовавшая по крайней мере с XIV в. до переселения в Израиль в 1984 г.

102

Одним из самых первых деяний Юстиниана в правление его дяди было разрушение арабо-иудейского Йемена. Примерно в 515 г. последний царь независимого Химьяритского царства Зу-Нувас Цура перешел в иудаизм, приняв имя Юсуф (Иосиф). В 522 г. он учинил в Йемене и Аксуме (Эфиопия) избиение христиан и, по некоторым источникам, принуждал соседние княжества к переходу в иудаизм. Юстиниан приказал христианскому царю Аксума по имени Калеб вторгнуться в Йемен и послал туда флот, которым командовал лично. В 525 г. царь Иосиф был разгромлен и покончил с собой (как говорят, въехав в море верхом на коне). И все же в Йемене осталось много евреев, которые в XIX в. начали переселяться в Иерусалим, а после 1948 г. были массово вывезены в Израиль в результате специальной операции.

103

Этот грандиозный комплекс не уцелел, но фрагменты его фундаментов, проходящие под нынешними стенами Старого города за его пределы, были раскрыты во время раскопок, проведенных под руководством Нахмана Авигада в 1971 г. Были исследованы также сводчатые разгрузочные конструкции, предназначенные для уменьшения колоссального давления стен монументальной постройки. На одной из этих конструкций обнаружили надпись: «Это работа, выполненная с щедростью нашим набожным императором Флавием Юстинианом».

104

В 1884 г. в византийской церкви в Мадабе (Иордания) был раскрыт красочный мозаичный пол с надписью: «Святой город Иерусалим». Это, в сущности, первая карта Иерусалима, отображающая представление византийцев о городе, с шестью главными воротами, церквями и Храмовой горой. Похоже, все-таки Храмовая гора не оставалась в совершенном запустении в римско-византийский период. Археологические раскопки на ней никогда не проводились, однако в 1940-х гг. английские инженеры, реставрировавшие исламские святыни, произвели поверхностное зондирование выкопанного грунта и обнаружили фрагменты мозаичного пола в византийском стиле. Оптимисты верят, что это могут быть остатки так и не построенного иудейского храма императора Юлиана.

105

Христианские источники скорее всего преувеличивают количество христиан, убитых евреями и погребенных Фомой Могильщиком, называя число от 10 до 90 тыс. Согласно христианскому преданию, жертвы бойни были похоронены на кладбище Мамилла у Львиной пещеры, названной так потому, что уцелевшие христиане прятались в ней до тех пор, пока их не спас лев. Иудеи же утверждают, что лев спас как раз евреев, которых обижали христиане.

106

В юго-западном углу Храмовой горы были раскрыты остатки здания с изображением креста, поверх которого нарисована менора; возможно, это было христианское святилище, на короткое время унаследованное и использовавшееся иудеями. Хотя не исключена датировка этого здания началом исламского периода.

Иудейское эсхатологическое сочинение VII в. — Прим. ред.

Совр. залив Искендерун на крайнем юго-востоке Турции. — Прим. ред.

109

Символичность места, на котором были возведены самые знаменитые ворота города, укреплялась тем, что византийцы ошибочно считали, будто Золотые ворота стоят на месте Роскошных ворот, через которые в Иерусалим въехал на ослике Иисус и подле которых апостолы после Его воскресения творили чудеса. Впрочем, некоторые исследователи считают, что Золотые ворота вообще были сооружены не Ираклием, а — гораздо позже — омейядскими халифами. Для евреев, назвавших их Вратами милосердия, они вскоре также приобрели мистический смысл.

110

Римская дорога *Via Regia*, которая вела из Египта через Иордан в Месопотамию и Персию и на протяжении большей своей части шла через пустынные пограничные территории империи. Вдоль дороги была построена система укреплений и наблюдательных постов. — Прим. ред.

111

Фадаиль — особый жанр панегирика, в котором восхваляются достоинства Иерусалима. — Прим. ред.

112

Ближайшие преемники Мухаммеда именовались повелителями правоверных (праведных). Позднее правители государства стали носить титул *халифат Расул Аллах* — «преемник Посланника Аллаха», или просто «халиф». Возможно, этот титул носил уже Абу Бакр, но каких-либо свидетельств о титуловании халифами в течение последующих 70 лет после его смерти до правления Абд аль-Малика не сохранилось. А затем этот титул ретроспективно стали применять и к первым четырем правителям, именуя их праведными халифами.

113

Хиджаз — область на западе Аравийского полуострова, историческое место возникновения ислама. Здесь находятся священные города мусульман Мекка и Медина. — Прим. ред.

114

Свидетельств современников сдачи Иерусалима не сохранилось, но арабские историки описывают вторжение в Персию, происходившее примерно в это же время, и рассказ автора покоится на этих источниках.

115

У иудеев и большинства христиан не было весомых оснований опротестовывать ранние версии исламского «символа веры», *шахады*, гласившей тогда: «Нет божества, кроме Аллаха» [Бога], поскольку следующая ее фраза: «Мухаммед — Посланник Аллаха» — была добавлена не ранее 685 г. Иудейские и мусульманские названия Иерусалима перекликаются: Мухаммед, как иудеи и христиане, называл Палестину Святой землей. Иудеи называли Храм Бейт а-Микдаш (Дом Святости); мусульмане перенесли это название на сам город — Байт аль-Макдис. Храмовую гору иудеи называли Хар ха-Баит (Гора Дома Святости); мусульмане вначале звали ее Масджид Байт аль-Макдис (Мечеть Дома Святости), а позднее — Харам аш-Шариф (Благородное святилище). В конечном итоге в арсенале мусульман оказалось 17 имен для Иерусалима, у иудеев — 70. Но и те, и другие согласны в том, что «множество имен — признак величия».

116

Согласно традиционному представлению о договоре Омара с христианами, халиф обещал им изгнать евреев из Иерусалима. Но это, скорее всего, позднейший домысел, поскольку достоверно известно, что Омар, напротив, призвал иудеев вернуться в Иерусалим; что он и другие халифы дозволяли евреям молиться на Храмовой горе и что евреи не покидали город, пока он был под контролем мусульман. Армяне во главе со своим епископом (впоследствии патриархом) составляли уже довольно большую христианскую общину в Иерусалиме. Они установили прочные отношения с мусульманами и заключили с ними собственный договор. В течение последующих полутора тысячелетий христиане и иудеи считались зимми — «покровительствуемыми». Теоретически они пользовались защитой завоевателей, что не мешало последним, однако, время от времени обрушивать на «покровительствуемых» жесточайшие репрессии.

117

Омар отстранил от командования Халида, героя Ярмука, прослышав о некоей оргии в наполненной вином купальне, во время которой поэты воспевали геройские деяния полководца. Умер Халид, по всей вероятности, от чумы. Сегодняшние представители семейства Халиди считают себя его потомками. Одной из первых последовательниц Мухаммеда была женщина по имени Нусайба. В сражениях за новую веру она потеряла двух своих сыновей и ногу. Брат Нусайбы, Убада ибн аль-Самит, прибыл в Иерусалим вместе с Омаром, который, по преданию, назначил его иерусалимским судьей и смотрителем храма Гроба Господня и Купола Скалы. Его потомки, Нусейбе, до сих пор остаются привратниками храма Гроба Господня (см. эпилог).

118

Это было рукопожатие, означавшее договор о беспрекословном повиновении и послушании; само слово происходит от глагола *boa* — «продавать».

119

В России и на Западе более известен как св. Иоанн Дамаскин (ок. 675–753), великий богослов, философ и церковный поэт. Он сам, его дед и отец Серджун (Сергий) действительно занимали важные посты и при византийском владычестве, и при персах, и при арабах. Впоследствии Мансур ибн Серджун оставил государственную службу и постригся в монахи, приняв имя Иоанн. — Прим. ред.

120

Пер. И. Помяловского.

121

В современной мечети имеется михраб — молитвенная ниша, указывающая направление на Мекку, — и *минбар* — кафедра, с которой имам произносит пятничную проповедь. В молельном доме Муавии михраб уже был устроен, а вот минбара, скорее всего, еще не было, поскольку ранний ислам был слишком эгалитарным: казалось странным отводить кому бы то ни было из верующих какое-то особое место. Впрочем, согласно историку Ибн Хальдуну, в течение имперского правления Муавии ситуация изменилась. Его египетский наместник, полководец Амр, устроил минбар в своей мечети в Египте, и Муавия также стал использовать кафедру для пятничной проповеди, окружив ее ажурной преградой, чтобы защититься от наемных убийц.

Пер. под ред. Н. А. Медникова.

123

Иран остается шиитской теократией. Шииты составляют большинство мусульманского населения в Ираке и меньшинство в Ливане. Брат Хусейна, Хасан бин Али, отказался от всех притязаний на власть, но, возможно, тоже был убит. Среди его прямых потомков — королевская династия Алавитов в Марокко и хашимитские короли Иордании. 12 шиитских имамов, династия Фатимидов, Ага-ханы и иерусалимское семейство Хусейни — все они возводят свое родословие к Хусейну. Их потомков часто называют благородными — ашраф (ед. ч. «шариф», обычное обращение — *sayyid*, «саид»).

124

В 1902 г. восточнее Иерусалима был найден один из столбов аль-Малика, отмерявших расстояние. Надпись на нем гласит: «Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — Посланник Аллаха… Абд аль-Малик, повелитель правоверных и слуга Аллаха, повелел восстановить эту дорогу и соорудить этот столб. От Илии [Иерусалима] до этого места семь миль…»

125

«О люди Писания, не преступайте границ своей религии и не говорите ничего об Аллахе, кроме истины», — гласят надписи вокруг Купола. «Ибо Мессия Иисус, сын Марии, был лишь посланцем Аллаха, а потому веруйте в Аллаха и его посланников и не поминайте „троих“… У Аллаха нет сына»…

Что до иудеев, их служба там два раза в неделю соотносилась с ритуалами иудейского Храма. «Каждый вторник и каждый четверг они заказывают шафран и приготовляют с мускусом, серой амброй и сандаловым деревом, надушенным розовой водой. Затем слуги (которые были иудеи и христиане) едят и вступают в купальню, чтобы очиститься. Они переодеваются в новые красно-синие одежды с лентами и поясами. Затем они идут к Камню и совершают помазание».

126

Как всегда в Иерусалиме, строители пользовались остатками прежних сооружений. Деревянные балки аль-Аксы взяты из какой-то христианской постройки. Двойные и Тройные ворота в южной стене (в настоящее время они замурованы, как и Золотые ворота в восточной стене) были построены из камней иродиадских и римских зданий.

127

«Каждая душа познает вкус смерти. В Судный день сполна воздастся вам», — говорит Коран. Мусульмане воплотили в архитектуре Иерусалима географию апокалипсиса. Силы зла погибают в Золотых воротах. Махди (Мессия) умирает, когда перед ним ставят Ковчег Завета. При виде Ковчега иудеи обращаются в ислам. Мекканская Кааба прибывает в Иерусалим со всеми теми, кто когда-либо совершал паломничество в Мекку. Рай нисходит на Храмовую гору, а геенна поглощает долину Еннома. Люди собираются за пределами Золотых ворот на равнине Аль-Сахира. Исрафил, архангел Смерти (именем которого названы одни из ворот Купола), трубит в свою трубу. Мертвые (и из них первые — те, кто похоронен поблизости от Золотых ворот) воскресают и идут на Суд (через два прохода Золотых ворот — Ворота милосердия и Ворота покаяния) в Купол Цепи, где висят весы справедливости.

128

Имам — духовное лицо, руководящее богослужением в мечети, или глава мусульманской общины; однако шииты придают имамам большее значение. По их убеждениям, имамы — духовные вожди, получающие власть непосредственно от Аллаха. Они непогрешимы. Шииты-двунадесятники в Иране почитают 12 имамов — начиная с Али, мужа дочери Мухаммеда Фатимы, — и считают, что последний из них пребывает сегодня «сокрытым» и явится как мессия (Махди) — избранный провозвестник Судного дня.

Значение Иерусалима уменьшалось с возрастанием роли Мекки. Если в определенный период Иерусалим как объект хаджа был почти сравним по значению с Меккой и Мединой («Не отправляйтесь в дальний путь ни к каким мечетям, кроме трех: к Заповедной мечети [в Мекке], к мечети аль-Акса и к моей мечети [в Медине]», призывал один из хадисов), то теперь, при Аббасидах, важность города умалилась: он стал всего лишь местом *зияры* — благочестивого посещения могил святых.

Аббасиды, в особенности аль-Мамун, регулярно получали из Византии сочинения греческих авторов. Книжное наследие Аббасидов включает труды Платона, Аристотеля, Гиппократа, Галена, Евклида и Птолемея Александрийского. Арабы разработали совершенно новый научный лексикон, обогативший впоследствии европейские языки такими заимствованиями, как *алкоголь, алхимия, алгебра, альманах*. А из знаменитого «Каталога» («Книга росписи известий об ученых и именах сочиненных ими книг») аль-Надима явствует, что и сами арабы написали не менее 6 тыс. новых книг. В этот период пергаментные свитки постепенно заменяет бумага: в одной из решающих битв на востоке арабы разгромили войско танских императоров Китая, сохранив Среднюю Азию за исламом и заодно завладев секретом изготовления бумаги.

131

Иудейскими общинами в мире руководили два наследственных гаона: гаон из Иерусалимской академии и гаон из Вавилонской академии; резиденция последнего находилась в Багдаде. Караимы рассеялись по всему иудейскому миру, основав крупные общины на территории от Крыма до Литвы. Эти общины просуществовали вплоть до Холокоста, когда большинство из них были уничтожены. Впрочем, крымским караимам удалось убедить нацистов, что их община вовсе не семитского, а тюркского происхождения, благодаря чему часть крымских караимов уцелела.

132

Хазары — тюркоязычные кочевники, владычествовавшие в степных просторах от Черного моря до Средней Азии, — основали последнее по времени иудейское государство до создания современного Израиля. Около 805 г. их князья (каганы) обратились в иудаизм и брали себе такие иудейские имена, как Манассия и Аарон. Путешествовавший по Хазарии иерусалимский писатель Мукаддаси лаконично замечает: «Овец, меда и иудеев [там] великое множество». К 960-м гг. Хазарская империя уже переживала упадок. Тем не менее некоторые писатели — от Артура Кёстлера до нашего современника Шломо Санда — утверждают, что большинство европейских евреев ведут свое происхождение от этих самых тюркских кочевников. Такая версия в принципе опровергает притязания сионизма на Святую землю. Впрочем, современные генетики ее категорически отвергают: последние исследования свидетельствуют о том, что современные евреи — как сефарды, так и ашкеназы — носят в себе 70 % генов своих ближневосточных прародителей, живших 3000 лет назад, и 30 % генов европейских.

133

Последние ихшидские правители Иерусалима также были похоронены там: они верили, как и иудеи, что погребение в Святом городе является гарантией того, что они первыми воскреснут в Судный день; чем ближе к Храмовой горе погребен усопший, тем скорее он воскреснет. Гробницы Ихшидов не найдены, но принято считать, что они находились на северной оконечности Храмовой горы.

134

Название Аль-Кудс впервые появилось на монетах Мамуна в 832 г. С того времени иерусалимлян называли жителями Кудса — *qudsi,* или в просторечии — *utsi.*

135

Хидр — один из самых интересных мусульманских святых, прочно ассоциируемый с Иерусалимом, в котором он, по преданию, праздновал Рамадан. Хидр (Зеленый человек) был мистическим странником — молодым, белобородым. В Коране (18:65) он не назван по имени, но предстает в виде «раба Аллаха», неизвестного проводника и наставника пророка Мусы (Моисея). В суфизме — исламском мистическом течении — Хидр предстает проводником и осветителем святой тропы. Возможно, этот Зеленый человек навеял образ Зеленого рыцаря в поэме артурианского цикла «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь». Но он также отождествляется с иудейским Илией и христианским святым Георгием — римским офицером, казненным Диоклетианом. Святилище Хидра в Бейт-Джале близ Вифлеема до сих пор почитается иудеями, мусульманами и христианами.

Однако не все синагоги были разрушены. В иудейской синагоге города Фустат (Старый Каир) сохранился один из ключевых архивов исторических документов Средневековья — Каирская гениза. Поскольку буквы иврита считались священными, никакой документ (даже обычную бытовую записку или торговый счет) нельзя было выбросить, а следовало похоронить. Евреи складывали обветшавшие свитки Торы, ненужные книги и документы в так называемые *генизы* — особые хранилища при синагогах, — а через семь лет либо предавали земле на еврейских кладбищах, либо складывали в специально обустроенных склепах. Но по некоторым техническим причинам Каирская гениза не очищалась на протяжении девяти столетий, благодаря чему в ней сохранилось 100 тыс. документов самого разного содержания, воссоздающих жизнь египетских евреев и средневековую историю Средиземноморья во всех ее аспектах. Преданные забвению, эти документы были почти случайно обнаружены только в 1864 г. Но лишь в 1896 г. две эксцентричные шотландки показали ряд документов профессору Соломону Шехтеру, и тот опознал в одном из фрагментов отрывок утраченного ивритского текста книги «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и понял ценность архива. Шехтер собрал уникальную коллекцию средневековых манускриптов, благодаря которой Ш. Д. Гойтейн смог написать свой шеститомный труд «Средиземноморское общество».

137

Это был век иудейских министров на службе у исламских монархов. В Египте выходец из семейства персидских торговцев-караимов Абу Саид ат-Тустари стал поставщиком предметов роскоши для Захира; тогда-то он и продал халифу темнокожую девушку-рабыню. По смерти Захира в 1036 г. она стала Валидой — матерью халифа Мустансира, при дворе которого состоял «серым кардиналом» Тустари. О его богатстве ходили легенды: однажды Тустари преподнес в дар Валиде серебряный корабль и шатер стоимостью 130 тыс. дирхамов. Причем он так и не принял ислам. Поэт Рида ибн Тауб писал: «Египтяне, вот мой вам добрый совет: обращайтесь в иудеев, ибо уже сами Небеса стали иудейскими». В 1048 г. Тустари был убит тюркскими наемниками, и гибель его горестно оплакал гаон Иерусалима. Визирь исламской Гранады в Испании Самуил ибн Нагрела также покровительствовал своему городу: «князь иудейский», разносторонне образованный врач, поэт, ученый талмудист и военачальник, он был, пожалуй, единственным евреем, кому случилось командовать исламской армией в сражениях. Наследовавший ему сын был убит в 1066 г. во время еврейского погрома в Гранаде.

138

Когда плененный император предстал перед Алп-Арсланом, чьи усы были такими длинными, что свисали ниже плеч, султан спросил его: «Что бы ты сделал, окажись я твоим пленником?» «Скорее всего, я бы убил тебя или прогнал по улицам Константинополя», — ответил Роман IV Диоген. «Мое наказание будет гораздо более суровым, — сказал Алп-Арслан. — Я тебя отпущу». Однако Храбрый Лев прожил недолго. Заметив приближавшегося наемного убийцу, он, вместо того чтобы укрыться за телохранителями, решил сразить нападавшего стрелой, уверенный, что в искусстве стрельбы из лука ему нет равных. Но Храбрый Лев поскользнулся, и убийца успел нанести удар. Умирая, Алп-Арслан предупредил своего сына Мелик-шаха: «Запомни хорошо этот урок и не позволяй тщеславию затмить здравый смысл».

139

В ходе распрей из-за наследия Фатимидов возникла кровавая община шиитов-исмаилитов под руководством Хасана ас-Саббаха. Им удалось захватить мощную крепость Аламут в Иране, позднее они заняли и построили еще ряд крепостей на Ближнем Востоке. Со временем Хасан ас-Саббах развязал настоящую террористическую войну против самых разных врагов, подсылая к ним тщательно обученных в Аламуте террористов-самоубийц, вооруженных, как правило, отравленным оружием. Их прозвище «хашишин», вопреки популярному мнению, не связано с тем, что они перед вылазкой якобы обильно употребляли гашиш, а происходит, более вероятно, от слова «хашишия» — «чернь», «подонки» (есть и другие этимологии). Так или иначе, слово «ассасин» в значении «наемный убийца» вошло во многие европейские языки.

Пер. А. Газова-Гинзберга.

141

Греческий огонь — зажигательная жидкая смесь на основе нефти и серы, извергавшаяся из особых медных насосов, *сифонов*, была изобретена в Византии и не единожды спасала Константинополь. Теперь она имелась на вооружении не только христиан, но и мусульман.

142

Пер. М. М. Стасюлевича.

143

Пер. М. А. Заборова.

Пер. М. М. Стасюлевича.

145

По законам военного времени той поры ни один квартал не мог рассчитывать на милость победителя, если упорно сопротивлялся. Однако хронисты крестоносцев поражают восторгом, с которым они воспевают учиненную ими бойню и беспощадность латинян. Они не называют числа убитых. Позднее мусульманские историки будут ужасать читателей цифрами, оценивая количество погибших в 70 тыс. и даже 100 тыс. человек. Однако недавние изыскания свидетельствуют, что масштаб бойни был меньше и погибло в ней около 10 тыс. иерусалимлян — значительно меньше, чем позднее, во время резни мусульман в Эдессе и Акре. Современник тех событий Ибн аль-Араби, живший до крестового похода в Иерусалиме, а в 1099 г. пребывавший в Египте, говорит о 3 тыс. убитых в аль-Аксе. Конечно, не все евреи были истреблены. Уцелеть удалось и некоторым из них, и кому-то из мусульман.

В современной исторической литературе употребляется также термин Утремер или Отрмер (калька с франц. *Outre Mer*, «за морем»). — Прим. ред.

147

Известная своим круглым нефом церковь Темпл в Лондоне, освященная в 1185 г. Ираклием, патриархом Иерусалимским, была построена, по всей вероятности, по образу и подобию Купола Скалы, сооружение которого крестоносцы приписывали Соломону. Правда, некоторые исследователи считают, что моделью для нее послужила двухкупольная церковь Гроба Господня.

148

Первые крестоносцы в большинстве своем говорили на северофранцузском диалекте *langue d'oie*, сильно отличающемся от провансальского *langue d'oc*. Но именно последний стал основным разговорным диалектом Заморья.

149

Псалтирь Мелисенды в переплете из слоновой кости, инкрустированном бирюзой, рубинами и изумрудами, была создана сирийскими и армянскими мастерами в скриптории церкви Гроба Господня. Смешение элементов византийского, исламского и западноевропейского стилей наглядно свидетельствует о синтезе восточного и западного искусства времен Крестовых походов в правление этой полу-армянской, полуфранкской королевы.

150

Фульк не первым из христианских королей Иерусалима познакомился с Усамой. В 1124 г. Балдуин II был узником Шейзара — родового замка семейства Усамы. При этом ему были оказаны такие почести, что крестоносцы прониклись уважением к Усаме и его семье. В Сирии сохранились руины этого замка-крепости.

151

Пер. И. Крачковского.

152

В Акелдаме были построены две церкви: православная и латинская. Они венчали склепы, в которые сбрасывали через отверстия тела усопших. Бытовало поверье, будто тела разлагаются там в течение суток, не источая никакого запаха. Латинский погребальный склеп, в последний раз использовавшийся в 1829 г., был засыпан землей, тогда как усыпальницу греческой церкви можно увидеть и сегодня: сквозь маленькое отверстие хорошо различимы белые кости. Обе эти церкви были разрушены Саладином, сейчас на их месте располагается православный монастырь Св. Онуфрия.

153

Священные Золотые ворота открывали дважды в год. Кладбище за ними, по-видимому, примыкавшее к монастырю тамплиеров, было особым местом. По некоторым свидетельствам, именно там похоронены убийцы Томаса Бекета. На Храмовой горе были погребены и некоторые выдающиеся франкские рыцари. В 1969 г. Джеймс Флеминг, американский библеист, фотографировался у ворот, когда началось землетрясение. Флеминг провалился в разверзшуюся в земле дыру глубиной два с половиной метра и оказался… под сводом из тесаного камня Иродовых времен, на груде костей — скорее всего, останках крестоносцев (в 1148 г. там был погребен Фридрих Регенсбургский, чьи кости нашел в 1891 г. археолог Конрад Шик). До и после крестоносцев это место использовали как мусульманское кладбище. Исследовать склеп, однако, Флемингу не удалось — мусульманские власти быстро зацементировали дыру.

154

Крайняя плоть Христова (святой Препуций) была лишь одной из тысяч реликвий, которые почитались в Средние века. Говорят, что Карл Великий пожертвовал кусочек Препуция папе Льву перед своей коронацией в 800 г., всего же в христианском мире насчитывали от восьми до восемнадцати таких кусочков. Балдуин I отправил один их них в Антверпен в 1100 г., но у Мелисенды оставался еще один фрагмент. Большая часть и этих, и других мощей исчезли или были уничтожены в эпоху Реформации и последовавших за ней религиозных войн.

155

Стремление к Сиону. Пер. Л. Яффо.

«Узники Сиона», пер. А. Газова-Гинзберга.

157

Там же.

158

Мелисенда стала третьей женщиной-властительницей в Иерусалиме после Гофолии, дочери Иезавели, и Саломеи Александры — вдовы Александра Янная во времена Маккавеев. Она короновалась трижды: первый раз — вместе со своим отцом в 1129 г., второй раз — с супругом Фульком в 1131 г. и в третий раз — со своим сыном в 1143 г. Статус женщины в обоих мирах тогда был невысок. Несмотря на это, Усама ибн Мункыз рассказывает о «выдающихся женщинах» своего времени — как мусульманских, так и франкских, — которые в лихую годину брались за оружие и сражались с врагами в бою бок о бок с мужчинами. Мелисенда не забыла своих армянских корней. После падения Эдессы она поселила армянских беженцев в Иерусалиме, и в 1141 г. армяне приступили к восстановлению собора Святого Иакова близ королевского дворца.

159

Едва освободившись от брачных уз с Людовиком, Алиенора вышла замуж за Генриха, герцога Нормандского и графа Анжуйского, внука короля Иерусалимского Фулька — вскоре наследовавшего английский престол под именем Генриха II. Из их детей особую известность в истории стяжали двое: король Иоанн Безземельный и король-крестоносец Ричард Львиное Сердце.

160

Амбулаторий (лат. — *ambulatorium* — «место для прогулок») — крытый обход вокруг алтарной апсиды, завершающей центральный неф. — Прим. ред.

161

Похоже, Феодору Андроник любил все же дольше, чем всех прочих женщин в своей жизни. Когда ее пленил император, он сдался и вымолил себе прощение. Через два года после смерти Мануила Андроник захватил императорский престол, но показал себя одним из самых презренных и жалких властителей в истории Константинополя. Правление его сопровождалось жестокими репрессиями: Андроник расправился почти со всеми членами императорской семьи, не пощадив женщин. В 65 лет, все еще моложавый и привлекательный на вид, он женился на 13-летней принцессе. Когда же его низвергли с престола, чернь неистово надругалась над своим повелителем: ему отрубили правую руку, выкололи левый глаз, вырвали волосы, выбили зубы и выжгли лицо кипятком, чтобы лишить былой красоты, а по прошествии нескольких дней повесили за ноги. Судьба Феодоры неизвестна.

162

Этот дворец мы находим на чрезвычайно реалистичной карте Иерусалима, созданной в Камбре примерно в то самое время. В 1169 г. дворец лицезрел Теодорих. А в 1229 г. здание было передано германским крестоносцам. Но до наших дней дворец не сохранился: скорее всего, он был разрушен во время набега хорезмских тюрков в 1244 г. В ходе раскопок 1971 г. и 1988 г. археологи обнаружили фрагменты фундамента под Армянским садом и турецкими казармами.

163

Иудейский путешественник Вениамин Тудельский посетил Иерусалим почти сразу после Маймонида. Во время его пребывания рабочие, перестраивавшие Сионскую горницу, обнаружили загадочную каверну, признанную гробницей царя Давида. Крестоносцы воздвигли кенотаф, символическую надгробную плиту, благодаря которому эта христианская постройка в атмосфере заразительной религиозности Иерусалима стала почитаться как святыня также иудеями и мусульманами. Вениамин утверждал, что совершил путешествие также и в Ирак. Он красочно описал драму, разыгравшуюся тогда в Багдаде: молодой иудей по имени Давид эль-Рей («царь»), или Алрой, провозгласил себя Мессией и обещал перенести местных евреев на крыльях, чтобы «завоевать Иерусалим». Багдадские иудеи взобрались на крыши своих домов и провели там, томясь в ожидании, много часов, но так и не взмыли в небеса. Позднее Алрой был убит. Бенджамин Дизраэли, посетивший Иерусалим в XIX в., сделал Алроя героем своего одноименного романа.

164

По прошествии четырех столетий, когда иудейская синагога была в руках мусульман, крестоносцы замуровали Иудейскую пещеру в туннелях близ Западной стены, превратив в цистерну. Поэтому маловероятно, что Маймонид молился в ней.

165

В европейской традиции и далее в тексте — Саладин. — Прим. пер.

Проказа тогда была частым заболеванием. В Иерусалиме существовал даже орден Св. Лазаря для прокаженных рыцарей. Но заразиться проказой нелегко: мальчик должен был многие месяцы контактировать с больным ею человеком. Возможно, прокаженной была его кормилица со слабо выраженными признаками болезни. Проказа проникает в организм воздушно-капельным путем при вдыхании бактерий, выделяемых с потом и кашлем носителя. В подростковом возрасте болезнь Балдуина начала быстро прогрессировать. В фильме Ридли Скотта «Царство небесное» он показан в железной маске, скрывающей его обезображенное, безносое лицо. Но в действительности он, будучи королем, никогда не прятал лица, даже когда болезнь целиком поразила его.

167

Имееется в виду библейская история о сирийском военачальнике Неемане, который был болен проказой и чудесным образом исцелен пророком Елисеем (4 Цар. 5:1–19). — Прим. ред.

168

Саладин — имя, данное ему крестоносцами, сокращенное от Салах аль-Дунья аль-Дин («благо мира и веры»). Брат Саладина, известный крестоносцам под именем Сафадин, урожденный Абу Бакр ибн Айюб, сначала носил почетное (лакаб) имя Сафах ад-Дин («меч веры»), а впоследствии царское имя аль-Адиль («справедливый»), которым его называют многие историки.

Биографию Саладина написали двое его придворных. Первый — его секретарь Имад ад-Дин, автор книг «Сирийская молния» и «Искусство красноречия в завоевании Святого города». Второй — Баха аль-Дин ибн Шаддад, мусульманский ученый из Ирака, в 1188 г. приехал в Иерусалим и был назначен Саладином сначала войсковым судьей (кади), а затем хранителем Иерусалима. По смерти Саладина он служил главным кади у двух его сыновей. Написанная им биография «Притчи о султане и Иосифовых достоинствах» (в названии содержится намек на первое имя Саладина — Юсуф, Иосиф) — это весьма приглаженный портрет военачальника.

169

Один пожилой иерусалимлянин отважился затеять судебную тяжбу с султаном из-за некой собственности. Саладин сошел с трона, чтобы быть на равных с истцом в ходе суда, и все же выиграл дело, но после этого щедро одарил старика.

170

Двор Саладина находился в Патриаршем дворце, на крыше которого была устроена деревянная беседка, где Саладин любил засиживаться с придворными до поздней ночи. Его брат аль-Адиль поселился в комплексе Сионской горницы. В Патриаршем дворце Саладин решил устроить суфийскую обитель-*ханаку*. И до сих пор там находится ханака Салахийя (как гласит надпись), а спальня с красивыми капителями времен крестоносцев, в которой почивал Саладин (а до того патриарх), принадлежит ныне Шейху аль-Алами — представителю одного из известных семейств Иерусалима. Патриархи проходили из своего дворца в церковь Гроба Господня через специальные врата, которые Саладин повелел закрыть. Но их и сегодня можно разглядеть за прилавками современных магазинчиков. В церкви Пречистой Девы Марии Саладин устроил больницу Салахийя, а в церкви Св. Анны — школу по изучению Корана (медресе Салахийя). В наши дни в здании вновь устроена церковь, но на ее фасаде до сих пор сохраняется арабская надпись, восхваляющая Саладина как «восстановителя империи повелителя правоверных».

171

Новой королевой Иерусалимской стала сводная сестра Сибиллы Изабелла, дочь короля Амори и королевы Марии. Изабелла расторгла брак с первым супругом ради брака с Конрадом Монферратским, ставшим благодаря этому номинальным королем Иерусалимским.

172

В апреле 1192 г. Ричард наконец осознал, что Ги, ставший королем Иерусалима только благодаря своему последнему браку, был негодной картой. Тогда он провозгласил королем Иерусалимским Конрада Монферратского — мужа королевы Изабеллы. Но несколькими днями позже Конрада убили ассасины. Новым, третьим по счету, супругом 21-летней Изабеллы, носившей ребенка от Конрада, стал Генрих, граф Шампанский и племянник как Ричарда Английского, так и Филиппа Французского. Он и был провозглашен королем Иерусалимским. Чтобы возместить Ги потерю трона, Ричард продал ему Кипр, которым его семейство правило три столетия.

173

В 1187 г. Саладин самолично послал маленькую часть Креста в подарок византийскому императору Исааку Ангелу с венецианским торговым судном. В пути корабль захватили пираты под командованием некоего Фортиса, который перебил всю команду. Реликвия отправилась на Корсику, где ее перехватили генуэзские пираты. Части Креста все еще хранятся в разных гробницах Европы.

По дороге домой Ричард был захвачен в плен и передан германскому императору Генриху VI, который держал его под стражей почти год, пока Англия не уплатила за короля огромный выкуп. На родину Ричард привез несколько сарацин и тайну «греческого огня». В 1199 г. при осаде малозначительного французского замка король был ранен в шею арбалетным болтом и умер от заражения крови. «Он был, — пишет английский историк Стивен Рансимен, — плохим сыном, плохим мужем и плохим королем, но галантным и славным воином».

Фундаменты шести из семи башен сохранились до наших дней. На Храмовой горе Муаззам построил увенчанную куполом Школу Грамматики, а также величественные арки и крытый куполом вход в мечеть аль-Акса. При строительстве восьмиугольного Купола Соломона, также известного как Курси-Иса (Престол Иисуса), и Купола Вознесения он, по-видимому, использовал материалы и элементы декора франкских построек. На Куполе Вознесения сохранилась надпись, датирующая постройку 1200–1201 гг. Но более вероятно, что оба Купола восходят к зданиям крестоносцев. Кроме всего прочего, именно Муаззам замуровал Золотые ворота.

176

Королева Изабелла Иерусалимская была несчастлива в замужестве: ее третий муж Генрих Шампанский правил Акрой как король Иерусалимский и стал отцом еще двух ее дочерей. Но в 1192 г., забавляясь со своим карликом, он случайно оступился и выпал из окна. После его смерти Изабелла вышла замуж за Амори де Лузиньяна, короля Кипрского, который умер в 1205 г. По смерти Изабеллы ее дочь Мария — в описываемый период королева Иерусалимская — сочеталась браком с рыцарем Жаном де Бриенном; у них родилась дочь Иоланта.

177

Фридрих и Камиль поддерживали свою дружбу: известно, что султан прислал императору украшенный драгоценностями глобус небесной сферы, включавший часы и подвижную карту неба, а также слона. Фридрих преподнес в дар Камилю белого медведя. Остаток жизни император провел в постоянной войне с папами, отстаивая свое наследство в Германии и Италии. Именно папы заклеймили его «зверем апокалипсиса». Император, «изумление всего мира», скончался от дизентерии в 1250 г. и похоронен в Палермо.

178

Эти татары были разгромлены потомками Саладина в битве при Хомсе в 1246 г. Барка-хана обезглавили, и голову его выставили напоказ жителям Алеппо. Но его дочь вышла замуж за мамлюкского вождя Бейбарса — будущего султана. А его сыновья стали могущественными эмирами. В 1260–1285 гг. они соорудили величественную гробницу для своего отца, которая и по сей день стоит на улице Цепи в Иерусалиме. Надпись на ней гласит: «Чистыми мы появились из ничего, и нечистыми мы стали; спокойными мы пришли в этот мир и стали испытывать страдания». В этой гробнице впоследствии были погребены и сыновья Барка-хана. Правда, когда археологи осматривали гробницу, они не обнаружили тела Барка-хана. Возможно, оно так никогда и не было перевезено из Алеппо. В 1846–1847 гг. богатое семейство Халиди приобрело мавзолей, а фактически и всю улицу. В настоящее время в гробнице размещается читальня библиотеки Халиди, основанной в 1900 г. В здании, выходящем на Западную стену, до сих пор живет Хайфа аль-Халиди. В напоминание о зигзагах иерусалимской истории на стене дома висит почтовый ящик времен Британского мандата.

179

Иерусалимом управляли то из Сирии, то из Каира, где Шаджар ад-Дурр провозгласила себя султаншей. Подобный успех женщины — уникальное явление в исламском мире, породившее множество легенд. Еще юной наложницей Шаджар привлекла внимание султана тем, что носила платье, сшитое из одних жемчужин (отсюда ее имя, означающее «жемчужное дерево»). Теперь ей нужна была мужская поддержка, и Шаджар вышла замуж за мамлюкского офицера Айбека, ставшего султаном. Но их брак оказался неудачным, и Шаджар заколола мужа в купальне. Через 80 дней правления мамлюки низвергли ее. Она решила бежать, но прежде истолкла в пыль все свои драгоценные камни, чтобы они не достались никакой другой женщине. Когда Шаджар схватили, наложницы Айбека (возможно, разъяренные тем, что лишились драгоценностей) забили ее до смерти деревянными башмаками.

180

Суфийский наставник Бейбарса шейх Кадир обрел такое влияние, что мог позволить себе безнаказанно совращать жен и растлевать сыновей и дочерей мамлюкских военачальников, при этом угрожая последним расправой. Бесчинствам суфия пришел конец, только когда пострадавшие представили Бейбарсу такое увесистое «досье» его злодеяний, что султан вынужден был заключить Кадира под стражу за содомию и прелюбодеяние. Кадир избежал смерти лишь потому, что предсказал Бейбарсу, что тот умрет вскоре после него.

181

К 1268 г. этот осколок Заморья подвергался такой угрозе, что папа призвал к новому крестовому походу. В мае 1271 г. наследник английского трона Эдуард Длинноногий прибыл в Акру и помогал оборонять ее от полчищ Бейбарса. Но когда Акра начала с султаном переговоры о перемирии, Эдуард воспротивился, и, похоже, покушение на него было подстроено Бейбарсом: кинжал, который вонзил в Эдуарда наемный убийца, был отравлен. Но принц выжил и попытался, правда тщетно, организовать новый альянс: крестоносцы готовы были помочь монголам одолеть Бейбарса за Иерусалим. Вернувшись в Англию уже Эдуардом I, он превратился в «Молот шотландцев». Его покои в Вестминстере были расписаны сценами из истории Маккавеев, но он заставлял евреев носить желтые звезды, а потом и вовсе изгнал их из Англии на целых три столетия. Умершего Эдуарда оплакивали как «цвет иерусалимского рыцарства».

182

На этот титул претендовали представители многих королевских домов Европы, включая Бурбонов, Габсбургов и Савойский дом. В 1277 г. Карл Анжуйский купил его у Марии Антиохийской — одной из претенденток; затем его носили короли Неаполя и Сицилии, а от королей Савойской династии он перешел к итальянским королям. Ныне его носит король Испанский.

183

Соборная мечеть для общей молитвы, которую вся местная мусульманская община города или крепости совершает в полдень пятницы. — Прим. ред.

Именно в этот период большая часть Иродовой стены вдоль западной оконечности Храмовой горы исчезла, застроенная новыми зданиями мамлюков. Проступает она лишь в одном месте — в конце скрытого переулка, во внутреннем дворе Мусульманского квартала; это одно из потайных мест Иерусалима. Большинство евреев приходят к более знаменитому участку Западной стены южнее, но небольшие группы евреев молились и продолжают молиться у этой Малой стены.

185

Постройки мамлюков, рассеянные по всему Мусульманскому кварталу, легко узнаваемы благодаря своему колоритному стилю. Для него характерно использование *мукарн* — своего рода «архитектурных сталактитов», нависающих друг над другом декоративных выступов. Мукарнами украшают купола и своды ниш. Еще один характерный прием — *аблак*, чередование темных и светлых камней в кладке.

186

В 1393 г. в Иерусалим совершил паломничество Генрих Болингброк. А когда он захватил трон и стал Генрихом IV, ему сказали, что умереть он должен в Иерусалиме. Королю удалось исполнить пророчество на смертном одре: он повелел перенести себя в Иерусалимскую палату Вестминстера. Его сын Генрих V был не менее набожным: умирая, победитель при Азенкуре мечтал совершить паломничество, чтобы отстроить стены Иерусалима.

187

После сноса здания на Сионе синагога Рамбана была перенесена в Еврейский квартал, где оставалась центром еврейской жизни до 1586 г., пока очередной наместник (на этот раз уже турецкий) не приказал снова закрыть ее. Богослужения в синагоге возобновились только в 1967 г. — Прим. ред.

188

В последние годы мамлюкского Иерусалима, в то самое время, когда эти еврейские путешестввенники скорбели на Масличной горе, Муджир аль-Дин написал свое замечательно скрупулезное сочинение об Иерусалиме и Хевроне. И он воистину заслужил почитания: Муджир аль-Дин похоронен в изысканной, увенчанной куполом усыпальнице, сохранившейся до наших дней — недалеко от гробницы Богородицы.

189

Согласно одной из легенд, Сулейман задумал сровнять Иерусалим с землей за то, что его жители отказывались платить ему его непомерные налоги. Но во сне он увидел львов, готовых растерзать его на части, если он исполнит задуманное. Один из толкователей сказал Сулейману: «Аллах послал этих львов с грозным предупреждением. Теперь только деяния на благо Иерусалима могут спасти жизнь моего господина». И тогда Сулейман построил Львиные ворота. На самом деле львы на них — вовсе не львы, а барсы, и установлены они были за 300 лет до Сулеймана султаном Бейбарсом в его суфийской ханаке, к северо-западу от города. Сулейман же просто перевез их в Иерусалим. Султан вообще активно использовал наследство прежних «хозяев» города. Свой фонтан у Ворот Цепи Сулейман увенчал розеткой времен крестоносцев, а бассейном для него послужил саркофаг крестоносцев. Новые стены не включили в себя гору Сион. И возникла еще одна легенда: якобы Сулейман так разгневался, поглядев в магическую чашу и увидев, что могила Давида оказалась вне стен, что приказал казнить зодчих. В некоторых путеводителях их захоронениями называются две огороженные могилы у Яффских ворот. Но это тоже миф: могилы принадлежат двум ученым из Сафеда.

Собиравшийся в тот же год в плавание к берегам Америки Христофор Колумб писал католическим монархам: «Предлагаю Вашим Величествам большую часть доходов, которые принесет нам это предприятие, использовать для возрождения Иерусалима». Их сын, император Карл V, — соперник Сулеймана и номинальный король Иерусалимский — следовал родительской традиции защищать крест мечом, и его разговоры о крестовом походе явились одной из причин, по которым Сулейман решил возвести в Иерусалиме стены.

Они вынужденно продали свой монастырь Спасителя францисканцам. Но это было только начало. В 1685 г. обедневшая грузинская община лишилась и своего центра — монастыря Св. Креста, основанного, по преданию, на том месте, где выросло Крестное дерево, из которого был сделан Крест Христов. После падения Иерусалима крестоносцев в 1187 г. грузинская царица Тамара послала в город, чтобы расписать монастырь, Шота Руставели — художника и поэта, автора эпической поэмы «Витязь в тигровой шкуре». По всей вероятности, он и похоронен в этой обители, а его образ увековечили другие расписывавшие монастырь мастера. Сербская община передала свой последний монастырь греческому братству в XVII в. Маронитам до сих пор принадлежит монастырь близ Яффских ворот. Но все три общины — грузинская, сербская и маронитская — давно лишились своей «доли» в храме Гроба Господня.

Евреи и христиане были одержимы мессианскими чаяниями и ожиданием апокалипсиса. В 1523 г. молодой Давид Реувени вызвал в Иерусалиме настоящий переполох, объявив себя арабским князем и посланником далекой восточной страны десяти колен Израилевых. Исламский кади заклеймил его сумасшедшим безумцем, и вскоре Давид отплыл в Рим, где сумел даже добиться аудиенции у папы. Впрочем, христианский мир в очередной раз доказал, что менее терпим в сравнении с исламом: в начале 1530-х гг. Давид умер в испанской темнице. В 1534 г. радикальная протестантская секта анабаптистов захватила немецкий город Мюнстер, провозгласив его Новым Иерусалимом. Их вождь — некий Иоанн Лейденский, подмастерье портного, — провозгласил себя королем Иерусалимским, наследником царя Давида. Через 18 месяцев новоявленный Сион был отвоеван рыцарями, а вожди анабаптистов казнены.

193

Ашкеназ — это средневековое еврейское название Германии, которая и считалась местом расселения потомков Аскеназа, сына Яфета и внука Ноя. — Прим. ред.

Костры, на которых сжигали людей во дворе храма, были, увы, не редкостью. В 1557 г. кади собственноручно убил сицилийского монаха брата Джунипера, дважды пробиравшегося в аль-Аксу; затем тело его сожгли на костре перед храмом Гроба. Испанец-францисканец, осуждавший ислам в аль-Аксе, был обезглавлен на Храмовой горе, а затем также сожжен. Христиане Европы были не намного более цивилизованными: в XVI в. в Англии сожгли почти 400 «еретиков».

195

«Великое пробуждение» (*Great Awakening*) — религиозное движение, возникшее в Новой Англии в XVIII в. Викторианское религиозное возрождение в Англии XIX в. иногда называют «Вторым великим пробуждением». — Прим. ред.

Некоторые из его последователей-каббалистов расценили этот переход в ислам как «парадокс святости» — Шабтай-Мессия якобы должен был опуститься до самых глубин греха, чтобы подобрать там искры Божественного света, упавшие в бездну. Община *мамин*. придерживающаяся такого взгляда, до сих пор существует в Турции.

197

Во время одного из сражений с армией Габсбургов в Трансильвании он покинул поле битвы, чтобы облегчиться. Стоило ему присесть, как откуда ни возьмись появился австрийский солдат, и наш герой «упал прямо в собственные испражнения». И пока Эвлия боролся с солдатом, оба катались в его экскрементах. Только убив австрийца, он смог наконец натянуть штаны. «Я был весь в крови и дерьме и смог только рассмеяться, увидев, каким я стал дерьмовым воином». А затем он преподнес голову убитого австрийца в дар паше, а тот заметил: «Мой Эвлия, от тебя почему-то разит дерьмом!» Все офицеры «громко рассмеялись», а паша подарил ему 50 золотых монет и серебряный тюрбан с перьями.

198

Генри Мандрелл, капеллан во время англо-ливанской кампании, побывавший в Иерусалиме в 1697 г., ужаснулся «ярости» монахов, с какой они устраивали кровавые стычки в церкви. Он также нашел экстаз, охватывавший верующих при схождении Благодатного огня, еще более безумным, чем столетием ранее, когда это чудо видел Сэндис: паломники «начали творить несусветные непристойности: они оголяли части тела, они кувыркались пред Гробом Господним, как акробаты на арене», и поджигали свои бороды. Был «настоящий Бедлам». Что до священников, то Мандрелл назвал их просто «фокусниками».

199

Эта синагога — Хурва («руина») — пребывала в запустении более ста лет. Восстановленная в XIX в., она была опять разрушена в 1967 г. иорданцами и отстроена вновь совсем недавно.

200

Эти кланы англичане называли знатью, турки — эфенди, арабы — айя. Нусейбе были привратниками церкви Гроба Господня; в ведении Даджани находилась гробница Давида; Халиди распоряжались в шариатских судах, а представители рода Хусейни, как правило, были накибами, шерифами, муфтиями и шейхами Харама и распорядителями праздника Наби Муса. Клан Абу-Гош — местные военные вожди горных деревень окрест Иерусалима и охранники на паломническом маршруте из Яффо — были союзниками клана Хусейни. Лишь недавнее исследование профессора Аделя Манны выявило истинную историю того, как Гудайи стали Хусейни. Семейство Нусейбе прежде звалось Ганим, Халиди — Дейри, Джаралла (соперничавшие с родом Хусейни за титул муфтиев) — Хаскафи. «Смена фамилии весьма дезориентирует и смущает, — признается один из этих знатных вельмож, Хасим Нусейбе, бывший министр иностранных дел Иордании, в своих мемуарах „Иерусалимляне“, — даже если она была произведена семь столетий тому назад».

Обычно Иерусалим находился в ведении могущественного вали (правителя) Дамасского вилайета (провинции), который также часто выступал амиром аль-хадж — предводителем ежегодного паломничества в Мекку. Все расходы на паломничество амир аль-хадж производил через особый штат — давру; он контролировал выдачу пособий паломникам и командовал военным эскортом, сопровождавшим их караван. Временами Иерусалимом правили из Акры вали Сидона. Иерусалим был маленьким районом в составе вилайета — санджаком под эгидой бея или мутасалима. Но статус Иерусалима неоднократно менялся на протяжении последующих веков. Иногда он даже становился самостоятельным административным районом. Османы правили с помощью кади (городского судьи, назначавшегося в Стамбуле) и муфтия (религиозного вождя, назначавшегося Великим муфтием империи, Шейхом аль-Исламом, также из Стамбула). Муфтий выносил религиозные предписания (фетвы) по тому или иному вопросу. Дамасские и сидонские вали были соперниками и время от времени вели мини-войны за контроль над Палестиной.

202

Потемкин разработал для Екатерины «греческий проект» — русское завоевание Константинополя (который русские называли Царьград), где должен был править один из внуков Екатерины, не случайно получивший при рождении имя Константин. Раздел Польши привел к тому, что в пределах Росссийской империи впервые оказались миллионы евреев, большинство из которых прозябали в жалкой нищете в черте оседлости. Потемкин был одним из наиболеее филосемитских политических деятелей в русской истории, можно сказать, христианским сионистом, и частью своего греческого проекта он видел освобождение Иерусалима. В 1787 г. он создал первый Израильский полк еврейской кавалерии, которой в будущем предстояло взять Иерусалим. Свидетель учений этого полка, австрийский дипломат де Линь, высмеивает «курчавых кавалеристов, сущих обезьянок верхом». Потемкин умер, не успев приступить к практической реализации этих планов.

203

Наполеон обвинял в своем поражении Смита — «человека, нарушившего неизбежный ход событий». Но следы в Иерусалиме он все же оставил. При взятии Яффо за больными и ранеными солдатами Бонапарта (которых он впоследствии приказал убить) ухаживали армянские монахи. И он отблагодарил их, подарив им свой шатер. Монахи сделали из него ризы для собора Святого Иакова в Армянском квартале Иерусалима.

Шпоры и меч Готфрида, как и кирпич из его французского замка, ныне хранятся в Латинской ризнице храма Гроба Господня. Что до гробниц крестоносцев, то уцелели лишь фрагменты саркофага мальчика-короля Балдуина V.

205

В 1804 г. поэт-визионер, художник и мистик Уильям Блейк написал поэму «Мильтон», введение к которой начиналось со строк «На этот горный склон крутой / Ступала ль ангела нога?» и заканчивалась словами «Мы возведем Ерусалим / В зеленой Англии родной» (пер. С. Я. Маршака). Эта поэма, опубликованная около 1808 г. и воспевающая недолгий расцвет мечты об Иерусалиме в доиндустриальной Англии, была навеяна легендой о путешествии юного Иисуса и Иосифа Аримафейского на корнуоллские оловянные рудники. Поэма оставалась малоизвестной до 1916 г., когда поэт Роберт Бриджес попросил композитора сэра Хуберта Пэрри положить ее слова на музыку для одного патриотического собрания. Позднее Эдуард Элгар написал к ней оркестровку. Король Георг V отдавал этому произведению предпочтение перед «Боже, храни короля».

206

В 1818 г. после смерти Сулеймана-паши захвативший власть в Акре Абдалла казнил очень богатого, но безглазого, безухого и безносого министра Хаима Фархи, успешно управлявшего Палестиной в течение 30 лет. Абдалла правил до 1831 г. Семья Фархи до сих пор проживает в Израиле.

207

На обратном пути корабль Монтефиоре попал в сильный шторм. Моряки боялись, что судно тонет. Мозес вез с собой оставшуюся с прошлогоднего Песаха половинку ритуального хлеба — мацы. В самый разгар бури он бросил мацу в воду — и море успокоилось! Монтефиоре уверовал, что этим чудом Бог благословил его паломничество в Иерусалим. В наши дни потомки Монтефиоре каждую иудейскую Пасху читают его свидетельство о чудесном спасении.

Идеальным героем Дизраэли, описанным в его лучшем романе «Конингсби», был Сидония — сефард-миллионер, водивший дружбу с императорами, королями и министрами всех кабинетов Европы. Сидония вобрал черты и Лионеля де Ротшильда, и Мозеса Монтефиоре: их обоих Дизраэли впоследствии хорошо узнал.

209

Ваххабиты были последователями проповедника XVIII в. Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, в 1744 г. заключившего союз с семейством аль-Сауд. Несмотря на препятствия, чинимые Мухаммедом Али, они в скором времени восстановили небольшое государство. Во время Первой мировой войны и в 1920-х гг. их лидер Абд аль-Азиз аль-Сауд, поддерживаемый британскими субсидиями и фанатичной ваххабитской армией, отвоевал Мекку, а затем и всю Аравию. В 1932 г. он объявил себя королем Саудовской Аравии, в которой ваххабитский ислам доминирует до сих пор. У ибн Сауда было около 70 сыновей. Один из них, Абдалла, стал королем в 2005 г.

210

Подушная подать, которой облагались зимми — евреи, христиане и некоторые другие иноверцы в мусульманских государствах. — Прим. ред.

211

Шафтсбери заимствовал печально известную фразу «страна без народа» у шотландского министра Александра Кейта, а позднее ее приписывали (вероятно, ошибочно) сионисту Израэлю Зангвиллу, не верившему в заселение евреями Палестины по той простой причине, что она уже заселена арабами.

212

Албанцы уже никогда не вернули себе Иерусалим, но правили Египтом еще целое столетие, сначала как хедивы (номинальные османские вице-султаны, но фактически независимые правители), затем как султаны Египта и в конце концов как короли. Когда Мухаммед Али-паша начал страдать старческой деменцией, Ибрагим стал его регентом. Однако он умер раньше отца — в 1848 г. Последним королем албанской династии был Фарук, низложенный в 1952 г.

213

Одним из самых популярных среди этих новых американских «пророков» был Уильям Миллер. Отставной офицер из Массачусетса, он считал, что Христос вернется в Иерусалим в 1843 г. 100 тыс. американцев стали его последователями — миллеритами. Миллер пересчитал «две тысячи триста вечеров и утр», по прошествии которых «святилище очистится» (Дан. 8: 14), в годы. Приравняв пророческий день к году и взяв за точку отсчета 457 г. до н. э. — год, в который, по его мнению, персидский царь Артаксеркс I повелел восстановить Храм, — Миллер и получил 1843 г. Но в том году ничего не случилось, и он перенес Пришествие Христа на 1844 г. (в котором тоже ничего не произошло). Общины последователей Миллера — адвентисты седьмого дня и свидетели Иеговы — сегодня насчитывают 14 млн. приверженцев по всему миру.

214

В 1658 г. патриарх Никон построил на реке Истра, недалеко от Москвы, Новоиерусалимский монастырь — во утверждение вселенской миссии русского православия. Ядро монастыря — более или менее точная копия храма Воскресения (Гроба Господня) в Иерусалиме. В 1818 г., до восшествия на российский престол, Николай I посетил Новый Иерусалим. Глубоко растроганный, он повелел отреставрировать монастырь, выгоревший при пожаре 1808 г.

215

В ходе Крымской войны была предпринята очередная попытка вооружить евреев: в сентябре 1855 г. польский поэт Адам Мицкевич приехал в Стамбул, чтобы сформировать для борьбы с русскими польское войско, получившее название «османские казаки». В их число входили «израильские гусары», набранные из русских, польских и палестинских евреев. Но через три месяца Мицкевич умер, и эти гусары так и не были испытаны в деле.

216

Резиденцией османских губернаторов была Аль-Джавайлия, построенная одним из эмиров-мамлюков Насира Мухаммада на месте Иродовой крепости Антония и первой станции Виа Долороза. При крестоносцах тамплиеры воздвигли там часовню, и часть ее увенчанного куполом портика стояла вплоть до 1920-х гг. Ныне на этом месте находится школа.

217

Цитаты из «Дневника путешествия в Европу и Левант» Мелвилла даны в пер. В. Н. Кондратьева и Н. В. Димичевского.

218

Пер. Л. Сережкиной.

Эти писатели отдавали дань тогдашней моде на сочинения о путешествиях на Восток. С 1800 по 1875 гг. вышло около 5 тыс. англоязычных книг об Иерусалиме. Многие из них как две капли воды были похожи друг на друга. Другие представляли живые пересказы библейских сюжетов (иногда подкрепленные археологическими свидетельствами). Третьи были выдержаны в жанре путевых заметок и обличали невежество мусульман, плаксивость евреев, примитивность арабов и вульгарность православных. Лучшим из всех этих сочинений, несомненно, является искрящийся остроумием роман «Эотен, или Следы путешественника, вернувшегося с Востока» Александра Кинглейка, впоследствии издавшего свои записки о Крымской войне.

220

Молодой хозяин Дорра, плантатор Корнелий Феллоуз, решил совершить трехлетнее путешествие из Парижа в Иерусалим и предложил своему воспитанному и образованному рабу сопровождать его, обещав вольную за помощь в пути. В своих искрометных путевых заметках Дорр описал все, что видел: от прекрасных парижанок до «убогих башен и обугливших стен» Иерусалима. По возвращении домой хозяин отказался отпустить Дорра на волю, и тот бежал на север, где в 1858 г. опубликовал книгу «Путешествие по свету темнокожего квартерона». Вскоре в Америке началась гражданская война, официально принесшая Дорру свободу. Победитель в той войне — президент Авраам Линкольн — не отличался особой религиозностью, но мечтал побывать в Иерусалиме — возможно, потому что в детстве жил в одном из американских «Иерусалимов», Нью-Салеме (штат Иллинойс). Линкольн наизусть знал Библию и, вероятно, слышал рассказы своего госсекретаря Уильяма Г. Сьюарда, побывавшего в Иерусалиме во время кругосветного путешествия. По дороге в театр 14 апреля 1865 г. Линкольн заговорил с женой о «паломничестве в Иерусалим». В театре, за несколько минут до смертельного выстрела, он прошептал: «Очень хочется побывать в Иерусалиме». Впоследствии Мэри Тодд Линкольн считала, что ее муж пребывает «в центре Небесного Иерусалима».

Исповедовавшие иудаизм евреи не допускались в палату общин до 1858 г., когда новый парламентский акт наконец позволил Лионелю Ротшильду занять в ней место. Любопытно, что Шафтсбери неоднократно высказывался против этого: как христианский сионист он был заинтересован в возвращении и обращении иудеев только ради приближения Второго пришествия. Впрочем, гораздо позднее он сказал премьер-министру Уильяму Гладстону: «Для палаты лордов день, когда этот старый еврей [Монтефиоре] будет включен в списки наследственных законодателей, станет поистине славным». Этот день настал даже быстрее, чем он, наверное, предполагал. В 1885 г., после смерти Монтефиоре, звания пэра первым из евреев был удостоен сын Лионеля Ротшильда Натан.

222

По дороге в Санкт-Петербург Монтефиоре заехал в Вильно, полуеврейский город с таким множеством ученых талмудистов, что его называли даже «литовским Иерусалимом». Там Мозеса встретили тысячи преисполненных энтузиазма евреев. Позднее Монтефиоре снова приезжал в Петербург — уже для встречи с Александром II. Поговаривали, будто в каждом еврейском доме в России висел портрет Мозеса — своего рода иудейская икона. «За завтраком (в Мотоле, деревне под Пинском) мой дед часто рассказывал мне истории о деяниях могущественных особ, — писал Хаим Вейцман, будущий лидер сионистов и первый президент Израиля. — Особенно меня впечатлил рассказ о поездке Мозеса Монтефиоре в Россию, состоявшейся всего лишь за поколение до моего рождения, — он уже звучал как легенда. Да и сам Монтефиоре, хоть и здравствовавший еще, тоже был легендой».

223

Монтефиоре был самым знаменитым, но не самым богатым из иерусалимских филантропов. Часто он служил лишь посредником для передачи денег Ротшильда, а его дома призрения были построены на средства Иегуды Туро — американского магната из Нью-Орлеана, попытавшегося в 1825 г. создать малую еврейскую родину на Гранд-Айленде на реке Ниагара, в северной части штата Нью-Йорк. Проект потерпел неудачу, и он оставил 60 тыс. долларов Монтефиоре — на расходы в Иерусалиме. В 1854 г. Ротшильды построили в Иерусалиме столь необходимую больницу для евреев. В 1856 г. Монтефиоре открыл в городе школу для еврейских девочек, вызвав неодобрение ортодоксальных иудеев. Впоследствии управляющим школой стал его племянник Лионель Ротшильд, а от него школа перешла к его старшей дочери Эвелине. Однако самым грандиозным проектом стала синагога Тиферет Исраэль, построенная близ Хурвы в Еврейском квартале на пожертвования евреев всего мира (больше всего средств выделили семейства Рубен и Сассун из Багдада). Это увенчанное куполом здание, самое высокое в Еврейском квартале, оставалось центром палестинского еврейства вплоть до разрушения в 1948 г. Между прочим, у армян также были свои Ротшильды: разбогатевшие на нефти Гулбенкяны регулярно совершали паломничества в Иерусалим и основали в Армянском монастыре библиотеку, носящую их имя.

Русское подворье включало в себя консульство, больницу, 10-купольную церковь Св. Троицы с четырьмя звонницами, резиденцию архимандрита, гостиницу для более знатных гостей и общежития для простых паломников, где могли получить приют свыше 3 тыс. человек одновременно. Здания комплекса напоминали большие, но изящные современные крепости. После 1917 г. часть подворья была сдана в аренду британским мандатным властям, а в конце периода Британского мандата территория подворья, окруженная колючей проволокой, стала укрепленной штаб-квартирой англичан.

225

Эдвард Робинсон, миссионер и профессор богословия из Нью-Йорка, жаждал раскрыть географию Библии. Он использовал все свои знания, почерпнутые из разных источников, в частности из Иосифа Флавия, лишь бы сделать какие-нибудь потрясающие открытия. В 1852 г. Робинсон обратил внимание на остатки какой-то пристройки у юго-западного угла Храмовой горы, а точнее — он ни минуты в том не сомневался — одной из тех монументальных арок, которые в древности вели в Храм. Профессор оказался прав, и арка получила его имя — арка Робинсона. Другой американец, Джеймс Беркли, — миссионер, упорно обращавший евреев в христианство, и инженер, посоветовавший османам сохранить сооружения мамлюков, — обнаружил перемычку проема Иродовых ворот (ныне Ворота Беркли). Так два американских миссионера-археолога лишний раз доказали, что мусульманский Харам аш-Шариф является территорией иродиадского Храма.

После раскопок в Иерусалиме Уоррен «прославился» как чрезвычайно некомпетентный руководитель лондонской полиции (именно он упустил Джека-потрошителя), а во время Бурской войны проявил себя столь же никчемным командиром. Его преемники в Иерусалиме — лейтенанты Чарльз Кондер и Герберт Китченер (впоследствии завоеватель Судана) — провели такую хорошую топографическую съемку страны, что генерал Алленби пользовался их картами при захвате Палестины в 1917 г.

227

Монтефиоре умер в 1885 г., перешагнув столетний рубеж. Он и его жена Джудит похоронены в собственной усыпальнице в Рамсгейте; в могилу брошена горсть иерусалимской земли. Мельница Монтефиоре стоит до сих пор, а квартал Монтефиоре, известный как Йамин Моше, — один из самых красивых в Иерусалиме и один из пяти в городе, названных в его честь. Титул баронета унаследовал племянник Мозеса — бездетный сэр Авраам (его жена сошла с ума в их первую брачную ночь). Но свои имения Мозес оставил другому племяннику — родившемуся в Марокко Иосифу Себагу, который взял себе фамилию Себаг Монтефиоре. Рамсгейтский особняк сгорел в 1930-х гг, и нашего героя почти забыли (память о нем хранят разве что в Израиле). Его гробнице, преданной забвению на многие годы, угрожали разраставшийся город и вандалы-граффитисты. Но в XXI в. она вдруг превратилась в святыню: тысячи ультраконсервативных иудеев совершают к ней паломничества в годовщину смерти сэра Мозеса.

По иронии судьбы Твен проживал в «Средиземноморском отеле» в Мусульманском квартале — в том самом доме, который в конце 1980-х гг. купит знаменитый генерал и лидер партии «Ликуд» Ариэль Шарон, решивший этим шагом начать превращение Мусульманского квартала в еще один еврейский. В настоящее время в здании находится иешива — еврейская религиозная школа. Книга Твена «Простаки за границей» стала классическим руководством для скептиков: во время своего визита в Иерусалим экс-президент США Улисс Грант пользовался ею как путеводителем.

Присутствие хасидов все заметнее в современном Иерусалиме. Последователи хасидизма (от евр. «праведность», «учение благочестия»), мистической ветви иудаизма, зародившейся на территории современной Западной Украины в XVIII в., до сих пор носят старомодные черные сюртуки-«капоты». В 1740-х гг. основоположник хасидизма Исраэль бен Элиэзер, принявший прозвище Баал Шем Тов («Обладатель доброго имени», сокр. Бешт), основал быстро ставшее массовым религиозное движение, ставившее под сомнение необходимость талмудических штудий как средства постижения Истины. Вместо этого хасиды проповедовали экстатические практики — введение себя в Божественное самозабвение путем непрерывной молитвы, пения и мистического танца. Главным противником хасидов был гаон города Вильно, считавший учение Бешта простонародным суеверием и настаивавший на традиционном подходе к изучению Талмуда. Этот конфликт очень напоминал разногласия между суфийскими мистиками и жесткими исламскими консерваторами — такими, например, как саудовские ваххабиты.

Гидами по Иерусалиму для принцев выступали капитаны Чарльз Уилсон и Чарльз Кондер, археологи Фонда палестинских исследований. Принцы посетили сефардскую пасхальную трапезу; «домашняя обстановка» этого «счастливого семейного собрания» произвела на них большое впечатление. Но в еще больший восторг их привели татуировки. «Мне сделал татуировку тот же человек, который делал татуировку папа́ [принцу Уэльскому]!» — в восторге писал принц Георг.

231

Вывеска на конторе Кука гласила: «Томас Кук и сыновья располагают самым большим в Палестине штатом драгоманов и погонщиков мулов, лучшими ландо, палатками, седельным снаряжением и пр.!» При строительстве «Гранд Нью Отеля» были раскрыты римские фрагменты: часть Второй стены, изразцы с эмблемами Десятого легиона и колонна, воздвигнутая легатом Августа и десятилетиями служившая подпоркой уличного фонаря.

Разобрана в 1922 г. — Прим. ред.

Клан Хусейни и прочие семейства, в частности нувориши Нашашиби, разбогатели еще больше на строительном буме. Так, один из Хусейни поставлял деревянные шпалы для железной дороги. В 1858 г., в соответствии с османским законом о земельной собственности, были приватизированы многие древние *вакфы* (благотворительные комплексы, в которые входили земля, постройки и другое имущество), в результате чего иерусалимские кланы в одночасье превратились в богатых земельных собственников и торговцев зерном. От этого закона пострадали арабские феллахи — крестьяне, оказавшиеся во власти землевладельцев, не живших в своих владениях. Не случайно Рауф-паша, последний губернатор из фамилии Хамиди, назвал семейные кланы «паразитами».

От англ. *overcome* — «преодолевать». — Прим. ред.

235

Слово «антисемитизм» впервые, по-видимому, употребил немецкий журналист Вильгельм Марр в своем сочинении «Путь к победе германства над еврейством» (1880) как логическое противопоставление понятию «семитизм», примененному им же ранее в труде «Победа иудаизма над германством, рассматриваемая с нерелигиозных позиций» (1879).

Свое пребывание в Иерусалиме Гордон был вынужден прервать из-за восстания махдистов в Судане. Там генерал и погиб — как говорили, с Библией в руках. «Садовая гробница» была не единственным археологическим достижением протестантских колонистов: в начале книги мы писали, как Иаков Элиаху, сын иудея, обращенного Лондонским еврейским обществом в протестантизм, нашел древнюю надпись в Силоамском туннеле.

237

Подворье было возвращено России в 2008 г.

Некоторые «польские евреи» Иерусалима, в большинстве своем хасиды, выходцы из Российской империи, противостояли сионизму, полагая кощунственным решать за Бога, когда должно состояться возвращение иудеев на Сион и наступит Судный день.

239

Тевтонский гигантизм кайзера изменил облик Иерусалима. Над Масличной горой вознесся комплекс «Августа Виктория», напоминающий средневековую германскую крепость с огромной башней — настолько высокой, что ее видно из Заиорданья. Его церковь Успения на горе Сион, снаружи похожая на собор в Вормсе, а внутри — на часовню Карла Великого в Ахене, имела «массивные башни, более уместные в долине Рейна».

Примерно в это же время один из ведущих полицейских агентов Российской империи, глава парижского филиала охранки Петр Рачковский распорядился сфабриковать «секретные записи» герцлевского конгресса в Базеле 1897 г. Опубликованные в 1903 г. «Протоколы сионских мудрецов» описывают дьявольский план: проникновение «мирового еврейства» в правительства, в Церковь и средства массовой информации с целью подстрекательства к войнам и революциям ради создания мировой автократической еврейской империи. Мнение о подложности документа появилось довольно рано, в качестве автора фальшивки обычно называют имя русского журналиста Матвея Головинского, жившего в Париже и сотрудничавшего с Рачковским. Однако есть и другие мнения о возможных авторах «Протоколов».

241

Известно по меньшей мере 34 варианта территорий, которые предлагались для сооздания возможного еврейского государства: от Аляски, Анголы и Ливии до Ирака и Южной Африки. Перед нападением на Советский Союз в 1941 г. Гитлер планировал депортировать всех евреев Еропы в «колонию смерти» на Мадагаскаре. Черчилль в 1930–1940-х гг. предлагал основать еврейское государство в Ливии, а в 1945 г. его советник по Ближнему Востоку лорд Мойн предложил евреям Восточную Пруссию.

242

Европейцы и американцы до сих пор перечитывают более или менее поверхностные мемуары европейских же путешественников, в то время как эта превосходная хроника, охватывающая 40 лет жизни города — вплоть до основания Израиля и позже, до сих пор издается только на арабском языке.

Сам Сергей, покровитель Русской миссии, давно был уже мертв. В 1905 г. он подал в отставку и покинул пост генерал-губернатора Москвы. Но террористов это не остановило: бомба, брошенная Иваном Каляевым в Кремле, буквально в клочья разорвала великого князя. Его жена Елизавета Федоровна посетила убийцу в тюрьме перед его казнью. Впоследствии она сменила мужа на посту председателя Палестинского общества, деятельность которого теперь лично контролировал Николай II.

Полностью история капитана Паркера излагается в этой книге впервые. Даже в 1921 г. агенты Паркера в Иерусалиме продолжали преследовать его за неуплаченные комиссионные. Паркер скрывался в своей штаб-квартире и сумел избежать окопов Мировой войны. Он никогда не женился, но имел много связей. В 1951 г. Паркер унаследовал титул графа и роскошный дом и издевательски уверял родственников, что промотает все состояние до последнего пенса. Даже в преклонном возрасте он оставался, по отзывам родных, «самодовольным и ненадежным, паршивой овцой, кичившейся связями в высшем обществе, хвастуном и пустобрехом». Паркер дожил до 1962 г., но никогда не упоминал Иерусалим и как будто не оставил после себя никаких записок. Лишь в 1975 г. адвокаты Паркера нашли папку с его бумагами и отдали ее шестому графу Морли. Про папку вскоре забыли, но граф и его брат Найджел Паркер любезно позволили автору этой книги ознакомиться с ее содержимым. Ювелиус, проработавший остаток жизни библиотекарем в Выборге и написавший роман, основанный на этой истории, умер в 1922 г. Эпизод с Паркером почти не оставил следов в Иерусалиме. Но в туннелях Офеля, где сейчас Ронни Рейх проводит раскопки мощных ханаанских башен, есть небольшая пещера, ведущая к забытой подъемной клети, некогда принадлежавшей капитану Паркеру.

Рухи Халиди умер от тифа в том же году; многие были уверены, что его отравили младотурки.

Джемаль ненавидел еврейский национализм, как и все, что угрожало турецкому владычеству. Но в то же время он пытался заручиться поддержкой евреев: он предложил Генри Моргентау, послу США в Стамбуле, купить Западную стену, а затем повторил свое предложение иерусалимским евреям.

247

Впоследствии Леа Тененбаум вышла замуж за адвоката-христианина Абкариуса Бея, построившего для нее особняк Вилла Леа в районе Тальбийе. Леа была младше его на 30 лет. Позднее она оставила Бея, а тот сдал Виллу Леа свергнутому эфиопскому императору Хайле Селассие. Со временем владельцем дома стал Моше Даян.

248

С XVI в. титул халифа (духовного повелителя всех мусульман) носили османские султаны. Однако это не признавалось очень многими в арабском мире, поскольку согласно древней политической традиции, идущей по крайней мере со времен Аббасидов (VIII–XIII вв.), халиф должен непременно происходить из племени курайш, племени пророка Мухаммеда (быть, как минимум, потомком одного из предков пророка). Хашимиты — один из родов племени курайш, и, соответственно, имеют теоретическое право на халифат (в отличие от турок-османов). — Прим. ред.

249

Название династии Хашимитов дал Хашим ибн Абд ад-Дар, прадед Мухаммеда. Кроме того, часть Хашимитов считала себя прямыми потомками Мухаммеда через его дочь Фатиму и ее мужа Али. Хашимиты с XIII в. носили титул шерифов Мекки.

Здесь и далее пер Г. Карпинского.

251

Сначала Сайкс подумывал отдать Иерусалим России, ведь до войны русские паломники там преобладали. России уже был формально обещан Стамбул, к которому Сайкс и Пико добавили земли восточной Анатолии, Армению и Курдистан. Однако революция 1917 г. и выход России из войны полностью изменили ситуацию.

252

Битва при Вердене — одна из самых кровопролитных операций Первой мировой войны, начавшаяся с массированного наступления немцев. Позиционные бои продолжались в течение почти всего 1916 г. В ходе «верденской мясорубки» было убито и ранено больше миллиона человек. При этом никаких стратегических целей германской армии достичь не удалось. — Прим. ред.

253

Простой немецкий солдат Рудольф Хёсс (*Rudolf Höß*) стал впоследствии штурмбаннфюрером СС и комендантом лагеря смерти Аушвиц, в котором во время Холокоста были убиты больше миллиона евреев и сотни тысяч узников других национальностей. По обету, данному его отцом, юный Хёсс должен был стать католическим священником. Иерусалимские впечатления, говорил он на допросах, «вероятно, стали позже главной причиной моего ухода из лона Церкви». Его, «глубоко верующего католика», возмущала «торговля якобы сакральными предметами, которыми занимались представители всех Церквей». Раненный в колено Хёсс, у которого к тому же начался рецидив запущенной малярии, оказался в иерусалимском госпитале, где за ним ухаживала молодая немецкая медсестра: «Я оказался в магической ауре любви», — вспоминал он в своих автобиографических записках. Рудольф Хёсс был повешен в апреле 1947 г.

254

Выражение, которое дословно означает «Боб твой дядя!» (Боб — одно из сокращений имени Роберт), широко используется в значении «И дело в шляпе!», «Раз — и в дамки!» и т. п. — Прим. ред.

255

В одном из самых популярных романов Дизраэли «Танкред» сын герцога совершает путешествие в Иерусалим, где некий еврей пророчески возвещает: «Англичане завладеют этим городом, они сохранят его».

Целью Ллойд Джорджа было выиграть войну, и все остальное он видел исключительно через призму этой цели. Потому неудивительно, что он рассматривал и четвертый вариант решения ближневосточного вопроса: Ллойд Джордж опосредованно вел секретные переговоры с «тремя пашами» об Османском мире — вероломном по отношению к евреям, арабам и французам, так как он предусматривал передачу Иерусалима под контроль султана. «Фактически на той же неделе, когда мы приняли на себя обязательства создать в Палестине национальный еврейский очаг, — писал раздраженный Керзон, — мы готовы обсуждать турецкий флаг, реющий над Иерусалимом». Однако эти переговоры так ничем и не кончились.

257

Джемаль в 1917 г. уехал в Стамбул, но уже в следующем году, после капитуляции Османской империи, бежал в Берлин, где написал мемуары. В 1922 г. в Тифлисе (Тбилиси) он был убит армянами в отмщение за геноцид. Жертвой армянского покушения пал и Талаат-паша. Энвер-паша погиб в бою, пытаясь поднять восстание местного тюркского населения против большевиков в Средней Азии.

258

Третьего декабря в дом Халиля Сакакини, укрывавшего у себя подозреваемого в шпионаже еврея Алтера Левина, нагрянула османская тайная полиция. И хозяин дома, и беглец были арестованы и пешком отправлены в Дамаск.

259

Через два года колонисты все еще пытались вернуть себе повозку либо получить ее стоимость. В письме военному губернатору Сторрзу от 8 декабря 1919 г. они напоминают, что «последний губернатор „позаимствовал“ у нас крытую повозку с маслом, на рессорах, кнутом, дышлом и двумя лошадьми».

260

Арабский мальчик, державший историческую простыню, просто воткнул ненужный уже черенок метлы в землю, и историческое знамя тут же похитил шведский фотограф. Британцы пригрозили ему арестом, после чего тот передал простыню Алленби, а генерал сдал «белый флаг» в Императорский военный музей, где он хранится и поныне.

261

При Алленби служил капитан Уильям Себаг Монтефиоре из Массачусетса, 32-летний двоюродный внук Мозеса Монтефиоре, любивший рассказывать историю о том, как близ Иерусалима его однажды поманила кивком красивая арабка. Она привела его в пещеру. А там Уильям… увидел и взял в плен несколько османских офицеров.

262

Когда Нусейбе показывал Алленби церковь Гроба Господня, генерал попросил у смотрителя ключ. Возвращая его, он сказал: «Крестовые походы закончились. Я отдаю вам ключи, но помните: вы получили их не от Омара или Саладина, а от Алленби». Об этом рассказывает в своих мемуарах, опубликованных в 2007 г., Назим Нусейбе, бывший в 1960-е гг. министром иностранных дел Иордании.

263

Wazza — «шлюха» (непристойный австралийский солдатский жаргон). — Прим. ред.

264

Сторрз сделал захватывающее открытие в храме Гроба Господня. К неудовольствию греческих священников он обнаружил у южной двери последнее известное нам захоронение крестоносца в этом храме — а именно Филиппа д'Обиньи, наставника Генриха III, который поставил свою подпись под Великой хартией вольностей, участвовал в трех крестовых походах и умер в Иерусалиме в 1236 г. Сторрз поставил в караул у его могильной плиты английских солдат.

265

Oriental Storrs «Ориентальный Сторрз» звучит по-английски так же, как *Oriental Stores* («Магазин восточных товаров»). — Прим. ред.

Клан Хусейни процветал. Семейство теперь владело пятью с лишним тыс. га палестинской земли. Мэр Хусейни пользовался популярностью как у арабов, так и у евреев. Сторрзу нравился муфтий Камиль аль-Хусейни. До той поры муфтий являлся фактически единственным лидером Ханафитской школы исламского права (поощрявшейся османами); всего же в исламе существует четыре школы правоведения. Сторрз сделал его великим муфтием всех четырех школ не только в Иерусалиме, но и во всей Палестине. Когда город пал, муфтий попросил, чтобы его младшему брату Амину аль-Хусейни было дозволено присоединиться к эмиру Фейсалу в Дамаске. Сторрз дал согласие.

Когда «Протоколы» были изданы на английском языке, они сразу же стали популярны как в Великобритании, так и в Америке (особенно их пропагандировал Генри Форд). В Германии они были опубликованы в 1919 г., и Гитлер считал их подлинными. В своей книге «Майн кампф» он пишет, что утверждение о фальсификации «Протоколов» «как раз и является самым надежным доказательством их подлинности». После выхода «Протоколов» в свет на арабском языке в 1925 г. католический патриарх Иерусалимский рекомендовал книгу для чтения своей пастве.

Греки обсуждали раздел гробницы Богородицы с армянами. Армяне ссорились с сирийскими яковитами из-за кладбища на горе Сион и часовни Св. Никодима в церкви Гроба Господня. Православные и католики оспаривали право пользования северной лестницей у Голгофы и владения участком пола в восточной арке между православной и католической часовнями. Армяне оспаривали у православных право владения лестничным маршем к востоку от главного входа, право подметать и чистить его. А копты враждовали с эфиопами из-за монастыря на крыше.

269

Сторрз считал революционера-социалиста Рутенберга, которого А. Керенский назначил в 1917 г. заместителем главы Петрограда, «самым неординарным из них [революционеров]». В октябре 1917 г. Рутенберг, будучи руководителем обороны Зимнего дворца, до последнего сопротивлялся отрядам большевиков. Он был «коренастый, крепкого сложения, всегда одевался в черное, голова его была крепкой, как гранит, высказывания тихие и зловещие, человек — блистательный и впечатляющий», но также «переменчивый и жестокий». В 1922 г. Черчилль поддержал проект Рутенберга-инженера по строительству гидроэлектростанции, обеспечившей энергией большую часть Палестины.

«Палестинцами» предполагалось называть жителей арабской Палестины. Но в первой половине XX в. палестинцами именовали как раз евреев. Арабов же звали палестинскими арабами. В своих мемуарах, опубликованных в 1949 г., Вейцман употребляет слово «палестинцы» применительно к евреям. *Palestine* называлась и сионистская газета, тогда как арабское издание звалось *Filastin*.

271

Стареющий Хусейн стал аравийским «королем Лиром», страдающим от сыновней неблагодарности и британского вероломства. Лоуренс был послан убедить короля примириться с англо-французской гегемонией; отказ от компромисса грозил обернуться для короля потерей финансовой поддержки Британии. Хусейн стенал и неистовствовал, но согласился. Вскоре после этого он был разгромлен аль-Саудом и отрекся от власти в пользу старшего сына, ставшего королем Али. Но Саудиты захватили Мекку. Али был изгнан, аль-Сауд провозгласил себя королем Хиджаза, а затем и Саудовской Аравии. Потомки Саудитов и Хашимитов до сих пор правят двумя королевствами — Саудовской Аравией и Иорданией, соответственно.

Отец Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль, водил дружбу с Ротшильдами и другими еврейскими семействами еще в те времена, когда это не одобрялось в кругах высшей знати. На одном из приемов английский аристократ приветствовал его вопросом: «Как, лорд Рэндольф, вы не привели с собой своих друзей евреев?» На что тот ответил: «Нет. Я подумал, что им не понравится это общество».

Нашашиби возводили свою родословную к мамлюкскому правителю XIII в. Насиру аль-Дину аль-Нашашиби, смотрителю двух Харамов (иерусалимского и в Хевроне). На самом деле они были потомками торговцев XVIII в., поставлявших османам луки и стрелы. Отец Раджиба сколотил огромное состояние и взял в жены представительницу клана Хусейни.

Здесь и далее выдержки из «Автобиографии» Кёстлера даны в пер. Л. Сумм.

«Белая книга» (эти слова еще не раз будут встречаться в тексте) — пример неудачного перевода британского административного термина. Ни о какой «книге» речи не идет. По-английски «белой бумагой» (*white paper*) называется какое-либо официальное письменное сообщение, объясняющее государственную политику, какой-либо меморандум, уточняющий комментарий и т. п. — Прим. ред.

Пока британцы обсуждали ограничение иммиграции в землю Сиона, Иосиф Сталин строил собственный Советский Иерусалим. «Царь не дал евреям земли, а мы дадим», — провозгласил он. Отношение Сталина к евреям было противоречивым. В своей знаменитой статье «Марксизм и национальный вопрос» (1913) он заявлял, что евреи — «не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное». Придя к власти, он запретил антисемитизм — «пережиток каннибализма». А в 1928 г. одобрил создание светского еврейского национального очага с русским и идиш в качестве официальных государственных языков (имеется в виду постановление Президиума ЦИК СССР от 28 мая 1928 г. «О закреплении за КомЗЕТом для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в Приамурской полосе Дальневосточного края»). В 1930 г. был основан Еврейский национальный район, который постановлением ВЦИК от 7 мая 1934 г. получил статус Еврейской автономной области. Сталинским Сионом стал Биробиджан у китайской границы. В 1948 г. в Биробиджане насчитывалось 35 тыс. евреев. Там и сегодня живет несколько тысяч евреев, и до сих пор сохранились указатели на идиш.

277

Комиссия Вудхэда, исследовавшая положение дел в подмандатной Палестине, установила, что в период с 1919 по 1938 г. арабское население Палестины выросло на 419 тыс. человек, а еврейское — на 343 тыс.

Пер. Виктора Радуцкого.

279

Антониус, сын богатого ливанца-христианина, торговца хлопком, родившийся в Александрии, закончивший колледж Виктории и Кембридж и друживший с Э. М. Форстером, написал книгу «Пробуждение арабов» — одну из первых работ об арабском национализме, посвященную теме Арабского восстания и британского вероломства. Антониус был советником и муфтия, и британского верховного комиссара.

280

Vagabond, vagabonde (англ., франц.) — бродяга, скиталец, бездельник.

281

В Иерусалиме все еще было много белых русских. В 1918 г. вдова великого князя Сергея Александровича, Елизавета Федоровна, ставшая после убийства мужа монахиней, была арестована большевиками и отправлена в Екатеринбург, а затем в Алапаевск. В ночь на 5 (18) июля 1918 г. Елизавета была убита: вместе с другими Романовыми ее заживо сбросили в шахту Новая Селимская в 18 км от Алапаевска — всего через несколько часов после расправы в Екатеринбурге с ее родной сестрой, императрицей Александрой, императором Николаем II и их детьми. Тела убитых обнаружили взявшие Алапаевск белые: их извлекли из шахты, отпели и при отступлении переправили в Пекин. Оттуда два гроба — Елизаветы и инокини Варвары — были перевезены в Шанхай, затем пароходом в Порт-Саид и, наконец, доставлены в Иерусалим, где в январе 1921 г. их встретил Гарри Льюк, вынужденный изменить маршрут траурной процессии по городу во избежание протестов со стороны еврейских иммигрантов, среди которых было множество пробольшевистски настроенных социалистов: «Два простых гроба были сняты с поезда. Маленькая печальная кавалькада незаметно проследовала к Масличной горе, — писал Луис, маркиз Милфорд-Хейвен, который со своей женой Викторией помогал переносить гробы. — Русские крестьянки, бедные паломницы, рыдавшие и стенавшие, чуть не дрались, чтобы заполучить щепку от гроба». Супруги Милфорд-Хейвен были бабушкой и дедушкой принца Филиппа, графа Эдинбургского. Православная церковь канонизировала новомученицу Елизавету; ее мощи покоятся в беломраморном саркофаге со стеклянным верхом в церкви Св. Марии Магдалины, построенной великой княгиней и ее супругом.

282

Представитель одного из самых влиятельных семейств. Дом Алами по сей день является самым необычным в Иерусалиме: в XVII в. семейство купило дом справа от церкви Гроба Господня, соединенный с ней частью кровельного перекрытия. Вид оттуда открывается изумительный. Здание, сохранившее фрагменты наследия византийцев, крестоносцев и мамлюков, до сих пор остается в собственности семейства Алами. Его хозяин — Мухаммед аль-Алами. Его двоюродный брат служит шейхом в стоящей по соседству мечети Ханка Салахийя, построенной Саладином.

283

Именем Кассама названы терррористическая группировка «Бригада аль-Кассама», а также ракеты, которыми исламисты из ХАМАС периодически обстреливают Израиль из сектора Газа.

284

Уингейт сделал себе имя в Палестине. Им восхищался Черчилль, позднее содействовавший его карьерному росту. В 1941 г. Уингейт со своим отрядом «Сила Гидеона» помог освободить Эфиопию от итальянцев, позднее, в чине генерал-майора, он создал и командовал бригадой «Чиндиты» — крупнейшим союзным подразделением особого назначения, предназначенным для операций в тылу японцев в Бирме. Уингейт погиб в авиакатастрофе в 1944 г.

285

Одной из отважных защитниц евреев в Греции была принцесса Греческая и Датская, супруга принца Андрея, урожденная Алиса Баттенберг, правнучка английской королевы Виктории. Оставаясь в годы Второй мировой войны в оккупированных Афинах, она, рискуя жизнью, прятала у себя дома семью Коэнов из трех человек (в Греции нацисты убили 60 тыс. евреев). В 1947 г. ее сын принц Филипп, лейтенант Королевского военно-морского флота, женился на принцессе Елизавете, через четыре года унаследовавшей британский трон. Принцесса Алиса, как и ее тетя великая княгиня Елизавета Федоровна, основала свою православную обитель. Алиса жила в Лондоне, но мечтала быть похороненной в Иерусалиме. Когда ее дочь проворчала, что будет сложно добираться до могилы, принцесса жизнерадостно парировала: «Ерунда, туда ходит автобус из Стамбула!» Она умерла в 1969 г. Но лишь в 1988 г. ее останки были погребены подле захоронения тети Эллы, в церкви Св. Марии Магдалины. В 1994 г. принц Филипп, граф Эдинбургский, присутствовал на церемонии в иерусалимском мемориале жертвам Холокоста «Яд ва-Шем»; имя его матери было выбито на стене «Праведников мира».

«Его увлекло бредовое исступление нацистов, — пишет профессор Жильбер Ашкар в своей книге „Арабы и Холокост“, — вылившееся в величайшие преступления против человечности за всю историю человечества». Ашкар добавляет: «Вне всякого сомнения, муфтий поддерживал антисемитскую доктрину нацистов, которая отлично сочеталась с фанатичным юдофобством, выкованным в панисламском горниле». В своей речи, произнесенной в Берлине в 1943 г. по случаю годовщины принятия Декларации Бальфура, муфтий сказал: «Они живут как паразиты среди других народов, сосут из них кровь, извращают их мораль… Германия нашла прекрасное решение, как устранить еврейскую опасность и искоренить бедствия, которые евреи несут миру». В мемуарах, написанных в ливанском изгнании, муфтий пишет, что потери евреев «во время Второй мировой войны составили свыше тридцати процентов от общей численности этого народа, тогда как потери Германии были менее значительны», и, апеллируя к «Протоколам сионских мудрецов» и родившемуся в Первую мировую войну мифу об «ударе в спину», оправдывает Холокост тем, что «иного пути остановить евреев не было».

287

В 1930-х гг. на Ямайке возникло движение растафари (по имени императора, которое он носил до своего воцарения, — Рас Тафари) — новая религия, вобравшая в себя некоторые элементы иудаизма, способствовавшая формированию музыкального стиля регги и ставшая известной во всем мире благодаря ее адепту Бобу Марли. Растафари проповедуют любовь к ближнему и отказ от ценностей западного общества, почитают Хайле Селассие как Бога и мессию, а Африку — как Новый Сион. Император Хайле Селассие был убит в 1974 г.

С мужчинами была крайне, дьявольски жестока. — Прим. ред.

289

Trash (англ.) — мусор, отбросы, вздор.

Еврейское агентство для Палестины (ныне Еврейское агентство для Израиля) создано в 1929 г. Занималось и занимается вопросами репатриации. — Прим. ред.

291

Так описал Бегина Артур Кёстлер, писатель и ревизионистский сионист, приехавший в Иерусалим в 1928 г., но вскоре покинувший город. В 1948 г. Кёстлер, загоревшись желанием осветить войну за независимость, вернулся в Иерусалим. В тот приезд он взял интервью и у Бегина, и у Бен-Гуриона.

292

В то лето Черчилль предложил Сталину провести в Иерусалиме конференцию союзных держав. «Там имеются первоклассные отели, дома правительства и т. п. Маршал Сталин мог бы приехать из Москвы в Иерусалим поездом, с соблюдением всех мер предосторожности». Британский премьер-министр даже услужливо наметил маршрут: «Москва — Тбилиси — Анкара — Бейрут — Хайфа — Иерусалим». Но вместо этого Черчилль, Сталин и президент Рузвельт встретились в Ялте.

Ныне там располагается Музей узников еврейского подполья, посвященный истории и судьбе еврейского сопротивления во времена «грязной войны». Николаевское подворье, рассчитанное на прием 1200 человек, — последняя постройка, возведенная на территории Русского подворья (1903 г.).

Одним из погибших был Юлиус Якобс — кузен автора этой книги и британский служащий, еврей по национальности.

Для британских спецслужб Фарран остался военным героем. Он переехал в Канаду и занялся фермерством, был избран в законодательный орган провинции Альберта, служил министром телефонной связи и профессором политологии. Умер в 2006 г. в возрасте 86 лет. А в Иерусалиме улица в восточном Тальпиоте недавно названа именем Рубовича.

Двое двоюродных братьев Хусейни стали министрами — иностранных дел и обороны, Анвар Нусейбе — секретарем Кабинета, муфтий — председателем Палестинского национального совета.

В духе присущего Иерусалиму классического религиозного соперничества и его способности создавать святыни по мере необходимости еврейские паломники, отлученные от Стены, молились у гроба царя Давида на горе Сион. Там же был создан и первый в стране музей Холокоста.

Раджиб Нашашиби в это время уже умирал от неизлечимой болезни. Король навещал его в больнице «Августа Виктория». «В этом здании, — рассказывал Абдалла, — весной 1921 года состоялась моя встреча с Уинстоном Черчиллем». В апреле 1951 г. Нашашиби умер; похоронили его в небольшой гробнице близ его виллы — впоследствии снесенной при строительстве отеля «Амбассадор».

299

Члены самой многочисленной династии геров (или гуров), названной по польской деревне и руководимой семьей Алтер, носят меховые шапки *shtreimel* (штраймл). Белзеры (белзские хасиды) из Украины носят кафтаны и меховые шапки. Бреславских хасидов, чей культ зиждется на мистических плясках и пении, называют иногда «хасидскими хиппи».

300

В 1957 г. на холме Памяти, к западу от горы Герцля, был создан Яд ва-Шем («Место и имя») — мемориал памяти 6 млн. евреев, убитых во время Холокоста. В 1965 г. открылись музей Израиля и Новый Кнессет. Строительство обоих зданий спонсировал Джеймс Ротшильд, помогавший в свое время формировать Еврейский легион в армии Алленби.

301

Пер. В. Радуцкого.

302

Судя по всему, автор имеет в виду епископа Поликарпа (Приймака). Эмигрант из крестьянской семьи, учившийся и рукоположенный в Японии, он действительно служил в Корее, но не в Северной, а в Южной, и не «советником», а главой Русской духовной миссии в Сеуле (впрочем, он возглавлял эту миссию еще с 1936 г.). По-видимому, со временем владыка Поликарп перешел на советские позиции, был выслан из Сеула и в конце концов через Харбин оказался в СССР (откуда и был в 1951 г. назначен в Иерусалим). — Прим. ред.

303

Арафат утверждал, что родился в Иерусалиме. Его мать действительно была иерусалимлянкой. Но сам он родился в Каире. В 1933 г. 4-летний мальчик переехал с родней в квартал Магреби, рядом со Стеной, где прожил четыре года.

По мере того как росло напряжение, город в последний раз посетил один старый араб. Его визит остался почти незамеченным: Хадж Амин Хусейни, бывший муфтий, помолился в аль-Аксе и вернулся доживать свой век в изгнании в Ливане, где он и умер в 1974 г.

305

Коллек, которого родители назвали в честь Теодора Герцля, родился в Венгрии и вырос в Вене. Он выполнял секретные задания для Еврейского агентства и сотрудничал с британской разведкой во время кампании против «Иргуна» и «Банды Штерна», а затем занимался закупкой оружия для «Хаганы». При Бен-Гурионе Коллек руководил министерством главы правительства.

В научном труде, посвященном этому особому типу иерусалимского сумасшествия, типичные пациенты описываются как «индивидуумы, ассоциирующие себя с персонажами Ветхого или Нового Завета или убежденные в том, что они являются кем-либо из этих персонажей, и вследствие этого переживающие в Иерусалиме психотический эпизод». Гидам рекомендуется обращать внимание на такие признаки неадекватного поведения туристов, как: «1 Взволнованность. 2. Желание отделиться от группы. 3. Навязчивое стремление к чистоте, частое принятие душа или ванны, обрезание ногтей на пальцах рук и ног. 4. Изготовление похожего на тогу одеяния, всегда белого — часто из гостиничных простыней. 5. Стремление громко выкрикивать слова из Библии, возглашать псалмы, религиозные гимны. 6. Торжественное паломничество к одному из святых мест. 7. Произнесение проповедей в святом месте». К слову, психиатрическая больница Кфар-Шауль, специализирующаяся на изучении иерусалимского синдрома, стоит, как утверждают, на месте деревни Дейр-Ясин.

307

Фейсал Хусейни, сын Абд аль-Кадира, стал одним из вождей Интифады. Приобретший навыки подрывника в ФАТХ, он многие годы провел в израильских застенках — существенный плюс для лидера в глазах палестинцев. Но выйдя из тюрьмы, Фейсал одним из первых заговорил о переговорах и даже выучил еврейский язык, чтобы более ясно выражать на них свою позицию. Хусейни участвовал в Мадридских переговорах, а затем стал министром по делам Иерусалима в администрации Ясира Арафата. Когда Соглашения в Осло развалились, израильтяне заключили его под стражу в «Ориент-Хаусе». Со смертью Фейсала в 2001 г., похороненного, как и его отец, на Хараме, палестинцы потеряли единственного лидера, способного заменить Арафата.

308

Археологи приступили к изучению туннеля под арабскими домами, обрамлявшими всю Западную стену Храмовой горы, в 1950-е гг. Профессор Олег Грабар, будущий старейшина израильских ученых, вспоминал, что они часто пугали своим внезапным появлением из-под пола на чьей-нибудь кухне потрясенных обитателей дома. Под напором археологов туннель сдался и поныне продолжает радовать исследователей находками, от которых захватывает дух: огромные камни фундаментов Иродова Храма, фрагменты построек Маккавеев, римлян, византийцев и Омейядов, часовня времен крестоносцев. И в нем же обнаружилось место, совсем близко расположенное к Краеугольному камню Храма — там теперь молятся иудеи. Туннель объединил Иерусалим, связав Еврейский и Мусульманский кварталы.

Эта борьба выявила проблемы обеих сторон, иногда сводя израильтян и арабов вместе: когда раввин Горен попытался принудительно забрать смотрящий на Стену дом Халиди под иешиву, Хайфу Халиди в израильском суде защищали два израильских историка — Амнон Коэн и Дан Бахат. И она до сих пор проживает в своем доме над знаменитой Библиотекой Халиди. А когда религиозные евреи попытались расширить свои раскопки и поселение в Сильване под Городом Давида, им воспрепятствовали иски израильских археологов.

В 2009–2010 гг. население Иерусалима составляло 780 тыс. человек: 514 800 евреев (включая 163 800 ультраортодоксов) и 265 200 арабов. В Старом городе проживало около 30 тыс. арабов и 3500 евреев. А в новых предместьях Восточного Иерусалима живет около 200 тыс. израильтян.

311

Кворум из десяти человек мужского пола старше 13 лет, необходимый для общественного богослужения и ряда религиозных церемоний. — Прим. пер.

312

Деталь ритуального облачения — две коробочки с фрагментами Торы, укрепляемые на левой руке и на лбу. — Прим. ред.

Кланы сохраняют свою роль и влияние и в современном Иерусалиме. После смерти Фейсала Хусейни Арафат назначил палестинским представителем в Иерусалиме философа Сари Нусейбе (двоюродного брата Ваджиха). Но после того как Сари высказал свое негативное отношение к террористическим акциям с участием смертников, Арафат сместил его. Основатель университета Аль-Кудс, Нусейбе остается интеллектуалом-диссидентом, которого уважают и которым восхищаются обе стороны. На момент написания этой книги палестинским представителем в Иерусалиме был Аднан аль-Хусейни; другой двоюродный брат, Рафик аль-Хусейни, является советником президента Аббаса. Что до семейства Халиди, то один из его представителей — Рашид Халиди, профессор-арабист в Колумбийском университете Нью-Йорка, — состоит советником при Бараке Обаме.

Самым известным символом этой неприкрытой вражды конфессий служит маленькая, принадлежащая армянам лесенка, прислоненная к правому окна фасада, которую, как утверждают туристические гиды, никогда не удается переставить без того, чтобы ею не попытались завладеть представители других общин.